М. ТОМСКИЙ

ЕН1485
Т 726

СТАТЬИ и РЕЧИ

VI

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН1485
Т 726

Печатается
по постановлению
VI с'езда
Профессиональных
Союзов СССР

М. ТОМСКИЙ

ЕН 1485
Т 726

СТАТЬИ И РЕЧИ

КНИГА ШЕСТАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО В·Ц·С·П·С МОСКВА · 1928

EH1485
T726

1059393

Главлит 91.697. Тираж 10.000.
Типография РИО В. Ц.С.П.С.
Москва, Крутицкий Вал, 36.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

1918–1927

МЕЖДУНАРОДНОЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ

Профессиональным союзам всего мира!

Товарищи! Год тому назад российский пролетариат свергнул иго царизма. Главным боевым лозунгом масс был клич — долой войну! Империалистическая буржуазия, взявшая в первый момент власть в свои руки, не смогла ослепить русских рабочих. Временное правительство Гучкова — Милюкова было сброшено пролетариатом в тот момент, как выявило свою империалистическую сущность [1]). За восемь месяцев революции русский пролетариат путем революционного опыта, пройдя определенные этапы политического и классового воспитания, изжил мелкобуржуазные иллюзии классового перемирия, в форме разного рода коалиционных министерств, а вместе с ними и парламентаризма [2]). Глубокий экономический распад, обостряемый хищнической политикой буржуазии, ясно показал неимущим классам, что лишь власть самих рабочих и крестьян может избавить народ от войны и ее спутников — голода, нужды и нравственного одичания. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, стихийно возникшие с первых дней революции, как революционные парламенты неимущих классов, являлись наиболее гибкими организациями, приспособленными обратиться в законодательные и исполнительные органы Республики рабочих и крестьян — государственного строя, гарантирующего от всякого бюрократизма и централизации.

Октябрьская революция, передавшая власть в руки рабочих и крестьян, и последующая гражданская война, это — борьба за новые формы государственного строя, основанного на власти трудящихся классов, борьба за новые формы производственных отношений. Эта борьба разделила всю Россию на два определенных лагеря: в одном — помещики и буржуазия, в другом — пролетариат и крестьянство.

Но враги рабочего класса и молодой Республики Советов, разбитые пролетариатом и крестьянством, в последний момент получили крепкую опору в лице международного империализма.

Германские войска вторглись в Россию [3]), встречая радостный прием от русской буржуазии, сметая на пути все завоевания пролетариата и повсюду вводя дореволюционный режим. Рабочие организации разоряются; членов советов и рабочую гвардию подвергают расстрелам. Измученная армия не может сражаться и демобилизована. Острый экономический кризис и полное расстройство транспорта сделали сопротивление невозможным,— и Республике рабочих и крестьян не оставалось другого выхода, как безоговорочно подписать мир, продиктованный хищниками империализма. С востока нам угрожает Япония.

В этот грозный момент, когда империализм грозит окончательно раздавить русский пролетариат, дерзнувший поднять знамя социалистической революции, профессиональные союзы России обращаются к вам, товарищи, призывая вас, во имя пролетарской солидарности, поддержать российский пролетариат в его борьбе с международным империализмом.

Лишь расширением российской революции в международную пролетарскую революцию можно раз и навсегда изжить ужасы современной войны и гарантировать мир от нового ряда империалистических войн. Российское профессиональное движение на протяжении всей русской революции неотделимо шло в ногу с общепролетарским революционным движением, разделяя все поражения и победы своего класса.

И в настоящий момент, когда русские и германские хищники об'единились против очага мировой революции — Российской Республики Советов — Всероссийский Совет Профессиональных Союзов, верный принципам Интернационала, обращается за помощью не к государствам, не к нациям, а ко всему пролетариату мира, без различия религий и национальностей: «Братья, в вашей поддержке нуждаемся мы, дело российской революции должно быть так же дорого и вам, и это дело — в опасности!»

Поражение русской революции будет поражением международной рабочей революции, будет поражением и всего международного пролетариата. Это поражение укрепит силы империалистов всех стран, ослабит силу сопротивления пролетариата, расстроит его ряды, разбив и на долгие годы отбросив из активных отрядов международного рабочего движения русский пролетариат. Наше поражение станет вашим поражением, ибо оно деморализует всю

армию международного пролетариата и нашу борьбу за социализм. Лишь с вашей помощью российский пролетариат сможет отстоять опорный пункт мировой рабочей революции—Республику Советов.

Пусть громко раздастся ваш голос, как протест против войн. Пусть развернутся ваши красные боевые знамена, призывая пролетариат к борьбе против империалистов. Да здравствует международная пролетарская солидарность! Да здравствует Интернационал!

Во исполнение постановления I Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов [4]) о созыве международной конференции, Всероссийский Совет Профессиональных Союзов приглашает представителей об'единенных профессиональных союзов всех стран приехать в Россию, в Москву, 1 июня н/ст. на предмет совещания по вопросу о времени, месте, представительстве и порядке дня международной конференции.

Справки о совещании просим направлять — Россия, Москва, Петровка, 16.

Опубликовано в «Профессиональном Вестнике», № 5—6 (13—14), 1918 г. за подписью «Президиум Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов: М. Томский (М. Ефремов), И. Матрозов, Ф. Озол, В. Шмидт».

Первое мая 1918 года.

Пролетарское движение, волной прокатившееся по всей Европе, временно стихло, заглушенное шумными успехами империализма и задавленное репрессиями [5]). Советская Россия потерпела жестокое поражение и, экономически ослабленная, лишь путем величайших жертв, безоговорочно приняв условия мира, продиктованные германскими империалистами [3]), смогла выйти из кровавой бойни народов. Но в самом факте этого безоговорочного мира между социалистической Россией и германским империализмом, в самой сущности экономических и политических условий, продиктованных зарвавшимся победителем, лежит источник новых вооруженных столкновений, и подписанный мир в сущности является перемирием, прелюдией к новой схватке между *не национальными, а классовыми врагами.*

Вопрос о войне и мире, вызвавший такие бурные дебаты и даже раскол в среде социалистов, стоящих на советской платформе, главным образом, сводился к оценке последствий и результатов этого мира. Главным доводом выставлялся мотив, что западно-европейские социалисты поймут подписание мира правительством рабочих и крестьян, как измену принципам Интернационала и делу международной рабочей революции со стороны рабочего класса России. Но последнее выступление Ледебура [6]) в рейхстаге ясно говорит, что честные социалисты Европы и Америки поймут истинные мотивы, которые заставили российских представителей революционного социализма принять мир, продиктованный им «под дулом револьвера». Не сбылись предсказания и о том, что принятие этих условий мира равносильно отказу советской власти от самой себя, равносильно ее падению. «Генерал на белом коне» ярко рисовался перед взором противников советской власти. Гибель ее для них была вопросом ближайших дней. Но история учит по системе предметного преподавания, и опыт ближайших дней показал всю ошибочность подобного рода предсказаний.

Наоборот, выдержав тяжелый исторический экзамен, советская власть вышла значительно окрепшей. И то, что для всякого иного государственного строя было бы равносильно полному крушению, лишь утвердило и укрепило позиции государства рабочих и крестьян.

Крушение саботажа [7]) является наиболее показательным фактом того, что буржуазная интеллигенция после заключения мира потеряла надежду на «избавителей» и близкое крушение советской власти.

Вполне понятно, что империалисты всех стран всеми силами стремятся подорвать растущую силу Советской республики, ясно понимая всю грозную опасность существования социалистического государства среди растущего недовольства трудящихся масс старого капиталистического мира. Несмотря на тяжесть экономического положения, невзирая на попытки «интернационала» капиталистов внести национальную вражду в ряды международного пролетариата, российский пролетариат не потерял своей уверенности в силу пролетарской солидарности, не изверился в неизбежности мировой рабочей революции. И в настоящий момент, стоя перед фактом открытого разбойного нападения германских империалистов с запада и японских с востока [8]), при подозрительном нейтралитете со стороны прочих европейских, американских или азиатских хищников,— российский организованный пролетариат, в лице Всероссийского Совета Профессиональных Союзов, обращается с призывом ко всему международному экономически организованному пролетариату, приглашая представителей всех стран на предварительное совещание по организации международной конференции профессиональных союзов [4]).

Этим актом российские профессиональные союзы свидетельствуют, что для истинно социалистического организованного пролетариата — несть ни эллинов, ни иудеев. Этим призывом к восстановлению организационных связей международного профессионального движения Всероссийской Совет Профессиональных Союзов заявляет, что у международного пролетариата нет и не может быть *национальных врагов,* а есть лишь единый, общий классовый враг — буржуазия. И, несмотря на то, что профессиональные союзы, на последней конференции [9]) признав необходимость создания и организации военных сил страны, тем самым

сознают необходимость и неизбежность новой войны с империализмом, — призыв на конференцию и обращение за поддержкой к организованному пролетариату всего мира ясно говорят, что российский пролетариат готовит свои силы не для борьбы с какой-либо национальностью, а лишь для защиты и расширения социалистической революции. Призывая, во имя пролетарской солидарности, профессиональные союзы всех стран встать на борьбу с империализмом, своим приглашением на конференцию представителей профессиональных союзов всех стран российские профессиональные союзы тем самым говорят, что у них в вопросе о воссоздании профессионального Интернационала слово не расходится с делом.

И наш призыв к интернациональному об'единению пролетариата накануне международного рабочего праздника 1 мая [1918 г.] [10]) приобретает особый смысл, особое психологическое значение. Разумеется, мы были бы великими оптимистами, если бы надеялись, что наш призыв сразу убедит закоренелых оппортунистов, стоящих во главе западно-европейского и американского профессионального движения [11]), стать интернационалистами и порвать с политикой гражданского перемирия — «обороны» и «нейтрализма» [12]), но мы надеемся, что наш призыв донесется до масс международного пролетариата, выявит перед ними истинную сущность и направление российского профессионального движения, заставит задуматься над конкретно, практически поставленным вопросом, заставит их толкнуть своих вождей на путь действительной классовой борьбы.

Мы сказали свое слово — и от масс, а не от вождей, будет зависеть тот или иной ответ на наше обращение. И каков бы ни был практический результат нашего обращения *сегодня*, несомненно, что значение этого призыва измеряется не *только сегодняшним днем*.

В момент наивысшего напряжения мировой войны, в атмосфере пышного расцвета национализма, экономически организованный пролетариат ограбленной России, окруженный со всех сторон хищниками империализма, не замкнулся в *своих домашних делах*, не завяз в болоте узкого национализма, а через головы своих врагов обратился к *своим братьям — пролетариям всего мира* — с призывом к восстановлению профессионального Интернационала.

Несомненно, что этот факт должен придать особый смысл и особое содержание наступающему празднику международного пролетариата — 1 мая. В этот день смотра сил организованного пролетариата российские профессиональные союзы должны в своих плакатах и речах союзных ораторов поддержать, выявить и популяризировать идею международной союзной конференции, ее смысл и значение, как первого шага к восстановлению Интернационала. В этот день, окидывая взглядом пройденный путь, подсчитывая свои победы и поражения, должно сказать, что если, несмотря на целый ряд ошибок в области организационного строительства, российские профессиональные союзы достигли небывалого развития и влияния во всех областях общественной жизни, то этими успехами они обязаны тому, что не замыкались в узко-цеховые интересы, не ограничивали своих задач лишь борьбой за повышение заработной платы, а, раз и навсегда отбросив ветхие идеи нейтрализма, как истинно-боевые рабочие организации, неотделимо шли в ногу с общеклассовым освободительным движением пролетариата.

Это 1 мая 1918 г. нам должно быть особенно дорого еще и потому, что это будет *первым действительно социалистическим* рабочим праздником, когда пролетариат, первый раз в истории, празднует его как сознательный организатор всего общественного хозяйства. Как бы ни были тяжелы задачи, стоящие перед профессиональными союзами в области организации производства — оглядываясь на пройденный путь, взирая на стройные колонны экономически организованного пролетариата, профессиональные союзы не опустят рук перед тяжестью работы и сложностью задач. Со спокойной уверенностью глянет в лицо будущему российский социалистический пролетариат, мощно и смело пронесутся над старым капиталистическим миром наши боевые лозунги: «Долой войну! Да здравствует Интернационал! Да здравствует международное профессиональное движение!» И мы надеемся—наш клич донесется до наших далеких братьев — рабочих всего мира.

«Профессиональный Вестник», № 5—6 (13—14), 1918 г. Передовая без подписи под заголовком: «Москва, 20 апреля 1918 г.».

Амстердамская конференция профессиональных союзов.

Комедия великого лицемерия и беззастенчивого обмана рабочих масс, именуемая «Международная Конференция Профессиональных Союзов» [13]), недавно закончившаяся в Амстердаме, отчетливо выявила все «социалистическое» убожество идеологов западно-европейского профессионального движения, всю бесплодность их попыток создать хотя бы видимость интернациональной солидарности рабочих.

Национал-патриоты *своего* буржуазного «отечества», во имя интересов *своего* капитала втечение пяти лет обманывавшие рабочих и натравлявшие их на рабочих других стран, в равной степени запятнавшие себя изменой и предательством интересов классовой борьбы и международной солидарности трудящихся, собрались для торжественного выявления этой солидарности, заведомо зная всю лживость взаимных уверений, всю беспочвенность и вздорность своего об'единения. Лишь общность интересов этих верных прислужников капитала, лишь необходимость попытаться совместно еще раз обмануть рабочий класс и удержать свое с каждым днем падающее влияние заставили немецких, английских и французских патриотов совместно собраться для «международного лицедейства».

Однако настроения всей буржуазии не могут не отражаться на психологии ее преданных лакеев, и на «Международной Конференции Профессиональных Союзов» ясно наметилась разница в тоне у «победителей» и «побежденных». И первым больным вопросом оказался вопрос об «ответственности за войну».

Представители стран-победительниц (Антанты) [14]) дружно насели на побежденных немцев, требуя от них признания своей виновности в деле измены Интернационалу [11]). Бельгийский делегат Мартенс [15]), английский — Эппльтон [16]) и французский — Жуо [17]), то бурно упрекая немцев в измене делу пролетариата (Мартенс,

Эппльтон), то усовещевая и уговаривая, как Жуо, указывая на обязанность немцев признать свою вину, добивались одного: свалить всю вину на немцев. Обнаружено преступление — измена Интернационалу,— пролетариат ищет виновных; конечно, «принять на себя вину» должны побежденные немцы: их страна проиграла войну, они должны принять на себя всю неприятность взаимно учиненного преступления *).

Вся хищно-буржуазная психология, целый мир мелкой обывательщины, в которой до кончиков волос погрязли эти агенты капитала «во образе» вождей рабочих, сказывается в этом инциденте. Несчастный Легин [18]) весьма неудачно пытается оправдаться, «допуская, что права Бельгии были нарушены», и заявляя, что «*ввиду обещания канцлера*» исправить весь вред, причиненный Бельгии, он «*не считал себя обязанным публично протестовать*»,— пытается, но тщетно: победителям нужны не оправдания, а *виновный*. Они знают, что имеют дело с «социалистами» одной марки, у которых нехватит мужества вскрыть истину перед лицом всего рабочего класса, сорвав с них маску и тем самым отказавшись от позорной комедии. Немцы сдаются, и уже Зассенбах [19]), от имени профессиональных союзов Германии, делает заявление, представляющее собой частью оправдание, частью полупризнание. Что же он приводит в оправдание? «Они (т. е. профессиональные союзы Германии) всегда осуждали военные жестокости, которые во время войны были, однако, вызваны положением Германии»... «Мы были убеждены, что Германия вела оборонительную войну»... «Вожди независимых социал-демократов [20]) в момент начала войны заняли такое же положение. Профессиональные союзы всегда были противниками войны и вооружений (а голосование военных кредитов!?) [8]) и никогда не поддерживали империалистических стремлений правительства. Если бы в начале войны было известно все то, что стало известно теперь, *если бы рабочий класс не был введен в заблуждение и обманут* правительством, поведение германских профес. союзов и их вождей было бы другим».

Бедные вожди германскоro профессионального движения, бедные Бауэр [21]), Легин и К-о, как коварно обмануло их правительство Вильгельма!

---

*) Все выдержки беру по «Роста», с 29 мая по 5 августа. М. Т.

Конечно, хотя всем были известны позиция, занятая официальным органом Генеральной Комиссии, «Korrespondenz-Blatt» [22]), и его ультра-патриотические статьи, но... судьи-то кто? Гендерсон [23]), Жуо и К-о, которые сами проделали все это и которые оказались невинными лишь потому, что их буржуазия победила. Поэтому они и оказались в роли победителей и судей!

Коварная буржуазия обманула «вождей западно-европейского профессионального движения» не только в начале войны, она продолжает их обманывать и в настоящий момент, и так грубо, что несчастным вождям приходится делать невероятные усилия, чтобы сохранить вид непонимающих этого.

Впрочем, иногда, после долгих усилий и работ в «комиссиях», они принуждены открывать кое-какие обманы, очевидные для всякого. Так, «особая комиссия» предложила конференции резолюцию, в которой говорится, что отдел о рабочем законодательстве Версальского мирного договора [24]) «*не может быть признан выражением требований международного пролетариата*»... Ну, разве не умницы эти «вожди», открывшие такую Америку?

Ведь не сделай они этого, рабочие могли бы подумать, что «версальские палачи и канальи», продиктовавшие Германии чудовищно-разбойничьи условия мира, являются представителями международного пролетариата...

Подробно перечислив отступления Версальского мирного договора от требований Бернской конференции [25]), конференция мужественно «призывает организованных рабочих всех стран бороться за их (требования Бернской конференции) *немедленное и полное осуществление*». Как это хорошо и гордо звучит! Жаль, что, призывая *к немедленной борьбе,* Амстердамская конференция *не указала ее формы,* чем превратила этот призыв в пустую фразу и наивную попытку запугать ею версальских хищников, отлично понимающих истинную душу лидеров Амстердамской конференции. Американец Гомперс [26]) в достаточной степени расшифровал истинное настроение лидеров конференции, предложив им ограничиться заявлением, что постановления мирного договора, касающиеся рабочего вопроса, *не вполне выражают требования рабочего класса.* Лишь большинством 31 против 20 была принята первая формулировка, и Амстердамская конференция большинством в 11 голосов попыталась сохранить свою внешнюю независимость

от Версаля и спрятать в пышной фразе все свое убожество и неспособность стать действительным руководителем предстоящей борьбы пролетариата.

В резолюции о Лиге Наций Амстердамская конференция окончательно расписалась в слепом неведении и упорном непонимании происходящих перед нею исторических явлений. Конференция приняла резолюцию, в которой рядом с «осуждением блокады России и Венгрии» [27]) (как мягко и нежно выражаются эти господа!) следует целый ряд наивных пожеланий и форменных мелкобуржуазных благоглупостей. Так, например, «Лига Наций должна превратиться в правовой союз народов, освобожденный от давления *отдельных* правительств»... Деятельность Лиги Наций не должна быть ограничена только политической областью, но «должна распространяться также и на экономическую жизнь». Но чтобы Лига не превратилась в «орудие реакции и деспотизма», «рабочий класс должен создать международную организацию для надзора за деятельностью Лиги». И посадив в этот *орган надзора* Гомперса, Гендерсона и К-о, он (рабочий класс) может спать спокойным сном в уверенности, что Лига Наций во главе с Клемансо [28]) и К-о, еще в колыбели запятнавшая себя разбойными нападениями на Советскую Россию и Венгрию, в союзе с Колчаком и Деникиным [29]) «не превратится в оружие деспотизма и реакции»...

Рабочие могут быть спокойны в отношении Лиги Наций, о предстоящей конференции которой даже Легин (очевидно, в пылу обиды, нанесенной победителями-англичанами) сказал, что таковая является «бессмыслицей», так как в ней на двух представителей от правительства и одного от работодателей будет один представитель от рабочих. Ясно, что подобная конференция будет защищать интересы буржуазии, Бернская же конференция предлагает регулировать не только политическую, но и «экономическую жизнь»...

Однако, эта архикомпромиссная резолюция не удовлетворила весьма многих и (очевидно, по разным мотивам) против нее голосовали синдикалисты [30]) и представители Германии, Америки и Голландии.

Как будто, исчерпав первый, наиболее острый, вопрос «о виновности», конференция должна была бы закончиться заключительным аккордом общей солидарности, но... обиженные немцы

1059393

до конца конференции держали ложку дегтя для амстердамской бочки меда и, когда дошло дело до выборов в Бюро Международной Конференции, отказались войти в него, ссылаясь на необходимость обсудить это вопрос в своих национальных центральных советах Берлина и Вены.

Комедия кончилась... Но рабочие всех стран могут вынести поучительный урок из этой «международной» конференции профессиональных союзов. Перед лицом всего пролетариата, несмотря на всю гуманную болтовню и фразеологию, вырисовались во весь свой рост «вожди» западно-европейского и американского движения... И вдумчиво вглядываясь в этот «международный» парад, выявивший всю политику прислужничества перед капиталом этих мелких буржуа, говорящих от имени рабочего класса, делается ясно, что для дальнейшего развития западно-европейского и американского движения опаснее всего именно подобные вожди.

«Профессиональное Движение», № 24,
15 августа 1919 г.

Приветствие Челябинскому добровольческому отряду.

Позвольте от имени ВЦСПС приветствовать первый добровольно сформировавшийся отряд работников Челябинского губернского совета профессиональных союзов. *(Аплодисменты).* Нам, работникам профессионального движения, особенно в настоящий момент дорог и близок почин челябинских профессиональных союзов [31]). Мы знаем, как тяжело для нашего профессионального движения посылать активных работников союзов — цвет российских пролетариев — на фронт, мы знаем, как это тяжело для нашего ослабленного и обессиленного профессионального движения. Особенно это близко и понятно собравшимся здесь руководителям российского профессионального движения. Мы знаем, что прошло не так много времени с того момента, как сто членов центральных комитетов союзов вместе с тысячью работников-профессионалистов, начиная членами правлений и кончая членами и председателями фабрично-заводских комитетов, были посланы нами на фронт; ныне они сражаются в армии, а часть уже погибла. И в тот момент, когда мы были намерены перейти к мирному строительству, когда мы предполагали отзывать своих работников из армии для укрепления нашего профессионального движения — в это время Польша нанесла удар Советской России [32]). Нужно еще раз собраться с силами. Наши профессиональные союзы должны доказать, что дело Советской России есть их кровное дело, что у них нет и не может быть других задач, кроме тех, которые стоят перед рабочим классом и перед советской властью.

Вы знаете, что по отношению к Польше мы проявили максимум миролюбия, что если бы вопрос касался территориальных уступок, Советская Россия вырезала бы кусок своего живого тела и бросила бы его жадным империалистам, как это ни тяжело, ибо для советской власти, для власти рабочих и крестьян, жизнь

сотен и тысяч рабочих гораздо дороже каких бы то ни было территориальных жертв.

Не от нас зависит воевать или нет. История ставит вопрос так: либо бороться, либо сдаться на капитуляцию нашим классовым врагам. В такие моменты пролетарий отвечал и будет отвечать: победа или смерть!

Мы не раз принимали и более серьезный бой и мы еще раз его примем. Встречая вас здесь, в доме Московского совета профессиональных союзов, в зале заседаний ВЦСПС, я выражаю уверенность от лица всего организованного пролетариата, что та первая ласточка, которая сейчас летит через Москву на западный фронт, будет во всех отношениях служить примером для всех дальнейших отрядов, которые еще прибудут в Москву. От нас потребуется много жертв, и мы не остановимся ни перед чем. Позвольте от имени организованного пролетариата России вручить вам красное знамя. *(Аплодисменты).*

Мы уверены, что это красное знамя послужит символом вашей прочной связи с организованной пролетарской массой, и я уверен, что цвет челябинских рабочих под этим знаменем либо победит, либо умрет! *(Аплодисменты).*

Закрывая сегодняшнее собрание, позвольте сказать несколько слов нашим от'езжающим на западный фронт товарищам-добровольцам и от'езжающим туда же товарищам-представителям британских рабочих.

Те и другие едут с разными задачами. Челябинцы едут умирать за Республику Советов, сражаться за диктатуру пролетариата. Вы слыхали, что товарищи-челябинцы знают, за что́ они будут умирать! Они едут не на парад: часть этих молодых, энергичных, активных работников профессионального движения, вероятно, вернется калеками, а часть, может быть, совершенно не вернется. Вы знаете, что нам, работникам профессионального движения, чрезвычайно тяжела эта операция.

Английские делегаты имели возможность ознакомиться с Советской Россией, они видели российский пролетариат с его положительными и отрицательными чертами. Мы не скрываем, что наши русские рабочие голодают, что мы живем в очень

тяжелых условиях. Английские товарищи видели все стороны жизни русского рабочего.

А сегодня они видели, как идут русские профессионально-организованные рабочие умирать за свое рабочее дело, завтра же они увидят, как эти рабочие умирают на фронте. Мы уверены, что знакомство наших дорогих гостей с Советской Россией даст им возможность понять многое. Увидев нашу жизнь, бесконечные страдания, которые приходится переносить русскому пролетариату в неравной борьбе с международными империалистами, они помогут английским рабочим понять, что и на польском, и на крымском фронтах льется кровь их же класса, понять, что дело, которое творится в России, есть дело пролетариев всего мира. И мы уверены, что, независимо от тех или иных оттенков внутри рабочего движения Англии, это знакомство, как и правильная информация английских рабочих, покажет последним, что единственный путь к освобождению труда лежит через диктатуру рабочего класса, через беспощадную борьбу со всеми угнетателями, капиталистами.

Провожая тех и других на фронт, мы посылаем тем и другим горячий братский привет. Посылая челябинцев, мы можем с уверенностью сказать им: «Вы не будете одиноки! За вами пойдут снова и снова отряды организованного пролетариата. Русский пролетариат пошлет еще тысячи своих лучших сынов, чтобы спаять нашу армию, показать пример сознательности, дисциплины и солидарности, на которую способны организованные рабочие!»

В последний раз сегодня заседает с нами английская делегация. Мы просим ее передать английским пролетариям, что русский рабочий, как ему это ни тяжело, продолжает держать пролетарский фронт, и, умирая на фронтах, он умирает не за «единую Россию», не за расширение ее территории и богатств — он умирает за международную революцию. И мы будем надеяться, что русский пролетариат будет не один в этой неравной борьбе.

Да здравствует международное об'единение рабочих!

Да здравствует мировая социальная революция!

Неопубликованная речь на заседании пленума ВЦСПС совместно с английской делегацией 10 июня 1920 г.

Интернационал Красных Профессиональных Союзов.

Позвольте, товарищи, от имени ВЦСПС и Международного Совета Красных Профсоюзов приветствовать Всероссийскую конференцию союза рабочих-химиков. В настоящий момент нельзя не указать на то значение, какое имеет для нас факт организации Международного Совета Союзов. Еще на II Всероссийском С'езде [33]) было поручено Президиуму ВЦСПС войти в тесную связь с западно-европейским рабочим движением, войти в Интернационал профсоюзов.

Мы честно взялись за исполнение нашего долга. Радио за радио мы слали Амстердамскому Интернационалу о созыве международного с'езда или конференции профсоюзов, но ответа мы не получали; мы посылали товарищей для восстановления связи, но никакого ответа от Международной Федерации союзов ВЦСПС добиться не мог. Таким неопределенным положение оставалось до конца 1919 г., когда до нас дошли сведения о конгрессе Амстердамского Международного Совета [13]). Когда мы узнали о его составе, мы поняли, что были слишком наивны и близоруки, предполагая, что Жуо [17]), Легины [18]), Эппльтоны [16]) и др. войдут в связь с революционными союзами России. Ведь в тот момент, когда социальная революция шла твердой поступью все вперед и вперед, на повестке дня Амстердамского Конгресса стояли такие вопросы, как отношение к Лиге Наций [24]), отношение к Конфедерации Труда [34]) и прежде всего вопрос о виновниках войны [11]). На конгрессе произошло расслоение социалистов на представляющих страны победителей и представляющих страны побежденных. Одна группа делала выпады против другой и каждая из них защищала политику своего правительства.

Особенно резкие выпады делались по адресу Легина, которого обвиняли в связи с кайзером и в поддержке империалистической политики Германии.

А когда Легин предложил резолюцию, в которой говорил, что Лига Наций не отвечает интересам рабочих масс, Гомперс [26]) внес «поправку» — «не вполне отвечает». Ознакомившись со всем остальным, что занимало умы делегатов Амстердамского конгресса, мы поняли, что молодому революционному профессиональному движению России не по пути с Амстердамской Федерацией, и об'явили войну желтому Интернационалу союзов.

Лучшее и честнейшее, что есть в западно-европейском рабочем движении — на нашей стороне.

Представители «Английского Союза трех Союзов» [35]) (транспортников, железнодорожников и докеров) Вильямс [36]) и Персель [37]) после того, как они ознакомились с русской революционной действительностью, стали на нашу точку зрения,— на точку зрения Красного Профинтерна [38]).

Представители итальянского пролетариата, проникнутые еще реформистскими настроениями, в силу давления рабочих масс, проникнутых духом революционной борьбы, также встали на позицию красных союзов России.

Представители «Индустриальных Рабочих Мира» [30]), ознакомившись с историей русской революции, также приняли нашу платформу, признав необходимость диктатуры пролетариата.

Синдикаты Испании, в лице Пестаньи [39]), и синдикаты Франции, в лице Росмера [40]), открыто встали на путь революционной борьбы красных союзов России. Здоровое движение фабричных старост в Англии [41]) повернуло тоже в нашу сторону.

Таким образом, опираясь на все честное, здоровое и революционное в международном профессиональном движении, мы создали новый революционный орган — Интернационал Красных Профсоюзов.

Мы создали первую ударную колонну для завоевания социализма не на словах, а на деле.

Но на нашем пути стоит «желтый Интернационал», и потому мы должны прежде всего направить наши силы на борьбу с ним.

Что там не все спокойно, что под влиянием масс Эппльтоны и Гомперсы вынуждены были от оппортунизма [11]) и нейтрализма [12]) перейти к активным действиям, это ни для кого не секрет.

Ирландские железнодорожники первыми, а затем и английские, отказались грузить военное снаряжение для Польши [32]). А когда английское правительство пригрозило Советской России высадкой военного десанта, в Англии был образован «Комитет Действия» [42]), и правительство вынуждено было капитулировать перед волей английских рабочих. Но Эпплътоны и Гомперсы об'яснили действия английских рабочих «классовым нейтрализмом» и постарались затушевать классовую сущность этого шага. Можно ли говорить о «классовом нейтрализме» в вопросе о войне между Польшей и Россией?! Всякий рабочий понимает, что польский фронт есть международный фронт, есть фронт борьбы труда и капитала.

Мы знаем, что английские вожди не отражают взглядов рабочего класса. Мы приносим нашу благодарность английским рабочим за активные действия против агрессивной политики их правительства, а вождей-реформистов, затушевавших классовое содержание революционных действий рабочего класса, мы клеймим позором. Итак, задача Красного Международного Совета Союзов— сплотить все честное и революционное для борьбы на фронте труда против капитала.

Пускай многие пытаются болтаться между II и III Интернационалами, между Амстердамским Об'единением [13]) и Международным Советом Красных Союзов [38]),— им не удастся усесться между двух стульев! Положение определенное: либо с трудом против капитала, либо с капиталом — против труда! На первой позиции стоят III Интернационал и Красный Международный Совет Союзов, на второй — Амстердамский Совет и II Интернационал. Середины нет: либо направо, либо налево...

Я уверен, что мы об'единим революционные силы всего рабочего класса вокруг нашего Международного Совета Союзов, поведем успешно борьбу не только против капитала, но и против желтых об'единений, доведем дело до конца и победим!

Неопубликованная речь, произнесенная 24 августа 1920 г. на II Всероссийской Конференции химиков.

Задачи Международного Совета Профессиональных Союзов.

Товарищи, позвольте приветствовать вас, работников просвещения, от имени высшего органа российского профессионального движения — Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов — и от новорожденного Красного Интернационала Профессиональных Союзов [88]).

Позвольте мне, товарищи, прежде нежели я перейду к существу моего доклада о задачах международного профессионального движения, в нескольких словах приветствия выразить все пожелания и чаяния, которые возлагает Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов на работников просвещения. После речи т. М. Н. Покровского эта задача чрезвычайно облегчается.

Минувшие годы напряженной, небывалой в истории, героической борьбы, которую вел российский пролетариат на всех фронтах Республики и внутри ее, показали в достаточной степени, как тяжело переходить к мирному строительству в обстановке, когда все усилия трудящихся направлены по одной линии — на разрешение военным путем вопроса — «быть или не быть». Конечно, в таких условиях задачи мирного строительства отходят на второй план.

В эти моменты все, начиная с любой фабрики и завода и кончая всеми учреждениями просвещения, должно было быть подчинено этой основной задаче: успешному разрешению военной проблемы. Все симптомы говорят за то, что сейчас этот период так или иначе кончается, что вскоре Россия не будет изолированной страной, какой она была не так давно. Новые отряды международного пролетариата примыкают к нам, и мы превращаемся в международную силу, опирающуюся на сознательные рабочие массы всего мира. Рабочие Австрии, Франции и Германии [5]) в достаточной степени показали, что они на стороне трудящихся

России, и показали это не только резолюциями и петициями, а и целым рядом активных выступлений. Все это говорит за то, что наши ближайшие задачи, это — задачи мирного культурного развития, то есть те, которые были содержанием нашей политики перед польским наступлением [42]). Последний С'езд Советов [43]) тоже прошел под знаком мирного строительства. Мы считали, что с военными задачами покончено, но новое вторжение белогвардейской Польши заставило нас вновь временно поставить эти задачи на первый план.

Основная задача, которая стоит перед нашим пролетариатом и вообще перед всеми трудящимися Советской республики в области мирного строительства, это — восстановление нашего хозяйства. Мы имеем в виду не узко-технический процесс правильной постановки того или иного предприятия и не процесс администрирования: задачи мирного строительства гораздо шире. Проводимая сейчас милитаризация, трудовая повинность — лишь отдельные моменты этого процесса.

В будущем, по мере развития восстановительного хозяйственного процесса, громадная задача возлагается на работников просвещения, на работников искусств. Лишь только мы подошли к азам мирного строительства, мы натолкнулись на вопросы, связанные с просвещением. Без квалифицированной рабочей силы нельзя поставить производства на должную высоту, квалификация же рабочего создается путем специального технического образования.

Итак, первая же задача в области хозяйственной заставила нас соприкоснуться со всей массой вопросов рабочего просвещения. Перед нами встала необходимость элементарной подготовки рабочих, так как рационально поставленное производство немыслимо без культурных работников. Здесь мы натолкнулись на проклятое наследие самодержавного строя — на массовую неграмотность и полуграмотность. В стране же, где рабочие не умеют писать и читать, трудно подготовить культурных рабочих, которые могли бы поднять производство на высшую ступень.

Отсюда вырос лозунг — все на обучение грамоте.

Вот те задачи, которые перед нами встали, когда мы только что приступили к мирному строительству, вот те задачи колоссального значения и громадного масштаба, которые стоят перед

профессионально-организованным пролетариатом. Решение этих задач рабочий класс вправе возлагать на вас. Прав М. Н. Покровский, когда он говорит, что от общих слов, от общих деклараций солидарности нам пора перейти к выявлению этой солидарности. Если вы примете десять резолюций, в которых будете говорить, что вы, трудящиеся в области народного просвещения, не отделяете своих задач от задач общепролетарских, от интересов всего класса, то они, эти резолюции, будут стоить очень мало, если работники просвещения на деле не подойдут ближе к рабочей массе. Вы должны уничтожить безграмотность, обучить рабочего, сделать из рабочего, не умеющего работать, высококвалифицированного работника. Вот задачи, решения которых организованный пролетариат ждет от вас.

Нам нечего говорить друг другу комплименты и не зачем делать секрет из того факта, что наши наиболее культурные слои трудящихся (не только работники просвещения и работники искусств, но и прочие интеллигентские группы), несмотря на более высокую общую культурность по сравнению с фабрично-заводским рабочим, в отношении политической подготовленности, в отношении классового сознания, являются значительно отставшими. А поэтому работникам просвещения и работникам искусств надо ближе подойти к пролетарским массам, чтобы плечом к плечу с фабрично-заводскими рабочими пройти школу классового самосознания. Это много и очень много даст работникам просвещения и искусств.

То явление, которое до сих пор наблюдается среди более культурных слоев трудящихся, «болезнь беспартийности», а я бы сказал: «болезнь беспринципности», — будет мало-по-малу изживаться. Чем ближе вы подойдете к рабочей массе, тем яснее вы поймете, что дело, которое творит индустриальный пролетариат, это — ваше дело, дело всех тех, кто желает освобождения труда от капитала, освобождения личности от гнета капитализма,— строя, насквозь проникнутого противоречиями.

Вот, в основном, те задачи, разрешения которых мы ждем от вас, и надеемся, что ожидания нас не обманут.

Теперь перейду к сущности моего доклада.

Товарищи, для того, чтобы определить задачи профдвижения в международном масштабе, следует остановиться на тех чертах,

которые отличают западно-европейское профессиональное движение от нашего российского.

Как вы знаете, классическим типом западно-европейских профессиональных организаций до последнего времени считались английские юнионы [10]), и мне хочется в нескольких словах познакомить вас с характерными чертами этих организаций. Тип английских юнионов слагался несколько десятилетий, а некоторые считают, что даже более столетия. Их работа складывалась в тот период капитализма, когда ручной труд и ремесло играли еще преобладающую роль. Поэтому тред-юнионы с самого начала стали организациями высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Экономическое развитие Англии поощряло этот тип профессиональных об'единений. Кон'юнктура, позволившая английской промышленности захватить мировую монополию, давала возможность английским капиталистам делиться прибылью с верхушкой рабочих, организованных в юнионы. Вот почему эти союзы до последнего времени резко отличались корпоративностью, узким профессионализмом и аристократизмом. Деятельность этих организаций протекала в обстановке капиталистического строя, развивавшегося без потрясений, без революций, что благоприятствовало росту реформизма [11]) и веры в постепенное перерождение капиталистического строя в социалистический. Устойчивость этого типа профессиональных организаций породила в них дух консерватизма, дух закостенелости. В вопросах организационных они придерживались принципа: «так есть — так будет». Все идет постепенно. Вот какова психология реформистов [11]) в профессиональном движении.

Подачки, которые капитал делал в первый период своего развития английским рабочим, «политика двух партий» [2]), процветавшая в Англии, значение в этой системе юнионов, поддерживавших, в зависимости от политической выгоды, сегодня либералов, а завтра — консерваторов, заигрывание обеих этих партий с юнионами,— все это породило политическую беспринципность и политическую нейтральность. «Нам совершенно не важно, кто даст, а нам важно, кто больше даст». Вот психология юнионизма в первый период его существования.

Но так как капитализм в своем дальнейшем развитии низводит высокообученных рабочих, как, например, котельщики,

клепальщики и т. д., на уровень рядовых рабочих, так как экономические требования пролетариата все меньше удовлетворяются буржуазией, юнионисты все более и более вынуждены преодолевать свою политическую инертность и сознавать необходимость вмешательства в политическую борьбу.

То же самое, но только в несколько более широком масштабе, имело место в германских геверкшафтах [30]). Германские союзы, в такт с мирным развитием капитализма в этой стране, все более и более проникались консервативными тенденциями и реформизмом. Но они имели перед собою капитализм, сразу выступивший на мировой арене в качестве конкурента английского капитала [24]). Германский капитал не мог подкупить рабочих и геверкшафты так же, как английский подкупил юнионы. Поэтому германские союзы приняли социалистическую платформу, хотя и реформистскую.

Теперь — о французском рабочем движении. Под влиянием французского парламентаризма [2]) со всеми присущими ему комбинациями, сменами министерств и т. д. во Франции создался другой вид рабочих организаций,— там создался тип, присущий вообще латинским странам,— тип синдикатов. Синдикаты в момент возникновения имели достаточный опыт реформизма, увлечения парламентаризмом, увлечения политиканством,— тем дешевым политиканством, которое является наиболее классическим именно во Франции. Этот реформизм дал такого политика, как Мильеран [44]), который еще вчера выступал как представитель рабочих, а уже сегодня во имя торжества капитала расстреливает забастовщиков. В связи с указанными обстоятельствами во Франции наблюдается процесс, обратный английскому юнионизму: здесь рабочее движение и его синдикаты становятся аполитичными.

Вот три типа западно-европейских профессиональных организаций.

В Америке развивается новый тип движения — индустриализм в форме об'единения «Индустриальных Работников Мира», или «Ай-Доблью-Доблью» [30]). Это движение возникло как реакция против консерватизма и аристократизма американских юнионов, вожак которых, Гомперс [26]), ухитрился быть одновременно председателем Американской Федерации Труда и секретарем чисто-предпринимательской организации. В стране, где дело дошло до

подобного цинизма, среди неквалифицированных рабочих масс создалось мощное движение, проникнутое аполитизмом, отвращением к политиканству. Движение это захватило главным образом чернорабочих и вылилось в создание организаций, построенных по производственному, а не по профессиональному принципу.

Вот типы профессиональных организаций Западной Европы и Америки.

Российское рабочее движение тем отличается от западноевропейского, что оно возникло тогда, когда капитализм достиг достаточной степени зрелости не только в общеевропейском масштабе, но и в самой России. Здесь наряду с остатками и пережитками капитализма эпохи первоначального накопления, при отсталых, азиатских формах государственного правления, при самодержавии, которое искусственно сдерживало стремление рабочего класса к организации, мы имели высшие формы капиталистического строя — синдикаты, тресты, мощные предприятия.

Родившись в «период бурь и натисков», в период революции 1905 г., профессиональное движение России избежало закостенелости и консерватизма, которые характерны для западно-европейских союзов. По той же причине оно не могло стать аристократичным. Если мы вспомним историю российского рабочего движения, то увидим, что оно росло вместе с революцией [45]). При наступлении реакции профессиональные союзы гибли, с первым проблеском под'ема рабочего движения возникали вновь, снова погибли в период реакции 1914 г., а затем снова возродились во время февральской революции. Российское профессиональное движение не могло быть замкнутым, аполитичным, не могло застыть в консервативных рамках, как движение, рожденное в период политических выступлений класса на историческую сцену.

Вот основные черты, отличающие наше рабочее движение от рабочего движения Западной Европы. Дело не в том, что русские рабочие более революционны, чем рабочие других стран; история промышленного развития и профессионального движения в России и на Западе совершенно непохожи друг на друга, — они шли разными путями.

Я не стану подробно останавливаться на крахе II Интернационала [11]). Укажу лишь на то, что не только геверкшафты

и юнионы, но даже аполитичные синдикаты сделались игрушкой в руках соглашателей и стали обманывать рабочих, помогая буржуазным государствам во имя лже-демократических идей вести на убой миллионы пролетариев. Германские вожди — Легин [18]), Бауэр [21]) и др., английские, как Гендерсон [23]), и американские, как Гомперс [26]), и французские, в лице Жуо [17]), одинаково сделались игрушкой в руках буржуазии, органами пропаганды соглашения классов, альянсов и т. д.

Лишь после окончания империалистической войны [24]) была созвана международная конференция профессиональных союзов — в Берне [25]). Это не была международная конференция в полном смысле этого слова; хотя на ней были представлены как страны побежденные, так и победительницы, но представительство это было очень неполным.

От этой конференции, собравшейся в Берне после русской революции (приблизительно в ноябре — декабре 1917 г.), когда весь мир узнал, что рабочие России сбросили буржуазное правительство и взяли власть в свои руки, можно было ожидать многого. Было интересно, как отзовется конференция рабочих союзов на то, что в одной экономически-отсталой стране рабочий класс взял власть в свои руки. Было интересно, что́ скажут представители профессиональных союзов Европы. Если мы станем просматривать протоколы Бернской конференции, то не увидим в них ни одного слова о том, как относится конференция к величайшему фактору в истории рабочего движения — к российской революции.

Вскоре после конференции собрался Амстердамский конгресс [13]). Основным вопросом, который обсуждался на конференции, был вопрос о том, кто виноват в мировой войне. Вопрос как будто естественный. И вот при обсуждении этого вопроса представитель Англии — Эппльтон, Франции — Жуо и Америки — Гомперс вели себя по отношению к побежденным германцам, по отношению к Бауэра и Легину, точно так же, как Клемансо [28]) и Ллойд-Джордж [46]) по отношению к представителям правительств Австрии и Германии.

Когда вы читаете протоколы Амстердамского конгресса, вы невольно думаете, что ведь должен же быть предел нравственному падению. Есть какой-то предел колебаниям, изменам, шатанию, за которым человека нельзя считать ни социалистом,

ни даже в самой малой степени выразителем интересов рабочего класса. И, однако, при чтении протоколов этого конгресса вы видите, что этот предел перейден, что интересами рабочего класса, интересами трудящихся масс даже не пахнет, что это — конгресс политиканствующих.

Мне хотелось бы указать дополнительно на некоторые характерные черты Амстердамского конгресса. Когда им обсуждалось отношение к Бюро Труда при Лиге Наций [34]) (оно состоит наполовину из предпринимателей и наполовину из рабочих и является одним из органов боевой организации капитализма против рабочих), когда обсуждался вопрос об отношении к Бюро Труда и его программе, то Легин, человек, которого никто в радикализме заподозреть не может, внес резолюцию, говорившую, что Бюро Труда «не выражает интересов рабочих масс». Гомперс нашел эту формулу слишком резкой и от имени Америки внес поправку, что Бюро Труда «*не вполне* выражает интересы рабочих масс».

Товарищи, если мы вспомним, какую роль играла Лига Наций в попытках удушения нашей революции, то станет ясно, что после формулировки «Бюро Труда при Лиге Наций не вполне выражает интересы рабочих масс» говорить с Амстердамом было не о чем.

Первый Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов единогласно принял резолюцию, в которой поручил новому Президиуму ВЦСПС войти в сношения с западно-европейским рабочим движением [4]). Войдя в Президиум ВЦСПС, мы неоднократно по радио обращались к западно-европейским союзам. Мы искренно и честно стояли на платформе международного об'единения организованных рабочих. Мы стремились об'единиться и связаться со всеми представителями рабочего движения, независимо от того, синдикаты это или юнионы, независимо от того, стоит ли данная организация на реформистской точке зрения или на точке зрения революционной классовой борьбы.

После Амстердамского конгресса, который показал, что руководители европейских союзов защищают интересы капитала, нам пришлось отказаться от этой тактики. Нам, деятелям революционного рабочего движения, с приказчиками капитала оказалось не по пути.

Совещание представителей профсоюзов Великобритании, Италии и Советской России по вопросу об организации революционного Интернационала профсоюзов 16 июня 1920 г. в Москве, в Круглом зале Дома Союзов. *(Слева направо:* А. Персель, Р. Вильямс (Англия), М. П. Томский (РСФСР), Э. Коломбино, Д. Бианки, Э. Дугони, Л. Д'Аррагона (Италия), С. Лозовский, В. Шмидт, Г. Зиновьев, Г. Цыперович и Г. Мельничанский (РСФСР).

Лишь *после* этого конгресса мы поставили перед собой новую задачу,— задачу разрушения того Интернационала, который был создан в Амстердаме. С этим Интернационалом и с его представителями в Бюро Труда при Лиге Наций (председателем Бюро Труда был Альбер Тома) [47]) мы ничего общего иметь не могли.

Теперь остановлюсь на том сдвиге, который произошел в России. Если 2½ года тому назад большевикам насмешливо задавали вопрос: «Скажи, когда будет мировая революция?», то теперь вы этого нигде не услышите. В России нет сейчас ни одной социалистической партии, которая стала бы отрицать, что международной революции можно ожидать с минуты на минуту; после того сдвига, который наблюдается и во Франции, и в Англии, таких социалистических партий в России не существует.

Все это является отражением того сдвига, который произошел в европейском пролетариате. Ирландские железнодорожники и союз ирландских механиков отказались перевозить боевые припасы для врагов Советской России. С легкой руки их в Ирландии произошла длительная забастовка железнодорожников и механиков. Люди бастовали не для улучшения своего экономического положения, но для того, чтобы не позволить железным дорогам перевозить снаряжение для врагов Советской республики.

Был ли когда-нибудь в истории рабочего движения более характерный факт международной солидарности? Вот вам английские портовые рабочие, которые отказываются грузить военное снаряжение для Польши [32]) и Врангеля [29]). Вот перед вами германские железнодорожники, германские портовые рабочие Данцига, которые не желают ни принимать, ни пропускать транзитные поезда. Борьба, которую начали ирландские железнодорожники, прокатилась волной по Западной Европе. Рабочие сказали: «Ни одного патрона мы не пропустим врагам Советской России!». Вот, наконец, последнее событие английского рабочего движения: при попытке английского правительства об'явить войну Советской России юнионы организовали Комитет Действия [42]), юнионы, в большинстве идущие за реформистами и соглашателями, заявили Ллойд-Джорджу, что в случае об'явления войны Советской России они об'явят генеральную забастовку.

Вот как обстоит дело в английском рабочем движении. Нам интересно знать, почему эти правые элементы начинают теперь

говорить революционным языком, почему они становятся во главе нового все возрастающего революционного рабочего движения Западной Европы. Здесь мне придется вернуться к нашей деятельности, направленной к воссозданию международного об'единения рабочих, и к нашей тактике в отношении мирового рабочего движения. Лишь только получилась возможность установить широкие связи с западно-европейским рабочим движением, в Москву прибыл ряд делегаций — английская, итальянская, а также прибыли представители Австрии, английской Индии, голландской Индии и т. д. Эти делегации приезжали сюда в связи со II Конгрессом III Интернационала [48]). Кроме того, они ставили себе целью лично ознакомиться с тем, что происходит в России, и завязать связи с российскими профессиональными союзами.

Первый приезд английской делегации не дал нам возможности поставить вопрос о создании международного об'единения на деловую почву. Первыми делегатами были: Шоу [49]), член английского парламента, и мистер Ноуринг, наполовину мистик, наполовину христианский социалист [50]), не то представитель старого юнионизма чистейшей воды [30]). Конечно, с такими лицами, как два названных суб'екта, нам не сговориться; с такими людьми международного об'единения не создашь.

Когда революционное движение рабочих принимает мировой масштаб, когда международная революция превращается в факт, мы, исходя из нашего опыта, должны сказать, что в такой момент всякое колебание, проволочка, всякая неопределенность могут пагубно и больно отозваться на деле революции и могут стоить жизни сотням тысяч рабочих.

Мы видели на русском опыте, каких жертв стоили колебания правых групп социализма рабочему классу России. Мы видели, что эксперименты некоторых социалистических партий, как, например, блок с белогвардейцами [29]), стоили жизни десяткам тысяч рабочих. От таких колебаний и шатаний мы должны застраховать рабочее движение Западной Европы. Соглашение с элементами, которые в решительный момент будут колебаться, невозможно. Предстоят решительные схватки с мировым капиталом. Капиталисты России не хотели без боя отдать свои фабрики и заводы рабочим. В Германии сопротивление буржуазии привело к тому, что несколько крупнейших фабрик превратилось в развалины. *Так*

капиталисты Западной Европы, организованные гораздо лучше, чем русская буржуазия, защищают свою собственность от посягательств пролетарских масс. Без решительной борьбы не обойдешься, здесь колебания недопустимы и эксперименты невозможны.

Поэтому после Амстердамского конгресса [18]) мы сказали, что должно создаться ядро всех левых, всего честного в рабочем движении Западной Европы для того, чтобы вести организованную экономическую борьбу и чтобы взорвать и разрушить желтый Интернационал Амстердама. Первая наша задача — сплотить все левые элементы в одну колонну для штурма капитализма, и если на пути стоит Интернационал Амстердама,— он должен быть разбит, как орудие обмана рабочих масс!

Вот основная задача. Английские левые — Персель [37]) и Вильямс [36]) — представители так называемого «тройственного соглашения союзов» (железнодорожников, транспортников и докеров) [35]) приняли нашу платформу. Представители Итальянской Федерации Труда [51]) были людьми довольно умеренного направления, но и они поняли, что в Амстердамском Интернационале им нет места, и они поняли, что те, кто будет защищать принципы II Интернационала [11]), не могут быть допущены в настоящий рабочий Интернационал. Эти три страны — Италия, Англия и Россия — заложили основы нового Интернационала, создав Бюро по созыву международной конференции. Когда с'ехались представители Франции, Испании, Болгарии, Сербии, Юго-Славии, Грузии, английской Канады, Бюро было переименовано во Временный Международный Совет Профессиональных Союзов, целью которого является сплочение левых элементов, стоящих на платформе революционной классовой борьбы. Вот платформа, на которой об'единились левые элементы.

Какова в настоящее время позиция правых элементов профессионального движения? В то время, когда в Англии образованы «Комитеты Действия», когда английские рабочие говорят: «Мы вместе с Советской Россией, мы не дадим патронов, чтобы убивали русских рабочих», когда лозунг «Руки прочь от России» стал лозунгом, близким всем английским рабочим, когда английский рабочий понимает, что дело, которое творится в России, есть дело правое,— в этот момент вожди вносят в движение элементы соглашательства, заявляя: «Мы *вообще* против войны, и поэтому

мы против поддержки войны поляков с Советской Россией; мы *вообще* против вмешательства в национальные дела, и поэтому мы против оказания поддержки полякам против Советской России».

Таковы последние попытки этих элементов отравить рабочее движение Англии. Только близорукие люди или враги рабочего класса могут говорить, что война рабоче-крестьянской России с буржуазно-помещичьей Польшей есть борьба одной национальности против другой. Как будто бы не каждый трудящийся понимает, что Польша есть фронт западно-европейского капитала, как будто не каждый трудящийся понимает, что борьба Врангеля с Советской Россией, это — борьба организованного капитала против социализма. И вот, если в этот момент говорят: «Мы *вообще* против войны» и не упоминают, что они против войны капитала с трудящимися, то это и есть соглашательство. Каждый честный революционер должен сказать: «Мы не против войны вообще, мы за войну труда против капитала, мы за поддержку рабочих, когда они будут бороться за свое освобождение; мы против войны тогда, когда удушают рабочего, но мы за войну тогда, когда она является борьбой за освобождение трудящихся».

Вот то, что разделяет правых и левых вождей западно-европейского рабочего движения.

Задача Международного Совета Профессиональных Союзов заключается в том, чтобы сплотить все честные элементы, раз'яснив западно-европейским рабочим весь тот обман, которым правые вожди окружают их. Сказать: «Мы против войны Польши с Россией», это достойно развинченного русского интеллигента-толстовца, но недостойно представителей международного пролетариата. Это — попытка отравить революционное движение Западной Европы, это — предательство в отношении западно-европейских рабочих.

Мы благодарим английских рабочих за их поддержку, за их угрозу забастовать, но одновременно мы считаем нужным предупредить их относительно того, что вожди пытаются отравить молодое движение, прививая ему идеи пацифизма [11]). Мы верим, что новая организация, которая сейчас об'единяет около трех миллионов рабочих разных стран, сумеет вскоре сплотить еще бо́льшие массы рабочих, сумеет разрушить желтый Интернационал

и дать решительный бой капиталу. Мы убеждены, что в этом бою международному профессиональному движению надлежит сыграть такую же громадную роль, какую наши профессиональные союзы сыграли и продолжают играть в социалистической революции в России.

Ответы на вопросы.

Разрешите внести поправку в предложенную резолюцию. Я бы предложил работникам просвещения, участникам с'езда, с своей стороны приветствовать английских и ирландских рабочих, начавших активную борьбу против агрессивной политики Антанты [14]), указав на то, что дело, которое они поддерживают, есть дело не исключительно наше, русское, а дело международного пролетариата. В этом отношении слово II Всероссийского С'езда работников просвещения и социалистической культуры [52]) будет иметь громадное моральное значение для всего английского движения.

Теперь я позволю себе ответить на те два вопроса, которые мне были заданы. Первый: когда предполагается созвать международный с'езд профессиональных союзов? И второй: как держат себя «независимые»? [12]). Мы предполагаем созвать не конгресс, а конференцию. Конгресс является законодательным учреждением, мы же созываем предварительное совещание. Мы предполагаем созвать конференцию 1 января, но, вероятнее всего, она будет перенесена на весну, ввиду того, что наши представители только недавно поехали в Западную Европу, в Америку и Австралию, и потому, что сейчас не прошел еще организационный период нашей деятельности. Поэтому более правильно полагать, что конференция будет созвана весною.

Как проявляют себя «независимые» в России? [53]). Какова платформа «независимцев» по отношению к нашему международному положению и нашей международной политике? На последнем своем совещании «независимые» заявили, что считают мировую революцию неизбежной, но утверждают, что дробить рабочее движение нехорошо, так как оно при всяких обстоятельствах должно быть единым. Поэтому они несогласны с нашим курсом на раскол Амстердамского Интернационала Профессиональных

Союзов. Они полагают, что мы должны войти в этот Интернационал. Между прочим должен сказать, что мы ни разу не получили приглашения вступить туда. Итак, по мнению меньшевиков, мы должны войти в этот Интернационал и вести идейную борьбу внутри его. Здесь у них такая же позиция, как в отношении к Коммунистическому Интернационалу. Они вышли из II Интернационала, так как видят, что он обанкротился, но III Интернационал для них слишком революционен, слишком коммунистичен. Конечно, в период великой классовой борьбы не может быть места половинчатости,— надо быть либо с одной, либо с другой стороны баррикад. Элементы, стремящиеся занять какое-то промежуточное положение, как всегда бывает в подобных случаях, оказываются в положении неудачном и неудобном.

Неопубликованный доклад на II Всероссийском с'езде работников просвещения. Заседание 30 августа 1920 г.

Амстердамский Интернационал и наши задачи.

Чтобы понять современную тактику и позицию, которую заняли мы, российские социалисты, в отношении международного об'единения профсоюзов, нужно проследить историю развития этого вопроса у нас в России.

Вопрос о создании международного об'единения профессиональных союзов встал впервые в нашей практике в начале 1918 г. I. С'езд Профсоюзов [4]) в своей основной резолюции о задачах союзов постановил поручить Президиуму ВЦСПС войти в сношения с западно-европейскими профессиональными союзами, и новый Президиум, во исполнение постановления с'езда, действительно приложил все возможные усилия к тому, чтобы осуществить, провести в жизнь постановление с'езда. Втечение 1917 — 1918 г.г. и первой половины 1919 г. Всероссийским Советом Профессиональных Союзов был послан целый ряд радио [54]) ко всем союзам и рабочим организациям мира, в которых Совет, излагая положение русского пролетариата, брал на себя инициативу созыва предварительной конференции профессиональных союзов; но ни на одно из этих радио ответа получено не было. В этот период наша позиция заключалась в том, чтобы восстановить связи с союзами Западной Европы вообще, независимо от их направления и платформы. Мы понимали тогда свою задачу таким образом, что, созвав конференцию, вступив в связь с союзами других стран, мы сумеем в процессе совместной работы найти сторонников нашей революционной платформы и об'единить их. Конечно, мы знали, что западно-европейское профессиональное движение, в силу целого ряда исторически сложившихся условий, еще находится в руках реформистских, соглашательских, элементов [11]). Но мы надеялись, что, вступив в общее об'единение на конференциях, конгрессах и т. д., мы, путем решительной борьбы и развития революционного сознания масс, будем вытеснять реформистов, отрывая от них рабочие массы. Мы полагали, что, несмотря на разногласия

с реформистами, остается еще что-то, что могло бы нас об'единить на какой-либо общей платформе. Но 1919 г. нам дал неопровержимое доказательство того, что наш взгляд на профессиональные союзы Западной Европы и наше понимание задач были в корне ошибочны. Этим доказательством были отчасти пришедшие материалы Бернской конференции 1917 года [25]) и целый ряд радио об Амстердамском конгрессе профессиональных союзов [18]).

На Бернской конференции собрались представители одной из воюющих коалиций, представители Австрии, Германии, Болгарии и т. д. Они отразили на своей конференции то, что происходило в буржуазной Западной Европе. Об'единились только представители рабочих одной империалистической коалиции, и были приняты решения вполне определенного характера. Несмотря на то, что в момент работ конференции весь мир знал, что рабочие России свергли буржуазное правительство, что в России идет борьба за утверждение власти рабочих, несмотря на это, мы напрасно стали бы искать в протоколах конференции намека на события в России. Ведь первый вопрос для конференции рабочих организаций есть вопрос: какое значение для международного рабочего движения имеет этот русский опыт? Но представители германских геверкшафтов просто замолчали этот вопрос, для них центр тяжести лежал в вопросе о том, какие экономические требования должны пред'явить профессионально-организованные рабочие по окончании империалистической войны. И когда мы теперь рассматриваем эти социально-экономические требования [55], тот счет, который германские и австрийские рабочие хотели пред'явить своим правительствам, нас поражает то обстоятельство, что все это построено так, чтобы не внести ничего нового, чтобы не нарушить «бургфридена» [11]). Там мы видим такие требования, как 8-ми часовой рабочий день для работающих под землей, для подростков и женщин, т. е. то, что уже осуществлено. Они не пошли дальше того, что уже завоевано и зафиксировано в законодательстве, того, что уже существует в капиталистической Европе. Эта первая ласточка показала, что лидеры западно-европейского рабочего движения в процессе войны ничему не научились и ничего не забыли, что они повторяют зады, что со скромностью и деловитостью они повторяют то, что написано в умных книжках катэдер-социалистов [56]). Но *как* рабочий класс Западной Европы

должен относиться к тому великому факту, что русский пролетариат взял власть в свои руки,— об этом мы в их резолюции ничего не найдем.

Не останавливаясь сейчас на сравнительно устаревшей Бернской конференции, которая об'единяла лишь Австрию и Германию, мы должны несколько подробнее остановиться на роли и платформе Амстердамского конгресса.

Амстердамскому конгрессу, где собрались представители обеих коалиций, очевидно, было хорошо известно не только о русском перевороте, но и о положении рабочего класса России, о положении Советской России, а также и о видах Лиги Наций [24]) и ее отношении к пролетарской республике. Но напрасно мы стали бы искать в работах Амстердамского конгресса какого бы ни было принципиального отношения к Советской России. Его резолюции напоминают старые разговоры о нейтрализме [12]) и насквозь проникнуты желанием за фразой скрыть пассивное отношение к судьбам русской революции и боязнь порвать с буржуазией и ее Интернационалом — Лигой Наций. Слишком трезвы, слишком умеренны и слишком солидны были старые лидеры западноевропейского профессионального движения [11]), чтобы поставить во всю принципиальную широту вопрос о диктатуре пролетариата, о задачах рабочих организаций в момент мирового сдвига и о дальнейших путях рабочего движения. Рамки вопроса были ограничены отношением к блокаде Советской России, выраженным в добавочной, второстепенной резолюции.

Основным вопросом, гвоздем Амстердамского конгресса явился вопрос о виновниках войны [11]). Для каждого русского рабочего очевидно и ясно, что все те, кто поддерживал свои буржуазные, империалистические правительства в войне за колонии, за захват мировых рынков, все те, кто втягивал миллионы рабочих масс в империалистическую бойню,— все были в равной степени виновниками мировой бойни. Всякий русский рабочий сказал бы лидерам рабочего движения Англии, Франции, Америки и Германии: «Все вы поддерживали свои разбойничьи правительства, все вы — виновники войны!».

Но не так ставили вопрос лидеры союзов Западной Европы и Америки на Амстердамском конгрессе профессиональных союзов. Вопрос этот разделил конгресс на две части: французы во главе

с Жуо *), англичане, итальянцы с одной стороны, с другой — коалиция побежденных стран: Легин [18]) и др. На этом конгрессе победители взяли резкий тон по отношению к побежденным, говоря: «Вы виноваты за эту войну». Одним словом, психология капитала нашла себе полное отражение на этом конгрессе: кто побит, тот и виноват. И Легину, представителю побежденной стороны, пришлось защищаться такими выражениями: «Да, мы виноваты, но разве я мог не доверять канцлеру, который говорит, что не мы первые начали». Там это было одним из веских аргументов.

То, что накануне происходило между представителями побежденных и победивших буржуазных коалиций, то в миниатюре повторилось и на Амстердамском конгрессе. Жуо, Эппльтон [10]), Гомперс [26]) и др. представители союзов победивших стран сразу перешли в наступление на представителей побежденной Германии, в лице Легина и др. И насколько жалко звучали оправдания Легина, настолько равно гнусны и лицемерны были упреки Гомперса, Жуо и др. «Победители» остались правы...

Лишь одна характерная черта дает представление о всем направлении этого конгресса «рабочих» организаций по вопросу об отношении к Бюро Труда при Лиге Наций [34]). Бюро Труда при организации Интернационала воинствующего империализма составлено из представителей крупного капитала и представителей реформистских союзов. В вопросе об отношении к этому Бюро заведомому оппортунисту, реформисту Легину, пришлось играть впервые в жизни роль «левой». Его резолюция об отношении к Бюро при Лиге Наций, гласившая, что: «Бюро Труда при Лиге Наций *не выражает* **) интересов рабочего класса», оказалась неприемлемой для правой части конгресса, и Гомперс, этот преданный приказчик американских миллиардеров, вносит от имени Америки поправку, гласящую, что Бюро Труда «*не вполне*» выражает интересы рабочего класса. Но для русского революционного классового движения, конечно, стало ясно, что с такими элементами, для которых не вполне отчетливо стоит вопрос «*вполне*»

*) Жуо — лидер французских синдикатов. Гомперс — лидер Американской Федерации Труда и секретарь комитета организации капиталистов, ставящей себе целью примирение труда с капиталом. Эппльтон — руководитель английской федерации союзов. М. Т.

**) Курсив наш. М. Т.

или «*не вполне*» выражает Лига Наций интересы рабочего класса,— с такими лидерами, с такими вождями рабочего движения нам не по дороге и разговаривать не о чем. Своей органической связью с Лигой Наций через Бюро Труда они поставили себя по ту сторону баррикады, воздвигнутой против нас империалистами.

ВЦСПС с момента Амстердамского конгресса избирает другую тактику для своей работы в международном масштабе. Вместо тактики, направленной к созданию об'единения со всеми вообще профессиональными союзами мира, он приходит к необходимости создания об'единения только профессиональных союзов, *стоящих на почве действительно беспощадной классовой борьбы с империализмом на платформе борьбы за диктатуру пролетариата.* Третий С'езд Профессиональных Союзов [57]) окончательно решил этот вопрос своим постановлением о вхождении всего российского профессионального движения в Третий Коммунистический Интернационал [48]); этим актом была определена дальнейшая линия российского профессионального движения в вопросах международной политики рабочего класса.

Победа советской власти над Колчаком и Деникиным [20]), прорыв стального кольца блокады Антанты [14]) сразу открыли возможность реальной связи с западно-европейским профессиональным движением. Но это был не главнейший фактор, определивший установление этих связей. С 1918 до 1920 г. рабочее движение Западной Европы проделало громадную эволюцию. Если в 1918 г. наблюдались вспышки отдельных забастовок, если наблюдался рост активных выступлений пролетариата Западной Европы [5]), то обычно для того периода эти выступления были далеко не осознаны в смысле классовых задач. В 1920 г. движение западно-европейского пролетариата носит определенный революционно-классовый характер, носит на себе черты и отблески грядущих бурь мировой классовой войны. Если в 1919 г. рабочие Западной Европы и Америки весьма смутно знали о происшедшем в России перевороте, то в 1920 г. западно-европейские рабочие достаточно поняли, что такое Советская Россия и за что борются русские рабочие. В силу здорового классового инстинкта, западно-европейский пролетариат понял, что дело, которое творится в России, есть дело не только русского, а всего мирового пролетариата, что та борьба, которую ведут русские рабочих на всех

фронтах, те усилия, которые прилагают они для того, чтобы защитить и укрепить свою республику, есть дело общепролетарское, есть дело, определяющее ход и развитие мировой борьбы труда с капиталом, дело мировой революции. Выступление ирландских железнодорожников с отказом грузить грузы, предназначенные для врагов Советской России,— пример, нашедший подражание у английских докеров и волной прокатившийся по всей Европе, — явилось поворотным пунктом решительного перехода западно-европейской рабочей массы к активной борьбе за Советскую Россию, как за аванпост мировой революции. Явный факт сдвига влево рабочей массы Западной Европы,— вот основной фактор, определивший успешность восстановления нашей связи с западно-европейским рабочим движением. Лишь вследствие этого мы имели возможность видеть у себя сперва английскую, затем итальянскую делегацию [58]) и, наконец, целый ряд представителей профессиональных союзов других стран и лишь благодаря этому в день от'езда английской делегации из Москвы в Доме Союзов был положен первый камень Красного Интернационала Профессиональных Союзов [38]).

Мы видели, что английская делегация не представляет из себя единого целого, что левые английские делегаты сильно разнятся от правых, мы видели, что там есть часть, способная стать на платформу коммунизма. Они не были коммунистами; здесь в России они увидели, что такое диктатура пролетариата и советская власть. Приехали и итальянские делегаты, которых мы тоже приняли как коммунистов. Это была ошибка, так как и они делились на правых и левых. Пред нами стояла задача: имея пред собою рабочих представителей двух крупных стран Европы, попытаться создать боевое, ударное ядро для международного об'единения красных союзов.

Нам пришлось выполнить очень трудную работу. Я вспоминаю это историческое заседание в Зеленом зале Московского Совета профсоюзов. Нам пришлось встретиться с боязнью сказать резкое слово; но мы создали комитет международных организаций из представителей Англии, России и Италии. Однако английские делегаты представляли только некоторые союзы Англии, и, кроме того, они не были уполномочены заявить о солидарности, а мы не могли стоять на формальной точке зрения. Если бы мы

стали дожидаться, пока они станут на нашу платформу, нам бы пришлось дожидаться очень долго.

Здесь была подписана первая платформа новой международной организации рабочих. Представители русского профессионального движения *), левой части английского профессионального движения и представители профессиональных союзов Италии выработали и подписали общую платформу в целях созыва международной конференции революционных профессиональных союзов, создав Бюро для созыва этой конференции. Мы об'явили в этой платформе непримиримую борьбу соглашательским элементам, желтым союзам, мы сказали, что мы берем на себя инициативу раскола профессиональных союзов. Конечно, меньшевики и до этого кричали и после этого кричат: «Какое это преступление — раскалывать рабочее движение, оно всегда должно быть единым!» В то время, когда весь рабочий класс шел вместе с советской властью, некоторые меньшевики и эсеры очень заигрывали с Самарским, Сибирским правительствами и правительством Скоропадского [29]). Это и заставило нас пойти на раскол, ибо иной тактической линии быть не может. Наша задача — вырвать рабочие массы Западной Европы из-под влияния соглашателей. Для этого нам нужно об'единить все левое, все честное, все действительно революционное, создать стальные колонны и разрушить желтый Интернационал. Идя к осуществлению этой задачи, мы остановились на необходимости создания красного Интернационала для свержения могущества буржуазии. Вот платформа, которая легла в основу этого об'единения.

Следующим шагом было расширение всей нашей организации. Из Комиссии мы решили переименоваться во Временный Международный Совет Профсоюзов. К нам примкнули представители Грузии, Болгарии, Юго-Славии [38]), английских заводских старост [41]), в лице тов. Мерфи [63]), представители Франции, Испании.

И все-таки еще остались значительные группы непримкнувших к нам левых, революционных элементов, для которых многие наши положения были неприемлемы, это — группы левых синди-

*) От профессиональных союзов России: Томский, Лозовский и Цыперович; Англии — Вильямс [36]) и Персель [37]); Италии — Д'Арагона [59]), Коломбино [60]), Бианки [61]) и Дугони [62]). От Коммунистического Интернационала — Зиновьев.

калистов [50]) различных стран. Наша тактика в данном случае была не совсем верной, мы не считались с укоренившимися у синдикалистов предрассудками, с отвращением их к парламентарному государству, ко всякой политике. Перед нами стояла задача — побороть это огульное отвращение ко всякой вообще политике, порожденное политиканством и соглашательством западно-европейских социалистических партий. После долгих переговоров, после того, как мы нашли правильный путь, мы об'единили этих левых Второго Конгресса Коммунистического Интернационала [48]). Они поняли, что политика может быть без политиканства и что политика ведется различными средствами. Мы, например, не отказывались и от вхождения даже в III, черносотенную, государственную думу [64]), не переставая, однако, от этого быть революционерами. В дальнейшем представители индустриальных рабочих Америки, Английской и Голландской Индии вошли в Совет, что расширило его рамки. Итальянская Федерация Труда [51]) в целом вошла, несмотря на свое реформистское прошлое, несмотря на некоторые его рецидивы. Трудно им было сразу повернуть налево, но давление на них со стороны итальянских рабочих дает основание предполагать, что дальше по пути реформизма они не пойдут. Такова логика фактов. Левые группы итальянского рабочего движения вошли в наше об'единение. Так создался Временный Международный Совет Профсоюзов.

В послевоенный период, до 1920 г., рабочее движение не удавалось организовать в мировом масштабе, не удавалось даже установить регулярную связь. Но после 1920 г. всего втечение двух месяцев удалось об'единить свыше семи миллионов рабочих. Причина нашего успеха заключается в том, что западно-европейское рабочее движение от платонического сочувствия начало переходить к активному сочувствию рабочему движению в России. Оно начало понимать, что это «русское» дело имеет международный характер. Здесь интересно вспомнить историю и проверить на ней правильность пути, по которому мы шли.

Еще в 1917 и в начале 1918 г. главнейшим аргументом против коммунистов со стороны меньшевиков и эсеров было утверждение, что нельзя строить свою тактику на вере в мировую революцию. «Вот посмотрите на русских дурачков, которые сидят и ждут мировой революции,— говорили они. — Нет, ты нам скажи, *когда*

будет эта мировая революция!». Я утверждаю, что сейчас в России уже нет ни одной партии, которая, именуя себя социалистической, стала бы утверждать, что мировая революция есть мечта. Теперь о мировой революции [53]) гнусавят и меньшевики, и эсеры. Но путь к ней они представляют по-своему, как это и достойно идеологов мелкой буржуазии. Они говорят: «Да, она идет, она будет социалистической, но нужно пройти через демократию». Это — характерный факт. Если в 1918 г. каждый английский и французский рабочий знал, что такое наша революция, то в 1920 г. они знают, что эта революция есть начало диктатуры рабочих всего мира. И теперь, когда их симпатия к Советской России выливается в активные действия, мы говорим: не сбейтесь с этого пути. А попытки сбиться с этого пути есть.

Я коснусь основных фактов проявления солидарности в Англии с почина транспортных рабочих союзов докеров Ирландии, которые отказались грузить и перевозить для Врангеля [29]) военные припасы и провели замечательную по организованности забастовку. Дальше. В недавно пережитые нами тревожные дни, когда мы стояли перед ультиматумом, когда нам пришлось на фронте отойти назад [32]),— в это время английские рабочие союзы пришли нам на помощь, они создали Совет Действия [42]). Во главе этого Совета оказались соглашательские элементы — Гендерсон [15]) и др. Это нас печалит, но и радует то, что они должны, под давлением рабочих масс, менять свою прежнюю тактику. Английское правительство пошло на уступки. Убеждение в том, что к нам на помощь придет новый отряд пролетариата, оказалось правильным, этот момент наступил, и сейчас мы имеем поддержку в лице Комитета Действия и широкого рабочего движения.

Интересно отметить, какую тактику ведут соглашательские элементы, в лице Гендерсона и др. английских меньшевиков, в этом рабочем движении. Нам приходится отметить ту предательскую позицию, которую они заняли, став во главе движения. Они пытаются отравить его идеологией классового мира [11]). Они говорят, что не должны допускать вмешательства в русские дела потому, что они против *всякой* войны. А это и значит отравлять здоровые источники пролетарского движения. Разве те события, которые происходят в России, есть *русское* движение, разве *национальный* спор решается между польской нацией и русской

нацией? Разве Советская Россия не подпишет мира и не сделает во имя этого мира территориальных уступок? Разве нападение Польши не есть нападение Лиги Наций? Разве нападение Польши не есть нападение классовое — предпринимателей на пролетариат — в международном масштабе? Разве наш спор с Врангелем есть внутреннее недоразумение, которое происходит на почве национальных трений? Наш спор с Врангелем есть классовый спор, в котором русская буржуазия пытается восстановить потерянное господство. И в это время вместо того, чтобы об'яснить английскому рабочему классовый характер этой борьбы, английские соглашатели пытаются задержать, затормозить мощность английского рабочего движения.

Какие задачи ставит перед собой Временный Международный Совет помимо организационной — созыва международной конференции? Главнейшим условием для создания Красного Интернационала Профессиональных Союзов, стоящего на платформе III Коммунистического Интернационала, является освобождение революционно настроенных западно-европейских и американских пролетарских масс из-под влияния их оппортунистических вождей - реформистов, которые до настоящего момента всячески стараются опутать пролетариат липкой паутиной соглашательства, подменяя революционные лозунги — реформистскими, затемняя революционный смысл выступления западно-европейских пролетариев — мелкобуржуазной идеологией, отравляя активное содействие творящему социалистическую революцию русскому рабочему — мещанскими идеями пацифизма [11]).

Для прояснения классового самосознания пролетариата мира главнейшим препятствием является желтый, соглашательский, Амстердамский Интернационал [13]), превратившийся в послушное орудие Лиги Наций [34]). *Разгром Амстердамского Интернационала,— вот первейшая практическая задача дня, стоящая перед Временным Международным Советом Профессиональных Союзов.* Сейчас за нами меньшинство. За нами едва одна пятая часть всех организованных рабочих мира. Но после того, как мы в продолжение значительного периода были одни и сумели создать первое революционное об'единение для наступления, нас не должно смущать наше положение меньшинства в международном профессиональном движении. Мы знаем, что эта борьба трудна, и для

того, чтобы одержать успех, нужно сплотить все честное, все смелое, все стоящее действительно на революционной платформе, всех способных порвать с идеями «бургфридена». Таким образом, второй задачей дня, необходимой предпосылкой для выполнения общих задач является *сплочение в мировом масштабе всех левых элементов профессионального движения*. Поэтому Международный Совет об'единяет в своих рядах все левые течения, все активные революционные элементы мирового движения. Поэтому Международный Совет принимает в свои ряды представителей профессиональных союзов, юнионов, геверкшафтов [30]) и т. п., он принимает в свои ряды и оппозиционно до сих пор настроенные к нам элементы, как-то: синдикалистов, «Ай-Доблю-Доблю», фабрично-заводских старост и т. п.

Мы не пытаемся скрывать, кто эти левые; мы не скрываем, что между ними есть различные оттенки. Но ведь даже и между русскими, испанскими или итальянскими коммунистами есть целый ряд разногласий. И это неизбежно: мы пережили три года революции, они же еще только приступают к ее началу. Мы — «убеленные сединами», они — еще малютки. Они, конечно, в области хозяйственной в полгода сделают больше, чем мы за все три года, так как они культурнее, но в смысле революционного опыта мы являемся стариками, и в нашей международной профессиональной организации будут тактические разногласия, непонимание и т. д. Нам важно, не обращая внимания на мелкие разногласия, направить эти силы на борьбу с классом капиталистов и на борьбу с соглашателями. С этой целью мы стремимся к сплочению левых. Наша задача — сплотить все революционные течения в одну колонну и повести рабочие организации по пути революционной классовой борьбы. Вопросы второстепенные — организационные и тактические разногласия — перед лицом общего врага должны отойти на второй план. Необходимость непримиримой классовой борьбы с капиталистами, необходимость решительной борьбы — идейной и организационной — с реформизмом во всех его видах и проявлениях, признание необходимости борьбы за диктатуру пролетариата и свержение власти капитала,— вот та платформа, на которой могут об'единиться и об'единяются все действительно революционные элементы международного профессионального движения.

История возложила на русское профессиональное движение инициативу в деле создания мирового революционного об'единения профессиональных союзов. История возложила на нас обязанность быть руководителями международного рабочего движения, и русские союзы должны с честью выполнить возложенную на них историей тяжелую, но почетную задачу. Мы должны найти в себе силы для того, чтобы наша дисциплинированность, наша сплоченность и непоколебимость в действительности являлись образцом для рабочих организаций всего мира. Ведя внутреннюю работу по укреплению не только своих организаций, но и всего советского государства, мы должны найти в себе достаточно силы, чтобы не забывать и этой величайшей задачи. Вопреки воплям наших доморощенных реформистов из лагеря меньшевиков и эсеров, воплям о том, что мы идем на раскол международного рабочего движения, мы должны, идя по намеченному пути, довести наше дело до конца.

Пусть справа раздаются крики, что создавшаяся организация есть организация самочинная, что никакой международный конгресс не выбирал эту организацию, что она об'единяет кучку рабочих. Тут много правды, но много и неправды. Нас не выбирал ни с'езд, ни конференция, но мы собрались, чтобы созвать такой с'езд. Созыв такого конгресса возможен только после создания инициативного центра. Совет называет себя временным, потому что он не выбран. Говорят, что нас мало. Это правда. Нас, может быть, 7—8 миллионов, а профессиональное движение мира об'единяет около 30—40 миллионов рабочих. Нужно вспомнить историю III Коммунистического Интернационала, над которым тоже пытались издеваться соглашатели. Поистине идет раскол, рушится, трещит старый, желтый, II Интернационал [11]). Он тонет, как старый корабль, и с него бегут даже такие крысы, как меньшевики; если они бегут, то дело их плохо. Вместе с крушением II Интернационала рушится и Амстердамский Интернационал Профессиональных Союзов. Создавая боевой Интернационал союзов, как противовес, как орудие уничтожения желтого Интернационала Амстердама, мы в то же время должны всячески стараться завязать и укрепить новые связи с мировым рабочим движением. Здесь перед каждым производственным союзом стоит своя задача — установить связь с родственными союзами других стран, принять

участие в их конференциях и конгрессах и даже войти в мировые профессиональные об'единения.

Раскалывая Интернационал Амстердама, отрывая от него отдельные куски для создания новой, боевой организации, мы не отказываемся входить в мировые об'единения отдельных союзов [65]). Но везде, где бы то ни было — на с'ездах, конференциях, на международных совещаниях профессиональных союзов — российские союзы не должны, не могут и, конечно, не будут забывать своей основной задачи — полного выявления своей революционной платформы, полной, отчетливой формулировки основных принципов российского революционного профессионального движения — и будут беспощадно бороться с реформистскими и колеблющимися элементами. Здесь, в этой работе, перед российскими профессиональными об'единениями — громадное, широкое поле деятельности, и мы уверены, что российские союзы, сумевшие положить первый камень в фундамент мирового об'единения пролетариата, сумеют довести начатое дело до конца.

«Вестник Труда», № 1. Октябрь 1920 г. Опубликовано под заголовком: «Наши задачи в международном профессиональном движении».

Наша международная политика.

Товарищи, задача сегодняшнего доклада — познакомить центральные комитеты союзов с той международной политикой, которую в области профессионального движения проводит ВЦСПС через Международный Совет Професисональных Союзов. Этот доклад поставлен нами по требованию значительного количества центральных комитетов.

Данному собранию, состоящему из коммунистов, я не буду доказывать необходимость борьбы с реформизмом [11]). Это настолько живо осуществляется каждым участником собрания, что доказывать не приходится. Но мало сказать, что мы считаем своей святой задачей борьбу с реформизмом,— с соглашательством во всех его проявлениях. Нужно отчетливо знать силы наших врагов, методы, которыми они борются с нами в настоящий момент, и надо твердо установить те методы, которыми мы будем бороться с ними. Для того же, чтобы точнее уяснить себе, как следует бороться с Амстердамским Интернационалом, нужно в нескольких словах коснуться новейшей истории этого Интернационала профессиональных союзов. Незадолго до окончания империалистической войны, в октябре 1917 года, собралась конференция профессиональных союзов — в Берне [25]). Она об'единила союзы лишь одной воюющей коалиции — Германии, Австрии, Болгарии и т. д.

Бернская конференция, собравшаяся накануне Октябрьской революции, ни словом не коснулась проблемы социалистической революции в России. Вопрос о войне она также обошла. На конференции раздавались общие слюнявые, сентиментальные фразы, вроде: «Мы должны стремиться к миру», рядом с которыми были заявления со стороны немцев: «Мы, немцы, защищались потому, что на нас напали». И наряду с этим ни одного слова о русской революции и даже ни одного намека на нее. Перед окончанием мировой бойни реформисты всех стран ограничивали

задачи профессиональных союзов вопросами рабочего дня, социального страхования и регламентации труда. И, наоборот, они избегали ставить политические вопросы, избегали умышленно, ибо считали, что вопрос о войне может внести разлад в отношения между представителями стран нейтральных и воюющих. Характерно, что на первой Бернской конференции вопрос о рабочем дне был сведен к требованию зафиксировать в законодательном порядке в международном масштабе десятичасовой рабочий день.

После окончания войны, в момент мирной конференции [24]), собралась вторая Бернская конференция [25]). Она пыталась оказать давление на подписывавших мирные условия капиталистов и заставить их наряду с подписанием условий перемирия установить «справедливые» нормы труда, заработной платы и т. д. Но, как это всегда происходит в таких случаях, правительство Франции попросило французских реформистов оказывать давление где угодно, только не в Париже. Последние, «не желая согласиться с правительством», уехали «производить давление» в Берн.

В Берне все ограничилось вопросами социально-экономической политики профессиональных союзов. Снова приняты были общие декларации о том, что «необходимо в международном масштабе установить условия труда, что необходима охрана труда»,— декларации еще менее содержательные, чем решения первой Бернской конференции. Все же попытки, от кого бы они ни исходили, поставить в порядок дня конференции действительно остро стоящий вопрос рабочего движения,— об отношении к социалистической революции в Советской России,— ни к чему не привели. Говорили: «Может быть, мы и накануне большого под'ема рабочего движения, но сейчас перед рабочим классом стоят практические вопросы реальной политики; однако из того, что мы обсуждаем вопросы практические, не следует, что мы отказываемся от свержения капитала».

После второй Бернской конференции был созван Амстердамский конгресс профессиональных союзов [18]). На этом конгрессе впервые встретились представители обеих коалиций. Здесь надо отметить одну характерную особенность. Вы помните, что с момента I С'езда Профессиональных Союзов [4]), состоявшегося в январе 1918 г., мы неоднократно обращались по радио [54]) к западно-европейским профессиональным союзам. Мы предлагали

им приехать на международную конференцию, мы посылали в Западную Европу своих представителей, которые говорили с лидерами западно-европейского рабочего движения по этому вопросу. В частности в 1918 г. нами было поручено Платтену [66]) (и им было выполнено наше поручение) войти в соглашение с лидерами западно-европейского профессионального движения. Однако ни на Бернскую конференцию, ни на Амстердамский конгресс представители русских профессиональных союзов приглашения не получили.

С Амстердамского конгресса начинается поворот в нашей международной рабочей политике, поворот в международной политике ВЦСПС. Несмотря на то, что и до Амстердамского конгресса мы по собственным меньшевикам знали, какая гадость реформисты, знали, что западно-европейские реформисты на много процентов хуже наших меньшевиков, но до этого конгресса мы считали, что перед лицом революции по вопросам профессионального движения у нас все же найдется общий язык, а это даст возможность войти в одну организацию и уже внутри этой единой организации бороться за проведение своей платформы.

Мы избрали путь созыва международной конференции, вхождения в общую организацию, с тем, чтобы внутри этой организации повести решительное наступление и завоевать данную организацию изнутри. Однако Амстердамский конгресс заставил нас изменить тактику. Мы поняли, что помимо общих политических соображений нам не по дороге с Амстердамским Интернационалом еще и потому, что он косвенно через Бюро Труда вступил в Лигу Наций [24]). Самый факт вхождения представителей международного профессионального движения в Бюро Труда при Лиге Наций предопределил дальнейшую мировую политику западно-европейских профессиональных союзов. Я думаю, вам не нужно рассказывать, что представляет из себя Лига Наций и почему для нас было особенно противно какое-нибудь соприкосновение с элементами, прямо или косвенно имеющими отношение к этому учреждению.

После Амстердамского конгресса наша тактика, таким образом, меняется. Амстердамский конгресс ясно показал, что лишь путем раскола Амстердамского Интернационала, путем борьбы с реформистами не на жизнь, а на смерть, путем раскола

международного профессионального движения, путем построения параллельного органа международного об'единения профессиональных союзов мы можем укреплять и углублять свои позиции.

Вот почему меняется наша тактика, которая на III С'езде Профессиональных Союзов [57]) выразилась в акте вступления российского профессионального движения в Коммунистический Интернационал. Факт этот показал, что мы взрываем за собою мосты к каким-либо соглашениям с представителями Амстердамского Интернационала.

Ввиду частых недоразумений и многочисленных вопросов со стороны представителей центральных комитетов я принужден остановиться на построении Амстердамского Интернационала. У некоторых товарищей могло создаться ошибочное представление, что Амстердамский Интернационал профессиональных союзов построен по типу ВЦСПС. На самом же деле это совершенно не так. Всероссийский Центральный Совет об'единяет с одной стороны всероссийские союзы, возглавляемые центральными комитетами, т. е. вертикальные организации, и с другой — местные советы профессиональных союзов, т. е. об'единения горизонтальные. Амстердамский же Интернационал Профессиональных Союзов опирается только на горизонтальные организации. Так, например, в Амстердамский Интернационал входит Генеральная Комиссия Профессиональных Союзов Германии, об'единяющая все союзы этой страны (как наш ВЦСПС). Международный же союз металлистов, вертикальная организация, об'единяющая металлистов всего мира, в Амстердамский Интернационал не входит.

Таким образом, Амстердамский Интернационал об'единяет только общенациональные организации, международные же производственные об'единения рабочих между собой никак не связаны. Признавая, что каждая национальная часть международного производственного союза входит в Амстердамский Интернационал, через свое общенациональное межсоюзное об'единение, международные союзы считают себя связанными с этой организацией нравственно, фактически же ни в какой организационной зависимости от Амстердамского Интернационала не находятся.

Этот факт горизонтального строения Амстердама нужно учесть для того, чтобы понять и принять нашу тактику. Наша

тактика с момента III С'езда Профессиональных Союзов резко меняется. От попытки вступить в общее с реформистами международное об'единение, в целях борьбы внутри его, мы переходим к попытке создания Красного Интернационала Профессиональных Союзов [38]). Учитывая, что Амстердам опирается только на горизонтальные организации, мы стараемся отрывать от него отдельные производственные об'единения. Если бы мы поступили иначе, если бы мы пытались отрывать отдельные общенациональные центы, то это было бы очень длительно, ибо чем ближе к центру профессиональная организация в Западной Европе, тем более она консервативна. На Западе мы имеем настоящих чиновников профессионального движения, людей, которые десятки лет сидят в союзе, выполняя определенную работу. Я приведу в качестве примера характерный факт: чиновники профессионального движения Германии созывают свои особые профессиональные конгрессы [67]), где обсуждают вопрос об установлении особых экономических условий для их труда, вопрос о том, какие требования они должны пред'явить своим организациям для улучшения своего экономического положения. Число этих чиновников достигает приблизительно 70.000.

Вот другой характерный факт. Недавно посетивший нас представитель левых американских юнионов после самого революционного разговора со мною сказал: «Да, американское рабочее движение левеет, оно, может быть, еще полевеет, но я уверен, что пока жив Самуэль Гомперс [26]), он будет председателем Американской Федерации Труда» [68]).

Если у левого, у врага реформистов, существует представление, что Американская Федерация Труда не может существовать без Гомперса только в силу того, что он двадцать лет председательствует в этой организации, то можно себе представить, какова же психология самого Гомперса. Он, вероятно, и во сне видит себя не иначе, как председателем Американской Федерации Труда.

Приведенные факты делают для нас понятными и многие другие черты в современном рабочем движении Запада, а также и то, почему мы ориентируемся не на верхушечные организации. Я бы сказал, что наша тактика,— по крайней мере, как она представляется на первое время,— сводится к вырыванию из

Амстердамского Интернационала его ближе стоящих к массам составных частей. Мы и сказали в своей платформе, что стремимся об'единить те же организации, что и Амстердамский Интернационал, но в то же время мы принимаем в свою среду и международные производственные союзы, и даже отдельные локалы. Так, например, мы примем в свои ряды и Международный Союз Химиков [65]), и Федерацию Труда в Италии [51]), и Берлинский Совет Профессиональных Союзов [69]), больше того: мы примем в качестве члена даже Берлинское Отделение Союза Металлистов, если последнее заявит о желании вступить во Временный МСПС. Только подрываясь под этих крепко засевших в союзах консервативных вождей - политиканов, мы можем опрокинуть основы Амстердама, который пока еще крепок, поскольку он насчитывает 27 миллионов организованных членов.

Мне хотелось бы в нескольких словах остановиться на вопросе о расколе, вопросе, который сейчас интересует и волнует руководителей профессиональных союзов. Первое, что нас отделяет от меньшевиков, заключается в следующем. Меньшевики говорят: «Мы тоже за мировую революцию [58]), мы так же, как и вы, считаем, что все западно-европейские профессиональные союзы умеренны и консервативны. Мы тоже считаем необходимым об'единение сил для завоевания власти и свержения буржуазии. Но вы идете неверным путем. Рабочее профессиональное движение должно быть едино, поэтому вы должны входить в Амстердамский Интернационал и бороться внутри международного об'единения рабочих за господство ваших идей». Таким образом, меньшевики рекомендуют нам держаться нашей старой позиции. После того, как мы признали, что наша старая позиция никуда не годится, меньшевики советуют нам придерживаться именно ее.

Тут возникает вопрос о том (все, вероятно, читали брошюру Владимира Ильича [70]), который говорит, что не надо раскалывать профессиональные союзы), как же свести концы с концами? Мы не признаем Амстердамского Интернационала, но в то же время призываем не раскалывать профессиональное движение. Этот вопрос резко поставил Владимир Ильич, еще более резко — Радек, а еще резче последнего — Лозовский [71]) (и в этом его ошибка), который заявил: «Никогда и ни при каких обстоятельствах не раскалывайте профессиональные союзы, не уходите из них, не

стройте параллельных профессиональных организаций». Другую формулировку предложили левые германские коммунисты [72]). Последние видели перед собою крупные германские профессиональные союзы, в которых крепко засели чиновники профессионального движения, обставившие себя так, что никакая оппозиция против них внутри этих союзов вообще невозможна.

Левые германские коммунисты, исходя из этого факта, создали теорию: «профессиональные союзы сами по себе — организации консервативные, контр-революционные, неспособные на революционные выступления; следовательно, все левые элементы должны уходить из профессиональных союзов». Из факта, что чиновничество в германских союзах очень сильно сегодня, эти люди делают вывод, что оно непобедимо вообще. Ничего подобного, конечно, на самом деле нет. Мы знаем, что большевики, когда их били камнями [73]), все же выступали с проповедью своих взглядов, что они не отказывались от борьбы. Опровергая точку зрения германских левых коммунистов, некоторые товарищи дошли до утверждения, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя уходить из профессиональных союзов, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя строить параллельных профессиональных организаций.

Конечно, было бы величайшей глупостью рассматривать профессиональные союзы как контр-революционные организации. Они были всегда более оппортунистической организацией, чем партия, но бежать от этих организаций — значило бы не уметь использовать профессиональные союзы. В то же время величайшей ошибкой будет, если мы сделаем отсюда вывод, что никогда и ни при каких обстоятельствах не надо выходить из профессиональных союзов. Мы знаем, что никогда и нигде, несмотря на упорную борьбу между меньшевиками и большевиками, профессиональное движение не было так едино, как в России. Россия не знает союзов, об'единенных по национальному признаку, не знает союзов, построенных на религиозном принципе.

Мы раскололи союз рабочих печатного дела. Никакого греха в этом нет. И фабрично-заводские комитеты мы строили как средство борьбы против меньшевистских профессиональных союзов. В американских условиях мы, может быть, не стали бы раскалывать тот или другой союз, как в английских условиях мы

не стали бы строить параллельные организации. Все зависит от конкретных условий. Поэтому-то формулировка Лозовского и Радека: «ни при каких обстоятельствах не раскалывайте профессиональные союзы» с тактической точки зрения неправильна. Мы не можем создавать какие-то фетиши из профессиональных союзов. Нельзя говорить, что никогда, ни при каких обстоятельствах не надо раскалывать союз. Если это полезно и необходимо,— союз нужно расколоть. Если же его можно завоевать, — раскалывать не надо. Этот вопрос я считаю вопросом тактическим.

Наша принципиальная линия такова: «не выходи из союза, работай в союзе, старайся завоевать союз». Ну, а если так не выходит — завоевывай его иными методами, но так, чтобы при этом *завоевать массы*. Мы не рассматриваем Амстердам как святыню, которую нельзя тронуть пальцем. Нельзя расколоть Берлинский Отдел Металлистов, ибо тогда половина его членов останется вне коммунистического влияния, а Амстердам расколоть можно, так как он является такой же верхушечной организацией, как и ВЦСПС.

Какова должна быть наша тактика в борьбе с Амстердамским Интернационалом? Нельзя преувеличивать наши силы, как нельзя и преуменьшать силы противника. Наши противники хорошо вооружены, очень крепки, они опираются на традиции, на вышколенность десятков тысяч профессиональных чиновников, на целую кучу предрассудков, которые живут в душах западно-европейских профессионалистов. Здесь все — профессионалисты. Мы знаем, с каким трудом нам самим приходилось изживать некоторые цеховые предрассудки. Но ведь наше движение имеет без году неделю, в то время как там,— представьте это себе,— движение имеет за собою почти столетие и втечение этого времени шло по определенному руслу, в условиях мирно развивающегося капиталистического общества. Ясно, как трудно этим людям отказаться от выработавшихся у них втечение десятилетий предрассудков. С этим нам следует считаться. Политически мы можем опираться, как на главную базу, конечно, на коммунистические элементы рабочего движения, на коммунистов, работающих в профессиональных союзах. Но, к сожалению, партия коммунистов в Западной Европе далеко еще не сильна, а при таких обстоятельствах было бы чрезвычайным хвастовством и мальчишеством заявлять:

«мы вас расколем». Борьба предстоит очень трудная, а это диктует необходимость сплочения всех разнородных, разношерстных, но левых элементов в один компактный союз для борьбы с реформизмом и необходимость воспитания этих разношерстных элементов в процессе борьбы с реформизмом.

Правильность такой тактики подтверждается всем процессом революции. В то время как меньшевики перед Октябрьской революцией вели борьбу главным образом налево, а направо говорили только *страшные слова,* ничем не проявляя себя активно,— мы проводили борьбу *только направо.* Несмотря на то, что слева бушевали анархисты, которые грозили сорвать движение, мы все-таки не начинали с ними борьбы. Мы их критиковали, но *вместе* с анархистами вели борьбу против реформистов. Раз'яснение налево и борьба направо, — такова в то время была наша тактика. Такой же линии мы должны придерживаться и в области международного профессионального движения. И здесь имеются анархисты, синдикалисты, «Индустриальные Работники Мира» [30]) и пр., которые многого не понимают, во многом расходятся с нами, которые отрицают необходимость политической борьбы, необходимость существования политической партии пролетариата. Они утверждают, будто политические партии создаются для того, чтобы политиканствовать и одурманивать рабочий класс, они говорят, что рабочий класс победит и овладеет фабриками и заводами не через захват государственной власти, а при помощи одной только всеобщей забастовки.

Несмотря на то, что эти элементы далеко не сознательны, что они заражены мещанской идеологией, мы их слушаем, так как все-таки должны учитывать, что это революционеры не на словах, а на деле, ведущие забастовочную борьбу, выражающие сочувствие советской власти, ведущие непримиримую, героическую борьбу с реформистами. Во главе их стоят обыкновенные рабочие; на основании личного соприкосновения с ними могу по секрету оказать,— не очень сознательные рабочие. Тем не менее это здоровые, революционно-пролетарские элементы, но только идущие по неправильному пути.

Следует особо остановиться на ошибке, которую мы допустили в отношении «Индустриальных Работников Мира» и синдикалистов. Месяца два тому назад, на заседании [74]), созванном

в связи с докладом тов. Лозовского, мы выступали против Мельничанского, который доказывал необходимость блока с «Индустриальными Работниками Мира». Нам тогда было ясно, что с элементами, которые вообще отрицают политическую борьбу и государство, в том числе и пролетарское,— никакой общей платформы быть не может. Однако ближайшие же дни показали, что мы были неправы.

Я докладывал вам о нашем первом заседании с англичанами и итальянцами, о том международном об'единении, которое создалось из представителей трех групп — нашей, левых английских элементов и итальянцев [38]). С самого начала мы видели перед собой, в лице Дугони [62]), настоящих, только по-итальянски говорящих меньшевиков, которые приехали в Россию поправить свою подмоченную репутацию. Но они были необходимы нам, как исходный пункт при создании МСПС. Когда же мы дотолковались с реформистскими элементами, то волей-неволей передо мной и перед Зиновьевым встал новый вопрос. С реформистами мы нашли общий язык и договорились потому, что это — опытные и хитрые политиканы, знающие, что одно дело — на бумаге написать, а другое дело — в жизнь провести, но как быть с честными, простыми рабочими, которые устраивают забастовки, которых сажают в тюрьмы, которые не участвуют в буржуазном правительстве, которые ведут классовую борьбу, которые чужды всякого соглашательства? С ними мы не могли найти общей *формулы,* и этот факт заставил нас всмотреться в нашу тактику и изменить ее. Мы попробовали смягчить только одну, для них неприемлемую, формулировку: «никогда и ни при каких обстоятельствах не выходить из союза», заменив ее формулировкой: «не следует выходить из союза без крайней необходимости», которую они признали целиком. Формула, утверждающая, что ни при каких обстоятельствах нельзя выходить из союза, оставила бы их за бортом нашего об'единения. После разрешения этого вопроса они без особых возражений приняли остальные наши положения, признав необходимость теснейшего сотрудничества с политическими партиями и теснейшего об'единения с III Интернационалом на платформе диктатуры пролетариата.

Об'единив эти разношерстные элементы, мы имеем три течения внутри левого крыла международного профессионального

движения. Первое и основное, определяющее, течение — это мы; наш авторитет в левом крыле велик, другие коммунистические элементы мало влиятельны. Второе течение, это — «Индустриальные Работники Мира» и синдикалисты со всеми их причудами и предрассудками — с их аполитичностью, с их отвращением к государству. И, наконец, третье — левые юнионисты, правые коммунисты и лево-реформистские элементы.

Какое из двух последних течений ближе к нам? Сейчас на этот вопрос я затруднился бы ответить. Я бы сказал, что оба лучше и оба хуже. Левые тред-юнионистские элементы даже тогда, когда они делаются коммунистами, еще очень и очень непохожи на наших коммунистов. Так, часть английской делегации, которая «сожгла свои корабли» и подписала нашу платформу, а по приезде в Англию вступила в коммунистическую партию, была приглашена, в качестве лидеров профессионального движения, к Ллойд-Джорджу [46]). Ллойд-Джордж пригласил лидеров профессионального движения, чтобы поделиться некоторыми соображениями о своей общей политике. При этом он заявил, что может говорить с ними откровенно только в том случае, если они ему дадут честное слово никому не сообщать об этом разговоре. Эти люди дали ему честное слово, и он рассказал им о своей политике. Там был и Вильямс [86]).

Левые, революционные синдикалисты обеими руками подпишут любую революционную платформу. Но нас и от них отделяет слишком многое. Слишком много у них чувства, слишком много экспансивности. Итальянские синдикалисты, которые ради дружбы с нами пойдут на любой конфликт с Джиолитти [75]), говорят: «Вашу платформу мы принимаем, но ведь ее принял и Д'Аррагона [59]). Как можно войти в тот же Совет, куда вошел Д'Аррагона?» Это, по их мнению, все равно, что посадить в одну комнату Бухарина и Маркова II [76]). Они нам из-за этого устраивали истерики. Их идеология, их понимание классовых задач пролетариата, их аполитизм сохраняются даже тогда, когда они признают необходимость координации борьбы экономической и политической, даже тогда, когда они признают, что для пролетариата нет иного выхода, кроме захвата власти. Даже Джон Рид [77]), который является членом Коммунистического Интернационала, редко бывает на заседаниях Совета. Он боится политики.

Если справа мы видим признаки реформизма, то слева мы наблюдаем проявление анархизма; по отношению к анархистам мы должны применять тактику терпеливого раз'яснения. Терпеливо раз'яснять, но одновременно подталкивать одного посредством другого. При проведении нашей линии нам приходится в некоторых странах опираться на две противоположных группировки. Так, в Италии мы имеем: справа — Итальянскую Федерацию Труда, т. е. об'единение синдикатов Италии, слева же — об'единение революционных синдикалистов. Первая группировка — лево-реформистская, вторая — анархо-синдикалистская. Перед нами не осталось другого выхода, как, включив одну группировку, включить и другую. При таком положении Д'Аррагона будет корректировать Бордигу [78]), а Бордига — Д'Аррагону, и если последний поведет соглашательскую политику, то Бордига его остановит. Это единственно возможная для нас тактика. Вот почему мы решили, что в Международном Совете могут быть представлены различные левые элементы.

Какова наша общая международная задача в настоящий момент и какова наша задача по отношению к Коммунистическому Интернационалу? [48]). Вот вопрос, который интересует многих профессионалистов. Можем ли мы, МСПС, об'единить те элементы, которые не входят в Коммунистический Интернационал, или те, которых он не принимает? Исходя из правильного понимания задач международного профессионального движения, на этот вопрос следует ответить так: да, мы можем и должны включать те элементы, которые не может об'единить Коммунистический Интернационал, подобно тому, как Всероссийский Центральный Совет об'единяет те элементы, которые не может включить в себя РКП.

Профессиональные союзы — более широкая организация, чем партия. Об'единяя широкие массы рабочих, союзы являются важнейшим проводником влияния коммунистической партии на эти массы. Если бы мы об'единяли только те элементы, которые входят в Коммунистический Интернационал, то зачем было бы огород городить и создавать Временный МСПС? Именно потому, что все рабочее движение сейчас не может быть включено в рамки III Интернационала, допускающего в свой состав лишь тех, кто признает 21 пункт его статута [79]), мы должны найти средство

влияния на эти широкие массы. С этой целью мы и создали Международный Совет Профессиональных Союзов.

Каковы же должны быть наши взаимоотношения с Коммунистическим Интернационалом? Вы знаете решение Конгресса III Интернационала [80]). Вы знаете позицию, которую мы заняли в этом отношении. Я должен сказать откровенно и прямо,— не боясь упреков в оппортунизме,— что этот вопрос нам нужно очень внимательно и серьезно разобрать. Мы сразу начали проводить и проводим слишком решительно ту точку зрения, что МСПС должен быть секцией, организационной частью Коммунистического Интернационала. На этой точке зрения и сейчас стоит тов. Зиновьев. В настоящий момент, для данного периода, я ее не разделяю. Партией пока вопрос не решался, об этом я должен предупредить. Вопрос остался открытым, и в настоящий момент МСПС существует организационно независимо от III Интернационала.

Передо мною лежит перевод одной немецкой статьи. Эта статья показывает, что под влиянием общего полевения рабочего движения в Западной Европе, под влиянием роста Коммунистического Интернационала и зарождения Красного Совета Профессиональных Союзов, который начинает становиться активным фактором западно-европейского движения,— реформисты начинают леветь [11]).

Для психологии вождя западно-европейского профессионального движения характерно то, что он вывернется наизнанку для того, чтобы все-таки остаться вождем. Вы видите, под влиянием каких факторов они держат нос по ветру. Амстердамский Интернационал призывал к венгерскому бойкоту [81]), но он палец о палец не ударил, чтобы осуществить этот бойкот. Он призывал рабочих всего мира к отказу от производства военных припасов; он призывал не подвозить оружия Польше и т. д. Это все делал Амстердамский Интернационал, организационно связанный со старыми вождями. От хорошей жизни реформисты этого делать не станут. Все это свидетельствует только о том, что они держат нос по ветру. Призыв — «не выделывайте военных припасов, не подвозите оружия Польше» и т. д. они мотивировали «надлежащим образом». «Профессиональные союзы,— говорили они,— вообще против всякой войны». За такую формулировку у нас

Делегация ВЦСПС в Англию на заседании пленума Петроградского Совета Профсоюзов 1920 г. *(Слева направо:* в первом ряду — тт. Н. Угланов (секретарь Петроградского губпрофсовета, нечлен делегации), Лаврентьев (союз металлистов), Г. Цыперович (председатель Петроградского губпрофсовета, нечлен делегации), Н. Анцелович (Петроградский Совет Профсоюзов), Артем-Сергеев (союз транспортников), С. Лозовский (ВЦСПС); сзади — тт. Д. Антошкин (союз советских служащих), А. Киселев (союз горнорабочих) и Н. Лебедев (союз текстильщиков).

теперь погонят с рабочего собрания. Наши рабочие понимают, что в некоторых случаях надо быть за войну. Точно так же английские рабочие говорят: «Руки прочь от России!». Они говорят своему правительству: «Не смейте об'являть войну России, а то мы об'явим забастовку». Но при этом мотивируют: «Мы вообще против войны, мы не хотим вмешиваться в отношения, существующие между Россией и Англией».

Передо мною статья, которая была напечатана в «Газете Сапожников». Ее первая часть говорит о том, что мир обнищал, что рабочие массы измучились, что буржуазия обанкротилась в своем государственном и политическом строе, что рабочие массы левеют не по дням, а по часам, что рабочее движение разливается по всему миру и что это движение направлено к устранению буржуазии от политической власти. В общем довольно неопределенно. Но первое впечатление таково, что эта статья просто малограмотного коммуниста. Но дальше они говорят: это здоровое движение надо об'единить, слить. II Интернационал обанкротился, развалился, Амстердамский же Интернационал не развалился, а, наоборот, окреп, и именно он должен об'единить это движение. А потому попытка подорвать авторитет Амстердама является преступлением.

Таким образом, исходя из революционной посылки — необходимости об'единения рабочего класса — они приходят к реформистскому выводу — к мысли о необходимости сохранения Амстердама. Они считают преступными действия Москвы, которая, по их утверждению, хочет подчинить независимое профессиональное движение влиянию политической партии рабочего класса, что в конце концов, сведется к влиянию московской политической партии, т. е. РКП (б).

Товарищи, Международный Совет Профессиональных Союзов формально является организацией непартийных элементов, в то время как Коминтерн является организацией политических партий. Вот почему на первом же заседании Международного Совета Профессиональных Союзов мы поставили вопрос о том, где будет находиться Международный Совет: в помещении ли Коминтерна, ВЦСПС или будет существовать самостоятельно? Единогласно решили, что он будет находиться в помещении ВЦСПС, пользуясь аппаратом последнего. И хотя это вызвало

некоторое неудовольствие со стороны товарищей, работающих в Коминтерне, мы считаем, что эта политика безусловно правильна.

Я хотел еще коснуться нашей тактики в отношении «Индустриальных Работников Мира» и синдикалистов. Как вы знаете, конференцию нам придется отложить на конец апреля; хотелось бы, чтобы эта конференция собралась в Москве или Петрограде и открылась 1 мая. Тут ставится вопрос — целесообразно ли откладывать конференцию? На обоих крыльях мы имеем не вполне надежные левые группировки, но, опираясь на них, мы можем вести борьбу, через них мы шлем наши воззвания. Имея на обоих крыльях не особо устойчивые элементы, нам по тактическим соображениям выгоднее отложить конференцию до весны, потому что на конференции встанет ряд боевых принципиальных вопросов, по которым между некоторыми из наших групп могут возникнуть крайне серьезные разногласия. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы допустили раскол. Пусть восемь месяцев все группы агитируют за МСПС, пусть восемь месяцев во всем мире говорят, что свет идет только из Москвы, из Московского МСПС, что истинной является только платформа, проводимая русскими союзами. Пусть рабочие всех стран поймут, что революционную политику ведут только русские рабочие. А после этого пусть вожди попытаются расколоться с нами на международной конференции! Хотел бы я посмотреть на таких руководителей! Поэтому, с нашей точки зрения, пока пропаганда не пустила глубоких корней, было бы преждевременно по тактическим соображениям созывать конференцию. Таково наше отношение к «Индустриальным Работникам Мира» и синдикалистам [30]).

Я хотел бы остановиться в нескольких словах еще на одной группировке — на независимых профессиональных союзах Германии. Если наших «независимцев» [53]) мы «бьем по физиономии» печатно и устно, везде и всюду называем их предателями рабочего класса, если к малосознательным революционным элементам, как «Индустриальные Работники Мира», у нас существует братское, дружественное отношение, то есть другие группы, которые болтаются между нами: это — последователи Каутского. Недавно были здесь представители Берлинского Совета Профессиональных Союзов [69]). Более беспомощных людей нельзя себе и представить.

После того, как они позаседали с нами в Президиуме ВЦСПС, где мы их высекли самым суровым образом, после того, как они изругали подвернувшегося под руку меньшевика, солидаризировались с нашей тактикой, заявили, что, по их мнению, Амстердам должен быть разрушен,— после этого они являются и виновато говорят, что, к сожалению, не могут формально вступить в МСПС, ибо «не имеют на это полномочий». Причем не выдержали и тут же разболтали секрет: «боимся, что Легин [18]) исключит нашу организацию из Генеральной Комиссии Профессиональных Союзов» [82]). Я сказал, что Легин не так глуп, чтобы исключить Берлинский Совет Профессиональных Союзов только за то, что он вступил в связь с Москвой. Легин притворится, что не замечает этого. Они были непреклонны.

Они раскланялись и ушли. Перед от'ездом же пришли и сказали, что каждый должен сделать личное заявление. Один говорит: «Я до последней капли крови буду стоять за МСПС». Другой говорит: «Я, если расколется независимая партия, вступлю в коммунисты». А председатель Руге [83]) сказал: «Я своими делами покажу отношение к вам». *(Смех).* Секрет об'ясняется просто: этот самый Руге во время выступления был в комиссии, которая руководила стачкой [84]), и несколько преждевременно ликвидировал забастовку, пользуясь авторитетом председателя. После этого инцидента ему неловко было появляться перед берлинскими рабочими. Тогда Руге, чтобы очиститься, едет к святыне — на Москву-реку. Характерно то, что Д'Аррагона, Руге и многие другие паломничают в Россию, чтобы поправить свою репутацию. Они рассчитывают на то, что их пребывание в революционной России, в которой рабочие дружески встречали их, поставит рабочих других стран в неловкое положение: им русские рабочие аплодировали, как же им свистать?! Нужно эту публику толкать. Отчасти эту работу проделали тов. Лозовский и «странствующая» делегация [85]), которая ехала в Англию, а попала в Германию.

Мы с своей стороны считаем долгом помочь в этом отношении, и я по радио всю эту историю сообщил Лозовскому: так-то было, так-то поступили,— нажимайте на них. Но этого мало,— их нужно изругать, и изругать устами их же рабочих. Но все же я решил изругать их и от имени МСПС, и мы послали в Берлинский Союз Металлистов письмо такого содержания: были ваши представители,

говорили то-то и то-то, выразили солидарность, а связаться с нами более тесно убоялись. Это нас удивляет, и мы спрашиваем берлинских рабочих: что это значит? Когда письмо будет опубликовано, берлинские рабочие спросят Руге: «Зачем же ты в Москву ездил?». По отношению к ним до поры до времени приходится держаться такой тактики: влиять на них через рабочие массы, через людей, сочувствующих нам.

Еще одно слово о тактике реформистов. У них только один выход: либо сохранить свое лидерство и для этого полеветь, либо потерять идущих за ними рабочих. Рабочие идут быстро вперед, реформисты плетутся за ними, и ничего из этого не выходит.

Мне хотелось бы еще сообщить о том, что нами сделано за это время. Об'единились наши единомышленники в Англии. То же происходит в Америке. Америка состоит из нескольких своеобразных районов. Это — Канада, Северо-Американские Соединенные Штаты и Южная Америка [86]).

Интересно отметить одно характерное явление: заграничные товарищи часто обращаются к нам с просьбой дать на письме подпись ВЦСПС, говоря: «Международный Совет наши рабочие пока не знают. Вот если русские союзы скажут, будет надежнее. Русские союзы в оппортунизме не заподозришь!».

Еще я хотел бы сказать несколько слов о тактике центральных комитетов. Из всего изложенного мною очевидно, что она сводится к следующему. Амстердамский конгресс мы колем, вырывая из него живые части. В вопросе об Амстердаме мы идем по пути раскола. Отдельные же профессиональные союзы мы стремимся завоевать изнутри. Чем шире будут связи, тем больше возможностей откроется для выступления русских представителей на различных с'ездах, конференциях, совещаниях, тем шире будут распространяться наши идеи. Сейчас мы переживаем подготовительный период международной агитации и пропаганды наших идей, и для нас это имеет большое значение. Международные об'единения отдельных профсоюзов не входят в Амстердамский Интернационал. Входя в международное производственное об'единение, каждый отдельный профессиональный союз должен демонстрировать общую с российским профессиональным движением линию. Значит, в международные производственные об'единения русские союзы должны входить. Итак, отдельные союзы мы не

колем. Мы рекомендуем работать в них и даже, с целью дезорганизовать Амстердамский Интернационал, принимаем отдельные локалы в наши международные об'единения. Тактика чрезвычайно сложная, требующая большого уменья. И здесь уместно предупредить центральные комитеты: в этой сложной комбинации требуется большая осторожность. Мне приходилось сталкиваться с такими случаями. ЦК пишет родственному союзу: «Горячо приветствуем ваш с'езд, состоявшийся такого-то числа, и выражаем полную солидарность». Спрашиваю: «Был такой с'езд?» — «Был».— «Имеются у вас резолюции с'езда? Покажите их».— «У нас резолюций нет».— Как же вы приветствуете с'езд, не зная, какие резолюции он вынес?». Время таких общих добропожеланий прошло. Вы их таким образом приветствуете, а они, смотришь, в резолюции-то говорят: «С одной стороны — об'единение рабочих, об'единение революционных сил, а с другой стороны — да здравствует Амстердамский Интернационал, необходима связь с Лигой Наций». Таким путем вас легко могут поймать, а вы никого не поймаете. Поэтому, когда Шляпников выехал на конгресс металлистов [87]), мы ему дали директиву — ставить принципиальный вопрос: где будет международный центр металлистов? И пусть они посмеют сказать, что не в Москве, а на задворках буржуазного Амстердама! Это сейчас имеет демонстративное значение. Если мы в этих вопросах не будем строго придерживаться принципиальной линии, то наше положение будет еще печальнее, чем на митингах в 1917 году [78]). Будут смеяться над отсутствием серьезной политики и т. д. Поэтому-то необходима отчетливая, решительная, революционная формулировка. Свою коммунистическую линию мы должны решительно проводить на деле, а не ограничиваться возгласами «да здравствует коммунистическая партия!».

Последняя депеша Лозовского гласит: «Обыскан, высылаюсь из Берлина, из Германии. С частью же делегации думаю проехать в южные страны — в Италию или во Францию. Если удастся, думаю проехать в Чехо-Словакию». А чехо-словаки приехали сюда. Таким образом, где он сейчас, трудно сказать. Выслан Лозовский или нет, неизвестно. Все-таки эта делегация свою задачу выполнила. Самый факт запрещения в'езда делегации в Англию произвел громадный фурор и заставил вождей левых более отчетливо формулировать свою позицию. Самые интересные дебаты

были посвящены делегации, и речь Смайли гораздо принципиальнее, чем выступления многих левых реформистских элементов, хотя Смайли еще не коммунист. После речи Вильямса взял слово реформист Вильсон. Он сказал: «Почему вы выступаете за Россию? Вы ведь были противники всеобщей воинской повинности, а в России существует таковая. Вы Россию защищаете, а мы с Россией в войне». В ответ Смайли дал, быть может, впервые прозвучавший, отчетливый анализ своего понимания вещей. Он сказал: «В России — всеобщая воинская повинность, но позвольте узнать, кто ее проводит? Там ее проводит *рабочий класс!* Если бы это имело место у нас, то и мы стали бы ее проводить». Таким образом, на с'езде юнионов впервые прозвучала отчетливая формулировка, устанавливающая огромную разницу между диктатурой пролетариата и буржуазным государством.

В депеше Лозовского говорится, что его речь произвела сильное впечатление на всю Германию. Правда, в результате этого его обыскали и выслали, но тем не менее дело он сделал хорошо.

Заканчивая свой доклад, я должен сказать, что если и впредь все пойдет так, как идет сейчас, то это будет недурно. Вот, например, конгресс Французской Всеобщей Федерации Труда в Лионе вынес постановление за Амстердам, но это постановление было проведено большинством $^2/_3$ против $^1/_3$. Если после трех месяцев существования мы имеем на профессиональном конгрессе $^1/_3$ его участников на нашей стороне, то это внушает надежду, что на будущем конгрессе мы получим больше половины голосов. Если же принять во внимание то обстоятельство, что для Франции нами пока ничего не сделано, если не считать нескольких писем, то полученные результаты нужно признать очень хорошими и показательными. Целый ряд советов союзов крупнейших городов Швейцарии — Базеля и Цюриха — вошел в наше об'единение, Марсельский совет также вошел к нам.

Во всей Европе актуальным вопросом порядка дня профессиональных союзов является вопрос: «Москва или Амстердам?». А это как раз то, что требуется в настоящий момент. Чем больше сейчас говорят об этом вопросе, тем лучше. Пусть на первой стадии нас побивают,— несомненно, что верх все-таки останется за нами. Сейчас, однако, у нас мало сил. Международные конгрессы ставят нас в тяжелое положение: нам некого на них посылать. Нужны

люди, которые, помимо иностранных языков, хорошо, всесторонне знали бы профессиональное движение России и умели бы отчетливо изложить свою платформу, хотя бы на родном языке. А таких людей нет. Печатники поехали, на-днях нужно отправить химиков. А теперь — международные с'езды. С одной стороны мы должны посылать на с'езды своих представителей, а с другой — полное отсутствие сил. Вот те серьезнейшие затруднения, которые мы испытываем в нашей работе.

Следует сказать несколько слов относительно технической организации Международного Совета. Трудно пока наладить его аппарат: отсутствуют столы, стулья, средства передвижения, телефоны, а если принять во внимание, что и в Коминтерне аппарат не лучше, а даже хуже, то ясно станет, что налаживать практическую работу чрезвычайно тяжело. Безлюдье, отсутствие аппарата и литературных сил.

Последний доклад, который я получил из Франции, говорит о том, что французские товарищи засыпают нас требованиями литературы о русском профессиональном движении и по другим вопросам. Нами уже написан целый ряд брошюр по спорным вопросам профессионального движения, но литературных сил все же еще нехватает. Поэтому я бы просил лучшие силы ЦК, лучших товарищей, которые могут писать, связно излагать свои мысли,— мобилизоваться и с пером в руках принять деятельное участие в сражении с Амстердамом.

Ответы на записки.

В одной из записок говорится:

«Вы сказали, что Джон Рид является синдикалистом. На самом деле он никогда синдикалистом не был».

Джон Рид состоит членом второй коммунистической партии Америки. Америка очень богата партиями. Там есть социалистические и две коммунистических партии [88]), которые почти все время посвящают склоке. Представителем одной из этих партий является Джон Рид. Он отражает идеологию «Индустриальных Работников Мира», которая ничем или очень незначительно отличается от идеологии синдикалистов [30]). Основания ее одни и те же.

«По какой причине не был представитель ЦК металлистов на с'езде металлистов?».

По той простой причине, что его несколько раз высаживали в пути, и когда он приехал, то с'езд уже был закончен.

«Что нам даст раскол в профессиональном движении? Не получим ли мы комсостав без армии?».

Об этом уже много говорил Владимир Ильич [70]). Тут комсостав без армии не получится.

Тактика, которую рекомендуют нам меньшевики, такова: входите в Амстердамский Интернационал, пропагандируйте на международных конференциях. Значит, за удовольствие войти в Амстердамский Интернационал нам дают право выступать только раз в год, и то лишь втечение 20 минут! Поэтому единственный путь — путь *раскола*. В результате этого около нас сгруппируются все революционные элементы.

«Каково в настоящий момент поведение итальянских профессиональных союзов?».

Я могу сказать — двусмысленное. У них все время происходят расколы по мотивам, выраженным в самых причудливых формулировках. Д'Аррагона вел самую глупейшую политику: он убеждал рабочих не приступать к захвату фабрик и заводов [89]). Мы хотели так или иначе реагировать на этот факт, но, принимая во внимание, что итальянские рабочие придерживались осторожной тактики, мы не сделали этого.

Я хотел еще сказать несколько слов относительно Востока. На Востоке работает член нашего Совета — тов. Микадзе. Через него мы устроили небольшую конференцию из представителей Турции. Организовали Восточное Бюро [38]), у которого имеется хорошая связь с Турцией, Арменией, Грузией и Персией. Надо сказать, что в Персии не имеется важнейшего условия профессионального движения — пролетариата. Что касается Турции, то там профессиональное движение развивается в трех районах: в Константинополе, Эрзеруме, Трапезунде [90]). В Константинополе наиболее сильны союзы трамвайных и муниципальных рабочих, а также работников электрических предприятий. В угольном районе рабочие находятся в таком положении, что союзы активно себя проявить не могут — этот район оцеплен французами (не фигурально, а в точном значении слова) колючей изгородью,

об'явлен на осадном положении,— и ни туда, ни оттуда ни хода, ни выхода нет. Что касается остальных профсоюзов, то они об'единяют рабочих мелких производств: шелкового, коврового, кожевенного. Но тамошние профессиональные союзы идут по революционному пути. Они уже сейчас, помимо нашего влияния, решительно заявляют о своем протесте против политики Амстердамского Интернационала.

Относительно Китая вопрос не выяснен в достаточной степени. По сведениям наших профессионалистов, там имеются рабочие организации, по сведениям же самих китайцев, никаких рабочих организаций в Китае нет.

Неопубликованный доклад на заседании фракции ВЦСПС. 16 октября 1920 г.

Борьба с Амстердамским Интернационалом.

Товарищи, прежде нежели я перейду к своему докладу, позвольте мне приветствовать настоящий с'езд от имени ВЦСПС и от имени Временного Международного Совета Красных Профессиональных Союзов. *(Аплодисменты).* Мне особенно приятно приветствовать этот с'езд, на котором я вижу знакомые лица товарищей-участников самарского с'езда грузчиков [91]). Этот интересный с'езд был единственным в моей практике: товарищи грузчики так хорошо меня встретили, так мило проводили, а по моему докладу — дали два голоса за предложенную мною резолюцию! Теперь, на этом с'езде, нам интересно и важно вспомнить историю об'единения грузчиков со столь, в тот момент, нелюбимыми ими шоферами.

На протяжении последних трех лет нам пришлось вести упорную борьбу с цеховыми предрассудками различных слоев рабочего класса. В этой борьбе мне часто попадало. Приходилось запасаться значительной дозой терпения, проявлять много упорства и настойчивости, доказывая ротным фельдшерам, что их интересы ничем не отличаются от интересов классных фельдшеров, доказывая деревообделочникам, что в один союз могут входить и краснодеревцы, и белодеревцы, убеждая грузчиков, что их интересы полностью совпадают с интересами всех остальных транспортных рабочих. Жизнь научила нас в этой борьбе терпеливо преодолевать упрямство и цеховые предрассудки различных групп.

Я напомнил это не в укор, а исключительно потому, что рабочему классу полезно и важно учитывать свои ошибки и на них учиться. Я напомню еще, что в этой последней борьбе с грузчиками обе стороны проявили героическое упорство до с'езда, на с'езде и после с'езда. На с'езде я их убеждал, что шоферы такие же пролетарии, как и они, что общность интересов определяется не профессией, а тем, что у лиц, занятых по найму, продающих свою рабочую силу или,— теперь, при диктатуре

пролетариата,— отдающих свою рабочую силу рабоче-крестьянскому государству, единственным источником существования является рабочая сила. Именно это обстоятельство создает общность интересов всех трудящихся, создает из рабочих сплоченную трудовую семью, независимо не только от профессии, не только от национальности, не только от религии, но даже от политических убеждений. То обстоятельство, что у пролетария единственное его достояние — рабочая сила, целиком определяет психологию, мировоззрение рабочего класса. Это создает сплоченный, крепкий, организованный класс, заинтересованный в уничтожении капиталистического общества, уничтожении всякой собственности, обобществлении всех орудий труда, а в конечном счете — и всех средств потребления. Это — основной момент классовой борьбы. Это — фундамент, на котором покоится рабочее движение. Это — фундамент, который лег в основу теории рабочего движения, выдвинутой Марксом. Рабочие всего мира являются братьями, кровно заинтересованными в одном и том же деле — в уничтожении всякой собственности, рабства, нищеты, духовного гнета, невежества. Это является главным базисом международного об'единения трудящихся.

Теперь товарищи грузчики видят, как некоторые из них были неправы, когда убеждали меня в том, что им удобнее вступить в союз с ломовой лошадью, нежели с шофером или ломовым извозчиком. Эти товарищи указывали, что интересы их профессии потонут в об'единенном союзе. Опыт уже показал нам и ближайшее будущее еще отчетливее покажет, что интересы отдельной группы рабочих в рабочем союзе не могут быть задавлены. Рабочая организация не может проводить такой политики, при которой интерес одной группы приносился бы в жертву интересам другой. Интересы каждой группы, каждого цеха, каждой профессии, каждого работника должны отстаиваться рабочей организацией, и лишь единственно кому они приносятся в жертву, это — интересам всего рабочего класса в целом, интересам его конечного освобождения.

Вот какова платформа российского профессионального движения, вот какова платформа революционного рабочего движения. Я думаю, товарищи, что ближайшей перспективой единого транспортного союза, об'единяющего грузчиков, авто-работников

и работников гужевого транспорта, является вхождение в единый транспортный союз рабочих водного и железнодорожного транспорта [92]). Но, принимая во внимание особые условия местного транспорта, распыленность, о которой говорил председатель вашего ЦК тов. Садовский, и то, что союз недостаточно оформился, мы не фороируем этого об'единения, желая сперва укрепить союз работников местного транспорта, дать возможность окрепнуть его организации, выковаться пролетарской идеологии. Лишь после этого союз местного транспорта войдет в общий, единый всероссийский союз транспортных рабочих.

Такое слияние в конечном счете неизбежно. Это несомненно для всех, кто понимает, что такое производственный принцип строительства. Наше российское профессиональное движение уже является тем, к чему еще только стремятся, например, германские рабочие. Оно представляет собою один мощный союз, во главе которого стоит Всероссийский Совет Профессиональных Союзов, так что отдельные 24 об'единения [93]) являются как бы секциями одного общего пролетарского союза рабочих России. В этом секрет нашей силы, нашей крепости. Сила российского профессионального движения заключается в том, что оно проникнуто духом строжайшей самодисциплины. Советская власть потому только и существует, что опирается на единую организацию рабочих. Я уверен, что Всероссийский союз транспортных рабочих после этого с'езда будет гораздо более крепким, сплоченным, чем до сего времени. Здесь работники транспорта поймут, что у них общие интересы.

Позвольте пожелать успеха этому с'езду и перейти к существу моего доклада.

Товарищи, вопрос о международном профессиональном движении является одним из важнейших вопросов. Мы получаем телеграммы и приветствия из самых отдаленных уголков России, с далекого Севера и Сибири. Это указывает на то, что русский рабочий с большим интересом наблюдает за международным профессиональным движением. На первый взгляд может показаться странным, что, живя в тяжелых материальных условиях, русский рабочий проявляет большой интерес к международному движению. В данном случае этот факт обнаруживает здоровые классовые инстинкты пролетарских масс.

Если мы припомним историю российской революции, то нам станет ясно, что судьба последней теснейшим образом связана с развитием международного рабочего движения.

Самый факт захвата в Октябре власти нашим рабочим классом мог произойти только в условиях его ориентации на мировую революцию. Когда в 1917 г. большевики призывали рабочих взять власть в свои руки, велись горячие споры между левыми и правыми, нами и меньшевиками,—споры о том, является ли российская революция началом революции мировой. Большевики тогда утверждали, что мир пришел к такому рубежу, к такой черте, когда перед рабочим классом остается единственный выход, и этот выход — в революции, в овладении всеми средствами производства, в экспроприации эксплоататоров. Мы пришли к этому убеждению в результате анализа общехозяйственного положения Европы и той экономической действительности, пред которой оказался весь мир, и в первую очередь — обманутые буржуазией миллионные массы трудящихся. Мы исходили из анализа взаимоотношений между различными странами коалиции, взаимоотношений внутри кучки империалистов, вступивших в схватку из-за дележа мира. Тогда вопрос стоял ясно — либо пролетариат сбросит капитал, одним ударом убьет империализм, либо мир и рабочий класс будут еще раз поставлены перед фактом целого ряда империалистических, разбойничьих войн, которые окончательно истребят пролетариат. Другая, правая, сторона тогда показывала на нас пальцами — «Смотрите, мол, на чудаков, которые уверяют, что на Западе грядет революция! Когда же эта революция будет?» [73]).

Когда мы говорили, что русский рабочий класс должен заявить, что он воевать не будет, наши оппоненты отвечали: «Да сказать-то можно, но будет ли от этого революция в Германии? Ведь кайзер Вильгельм сидит там крепко!».

Под руководством большевиков российский рабочий класс курс на мировую революцию все-таки взял, зная, что она неизбежна. Он начал с того, что сбросил власть буржуазии и взял управление в свои руки [94]). Вскоре, однако, наступили трудные дни, дни Бреста [3]). Кайзер Вильгельм доходил до Пскова, занял всю Украину. Когда был убит Мирбах [95]) и Вильгельм потребовал пропуска в Москву одного-двух батальонов войск, то всем малодушным казалось, что восторжествует не рабочий класс, а наглый, хищный

германский империализм будет справлять победу на костях рабочих.

Прошло некоторое время. Советская власть победоносно вышла из тяжких испытаний, и революция на Западе, в Германии, все-таки произошла [96]). Низвергнув кайзера, германские рабочие, однако, на этом не успокоились. И вот на улицах Берлина бешено заработали пулеметы и бомбометы, разрушавшие каменные дома. Эти бои должны были разрешить основной вопрос: в чьих руках будут орудия производства, в чьих руках будет власть: в руках ли буржуазии с кучкой соглашателей, явно и открыто ставших на сторону господствующего класса, или же в руках рабочего класса.

Правда, германские рабочие проиграли первую битву, но это не значит, что они проиграли вообще. Германское рабочее движение после этого поражения даже усилилось. Факт вооруженных столкновений рабочих с капиталом в такой стране, как Германия, где раньше классовые конфликты разрешались мирным путем, сам по себе необычайно усиливает классовую борьбу. То обстоятельство, что политические вопросы стали решаться на улице, что пролетариат перешел от парламентских методов к революционным,— от борьбы посредством опускания бюллетеней к решению вопроса пулеметом и винтовкой,— уже само по себе являлось чрезвычайно показательным. Стоит лишь вспомнить ожесточенность этого боя, выразительные сцены после забастовки в Берлине [97]), чтобы судить о том, как остро там происходила классовая борьба.

То же самое можно сказать относительно рабочего движения в странах Антанты [5]). Правые партии утверждали, что после заключения нами мира с Германией Антанта об'явит нам войну. И что же? Мы пережили много белогвардейских выступлений [29]), вдохновленных Антантой [14]), но сама она не осмелилась против нас выступить, ибо рабочие стран Антанты этого не позволили. Это показывает, насколько усилилось там рабочее движение.

Мы видели, что немцы вынуждены были очистить Украину. Мы имеем еще врангелевский фронт, но почему же не выступают ни Англия, ни Франция? Что им стоит об'явить нам войну, почему им не послать войска и не задавить Советскую Россию? Чтобы понять это, нужно вспомнить наш старый спор с меньшевиками, и не для того, чтобы вскрыть им их ошибки,— ошибки их ничему

не учат,— а для того, чтобы поучиться самим. Вы помните, как нам говорили: «Ну, хорошо, вы заключите мир с Германией, а Англия и Франция об'явят вам войну». Мы отвечали, что, может быть, Англия и Франция об'явят нам войну, но английские и французские рабочие никогда не сделают этого. И мы оказались правы.

Почему ушли англичане из Архангельска? [8]). Не потому, что мы сильнее англичан, не потому, что у нас больше броненосцев, пушек и т. д., но потому, что английский рабочий сказал: «Руки прочь от России!». Это сказал не кто иной, как английский рабочий. Французский рабочий заявил: «Мы не хотим воевать с Россией, какие бы сказки вы нам ни рассказывали об этой стране, ибо то обстоятельство, что Советскую Россию ругают господа капиталисты, доказывает, что там делается хорошее дело». А когда они узнали правду о Советской России, они сказали: «Мы понимаем, что в России творится дело международного пролетариата, что русский фронт, это — фронт труда против капитала, фронт, на котором первый отряд пролетариата всего мира вступил в схватку с соединенными силами международного капитала». Рабочие сказали: «Смотрите, против русского пролетариата выступил сплоченный, спаянный капитал Англии, Франции, Америки. Рабочие Англии и Франции поддержат русских рабочих!».

И лишь благодаря этой недвусмысленной позиции, решительному протесту английских и французских рабочих, привозимые из Англии батальоны, вступив на советскую территорию, заражались «русской болезнью», «русской лихорадкой», или, как теперь ее называют — «ленинской лихорадкой», и заявляли, что они не хотят воевать. Английские рабочие заявили: «Руки прочь от России!», а затем добавили: «Ни одной копейки английских денег на поддержку русских контр-революционеров!». Последнее выступление английских рабочих, выразившееся в организации Комитета Действия, заключало в себе прямую угрозу призвать к генеральной стачке, если правительство об'явит войну Советской России. И вы знаете, что правительство Ллойд-Джорджа [48]) вынуждено было разорвать заготовленную бумажку, об'являвшую нам войну.

Вот как тесно связана судьба российского пролетариата, судьба российской рабочей революции, с судьбой международного рабочего движения. Поэтому рабочее движение в Западной Европе и Америке приобретает для нас гигантское значение, и мы это

поняли, когда на I С'езде Профессиональных Союзов вынесли постановление о том, что Всероссийский Центральный Совет должен вступить в связь с союзами Западной Европы [4]). Но мы не могли этого выполнить до 1920 г., ибо капиталисты и их лакеи-соглашатели, в руках которых находятся радиостанции в Западной Европе, не сообщали рабочим наши радио. Наши радиостанции в руках рабочих,— и русские союзы могут посылать радио, а в Европе радиостанции находятся в руках государства капиталистов, и наши обращения не доходили до рабочих. Они попадали к руководителям западно-европейского профессионального движения,— Гендерсону [23]), Жуо [17]), Легину [18]),— которые поддерживали во время войны свои правительства, которые являлись участниками империалистической войны, продавали миллионы рабочих на службу капиталу для убийства на фронте. Наши радио получались теми господами, которые, вместо политики решительной борьбы труда с капиталом, встали на путь соглашения и торговли с капиталистами, вместо лозунга рабочего движения — «классовая борьба с капиталом!» — проводят политику прислужничества капиталу, примирения труда с капиталом. Они могли сесть за один стол с капиталистами, войдя в Бюро Труда при Лиге Наций [24]), что вытекало из их позиции примирения интересов труда и капитала, позиции смягчения классовой борьбы. Они старались оградить своих рабочих от «революционной заразы», идущей из России, в которой рабочие, начиная с 1905 г. [98]), вели решительную борьбу с капиталом.

Лишь после того, как разомкнулось кольцо блокады, мы получили возможность сноситься с союзами Западной Европы. Здесь я позволю себе в нескольких словах остановиться на сущности нашей политики, на перспективах 1918 и 1919 годов. Став на ту точку зрения, что необходимо связаться с профессиональными союзами Европы, мы заговорили о созыве международной конференции союзов. Мы были тогда оптимистами, ибо предполагали, что господа Гендерсоны и прочие патентованные продавцы интересов рабочего класса смогут найти какую-нибудь общую линию с нами. Что платформа их подла, мы знали, мы знали, что они соглашатели, но мы полагали, что война их научила чему-нибудь, думали, что возможна платформа об'единения, мы стремились к созданию единого Интернационала профессиональных

союзов. Тогда мы стояли на той точке зрения, что нужно создать единый Интернационал профессиональных союзов и в этом Интернационале проводить свою революционную политику. Но мы стали свидетелями того, как собралась первая Бернская конференция [25]), на которую мы не получили приглашения и которая вынесла гнуснейшие резолюции; как собралась затем вторая Бернская конференция, на которую мы также не получили приглашения и которая вынесла не менее гнусные резолюции. Наконец, собрался Амстердамский конгресс, но мы снова не получили приглашения. Реформисты, повидимому, забыли, что в России существует рабочий класс, что у нас есть четыре миллиона [99]) организованных членов союзов, и это — не случайность. Не случайно и то, что мы получили сообщение о конференции лишь тогда, когда она уже закончила свои работы. Ни один из этих конгрессов не решился поставить те больные, первостепенной важности вопросы, которые стоят перед рабочими в международном масштабе.

Какой вопрос является основным? Вопрос о международной рабочей революции. Этот вопрос должен стоять в порядке дня всякой международной рабочей конференции. Но как раз этого-то вопроса и не ставили на этих с'ездах и на конференциях, и не нашлось ни одного мужественного человека, который бы сказал: «В порядке дня должен быть поставлен вопрос о международной рабочей революции!». Существуют ли для человечества и его авангарда — пролетариата — какие-нибудь иные пути, чтобы выйти из разрухи, всеобщего обнищания, избиения лучшей части человечества? Есть ли другой выход из создавшегося положения, кроме окончательного прекращения всех войн, которое возможно лишь с переходом власти в руки рабочего класса? Эти вопросы не ставились на рабочих конференциях в Западной Европе. Там следовало бы также поставить вопрос об отношении к русской революции, попытаться уяснить, что означает тот факт, что в России отняты у капиталистов фабрики и заводы, что там нет буржуазного парламента, а существуют советы; выяснить удельный вес этого явления в общем масштабе мировой борьбы рабочего класса, задаться вопросом, могут-ли другие народы оставаться в прежнем положении, или должны итти по следам нашего пролетариата. Ни один из этих вопросов поставлен не был. На этих конференциях обсуждались «общие перспективы»,— на Россию

нападают Франция и Англия, а мы, дескать, вообще против всякой войны и поэтому против того, чтобы вмешивались во внутренние дела России.

«Мы против того, чтобы страны Антанты нападали на Россию». Что означает такая постановка вопроса — «рабочие Запада вообще против всякой войны, поэтому они против войны с Россией?». Разве мы ведем национальную войну? Разве война с Польшей есть война русского народа с польским народом? Нет! Это — разбойное нападение прислужника Антанты на страну трудящихся, это — разбойное нападение капитала Западной Европы на социалистическую революцию. Разве можно выступать против всякой войны? Нет! Мы против войны капиталистической, но мы за войну трудящихся против капиталистов! И если в Германии рабочий класс возьмет власть в свои руки и этой Советской Германии об'явят войну капиталисты Англии и Франции, разве вы не скажете: «Да, мы нищи и голы, мы разуты и раздеты, но мы пойдем на поддержку Германии»? Я даю голову на отсечение, что у наших рабочих будет один ответ: «Хотя нам надоела война, хотя мы устали от войны, но раз Советской Германии, рабочей Германии об'явлена война капиталом,— все на капитал!». Они же говорят: «Мы вообще против всякой войны, и поэтому мы против вмешательства во внутренние русские дела». Что означают врангелевский и деникинский фронты? Разве это — «внутренние дела»? Нет, это — дело международной рабочей борьбы с капиталом! Война с белогвардейцами, это — борьба класса против класса, борьба против попытки русских капиталистов вернуть власть, борьба против попытки русских помещиков снова насадить царизм в России,— борьба с Деникиным есть вооруженное подавление восстания капиталистов и помещиков вооруженными русскими рабочими.

Разве это — только внутренние дела России? Разве не должен каждый сознательный рабочий реагировать на пацифизм соглашателей, разве не должен он заявлять, что в здоровое революционное движение они подливают яд реформизма, яд классового примиренчества?

Перед нами во весь рост открылась картина классового предательства, когда вновь организовавшийся Интернационал профессиональных союзов вошел в Бюро Труда при Лиге Наций. Этот

шаг был первым актом его деятельности. Я думаю, русскому рабочему не нужно раз'яснять, что такое Лига Наций — на своей шее мы испытали ее действительную программу. Мы знаем, что на врангелевском фронте против нас воюет Лига Наций, на польском фронте — Лига Наций, в Архангельске были представители Лиги Наций. Вот в эту-то Лигу Наций, в ее Бюро Труда новый Интернационал, Амстердамский [13]), и делегировал своих представителей.

Полагаю, что ни одному беспартийному рабочему не нужно доказывать всю необходимость единого фронта, когда в мировом масштабе решаются судьбы рабочего класса, когда перед пролетариатом всего мира стоит дилемма: либо взять мир в свои руки, либо еще и еще умирать на фронтах в составе тех войск, которые содействуют империалистам,— умирать во славу дележа колоний в Африке [100]), во славу дележа Китая [101]), во славу угнетения народностей, во славу свободной эксплоатации труда капиталом! Вот как стоит вопрос. В такой момент для всякого рабочего, только потому, что он — рабочий, должно быть ясно, можно или нельзя при создавшейся обстановке входить в общую с капиталистами паритетную организацию. Факт вхождения представителей Амстердамского Интернационала в Бюро Труда при разбойничьей Лиге Наций окончательно определил политическую физиономию вождей - реформистов. Если Интернационал профессиональных союзов заодно с капиталистами, если он вступает в организационную связь с разбойничьей организацией буржуазии,— то этим самым благословляется политика примирения интересов труда с капиталом.

После этого акта мы поняли, как глубоко мы ошибались. Мы поняли, что наступил момент, когда перед западно-европейскими рабочими нужно поставить вопрос во всей его остроте. Вот смотрите, есть организации, которые избрали такие-то пути, идите направо или налево, чтобы в моменты борьбы труда с капиталом не было колебаний. Нет и не может быть политики соглашения с капиталистами, с ними — только решительная борьба, вплоть до винтовки, вплоть до пулемета.

Рабочее движение в целом имеет одну задачу. Эта задача — ниспровержение капиталистов и осуществление социализма. Эту задачу рабочий класс осуществляет двумя путями,— посредством

политической и экономической организации. Обе эти организации, это — две стороны одной и той же медали, между ними полнейшее взаимодействие, ибо нельзя вести экономическую борьбу, не касаясь политики, и наоборот. «Политика есть концентрированное выражение экономики»,— сказал Маркс. Что такое политика? Политика без экономики невозможна, и в то же время не может быть широкого экономического движения, которое не являлось бы движением политическим. Когда один рабочий заявляет: «Я хочу работать восемь часов», то это требование — экономическое. Когда рабочий класс в целом говорит: «Мы требуем восьмичасового рабочего дня», то это — политика. Когда политическая партия говорит: «Мы требуем обобществления орудий производства», то это — и экономика, и политика. Политика, это — «концентрированное выражение экономики». Всякая политическая борьба есть борьба классовая. Классовая борьба ведется на почве экономических интересов данного класса. Поэтому формы рабочих организаций различны, но цель и стремления их одни: взять капитал за горло и задушить его. Разница только та, что организация политическая, как более оформленная, есть организация единомышленников, которые сознательно ставят перед собою определенные цели и борются за их осуществление. Экономическая организация есть широкая организация рабочих, независимо от их религиозных и политических убеждений.

Рабочие организации всего мира должны стремиться к низвержению власти капитала. Этот момент наступает. Для рабочего класса иного выхода нет. История подвела его к такой пропасти, через которую волей-неволей нужно перепрыгнуть. Ему нужно это сделать сейчас, а не через сто лет, ибо иначе капитал задавит его.

Вот как стоит вопрос. Если это верно, то всякое колебание смерти подобно. В этот момент нужна полная решительность не только в постановке задач, но и в их осуществлении. И о партиях нужно судить не по их платформам и программам, а по их действиям. Программы могут точка в точку совпадать, как это было одно время у меньшевиков и большевиков — программа была у нас одна [102]),— и в то же время между нами и меньшевиками была пропасть. Послушайте французских и немецких социалистов. Например, Шейдемана [103]). Что они говорят о социализме? Они

утверждают, что его нужно проводить медленно, путем постепенного улучшения положения рабочего класса. И вот в один прекрасный день рабочий класс проснется и не заметит, как из капиталистического общества он попал в социалистическое. Они стоят за постепенность — сегодня увеличится заработная плата на пятачек, завтра введут восьмичасовой рабочий день, лет через десять сократят рабочий день на полчаса, через сорок лет заведут хорошие жилища для рабочих... Сейчас, например, столько-то человек рабочих в парламенте, а вот когда будет на один голос больше, чем у буржуазии, то мы проголосуем. У нас будет большинство, меньшинство подчинится, и фабрики и заводы перейдут в наши руки. Так говорят соглашатели.

Но мы по опыту знаем, как «легко» брать эти фабрики и заводы. Мы можем двадцать раз голосовать и двадцать раз иметь большинство на своей стороне, и в результате ничего не изменится, ибо овладеть орудиями производства можно лишь одним путем — пулеметом и винтовкой. Ни один капиталист не отдаст того, что имеет. В этот момент не должно быть никаких колебаний. Мы должны об'явить решительную борьбу тем вождям, которые водят за нос миллионы рабочих на Западе, которые сладкими словами о постепенной перестройке капиталистического общества одурманивают рабочий класс. Когда английский рабочий класс выступил, требуя мира с Советской Россией, вожди поняли, что в душе каждого рабочего живут здоровые классовые инстинкты, но формулировали они соответствующую резолюцию таким образом, что профессиональные союзы вообще против всякой войны.

Главным залогом победы рабочего класса и первым этапом его борьбы является свержение реформистов, освобождение западных рабочих от их разлагающего влияния. Это необходимо в той мере, поскольку они будут тормозить широкое рабочее движение. В конце-концов это движение все равно пойдет так, как нужно, реформисты не смогут остановить его, но, пока они не будут отстранены от руководства, оно будет развиваться чрезвычайно медленно и сопровождаться излишними жертвами. Поэтому Международный Совет Профессиональных Союзов [38]) об'являет решительную борьбу Амстердамскому Интернационалу соглашателей. Поэтому Международный Совет Профессиональных Союзов

приглашает к себе для борьбы с капиталистами и реформистами всех тех, кто не на словах, а на деле ведет борьбу за социализм, стремится к его осуществлению. Для этого требуется об'единение всех сил западно-европейского рабочего движения. Поэтому мы призываем под наши знамена профессиональные союзы, тред-юнионы, синдикаты [80]) и т. д.

Конечно, между нами и синдикалистами существуют весьма значительные разногласия. Синдикалисты недооценивают роли политической борьбы. Они считают, что всякая политика вредна для рабочего класса. Они враждебно относятся к политическим партиям. Они выступают против всякой политической борьбы и главным образом против парламентской борьбы, даже тогда, когда она может быть полезна. Между нами имеются разногласия, но в данном случае они не важны. В революционный период всякая революционная группа должна стремиться об'единить все левые элементы для борьбы против правых. Это — основное положение тактики рабочего движения.

На протяжении нашей революции мы боролись против коалиционного правительства [1]), против капиталистов, меньшевиков и эсеров, а рядом с нами, около нас, в Питере, была весьма влиятельная группа анархистов, которая нам очень мешала [104]). Но тогда с анархистами мы борьбы не вели. Мы считали — пусть правые ведут борьбу налево, а мы будем вести борьбу только направо. Мы спорили с анархистами, мы спорили с ними как с людьми, которые, по нашему мнению, заблуждаются. А борьбу, действительную борьбу, мы вели вместе с анархистами против меньшевиков. Такова же должна быть линия поведения и в международном масштабе. Синдикалисты стоят за национализацию капитала. Это что такое? Это — политическое требование! Когда они требуют восьмичасового рабочего дня, когда они поддерживают движение — «не тронь Россию!» — это тоже политика. Они только не знают, как называется то, за что они борются. Но нам важно то, что нас об'единяет с ними,— одинаковая ненависть к капиталисту, к классовому соглашательству, одинаковое понимание необходимости революционной, беспощадной классовой борьбы с капиталом. Второстепенные разногласия мы будем разрешать в нашей среде, когда *победим* врага. А сейчас мы должны *бороться* вместе.

Вот какие задачи стоят перед Международным Советом Профессиональных Союзов.

Кто входит в Международный Совет Профессиональных Союзов? Отчасти я вам это уже сообщил. А сейчас я должен напомнить, что к нам прибыла румынская делегация, которая с первых слов заявила, что приехала ознакомиться с делами в России, узнать, как русский рабочий строит социалистическое хозяйство, как он живет. Далее делегация заявила, что румынская коммунистическая партия войдет в Коммунистический Интернационал [48]), а румынские союзы — во Временный Международный Совет Профессиональных Союзов.

Несмотря на то, что Временный Международный Совет существует всего три месяца, результаты его действия сказались во всем мире. Во всех рабочих организациях, на всех рабочих собраниях и конференциях ставится один вопрос: «Москва или Амстердам?». Это—то, чего мы хотели, это—то, чего мы добивались. Когда перед западно-европейскими рабочими будет поставлен вопрос, с кем они,— с Москвой, т. е. с русскими рабочими, которые подняли знамя восстания труда против капитала, или с Амстердамом, который сидит за одним столом с Клемансо и Вильсоном,— мы не сомневаемся, что массовое рабочее движение выскажется целиком за нас.

Верхушка западно-европейского и американского рабочего движения с его чиновничеством, которого наше рабочее движение не знает, с выдрессированным, подкупленным, наемным чиновничеством,— ведь все знают, во что «обходится» Гомперсу избирательная борьба [105]),— вся эта верхушка против нас. Председателю каждого центрального комитета союза в Америке его избирательная кампания обходится в несколько тысяч долларов. Нам, русским рабочим, это кажется смешным, потому что у нас вообще никакой избирательной борьбы не ведется, нам чуждо понятие выборной агитации за свою кандидатуру, а там, чтобы быть председателем, нужно потратить несколько тысяч долларов и, кроме того, нужно иметь несколько боксеров. Гомперс ездит по Америке, а когда он выступает,— попробуй ему возразить! Его боксер тебе «возразит», так «возразит» по скуле, что у тебя щека свернется на сторону! Они не называются специально боксерами, это — секретари, но эти секретари брали призы за разбивание ближнему физиономии.

Когда такое чиновничество собирается на конференцию, то ясно, что конференция высказывается против Москвы, в то время как рабочая масса всегда высказывается за Москву. Достаточно было нашей делегации появиться в Германии, как вся Германия пришла в движение [85]). На собраниях, где наши делегаты выступают перед рабочими, проходят наши резолюции, а на конференциях, где собирается союзное чиновничество, подкупленное Легиным,— бывает наоборот. Они так боятся Легина, что я даже позавидовал ему. Даже здесь, в Москве, сидя в моем кабинете, они говорят: «Мы бы вошли в Международный Совет, но Легин нас выгонит». И все же масса за нас. Об этом говорит все западно-европейское рабочее движение, и между прочим вот результаты голосования вопроса: «Москва или Амстердам?» на с'езде железнодорожников во Франции [106]), где представлена была верхушка союза. За Амстердам было подано 155.000 голосов, а за Москву — 116.000. Это — поражение, но мы все же довольны: на третий месяц существования Временного Совета мы получили во Франции 116.000 голосов. Посмотрим, что будет через полгода!

Вот какие задачи ставит себе Международный Совет и вот как он их осуществляет.

Нам еще предстоит затяжная борьба, ибо без упорного боя реформисты не сдадут своих позиций. Сейчас, под влиянием рабочих масс, чувствуя уходящую почву, они перекрашиваются «а-ля большевик»; они говорят о необходимости об'единения пролетариев в революционной борьбе внутри каждой страны. Почитаешь в начале — совсем люди стали большевиками, совсем пошли по нашему пути,— они высказываются за об'единение пролетариата в деле борьбы за социализм. Но вместе с тем они тяготеют к Амстердамскому Интернационалу. Некоторую часть пути они пройдут совместно с рабочими массами, подхватывая революционные лозунги и тут же стремясь извратить их, но если они скажут им «а», то рабочие продолжат — «б» и пойдут дальше, а если же вожди отстанут, то рабочие уйдут от них на пять букв вперед...

Они создали Комитет Действия. Он принес нам пользу, но был ловким шагом со стороны Гендерсона. Этим шагом реформисты вырвали движение из-под влияния фабрично-заводских старост. Однако их маневр не имел успеха. Они только пригрозили забастовкой своему правительству, а горнорабочие на самом деле

забастовали. Английские горнорабочие решили: пригрозить забастовкой — мало, надо бастовать. Сейчас их убеждают, что бастовать не следует, ибо в результате стачки пострадают рабочие других стран — английским углем питается промышленность Бельгии, Голландии, Франции. Забастовка повлечет безработицу в других странах. Видите, какие они добрые друзья! Горняки выслушали совет своих благоразумных руководителей, но все-таки забастовали. Поскольку будет нарастать революционное движение, лидерам придется петушком поспевать за рабочими, и они, конечно, не поспеют. Революционные массы Западной Европы сметут реформистских вождей, какую бы тактику те ни применяли.

Вот, товарищи, почему для русских рабочих имеет громадное значение это движение, вот почему мы взялись за организацию Международного Совета, вот почему мы приняли на себя роль строителей Красного Интернационала Профессиональных Союзов. По воле истории к нам переходит руководство мировым рабочим движением. Новая, трудная задача стоит перед русским рабочим классом — быть инструктором в международной классовой борьбе пролетариата. Эту задачу мы выполним, как выполняли другие трудные задачи. *(Бурные аплодисменты).*

Неопубликованная речь на II С'езде рабочих местного транспорта, произнесенная 18 октября 1920 г.

Тактика Международного Совета Профессиональных Союзов.

Доклад о международном профессиональном движении на V Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов. Ноябрь 1920 г.

Первым основным вопросом, который требуется уяснить для определения нашей тактики в международном масштабе, является вопрос о построении и тактике Амстердамского Интернационала [13]). Амстердамский Интернационал есть об'единение *профессиональных* организаций. Поэтому многие делают ошибку, полагая, что он построен по принципу ВЦСПС. Из этой ошибки вытекают ошибки и в дальнейшем. Амстердамский Интернационал построен из союзных об'единений типа общеитальянского, общегерманского и т. д., но не из международных *производственных* об'единений. Конгресс, на котором избирается Исполнительное Бюро Амстердамского Интернационала, организуется по принципу национального представительства.

Этим определяется один из моментов нашей тактики. Выступая на борьбу с Амстердамским Интернационалом, признавая необходимым и правильным раскалывание этого Интернационала, должны ли мы принимать участие в вертикальных международных об'единениях, т. е. должны ли, скажем, русские металлисты посылать своих представителей на международный конгресс металлистов и входить в их международное об'единение? Принимая во внимание, что каждое международное производственное об'единение рабочих, как таковое, не входит в Амстердамский Интернационал, мы даем директиву: все наши союзы должны войти в свои международные производственные об'единения [65]).

Характерной чертой Амстердамского Интернационала является то, что он входит в Бюро Труда при Лиге Наций [34]) и дает мировому профессиональному движению директивы этого интернационального об'единения пролетариата и буржуазии.

Подобная организация не может выражать интересы рабочего класса. Следовательно, если в международных производственных об'единениях мы должны вести борьбу внутри, то по отношению к Амстердаму мы должны вести борьбу за его окончательное разрушение.

Товарищи, я думаю, что после речи тов. Зиновьева [107]), после целого ряда статей по этому поводу не приходится сомневаться в том, что западные оппортунисты еще сильны в профессиональных союзах. В Германии это сила ста тысяч чиновников профессиональных союзов, вышколенных, дисциплинированных, организованных. Эти чиновники сидят в союзах десятки лет, для них роль руководителя союзов есть ремесло, за которое платят. Так же обстоит и в других странах. Если принять во внимание, что в Америке этот чиновничий аппарат еще более консервативен (чтобы стать во главе союза, там нужно истратить две тысячи долларов на агитацию), то станет ясно, что эти руководители профессиональных союзов являются в настоящий момент мощной реакционной силой.

Перехожу к вопросу о тактике нашей борьбы. Мы принимаем в свои ряды об'единения, которые из'являют желание войти к нам. Мы принимаем не только целые организации, но и части организаций. Мы принимаем любой союз. Больше того — любой районный отдел любого национального союза.

Но здесь нельзя обойти одно ошибочное заявление тов. Зиновьева. Он говорит, что следует вырывать не только целые союзы, но и отдельные группы членов. Это — вопрос, который вызвал бурные дебаты на II конгрессе Коминтерна. В основном сущность этого спорного вопроса сводилась к следующему. Видя перед собой такую мощную консервативную силу, с которой борьба чрезвычайно затруднительна, целый ряд революционно-настроенных товарищей впал в пессимистическое настроение. Единственно правильным шагом, по их мнению, было уйти из союзов и увести с собой революционных рабочих. Эту тактику мы осудили: осудил тов. Ленин, осудил II Конгресс III Интернационала [70]). Эту тактику осудили мы при организации МСПС. Мы считаем малодушием бегство от борьбы или вывод, что раз борьба трудна, значит, она невозможна. Это значит убегать от рабочего класса.

Здесь приходится остановиться на нашем отношении к синдикалистам. Из правильного положения, что нельзя уходить из профессиональных союзов и что нужно внутренней работой в них завоевать себе влияние,— из этого правильного положения, в процессе полемики несколько перегнув палку, вывели формулу: ни при каких обстоятельствах не выходить из союза и не раскалывать его, ни при каких обстоятельствах не строить параллельных организаций. Для того, чтобы рассеять недоразумение, которое может создаться вследствие несколько полемического тона речи тов. Зиновьева, я должен остановиться более подробно на вопросе о наших отношениях к синдикалистам. Может создаться такое впечатление, что тов. Зиновьев полемизировал с руководителями ЦК, что они недооценивают синдикалистов. На самом деле этого нет. ВЦСПС в пленарном заседании всеми голосами против двух или трех принял целиком ту платформу, которую я излагаю. Сущность ее сводится к теснейшему братскому союзу и об'единению с синдикалистами.

В наших переговорах с синдикалистами были три момента. Первый момент — до конгресса Коминтерна. Здесь синдикалисты как будто пошли на уступки, но потом разошлись с тов. Лозовским по вопросу о платформе. Они окончательно не хотели принять платформу диктатуры пролетариата, будучи предубежденными против всякой политики вообще. Они выступили, кажется, в целом ряде вопросов и против теснейшей организационной связи с Коминтерном. На этом наши переговоры были прерваны.

Начинается второй период взаимоотношений с синдикалистами. Открывается конгресс Коминтерна [48]), и здесь представители нашей партии высказались за допущение синдикалистов на конгресс с правом решающего голоса, поскольку те к этому времени изменили свое отношение к нам и заявили: «Мы признаем диктатуру пролетариата».

Третий период начался, когда была вынесена резолюция о профессиональных союзах, в которой решительно осуждался раскол профорганизаций. После этой резолюции синдикалисты заявили: «Нам с вами разговаривать не о чем». Возобновившиеся переговоры были прерваны синдикалистами, разобиженными этой резолюцией. Потребовалось чрезвычайно много внимания, уговоров и терпения, чтобы об'яснить им, что революционным элементам

не следует уходить из профессиональных союзов. Это вовсе не значит, что никогда и ни при каких обстоятельствах, ни в коем случае нельзя расколоть союз.

Мы в России не раскалывали союзов, за исключением единственного случая с союзом печатников [108]); мы союзы завоевывали; то же мы предлагаем синдикалистам,— предлагаем завоевывать союзы и к расколу прибегать лишь в крайних случаях. Имея, например, перед лицом оппортунистических союзов новое молодое движение фабрично-заводских комитетов [41]), стремление фабрично-заводских комитетов к об'единению, мы, конечно, не должны допускать подчинения этих организаций оппортунистическим союзам.

После этого раз'яснения синдикалисты целиком признали нашу платформу, и между нами установился теснейший братский союз. Они входят в МСПС.

Таким образом, на конференции я должен констатировать, что по этому вопросу в настоящий момент нет никаких разногласий ни в партии, ни в профессиональном движении. Но не следует думать, что у нас нет никаких расхождений с синдикалистами и «Индустриальными Работниками Мира». Мы должны помнить, что эти разногласия есть, но они не мешают нашей совместной работе. Мы помним историю нашей революции. Мы помним уроки этой революции [94]). Слева у нас были анархисты, максималисты и т. п. группы. Мы с ними спорили только тогда, когда они попадались нам под ноги где-нибудь на митинге. Но до Октябрьской революции все наши выступления, весь наш аппарат были направлены на борьбу с правыми.

Такова должна быть тактика и Международного Совета Профессиональных Союзов. Такова же должна быть и тактика Коминтерна. С этими элементами мы об'единяемся, но об'единяясь мы не должны забывать, что это — не коммунисты. Мы с ними живем в тесном союзе, мы — братья по оружию, но разногласия имеются, и эти разногласия должны вскрываться на всех конференциях, которые придется вместе с ними проводить.

Таким образом, еще раз констатирую, что по вопросу о синдикалистах сейчас разногласий нет.

Я перехожу еще к некоторым спорным вопросам. Это — отношение к реформистски настроенным массам, не входящим

в наше об'единение. Тов. Зиновьев привел характерный факт с приезжими испанцами [109]), и отсюда он делает вывод, что на созываемую нами международную конференцию должны быть открыты двери всем, кто хочет приехать. Если прав тов. Зиновьев, что Д'Аррагону [59]) надо допустить, тогда будем осторожны, когда перед нами встанет вопрос, кто может принимать участие на первой конференции красных профессиональных союзов, долженствующей определить новую линию международного профессионального движения. Вожди заграничных профессиональных союзов едут в Москву для того, чтобы, окунувшись в русскую жизнь, как в купель, поднять свою репутацию и на некоторое время завоевать симпатии своих рабочих масс докладом о Советской России; зная это, мы должны относиться к ним сугубо критически и не злоупотреблять тактикой широко открытых дверей. Борьба за диктатуру пролетариата, разрыв с реформистами-соглашателями,— вот та основная платформа, признание которой является необходимым условием предоставления решающего голоса на международной конференции.

Ведь д'Аррагона был в Москве и сказал, что он — коммунист, но потом поехал в Италию и там по делам своим оказался реформистом. Мы должны внимательно присматриваться к людям, которые приезжают к нам, и, не доверяя словам, судить о них по делам их. К нам приезжают люди, которые у себя призывают на борьбу с Советской Россией, которые об'являют у себя «священный поход» против коммунистов [110]). Выступая на рабочих собраниях, они будут, конечно, говорить, что желают успеха русским рабочим, что революция в России — хорошая вещь, но они говорят, что у себя революцию сделать не могут, так как тогда другие буржуазные государства об'явят их стране блокаду. Эта мысль проводится не только оппортунистами. И очень левые элементы Западной Европы, когда подходит момент пропагандировать революцию, говорят: «Если мы сделам революцию, тогда нам Америка не даст хлеба, и мы должны будем умереть». Если вы станете беседовать с французом, он скажет: «Нас задавит буржуазная Англия»; если вы будете говорить по этому поводу с итальянцами, то они скажут: «Нас задушат Англия и Франция»; если вы будете говорить с немцами, то они спросят: «Как мы можем сделать революцию, имея под боком Англию?».

Таким образом, получается, что революцию никогда нельзя совершить... А между тем, вопреки настроению вождей, в Западной Европе развивается революционное движение.

Следует учесть, что в Западной Европе карьера лидеров профессиональных союзов делается персонально [105]). Там каждый лидер персонально заинтересован в своей карьере. Если революция победит, то лидер согласится стать на сторону революционного движения. Но так он поступит лишь тогда, когда это выгодно для карьеры. Тут раздавались голоса, что о рабочем движении данной страны нужно судить не по лидерам, а по массе. Когда это говорят люди мало осведомленные, то это не звучит особенно странно. Конечно, лучше было бы, если бы мы могли организовать всю рабочую массу Европы и Америки, но мы этого сделать не можем, и поэтому-то нам приходится иметь дело с представителями организаций, с верхушками. По вопросу о синдикализме тов. Зиновьев говорил так, что создалось впечатление, будто синдикалисты против тесного союза с партией и Коминтерном. Между тем таковы только вожди, а не массы. Но пока мы имеем дело только с вождями. Массы еще недоступны нашему влиянию.

Я хочу коснуться здесь вопроса о том, каковы должны быть взаимоотношения партии и союзов в Западной Европе. Я не разделяю оптимизма тов. Зиновьева и, вероятно, ВЦСПС его не разделяет. Хорошо говорить, что мы все время ошибаемся, судя по лидерам. Но могут ли приезжать в Москву массы? Такой лидер, как Пестанья [39]), которого так хвалил тов. Зиновьев, является прекрасным типом революционера, представителя синдикалистски настроенного испанского революционного пролетариата. Однако и он лишь сторонкой подходил к вопросу о партии и профессиональных союзах. Конечно, было бы легче рекомендовать то, что существует у нас. У нас организационно партия и профессиональные союзы не связаны, мы связаны идейно и спаяны в процессе борьбы [111]). У нас дело началось с политического движения. Впервые зародилась большая, сильная политическая организация — партия, и она об'единяет рабочую массу. Рабочее движение у нас шло под руководством партии. В 1905 и 1917 г.г. партия строила союзы. Но возьмите Англию. Там рабочая партия не похожа на коммунистическую партию. Она является детищем профессиональных союзов, а коммунистическая партия там только зарождается.

Можем ли мы сказать английским рабочим, которые имеют тред-юнионы уже втечение столетия, а политическую партию — всего три года: «Ваши юнионы должны целиком и полностью связаться с партией и проводить директивы этой партии»? Этого мы не можем сказать.

Реформисты перекрашиваются в защитный цвет [11]). Этот факт не подлежит сомнению. Часто реформисты начинают с того, что рабочее движение должно быть об'единено. Но дальше они говорят, что единственный Интернационал, это — Амстердамский Интернационал. Они идут на всевозможные уловки и хитрости для сохранения этой цитадели. Я не удивлюсь, если в американских газетах будет сказано, что у меня семь жен и все они—негритянки, что Лозовский убил свою семью,— ведь это их способ агитации. Но это не может, конечно, иметь успеха среди рабочих. И вот они говорят, что мы хотим подчинить союзы Москве и тем самым — РКП, что Межсовпроф есть пристройка при Коминтерне.

В заключение предлагаю принять следующую краткую резолюцию:

«Конференция профессиональных союзов, одобряя политику ВЦСПС в области профессионального движения, считает:

Что создание Международного Совета Профессиональных и Производственных Союзов явилось логическим выводом из всей позиции российского профессионального движения и из решений III С'езда Профессиональных Союзов.

Признавая, что успешной борьбе за диктатуру пролетариата в мировом масштабе главным образом препятствуют консервативные вожди-реформисты западно-европейских и американских союзов, использующие союзный аппарат и целую армию вышколенных чиновников как тормоз революционного движения масс, для притупления классовых противоречий, конференция считает первым условием победы мирового рабочего движения беспощадную борьбу с реформизмом, разоблачение контр-революционной роли реформистских вождей и завоевание профессиональных союзов революционными элементами профессионального движения, стоящими на платформе беспощадной революционной борьбы труда с капиталом, социальной революции и диктатуры пролетариата.

Для осуществления этих задач необходимо сплочение в мировом масштабе всех левых элементов профессиональных союзов

и других экономических организаций, ведущих не на словах, а на деле классовую революционную борьбу с капиталом и его прислужниками-реформистами.

Констатируя, что война и революция разбили все старые группировки и течения в мировом рабочем движении, разделив в основной работе все рабочее движение на два лагеря,— за и против революционной классовой борьбы, за и против социальной революции,— конференция считает правильным вовлечение в Международный Совет Профессиональных Союзов всех революционных синдикалистов, индустриалистов и тесный союз с ними.

Учитывая, что рост революционного движения в Западной Европе и давление революционно-настроенных рабочих масс толкают реформистски настроенных вождей принимать для сохранения своего влияния, как защитную окраску, установление связи с Международным Советом Профессиональных Союзов и Коминтерном, конференция считает необходимым решительное разоблачение подобной двойственной политики.

Признавая неотделимость политики от экономики и что III, Коммунистический, Интернационал есть организация, об'единяющая и направляющая все виды и формы освободительного движения пролетариата для окончательного освобождения труда от ига капитала, и считая необходимым условием успеха в деятельности Межсовпрофа работу под общим руководством Коминтерна, конференция полагает, что детали организационных взаимоотношений между Коминтерном и Межсовпрофом должны быть разрешены на предстоящей международной конференции красных союзов, и поручает своим представителям отстаивать на ней наиболее тесную организационную связь с Коммунистическим Интернационалом.

Конференция предлагает всем ЦК союзов принять живейшее участие в международных с'ездах и конференциях их производств, выступая везде и всюду с отчетливой формулировкой революционной платформы российского профессионального движения и с беспощадной критикой реформизма.

Заслушав отчет и одобряя деятельность своих делегатов за границей, V Конференция Профессиональных Союзов выражает сожаление, что наша делегация, выехавшая в Англию, согласно приглашения представителей английских юнионов, не смогла

выполнить данного ей поручения [86]) — ознакомиться и установить братские связи с английскими рабочими организациями.

Конференция выражает уверенность, что те насилия, которым подверглись наши делегаты в так называемых «демократических странах» со стороны обнаглевшей буржуазии и с молчаливого согласия коалирующих с буржуазией реформистов, послужат лучшим уроком для западно-европейских рабочих и толкнут их на более решительное отстаивание своих элементарных прав пролетарского гостеприимства.

Всероссийская конференция, от имени страдающего и борющегося русского пролетариата посылая братский революционный привет всем пролетариям мира, призывает всех организованных рабочих порвать с растлевающими идеями классового альянса и вождями-соглашателями, сомкнуть свои ряды вокруг Красного Интернационала Профессиональных Союзов, поддержать революционную борьбу русских рабочих и вступить в решительный бой с буржуазией всех стран вместе с нами».

Опубликовано в «Стенографическом отчете V Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов». Изд. ВЦСПС. Москва. 1921 г.

Мы и они.

Война поставила перед рабочими мира один основной вопрос: будет ли рабочий класс в дальнейшем мириться со своим рабоким положением пушечного мяса, людей, которых вожди из лагеря патриотов-социалистов в угоду Молоху-Капиталу ведут к гибели во имя сверх-прибылей, прикрытых флером мелкобуржуазной болтовни о «демократии», «справедливости», «национальных интересах» и пр. туманных фраз, или же он навсегда покончит с вековым рабством и всякими войнами путем свержения политического и экономического господства капитала и установления своей диктатуры, как необходимого переходного этапа к общественному строю, исключающему классы, всякое государство, всякое насилие человека над человеком,— к коммунистическому строю?

Финал войны вскрыл истинную сущность либеральной болтовни социал-патриотов, — нищета при растущей дороговизне жизни и общем ухудшении бытовых условий и миллионах искалеченных инвалидов — на одной стороне, на стороне пролетариата, и безумная роскошь, беспримерная расточительность, невиданно быстрое обогащение, как результат нагло-дерзких спекуляций,— на другой, на стороне буржуазии. Брестский [8]), затем Версальский мир [24]) вскрыли перед всеми пролетариями не только хищный лик капитала, но и бесстыдную сущность его прислужника — реформизма [11]).

Предвидя рост революционного сознания в трудящихся массах, вожди западно-европейского профессионального движения, все эти Легины [18]), Жуо [17]), Гомперсы [26]) и Эппльтоны [16]), эти апостолы «обороны отечества» [11]), нагло оплевавшие и втоптавшие в грязь святые принципы интернациональной солидарности пролетариата, цинично предавшие руководимых ими и доверчиво шедших за ними на убой во имя сверх-прибылей капитала рабочих,— принялись за новый грандиозный обман в международном масштабе,

восстановляя снова профессиональный Интернационал классового соглашения. Снова говорятся для одурачения рабочих неопределенные, сюсюкающие речи об «интернациональности классовой борьбы» (и говорят те самые, которые натравливали своих рабочих на рабочих другой страны), о «мудрой, выдержанной политике класса» и прочие одинаково-звучные, бессодержательные в устах предателей фразы.

Рост и развитие массового пролетарского движения, тот отклик сочувствия, который нашли русская и венгерская революция [21]) в пролетарских сердцах всего мира, заставляют этих господ, уже успевших запродать новый Интернационал профессиональных союзов Лиге Наций [24]), «леветь», то есть, выбрасывать революционные лозунги [11]), уже превзойденные массой, уже осуществляемые массой на деле. Здоровое пролетарское движение они при одном соприкосновении с ним отравляют ядом реформизма, классового пацифизма и соглашательства. То тащась в хвосте за массой, то воруя у масс революционные лозунги и подменяя их мелкобуржуазной фразеологией, эти господа-вожди являются на деле не только тормозом всякого революционного рабочего движения, но и лучшей опорой воинствующему капиталу, его громоотводом против пролетарской революции, колючей изгородью перед бастионами капитализма.

Опираясь на мощный аппарат профессиональных союзов, юнионов и синдикатов и десятки и сотни тысяч выдрессированных профессиональных чиновников, на консервативные традиции и поддержку буржуазной прессы, эти господа-вожди и реставрированный ими Интернационал реформизма стали мощными орудиями *против* пролетарской революции, машиной одурачивания рабочего класса.

Для рабочего класса всего мира и его организаций есть только один путь для выхода из того положения, в котором оказался мир после империалистической войны,— путь свержения господства капитала, путь установления политической и экономической диктатуры пролетариата, путь социалистической пролетарской революции. Этот путь *исключает всякие компромиссы, всякие соглашения* и сделки с классом капиталистов, во имя чего бы они ни делались и ни предлагались (ведь всякая подлость оправдывается «во имя» чего-нибудь).

Иного пути рабочему классу и его организациям *историей не дано.* Либо империализм с его войнами, всеобщим обнищанием, порабощением и вырождением трудящихся масс, либо *свержение его* революционным путем и установление *диктатуры труда.*

Для честных пролетариев не может быть колебаний, не может быть сомнений. Всякий, кто пытается подменить стоящую в порядке дня классовую войну в мировом масштабе — классовым соглашением, есть враг рабочего класса, есть контр-революционер и слуга капитала. Амстердамский Интернационал [13]) в лице его вождей *вступлением в организационную связь с Лигой Наций* (какими бы хорошими целями они это ни оправдывали), организацией воинствующего империализма и всей своей тактикой, революционной на словах и реформистской на деле,— изменил классовым интересам пролетариата, встал на путь борьбы с пролетарской революцией, стал контр-революционной, анти-пролетарской организацией, а подобные организации рабочие называют *желтыми организациями* [112]).

Грандиозность предстоящей пролетариату борьбы за свое освобождение путем захвата власти требует героических напряжений, *требует концентрации всех активных революционных сил класса* и поворота всего пролетарского фронта, сосредоточения всех его *сил для борьбы направо,* против всех буржуазных и помещичьих партий. Понимание классовой сущности партий и организаций особенно резко проявляется в периоды острых классовых конфликтов и особенно в период социалистической революции; в значительной степени именно особенность этого периода является определяющим фактором. Вожди Амстердамского Интернационала — Легины, Жуо, Эппльтоны и им подобные — находят общий язык с капиталистами и их прессой и вместе с ними ведут борьбу *налево,* против коммунистов, против революционных (не на словах, а на деле) синдикалистов, против всех активных, революционных элементов в рабочем движении. Бросаются лозунги об изгнании коммунистов из профессиональных союзов и синдикатов; пишутся погромные статьи против большевиков и прилично замаскированные, но по существу явные доносы на них «начальству», хозяевам, капиталистам. Разве это не штрейкбрехерство?

Поэтому революционные союзы организовали новый, действительно революционный, истинно классовый Красный Интернационал

Профессиональных Союзов [38]) в Москве, рядом с III, Коммунистическим, Интернационалом [48]). Временный Международный Совет Профессиональных и Производственных Союзов об'единяет союзы, отказавшиеся от политики классового альянса, признающие, что ориентация рабочих организаций, их политика и тактика должны исходить из основной задачи пролетариата в данный исторический момент,— осуществления пролетарской, мировой социалистической революции через захват пролетариатом власти, через диктатуру пролетариата. Зная по опыту российской, германской [96]), венгерской революций и всей истории рабочего движения, что господствующие классы без жестокого сопротивления не отдадут копей, фабрик, поместий и всех своих привилегий; зная, что перед рабочим классом стоит трудная, сложная борьба, требующая напряжения всех его творческих сил,— Временный Международный Совет Профессиональных и Производственных Союзов ставит своей задачей *об'единение всех левых элементов* мирового профессионального движения, ведя борьбу *направо,* против капиталистов и их приказчиков-реформистов, против созданной ими организации для одурманивания и обмана рабочих, называемой Амстердамским Интернационалом Профсоюзов.

Задача момента для всех левых элементов, *честно стоящих на платформе мировой революции,*— сплотить свои ряды на общей, ясной и приемлемой для всех платформе, отбросив в сторону мелкие, второстепенные разногласия об организационных и иных деталях. Задачей нашего об'единения является отрыв широких рабочих масс от гибельной для классового движения пролетариата политики вождей-реформистов путем противопоставления Интернационалу Социальных Реформ Интернационала Социалистической Революции. Поставив во весь рост перед организованными рабочими задачу нашего класса в настоящий момент, мы должны и будем в каждом вопросе, выдвигаемом жизнью перед союзами и всеми организованными рабочими, вскрывать и разоблачать реформистскую, предательскую, штрейкбрехерскую сущность политики официальных вождей западно-европейских и американских профессиональных союзов.

Но эта задача,— борьба за освобождение масс от тлетворного влияния реформистов, наиболее сильного как раз в профессиональных союзах,— должна разрешаться в массах и как раз *внутри*

самих массовых организаций путем вскрывания на опыте повседневной работы всей беспочвенности и контр-революционной сущности реформистских вождей. Поэтому, вырывая революционные рабочие организации из-под влияния Желтого Интернационала Амстердама и сплачивая их вокруг Красного Интернационала Москвы, наши сторонники, оставаясь внутри геверкшафтов, синдикатов и юнионов, должны вести упорную и неустанную борьбу за завоевание как организованных масс, так и аппарата самих организаций: уход из союзов и организация параллельных об'единений знаменуют *увод из союзов,* находящихся под влиянием реформистов, всех наиболее сознательных революционных рабочих, отказ от практической борьбы с реформистами и от работы над революционным воспитанием остающихся в союзах под влиянием реформистов. Вырывая из союзов наиболее революционные элементы, этим самым обескровливают союзы, а остающихся там честных, но недостаточно сознательных рабочих лишают активных вождей, способных увлечь массу в надлежащие моменты на путь широкого выступления. Это прекрасно понимают вожди-реформисты и всячески *облегчают, давая к этому поводы,* уход левых элементов из находящихся под их влиянием союзов. Сам по себе этот уход по существу фактически равносилен бегству с поля битвы, продиктованному малодушием перед сложностью и трудностью борьбы. Конечно, революционная борьба с реформизмом внутри находящихся под его влиянием профессиональных организаций чрезвычайно трудна, но трудность борьбы требует *бо́льшей энергии, упорства, мужества,* чем толстовское «непротивление» и «уход от зла».

Ссылка на контр-революционную политику организации в оправдание своего ухода — неосновательна, ибо контр-революционными *могут быть вожди и политика* руководимых ими организаций, сами же ложно-направляемые вождями *рабочие массы* могут быть отсталыми, несознательными, но в конечном счете всегда являются *силой революционной.*

Здесь наши противники, вероятно, попытаются поймать нас на противоречии указанием на то, что Временный Международный Совет Профессиональных Союзов принимает в свой состав организации, состоящие из отколовшихся частей профессиональных союзов и параллельные союзам внесоюзные организации.

Но это — противоречие лишь для тех профессионалистов-формалистов, которые привыкли мыслить и действовать «по утвержденному уставу» и для которых форма выше содержания. Мы считаем *тактической ошибкой* уход революционных рабочих и их руководителей из реформистских союзов, мы это критикуем, осуждаем и предлагаем другим не делать подобных ошибок, ибо они на-руку реформистам, наиболее яркие представители которых открыто об'являют (они всегда единодушны со своими «господами» - банкирами) крестовый [113]) поход против коммунистов и им сочувствующих.

Но сделавшие эту *ошибку не перестали от этого быть революционерами*, лучшими людьми нашего класса, и, как таковые, они нам друзья и товарищи — вместе с ними мы пойдем на штурм капитализма, вместе с ними мы ведем и будем вести *беспощадную борьбу* со всеми предателями рабочего класса — реформистами, какими бы фразами они ни маскировались.

Поэтому с чрезмерно левыми элементами в том или ином вопросе мы можем иметь разногласия, убеждать их, совместно исправлять те или иные ошибки, ибо *это наши ошибки,* людей нашего класса; с реформистами же мы боремся как с агентами чуждого, враждебного нам класса, как с нашими классовыми врагами.

Об'единяя наши силы для этой борьбы, мы отбрасываем все мелкие, второстепенные разногласия, об'единяясь на основном, главном, необходимом для этой борьбы.

Но концентрация революционных сил не заключается лишь в организационном сплочении однородных рабочих об'единений, а требует также *идейного* сплочения и согласования деятельности всех видов рабочих организаций для однородных (в общем) *революционных действий.* А это требует от рабочего класса тесного единения между его экономическими и политическими организациями, одинаково понимающими задачи пролетариата в данный исторический момент. Поэтому мы признаем *неотделимость политики от экономики,* мы стоим за теснейший союз профессиональных союзов, юнионов и синдикатов с истинно-пролетарскими политическими партиями и за неразрывную связь между Красным Интернационалом Профсоюзов и III, Коммунистическим, Интернационалом.

Конечно, реформисты всех оттенков подняли шум,— и он будет усиливаться,— по этому поводу, вопя о «подчинении союзов партии», «порабощении национального движения диктатуре Москвы» и выкрикивая прочие грубо-демагогические мещанские пошлости. Нас это смущать не должно, но разоблачать наглую демагогию необходимо.

Считая, что революционные партии пролетариата (а таковыми в настоящий момент являются коммунистические партии, входящие в III Интернационал) суть авангард рабочего класса, мы полагаем, что партия об'единяет наиболее полно и наиболее отчетливо все стороны классового движения пролетариата, все требования, чаяния и надежды пролетариата, *как класса*, ибо «политика есть концентрированное выражение экономики» *). Поэтому партия является идеологом революционного движения масс, особенно в период борьбы пролетариата за захват государственной власти. Профессиональные союзы, об'единяя широкие массы рабочих на почве их экономических требований, являясь непартийными, не могут, оставаясь классовыми организациями, не стремиться к осуществлению конечного идеала пролетариата — коммунизма. Движение пролетариата, как класса, в направлении осуществления своей конечной цели может итти и идет по одному руслу, указываемому наиболее сознательной, передовой его частью — партией. Являясь идеологом движения, партия в национальном и мировом масштабе (III, Коммунистический, Интернационал) обладает приоритетом идейной гегемонии, ей принадлежит высшее руководство движением в целом. Лишь при этих условиях движение гарантируется от распыления и рабочие организации — от раздробления на сектантские кружки.

Вытекает ли отсюда организационное подчинение профсоюзов партии, которым так пугают реформисты союзы, чего порою пугаются и очень близкие к нам, но не вполне отчетливо мыслящие товарищи? Ни в каком случае, ибо это было бы одинаково гибельно для партии (принужденной разменяться на мелочи) и для профсоюзов, неизбежно ставших бы частью партии и потерявших бы широту своего размаха, как организации непартийной. Таким образом, признавая верховное идейное руководство,

*) Резолюция IX С'езда РКП. М. Т.

приоритет партии, союзы должны сохранять свою организационную самостоятельность; партия наиболее заинтересована в этом и должна всячески избегать вмешательства во внутреннюю жизнь союзов и мелочной опеки над ними. Самое руководство экономическим движением должно осуществляться партией главным образом через руководство деятельностью своих членов, работающих внутри союзов.

В России, например, где партия возникла раньше союзов, где она строила их, где она всегда являлась руководителем пролетарского движения, где на протяжении трех с лишним лет партия и союзы шли во всех вопросах рука-об-руку, профсоюзы тем не менее при явной, бесспорной гегемонии партии организационно независимы от нее [111]). Партия проводит свою политику в профессиональном движении через своих организованных членов, выдвигая их на ответственные посты, помогая им и руководя ими. Но было бы ошибкой с нашей стороны предлагать установление точно таких же отношений между союзами и партией в других странах, ибо различие истории рабочего движения и целый ряд второстепенных обстоятельств безусловно должны разнообразить данные отношения, оставляя незыблемой сущность таковых,— неотделимость политики от экономики, идейную гегемонию партии, тесную, неразрывную связь между революционной партией пролетариата и экономическими рабочими организациями.

На основе этих положений должны быть построены организационные взаимоотношения между III, Коммунистическим, Интернационалом и Интернационалом Профессиональных Союзов. Однако, оставляя разрешение этого вопроса во всей его широте до предстоящей Конференции Красных Профсоюзов [114]), мы должны отметить, что уже сейчас между III, Коммунистическим, Интернационалом и Временным Международным Советом Профессиональных Союзов установлен самый тесный братский союз взаимного представительства, взаимного содействия и поддержки. Если формы организационных взаимоотношений не определены, не отчеканены, то сущность их ясна — несмотря на разность нашей структуры [115]) и различие составных частей, цель обоих Интернационалов одна — раскрепощение пролетариата, свержение капитализма.

И, конечно, на пути к осуществлению этой цели верховное руководство, идейная гегемония могут принадлежать лишь более принципиально выдержанной и в то же время многогранной организации, являющейся синтезом всех форм рабочего движения,— III, Коммунистическому, Интернационалу.

Я не намерен в данной статье особо останавливаться на демагогическом вопле перепуганных националистов-обывателей: «диктатура Москвы». Русские рабочие и Москва, как символ рабочей революции, не нуждаются в оправдании и доказательствах своей бескорыстности и преданности делу международного братства рабочих. Русские рабочие три года тому назад,— когда еще Легин натравливал германских рабочих против Франции, а Жуо и Эппльтон своих рабочих — против «бошей» [116]),— начертав на своих знаменах великие лозунги интернациональности рабочего движения и классовой борьбы, отказались участвовать в империалистической бойне, вступив в бой со своей буржуазией. И если завтра немецкие или английские рабочие, прогнав своих вождей-реформистов, сбросят свою буржуазию и возьмут власть в свои руки,— мы перенесем наш Интернационал в Париж, Лондон или Берлин, туда, где рабочий класс будет крепче держать власть и где будет лучше и практичнее для общего дела.

Много инсинуаций и демагогии еще пустят (и пускают) в ход наши противники, играя на несознательности масс и опираясь на буржуазную и продажную бульварную прессу; много попыток ими будет сделано (и уже делается) для того, чтобы свести на-нет, разменять на мелочи, стушевать наш великий принципиальный спор. Но всякий честный рабочий разберется в сущности этого спора, поставив прямо и остро вопрос: «реформирование ли разваливающегося буржуазного мира путем его реставрации или разрушение его и захват власти рабочим классом? Борьба с классом капиталистов или сотрудничество, коалиция классов? «Бургфриден» [11]) или классовая война?».

И пусть попытаются вожди-реформисты и те, которые мечутся между реформизмом и социальной революцией, без лжи, без обмана ответить на этот вопрос. Уже сейчас, глядя один на другого, они стыдятся подлости друг друга. Не даром Легин отказывается от Гомперса, а Жуо открещивается и отгораживается от Легина. Успокойтесь, г.г. вожди, вы стóите один другого

и каждый из вас есть отражение другого. Вы пытаетесь прикрыть свою реформистскую наготу лохмотьями пестрых звонких фраз. Но это бесполезно. В период революции у масс чрезвычайно зоркие глаза.

На прямо поставленные вопросы всякий честный рабочий и всякая рабочая организация должны ответить прямо, с кем они: с Интернационалом реставрации и реформизма или с Интернационалом Социалистической Революции. Рабочие должны потребовать прямого ответа от своих вожаков. Мы заявляем перед лицом всего пролетарского мира: мы — за мировую рабочую социалистическую революцию, мы — за экономическую и политическую диктатуру пролетариата! Пусть так же прямо попытаются ответить и они.

«Международное Рабочее Движение», № 1.
Январь 1921 г.

Международное положение и наши задачи.

Товарищи, ваш Всероссийский с'езд и Всероссийский с'езд союзов в этом году почти совпадают с пятилетней годовщиной Октябрьской революции [94]), с пятилетней годовщиной советской власти, и для нас важно особенно теперь, в обстановке нового курса экономической политики [117]) и нового курса профессиональных союзов [118]), бегло подвести итоги нашей работы и жизни к пятилетней годовщине диктатуры пролетариата.

Наша Октябрьская революция победила под знаменем интернациональной революции, а вы помните, как в свое время над нами издевались наши противники. Вы помните, вероятно, обычную в то время картину, когда на трибуне стоял большевик, а его «с пристрастием» допрашивали эсеры и меньшевики: «Скажите нам, когда и в какой срок будет революция в Германии? Раз вы говорите, что нужно войну кончить, то где же гарантия, что Германия не заберет Россию целиком и не слопает? Скажите нам точно, в какой день и час будет революция в Германии?» [73]).

И странно звучал для некоторых, плохо разбиравшихся в сущности того, что происходило, ответ большевика: «Мы не знаем, когда будет революция в Германии, мы — не политические шарлатаны и на кофейной гуще не гадаем; из всего анализа международного движения ясно, что революция в Германии, как и во всех других странах, неизбежна, ибо капиталистический мир в процессе империалистической войны запутался в таких противоречиях, что выход один: либо — мировая рабочая революция, либо — бесконечный ряд империалистических войн!».

Оглядываясь теперь на пройденный нами путь, мы видим, что, несмотря на издевательства наших противников, особенно усилившиеся после того, как немцы взяли Украину и подошли к Пскову [3]), германская революция все-таки наступила [96]). Мы не могли предсказать день и час, когда совершится революция в Германии, но мы видели ее приближение.

После того прошло четыре года, и вот теперь, на пятом году с момента нашей победы, опять приходится слышать хихиканье: «Ну, а где же ваша мировая революция? Ведь вы строили все ваши планы в расчете на международное всемирное рабочее восстание?». Опять раздаются насмешки из рядов меньшевиков и эсеров: «Покажите эту мировую революцию! Революция в Германии демократическая, а где же мировая социалистическая революция?». И точно так же, как и пять лет назад, мы снова твердо заявляем: «Мы не знаем, в какой день и час разразится мировая революция, но мы уверены, что иного выхода, нежели революция во всем мире, нет!». Если мы посмотрим на современное международное положение, то должны будем признать, что для человечества могут быть только два выхода: либо — беспрерывный ряд войн, столь же гибельных, как минувшая, войн, требующих кровавых жертв и разрушения производительных сил всего мира, либо — рабочий класс стряхнет и гнет империализма, и господство капитала над трудовым миром!

Что разыгрывается на наших глазах в Малой Азии? Там происходит пресловутая война Греции и Турции [119]). Кто воюет? Греки и турки. Маленькая Греция, территория которой немножко больше носового платка, вообразила себя крупной империалистической державой и двинулась в Малую Азию добивать Турцию. Государство, которое сотни лет считало себя обиженным, изнасилованным, национальность, которая рассматривала себя как рабов Турции, стонала под гнетом Турции, вдруг, проникнутая империалистическими настроениями, вторглась на турецкую территорию. Война идет между Грецией и Турцией, но за спиной Греции стоит Англия, а за спиной Турции — Франция. Греция и Турция — пешки Франции и Англии, которые делят мир пополам. Англия снабжает оружием и деньгами Грецию, которая после пережитой войны воевать была не в состоянии, а Франция помогает Турции. Прочитайте телеграммы, которые пришли за ночь, и вы увидите, что Франция и Англия ведут переговоры о том, как ликвидировать этот конфликт.

Воюют Франция и Англия на спинах греческих и турецких рабочих и крестьян. Спины греческих и турецких рабочих и крестьян отвечают за политику, которую ведут банкиры в Сити [120]) и в Париже.

Всего несколько дней тому назад вся Европа стояла перед угрозой вспышки новой войны. Версальский мир [24]), который поставил на колени Германию, стал невозможным. Даже долготерпеливое правительство Вирта [121]) отказалось выполнять финансовые обязательства по отношению к Франции, ибо их невозможно выполнить. Выполнение этих обязательств означало бы, что Франция вывезет к себе все до последней золотой марки, еще застрявшей в германском казначействе. Франция эксплоатирует принадлежавшие ранее Германии шахты и рудники, платя занятым в них германским рабочим падающей маркой. Она вывозит, согласно контракта, уголь, который ей обходится в четыре раза дешевле, чем во Франции. Она грабит германских рабочих. А какое громадное количество паровозов, автомобилей, кораблей и т. п. Франция отобрала у Германии согласно Версальского мира! Долготерпеливое правительство Вирта отказалось выполнить подобные требования, так как это повело бы к дальнейшему падению марки и полнейшему разрушению народного хозяйства Германии, не к кризису, а к полной катастрофе. Марка втечение только трех дней упала в три раза. Вывоз из Германии золота до последней унции заставит ее упасть еще ниже, что пагубно отразится на заработной плате и пр. Не так давно, сто часов тому назад, весь мир стоял под угрозой, что Франция двинет войска в пределы Германии и силой штыков возьмет золото из германского казначейства. Параллельно с этим последовал бы соответствующий шаг цепной собаки Антанты — Польши, которая вторглась бы своими войсками в Германию с другой стороны. Германия обратилась ко всему миру с заявлением, что она не может выполнить этих обязательств. Она и рада платить, да платить нечем. Что знаменовала бы собою эта французская вооруженная демонстрация, которая могла окончиться уже в стенах Берлина? Как стали бы реагировать на это Англия, Соединенные Штаты, Япония и т. д.? Мы можем только очень смутно догадываться об этом по опыту греко-турецкой войны. Но несомненно, что такой шаг поставил бы мир перед угрозой новой империалистической войны.

Если мы оглянемся на Восток, то увидим, что и там завязался узел сложных международных отношений. Китай является лакомым куском для Японии и Америки [101]). Японское правительство, которое обожглось на ДВР [122]) и которое под давлением японского

пролетариата и общественного мнения принуждено сейчас эвакуировать войска из наших владений, все время не спускает глаз с Китая. В Китае идет борьба отдельных вооруженных групп. За этими группами вырисовываются хищные физиономии иностранных империалистов. Там — два конкурента, которые словно смотрят друг другу в руки. Это — Америка и Япония. Малейшее нарушение равновесия может привести к столкновению этих двух колоссальных империалистических хищников.

Вот в каком положении находится сейчас мир, — в положении неустойчивого равновесия. Малейшее осложнение, малейшее нарушение экономических взаимоотношений в той или другой части земного шара ведет к столкновению капиталистических хищников, ибо, несмотря на все их альянсы, интересы отдельных групп империалистов все-таки противоположны друг другу. Это мы можем видеть на опыте Германии. Мировое хозяйство находится в тягчайшем положении. Об этом свидетельствует бешеное наступление капитала на рабочий класс [123]). Вы видите генеральные бои между трудом и капиталом, кончающиеся не в пользу труда. Происходит гигантская забастовка шахтеров в Америке [124]), железнодорожники накануне забастовки. Правительство издает законы, предписывающие местным властям всячески выискивать поводы для привлечения стачечников к судебной ответственности и пред'являть к ним иски за причиненные забастовками убытки. Даже русское самодержавие не применяло таких гнусных методов борьбы, которые имеют теперь место в демократической Америке. Все преступления, пожары, все поджоги, происходящие в зоне забастовок, правительство Америки предписывает ставить в вину забастовавшим рабочим. Те преступления, которые совершаются изо дня в день на железных дорогах, приписываются железнодорожным рабочим под тем предлогом, что забастовка нарушила правильный ход работы, вследствие чего только и могли, будто бы, произойти эти преступления.

Вот какова юстиция буржуазных демократических республик, тех самых, которые подняли на весь мир шумиху, когда мы судили врагов рабочего класса и убийц наших вождей [125]).

В Англии, Германии, везде происходят забастовки, вызванные натиском капиталистов. Германские забастовки были вызваны наступлением капитала с требованием понижения заработной

I Конгресс Профинтерна в Москве, в Колонном зале Дома Союзов 3—19 июля 1921 г. *(Слева направо:* в первом ряду — Гампель (сидит, Чехо-Словакия), Джордж Гарди (Англия), С. Лозовский, за ним — А. И. Рыков, Том Манн (Англия), А. Росмер (Франция), Н. И. Бухарин).

платы. Повсюду капитал выступает с требованием ухудшения условий труда. Для нас, профессионалистов, представляет интерес, как на это отвечают профессиональные союзы. Сегодня вы прочтете в газетах, что конгресс английских тред-юнионистов [126]) постановляет добиваться пенсий для рабочих и служащих, проработавших до 70-летнего возраста. Это, конечно, очень благородное и справедливое требование, но, спрашиваю вас, много ли вы видели рабочих и служащих, имеющих семидесятилетний возраст, проработавших до этого возраста? Ведь большинство этих пенсионеров умерло до достижения 70-летнего возраста, который дает право на пенсию! Вот одно из требований западно-европейских профессиональных союзов! Другие требования этих союзов насквозь проникнуты такими же благими пожеланиями. При обсуждении русско-германского вопроса [127]) они говорят, что нужно добиваться беспристрастного и об'ективного отношения к Германии и России. Для русских рабочих давно не секрет, что беспристрастных людей вообще нет, особенно в политике.

Беспристрастен может быть только тот, который ничего не думает, беспристрастным можно быть в отношении тех вопросов, которые не интересуют. Мы, например, глубоко беспристрастны в вопросе о том, как здоровье китайской императрицы, но мы совсем не беспристрастны по вопросу о том, какова политика Америки и Англии в отношении заработной платы.

Каково положение наших профессиональных союзов на международной арене? Тот факт, что повсюду вышибают революционные профессиональные союзы, говорит очень много. Единственный союз, который еще остается в Международном Профессиональном Об'единении,— ваш, его еще не вышибли. Он не выброшен только потому, что вы представляете половину организованных в профессиональный союз пищевиков всего мира. Остальные наши союзы тоже пытались связаться с международным профессиональным движением, но их с почетом попросили уйти. Такая политика проводится по отношению ко всем революционным союзам в Англии, Германии и Франции [128]).

Но, несмотря на это, влияние идеи борьбы за диктатуру рабочего класса растет с каждым днем. Мы видим первые схватки этого движения с капиталом в Германии, где собралась конференция — кого бы вы думали? — фабрично-заводских комитетов! [41]).

Как отнеслись представители германского профессионального движения к этой конференции, которая собралась в решительный момент, когда «судьбы отечества», говоря реформистским языком, были «в опасности», когда марка упала в цене и положение стало критическим? Что значит: марка упала в цене? Это значит, что заработная плата также упала. Каково отношение к этой конференции со стороны немецких профессиональных союзов? Они заявили, что эту конференцию нужно бойкотировать и что члены профессиональных союзов не должны участвовать в ней. Тем не менее зал конференции не мог вместить всех собравшихся. Если вы посмотрите на те постановления, на те резолюции, которые вынесены этой конференцией, то увидите, что это — резолюции 1917 г., резолюции, в которых говорится о контроле над банками, о контроле над производством, т. е. те самые, что в обстановке коалиции, в обстановке развала международного хозяйства первым пунктом выставляли в своей борьбе за национализацию промышленности русские рабочие! [129]). Как отнеслись немецкие союзы к этой конференции в дальнейшем? Немецкие союзы ее просто замолчали, они сделали вид будто ее совсем не было. Но факт остается фактом.

Десятки тысяч берлинских рабочих поручили своим представителям собраться и выставить требования об установлении диктатуры пролетариата. Это — тоже факт. Поскольку давит капитал, постольку растут силы рабочего класса. Коммунистический Интернационал [48]) и Профинтерн [38]) выставили платформу единого фронта [130]). Вы знаете, что у русских рабочих возникло недоумение: какой может быть единый фронт с реформистами? Мы тогда говорили, что не знаем, что из этого выйдет. Но когда капитал наступает по всей линии на рабочий класс, отнимает насущные его завоевания, унижает его и разбивает по всей линии его приобретения и права, в этот момент нужно, отбросив разногласия, об'единить на борьбу всех тех, кто хочет и может бороться с наступлением капитала. Мы на это пошли и сделали при этом ряд уступок, пошли на большие жертвы. Мы разошлись только по вопросу, созывать или не созывать международную конференцию рабочих. Люди, которые называют себя друзьями рабочего класса, когда мы сказали: «Давайте соберем международную конференцию, чтобы решить вопрос, нужно ли бороться с капиталом и какими

методами!» — разорвали намечавшийся единый фронт. Значит ли это, что *мы* отказываемся от единого фронта? Отнюдь нет! Если у нас не состоялся единый фронт вместе с вождями западно-европейских рабочих, об'единенных в профессиональном движении,— мы будем работать, чтобы создать единый фронт непосредственно с массами, без вождей, которые этого не понимают и не могут действовать с нами солидарно.

Если посмотреть на наше положение по отношению к капиталистическим державам, то бросается в глаза, что западно-европейские государства от тактики интервенции, от попытки вооруженной силой отделить нас от Европы должны были перейти к тактике бойкота, а от тактики бойкота, по логике вещей, они должны были перейти к тактике подписания торговых договоров... Генуя и Гаага [131]) были попыткой установления постоянных, прочных дипломатических отношений. Нужно принять во внимание, что мы на этих конференциях разговариваем в обстановке небывалого в России голода [132]). Во имя спасения миллионов голодных людей мы открыто должны были просить, независимо от того, откуда исходит помощь, помочь голодающим. В такой неблагоприятной обстановке протекали переговоры в Генуе и Гааге.

Второе условие, которое бросает свет на эти переговоры, вытекает из нашего нового курса экономической политики. Если этот курс был одной из предпосылок, способствовавших этим переговорам, то, с другой стороны, в России многими интеллигентскими головами курс новой политики воспринимается как «обратный ход» — к восстановлению капиталистических отношений [133]). Так думает даже та русская интеллигенция, которая за четыре года совместного с нами житья должна была кое-чему научиться. Мы по крайней мере не жалели усилий, чтобы хотя чему-нибудь ее научить.

Если русская интеллигенция все еще не выучилась и полагает, что русский рабочий класс способен после четырех лет диктатуры отступить назад, к до-октябрьской позиции, то немудрено, что новая экономическая политика многими рассматривается как эволюция в сторону капитализма. Если русская интеллигенция думала и думает, что в результате того экономического отступления, которое мы должны были предпринять и которое дальше

определенного пункта не может продолжаться, неизбежна политическая эволюция в сторону «развития демократии», «свободы слова», «общественной самодеятельности» и т. д., то все эти идеи в десять раз более сильны в головах западно-европейских политиков.

В Генуе и Гааге основным вопросом был вопрос о «реституциях» [129]). Это слово, очень мало знакомое русским рабочим, в переводе на русский язык означает «восстановление». Чего? — Прав промышленников, потерявших фабрики и заводы. Вот что значит в популярном изложении это знаменитое слово «реституция». Вопрос о «реституциях» был основным вопросом. Когда говорят: «согласны ли вы заплатить долги?» — мы на это отвечаем, что из-за долгов мы драться не будем. Нам нужны мир и торговые отношения. Для нас имеет значение признание нашего правительства, потому что тогда нам дадут кредиты, необходимые для восстановления промышленности, для развития производительных сил страны. Если речь идет о долгах, мы не будем ставить принципиального вопроса,— мы уплатим, но и вы признайте, что вы нам должны за все то, что натворили во время интервенции [8])... Не хотите, — так давайте признаем, что не должны ни вы, ни мы.

Если вы посмотрите газеты, то увидите, что все выступления Ллойд-Джорджа [46]) и Пуанкаре [184]) вертятся вокруг того, в какой форме заставить русских рабочих признать, что они должны и будут платить капиталистам за отнятые у них фабрики и заводы. Мы на это отвечаем: «Платить — мы заплатим, но должниками себя не признаем. Если хотите с нас сорвать, мы дадим вам проценты и сверх-проценты, ибо нам нужны деньги. Вы можете на эти сверх-проценты «реституировать», комбинировать, но мы не признаем, что за отнятые в силу классового права фабрики и заводы мы должны платить хотя бы копейку. Здесь русский рабочий класс не может пойти ни на какие уступки». Поскольку проживающие за границей капиталисты, лишившиеся в результате Октябрьской революции своих фабрик и заводов, думают, что эти заводы принадлежат им, мы нашли полезным, от имени Всероссийского Совета Профессиональных Союзов и Высшего Совета Народного Хозяйства, обратиться ко всем рабочим с призывом [185]): «Давайте выбьем у них из головы эти идеи! Пусть не будет завода

Гужона, фабрики Эйнем и т. д., пусть не останется даже старых названий. Бывшим владельцам надо показать, что у них ничего нет, что все это наше». После Генуи и Гааги это имеет большое значение, так как бывшие владельцы считают, что у них есть фабрики и заводы, которые они кому-то там «продают», «передают», «сдают» и т. п., чем вводят в заблуждение русских интеллигентов. Русские рабочие должны выбить это из их голов, русские рабочие должны сказать, что эти фабрики и заводы — наши. «Если вы пожелаете взять эти фабрики в аренду, мы можем их вам сдать, но ваших фабрик в России нет!»

Несмотря как будто на провал Генуи и Гааги, теперь наше международное положение все-таки лучше, чем прежде. Япония уводит свои войска с Дальнего Востока, о чем раньше она не хотела и говорить. И уводит не потому, что наша Красная армия победила японские войска, а потому, что японские рабочие начинают выступать не только против интервенции, но и за признание России. Теперь уже происходят совещания представителя России — Иоффе с представителем Японии [122]), где ведутся переговоры об условиях, на которых может быть подписан договор между обеими странами. Конечно, Япония, по примеру Западной Европы, многое запросит с нас, но мы много не дадим, запрашивать же никому не запрещается. Однако тот факт, что происходят переговоры с Японией,— наиболее непримиримым империалистом,— показывает, что бандам, которые там оперировали против нас, осталось уже недолго жить.

Пять лет тому назад раздавались крики о том, что большевики распродают Россию, разрывают ее по кускам, что от великого русского государства остался клочок, ограниченный пределами Московской губернии [8]). Теперь, после пятилетней годовщины советской власти, мы можем сказать: «Мы не побоялись провести один из самых смелых и благородных лозунгов: мы признали за каждой нацией право не только на самоопределение, но и на отделение [186]). Мы сказали башкирам, киргизам, узбекам, татарам и другим народностям: «хотите — живите как часть РСФСР, хотите — создавайте самостоятельную советскую республику!» Границы России теперь восстановлены почти в довоенных пределах. Таким образом, мелко-буржуазные элементы, которые не понимали всего значения солидарности трудящихся масс в борьбе

за существование и которые смотрят и смотрели так, что каждый большой народ должен подавлять малые нации, оказались близорукими.

Наше положение продолжает оставаться тяжелым. Мы пережили неурожай, который бесследно пройти не может, несмотря на то, что теперь мы имеем хороший урожай. Перспективы на урожай благоприятны. В этом году Россия без хлеба не останется: хлеба, по всем сведениям, достаточно. Хуже обстоит с нашими финансами. Стабилизацией рубля [137]), которой нам удалось добиться в последнее время, увлекаться нельзя. Неурожай истощил покупательную способность крестьян, и это ставит в затруднительное положение нашу промышленность [130]). Наша промышленность не имеет полной нагрузки, и Советская республика должна принять меры к концентрации промышленности, закрывая слабые предприятия и сосредоточивая все ресурсы на предприятиях более крупных и мощных.

Отрасли промышленности, без которых Россия существовать не может,— машиностроение, добыча нефти, каменного угля и т. п.,— находятся в весьма тяжелом положении. Задача всего рабочего класса России — всячески поддерживать металлургическую и горную индустрию, ибо без нее нельзя построить социалистическое хозяйство, так как в этом случае мы будем целиком зависеть от заграницы.

Что сделали профессиональные союзы в новой обстановке, при новом курсе? В конце 1917 г. перед нами встала труднейшая проблема — определить задачи профессиональных союзов в обстановке диктатуры пролетариата. Это нельзя было взять из опыта Западной Европы. Опыт Европы указывал, как должны строиться союзы в буржуазном государстве. О том же, как должны быть построены союзы в обстановке диктатуры пролетариата, никакая книга не могла нам ничего сказать. Несмотря на все это, русские рабочие нашли правильный путь. На I Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов [4]) они, впервые в мире, определили задачи профессиональных союзов в обстановке пролетарской диктатуры. И на основе этого решения в дальнейшем была выработана целая теория профессионального движения [138]).

Новая экономическая политика, допускающая развитие при диктатуре пролетариата, в известной мере, частного капитала

и товарных отношений, заставила нас опять искать и нащупывать, в чем заключаются задачи профессиональных союзов в этих новых условиях. Мы эти задачи определили и думаем — ваш с'езд подтвердит, что мы определили их правильно. Правда, здесь была некоторая сумятица. Одни союзы правильно поняли свои задачи, но в других мы видели уклоны и ошибки, которые возникли потому, что товарищи восприняли новый курс слишком по-старому [139]). Когда мы говорили о *новых задачах* профессиональных союзов, некоторые ругались и возражали: «Де ведь это — старые задачи, до-октябрьские! Тут все старое, что тут нового?» Те, которые так рассуждают, наделали наиболее грубые ошибки: они не учли того, что частный капитал развивается только до тех пределов, до которых позволяет развиваться государственная власть, находящаяся в руках рабочего класса. Эта особенность совершенно по-новому освещает задачи профессиональных союзов. Они не похожи на задачи предшествующего периода и еще меньше похожи на до-октябрьские задачи союзов.

В чем заключается разница? В том, что нэп в неодинаковой степени влияет на различные союзы. На пищевиков, представителей легкой индустрии, рынок влияет сильнее, чем на металлистов, представителей индустрии тяжелой, на железнодорожников он влияет совсем мало. Поэтому тактика пищевиков, которую они применяют в защиту своих экономических интересов, быть может, правильна, но ее нельзя целиком переносить в союз металлистов. Между тем некоторые союзы, глазным образом союзы государственных служащих и народной связи, допустили крупные ошибки, которые Всероссийский с'езд должен исправить. Мы должны напомнить всем союзам, что если их задачи отличаются от задач предшествующего периода, то еще более они отличаются от задач старых, до-октябрьских.

Изменилась ли *основная* задача профессионального движения? Изменилось ли отношение профессиональных союзов к государству? Ни в какой степени не изменилось. Наша основная задача остается неизменной. В капиталистическом обществе союзы боролись и должны бороться за свержение капиталистического правительства, за разрушение капиталистического государства, за захват государственного аппарата. В обстановке коалиции [2]) задачи те же — свержение коалиционного правительства, которое

является замаскированной формой буржуазного насилия. В обстановке рабоче-крестьянского государства, в обстановке диктатуры пролетариата, профессиональные союзы должны всячески, целиком и полностью поддерживать диктатуру своего класса.

Наша задача остается прежней: это — окончательное свержение капитализма.

Неопубликованный доклад на IV Всероссийском С'езде Союза Пищевиков, сделанный 9 сентября 1922 г.

Единый рабочий фронт.

Лишь в 1918 г. мы имели возможность сделать первую попытку связаться с западно-европейским профессиональным движением. Хотя относительно этой связи было постановление I С'езда [4]), в январе месяце, но мы могли это постановление осуществить только к концу 1918 г., во второй его половине, в силу того, что Россия была отгорожена от Западной Европы целым рядом колючих проволочных заграждений [8]). И теперь, когда в ответ на наш призыв к установлению единого рабочего фронта [130]) перед лицом наступающего капитала [123]) мы часто слышим от руководителей западно-европейского движения [18]), что мы раскольники, что мы построили другой Интернационал [38]) с целью расколоть международное рабочее движение,— мы напоминаем каждому русскому рабочему, каждому члену профессионального союза историю наших взаимоотношений с западно-европейскими профессиональными союзами и их руководителями.

В 1917 г., приблизительно в августе месяце, мы обратились с воззванием к рабочим всех стран и ко всем профессиональным союзам [54]). В 1918 г. мы шли на об'единение и у нас не было иных мыслей, как о создании общего Интернационала профессиональных союзов. Но как ответила на это Западная Европа? Целый ряд воззваний, с которыми мы в 1918 г. и в конце 1919 г. обратились к профессиональным союзам Запада, остался без ответа. Они как-будто забыли, что в природе существует шестая часть земного шара, называемая Россией. Они как-будто забыли, что в природе существует «роковое место», где пролетариат взял власть в свои руки. Они умышленно отстранились от нас, как от очага заразы. И лишь после того, как мы окончательно убедились в бесплодности наших обращений, в наивности наших стремлений совместно с оппортунистическими руководителями Западной Европы об'единить рабочих всего мира в одну организацию,— только тогда, в 1920 г., здесь, в Зеленом зале Дома Союзов, мы

вместе с итальянцами и англичанами подписали платформу международного революционного об'единения профессиональных союзов [38]). На этом совещании представителем итальянских профессиональных союзов был Д'Аррагона [59]), который тогда разыграл очень рьяного коммуниста, а сейчас идет под ручку с фашистами. Основными пунктами этой платформы были: борьба против всякого реформизма, против соглашения рабочих с буржуазией, против Амстердамского Интернационала. Седой плут Д'Аррагона невольно сыграл хорошую роль (как иногда смеется история!) — он дал нам возможность создать первое международное рабочее об'единение от имени Итальянской Федерации Труда [51]), ибо вся итальянская делегация подписалась под этой платформой. Эту платформу подписал также Роберт Вильямс [36]) — мой большой «приятель». Но и у него революционности хватило ровным счетом на 3 — 4 месяца. Путь развития этого «великого» руководителя английских профессиональных союзов, представляющих «тройственное об'единение» [35]), т. е. об'единение металлистов, горняков и транспортников Англии, приблизительно таков: в августе он подписал нашу платформу, в сентябре он вступает в коммунистическую партию, а уже в декабре он выходит из этой партии, месяца полтора колеблется между Амстердамом и Москвой, а затем стыдливо отгораживается от Москвы и порывает с нами. Но и он в свое время сыграл полезную роль: он помог нам создать первую международную организацию революционных профсоюзов.

Итальянцы ушли — изменил их руководитель. Но вместо них пришли другие. Роберт Вильямс тоже изменил, но и вместо него пришли другие. И без них создалась крупная международная сила, с которой нельзя не считаться. Развитие же нашей тактики шло следующим путем. Сначала мы пытались создать общую организацию с оппортунистами. Мы протянули им руку, но наша рука повисла в воздухе. После этого была предпринята вторая попытка: создать Интернационал с колеблющимися элементами. Эти элементы вскоре изменили [38]). Однако, несмотря на их измену, русские профессиональные союзы превращаются в инструктора международного профессионального движения.

Сейчас перед рабочими всех стран стоит роковой вопрос. По всему фронту идет наступление капитала [123]). Буржуазия старается сократить заработную плату и увеличить рабочий день. И это

наступление носит интернациональный характер. Перед лицом этой грозной опасности мы снова предложили единый пролетарский фронт [130]). Но наша рука опять повисла в воздухе. Третий раз мы предложили единый фронт перед лицом надвигающейся мировой войны [121]). Мы опять предложили им, — на этот раз — через нашу делегацию на так называемом пацифистском конгрессе [140]),— обратиться к рабочим всех стран с призывом начать в случае об'явления войны всеобщую забастовку. В ответ на выступления наших делегатов реформисты громогласно заявили, что более не допустят войны и в случае необходимости не остановятся перед всеобщей забастовкой. Прошло всего несколько недель, и мы видим, как Франция оккупирует Рурский бассейн [121]), как на Балканах снова грозит вспыхнуть война из-за угля и нефти [119]). Малые народы Антанты [14]) проявляют величайшую нервность: Болгария мобилизует войска против Румынии, Румыния — против Венгрии, Польша мобилизуется неизвестно против кого, вернее против всех своих соседей. Мир опять стоит накануне того момента, когда пушки могут сами начать стрелять. В этот момент наивные металлисты и горняки из Рурского бассейна обратились к Интернационалу: «Поддержите нас, призовите к выступлению пролетариев всего мира». И вот в ответ на это реформисты «мудро» заявили: «Мы призываем все профессиональные организации к *моральной* поддержке рурских рабочих, к выражению *порицания* оккупационным стремлениям Франции, но мы признаем забастовку несвоевременной». Ну, а для Франции и для прочих империалистов резолюция порицания столь же существенна, как известное порицание повара по отношению к коту, который кушал курицу. Они порицают и выносят резолюции, а французская буржуазия продолжает кушать свою курицу — Рурский бассейн, т. е. подрывает самую основу германского народного хозяйства. Наша протянутая реформистам рука снова повисла в воздухе. Но должны ли мы поэтому оставаться пассивными? Нет. Мы обратились с новым воззванием к рабочим всего мира. И Всероссийский Центральный Совет посылает 100.000 золотых рублей металлистам и горнякам Рурской области [121]).

Мы говорим реформистам: «Вы не хотите бороться вместе с нами? Что же с вами или без вас, — мы все равно будем бороться против всякой попытки навязать миру империалистическую войну,

против всякой попытки империалистского насилия, над какой бы страной оно ни производилось. Платформа, под знаком которой мы пять лет боремся и побеждаем, это — платформа международной солидарности, международной революции». Мы говорили и продолжаем говорить: только два выхода могут быть из раздирающих капиталистический мир противоречий. Только два выхода: либо опять целый ряд империалистических войн, которые могут быть оттянуты на год или два, но которые неизбежны, либо — свержение буржуазии и захват власти рабочим классом во всем мире. Третьего выхода нет. Мы указывали на всю погибельность Версальского мира [24]), указывали на то, что он является угрозой для дела мира. То, что до сих пор говорили коммунисты и что считалось фантазией революционеров, теперь подтверждается на опыте. Мы предостерегали рабочих всех стран: «Когда вас призывают на защиту отечества, знайте: это капиталисты борются за уголь и нефть. Посмотрите на Рурский бассейн — там идет драка из-за угля. Посмотрите на Лозаннскую конференцию [141]) — там капиталисты Англии и Франции не могут столковаться насчет нефтяных источников Моссула. Вот смысл борьбы «за демократию», «за отечество», «за родину». И то, что мы говорили, подтверждается ходом мировой истории. Это доказывает правильность нашего подхода и правильность того пути, по которому мы идем, на который мы зовем международный пролетариат. Все резче и резче становятся конфликты между рабочими и капиталистами. Для рабочих всех стран с каждым днем становятся очевиднее непримиримые противоречия между трудом и капиталом. А это говорит за то, что международная война, если она произойдет, будет последней империалистической войной. Это будет крах мирового империализма. И есть лишь один выход,— иного выхода нет и быть не может,— этот выход — международная революция.

Неопубликованная речь на собрании, посвященном 5-летию Московского Союза Химиков 28 января 1923 г.

Перспективы германской революции.

Товарищи, наиболее важным вопросом, интересующим сейчас рабочий класс, является вопрос о германской революции [96]), ибо с германской революцией тесно связана не только судьба русского рабочего класса, но и международного пролетариата. Я не стану подробно останавливаться на экономических причинах, которые привели германский рабочий класс к необходимости в ближайшее же время искать развязки путем вооруженного восстания, предвестников которого мы уже видим в настоящий момент.

Одна из важнейших причин, это, конечно, — империалистическая война. Вы помните, что еще во время этой войны мы утверждали: в результате того, что люди так долго истребляют друг друга, не может быть победителей, могут быть лишь в разной мере пострадавшие страны. Все участвовавшие в этой войне государства вышли из нее обнищавшими и разоренными [24]). Даже самые богатые державы, участвовавшие в этой войне, имеют баснословные, колоссальные долги. Но, конечно, больше всех пострадала Германия, которая тратила на эту непосильную для нее войну громадное количество средств. Германия являлась на международном рынке конкурентом Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов и Франции. И, как с конкурентом, они расправились с ней самым жестоким образом. Версальский мир, навязанный Германии странами-победительницами, был продиктован стремлением не только принизить, но и разорить ее, лишить возможности в ближайшие годы выступать конкурентом на мировом рынке. Поэтому у Германии были отобраны торговый флот, автомобили, разрушена и разобрана часть металлических заводов, изготовлявших военное снаряжение. Дошло до того, что страны-победительницы вывезли из Германии 100 тысяч голов рогатого скота. Репарации Германии [121]) столь велики, что ни одна страна в мире не в состоянии выплатить такой долг. Отсюда — затяжной кризис, т. е. целый ряд недоразумений, целый ряд международных осложнений в связи

с выполнением условий Версальского мира. Если вы просмотрите газеты последних двух лет, то увидите, что каждую неделю, в той или иной степени, в той или иной форме, возникали конфликты, связанные с Версальским миром. Но как Германию ни теснили, как ее ни давили, она все-таки не могла выполнить непосильные для немецкого народа обязательства. Господствующий класс Германии — фабриканты, заводчики, банкиры, биржевики и землевладельцы — кричал о «национальном достоинстве», об интересах Германии и вместе с тем всю тяжесть оплаты налогов [121]), вытекавших из необходимости погашения долга, он переложил на трудящихся. Все это громадной тяжестью ложилось на германских рабочих и крестьян, особенно на германских рабочих, ибо Германия — страна промышленная: в ней имеется около 22 миллионов пролетариев, т. е. примерно в пять раз больше, чем у нас, при народонаселении в два раза меньшем, чем у нас [142]).

После войны германский рабочий испытал на себе всю тяжесть поражения, нищеты и неоплатных долгов, уплату которых на него возлагало правительство. Соглашателям, немецким меньшевикам, удалось удержать германских рабочих от социалистической революции. Один из доводов, с помощью которых они удерживали рабочих от свержения власти капиталистов, был таков: «Не идите по стопам русских рабочих. Русские рабочие захватили власть, и вот они — голодны, разуты, раздеты. У них кругом война. Не идите по их стопам!» В 1919 — 1920 г.г., когда у нас действительно были нужда и голод, этот довод казался немецким рабочим убедительным.

Теперь получилось как раз обратное: германская марка «перегнала» советский рубль [143]). То, что советский рубль проделал втечение нескольких лет, германская марка проделала втечение нескольких недель. Если каждый из нас чувствует потерю на курсе при получении жалованья советскими знаками, то в Германии — падение денежных знаков столь катастрофично, что пока рабочий доходит от фабрики до своей квартиры, он теряет уже 10 — 15%. Причем в то время, как падение советского рубля происходило годами и мы успели приспособить к падающей валюте и свой бюджет, и свою тарифную политику, в Германии катастрофа разразилась втечение нескольких недель, и германский рабочий оказался беспомощным перед ней. Если раньше Германия распродавала

свои запасы, то теперь она распродает кровь и пот своих рабочих. Заработная плата в Германии не дает возможности германскому рабочему питаться даже хлебом. Самые худшие дни, которые мы пережили с вами в 1918 — 1919 г.г., бледнеют перед тем, что теперь приходится переживать германскому рабочему [144]). Но у нас это происходило в обстановке гражданской войны, когда неоткуда было достать продовольствия, негде было его купить, а в Германии — свободная продажа товаров, там так же живут, так же торгуют, как и раньше, а заработная плата столь ничтожна, что на нее даже кошки не прокормишь. Экономическое положение германских рабочих настолько тяжело, что сравнительно кажутся более легкими даже те невзгоды, которые переживали русские рабочие. У них наблюдается то, чего не было у нас и что особенно поразительно в среде германских рабочих, рабочих весьма культурных, которые до войны жили гораздо лучше нас: нужда и голод заставили жен и дочерей многих германских пролетариев пойти на улицу.

Вспомните, что до войны быт русского рабочего был неизмеримо хуже быта немецких рабочих. Германский рабочий получал бо́льшую, по сравнению с русским рабочим, заработную плату, имел лучшее жилище, лучше одевался. После же войны он опустился гораздо ниже, чем падали мы в самое тяжелое время. Он потерял все те сбережения, которых не было у русских рабочих: падение марки совершенно обесценило его сбережения. Германский рабочий всегда прекрасно одевался, а в праздники — по одежде — его можно было и вовсе принять за буржуя. Все это теперь продано, спущено. Жить хуже, чем он живет теперь, нельзя. Детская смертность колоссальна. Терять ему больше нечего. Германский рабочий взывает ко всему миру и к русским рабочим в первую очередь: «Помогите, умираем!» Он надеется на помощь, и эту помощь надо организовать. Германия накануне социалистической революции. Происходит потрясение всего государственного организма, — об этом свидетельствуют фашистский переворот в Баварии [145]) и появление рабочего правительства в Саксонии [146]). Сотрясается весь организм германской государственности.

Каковы шансы германских рабочих на победу?

В момент взятия власти мы имели за собой большинство рабочего класса, который являлся лишь тонкой прослойкой

в населении страны: на сто миллионов жителей России промышленных и транспортных рабочих приходилось всего три миллиона. В Германии же пролетариат, который сосредоточен в крупных промышленных городах и округах, составляет почти половину населения. С этой точки зрения, у германского рабочего движения, конечно, колоссальный плюс и неисчерпаемые источники пролетарской энергии: 22 миллиона рабочих! На нашей стороне было крестьянство, одетое в солдатские шинели и вооруженное винтовками. Крестьяне и рабочие в серых шинелях дали нам силу совершить революцию. В Германии плюса, который мы имели, нет. Там имеется незначительное количество народного ополчения, которое в подавляющем большинстве не на стороне рабочих, ибо в эти воинские части укрылось все офицерство армии Вильгельма. Оно держит в руках эту вооруженную силу. Мы использовали для переворота царскую армию, в которой служили крестьяне и рабочие. У германских рабочих этого нет. Мало шансов на то, чтобы сделать своим орудием рейхсвер[147]), потому что в рейхсвере засели черносотенные элементы. Вот каково первое важнейшее затруднение германских рабочих.

Мы совершаем революцию в буржуазно-капиталистическом окружении. Но это окружение было для нас не столь опасно, как для Германии. При необ'ятной территории нашей страны буржуазное окружение было для нас не страшно. Германия же имеет небольшую территорию и расположена в центре Европы. Совершать революцию германскому пролетариату придется перед лицом Франции. Это — второе важнейшее затруднение.

Союзник, которого может найти германский рабочий, это — мелкий буржуа города. У нас, как вы помните, первым непосредственным врагом были в числе прочих и служащие: они отказались работать с нами, они нас саботировали на протяжении всего 1918 г.[7]). До июля 1918 г. служащие и интеллигенция не хотели работать с нами. В Германии обстоит иначе: там уже сейчас замечается сочувствие этих промежуточных слоев к пролетариату, ибо разруха ударила по ним так же больно, как по рабочим. Обыватель, средний служащий — на стороне рабочих, ибо они не видят выхода из своего тяжелого положения.

Третье затруднение, которое стоит перед германским рабочим, заключается в том, что в Германии уже сейчас сложились

Международный антивоенный конгресс, созванный Бюро Амстердамского Интернационала 15—16 ноября 1921 г. (Представители Бюро Амстердамского Интернационала: Л. Жуо (4), Эддо Фиммен (3), Д. Удегест (5); представители Генерального Совета Международной Федерации Транспортников: Роберт Вильямс (2), Дёринг (12), Бидегаре (19); представители Генерального Совета Международной Федерации Металлистов: Ильг (6), Джон Бромлей (9), Диссман (8), Мерргейм (7), Ганзен (10); представители Международной Федерации Горняков: Франк Ходжес (1), Герберт Смит (13), Ричардсон (11), Гуэ (14), Виссман (15), Бартюэ (18), Кинтен (16), Ван де-Бильт (17).

фашистские организации [148]), эти боевые элементы буржуазии. Германские фашисты состоят из военных. И мы, когда брали власть в свои руки, имели перед собой и «союз георгиевских кавалеров», и «союз офицеров», и другие черносотенные организации, но они у нас не были сорганизованы, не были отчеканены в такую определенную величину и силу, какую представляет западно-европейский фашизм вообще и германский, в частности. Весь главный кадр офицерства Вильгельма, это — силы фашистов. Фашисты имеют свою стройную военную организацию, которая готова в любой момент выступить против германских рабочих. Называют цифру,— правда, как все цифры, сомнительную,— в 600 тысяч человек, которых фашисты могут выставить против рабочих. Это отборные, хорошо вооруженные офицерские отряды. Против них коммунисты могут выставить только многомиллионную массу рабочих и те «красные сотни» [149]), которые уже организовались в Германии. Тем, кто помнит нашу Октябрьскую революцию, достаточно сказать, что это примерно то же, что наша Красная гвардия [94]). В Германии это называется «красной сотней». Есть «красные сотни» из коммунистов и из беспартийных. Нет ни одного маломальски значительного предприятия, где бы они ни были образованы. Это — полулегальные организации. Правительство их не признает, но они открыто существуют при профессиональных союзах и обучаются специальными инструкторами. Преследовать их нельзя, потому что это значит предать суду всю рабочую массу Германии. Трудно сказать, какова численность «красных сотен»; повидимому, их сила не уступает силам фашистов.

Я позволю себе уклониться в сторону и указать, что представляет собой сейчас фашизм.

Фашизм возник в Италии, где черносотенные элементы, прикрываясь националистическими лозунгами, опирались на крупное крестьянство, торговцев и лавочников. Организовавшись в боевую силу, они во главе с Муссолини [150]) совершили переворот и захватили власть. Фашизм, это — проявление самой крайней буржуазно-помещичьей реакции, это — боевой отряд воинствующей буржуазии. К фашистам примыкает значительное количество клерикалов [151]), т. е. духовных лиц, христианских социалистов [50]). Все это, вместе взятое, способно одурманить отсталое крестьянство и мелких лавочников.

В Германии фашизм опирается на другие слои. Там он является преимущественно выразителем интересов и чаяний правых военных элементов, главным образом помещиков, потому что большинство высшего немецкого офицерства составляют помещичьи элементы, которые ставят своей задачей восстановление мощи германского государства, что также привлекает довольно обширные круги германской буржуазии. Фашисты имеют 500.000 вооруженных людей, в каждый момент готовых к подавлению революции. Фашисты — первая реальная сила, которая противостоит сейчас коммунистам.

Другим серьезным препятствием для революции является влияние социал-демократов, которые еще продолжают держать в своих руках значительную часть профессиональных союзов. Германские социал-демократы представляют гораздо более серьезную опасность, чем фашисты. Германские рабочие, как класс, выступили на политическую арену с 1848 г. [152]), в то время, как русские рабочие — только в начале этого столетия [98]). В Германии можно встретить семьи, где и дед, и отец, и сын были социал-демократами. После войны, в которой социал-демократы так скомпрометировали себя [11]), они покатились по наклонной плоскости защиты интересов буржуазии. В результате внутри социал-демократии образовалось новое течение. Но порвать многолетние традиции чрезвычайно трудно. Вот почему симпатизирующая коммунистам часть социал-демократов не может выйти из своей партии. В Штутгарте, однако, наблюдаем и прорыв этой традиции: социал-демократическая партия отыскивала митинг фабзавкомов, организованный коммунистами, в котором участвовали члены этой с.-д. партии [153]). И они не могли этот митинг найти, потому что им все время давали фальшивый адрес. Вместо прямого отхода там происходит революционное перерождение социал-демократов. Но все же на значительные силы рабочих социал-демократия пока имеет колоссальное влияние. Это несомненно. Как они используют свое влияние и что собой представляет социал-демократическая партия? Я остановлюсь на этом в нескольких словах.

Германская социал-демократия распадается на две части, причем низы отходят от верхов, они действуют вместе с теми рабочими, которые идут с коммунистами. Нередко рабочие с.-д. вместе с коммунистами состоят в одной и той же «сотне». Это —

первый отрыв массы членов от верхов партии. Развал идет и по вертикальной линии: разделение с.-д. на правое и левое крыло. Казалось, что левые вот-вот разойдутся со своей партией и вступят в союз с коммунистами. Правое же крыло стоит на непримиримой позиции в отношении коммунистов. Я не стану останавливаться более подробно на характеристике правого крыла: русских рабочих сейчас должно больше интересовать левое крыло социал-демократов. Активность левого крыла сказалась только в одном случае: вместе с коммунистами, пользуясь голосами коммунистов, левые с.-д., захватив в саксонском парламенте большинство, создали полусоциалистическое-полукоммунистическое правительство [146]).

Сегодняшняя газета сообщает, что саксонское правительство разгоняется. Чем вызван этот разгон саксонского правительства, во главе которого стояли частью левые с.-д. и частью коммунисты? Тем, что левые с.-д. обнаружили свою типичную социал-демократическую половинчатость. Вся история саксонского правительства, это — сплошные переговоры между коммунистами и левыми с.-д. Коммунисты все время толкали с.-д. на решительные шаги, а с.-д. все время уговаривали коммунистов не предпринимать таких шагов. Коммунисты предложили об'явить всеобщую стачку. Им возразили: «Она не нужна, потому что приведет к вооруженному восстанию», и предложили: «Давайте добиваться введения в рейхсвер десяти тысяч рабочих». Коммунисты согласились, полагая, что собственными силами не смогут провести стачку. Иметь же в рейхсвере десять тысяч вооруженных рабочих было желательно, и они согласились. Сумели ли с.-д. добиться этого? Не сумели. Когда коммунисты предложили социал-демократам обратиться к железнодорожникам с призывом воспрепятствовать переброске в Саксонию рейхсвера, те ответили отказом. Вся история этого правительства — сплошная канитель: все время друг друга уговаривали, — уговаривали до тех пор, пока фашисты не подвезли 60 тысяч рейхсвера и не сказали: «Уходите прочь!». И правильно сказали. Рабочее правительство не сумело использовать власть. Они должны были захватить арсенал и раздать рабочим оружие, — и в этом случае Саксония могла бы явиться очагом развития германской революции. А они даже и сами не сумели вооружиться. Вот каков саксонский опыт.

Решительность и единодушие — главный залог успеха революционного правительства. Если внутри правительства происходят колебания — гибель революции! Опыт с левыми эсерами что показал? [154]). Сперва эсерам не мешали, и они устроили заговор против правительства. Хорошо, что мы были в то время сильнее, чем германские с.-д. в Саксонии. Мы сумели дать эсерам по шапке и посадить их в тюрьму. После этого дело пошло хорошо. А если бы мы стали тянуть с ними скучную канитель, то нам бы давно голову оторвали. Опыт саксонского правительства учит, что в такой решительный момент лучше всего никакой канители не тянуть. Левые с.-д. в это время думали только одну думушку: на спине коммунистов нажить политический капиталец и сказать массам: «Мы тоже с коммунистами и против буржуазии». Они стремились сохранить закон и порядок, которые они больше всего боятся нарушить.

Болгарская революция предана тоже социал-демократами [155]). Коммунисты несколько дней потеряли в разговорах с ними, а те снюхались с фашистами, вошли в фашистское правительство, дали ему свою социалистическую вывеску, дали фашистам возможность сконцентрировать силы и разбить коммунистов наголову. Вот что значит вести переговоры во время революции...

Какова сейчас роль с.-д. в Германии? Даже лучшая часть с.-д., левая, стоит только того, чтобы ее выбросить за окошко. Что же можно сказать о правой части? Когда в Саксонии их левые товарищи вместе с коммунистами мирным путем добились власти, они предложили германскому правительству пред'явить Саксонии целый ряд требований. В результате — разгон. Выступить против фашистов у них нехватает духу, а против коммунистов они выступают, потому что коммунизм является для них более серьезным врагом. Фашизм, это — только переход власти от одной кучки буржуазии к другой, а победа коммунистов означает свержение власти буржуазии, ниспровержение столь любезного их сердцу буржуазного порядка. Одним из величайших затруднений в совершении революции по-прежнему является предательская, двуличная политика с.-д. Через профессиональные союзы, которые они держат в своих руках, они умеют в нужный момент затормозить рабочее движение, оторочить всеобщую забастовку какими-нибудь безрезультатными петициями или протестами. Когда рабочие рвались ко

всеобщей забастовке, с.-д. потребовали от правительства ряда мелких уступок, вроде пересчета индекса и т. д., и этим сорвали всеобщую забастовку. Для революции с.-д. представляют бо́льшую опасность, чем фашисты, ибо каждый германский рабочий считает фашистов своими врагами, а вред с.-д. пока не каждому рабочему Германии понятен.

Будет ли победоносна революция в Германии, или нет, какие шансы у нее на успех, — вот вопрос, который часто волнует многих из нас и на который точного ответа дать невозможно. Маркс говорил, что очень легко было бы делать революцию, если бы можно было в кабинете высчитать шансы за победу и против. Тогда можно было бы разыгрывать революции, как шахматные партии. Но нет таких пророков, которые бы сказали, что эта революция несомненно победит или что она обречена на неудачу. Сейчас же после Октября многие профессора [156]) и самые ученые люди России предсказывали, что больше трех месяцев нам не продержаться, и с цифрами в руках обосновывали свое предсказание. А между тем через неделю мы будем праздновать шестилетний юбилей... Если бы в первый день октябрьского вооруженного восстания в Москве меня спросили, победим мы или нет, то я, вероятно, сказал бы: «Дело бито, нужно с честью умереть, а о победе нечего говорить». А московские рабочие победили. Вот как делается революция! Каково было положение в Петрограде, когда нехватало продовольствия? Казалось, что нельзя будет продержаться и двух дней: на Петроград из Гатчины шел Керенский с казаками, с фронта двигались воинские части [94]). Казалось, спасения нет. Но матросы и рабочие отбили казаков, а солдаты Керенского отказались драться. Можно ли после этого заранее высчитать шансы революции на победу? Нет, нельзя.

Мы не должны закрывать глаза на затруднения. Но вместе с тем нужно решить другой вопрос: есть ли для германского рабочего класса иной выход, кроме того, чтобы взяться за оружие? Этот путь может дать рабочим Германии победу. Другого же выхода из тупика, в который их завела буржуазия, у германских рабочих нет. Плохо ли, хорошо ли, но это — единственный путь. Рабочему классу нужно взяться за оружие: для рабочих нет иного выхода, кроме революции. А если революция будет побеждена? Может быть, она и будет побеждена. Вот, напр., буржуазии удалось

подавить восстание в Гамбурге [157]). И все-таки другого выхода, кроме революции, для германских рабочих нет.

Какие внешние затруднения стоят перед германскими рабочими, если они возьмут власть? Первое, это — соседство Франции. Французы сидят в Руре [121]), главном нерве угольной промышленности, и оттуда уходить не хотят. Так что Франция является главнейшим врагом рабочей революции.

Первый вопрос, который встает перед германскими рабочими: что скажет Франция, если они возьмут власть в свои руки? От того, двинет ли Франция свои войска на победоносных германских рабочих, или не двинет, зависит очень многое. Есть ли какие-нибудь силы, чтобы удержать наступление Франции? Конечно, буржуазная Франция попытается подавить революцию в Германии. Это как будто абсолютно правильное предположение нуждается в целом ряде оговорок. Интервенция со стороны Франции произойдет только при условии, если французские рабочие допустят ее. Для оккупации Германии Франции потребуется 750 тыс. солдат, т. е. вся французская армия. Для того, чтобы оккупировать Германию, Франции придется мобилизовать несколько возрастов. Это осуществимо только при условии, что французские крестьянин и рабочий будут держать себя паиньками. А французский рабочий и крестьянин не хотят воевать. Однако, что сделают они, предсказать сейчас, конечно, очень трудно.

Что же должен делать германский рабочий, чтобы избежать войны с Францией? Задача германских коммунистов заключается в том, чтобы ценой, может быть, даже тяжелых жертв избежать войны. В противоположность буржуазии, которая мечтает о создании «великой Германии», они должны это сделать. Если бы для предотвращения войны с Францией нужно было пойти на те или иные уступки, коммунисты не должны перед этим останавливаться. Если бы перед германскими коммунистами встал вопрос об уступке Франции Рура, то они должны были бы пойти и на это, как мы в свое время пошли на Брестский мир [3]). Разве легок был Брестский мир, по которому мы отдали Украину, русскую территорию до Пскова? Но мы оказались правы. Войны мы избежали, Вильгельм был свергнут революцией, от Брестского мира остался лишь кусочек бумаги с дырочкой, а власть советов укрепилась. Так же должны поступить и германские коммунисты. Если бы

германские коммунисты на другой день после победы могли путем хотя бы величайших жертв купить мир и возможность спокойного развития советской власти, они должны были бы это сделать.

Каковы задачи рабочего класса России в связи с германской революцией? Все наши симпатии и сочувствие на стороне германских рабочих. Судьбы нашей революции, самые жизненные интересы русских рабочих органически связаны сейчас с тем, что происходит в Берлине и Гамбурге. Во всем мире на одной стороне собираются красные силы рабочей революции, на другой — черные силы фашизма. Фашистская волна захлестнула Италию и Болгарию. В Германии победят либо коммунисты, либо фашисты. Правительство Штреземана [158]), в котором участвуют эсдеки, обречено на гибель. Социал-демократия в правительстве, это — микроб гниения власти. Ее призывает буржуазия в последнюю минуту. А социал-демократы, со свойственным им соглашательством, пытаются соединить несоединимое — сочетать интересы пролетариата с интересами капиталистов; пытаются в одну банку запрятать воду и огонь.

Правительству Штреземана, которое уже три дня подает в отставку и члены которого пересаживаются со стула на стул, конечно, не раздавить коммунизма. Могут быть только две диктатуры: либо буржуазии, либо рабочих. Третьей не может быть. Либо буржуазная Германия об'единится с Францией и Польшей против Советской России, либо Советская Германия вступит с Советской Россией в союз и даст нам машины и фабрикаты, поможет нам разрешить серьезнейшую проблему «ножниц» [159]).

Мы недавно получили ультиматум Керзона [160]). Мир был на лезвии ножа. Теперь перетянули мы, мир мы отстояли. Но завтра Керзоном может быть пред'явлен другой ультиматум. Вздор, когда говорят, что война возникает от какого-то дипломатического шага. Войны вспыхивают, когда это выгодно той или другой воюющей стороне. Прошлый раз они пред'явили требование заплатить за двух шпионов. Мы им заплатили. Но у них есть еще две тысячи требований. Нужно только выждать момент, когда эти требования пред'явить. Такие поводы найдутся, было бы желание драться. А желание это появится, когда они почувствуют, что можно безнаказанно раздавить Советскую Россию. Если мы будем

иметь в Европе вторую братскую социалистическую советскую республику с 22 миллионами пролетариата, наш союз будет непобедим.

Мы видим, что германская революция только начинается, а в Верхней Силезии уже произошли забастовки [161]). Силезская забастовка загрохотала уже на всю Польшу. Трудно предсказать, как это повлияет на польских рабочих, которые наиболее опутаны своей буржуазией. Но польский рабочий уже просыпается. Как это отзовется на французских и английских рабочих? Вильямс [36]), чувствуя настроения масс, уже выставил лозунг «Руки прочь от Германии», как он в свое время сказал: «Руки прочь от Советской России». Не может быть, чтобы после победоносной революции в Германии не всколыхнулся и не затрещал весь буржуазный мир. Поражение же Германии будет началом бешеного натиска всего буржуазного мира на единственную Республику Советов. Сейчас мы обязаны сказать нашим рабочим и крестьянам: «Мы будем добиваться мира всеми средствами, но не забывайте, что с винтовкой вы взяли власть и удержать ее вы сможете только с винтовкой в руках». Наша политика и впредь должна быть такой же, какой она была. Мы проявим максимум стремления к миру. Мы на соседей не нападаем, но мы должны трезво оценивать создавшееся положение и сказать: «А все-таки винтовку в руках держать нужно, потому что поражение революции в Германии может повлечь за собой наступление Польши [32]) и Румынии [162]) на Советскую Россию». К этому нужно быть готовыми. И хотя Польша сейчас опять начинает говорить более мягким языком, но мы знаем язык дипломатии. Язык дипломатии есть самый ненадежный язык.

Мы хотим, чтобы Польша из барьера, которым она является сейчас, стала для нас «мостом». Мы хотим, чтобы хлеб русского крестьянина имел доступ на внешний рынок. Таким рынком является Германия. Мы будем добиваться возможности вывозить хлеб через Польшу. В вывозе нашего хлеба заключается разрешение вопроса о «ножницах». Проблема «ножниц» может быть разрешена только тогда, когда русский хлеб найдет доступ на иностранный рынок, а германские промышленные изделия будут ввозиться к нам. Море — путь ненадежный, потому что там всегда могут появиться иностранные крейсеры. Сухопутная же дорога из

Германии в Россию лежит через Польшу. С Польшей идут разговоры: дайте транзит за определенную плату, возите через нашу территорию ваши товары в Персию, Китай, куда хотите, но разрешите нам провезти через вашу территорию в Германию хлеб, чтобы получить оттуда фабрикаты.

Вот как обстоят наши взаимоотношения с Польшей. Правда, Польша делает вид, что переговоры могут кончиться успешно, а, с другой стороны, есть подозрение, что она разговаривает с нами только для того, чтобы оттянуть время. Во всяком случае наша политика по отношению ко всем государствам остается самой миролюбивой.

Наша задача попрежнему сводится к хозяйственному возрождению страны. С трудом мы начинаем становиться на ноги. Медленно, постепенно, но дела у нас улучшаются. Если нам дадут два-три года отдохнуть, тогда и ультиматумы не будут страшны. Мы — за мир, и наш долг — сказать рабочим и крестьянам, что мир в таком положении, когда в будущем возможен целый ряд новых войн. Победит ли германская революция, будет ли Германия вынуждена вести революционную войну, нападет или не нападет в это время Польша на Россию, предсказать трудно. Но мы обязаны предупредить рабочих и крестьян: опасность велика, в один прекрасный день мы можем оказаться перед лицом войны. В такой момент нам более чем когда-либо требуется хладнокровие и предусмотрительность, особенно в области внешней политики. Мы должны не дать повода к войне, но вместе с тем быть всегда готовыми, ибо, если раздавят германскую революцию, для нас опять настанут трудные дни. Победа же германской революции почти обеспечивает скорую победу революции мировой.

Неопубликованный доклад на собрании рабочих Рязанского трамвайного парка 31 октября 1923 г.

Англо-советский договор.

Речь на приеме русских делегатов в ресторане «Гатти» в Лондоне 14 мая 1924 г.

Русские делегаты счастливы, что присутствуют на настоящем собрании и могут передать приветствия русских рабочих организованным пролетариям Великобритании.

Я благодарю т. Перселя [37]) за теплый и сердечный привет, который, по моему мнению, относится не столько к нам лично, сколько к рабочим Советской республики, пославшим нас сюда в качестве своих представителей [103]). Данная встреча показала, что русские рабочие завоевали симпатию пролетариата Англии, и я счастлив приветствовать, в лице присутствующих, тех, кто представляет собою для русских первых учителей в деле строительства профессионального движения, в деле организации рабочего класса.

Восемнадцать или двадцать лет тому назад, когда мы начали организовывать в России рабочее движение [45]), мы фактически основывались на практике британского профессионального движения. Именно в этой практике мы искали уроков. Да и совсем недавно — на заседаниях центральных комитетов различных союзов — нередко можно было слышать замечания: в таком-то году в Амальгамированном Обществе Механиков или в каком-либо другом союзе имелся такой-то прецедент по этому вопросу. Легко строить фабрику после того, как уже накоплен большой опыт. Не имея своего опыта, мы в создании российского профессионального движения руководились практикой Великобритании, Германии и других стран, пытаясь научиться на уже накопленном ими опыте. Правда, российские профессиональные союзы отличаются от профессиональных союзов Англии, тем не менее основные принципы у них одни и те же. Профессиональное движение разных стран имеет свои особенности [30]), являющиеся результатом различия политической и экономической обстановки. Но основная движущая

сила, сплачивающая рабочий класс в стальные колонны, в каждой стране является одной и той же, каковы бы ни были эти переменные, временные особенности.

Основными движущими силами являются прежде всего: непрекращающаяся борьба между рабочим классом и классом капиталистов и, кроме того, настоятельная потребность рабочего класса в самоорганизации для освобождения от капитализма. Русские делегаты в этих основных вопросах чувствуют свое единство со всеми здесь присутствующими.

Я не собираюсь детально останавливаться на экономическом положении русских рабочих. По этому вопросу в настоящее время печатаются статьи в «Дейли Геральд» [164]). Что я хотел бы подчеркнуть, так это то, что русские рабочие, которых некоторые из членов Генерального Совета видели в 1920 г. [165]) босыми, полуголодными, самоотверженно поддерживающими фабрики, находившиеся накануне краха, и в то же самое время посылавшими отряды на фронт для защиты Республики,— что эти рабочие не изменили своего отношения к английскому пролетариату. И в то время, в пору жестокой хозяйственной разрухи, русский рабочий класс посылал свои горячие и сердечные приветствия рабочим вашей страны, и теперь, когда наше экономическое возрождение, вопреки многим затруднениям, продвинулось значительно вперед, мы опять посылаем рабочим всех стран и в первую очередь британским рабочим наше сердечное приветствие. Втечение истекших лет было не мало моментов, когда русский рабочий класс был одинок, когда наши рабочие чувствовали, что они отрезаны от всего мира. Мы от лица русского рабочего класса сегодня передаем свой искренний и сердечный привет тем, кто в периоды ненависти, наступления мирового капитала без колебаний и без страха поднимали свой голос в защиту рабочего класса России. И особенно тем, кто участвовал в работе комитета «Руки прочь от России!» [42]).

К сожалению, первый визит Великобритании наносится нами в непривычной форме. Мы с гораздо большим удовольствием приехали бы к британским рабочим и их вождям, стоящим во главе британского тред-юнионизма, не в качестве советских дипломатов, а как представители русских союзов. Но исторические обстоятельства таковы, что для нас это удовольствие оказывается недоступным. Мы прибыли сюда в качестве пролетарских дипломатов [166]).

Это обстоятельство весьма характерно для нынешнего века. В прежние эпохи роль дипломата выполнялась рыцарями и дворянами, а впоследствии — банкирами, промышленниками и капиталистами. Теперь же, в XX столетии, мы видим в этой роли представителей рабочего класса, и если сейчас это вполне осуществлено только в Советской России, то и в каждой другой стране развитие ведет к этому. В настоящее время в Великобритании рабочие держат в своих руках не только судьбы внутренней политики, но и политики внешней [167]).

Во время конференции газеты много раз поднимали вопрос о полномочиях и авторитете нашей делегации. Часто высказывались утверждения, что делегаты недостаточно авторитетны и недостаточно полномочны. Конечно, если рассматривать делегацию под углом зрения юристов и банкиров, то она весьма мало представительна, но если вы вспомните, что в России,— Бен-Тернер [168]) и Персель подтвердят вам это,— почетнейшее звание, какое только существует, это — звание рабочего, то необходимо признать, что советская делегация вполне авторитетна и полномочна.

С нашей точки зрения, да и с вашей точки зрения, товарищи, не имеет значения то, что предки наших делегатов не бились на турнирах и не принимали участия в торговле рабами. С другой стороны, я знаю, как и каждый здесь присутствующий, что наши и ваши дети и дети наших и ваших детей будут завтра править всем миром. Исходя из этой предпосылки, я совершенно убежден, что наша делегация является достаточно авторитетной и компетентной для ведения переговоров об экономических отношениях и сотрудничестве между советским государством и одной из крупнейших стран мира — Великобританией. Переходя к практическим задачам конференции, я хотел бы возможно кратко изложить, чего мы ждем от нее.

Прежде всего все кривотолки буржуазной печати, как подкупленной, так и неподкупленной, относительно нашего желания установить дружеские отношения с Великобританией являются обычными буржуазными, бессмысленными, фантастическими изобретениями. Основная ошибка буржуазной печати заключается в том, что она не понимает основных соображений, побудивших нас приехать в вашу страну. Печать представляет себе, что на шею Советского Союза наброшена какая-то мертвая петля,

невыносимое бремя которой может быть перерезано лишь острым ножем кредита. Она истолковала приезд советской делегации в вашу страну как попытку получить кредиты во что бы то ни стало. Это толкование совершенно неверно и чрезвычайно далеко от фактического положения вещей. С 1918 г., вопреки гражданской войне, вопреки блокадам и интервенции [8]), вопреки контр-революционным восстаниям, мы, пережив все это, победили и экономически и политически и выросли значительно [169]), — настолько значительно, что лишь безумец может мечтать об интервенции или об организации контр-революционного восстания. Наше хозяйственное развитие идет таким темпом, что мы можем обойтись и без иностранного кредита. Я признаю, что кредиты помогут нам в экономическом строительстве продвигаться вперед гораздо быстрее, чем в настоящее время. Я признаю, что нам было бы весьма выгодно получить эти кредиты, но я полагаю, что и другой стороне было бы выгодно дать нам их *(аплодисменты)*, и я полагаю, что это было бы выгодно для всей мировой экономики.

Втечение пяти лет мы обходились без кредитов, и мы уверены, что если не получим кредита и теперь, то экономическое положение нашей страны в недалеком будущем все же станет лучше, чем оно было даже до войны. Основным мотивом, побудившим нас завязать переговоры, а русских рабочих — послать нас, было желание обеспечить за собой возможность продолжать внутреннее строительство без какого бы то ни было внешнего вмешательства. Ввиду того, что в мировой политике Великобритания занимает центральное место, мы должны были искать гарантии мира прежде всего со стороны Великобритании; мы считаем, что установление мирных отношений с Великобританией должно предшествовать установлению мирных отношений с какой-либо другой страной [166]).

Мы приехали сюда не за деньгами, а за гарантией против интервенции и блокады, все равно — открытых или скрытых. Мы не ожидаем, что интервенция будет предпринята прямо Великобританией, но бок-о-бок с нами находится ряд лимитрофов [170]), которые действуют в роли наемников Антанты [14]). Именно они в состоянии задержать развитие России, хотя их интервенция и не могла бы уничтожить то, что было создано втечение последних лет.

Таков смысл приезда нашей делегаций. Мы прибыли сюда для того, чтобы установить деловые отношения. На настоящем

собрании деятелей тред-юнионов мы можем сказать, что основой дружеских отношений должно быть взаимное покрытие счетов. Хотя мы не можем цифрами охарактеризовать убытки, принесенные интервенцией, тем не менее вы знаете, что гремели пушки, взрывались мосты, разрушались фабрики и уничтожались нефтяные вышки. Сто обученных инженеров и тысяча рабочих не в состоянии выстроить в год то, что один глупый артиллерийский офицер и три солдата могут уничтожить одним единственным снарядом. *(Аплодисменты)*. Мы понесли потери, подробного счета по которым не можем сейчас представить. Эксплоатируемый рабочий любой страны имеет право, когда он срывает с себя цепи, экспроприировать тех, кто ранее его угнетал. Но против этой точки зрения британское правительство выдвигает совершенно иную точку зрения. Мы ясно представляем себе этот конфликт исходных точек зрения.

Русские, естественно, предпочли бы начать с чистой страницы. Мы предпочли бы взаимное аннулирование долгов [166]). Моральный перевес — на нашей стороне, но сила — на стороне британских капиталистов. Мы это знаем и отдаем себе ясный отчет в своем положении.

Конференции представлены два счета — британского правительства и русской делегации.

Первый пункт английских претензий, это — довоенные долги [181]). Если бы русские были вынуждены оплатить довоенные долги царского правительства, то в этом случае у них имеется законное право требовать то, что принадлежало царю до вступления во власть рабочих, — собственность, захваченную британским правительством [171]).

Во вторую категорию включены требования частных лиц, в первую голову — претензии за мелкие услуги и доставленные товары, а во вторую очередь — претензии за национализированную во время революции крупную собственность.

Третья категория состоит из военных долгов и из сумм, данных взаймы царскому правительству для того, чтобы последнее могло вести империалистическую войну.

Когда мы начали рассматривать цифры каждой из этих категорий, мы нашли, что совершенно невозможно установить детали. В настоящее время, втечение уже некоторого периода, мы подолгу

заседаем в комиссиях с весьма уважаемыми джентльменами. Мы просили этих джентльменов сообщить нам подробности по каждой цифре, включенной в меморандум, но не получили сколько-нибудь удовлетворительных ответов.

Порой нас спрашивали, зачем нам нужны детали: не для успокоения ли наших нервов? Русские делегаты были достаточно благоразумны и делали вид, что не слышат оскорбительных выражений, направленных по их адресу. Но рано или поздно мы должны притти к заключению, что точные цифры по каждой категории претензий не могут быть выведены в деталях. Поэтому русские предложили иной метод, а именно — начать с наименее спорных пунктов и перейти к наиболее спорным. Мы предложили начать с претензий мелких кредиторов, мелких держателей облигаций и мелких капиталистов, которые составляют самую крупную группу кредиторов.

Это, конечно, предполагает наличность определенного торгового соглашения между Великобританией и Россией, и в настоящее время мы им заняты.

Следующий вопрос — о довоенных долгах. Миллионы русских рабочих и крестьян умирали на войне по требованию генеральных штабов Великобритании и Франции. Кости трех с половиной миллионов русских рабочих и крестьян лежат на полях сражений. Русские рабочие и крестьяне принесли огромные жертвы. Россия не получила ни Рура [121]), ни германского флота, ни мандатных территорий, ни островов в Тихом океане [24]), ни верховенства на европейских рынках. Россия ничего не получила, и поэтому она ничего не должна платить. Но мы знаем, что когда сильный говорит со слабым, то не логика, а сила является решающим фактором. Но есть зато у нас другого рода счет, который мы должны выдвинуть против пред'явленного нам. Мы говорим людям, с которыми встречаемся на конференции: «Вы явились на нашу территорию незваными гостями. Вы уничтожали советы на местах. Вы подрывали нашу экономическую жизнь и разрушали наше внутреннее строительство. Вы должны платить за все это. А наш счет превышает военные долги царского правительства». Мы заняли такую позицию: «Вам не нравятся наши счета. Мы понимаем это. Но нам не нравятся ваши претензии. Если вы не соглашаетесь оплачивать нашего счета, давайте аннулируем оба».

Однако мы готовы компенсировать мелких держателей бумаг и мелкие претензии вообще.

Я хочу указать некоторые пункты, по которым советская делегация ни при каких условиях не пойдет на уступки. Прежде всего надо твердо помнить, что ни при каких обстоятельствах мы не согласимся на такое разрешение вопроса, которое будет являться прямым или косвенным подрывом социально-политической системы Советской республики. Мы готовы платить, хотя и не признаем, что это справедливо. Но мы не можем платить больше, чем имеем. Наш бюджет все еще сведен с дефицитом в 100 миллионов золотых рублей. Верно, что мы построили наш бюджет на системе устойчивой валюты. Это была реформа [143]) того же рода, как та, которая со столь огромными затруднениями и с помощью со стороны имела место в Германии, реформа, которая в бедной России была проведена легко. Мы выпустили крестьянский заем, и крестьяне охотно давали деньги своему правительству. Наш Генеральный Совет (ВЦСПС), как представитель рабочих, заявляет, что русские не возьмут на себя обязательств, которых они не в состоянии выполнить. Сумма того, что мы можем оплатить, определяется тем, что́ у нас есть для расплаты.

Говоря о займе, я должен сказать, что наша делегация заранее была осведомлена относительно необходимости заинтересовать в нем британских промышленников. Мы знаем, что только в этом случае может быть заключен большой заем. Мы не хотим денег, не хотим золота, чтобы выпускать бумажные деньги, обеспеченные этим золотом. Это лишь снизит ценность наших бумажных денег. Поэтому мы представляем себе заем в товарах или продуктах. Мы полагаем, что 75% всей заемной суммы втечение ближайших пяти или шести лет должны быть израсходованы на заказы в Великобритании по судостроению, на машины, элеваторы, механизмы всякого рода, переоборудование и дооборудование предприятий шерстяной и бумажной промышленности и т. д. Такова единственная форма займа, которая откроет возможность выполнения обязательств, которые мы примем на себя, и гарантирует выплату процентов по русским долгам. Эта форма займа наиболее отвечает интересам и Великобритании.

Затем перед нами стоит вопрос о претензиях в связи с национализацией крупной собственности. Мы знаем, что претензии эти

Дипломатическая делегация Советского правительства, ездившая в апреле 1924 г. в Англию для переговоров с правительством Макдональда.
(Сидят: тт. М. П. Томский, И. Кутузов, Н. Шверник).

чрезмерно раздуты: общая сумма представленных счетов достигает почти 180 миллионов фунтов стерлингов. Около половины всей суммы составляют претензии двух крупных капиталистов [172]). Это именно те капиталисты, которые заинтересованы в определенных концессиях, и в принципе мы признали и готовы работать на основе предоставления этим капиталистам концессий, если это окажется возможным. Но вопрос об этих крупных претензиях будет наиболее серьезным затруднением, какое предстоит преодолеть.

Так обстоит дело. Я получил приглашение на заседание пленума конференции, работы которой за последнее время приостановились. И вот я опасаюсь, что наша точка зрения не будет понята на завтрашнем заседании, что на конференции будет сделана попытка отодвинуть отмеченные мною конкретные вопросы и поставить перед нами более крупные и сложные проблемы — ради совершенно определенной цели. Я не могу скрыть от вас этого опасения. Я был бы весьма рад, если бы оно не оправдалось. Я знаю, что если бы нам предстояло разрешить стоящие перед конференцией вопросы с самими рабочими, а не со старыми чиновниками министерства иностранных дел, мы могли бы добиться соглашения в какие-нибудь четыре или пять часов. Но, к сожалению, положение иное. Мы вынуждены разговаривать с совершенно другого типа людьми.

Я не хочу перегружать слушателей изложением нашей полной программы, но есть один вопрос, который может возникнуть позднее и который я считаю имеющим особое значение.

Мы уже подняли перед британским правительством вопрос о соглашении в области международного рабочего законодательства [173]). Я надеюсь обсудить его вместе с Генеральным Советом.

Второй вопрос, который я хочу затронуть, это — вопрос о разоружении и совместных выступлениях для того, чтобы предотвратить войну. Никто в этой комнате не может скрывать от себя тот факт, что опасность новой мировой бойни теперь немногим меньше, чем она была в 1914 г. [24]). По этому вопросу, вопреки тактическим и политическим разногласиям в области теории, русские делегаты заодно со всеми здесь присутствующими. Люди, с которыми мы встретимся завтра, многим отличаются от здесь присутствующих. Мы попытаемся прежде всего и раньше всего

установить принципы, а не формулы, как это имело место в Генуе [131]) и Лозанне [141]). Мы признаем, что рабочий класс медленно, но верно движется к захвату политической власти, как это показывают немецкие и французские выборы [174]).

Но завтра может быть сделана попытка сорвать соглашение. Много говорят о нашей международной пропаганде. Присутствующие же здесь знают, что наша пропаганда заключается в том, что на шестой части всего земного шара рабочий класс располагает всей полнотой власти и создал рабочее государство.

Мы уже слышали, что если на нынешней конференции не будет достигнуто соглашение, то втечение десяти лет с Россией не будут вести никаких переговоров. Это — серьезная угроза, и мы должны считаться с ней. Тем не менее мы должны повторить, что не может продать свое право первородства за чечевичную похлебку. Прежде всего мы не можем согласиться на то, чтобы платить больше, чем это позволяют наши возможности; во-вторых, соглашение с британскими капиталистами не должно быть прецедентом ни для какой другой страны. Мы убеждены, что наши сношения с организованными английскими рабочими, представители которых собрались в этой комнате, будут развиваться, и хотя банкиры, может быть, и не пожелают разговаривать с нами втечение десяти лет, — британские рабочие заставят их войти с нами в переговоры!

Ответ на выступление англичан.

Я хочу поблагодарить британских представителей от имени советской делегации за великолепный ответ [175]) на мои замечания. Многие из моих товарищей хотели бы в свою очередь сказать несколько слов, но недостаток времени не позволяет это сделать.

Подписать договор с товарищами Брамли [176]) и Тиллетом [177]) было бы делом получаса. Нам не пришлось бы спорить относительно сотни миллионов золотых рублей в уплату за миллионы человеческих жизней, мы подошли бы к вопросу с совершенно другой точки зрения. Я могу дать представителям британского профессионального движения обещание, что советская делегация не предпримет ни единого важного шага в переговорах, не согласовав его с политикой Генерального Совета Конгресса Тред-Юнионов. Указание относительно необходимости поддерживать прямую

связь будет выполнено: тов. Яроцкому будет поручено поддерживать контакт со стороны советской делегации. Я убежден, что независимо от результатов конференции мы попрежнему будем встречать поддержку и сочувствие со стороны британского рабочего класса. Я согласен с тов. Бен Тиллетом, что нам не приходится с неудовольствием оглядываться назад, на временные поражения. Мы можем рассматривать их как временные задержки на пути к великим победам будущего.

Неопубликованный подробный протокол речи на приеме советской дипломатической делегации в Лондоне в ресторане «Гатти» 14 мая 1924 г.

К единству международного профессионального движения.

Речь на III Всемирном Конгрессе Профинтерна 19 июля 1924 г.

Товарищи, после обстоятельного доклада тов. Монмуссо [178]) моя задача чрезвычайно упрощается, и русская делегация, выставив меня в качестве содокладчика, вовсе не имела в виду, что между нами и линией, развиваемой тов. Монмуссо, есть хотя бы тень разногласий. Наоборот, наша делегация, выставляя меня содокладчиком, имела в виду дальше углубить и расширить вопрос, более ясно поставить его перед иностранными товарищами, выяснить отношение к этому чрезвычайно важному вопросу со стороны русской делегации, ибо вокруг вопроса о вхождении русских союзов [179]) в Амстердамский Интернационал [18]) создано слишком много шума во всем международном профессиональном движении, и не только в профессиональном движении. Не только профессиональные союзы, не только вся профессиональная пресса без различия оттенков, но даже политические партии, враждебные нам, партии реформистские [11]), даже наши старые знакомые, меньшевики и эсеры, чрезвычайно оживленно дебатируют этот вопрос. Выяснить истинный взгляд русских профессиональных союзов на этот вопрос,— вот что я считаю задачей своего содоклада.

Я не стану повторять основных положений доклада тов. Монмуссо о важности и необходимости единого фронта [180]); однако я не могу и обойти его молчанием. Мы не будем скрывать, что иногда нам приходится слышать голоса сомнения по вопросу о практической целесообразности применения тактики единого фронта. Конечно, в опыте единого фронта мы можем найти целый ряд практических ошибок. Об этом говорилось и на V Конгрессе Коминтерна [48]) и здесь. Но можно ли делать из этого общий вывод, что практика показывает лишь отрицательные факты и что линия единого фронта вообще неправильна? Это было бы глубочайшей ошибкой, ибо с таким же успехом на опыте отдельных

неудач применения вооруженного восстания в освободительной борьбе рабочих можно притти к столь же неправильному выводу, что метод вооруженного восстания неправилен, неправилен только потому, что когда-то и где-то такое-то восстание потерпело поражение. Это,— конечно, ошибка. Это — обобщение, и обобщение довольно обывательское. Правильность и необходимость тактики единого фронта остается в полной силе. Это прекрасно доказал т. Монмуссо, и нам приходится только солидаризироваться с ним в этом вопросе. Больше того, как бы ни решили мы спор о том, кончилось ли наступление капитала на рабочий класс [123]), или еще продолжается, — и в том, и в другом случае тактика единого фронта остается верной и незыблемой.

В отдельных странах, в отдельных отраслях промышленности, наступление капитала приостановилось, в некоторых продолжается. Там, где оно приостановилось, это произошло не вследствие победы рабочего класса, а после того как рабочий класс в своей экономической борьбе понес целый ряд потерь и поражений. После войны буржуазия подкупила рабочий класс, сделав ему целый ряд уступок [55]). В этом — секрет расцвета Амстердамского Интернационала. В этот первый период буржуазия сама делала рабочим минимальные уступки, необходимые для сохранения гражданского мира. Наступил второй период, когда буржуазия перешла в наступление, — то разрозненными отрядами, то более сплоченными, — отнимая ту кость, которую она бросила рабочим после войны. Этот период еще продолжается. В некоторых странах, в отдельных отраслях промышленности, оно приостановилось лишь после того, когда почти все то, что было раньше дано, было отнято обратно. В других странах наступление продолжается в полной силе, и мы стоим перед третьим периодом, когда рабочий класс, доведенный до крайней нужды, должен будет перейти в контр-атаку.

Я не стану развивать вам эту мысль, каждый из вас в отдельности не хуже меня знает экономическое положение западноевропейских рабочих. Все вы знаете, что нигде рабочие не довольствуются тем экономическим положением, к которому привел их предыдущий период. Но мы видим и другое. Мы видим, как в отдельных странах, главным образом в угольной промышленности и металлургии, капиталисты концентрируют свои силы для

нового наступления, мы видим, что разрозненные наступления капитала, — это можно предсказать уже сейчас, — кончаются: капитализм повсеместно переходит в наступление. Он наступает единодушно и сплоченным фронтом.

Возьмите последние забастовки в Англии, последние столкновения в практике английской экономической борьбы, и вы увидите, что там борьба идет не с отдельными предпринимателями, а в каждом случае выступают союз, об'единение, картель предпринимателей. Капитал концентрирует свои силы и должен концентрировать их под влиянием современного положения европейского хозяйства и неустойчивого финансового положения: капиталисты открыто говорят, что данное положение делает невыгодным производство при данном уровне заработной платы. Капитал приостановил свое наступление для того, чтобы затем с новой силой наступать на рабочих. Его наступление на других фронтах продолжается с прежней силой.

Рабочий класс не мирится и не будет мириться с этим наступлением и со своим нищенским положением. Но перед рабочим классом в большей степени, чем перед капиталистами, стоит задача концентрации своих сил для завоевания того, что отнято, и для отражения нового наступления. Положение даже английских рабочих далеко не блестящее. Рабочие не могут и не будут с этим мириться. Последний конфликт углекопов в Англии [180]), последняя стачка рабочих лондонских подземных дорог [181]), постоянное брожение в союзе транспортников [182]), все это — явления одного порядка. Предыдущая стачка рабочих подземных железных дорог, по заявлению некоторых лидеров английских юнионов, не принадлежащих к коммунистической партии, носила небывало ожесточенный характер. А ведь это говорят люди, убеленные сединами...

Мы всегда считали, что рабочему классу в его экономической борьбе необходима бóльшая концентрация сил, бóльшая сплоченность, нежели предпринимателям. Это закреплено в отдельных резолюциях наших с'ездов. Для нас это — незыблемое положение. Исходя из этого принципа, мы строили свои союзы, учась на опыте Запада. К сожалению, Запад плохо учится на нашем опыте, на опыте построения производственных союзов. Но кое-что в этом отношении, быть может, бессознательное, не вполне оформленное, все же имеется. Даже внутри Амстердама мы наблюдаем попытку

концентрации сил. Там происходят политическая перегруппировка и организационная перестройка.

Внутри Амстердама довольно ясно оформляется течение «вертикалистов», — так я называю их по аналогии с нашими прежними течениями [98]). До сих пор Амстердамский Интернационал опирался лишь на горизонтальные, национальные, организации. Теперь ясно вырисовывается твердое стремление международных секретариатов,— а по-нашему международных центральных комитетов,— играть все большую и большую роль. В стороне от Амстердама складываются в особую полуоформленную организацию международные секретариаты [65]), как пристройки к нему. На последнем их конгрессе,— они называли его совещанием, но от этого дело не меняется,— международные секретариаты собирались особо и, несмотря на очень сильное сопротивление и недовольство со стороны лидеров Амстердама и национальных об'единений, обсуждали важнейшие вопросы.

Международные секретариаты несколько нарушили «стройную» структуру Амстердама, вводя туда своих представителей. Все это факты одного порядка. Борьба между трудом и капиталом в национальном масштабе ясно обнаруживает сильный рост концентраций капитала. Больше того: концентрация капитала в ближайшее же время грозит принять форму интернационального об'единения. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что при том или ином разрешении вопроса о злосчастном Руре [121]) угольные короли Англии и угольные рурские короли договорятся между собою в целях регулирования заработной платы и угольных цен. Это вытекает из положения вещей, и я не сомневаюсь, что перед углекопами уже в ближайшее время встанет вопрос о договоре с интернациональным об'единением предпринимателей. Эти соображения,— а это очень важные соображения,— заставляют нас с наибольшей остротой, с наибольшей последовательностью поставить вопрос о едином фронте. Мы не можем в этот момент не сказать рабочим о том, что перед лицом наступления капитала, грозящего низвести рабочих до степени рабов, мы первые протягиваем руку нашим врагам, мы не скрываем, что нашим врагам — реформистам — мы протягиваем руку и говорим: за вами еще идут миллионы рабочих, в ваших руках целый ряд крупных организаций. И хотя мы тоже имеем колоссальное влияние на миллионы

рабочих [88]), хотя мы боролись с вами и будем с вами бороться, хотя мы попрежнему не простим вам ни одной ошибки и будем разоблачать перед лицом рабочих каждый ваш неверный шаг, вашу половинчатость, вашу непоследовательность, пагубность вашей идеи гражданского мира,— тем не менее в интересах рабочих масс мы предлагаем вам об'единиться с нами для борьбы против капитала. Нам, представителям рабочего класса, чуждо, незнакомо и не может быть знакомо чувство личной ненависти. А ведь приходится встречать таких товарищей, которые пытаются сводить большой важности тактические вопросы борьбы классов к вопросам личным, к вопросам чувства, и которые говорят: «Неужели мы с этими предателями сядем за один стол и будем вместе с ними работать, неужели между нами и ими может быть что-нибудь общее?» Это, товарищи, никуда не годные соображения. Сравнительно с великой проблемой классовой борьбы и ее очередными тактическими задачами это — маленький вопрос, такой же пошленький, как пункт, который включили амстердамцы в свою резолюцию о русских союзах, пункт, который они, очевидно, считают очень важным и который говорит о том, что они будут вести переговоры только под углом зрения «достоинства» Амстердамского Интернационала.

Нам чужды эти вопросики обывательского характера. Для нас важное и главное, определяющее наше отношение к группе лиц, к партии, к классам, заключается в задачах и интересах классовой борьбы пролетариата, рассматриваемой в данном случае в международном масштабе. Мы ни на минутку не отказывались, не отказываемся и не будем отказываться и в будущем вскрывать перед лицом рабочих масс со всей беспощадностью каждый шаг реформистов, их половинчатость и непоследовательность, противопоставляя им свою классовую, выдержанную, последовательную, революционную коммунистическую линию. Мы от этого никогда не отказывались и не будем отказываться, но задачи борьбы требуют единого фронта, требуют проведения его снизу доверху, в первую очередь, конечно, снизу. Об этом мы много говорили и многое делали, но мы до сих пор еще не закончили этой работы.

Нам еще приходится в тот или другой момент встречаться с отдельными товарищами, которые, под влиянием вполне понятного

негодования, пытались уходить из профессиональных союзов [70]). А разве в опыте русского профессионального движения этого не было? А наши коммунисты и те революционные беспартийные, которые шли за нашими коммунистами в союзе служащих,— разве не пытались они вот в этом Колонном зале расколоть союз служащих [183]), когда оставалось чуть-чуть, чтобы додавить наших реформистов — меньшевиков? Разве меня не ругали оппортунистом на заседании фракции потому, что я говорил: «Не уходите, не уходите, вас была одна десятая, теперь вы составляете одну треть, а будете в большинстве!» А через шесть месяцев мы додавили реформистов. Даже у коммунистов лопается иногда терпение, чувство берет верх над более высокими соображениями, берет верх простое человеческое негодование против реформистов, желание плюнуть на них, не возиться с ними. *Понять это можно, но оправдать нельзя.*

Мы с полной ясностью ставили вопрос и говорили: не уходите из профессиональных союзов. Перед нашим рабочим движением, несмотря на его молодость, неоднократно вставали такие вопросы. Мы были принципиально против касс взаимопомощи [45]) (обществ взаимопомощи). Мы считали, что кассы (общества взаимопомощи) являются недоноском рабочих организаций, и в свое время ставили принципиальный вопрос о том, можно ли входить в кассы взаимопомощи (общества взаимопомощи). Мы, большевики, решили его таким образом: там, где есть четверо рабочих, пятым должен быть большевик. Большевик должен быть всюду, где есть рабочие. Пусть реформисты — предатели, но за ними есть рабочие, и мы не уйдем поэтому из профессиональных союзов, мы будем бороться там за каждого рабочего. Мы в совместной работе с ними будем лучше, чем теперь, вскрывать их ошибки и недочеты. Если мы до сих пор обстреливали их из Москвы перекидным артиллерийским огнем, то пришел момент, когда нам нужно идти в штыки! *(Аплодисменты).* Разве Амстердам не является крепостью? Это есть крепость, это есть цитадель реформизма, и тот ничего не понимает в тактике партийной борьбы, в задачах классовой борьбы, кто предложит революционным союзам отказаться войти сплоченной колонной в цитадель нашего противника. Такой отказ будет ошибкой, такая тактика будет близорукой. Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в задачах рабочего движения!

Разве сторонникам Профинтерна [88]) легко работать? Разве в Англии, во Франции, в Германии, особенно там, где наши сторонники в меньшинстве, вы не чувствуете недоумения у рабочих: «Вы говорите, что против раскола. Но существуют два Интернационала. Почему же вы не об'единяетесь?» Мы ставим точку над «и» и говорим: да, мы за об'единение профессионального движения в едином Интернационале.

И ведь это не случайность. В истории рабочего движения, такого колоссальнейшего фактора всей мировой истории, случайности не бывает. Есть племя дикарей, которое говорит, что ничего в мире нет случайного, только дикий маис родится случайно. Мы думаем, что дикий маис не случайно родится. Нет, не случайно родится дикий маис, не случайно родилось левое крыло [184]), — оно является выражением и отражением глубочайших настроений широких рабочих масс. Я вовсе не хочу выставлять себя знатоком международного рабочего движения. Текущие дела российского рабочего движения заставили меня целиком заниматься русским движением и слишком мало уделять внимания изучению международного рабочего движения. Я равным образом не хочу сказать, что я за три месяца, пока был в Англии [185]), основательно изучил английское рабочее движение, но кое с чем я познакомился. И пусть английские товарищи меня опровергнут, если я буду неправ, утверждая, что лозунг единого Интернационала вместе с русскими союзами явится и будет являться наиболее популярным среди английских рабочих и что английские рабочие пойдут за тем, кто этот лозунг выбросит!

Тот, кто пойдет под этим лозунгом, тот победит в Англии. Это понимают наиболее умные, дальновидные, опытные вожди рабочих союзов, не будучи коммунистами. Они понимают, что под этим знаменем победят. Рабочие рвутся к созданию единого фронта. Классовый инстинкт пролетарских масс подсказывает им это стремление, и наша задача — еще больше внедрить в сознание рабочих этот лозунг. Мы за единый Интернационал, мы за единое рабочее движение, мы не болтаем и не прячемся от разрешения этого вопроса за словами о «достоинстве» Профинтерна. Мы не цепляемся за то, кто первый скажет «а». Если в интересах классовой борьбы, в интересах об'единения и сплочения рабочего класса Профинтерн должен будет первым сказать: «Господа

амстердамцы, давайте построим единый Интернационал!» — мы это скажем. Пусть они кричат, сколько хотят, что Профинтерн первый пришел к ним. Так говорят мещане. *Пусть у них останется мещанское самодовольство, а у нас будет правильная революционная инициатива.* Только *так* можно ставить вопрос. *(Аплодисменты).*

Темп рабочего движения, революционного рабочего движения в данный момент замедлился. Это нам не нужно от себя скрывать. Не так давно, около года тому назад, мы ведь видели другие перспективы. Перед нами вырисовывалась во весь рост, во всем ее грандиозном международном значении, германская революция [96]). Но германские события пошли по другому пути, и революционное рабочее движение снова входит в русло замедленного, спокойного развития, снова важнейшими вопросами являются вопросы экономической борьбы. Снова увеличилась тяга в профессиональные союзы.

Есть, товарищи, две опасности. Первая опасность заключается в недооценке своих сил, в том, что бывают робкими и нерешительными, в решающий момент говоря: «ах, я слабенький»... Но есть и другая, бо́льшая опасность — недооценка сил противника. Недооценка сил противника есть глубочайшая ошибка. Лучше силы противника переоценить, чем их недооценить. Не будем в данном случае совершать этой ошибки.

Еще миллионы рабочих идут за Амстердамским Интернационалом, еще миллионы рабочих идут за реформистами. Борьба за души этих рабочих,— пока что еще слепых рабочих,— есть важнейшая задача. Перед нами, левым революционным крылом международного рабочего движения, стоит новая очередная задача после тех проблем, которые мы уже разрешили. Мы выполнили, если можно так выразиться, задачу агитационно-пропагандистскую — задачу первого периода работы Межсовпрофа [38]). Мы ее выполнили блестяще. Мы об'единили тысячи лучших деятелей профессионального движения и миллионы рядовых рабочих. Следующую задачу мы тоже выполнили более или менее удовлетворительно: эта задача — организация своих сил внутри международного профессионального движения. Она не закончена, конечно, потому что никогда организационные задачи не бывают законченными вполне, но мы, Профинтерн, ее разрешили довольно удовлетворительно. Теперь перед

нами стоит третья задача, которую также нужно разрешить, если мы хотим от роли оппозиции в международном рабочем движении притти к руководству им. Без разрешения этой задачи мы будем в дальнейшем обречены заниматься только пропагандой да плакаться на новую измену реформистских вождей, в то время как нужно не плакаться, а нужно предупреждать, войти внутрь, стать лицом к лицу с противником, ловя его на каждом шагу, нужно вскрывать, разоблачать, вырывать из рук противника инициативу. Дикий маис случайно не растет,— дикари ошибаются. Не случайно у Амстердама вырисовалось левое крыло. Левеет масса, левеют вожди.

Левое крыло в Амстердаме — несомненный факт. Это крыло, конечно, не имеет своей ясной программы. К нему примыкают люди различных политических убеждений, но кое-что их все же об'единяет. Их об'единяет мысль о едином Интернационале, их об'единяет,— по крайней мере на словах,— желание оторвать Амстердам от Лиги Наций, от ее Бюро Труда [184]).

Левое крыло сложилось. Можем ли мы возлагать надежду на то, что это левое крыло превратится в будущих наших союзников? Можем ли мы рассчитывать на это? Рассчитывать пока подождем, проверить же не мешает. А проверка должна состоять в том, чтобы перед колеблющимися во весь рост поставить на выбор две тактики, поставить на ряде вопросов повседневной работы и повседневного руководства международным рабочим движением. Всякой реформистской линии внутри Амстердама мы должны и будем противопоставлять, если доведем свои намерения до конца, свою последовательную революционную классовую политику, а левые пусть выбирают: либо они вместе с правыми против нас, либо вместе с нами против правых! Если мы сумеем оторвать левых от Амстердама и повести за собой, это будет не маловажной победой, ибо сейчас Исполком Амстердама состоит из четырех правых, четырех левых и одного колеблющегося [186]). Если левые пойдут вместе с нами, тогда мы оторвем, разложим, не Интернационал, как неправильно перевел переводчик слова тов. Монмуссо, а его реформистское крыло.

Мы не хотим разлагать Амстердамский Интернационал. Наоборот, мы хотим создать крепкий, сильный Интернационал, способный руководить рабочим движением. Нашей задачей было

и будет отобрать все честное, все революционное, все лучшее, все то, что, запутавшись, барахтается вместе с реформистами. К таким я причисляю т. Кука [187]), лидера английских горняков,— несомненно, это — честный рабочий, производящий впечатление искреннего борца за интересы рабочих,— и всем известного т. Перселя [37]). Это не плохие люди,— люди, которые своей практической деятельностью выказали свои симпатии к русским рабочим, которые сумели плыть в Англии против течения.

Конечно, левому крылу нужна проверка. «А если оно не пойдет за нами?» — зададут нам вопрос. Тогда придется заставить их выдержать экзамен перед рабочими, показать, действительно ли они левые, или только так называемые «левые». Так следует вскрывать все половинчатые позиции. Либо вести тех, которые колеблются, за собой, либо путем экзамена и проверки через огонь революционных действий испытать, золото это или медь. Если медь, сказать английским рабочим: смотрите, что́ стало с этой позолоченной вещичкой, которую вы называли золотом; а если окажется золотом, то мы приобретем не одну тысячу и не один миллион союзников.

Конечно, не одно это определяет нашу тактику; это не есть главное. Это одно из побочных соображений. Оно лишь показывает, что рабочие массы рвутся и хотят единого Интернационала профессионального движения, потому-то внутри Амстердама и складывается течение за единый Интернационал, за единый фронт. В Амстердаме происходит дифференциация сил и наряду с этим — другое явление: происходит чрезвычайно важная организационная перестройка, серьезная и интересная перестройка. Будем ли мы оставаться вне этого, или мы, революционные союзы, стоящие на платформе Профинтерна, в этот момент войдем туда, как стальной клин, как стальная революционная колонна? Так нужно ставить вопрос. Это, по-моему, основное и главнейшее. Этим мы предрешаем все остальные вопросы, и я думаю, что все те, кто ясно и отчетливо представляют себе кон'юнктуру международного рабочего движения, кто понимает реальную задачу того крыла мирового рабочего движения, которое не на словах только, а на деле революционно, кто не подменяет революционности так называемой «ультрареволюционностью», т. е. претензией всегда и во всех вопросах быть левыми, те, несомненно, поймут

это и признают правильным. Быть «всегда левым»,— это тоже опасно. Истинная революционность заключается в том, чтобы не быть правым и не быть левым, а взять правильный тон, правильную линию в рабочем движении и, не смущаясь криками, откуда бы они ни исходили, мужественно ее проводить. Вот в чем заключается действительная революционность. Иногда левизна является такой же болезнью и вредом, как и правизна. Не нужно и не следует при решении колоссальнейшей важности вопросов, международных вопросов, предрешающих на ближайшие годы судьбу и развитие международного рабочего движения, подходить с точки зрения, просто утверждающей, что так как реформисты плохи, так как реформисты — предатели и т. д., то поэтому ничего общего с реформистами не имей, не подходи к ним и... больше ничего.

Вам в вашей практике приходилось не раз садиться за один стол с представителями предпринимателей и подписывать коллективные договоры. Почему вы не кричите, что это — оппортунизм? А у нас были такие «левые», которые кричали, что это оппортунизм — договариваться со своими классовыми врагами. Интересы рабочего класса заставляют нас делать это, властно диктуют нам создание единого Интернационала профессиональных союзов вместе с реформистами. Да, вместе с реформистами, и тут никакие левые фразы нас с толку не собьют, потому что есть левые и есть «левые». Плохо, когда под влиянием ложного понимания левизны у людей мозги сбиваются налево, набекрень. Я уверен, что у нас на нашем конгрессе не найдется таких товарищей, что как везде, так и здесь мы пойдем единым стальным фронтом и в этом вопросе, и я посмотрю, что станет с так называемым Амстердамом, что станет с реформистами через два года, после того как мы создадим единый Интернационал. Двинется наша борьба или не двинется? Я утверждаю, что мы многого достигнем. Обратного никто не докажет. Признать это — вот основное, сделать это там, где этого еще нет, лозунгом рабочих масс, сделать лозунгом широких рабочих масс единый Интернационал профессиональных союзов, единый фронт снизу доверху, единое руководство международным рабочим движением,— вот лозунг, понятный и доступный каждому рабочему. Пусть хоть один профинтерновец, который серьезно работал в массах, скажет мне, что это не облегчит, не

упростит, не придаст стройности и законченности его агитационно-пропагандистской работе. Я утверждаю, что это облегчит, упростит ее и даст ей необходимую стройность. Мы за единый фронт не на словах, а на деле,— слово за вами, господа амстердамцы!..

Теперь несколько слов о русских союзах. Должны ли русские союзы входить в Амстердам, или нет? Те опасения, которые звучали в некоторых, может быть кулуарных, разговорах — о возможности русским покинуть ряды Профинтерна и одним уйти в другой Интернационал, требуют раз'яснений. Товарищи, никто не станет отрицать, что Профинтерн строился русскими профессиональными союзами, что до сих пор никто не может бросить упрека русским профессиональным союзам в том, что они нарушили линию Профинтерна или Коминтерна [48]), никто из наших революционных рабочих не может бросить и никогда не бросит русским профессиональным союзам обвинения, что они разорвут революционный фронт. Ни одного шага русские профессиональные союзы до сих пор не делали и не сделают в будущем без ведома и санкции Профинтерна. Мы за единый Интернационал, но пока существует Профинтерн (он существует в лице его конгресса и в лице того исполнительного органа, который вы выберете), русские профессиональные союзы, как и всякий революционный союз, входящий в Профинтерн, не сделали и не сделают ни одного шага без согласия Профинтерна и Коминтерна. Мы начали строить Профинтерн,— это очень интересно теперь напомнить,— вместе с итальянскими реформистскими вождями, вместе с левыми вождями английского профессионального движения, Перселем и Вильямсом [56]). Акт о создании Профинтерна или Межсовпрофа подписан на одном листе Томским, Зиновьевым, Лозовским и Д'Аррагона [59]), Дугони [62]) и Коломбино [60]). Разве мы не знали, кто такой Д'Аррагона? Что мы — такие уж мальчики, что не знали сущности характеров Д'Аррагона и Дугони? Но и Д'Аррагона, и Дугони, подписавшихся на этом листе, мы использовали, они нехотя, невольно сделали большое дело. Мы используем реформистов еще раз, но, я повторяю, ни одного шага русские союзы не делали и не сделают без Профинтерна. Но должны ли русские профессиональные союзы отказываться от переговоров и должна ли какая-либо другая часть Профинтерна отказываться от переговоров

с Амстердамом? Мы до сих пор ни разу не отказывались, не отказываемся и не должны отказываться воспользоваться всяким случаем, каждой возможностью, чтобы развернуть свою и выявить их настоящую линию, заставить их выявить открыто свою линию перед лицом широких масс. От этого мы не отказываемся и от этого не должны отказываться французы, не должны отказываться немцы, не должен отказываться никто. Товарищ Монмуссо ставит правильно вопрос, он ставит во весь рост вопрос об об'единении французского рабочего движения. Правильно ставит!

Товарищи, резолюцией русской делегации [188]) мы предлагаем настоящему конгрессу поставить во весь рост перед рабочими массами и перед всеми профессиональными союзами вопрос о едином Интернационале. Мы предлагаем не только поставить этот вопрос, но и понять, что это не есть агитационный вопрос, а вопрос насущной важности для борьбы пролетариата. Конечно, реформисты подхватят и речь Монмуссо, и мою речь, и речь всякого, кто будет выступать по этому вопросу; они будут пытаться изобразить дело так, что мы хотим взорвать Амстердам, что это — лишь агитационный козырь. Каждый член Профинтерна должен сам понять и раз'яснить массам, что это не так. Кон'юнктура рабочего движения властно диктует это в интересах об'единения экономических сил пролетариата в его борьбе, в интересах достижения революционного руководства рабочим движением, его оздоровления от наростов реформизма. В силу всего этого, в интересах осуществления действительно классовой политики, мы должны понять, что это есть не маневр или агитационный ход, а важнейшая проблема, поставленная перед рабочим движением историей. И если даже у амстердамцев разделились голоса, если там некоторые из правых колеблются по этому вопросу, а другие оказывают бешеное сопротивление и ведут дикую агитацию, как Зассенбах [19]) и Лейпарт [189]), то это показывает, что они чуют, что это не агитационный ход, а начало штурма их крепости! Быть может, реформистам удастся этот вопрос смазать и оттянуть его решение еще раз, быть может, им удастся затормозить его решение не только на несколько месяцев, а на год, но мы должны ясно понять, что идем на штурм цитадели реформизма, что начинаем атаку этой реформистской крепости. Мы пойдем дружно и все

вместе, чтобы лицом к лицу встретиться с врагом в последней схватке. И увидим, в чьих руках будет победа: у реформистов или у революционного, не только на словах, а на деле, крыла международного рабочего движения. Я уверен, что победа будет на нашей стороне!

Опубликована отдельной брошюрой. Издание ВЦСПС. Москва. 1924 г.

Единый рабочий Интернационал.

Товарищи, я счастлив выступить от имени русских союзов перед конгрессом английских тред-юнионов [100]). Я счастлив потому, что за все время существования российских союзов они впервые выступают на вашем конгрессе. Я счастлив и потому, что неоднократное за последнее время пребывание в Англии в качестве дипломата [166]), представителя советского государства, научило меня лучше понимать, более уважать и ценить английский рабочий класс. Особенно же я счастлив потому, что теперь я имею возможность действительно на широком собрании представителей английского рабочего класса выступить уже не как дипломат,— сие удовольствие мне надоело по горло, не рекомендую и вам заниматься этим делом,— а в качестве представителя российского профессионального движения, российских рабочих, об'единенных и сплоченных в централизованной организации, насчитывающей около шести миллионов человек. Я счастлив приветствовать от имени организованного русского пролетариата конпресс, представляющий английский рабочий класс. И я считаю своим долгом в первых же словах выразить свою благодарность английскому профессиональному движению и английскому рабочему классу, являющемуся для всего мира дедушкой профессионального движения, за то, что у вас, товарищи, и на вашем опыте мы учились, и,— я думаю, не будет большой смелостью сказать,— за то, что у вас мы научились строить профессиональные союзы.

Правда, в строении наших и ваших союзов есть значительная разница. Мы имеем 23 национальных центральных комитета [93]), наше рабочее движение более концентрировано и более централизовано, чем ваше. Но если мы посмотрим на работу даже вашего конгресса, если мы посмотрим на практику профессионального движения всего мира за последние годы,— мы увидим, как под давлением и в силу необходимости экономической борьбы оно неуклонно идет по пути большей концентрации и большей

централизации. Не потому, что это является следствием отвлеченного рассуждения и наиболее целесообразной формы, не потому, что эта форма является политически и организационно более правильной, а потому, что в борьбе с концентрирующимся капиталом рабочему классу все больше и чаще приходится сплачивать отдельные отряды в более крепкие, в более сильные боевые колонны. Весь опыт рабочего движения показывает, что, начиная с маленьких местных союзов, движение идет к об'единению в национальном масштабе, а по мере того, как капитал интернационализируется, экономическая борьба неизбежно, как то показали отдельные моменты в докладах других братских делегатов, принимает интернациональный характер. Мы видим перед собой процесс централизации об'единений рабочего класса, процесс создания международной организации наемных рабочих, противопоставляющей себя организации капитала. Я думаю, вы согласитесь со мной, что, когда класс капиталистов становится лицом к лицу с организованным классом наемных рабочих, начинается классовая борьба. А там, где идет борьба класса против класса, там имеет место уже не только экономика, но и политика.

Как бы ни хотели некоторые укрыться от этого факта, как бы ни затушевывали его общими фразами о национальных интересах, о демократии, о практицизме профессионального движения, каждый из вас должен признать, что борьба класса против класса есть борьба не только экономическая, но и политическая, борьба, в процессе которой подмена интересов классовых интересами национальными приводит к тому, что́ мы пережили, начиная с 1914 г. и вплоть до окончания войны [11]). Подмена классовых интересов и классовой солидарности пролетариата общими фразами о демократизме, общими фразами о национальных интересах, о сотрудничестве и совпадении интересов труда и капитала приводит к тому, что миллионы рабочих в интересах капитала идут брат на брата. Мы это видели, мы все это пережили, мы многому научились за это время. Я думаю, несмотря на то, что в данный момент наши профессиональные союзы построены так, а ваши — иначе, несмотря на то, что между нами еще много взаимного непонимания,— события последних лет не способствовали нашему взаимному пониманию,— несмотря на все это, товарищи, здесь в Англии и у нас в России, во всем мире рабочий класс многому научился

за последние годы. Он научился различать истинную сущность «национальных интересов» и интересов классовых, он знает подлинную цену фразам о демократии и примирении. Там, где лицом к лицу становятся класс наемных рабочих и класс капиталистов, нет и не может быть разговоров о примирении интересов. Там есть единственно возможный вопрос — о борьбе классов.

Товарищи, я думаю, что представитель Америки [191]), который сказал, что в этой империалистической войне нет победителей, что в ней все побеждены — прав, но только отчасти. Этим побежденным в империалистической войне оказался прежде всего рабочий класс. Везде и всюду в результате войны мы видим истощение производительных сил, понижение национального богатства, усиление гнета налогов; все это ложится целиком и полностью на трудящиеся классы [24]). Однако есть и победители. Их нужно искать не в отдельной стране, а во всех странах. Это — небольшая кучка людей, которые хорошо нажились на военных поставках, хорошо «заработали» на чрезмерном, спекулятивном, развитии военной промышленности.

Все это открыло глаза рабочему и многому нас научило. Мы видим, как везде и всюду война открывала миллионам рабочих все лицемерие, всю истинную сущность капитализма и всех его звонких фраз о «демократизме», «национальном достоинстве» и т. п. Мы видим, что рабочий класс во всем мире, в большей или меньшей степени, почувствовал, что нельзя ограничиваться внесением поправок к законам, которые пишут и составляют для него капиталисты. Рабочий класс во всем мире ясно проявляет желание *сам писать законы.* Мы видим, как везде и в первую очередь в Англии рабочий класс проявляет аппетит к власти [167]). Правда, профессиональные союзы Англии, через Рабочую Партию [192]) участвующие теперь в правительстве, находятся не в очень благоприятных условиях. Но «аппетит приходит во время еды». И чем ближе рабочие будут подходить к власти, тем больше они будут понимать ее смысл и значение и тем упорнее будут за нее бороться.

Касаясь вопроса о войне, я считаю своим долгом напомнить об отношении к войне русских рабочих. Вы помните, товарищи, что под лозунгом «долой войну!», «война — войне!» русские рабочие и русские крестьяне, наиболее пострадавшие от войны,

в один прекрасный день отказались от участия в ней. Они сбросили царя и правительство [1]), которое начало эту войну, а затем и то правительство, которое хотело эту войну продолжать [94]). Они взяли власть в свои руки. Тогда русским рабочих говорили: «Вы — безумцы! Вы не сможете удержать власть в своих руках, потому что все великие державы, в первую очередь — Англия и Франция [14]), об'явят вам войну и раздавят вас!»

Товарищи, мы верили в вас так же, как мы верили во французских рабочих, и потому мы отвечали: «Мы знаем, что английская и французская буржуазия наверняка об'явит нам войну, но мы не верим, чтобы английские и французские рабочие стали под винтовку и пошли громить своих братьев, впервые в мире взявших власть в свои руки». И мы не ошиблись! И я считаю долгом еще раз поблагодарить за это английских рабочих. Если мы отбили интервенцию [8]), если мы отстояли на всех границах, на протяжении нескольких тысяч верст, свою власть и свое право строить жизнь, как нам хочется, то не только потому, что наши рабочие и крестьяне геройски сражались на фронтах. В этом не только заслуга нашей пролетарской Красной армии, но также и громадная заслуга французских и английских рабочих, которые имели мужество сказать на весь мир: «Руки прочь от Советской России!» [42]).

Перед трудящимися всего мира попрежнему стоит во весь рост грозный вопрос о войне, вопрос о том, изжита ли опасность войны, возможна ли война теперь и в дальнейшем. И всякий из вас, товарищи, кто оглянется на время, прошедшее после подписания Версальского мира [24]), скажет, что эта опасность ни в какой степени не изжита. Версальский мир вызвал к жизни специальную организацию, которая должна якобы гарантировать от ужасов новой войны, организацию, именуемую Лигой Наций. Но компенсацию всех убытков от войны он возложил на Германию. И вот мы видим, как были разработаны сначала первый, а затем — второй «план экспертов» [193]). Во исполнение этих «миролюбивых» планов железной рукой взяли за горло истерзанную и разоренную Германию, совершили возмущающее всех нас рурское насилие [121]). Разве есть в ком-нибудь искреннее убеждение, что известный проект Дауэса [193]) гарантирует мир всему миру? Такой гарантии, товарищи, нет. Мы видим, что так же, как в старые годы яблоком

раздора служил пресловутый «балканский вопрос» [194]), теперь этим яблоком раздора будет «вопрос германский». Но между балканскими государствами и Германией — колоссальная разница. На Балканах мы видели экономически отсталые, мало культурные народности; другое мы видим перед собой теперь: центр Европы, 70 миллионов трудолюбивого, культурного народа, национально сплоченного, чувствующего всю несправедливость учиненного над ним насилия: ведь войну учинили и вели не германские рабочие, а капиталисты во главе с кайзером.

Что предлагает план Дауэса? Он предлагает новые репарации. Но чтобы Германия выплачивала репарации, она должна иметь активный государственный баланс, иначе ее марка полетит вниз. А чтобы его иметь, она должна вывозить более, чем ввозить, и тем самым вступить в конкуренцию с Англией и Францией. А для этого она должна понизить у себя реальную заработную плату, о чем и упоминает план экспертов. Чтобы спасти свою промышленность при этой конкуренции, Франция и Англия должны загородиться новыми таможенными загородками [195]) или в свою очередь понизить заработную плату английским и французским рабочим. Вот порочный круг, из которого нет выхода. Это есть очередной план эксплоатации трудящихся слоев германского народа и в первую очередь рабочего класса,— план, который даже тем, которые хотят от этого получить доход, ничего гарантировать не может, кроме новых комиссий экспертов, новых очередных насилий над Германией. Как же германский парламент согласился на это, как он одобрил этот план? Но ведь когда человеку предлагают на выбор: «Что ты хочешь: чтобы тебя повесили сейчас же или в будущем году?», он по-своему благоразумно отвечает: «Уж лучше в будущем году!» Вот каковы мотивы согласия германского парламента.

Товарищи, когда железные руки империалистов неоднократно тянулись к Советской России, английский рабочий класс сумел создать новую организацию: «Руки прочь от Советской России!» И я счастлив от имени русских рабочих выразить здесь благодарность председателю этой организации — тов. Перселю [37]). Товарищи, над германскими рабочими производят очень жестокие опыты. Мир всего мира в опасности. Позвольте выразить уверенность, что когда железная рука схватит за горло германского

рабочего, английские рабочие сумеют авторитетно и твердо сказать: «Руки прочь от горла германского рабочего!» Есть один только путь обеспечить мир во всем мире. Этот путь — твердая воля, сплоченность и солидарность трудящихся. Только действительное, активное, сплочение наиболее заинтересованных в вопросах войны, наиболее обездоленных слоев во всем мире, именно рабочих, их твердое желание, их твердая воля, их братская солидарность и спайка могут обеспечить и гарантировать необходимый для всего человечества мир. И я уверен, товарищи: если еще раз весь мир будет поставлен перед опасностью войны, мы, рабочие всех стран, найдем в себе мужество единодушно крикнуть: «Долой войну!»

Библия говорит, что бог создал свет одним своим словом: «Да будет свет!» Я не берусь судить о правдоподобности этого, но я уверен в том, что если ряды пролетариев в международном масштабе будут твердо сплочены и спаяны в вопросе о войне, то кто бы ни сказал «Да будет война!», достаточно будет десяткам миллионов трудящихся ответить: «Да будет мир»!— и будет мир.

Товарищи, ознакомившись с речью, которую на конгрессе по вопросу о русских произнес тов. Крамп [180]), я не могу не остановиться, хотя бы в трех словах, на этой речи, которая в некоторых ее частях является выражением верной мысли. Тов. Крамп сказал три прекрасных вещи. Первая — то, что мы, русские, не ангелы, в чем я с ним целиком согласен. Далеко не ангелы, ибо ангелы революции не делают. Но в то же время мы и не так страшны, как изображают нас фильмы западно-европейских буржуазных кинематографов. Мы такие же рабочие, как и вы. Тов. Крамп говорит, что *отношение к русским должно быть построено на принципе равенства*. Это — золотые слова. Мы просим и добиваемся везде и всюду только одного: чтобы к нам — и как к государству и как к рабочей организации — относились, как относятся равные к равному. Мы ни капельки не претендуем на большее. Мы отдаем должное опыту, дисциплинированности и культурности западно-европейского пролетариата, но тем не менее мы считаем, что в рабочей среде нет и не может быть ни побежденных, ни победителей. Несмотря на то, что никто нас, как государство рабочих, не победил, до сих пор некоторые с нами говорят как с побежденными [181]).

Это дела государственные, я не буду на них останавливаться. Но мне хотелось бы развить мысль тов. Крампа о равенстве применительно к другому вопросу, к вопросу наиболее важному для конгресса, к вопросу о единстве рабочего движения, к чему сейчас приводит логика классовой борьбы, логика экономической борьбы, логика происходящих в Европе и во всем мире политических событий. И мы просим вас, наших западно-европейских товарищей: относитесь к нам как к равным, не рассматривайте нас как побежденных. У нас есть много разногласий с представителями рабочих организаций Западной Европы. Мы не скрываем этого.

Тов. Крамп сказал, и я хочу следовать его примеру, что мы должны быть искренними, и вы видите из моей речи, что я ни минуты не хотел скрывать своих идей, если бы даже в этом зале нашлось много товарищей, которые не вполне со мною согласны. Искренность ко многому обязывает, и я позволю себе в вопросе о единстве быть искренним до конца. Между нами есть принципиальные разногласия, есть идейные разногласия со многими представителями и вождями западно-европейского и американского рабочего движения. Мы этого не скрываем. Но неужели, чтобы достигнуть единства, кто-нибудь может требовать у нас отказа от наших идей, идей, которыми мы живем, за которые боролись и платили кровью? Мы доказали всем, что за эти идеи мы умели платить кровью и сумели, плохо или хорошо, осуществить их. Давайте говорить как равные. У рабочего класса всего мира есть общие интересы, направленные против интересов господствующих, эксплоатирующих классов. Давайте же об'единимтесь на этой платформе, давайте вместе, рука-об-руку, бороться за интересы рабочего класса, вместе действовать, несмотря на наличие у нас разногласий. И вот почему я думаю, что тов. Удегест [197]) не вполне прав, когда говорит, что двери Амстердамского Интернационала [13]) открыты для всех. Тов. Удегест и многие другие забывают тот факт, что после войны русские рабочие и с суши и с моря были обнесены колючей изгородью; вследствие этого мы не имели возможности встретиться и пожать руки кому-нибудь из западно-европейских или американских братьев. Мы стучали в закрытые двери не раз, мы не раз пытались прорвать эту колючую изгородь, но мы слышали очень неприятные ответы. Я не хочу здесь полемизировать.

И это, и многое другое повело к созданию нового Интернационала профессиональных союзов. Плох ли, хорош ли он, многое в нем может некоторым не нравиться, но то, что он существует, есть факт. И кто проходит мимо этого факта, делает ошибку. Есть и другой, «Московский», Интернационал, в который входят Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов и русские союзы. Правда, многие английские товарищи нам жаловались на то, что москвичи и «Московский» Интернационал слишком сильно ругают вождей западно-европейского профессионального движения. Может быть, и так. Но если мы не хотим этой ругани, давайте создадим единый Интернационал. Сделаем это, считаясь не с вопросом о «достоинстве», не с самолюбием вашим и нашим, но с тем, что есть свыше десяти миллионов рабочих, организованных в «Московском» Интернационале, и до пятнадцати миллионов рабочих, об'единенных в Интернационале Амстердамском. Давайте, откинув ложное самолюбие, говорить действительно по-деловому, о том, как создать этот новый Интернационал, говорить, не ставя друг другу никаких предварительных условий. Для нас важно одно — интересы международного рабочего движения. К тому, что говорится здесь, сейчас прислушиваются рабочие всего мира, прислушиваются с бо́льшим вниманием, чем к тому, что говорилось на Венском конгрессе [18]). Вы находитесь сейчас в исключительном положении: вы являетесь не только супер-арбитрами, но гегемонами международного профессионального движения. Товарищи, мы уверены в том, что английские рабочие, проявившие инициативу в этом вопросе, впервые поднятом ими, совместно с известным нам всем тов. Фимменом [198]), на Венском конгрессе, по английскому обычаю, хорошо доделают хорошо начатое дело. Мы уверены, что в этом вопросе английскому рабочему достаточно сказать: «Да будет единство!» — и единство будет. Единство зависит от вас.

Мы, русские союзы, и те союзы, которые идут за нами, выражаем полное согласие и горячее желание работать вместе с вами и другими рабочими, несмотря на наши идейные разногласия. Пусть каждый из нас честно отстаивает те идеи, которые считает правильными и справедливыми, но давайте вместе бороться против общего врага. Позвольте мне, товарищи, выразить горячее желание русского пролетариата, чтобы русские, английские, германские

рабочие и рабочие всего мира создали единый, крепкий пролетарский Интернационал.

Да здравствует единство рабочего движения!

Да здравствует пролетарская солидарность!

Да здравствует единый рабочий Интернационал!

Неопубликованная речь на заседании Гулльского конгресса тред-юнионов 4 сентября 1924 г.

Международное и внутреннее положение Советской республики.

Сегодня в своем обзоре международного и внутреннего положения я хотел бы подойти к этой теме несколько иначе, чем это обычно делают. В своих очередных докладах мы обыкновенно рассматриваем вопрос в разрезе текущего момента. Но через две недели мы будем праздновать семилетие Октябрьской революции, и перед этой годовщиной, мне кажется, важно и интересно сравнить современное внутреннее и международное положение с тем, что было семь лет тому назад. Если для миллиона рабочих и крестьян нашей страны вопрос о сущности Октябрьской революции [94]) давно решен, то для Западной Европы он все еще продолжает оставаться загадкой. И сейчас еще приходится читать длиннейшие послания меньшевиков, направленные представителям различных рабочих организаций в Западной Европе, послания, в которых говорится о том, как плохо живут в СССР рабочие и крестьяне. И мне кажется, важно и полезно вспомнить, как обстояло дело в области международных отношений семь лет тому назад, когда демократическая меньшевистско-эсеровско-кадетская республика [1]) продолжала империалистическую войну.

Страна была тогда истощена. Еще и теперь мы ежедневно видим наследство того времени — недочеты, прорехи в нашем хозяйстве. Но сейчас положение резко отличается от того, что было семь лет тому назад. Остановимся на транспорте. Семь лет тому назад, при громких патриотических криках меньшевиков и эсеров [53]) — «все на фронт!», «война до победоносного конца!»,— весь тыл был забит дезертирами с фронта. Главный период разрушения, это — период правления Керенского. Вы помните, в каком состоянии находился тогда транспорт: паровозы, облепленные людьми, крыши вагонов, до отказа заполненные пассажирами. Транспортная разруха нарастала как снежная лавина и грозила совершенно прекратить железнодорожное движение. О тогдашнем

состоянии финансов особенно хорошо осведомлены металлисты, в период Керенского испытавшие на собственной заработной плате безостановочное падение «керенок» [137]). Падению денег не предвиделось конца. Именно в то время началось массовое производство бумажных денег, которое затем по наследству перешло и к нам. Сельское хозяйство,— об этом не приходится говорить,— было разрушено войной [117]).

Молодежь, может быть, не помнит, но вы помните, как мы, вместе со многими присутствующими здесь, осенью 1917 г. обсуждали новый тариф металлистов [199]). Вероятно, многие из вас не забыли, что при обсуждении этого тарифа московский союз металлистов, сильная организация, об'единявшая до семидесяти тысяч человек, очутился в тупике. Капиталисты отказывались подписывать коллективные договоры. Их сопротивление нельзя было сломить даже забастовкой, ибо они открыто саботировали [7]), закрывая предприятия, согласно рецепта своего вождя Рябушинского [200]), который надеялся «костлявой рукой голода усмирить взбунтовавшихся рабов». Все это было при правительстве Керенского. В конце сентября, на делегатском собрании московского союза металлистов, нам пришлось признать, что обычные меры экономической борьбы не могут вывести рабочих из создавшегося положения, что единственный выход — в захвате власти рабочим классом и государственном нормировании заработной платы. Московские рабочие, и одни из первых — металлисты, пришли к заключению, что забастовка в тогдашних условиях явилась бы роковой ошибкой, ибо целиком и полностью шла бы навстречу затаенным желаниям капиталистов. Уже тогда мы трезво учли политическую обстановку и отчетливо понимали, что рабочий класс не может позволить себе роскоши разрушать производство, которым ему предстоит завладеть. Капиталисты хотят разрушить производство, мы же будем его защищать,— вот какова была тогда наша платформа, вот какова была позиция рабочего класса.

В письме к Фиммену [198]) и в целом ряде посланий к рабочим организациям,— в том числе к английской рабочей партии, Генеральному Совету английских тред-юнионов [201]), Венскому конгрессу Амстердамского Интернационала [13]), — меньшевики и эсеры указывают, что в Советской России, собственно говоря, не существует союзов, что рабочий класс там задавлен, безгласен. А те

союзы, которые имеются в России, по их мнению, являются желтыми об'единениями, так как они отрицают классовую борьбу труда с капиталом... Если мы отрицаем эту борьбу, то только своеобразно: для того, чтобы изжить классовую борьбу, мы вооруженной рукой свергли капиталистов, часть их посадили в уютные и теплые места, а часть прогнали за границу. Когда меньшевики и эсеры вопили и продолжают вопить, что такое обращение с буржуазией недемократично, очевидно, они это делают потому, что не признают этих схваток классовой борьбой...

Теперь скажу несколько слов о нашей организованности. Ко времени Октябрьской революции в пределах тогдашней России насчитывалось около двух миллионов организованных рабочих. Они об'единялись мелкими, локальными, т. е. местными, не связанными друг с другом союзами. Цеховщина была лишь отчасти изжита — в наиболее крупных союзах, как металлисты, текстильщики, в других же она сохранилась в неприкосновенности [93]). В одной Москве насчитывалось свыше ста профсоюзов различных наименований. Теперь же мы имеем мощное профессиональное движение, насчитывающее примерно (с'езд подведет точные итоги) около шести миллионов членов, организованных в 23 производственных колонны и об'единенных в едином центре,— профессиональное движение, с которым даже все оппортунистические рабочие организации Запада, вопреки воплям меньшевиков и эсеров, считались и считаются, как с крупнейшей силой.

Что мы видим в нашей стране сейчас? Во-первых, стабилизацию рубля [137]). То, что в период правления Керенского казалось недосягаемым, немыслимым, осуществлено советской властью. Во-вторых, под'ем промышленности. В то время как при буржуазном правительстве она неукоснительно катилась под гору, теперь она медленно, но верно, — хотя, может быть, медленнее, чем мы бы хотели, — укрепляется. Мы повседневно убеждаемся в том, что период развала остался далеко позади [117]). Успехи сельского хозяйства свидетельствуют об улучшении положения крестьянства. Мы констатируем тот факт, что, несмотря на трудности и страдания, пережитые нами за эти годы, мы создали, как образец для всего мира, величайшее многонациональное государство, Союз Республик, основанный не на насилии одной нации над другой, а на братском сотрудничестве всех угнетенных. Таково пролетарское

разрешение национального вопроса [136]). Оно никогда не удавалось и никогда не удастся буржуазии, ибо ее политика основана на порабощении сильным капиталистическим государством слабых, экономически отсталых народностей. Рабочее же государство основано на братском сотрудничестве и общности интересов всех угнетенных и обездоленных. Мы создали такое государство вопреки сбывшемуся предсказанию меньшевиков и эсеров (единственное их предсказание, которое сбылось) относительно того, что против нас выступят Англия, Франция и Германия. Так говорили они, когда мы брали власть. Мы отвечали: возможно, что буржуазия Франции, Англии и Германии будет воевать с нами, но мы не сомневаемся,— хотя в данный момент не можем доказать это,— мы не сомневаемся в том, что английские, французские и немецкие рабочие не выступят против русских рабочих, которые впервые в мире свергли власть капиталистов.

Ошиблись ли мы в основном? Не ошиблись. Мы видели, как в Одессе отказались стрелять в русских рабочих французские моряки [8]). Мы видели, как терпели поражения войска нашего противника под Архангельском. Мы же, будучи голодными, оборванными, находясь в тягчайшем положении, отрезанные от всего мира, тем не менее остались победителями на всех фронтах. Это произошло не только благодаря героизму наших рабочих и крестьян, не только вследствие героизма нашей Красной армии, но и благодаря тому, что на нашей стороне, на стороне рабочих — сочувствие десятков и сотен миллионов трудящихся и обездоленных всего мира. Да и наш противник инстинктивно чувствовал, что мы боремся не за свое, национальное, а за международное дело. В результате, несмотря на все вооруженные, интервенционистские попытки международной буржуазии, Союз Советских Социалистических Республик, занимающий шестую часть света, начинает приобретать подобающее положение во всем мире.

Мы были свидетелями признания нашего пролетарского строя [166]) вначале одной группой мелких государств, затем Германией, за ней — другой группой мелких государств и, наконец,— Италией, Норвегией и Англией. Я думаю, можно утверждать, не рискуя впасть в излишний оптимизм, что не недели, даже, пожалуй, не дни, а всего лишь несколько десятков часов отделяет нас от признания Францией. Конечно, они признают нас не потому,

что любят. Но «люби — не люби, а почаще взглядывай». Невозможность без шестой части мира свести концы с концами в области мирового хозяйства заставляет капиталистические государства считаться с нами уже де-юре. До сих пор они все говорили: де-факто мы вас признаем, т. е. мы считаем, что вы фактически существуете, но не желаем признать ваше существование законным... Товарищи, есть еще целый ряд крупнейших империалистических государств, которые признают факт нашего существования. В этом признании мы не нуждаемся. Раз мы против вас боролись и поколотили вас, то не духи же это сделали, а реально существующие люди и реально существующее государство! Они не желают еще признать нас де-юре. Положение нашей республики таково, что мы не очень нуждаемся в этом признании. И без признания мы сумели и сумеем наладить торговые взаимоотношения. Мы значительно усилились, в такой мере подняли свое хозяйство, что оно медленно, но верно, даже без посторонней помощи, будет развиваться.

Но благополучно ли положение этих государств, которые все время колеблются, подобно застенчивой невесте: признать — не признать; если признать, то на каких условиях — с оговорками или без оговорок; если с оговорками, то с какими?

У самих у них дома весьма неблагополучно. Несмотря на временную как будто стабилизацию буржуазного господства и временное затишье международного рабочего движения [120]), можно с несомненностью сказать, что, какое бы государство мы ни взяли, везде мы видим это неблагополучие. Несмотря на пресловутый Версальский договор [24]), в котором победители столковались дочиста ограбить Германию и за ее счет возместить понесенные во время войны расходы, несмотря на Лигу Наций [24]), которая, судя по торжественным декларациям ее творцов, не должна допускать новых войн, несмотря на то, что группа крупнейших империалистических держав, выйдя из войны победителями, казалось бы, может теперь без ссоры и раздора поделить мир, — мы видим, что мирное строительство не налаживается. Мы воочию убеждаемся, как это и предвидел Владимир Ильич, что пока существует капитализм со всеми его противоречиями, неизбежны коренные разногласия между отдельными группами капиталистических хищников. Мы видим, что, вопреки пацифистским речам [140]), спешно и

энергично вооружается Франция. Правда, это вооружение подчас происходит в мнимо-мирной форме — под видом развития воздушного флота с научными и прочими гуманитарными целями. Однако несомненно, что французский воздушный флот в несколько раз превышает английский. Против кого вооружается Франция? Не против Германии же, ограбленной, раздавленной и придушенной? Франция вооружается, это понятно всякому, даже буржуазному, политику, против своего ближайшего союзника — Англии [24]). Это обстоятельство вызывает нервозность в английских кругах. И даже рабочее правительство Макдональда [167]), под видом борьбы с безработицей, дает военный заказ... В то же время в Америке и Японии попрежнему пахнет порохом и снова предстоят бешеные траты народных денег на вооружение. А десятки, сотни миллионов трудящихся не забыли ужасов империалистической войны, они всюду утверждают, что войны не должно быть. Вот это настроение трудящихся масс, рабочих масс, не желающих больше проливать кровь во имя процентов на капитал крупнейших промышленников, является лучшей гарантией безопасности СССР.

Германия. Мы видим в Германии временное экономическое улучшение в сравнении с тем, что было там год-полтора тому назад [144]). На первый взгляд кажется, что германские рабочие и германская коммунистическая партия разбиты вследствие того, что год тому назад упустили благоприятный момент и не повели рабочий класс на штурм капитала, на окончательную борьбу за захват власти [96]). Я думаю, что те, которые так рассуждают, неправы. Всякая революция терпит поражение только при двух обстоятельствах: когда господствующий класс хотя и не полностью, но все же удовлетворяет революционные требования масс, и в том случае, когда физические силы масс ничтожны, что обнаружилось на опыте Парижской Коммуны [202]), за который десятки тысяч рабочих заплатили жизнью и свободой. Это имело место и в германской революции. Сейчас положение таково, что германская буржуазия ни в какой мере не в силах удовлетворить основные требования германских рабочих. Экономическое положение этой страны продолжает оставаться катастрофическим,— на ближайшие годы она обречена быть ареной эксплоатации со стороны американских и французских капиталистов. Знаменитый план Дауэса [193]),— это не отрицают даже наши противники,—

обрекает германский рабочий класс на голодную заработную плату [144]), ибо платить налагаемые этим «планом» репарации германская промышленность может только при условии успешной конкуренции с Англией и Францией, а это в свою очередь неизбежно связано с установлением в Германии голодной заработной платы.

Может ли такая перспектива удовлетворить германских рабочих, осознавших непригодность капиталистического строя, перевидавших столько правительств — и социал-демократов, и националистов, и демократов, и «деловой кабинет»? [208]). Само собой разумеется, нет.

Германские рабочие убеждаются на опыте, что в условиях буржуазного строя они не могут ни на иоту улучшить свое положение. Задача овладения властью попрежнему стоит перед германским пролетариатом во весь рост. Уничтожается боевая сила германского рабочего класса... Никто это не может доказать, ибо этого нет в действительности. Когда находишься за несколько тысяч верст от Германии, то иногда очень легко осуждать ошибки германских рабочих и германской коммунистической партии, имевшие место в прошлом году [96]). Но революция без ошибок не бывает. Этому учил нас и Маркс, который говорил, что легко было бы сделать революцию в том случае, если бы можно было заранее в кабинете рассчитать, чем она завершится,— победой или поражением. Революция есть борьба, которая может закончиться и поражением и победой. Ошибку свою германский рабочий класс учел, понял. Германская коммунистическая партия за этот год окрепла, и я думаю, что нет оснований пессимистически относиться к проблеме революции в этой стране. Нужно помнить, что, несмотря на то, что коммунистическая партия была в подполье и коммунисты арестовывались на улице, германские рабочие шесть месяцев тому назад провели около ста депутатов в рейхстаг. Не имея ни средств, ни аппарата, ни возможности открыто агитировать за своих кандидатов, они одержали крупную избирательную победу. Мы видим, что из желания ослабить левое, коммунистическое, крыло боевой отряд фашизма, «деловой кабинет», распускает парламент и идет на новые выборы; этот акт подтверждает телеграмма из Германии. Распустив парламент, «деловой кабинет» сразу приступил к арестам коммунистов. Итак,

коммунисты снова загоняются в подполье и, вероятно, в ближайшее время будут вынуждены перейти на нелегальное положение. Но если в прошлый раз коммунисты собрали голоса и довольно компактной группой вошли в парламент [203]), то несомненно, что они вновь сумеют это сделать.

Вот новая интересная черточка, относящаяся к перемене политики международной буржуазии. Вы знаете, товарищи, что во время войны и в ее начале капиталисты очень легко и довольно ловко маневрировали. На требования рабочих они отвечали: «Сперва кончим войну, затем вы все получите». Война кончилась. Капиталисты кое-что дали из обещанного; правда, не все, но кое-что они уступили рабочим [55]). Когда же военное оживление в промышленности стало падать, а демобилизованные массы начали успокаиваться, во всем мире открылась полоса экономического наступления капитала [123]). Все, что раньше без боя было взято французскими, германскими, английскими рабочими у капитала, теперь с боем отнималось у них. Этот натиск капитала мы наблюдали во всех отраслях промышленности во всех буржуазных государствах — наступление на восьмичасовой рабочий день, на заработную плату, на отдельные льготы рабочим.

Затем наступила полоса так называемого пацифизма [204]), характеризующаяся тем, что буржуазия во всех странах обнаружила некоторую левизну. В Германии социал-демократическое правительство сменило «деловой кабинет». Во Франции полевение буржуазии выразилось в образовании правительства Эррио [205]). В Англии пришло к власти рабочее правительство во главе с Макдональдом [206]).

В настоящий момент мы наблюдаем перелом пацифистского курса,— капитал снова переходит в наступление. Довольно ярко это пока обозначилось в двух странах — в Германии и Англии. В Англии провалилось рабочее правительство, и против него с бешеной стремительностью выступают об'единенные капиталистические партии [167]). В Германии, как мы видели, роспуск парламента сопровождается гонением на коммунистов [203]). Мы предвидели это изменение курса буржуазной политики и не раз говорили, что затишье, одно время наступившее во всех странах, смягчение столкновений между трудом и капиталом неизбежно сменятся новым наступлением капитала. И, действительно, классовая

борьба возобновилась и нашла наиболее яркое, наиболее решительное и характерное выражение в Англии.

Когда я говорю «решительное», то считаюсь с английскими условиями. В Англии, как вы знаете, до последнего времени, до прихода к власти правительства Макдональда, имела место двухпартийная система [2]), т.-е. в стране и в парламенте существовали только две крупных партии — консерваторы и либералы,— сменявшие друг друга на правительственных постах. С приходом к власти правительства Макдональда впервые в истории английского парламента на сцену выступила третья партия — партия рабочих [192]). Эта партия, руководимая Макдональдом, пришла к власти, не имея большинства в парламенте, благодаря тому, что консерваторы и либералы не могли столковаться. И Макдональд, имея в парламенте меньше голосов, чем консерваторы, пришел к власти при поддержке либералов. Если мы станем оценивать правительство Макдональда в отношении того, насколько оно было рабочим, что оно дало рабочему классу, то, думаю, для этого не потребуется особых раз'яснений. Если это правительство могло проводить свои законы и существовало лишь благодаря тому, что опиралось на голоса буржуазной партии либералов, то неудивительно, что в тот момент, когда либералы не пожелали иметь правительство Рабочей Партии, кабинет Макдональда получил поражение и идет на новые выборы.

По какому вопросу состоялся блок либералов с Рабочей Партией и что представляет собою Рабочая Партия? Я думаю, что эти два вопроса интересны для русского рабочего класса. Рабочая Партия представляет собою блок или слияние различных частей, различных организаций, различных партий. В Рабочую Партию входит целиком Независимая Рабочая Партия [207]), в нее входят социал-демократические группы, Генеральный Совет английских тред-юнионов и т. д. Вот все это вместе взятое и представляет собою Рабочую Партию. Несколько организаций, несколько самостоятельных партий об'единяются для борьбы на выборах, для борьбы в парламенте. Существуют ли внутри этой партии какая-нибудь дисциплина, единство мнений, общность программы? Ничего подобного! Ни тени дисциплины, а общности идей в этой партии и быть не может, ибо она является блоком разных партий для избирательной кампании, для парламентской борьбы с либералами

и консерваторами. Перед прошлыми перевыборами в парламент партии разделяли разногласия по вопросу о внешней экономической политике. В то время консерваторы утверждали, что дальнейшее развитие хозяйства страны возможно лишь при установлении соответствующих экономических отношений с колониями и что на основе этих взаимоотношений следует строить внутреннюю экономическую политику, заградившись защитительными пошлинами [195]), направленными против ввоза в Англию чужих товаров. Либералы и Рабочая Партия выступили с иной программой, в которой указывали на то, что дальнейшее развитие английской промышленности возможно лишь на общем мировом рынке, что одни колонии не являются достаточными рынками для английской промышленности.

Товарищи! Вполне понятно, почему рабочее правительство, в значительной степени отражавшее целый ряд требований рабочих, присоединилось к либералам,— для рабочих, конечно, невыгодны были бы заградительные пошлины на ввоз хлеба, масла и т. д. Консерваторы же, во главе которых стояли крупные землевладельцы-помещики, были заинтересованы в ограничении ввоза из-за границы, особенно продуктов питания. Следствием этих разногласий явился молчаливый блок Рабочей Партии с либералами, который был в силе в течение ряда месяцев. Наконец, этот блок распался. Было начато дело коммуниста Кемпбеля [208]). В нынешней избирательной кампании консерваторы и либералы, которые блокируются с консерваторами против Рабочей Партии, открыто говорят: «Мы надеялись, что социалисты будут вести себя приличнее, когда они станут у власти». Целый ряд ораторов — Керзон [160]), Сельсбери [209]), Чемберлен [210]) и др.— говорил, что социалисты вели себя вначале прилично, а затем начали «портиться», после чего их нельзя было оставить у власти. А маркиз Сельсбери откровенно говорил на выборах, что дальше оставлять у власти правительство Макдональда нельзя, ибо у «социалистической собаки мог бы оказаться коммунистический хвост». Этому выражению нельзя отказать в меткости. Вот как хозяева определяют социалистов: «социалистическая собака», которой необходимо дать пинок из опасения, что у нее может вырасти «коммунистический хвост». Как известно, у англичан существует мода рубить хвосты у собак, пока они не выросли, при чем «великодушные»

англичане рубят хвост не сразу, а по частям. До тех пор, пока «социалистическая собака» служила на задних лапках, хозяева ее терпели, а после того как они заподозрели, что у «собаки» может вырасти «коммунистический хвост», они заявили, что Рабочая Партия не может дольше оставаться у власти. Сельсбери прав, когда говорит, что у «социалистической собаки» может оказаться «коммунистический хвост». Он действительно начинает расти, если только то, что растет, можно назвать хвостом и если уместно Рабочую Партию сравнивать с собакой.

Мы наблюдаем, как внутри рабочего класса все ярче и ярче начинает проявляться оппозиционное настроение против правительства Макдональда. Прежде всего правительство Макдональда рисковало разойтись с рабочим классом по русскому вопросу. Сейчас вы мало встретите или почти не встретите,— их можно пересчитать по пальцам одной руки,— английских общественных деятелей, которые рискнули бы на рабочем собрании выступить против России. Английские рабочие никому не позволят такого выступления. Английские деятели, стоящие как на правом, так и на левом крыле рабочего движения,— друзья России. Одни — искренно, другие — из боязни, что их прогонят с места, но все они являются друзьями России, ибо рабочий другого отношения не потерпит. Когда нам пришлось вести мирные переговоры с Англией, то воля рабочих масс ясно выразилась,— и это нашло отклик в профсоюзных верхах — в лозунгах: «мир с Россией», «договор с Россией», «кредит России», «не требовать от России никаких уплат крупным капиталистам» и т. д. В бытность нашу дипломатами нам, профессионалистам, пришлось беседовать, официально и полуофициально, с представителями английских союзов [166]), и мы всегда встречали яркое выражение этой воли рабочих масс. На Англо-Русской конференции, после длительных переговоров, мы убедились, что договор подписать не в состоянии, ибо не могли согласиться на требования, формулированные крупными собственниками, а они, в свою очередь, не соглашались на нашу формулировку. Мы хотели уже разойтись, признав, что все разговоры бесплодны. Однако, через два дня английские чиновники и правительство Макдональда подписали с нами договор, предложив приемлемую для нас формулировку. Перед рабочим правительством Макдональда встала дилемма: либо окончательно

порвать с английскими тред-юнионами, несмотря на свой реформизм почувствовавшими всю фальшь и двусмысленность положения рабочего правительства, которое правит милостью либеральной партии, порвать со всеми этими слоями и со значительной частью рабочих избирателей и окончательно итти на блок с либералами и, может быть, даже с консерваторами против левой части Рабочей Партии, либо прекратить роман с либералами и сделать более решительные шаги навстречу СССР. Макдональд избрал второе. Это не понравилось хозяевам и при первом же удобном случае его прогнали. Правда, Макдональд пока у власти. Но хозяева говорят: мы терпели их у власти до тех пор, пока они вели себя прилично; сейчас они ведут себя неприлично, и мы их больше не потерпим в правительстве.

Хозяева идут еще дальше. Один из наиболее ответственных лидеров (об этом сообщает телеграмма, полученная сегодня ночью), Роберт Хорн [211]), выступая в Глазго, заявил, что все рабочие, которые об'явят забастовку без предварительного правительственного обследования, должны быть лишены избирательных прав на десять лет. В этом заявлении мы усматриваем нечто симптоматичное. Положение таково: на одной стороне — об'единенная буржуазия, на другой — сгруппированный вокруг Рабочей Партии, правда, еще довольно плохонькой, рабочий класс. Господа капиталисты, об'единившись против рабочего класса, начинают отчетливо формулировать свою программу. Во-первых, они хотят воспрепятствовать росту коммунистического движения и с этой целью подготовляют ряд репрессий против коммунистов; во-вторых, они желают установить каторжный режим для всего рабочего класса. Английские рабочие, правда, пока еще не ясно, но несомненно почувствовали важное значение перехода власти к пролетариату. На Гулльском конгрессе [190]) я отметил, что их опыт с властью — очень робкий опыт, но тут же добавил, что аппетит приходит во время еды. И участники конгресса признали это замечание правильным. Мы констатируем, что аппетит уже появился. Борьба началась и развивается. Внутри Рабочей Партии образуется довольно радикальное левое крыло [192]), и это крыло начинает руководить английским профессиональным движением.

Это обстоятельство подтвердилось на Гуллском конгрессе, на котором нам, выступавшим в качестве ваших представителей,

был оказан небывало восторженный прием. На Гулльском конгрессе присутствовали представитель Амстердама Удегест [197]), а также представители реформистских союзов Соединенных Штатов и Канады, но конгресс английских тред-юнионов никого из них не удостоил даже жидкими аплодисментами, нас же,— разумеется, не потому, что мы с тов. Амосовым и другими очень красивы,— встретили бурными овациями. Этот прием выражал настроение английского рабочего класса. В нашем официальном выступлении мы говорили о том, как русский рабочий класс завоевал власть. Когда мы говорили, что русский рабочий класс может требовать, чтобы с ним считались, что за свои идеи он дорого заплатил, что рабочие всех стран должны вести борьбу за единство, за власть пролетариата, участники конгресса отзывались на наши заявления аплодисментами. Внутри английской Рабочей Партии, этого киселеобразного об'единения, явно назревает дифференциация. Она не распадается в силу традиции,— вы знаете, как трудны расколы в партии. Все частицы ее пока крепко цепляются друг за друга и, может быть, еще крепче об'единятся во время выборов. Но процесс расслоения, несомненно, назревает. И если у «социалистической собаки» не вырастет «коммунистический хвост», то во всяком случае у английского рабочего класса,— мы ему этого желаем от всей души,— в скором времени вырастут сперва коммунистические зубы, а затем и коммунистическая голова.

Я хотел бы, товарищи, в двух словах коснуться англо-русского договора [166]), который теперь является яблоком раздора. Суть англо-русского договора, его так называемая «душа», заключается в следующем. Мы согласны подписать с ними договор, по которому обещаем кое-что уплатить их собственникам и капиталистам при том условии, если они предоставят нам выгодный, на соответствующих условиях, заем. Вот наши обязательства. Их же обязательства заключаются в следующем: если мы в приличной форме и в приличном размере хоть как-нибудь компенсируем пострадавших английских собственников и капиталистов, то они обязуются предоставить нам на выгодных для нас условиях гарантированный английским правительством заем, при чем они должны не «дать», а «подписать» заем, т.-е. обе стороны обязаны подписать договор. А мы заявили, что если этот заем будет для нас выгоден, то мы

согласны подписать договор, по которому кое-что дадим и капиталистам. Вот в чем заключается пресловутый «большой» англо-русский договор. Правда, ему сопутствует договор о торговых отношениях, по которому Великобритания признала наши права на монополию внешней торговли, неприкосновенность нашего представительства, а мы предоставили кое-какие льготы английским рыбакам в отношении рыболовства в Северном море, при условии, что Англия берет на себя обязательство упорядочить самое пользование этим правом со стороны рыбаков; к слову сказать, они этим правом фактически пользовались и до сих пор.

Будет ли для нас ударом, если к власти придут консерваторы, будет ли для нас большим ударом, если они не ратифицируют, т.-е. не утвердят договора?

Ни в какой степени. Английская буржуазия все время делала ошибки; мы на это указывали и будем указывать в дальнейшем. Она предполагала, что без английского займа мы никак не сможем обойтись, что мы стоим по горло в воде и только заем может нас спасти. Мы раз'яснили английским лидерам и рабочим, что и без английского займа, даже вопреки противодействию Англии и Франции, мы неуклонно поднимали, укрепляли свое положение, укрепляли свои финансы и довели их до такого состояния, что любая буржуазная страна может позавидовать крепости валюты СССР и его бюджету. Правда, наш бюджет еще очень скуден, беден, очень жесткий для такой большой страны, как наша, но, товарищи, мы имеем важное преимущество перед всеми буржуазными странами: если у нас мало денег и мы нуждаемся, то по крайней мере мы можем сказать, что до сих пор никому ни копейки не должны, ибо актом Октябрьской революции мы «простили» свои долги [94]). Если в нашем казначействе нет особенно больших запасов денег, то нет и миллиардных долгов, и никакие приманки, никакие обещания, никакие уловки,— признайте долги, и мы вас признаем и т. д.,— нас не обманут. При переговорах с английским правительством и при переговорах с английскими кредиторами вопрос о признании наших старых долгов мы связывали с вопросом о предоставлении ими нам займа. Они нам говорили: «Чудаки, о чем вы спорите? Нет у вас денег — ну, и не давайте ничего, мы с вас денег не возьмем. Но признайте ваши долги. Страна вы богатая — в будущем уплатите. Лет пять-десять ничего не будете

платить, а потом помаленьку, по силе возможности, начнете, а мы вам пока займик дадим». На это мы отвечали: «Извините, революцию мы делали сами, хозяйство свое мы строим тоже сами, и у нас сложились новые понятия о праве и государстве. Мы не считаем себя в праве возлагать на будущие поколения тяготы государственных долгов. Мы примем на себя то, что можем уплатить сами, а за наше потомство ручаться не можем, на него мы не можем распространять долги». А они нам в ответ: «Вы не так бедны, как кажетесь, в будущем сможете заплатить; признайте пока в принципе, а платить будете позже». Мы говорим: «Нет. Лучше кое-что дадим сейчас, если вы предоставите нам выгодный заем. О будущем же говорить не станем».

Мы — накануне признания нас Францией [166]). Я повторяю: не рискуя впасть в излишний оптимизм, можно сказать, что это — вопрос двух-трех дней. Но если это признание будет сопровождаться оговорками или оговорочками о том, что оно может иметь место при удовлетворении, при признании долгов и т. д., то из этого ничего не выйдет. Если некоторые капиталисты этого желают, то ведь желать никому не возбраняется: пусть себе желают... Разговаривать на эту тему мы ни с кем не отказываемся, опыт в этом отношении имеем. Если для нас выгодно, мы согласны кое-что дать, но лишь в том случае, если можно кое-что получить и если общий процент будет приемлем для нас. Если же это выгодно не будет,— ведь мы ведем деловые разговоры,— то мы никому ничего не дадим! Мы завоевали власть вооруженной рукой. На эту тему нам приходилось беседовать со многими нашими бывшими крупными собственниками. Мы говорили: «Никому и ничего мы не должны платить,— мы завоевали власть с винтовкой в руках, на фронте. А теперь давайте разговаривать. Ваши фабрики, ваши заводы мы взяли с оружием в руках. Что же вам угодно? Ведь и вы воевали с оружием в руках? О каком же праве вы говорите? Это — наша военная добыча, революционная военная добыча! Вот вы говорите, что хотите кое-что получить. Что же, каждый человек хочет получить что-нибудь хорошее... И мы даже не против того, чтобы вам дать, но лишь в том случае, если вы нам дадите столько, чтобы было из чего вам выделить и чтобы у нас самих кое-что после этого осталось». *(Смех)*. Это — деловая политика. Мы ее придерживаемся и будем придерживаться впредь.

Смешно и глупо со стороны американской буржуазии, наиболее упорной, наиболее рьяной, рассчитывать на то, что мы признаем долги в благодарность за политическое признание. Пожалуйста, не признавайте, а мы *вас* не будем признавать и долгов признавать не станем. Пройдет еще полгода, год, все равно признаете. Торговать-то ведь надо... Чем больше у нас будет денег, чем больше будет восстанавливаться наше хозяйство, тем будут они любезнее, сговорчивее. Франция была раньше непримирима. А теперь — накануне признания нас [166]). Разумеется, не потому, что вместо злого капиталиста Пуанкаре [134]) пришел добрый капиталист Эррио,— такое об'яснение глупо; суть в ином: во Франции миллионы народа видят, что становится невыгодно жить без России. Можно сколько угодно мечтать получить по бумажкам, выданным царем, а торговать-то надо, жить-то надо. Значит, недопустимо, чтобы шестая часть света оставалась вне признания.

Вот чем продиктован новый курс французской политики. Смешно и глупо надеяться кому бы то ни было из них, что они получат от нас принципиальное признание долгов. У нас есть тоже большой счет — за интервенцию [8]). Если положить его на чашку весов, то он окажется очень тяжелым: это — счет крови и слез миллионов крестьян и рабочих. Ни одно восстание белогвардейцев, ни один этап гражданской войны [29]) не обошлись без активного участия французской и английский буржуазии. Что же, *этот* счет должен быть оплачен? Если рассматривать революцию как войну, то разве контрреволюция — не война? Кто же будет платить за разбитые горшки? Итак, как видите, и наш счет достаточно веский. Есть наивные люди, которые смотрят на вопрос иначе.

На Гулльском конгрессе меня познакомили с представителем американского профессионального движения, очень почтенным седым господином. Через переводчика он задал вопрос: «Не понимаю вас, русских; не можете ли вы об'яснить, тов. Томский, как это так — вы хотите получить заем и в то же время не желаете платить старых долгов? У нас в Америке принято, что если кто хочет получить два доллара, то по крайней мере должен заплатить доллар старого долга; я не понимаю иного подхода к делу». Я ответил: «Очень жаль, что вы этого не понимаете», и больше не стал разговаривать. Если, дожив до 50 лет, он не уразумел, что между долгом потребителя лавочнику и между правом

эксплоатируемого экспроприировать эксплоататора есть разница, если почтенный профессионалист этого до сих пор не понял, то он никогда ничего не поймет: в этом неведении его и похоронят. Но весьма показательно для характеристики американского профессионального движения, что его представляют такие лица. Если бы у нас в государственном банке имелись такие средства, которыми мы могли бы заплатить долги западно-европейским капиталистам, то мы наверное употребили бы их на что-нибудь более полезное. Я думаю, что в нашей стране не найдется ни одного крестьянина или рабочего, который хотя бы в какой-нибудь мере почувствовал угрызения совести за то, что в Западной Европе живут бедные, пострадавшие капиталисты, у которых наши крестьяне и рабочие отняли с таким «трудом» нажитые фабрики и заводы. Таких чудаков у нас нет. Это поняли уже германские, французские и английские рабочие.

Я думаю, товарищи, что признание нас со стороны упорствующих пока государств — не за горами. Это — вопрос темпа. Но если в первые годы революции мы бы очень дорого заплатили за признание, потому что в то время оно имело колоссальный смысл, поскольку служило лазейкой в Европу, то теперь признание — товар дешевый, больше того: товар, за который мы ничего не платим. А за хороший заем мы готовы заплатить и заплатим, потому что перед нами попрежнему во весь рост стоит вопрос о нашей тяжелой промышленности [169]). Владимир Ильич незадолго до смерти обратился с письмом к V Всероссийскому С'езду Профессиональных Союзов [212]), в котором подчеркнул задачи, стоящие перед металлической промышленностью. В этом обращении он указал, что построить такое колоссальное хозяйство, восстановить наиболее разрушенную его часть, металлическую промышленность, в старое время питавшуюся крупными военными заказами, весьма трудно, сугубо трудно, почти невозможно без героического напряжения самих крестьян и рабочих. Но ничего невозможного нет. Мы будем и без европейского капитала восстанавливать наше хозяйство, нашу металлическую промышленность, только более замедленным темпом. Мы это внятно сказали англичанам. Мы говорили, что даже старой сохой, завязав где нужно вместо проволоки лыком, вместо металлического гужа — лыком или веревочкой, мы вытащим наше народное хозяйство, мы даже его

уже вытаскиваем и вытащим. Если вы желаете немного поработать на нас,— дайте вместо лыка проволоку, гвоздь. Но вы видите, что мы и так выбираемся на широкую дорогу. Если Западная Европа нужна нам, то ведь мы ей еще больше нужны: шестая часть мира при условии развития правильного товарообмена — не плохой рынок для западно-европейской промышленности. Если займов не будет,— проживем и без них, лишь несколько медленнее будем подвигаться вперед. Нам нужен западно-европейский заем, нам нужен прилив западно-европейского капитала, об этом все время говорил Владимир Ильич, но это не является крайней необходимостью,— и без того мы до сих пор поднимали и поднимаем свое хозяйство; следовательно, обойдемся и в дальнейшем. Нам нужны не деньги, ибо на деньги ничего не сделаешь: привезут нам денег, а они будут лежать в государственном казначействе, на них выпустят червонцы. Но не червонцы создают богатство. Механизирование методов обработки, увеличение числа тракторов, улучшение железных дорог, переоборудование фабрик и металлургических заводов, многие из которых оборудованы еще при Екатерине II [213]),— вот что создает богатство страны и увеличивает ее товарооборот. Заем, конечно, ускорит этот процесс, но и без него мы восстановим наше хозяйство.

Товарищи! Я считаю необходимым, хотя бы в двух словах, коснуться еще одного вопроса — о задачах предстоящего VI Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов [214]). Я полагаю, что перед нами, перед русскими рабочими, и перед нашими профессиональными союзами не стоит, как на старых с'ездах, вопрос о том, *что* делать. Этот вопрос уже решен. Все мы знаем, *что* должны делать во всех областях нашей жизни. Для нас не существует вопроса о том, что такое Октябрьская революция, нужна ли она была, полезна ли она и т. д. Русские рабочие единодушны в этом отношении. Нам уже давно стало ясно, какова должна быть структура союзов, партии пролетариата, советской власти. Мы все знаем, *что* делали и *что* должны делать. Но мы не всегда знаем, *как* нужно делать, мы еще не научились этому. Осуществление прекрасных лозунгов, намеченных год-два тому назад, это — наиболее животрепещущая задача по всем линиям: профессиональной, советской, хозяйственной. Не будет самохвальством сказать, что за два года новой экономической политики [117]) мы,

профессиональные организации, добились огромных результатов. Однако, и на VI Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов перед нами будет стоять целый ряд вопросов. Я считаю, что одним из важнейших вопросов будет, несомненно, вопрос о дальнейшем укреплении, сплочении и расширении наших профессиональных организаций. Кроме того, нам придется решить вопрос о политике в области заработной платы и ее перспективах.

В наших условиях дальнейшее улучшение экономического положения рабочих может быть осуществлено лишь за счет повышения продукции нашей промышленности, за счет удешевления себестоимости продукта. Улучшение экономического положения рабочего класса, производителей и потребителей, и повышение заработной платы может быть достигнуто только путем экономии в производстве. Мы, профессиональные союзы, всегда смело говорили и говорим своим членам всю правду об экономике. Мы не раз призывали своих членов к тяжелым жертвам и самоограничению. И сейчас мы должны прямо сказать: в области повышения заработной платы некоторые отрасли промышленности забежали вперед, надо остановиться на достигнутом уровне [215]). Надо вместе с партией, государственной властью, хозяйственниками и профессионалистами неуклонно, изо дня в день, в будничной работе следить за тем, нельзя ли на чем-нибудь с'экономить, нельзя ли что-нибудь упростить, удешевить. В этом отношении можно добиться серьезных результатов. Начать хотя бы с фабричного двора. Все мы знаем, что представляют собою дворы многих заводов и фабрик: они завалены железным ломом — ни пройти, ни проехать; ходят люди и на полверсте в окружности таскают разные вещи. Рассуждают о том, что хорошо бы перейти на американскую технику, а в то же время пальцем не шевельнут для того, чтобы вставить оконные стекла, починить крышу. Нельзя поставить американскую машину, если с потолка вода каплет. Изо дня в день, в мелочах и в крупном, надо стремиться к тому, чтобы упростить работу, улучшить ее, удешевить.

Все мы говорим о том, что подсобные рабочие отягощают производство: то, что токарь выработает за станком, часто поглощается подсобными рабочими, которые иногда без толка болтаются, работают так же неорганизованно, как до войны. Когда подходят к радикальному решению вопроса, то говорят: «Жалко

народ увольнять». Так рассуждать нельзя. Интересы рабочего класса повелительно требуют быстрого развития промышленности, а прогресс немыслим, если мы не удешевим и не улучшим производства. Такая постановка вопроса исключает сентиментальничание. Кричат о простое станков. Токарный станок работает у нас вдвое меньше рабочих часов, чем в Америке. В чем причина? Давайте скажем правду. В Америке токарю приносят к станку готовый резец любой формы, любого качества стали и любого размера. А у нас часто ходят от станка к станку и спрашивают: «Ванька, у тебя нет инструментальной стали?» Разве так не бывает? Необходимо упорядочить дело. Нельзя ограничиться произнесением речей и утешать друг друга составлением резолюций, в которых говорится: «Вот у нас поднялось производство». А я позволю себе усомниться в том, чтобы можно было, поагитировав две недели, добиться хороших результатов! Не верится. Вот когда мы стекла вставим, двор расчистим, транспортирование частей установим так, чтобы не таскать одну часть из угла в угол, когда сделаем все для того, чтобы производство шло целесообразно: приведем в порядок инструменты, чтобы не были с бору да с сосенки, добьемся того, что токарь во-время будет получать необходимый материал и перестанет искать Ваньку с Егоркой, которые ему болванки поднимут,— когда мы все это проделаем, тогда наше удовлетворение будет законным. Земельные отделы в некоторых хозяйственных органах, не имеющих ничего общего с земледелием, мы упраздним, упраздним и лишние совхозы, лежащие бременем на предприятии [117]), еще раз сократим штат, не на словах, а на деле. Необходимо, чтобы рабочие сами подтягивали кого следует, покрикивали на них, допытывались: «Вы штат сократили? Почему он так велик? Каким он был до войны?» А когда станок работает по-старому, порядки остаются старые, то не приходится ожидать, чтобы кто-нибудь со стороны произвел необходимые улучшения. Вот через полгода соберемся и поговорим о том, что дала работа, и тогда увидим, где что на самом деле улучшилось.

Легче на поворотах. Вспомните предыдущую кампанию по вопросу о производительности труда [216]). Я сам, грешный человек, писал тезисы о трудовой дисциплине [217]); многие из вас это, вероятно, помнят. Резолюция по этому вопросу была вынесена

прекрасная, под'ем длился, может быть, три месяца. Положение стало немного улучшаться. А потом успокоились. Проблема производительности труда чрезвычайно трудна, ее решение должно опираться на правильную организацию труда и производства. Нужно поднять интенсивность труда. Этот ряд важнейших задач не осуществить хорошими резолюциями: «нажмем, братцы, плечом». Такой элементарный прием уместен при работе под «дубинушку». Но в применении к более сложным заданиям «дубинушка» недостаточна: под «дубинушку» можно сломать дверь, а производительность труда под «дубинушку» не поднимешь. Союзы должны изо дня в день наблюдать за работой хозяйственных органов, вести борьбу с накладными расходами и кого следует — подтягивать. Нельзя ограничиваться резолюциями. У хозяйственников не должно быть никаких коммерческих и производственных тайн от союза. Союз может заглядывать и в бухгалтерские книги.

Следующий важный вопрос, который стоит в повестке дня VI С'езда и повседневно дает о себе знать, это — вопрос о кооперации. И здесь нужно говорить не о том, *что* делать, а *как* делать. Вы знаете, что кооперация в будущем явится аппаратом социалистического распределения. Без развития кооперации, охватывающей всех рабочих и крестьян, не может быть социализма. Все мы это знаем, но как обстоит на деле? По каким ценам торгуют кооперативы, чем они торгуют, какого качества их товар? Как подбирается ассортимент, как добиться того, чтобы рабочие в своей кооперации чувствовали себя по меньшей мере так же, как в частном магазине? Почему в частном магазине нам говорят: «чего изволите», «что угодно», «если это вам не подходит, у нас есть другой товар», а когда приходите в кооператив, приказчики стоят без дела и зачастую не желают с вами разговаривать, а когда удостоят ответом, то подчас в грубом тоне? Разве во главе кооперации не члены профсоюзов, разве кооперация не является органом, который должен обслуживать рабочий класс, разве мы не можем научить кого следует вежливому обращению, внушить им, что рабочие — хозяева кооперации? Того, кто не умеет добиться хорошей постановки дела, нужно прогнать с кооперативной работы, какие бы хорошие разговоры он ни вел о кооперации и ее задачах. Ему нужно сказать: «Ты кооперацию не умеешь поставить,— товар у тебя плохого качества, плохо подобран, служащие грубы;

ты хорошо мыслишь о кооперации, а дело ведешь плохо». Для улучшения работы кооперации необходимо привлекать в лавочные комиссии наиболее энергичных женщин — они по этой части сведущи; женщины должны поставить работу в кооперации под строжайший контроль, требуя от своих уполномоченных устранения всех ненормальностей. Вот та ближайшая задача, которую также необходимо отметить на VI С'езде. Другая задача — правильная постановка кредитования кооперации.

Затем одним из наиболее важных вопросов я считаю вопрос о культурно-просветительной работе, о просвещении масс.

Мы еще не изжили позорного наследия царизма — неграмотности. Есть неграмотные и среди членов наших профессиональных союзов. Ближайшая задача союзов — бросить все силы на ликвидацию неграмотности среди рабочих, а также притти в этом отношении на помощь и крестьянству. Это — наша очередная задача. И вторая — шире и глубже развернуть клубную работу, оградить наших членов и всех рабочих от растлевающего влияния буржуазной культуры, от дешевых буржуазных удовольствий.

Другой важнейший вопрос, это — вопрос о нашей международной политике. Вы знаете, что в начале революции мы настойчиво взывали к западно-европейским профессиональным организациям об установлении с нами связи. Они не откликнулись на наш призыв, после чего мы организовали свой Красный Интернационал Профессиональных Союзов [38]). Но вот мы снова получили доступ в Западную Европу, мы устанавливаем дружеские отношения с западно-европейскими рабочими и в первую голову — с английским рабочим классом. В ближайшее время в Москву приедет официальная делегация от английских тред-юнионов [218]), которые таким образом отвечают на нашу поездку на Гуллльский конгресс [190]). Мы видим, что, вопреки той травле, которую поднимают против нас вышвырнутые отсюда рабочим классом меньшевики и эсеры [53]), поддерживаемые их ближайшими друзьями-оппортунистами, шесть миллионов организованных английских рабочих приглашают нас на конгресс, устраивают там бурную овацию русскому рабочему классу и посылают свои делегации для установления дружественных отношений с русскими рабочими. Это, товарищи, кое-что да значит. Мы видим, как волнами, полосами, то более напряженно, то ослабевая, идет наступление капитала

на труд [128]). Мы наблюдаем, как шаг за шагом западно-европейские капиталисты отнимают у рабочих завоевания, добытые ими после войны. Мы, русские рабочие, отчетливо сознаем, что европейский пролетариат накануне целого ряда классовых битв. Рабочее движение всего мира, как никогда раньше, требует сейчас единства и напряжения всех сил перед последней схваткой с капиталом. Мы все время стояли за единство рабочего движения. Мы неоднократно предлагали Амстердаму созвать об'единительную конференцию [54]) и т. д. Из этих переговоров получалась одна лишь ругань. Английские рабочие первые поставили, летом текущего года, на Венском конгрессе [18]) вопрос об об'единении с русскими профессиональными союзами. Завязалась переписка. Конгресс постановил начать переговоры с русскими о их вступлении в единый Интернационал. Мы обсуждали этот вопрос на последнем конгрессе Коминтерна [48]); были колебания, которые изжиты, и теперь все левое крыло международного рабочего движения единогласно и дружно проводит кампанию за единство.

Вы, вероятно, читали в газете известное обращение Амстердамского Интернационала, в котором он приглашал нас наметить место свидания для переговоров на условиях, выдвинутых Венским конгрессом. Мы ответили, что согласны установить срок свидания, встретимся где угодно, но без всяких условий. Если буржуазные государства не победили нас как государство, то амстердамские оппортунисты нас и подавно не победят. Давайте разговаривать без всяких условий, вежливо, по-товарищески. Так мы им ответили. Последний конгресс в Гулле единогласно постановил добиваться от Амстердамского Интернационала более активных шагов по пути единства рабочего движения. Разумеется, меньшевики и эсеры, проживающие за границей, подняли против нас бешеную кампанию, пытались запугать западно-европейских оппортунистов тем, что русские коммунисты идут на штурм; при этом они цитируют одну фразу из моего доклада на конгрессе Профинтерна [88]). Да, мы идет на штурм Амстердама и не скрывали этого на Гуллском конгрессе. Мы говорили всем английским рабочим, что мы за единство рабочего движения, за единый Интернационал профессиональных союзов. Мы согласны ликвидировать Профинтерн, если будет ликвидирован Амстердамский Интернационал. Мы согласны создать вместо двух интернационалов новый

единый Интернационал, согласны работать вместе с оппортунистами, но мы ни на минуту никого не обманываем и не говорим, что ошибаемся в наших идеях и в понимании международных задач рабочего класса. Несколько дней тому назад мы получили новое послание из Амстердама, которое будет завтра опубликовано в газетах. Они пишут: «Мы бы рады встретиться с вами, но не знаем, что вы собою представляете,— сперва раз'ясните нам это».

Какая наивность! Четыре года ругались с нами, палили, что называется, изо всех пушек, затем, под давлением английских рабочих, постановили вступить с нами в переговоры на предмет создания единого Интернационала, и вдруг не знают, что мы собою представляем... Скажите, какая наивность! Но кампания за единство обязывает нас, и мы отвечаем вежливым товарищеским письмом, которое будет завтра опубликовано.

Основную сущность нашей программы мы, конечно, сформулировали самым скромным образом. Мы за беспощадную классовую борьбу. Будут ли они разговаривать с нами на этой платформе? ЦК РКП и конгресс Коминтерна одобрили полностью нашу линию, и VI Всероссийский С'езд должен будет также ее одобрить и подтвердить. Но многим из наших профессионалистов непонятно, как после всего происшедшего между нами и оппортунистами мы войдем в одну организацию и будем сидеть за одним столом в Интернационале. Возможна ли социалистическая революция в Западной Европе без завоевания профессиональных союзов? Разве не была бы раздавлена в первые же дни Октябрьская революция, если бы против советской власти выступили профессиональные союзы? Разве возможна была бы победа в Москве, если бы московские союзы металлистов, текстильщиков и деревообделочников были против советской власти и Октябрьского переворота? Эта победа была бы немыслима. Может ли всерьез осуществиться диктатура пролетариата против воли профессиональных союзов, которые находятся под влиянием реформистов? Нет. И вот поэтому мы должны, выставляя *свои* лозунги, но сидя за *одним* с ними столом, принять участие в рабочем движении Западной Европы, координируя его с русским движением. Мы не спрашивали рурских горняков [121]), кто они — реформисты или принадлежат к другим профессиональным союзам. Мы шли им на помощь, не ставя такого вопроса. Рабочие об'единялись в профессиональные союзы

независимо от политических убеждений. Борьба может быть успешна только под руководством рабочей партии, но под руководством своей Рабочей Партии английский рабочий класс не сделает никакой революции. Для того, чтобы совершить революцию, ему нужна другая партия — коммунистическая, которая поведет его на бой!

Разве не стоит для того, чтобы завоевать миллионные массы рабочих, войти в один Интернационал с реформистами? Разве не стоит сплотить западно-европейские рабочие колонны в процессе борьбы? Кто не понимает значения этого шага, тот ничего не понимает. Мы — за единство. Западно-европейские рабочие стоят перед серьезнейшими, из ряда вон выходящими событиями. В это время поддержка шести миллионов русских рабочих им будет очень важна, но для этого мы должны быть в одном Интернационале. Что реформисты будут вставлять нам палки в колеса,— это верно, но если шесть миллионов русских и шесть миллионов английских рабочих соединятся, то это составит колоссальную силу. С такой армией можно пойти и на штурм Амстердама. Вряд ли Амстердам выдержит, когда двенадцать миллионов кулаков будут стучать в дверь. Тут и глухой проснется!

Подводя итоги нашему международному и внутреннему положению, а отчасти и успехам профессионального движения, мы видим все стоящие перед нами трудности, всю сложность задач, выдвигаемых практической жизнью. Эти задачи рабочий класс может разрешить только в процессе борьбы, постепенно переходя от решения простейших к более трудным задачам, как нас учил и Владимир Ильич. В непрерывной борьбе идет рабочий класс к победе, к социализму. Семь лет тому назад, как раз в это время, за две недели до Октябрьского переворота, нас называли «безумными фантастами» [73]). О нас говорили: «Они ожидают западно-европейской революции, они убеждены, что в Германии скоро вспыхнет революция; они уверены, что русский рабочий класс, неграмотный, невежественный, способен без интеллигенции выйти из войны, из хозяйственной разрухи; они утверждают, что для преодоления хозяйственной разрухи необходимы новые силы и что ими не может располагать ни одно правительство, кроме рабоче-крестьянского». Ни одно правительство не может,— это правильно, никакая сила, кроме рабочего правительства, кроме

диктатуры пролетариата. Мы уже пережили то время, когда интеллигенция была против нас, и дожили до такого момента, когда она поняла свою ошибку, перестала бороться с нами. Она поняла, что рабочий класс победил в борьбе. Хозяйственную разруху мы постепенно, с трудом, но изжили. Все ужасы прошлых лет остались позади. Те самые правительства, которые рассматривали нас как банду разбойников и раньше утверждали, что у нас национализируют женщин, теперь начинают признавать нас [166]). И если еще есть упорствующие, то в недалеком будущем жизнь заставит и их изменить позицию. Мы создали крупнейшие рабочие организации, которые начинают задавать тон международному рабочему движению. Чем дальше, тем громче будет звучать наш голос.

Вот краткие итоги того, что мы пережили за эти шесть лет. Я думаю, что эти итоги дают нам право уверенно сказать, что, и дальше укрепляя свою организацию и идя рука-об-руку с действительной партией рабочего класса — Российской Коммунистической Партией — идя под знаменем, завещанным нам Владимиром Ильичем Лениным, пользуясь его методами,— русский рабочий вместе с пролетариатом всего мира осуществит свои задачи и выполнит историческую миссию всего рабочего класса: освободит эксплоатируемых, обездоленных и угнетенных от гнета империализма и капитализма!

Неопубликованный доклад на V Московском губернском с'езде металлистов 24 октября 1924 г.

Ответ на выступления английских делегатов на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР.

Товарищи! Я думаю, что правильно выражу общее настроение с'езда, если от имени представленных в этом зале русских организованных рабочих поблагодарю рабочих Великобритании, в лице их представителей [218]), за братский привет. *(Аплодисменты).*

Уже при открытии с'езда я указал, товарищи, что каковы бы ни были препятствия, которые встанут на пути международного пролетариата, на пути об'единения рабочих всех стран в единую братскую семью, самый факт пребывания здесь представителей английского рабочего движения, наиболее культурного в организационном отношении, является гарантией того, что будут сломаны все рогатки и осуществится в ближайшем будущем то, о чем говорил в своей речи тов. Зиновьев [219]). Дело это длительное и нудное, и, конечно, оно не представляется нам и не может представляться как простое вхождение русских союзов в Амстердам [18]), как это следует из тех предложений, которые до сих пор мы получили [220]).

До сих пор мы, к сожалению, получаем предложения войти на тех или иных условиях при соблюдении в той или иной степени «достоинства» Амстердамского Интернационала. Для нас, для русских союзов, такое условие неприемлемо и вообще непонятно, так как все наши поступки, каждый шаг русских союзов мы рассматривали всегда и исключительно под углом зрения интересов рабочего класса. Мы считаем, что медленно, но верно приобретая с каждым днем все новых и новых сторонников, мы добьемся того, что рабочий класс и его союзы поймут настоятельную необходимость создания нового, единого Интернационала без всяких условий и оговорок о «достоинстве». Этим, и только этим путем, по нашему мнению (о чем более подробно мы будем говорить на этом с'езде потом), может осуществиться единство рабочего класса.

Та теплая встреча, которую мы имели на Гулльском конгрессе английских тред-юнионов [190]), и та горячая симпатия, которая проявляется сегодня в этом зале по отношению к английским рабочим, несомненно, являются гарантией того, что будут достигнуты взаимное понимание и солидарность. Мы, конечно, кое-чему в Англии выучились. Мы выучились не только тому, как разумно и практически поступают английские тред-юнионы в области делопроизводства, счетоводства и т. д. Мы увидели не только то, как хорошо организованы некоторые отрасли народного хозяйства у опытной, культурной английской буржуазии. Мы воочию убедились в правильности утверждения Владимира Ильича о том, что если нам сравнительно легко было добиться власти, но трудно было удержать ее [94]), то английским рабочим будет еще труднее взять власть, но легче удержать ее. Перед ними — сильная, сплоченная буржуазия, имеющая сотни газет с миллионным тиражом, буржуазия культурная, умная, совсем не такая, какая была у нас. Эта буржуазия чинит английскому рабочему классу целый ряд препятствий, и ему труднее взять в руки власть. Но с тем аппаратом, который он получит в свое распоряжение, когда он все же эту власть возьмет, он сможет легче организовать свое государство.

Мы научились и еще кое-чему. На опыте Англии, на практике англо-русских переговоров [166]) мы убедились еще кое в чем, относительно чего у нас еще были тогда сомнения. У нас иногда возникал вопрос, не слишком ли мы размахнулись во время Октябрьской революции и не слишком ли многое мы поломали? Мы превратили весь старый государственный аппарат в лоскуточки и должны были построить новый. И порою казалось: не чересчур ли мы хватили?

Мы познакомились с опытом английского рабочего класса, посмотрели, как у власти стоят представители рабочей партии [192]), опирающиеся, как на главную базу, не на английскую Независимую Рабочую Партию, а на тред-юнионы; затем мы убедились, что аппарат английских тред-юнионов и его представители, которые сегодня здесь присутствуют, нам целиком симпатизируют, что они полностью на нашей стороне. Я должен сказать, что все присутствующие здесь товарищи в вопросе о долгах, например, стояли на такой точке зрения: «ни копейки не давайте

английской буржуазии» *(аплодисменты)*, они всячески нас поддерживали, когда мы добивались кредитов. Это были не только слова, а искреннее, глубокое убеждение.

Но когда мы приезжали в министерство иностранных дел, то там мы встречались с другими людьми. Мы увидели, что, хотя во главе министерства находился очень честный, добросовестный мистер Понсонби [221]), фактически всем управлял старый чиновничий аппарат, оставшийся от консервативного правительства,— аппарат, который проводил не ту политику, которой хотели лучшие люди рабочей партии, а ту, которой желал он сам. И тут мы укрепились в убеждении, что правильно мы сделали у себя дома, вдребезги разбив наследие старого государства! *(Аплодисменты)*. И мы полагаем, что когда английские товарищи в свою очередь посмотрят, чего мы достигли за это время, в каком положении у нас находится хозяйство,— правда, оно очень мизерно в сравнении с английским,— то они не в теории только, а на практике убедятся, что представляет собою СССР. Они увидят также, как смешна болтовня английских капиталистов, которые говорили: «Нельзя кредитовать русских, потому что они могут быть нашими конкурентами в морском деле». Это мы-то, у которых еще значительная часть страны сохой ковыряет землю,— мы вдруг начнем конкурировать с Англией!

Оглядываясь на пройденный нашим рабочим классом путь, мы пожелаем представителям английского пролетариата, чтобы в результате знакомства с нашей страной они вынесли убеждение: «правильно сделали русские рабочие, что первым делом расшибли старый, буржуазный аппарат и построили свой новый!» Если они придут к этому убеждению, если это убеждение будет передано английскому пролетариату и крепко засядет в головах английских рабочих,— английский же рабочий класс, несомненно, получил аппетит к власти и почувствовал, что еще до сих пор на самом деле у власти не был [167]),— то со свойственной им добросовестностью и последовательностью английские рабочие сделают из этого надлежащий вывод и по-настоящему возьмут власть. А насчет того, как эту власть взять, постепенно ли, так, чтобы не было больно капиталистам, или же сразу, по-русски,— насчет этого, по-моему, сомнений быть не может. Во всяком случае, товарищи, мы с своей стороны, от имени с'езда, еще раз благодарим

английских товарищей за их приветствие. Я благодарю их от имени рабочих за то товарищеское отношение, которое мы и как представители профессиональных союзов, и в качестве советских дипломатов встретили у английских товарищей, за тот радушный прием, который они оказали нам в Гулле. Я,— да думаю, что и все вы,— уверен, что их ближайшее знакомство с Советской республикой, с нашими рабочими, с нашей жизнью, с нашим уменьем жить и переживать тяжелые годы, не теряя бодрости и веры в пролетарскую революцию, с нашим уменьем строить новую жизнь по-своему, без помещика и капиталиста,— что все это кое-чему научит и их и заставит английских рабочих правильнее смотреть на дело завоевания власти. *(Аплодисменты).*

Опубликовано в стенографическом отчете VI С'езда Профсоюзов СССР. Изд. ВЦСПС. Москва. 1925 г.

Наша переписка с Амстердамом.

Товарищи! Я думаю, что для нас, русских рабочих, нет и не может быть сомнений в вопросе о необходимости единства международного рабочего движения. *(Аплодисменты)*. Решение VI С'езда Профессиональных Союзов [214]), представлявшего 6½ миллионов организованных рабочих, свидетельствует о намерениях русского рабочего класса, и мне не нужно доказывать необходимость и важность установления единства международного профессионального движения.

Однако, считаю долгом, особенно сейчас, хотя бы в нескольких словах напомнить принцип, которым мы руководствуемся в определении нашей тактики в международном рабочем движении, как и в каждом шаге нашей деятельности. Это необходимо потому, что, как вы знаете, вокруг вопроса о единстве создается много шума не только в Западной Европе, но и за океаном [222]). Вы знаете, что очень многие хотят вокруг этого вопроса так замутить водицу, чтобы в ней нельзя было разглядеть рыбки.

Деятельность наших профессиональных об'единений целиком продиктована интересами мирового пролетариата, ведущего борьбу за окончательное свержение капитала, за освобождение труда от капиталистического гнета. В нашей тактике мы не можем руководиться не чем иным, кроме интересов рабочего класса и его классовой борьбы. Именно так мы смотрим на вопрос, и мы хотели бы, чтобы все союзы, союзы всего мира, подобным же образом оценивали каждый свой шаг, особенно в деле единства.

Интересы рабочего класса в Западной Европе и во всем мире требуют сейчас более нежели когда либо единства и концентрации рабочего движения.

По окончании войны казалось, что экономическое движение рабочих сделало некоторые успехи. Действительно, западно-европейский капитал пытался некоторыми подачками свести рабочих

Западной Европы с революционного пути. Уступки, которые капитал делал рабочим, вернувшимся после империалистической войны измученными, исстрадавшимися, но и научившимися владеть винтовкой, играли для него роль того масла, которое корабль выливает в море во время бури [228]). Мы слышали, как «мудрецы» из лагеря реформистов [11]) говорили: «Зачем нам быть такими глупыми, как русские рабочие? С трудом, с кровью и со страданиями они ведут борьбу за осуществление социализма. А вот мы тихо, мирно, без всякой революции, без борьбы — спокойненько,— добились целого ряда уступок от капитализма. Идя этим путем,— постепенно, полегоньку, сегодня — уступочка, завтра — уступочка,— рабочий класс в один прекрасный день проснется, наконец, в царстве социализма, не заметив, как он туда пришел».

Мы видим, что это не так, что те реформочки, те завоевания, хотя бы и на экономическом фронте, которые рабочему классу удалось получить ценой колоссальных усилий, у него отбираются [123]).

Мы теперь видим, что рабочему классу во всем мире приходится бороться за удержание этих уступочек, что пролетариат стоит перед угрозой наступившего после империалистической войны колоссального кризиса. Сейчас ни у кого уже нет сомнения относительно того, что в более или менее непродолжительном времени Западная Европа изживет эпоху пацифизма [204]). Правительство Макдональда [206]) в Англии уже уступило место правительству Болдуина [224]). На примере наиболее мощных капиталистических стран, в частности Англии, мы убеждаемся, что пацифизм [140]) оказался мыльным пузырем.

В Англии мы наблюдаем,— английские товарищи могут это подтвердить, я говорю об этом в их присутствии,— в высшей степени дерзкое, граничащее с нахальством, поведение консерваторов в отношении рабочих и, правда, глухую, но все-же несомненную угрозу по адресу тред-юнионов [225]). В английских условиях такое развязное поведение является характерным политическим симптомом, свидетельствующим о том, что разбойная империалистическая политика начинает резко обостряться во всем мире. На примере Египта [226]) и Китая [101]) мы получаем лишнее подтверждение того, что мир ни на иоту не избежал опасности

новой войны. Подобно тому, как раньше яблоком раздора для всего мира являлся «балканский вопрос» [24]), теперь источником потрясений является и будет таковым оставаться проклятый «германский вопрос»: план Дауэса [193]) — второй по счету мыльный пузырь.

Не шутка, товарищи, наглое поведение крупной буржуазии Англии после эры пацифизма; весьма серьезен тот факт, что эти господа осмеливаются, правда, очень осторожно, угрожать английским тред-юнионам — могущественной организации. К сожалению, должен сказать, что их наглость укрепляется двусмысленным поведением лидера Рабочей Партии [192]) Макдональда [206]). Что обнаружила столь нашумевшая история с «письмом Зиновьева»? [227]) Разве не более нежели двусмысленное поведение лидера Рабочей Партии? Между тем именно на этом вопросе Рабочая Партия должна была дать бой. И мы уверены, что английские тред-юнионы, которые являются основной базой Рабочей Партии, сумеют одернуть зарвавшихся консерваторов, дадут им отпор. Мы уверены, что английские тред-юнионы извлекут известный урок из опыта рабочего правительства и наглого поведения консерваторов, использовавших для победы на выборах так называемое «письмо Зиновьева»,— то письмо, которое является для всех явно подложным, особенно теперь, когда авторитетнейшие представители британских рабочих ознакомились с делами Коминтерна [48]) и перед всем миром установили наглый подлог. После этого, какая цена консервативному правительству!

Мы уверены, и воочию видим это на опыте Англии и Германии, что во всем мире капитал ни в какой степени не намерен встать на путь пацифизма. Для нас очевидно, что наступление на рабочий класс продолжается и что корень этого наступления — в плане Дауэса. И перед лицом этой грозной опасности мы спрашиваем всех, кто честно и правильно понимает интересы рабочего класса: нужно ли единство рабочего движения? Всякий, кто подходит к разрешению вопроса так, как подходим мы,— с точки зрения классовых интересов пролетариата,— ответит, что единство нужно, единство необходимо.

Что это очевидно для всех, кому дороги интересы рабочего класса, мы заключаем из опыта наших взаимоотношений с английскими профессиональными союзами. Англо-Русский Комитет [228]),

который мы намерены создать и который, мы не сомневаемся в этом, будет создан, является величайшим актом солидарности и показывает, что двенадцать миллионов рабочих Англии и Союза Советских Республик понимают, что рабочему классу предстоят величайшие бои, и что к этому вопросу они подходят исключительно с точки зрения международных интересов пролетариата.

К сожалению, не все это понимают. Мы видим, что самый акт создания Англо-Русского Комитета профессиональных союзов, самая идея его создания предполагает сомнения в способности Амстердамского Интернационала [18]) понять необходимость этого единства.

Если бы ни мы, ни английские товарищи в этом не сомневались,— зачем бы тогда создавать Англо-Русский Комитет? К сожалению, мы находим подтверждение нашим сомнениям в повседневной деятельности Амстердамского Интернационала.

Я не стану приводить подробностей истории нашей переписки с Амстердамом [220]). Сообщу лишь о последнем сюрпризе, переданном сегодня по телефону из Москвы,— письме, полученном от Амстердамского Интернационала. Вы помните смысл и содержание последнего нашего обращения. Мы обменялись письмами. Мы говорили: «Единство необходимо». «Единство необходимо»,— подтверждали они. Таким образом, обе стороны сходятся на признании необходимости единства, тем самым как-будто устанавливая необходимость встретиться и поговорить, чтобы наметить пути к этому единству. На деле, однако, получается иное. После того,— это ни для кого не секрет,— как мы бешено ругали друг друга, критиковали и разбирали по косточкам (даже наши западно-европейские товарищи, сочувствующие нам и дружественно настроенные, не раз говорили: «Очень уж вы Амстердам ругаете!» Да, грешны в этом. Но, товарищи, ведь и нам попадало, а мы — не вегетарианцы. После всех этих дискуссий мы получили письмо, в котором нас просят сообщить, каковы наши убеждения и принципы. Нас спрашивают об этом после Венского конгресса [13]), после того как мы ясно сказали, что собою представляем, после крупной полемики и длительной переписки! И при этом они заявляют: им кажется, что нас разделяют глубокие принципиальные разногласия, а не только оттенки в тактике. Что ж,

в любом собрании, в любой обстановке, в свободное время, мы никогда не откажемся с кем угодно обсудить и продискутировать наши принципы,— в чем-в чем, а в робости нас не упрекнешь... Разве кто-нибудь думает, что если мы создадим единый Интернационал, то Томский сразу найдет общую платформу с Удегестом [197]), а Удегест с Томским? Мы не думаем, чтобы Удегест или Зассенбах [19]) сумели убедить нас в своей правоте, и не имеем смелости предполагать, что нам удастся переубедить Удегеста или Зассенбаха. Их не переубедишь,— таких людей только могила переубеждает.

Мы предлагаем: давайте вместе бить капитал, создадим для этого единую организацию, оставаясь каждый при своем убеждении. Это — общая проблема, отдельные же конкретные вопросы давайте рассматривать особо. Будут разные мнения — не беда: мнения будут отстаиваться и проверяться на практике борьбы. Вот как надо смотреть на это дело. Никто из нас не предполагал, что мы отбрасываем свои идеи и принципы, равно как никто из нас не требовал, чтобы люди, которые имеют не меньший, чем мы, стаж политической деятельности, сразу бросили свои принципы и навыки и об'единились на платформе отказа от принципов. И вдруг нас спрашивают о принципах! Мы отвечаем: мы непрочь с вами говорить о принципах вообще, а сейчас давайте соберемся и выясним, какие принципы должны быть положены в основу единства международного рабочего движения. Мы полагаем, что наиболее целесообразным было бы создание, путем слияния обоих Интернационалов, одного Интернационала, со включением в новый Интернационал тех, кто еще не входит ни в один из сейчас существующих. Как это сделать? Мы думаем, что было бы наиболее правильным созвать для этого Всемирный Конгресс, но мы согласны обсуждать и всякое другое предложение. Где тут хоть намек на то, что мы ставим какие-нибудь условия? Мы говорили только о том, что считаем справедливым. Если они с нами несогласны, мы готовы обсуждать их предложения. Каковы наши принципы? Основной и руководящий принцип — признание непримиримых противоречий классовых интересов труда и капитала. Отсюда непримиримая, последовательная борьба класса наемных рабочих против класса капиталистов за окончательное освобождение труда.

Вот что мы написали. И после этого мы читаем если не официальное, то официозное заявление генерального секретаря Амстердамского Интернационала о том, что русские союзы заявили, что они — за классовую борьбу [229]). Мы всегда за классовую борьбу, но мы говорим: давайте на практике установим, что такое классовая борьба.

Затем, оказывается, у них имеются сомнения насчет нашего отношения к рабочему законодательству и к вопросу о войне. Они не уверены в том, за социальное законодательство мы или против него. Мы согласны поставить в порядок дня любой международной конференции вопросы о войне и о социальном законодательстве. Мы будем предлагать в основу обсуждения наш Кодекс Законов о Труде [230]). Если он недостаточен и плох, то пусть авторитетная конференция выработает кодекс, обязательный для всей Европы, а мы примем всякие поправки, направленные к улучшению этого кодекса.

На любой авторитетной конференции, будь то конференция рабочих организаций или государственных представителей, мы согласны поставить с полной ясностью также и вопрос о войне в наиболее радикальной форме: полное разоружение, право наций на самоопределение [136]) и отделение от тех государств, в которых они состоят.

И вдруг после этого генеральный секретарь Амстердамского Интернационала сомневается, достаточно ли у нас революционности... Мы получили сейчас новое письмо. «Мы заключаем,— говорится там,— что вы не желаете об'единиться с Амстердамом» (на основе его положений,— прибавлю).

В самом начале, когда в первом письме нам было предложено об'единиться с Амстердамом на основе его статутов, резолюций и уставов, мы заявили, что на конгрессах Амстердама участия не принимали, статутов его не обсуждали, за них не голосовали. У вас есть статуты и резолюции, которые вы считаете хорошими. У нас о них несколько другое мнение. Но ведь нужно сказать, что если бы этого другого мнения у нас не было, то нам нечего было бы и переписываться. Тогда мы заявили бы: желаем вступить в ваш Интернационал, признаем ваши статуты, ваши резолюции, всю вашу тактику. О чем было бы тут говорить? Но ведь потому-то так называемый «русский вопрос» [220]) в международном движении

и является важнейшим и спорным вопросом, потому-то он с наибольшей решительностью и был поставлен на Венском конгрессе [18]) присутствующими здесь товарищами-англичанами, что существуют *две* точки зрения. Ведь в такой постановке вопроса и заключается величайшая заслуга английского профессионального движения. Разве это так просто? Но если нам говорят: есть статуты и резолюции в Амстердамском Интернационале, давайте на основе их будем разговаривать, то тут и разговаривать нечего. О чем тут разговаривать? Получите с нас членский взнос, сколько причитается, и только...

В письме, довольно напыщенном, говорилось о «достоинстве» Амстердамского Интернационала. Мы говорим, что не «достоинство» определяет нашу практику. Может быть, у них имеются очень хорошие статуты и резолюции. У нас тоже есть очень хорошие резолюции и статуты. Мы согласны принять во внимание их статуты и резолюции, если они, на равных условиях, примут во внимание наши. Мы — не побежденные. Нас никто нигде и никогда не победил. Наше профессиональное движение ни с кем в войне не было. И в дискуссии, которая велась без голосования миллионных масс рабочих Западной Европы, мы тоже себя побежденными не считаем. Соберите действительных представителей рабочих масс Западной Европы, и тогда посмотрим, кто выйдет победителем. И вот, после того как мы внятно сказали: давайте говорить, исходя из классовых интересов международного рабочего движения,— и ваше и наше «достоинство» гроша ломаного не стоит в сравнении с интересами десятков и сотен миллионов угнетенных,— мы получили письмо от Удегеста.

Они говорят, что Венский конгресс дал им определенную директиву. Но что такое директива? Существует ли директива в интересах международного рабочего движения или международное рабочее движение существует для директивы? Человек для субботы или суббота для человека? Мы знаем, что директивы бывают хорошие и плохие. Хорошие, это — те, которые совпадают с интересами международного рабочего движения. Плохие же с этими интересами не совпадают. Приходится обсуждать, что это за директивы. Если же дело пойдет так, если будут заниматься обсуждениями, да обсуждениями уже обсужденного, то мы далеко не уедем!

До сих пор дело единства подвигается вперед черепашьим шагом. И даже не черепашьим шагом, а еще медленнее: два шага вперед — три шага назад, шаг вперед — два шага назад, и т. д. Это — какой-то вальс. Вокруг одного вопроса все время происходят совещания для рассмотрения предшествующих предположений. Задача Англо-Русского Комитета единства [228]), который мы намерены создать, заключается в том, чтобы он, с достоинством организации, за которой стоят двенадцать миллионов организованных рабочих, сказал свое слово о том, как надо вести дело единства, чтобы бросить эту игру в заседания, которые собираются для обсуждения вопроса об... «отложении обсуждения». У нас явилось сомнение,— когда я говорю «у нас», то я разумею наши русские союзы и союзы, представленные присутствующими здесь товарищами и друзьями,— сомнение в том, действительно ли так скоро осуществит Амстердамский Интернационал дело единства международного рабочего движения. И вот, в результате этих сомнений, зародилась идея создания Англо-Русского Комитета. Я думаю, что теперь для сомнений как-будто нет места,— ясно, что мы и английские товарищи поступили правильно. Переписка, ссылки на номера бумаг, на статуты, назначение заседаний для назначения даты другого заседания через три месяца, и несколько дней спустя — снова собрание для назначения даты следующего заседания, которое должно окончательно выбрать делегацию и наметить директивы,— вот что мы видели со стороны Амстердама. Так дело единства серьезно не ведут. Письмо Удегеста начинается упреком: «Мы видим, что вы не хотите единства». В таком случае, зачем же вести скучный, никому не интересный роман в письмах?

Товарищи! Полагаю, что на этом заседании вы от имени ленинградских рабочих, передовых пролетариев СССР, подтвердите правильность взятой нами линии, одобрите наши намерения и намерения наших друзей, английских товарищей, о создании действенного органа, задача которого — побуждать недействующие органы к осуществлению единства. Дело рабочего движения, которое взяли в свои руки двенадцать миллионов русских и английских рабочих, не будет заморожено, оно подвинется вперед, ибо нет такой силы, которая могла бы воспрепятствовать их ясно выраженной воле. Этот мощный блок будет расти как снежный ком.

Делегация Конгресса Британских Тред-Юнионов, прибывшая в СССР 10 ноября 1924 г., у мавзолея В. И. Ленина.

(Первый ряд: Д. Бромлей, Г. Смит, Б. Тиллет, Б. Тернер, Ф. Брамли; *второй ряд:* около Б. Тиллета — А. Финдлей и А. Персель).

Рабочие других стран убедятся в никчемности амстердамских предложений, им надоест слушать сообщения о перенесении заседаний. Уже прошло то время, когда русского рабочего можно было отгородить от всего мира колючей проволокой, броненосцами и танками [8]). Если в борьбе против русских рабочих не помогла колючая проволока империалистов, то никакие профчиновники в мире не задержат дела единства канцелярской отпиской и крючкотворством!

Неопубликованная речь на заседании Ленинградского ГСПС 12 декабря 1924 г.

Кто победил?

Вокруг последнего постановления [231]) Амстердамского Интернационала [18]) по вопросу о взаимоотношениях с русскими союзами и по вопросу о единстве происходят довольно оживленные прения в западно-европейской печати в форме интервью с различными деятелями Амстердамского Интернационала, примыкающими как к правому, так и к левому крылу. Этот спор сводится к двум толкованиям данной резолюции и к оценке результатов последнего заседания Исполкома под углом зрения, кто одержал победу: правые или левые? Весьма дружественно расположенные к нам видные лидеры [201]) английского профессионального движения склонны толковать эту резолюцию как результат победы левых над правыми. В их толковании резолюция Амстердама ни в какой степени не связывает русские профессиональные союзы какими бы то ни было предварительными условиями в деле созыва конференции между Амстердамом и ВЦСПС по вопросу о практическом осуществлении единства международного рабочего движения. Несколько иначе толкуют эту резолюцию Удегест [197]) — вождь правого крыла Амстердама, Стенгюис [232]) — автор этой резолюции и «Форвертс» [233]) — газета немецких социал-демократов. Эта группа прямо и откровенно заявляет, что по существу эта резолюция является выполнением постановлений Венского конгресса [13]) и ни на иоту не идет дальше, что теперь русские союзы обязаны: либо выразить согласие вступить в Амстердам — и лишь после этого Амстердам согласится разговаривать с русскими союзами о тех или иных деталях их вхождения, либо прервать всякую переписку по вопросу о единстве.

Для того, чтобы определить истинный смысл этой мудреной и архидипломатической резолюции и отношение к ней советских профессиональных союзов, следует несколько вернуться назад и вспомнить историю наших взаимоотношений с Амстердамом и определить: что нового в эти отношения внесла эта резолюция?

Изменяет ли это постановление и в какой степени позиции правых и в какой степени идет навстречу желаниям ВЦСПС? Сущность нашей переписки сводилась к следующему. В то время как Амстердамский Интернационал из'явил желание встретиться с нашими представителями для обмена мнений на платформе венской резолюции, т.-е. *при условии предварительного признания нами устава и статутов Амстердамского Интернационала на предмет нашего вступления в таковой,* мы выражали желание встретиться с представителями Амстердамского Интернационала *без всяких предварительных условий* для обмена мнений во всей полноте по вопросу об установлении единства международного профессионального движения, рассматривая эту встречу как первый шаг к практическому осуществлению этого единства. Разногласия весьма немаловажные, которые сводились к двум противоположным платформам, кратко выраженным таким образом. Мы говорили: *совместная конференция ВЦСПС и Амстердама по вопросу об установлении единства международного рабочего движения без всяких предварительных условий.* Амстердамцы говорили: совместное совещание представителей ВЦСПС с представителями Амстердама *на основе резолюции Венского конгресса,* т.-е. при условии признания нами устава и статутов Амстердама. Правильность и справедливость нашей платформы целиком разделялись представителями английских профессиональных союзов, которые выступили на последнем заседании Исполкома Амстердамского Интернационала с такой платформой: конференция Амстердама с советскими профессиональными союзами *без всяких предварительных условий,* как первый шаг к практическому осуществлению единства международного рабочего движения. Эта резолюция была отвергнута тринадцатью голосами против шести английских голосов; *следовательно, в этом вопросе правые одержали несомненную и безусловную победу над левыми.*

Прошла резолюция Стенгюиса четырнадцатью голосами против пяти английских голосов,— резолюция, которая теперь уже официально изложена в обращении Амстердамского Интернационала к ВЦСПС. *Англичане голосовали против этой резолюции. Резолюция прошла против их голосов.* Где же здесь победа левых? Если эта резолюция является тем же или почти тем же, что предлагали наши английские товарищи на расширенном Исполкоме

Амстердамского Интернационала, то непонятно, почему они голосовали против этой резолюции. Если это — не то, а нечто совсем другое,— откуда здесь победа левых?

Рассмотрим по существу содержание этой резолюции, насколько она соответствует основной нашей платформе,— совместное совещание ВЦСПС с Амстердамским Интернационалом без всяких предварительных условий. Резолюция гласит: 1) «что МФПС [18]) готова *принять ВЦСПС, когда последний выразит желание в этом смысле»,* и 2) «МФПС равным образом заявляет о своей готовности *созвать в Амстердаме* совещание с ВЦСПС в целях обмена мнений *так скоро, как это окажется возможным, после того* как ВЦСПС доведет до сведения *о своем желании присоединиться к МФПС*».

Итак, с одной стороны, это, конечно,— не то, что первоначально в своей резолюции предлагал Удегест, т.-е. просто без лишних разговоров совершенно разорвать переписку с ВЦСПС. Однако, это — совсем и не то, что предлагали представители английского профессионального движения на заседании МФПС. *Это — совсем другое.* На самом деле *МФПС согласна созвать* совещание с ВЦСПС, *но лишь при условии, если ВЦСПС* выразит согласие войти безоговорочно в Амстердамский Интернационал. На что это похоже? *На совещание без всяких предварительных условий* или на совещание *при определенном условии,* т.-е. при условии безоговорочного согласия ВЦСПС войти в Амстердамский Интернационал?

Правда, на первый взгляд это постановление как-будто бы выглядит уступкой, потому что в нем не упоминается ни о «статутах», ни о «конституции». Но это только известная внешняя, видимая, формальная уступка. На самом деле безоговорочное желание ВЦСПС войти в Амстердамский Интернационал в той форме, в какой он в данный момент существует, является не чем иным, как выражением желания войти в организацию, которая живет и существует *на основе имеющихся у нее статутов и конституции.*

Далее, интервью Удегеста отчетливо расшифровывает истинный смысл предстоящего совещания в понимании действительных хозяев Амстердамского Интернационала. При таких условиях немудрено, что в их толковании совещание явится переговорами

«о деталях» этого вхождения и, по тексту резолюции, будет созвано тогда и «так скоро, как это окажется возможным». Кто определяет и должен определить эту «возможность»? Конечно, тот, кто «созывает». Если раньше в переписке говорилось *о встрече* представителей ВЦСПС и МФПС, то теперь ясно говорится, что Амстердамский Интернационал *«созывает»* такое совещание, да еще тогда, когда «это будет возможно». Где? — Да у себя в Амстердаме! Иными словами, наше предложение (с которым были, повидимому, согласны английские товарищи) о переговорах *двух равных сторон по вопросу о практическом осуществлении единства профессионального движения в международном масштабе* подменено вопросом безоговорочного вступления ВЦСПС в Амстердамский Интернационал, который *после* заявления со стороны ВЦСПС *о желании* вступить в *такой* Амстердамский Интернационал, какой он есть, т.-е. при его уставе и при его статутах, *созывает* тогда, когда *он найдет возможным* (фактически, когда захочет), *совещание,* которое, как ясно расшифровывает Удегест, должно лишь *выяснить детали* о форме и технике самого вступления. Что же это: то же самое, что поддерживало левое крыло Амстердама или это что-то другое?

Мы полагаем, что это то же самое, что нам раньше предлагал Амстердамский Интернационал, пожалуй, даже несколько хуже по существу, хотя и мягче по форме.

Кто же победил — левые или правые?

Судя по той уверенности, с которой английские товарищи, без сомнения, весьма расположенные к нам, утверждают, что правые не победили, а победили они, мы можем в таком случае сказать, что *правые обманули товарищей англичан.* Мы бы затруднились сказать, что лучше или что хуже. Английские товарищи, повидимому, недостаточно еще осознали политический смысл амстердамского сражения левых и правых и истинный смысл его результатов — пресловутой резолюции Стенгюиса. Равным образом они недостаточно внимательно, как нам кажется, вдумались в содержание самой резолюции. Мы уверены, что, внимательно вдумавшись в смысл минувшего сражения и в его результаты,— в пресловутую резолюцию,— товарищи англичане придут к единственно возможному выводу, *что теперь дело за созданием Англо-Русского Комитета единства.*

В ближайшее время этот вопрос должен стать на разрешение Президиума ВЦСПС. И каково бы ни было его решение, мы твердо уверены, что оно будет вытекать целиком из классовых интересов международного пролетариата и восстановления единства его профессионального движения.

Мы уверены, что ВЦСПС при принятии того или иного решительного шага по этому вопросу целиком согласует таковой как с интересами всего международного революционного движения, так и с ближайшими союзниками русских профессиональных союзов — английскими тред-юнионами. Мы надеемся, что руководители британских тред-юнионов, правильно отражающие стремление английских рабочих к восстановлению единого рабочего фронта, поймут, наконец, что они потерпели поражение и обмануты, что резолюция Амстердама идет вразрез с их стремлениями. Как это ни печально, но это нужно признать, не скрывая, дабы это послужило уроком на будущее и правильным тактическим выводом в настоящем.

Опубликовано в газете «Труд» 21 февраля 1925 г., № 43.

Положение международного рабочего движения.

Доклад на Англо-Русской конференции в Лондоне[234]) 6 апреля 1925 г.

Товарищи! Я стою перед опасностью повторения перед вами тех некоторых положений, которые как-будто нам всем очень хорошо известны. Тем не менее я считаю необходимым более или менее обстоятельно изложить точку зрения союзов СССР, чтобы те выводы, к которым мы приходим, были ясны и для вас.

Мы полагаем, что борьба рабочих за улучшение своего экономического положения и за осуществление своих конечных идеалов никогда так настоятельно не требовала установления единства международного рабочего движения, как в тот исторический момент, который мы переживаем. Мы видим, что капитал во всех странах продолжает наступление[123]) на рабочих. В той или иной стране он на момент задерживает это наступление, приостанавливает его, чтобы затем снова начать. *Мы видим, что повсюду экономическое положение рабочих теперь хуже довоенного положения; в некоторых странах оно грозит и дальнейшим ухудшением.*

Мы видим на опыте угольной и металлургической промышленности, что интересы капитала интернациональны; наиболее больные места — уголь и металл — вполне ясно показывают, что ухудшение экономического положения рабочих в одной стране немедленно отзывается на экономическом положении рабочих других стран.

Если это верно в отношении угля и металла в Европе, то это столь же верно в отношении угля, металла и остальных отраслей промышленности в неевропейском масштабе,— в масштабе общемировом. Мы видим сейчас, что там, где экономическое положение рабочих хуже, где их организации слабее, где рабочие

наиболее бесправны, где наиболее плохо рабочее законодательство, где капитал имеет возможность более откровенно и открыто эксплоатировать рабочих, не наталкиваясь на их организованное сопротивление в лице сильных профессиональных союзов, мы видим, что капитал этих стран имеет возможность конкурировать со странами, в которых лучше положение рабочих, лучше рабочее законодательство, сильнее сопротивляемость рабочих и где в силу этого, говоря на современном капиталистическом языке, «повышается себестоимость производства». Мы все ясно чувствуем даже на опыте такого передового капитала, как английский, что в данный момент, *после войны, капитал идет не по линии усовершенствования орудий производства, дабы поднять производительность труда, а по линии наименьшего, на первый взгляд, сопротивления, наиболее беззастенчиво переходя к экстенсивному методу эксплоатации рабочей силы, удлинению рабочего дня и понижению заработной платы.* Для всех очевидно, что если в одной стране рабочий-углекоп или металлист будет работать 8 часов, а в другой стране будет работать 12 часов, то это отзовется на положении рабочих, работающих 8 часов, тем, что они в силу промышленной конкуренции будут иметь не меньшее, а большее количество безработных, ибо их промышленность будет свертываться. Это верно по отношению ко всем капиталистическим странам с сильно развитой промышленностью, это же верно в отношении стран полуколониальных и колониальных. Мы видим, как американские предприятия переносятся в Египет, Китай, Индию. Мы видим, что война и Версальский мир даже такую страну с сильно развитой промышленностью, как Германия, превратили в полуколониальную страну, и там рабочий день в горной и металлообрабатывающей промышленности стремятся довести до десятичасовой нормы.

Все это вместе взятое достаточно указывает на необходимость единого, сплоченного, концентрированного международного рабочего движения.

Мы знаем, что *минувшая война ни в какой степени не разрубила узла противоречий капиталистического мира* [24]). Мы знаем, что те противоречия капитализма, которые вызвали эту войну, остаются в полной силе и теперь. Мы все знаем и видим, что на островах и на побережье Тихого океана попрежнему сталкиваются и обостряются противоречия капиталистических интересов

Америки и Японии [101]). Мы видим, что и внешне-дружеские отношения между Францией и Великобританией непрочны. Мы видим, что Балканы попрежнему продолжают быть тем тлеющим угольком, из которого снова может вспыхнуть сперва костер, а потом и пожар мировой войны. Мы видим, что все капиталисты, пострадавшие от русской революции, попрежнему являются тем ферментом контрреволюционного брожения, который вызывает попытки и покушения на новую интервенцию в СССР. На какую бы точку карты мира мы ни взглянули, мы увидим, что повсюду рабочему классу угрожает опасность мировой войны. Наконец, мы знаем, что капитализм так же порождает войны, как цветок — аромат, это — его свойство.

И мы знаем, что *пока существует система капитализма, пока ее не уничтожат рабочие, до тех пор будут войны.* В тот или иной момент они лишь оттягиваются, замедляются в зависимости от степени сопротивления рабочих, степени их организованности.

Здесь мы подходим ко второму вопросу,— к тому, что задача рабочей организации не исчерпывается только экономическими интересами, что экономические и политические интересы рабочих в данный момент сливаются. Общие задачи классовой борьбы рабочих против капитала, если исходить из оценки всего международного положения, сугубо требуют все того же единства международного рабочего движения не в узких формах национальных об'единений, не в узких рамках «континентальных об'единений». Идею «континентальных интернационалов» [235]) мы поэтому считаем неправильной и ошибочной. Но у нас сейчас есть не один, у нас есть несколько интернационалов. Мы видим в Америке свой Интернационал [235]), в Европе мы видим Амстердамский Интернационал [13]), в который входят британские союзы, мы видим Профинтерн [38]) — «Московский» Интернационал, в который входим мы, мы видим Интернационал анархистов [235]), мы видим целый ряд национальных об'единений, не входящих ни в какой из существующих интернационалов. Наконец, и самые национальные об'единения, за редкими исключениями, не едины. Мы видим три организации в Чехо-Словакии [128]); мы видим две почти равносильных организации во Франции [128]); мы видим в целом ряде других стран параллельные профессиональные об'единения, в то время как

капиталисты, прекрасно понимающие свои интересы, по отношению к рабочим всегда выступают единым фронтом. Даже тогда, когда капиталисты дерутся между собою из-за дележа рынков, за право эксплоатации рабочих отсталых национальностей,— даже тогда по отношению к рабочим их политика едина. Поэтому мы считаем неправильной идею «континентальных интернационалов», поэтому мы считаем вредным для дела классовой борьбы рабочих существование нескольких интернационалов, которые, в сущности, группируют рабочих по их политическим убеждениям. Перед лицом капитала, в борьбе за свое окончательное освобождение, рабочий класс един; у *рабочих всех стран, независимо от их национальностей, религиозных и политических убеждений, есть одно общее, что их об'единяет,— общность их экономических, классовых интересов, как продавцов своей рабочей силы, в их борьбе против всей системы капитализма и против покупателей этой рабочей силы — класса капиталистов.*

Мы поэтому считаем, что предпосылкой единства международного рабочего движения в широком масштабе является необходимость единства в национальном масштабе. Конечно, мы знаем, что нас пытаются во многих враждебных нам кругах изобразить так, что мы, выступая за единство рабочего движения, стремимся на самом деле к каким-то расколам. Наоборот, с полным сознанием своей ответственности перед лицом представителей английских тред-юнионов мы говорим, что мы — за единство национального рабочего движения. Мы считаем, что *без национального единства не может быть единства международного, не может быть крепкого, дееспособного интернационала.* А положение рабочего класса во всем мире, опасность войн и задачи экономической борьбы таковы, что они требуют не только роста механической связи, но они требуют крепкого, сплоченного, концентрированного в едином, крепком и дееспособном рабочем интернационале рабочего движения.

Для того, чтобы определить, дает ли выход из создавшегося положения резолюция Стенгюиса [232]), принятая Генеральным Советом Международной Федерации профессиональных союзов [231]), мы должны хотя бы в кратких чертах коснуться вопроса о том, что представляют собою советские профессиональные союзы. Я позволю себе в нескольких словах обрисовать их историю.

В 1917 г. русские рабочие свергли капиталистическое правительство и взяли власть в свои руки. В январе 1918 г. наш первый с'езд профессиональных союзов единогласно постановил, что задача русских союзов — стремиться к установлению связи с западно-европейским рабочим движением [4]). Во исполнение этого постановления в 1918 г. мы два раза обращались ко всем рабочим организациям по единственно доступному нам тогда способу, так как мы были кругом блокированы,— по радио [54]). Больше того: при первой возможности мы отдельными письмами пытались восстановить наши связи с западно-европейским рабочим движением. Мы не получили на эти письма никакого ответа. В 1917 г., если память мне не изменяет, в Берне [25]) состоялась первая международная конференция профессиональных союзов побежденных стран под руководством германских профессиональных союзов из германских, австрийских и профессиональных союзов прочих стран, которые во время войны были на стороне германской коалиции. Хотя конференция эта происходила спустя несколько месяцев после русской революции, мы видели, что там не было ни слова сказано о ней, не было дано ей никакой оценки, не было никакого желания посмотреть, что делается в России, что делают русские рабочие. Мы не видели с той стороны никакого желания установить хотя какие-нибудь сношения с нами. В отношении французских и английских профессиональных союзов дело обстояло еще хуже, потому что они были еще дальше от нас и потому что с ними еще труднее было восстановить связь.

Мы упорно повторяли эти попытки в 1919 г., но они тоже ни к чему не привели. Мы видели, что центром рабочего движения в 1919—1920 гг. становится Бюро Труда при Лиге Наций [34]). Мы же не могли добиться никоим образом, чтобы с нами, профессиональными союзами русских рабочих, хотя кто-нибудь захотел разговаривать. Капиталисты блокировали нас как государство [27]); профессиональные союзы Западной Европы, в лице их Интернационала, блокировали нас как профессиональные союзы революционных рабочих, изолировали нас от международного профессионального движения.

Все это, вместе взятое, вынудило нас в конце 1920 г. создать новый Интернационал профессиональных союзов [38]). Он рос, конечно, в борьбе. Лишь с того момента, когда мы организовали

этот Интернационал совместно с представителями других союзов, нас заметили, и это «внимание» выразилось в том, что нас начали весьма энергично ругать. Каждая драка имеет своих «вегетарианцев», рекомендующих другой стороне не сопротивляться. Мы все знаем, что если одна сторона бьет, а другая сторона не вегетарианствует, то она дает сдачу.

Конечно, это не содействовало *единству* международного профессионального движения. Изложенную последовательность событий мы можем доказать документами, развернув всю нашу переписку [179]) с Амстердамским Интернационалом. Она имеет два периода. Сначала она сводилась к полемике. По внешности переписка как-будто и с той и с другой стороны ведется вокруг вопроса о необходимости создания единого фронта для борьбы с наступлением капитала, фактически же это была полемика перед всем миром, притом в довольно резкой форме.

Второй период нашей переписки с Амстердамским Интернационалом относится уже к «новой истории». Эта «новая история» начинается с Венского конгресса [13]), на котором застрельщиками, инициаторами дела единства явились, с одной стороны, представители британских тред-юнионов (от которых выступал официально Брамли [176]), с другой стороны — тов. Эддо Фиммен [198]). Я утверждаю, что с этого момента начинается вторая стадия нашей переписки. Если вы просмотрите эту переписку внимательно, вы увидите, что с нашей стороны действительно были проявлены добрая воля и желание встретиться с представителями Амстердамского Интернационала, стремление найти общий язык, выяснить то общее, на чем мы можем об'единиться, для того, чтобы, действительно, не на словах, не только в полемике говорить о единстве международного рабочего движения, а *приступить к его практическому осуществлению, считаясь с тем фактом, что мы, русские профессиональные союзы, находимся в другом Интернационале. Уже тот факт, что с Амстердамским Интернационалом начинаем говорить мы, ВЦСПС, а не Профинтерн, свидетельствует, что с Профинтерном не желают разговаривать, хотя за ним, помимо русских союзов, стоит половина французского профессионального движения, около половины чехо-словацкого и т. д.* Никто с Профинтерном не пожелал разговаривать о том, как, наконец, установить единство международного профессионального движения. Все,

наконец, знают, что различные профессиональные союзы СССР неоднократно обращались с тем же предложением к различным международным секретариатам [65]). Все 23 центральных комитета [93]) профессиональных союзов СССР настойчиво добивались (перед международными секретариатами отдельных профессиональных союзов) включения их в общее русло рабочего движения. Наши центральные комитеты получали до сих пор один ответ: «До тех пор, пока вы не войдете в Амстердамский Интернационал, до тех пор, пока не признаете наших статутов и резолюций, пока не измените своей тактики, мы с вами разговаривать не станем».

Товарищи! Мы не меньше другой стороны признаем, что, конечно, есть очень многое, что нас разделяет, и мы тем не менее говорим: несмотря на то, что нас разделяет очень многое, если мы действительно признаем единство конечных интересов всего рабочего класса, единство задач и интересов его международной борьбы с капиталом, неужели мы не можем попытаться найти то общее, что нас всех об'единяет?.. Здесь я могу сказать, что нам до сих пор отвечали по-чиновничьи: «До тех пор, пока вы не войдете в Амстердамский Интернационал, пока не признаете статутов и резолюций, до тех пор мы не можем вас включить», — так отвечали нам по всему фронту, всем нашим центральным комитетам. Лишь один из наших центральных комитетов, союз пищевиков [236]), включили в международное об'единение. Но теперь, вероятно, уже обсуждается вопрос о том, как его исключить. Совершенно неправильно ставят вопрос, — это можно видеть из всей переписки и всех действий, — пристрастно ставят вопрос и по отношению к союзу пищевиков, несмотря на то, что он все делал для того, чтобы сохранить добрые отношения. Взять хотя бы письма, которые пишутся ему. Я утверждаю, что вы не найдете в переписке всех международных секретариатов аналогичных по грубости писем. Только *русскому* союзу пищевиков пишут такие письма. Так пишет только сюзерен своему вассалу, но никогда рабочая организация — рабочей организации. Вот как обстояло здесь дело.

В чем же заключалось наше желание, наши «большие» требования, направленные к представителям международной федерации профессиональных союзов? Мы говорили: давайте встретимся за одним столом, выясним то, что нас разделяет, поищем общее, что нас об'единяет. Исходя из интересов международного

профессионального движения, найдем общие пути и организационные формы для того, чтобы об'единить международное рабочее движение. Нам на это (до последнего заседания) отвечали: «На основе признания наших статутов и наших резолюций...» На это мы резонно отвечали, что трудно требовать от людей признания тех резолюций, в обсуждении и принятии которых они не принимали никакого участия. Мы в ответ на требования к нам тоже выставили очень «радикальное» требование: давайте встретимся без всяких предварительных условий!

Входя в Профинтерн, мы во имя дела единства не стали цепляться за формальности и проявили полную добрую волю именно к тому, чтобы встретиться, выяснить, найти общие формы, приемлемые для обеих сторон. Мы сказали: давайте встретимся и хотя бы только заслушаем разумные предложения той и другой стороны. Там, где две стороны сходятся, встречаются, они могут во многом не согласиться друг с другом, но надо поискать то, на чем согласиться можно. Как же иначе осуществить единство международного рабочего движения перед лицом существующего в нем раскола? Как обеспечить единство рабочего движения во Франции, в Чехо-Словакии? Во Франции существуют две конфедерации профессиональных союзов, не такие сильные, как об этом пишут; у них приблизительно одинаковая система учета своих членов, по данным которой они приблизительно равны. Мы требовали только одного: давайте сойдемся без всяких предварительных условий, а нам все время говорили: для того, чтобы с вами встретились и стали разговаривать, вы должны принять наши условия... Мы утверждаем, и я думаю, что каждый здравомыслящий человек с этим согласится, что *так говорят только с побежденными, что это — непристойный для рабочей организации тон, непристойное отношение одной рабочей организации к другой рабочей организации*...

Что же предлагает нам сейчас резолюция Стенгюиса, которая принята большинством Амстердамского Интернационала? Она говорит: если вы заявите о своем желании вступить в Амстердамский Интернационал, то тогда лишь и только после этого мы согласны с вами встретиться. Я теперь спрашиваю товарищей: будьте добры, скажите об'ективно, есть ли это встреча без всяких предварительных условий или с предварительными условиями? Это

те же самые предварительные условия... Мы добиваемся только того, что совершенно справедливо выставила английская делегация в своей резолюции в Генеральном Совете Амстердамского Интернационала, она требовала того, чего мы добивались и продолжаем добиваться. Вот почему мы считаем, что были правы и доказали свою полную искренность в деле единства, заслужили абсолютное доверие английских товарищей. Если бы предложение Стенгюиса выражало уступку со стороны большинства Амстердамского Интернационала, то английские товарищи не голосовали бы, наверно, против этой резолюции. Мы знаем товарищей Перселя и Брамли, мы знаем, что они не принадлежат к числу политически неопытных людей, не знающих, как голосовать.

Что же по существу представляет резолюция Стенгюиса? Попытку путем кажущегося компромисса, а на самом деле повторением того же, что было до сих пор, создать *видимость* уступки. Мы говорим: давайте обсудим вопрос о единстве, о том, как его осуществить, мы согласны обсуждать в самой спокойной атмосфере каждое разумное предложение без всяких предварительных условий нам говорят: «Мы согласны на уступки. Сперва вы заявите о том, что вы входите в Амстердамский Интернационал и тем самым разрываете со своим Интернационалом, выходите из него, а потом, после этого, мы согласны встретиться с вами». Я спрашиваю: что это — встреча и обсуждение вопросов без всяких предварительных условий или с предварительными условиями? Мы утверждаем, что это — их прежняя тактика. Что значит: принципиально изъявить желание о вхождении в Амстердамский Интернационал? Позвольте задать каждому об'ективно мыслящему человеку этот вопрос. Это значит: мы заявляем перед всем миром, что мы разрываем со своим Интернационалом, что нам нет никакого дела до того, что будет с французскими профессиональными союзами, которые были связаны с нами организационно, нет никакого дела до Чехо-Словакии, до других организаций, входящих в Профинтерн. Вот что это значит. Такие условия предписываются кому? Только побежденным... Наше рабочее правительство в свое время подписало позорнейший Брест-Литовский мир [8]). Но тогда к нашему горлу был приставлен штык германского солдата,— солдата, который взял Псков, который двигался на Ленинград и Москву. Подписали мы

мир с одним из самых сильных империалистических правительств, с кайзерским правительством Вильгельма. А со стороны рабочей организации пристойно ли другой рабочей организации предлагать такой Брестский мир? Мы считаем это неправильным, несправедливым, мы считаем это недостойным рабочей организации.

Я спрашиваю товарищей: дает ли нам резолюция Стенгюиса хотя какую-нибудь гарантию в том, что после принятия ее хотя в какой-нибудь степени будет обеспечено осуществление единства международного рабочего движения? *Теперь, когда мы входим в другой Интернационал и не вошли в Амстердам, с нами говорят как с побежденными — «мы с вами поговорим после того, как вы к нам войдете!» И у нас нет никаких оснований верить в то, что, когда мы войдем туда как побежденные, к нашему голосу хотя в какой-нибудь степени будут прислушиваться.*

Товарищи! Сейчас западно-европейская пресса — и не только буржуазная — полна всяких россказней о нас, полна обвинениями нас в неискренности, полна целой кучей аргументаций против нас, аргументаций таких, которые столь же заслуживают внимания, как все те россказни о советском государстве, которыми была полна буржуазная русская белогвардейская пресса. Все по-старому повторяются россказни о том, что фактически за спиной ВЦСПС не стоит никакого профессионального движения, да и профсоюзов в СССР нет! Доходят даже до того, что утверждают, будто и рабочих в СССР нет! Приходится прямо удивляться: кто же тогда выгнал из Советской республики буржуазию? *(Голоса:* «Сама себя выгнала!..» *Смех).* Рабочих там нет, а буржуазия отчего-то бежала... И профсоюзов-то никаких нет там... Однако, по утверждениям некоторых, главнейшим затруднением на пути к получению в СССР тех или иных концессий являются наши профессиональные союзы. Западно-европейские капиталисты нам не раз говорили: «При наличии ваших профсоюзов опасно брать концессии». Мы можем когда угодно вывести за собой рабочие массы на улицу; мы можем,— и это мы доказывали не раз и докажем цифровыми данными, — в самые тяжелые моменты звать рабочих, и рабочие единодушно идут за нами на чрезвычайные жертвы, лишения, денежные пожертвования. Нас боятся западно-европейские капиталисты. После этого говорить о том, *какие* есть профсоюзы в СССР, конечно, не стоит!

Выдвигается такой аргумент: профсоюзы СССР ничего не могут дать международному движению, — стоит ли с ними считаться? Когда в Амстердаме обсуждается вопрос об Италии, где 200.000 организованных рабочих [51]), с особенностями этой страны считаются; когда обсуждается вопрос о палестинском профессиональном движении, которое об'единяет 8 тысяч рабочих, — это заслуживает внимания МФПС. А вот когда говорят о СССР, о его профсоюзах, об'единяющих 6.500.000 рабочих, да не просто рабочих, а тех рабочих, которые стоят у власти и держат эту власть в своих руках, о рабочих страны, которая охватывает одну шестую часть света, — те же люди говорят, что для международного рабочего движения союзы СССР ничего не могут дать. Либо эти люди ничего не понимают, либо не хотят понять...

Мы с вами говорим совершенно искренно. Товарищи! Вы — тоже деятели профессионального рабочего движения, за каждым из вас стаж на этом поприще не меньший, чем за каждым из нас. И вы знаете, что если бы мы хотели дипломатничать, хитрить, то мы могли бы, пожалуй, принять предложение Стенгюиса. Мы этого не сделали. Принять такое предложение — это значит поставить себя в опасность запутаться. Мы бы могли заявить, что принципиально согласны на вхождение, мы могли бы это сделать. Но мы сделали бы целый ряд оговорок и потребовали бы на них ответа. Однако, мы на это не пошли. Мы имеем дело с миллионами рабочих, к нашему голосу прислушиваются десятки миллионов, это — не преувеличение. Тут, товарищи, хитрить нельзя; хитрить можно с одним-двумя, но с массой хитрить нельзя, и мы не хотим хитрить. Пускай хитрят против нас... Мы считаем, что тот, кто начнет массам говорить неправду, тот всегда запутается — без этого не обойдется.

Странно, что в то время, когда капиталистические государства одно за другим признали против своей воли, скрепя сердце, государство советское, признали его и установили с ним дипломатические отношения,— странно и дико, что в то же время рабочая организация, Амстердамский Интернационал, не хочет признать другую рабочую же организацию, русские профессиональные союзы, не хочет с ними разговаривать, приводит детские, никуда не годные доводы: русские хотят войти для того, чтобы разложить Амстердамский Интернационал, для того, чтобы развратить

западно-европейское рабочее движение... Кстати, даже ваши газеты, к стыду даже английской буржуазной прессы, повторяют эту самую детскую болтовню: бойтесь представителей русских профессиональных союзов, их задача — развратить рабочее движение и руководителей британского профессионального движения! Как-будто, с одной стороны, какие-то маленькие, чахленькие, недоношенные детишки, а с другой стороны — убеленные сединами, обремененные тяжким опытом, искушенные политики. Возраст наших делегатов не позволяет нам похвастать перед вами нашей солидностью. *(Смех).* Опыт у нас небольшой — больший на вашей стороне. Если мы можем не «развратить», а повлиять, то тот, кто влияет, тот сам подвергается опасности испытать на себе влияние другого.

Мы добиваемся встречи с Удегестом [197]), Жуо [17]), Зассенбахом [19]) и всеми руководителями Амстердамского Интернационала. Пожалуйста, влияйте на нас, сколько хотите! Что тут дурного? *Разве рабочее движение должно застыть в консервативных рамках, разве нужно бояться каждого соприкосновения с опытом рабочего движения другой страны? Что же тут худого, если опыт одной страны будет отзываться на опыте другой страны? Из взаимного влияния и обмена опытом вырабатывается коллективный опыт международного рабочего движения.* Мы ничего дурного тут не видим. Пожалуйста, мы согласны, пускай влияют на нас, мы не боимся чужого влияния, не боимся, что нас «развратят», собьют с нашего ортодоксального революционного пути. *Если люди убеждены в том, что то, что они делают, то, за что они борются, есть истина, они не боятся никаких чужих влияний.* Если мы настолько сильны, как нас изображает буржуазная пресса, значит за нами действительно есть сила, значит за нами — истина. Вы, товарищи, однако, не бойтесь, хотя буржуазная пресса и выражает большое опасение за вас... *(Смех).* Она изображает дело так, что вот, с одной стороны, английские пай-мальчики в чистеньких штанишках, свеженькие, вымытые, причесанные, а с другой стороны — приехали рыжие, грязные, страшные, лохматые уличные мальчишки *(Смех).* Я думаю, что буржуазная пресса одинаково ошибается во всех своих оценках. Странно такое упорство и такое нежелание встречи с нами со стороны Амстердама, смешны эти аргументы.

Если люди сомневаются в нашей искренности, то неужели же мы-то такие наивные дети, что поверим искренности Зассенбаха, Жуо и Удегеста?! Насколько мне известно, Удегест заявил на заседании Астердамского Интернационала, что я отказался от какой-то полемики с ним. Когда я был на Гулльском конгрессе [190]), то я действительно сказал, что там, на этом конгрессе, не место полемизировать с Удегестом. Я думаю, что вы тогда целиком одобрили мое заявление и признали, что было бы действительно странно, если бы полемику о Профинтерне и Амстердаме мы начали с Удегестом на Гулльском конгрессе. Я считаю неверным и второе дошедшее до меня заявление Удегеста о том, что он мне предлагал частное свидание и я отказался. Я такого предложения не слышал, так как ни от кого его и не получал. Хотя если бы это было и так, меня удивляет, зачем бы Удегесту устраивать частное свидание? Что такого у нас с ним секретного, в чем заключается опасность нашей открытой встречи с Удегестом? Почему он не хочет официальной встречи с союзами СССР? Почему Удегесту не передать официального, открытого приглашения через Брамли [176]), через любого товарища об этой самой встрече? И почему Удегест, если у него была такая мысль, не побоялся бы быть «развращенным» и «обманутым» при встрече со мною с глаза на глаз, а боится этого, если мы встретимся в компании с Жуо, Зассенбахом и др.? Я утверждаю, что оба эти заявления неверны, неправильны.

Чтобы покончить с этими россказнями, наша делегация считает необходимым указать на детские выпады, которые имели место со стороны некоторых представителей Амстердама. Так, например, Удегест спрашивал: «Действительно ли русские профессиональные союзы стоят за социальное законодательство?». Он сомневается, чтобы это было так. На это мы можем ответить только: пусть Удегест проведет в Голландии русский Кодекс Законов о Труде, и тогда все, что он проведет свыше этого для голландских рабочих, мы целиком примем и проведем у себя в СССР.

Во-вторых, он сомневается, действительно ли русские профсоюзы против войны. Мы предлагаем любой рабочей организации созвать капиталистов и предложить, чтобы военная техника и численный состав войск были уменьшены пропорционально

населению. Мы утверждаем, что СССР будет первым в этом деле, и русские профсоюзы гарантируют это.

Третий вопрос, задаваемый Удегестом, — действительно ли русские союзы стоят на почве классовой борьбы с капиталом? Если то, что произошло в России в октябре 1917 г. [94]), называется союзом с буржуазией, то мы *за* такой союз. Если то, что мы сделали со своей буржуазией, называется по-голландски альянсом, а не классовой борьбой, мы, профсоюзы СССР, за такой альянс.

Может ли после этого резолюция Стенгюиса вызвать у нас хоть какое-нибудь доверие? Не может она его вызвать, особенно после ее толкования со стороны Жуо, Удегеста и самого Стенгюиса. То толкование, которое эти довольно солидную роль играющие в международном профессиональном движении лица дали резолюции, не может оставлять места для сомнений в ее подлинном смысле. Увертка от поставленного вопроса, желание запутать нас, ничего не дав с своей стороны и не проявив никакой доброй воли, — вот ее смысл. Мы знаем, что всегда, когда выносятся резолюции, там, где есть большинство и меньшинство, право на толкование резолюции всегда принадлежит большинству. Если семь человек выносят резолюцию — пять против двух — и в этой резолюции будет какая-нибудь неясность, кто будет толковать, раз'яснять ее? Большинство, и только оно. Толкование резолюции, к сожалению, предоставлено не Брамли и не Перселю [87]), а Удегесту. Как ни печально, но это так. Правда, у нас особое мнение, — мы должны откровенно сознаться в этом, — мы не считаем главными фигурами Удегеста, Стенгюиса и Жуо. Мы знаем, что фактически за ними стоит немецкий Генеральный Совет профсоюзов [82]). Мы знаем, что за спиною Амстердамского Интернационала он рассылает свои циркуляры и директивы профсоюзам других стран. Мы знаем, что польские профсоюзы получили от немецкого об'единения профсоюзов предложение обсудить отчет о деятельности английской делегации (несчастная эта английская делегация!). Мы все это знаем. Поскольку Стенгюис, Жуо и Удегест взяли на себя неблагодарную роль тех первых мальчиков в драке, которым всегда попадают первые удары, нам приходится сосредоточивать эти удары именно на них. Зассенбах и другие стоят немножко сзади и как бы в сторонке.

Что же делать? Мы вернулись к тому, с чего начали. Дальше продолжать этот «роман в письмах»? Мы знаем, что всякий, хотя бы и сентиментальный «роман в письмах», как принято во всех мещанских романах, оканчивается браком. Но у нас брак не может состояться потому, что невеста не хочет видеть жениха. *(Смех).* С чего же начинать? Ругаться с Амстердамским Интернационалом? Неправильно, это — пройденная стадия, это не поможет, это только затормозит рабочее движение. Что же делать? Вот относительно этого мы и пришли посоветоваться с вами. Пришли, несмотря на все трудности и рогатки, которые нам ставило не только британское консервативное правительство, но и германское правительство, которое в конце-концов дало нам визу для встречи во Франкфурте-на-Одере [237]) и которое, когда мы переезжали границу, сосчитало, все ли мы тут, не остался ли кто в Германии. Что же делать? Мы держимся такого мнения: повторять старый пройденный этап — очень трудная и неприятная штука. Мы, несмотря ни на что, хотим и будем продолжать начатое дело единства. Мы уверены, что только в вас мы можем найти поддержку, что единственный наш путь заключается в организации общественного рабочего мнения для осуществления дела единства. Мы видим, что *самая идея создания Англо-Русского комитета встретила горячий отклик рабочих масс во всем мире.* Во Франции и профессиональные синдикаты, входящие в федерацию Жуо, и синдикаты, принадлежащие к Унитарной Федерации Труда Монмуссо [111]), выносят резолюции почти одинакового характера, в которых заявляют, что они стоят на точке зрения английских и русских профсоюзов. Мы видим, что это вызвало отклик и в профсоюзах скандинавских стран, особенно в тех, которые не входят ни в тот, ни в другой Интернационал. *Неужели же английские профсоюзы и русские профсоюзы, насчитывая в своих рядах около 13 миллионов рабочих, опираясь на общественное мнение рабочих других стран, не сумеют сдвинуть с мертвой точки консерватизм, косность и упрямство нескольких вождей?*

Мы в это не верим. Мы верим в то, что если мы с вами дружно и единодушно выступим перед рабочим миром, изложив то, чего мы хотим, если будем на этом стойко стоять, если еще и еще раз потребуем встречи между нами и Амстердамом без

всяких предварительных условий, если за это дело действительно еще более энергично возьмутся английские тред-юнионы,— мы уверены, что это дело сдвинется с мертвой точки.

Мы обращаемся к вам и ждем от вас братского, искреннего ответа, хотя бы потому, что вы первые прорвали блокаду, которая окружила наше профессиональное движение, хотя бы потому, что вам одним из первых принадлежит инициатива постановки вопроса о единстве международного профдвижения, и потому, что наше общение с вами, несмотря на разность языков, научило нас взаимно понимать друг друга.

Я позволю себе закончить выражением уверенности в том, что мы на этот раз найдем общий язык без всякой тайной боязни повлиять друг на друга. Если это будет разумное влияние, то кроме хорошего оно ничего нам не принесет. Мы уверены, что сплоченность в этом вопросе и твердая воля наша и ваша есть залог победы. Мы уверены, товарищи, что тот горячий привет, энтузиазм, с которым встречали представителей английских рабочих в России, и тот энтузиазм, с которым на каждом рабочем собрании встречают одно упоминание об английских профсоюзах, свидетельствуют о том, что, высказывая эти наши надежды, мы лишь правильно выражаем волю и настроение рабочих СССР. *Мы выражаем уверенность в том, что вы останетесь и будете верны делу, которое мы вместе с вами начали и, мы уверены, будем вместе продолжать. Это дело увенчается успехом, мы сумеем найти общий язык, сумеем выработать деловые предложения, которые, наконец, сдвинут дело единства с мертвой точки! (Аплодисменты).*

Опубликовано брошюрой. Изд. ВЦСПС. Москва. 1925 г.

Первомайские лозунги 1925 года.

8-часовой рабочий день! Долой милитаризм! Да здравствует международная солидарность и организация рабочих,— вот лозунги, которые в день 1 мая об'единяют рабочих всего мира, солидарно демонстрирующих перед лицом классового врага, класса капиталистов, общность своих интересов, как продавцов своей рабочей силы, как единый класс, независимо от национальных перегородок и религиозных предрассудков.

Борьба за улучшение экономического положения работников, защита достигнутых завоеваний против наступления капитала, решительная борьба за сохранение 8-часового рабочего дня там, где он существует, и за завоевание его там, где его еще нет.

Вот смысл лозунга 8-часового рабочего дня в день 1 мая в 1925 г.

Рабочий класс всех стран слишком дорого заплатил за последнюю империалистическую мировую бойню [24]). Противоречия воинствующего капитализма, породившие мировую бойню, ни в какой степени не изжиты, и пока существует система, построенная на эксплоатации человека человеком и угнетении слабых народностей, до тех пор в полной силе стоит перед миром опасность новых империалистических войн из-за дележа рынков [100]) и право эксплоатации слабых народностей. А это требует от рабочих всего мира готовности к активной, непримиримой борьбе с империализмом.

Вот почему и 1 мая 1925 г. в полной силе и с особой твердостью должны звучать наши лозунги: «Долой милитаризм! Долой империализм!»

Борьба против новых братоубийственных войн, борьба против беззастенчивой, хищнической капиталистической эксплоатации рабочих, борьба против гнета нищеты, невежества и физического

вырождения, на которые обрекает трудящихся вся система капитализма, требует максимального сплочения сил рабочих и величайшей солидарности.

Но профессиональное движение, к сожалению, раздроблено в международном, а в большинстве стран — и в национальном масштабе.

Вот почему нашему первомайскому лозунгу: «Да здравствуют международная солидарность и организованность рабочих!» — должен сопутствовать и дополнять его в день 1 мая, в 1925 г., другой лозунг: «Да здравствует единство международного рабочего движения, за дравствует единый Интернационал профсоюзов!».

На недавно закончившейся Англо-Советской рабочей конференции [234]) все *первомайские,* общепролетарские лозунги получили свое выражение в декларации конференции, поставившей их, как платформу, на которой об'единились *в своей борьбе за единство* профсоюзы Великобритании и СССР. Они создали братский союз организаций, об'единяющих свыше 11 миллионов членов, союз совместной борьбы за осуществление единства профессионального движения во всем мире.

Вот почему работы *этой конференции* приобретают выдающееся историческое значение. Вот почему английские и русские рабочие в день 1 мая должны прибавить лозунг: «Да здравствует братский союз рабочих СССР и Великобритании, как залог международного пролетарского единства!».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Статья в первомайском номере газеты «Труд» (1925 год. № 98) и «Сендей Воркер» (английская рабочая воскресная газета).

Итоги Англо-Русской конференции.

Доклад на Московской конференции фабзавкомов и правлений союзов 3 мая 1925 г.

Товарищи! Прежде чем начать отчет об Англо-Русской конференции [23-24]), я позволю себе в кратких чертах напомнить историю наших взаимоотношений с профессиональными союзами других стран, и в частности, с Амстердамским Интернационалом [13]). Вы знаете, что война разрушила оба Интернационала — и политический и экономический. Перед прекращением войны, в конце 1917 г., между профессиональными союзами разных стран начали устанавливаться кое-какие первые связи [25]). В 1918 г. западно-европейские союзы приступают к восстановлению своих Интернационалов. В 1919 г. был создан ныне существующий Амстердамский Интернационал Профессиональных Союзов, и первое, что сделал этот Интернационал, первым важнейшим его шагом было участие в организации Бюро Труда при Лиге Наций [34]). Это Бюро Труда ставило и продолжает ставить своей целью примирение интересов труда и капитала во всем мире и согласование действий профессиональных союзов и капиталистических государств всех стран, входящих в Лигу Наций, в области социального, рабочего, законодательства. Самая конструкция этого Бюро Труда «вполне соответствует» такому назначению, так как половина его состоит из предпринимателей, а половина из рабочих. Мы не видели, чтобы это Бюро Труда за все время своего существования в какой бы то ни было степени «согласовало» какое бы то ни было социальное законодательство в пользу рабочего класса,— хотя бы где-нибудь, а не то, что во всех государствах.

Мы, русские профессиональные союзы, в первый период нашего профессионального движения, в 1905 — 1906 г.г. и по 1909 г. включительно [46]), не были связаны с профессиональным движением других стран. В самом деле. Какая могла быть связь

у русских союзов с международным движением, когда само движение у нас в России в это время еще не было об'единено даже в общероссийском масштабе? Лишь после революции, в 1917 г., на III Конференции Профессиональных Союзов [238]), был впервые поставлен вопрос об установлении связи между русскими и западно-европейскими профессиональными союзами. Но руководители российского профессионального движения от III Конференции до I С'езда Профессиональных Союзов [4]) не могли ни в какой степени провести это решение в жизнь. I С'езд Профессиональных Союзов, состоявшийся в январе месяце 1918 г., снова ставит вопрос об установлении связи с международным профессиональным движением, и мы, во исполнение этого постановления, в 1918 г. два раза, а в 1919 г. два или три, обращались к западно-европейским профессиональным союзам с предложением установить братскую связь и тесные взаимоотношения [54]). В этот период времени никто из нас не ставил вопроса о создании своего Интернационала.

Мы искренно хотели войти в общую семью международного профессионального движения, но, как вы помните, в эти годы русских рабочих и созданную ими власть рабочих и крестьян блокировали на протяжении всех границ, которые на первых порах сокращались каждый день [27]). Нас блокировали с моря и с суши. Но странно то, что эту блокаду проводили не только капиталисты, которые блокировали нас как государство, но и руководители западно-европейского профессионального движения, которые делали вид, что глухи и не слышат того, что им говорят по радио представители русских рабочих, притворяясь неграмотными в тех случаях, когда мы посылали письма отдельным деятелям западно-европейского профессионального движения.

До конца 1919 г., как вы знаете, продолжалась эта блокада. Мы не могли ожидать того времени, когда руководителям западно-европейского профессионального движения благоугодно будет заметить, что в России существует не только советская власть, но и профессиональное движение. Странно, что на второй профессиональной конференции, которая состоялась в 1918 г. в Берне [25]),— из представителей стран, входящих в обе воюющие коалиции,— где обсуждался очень обстоятельно порядок дня, странно, что на этой второй конференции профессиональных

союзов никто ни одним словом не обмолвился о русской революции.

Там рассматривались различные факторы, которые должны быть учтены при определении тактики международного рабочего движения, и в то же время «мудрецы» западно-европейского профессионального движения не сочли нужным даже упомянуть о таком «ничтожном» факторе, как то, что в одной шестой части земного шара, впервые в истории мира, угнетенные классы взяли власть в свои руки. Этот фактор они сочли, очевидно, настолько малозначительным, что о нем не упомянули. Это внушило нам сильное сомнение и тревогу. Если люди проглядели как букашку тот факт, что в России рабочие взяли власть в свои руки, взяли в свои руки фабрики и заводы и хотят (тогда еще только хотели) без помещиков и капиталистов, по-своему, строить свое хозяйство, то, следовательно, там, в Берне, этим мало интересовались.

Когда у нас появились голод, холод, разруха, эпидемии, как результат интервенции [8]) «культурных держав» в нашу экономически отсталую страну, предпринятой будто бы для насаждения в ней «культуры и правопорядка»,— появились как результат гражданской войны [29]) внутри страны, которая велась на деньги этих держав (этого теперь не может отрицать ни одно правительство — ни французское, ни британское),— то руководители западно-европейского рабочего движения довольно отчетливо и с гордостью демонстрировали перед рабочим классом две тактики.

«Вот вам одна тактика,— говорили они,— тактика русских рабочих, тактика рабочих союзов и большевистской партии, которая состоит в насильственном ниспровержении существующего строя. Смотрите, что теперь происходит с русскими рабочими,— они голодают, холодают, у них эпидемии, они оборваны, ободраны, положение их катастрофическое. Против них, кроме того, весь культурный мир. А вот, смотрите, наша тактика,— мы без всяких насилий, без всякого заострения классовой борьбы, благодаря разумной тактике, реформами достигли того, что западно-европейский рабочий получил 8—9-часовой рабочий день и улучшил свое экономическое положение. Смотрите же, будьте пай-мальчиками, иначе вас постигнет участь русских

рабочих. Если вы и впредь будете также слушаться нас, то и не заметите, как реформочка за реформочкой, улучшеньице за улучшеньицем,— и вы без всяких восстаний в один прекрасный день очутитесь в царстве социализма». Теперь, после того, как худо или хорошо, но установился мир, эти «мудрецы» в значительной степени полиняли. Капиталистами уже в значительной мере отняты у рабочих их завоевания, а на те, которые еще не отняты, ведется наступление [123]). Но и теперь эти «мудрецы» тянут свою старую песню — потихоньку-полегоньку, тише едешь — дальше будешь, будем итти парламентским путем [2]), путем постепенных улучшений, и наступит момент, когда однажды в парламенте большинство будут иметь социалисты. В парламенте это большинство голоснет за то, чтобы фабрики передать рабочим, при чем капиталисты окажутся в меньшинстве. Будет дано распоряжение от государственного конституционного аппарата капиталистам, и те отдадут свои фабрики и заводы.

О чем тут говорить? Мы теперь знаем, что в результате такой «мудрой» тактики получается далеко не социализм. Социализма-то пока не получилось, а получился Гинденбург [239]) в качестве президента! *(Аплодисменты)*. При таких-то вот реформочках и состряпали Гинденбурга.

Поживем, посмотрим и увидим. Может быть, и в республике во главе с Гинденбургом «мудрые» германские социал-демократы также потихонечку да полегонечку устроят социализм, но покамест у них это не вытанцовывается.

Мы видели, что капиталисты Западной Европы вынуждены были кое-что уступить под сильнейшим нажимом рабочих масс [55]), тех рабочих масс, которые после войны потребовали уплаты по выдававшимся им векселям. А векселя им выдавал всякий, кому было не лень, кто стоял за войну до победного конца. Им говорили: «Потерпите, вот война кончится, мы победим, и уж тогда вам все дадут»... В результате-то вот этой послевоенной тактики капиталистов и явилась победа «мудрой» или «мирной» реформистской политики. Опасны были демобилизованные миллионы рабочих, которые шли с фронта, из которых многие еще держали винтовку в своих руках. Тогда нельзя было им ничего не дать. Но рабочая волна спала. Реформочки кое-какие были даны, а затем был поставлен вопрос об удешевлении себестоимости

производства, и уступочка за уступочкой, прибавочка за прибавочкой берутся обратно. На «мудром» социал-демократическом языке это называется «соблюдением интересов отчественной промышленности», а на классовом языке это называется наступлением капитала на труд,— наступлением, которое ведется по экономической линии. Это наступление одно время было приостановлено, и у некоторых создалась даже иллюзия, что оно уже прекратилось. Но приостановка была лишь временной. Мы говорили и продолжаем говорить,— и наши предсказания целиком сбываются,— что это была только временная приостановка наступления [204]). Мы видим, как в Германии, превращенной империалистической войной и Версальским договором [24]) в полуколониальную страну, на шее рабочего затягивается тугая петля, как рабочий день германского пролетария увеличивается до 10 часов, а в некоторых местах даже больше. Вот вам реформочки. Мы каждый день читаем в телеграммах из разных частей Европы, что то в одном, то в другом месте вспыхивают колоссальные забастовки, а мы, как рабочие, знаем, что от хорошей жизни не забастуешь. Мы видим, что и сейчас, в продолжение текущего года, перед английскими горняками все время стоит вопрос об экономической забастовке. Мы знаем, что всюду и везде положение рабочего класса ухудшилось. Мы видим, как в то время, когда у нас, у людей с «плохой тактикой», постепенно, очень медленно, правда,— медленнее, чем нам хотелось бы,— но неуклонно растет заработная плата, там, где применяют тактику «мудрого» пескаря, постепенно и неуклонно кривая заработной платы идет вниз, иногда задержится, сделает маленькое «коленце» — и опять вниз. В некоторых местах заработная плата стабилизировалась, т. е. стоит на точке замерзания.

Нас продолжали блокировать до конца 1919 г. В 1920 г. первыми прорвали блокаду английские рабочие, прислав свою делегацию для ознакомления с Россией [165]). Следом за ними мы приняли делегацию от итальянских союзов. К этому времени мы достаточно изверились в возможности установления нормальной связи с западно-европейским рабочим движением. Мы начали понимать, что те профессиональные организации, которые связали свою судьбу с судьбой и деятельностью боевой организации империализма, с Лигой Наций [24]), не хотят иметь дела с нами, тихо,

мирно блокируя или бойкотируя нас, и поэтому мы принуждены были искать необходимые нам связи в других местах и другими методами.

Мы не могли примириться и никогда не примиримся с положением изолированной страны, ибо дело, которое мы делаем, не есть только наше русское, национальное дело,— это дело интернациональное. И когда теперь буржуазные газетчики в Западной Европе пытаются в чем-то разоблачать нас перед английскими рабочими, говоря, что тактика наших союзов совсем не та, что тактика союзов, входящих в Амстердам; когда они воображают, что этим они открывают Америку или кого-то в чем-то разоблачают, то мне хочется сказать: бесполезное занятие! Мы никогда не скрывали, что наша тактика совершенно не та, что процветает в большинстве профессиональных союзов Западной Европы, и совсем не та, и ни в какой степени не похожа на ту, которую проводит Амстердамский Интернационал.

В чем же нас разоблачают? Мы этого никогда не скрывали. Противоречит ли это тем целям, которые мы себе ставили? Я думаю, ни в какой степени не противоречит. И в дальнейшем я попытаюсь об'яснить это.

Здесь, в этом Доме Союзов, в Москве, мы принуждены были создать новый, Красный Интернационал Профессиональных Союзов [38]). *(Аплодисменты)*. Здесь, в Круглом зале Московского губернского совета профессиональных союзов, мы подписали соответствующее соглашение с представителями английских и итальянских рабочих. Когда мы подписывали этот акт, рабочее движение в Западной Европе росло. Волна революционного настроения шла кверху. Затем наступил момент колебаний; заколебались и люди, которые подписали с нами этот акт. Волна пошла книзу, и они скатились на этой волне, мы же остались там, где стояли. К нам пришли новые, свежие, люди. Мы нашли сторонников во всех концах мира, и Профинтерн стал жить и работать.

Таким образом, в Европе получилось два Интернационала. А если прибавить к этому, что в Америке имеется свой полуинтернационал [235]), об'единяющий только американские профессиональные союзы и связанный с Канадой, что кроме этих интернационалов есть некая пародия на интернационал, а именно попытка к созданию таких организаций со стороны анархистских и

христианских союзов; есть, кроме этого, целый ряд стран и организаций, которые не входят ни в тот, ни в другой, ни в третий Интернационал,— если все это учесть, то получается в высшей степени безотрадная картина раздробленности рабочего класса.

И при такой раздробленности рабочему классу пришлось пережить и приходится переживать период экономического наступления капитала. Теперь мы видим, что те, кто думал и думает, что экономическое наступление капитала таким только и останется, глубоко ошибаются. Когда наступает класс, то он наступает по всей линии; его наступление всегда бывает и экономическим и политическим. Нет и не бывает революции только политической или только экономической. Каждая революция есть одновременно и политическая и экономическая. В основе каждой политики лежит экономика, ибо сама политика, как говорили и Маркс и Ленин, есть концентрированное выражение экономики.

В результате временной приостановки экономического наступления капитала стали раздаваться голоса, что в Европе установилась эра пацифизма [204]), что Европа «левеет». В Германии у власти были социал-демократы [203]),— правда, социализма от этого не получилось,— в Англии у власти был Макдональд [167]), во Франции шел к власти Эррио [205]). «Европа левеет». В этих словах вся до конца «продуманная» политическая теория о том, как путем реформочек можно притти к социализму.

Но мы видим теперь, что на смену Макдональду в Англии пришли к власти консерваторы [224]). Мы видим, что в Германии, вместо социал-демократического правительства президентом является Гинденбург. Во Франции мы видим колебания пацифистского левого блока и правительства Эррио. Фашистские прелести [148]) мы видим не только в соседних с нами странах, вроде Эстонии и Польши, которые проводят очень «мудрую» политику по отношению к профессиональному движению. Здесь я позволю себе в двух словах ответить на вопрос одной английской газеты, почему в нашу декларацию мы включили пункт о преследованиях профессиональных союзов. Спрашивают: в какой это стране имело место преследование профессиональных союзов? Правда, газета тут же прибавляет, что русские, если с ними спорить, вероятно, в карман за словом не полезли бы. Я именно думаю,

что в карман за словом мы не полезем, а укажем на «мудрую» политику Польши, где, как только рабочие выберут в союз коммунистов, так тотчас же этот союз разгоняется, избранные арестовываются, потом приходят «мудрые» сторонники реформочек и на этом разгромленном месте начинают создавать свой союз. Такими мерами борются против полевения рабочего класса, в таких условиях рабочий класс должен бороться за свои экономические и политические интересы.

Мы видим, наконец, в Западной Европе и во всем мире очень характерное явление: капитал стал очень осторожным, капитал избегает крупных затрат, крупных денежных вкладов в производство. Вместо того, чтобы поднимать производительность труда и добиваться удешевления себестоимости продуктов методами технических усовершенствований,— как это было в период расцвета капитализма,— западно-европейский капитал всячески избегает вкладывать деньги в машины, в оборудование и старается максимально использовать старье, понижая себестоимость продукции за счет рабочих. Часть капитала из Европы начинает перекатываться в колонии [100]) в поисках не только сырья, но и наиболее забитых, наиболее отсталых трудовых масс, доступных наиболее хищнической, наиболее беззастенчивой эксплоатации. Перед нами недавно прошла забастовка в Шанхае [101]) на текстильных фабриках японских капиталистов. Как вы думаете,— какое главное требование было выдвинуто забастовавшими? Отмена телесных наказаний на фабриках! Телесные наказания для рабочих — вот идеал капиталистов. Мы видим, однако, что даже эти забитые слои рабочего класса уже начали шевелиться и вступают в борьбу за свои права: мы видели героическую забастовку шанхайских рабочих. Наконец, никто как будто бы не отрицает и того, что экономическое положение рабочих в Европе весьма тяжелое, что оно требует улучшения, что вся тяжесть войны переложена на плечи трудящихся масс. Это теперь всем известно. Всем известно, что вся тяжесть войны переложена на западно-европейских рабочих, которые платят за разбитые во время войны горшки и высокими налогами и низкими заработками.

Так вот, может ли рабочий класс сопротивляться этому экономическому наступлению капитала, когда он разбит, словно по клеточкам, по нескольким Интернационалам, а часть его не

входит ни в один Интернационал? Мы на это отвечаем: при таких условиях рабочий класс успешно бороться не может. Для того, чтобы борьба его против наступления капитала была продуктивнее, нужно единое, централизованное, концентрированное профессиональное движение. Мы это открытие сделали не в 1925 и не в 1924 г. Мы не раз обращались к Амстердамскому Интернационалу через Профинтерн и открыто заявляли: у вас одни взгляды, у нас — другие, но у рабочих, которых об'единяют и тот и другой Интернационал, есть то общее, что связывает и создает рабочий класс, как класс, те общие интересы рабочих, которые не зависят от цвета кожи, национальности, религии и политических убеждений. Так давайте же попытаемся сойтись и обсудить вопрос о создании единого Интернационала, который максимально обеспечивал бы сотрудничество, необходимое для руководства экономической борьбой рабочего класса. После некоторой переписки в конце 1923 г. нам ответили [220]): «С русскими союзами говорить и переписываться будем, если русские союзы согласны до встречи заявить, что они войдут в Амстердамский Интернационал на основе всех его резолюций, конституций, уставов и т. д., которые вынесены всеми его с'ездами, а с Профинтерном и разговаривать не желаем».

Так нам было заявлено. Перед нами тогда встал вопрос, обидеться ли на это и сказать: раз вы не желаете разговаривать с нашим Интернационалом, то и мы с вами не будем говорить, давайте говорить только через Профинтерн, или же, следуя настоящей ленинской тактике, не цепляться за формальности, за мелочи, а поступать так, как того требует дело. Мы понимали, что другой Интернационал как раз и хотел, чтобы мы обиделись. Мы заявили: если вы не хотите разговаривать с нашим Интернационалом, мы согласны разговаривать с вами.

После этого переписка на некоторое время как-будто замерла, и вопрос о единстве был снова выдвинут в 1924 г. наиболее дальновидными и понимающими положение международного рабочего движения руководителями западно-европейских союзов. Инициаторами постановки этого вопроса на Венском конгрессе профессиональных союзов [13]) явились представители английских тред-юнионов [184]), входящих в Амстердамский Интернационал, и вождь международной организации транспортников, бывший секретарь

Амстердамского Интернационала, Эддо Фиммен [108]), который, вероятно, знаком всем, как человек, не так давно побывавший в Москве. Постановка этого вопроса на Венском конгрессе была такова: в то время как предложения правой части Амстердамского Интернационала сводились к тому, чтобы прекратить всякую переписку с русскими союзами, другая сторона предлагала переписку с русскими союзами продолжать и стремиться вместе с ними к об'единению всего мирового профессионального движения.

После долгих споров — в результате западно-европейских кротких и мягких нравов и методов — появилась компромиссная резолюция. Смысл этой резолюции сводился к тому, что МФПС [13]) согласна начать с нами переговоры о нашем вступлении в Амстердамский Интернационал на основании статутов и уставов последнего. И снова здесь до известной степени сказалась разница тактики. Противоположная сторона говорила так: «Вы разговариваете о единстве, так вот — вступайте в наш Интернационал и замолчите, успокойтесь: вот вам и единство». Но мы не так ставили вопрос. Ну, хорошо, предположим, что хотя мы и не голосовали за эти резолюции, которые выносились какими-то конгрессами Амстердамского Интернационала, хотя участия в обсуждении их мы не принимали, не принимали участия в рассмотрении и конституции (несколько странное для нас слово) и этих самых уставов, но тем не менее, как малые дети, мы говорим: мы идем в Амстердамский Интернационал! Что же, будет этим достигнуто единство профдвижения или нет? Мы говорим, что этим единство международного рабочего движения не будет достигнуто. Конечно, вступление было бы кое-каким и даже значительным шагом по пути к единству, но единство рабочего движения этим не было бы достигнуто. Во Франции профессиональное движение расколото [128]) на две части? Расколото. А в Чехо-Словакии профдвижение расколото или нет? Да, расколото на три части! В некоторых странах движение разбито на три, на четыре части, а есть такие страны, как Финляндия, которые не входят ни в какой Интернационал. Вступлением русских союзов в Амстердамский Интернационал единство международного рабочего движения не исчерпывается, ибо и Профинтерн состоит не только из русских профсоюзов. Поэтому мы отвечали: мы согласны встретиться с вами и обсудить какие вам угодно вопросы,

связанные с установлением единства международного рабочего движения, но без всяких предварительных условий. Мы вам никаких условий не ставим. Ставьте любой вопрос; мы внимательно и серьезно согласны обсуждать каждый вопрос, который нам поставит другая сторона, но предоставьте нам право поставить те вопросы, которые мы считаем необходимыми для установления единства международного рабочего движения, не ставьте заранее никаких предварительных условий.

После этого завязалась оживленная переписка. После обмена двумя-тремя письмами нас спросили: «Не можете ли вы нам изложить сущность ваших взглядов на рабочее движение, так как мы предполагаем, что разница между нами и вами гораздо бо́льшая, нежели разница только в тактических вопросах?» Мы несколько удивились: после того как люди честили нас пять лет на все, по-русски говоря, корки, учили своих рабочих, что не надо так делать, как делают русские, прерывали переписку, обсуждали на конгрессах, опять вступали в переписку,— после всего этого они спрашивают: «А скажите, что вы собою представляете и каковы ваши взгляды на рабочее движение вообще?» Мы на это ответили, что согласны перед любой аудиторией со всей полнотой и ясностью изложить наши взгляды на рабочее движение, но что в данный момент не это составляет тему нашей переписки. Тем не менее мы заявили, что стоим на платформе непримиримой классовой борьбы труда с капиталом и необходимости организации рабочего класса для окончательного ниспровержения капитализма.

После всей этой переписки, 5 февраля 1925 г., собрался Генеральный Совет Амстердамского Интернационала для обсуждения вопроса о взаимоотношениях с русскими союзами. Нам же за то время пока шла эта прекрасная, интересная и поучительная переписка удалось ближе познакомиться с английскими тред-юнионами и их вождями. Наши профессионалисты в первый раз, в самой Англии, близко встретились с довольно широкими слоями деятелей английского профдвижения. В составе нашей делегации, ездившей в Лондон для переговоров с английским правительством [106]), было несколько человек рабочих — представителей профессиональных союзов. В эту делегацию, помимо меня, входили тов. Радченко, горняк из Донбасса, Кутузов, Иван Иванович,

председатель Всероссийского союза текстильщиков, Шверник, Николай, член ЦК металлистов, а ныне Народный Комиссар РКИ РСФСР, и Житков, Иван, член ЦК железнодорожников. И вот мы, молодые пролетарские дипломаты, впервые встретились с нашими английскими товарищами.

Раньше всего результатом было то, что впервые руководители английских профсоюзов увидели нас и впервые поняли, что мы вовсе не такие страшные, не такие безобразные, рыжие уроды, как нас рисуют, и ни капельки не похожи на тех большевиков, которых изображают на фильмах бульварных кинематографов в западно-европейских городах,— непременно рыжие, в меховой шапке и с кривым ножом в зубах,— нож, очевидно, предполагается как инструмент для резания буржуев. Они поняли, что мы действительно рабочие, такие же, как и они, только говорящие на другом языке. И умом людей, которые имеют дело с массами не один десяток лет, они поняли, что за нами стоит масса.

Мы встретились в первый раз на обеде, который в честь рабочей части нашей делегации дал Генеральный Совет британских тред-юнионов [201]). И там мы имели удовольствие впервые изложить перед вождями британского профессионального движения наши взгляды по вопросу, очень нас тогда интересовавшему,— а именно, каким должен быть мирный договор между Англией и Россией,— а также наши взгляды на проблемы международного профессионального движения. Мы встретили в основном полное сочувствие со стороны подавляющего большинства присутствующих.

Состоявшееся знакомство дало возможность сделать второй шаг. К величайшему изумлению многих представителей западноевропейских союзов мы получили предложение прислать братскую делегацию на конгресс британских профсоюзов [190]). Это — привилегия, которой до той поры пользовались лишь Канада и Северная Америка, как страны, население которых говорит на одном с англичанами языке. Русские союзы, конечно, послали делегацию, в состав которой, помимо меня, входили Амосов — от железнодорожников, тов. Горбачев — от горняков и тов. Лепсе — председатель Всероссийского союза рабочих металлистов. Правда, на этом конгрессе был и генеральный секретарь Амстердамского Интернационала Удегест [197]), были представители американских союзов, один из которых произнес очень интересную речь о том,

что если рабочие организуют свой банк и будут класть туда свои сбережения, то современем их банк станет самым богатым банком и они таким образом задавят всех капиталистов... Этот создатель новой теории освобождения рабочего класса не об'яснил нам только одного (а то бы он совсем нас убедил!) — как сделать, чтобы у рабочего класса были сбережения?

Товарищи! Я, конечно, ни в какой степени не считаю, что тот прием, который был оказан советским делегатам в Гулле, относился к нам лично. То была величайшая демонстрация симпатий офицерского состава британского профессионального движения в отношении русских рабочих. Когда наступил момент представления нашей делегации конгрессу и мы вышли все вместе,— канадцы, американцы, Удегест и мы,— то искали глазами только русских делегатов. А когда представляли русских делегатов, зал, поднявшись, встретил нас бурными, бешеными аплодисментами. Благодаря любезности и вниманию конгресса, нам, против обычных 15 минут, было предоставлено 45 минут для речи и 45 минут для перевода. Все остальные говорили по-английски. Тот теплый прием, который мы встретили на Гулльском конгрессе, был величайшей демонстрацией симпатий английских рабочих в отношении русского пролетариата. Нас тепло встретили, и мы действительно все время были гостями, которые пользовались наибольшим вниманием со стороны британских товарищей.

После Гулльского конгресса мы считали своим долгом пригласить на наш общесоюзный с'езд представителей британских тредюнионов. И вы, вероятно, имели удовольствие видеть их не так давно, в конце 1924 г., в Москве. Мы ничего не скрывали от представителей британского профессионального движения, нам нечего было от них скрывать. Они бывали везде, где хотели, смотрели все, что хотели,— тюрьмы, суды, фабрики, заводы. Мы спокойно предоставили им эту возможность, так как мы ведь никогда никому не говорили: «Смотрите, у нас все на пять с плюсом, все кругом хорошо, у нас кисельные берега и молочные реки!» Напротив, мы всегда говорили и говорим: «Наша заработная плата низка, нам еще трудно живется, страна наша еще полуграмотная, народ мы — отсталый, мы согласны учиться у хороших и умных людей; но кое-что хорошее есть и у нас». Мы, например, считаем, что самое хорошее у нас, это — то, что мы прогнали

буржуазию. *(Аплодисменты)*. Вы уже знаете здесь из газет и по выступлениям об отношении британской делегации к русским рабочим, к тому делу, которое мы творим, их оценку наших достижений и наших неудач. У многих русских рабочих шевелилось сомнение, действительно ли расскажут правду и рискнут ее рассказать те английские товарищи, которые, во главе со всем нам известным тов. Перселем [37]), второй раз приезжавшим в Россию, были в Москве? Теперь мы видим, что взятое на себя перед английскими и русскими рабочими обязательство сказать в Англии всю, как они ее понимают, правду о России они выполнили. Я имею в виду отчет английской делегации о поездке в Россию [218]). Большей бури, ругани, клеветы, ненависти, негодования со стороны буржуазной и социал-демократической прессы не встречала ни одна книга, вышедшая за последнее время. Это служит аттестатом этому отчету.

За то, что представители английских рабочих осмелились сказать в печатном труде, за подписями всей делегации в целом, вплоть до экспертов, правду о России, их об'явили чуть не сумасшедшими, которых следует посадить в желтый дом. Их обвиняли в невежестве, в том, что они ничего подлинного не видели, а смотрели только на то, что мы им показывали, что они обмануты, как дурачки, и что вообще они народ темный и невежественный. Этот отчет был раскритикован по всем статьям, но английские рабочие его читают, слушают его в докладах товарищей, которые были здесь, и только на одно жалуются,— что отчет стоит слишком дорого. В этом отчете даны не только впечатления, но и живые фотографии, фотографии спортивных кружков, клубов, читален, санаторий и т. д.

Посещение английской делегацией СССР послужило следующим этапом для сближения между русскими рабочими и рабочими Великобритании. В многочисленных докладах и отчетах члены делегации передавали свои впечатления о советских республиках английским рабочим. Самый отчет английской делегации написан не коммунистами; в нем есть много положений, с которыми мы не согласимся, ибо вывод отчета гласит: для русских рабочих это хорошо, но как для других — еще неизвестно. Это напоминает нам старую русскую пословицу «что русскому здорово, то немцу — смерть». Мы же полагаем, что если русскому здорово,

то и все другие рабочие на своем опыте должны попробовать, годится это для них или нет. Тем не менее отчет английской делегации — хорошая книга, ибо она правильно излагает факты жизни СССР и жизни наших рабочих. И мы надеемся и уверены, что эта книга увидит свет и на других языках, тем более, что Генеральный Совет британских тред-юнионов [201]) любезно предоставил нам исключительное право переводить и издавать эту книгу на других иностранных языках.

Следующим этапом в борьбе за единство является пленум Совета Амстердамского Интернационала [231]), состоявшийся в феврале 1925 г. На пленуме столкнулись две линии — линия английских товарищей, которые видели, что в России есть союзы, видели рабочих, убедились, что у нас рабочих на демонстрации чекисты нагайками не гоняют, а они сами весьма охотно на них идут, видели, что над рабочими не издеваются, как сообщает западноевропейская пресса, видели работу русских союзов и убедились, что ни один профсоюз в других странах не ведет и сотой доли той культурно-просветительной работы, которая ведется нашими профсоюзами. Другая линия была представлена, главным образом, делегатами немецких профсоюзов. Английские делегаты на этом заседании поставили вопрос таким образом: «признать необходимой встречу представителей Амстердамского Интернационала с русскими профессиональными союзами без всяких предварительных условий». Они получили за эту резолюцию 5 своих голосов и 16 против. Вторая резолюция, которая требовала отклонения этой встречи, была снята, прошла резолюция Стенгюиса [232]), которая допускала возможность встречи с русскими профессиональными союзами, «если русские союзы предварительно выразят желание о вступлении в Амстердамский Интернационал». При таких условиях они согласны на встречу, «как скоро это окажется возможным». Предполагалось, что этим будет сделана большая уступка англичанам. Правда, буржуазная пресса, в связи с Англо-Русской конференцией [234]), изображает руководителей английского профдвижения большими простачками — приехали-де хитрые русские и обманули простачков-англичан. Но они не такие простачки, чтобы не понять, что в этой резолюции нет никакой уступки ни нам, ни англичанам, предложившим, чтобы встреча была без всяких предварительных условий. Мы и на Гулльском конгрессе

указали английским товарищам, как нелепо звучит, когда организация, которая называет себя рабочей организацией, в переговорах с другой рабочей организацией заявляет: «Мы согласны с тобой встретиться, но если ты заранее признаешь то-то и то-то». Я говорил на Гулльском конгрессе и буду говорить до тех пор, пока будет тянуться эта скучная история с Амстердамским Интернационалом, что нас никто не победил, а все почему-то берут по отношению к нам тон победителей к побежденным. И в отношении советских республик и в отношении профсоюзов СССР позволяют себе брать тон победителей, но почему? Не мы, как государство, нападали на кого-нибудь, а на нас нападали, мы их поколотили, а не они нас: отбитые нами английские и французские танки два дня тому назад, на первомайском параде, шли через Красную площадь. *(Аплодисменты).* Но когда доходит до дипломатических переговоров, нам первым делом начинают ставить разные предварительные условия — «заплатите такие-то долги, сделайте то-то и то-то». Извините, ведь нас никто не победил, мы же победили всех на нас нападавших! [8])

Этот дурной тон от господ заимствуют и некоторые профорганизации. Давайте встретимся,— говорим мы,— вас от этого не убудет, а дело сделаем. Они же нам говорят: «Мы согласны встретиться, но при таких-то условиях». Что означает резолюция Стенгюиса? Мы говорили открыто на Англо-Русской конференции и говорим всегда: это — плохонькая дипломатическая уловка. Говорят: если русские союзы выразят желание войти в Амстердамский Интернационал, то после этого конференция для встречи с русскими будет созвана так скоро, как это окажется возможным. Но когда же? После дождичка в четверг? После того «как вы выразите желание войти в Амстердамский Интернационал». Это что означает? С предварительными условиями или без всяких предварительных условий? Английскими товарищами это понято как встреча с предварительными условиями. А мы заявляем,— и каждый рабочий поймет, что это справедливо: «Мы ничего не хотим, давайте только встретимся за одним столом, вместе обсудим, нужно ли единство рабочего класса, и если нужно, то как его осуществить». Неужели для того, чтобы посмотреть прекрасные очи Удегеста [197]), Жуо [17]) и других, нужно принять «предварительные условия»? Мы ведь согласны себя показать без всяких

«предварительных условий» *(аплодисменты)*, а в конце концов чем же мы хуже их? *(Аплодисменты)*.

Вы помните, товарищи, что на VI С'езде Профессиональных Союзов [214]) мы условились с английскими товарищами о необходимости установления более тесной связи между русскими и британскими союзами. После этого знаменитого заседания с резолюцией Стенгюиса мы обратились к британским товарищам и сказали: «Товарищи, вот мы на поворотном моменте, что посоветуете нам после этой резолюции делать? Просто ли сказать Амстердаму: «ну, дорогие, с вами ни до чего не договоришься, целый год мы только и будем все разговаривать о том, с предварительными ли условиями, или без предварительных условий, а дело единства от этого не сдвинется». Бить ли поэтому из всех пушек по Амстердамскому Интернационалу и поднимать бешеную борьбу, окончательную борьбу против него? Или что-либо другое? Подумайте — что нам делать? Для того, чтобы посоветоваться, необходимо встретиться». Английские товарищи «без всяких предварительных условий» предложили конференцию, на которой мы встретились бы и, посоветовавшись, обсудили, что следует делать русским профессиональным союзам в создавшихся условиях. За это время, от момента внесения Генеральным Советом Амстердама резолюции до момента Англо-Русской конференции, все видные руководители и лидеры Амстердамского Интернационала высказали свое мнение об этой резолюции в целом ряде интервью и выступлений. Почти все участники этого знаменитого собрания давали «беседы». В этих интервью лидеры Амстердама просто и ясно рассказали, что они вкладывали в эту резолюцию Стенгюиса именно ту мысль, которую вкладываем мы: «пусть заявят, что они разорвут со своим Интернационалом, пусть заявят, что вступают к нам, в наш Интернационал, каким он существует, с уставом и конституцией, статутами и резолюциями, а после этого мы будем говорить о том, какова будет техника вступления» и т. д. Ну, конечно, со свойственной этим людям мудростью, они высказали несколько глубокомысленных замечаний. Так, например, официальный лидер Амстердамского Интернационала заявляет, что его смущают три вопроса: 1) признают ли русские союзы необходимость социального законодательства; 2) действительно ли русские союзы против войны, так как он читал статью Лозовского, в которой тот

очень хвалил Красную армию, и 3) действительно ли русские союзы — за классовую борьбу, так как они очень мало занимаются стачками.

На эти глубокомысленные вопросы я ответил на Англо-Русской конференции. На первый вопрос,— признаем ли мы необходимость социального законодательства,— я ответил предложением Удегесту (он является представителем голландских профессиональных союзов в Амстердамском Интернационале) провести в Голландии, на первый случай, наш Кодекс Законов о Труде [230]). *(Аплодисменты).* А после этого,— я беру на себя смелость это утверждать,— все то, что он проведет лучшего, улучшающего правовое положение рабочих по сравнению с нашим Кодексом, мы немедленно обязуемся провести у себя. *(Аплодисменты).* На второй вопрос, о войне, мы ответили, что предлагаем Амстердамскому Интернационалу через Лигу Наций [24]) устроить любую конференцию по разоружению, и мы, русские союзы, имеем смелость заявить за советскую власть, что пойдем на всякое разоружение, в основу которого будет положено: численность населения, территория, соответствующая высота технического оборудования и т. д., что на всякое разоружение и сокращение армии, какое предложит любое капиталистическое государство, мы пойдем. И по третьему вопросу,— признают ли русские союзы классовую борьбу,—я ответил: если то, что у нас было 25 октября 1917 г. [94]), называется по-голландски не классовой борьбой, а классовым миром с буржуазией, то мы за такой классовый мир *(аплодисменты);* что если Октябрьская революция по-голландски называется альянсом с буржуазией, то мы за такой альянс, какой был у нас в Октябре. *(Аплодисменты).*

Товарищи! Я не стану говорить о том, с каким величайшим трудом нам удалось осуществить самую поездку на конференцию. Дружественные и полудружественные нам государства, все единодушно полагали, что нам лучше всего сидеть у себя в советской республике и никуда не ездить. Пришлось очень долго и красноречиво убеждать их в том, что нам поехать необходимо. Потребовалось, чтобы Генеральный Совет английских тред-юнионов избрал делегацию и направил ее в министерство иностранных дел, к Чемберлену [210]), чтобы у него потребовать или попросить,— скажите, как хотите,— визы для русской делегации. Вот таким

образом мы получили, наконец, визы и могли встретиться с представителями британских профессиональных союзов. До этого германское правительство «любезно» предоставило нам право встречи с английскими делегатами и десятидневное пребывание в Германии, в городе Франкфурте, но не на Майне, а на Одере [237]); это — город, немного напоминающий нашу русскую Пензу. Нам не пришлось воспользоваться этим «любезным» разрешением, так как мы решили, что Лондон лучше Франкфурта-на-Одере.

Вы знаете состав делегации и с той и с другой стороны. Наша конференция началась с выбора председателя. Пред нами стоял вопрос: выбрать ли двух председателей,— мы, русские, своего, а они — своего, или согласиться на одном, общем. Мы избрали последнее; по нашему предложению председателем конференции был избран тов. Свейлс [240]), металлист, теперешний председатель Генерального Совета британских тред-юнионов. Дальше мы внесли свое предложение о порядке дня конференции, ибо она созывалась без заранее условленного порядка дня. Мы внесли предложение, чтобы нам дали возможность изложить нашу точку зрения на международное положение рабочего класса и осветить общее положение, которое создалось в связи с последней резолюцией Амстердамского Интернационала. Мы предлагали, чтобы британские товарищи сделали то же самое. Мы предполагали обменяться мнениями, в результате чего должен был бы появиться соответствующий документ. Затем мы поставили вопрос об укреплении существующей связи между обеими организациями и дальнейших совместных шагах к осуществлению международного единства и, наконец, вопрос о времени и методах осуществления Англо-Русского Комитета, о котором в общих чертах шла речь еще на нашем VI С'езде Профессиональных Союзов.

Британская делегация признала целесообразным принять весь порядок дня, ибо рассуждала, и довольно правильно, так: мы еще не знаем, что вы скажете, давайте примем первый пункт порядка дня, вы нам изложите ваш взгляд, и потом увидим, что из этого выйдет, нужно ли будет открыть прения и принять резолюцию. Мы согласились на такой порядок ведения собрания, и первое слово, без ограничения времени, было предоставлено нам для изложения нашей точки зрения на положение, создавшееся в результате последней резолюции Амстердамского Интернационала. Мы изложили

в общих чертах нашу точку зрения по этому вопросу. Мы указали на опасность наступления капитала [128]), на то, что экономическое положение рабочих в Западной Европе,— и в отношении рабочего дня и в отношении заработной платы,— начинает равняться не по лучшим, а по худшим условиям труда. От этого страдают наиболее организованные, наиболее передовые рабочие, рабочие тех стран, у которых лучшее социальное законодательство и которые не могут конкурировать с промышленностью тех государств, где существует 10—12-часовой рабочий день. Вот почему сейчас вследствие плана Дауэса [193]), являющегося петлей на шее немецких рабочих, вследствие того, что каждый германский рабочий эксплоатируется во-всю, что в Германии существует 10-часовой рабочий день, германская промышленность может конкурировать с английской промышленностью, и английская промышленность стоит под ударом германской конкуренции [24]). В Англии будет расти безработица, а в Германии в это время рабочий будет работать 10 и 12 часов для того, чтобы в Англии были миллионы безработных. При таких условиях могут ли рабочие оставаться раз'единенными в разных Интернационалах? Безразлично ли это для нас, русских рабочих? Мы говорим, что для нас это не безразлично, ибо мы в Октябре делали революцию не национальную, а интернациональную. Никогда мы ее как национальную не рассматривали и в своих расчетах ни в какой степени не ошиблись. Мы победили интервентов не только нашей славной, героической Красной армией, не только героизмом и самопожертвованием нашего рабочего класса, а и тем, что нам помогали их победить французские и английские рабочие, которые сказали: «Руки прочь от горла советской республики!» [42]) Потому, что английские и французские рабочие не захотели воевать против русских рабочих, нас с вами и до сих пор не могут удушить. Не могут, это не значит — не хотят, этого вы никогда не забывайте.

Мы указали в своей речи на странное отношение к нам со стороны Амстердамского Интернационала. Когда в Амстердамском Интернационале рассматривался вопрос об Италии, в которой около двухсот тысяч организованных рабочих, то были приняты во внимание и факт существования фашистских союзов и трудность условий и т. д. Когда речь касается палестинского профессионального движения, насчитывающего 8 тысяч организованных

рабочих, то опять же принимаются во внимание «сложные условия нового государственного образования» и т. д. А вот когда речь идет о 6½ милл. русских рабочих, тогда спрашивают: «А что русский рабочий вообще может дать западно-европейскому международному рабочему движению?» Это — тоже один из доводов, который выдвигался против нас «мудрецами» из Амстердама.

Тот, кто не понимает, какой удельный вес в борьбе между трудом и капиталом имеют 6½ милл. рабочих, спаянных в единую, централизованную, крепкую профессиональную организацию,— а мы можем сказать, что такой крепкой профессиональной организации и такого централизованного профессионального движения нам не укажут нигде в мире; тот, кто не понимает, какой удельный вес имеют эти 6½ милл. рабочих, стоящих у власти в стране, территория которой охватывает шестую часть земного шара; тот, кто задает вопрос, какое это будет иметь значение для международного рабочего движения,— для того многое неясно или, можно с уверенностью сказать, ничто неясно, тот ничего не понимал, не понимает и не хочет понимать. Мы полагаем, что хотя палестинское профессиональное движение и играет кое-какую роль в борьбе труда с капиталом, но все-таки российское профессиональное движение потяжельше и палестинского и итальянского. Там, где идет борьба с капиталом, где колеблется чашка весов, кое-что значит положить такую крупную гирьку. Моральное сочувствие и материальная поддержка 6½ милл. рабочих, стоящих у власти, кое-чего стоят в борьбе между трудом и капиталом.

Мы дали должную оценку резолюции Стенгюиса. Мы указали открыто и честно, что у нас закрадываются большие сомнения в искренности Амстердамского Интернационала, когда последний говорит о единстве. Мы указали, что считаем вредной и ошибочной идею, которая зародилась в головах некоторых европейских профессионалистов,— идею «континентальных интернационалов» [235]). В переводе на русский язык это значит, что в каждой части света должен быть свой Интернационал — «европейский Интернационал», «азиатский Интернационал», африканский, американский, австралийский.

После Англо-Русской конференции,— я немного забегаю вперед,— один из авторов идеи «континентальных интернационалов»

заявил, что, пожалуй, лучше будет уступить Профинтерну Россию и Восток, Америку — Американской Федерации и оставить Амстердаму Европу без России. «Мудрая» идея «континентальных интернационалов» в конце концов сводится к тому, что люди говорят: «Бог с вами, народ вы беспокойный, свяжешься с вами — как бы греха какого не вышло. Сидите вы себе с Востоком, только, ради бога, нас не трогайте». Мы разоблачили ошибочность и вредность этой идеи: капитал не бывает только американский или только европейский, или только африканский, капитал интернационален, его интересы сходятся в одном: в борьбе против рабочего класса. Американские предприятия перебрасываются в Китай, английские — в Египет и в Индию, переходят в колонии [100]). Капитал переносит предприятия в колонии и там начинает развивать новый капитализм на почве беззастенчивой эксплоатации цветного труда наиболее отсталых, слабых, некультурных народов. Можно ли перед лицом такого явления говорить: «Давайте разделим земной шар, насадим пять интернационалов, или отдадим Профинтерну Восток и Россию, а себе оставим Европу без России. Разделим — и сиди каждый на своем месте, не шевелясь». Как это напоминает психологию империалистов! Вот тебе твоя сфера влияния, ты здесь действуй, а вот моя сфера влияния, ты в мою сферу влияния не переходи, но если мне будет удобно, я загляну в твою сферу влияния! Мы — не империалисты, делить мир ни с кем не хотим, но не хотим и себя дробить на удельные княжества. Мы рассматриваем себя как один из отрядов международного рабочего движения, имеем общие интернациональные, мировые интересы и хотим ни больше, ни меньше, как быть внутри единой мировой пролетарской организации. И тут «континентальными интернационалчиками» вы нас не обманете, ибо все это ведет к тому, чтобы не развивать, а тормозить борьбу рабочего класса!

После нашего доклада британская делегация, собравшись отдельно, обсудила его и выработала декларацию в форме ответа на наш доклад. Общий смысл британской декларации сводится к следующему: британская делегация заявляет, что будет вполне поддерживать нас в нашем стремлении добиться в качестве первого шага к единству встречи с представителями Амстердама без всяких предварительных условий. Первый пункт этой декларации

рекомендует, чтобы русские профессиональные союзы обсудили ответ Амстердамскому Интернационалу в том смысле, что мы, русские, согласны войти в такой Интернационал, который в свой устав включил бы и цели, предусмотренные уставом Амстердамского Интернационала (следовательно, имел бы и другие цели, которые не содержатся в перечне целей Амстердамского Интернационала), и конституция которого несущественно отличалась бы от конституции Амстердамского Интернационала (следовательно, теперешнюю конституцию следует пересмотреть). Отсюда декларация делает вывод: так как самая конституция и устав Амстердамского Интернационала создавались без участия русских профессиональных союзов, а русское движение чрезвычайно сложно и многонационально и интересы его в уставе Амстердамского Интернационала не предусмотрены, то отсюда вытекает необходимость пересмотреть устав Амстердамского Интернационала в том направлении, чтобы он мог об'единить все союзы, не только русские, но и все другие, не входящие ныне в Амстердамский Интернационал. Это значит, что все союзы, которые теперь не входят в Интернационал, должны быть об'единены, а для этого его устав и конституция должны быть пересмотрены. Где, кем должны быть они пересмотрены, в каком направлении,— вот об этом-то мы и должны теперь говорить. Где и кто компетентен пересмотреть устав? Нужен ли этот устав или следует написать новый? Об этом должна итти речь в будущем.

Дальше английская делегация заявляет, что если Амстердамский Интернационал откажется в вышеуказанных целях созвать конференцию, то британские тред-юнионы возьмут на себя инициативу созыва конференции, формальной или неформальной, из представителей ВЦСПС и Амстердамского Интернационала, при чем со своей стороны обещают обеспечить максимальный успех делу единства.

Обсудив и одобрив английскую декларацию, мы в своем ответе обещали от лица делегации профессиональных союзов СССР поставить этот вопрос перед ВЦСПС и рекомендовать ему также одобрить ее в общем и целом. Кроме того, в этой ответной декларации мы указали, что у наших рабочих и в наших профессиональных союзах есть большое сомнение в искренности Амстердамского Интернационала, но тем не менее мы будем и впредь всячески

приветствовать встречу с его представителями, как первый, хотя бы робкий шаг к единству международного рабочего движения.

Мы сказали, что охотно пойдем и на конференцию, которая будет созвана по инициативе англичан, и, наконец, указали на то, что единство интернационального движения предполагает и единство национального движения, чего мы не видим ни во Франции, ни в Италии, ни в Чехо-Словакии, ни даже в самой Германии [128]).

Мы должны были иметь какой-нибудь документ, который об'яснил бы наши истинные цели. После обмена заявлениями мы здесь же выбрали комиссию для выработки общей декларации. Состав комиссии очень характерен и поучителен для буржуазной прессы, которая все время изображает нас какими-то мудрыми змиями-искусителями, обманывающими и опутывающими бедненьких английских профессионалистов. Никто из нас никого не обманывал, и вообще мы считаем, что в отношениях между двумя рабочими организациями, из которых одна об'единяет 6½ миллионов, а другая — 5½ миллионов членов, недостойно и позорно, чтобы кто-нибудь кого-нибудь обманывал. На обмане дела не построишь и доверия миллионов рабочих не завоюешь. Спаять в тесной, братской дружбе в одну семью 12 миллионов людей, 12 миллионов рабочих, — да разве такое дело делается обманом и мошенничеством? Конечно, когда все эти милые господа оценивают нашу конференцию, они судят по себе, на свой аршин меряют. Вот у них без обмана ни на шаг! Сошлись один с другим, так кто-нибудь кого-нибудь да надует. К этому классу мы не принадлежим. Мы ни «бронзовых векселей» не выдаем, ни обманом не действуем.

Мы выбрали комиссию. Мы предложили создать комиссию из четырех лиц и выбрать председателем тов. Свейлса. И вот таким образом комиссия была составлена: с нашей стороны — Томский и Мельничанский, а с их стороны — Персель и Брамли, а председателем — тов. Свейлс. В течение трех часов была составлена и принята декларация из двух частей комиссией в составе трех англичан и двух русских.

Какое же тут надувательство? На свой аршин буржуа меряют! Вы читали эту декларацию и знаете ее. Буржуазная пресса ее расценила по-своему и опять повторила свою глупую травлю. Мы о себе не говорим, нас они могут ругать сколько угодно, нам от этого ни холодно, ни жарко. Они, вероятно, вообразили, что

Английская женская делегация во главе с тов. Мэри Квейл в столовой завода АМО (май 1925 г.).

они нас очень огорчают, когда пишут эти глупости. Некоторые статьи были очень остроумны, например, одна статья, носившая название «Зачем их пустили?» Конечно, она была бы гораздо искренней, если бы называлась «Зачем они вообще существуют на свете?» Но поскольку мы существуем, постольку с нами нужно и считаться, а поскольку приходится с нами считаться, постольку, хотя мы и не милы душе вашей, а пускать приходится.

Право въехать в Англию, предоставленное нам, оказалось настолько важным вопросом для английского буржуазного общественного мнения, что в парламенте имели место два запроса со стороны консерваторов к министру внутренних дел. Спрашивали: «Зачем их пустили?» Тот отвечал: «Пустили на предмет переговоров с представителями наших британских тред-юнионов». Тогда задают другой вопрос: «А не думает ли министр внутренних дел, что помимо этой официальной цели у представителей русских союзов есть и другие цели?» Министр внутренних дел был настолько благоразумен, что ответил: он не может знать о тех целях, которые не были высказаны. Но он не был настолько смел, чтобы ответить, что он уверен, что других целей у нас нет. Он ответил: «Я не знаю об этих целях, может быть, они и есть, но мне они неизвестны». Этим не удовлетворились: — второй запрос в парламенте закончился тем, что один из членов рабочей партии с левой скамьи выступил и спросил, давно ли заведен такой порядок в британском парламенте и будет ли приличным запросить, когда приедут коронованные особы, представители других государств, зачем они приехали, и делать запросы, какие у них цели. Спикер счел этот вопрос неприличным и неподлежащим обсуждению.

Если бы мы обращали внимание на буржуазную травлю, то обязательно умерли бы за это время от скоротечной чахотки. Между тем, когда после обеда тов. Яроцкий переводил нам избранные места из буржуазной прессы, это весьма содействовало нашему пищеварению. Одна буржуазная газета говорит, что она не видит препятствий к единству, но «это единство такое, какое было заключено между львом и ягненком, когда ягненок оказался внутри льва». Дальше говорится, что, по нашему представлению о единстве, оно возможно будет только тогда, когда свободные рабочие Западной Европы (например, рабочие Болгарии и Эстонии — там вы видите «свободных» рабочих!) [148]) попадут в тенета

полуазиатской, безумной веры, сущность которой заключается в борьбе, и которая презирает, ненавидит дух международной любви. Во-первых, мы не признаем никаких духов, кроме «духа» международной борьбы. Но мы не ощущаем «международной любви» ко всем позорным проявлениям капиталистического строя. Где же этот «дух международной любви» существует? Может быть, он существует в отношениях Японии и Америки? [101]) Может быть, он существует между английскими представителями и Египтом? [226]) Может быть, этот «дух» проявляется вокруг вопроса о моссульской нефти? [141]) В чем же проявляется тот дух, который мы будто бы хотим уничтожить?

Что началось после конференции? Не хочу затруднять вашего внимания чтением документов, скажу лишь, что тут началось нечто невообразимое... Первым политическим актом явилось выступление одного небезызвестного вам политического деятеля Англии, мистера Макдональда [206]). Он написал статью под названием «Пасхальное приветствие». Очень интересно то, что в этом пасхальном приветствии он рекомендует английским рабочим не то, как провести праздники, а рекомендует им создать англо-немецкий блок профессиональных союзов под общим руководством Амстердамского Интернационала. В этой статье говорится, что он вообще никогда не увлекался громкими фразами о единстве, но не возражает против него и считает, что был бы очень полезен обмен делегациями между германским профессиональным движением и английским для установления англо-немецкой дружбы. Он считает целесообразным, чтобы эта дружба протекала под руководством Амстердамского Интернационала.

По поводу этого выступления невольно напрашиваются некоторые вопросы, которые было бы интересно задать мистеру Макдональду: что, этот англо-немецкий профсоюзный блок против результатов работ Англо-Русской конференции или за них? Если он — за работу конференции и за англо-русский блок, тогда мы, русские союзы, — за англо-немецкий блок. Но в таком случае, что же останется от Амстердамского Интернационала, и против кого направлен этот блок? Если нам память не изменяет, такой блок между английскими и немецкими рабочими давно существует, так как они входят в один Интернационал. Насколько нам известно, резолюция англичан на заседании Исполкома Амстердама

была провалена всеми голосами, в том числе и немецкими. После этого кажется странным, что теперь мистером Макдональдом признана необходимость англо-немецкой дружбы. Говорят, что хорошие мысли иногда являются очень поздно. Весьма возможно, что и эта мысль принадлежит к хорошим: у мистера Макдональда она явилась очень поздно. Следовало, чтобы она явилась тогда, когда он был у власти, когда рассматривался вопрос о репарациях [24]), о плане Дауэса [193]). Вот тут-то и была бы уместна мысль о необходимости англо-немецкой дружбы... Одновременно с мистером Макдональдом один из английских профессионалистов-железнодорожников, Крамп [196]), выступил с идеей «континентального Интернационала Европы», Интернационала без России и без Востока.

Трудно передать, какие пошлости и глупости находили место в буржуазных газетах. Все, что можно было сказать пошлого и глупого, они исчерпали до дна. Буржуазия нам хорошо известна. В своей борьбе она никогда не отказывается ни от каких средств: подкуп, лесть, клевета, измена, — все это входит в арсенал буржуазной политики. В данном случае пытались оглушить, затравить, напугать английских профессионалистов, пытались подорвать авторитет по другой линии,— старались подразнить, разжечь в них чувство самолюбия, изобразить их обманутыми дурачками и посеять недоверие к русским профессиональным союзам.

Для того, чтобы вы яснее представили себе, какова была политика «международной любви», которую отстаивала буржуазная пресса, я позволю себе процитировать некоторые места, посвященные Англо-Русской конференции.

«Официальное сообщение о декларации, принятой на Англо-Русской конференции,— говорит одна из газет,— написано языком боевой классовой борьбы и содержит опасные двусмысленные фразы, как, например, та, которая указывает на существование рабочего класса, решительно желающего вести борьбу против всех тех, кто стоит на пути его полной эмансипации». Вот чего они, оказывается, не любят. «Бороться на языке коммунистов означает восставать с оружием в руках и вести войну. До сих пор это означало для британских тред-юнионов нечто другое», а для Амстердамского Интернационала означало еще иное. «Но при употреблении в документе, который так сильно пахнет большевистским

духом», это слово «приобретает безобразный оттенок». На самом деле, какие страшные слова в документе, написанном вместе с большевиками,— бороться против тех, которые стоят на пути к полной эмансипации рабочего класса! «Очень знаменательно число тред-юнионов, которое было представлено на Англо-Русской конференции,— пишет другая газета.— Согласно сообщению, русские тред-юнионы насчитывают свыше 6 миллионов человек, а британские — свыше 5 миллионов человек. Общее число их — около 11 миллионов. Число всех принадлежащих к Амстердамскому Интернационалу выражается в 16½ миллионов. Таким образом, русские вместе с английскими тред-юнионами составляют столько же, сколько Амстердам, если исключить из него английские тред-юнионы». Правильно, насчет арифметики не спорим.

Газета «Дейли Телеграф» сообщает: «По странной иронии судьбы, этот документ (который она сравнивает с бомбой) вышел на праздниках, а так как британские рабочие в это время отдыхают, то он является безвредным». Безвреден — так безвреден, к чему же волноваться? Дальше газета говорит: «Он является вызовом британским тред-юнионам. Этому вызову надо дать сильный отпор, чтобы британские рабочие не были захвачены лозунгом диктаторов Москвы». Одиннадцать представителей тред-юнионов вместе с мистером Юнгом (это — эксперт, который был с английскими представителями у нас в России. Я утверждаю, что этих экспертов затравили в Англии за то, что они вместе с рабочими осмелились сказать правду; они лишились всех должностей, права печататься в газетах, их бойкотируют английская буржуазная пресса, английское буржуазное «общественное мнение») «сделали это дело, несмотря на дух резолюции, вынесенной на конгрессе в Гулле, которая была против этого». Как видите, газета выступает в роли охранителя постановлений Гулльского конгресса профессиональных союзов. «Они согласились с Томским без всяких условий и оговорок и сдались Томскому. Сдавшись Томскому, они сдались и Зиновьеву, который в ближайшие несколько дней будет кричать о победе. Томскому удалось уложить британских делегатов Генерального Совета в свой карман». Дальше эта газета говорит, что «вся эта конференция созывалась не для целей Британии, а для целей России», что «вся эта декларация и вторая ее часть, говорящая о необходимости создания Англо-Советского совещательного

комитета [228]) по делам, связанным с совместным выступлением профессионального движения двух стран по вопросам международного движения, рассматривается как военный союз между двумя государствами».

Мы не спорим, что рабочему классу нужно создавать боевые союзы. Рабочие одной страны сошлись с представителями рабочих другой страны для того, чтобы обсудить интересы международного рабочего движения. Вот смысл и содержание всей истории. Здесь они договорились, нашли общий язык, нашли общие меры и методы осуществления своих планов. Вот смысл всего того, что было на Англо-Русской конференции, а в буржуазной прессе это изображается так: две стороны встретились, старались обмануть одна другую и, наконец, одна другую обманула. Кто-то кого-то обманул, и создали какой-то договор. Как это мило и как на них самих похоже! Правильно гласит изречение, что каждый человек и каждый народ создает себе бога по образу и подобию своему. Британская буржуазная пресса не только бога создает так, как это ей угодно, но и судит обо всем остальном по образу и подобию своему. Взять хотя бы опыт взаимоотношений, соотношений сил на любой буржуазной конференции. Я тоже имел «удовольствие» участвовать на одной из них [166]). Когда мы искали там компромисса, то целыми часами, заложив руки в карманы, ходили по залам министерства иностранных дел и искали формулу («протори», «убытки», ущерб» и т. д.), которая одновременно должна была и удовлетворять и не давать удовлетворения,— «формулу», одним словом. И в результате длительной работы формулу-то мы нашли, а толку получилось мало. За всю продолжительную работу написали всего один документ и тот оказался лишь бумагой.

Вот с какой меркой подходят и к рабочей конференции, выдумывая, что там кто-то кого-то должен надуть, победить, кто-то становится победителем и кто-то является побежденным. В данном случае они не видят братской солидарности рабочих. Вот чего они не могут никак понять, хотя это так просто. Буржуазная пресса непременно ищет победителей и побежденных. К сожалению, мы видим, что и в некоторых профессиональных кругах тоже существует такой взгляд: «конференция после предварительных условий». Так не делается дело пролетарской солидарности, а делается оно так, как мы делали с англичанами,— с полным доверием мы

выбрали вместе председателя. Не стали английские товарищи говорить о том, что вы даете докладчика, мы — содокладчика, ораторам столько-то времени и т. д., а просто сказали: пусть русские расскажут, что они думают на этот счет.

Дали нам слово, и мы в течение часа изложили наш взгляд. Они не потребовали ни содокладчика, ни ораторов, а сказали: давайте обсудим отдельно, и вот наше письменно изложенное мнение по этому вопросу. Мы им ответили тем же. Теперь давайте вместе напишем документ. Сели пять рабочих за стол и написали. Кто тут кого надул? Тени этого нет! Эта травля буржуазной прессы имеет целью запугать английских профессионалистов. Я боюсь, что английская буржуазная пресса не знает характера английского пролетария. Представителей английских рабочих этим не запугаешь! Чем громче будет вопить буржуазная печать, тем упорнее, непримиримее и неуклоннее будет гнуть свою линию английский рабочий. Они попытались затравить товарищей, приезжавших к нам в прошлом году, но ничего из этого не вышло. Пугали конференцию, создали шум, думали ошеломить кого-то, а добились как раз обратного: эти идиотские статьи пошлой, бульварной буржуазной прессы чрезвычайно помогли нам понять друг друга и об'единиться, ибо каждый рабочий знает, — если тебя ругает буржуазия, значит ты делаешь хорошее, полезное для рабочего класса дело! *(Аплодисменты)*. Буржуазные газеты так и полагали, что все это дело построено на том, что кто-то кого-то околпачил. Пишут, что будто бы большевики надеются (это, очевидно, мы, русские, надеемся), что искусному Томскому удастся околпачить континентальных социалистов. Все основано только на этом. Если мы хотим кого-нибудь околпачить, так только буржуазию. Ее мы хотим околпачить и расколпачить! *(Аплодисменты)*. Это нам удастся тогда, когда мы, опираясь на союз между двумя профессиональными организациями, об'единяющими 12 миллионов рабочих, сумеем вот этой массой заставить всех и каждого, кто еще не понял необходимости единства международного рабочего движения, понять важность и значение этого шага. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что хотя Англо-Русский Комитет еще не создан,— ведь только вчера мы производили выборы наших представителей в него на Пленуме ВЦСПС [220]),— несмотря на это, вопрос о единстве международного профессионального движения настолько

волнует многие круги рабочих, что коммунистические, синдикалистские и реформистские союзы выносят резолюции приветствия Англо-Русскому Комитету, который еще только формируется, который еще ни разу не собирался. Вот в чем опасность для буржуазии и вот почему вопит вся буржуазная пресса. 12 миллионов рабочих, это — такой ком снега, который будет обрастать новыми и новыми пролетарскими слоями! *(Аплодисменты).*

Мы ни от кого ничего не скрываем и никого не хотим обманывать. Мы открыто говорим, что единство имеет целью организовать рабочий класс в мощную международную рабочую организацию. Для чего? Меньшевики ответили бы — организация для организации [53]), вообще самый факт организации для кого-то полезен. Но мы не так наивны и никогда организации для организации не строили. Мы всегда строили и будем строить свои организации против буржуазии. Вот в чем вся суть! *(Аплодисменты).* Никто не скрывает, что дело единства ведет к тому, что мы и английские рабочие хотим единого Интернационала, который координировал бы экономическую и политическую борьбу рабочих против войн, насилий, угнетения, захвата. Нас Маркс учил, что экономическая борьба переходит в борьбу класса против класса, в политическую борьбу. Против кого все это направлено? Против буржуазии! Нечего запугивать страшными словами английских профессионалистов и нечего кричать соц.-дем. прессе, что мы кого-то чем-то обманываем. Никого мы ни в чем не обманываем! Говорят — у них тактика совсем другая. Нашу тактику мы не изменим, от убеждений своих не отказываемся и не даем никому ни зароков, ни обетов, что мы в едином Интернационале не будем вести борьбу за то, что считаем правильным и справедливым. Мы расходимся с реформистами [11]) во многом: одна сторона думает, что реформочками можно притти к коммунизму; мы полагаем, что не реформочками, а примерно так, как мы в Октябре, может быть, не точно так, но чтобы смысл был таков же: за горло его, капитал, и коленом в грудь! *(Аплодисменты).* Свою тактику руководства экономическим профессиональным движением мы применили на опыте и проверили ее в огне русской революции. Мы не боимся и в международном масштабе применить и проверить эту тактику, противопоставив ее тактике Удегеста. Пусть нам докажут, что наша тактика не годится, а другая годится.

Пусть нам докажут опытом. Наши враги говорят, что приедут русские рабочие и разложат, развратят других рабочих, что мы идем в Амстердамский Интернационал для того, чтобы всех там разложить, и т. д. Мы идем и хотим итти вместе со всем международным рабочим движением. Мы не боимся, что нас разложат, что на нас повлияют. Пожалуйста, влияйте сколько хотите! Если это полезное влияние, мы за то, чтобы рабочие разных стран обменивались опытом друг с другом, учились друг у друга и т. д. Мы не против этого. Пожалуйста, влияйте на нас сколько хотите, но и нам позвольте влиять! Что же тут дурного?

Да позвольте, кого мы разлагаем? Ведь мы не говорим, что нас могут разложить! И у нас, среди профессионалистов, раздавались голоса: как же мы с оппортунистами за один стол сядем? А мы им отвечали: что ж такого, ведь за ними есть рабочие. Мы будем с ними разговаривать, ибо за ними есть рабочие.

Там, где есть три рабочих, четвертый должен быть большевик, учил нас тов. Ленин, а там, где не три, не четыре рабочих, а большая масса рабочих, мы будем бороться за влияние на рабочую массу. Кто же отказывается от этого? Боритесь с нами за влияние на рабочую массу. Мы не боимся проверки наших принципов. Мы одновременно с меньшевиками проверяли на опыте свои принципы, судил нас русский рабочий класс,— он принял наши принципы, а не меньшевистские, меньшевистские же принципы он вместе с меньшевиками выбросил в сорную корзину. Давайте испытаем наши и ваши принципы в международном масштабе. Негодные принципы рабочие смогут бросить в корзинку. Смогут бросить в корзинку и тех людей, которые эти принципы предложат. Какие же тут секреты? Кого же мы обманываем? А мы уверены, что на Англо-Русской конференции двенадцать миллионов рабочих впервые нашли общий язык. Не на этой конференции английские рабочие заговорили о классовой борьбе. Они, как герой одной комедии, всю жизнь говорили прозой, только не знали, как это называется. Последняя забастовка на подземных дорогах в Лондоне — что это, не классовая борьба, протекавшая с величайшим ожесточением? Что теперь происходит в Великобритании? Вот одна газета замечает: «Борьба, которую большевики ведут в Англии, фактически является борьбой против Макдональда». Мы, конечно, чрезвычайно «огорчены», но факт остается фактом.

Английские тред-юнионы все больше и больше освобождаются от влияния многих людей, которые наживали политический капитал на хребтах английских рабочих и их организаций. Рабочие начинают говорить своим языком. И если английскому рабочему классу для того, чтобы сохранить свою Рабочую Партию, придется кое-кого из политиканов бросить в мусорную корзину, то, по нашему мнению, ничего худого от этого не будет. Что же поделаешь? На весь мир кашу не упаришь. Кого-нибудь да огорчишь, а мы уверены, товарищи, что двенадцать миллионов рабочих, русских и английских, вступив на путь борьбы за единство международного рабочего движения, найдя общую платформу, создав для этого соответствующую организацию в лице совещательного Англо-Русского Комитета, сделают крупный шаг на пути осуществления единства международного профессионального движения. Правда, правое крыло британского профессионального движения будет всячески пытаться опорочить действия Генерального Совета, мобилизовать силы к ближайшему конгрессу британских тред-юнионов. Правда, много трудностей, много преград стоит еще на пути. Возможно, будут колебания на этом пути и величайшие затруднения. Но все же остается тот факт, что 12 миллионов рабочих твердо говорят: мы будем бороться за единство. И будут бороться!

Что означает этот факт? Он является крупным шагом вперед по пути к осуществлению международного рабочего единства без всяких обманов, а на почве братской солидарности угнетенных, и не для каких-нибудь секретных дипломатических целей, а — просто и ясно — для свержения класса эксплоататоров. Вот для этого, и только для этого, организуется рабочий класс. А наиболее прямо, наиболее скоро и наиболее успешно рабочий класс сможет все это осуществить через единый, дееспособный, независимый от класса капиталистов Интернационал, об'единяющий рабочих всего мира на почве классовой борьбы за окончательное освобождение рабочего класса. Мы надеемся, что с английскими рабочими кое-что в этом направлении сделали и сделаем, а двенадцать миллионов рабочих заставят понять всех тупых, косных, отсталых необходимость единства международного рабочего движения. *(Бурные аплодисменты).*

Издано отдельной брошюрой. Изд. ВЦСПС.
Москва, 1925 г.

Приветствие «Тред-Юнион Юнити».

Интерес международного рабочего движения требует единства — это само собою понятно каждому рабочему. Капитал переходит в наступление, и рабочий класс будет в состоянии обороняться только в том случае, если он противопоставит этому наступлению капитала сомкнутый фронт пролетарских организаций, воодушевленных одной мыслью — мыслью об окончательном сокрушении социальной системы, основанной на подавлении и на эксплоатации человека человеком. В борьбе труда с капиталом никогда не может быть ничего общего между теми, кто продает свою рабочую силу, и теми, кто эту силу покупает.

Рабочий класс,— при всем различии национальностей и рас, политических воззрений и религиозных верований,— всегда был проникнут одним стремлением — разрушить капиталистическое общество, основанное на рабстве, эксплоатации и насилии. В этой борьбе труда с капиталом пролетариат может победить, только направляя все свои силы на общего врага, сводя эти силы в единую пролетарскую организацию.

Вот почему единство совершенно необходимо рабочему классу, если он хочет освободиться от экономического рабства и от опасности войны — этого неизбежного детища капиталистического общества.

Вот почему делегация ВЦСПС на совещании с британскими тред-юнионами [234]) не только теоретически осознала стоящую перед ней задачу, но и выразила свою твердую волю к созданию международного единства рабочего движения.

Мы, поэтому, приветствуем «Тред-Юнион Юнити» [241]), как первый, быть может, еще слабый, но все же твердый голос, решительно высказывающийся за единство мирового рабочего движения. В глазах русской делегации «Тред-Юнион Юнити» является первым лучом света, первым шагом вперед в деле создания публичного

органа всех сторонников единства международного рабочего движения.

«Тред-Юнион Юнити» понял насущную необходимость момента. Он обращается с призывом ко всем тем, кому дорого единство пролетариата в его классовой борьбе.

«Тред-Юнион Юнити» призывает всех рабочих и все рабочие организации итти единственным путем, соответствующим интересам класса наемного труда,— путем единства мирового рабочего класса. Поэтому мы шлем сердечный привет «Тред-Юнион Юнити», поэтому мы желаем ему успеха в его борьбе за рабочее дело.

Мы знаем, что «Тред-Юнион Юнити» был и должен впредь оставаться органом международного единства, органом всех, искренно и честно верящих в единство и борющихся за него. Оставляя Англию после конференции, на которой с полной очевидностью обнаружилась общность интересов рабочих Великобритании и СССР, проникнутых общей волей к международному единству, мы шлем пламенный привет «Тред-Юнион Юнити», пионеру, организатору и вдохновителю единства международного рабочего движения.

Представители ВЦСПС, твердо убежденные в том, что на фундаменте братского союза рабочих Англии и СССР должны быть заложены основы единства мирового рабочего класса, шлют свой сердечный и братский привет пионеру международного рабочего движения — «Тред-Юнион Юнити».

Мы твердо надеемся на то, что «Тред-Юнион Юнити» проникнет в массы и станет массовым органом, так как массы в их ежедневной экономической классовой борьбе ощущают всю настоятельную необходимость международного единства рабочего движения.

От имени 6½ миллионов рабочих СССР, которых представляет наша делегация, мы шлем сердечный привет «Тред-Юнион Юнити».

Вперед — в рабочие массы!

Да здравствует единство мирового рабочего движения!

М. Томский.

Опубликовано в журнале «Тред-Юнион Юнити» в мае 1925 г.

Год борьбы за единство международного проф-движения.

Товарищи! Позвольте мне приветствовать ваш конгресс [242]) от имени тех шести с половиной миллионов русских рабочих, которых об'единяет Центральный Совет Профессиональных Союзов СССР.

Русские рабочие поручили мне передать в вашем лице британским рабочим свой братский пламенный привет и выражают горячее пожелание, чтобы данный конгресс скрепил ту братскую связь, которая установилась между рабочим движением Британии и рабочим движением СССР.

Прошел год с момента последнего конгресса в Гулле [190]), и сейчас, на этом конгрессе, нам важно подвести итоги тому, что дала международному рабочему движению связь [288]), которая установилась между рабочими обеих стран, окрепла ли она и дает ли она что-нибудь положительное. Важнейшим шагом на пути к укреплению за этот год этой братской связи явилась поездка в СССР вашей братской делегации [218]), избранной конгрессом, делегации, возглавлявшейся товарищами Перселем [37]) и Бромлеем [243]). Вы знаете, товарищи, о том, какой теплый прием был оказан этой делегации всеми рабочими Союза Советских Социалистических Республик, независимо от их национальностей. Вам известен и отчет вашей делегации, и вы знаете, что в результате этого обследования мы имеем два интересных факта. Первый: на весь мир, всем рабочим братская английская делегация сказала свое веское слово, правду о жизни рабочих и об общем положении в СССР. Из сказанного устами лучших представителей английских рабочих вы видите, что за эти годы неуклонно, быть может, медленнее, нежели нам хотелось бы, но крепнет, развивается, растет — и в культурном и в экономическом отношении — государство крестьян и рабочих, Республика Советов крепнет, несмотря на величайшие трудности,

день ото дня. Я не стану обременять ваше внимание рядом цифр и доказательств. Их достаточно много в отчете вашей делегации.

Конечно, наш рост, товарищи, наше развитие идет слишком медленно, много медленнее, чем мы того хотели бы. Многое мы не поспеваем сделать в нашей колоссальной стране, где впервые в истории человечества у власти стоят простые рабочие и крестьяне. Многого, может быть, мы не умеем, на многое у нас не хватает средств, как у страны разоренной интервенцией, блокадой и войной. Я назову только две цифры. Потребность сельского хозяйства за истекший год выразилась в заявке к нашему правительству на тридцать тысяч тракторов, а наши заводы могли выпустить немного больше двух тысяч, около же трех тысяч нам нужно было бы ввезти из других стран. Конечно, это — медленный темп промышленного развития, едва поспевающий за потребностями страны.

Ваша делегация впервые, громко на весь мир, сказала веское авторитетное слово пролетарской правды, против лжи, клеветы, которые со всех сторон сыплются на Республику Советов и её рабочее движение. Я не стану напоминать вам всю ту бешеную кампанию лжи и клеветы, которая была поднята против этих товарищей. Их упрекали в некомпетентности, легкомыслии, непоследовательности. Поехала в Россию делегация британских женщин во главе с Мэри Квэйл [244]), и эта делегация дословно подтвердила то, что говорила первая. После этого в СССР побывала громадная делегация германских рабочих, выбранных на заводах. Она в большинстве состояла из социал-демократов и беспартийных [245]). Германская рабочая делегация слово в слово повторила и поддержала все то, что сказали о СССР ваши британские делегаты, и, конечно, она разделяет их судьбу. Точно также и против нее поднимаются обвинения в некомпетентности, легкомыслии и т. д. Мы, наша республика, продолжаем находиться в своеобразном положении. Своеобразие этого положения заключается в том, что даже правду о нас зазорно говорить. Те, кто говорят правду о Союзе Советских Республик, подвергаются гонению, особенно если это рабочие. В этом отношении политика всей капиталистической прессы, во всех странах, одинакова.

Кто правду о СССР говорит, тот является врагом всего «порядочного общества». *(Смех)*. И в этом отношении господа

капиталисты напоминают нам человека, который рекомендует: «если вы пойдете в зоологический сад и увидите на клетке надпись «верблюд», а в клетке павлина, то не верьте своим глазам и удивляйтесь, почему это верблюд и почему у него такой красивый хвост». *(Аплодисменты и смех).*

Но ваша делегация, помимо освещения перед всем пролетариатом истины о Союзе Советских Республик, сыграла колоссальную роль в установлении братской связи между рабочими СССР и рабочими других стран. Все делегации, бывавшие в Советской Республике, единогласно свидетельствуют и утверждают, что все русские рабочие, начиная от Ленинграда и до самых глухих уголков Урала, от Москвы до Кавказа и Крыма, все одушевлены горячим стремлением, искренним желанием установить крепкое единство международного рабочего движения. Я говорю это к тому, что в западно-европейской прессе не раз раздавались голоса о том, что кампания единства является какой-то политической комбинацией вождей русских союзов. Те, кто был в Советской России, а там была английская, германская и шведская делегации [246]),— все единодушно и единогласно свидетельствуют, что широчайшие массы русских рабочих горячо воодушевлены этой великой идеей.

Вторым шагом по пути установления крепкой братской связи между британскими и советскими рабочими явилась Англо-Русская Конференция [234]). Вы знаете решения этой Конференции — они опубликованы в материалах вашего с'езда. Вы знаете, что она тоже встретила массу нападок со стороны врагов рабочего класса. Но на этой Конференции произошел величайшей важности исторический факт: представители британского рабочего движения и представители профессиональных союзов СССР *нашли общий язык и единогласно приняли целый ряд решений.* И когда после этого нам приходится слышать голоса, что важнейшим препятствием к единству является своеобразная якобы непримиримость представителей русских рабочих, то мы категорически заявляем, что эти обвинения несправедливы и неосновательны. Когда рабочие искренно захотят понять друг друга, они всегда найдут этот общий язык, найдут общее понимание. *(Аплодисменты).* С обеих сторон было одинаковое желание найти общий язык, с обеих сторон было одинаково горячее стремление положить начало осуществлению единства международного рабочего движения. Мы нашли общий

язык, и Англо-Русская Конференция единогласно приняла целый ряд важнейших документов. *(Аплодисменты).*

В своей посылке о необходимости международного единства мы исходим из следующих соображений.

Мы считали,— я имел честь об этом говорить на прошлогоднем вашем конгрессе в Гулле [190]), и это же мы единодушно зафиксировали на Англо-Русской Конференции [234]), что международное единство необходимо вследствие того экономического положения, в котором сейчас находится рабочий класс (это положение отчасти уже обрисовал здесь тов. Браун [247]), и мне остается лишь кратко иллюстрировать его слова). В самом деле, к тому, что говорил тов. Браун, мне остается добавить немного. Бесспорна истина, что капиталисты всех стран и особенно стран передовых, хотят, а, быть может, законами конкуренции до известной степени вынуждены равнять заработную плату передовых рабочих с заработной платой рабочих отсталых. Мы видим, как целые страны превращаются в полуколонии. Мы видим это на опыте Германии, в которой версальский мир и план Дауэса [193]) понизили заработную плату немецких до 50% заработной платы рабочих Англии. Мы уверены,— для этого не нужно быть пророком,— что пресловутый, о котором сейчас так много говорят, гарантийный пакт [248]) не улучшит, а ухудшит положение германских рабочих. Мы видим, как одновременно с этим в погоне за низкой заработной платой и высокой прибавочной стоимостью капитал переносит свои предприятия в те страны, где рабочие менее культурны, мало организованы, где капиталистическая эксплоатация процветает поэтому в полной мере. Мы видели и видим волнения в Китае [101]), началом которых послужила забастовка текстильных рабочих, требовавших ни много, ни мало, как отмены телесных наказаний на фабриках и заводах. Это в конце-то первой четверти XX века есть еще такие уголки, где на оборудованной по последнему слову современной техники фабрике рабочие должны бороться за отмену телесных наказаний. Вот идеал «просвещенных» промышленников. Разве при таких обстоятельствах не напрашивается у всякого вывод о необходимости борьбы против эксплоатации этих отсталых рабочих, о необходимости помочь им в их борьбе за человеческое существование, в их стремлении равняться не по худшему, а по лучшему?

Но наряду с экономическим наступлением капитала мы наблюдаем и второе явление — политическую реакцию. Я думаю,— не нужно много иллюстраций. Достаточно того, что выразителем общественного мнения демократической республики Германии явился избранный недавно президентом Гинденбург [239]). Я не стану говорить о внутренних британских делах, ибо боюсь, что меня обвинят *во вмешательстве во внутренние дела и в пропаганде,* а я ни в какой степени не хотел бы быть обвиненным в нелойяльности к британскому правительству, так любезно разрешившему нам пребывание на территории Британии в течение целых 14 дней. *(Смех).* Но я думаю, что каждый из вас ощущает некоторую разницу между правительством рабочей партии, которое существовало во время Гулльского конгресса, и правительством, существующим теперь. *(Крики:* «Слушайте, слушайте»). Все это факты, которые являются выражением политической реакции.

Прошлый раз, на Гулльском конгрессе и на Англо-Русской Конференции, мы только говорили об опасностях войны. А теперь мы уже имеем события в Китае [101]) и Марокко [249]). Конечно, могут найтись такие оптимисты, которые скажут, что это — не война. Но если это не война, я хотел бы спросить, что же называется тогда войной? Когда стреляют пушки, когда трещат пулеметы, когда одетые в солдатские мундиры рабочие Франции и других стран теряют руки и ноги, когда льется кровь риффов, борющихся за освобождение,— я не знаю, как это называется у других, но мы это называем войной. *(Смех).* От этих маленьких войн далеко ли до больших, далеко ли до того момента, когда опять миллионы рабочих разных стран ради сверхприбылей капиталистов будут брошены на взаимное истребление? Нам кажется, что до этого — незначительный шаг. Разве для борьбы с этой опасностью не необходим сильный, единодушный, властный окрик рабочих всех стран, которые кровно заинтересованы в том, чтобы не остаться в лучшем случае с одной рукой или ногой?

Это второе обстоятельство, настоятельно требующее создания мощной, солидной международной организации рабочих. На Англо-Русской Конференции мы нашли общий язык и признали необходимость единства международного рабочего движения. Единый Интернационал должен явиться главнейшим этапом, главнейшей цитаделью рабочего класса в борьбе против экономического

и политического наступления капитала, против опасности новых войн, новых разорений, нового уничтожения человеческих жизней. *(Аплодисменты).*

Мы не скрываем от себя, что осуществление этого единства есть трудная, колоссальная, гигантская задача. Она сводится к созданию единого, боевого, боеспособного Интернационала рабочих, который сплотил бы рабочих всех стран в единую прочную организацию. Задача эта есть задача организации всего класса наемных рабочих и отпора наступлению организаций класса капиталистов. И в то же время, товарищи, если мы двигаемся очень медленно по пути единства, если мы очень медленно концентрируем свои силы, то во много раз быстрее идет экономическое наступление капитала на рабочий класс. Но лучше медленно двигаться вперед, чем стоять на одном месте. Создание единого Интернационала, это — трудная задача, которая требует для своего осуществления разрушения целого ряда перегородок, предрассудков, недоразумений, взаимных предубеждений, взаимного недоверия. Для этого требуется и уже потребовалось достаточное количество времени. Мы вели очень длительную переписку с Международной Федерацией Профессиональных Союзов [220]). Переписка эта составляет очень толстый и не лишенный юмора том. В этой переписке обе стороны говорят о единстве, но на деле единства пока не выходит. Мы, русские профсоюзы, наконец, поставили вопрос практически. Мы пришли к убеждению, что путем переписки, когда люди сидят в нескольких тысячах километров друг от друга и только пишут друг другу послания, к единству не придешь. Для того, чтобы разрушить эти перегородки, предрассудки, предубеждения и недоверие, нужно, чтобы люди по-деловому сошлись, выслушали друг друга, нашли деловые пути, деловые методы, выяснили бы деловым образом, в чем же заключаются те «непреодолимые» преграды, которые мешают об'единить два существующие Интернационала в один. Нам ответили на это: мы с другим Интернационалом разговаривать не будем. Мы не стали цепляться за формальности — не хотите разговаривать с нашим Интернационалом, разговаривайте с нашими русскими союзами. Началась длинная переписка. Нам говорили: мы с вами встретимся, если вы выполните такие-то и такие-то предварительные условия, если скажете, что входите в Международную

Федерацию Труда, приняв ее конституцию, т.-е. фактически выйдете из Профинтерна [231]). Что это значит? После этого как-будто не о чем разговаривать. Как-будто бы величайший вопрос о международной организации рабочего класса целиком и безостановочно покрывается заявлением русских союзов, что они желают вступить в Амстердам. Этим не покрывается вопрос.

Вопрос заключается в следующем: мы имеем сейчас два Интернационала — один Московский [38]), другой Амстердамский [18]). Не будем обсуждать, какой лучше и какой хуже, но факт, что два Интернационала существуют. Один может быть больше, другой — меньше, но они существуют. Кроме того, существует целый ряд организаций, которые не входят ни в тот, ни в другой и не хотят входить.

Задача сводится к тому, чтобы вместо двух создать один, достаточно широкий для того, *чтобы в нем нашли место все рабочие организации*. Когда стоит такая громадная задача, смешными кажутся все предварительные условия. Неужели одна рабочая организация не может встретиться с другой безо всяких предварительных условий, поставив вопрос о единстве на деловую почву? Здесь нам, русским союзам, приходится буквально удивляться: почему это так? Почему с нами не могут встретиться, и какая и кому от этой встречи грозит опасность? Почему нельзя встретиться для предварительных разговоров о том, как обеим сторонам приступить к осуществлению единства международного рабочего движения? А это, как мы видели из заявления тов. Брауна, есть шаг к единству. Ведь, в самом деле, мы уверены в том, что ни на иоту не пострадают ни красота, ни добродетель, представителей Международной Федерации Профсоюзов, если они с нами встретятся, как не пострадали ни красота, ни добродетель тов. Брауна, с которым мы имеем удовольствие ежедневно сидеть за одним столом. От этого тов. Браун не пострадал. Думаю, что и другие вожди не пострадали бы, если бы они сошлись с нами за одним столом и поставили вопрос деловым образом: что мешает нам создать единый Интернационал, который мог бы включить оба существующие Интернационала, скандинавские профсоюзы [250]) и другие организации, не входящие ни в один из Интернационалов? Что мешает нам об'единить профсоюзы, которые сейчас расколоты, разбиты, слить их в едином Интернационале? Тов. Браун прав, что

даже в отдельных странах есть по три-четыре национальных об'единения,— во Франции, например, два,— движение разорвано. Нужно сделать первый шаг. Нужно, чтобы люди бросили взаимные обвинения, подозрения, недоверие, сошлись за одним столом и начали бы, наконец, говорить по-деловому: ну, чего же вы хотите, как вы считаете нужным осуществить единство?

Разве этот вопрос разрешается только в постановке Международной Федерации Профсоюзов [13]),— бросьте свой Интернационал, те профессиональные союзы, которые не захотят из него выйти? Это звучит так, как-будто мы кем-то побеждены, как-будто мы — побежденная страна, побежденные профсоюзы, с которыми нельзя иначе говорить, нежели говорили страны-победительницы с Германией в Версале [24]). Не так же ведь это! Если мы хотим единства, мы должны забыть, кто прав, кто виноват, мы должны поставить вопрос деловым образом, а не судиться. Мы не хотим никого судить и, конечно, сами не сядем на скамью подсудимых. Мы не хотим суда. Если начнем разбираться в прошлым дрязгах, мы никогда не кончим с этим. А вот, давайте поставим важнейший вопрос международного рабочего движения: как же, наконец, реально, серьезно, на деле, а не на словах, подойти к осуществлению единства международной профессиональной организации пролетариата? Последний раз мы имели такое предложение: либо вы соглашаетесь на эти условия, либо переписка будет прекращена. У нас был один выход: мы апеллировали к британскому движению и полагаем, что были правы. Британский Совет тред-юнионов принял наше предложение. Мы верили в искренность постановки вопроса о единстве Британским Советом. Мы собрались на совместную конференцию [234]), где сумели найти общий язык. Мы, которые вместе представляли 11¼ миллионов организованных рабочих, мы нашли общий язык. Почему же предполагать, что представители других стран не найдут с нами этого общего языка? Нам и представителям британских союзов это удалось. Я полагаю, что и другие, при искреннем желании, смогли бы достигнуть того же.

Мы создали на этой конференции орган, который, правда, еще ни разу не собирался [228]). Мы признали необходимость организации Англо-Русского Совещательного Комитета для координации действий британских и советских союзов в направлении к осуществлению единства. Правильно ли это? Правильно, настолько правильно,

что самый факт создания такого совещательного комитета содействовал дальнейшему сплочению сторонников единства. Так, например, последний конгресс норвежских союзов в Осло [25]) единогласно присоединился к позиции Англо-Русского Комитета и признал необходимость всяческой и всемерной поддержки этого органа. Там были три течения — коммунисты, социал-демократы и группа Транмеля [252]), а, между тем, эту резолюцию конгресс голосовал единогласно. Это доказывает, что мы на правильном пути.

Чего же практически требовала резолюция, которую мы вместе приняли? Она требует, чтобы представители Международной Федерации профессиональных организаций и представители русских союзов сошлись вместе на конференцию, чтобы наметить первые шаги к осуществлению единства.

Товарищи! Нам часто приходится слышать упреки в том, будто бы мы, русские, хотим создать общий Интернационал лишь для того, чтобы проводить там свои идеи, будто бы мы скрываем свои идеи, а, между тем, от них не отказываемся и хотим навязать их общему Интернационалу. Во-первых, раз навсегда нужно покончить с легендой, будто мы от кого-то какие-то идеи скрываем. 25 октября 1917 года мы переменили оружие критики капиталистического общества на критику его оружием [94]). Мы освободили банкиров от банков, фабрикантов от фабрик, помещиков от поместий, освободили их всех от занимаемых ими государственных должностей. Правда, после этого нам пришлось очень трудно. Нам пришлось крепко драться [29]). Но наши рабочие знали, за что дрались. Были лишения и страдания. Но теперь все тяжелое осталось позади, и сейчас, на девятом году советской власти, мы не видим оснований раскаиваться и отказываться от того, что мы сделали. Нам чужды сомнения. Мы считаем, что поступили хорошо, и нам скрывать свои идеи, стыдиться своих идей, отказываться от своих идей и дел, конечно, нечего. И для создания единой международной организации профессиональных союзов необходимо, чтобы все были подстрижены под одну гребенку? В этом отношении я целиком присоединяюсь к словам тов. Брауна. Мы не требуем ни от кого отказа от своих идей, а наши идеи нам обошлись очень дорого, и мы всегда их будем отстаивать. Что же тут плохого? Есть пословица, что истина рождается из столкновения и борьбы мнений. Что же плохого в том, если эти мнения и идеи будут

встречаться и сталкиваться? Но все должны преследовать одну важнейшую цель — классовые интересы пролетариата. Ни о какой гегемонии с чьей-либо стороны не может быть речи, не может быть никаких разговоров, что кто-то что-то навязывает. Каждый может приходить со своими идеями. Ведь в ваших союзах об'единены же и пресвитерианцы, и католики, и атеисты, и т. п. Разве это мешает вашим союзам работать?

Мы стремимся создать мировую экономическую организацию рабочих, об'единяющую всех, независимо от их политических убеждений, цвета кожи, национальностей и религиозных убеждений, лишь бы *они были воодушевлены одной главнейшей, важнейшей идеей освободить труд от гнета капитала.* А это может быть осуществлено только противопоставлением реакции капитала сплоченной, крепкой стены миллионов и десятков миллионов рабочих. Это может быть осуществлено только сплочением всех сил, сплочением всех профессиональных союзов в том виде, в каком они существуют. Для идейной борьбы должно оставаться место в каждой профессиональной организации. Необходимо ли создание такого Интернационала? Мы полагаем, что необходимо. Мы полагаем, что это является основной исторической задачей всего международного рабочего движения. И поэтому, товарищи, от имени русских союзов я обращаюсь к вам. Вы были одним из застрельщиков в вопросе единства международного профессионального движения, мы с вами в истекшем году лойяльно и искренно шли вместе по этому пути. Если мы также вместе пойдем по этому пути и дальше, никакие преграды и перегородки не смогут помешать осуществлению великой идеи — созданию братской, сплоченной, крепкой организации миллионов и десятков миллионов рабочих. Я заканчиваю свое приветствие пожеланием, чтобы то дело, которое мы начали в Гулле и продолжили на Англо-Русской Конференции, нашло бы достойное завершение на этом конгрессе.

Да здравствует братский союз рабочих!

Да здравствует единство международного рабочего движения!

Речь на заседании конгресса тред-юнионов в Скарборо 9 сентября 1925 г. Опубликовано в «Труде» 26 сентября 1925 г.

Конгресс английских тред-юнионов в Скарборо.

Товарищи! Помимо официального доклада о конгрессе, я не могу не поделиться с вами [253]) некоторыми впечатлениями, предшествовавшими этому конгрессу. Вы знаете, что на конгресс в Скарборо [242]) направлены были глаза всего международного движения и, можно смело сказать, глаза не одного миллиона рабочих. Для сторонников единства конгресс в Скарборо играл и должен был играть решающую роль. Решающую роль и большие надежды также возлагали на него и противники единства. Для друзей русского и английского рабочего класса, для друзей единства, от решающего слова конгресса в Скарборо зависело одобрение того тесного союза между профдвижением СССР и британским профессиональным движением, который создался на Англо-Русской конференции в Лондоне [234]). Враги единства возлагали надежды,— об этом трубила вся их пресса,— на то, что конгресс в Скарборо дезавуирует, т.-е. отменит утверждение Генеральным Советом результатов работы Англо-Русской конференции, что конгресс в Скарборо не согласится на организацию Англо-Русского Комитета [228]) и тем самым призовет, по мнению этих господ, зарвавшихся, радикально настроенных вождей английских тред-юнионов к порядку. Как видите, с двух сторон по-разному смотрели на конгресс в Скарборо. И те и другие ждали, что либо конгресс подтвердит дружбу между британским пофдвижением и профдвижением СССР, либо этот братский союз, основанный на понимании интересов международного рабочего движения, на правильном понимании методов осуществления поставленных задач, на понимании необходимости об'единения всех разрозненных пролетарских сил в одно целое, в единый интернационал,— либо все это пойдет прахом, и русские рабочие опять останутся изолированными, как было раньше. Таковы были настроения перед конгрессом в Скарборо.

ВЦСПС получил приглашение прислать братских делегатов на этот конгресс. Для нас было очень важно присутствовать на нем, так как там решались судьбы всей той работы, которую проделало наше профессиональное движение и профдвижение Британии в деле осуществления единства. Тут должен был решаться в основном и развязываться первый, так сказать, узел, завязанный в пользу единства международного движения. Для нас это было чрезвычайно важным и решающим. Если бы мы даже не рассчитывали на то, что нам удастся создать настроение в нашу пользу, тем не менее, присутствие при решении такого важного вопроса, самый факт нашего присутствия, мы считали имеющим известное значение.

Не скажу, чтобы мы не встретили трудностей, воспользовавшись приглашением британских профсоюзов. Первая трудность заключалась в том, что нам не хотели давать визы. Я ни в коей степени не намерен упрекать в этом консервативное правительство Великобритании. Отказ в визе так понятен и с политической, и с классовой, и со всех вообще точек зрения. Но наши товарищи из Генерального Совета сумели сказать веское слово британских профсоюзов, с которым должно было считаться и консервативное правительство; после этого мы получили визу на пребывание в Великобритании в течение 7 дней. Должен сказать, что во всей нашей международной практике мы не встречали такого правительства, которое бы охотно желало видеть нас продолжительное время на своей территории. И если то или иное буржуазное правительство соглашается на наш проезд через его территорию или на наше посещение её, оно всегда любезно оговаривает на сколько дней это для него переносимо. Нашим английским товарищам показалось, что 6 дней мало. Они еще раз настойчиво обратились к кому следует, и срок пребывания нам был продлен до 13 дней — с 6 по 19 сентября включительно, при чем раньше 6 числа правительство отказывалось впустить нас в Англию. 7 открывался конгресс, не в Лондоне, а в Скарборо. Мы в точно назначенный срок выехали, и на рассвете 6 числа вступили твердой ногой на британскую территорию, — мы тоже не хотели терять времени. Рано утром были уже в Лондоне. Здесь мы наткнулись на второе препятствие: в воскресенье по этому маршруту поезда не ходят, и мы были принуждены остаться до второго дня,

а в таком случае мы приехали бы на конгресс вечером уже после его фактического открытия. Но мы решили иначе; взяв автомобиль, мы сделали несколько сот миль и к 7 часам в воскресенье были все-таки в Скарборо. Это очень не понравилось буржуазной прессе.

Первые два с половиной дня конгресс, я бы сказал, шел довольно спокойным темпом. Слушали доклад Генерального Совета британских тред-юнионов. Этот доклад раздается там делегатам на руки в печатном виде. Это довольно массивная, солидная книга. Доклад обсуждается и утверждается путем оглашения отпечатанных и розданных делегатам вопросов. Из этих вопросов одни зачитываются, по некоторым же ведутся прения, а затем происходит чтение резолюций по тому или иному пункту отчета. Два с половиной дня работа конгресса шла очень спокойно, если не считать нескольких выступлений представителей правого крыла британского профдвижения. Но, по первому впечатлению, картина была такова, что правое крыло, хотя и робко, но наступало, наступало довольно сплоченным фронтом. Выступали одни и те же 3-4 оратора по двум, трем вопросам, с колеблющимся успехом. Левое крыло — наши друзья — не отвечало и в бой не ввязывалось. Признаюсь, первое впечатление внушило нам некоторую тревогу. Так шло до среды. В среду, в точно назначенное время отчет был прерван и приступили к приветствиям. По существующим в британском профессиональном движении традициям у них в качестве гостей на конгрессы приглашаются: Амстердамский Интернационал [18]), в который входит британское профессиональное движение, представители американского профессионального движения, которое не входит в Амстердамский Интернационал, канадского профдвижения, которое в Амстердамский Интернационал тоже не входит. На этот раз были приглашены делегаты профдвижения СССР, которое, как вы знаете, тоже в Амстердамский Интернационал не входит. Правда, американцы и мы не входим по разным причинам. Американцы не входят по трем причинам. Первая — они считают, что им невыгодно вносить членские взносы, установленные Амстердамским Интернационалом. Причина «основательная». Иными словами, если перевести на американскую психологию, они не видят, за что они будут туда деньги платить. Вторая причина — они боятся, что, вступив в Интернационал, они должны будут подчиниться его решениям и потеряют свою автономию,

при чем здесь они рассуждают, по-моему, совершенно правильно. Они не хотят подчиняться решениям Амстердамского Интернационала. Правда, мы имеем сведения, что их всячески уговаривают: «да вы только войдите, а подчиняться будете в тех пределах, в каких захотите». Но американцы рассуждают так: если уж входить, то надо и решениям подчиняться, если же решениям не подчиняться, то не будут им подчиняться и другие. За что же тогда монету-то платить? Третья причина — они не признают социализации орудий и средств производства, о которой гласит одна из резолюций Амстердамского Интернационала. По-просту, Амстердамский Интернационал считается у них слишком левым, слишком социалистичным.

Выступления были в таком порядке [242]). Первыми выступали два американских делегата, затем делегаты Канады, затем выступал представитель Амстердамского Интернационала Браун [247]), а затем выступал представитель СССР. У американцев есть своеобразный обычай, может быть, и не плохой по их условиям,— речи их делегатов и довольно пространные речи пишутся в Америке. Роль делегатов свелась к прочтению этих речей на конгрессе британских тред-юнионов. Это хорошая мера в обеспечение нужной политики, она, помимо всего, обеспечивает спокойствие делегата. Я должен сказать, что на Гулльском конгрессе — тетрадки у американских делегатов были тоненькие, а на этот раз, к сожалению, у них были очень толстые тетради.

Я не считаю возможным здесь, в Москве, пройти мимо этих приветственных речей. Вы знаете, товарищи, что в британском профдвижении существуют определенные традиции. Это — движение, которое имело уже 56 конгрессов, в то время как у нас их было только 6. Оно значительно старше нашего. У них очень много традиций и установившихся порядков — некоторые из них устарели, а некоторым можно было бы и поучиться. Существует традиция, что с братскими делегатами нельзя полемизировать. Долг гостеприимства не позволяет англичанам полемизировать с братскими делегатами. Уважая эту традицию, братские делегаты лишены возможности полемизировать друг с другом. Я думаю, что каждый из вас, кто читал газеты, знает, что когда тов. Персель [87]) выступал на американском конгрессе тред-юнионов, то там его, за его приветственное слово, ругали все, кому было не лень, в том

числе и председатель конгресса. Может быть, после этого урока, на будущих конгрессах английские товарищи тоже несколько изменят свои традиции. Но здесь мы были лишены возможности как бы то ни было оценивать выступления друг друга. Я не могу в нескольких словах не изложить перед вами выступления американских делегатов. На Гулльском [190]) конгрессе мы из выступлений американцев в первый раз в жизни услышали новую теорию реформизма (правда, довольно давно уже намеченную) в наиболее ярком ее выражении. У нас очень много пишут и говорят о реформизме, но вряд ли кто хорошо знает, что это такое на деле. Я сам до знакомства с американцами не знал, до чего дошел реформизм в его конечном американском выражении. Они проповедуют теорию мирного врастания в капиталистическое общество, перерождение капиталистического общества в социалистическое посредством рабочих банков [254]). На Гулльском конгрессе эта мысль была ими выражена еще очень робко, но на конгрессе в Скарборо это была уже законченная теория. Профсоюзы в Америке имеют банки, куда их члены вносят свои сбережения. Не говорится, но это факт, что профработники состоят членами правлений, директорами этих банков с соответствующими окладами. Рабочие вносят в эти банки свои сбережения, а так как рабочий класс многочислен, то сбережения вливаются непрерывно, кассы банков постоянно растут, контингент вкладчиков обеспечен. Банки разрастаются, как снежный ком. Эти банки участвуют в общей системе банков и, по мнению их организаторов, контролируют капиталистическое общество, контролируют его в желательном для рабочих направлении. Современем, все расширяя эти банки, рабочие при их помощи захватят в свои руки все капиталистическое производство. Это для будущего, а для настоящего — они из этих банков субсидируют тех промышленников, которые употребляют организованный труд, т.-е. пользуются трудом об'единенных в профсоюзы рабочих. Вы видите, как стройно и гармонично. Неправда ли? Когда они расписывали всю эту теорию и рекомендовали ее другим рабочим, мне так и хотелось задать им два вопроса. Вопрос первый: почему они не указали, где же рабочим взять эти сбережения для вкладов? А второй вопрос такого рода: мы видели и видим, как часто у капиталистов подламывались ножки, и колоссальные капиталистические

предприятия оказывались банкротами. Где гарантия, что эти денежки не заревут? К этой общей теории сотрудничества, врастания и овладения капиталистическим обществом посредством банков, канадцы сделали добавление, там уклон в другую сторону,— в страхование. Они доказывают, что рабочим очень выгодно страхование жизни. Указывают, что они дают наиболее дешевое, наиболее выгодное страхование, и этим стараются отвлечь рабочих от частных страховых контор. Это настолько выгодное дело, что они не отказываются страховать даже и нечленов союзов. Они обещают обеспечивать вдов рабочих страховой премией в течение трех лет, даже если они снова выйдут замуж, и это, пожалуй, является гарантией, но только гарантией того, что эти вдовы очень скоро выйдут замуж во второй раз.

Затем выступали американские железнодорожники. Эти развивали теорию своеобразного рабочего контроля [255]). У них капиталистические представители железных дорог и представители рабочих собираются на совещания и обсуждают вопрос, как удешевить себестоимость производства, как с'экономить и на чем и т. д. И вот посредством такого контроля они рассчитывают, путем уменьшения себестоимости, путем экономии расходов, добиться увеличения заработной платы. Но, я думаю, что для русских рабочих — и эта система рабочего контроля, и система банков, и система освобождения рабочего класса посредством рационально поставленного страхования — все это, вместе взятое, является кусками одной и той же теории — мирного врастания в социализм. Американская Федерация Труда об'единяет всего 2.800.000 рабочих. Это незначительный процент по отношению ко всем рабочим Америки. Ну, а что делается вне сферы и стен профсоюзов,— за стены профсоюзов кругозор этих вождей, по-видимому, не распространяется. Речь Брауна — представителя Амстердамского Интернационала — была более хороша, нежели можно было ожидать в его положении. Браун — англичанин, один из секретарей Амстердамского Интернационала,— правда, ему там отведена довольно скромная роль — он ведает культурно-просветительной работой и иммиграцией (т.-е. вопросами переселения рабочих из одной страны в другую), человек, который постоянно выступал вместе со своими английскими товарищами в Амстердамском Интернационале за дело единства. Он в своей речи выразил

горячие симпатии единству и заявил, что лично он не видит препятствий для созыва конференции между ВЦСПС и Амстердамским Интернационалом без всяких предварительных условий. Как-будто бы хорошо, принимая во внимание, что это была речь представителя Амстердамского Интернационала. К сожалению, это мнение только Брауна, как Брауна, и не больше того, ибо теперь, после конгресса в Скарборо, мы из статьи Удегеста [197]) и других официальных материалов, печатающихся в их органе, видим, каково настроение Амстердамского Интернационала в лице его наиболее видных вождей. Для нас, русских, немножко странно, как это так: в самое больное место, где решается самый важный вопрос, где с точки зрения Амстердамского Интернационала больше всего болит, где как раз сапог жмет,— туда послан не наиболее непримиримый, а, наоборот, наиболее расположенный к этому движению человек. Как это об'яснить? У нас всегда в таких случаях посылаются самые стойкие и самые крепкие люди. У реформистов же, повидимому, не так: туда, где не ожидают теплой встречи, едут неохотно. Повидимому,— это мое личное мнение,— Удегест после Гулльского конгресса не пожелал иметь в Скарборо такую встречу, какую он имел в Гулле [256]). Поэтому туда послали Брауна. Конечно, мы не сомневаемся, что Браун связан своим положением и не мог выступить открыто, не бросив своего поста, не отрешившись от должности секретаря, но мы никогда не сомневались, что Браун, по меньшей мере, симпатизирует единству профдвижения.

После всего этого были наши приветствия, на которых я не буду подробно останавливаться. Я думаю, что большинство товарищей читало мою речь,— она была напечатана в газетах. В своей речи на конгрессе в Скарборо я поставил задачей доказать правильность нашей линии и правильность линии дружественного нам Генерального Совета в промежутке между Гуллем и Скарборо.

Нам пришлось повторить то, что мы говорили на конгрессе в Гулле и что целиком подтвердилось. В Гулле мы говорили, что экономическая реакция, экономическое наступление капитала не остановилось, а будет развиваться. На конгрессе в Скарборо в этом не было никаких сомнений. Мы говорили, что опасность войны не миновала и что война опять возможна. Марокко [248]) является лучшим подтверждением этого. Хотя это не большая, а маленькая война, но из маленькой войны сделать большую, это —

пустяковое дело, лиха беда начало. Мы говорили, что последствия плана Дауэса [193]) скажутся не только на германских рабочих, но и на рабочих других западно-европейских стран, где рабочие находятся в лучшем положении, в том числе и на рабочих Англии. Конфликт английских горняков [180]) и экономическое положение германских рабочих — лучшая иллюстрация того, что наше утверждение было правильно. В кулуарах шли разговоры примерно такого содержания: «ну, да, это все хорошо, но хорошо бы знать, что они, русские, действительно думают, что они искренно думают, не скрывают ли чего-нибудь, не проводят ли они дипломатию». Это нас обязывало заявить, как мы думаем. Мы заявили, что нам скрывать нечего. Сказали, как мы веруем и как веруют русские рабочие. То, что мы сделали в Октябре [49]), — мы в этом не раскаиваемся,— считаем это правильным. А мы у банкиров отняли банки, у капиталистов — их капиталы, у помещиков — их имения. Мы заявили, что не видим никаких оснований в 1925 году в чем-либо раскаиваться и что-либо скрывать. То, что мы сделали, является нашим святым убеждением, где бы мы ни были. Где бы мы ни были, мы не откажемся от того, что сделали. И в едином с реформистами Интернационале — разве мы скажем, что Октябрьская революция была у нас по ошибке, что по ошибке мы ее сделали? И больше того: мы не только не раскаиваемся, но и всем другим рабочим настоятельно рекомендуем то же самое сделать.

Я не могу обойти молчанием одной мелочи. После приветствий, по традициям британского движения, братским делегатам делают какой-нибудь сюрприз. В том числе и нам сделали сюрприз, подносили очень хорошие, с очень теплой надписью золотые часы. Батюшки, как завыла буржуазная пресса: «русские большевики повезут британское золото в Москву». Большего удовольствия они нам доставить не могли. До сих пор обычно кричали на весь мир, что все революции, все движение — все делается на московское большевистское золото, теперь мы начинаем золото вывозить к себе.

Я не стану передавать всех благоглупостей и пошлостей, которые писала о нас буржуазная пресса Англии. Чего там ни писали! Описывали и наружность, и рубашку, и как сидит пиджак. Особенно много внимания уделяли моей персоне, вплоть до того, что я на конгрессе в Скарборо гораздо лучше подстрижен,

чем на конгрессе в Гулле. К этому надо прибавить, что они писали,— очевидно, авторами этих самых статей были русские белогвардейцы,— будто бы я еврей и при том у меня монгольское лицо. Я думаю, этого для обрисовки буржуазной глупости и гнили будет достаточно.

По окончании приветственных речей, конгресс тотчас же перешел к заслушанию самого важного пункта — отчета Генерального Совета о его международной работе, о единстве и об Англо-Русском Комитете [228]). Голосование и одобрение того или иного пункта отчета, если к нему приложены документы, производится в целом.

Здесь доложили об Англо-Русской конференции, огласили её декларацию и положение о создании Англо-Русского Комитета. Тут наступил решающий момент конгресса.

Этот отчет начался десятиминутной речью ныне покойного товарища Фреда Брамли [176]). Теперь мы знаем, что это была лебединая песнь товарища Фреда Брамли. Это была, несомненно, одна из лучших речей, произнесенных им за всю свою жизнь, одна из наиболее блестящих и горячих речей на конгрессе. Это была только десятиминутная речь. После нее наступила короткая пауза. Желающих брать слово по этому вопросу не нашлось. Пункт отчета был поставлен на голосование и за отсутствием возражений единогласно принят конгрессом.

Буржуазная пресса пыталась изобразить дело так, что Томас [257]) хотел выступить против санкционирования конгрессом деятельности Генсовета в этой области, в частности, против Англо-Русского Комитета, но ему не дали слова. Слово на британских конгрессах тред-юнионов просят путем вставания. Мы заметили бы, если бы такая фигура, как Томас, встала. Меня интервьюировал представитель газеты «Дейли Геральд» [164]) по этому поводу, и я сказал: «Неужели, если бы Томас хотел получить слово, то неужели председатель мог помешать ему высказаться? Томас слишком опытный политик, способный, талантливый человек, невероятно, чтобы он, лидер одного из крупнейших союзов, на конгрессе не получил слова. Совершенно невероятная история». Однако, истина заключается в том, что Томас слова не просил. Напрасно мы стали бы гадать, какие были к тому причины. Тот, кто не возражает, тот не имеет что возразить — вот единственное наше

об'яснение. Молчишь, не возражаешь, значит либо тебе нечего возразить, либо ты боишься,— другого об'яснения нет.

После этого пошла на голосование резолюция о единстве профдвижения, и по ней тоже никто слова не просил — по этой резолюции голосование было единогласным. Лишь после её принятия, один из вождей железнодорожников Крамп [196]) спросил, как толковать эту резолюцию, на что ему председательствующий — председатель Генерального Совета Свейлс [240]) — сказал: «предоставьте это нам толковать, Генеральному Совету». Эта резолюция также была принята единогласно.

Я хочу сказать несколько слов относительно порядка голосования. Голосование на британских конгрессах, как я вам уже, кажется, говорил прошлый раз, производится в буквальном смысле голосом — конгресс кричит одобрение «йес» — да. Затем спрашивают — кто возражает и, если слышится только несколько голосов, слабое возражение, то вопрос принимается. Таким образом, все решается просто криком. Если же слышится солидное возражение, то тогда производится детальный подсчет, но подсчитывают не руки голосующих, а количество членов союза, которых представляет данный делегат, затем об'является, что столько-то миллионов голосов против стольких-то тысяч решают так-то и так-то. Еще одно обстоятельство, об'ясняющее некоторые странные голосования. Как правило, союзные делегации голосуют в целом, либо за, либо против, либо воздерживаются. Делегации союзов выступают, как единое целое. Вот почему возможно, что хотя среди делегатов тот или другой и несогласен с предложением, но если его союзная делегация голосует вся в целом за, то и отдельный делегат должен плыть по течению, за своим союзом.

Следующая резолюция,— важнейшего и принципиального характера, выдержанная в классовом отношении, первая по своей классовой чистоте и отчетливости, почти большевистская резолюция об империализме и колониальной политике. В защиту этой резолюции выступил, всем нам хорошо известный, наш общий друг — Персель [37]). Вторым оратором в защиту этой резолюции высказывался всем нам также хорошо известный Джон Бромлей [243]), железнодорожник. Против резолюции выступал другой железнодорожник из другого союза — Томас [257]), и, наконец, последним оратором в её защиту говорил тоже хорошо нам известный

коммунист Гарри Поллитт [258]). Мое впечатление таково, что если что и посодействовало столь блестящему успеху этой резолюции, то это речь мистера Томаса. Второй причиной, по-моему, была удачная защита Перселя. Очень хорошая речь Джона Бромлея, блестящая последняя речь, исключительная по своей глубине, Гарри Поллитта и весьма неудачная речь, неучитывавшая психологии данной аудитории и настроения своих коллег по конгрессу, речь мистера Томаса. Конечно, я слушал через переводчика, но тем не менее я отчетливо уяснял себе, что он нисколько не учел настроения своих коллег, а пытался выехать лишь на своем авторитете. Эта речь сводилась к тому, что авторы резолюции,— люди в колониальной политике и в международных отношениях некомпетентные, а я-де был министром колоний и потому могу вам сказать, как компетентный в этих вопросах человек, что это неосуществимо и несерьезно.

Это министерский авторитет тоже кое-какую роль сыграл среди той блестящей защиты резолюции, которая там имела место. Резолюция прошла двумя с четвертью миллионами голосов против 78 тысяч. При этом очень характерно, что делегация Национального Союза Железнодорожников, которая представляла, если мне не изменяет память, 280 тысяч голосов, организация, лидером которой состоит Томас, воздержалась при голосовании. Это свидетельствует о том, что в делегации не было единогласия. Вот вам характерное голосование по важнейшему принципиальному вопросу. Тут возникает сомнение, которое мне в беседах выражали отдельные товарищи,— не прошла ли эта резолюция, так сказать, волной настроения, т.-е., иными словами, понимали ли делегаты конгресса смысл того, за что они голосовали. Я думаю, что тот, кто поближе познакомился с английскими товарищами, тот не заподозрит их в способности поддаваться волне настроения, про них нельзя сказать, чтобы они были людьми восторженными и увлекающимися. А затем надо иметь в виду маленькую техническую подробность: на конгрессах британских тред-юнионов голосуют только те резолюции, которые опубликованы за 6 месяцев до конгресса. Каждая профессиональная организация имеет возможность обсудить их заранее, взвесить, выявить свое отношение к ним и внести поправки, которые тоже опубликовываются за 3 месяца до конгресса. Если 6 месяцев для довольно уравновешенных и далеко

Делегация профсоюзов СССР в Японии (Токио) в октябре 1925 г.
(Слева направо: тт. М. Брискин, И. Лепсе, Ю. Смургис).

не экспансивных англичан недостаточны для того, чтобы резолюции обсудить, обдумать и потом сознательно за них голосовать, то я не знаю, сколько же для этого нужно времени? Я думаю, что этого достаточно было бы даже для нас — более экспансивных людей. Это было второе, важнейшее и основное решение конгресса. После этого и выборов Генерального Совета, происшедших по окончании отчета, конгресс закрылся. Мне пришлось в беседах с целым рядом товарищей натолкнуться на следующее недоразумение, которое я хотел бы раз'яснить. Кажется, в результате этого недоразумения были кое-какие статьи и в наших газетах. Здесь некоторые представляют себе это так: был конгресс, вынесли они резолюцию, но конгресс не выбрал левого Генерального Совета, наоборот, в состав Совета прошли более умеренные делегаты. Что это значит? Не значит ли это в переводе на русский язык и русское понимание всяких с'ездов, конгрессов и т. д., при наших условиях и традициях, что одна сторона победила морально и вынесла хорошие резолюции, а другая — победила организационно и проведение этих резолюций сосредоточила в своих руках? Люди, думающие так, не знают характера британского профессионального движения. Во-первых, намечение кандидатур в Генеральный Совет отдельными союзами производится задолго до конгресса, иногда за год и даже больше. Мы знаем из газет, что Персель только на-днях выступил на конгрессе американских тред-юнионов, а Хикс [259]), который сидит здесь, он уже выбран на следующий конгресс американских тред-юнионов. Еще Персель не поехал туда, а Хикс уже был выбран. У них совсем другой темп работы. Резолюции опубликовывают за 6 месяцев, чтобы делегаты могли с ними как следует ознакомиться, обсудить их, подготовить поправки и т. д. Все это так, но это — профессиональное движение в мирной обстановке, со сложившимися традициями, с десятилетиями выработанным аппаратом и т. д. Отсюда и своеобразная система выборов, которая в периоды бурной политической жизни никуда не годится, но вытекает из всей истории и традиций британского профессионального движения. Во-вторых, никакой состав Генерального Совета, мне кажется,— если я ошибаюсь, то тов. Хикс, который будет говорить после меня, меня поправит,— никакой состав Генерального Совета не осмелится итти по другому пути, кроме того, который ему укажет конгресс

и общественное мнение всех профсоюзов. Это было бы слишком рискованно, особенно при теперешнем настроении профессионального движения и рабочих масс Великобритании. Затем, в британском профдвижении существует своеобразное понимание правой и левой. Там есть очень умеренные, с нашей точки зрения, люди, которые, однако, в вопросе единства целиком и полностью идут с нами; в вопросах об отношениях с нами они являются довольно радикальным крылом. Возьмите Клайнса [260]), — никто не заподозрит его в радикализме, в коммунистическом уклоне и пр., а между тем он последнее время выступал в газетах в ряде статей с доказательством необходимости заключения торгового договора и установления нормальных отношений с СССР. Таким образом, понимание правой и левой британского профдвижения, когда подходят к этому вопросу чрезвычайно упрощенно, руководствуясь нашим опытом, искажается. Целый ряд товарищей, ожидая открытия пленума, обратился ко мне с вопросом, почему не выступал Макдональд [206]) на конгрессе британских тред-юнионов. Точно такой же вопрос, как мне помнится, мистеру Макдональду задала британская буржуазная газета: почему, когда он видел этот левый уклон, это,— как выражалась газета,— «легкомыслие с'езда», он не выступил, почему не раздался на с'езде его авторитетный голос. На это мистер Макдональд, насколько мне память не изменяет, ответил: «потому, что в качестве гостя, я мог выступить только в том случае, если бы мне предложили выступить, но мне этого никто не предлагал». Я думаю, что в этом и вся суть, что на конгрессах британских тред-юнионов не принято говорить вообще всем и каждому, а говорят только, либо члены конгресса, имеющие решающий голос, либо те из гостей, которых конгресс просит выступить. Насколько мне помнится,— из разговоров с товарищами в кулуарах,— такого желания конгресс через своих делегатов не выразил. Вот почему и не говорил мистер Макдональд. После конгресса перед нами возник вопрос о созыве Англо-Русского Комитета [228]). Британские товарищи целиком пошли навстречу нашим желаниям. Мы считали, что задача перед Англо-Русским Комитетом должна быть двоякая.

Первая, политическая, заключалась в том, чтобы прекратить всякие разговоры будто бы Англо-Русский Комитет создать постановили, но выполнить это постановление боятся. Говорят: есть

Англо-Русский Комитет, но где он? Есть на бумаге, а на деле никакого Англо-Русского Комитета нет. Мы решили, что пора прекратить эти разговоры и показать, что Англо-Русский Комитет существует не на бумаге, мы решили, что пора ему активно выступить на арене международного движения. Это была первая цель созыва Англо-Русского Комитета.

Вторая цель: он должен был подытожить опыт и проверить правы ли мы были на Англо-Русской Конференции или не правы, не изменились ли события и обстановка за это время. Это — вторая цель. И, наконец, третья — разрешить некоторые организационные задачи. Англо-Русский Комитет заседал в четверг 17 сентября 1925 года в 2 часа дня в Экельстон-сквере, 32. Присутствовали от профессионального движения СССР — Томский и Догадов в качестве делегатов и Яроцкий и Ротштейн — в качестве доверенных переводчиков-секретарей. Представителями Генерального Совета конгресса тред-юнионов были: Персель [37]), Бен-Тернер [168]), Хикс [259]), Финдлей [261]), Бонтон [262]), Ситрин [263]). За отсутствием председателя Англо-Русского Комитета, которым мы единодушно избрали председателя Генерального Совета Британских тред-юнионов, Свейлса [240]), председательствовал Персель, всем вам известный.

Первым пунктом порядка дня мы поставили вопрос о письмах, обращениях и приветствиях, полученных Англо-Русским Комитетом от рабочих организаций отдельных городов и целых стран. Мы не имели возможности и времени огласить их все. Поэтому встал вопрос, что делать с такими обращениями и приветствиями, обсуждать ли их, принимать ли их. Мы полагали, что если принимать, так надо и обсуждать. Затем возник вопрос, если не обсуждать, то как уведомлять членов Англо-Русского Комитета об этих обращениях. Наиболее характерными и крупными были два. Первое — от Совета Профессиональных Союзов Норвегии. 29 августа в Осло [251]) была конференция и там постановили целиком присоединиться к позиции Англо-Русского Комитета. Послали приветствие и заявили, что они просят дать им возможность участвовать в работах Англо-Русского Комитета. Следовательно, двойственный союз должен превратиться в пройственный. Затем поступило заявление от 23 профсоюзов Франции, которые об'единены в Генеральной Конфедерации Труда. Во Франции есть две

Конфедерации—одна Генеральная, во главе которой стоит ЖУО [17]), т.-е. реформистская, а вторая—Унитарная Конфедерация Труда, во главе с Монмуссо [178]), входящая в Профинтерн. Так вот 23 союза, входящие в Генеральную Конфедерацию Труда, обратились с приветствиями в Англо-Русский Комитет, заявив, что они также стоят за единство рабочего профдвижения и всеми силами будут стараться бороться за осуществление этого единства во Франции. Я не стану перечислять всех приветствий, которые были получены. Последнее приветствие, показанное мне Перселем, было получено из Толедо в Испании, где собрание местных союзов решило приветствовать Англо-Русский Комитет, заявляя, что оно всячески будет поддерживать его. Англо-Русский Комитет единогласно постановил впредь важнейшие из таких обращений рассылать в копиях всем своим членам. Норвежским товарищам было отвечено, что мы удовлетворены решением Норвежской Федерации принять участие в работе Англо-Русского Комитета и заявляем, что Комитет будет держать Федерацию Норвежских Профсоюзов в курсе своей работы, своих намерений. Вопрос же об участии норвежских профсоюзов в Англо-Русском Комитете в данный момент выходит из компетенции Комитета, который был создан на конференции представителей профдвижения двух стран и поэтому он не может сам расширить свои рамки; не созвав конференции английских, норвежских и русских союзов. Присоединение норвежских профсоюзов по единодушному мнению Англо-Русского Комитета было бы неполитично, так как это дало бы лишний козырь в руки амстердамцев, дало бы им возможность кричать, что мы создаем новый Интернационал.

Как реагировали на это вожди Амстердамского Интернационала?

Я не коснулся здесь декларации, которая нами была опубликована — декларации Англо-Русского Комитета, содержащей в себе подтверждение старой линии — указания на опасность войны, на опасность безработицы, на экономическое наступление капитала, на опасность новых попыток нападения на советские республики, на угрозу этого нападения в форме статей 16 — 17 гарантийного пакта [248]). Декларация эта кончается призывом к профсоюзам всех стран бороться вместе с английскими и русскими рабочими за единство международного рабочего движения.

Что пишет орган Амстердамского Интернационала по этому поводу? Он пишет следующее: «Воззвание Англо-Советского Комитета само по себе могло бы быть безобидным». Когда говорят реформисты, то мы заранее знаем, что сейчас же будет следовать, либо «но», либо «однако», либо «если» и везде — «с другой стороны, нельзя этого сказать». Здесь это подтверждается и, действительно, дальше следует: «но взятое в совокупности это сплочение английских и русских рабочих создает впечатление угроз». Если это воззвание безобидное по существу, если вообще те документы, которые издаются нами совместно с представителями английских тред-юнионов, если они безобидны, приемлемы, то чего же нас боятся, как чорт ладана, почему с нами не хотят встречаться? Пускай же тогда они скрепят своими подписями те документы, которые послужили платформой Англо-Русской Конференции. Почему, если мы издаем безобидные документы, они не хотят присоединиться и подписать их вместе с нами: с Догадовым, с Томским, с Перселем, с Хиксом. Мы будем это приветствовать. Пусть они скажут: платформа Англо-Русского Комитета правильна политически, но мы расходимся в деталях, возможно тогда, мы сможем договориться, а их тактика похожа на хорошую улыбку при плохой игре. Человек проигрывается, ему обидно, но он не выдает себя — все это, мол, пустяки, «это безобидный документ», но все это взятое в совокупности,— скверно. Что мы видим дальше? Их передовицы перешли от травли нас к травле английских рабочих. До сих пор изображали дело так: существует культурное рабочее движение, европейское движение, и существует движение азиатское, в Советской России. Теперь же оказывается — русское движение встречает сочувствие, оно вступило в братский союз с европейским рабочим движением. Британское профдвижение, как пишет передовица, «не континентально» (ясное дело, ведь Британия расположена на островах), и поэтому вряд ли оно будет иметь успех на континенте.

Товарищи! Конгресс в Скарборо и все дальнейшие шаги в этом направлении дали мне и ВЦСПС уверенность, что британские профсоюзы на протяжении больше года нашей совместной работы вполне доказали, что они медленно, но верно идут вместе с нами, рука об руку, по одному и тому же пути. Английские рабочие не торопливые, но они надежные и верные союзники. И вот эта

уверенность дает нам право сказать, что мы сломаем последние перегородки тупого непонимания, узкой ограниченности и невежественности в понимании конечных задач рабочего класса, чиновничьей близорукости. Либо мы сломаем, либо те, кто будет противиться делу единства, останутся на таком маленьком «континенте», территория которого будет ограничена их кабинетами и креслами. *(Бурные аплодисменты).*

Доклад на пленуме МГСПС 14 октября 1925 г.
Опубликован в «Труде» 16 октября 1925 г.

Приветствие австрийской рабочей делегации.

Товарищи! Заседание нашего Пленума посетила австрийская рабочая делегация [264]). Делегация эта является не официальной делегацией профорганизаций, а непосредственно избрана австрийскими рабочими на фабриках и заводах. Президиум ВЦСПС поручил мне от вашего имени приветствовать присутствующую на нашем заседании австрийскую рабочую делегацию. *(Аплодисменты).*

Товарищи! Несмотря на все трудности, которые стоят на пути к единству международного рабочего движения, которые стоят перед нашими профсоюзами, выступившими совместно с британскими тред-юнионами [228]) в качестве борцов за это дело, к нам все же приехала эта новая делегация. Официальные вожди профсоюзов считают опасным, формально вредным и недопустимым лично приехать и посмотреть, что представляет собою русское профдвижение, что представляют собою рабочие СССР, каковы их организации и каковы взаимоотношения с государством; судя по некоторым заявлениям этих вождей о работе советских профсоюзов и о рабочих, об'единяемых этими союзами, они предпочитают довольствоваться белогвардейскими сплетнями. А рабочие непосредственно с фабрик и заводов ломают эти формальные перегородки и, движимые настоящим неподдельным классовым инстинктом, перешагнув через своих руководителей, идут к русским рабочим, хотят по-пролетарски, на практике, проверить и посмотреть, как мы живем, боремся и работаем. Это есть лучший показатель того, что дело единства международного движения живет, несмотря на все попытки подавить его, несмотря на все попытки создать официальные перегородки и путем бумажных регламентов и уставов задержать его. Движение это прорывает все бумажные плотины, все бюрократические увертки. Каждая рабочая делегация уезжает другом СССР. Делегация немецкая [245]),

состоявшая не из коммунистов, а большей частью из социал-демократов и беспартийных, которые были настоящими, доподлинными рабочими, движимая волей масс, интересами масс, инстинктом масс, также сумела перешагнуть через всякие искусственные перегородки, и немецкие рабочие уехали друзьями рабочих СССР. То же было и с рабочими шведскими [246]).

Товарищи! Мы уверены, что и присутствующая в этом зале австрийская рабочая делегация, ознакомившись с нашими рабочими организациями, со всеми сторонами жизни советского государства, руководимого и управляемого рабочими, ознакомившись со всеми нашими недостатками и завоеваниями, также уедет ближайшим другом не только русских рабочих, но и всего дела единства международного рабочего движения. Мы в этом уверены. Ибо самый факт приезда делегации австрийских рабочих показывает, что она выше всех формальных условностей, выше того предрассудка, в силу которого вожди считают для себя недопустимым приехать сюда и вступить в братскую связь с русскими рабочими: да, эта делегация оказалась в классовом отношении лучше воспитанной и более культурной, отбросившей всякие предрассудки. Этот факт свидетельствует о мощности и силе нашего дела, наших идей. И мы,— собравшиеся здесь представители всего профдвижения СССР,— несмотря на неофициальный, с формальной стороны, характер делегации, тем не менее приветствуем в ее лице доподлинных представителей австрийских рабочих. *(Аплодисменты).*

Мы рады оказать в её лице австрийским рабочим братское гостеприимство, мы рады оказать его всем вообще рабочим делегациям. От них у нас секретов нет, мы никогда не изображаем все так, что вот — мы уже достигли такого социалистического Эльдорадо [265]), которое нас вполне удовлетворяет. Мы еще в далекой степени не удовлетворены, мы только в начале пути, перед нами трудная работа, многое нами достигнуто, а многое — нет. Посмотрите наши успехи и наши недостатки, скажите, что кажется вам неправильным и несправедливым, помогите, мы не против того, чтобы у кого-нибудь поучиться. И если из вашей поездки вырастет еще один, теснейший союз, союз между рабочими СССР и рабочими Австрии, то мы вместе с вами скажем: дело международного единства профдвижения крепнет, растет и ширится! Все разговоры о том, возможен ли такой союз при

наличии «предварительных условий» или и без таковых [231]), являются простыми формальными увертками. Мы видим, что мысли о братском союзе между рабочими всех стран как волны катятся из одного уголка мира в другой; одной из таких волн являются и представители австрийских рабочих. А это служит лучшей гарантией того, что движение перерастает все перегородки, ломает все условности и стремится осуществить не на словах, а на деле, крепкое единство пролетариата в форме братского союза рабочих всех стран, независимо от цвета кожи, независимо от национальности и независимо от политических убеждений.

Неопубликованная речь на заседании III Пленума ВЦСПС 6 февраля 1926 г.

Задачи коммунистов в профессиональном движении.

Товарищи! Я хочу возможно кратко, чтобы не задерживать заседания, так как вы чрезвычайно утомились двойными и тройными переводами, коснуться трех вопросов: вопроса о положении борьбы за единство, вопроса о работе партии в профсоюзах и вопроса о методах работы коммунистов в профдвижении.

Борьба за единство профессионального движения в настоящий момент принимает, по моему мнению, весьма затяжной характер в силу того, что каких бы то ни было переговоров между ВЦСПС и Амстердамским Интернационалом [13]), переговоров, которые должны были бы послужить исходной точкой для новой фазы кампании борьбы за единство, повидимому, в ближайшее время не предвидится. Не предвидится потому, что весь ход переписки [220]), весь ход переговоров с реформистами, свидетельствует о том, что они всеми силами будут тянуть этот вопрос до 1927 года, т.-е. до ближайшего конгресса Амстердамского Интернационала. С другой стороны, в течение ближайших месяцев, все силы, все внимание Англо-Русского Комитета [228]), по крайней мере половины его, в лице английских товарищей, будет сосредоточено не столько на международных вопросах, сколько на внутрианглийских делах, в связи с предстоящими у них боями в угольной промышленности [180]). Таким образом, борьба за единство приобретает не только длительный характер вообще,— мы и раньше знали, что эта борьба длительная, что она требует чрезвычайного терпения, спокойствия и выдержки,— но ей грозит опасность задержаться на более или менее длительный срок в том фазисе, в котором она находится в данный момент.

Наши переговоры с Амстердамским Интернационалом уперлись в тупик, пришли к такому моменту, когда одна сторона, Амстердамский Интернационал, не хочет сдвинуться, а другая сторона,

Профинтерн [38]), вернее, его часть, русские профсоюзы, не может сдвинуться. Не может сдвинуться потому, что она уже сделала достаточное количество уступок. На самом деле, мы со своей стороны, пренебрегая формальностями, пошли на значительный компромисс, предлагая Амстердамскому Интернационалу вести переговоры не равных с равными, не Интернационалу с Интернационалом — Амстердаму с Профинтерном, а с частью Профинтерна, именно, с русскими профсоюзами. Мы это рассматривали как компромисс и ни от кого не скрывали, что это значительная уступка с нашей стороны. Об этом я от имени профсоюзов СССР докладывал на Англо-Русской конференции в Лондоне [234]), об этом же я докладывал от имени профсоюзов СССР конгрессу британских тред-юнионов в Скарборо [242]). Я там указывал на то, что мы уже нарушили формальные уставы и рамки, которые ставит всякий Интернационал входящим в него организациям. Конечно, мы это сделали с полного согласия и одобрения Профинтерна. По этому вопросу мы в свое время дебатировали на последнем конгрессе Профинтерна [38]) и пришли к единодушному согласию, что на эту уступку итти следует. Больше того, в процессе совместной работы с английскими товарищами в Англо-Русском Комитете, мы, идя навстречу нашим союзникам по Англо-Русскому Комитету — британским товарищам, пошли на вторую уступку, которая заключается в том, что по просьбе английских товарищей мы смягчили нашу форму полемики с Амстердамским Интернационалом. Смягчили ее, правда, не по существу, но по форме, тем не менее, значительно смягчили, а это тоже уступка.

Нужно признаться, что на последнем заседании Англо-Русского Комитета в декабре 1925 г. [228]) у нас, представителей союзов СССР, уже пробивались первые нотки нетерпения. Мы на этом заседании прямо поставили перед английскими товарищами вопрос: доколе же мы будем терпеть? Мы, согласно желанию английских товарищей,— так как соответствующие разговоры требуют соответствующего тона,— принуждены были во всей своей полемике, во всей своей оценке деятельности Амстердамского Интернационала, выбирать наиболее корректные формы и кое-кого и кое-что не называть должными именами. Нам стало невтерпеж. Мы все — народ темпераментный, и поэтому поставили вопрос в упор: доколе же мы будем терпеть? Так как в это время терпение наше

было на исходе, то мы поставили вопрос о том, что мы должны резко изменить методы своей полемики с Амстердамским Интернационалом и будем впредь называть вещи своими именами, как они того заслуживают. Английские товарищи убеждали нас еще подождать и потерпеть, говоря, что более резкий тон, более энергичные выражения могут испортить всю работу, могут дезориентировать наших сторонников и принести только вред. Это нашло отражение в интервью (опубликованном за подписями Томского и Пью) и в той декларации [228]), которую единогласно вынес в декабре 1925 г. Англо-Русский Комитет; в ней есть указания на то, что Англо-Русский Комитет и входящие в него организации не могут проходить мимо тех нападок, которые на них делаются противной стороной, но что они попрежнему будут вести борьбу, сохраняя достоинство и корректность, которые присущи этим организациям.

Мы это рассматривали как компромисс. Можем ли мы дальше итти на какие-либо новые компромиссы? На конгрессе в Скарборо и на Англо-Русской конференции я, от имени союзов СССР, раз'яснил английским товарищам, что большего мы не можем сделать. В обеих этих речах я указывал, в первом случае — перед полномочными представителями британского рабочего движения, во втором случае — перед полномочным высшим органом британского рабочего движения — перед контрессом, что мы рассматриваем это единство не как однобокое, одностороннее единство, — не так, чтобы мы, профсоюзы СССР, склонили голову и пошли на милость победителя — Амстердамского Интернационала, бросив и забыв все, связующее нас с революционными союзами других стран. Я неоднократно указывал в этих выступлениях и в частных беседах, что сами англичане первые перестали бы нас уважать, если бы мы бросили на произвол судьбы тот Интернационал, который мы построили, и те союзы, которые мы туда вовлекли, сказали бы, что нам до них дела нет, и вошли бы в Амстердамский Интернационал. Самый факт принципиального признания, который нам предлагает Амстердам, означал бы разрыв с Профинтерном — еще до вступления в один Интернационал, разрыв с другим. Самый факт вступления союзов СССР в Амстердам без союзов других стран, находящихся с нами в Профинтерне, был бы актом измены с нашей стороны по отношению к этим братским союзам. Мы

это открыто, не стесняясь, везде говорили. Сейчас мы находимся на такой стадии, когда в смысле уступок мы дальше итти не можем, а противная сторона итти не хочет. Вот на этом фазисе, на этой точке мы принуждены, мне кажется, некоторое время оставаться, благодаря усилиям Амстердамского Интернационала. Может быть, здесь, в этой части фронта, мы будем принуждены остаться в пассивном состоянии довольно значительный промежуток времени.

Как рассматривать это положение? Я думаю, что это положение, конечно, следует расценивать, до известной степени, как частичный успех Амстердамского Интернационала, ибо всякий период застоя в самом хорошем деле всегда опасен, так как он порождает разочарование и скептицизм в отношении того дела, за которое ведется борьба. Поэтому этот период требует особой стойкости, особой выдержанности, особого спокойствия со стороны всех сторонников единства и всех коммунистических партий в особенности. Для этого требуется известная самомобилизация и самоорганизация наших сил. Если мы говорим: мы за мир, мы за единство,— мы за единство не на словах, а на деле,— то это еще не значит, что мы должны все свои организации распустить, дать им расхлябаться и ожидать, когда противной стороне будет угодно сделать какие бы то ни было шаги по пути к единству. История нашей переписки [220]) с Амстердамом дает нам право сказать, что противная сторона не хочет сделать этих шагов и всеми мерами будет бороться против того, чтобы хотя бы на воробьиный нос подвинуть дело единства вперед. Обстановка этой борьбы, вся история развития этого движения заключается не в том, что мы хотим единства, а другая сторона не хочет единства, а в том, что, несмотря на то, что они единства не хотят, мы их заставляем и должны заставить на это итти. Вот в чем заключается история развития и обстановка этой борьбы. Я сказал, что для того периода, который грозит быть застойным (он, может быть, не будет таким, но он грозит быть таким) на этом участке фронта, на ближайший период времени — первое, что требуется от нас и от наших сторонников, особенно от коммунистических партий, по моему мнению, это — точное и отчетливое представление всей важности того дела, которое мы ведем. Если мне кто-нибудь скажет, что это представление есть, то я буду очень рад. Я буду очень рад, если будет доказано, что эта ясность,

серьезность и отчетливость представления тех задач, которые стоят перед нами в этой борьбе, есть у всех братских коммунистических партий и их членов. Я буду очень рад этому и заранее благодарю тех, кто это докажет, но я боюсь, что это не у всех есть; я боюсь, что некоторым и до сих пор борьба за единство представляется как агитационный, в дурном смысле этого слова, маневр, направленный для разоблачения реформистов [11]), маневр, которым мы якобы ловим реформистов на политическую удочку,— что на самом деле мы, мол, знаем, что они против единства, но этим разоблачаем их перед массами. Если есть у кого-нибудь такое представление, его нужно как можно скорее изжить.

На самом деле актуальной постановкой вопроса о единстве профдвижения мы в международном, мировом масштабе ставим вопрос о методах руководства коммунистических партий беспартийными рабочими массами. Здесь мы опять подходим к старому вопросу о важности и необходимости профессионального движения, на чем я позволю себе более подробно остановиться. Поскольку говоря о единстве, часто играют словами «маневр», мы должны остановиться на том, что такое маневр. Если мы хотим сказать о борьбе за единство в классовом смысле этого слова, то это — большой маневр, стратегический маневр, который коммунистические партии и их Интернационал проводят против своего классового врага, против буржуазии, маневр стратегический, направленный, вопреки сопротивлению реформистов, к сплочению сил пролетариата и к новой постановке вопроса о руководстве международным рабочим движением. Вот эту идею, по-моему, очень важно отчетливо и ясно каждому не только продумать, но и усвоить, ибо без этого не может быть понимания важности того, что создать, хотя бы и совместно с реформистами, единый Интернационал профсоюзов, как бы трудно и сложно это ни было, есть великая задача. Эта трудность и сложность требует от нас не одного года работы, но создать это — значит достигнуть колоссальнейшего и гигантского успеха, как я и говорил на XIV С'езде ВКП [266]), это значит поставить организованный в международном масштабе класс наемных рабочих лицом к лицу против класса капиталистов. В общем и целом, эта борьба может иногда принести на том или ином участке фронта разочарование, огорчение. Иногда кажется возможным, не считаясь с этой общей задачей,

достичь тех или иных частичных успехов в той или другой стране. Если бы это было порой даже так, то, как говорит пословица, нельзя разменивать золото на медь, а то тяжело будет нести. Нельзя подменивать большую задачу мелкими, без опасности скатиться к реформизму, ибо в том и есть суть тактики реформистов, что они большую, великую задачу освобождения рабочего класса от ига капитала, осуществления социализма не на словах, а на деле, подменивают в практической жизни мелкими задачами, которые сулят сейчас же, хотя бы и не большой, успех. Маленькие улучшения в области избирательных прав, выигрыш в парламенте одного голоса, это — успех, который заслоняет перед реформистами одну общую, большую задачу. Вот если мы, коммунисты, в вопросе о единстве будем ставить перед собою маленькие конкретные задачи и гнаться за временным успехом в том или ином союзе, то это будет грозить нам срывом всей этой большой работы, это будет значить, что мы сбиваемся на тактику реформистов.

Вопрос о едином Интернационале есть вопрос борьбы за руководство международным рабочим движением через массовые беспартийные организации рабочих, через профсоюзы. Это не есть прекращение борьбы с реформизмом, а постановка борьбы с реформизмом другими методами, другими приемами, обеспечивающими наиболее правильное, наиболее целесообразное достижение успехов коммунистическими партиями среди широких рабочих масс.

Второй задачей на этот период, безусловно и несомненно, является наша организационная мобилизация. Под этим я подразумеваю не только укрепление существующих наших организаций, но и развитие некоторых из них. Когда мы знакомимся с положением профдвижения в больших индустриальных странах и видим цифры организованных рабочих там, где есть параллельные организации, хотя бы во Франции, в Чехо-Словакии, и где количество организованных во всех параллельных организациях вместе достигает 5, 7, 10% общего числа рабочих,— нам кажется (если мы неправы, пусть нам укажут и об'яснят), что в этих странах нашими тт. коммунистами слабо ведется работа по вовлечению беспартийных, неорганизованных рабочих в наши организации. Если мы говорим — борьба за единство, то это вовсе не значит, что мы свои организации распускаем. Пока существует Профинтерн [38]), он должен и будет вести борьбу за усиление своих

организаций. Наше искреннее стремление к единству вовсе не означает, что мы придем к реформистам со склоненной головой и дадим согласие подписать те условия, на которых они нас примут в свои союзы. Тогда вопрос о единстве решался бы очень просто. Но вопрос заключается в том, чтобы достигнуть единства при условиях, которые обеспечивали бы коммунистам возможность работы в профдвижении, а не разгром их (коммунистов). До тех пор, пока у нас существует своя международная организация, свой Красный Интернационал Профсоюзов, до тех пор задачей каждого коммуниста является укреплять, развивать и расширять его, ибо нам не следует забывать, что, чем мы будем сильнее, тем больше мы можем заставить с собой считаться, тем больше мы сумеем заставить того, кто не хочет, итти к единству. Самая работа по единству должна вестись, мне кажется, всеми нашими сторонниками в том направлении, чтобы у них слово не расходилось с делом. Лучше брать на себя поменьше обязательств, но выполнить их на 100%. Лучше поменьше говорить, но побольше делать. Те, кто думают, что можно эту работу свести к агитационной кампании, глубоко ошибаются. К сожалению, нам приходится иногда наблюдать, что в некоторых местах все это сводится только к агитационной кампании и к резолюциям. Путь предложений, ясных, доступных, понятных рабочей массе, как действительное проявление доброго желания, воли к единству, справедливых предложений, которые можно об'яснять и защищать перед каждым непартийным рабочим, — есть наиболее правильный путь вербовки наших сторонников, пропаганды не на словах, а на деле идей единства международного рабочего движения.

Следующей задачей, стоящей перед нами в этом направлении на ближайший период, является задача мобилизации сил сторонников единства. И вот здесь уже, мне кажется, мы порой делаем крупнейшие ошибки. Когда мы говорим о сторонниках единства, мы должны помнить, что они состоят, с одной стороны, из нас, коммунистов, с другой стороны — из левых, наиболее честных элементов социал-демократии, работающих в профсоюзах и непосредственно на предприятиях, и, в-третьих, из непартийных рабочих, которые поняли, усвоили идею единства, которых жизнь каждый день учит этой необходимости. А что эта необходимость очевидна, покажет ближайший конфликт, который сейчас грозит

Первая чехо-словацкая делегация, пробывшая в СССР с 30 октября по 10 ноября 1925 г., на Златоустинском заводе (Урал).

(Председатель делегации Кмент, с.-д. (XX), секретарь Кольский, коммунист (X).

британским рабочим в угольной промышленности [180]). На деле же предстоящий конфликт в угольной промышленности был бы не так страшен и серьезен для английского рабочего движения, если бы за спиной британского профдвижения стоял крепко сплоченный классовый Интернационал профсоюзов, достаточно авторитетный, чтобы мобилизовать не только общественное мнение рабочих всех стран, но и призвать на жертвы рабочих всего мира. Если бы английские углекопы начали борьбу в таких условиях, когда за ними стояло бы не только британское профдвижение, не только Генеральный Совет британских тред-юнионов [201]), но и все международное рабочее движение,— тогда шансы британских углекопов были бы совершенно иными, ибо такую гигантскую стачку, конечно, очень трудно выдержать силами одного профсоюза и очень легко выдержать, когда за спиной стоит все международное профдвижение. Но этого нет *), и такие уроки каждый день будут учить рабочих понимать целесообразность осуществления единства международного рабочего движения. Из этих элементов образуется крыло сторонников единства профдвижения, которое все время растет. Что оно растет, это доказывает тот факт, что все рабочие делегации, которые посещают СССР, познакомившись с нашим профдвижением, побывши на наших фабриках и заводах, убедившись в бескорыстности наших стремлений к единству международного профдвижения, покидают СССР ярыми сторонниками единства. Мобилизация этих сил требует особого умения, особого терпения, особой внимательности со стороны всех братских коммунистических партий. В этом вопросе существует двоякая опасность: или этих сторонников единства, в большинстве случаев прямо вышедших из рабочей среды, как у нас говорят — рабочих от станка, бросают на произвол судьбы, не оказывая их никакой поддержки, или их начинают чересчур поддерживать.

Опыт Германии, где рабочая делегация [245]) проделала колоссальную работу, проделывает ее и сейчас, организовав журнал «Единство», группируя вокруг него силы сторонников единства путем организации аппарата распространения этого журнала, доказал положительную роль таких делегаций в борьбе за единство.

*) События целиком подтвердили этот пример и предположения.

М. Т.

В самом деле. Если во главе газеты или журнала, выросшего из рабочей массы, стоят рабочие, только что отошедшие от станка, крепко связанные с заводской массой, известные всем не как коммунисты, а как беспартийные выходцы из рабочей среды, то это тем более обеспечивает расширение и непрерывный рост сторонников подобной организации и ее укрепление. Мобилизация сил сторонников единства требует особой тактики, особо внимательного, особо вдумчивого подхода. Здесь очень часто у коммунистов может возникнуть соблазн как можно скорее использовать выгодную комбинацию, но результаты от такого использования получаются на очень короткий период времени. Очень плохо, если пытаются использовать плод тогда, когда имеется еще только цветок, когда существует только завязь. В Германии мы видим другой, более правильный, более осторожный подход. Для германского рабочего движения делегация, побывавшая в СССР, скрепленная своим журналом, своим маленьким рабочим издательством, брошюрами, которые пишут рабочие, крепко связанные с предприятиями, имеющая разветвления, ячейки своих сторонников по разным городам Германии, не только принесла плоды, но приносит их и будет приносить и впредь.

В этом вопросе более всего опасна, более всего вредна торопливость, нетерпение, ибо суть мобилизации сторонников единства — организация общественного рабочего мнения вокруг идеи, которая наиболее правильно, наиболее последовательно отстаивается нами. Мы видим, как в процессе борьбы за эту идею,— мы видим это в Англии и в Германии,— сперва людям становится доступной только сама идея единства, а потом, в процессе борьбы за эту идею, у них спадает с глаз одна пелена за другой. Им становятся понятны вся непригодность, вся гнилость, все лицемерие верхушек социал-демократических партий и все другие отрицательные стороны реформизма. Таким образом, это есть переходная ступень политического, классового воспитания для широких масс, и вот почему здесь наиболее опасна и вредна торопливость. Вся эта борьба есть своеобразный подход к руководству массами, борьба за завоевание масс и руководство ими.

Здесь мы подходим к общему вопросу — к вопросу о взаимоотношениях партии и профессиональных союзов. Как это ни странно, но мне приходилось читать документы, из которых

явственно следует, что не везде и не для всех коммунистов еще до сих пор бесспорно, что руководство массами со стороны партии не может быть обеспечено каким-нибудь одним путем, одним методом; многие забывают и то, что руководство и завоевание масс коммунистическими партиями, партиями пролетариата, не может ограничиться только агитационно-пропагандистской литературной деятельностью. Владимир Ильич в целом ряде выступлений очень популярно раз'яснял эту идею, говоря о системе приводных ремней от партии к массам, указывая, что профессиональный союз, это — уже готовая рабочая организация, организация наемных рабочих, именно тех, кто должен бороться за социализм. Отойти от этой организации, не понять смысла и значения ее — значит итти в хвосте у реформистов. Реформисты говорят, что профсоюзы — организация, призванная в пределах капиталистического общества защищать экономические интересы рабочих, а некоторые коммунисты, подходя к определению роли и сущности профессиональных союзов, думают, что профсоюзы, это — организация, которая борется за копейку. Те, кто так думают, фактически повторяют слова реформистов и считают, что определение, данное реформистами профсоюзам, правильно. А мы считали, считаем и будем считать, что профсоюзы есть организация наемных рабочих, классовая организация, которая, в силу извращения ее реформизмом, порой низводится до организации борьбы за копейку. Профсоюзы же есть организация рабочих для защиты своих экономических интересов, но в процессе этой борьбы рабочие сплачиваются для более сознательной классовой борьбы за свержение самого капитализма. Коммунисты обязаны придать деятельности этой организации характер борьбы против государства капиталистов — за свержение капиталистического строя. Как мы видим из опыта нашей революции, профсоюзы не теряют, а, наоборот, приобретают новое значение и после того как рабочие свергают власть капиталистов.

Вот что такое профсоюзы. Могут ли коммунисты недооценить роли и работы профсоюзов? Откровенно говоря, для литераторов, привыкших писать пышные статьи на отвлеченные темы об очень важных мировых вопросах, для агитаторов, которые считают единственно важным выступления на больших митингах и произнесение, под гром аплодисментов, звонких речей о мировых

задачах,— работа профсоюзов, которая иногда сводится к борьбе за 5- или 7-копеечную прибавку рабочим или к отстаиванию требования о кипяченой воде, кажется будничной, серенькой работой. Чтобы борцу за революцию важно было разбираться в каких-то пятаках,— не стоит пачкаться! Вы помните, что величайший вождь рабочего класса, В. И. Ленин, в одном из своих первых произведений написал о требовании кипяченой воды, умывальников и т. п. на одной из петербургских фабрик [267]). Вот подход к массе. Вот человек, который с первых шагов понял, как нужно подходить к массе.

Ленин больше, чем кто другой, учил не идеализировать массу, не идеализировать рабочих. Это верно не только по отношению к рабочим, но и по отношению к профсоюзам. Плохи или хороши рабочие в капиталистических странах, но мы их берем такими, как они есть, без тени фальшивой идеализации, не изображая себе рабочих так, как их рисуют в очень хороших интеллигентских романах «из рабочей жизни», а беря рабочего таким, как он есть, со всеми его прехами, со всеми недостатками, которые на него наложили жизнь и быт капиталистического общества. И профсоюзы являются той экономической организацией, которая должна их завоевать, взять их такими, как они есть. Конечно, проще было бы, если бы я, коммунист, придя в профсоюзы и видя все их неустройство, борьбу за копеечность и т. д., перестроил их сразу в идеальную рабочую организацию, борющуюся за коммунизм. Но ведь этого не дано. Такого коммуниста обыкновенно гонят из профсоюзов, иногда в более вежливой, а иногда в более суровой форме, говорят: «не мешайте нам заниматься делом».

Вы думаете, что мы в практике своей работы в профдвижении не прошли этой школы? Прошли. У нас тоже был, правда, краткий, период между 1907 и 1908 гг., после Лондонского с'езда [268]), когда многих из наших большевиков выгнали из профсоюзов, ибо мы не поняли резолюции Лондонского с'езда, пришли в профсоюзы и начали: «вот вы резолюцию Лондонского с'езда принимаете или нет?» А те говорят: «мы не насчет резолюции Лондонского с'езда, а вот насчет того, нельзя ли нам, чернорабочим, на 5 копеек добиться повышения зарплаты». «Это,— им отвечали,— пустяки, а вот как насчет резолюции Лондонского с'езда?»—«Мы этого не обсуждали».— «А мы требуем, чтобы вы обсудили».— «Тогда,—

говорили нам,— выйдите за дверь и там обсуждайте». Так было в 1907—1908 гг., когда с этой резолюцией многие не по уму горячие ребята бросились прямо к рабочим. А к концу 1909 г. уже в значительной части московских и петербургских профсоюзов в правлениях сидели большевики. Что они для этого сделали? Они стали резолюцию Лондонского с'езда не обсуждать, а проводить на деле. Я боюсь, что наши коммунисты и кое-где центральные организации подходят к профсоюзам сейчас так, как мы подходили в 1907—1908 гг. Приходят в союзы и говорят: «давай обсуждать о войне в Марокко или о плане Дауэса». — «Это, может быть, очень важно, но у нас убавляют зарплату на 10 копеек, у нас не проводят расценку и т. д.» — «А, расценка! Это — грошовое дело, когда мы стоим на краю гибели миллионов». Рабочие на это говорят: «гибель миллионов когда-то будет, а вот расценка — вопрос сегодняшнего дня, от этого зависит, что мои дети будут обедать, и будут ли обедать». Вот это важно для рабочих. Профсоюзы нужно брать такими, каковы они есть, и суметь в них работать. Большую ошибку совершают те, кто теперь подходит к вопросу таким образом, что коммунисты, работающие в профсоюзах, это, собственно говоря, коммунисты второго сорта, а настоящий коммунист тот, кто пишет хорошие статьи, выступает с речами о необходимости немедленного восстания, об изгнании реформистов и т. д.; что тот, кто работает в профдвижении, да еще как-нибудь «случайно» знает на самом деле, что такое тарифная сетка и колдоговор [269]), это — коммунист второго разряда. Руководить им еще можно, но считать его полноправным человеком — никак нельзя, и кое-где отказываются считать его таким. Это самый вредный, самый опасный пережиток. Это — «детская болезнь» [70]) в самой худшей ее форме. Профсоюзы надо брать такими, как они есть, и перед нами задача — суметь их использовать, приспособить методы своей работы к тем организациям, которые существуют, для того, чтобы приспособить эти организации к борьбе рабочего класса за коммунизм. Вот в чем задача. Приспособить сначала свои методы работы, с тем, чтобы потом переродить, перевоспитать эти организации, приспособить их к другой, более высокой задаче. Вот как стоит вопрос.

Руководство беспартийными массами со стороны партии должно и может осуществляться не одним каким-нибудь методом:

газетой, агитацией, пропагандой, но и через профсоюзы,— наиболее приспособленные к этому организации, через кооперацию, работа в которой как-будто совсем в загоне во многих наших братских партиях, и через рабочие организации, которые охватывают хотя бы 5 человек рабочих. Я позволю себе привести маленький пример из опыта русского движения конца 1907 г. В конце 1907 г. большевики обсуждали в Териоках, в большевистском центре, под председательством Владимира Ильича, вопрос о платформе нашей работы в профсоюзах. И там зашел спор. Владимир Ильич яснее всех нас видел, что наступает полоса реакции, требующая известной перегруппировки сил. Обсуждали вопрос о работе профессиональных и других непартийных рабочих организаций, об использовании легальных возможностей и т. д.; при чем я, будучи тогда профессионалистом довольно ортодоксальным, все мог перенести, но не мог перенести того, как это мы, большевики, пойдем работать в кассы взаимопомощи, которые я тогда считал архиоппортунистическими организациями, не стоящими нашего внимания. Вот профсоюз, это — классовая организация рабочих, в ней работать можно, и ее мы должны строить, а кассы взаимопомощи — чепуха. Как один из своих аргументов против Владимира Ильича, я — по молодости лет — выдвинул тогда следующее: «вы что же, хотите нам еще рекомендовать итти работать в кружки балалаечников?» Владимир Ильич сказал: «если это *рабочие* кружки балалаечников,— я рекомендую вам итти, хотя бы там было 3—5 человек рабочих. Если они играют на балалайке «боже, царя храни», то научите их для первого раза играть «марсельезу». Вот подход к массовой работе. Здесь сказался весь Ленин с его пониманием подхода к массовой работе: там, где есть два рабочих, третьим должен быть большевик, коммунист. Если мы вот так будем подходить к профессиональным союзам, тогда вопрос о профработе решается очень легко.

Когда ведется спор о методах руководства партии профессиональными союзами, то очень многие ортодоксальные товарищи иногда выдвигают такой аргумент — они говорят: «мы за независимость». Давайте условимся, что для большевиков вопроса о независимости быть не может, как не может быть и вопроса о нейтральности [12]). Конечно, когда одни, считая, что руководство есть система «закручивания», неправильно руководят, а другие, протестуя

против этого «закручивания», начинают брыкаться против всякого руководства, то это есть взаимное непонимание. В природе независимости профсоюзов нет. И когда реформисты, нападая на нас по этому вопросу, указывают, что у нас имеется зависимость профсоюзов от партии, мы всегда можем доказать, что в истории развития рабочего движения, и особенно в его современной фазе, независимых профсоюзов в природе не существует. Профсоюзы могут находиться под клерикальным влиянием, есть союзы, находящиеся под влиянием социал-демократов, есть профсоюзы, к сожалению, их очень мало — их должно быть больше,— находящиеся под влиянием коммунистов, и вопрос заключается лишь в термине: одни называют это «влиянием», а мы, большевики, со свойственной нам прямотой и способностью называть вещи своими именами, называем это руководством. Что значит — влиять на профсоюзы? Это значит: направлять их деятельность, а направлять их деятельность, значит руководить, и не что иное. Что такое клерикальные профсоюзы? Кто ими руководит? — Попы, клерикалы. Кто руководит национальными профсоюзами? — Ими руководят либо либералы, либо так называемые национал-социалисты, партия мелкобуржуазно-националистическая. Покажите мне хотя бы один союз, который нельзя было бы разложить по этим перегородочкам. Независимых профсоюзов в действительном смысле этого слова в природе нет и быть не может. Для нас, большевиков, основная задача — поставить профсоюзы, говоря реформистской терминологией, под влияние коммунистической партии, а по нашей терминологии — под руководство коммунистической партии, ибо партия является наивысшей формой рабочего движения, наиболее последовательным классовым выразителем пролетариата. Она руководит всеми видами и всеми формами рабочего движения. Ее приоритет несомненен. А вот как осуществить этот приоритет, это — другое дело.

Здесь мы подходим к вопросу о том, какими мерами партия руководит профсоюзами, какими методами она осуществляет свое руководство рабочим классом, беспартийными рабочими массами. Это руководство партия осуществляет не командованием, а методами убеждения, и все те, кто пытались руководить профсоюзами или какими-нибудь другими широкими непартийными рабочими организациями посредством командования, мелочной опеки,—

всегда имели и будут иметь печальные результаты. В данном случае есть только один метод партийного руководства, это — метод руководства через членов своей же партии, организованных группами внутри профсоюзов, но этот метод руководства должен быть *действительным* руководством.

Наша партия резко отличается от западно-европейских партий. Своеобразность нашей партии и нашего профессионального движения заключается в том, что наша партия построила профсоюзы в бытность ее еще социал-демократической партией. Раньше существовала партия, потом возникли профессиональные союзы. Таким образом, партия является матерью профсоюзов. Из этого вытекает целый ряд условий. Строители профсоюзов сразу заняли руководящее положение в профсоюзах. Отсюда — сложившееся у нас особое отношение профсоюзов к социалистической партии. Наши союзы родились в период революции. До 1905 года это были отдельные осколки, отдельные кусочки профессиональных союзов. Профессиональное движение, *как движение,* возникает у нас в 1905 г., оно возникает в момент наиболее острой классовой борьбы [45]). Отсюда — особый темп, особый ход всего движения. И если в истории нашей партии и профсоюзов мы должны были не раз и не два давать лозунг всем своим организациям — руководите профсоюзами с большей осторожностью, ни тени командования, ибо здесь меньше, чем где бы то ни было, терпимо командование, мелочная опека и дерганье, то что же говорить о компартиях других стран? Годятся ли для них наши методы, можем ли мы их рекомендовать, в голом виде, для всех западно-европейских партий? Я бы этого не сказал. Я думаю, что в Англии должны быть какие-то другие взаимоотношения. Переносить наши методы целиком на западно-европейскую почву, да еще усилив их на несколько десятков процентов, имея пред собою различные об'ективные условия, различную обстановку, другое отношение рабочих к партии, имея профсоюзы, в иной обстановке выросшие и развившиеся, имея иной удельный вес самой партии — это значит загубить самое хорошее дело.

Общий принцип руководства должен быть именно *принципом руководства,* а не мелкого вмешательства в повседневную союзную работу. Владимир Ильич не раз указывал на трудность и сложность работы профсоюзов. Он не раз указывал, что работа коммунистов

в профсоюзах очень сложна и трудна, что коммунист, работающий в союзе, обязательно должен знать и принципы профсоюзов, и методы, и формы работы, и т. д.; мало этого — знать: нужна особая тактика, особый подход, особая внимательность, особая осторожность. Если при этих условиях люди, сидящие наверху и занятые очень большими делами, начинают по всем этим вопросам руководить теми, которым приходится проводить будничную, серенькую работу — о том, пятак или семь копеек нужно прибавки, нужно ли ее устанавливать сегодня или через три месяца, как нужно подписывать коллективные договоры,— если в этом партия начнет руководить и дергать союзы вплоть до мелочей, то из этого ничего хорошего не выйдет. Партия должна усиленно подбирать, рекомендовать и выдвигать на профессиональную работу лучших, наиболее выдержанных товарищей,— этого требует сложность обстановки архипрактической работы, а также и то, что коммунисты, оказываясь в роли избранных руководителей непартийной рабочей массы, сживаясь с нею, обнаруживают порой настроения непартийных рабочих и легко могут свихнуться с правильного пути. Обстановка опасная. Поэтому нужно посылать в профсоюзы наиболее устойчивых, наиболее твердых людей, наиболее обеспечивающих не только партийное руководство, но и партийную рекомендацию.

Я хочу сказать несколько слов об ответственности. У нас, в российском профдвижении, и в то время, когда большое влияние в профдвижении имели меньшевики, когда руководство профдвижением принадлежало, в подавляющем большинстве, меньшевикам,— наши рабочие охотно выбирали в правления, в руководящие органы профсоюзов партийных. У нас положение всегда было таково. Это подтверждается всеми. Когда доходило до кандидатур беспартийных, наши рабочие ставили вопрос: «кто его знает и кто за него ручается? Партийного рекомендует партия, она за него ответственна, а кто ответственен за беспартийного?» Он сам. Вот какова психология наших рабочих. Когда партия выставляет коммуниста на работу в профдвижении, то она берет за него ответственность перед беспартийными, и успех его или провал есть частичный успех или провал партии. И поэтому это возлагает на коммунистов строжайшую ответственность, требует от них серьезного отношения к той работе, которую они ведут

в профдвижении. Я думаю, что кое-что из того, что я вам иллюстрировал нашим опытом 1907 г. после Лондонского с'езда, наблюдается сейчас и у коммунистов Западной Европы, работающих в профдвижении. Мне кажется, что наши неуспехи в профдвижении в значительной степени зависят от того, что некоторые наши товарищи свой дебют в профдвижении, первый подход к этой работе, начинают либо с войны в Марокко [249]), либо с плана Дауэса [193]), или с вопроса о фашизме. Начать работу в профдвижении, завоевать доверие и уважение рабочих масс коммунисты могут, только войдя в курс практической повседневной работы профсоюзов. Неужели вы думаете, товарищи, что мы, советские коммунисты, так крепко завоевали бы профсоюзы и, при имеющих место контр-атаках, не отдали бы их противнику, если бы у нас не нашлось несколько десятков хорошо грамотных в вопросах профдвижения людей? Ибо здесь, в профсоюзе, мало, если ты знаешь только смысл и сущность плана Дауэса,— кроме этого, ты должен знать устав своего профсоюза, ты должен знать строение этого профсоюза, наиболее целесообразные его формы и в то же время суметь быть не только наиболее ярким представителем интересов рабочего класса, но и наилучшим, наиболее деловым, наиболее серьезным и преданным работником профдвижения и наиболее компетентным в вопросах всей профсоюзной работы. Для этого надо учиться. Начать нужно именно с этого. Те из коммунистов, которые презирают эту повседневную, серенькую, скучную работу, которые считают ненужным терпеливо изучить, что такое профсоюз, что такое рабочее законодательство, страховое законодательство и т. д.,— тех лучше не посылайте в профсоюзы, потому что этим партия скомпрометирует себя и эти люди будут скомпрометированы. Мы должны противопоставить реформизму не только то, что мы — коммунисты (ибо часто может получиться так, что коммунист он хороший, парень хороший, иногда его политическую линию можно принять, а вот руководство в профсоюзе ему доверить нельзя), но и умение практически работать в профсоюзах и практически руководить ими. Иначе получится так, что влияние будет у нас, а руководство — в руках реформистов.

Я читал, что кое-где есть сомнения в том, нужно ли нам дальше завоевывать большинство в правлениях профсоюзов.

Я думаю, товарищи, что это вопрос абсолютно не дискутабельный. Попробуйте, завоюйте союзы в Германии, когда реформисты держат бразды правления в своих руках. Они сели и руководят — попробуйте, возьмите у них массы. Вот что значит сидеть в профсоюзах и руководить. Линия у вас хорошая и симпатий будет на вашей стороне много, а практическое руководство массами будет в руках других — реформистов. Вот тот, кто сумеет сесть в союзе и доказать рабочей массе свое умение руководить, преданность, знание и терпение,— того не вышибут из союза никакие реформисты. Приведу вам маленький пример: попробуйте вышибить большевиков из русских профсоюзов. *(Смех).* Не вышибете. Если с'ездом дано Президиуму ВЦСПС право распускать любой союз, у которого неправильная линия, назначать вместо правления союза организационную комиссию, если нам дано с'ездом право смещать всех должностных лиц, аннулировать все резолюции и утверждать их, переводить из кассы в кассу деньги в случае необходимости и нужды,— попробуйте при этих условиях, завоюйте у нас союзы и попробуйте ими «руководить», а мы только по уставу будем работать. Не выйдет ничего. Так вот, там, в Западной Европе, чтобы взять союзы, нужно чрезвычайно много терпения. Там коммунисты в профсоюзах должны вести пропаганду. Из сказанного мною не следует делать вывода, что я рекомендую вам заниматься мелкими делами и отказаться от всякой пропаганды. Я этого не рекомендую. Но в профсоюзе эта пропаганда должна сопутствовать практической работе, должна исходить из повседневных насущных для рабочего вопросов, связывая эти вопросы с конечными целями рабочего класса и нашей партии.

Есть у нас и отчеты и доклады,— к сожалению, западноевропейские товарищи мало знают эти материалы. Правда, все мы, я думаю, страдаем одной и той же болезнью: нам легче говорить, чем читать, так как читать очень утомительно. А у нас в СССР говорят, что у нас никто не читает, а все пишут. Ничего не поделаешь: нужно, иногда весьма нужно посмотреть и почитать то, что пишут. У нас по этому вопросу есть довольно недвусмысленное мнение. Сущность и трудность работы профсоюзов заключается в том, что хороший работник должен суметь каждый вопрос профессиональной работы,— как бы сух, как бы специален он ни был,— связать с общими вопросами, с общими задачами

пролетариата, с конечными целями рабочего класса. Вот если сумеешь заняться практической работой, если хорошо знаешь организационные вопросы, сумеешь отстоять коллективный договор, сумеешь разумно провести стачку и сумеешь связать каждый вопрос профессиональной деятельности с общими задачами рабочего класса — если все это сумеешь сделать, то любой профсоюз возьмешь. Значит, задача не так проста: послать в профсоюз коммуниста второго разряда и пусть там «руководит». Нет, там требуется очень высокая квалификация. Я думаю, что вопрос об ответственности нашей работы в профессиональных союзах — очень серьезный вопрос, и нельзя разрешать его так — налетом явился в профсоюз на собрание, произнес речь, как у нас говорят,— «охватил» резолюцию, и затем в свой ЦК доклад написал — вот, дескать, успех. А потом, когда собрание разошлось, садится, посмеиваясь, в свою контору реформист и думает: «поболтал, дескать, вчера болтун и ушел»,— и он, реформист, начинает снова ворочать делами союза, как ему нужно.

Если мы действительно хотим войти всерьез в профсоюзы, то должны поставить вопрос об ответственности. Мы должны доказать рабочим, что то, что предлагает коммунист, можно действительно осуществить, и что коммунисты сумеют это осуществить. Конечно, ошибки при этом будут, это неизбежно, но нельзя подходить к работе в профсоюзах таким образом, что если реформист говорит: «мы должны отстаивать 10 копеек прибавки», то коммунист заявляет: «нет, не 10 копеек, а полтинник». А потом рабочие коммунистам и говорят: «вы ничего не сумели отстоять, реформисты обещали 10 копеек, и 10 копеек дали, а вы обещали 50 копеек — и ничего не дали». И на следующий раз, когда вы придете к рабочим, вам скажут: «болтуны, умеете болтать, а толку нет». То, что предлагает коммунист, должно соответствовать реальному положению вещей, и должна быть возможность осуществить это. Для этого надо учиться, как нужно работать в профсоюзах. Только при этих условиях мы завоюем профсоюзы.

Наиболее опасным моментом в работе профсоюзов, в руководстве профсоюзами со стороны партии является выпячивание, афиширование, подчеркивание этого руководства. Работа партии в профсоюзах должна заключаться в том, чтобы меньше кричали о руководстве и больше проводили это руководство. Давайте

поменьше говорить, побольше делать! Выпячивание, афиширование, споры об этом, особенно на страницах газет, споры о независимости профессиональных союзов, о подчинении профсоюзов коммунистической партии — очень вредны. У нас в СССР об этом можно поспорить. У нас осенью этого года будет с'езд профсоюзов, конпресс,— приезжайте к нам на этот с'езд. У нас вы не найдете фракции реформистов, и у нас об этом можно спорить — можно спорить о том, как овладеть профессиональными союзами. А там, где еще профсоюзами не овладели, там нужно поменьше говорить: не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Давайте сначала перепрыгнем, сядем в большинстве в органах профсоюзов, вырвем руководство у реформистов, и тогда можно будет поспорить.

Какие требования пред'являются к работникам профессионального движения? Вот какие требования Владимир Ильич пред'явил к профессионалистам в резолюции XI С'езда ВКП [270]): «Снизу до самого верха организация профсоюзов и их аппарата должна быть создана и проверена практически на опыте долгого ряда лет. Необходима система подбора ответственных товарищей из числа коммунистов, которые должны жить рабочей жизнью, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу в любой момент настроение массы, уметь определить без тени фальшивой идеализации степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать к себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд».

Это очень трудная задача, очень трудная работа. Мало того, что коммунисту нужно научиться работать,— коммунист не может никогда застывать на одном месте, не может удовлетвориться частичными результатами, не может успокоиться, пока не выполнит всех этих требований. И если эти требования пред'явить к любому коммунисту, работающему в профдвижении, то ни один не подойдет на сто процентов к этому определению, к этой форме. Владимир Ильич очень часто говорил: особый такт, особый подход, особое умение, особая чуткость, особая практическая сметка требуются для работы в профессиональном движении, а вовсе не так, чтобы послать любого, даже хорошего, литератора — пойди и завоюй профессиональные союзы! Самое большее, что он

сделает, это то, что проведет хорошую резолюцию, но массу он не сумеет завоевать. Для этого нужно знать рабочую массу, не пугаться ее предрассудков, не пугаться ее пережитков, не пугаться ее отрицательных сторон и уметь терпеливо, изо дня в день, воспитывать ее.

То, что верно в национальном масштабе, то верно и в интернациональном масштабе — в борьбе за единство мы должны быть особенно терпеливы. Когда борьба за единство на каком-нибудь участке фронта в известной степени застывает, мы должны мобилизовать все свои силы, и если на одном участке фронта у нас на некоторое время, может быть, будет застой, мы терпеливо найдем другой участок, на котором можно развить более энергичное наступление. А если Амстердамский Интернационал, несмотря на честность нашего предложения, не хочет вместе с нами пред лицом рабочего класса обсудить вопрос о том, как совместно осуществить единство профдвижения, то мы либо сумеем заставить его пойти на это, либо — обойдемся без него, если мы сумеем сделать этот вопрос о единстве достаточно популярным в рабочих массах, сумеем внедрить в их сознание, в их голову необходимость для рабочего класса в борьбе с капиталом единой организации рабочего движения. Если мы сумеем мобилизовать свои собственные силы для работы в профдвижении, то, с Амстердамом или без Амстердама, но наше дело обеспечено. Мы добьемся движения рабочих масс к единству, к его осуществлению. *(Аплодисменты).*

Речь на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 г. Издана отдельной брошюрой. Изд. ВЦСПС. Москва. 1926 г.

Английская забастовка началась!

...Это гигантская забастовка [180]). Чем она кончится? Мы знаем, что всеобщая забастовка, это — не экономический конфликт. По сообщениям тов. Лозовского, начались уже стычки, кажется, уже кое-где брызнула кровь — в столкновениях забастовщиков с штрейкбрехерами. Если бы даже и не брызнула, то каждый момент может брызнуть; тут стоит класс против класса, со стиснутыми зубами. Надо помочь. При всеобщей забастовке, конечно, странно говорить о помощи. Пять миллионов бастует, кто и чем может помочь? Но, с другой стороны, общие забастовки не длятся неделями и месяцами, особенно в такой стране, где все зависит от фабрик и заводов, транспорта и т. д. Она не может долго продолжаться, Когда все парализовано, это — вопрос дней. Но спешная помощь нужна. Мы обещали Генеральному Совету своевременную поддержку. Нужна первая помощь, нужна кампания за более обстоятельную помощь. Самый акт солидарности имеет бóльшее значение, чем непосредственная помощь. Мы получили уже телеграмму о необходимости помочь от Межрабпома [271]), куда мы входим. Я предлагаю:

1. Сейчас же снять из забастовочных фондов [272]) ЦК и ВЦСПС сумму в 250 тыс. рублей и направить её как первый взнос в фонд пролетарской солидарности горнорабочим.

2. Начать от имени ВЦСПС и всех профорганизаций агитацию за поддержку, за братскую солидарность русских рабочих с английскими горнорабочими.

3. Призвать рабочих к отчислению четверти дневной заработной платы, — пока-что. Через день-два обсудить, если будет нужно, то и второй взнос послать. Стачечный фонд потом пополним.

Сколько с кого снять и как снять, — я предлагаю поручить комиссии — Догадову, Лозовскому, Яглому и Анцеловичу.

Для английских горнорабочих это будет иметь большое значение. Тут дело выходит за пределы только английской забастовки — ведь забастовали 5 млн. рабочих, сообщают, что блокада Англии в отношении угля и горючих [180]) материалов обеспечена. В Англию не везут угля и вообще никакого горючего.

Я думаю, что вы поручите Догадову, как секретарю ВЦСПС, в случае необходимости, остановить у нас в портах работы по погрузке в Англию угля, керосина и т. п. Это мы должны сделать. Если потребуется, Догадов призовет к этому [273]). Кампанию агитации по фабрикам и заводам, на собраниях надо начать для того, чтобы русский рабочий знал в чем дело, что это не обычная забастовка, что требуются жертвы и помощь со стороны всего рабочего класса.

Поручить той же комиссии обратиться от имени ВЦСПС с воззванием ко всем профорганизациям [274]).

Неопубликованное сообщение об английской забастовке на Президиуме ВЦСПС 5 мая 1921 г.

Заседание Англо-Русского Комитета в Берлине в декабре 1925 г.
(Слева направо: сидят — А. И. Догадов, А. Финдлей, В. Ситрин, А. Пью, М. П. Томский, А. Персель; стоят — Я. Станкин (секретарь М. П. Томского), А. Свейлс, И. Лепсе, Ф. Угаров, Д. Хикс, Г. Мельничанский, Я. Яглом, В. Яроцкий (эксперт-переводчик), Ротштейн (переводчик).

Значение и уроки английской всеобщей стачки.

Товарищи! Я думаю, что недавно закончившаяся всеобщая английская забастовка [180]) и еще происходящая забастовка английских горняков приобретают величайшее международное значение не только потому, что это самые великие битвы в истории рабочего класса, в стачечной борьбе, не только потому, что это величайшая всеобщая забастовка, — они приобретают особое значение и потому, что произошли в стране классического капитализма — в капиталистической Англии. Английская всеобщая забастовка приобретает колоссальное значение потому, что из её опыта мы получаем целый ряд уроков для всего международного профессионального движения. Она прежде всего полностью подтвердила наш прогноз о неизбежности экономического и политического наступления капитала в Англии, прогноз, который был дан задолго до июньского кризиса в горной промышленности. Она целиком и полностью подтвердила правильность основного принципа нашего профессионального движения, принципа о неразрывности политической и экономической борьбы рабочего класса. Она целиком подтвердила и наше положение о том, что весь капитализм и, в частности, английский капитализм находится в положении так называемой относительной стабилизации [275]). Она подтвердила неизбежность ряда кризисов в Британской империи. Она служит яркими доказательством падения могущества британского капитализма.

На самом деле. Причины всеобщей английской забастовки коренились в так называемом угольном конфликте, вытекающем из угольного кризиса [180]). В чем сущность этого угольного кризиса? Английские углепромышленники заявляют, что при той высоте заработной платы и при той продолжительности рабочего дня, которые в данное время существуют в Англии, они не могут вести своих предприятий. Без понижения жизненного уровня горняков,

без ухудшения условий их труда, английская угольная промышленность, работающая как для внутреннего рынка, так и на колоссальный экспорт, не может конкурировать на мировом рынке с более дешевым бельгийским и французским углем. Она не может конкурировать с более дешевым углем своих соперников потому, что заработная плата английских горняков выше, а продолжительность рабочего дня ниже заработной платы и продолжительности рабочего дня горнорабочих других европейских государств. Несмотря на то, что английские горняки получают далеко невысокую плату, являются пасынками по сравнению с железнодорожниками той же Англии, тем не менее жизненный уровень английских горняков слишком высок по сравнению с жизненным уровнем рабочих других европейских государств.

Отсюда очень интересно оглянуться назад, на то время, когда мы говорили английским рабочим, что план Дауэса [193]), набрасывая петлю на Германию, тем самым переложит тяжелые репарации с германских горнорабочих на английских. Ухудшение экономического положения немецких рабочих неизбежно приведет к ухудшению положения лучше оплачиваемых английских горняков. Многим английским «мудрецам», как политическим, так и профессиональным, казалось странным, что представители русских союзов каждый вопрос связывают с вопросами мировыми, с планом Дауэса и т. п. И несмотря на то, что на конгрессе в Скарборо резолюция [276]) об этом была вынесена, они на практике, в жизни, считали, что план Дауэса, это — для Германии, а мы, славу богу, не Германия, а Англия. Пусть они в Германии живут по плану Дауэса, мы живем по-своему, живем на своих островах, по своим законам...

Однако, логика борьбы капиталистических держав имеет своим следствием ухудшение экономического положения рабочих этих держав. Перед английскими промышленниками не на словах, а на деле, во весь рост, встал вопрос о том, что они должны понизить цены на уголь до уровня цен своих конкурентов, чтобы иметь возможность выступать на мировом рынке. Высота заработной платы, с одной стороны, с другой — сравнительная техническая отсталость препятствовали английской промышленности осуществить свой план и потому перед нею, как и перед английским государством в целом, стала проблема: либо понизить жизненный

уровень английских рабочих до уровня рабочих европейских, либо реконструировать угольную промышленность путем вложения в нее дополнительного основного капитала путем переоборудования копей, наконец, был поднят главный вопрос о понижении прибылей или полной отмене прибылей частных предпринимателей. Что именно в этом суть, — это скоро поняли рабочие Британии, которые еще при правительстве Макдональда [167]) внесли предложение о национализации (правда, с выкупом) угольных шахт [180]).

Рабочее правительство Макдональда, конечно, не решилось посягнуть на права частной собственности. Конечно, не решилось — не хватило у них духа — выступить со смелым, пахнущим социализмом, законопроектом в парламенте. Одна за другой назначались правительственные комиссии, и все они не могли перескочить через принцип неприкосновенности частной собственности и найти выход из создавшегося положения. Либо реконструкция [180]) промышленности, либо понижение жизненного уровня рабочих.

Есть, конечно, третий, радикальный, решительный исход — из'ять орудия производства из рук промышленников, капиталистов, шахтовладельцев. Но этот выход не приходил в голову. Этот выход считался столь отдаленным, что на него даже левые вожди английского профессионального движения смотрели как на нечто, не имеющее практического значения.

Трудно перечислить все количество комиссий, заседаний, компромиссов и поправок, которые имели отношение к этому вопросу. Неизбежность конфликта обнаружилась с достаточной ясностью к концу июля прошлого года [180]). На одной стороне стояли предприниматели, которые не могли платить бо́льшую заработную плату и не хотели увеличить основной капитал и рационализировать производство. На другой — стояли рабочие, которые соответственно английской дороговизне и культурному уровню английского рабочего класса, завоеванному десятилетиями борьбы, не хотели итти на дальнейшее ухудшение. На стороне горняков были симпатии всех британских рабочих, которые поняли (правда, весьма смутно), что наступление на горнорабочих и натиск в целях понижения их зарплаты и удлинения рабочего дня есть начало общего ухудшения экономического положения всего английского пролетариата.

Конфликт кончился компромиссом. Правительство решило продолжить субсидию горнопромышленникам [180]) до мая месяца. Что это значит? Это значит, что из налогов, из общего бюджета, государство брало определенную сумму и давало её угольной промышленности в виде дотации, как это делается и у нас, в советском государстве [277]), где все орудия производства принадлежат рабочему классу. В Англии дотации шли частным предпринимателям, чтобы они продолжали производство при данном уровне заработной платы, не приходя в конфликт с рабочими, и вывозили уголь на рынок.

Май месяц был последним сроком выдачи субсидий. Было бесконечное количество комиссий и заседаний. Вся их история чрезвычайно запутана и показывает только одно — большую склонность со стороны руководителей английских тред-юнионов привести дело к компромиссу, к возможности путем хорошего компромисса выйти из создавшегося положения.

На самом деле. Последнее разногласие в комиссии между предложением Самуэля [180]) и Пью [278]) сводится к тому, где поставить точку. Пью предлагал поставить точку ближе, а Самуэль — дальше. Но оба были согласны с тем, что переговоры должны продолжаться на основе доклада Самуэля. Пью предлагал поставить точку, а Самуэль, смотря более трезво действительности в глаза, предлагал продолжить фразу: «предусматривая или идя на известное понижение зарплаты горнорабочим». В то время, когда буржуазия говорила ясно и отчетливо — «мы за понижение зарплаты горнорабочим»,— вожди предлагали — «давайте не будем говорить понижение или повышение, а поставим точку».

Наконец, был об'явлен известный вам локаут [180]) 1 мая и стачка горняков. Что происходит за время с мая до июля? За это время вся подготовка профсоюзов к великой борьбе выразилась в том, что они говорили, декларировали: горняки не будут одиноки, «мы все выступим на поддержку горняков». Были конференции представителей отдельных тред-юнионов, было об'явлено, что борьба будет вестись общими силами. А дальше что сделано? Больше ничего... А что делало правительство — правительство платило субсидию, но платило не зря. Оно создало довольно сильную фашистскую штрейкбрехерскую организацию «ОМС» [180]). Оно сумело ее организовать настолько хорошо, что во время всеобщей

забастовки быстро привело в исполнение целый ряд мероприятий [180]).

Конечно, такие дела, как развертывание в 24 часа в Гайд-Парке питательных пунктов для многих тысяч [180]), доставка питания на грузовиках — такие проекты в 24 часа не разрабатываются и не осуществляются. В то время как правительство, с полной ясностью зная, куда оно идет, разрабатывало план борьбы, подготовляло соответствующие организации, в это время со стороны Генерального Совета британских пред-юнионов, кроме обычной декларации, ничего не было сделано.

Мне пришлось за этот период раза два видеться с вождями Генерального Совета и частным образом беседовать о перспективах будущей забастовки. Было распространено такое мнение: «Всеобщей забастовки не будет, наше правительство до этого не допустит. Что такое всеобщая забастовка? Это — почти революция, на это не пойдут. Дело кончится компромиссом, каким — неизвестно, но компромиссом». Так говорили они.

Когда одна сторона готовится к борьбе и подготовляются такие организации, как «ОМС», а другая рассчитывает только на компромисс, конечно, тут не может быть речи о действительной борьбе, при таких настроениях нельзя говорить о воле к борьбе, о желании борьбы.

Одна сторона ясно готовится к борьбе, понимая дело и понимая характер предстоящего столкновения. Другая как-будто понимает что такое локаут и что такое всеобщая забастовка в Англии, но в то же время ничего не делает и заявляет, что практически вообще к забастовке готовиться нельзя. Каковы были требования Генерального Совета в момент об'явления углепромышленниками локаута? Отмена локаута, возобновление переговоров, если можно так выразиться, «без предварительных условий об ухудшении положения труда горнорабочих». Значит, искали компромисса при сохранении государственной субсидии на все время переговоров.

Это предложение было отклонено, но стачка не была об'явлена, и только известный инцидент с наборщиками [180]) «Дейли Мэйль» неожиданно толкнул ожидавших компромисса прямо в об'ятия стачки. Правительство не пожелало разговаривать, правительство просто заявило: либо откажитесь от лозунга всеобщей стачки и признайтесь, что вы разбиты без боя, либо принимайте бой. Они

приняли бой, и вот сейчас, когда оглядываешься на эту стачку, очень трудно сказать, что было бы лучше: совсем не принять боя, или принять и вести так, как они его вели. Для этой стачки характерно, что до самой последней минуты была вера в то, что все-таки дело кончится обыкновенным английским компромиссом, «хорошим», как они говорят, компромиссом. По нашему мнению, компромисс между трудом и капиталом в таких случаях бывает невыгоден для рабочих. Вера в компромисс до последнего времени была настолько сильна, что предложение о начале стачки внес, небезызвестный русским профессионалистам Томас [257]). Я не стану говорить о личности Томаса. Вы все его прекрасно знаете. Вы знаете, что это тайный советник английского короля — таково его официальное положение, кроме лидерства в профдвижении. Затем он акционер большой ж.-д. компании, человек очень состоятельный, платящий большой подоходный налог. Судя по размеру уплачиваемого им налога, его состояние равняется не меньше чем 5 миллионам рублей на наши деньги. *(Смех). (Лозовский:* «Там богатые лидеры, не то, что у нас». *(Смех).* Это такая сумма, которую мы все, вместе взятые, если будем очень бережливо жить и лет 500 экономить, все равно не соберем. *(Смех).*

Итак, стачка об'является. Этой стачке сопутствует целый ряд мелких и крупных драматических моментов. Инициатор стачки Томас плачет при всяком удобном случае, он плачет в Генсовете, плачет не фигурально, а физически, плачет самыми настоящими слезами, он плачет в парламенте перед лицом консерваторов и либералов, он плачет везде, где только можно. Вот эти слезы чрезвычайно характерны для настроения руководителей стачки, для тех, кто должен руководить стачечной борьбой. Представителями рабочих, обязанными защищать интересы этих рабочих, обязанными их отстаивать перед лицом класса капиталистов, этими представителями как раз являются Томас [257]) и Макдональд [206]), люди, не раз публично заявлявшие о том, что классовая борьба есть проклятие, что они против классовой борьбы и что, когда дело идет о революции, не грешно сорвать стачку и предать ее. Но эти люди выдвигаются теперь в качестве представителей рабочих для переговоров с правительством, хотя правительство заявило, что никаких переговоров оно не хочет вести до тех пор, пока не будет безоговорочно отменена всеобщая забастовка.

Против кого была направлена стачка? Против углепромышленников. Но для углепромышленников совершенно безразлично, бастуют ли железнодорожники и металлисты или не бастуют. Какое дело углепромышленникам до того, бастуют или нет рабочие других отраслей промышленности, которым они не платят денег? Всеобщая забастовка есть всегда забастовка против существующего правительства, против существующего государственного строя, и никогда она не может вестись против отдельных групп капиталистов, ибо она есть паралич всей государственной жизни, ибо об'явить всеобщую стачку — это, значит, вырвать у государства все его функции. Что такое государство без железных дорог, без электричества, без всего, что необходимо для нормальной работы промышленности, для нормального функционирования всей государственной жизни? Об'явить всеобщую стачку — это значит вырвать из рук противного класса его оружие, это значит — парализовать всю государственную жизнь. Как-будто это совершенно ясно не только для нашего профессионалиста, но и для каждого русского беспартийного рабочего. Всеобщая экономическая стачка имеет только политический смысл. Это совершенно ясно. Не может быть экономической всеобщей стачки без политического смысла.

Между прочим, с самого первого момента стачка была об'явлена как промышленная, оборонительная стачка, направленная исключительно в защиту горняков.

Если вы просмотрите все документы этого времени [279]),—а я имел удовольствие, находясь недалеко от Англии, изучать широкую буржуазную прессу, освещавшую стачку, — то вас с первого момента поразит целый ряд шагов, которые были как-будто нарочно придуманы для того, чтобы с первых дней ослабить силу стачки. Стачка об'явлена как промышленная и чисто экономическая. Поэтому, чтобы не дать повода противникам толковать эту стачку как политическую, одновременно со всеми буржуазными газетами приостанавливается печатание и всей профессиональной, всей левой рабочей печати. Орган рабочей партии «Дейли Геральд» [164]) просит у Генерального Совета разрешение на право издания, но Генеральный Совет отказывает, ибо если бы Генеральный Совет отдал предпочтение «Дейли Геральд» перед другими газетами, то это была бы «политика», а так как стачка «аполитична», так как стачка носит только «промышленный характер»,

то нужно от этого отказаться. Затем всем политикам дается строжайшее запрещение выступать где бы то ни было с речами о стачке. Стачка, это — не дело политики, это — дело экономики. В отдельных местностях Рабочая партия предлагала свой аппарат, довольно недурной аппарат, аппарат агитационный, митинговый и т. д., к услугам стачечных комитетов, к услугам профорганизаций. Но это предложение о содействии отклоняется, потому что такое содействие будет означать, что стачка принимает политический характер, тогда как об'явлена «исключительно экономическая» забастовка. Это будет политическое выступление, это будет политический блок. Вот почему это предложение отклоняется. Они не желают пользоваться аппаратом Рабочей партии, они будут продолжать борьбу «своими силами».

Вместо того, чтобы захватить любую газету, как это делалось у нас в доброе старое время [280]), для обслуживания всеобщей стачки, вместо того, чтобы обеспечить максимальный выход своей рабочей печати, вместо этого отказываются от всей прессы и ограничиваются очень маленькими листовками. В то время как правительство само выступает в качестве издателя новой газеты, рассылает информации, — Генсовет делает как-будто то же, но в действительности отказывается от своей прессы и начинает выпускать маленький листок [281]), лейтмотивом которого с первых строк является: «мы — не политики, это не есть политическая борьба, мы ведем экономическую стачку. Рабочие, будьте паиньками, спокойствие, хладнокровие и выдержанность. Мы ведем только экономическую стачку» [180]).

Вот вам противопоставление двух мнений. Одна сторона — буржуазия — говорит: когда ведут всеобщую стачку, то это стачка не экономическая, а политическая. Когда парализуют государственную власть, захватывают отдельные ее функции в свои руки, то это не экономика, а политика. Когда на улицы выходят миллионы и требуют от государства перемены политики, то это не экономика, а политика. Другая сторона отвечает: нет, это есть экономика. У кого же выше классовое сознание: у буржуазии или у представителей рабочего класса, у руководителей забастовки? Все время жалкий лепет о лойяльности, все время боязнь как бы не показать себя нелойяльными по отношению к конституции. Людей вызвали на улицу. Около 5 миллионов оторвали от работы, лишили их

на это время заработка, поставили под угрозу возможность этого заработка в дальнейшем... Поставлен открыто принципиальнейший вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и промышленников, поставлен вопрос о том, как изжить экономический кризис, вопрос, который не может разрешить буржуазное государство, вопрос о том, будут ли рабочие организации поставлены на колени, вопрос о престиже рабочего класса... И в это время руководители движения больше всего боятся, чтобы их не заподозрели в нарушении конституции! Какая тут конституция, когда правительство с первых же шагов забастовки об'явило о введении чрезвычайного положения [180])?! Следовательно, конституция отменяется на это время, назначаются комиссары с чрезвычайными полномочиями [180]), правительство выступает в роли активного подавителя забастовки, бронированные автомобили носятся по улицам, штрейкбрехерские автомобили обтянуты колючей проволокой, войска в стальных шлемах, вооруженные до зубов, Гайд-Парк оцеплен войсками с пулеметами,— а руководители рабочих говорят: «мы не должны давать никакого повода, чтобы нас не заподозрели в желании нарушить конституцию».

Вот уж, воистину, как не нужно проводить стачку! Что тут — непонимание или нежелание понять? Болдуин понял, что это не экономика, а политика, вожди же Генерального Совета ведь не настолько глупые мальчики, чтобы, в свою очередь, не понять, что это явление, очень близко лежащее к политике, и что все это не похоже на мирную английскую конституцию. Начав без боя стачку, пробовали без боя же и победить...

Отсюда целый ряд оговорок: «лойяльность», «не нарушайте конституции», рабочим рекомендуется во время стачки заниматься прогулками, спортом и т. д. и т. п., чтобы отвлекаться от дурных мыслей и не ввязываться в неприятные конфликты, хотя кое-где рабочих бьют, кое-где стреляют, хотя уже брызнула кровь. Чтобы этого не было,— «занимайтесь спортом!» Представьте, что кто-нибудь в старое время в России, во время всеобщей забастовки, рекомендовал бы заниматься спортом! Правда, был такой случай в истории русской революции: когда на собрание общественных деятелей в Петербургском Технологическом Институте, вечером 9 января 1905 года, пришла группа рабочих и, взволнованно сообщив, что на улицах стреляют, что казаки бьют, что Гапон

скрылся, спросила присутствующих «что делать?», то один из «мудрых» «общественных» деятелей, кажется, Прокопович, поднялся и бросил: «не надо стекла бить!»

Вот — «политическая платформа», вот «руководящая линия» борьбы рабочих в такой критический момент. Разве вся линия Генерального Совета не напоминает этого знаменитого «не надо стекла бить!» Английский рабочий класс фактически был схвачен за горло, его душили классовые враги: и штрейкбрехерские организации, и чрезвычайное положение, и специальные комиссары, и оцепление войсками, и об'явление всей страны на военном положении... А руководители забастовавших, которые вызвали миллионы рабочих на борьбу, больше всего боялись как-нибудь рассердить, раздражить, обидеть врага...

Представьте себе бой двух человек, кулачный и с оружием. Если один из бойцов лупит почем зря, старается ударить в самое больное место, а другой защищается таким образом, чтобы не обидеть противника, чтобы не рассердить его,— что из этого будет? Тот, кто боится «обидеть», «рассердить» своего противника, будет бит с первого же удара. То, что он будет побит, это — безусловно, но самое скверное, что в данном случае он будет бит поделом. За дело его бьют. Печально, что в Англии происходила не прямая драка рабочих вождей с правительством, а драка на спинах английских рабочих и за их счет... Все это происходило на спинах миллионов. Здесь решался не только английский вопрос, а — в значительной степени — вопрос всей международной борьбы. Неужели же есть такие наивные люди, которые полагают, что английская буржуазия и после поражения стачки горняков не доведет уровня жизни английских рабочих до уровня жизни рабочих германских, как к этому стремится французская буржуазия, буржуазия бельгийская и т. д.,— так же, как германская буржуазия, в свою очередь, будет стараться свести положение германских рабочих до уровня турецких рабочих, китайских рабочих и т. д.?! Общая политика капиталистов заключается в том, чтобы равнять положение рабочих по самому отсталому. В этом они видят залог своей стабилизации, в этом они видят возможность укрепления своего положения и покрытия всех тех колоссальных потерь, которые понес мир во время войны,— путем переложения этих расходов на плечи рабочего класса. Первый бой был проигран Германией [96]),

второй, решающий бой проигран самым культурным пролетариатом — английским пролетариатом. И в такое время люди разговаривают о том, как бы их не заподозрели в том, что они хотели нарушить конституцию! Они боялись этого потому, что проведение всеобщей забастовки до конца логически переходит в вопрос о власти, в вопрос о борьбе за власть. Иначе вопроса ставить нельзя.

На самом деле. Вести борьбу с правительством и бояться выкинуть лозунг «долой правительство!», то правительство, которое целиком и полностью поддерживается предпринимателями, которое само целиком и полностью поддерживает предпринимателей, которое ставит ультиматумы рабочим союзам [180]), которое выдвигает против забастовщиков вооруженные силы! В такой обстановке не выдвигать лозунга «долой правительство!» значит быть жалкими трусами, которые, говоря о всеобщей забастовке, или по своей глупости не видели всего, или увидав — испугались и больше смотреть не хотели — забастовку вели, не желая ее, вели с отвращением и окончили с позором!

Создалась цепочка: на одной стороне Болдуин [224]), Самуэль [180]), Черчилль [282]) и т. д., с ними ведут переговоры Томас [257]) и Макдональд [206]). Томас и Макдональд являются представителями рабочих. Томас и Макдональд ни в чем не уговорили Болдуина, Самуэля и других; все время вел переговоры и Генеральный Совет. Получается неразрывно связанная цепочка: Болдуин, Томас, Макдональд, Пью [280]), левое крыло — Хикс [258]) и т. д. Мне передавали сегодня, сам я не читал, что на одном из митингов Персель [37]) сказал, что если бы ему пришлось еще раз проводить всеобщую забастовку, то он бы ее провел точно таким же образом и точно так же и закончил бы. Я думаю, что если за такую забастовку следовало кого-нибудь бить, то в первую голову нужно бить Перселя, если он так говорит, и следует его бить до следующей всеобщей забастовки, не подпуская на пушечный выстрел к руководству рабочим движением, потому что так позорно вести забастовку, как она велась, нельзя. Она велась таким образом: прежде всего они больше всего боялись как бы из этой забастовки не сделать всеобщую забастовку; об'явив всеобщую забастовку, они боялись больше всего сделать из нее действительную всеобщую забастовку. Они начали с транспорта, присоединили часть

металлической промышленности. Возьмем количество забастовщиков — 5 милл., а общее количество английских пролетариев (тут цифры называются разные) в среднем выходит около 15 миллионов, т.-е. к забастовке были призваны 30 — 35%. Как мы видим, подход был крайне осторожный. Во время этой драки, когда против них выпускаются пулеметы, нужно было завинтить самые основные отрасли промышленности, необходимые для государства, ибо если ты хочешь скорее кончить борьбу, то бей по самым больным местам противника, а иначе это похоже на «начинай революцию лозунгом — не бей стекол!»

Как останавливали электрическую промышленность? В газетах писали — «остановлена электрическая промышленность...» Ее останавливали «благоразумно», определили, что нужно остановить, при этом говорили, что свет останавливать неудобно — много недовольных будет, затем начали останавливать движение — ток, который направлен к движению машин, останавливать неудобно — это повлечет к тому, что вольются новые слои рабочих в забастовку, слои, которые к забастовке не призваны. «Давайте остановим трамваи...» Благодаря особой дифференциации английских электрических станций — останавливаются только те станции, те распределители токов, которые давали ток трамваям. Тогда правительство присылало электротехнический отряд, и эти электротехники пускали движение в ход; вторую часть останавливают, а правительство посылает вторую часть электротехников, и те снова восстанавливают работу. Забастовка велась буквально по-английски, подобно тому, как благочестивые англичане отрубают собаке хвост по кускам, точно так же была начата и забастовка — кусочек остановят, а правительство это дырку заклеит, тогда другой кусочек останавливают и т. д. Делали все для того, чтобы дать возможность наиболее безболезненно почувствовать последствия всех героических решений, никого не рассердить, никого не обидеть и фактически свести на-нет даже самые решительные действия.

Если кто-нибудь в этот момент и боялся больше всего дружного выступления рабочих, небывало дружного, с небывало прекрасным чудесным настроением, если кто боялся, что английский рабочий с таким настроением выйдет на улицу, боялся, чтобы энергия английского рабочего класса не перешагнула через конституционные рамки, чтобы не превратилась в действительную

революционную энергию,— то больше, чем Болдуин [224]), этого боялись сами вожди Генсовета. Того, кто так повел эту забастовку, кто так ее кончил, того мало бить — того нужно вымазать смолой, обвалять пылью и показывать рабочему классу, как пугало. Это нужно сделать с теми вождями, которые так провели эту забастовку!

Такая грандиозная всеобщая забастовка при самом реформистском, профессиональном, тред-юнионском подходе к ней, при самом ограничительном толковании и понимании её — может жить, развиваться и победить, только опираясь на международную солидарность других рабочих. Чем больше забастовка окружена сочувствием, симпатиями во внешнем мире, чем больше она завоюет симпатии рабочего класса, не только внутри, но и вне Великобритании, тем больше она будет развиваться и тем скорее приведет к победе. Проводить стачку в узко национальном масштабе, проводить стачку, как чисто английскую, — это значит заранее её ослабить.

Что же делают эти «великие мудрецы»? В то время как русские союзы уже посылают помощь, они... обращаются ко всем организациям за таковой же, обращаются за помощью к ряду международных организаций. Первая солидная, серьезная помощь была от наших профсоюзов. Правда, были порадовавшие меня корреспонденции в рижских, берлинских газетах, другие мне газеты не попадались, о том, что Амстердамский Интернационал заявил, что он ассигнует на английскую забастовку 70 миллионов гульденов. Когда я прочитал эту самую корреспонденцию и мы прикинули, сколько денег может быть у Амстердамского Интернационала, мы решили, что 70.000 гульденов — цифра подходящая, 170.000 гульденов тоже подходящая, но 70.000.000 — со всеми потрохами таких денег вы у них не найдете, если не считать кассы всех международных союзов, входящих в Амстердамский Интернационал и имущество всех их членов. Тогда, может быть, такая сумма найдется. Но так как у них профессиональное движение не централизовано по тому типу, как у нас, то для них это совершенно немыслимо. И, действительно, это была утка, и первая активная помощь была только от русских профсоюзов. Они обсудили этот вопрос и выносят постановление: «отказаться от помощи русских профсоюзов» [180]). Почему отказаться? Во-первых, потому, что это,

видите ли, может быть дурно истолковано — «Москва субсидирует забастовку», а, во-вторых, на документах в числе прочих подписей имеется подпись тов. Лозовского и, в-третьих, «мы решили вообще отказаться от всякой иностранной помощи». Эти господа, струсив принять наши деньги, желая ограничить забастовку, желая всемерно угодить буржуазии, чтобы позолотить эту пилюлю, делают общий жест: «так как от русских денег мы отказались, давайте от всех денег откажемся». Что это такое было? Это было, во-первых, подлое подлизывание к правительству, к господствующему классу. С другой стороны, это был сигнал — «смотрите, у нас в кармане ничего нет, свои деньги проедим и забастовку кончим, мы отказываемся от расширения борьбы, мы сами себя разоружаем, отказываясь от солидарности с международным пролетариатом. Чем скорее кончится забастовка, тем лучше».

Я просмотрел все бюллетени, издаваемые Генеральным Советом. Я там нигде не видел обращения к рабочим со стороны стачечного комитета и Генерального Совета, в котором содержался бы протест против нападения и избиения рабочих. Наоборот, все замазывалось. Когда рабочих били, Генеральный Совет в это время писал: «занимайтесь спортом, погода хорошая, занимайтесь прогулками».

Говорят, что Хикс [259]), который изображал собою революционного человека, в частных разговорах поговаривал о том, что если в Англии будет революция, то он будет за террор. А когда дело дошло до фондов союзов, до реальной схватки, все они струсили, все вместе стали заискивать. Правые действовали открыто. Они знали, что делают, они за это получают деньги, даром не дают звания тайных советников. Они и раньше заявляли: «мы противники классовой борьбы. Если будет угрожать революция, мы предадим всех и вся, чтобы её не было и чтобы конституция не была нарушена».

Что можно с них спросить?! Английским рабочим нужно, конечно, неуклонно и настойчиво все это раз'яснять, ибо они ухитрялись водить за нос этих рабочих, получать их голоса, быть избираемыми. Но те, которые заявляют, что они не то самое, что эти мытари, тоже вели себя не лучше. Они прикрашивались революционными фразами, а когда дело дошло до революции, оказались не лучше, они тащились в хвосте, их инициатива была

у правых. Они позорно капитулировали, заискивали, потому что отказ от русских денег, это — акт лакейства. «Мы не хотим ни русских, ни иностранных денег»,— это есть заискивание — «смотрите, мы не хотим с этими бяками иметь дело». А что это было так, я докажу оглашением одного документа, полученного мною из кругов, близких британскому Генеральному Совету. Если это не так, пусть кто-нибудь опровергнет. Вы знаете, что нигде не писалось о том, что английское правительство решило не пропускать денег. Генеральный Совет сделал красивый жест — «мы сами не хотим брать денег». А вот, между прочим, документ: «Ллойд-Банк, 11 мая 1926 г. Секретарю Генерального Совета тред-юнионов.— Милостивый государь, настоящим извещаем Вас, что нами получено следующее телеграфное распоряжение от Торгово-Промышленного Банка в Москве: выплатите Генеральному Совету тред-юнионов 100.000 фунтов за счет ВЦСПС». (Это вторая наша посылка денег в размере 1.000.000 руб.). «Однако, в виду инструкции, полученной от правительства Его Величества и в виду чрезвычайного положения, введенного приказом от 9 мая 1926 г., мы не в состоянии выполнить упомянутое распоряжение. Ваш управляющий банком — подпись». Мало того, что они лакействовали, они прикрывали явные репрессии правительства. Почему об этом документе не доведено до сведения английских рабочих? Если бы английские рабочие знали, что правительство дало распоряжение не давать им денег, как бы они на это реагировали? Очевидно, эти документы скрывали для того, чтобы не раздражать рабочих, не сеять классовой вражды, не возбуждать класс против класса. В стачечном бюллетене вы их не найдете. А разве не долг каждого стачкома и Генерального Совета о таких документах доводить до сведения рабочих, чтобы показать им, в каких условиях протекает забастовка? Это подлинное прикрытие репрессий правительства, а тот, кто их прикрывает, тот несет за это ответственность.

Ликвидация стачки... Как протекала ликвидация стачки? Стачка была начата рабочими по приказу Генсовета. С того момента, как Генсовет призвал рабочих к стачке, он принял на себя ответственность за их судьбу. Тому, кто призывает к стачке и за кем идут, тому рабочие вверяют свою судьбу. От него зависит, как кончить стачку, от него зависит руководство стачкой, от

него зависит поведение как в случае победы, так и во время поражений.

Стачка была ликвидирована Генсоветом самым неожиданным образом. Каковы же причины этого? Теперь говорят, что в день, предшествующий ликвидации стачки, на работу самовольно вышло 80.000 рабочих. Правда, прибыль вновь идущих за стачечной волной с лихвой покрывала тех, кто становился на работу. Свидетельствует ли эта цифра — 80.000 — о спаде стачки? Это зависит от того — как считать. При забастовке 200.000 человек, это — большая цифра; при забастовке в 800.000, это — серьезная цифра, но при забастовке в 5 милл. — эта цифра незначительна и не показательна. Кроме того, сама эта цифра является весьма спорной, она нигде и ничем не доказана. Есть основания предполагать, что эта цифра является клеветой на английский рабочий класс. Тут только одно выяснено, а именно, что 16.000 из этих 80.000 составляли электрики, которые забастовали без призыва и, как забастовавшие без призыва, должны были вернуться на работу. Сколько еще таких групп в составе этих 80.000? Откуда взята эта цифра? Никакого колебания, никакого разложения, никакого падения духа у стачечников нет.

И вдруг с одного маху, одним росчерком пера, без предупреждения рабочих, стачка срывается. О начале стачки предложение вносил Томас [257]). Правда, он в то время сам не верил в успешность борьбы, но все же он внес это предложение. А когда нужно было ликвидировать стачку, кто вносит предложение? Тогда внес предложение Персель [37]), как председатель стачечного комитета, Персель, а не Томас. «Ты председатель стачечного комитета, ты и вноси предложение».

Как происходит разделение труда в противном лагере? Когда нужно припугнуть, то тут является Черчилль [282]), этот твердокаменный консерватор. Когда нужно изобразить более мягкое правительство, на сцене появляется Болдуин [224]).

Так и тут разделение труда: нужно было сделать известный революционный шаг, создать, пожалуй, известный авторитет,— Томас вносит предложение о стачке. И по всему миру разносится этот призыв.— Томасу поручено представлять интересы рабочих! А когда нужно стачку ликвидировать, правда, без звона, вносит предложение, по имеющимся у нас точным сведениям, Персель.

В чем тут дело? На чем тут сыграли? Быть может, на цифре 80.000? Но, как я уже говорил, достоверна цифра только 16.000, а не остальные 64.000. Мы знаем по опыту, мы также проводили стачки, что в тот момент, когда количество штрейкбрехеров подваливает к цифре 25%, тогда стачка горит. А когда эта цифра достигает только 1%, то это не страшно.

Но стачка ликвидирована... Давайте рассуждать с профессионалистской точки зрения. Как она была бы ликвидирована, если бы все было правильно? Что нужно было сделать? Они должны были бы сказать — мы стачку прекращаем, признаем себя побитыми, но мы прекращаем её при таких-то и таких-то условиях и не пойдем на то-то и на то-то, т.-е. должны были бы быть об'явленными обычные во время стачки предложения. А как кончилась стачка в Англии, как ее ликвидировал Генсовет? Стачка кончилась, а дальше что? Дальше ничего! Стачка кончилась, и роль Генсовета кончена. Стачка кончена в такие-то часы, а дальше: хотите — идите на работу, не хотите — не идите... Стачечный комитет застегнул пиджак, поднял воротник (чтобы не было уж так совестно), а рабочие остались. Никаких руководящих директив,— чего добиваться, что отстаивать... Ничего не сказано о том, как поддерживать тех, к кому промышленниками пред'явлены явно нечеловеческие требования. Ничего. Ни звука. Стачка кончена, занавес опускается.

Что это такое? Разве это не позорное дезертирование, разве так ответственные вожди руководят стачкой? Где это видано такое позорное окончание стачки? Не опасно проиграть стачку, не страшно рабочим после хорошего боя вновь приступить к работе даже при условии понижения зарплаты и увеличения рабочего дня и даже при условии поражения союза. Все это не страшно, если остается одно — дух борьбы у стачечников, если активные элементы остаются не сломленными. Но если вы идете на такие условия, когда активные элементы стачки, дрожжи стачки, выбрасываются за ворота, — больше вы рабочих на стачку не вызовете! Если вы сохранили веру у рабочих, все остальное вы можете отвоевать — и рабочий день, и зарплату, и признание союза. Но если вы убьете веру в рабочий союз, веру в то, что вы не выдадите в любой момент зачинщиков,— этим вы убиваете возможность стачки на целые годы. А Генеральный Совет поступил таким

образом, что английские рабочие не забудут этого до новых веников.

Игра проиграна, часть рабочих возвращается на работу. Горняки остаются. Наконец, появляется известный договор Томаса — вы все его читали [283]). Даже буржуазные газеты констатируют, что более позорного поражения рабочих не помнит история стачечной борьбы. Говорят, что Томас заключил не новый договор, а что это есть выборка некоторых пунктов из коллективного договора железнодорожников. Но это дела не меняет. Я допускаю, что у них в старом договоре существовали такие пункты, как, например, тот, в котором говорится, что о стачке нужно предупреждать предпринимателей за неделю. Мне говорили, что у них есть пункт, согласно которому за самовольную стачку союз платит по 1 фунту стерлингов с каждого члена союза. Но когда вы все эти позорные пункты выделяете из всего коллективного договора, нанизываете их, после проигрыша стачки один за другим, и тем самым говорите «дяденька, мы нарушили договор, дяденька, мы больше не будем, сами не будем и детям своим накажем не выступать» — это есть подлое ползание на коленях! А еще подлее, что Томас имел наглость после подписания такого соглашения рекомендовать всем английским рабочим следовать по пути Национального Союза Железнодорожников [284]) и подписывать аналогичные коллективные договоры. С Томаса чего спрашивать. Но что сделали остальные деятели рабочего движения, которых мы знаем, которые себя зарекомендовали с другой стороны? Не только русские рабочие, но и рабочие всех стран в праве спросить, что они сделали, одобрили ли они предложение Томаса или нет, правильно ли поступил Томас или неправильно. Но мы видим только невнятную и робкую попытку что-то сказать. Мы видим декларацию [285]) Свейльса [240]), Тиллета [177]) и других, которая говорит, что ничего в сущности нет, что есть кто-то хуже их. Конечно, хуже их Томас и Макдональд, которые являются откровенными агентами буржуазии. Но у тех тот плюс, что они откровенны, а эти плетутся в хвосте и дошли до такой жизни, что вместе с Томасом и Макдональдом оказались самыми пошлыми и самыми подлыми капитулянтами, так что даже с английской точки зрения они не могут свести концы с концами и поэтому как-то пытаются поправить свою репутацию слащавыми словами: они боятся назвать Томаса и Макдональда настоящими

именами, какими их следовало бы назвать. Что это значит? Это значит, как говорит русская пословица, что вместе воровали, вместе пойманы и вместе повешены. Но они имеют дерзость заявлять, что если бы нужно было провести еще и вторую стачку, то они провели бы ее точно так же, как они провели только что кончившуюся. Мы же уверены, что вторую стачку им проводить не придется. Не такие дураки английские рабочие, чтобы они позволили руководить второй стачкой тем самым, которые так позорно сорвали первую. Даже ишаки на такое дело не пойдут.

Как изображался в прессе конец стачки? В первых телеграммах были такие выражения: «Локаут отменяется. Отменяется всеобщая стачка. Возобновляются переговоры между горняками и предпринимателями при продолжении государственной субсидии». Конечно, это компромисс, это скверный компромисс, который ни в какой степени не разрешает угольного кризиса, но это было то или иное разрешение вопроса. Однако, на деле оказалось, что ничего подобного нет. Оказалось, что никто не давал, никто не получал никаких обещаний. Сейчас все заняты разоблачениями по вопросу о том, кто кого надул. Надул ли Болдуин Самуэля, надул ли Самуэль Генеральный Совет, надул ли Генеральный Совет рабочих, или же все только делают вид, что кто-то кого-то надул, делают для того, чтобы выпутаться из этой грязной истории? Горняки остались попрежнему на своих позициях и продолжают забастовку. Один день продолжали забастовку железнодорожники, но затем и они встали на работу. В каком положении оказалась Международная Федерация Транспортников [285]), единственная из всех международных организаций, которая действительно активно участвовала в забастовке? Международной Федерацией Транспортников руководит Фиммен [198]). Эта Федерация очутилась в очень неудобном положении, когда английские транспортники сами прекратили стачку. Создалось такое положение, что эта Федерация как бы должна говорить: «вы, угольщики-немцы, не возите на своих судах угля, но вот англичане могут возить. Вы, русские рабочие, не возите угля, а англичане будут возить» и т. д. Создалось чрезвычайно неприятное положение.

Сейчас горняки фактически покинуты всеми, но они держатся героически. Их вожди оказались лучшими из всего состава Генерального Совета. Конечно, и у них много дефектов, они тоже,

как чорт ладана, боятся политики, но они не боятся открыто говорить о своей борьбе и открыто бороться. Правда, и они не решаются сказать, что здесь идет речь не об экономической забастовке, что радикальное решение вопроса не будет достигнуто в результате работ комиссии Самуэля, что вопрос решится только тогда, когда рабочие прогонят и Болдуина и Самуэля и возьмут шахты в свои руки. Конечно, у них не хватает духа так поставить вопрос. Конечно, всеобщая стачка при таком положении, при отказе от всех требований, даже по условиям реформистского рабочего движения, есть нелепая, чудовищная стачка. Но горняки продолжают держаться. В каком же они находятся положении? Генеральный Совет вместо того, чтобы обратить свое негодование против тех, кто завел рабочих в такой тупик, кто привел дело к такой подлой развязке,— вместо этого Генеральный Совет начинает нападать на горняков, хотя он должен был бы просто из элементарной вежливости нападать на правительство. Но он предпочитает нападать на горняков. Он заявляет, что горняки вели себя недисциплинированно, что когда решено было прекратить стачку, горняки продолжали бастовать и таким образом показали, что они являются недисциплинированным отрядом рабочего класса. «Мы,— заявил Генеральный Совет,— из-за них втемяшились в борьбу, а они не хотят окончить борьбу, несмотря на все наши постановления».

Вот в каких условиях приходится бороться горнякам. Что это значит? Это значит, что, покинув горняков и дезертировав с фронта борьбы, Генеральный Совет нападает на них и этим самым льет воду на мельницу предпринимателей, на мельницу шахтовладельцев, помогая им скорее прикончить горняков. Конечно, психологически это понятно: люди, наделавшие гадостей, увидев образец стойкой борьбы, прилагают все свои усилия к тому, чтобы помешать этой борьбе. Вот чем занимается Генеральный Совет, но горняки показывают, что бороться можно, что английские рабочие умеют бороться.

Теперь я в двух словах остановлюсь на роли Амстердамского Интернационала [13]) во всей этой истории. Я думаю, что никогда еще не вскрывалась так очевидно, так рельефно вся никудышность, вся бесполезность этого учреждения, вся неспособность его к какому-либо активному действию... Было назначено заседание

Амстердамского Интернационала. Оказалось,— они с'ехались, снялись и раз'ехались: заседание не состоялось. Другими словами, они с'ехались, чтобы сняться. Конечно, и мы любим сниматься, но мы снимаемся *после* какого-нибудь заседания, *после* проделанной работы, а здесь, в момент величайшей борьбы труда с капиталом, со всей Европы с'ехались люди только для того, чтобы сняться и раз'ехаться! Так мне передавали о заседании Амстердамского Интернационала. Удегест [197]) в начале стачки заявил, что стачка — дело английских рабочих, и что они в английские дела не вмешиваются. Но зачем же тогда существует международная рабочая организация? Зачем она нужна? Неужели для того, чтобы изредка с'езжаться и сниматься?! Конечно, они могут сниматься, когда им угодно, но для этого создавать международную рабочую организацию совсем не следует. Что сделал дальше Амстердамский Интернационал? Как он реагировал на постановление Генерального Совета об иностранной помощи? Сказал ли он, что Генеральный Совет сделал хорошо или плохо, сказал ли он, нужна эта помощь или не нужна? В чем выразилась его финансовая помощь? Теперь, после окончания стачки, когда Генеральный Совет израсходовал свой фонд, Пероель [37]) раз'езжает по Европе и собирает заем [236]). Вот теперь и Амстердам дает несколько десятков тысяч пульденов. Был ли какой-нибудь призыв поддержать английскую забастовку? Не было! Такой ли нужен Интернационал рабочему классу? А первоначально, разве вопрос был поставлен правильно, разве параллельно с вопросом о зарплате для английских углекопов был поставлен вопрос о необходимости бороться во всей Европе за повышение зарплаты других углекопов до уровня английских, чтобы тем самым облегчить борьбу горнорабочих Великобритании? А как был поставлен вопрос? Всё обещали, вплоть до забастовки, обсудить. В конце концов было постановлено, что если будет всеобщая забастовка в Англии, то они поставят вопрос о забастовке в других государствах. Но они не собрались даже поставить этот вопрос, и поэтому германские углекопы и германский транспорт работал более сильным темпом, чем когда бы то ни было.

Наше отношение к Англо-Русскому Комитету [228]). Мы с вами никогда не смотрели на Англо-Русский Комитет как на блок вождей. Если бы мы так смотрели на него — грош ему цена. Таких комитетов на основе блока и дружбы вождей можно наделать

сколько угодно. Можно создать столько организаций, что их потом не пересчитаешь. Мы дорожили Англо-Русским Комитетом постольку, поскольку он являлся органом связи между миллионами русских и миллионами английских профессионально организованных рабочих. Англо-Русский Комитет — орган, который построен на представительстве руководящих центров профдвижения обеих стран, орган, ставящий себе задачей совместную борьбу за единство международного профдвижения. Для чего? — Для того, чтобы создать жизнеспособный Интернационал, Интернационал, который сможет вести борьбу против войны, против экономического наступления реакции, против экономических и политических репрессий. Вот какова была цель создания Англо-Русского Комитета. Каково наше отношение к Англо-Русскому Комитету? К вождям — одно отношение, к Комитету — отношение другое.

Что же являлось задачей русского и британского рабочего класса? Те, кто представлял себе Англо-Русский Комитет, как блок Томского, Перселя, Хикса и т. д., те ничего в этом деле не понимают. Таких блоков можно создать сколько угодно в любом ресторане. Разве нужно было гнаться за таким блоком? Ведь из-за такого блока не стоит ехать и 5 — 10 верст, а мы, солидные и серьезные люди, ехали за тысячи верст, обменивались делегациями, были приведены в движение тысячи рабочих. Англо-Русский Комитет стал стержнем, вокруг которого завертелось международное рабочее движение. Разве это блок вождей, разве это верхушечная дипломатическая комбинация? Кто так думает, тот не понимает роли и значения Англо-Русского Комитета. Английская забастовка сняла с очереди те вопросы, которые выдвинул Англо-Русский Комитет? Нет, не сняла! Наоборот, британским рабочим более чем когда-нибудь с наибольшей отчетливостью доказана неспособность существующего Интернационала руководить борьбой рабочих. Английским рабочим с отчетливостью доказано, что единственным надежным их союзником в борьбе, в самые черные дни, был и будет русский рабочий. Английские рабочие сознали, что этот блок не есть блок торжественных фраз, совместных с'емок на кино-ленте, а что это блок совместной поддержки, к которой обязывает ход истории.

Значит ли это, что мы, вступая в такой блок, давали друг другу клятву: «вы нас не ругайте, а мы вас не будет ругать; вы

нас не критикуйте, а мы вас не будем критиковать»? Такого обязательства мы не принимали. Они были в России, и я в своих личных выступлениях не раз подчеркивал — не забывайте, что это не коммунисты, далеко не коммунисты. Они смотрели Россию, отчеты их имели колоссальное значение для русского рабочего движения. Но в этих отчетах было сказано: «все у них хорошо, но эти методы советской системы, диктатуры пролетариата, завоевания власти посредством революции — это хорошо для России, но не годится для Англии».

Вот чем заканчиваются эти отчеты. Я тогда не раз публично смеялся. Это напоминает известную пословицу: «Что русскому здорово, то — немцу смерть». Для нас с вами диктатура пролетариата — здорово, а англичанину — смерть. А попробуйте, может быть, и вам это здорово? Боитесь, не всякому дано? И теперь, когда мы видим английскую забастовку, мы ее не рассматриваем как национальную забастовку, как внутреннее дело. У них была забастовка моряков. Два союза спорили между собою [287]), и мы не мешались в это дело. А когда вышли на улицу миллионы, когда их выступление есть частичное отражение всей борьбы против наступления капитала,— мы — дружественный братский союз — посылаем им свою помощь, деньги, которые мы собираем по грошам от миллионов, далеко не блестяще оплачиваемых, русских рабочих. И русские рабочие с полным энтузиазмом отзываются на этот призыв. Мы не слыхали среди рабочих и служащих ропота, когда призывали их дать четверть дневного заработка на поддержку забастовки. Это доказывает, что наш блок — есть блок боевой. Нам трудно — поддержите нас, вам трудно — мы вас поддержим. Мы не привыкли бросаться словечками: братский союз. Для нас, по пролетарским понятиям, братский союз — это значит: будем драться вместе, будем поддерживать друг друга до конца. Мы это доказали английским рабочим, и английские рабочие это понимают. Я утверждаю, что ближайшие сведения, которые мы получим, будут говорить о том, что английские рабочие за тесный союз с русскими рабочими. Я утверждаю, что союз с русскими рабочими был, есть и будет еще более популярным лозунгом для английских рабочих.

При этих условиях полезно ли было нам выйти из Англо-Русского Комитета? Нет, это было бы глупым непониманием, что

Англо-Русский Комитет не есть верхушечная организация, а есть дело величайшей политики. В нем сидят плохие вожди? Да, плохие! Должны ли мы это скрывать от английских рабочих? Нет! И мы не скрываем. Из этого вытекает, что английские рабочие сами должны изгнать из своих рядов предателей, тайных советников! Это должны сделать сами английские рабочие. Колебания в этом деле должны быть отброшены. Это вы — английские рабочие — должны сделать, назвать вещи собственными именами, это ваш долг. Мы через исторические условия перепрыгивать не можем, нам бы хотелось, конечно, поднять классовое сознание английских рабочих, нам хотелось, чтобы они выбирали самых революционных вождей, а такими являются, по нашему мнению, только коммунисты. Это мое глубокое убеждение. И коммунисты Англии это доказали на опыте своей борьбы. Они доказали, что могут быть последовательны до конца. Они и идущее за ними революционное меньшинство шли до конца, и те, кто не дооценивают роли в английских событиях коммунистической партии, те не верят вообще в возможность развития коммунистической партии и революционного движения в Англии. Английская коммунистическая партия выдержала экзамен. Правда, она малочисленна, но она повела за собою первый и основной отряд — революционное меньшинство английского профдвижения [288]), которое об'единяет до миллиона человек. К сожалению, она не может вовлечь в движение всех рабочих, ибо сильны еще традиции, но к этому должно готовиться. Мы не только не должны делать каких-либо шагов к выходу из Англо-Русского Комитета, наоборот, Англо-Русский Комитет больше чем когда-либо оправдал свое существование. Есть другая опасность, что «наши друзья» не захотят заседать с нами в Англо-Русском Комитете [228]). Мы открыто заявляем, что этот Комитет остается в полной силе, он оправдан жизнью, и борьба за единство — борьба необходимая... Такой ли Интернационал нужен, как Амстердамский Интернационал? [13]). Опыт показал, как борется буржуазия. Во время забастовки [180]), когда выступают на улицу рабочие, когда против них выступают на улицу с бронированными автомобилями и в шлемах и т. д., глупо говорить: мы лояльны к конституции. Так думать и говорить могут только дурачки. Рабочим нужно прежде всего, чтобы во всем мире, где им приходится драться, был организован действительно братский союз для

реальной взаимной помощи, чтобы была солидарность всех рабочих во время забастовок. Даже мы в Советском Союзе призвали горняков к забастовке солидарности [273]), союз местного транспорта призвал до 10.000 грузчиков [273]). Мы выполнили свой долг. Пусть кто-нибудь скажет, что наши союзы хотя бы на одну иоту не выполнили своего долга братской солидарности! А выполнил ли свой долг Амстердамский Интернационал, те, кто входят в Амстердамский Интернационал? Борьба за единство более чем когда-либо нужна. Союз с русскими рабочими более надежный союз, он оправдал себя, он оправдал бы себя еще больше, если бы вожди английского рабочего движения были другими. Мы это говорим рабочему классу, но мы этого не навязываем, а бороться вместе с английским рабочим классом за единство рабочего движения мы должны и будем до конца.

Вот какова должна быть наша линия в этом вопросе. Англо-Русский Комитет ни на одну минуту не должен прерывать своей работы. Мы должны предложить Президиуму ВЦСПС, чтобы он приложил все усилия для сохранения Англо-Русского Комитета. В таком тоне мы должны обратиться к нашим рабочим, к рабочим других стран, раз'ясняя им значение данной забастовки. *(Аплодисменты).*

Неопубликованный доклад на IV Пленуме ВЦСПС 7 июня 1926 г.

Наши взгляды на важнейшие вопросы международного рабочего движения.

Товарищи! Разрешите мне, по поручению ВЦСПС, открыть совместное совещание Президиума ВЦСПС, Президиума МГСПС и немецкой рабочей делегации [289]). Я позволю себе, по поручению ВЦСПС и московских союзов, приветствовать присутствующую здесь вторую немецкую рабочую делегацию. Я не буду тратить на это много слов и пышных фраз, так как я думаю, что прием, оказанный делегации нашими профсоюзами и нашими рабочими, достаточно убедительно и красноречиво говорит о той искренней радости, которую испытывают рабочие организации СССР и весь наш пролетариат при встрече с представителями западно-европейских рабочих. Я думаю, что целью сегодняшнего совещания, как мне передали и мои товарищи (я нахожусь сейчас вне работы — на лечении), является ознакомление и информация немецких товарищей о наших взглядах на некоторые важнейшие вопросы международного рабочего движения.

Мне в письменном виде передан ряд вопросов [289]).

Эти вопросы, кроме вопросов частных, как, например, о том, есть ли среди вождей профсоюзов женщины, можно разбить на две группы: 1) наши внутренние дела: взаимоотношения профсоюзов с государством и ВКП(б) и 2) стоящие перед нами международные задачи.

Поданные вопросы несколько своеобразны: одни слишком велики и многооб'емлющи, другие слишком конкретны. Если на все эти 10 вопросов отвечать подробно,— а по некоторым из них нужно будет сделать подробные доклады, — то это отнимет у нас очень много времени. Поэтому позвольте придерживаться такого порядка: по конкретным вопросам вам будут давать справки те или другие товарищи, непосредственно ведающие этой

работой. В частности, по вопросам о женщинах даст справку заместитель заведующего орготделом — тов. Фин, по вопросу о помощи безработным, я полагаю, Президиум ВЦСПС поручит заведующему тарифным отделом ВЦСПС — тов. Владимирову и заведующему статистическим отделом ВЦСПС — тов. Рашину приготовить к завтрашнему заседанию письменную справку. Это даст мне возможность более подробно осветить перед вами интересующие вас принципиальные вопросы. Теперь я перехожу к первой группе вопросов.

Я оставлю за собою право отвечать на заданные мне вопросы не в таком порядке, как они изложены в поданной мне записке, а так, как мне будет удобнее. В первую очередь я отвечу на 8 и 9 вопросы, которые касаются взаимоотношений наших профсоюзов с государством. Вопрос этот, вполне понятно, очень интересует западно-европейских рабочих. Он также очень интересует многих лидеров западно-европейского профдвижения, и по нему в Западной Европе существует большая путаница и много недоразумений. Мне приходилось в частном порядке вести разговоры по этому поводу с довольно ответственными представителями германского профдвижения, и их вопросы поражали меня своей наивностью. Мне приходилось удивляться, как такие высококультурные люди настолько беспомощны в этих вопросах. Самая постановка их в данных записках неправильна. Здесь поставлен вопрос о государстве и ВКП(б). Поставлен он так: «каковы взаимоотношения советских профсоюзов с государством и какие следствия вытекают из того, что профсоюзы СССР находятся под влиянием стоящей у власти партии?» И вопрос о партии, стоящей у власти, также поставлен несколько не с того конца. Неправильно также поставлен вопрос о том, как разрешаются столкновения между рабочими и государством. Его можно ставить только так: каковы взаимоотношения между рабочим классом, организованным в профсоюзы, и государством в период диктатуры пролетариата, когда у власти стоит сам рабочий класс? Если мы сформулируем его так, тогда мы приходим уже к другому вопросу — могут ли быть столкновения между рабочим классом, организованным экономически в профсоюзы, и рабочим классом, об'единенными политически новой организацией, невиданной до сих пор,— советским государством?

Наши профсоюзы, благодаря своеобразным условиям развития, несколько иначе, чем западно-европейские, смотрят на взаимоотношение политической и экономической борьбы рабочего класса. Не забывайте, что наши союзы выросли тогда, когда в России уже сложилась, правда, еще небольшая, но идейно вполне отчетливо самоопределившаяся, партия пролетариата. Рабочий класс России выступил впервые активно, *как класс,* в 1905 г. [45]), одновременно и политически и экономически — великими забастовками и стихийным созданием экономических организаций. Наше профдвижение носит на себе следы рождения в грозу и бурю революции.

В обстановке борьбы с царизмом у нас не было резкой грани между политикой и экономикой. Когда рабочие выходили на баррикады по зову своих, тогда двух партий [290]), всегда с ними вместе были и профсоюзы. Этого требовала борьба. Это было понятно каждому рабочему. Кроме этого, наше профдвижение отличается от зап.-европейского еще и тем, что оно было единым с самого начала. Наше профдвижение, к счастью, до сих пор не знает профсоюзов, построенных по национальному и религиозному признаку, или деления союзов по политическим убеждениям.

Рабочий класс России, организованный в профсоюзы, которые существовали тогда в виде беспартийных революционных рабочих организаций, об'единявших всех пролетариев независимо от их политических убеждений, национальности, религии и т. д., выступил на арену борьбы под руководством с.-д. партии, в недрах которой тогда еще только складывался остов будущей компартии. Вместе с партией пролетариата,— тогда еще социал-демократической партией,— наши рабочие, организованные в профсоюзы, пережили все величайшие революционные бои. Одновременно с разгромом партии царское правительство громило и профсоюзы. Таким образом, наши рабочие получили слишком хороший урок по вопросу о неотделимости политики от экономики. Я думаю, что в мою задачу сейчас не входит доказывать вам, что отделение экономической борьбы рабочих от их политической борьбы есть дело вообще искусственное. И те из вас, кто захотел бы даже на самое короткое время задуматься над опытом английской забастовки, пусть честно ответят: что же это была экономическая или политическая борьба? Это была классовая борьба (мне об этом легко говорить с вами, среди которых есть много марксистов),

а классовая борьба, как нас учил Маркс, есть об'единение и политической и экономической борьбы, а сама политика есть лишь концентрированное выражение экономики.

Когда русские рабочие взялись за винтовки, когда они под руководством коммунистической партии свергли буржуазное правительство [94]), то единственными органами, на которые новое правительство могло опереться, были профсоюзы,— ибо старый государственный аппарат, полный старыми чиновниками, со всеми их предрассудками и кастовщиной, отказался работать [7]) с новым пролетарским правительством [94]). Единственными органами, на которые могло опереться новое пролетарское правительство, были рабочие организации — профсоюзы. Коммунистическая партия взяла власть, и профсоюзы помогли ей в этом. Этот дом,— в котором мы с вами сейчас сидим, бывшее дворянское собрание, мы, профессионалисты, заняли в 1917 году с винтовками в руках, в то время, когда по улицам Москвы трещали пулеметы [94]). Профсоюзы мобилизовали Красную гвардию [94]). Профсоюзы в период борьбы за власть были во всех революционных органах. Аппарат профсоюзов был целиком отдан в момент революционной борьбы для общего дела — завоевания власти.

Мы считаем, что советская власть есть власть нашего класса. Поэтому и вопрос о государстве и об отношениях рабочего класса к государству ставится нами совершенно по-новому, по-иному, чем то имеет место в других странах.

Что такое государство и государственная власть? — Государственная власть, в руках какого бы класса она ни находилась, есть выражение классового принуждения, классового насилия. Когда эта власть находится в руках буржуазии, то для нас и для всех русских рабочих вопрос о взаимоотношениях с таким государством совершенно ясен. Поскольку государственный аппарат есть аппарат классового насилия — мы должны вести борьбу против него, за захват его в руки нашего класса. Государство, во главе которого стоит класс, враждебный нам, класс, с которым мы ведем борьбу,— есть чужое, враждебное нам государство. Класс эксплоататоров, стоящий у власти непосредственно или правящий через своих приказчиков и лакеев, заинтересован в сохранении этого государства, а мы заинтересованы в том, чтобы разбить его и весь его аппарат, как машину классового принуждения и насилия. А когда *наш класс*

становится у власти, тогда вопрос об отношении к государству для нас приобретает совершенно иной смысл. Когда мы берем аппарат классового принуждения в свои руки и используем его для подавления сопротивления своих классовых врагов, когда вся государственная машина находится в руках рабочего класса, тогда, естественно, меняется и наше отношение к государству. Могут ли столкнуться интересы рабочих, об'единенных в экономические организации — профсоюзы, с государством, рабочими же созданным, ими построенным, с государством, которое они продолжают строить? Каждый, кто задумается над этим, хотя бы полминуты, согласится, что такого столкновения быть не может, ибо столкновение интересов профсоюзов с интересами советского государства означало бы, что — либо эти профсоюзы не классовые пролетарские союзы, либо это государство *еще* или *уже* не рабочее, что оно не защищает интересов того класса, именем которого правит. Но советское государство есть, действительно, рабочее государство, а наши профессиональные союзы являются действительно классовыми организациями пролетариата. Вот как ставится нами вопрос о взаимоотношениях профсоюзов с советской властью.

Вся сущность того спора, который велся между нами и нашими противниками — русскими реформистами-меньшевиками [53]), сводится к тому, что они, играя словом — «независимость» [12]), пытались подвести под это понятие отделение одной от другой двух сторон единого классового рабочего движения — политики от экономики. Под маской «независимости», играя этим словечком, они проводили идею о том, что у профсоюзов во что бы то ни стало должна быть *другая* политика, чем у органа диктатуры пролетариата — у советского государства. Вытекает это из различного понимания сущности нашего государства — ими и нами. Они считали, что наше государство есть государство мелкобуржуазное, мелкобуржуазная республика: покричат, мол, о коммунизме, годика два пройдет, и все пойдет по-старому, как было при Керенском [1]). А мы считаем, что наша республика есть новая форма государства, которую предвидел еще К. Маркс и созданием которой руководил Ленин, что это есть диктатура пролетариата, и что назад мы не пойдем. Если это есть государство нашего класса, тогда, понятно, не может быть никаких политических противоречий в общем направлении деятельности между двумя видами

организаций одного и того же рабочего класса. Я прошу каждого из вас внимательно подумать над следующими вопросами: что стало бы с советской властью, с диктатурой пролетариата, если бы завтра по какому-нибудь важнейшему вопросу внутренней или внешней политики СНК и ЦИК заняли одну позицию, а наши профсоюзы — другую, совершенно противоположную? Это означало бы раскол класса, распад власти, борьбу за власть, тогда нужно было бы говорить уже пулеметами, тогда спор решался бы с оружием в руках, однако, этого у нас не было, нет и быть не может.

Теперь второй вопрос. Ну, скажем, хорошо, это — постановка вопроса классовая, но ведь рабочий класс в действительности не однороден, он состоит из миллионов людей, внутри рабочего класса есть отдельные слои и группы, производственные интересы которых могут сталкиваться. Ведь интересы отдельных фабрик могут не совпадать с интересами других фабрик. Кроме того, и в рабочем государстве каждый рабочий хочет получать возможно больше. Вот здесь бывают противоречия или не бывают? Мы на это отвечаем, что классовых противоречий и нет и быть не может, а отдельные столкновения были и бывают. В чем заключается социальная сущность этих столкновений? Либо в том, что отдельные группы рабочих, иногда ошибаясь и не понимая общеклассовых интересов, оказываются в противоречии с другими группами, с классом в целом. Тогда класс их поправляет, ибо сила рабочего класса заключается в его сплоченности на основе пролетарской дисциплины — подчинения меньшинства большинству. Либо причина в том, что пролетарское государство еще не справилось с недостатками полученного в наследство государственного аппарата, аппарата, где еще многое от старого бюрократизма, от старой машины, которую мы еще не можем так легко приспособить к новым целям. В нем много недостатков, требующих длительной работы, особенно при нашей некультурности, и столкновения в этом случае происходят именно от недостатков в самом госаппарате, недостатков, которые нужно исправлять. И задача профсоюзов через органы государственной власти исправлять эти недостатки. Бывают ли у отдельных директоров грубейшие столкновения с рабочими? Бывают. Почему? Потому что среди директоров иногда бывают чрезмерно усердствующие хозяйственники. Бывает, как у нас выражаются, «зарвется» человек, оторвется от масс, не поймет

сложности того или иного вопроса, вследствие чего происходит конфликт.

Как мы конфликты эти разрешаем? Снимаем этого человека с должности директора, посылаем его пониже — на производство, а профсоюзника сажаем вместо него в директора. Заинтересованы ли мы в том, чтобы такие конфликты, когда они имеют место, принимали острую форму? Нет, не заинтересованы. Если рабочий класс является хозяином производства,— он заинтересован в том, чтобы у него ни минуты не дремала ни одна частица производительных сил. Всякие конфликты затрудняют общую работу, а успех нашей общей работы зависит от дружности наших усилий, зависит от успехов хозяйственного строительства. Органы государственной власти в нашей стране созданы нами, и мы можем их исправить и перестроить в интересах дела, как хотим. Мы это делаем вместе с компартией. Профсоюзы, как выразители классовых настроений и классовых интересов рабочих, которые всегда должны стоять выше групповых, индивидуальных, цеховых интересов, заинтересованы в том, чтобы возникающие у нас конфликты устранялись наиболее безболезненными методами. Мы это делаем путем устранения недочетов в государственной машине, в работе госорганов, путем убеждения, морального воздействия на несознательных, отсталых или заблуждающихся рабочих и т. д. Разве русские рабочие не переживали такого момента, когда большинство профсоюзов призывало рабочий класс с винтовкой на фронт, а меньшевики и с.-р. звали к железнодорожной забастовке? [201]). Мы звали рабочих на борьбу с голодом, призывали их бросать станки и организованно ехать в деревню за хлебом, а меньшевики и с.-р. в это время призывали к дезорганизации транспорта! Что мы тогда делали? Мы тогда, от имени московских союзов и от имени ВЦСПС, посылали к железнодорожникам, к этим колеблющимся рабочим, других, более сознательных рабочих, которые им говорили: давайте, соберем конференцию и обсудим все волнующие вас вопросы, но помните, что меньшинство должно подчиниться большинству. Были ли у нас после этого столкновения? Нет, не было, ибо когда собираются представители всех рабочих, истинно демократически выбранные, когда рабочий класс, в лице его представителей, чувствует всю ответственность за судьбу своего государства, он находит правильный путь для удовлетворения своих

классовых интересов, иногда принося им в жертву интересы отдельных групп.

Не было случая за всю нашу «новую историю», когда бы наши союзы сбились с классового пути. И не было случая, чтобы какой-нибудь завод или фабрика не понимали, что итти нужно вместе со своим классом, со всеми рабочими, что итти нужно по классовому пути. Теперь, — когда наши отдельные конфликты, недоразумения и трения, — а они у нас бывают, — не разрешаются примирительным порядком, рабочие иногда идут на стачку [293]). Это происходит оттого, что иногда наши союзы проглядывают вопрос, волнующий рабочих. Мы не говорим, что наш союзный аппарат вполне хорош. В нем тоже есть и бюрократизм, правда, не такой застаревший, отяжелевший бюрократизм, как в западно-европейских союзах, а пока еще молодой бюрократизм. Однако, с ним мы ведем решительную борьбу.

Иногда бывает, что союзы проглядят что-нибудь, отнесутся невнимательно к справедливым требованиям рабочих, и в результате происходит стачка. Сколько времени длится такая забастовка? Дня два-три. Существует ли у нас право забастовок? Ведь, в Западной Европе говорят, что у нас забастовки запрещены, что как только рабочие забастуют, их высылают в Сибирь. Неверно, грубая ложь. У нас существует право забастовок [292]). Мы считаем законным правом рабочих реагировать в любой форме, когда они находят, что нарушены их права. Кроме прессы, заявлений, обращений и т. д., они в праве и стачкой реагировать на наши ошибки, хотя этот метод и явно непригоден в обстановке рабочего государства. Скрываем ли мы это? Нет, не скрываем. Вы можете получить полную справку о всех забастовках и конфликтах, бывших у нас, а также о том, на какой почве эти конфликты происходили. Ни от кого мы этого не скрываем.

Еще несколько слов о государстве. Что же профсоюзы, зависимы или независимы от государства? Если подразумевать под этими словами то формальное значение, которое им обычно придают представители западно-европейских профсоюзов, то тогда, конечно, независимы, ибо профсоюзами руководят демократически избранные органы, ибо они имеют свои финансы. Наши профессиональные союзы независимы от государства в том смысле, что они не являются его органами. В более широком значении этого

слова, в смысле классовой политики — да, зависимы, как организации единого класса, ибо это наше государство. Но эта зависимость выражается во взаимной связи. Ведь, Совнарком и ЦИК не независимы от профсоюзов? Как же они могут быть независимы от нас, когда в президиуме ЦИК мы имеем четырех представителей [293]), когда СНК не решает вопросов, касающихся быта и жизни рабочих, без нашего заключения по этим вопросам, когда мы с повестки любого высшего государственного органа телефонным звонком можем снять любой вопрос, сказав: нет, погодите, вы хотите обсуждать вопрос, но вы не запросили нашего мнения, мы хотим по этому вопросу дать заключение и просим обсуждение его отложить. И мы не знаем случая, когда бы нам в этом отказали. Я однажды беседовал на эту тему с одним руководителем германских профсоюзов и спросил его конкретно: «скажите, вы отказались бы от того, чтобы иметь совещательный голос в СНК тогда, когда вам это желательно?» «Дураком надо быть, чтобы отказаться от такого права». «А отказались бы ваши союзы от того, чтобы иметь в высшем государственном органе своих представителей?» «Нет, не отказались бы». Вот это и называется взаимной связью, взаимной зависимостью профсоюзов и государства. Как же, ведь отвечаем-то мы все вместе, ибо все вместе дрались за власть, все вместе ее завоевывали. Профсоюзы, как представители рабочих, не могут отказываться и от ответственности за политику советского государства.

Дальше ставится вопрос о материальной зависимости. «Может быть, вы и содержитесь на деньги государства?» Откровенно говоря, мы при необходимости не считали бы для себя зазорным существовать на деньги пролетарского государства. Ведь это наши деньги, деньги нашего рабочего государства. Вот на деньги буржуазного государства нехорошо существовать. А мы знаем, что некоторые союзы в Западной Европе получили субсидию от буржуазного государства. Когда у нас был период военного коммунизма, когда мы переживали период инфляции,— а в это время, конечно, было не до правильного сбора членских взносов,— когда мы так же считали десятками миллионов [137]), как в Германии считали миллиардами [144]),— в это время мы брали деньги от государства. Государство нас субсидировало. Теперь, когда мы перешли на твердую валюту [137]), мы субсидии от государства не получаем, кроме

того, что предусмотрено нашей конституцией и нашими законами и целиком вытекает из всей сущности пролетарского государства. Если вы развернете Кодекс Законов о Труде [280]), то увидите, что § 155 говорит: «Все государственные органы должны, согласно статье 16 Конституции РСФСР, оказывать профессиональным производственным союзам и их об'единениям всяческое содействие, предоставляя им оборудованные помещения для устройства Дворцов Труда» и т. д. Вот какие льготы и субсидии мы получаем. Плохо это или хорошо? Я думаю, что хорошо. Я думаю, что многие западно-европейские профсоюзы не отказались бы получить такие же льготы и субсидии даже от буржуазного государства.

Я резюмирую наши отношения к государственным органам: формально наши профсоюзы независимы от государственной власти, никаким органам государственной власти не подчинены, и никакие приказания какого бы то ни было органа государственной власти не обязательны для профсоюзов, кроме общих законов страны, изданных в общем порядке. И тем не менее, по существу, профсоюзы являются соучастниками государственной власти, ибо только так может быть при диктатуре пролетариата. В финансовом отношении за последние годы профсоюзы совершенно самостоятельны от государства, и помощь государства профсоюзам выражается лишь в рамках, предусмотренных конституцией и законами нашей страны, потому что самая сущность рабочего государства такова, что оно считает своей нравственной обязанностью оказывать всякую моральную и материальную помощь рабочим союзам, когда они в этом нуждаются. Она выражается лишь в предоставлении профсоюзам бесплатного помещения и в льготах, которые я выше перечислил. Материально, финансово наши союзы теперь, благодаря централизованности нашего движения, окрепли. Что бы ни кричали английские и другие буржуи, как бы нас ни травила западно-европейская буржуазная пресса, что бы они ни говорили, наши союзы теперь настолько материально сильны, что везде, в какой бы части мира рука классового врага, капитала, ни схватила рабочего за горло, мы всегда сможем первые притти на помощь. Это мы не раз доказывали раньше и докажем в будущем.

Мы потому приходим первые на помощь и потому проявляем такое живейшее участие к международной борьбе рабочего класса, что никогда не рассматривали свою революцию как революцию

национальную: «вот, дескать, наша, русская революция создала советскую власть, будем помаленьку здесь строить коммунизм, а на остальной мир нам наплевать». С самых первых шагов революции, когда мы дрались на улицах Москвы и Петрограда, мы знали, что на нашу долю выпала честь быть *застрельщиками мировой рабочей революции.*

Нам с большими трудностями дались годы после взятия власти, так как революция в Западной Европе несколько затянулась вследствие того, что капиталистам Западной Европы, более умным, культурным, более «сознательным», чем наши русские капиталисты, удалось и удается одурачивать рабочих старыми методами, посулами, обманами, старыми фокусами капитализма, разговорами о свободе печати, демократии и т. п.

Английская забастовка [180]) всякому, кто сколько-нибудь думает и не боится смотреть в корень вещей, показала, что такое «демократия», что такое «свобода печати», что такое теория конструктивного социализма [294]), теория о мирной перестройке буржуазного государства в социалистическое, она показала сколь смешны все эти разговоры, когда один класс становится лицом к лицу против другого класса. Армия и флот были мобилизованы против стачечников, тысячи газет в миллионах экземпляров, все богатство буржуазии, все ресурсы государства,—все было мобилизовано против стачечников, а рабочим в то же время говорили сладкие речи о «демократии», «свободе печати», «свободе слова», «парламентаризме» [2]), «конституции» и пр.

Мы никогда не думали и не думаем сейчас, что дело, которое мы делаем и за которое мы так дорого заплатили, есть только наше национальное дело. И все крики о какой-то гегемонии Москвы [295]) не стоят выеденного яйца. Я утверждаю, что социал-демократы учат рабочих не тому, о чем говорил Маркс. Он говорил, что борьба за свободу рабочего класса может быть только интернациональной. Великий учитель рабочего класса учил нас тому, что борьба может быть успешна только тогда, когда возьмешь врага за горло. Они же все это выхолостили из его учения и изображают наш подлинный, истинно-революционный марксизм, как специфически московское учение. Русские же рабочие всегда были и остались верны этому учению об интернационализме классовой борьбы пролетариата.

Вот почему, когда китайцев будут душить [101]), русские рабочие придут им на помощь, когда будут душить немцев, русские также придут им на помощь. Но мы уверены: что бы с нами ни случилось, и вы нас тоже поддержите. А что плохого в том, если бы рабочие Западной Европы кое-чему хорошему поучились у нас? Мы думаем, что у нас есть чему поучиться. Ведь, мы все же сделали такую революцию, какой не сделал еще никто. Почему же рабочим других стран не использовать наш опыт? А вот когда в Берлине или Лондоне будет советская власть, тогда гегемония перейдет туда, на Запад. Вы культурнее нас, вы более грамотны, у вас выше техника, и поэтому вы должны в будущем научить нас, как строить социализм. Я ни минуты не сомневаюсь в том, что международный пролетариат поможет нам во всех наших затруднениях, исходя из интернациональности освободительного движения рабочего класса, рассматривая нашу революцию лишь как начало, как первый этап международной пролетарской революции. Мы так болезненно реагируем на все вопросы международного рабочего движения потому, что реформистское руководство им ведет к ослаблению рабочего класса. Неужели полное освобождение рабочих всего мира придет через парламентаризм и буржуазную демократию? Разве это выйдет? Те, кто надеются на культурную миссию капитализма, кто думает, что капитализм путем реформ, путем постепенной перестройки общества, путем парламентаризма может сделать так, что рабочие без борьбы придут в царство социализма, пускай те задумаются над опытом недавней империалистской войны и послевоенным западно-европейским движением. Что было тогда, когда немецкие и французские рабочие еще держали винтовки в своих руках, во время войны? Тогда были декларации о 8-часовом рабочем дне, о хорошей заработной плате и пр. [55]). А когда они были разоружены, у них постепенно отняли одно за другим даже те достижения, которые были ими завоеваны раньше [123]). На наших рабочих, которые попытались путем вооруженной борьбы, с помощью пулеметов, разрешить социальный вопрос, смотрели как на дикарей. Когда наши рабочие, вследствие гражданской войны [29]), блокады и интервенции [8]), терпели голод, эпидемии и другие лишения, вожди западно-европейского рабочего движения указывали на них своим рабочим, говоря: «вот к чему приводит учение о вооруженной классовой борьбе». Зато теперь

рабочие всех стран могут убедиться в том, что в то время, когда их материальное и политическое положение с каждым днем все больше ухудшается, наше медленно, но верно улучшается [169]). Ни голод, ни интервенция, ничто нас не задушило, потому что дело, которое мы начали, есть дело миллионов рабочих.

Может ли капитализм в его современной стадии явиться культурным, прогрессивным фактором? Может ли он к чему-нибудь привести человечество, кроме войны? Нет, не может. Согласятся ли западно-европейские рабочие и дальше поставлять себя капиталистам в качестве пушечного мяса и калечить друг друга, а потом сверхчеловеческим трудом покрывать убытки войны? Мы думаем, что нет. Мы поставили этот вопрос перед английскими рабочими, и оказалось, что, несмотря на то, что у нас одни взгляды на методы борьбы труда с капиталом, а у них другие, несмотря на то, что мы за революционные методы, а они еще верят в целесообразность и в возможность многое сделать через парламентаризм [2]), через рабочие муниципалитеты [296]) и т. п.,— они в кое-каких вопросах с нами согласны. По вопросу о войне, по вопросу о том, может ли империализм в современной его стадии развития итти вперед, не обрекая человечество на ряд братоубийственных войн, мы пришли к единодушному мнению и сказали: «нет, не может, ибо для всех теперь ясно, что мир стоит перед рядом новых войн». Вот первый пункт нашего соглашения с англичанами, вот первый вопрос, по которому мы сговорились на Англо-Русской конференции [234]): может ли современый капитализм восстановить разрушенные войной производительные силы? — Нет, не может. В доказательство этого мы можем привести план Дауэса [193]), который вы сами на себе испытали. Когда я, касаясь плана Дауэса, говорил английским товарищам, что сейчас этим планом берут за горло немецких рабочих, а немного погодя возьмут за горло и их, тогда мне заявляли: приехал русский агитатор и наводит излишние страхи на английских рабочих. Пусть мне ответят теперь, когда это уже доказано жизнью, может ли капитализм восстановить разрушенное войной хозяйство без наступления на рабочий класс, не перелагая убытки на пролетариев? Мы совместно с англичанами пришли к тому заключению, что не может, ибо наступление капитала вызывается глубокими об'ективными причинами, всей экономикой Западной Европы и ее взаимоотношениями с Америкой. Должны ли

мы, трезво смотря на грядущее наступление капитала, ограничиться спорами о том, как мы свергнем капитализм, или мы должны на этом элементарном пункте об'единить свои силы. Пускай одни думают, что парламентаризм [2]) великолепная вещь, а мы будем на этот счет иметь другое мнение. Но вот этот пункт — наступление капитала [123]), он об'единяет нас или нет? Англичане сказали, что об'единяет. Перед лицом наступающего капитала, который хочет восстановить разрушенные войной производительные силы за счет рабочего класса, необходимо единство этого рабочего класса. Положение, в котором капитализм находится, толкает его держать равнение экономического положения рабочих по наиболее плохо оплачиваемым рабочим. «А вы этого хотите?» спросили мы англичан. Они говорят: «Нет, не хотим, ибо нас, англичан, хотят равнять по хуже оплачиваемым немецким рабочим, а когда мы допустим это сделать, тогда капиталисты будут равнять английских и немецких рабочих по китайским рабочим». Должны ли мы в этой борьбе сплотить свои ряды? Да, должны. Этот лозунг теперь становится понятным каждому рабочему, независимо от его политических и религиозных убеждений. А посильна ли нам, каждому врозь, эта борьба, или непосильна? Нет, непосильна. Вот англичане попробовали драться одни, заявив, что их всеобщая стачка [180]) является стачкой национальной. А что из этого получилось? Капиталисты разных стран, независимо от их национальности, с каждым днем все больше сплачиваются и помогают друг другу. Во всех странах бешеным темпом идет процесс трестирования. Может ли рабочий класс рассчитывать на успешную борьбу с ними, не имея единой сплоченной организации? Нет, не может. Имеет ли рабочий класс такую единую организацию? Нет, не имеет. Рабочий не имеет единства не только в международном, но и в национальном масштабе.

Возьмите для примера Германию. Вы там найдете союзы христианские, лютеранские, католические и всякие другие [297]). Это в одной только Германии. А что касается международных об'единений рабочего класса, то здесь мы имеем: Амстердамский Интернационал, Профинтерн, Интернационал анархистов [235]) и, кроме того, целый ряд союзов отдельных стран, как, например, Норвегия, Финляндия, которые не входят ни в один из перечисленных интернационалов. А после этого многие удивляются, почему такая масса

рабочих в Западной Европе остается вне профсоюзов?! Это происходит потому, что рабочие видят, как плохо их ведут. Какие формы борьбы подсказываются нам существующим положением? Борьбы за единство международного пролетариата в интернациональном и прежде всего в национальном масштабе. Что значит лозунг «единство?» Это значит: единая организация рабочих против единой организации капиталистов. Как построить такую организацию, если мы признаем необходимость борьбы за нее? Давайте по-деловому об этом говорить. Мы предлагаем: созовем международный конгресс всех профсоюзов как входящих, так и не входящих в существующие Интернационалы, созовем на началах пропорционального представительства и на нем обсудим этот вопрос. Не беспокойтесь, если мы останемся в меньшинстве, мы всегда подчинимся большинству. На то мы — рабочая организация, и мы понимаем, что иначе нельзя. Не нравится этот метод — найдем другой метод, но давайте сделаем так, чтобы против единого класса капиталистов был единый интернационал рабочих. Я готов пойти на любую фабрику — немецкую, французскую или английскую,— на любой завод и спросить работающих там пролетариев, что — они за войну или против войны, за борьбу с наступлением капитала, за борьбу с капиталистами или против? За единую пролетарскую организацию или против? Я ни минуты не сомневаюсь в том, что все они, независимо от того, коммунисты они или социал-демократы, ответят, что они против войны, против наступления капитала, за борьбу с капиталистами, через единую международную рабочую организацию. Разве английская забастовка [180]) не показала, как слаба оказалась рабочая организация по сравнению с той силой, которую выдвинула против нее английская буржуазия? Пусть немецкие рабочие скажут: если на завтра вам предстоит борьба в металлической или угольной промышленности, а это будет гигантская борьба, не похожая на старые забастовки, в которых принимали участие 5 или 10 тысяч человек, такая забастовка, которая коснется десятков и сотен тысяч рабочих, заставит их выйти на улицу и встретиться лицом к лицу с немецкими капиталистами, которые выставят против них опутанные колючей проволокой автомобили, полные вооруженных пулеметами полицейских,— уверены ли вы в том, что международная рабочая организация окажет вам помощь? Я уверен, что

вы получите от нее такую же помощь, какую получили англичане. Разве немецкие, французские и другие союзы и рабочие помогли в той мере англичанам, в какой это было возможно и нужно? Разве это не говорит о том, как жизненно необходимо создание единой боевой рабочей организации? А вас делят на части: вот тебе христианские союзы, вот тебе «независимые» [297]) и т. д. Как же так? Англичане выйдут одни в бой и будут разбиты. Затем выступят немцы. Их также побьют. А мы в это время будем говорить, как говорит Амстердам: «наш Интернационал построен на принципе автономии, мы в дела друг друга не вмешиваемся».

Сейчас спрашивают: испортились ли наши отношения с англичанами [228]) после забастовки? Я не скрою и скажу прямо, что немного испортились, ибо никакой союз, никакое братство нами не может пониматься только как пассивное сочувствие. Что же, мы будем только говорить друг другу любезные речи о том, что все мы братья, говорить о братском союзе, а когда тебя будут давить за горло, я буду сидеть и тоже только говорить: «бедный брат мой, тебя хватают за горло»? Мы, русские рабочие, понимаем братство так, что если тебя схватили за горло, то я сниму пиджак и пойду драться, тебя выручать. Как же иначе понимать братство? А вожди английских союзов, оказывается, понимают братство несколько иначе. Они призвали к забастовке и вывели на улицу миллионы рабочих, а когда рабочие СССР предложили им свою помощь, собранную ими путем отчислений от своего скудного заработка, им ответили: мы не можем взять русских денег, потому что нас упрекнут в том, что мы взяли «проклятое русское золото». Кто упрекнет? Буржуазия. Ну, и плевать, пускай упрекает. Разве нам не обидно, что после того как мы семь миллионов рабочих поставили на ноги и сказали: товарищи, англичан давят, нужно им помочь, нам отвечают: «мы бы взяли ваши деньги, да боимся, что «Таймс» [298]) об этом плохо напишет». Что продажные писаки могут о нас писать хорошего? Плюнь им в рожу, а нашу братскую помощь возьми! *(Аплодисменты).*

Я хотел бы сказать еще пару слов. Я считаю, что рабочим,— если искренно подходить к этому вопросу,— доказывать необходимость единства не приходится. Не приходится доказывать, что за основу единой боевой международной профессиональной организации должны быть взяты самые элементарные, самые понятные,

самые бесспорные положения, которые я здесь изложил и которые дали нам возможность найти по многим вопросам общий язык с англичанами, дали нам возможность найти общий язык с такими людьми, как Фиммен [298]) в Голландии, Либарс [299]) в Бельгии и т. д. Немецкие рабочие с.-д. также нашли возможным сплотить вокруг этого лозунга большое количество рабочих и сделать его для них бесспорным. Эти положения оказались также бесспорными для таких людей, как руководители датских и норвежских профсоюзов тт. Мадсен [300]) и Ольсен [301]), как наши финские товарищи [302]), как все, кто вопрос о едином Интернационале считают бесспорным.

Как должно осуществляться единство? Я уже говорил: не нравится конгресс — пускай соберутся Профинтерн и Амстердамский Интернационал, сядут за стол и поговорят о том, что нужно сделать для того, чтобы создать единство. А когда мы подходим с этим вопросом к Амстердамскому Интернационалу, с нами начинают говорить официально: «у нас, говорят, есть Интернационал, хотите — входите в него, и тогда мы с вами будем разговаривать, а не хотите — не надо» [231]). Так вопросы рабочего профдвижения не решаются: «сперва,— говорят они,— войди в наш Интернационал, подчинись его уставам, а потом мы будем с тобою разговаривать».

Разве не является странной самая постановка вопроса о том, что́ вообще могут дать русские профсоюзы для международного рабочего движения? Семь миллионов сплоченных рабочих по-нашему для международного рабочего движения кое-что значат. Семь миллионов сплоченных рабочих, стоящих у власти и правящих одной шестой частью мира! Могут они дать что-нибудь? Могут. Как можно так подходить: «хотите — входите к нам, не хотите — не нужно»? А мы тоже рассядемся и скажем так: «не хотите — не нужно, у нас есть свой Интернационал!» А, кроме этого, кое-кто говорит, что нужно иметь на каждом континенте по своему Интернационалу [235]). И будут, таким образом, сидеть пять Интернационалов, а капиталисты нас будут душить.

Вот как решаются эти вопросы. Что тут страшного? Отбросим все эти чины и важность, ведь это все чванство индейского петуха. С нами не хотят встречаться, боясь испортить этим свою репутацию или боясь, что мы из них сделаем коммунистов. Но

Удегест [197]), ведь, пожилой человек, ему поздно делаться коммунистом? А почему мы не боимся их влияния на нас, не боимся критики? Пусть Удегест влияет на нас сколько угодно, критикует нас, ругает, сколько хочет,— мы рассуждаем, что «брань на вороту не виснет» — влияйте, критикуйте, ругайте, но давайте, наконец, по-деловому разговаривать, как осуществить единство. Мы не требуем, чтобы кто-нибудь отказывался от своих идей, и мы, конечно, от своих не откажемся. Можно и в рамках единого Интернационала отстаивать свои идеи. Наши разногласия, спор между коммунизмом и реформизмом, стары, они еще долго будут существовать, но не они сейчас являются предметом нашего спора с Амстердамом. А вот вопрос о том, как бороться с капиталом,— вот это серьезный вопрос, стоящий в порядке дня и стоющий того, чтобы собраться и о нем серьезно поговорить. Удегесту не нравится моя физиономия. Да ведь и я не очарован им. Выдвигаются, как колючая проволока, против нас формальные мотивы, разговор об уставах и даже о «престиже» Амстердамского Интернационала. Скажите, пожалуйста, совсем как у «порядочных» дипломатов буржуазного государства! Нашли какие-то «престижи». А вот рабочие должны сказать, что ни престиж Удегеста, ни мой престиж — спички ломаной не стоят в сравнении с великими задачами классовой борьбы. Все это тупое чванство, чиновничий формализм, бюрократические уловки — все это нужно сломать и приступить к созданию единой организации. Давайте начнем с маленького. Пусть представители двух Интернационалов сядут за стол и поговорят. Но Амстердам не хочет даже этого.

В этой борьбе Англо-Русский Комитет [228]) играл и будет играть большую роль. Нельзя рассматривать Англо-Русский Комитет как блок каких-то вождей. Англо-Русский Комитет есть союз рабочих СССР с рабочими Англии. Так рассматриваем его мы, так же смотрят на него и английские рабочие, которые не дадут так легко разбить этот союз, ибо мы доказали, что мы не плохие союзники. Фактом создания Англо-Русского Комитета мы взяли на себя некоторые обязательства, и мы их честно выполним. Если сейчас изображают дело так, что мы вынесли резкую резолюцию, где поругали англичан [228]) и от этого разорвется наш союз, так надо помнить, что это была не просто критика. По

нашему мнению, было нашим долгом и обязанностью перед рабочими обеих стран и всего мира сказать, что́ мы думаем и как мы оцениваем величайшее событие в международной борьбе пролетариата. Видеть в этом только обиду — глупо. Ну, что же такое, выносите резолюции и ругайте нас. Неужели мы скажем, что поэтому не хотим с вами работать в Англо-Русском Комитете? Если мы будем разрывать с таким трудом создаваемые союзы между рабочими разных стран, — из-за того, что вожди между собою переругались, тогда мы никогда никакой организации не построим. Пока целиком и полностью подтвердилась та политика ВЦСПС, которую я по поручению товарищей защищал в Англо-Русском Комитете и на Гулльском конгрессе [190]), где я выступал как ответственный представитель советских профсоюзов и указывал, что значит экономическое наступление капитала, как подходить к вопросу единства, что план Дауэса одним концом бьет немецких, а другим английских рабочих, и что мы стоим перед угрозой новой войны. Разве теперь в воздухе не пахнет порохом каждые три месяца? Разве вы не понимаете, что такое переворот Пилсудского [303])? Это — факт очень интересный. Каждый хочет отрезать у другого кусок земли. Ведь и мировая война началась из-за таких пустяков. А мы в это время будем сидеть и разговаривать следующим образом: «Мы с вами согласны разговаривать о единстве, но вы сперва придите к нам да поклонитесь, и тогда мы, может быть, вас возьмем к себе в Интернационал!?» Ну, совсем предложение победителя побежденному. Совсем тон версальского договора. Откуда эти империалистические замашки? Если вместо об'единения вы хотите сражаться,— давайте, но не говорите, что вы за единство и что мы побеждены. Кто, когда нас победил?

Давайте честно и искренно подойдем к этому вопросу. Суть дела в том, что рабочих СССР хотят изолировать от западно-европейских рабочих и обратно. Боясь революционной заразы, хотят воздвигнуть между нами капитальную стену, но русские рабочие не для того делали революцию, чтобы отгородиться каменной стеной от международного пролетариата, они не могут мириться с таким положением, когда вожди западно-европейского движения пытаются это сделать. Вы знаете, как трудно в Западной Европе рабочим узнать правду о рабочих СССР и какие препятствия ставятся лидерами перед ними, когда они хотят приехать

и сами посмотреть, как живут русские рабочие. Вот вы приехали, смотрите, недостатков у нас много, мы этого не скрываем, многое еще, может быть, плохо сделано, многого мы еще совсем не сделали. Вы культурнее нас, вы нам поможете тогда, когда вы сделаете революцию у себя. Иначе не может быть. Вы хотите критиковать — критикуйте, но не допускайте, чтобы нас отгородили китайской стеной от западно-европейских рабочих. Русские рабочие этого не хотят и, я уверен, что и другие рабочие не допустят изоляции русского пролетариата. Дело, которое перед нами стоит — осуществление действительного единства, — это классовое дело. Оно еще встретит на своем пути много препятствий, заключающихся в косности, невежестве, в вольном и невольном предательстве со стороны вождей западно-европейского профдвижения. Рабочий класс должен сейчас понять, что грандиозная классовая борьба, которая развертывается между трудом и капиталом, не может быть успешной при распыленности пролетарских сил. А в этой борьбе рабочие СССР могут сыграть немаловажную роль.

... Мы говорили и говорим Амстердаму, что от своих идей не отказались, от них также этого не требуем, а вот бороться с капиталом давайте вместе, хотя бы на основе той платформы, на которой создался Англо-Русский Комитет. Опыт показал, что при обоюдном желании мы можем работать вместе, не взирая на существующие разногласия и отнюдь не отказываясь от своих взглядов.

Итак, до сих пор мы находили с англичанами общий язык. Однако, сейчас последние проявляют большую нервность [228]) из-за нашей прямой оценки английской стачки и критики руководства ею. Мы от законного права критики не можем отказаться. А разве мы кому-нибудь запрещаем нас критиковать? Пожалуйста, критикуйте, сколько хотите, если это деловая критика, по существу. Вот вы приехали, смотрите все, что у нас есть — и достижения и недостатки. Вы народ гораздо более культурный, чем мы. Вы передовая по промышленности страна, вот смотрите, что у нас есть! Плохо — скажите, что плохо, мы не рассердимся, но помните, что все, чего мы достигли, это — дело рабочих, которые сделали это сами, без капиталистов и борясь чуть ли не со всем буржуазным миром. Если поругаете,— обиды не будет. Разве мы говорим,

что у нас все хорошо? Слишком трудно и сложно дело строительства социализма в экономически отсталой стране, несомненно, у нас были, есть и будут ошибки. Слишком мало опыта у нас — рабочих. Но в одном мы твердо убеждены,— поезжайте на наши фабрики и заводы, и вы в этом убедитесь,— идея международного пролетарского единства глубоко осознана русскими рабочими. Русские рабочие хотят братского союза с западно-европейскими рабочими. Они зовут западно-европейских рабочих на этот союз, и мы уверены, что и западно-европейские рабочие хотят этого союза. И если этому еще мешает стена чиновнической тупости, косности и самодовольства, так называемых, вождей западно-европейских союзов, то мы надеемся, что прошибем и ее. Пусть нас называют утопистами, но мы за это дело взялись, мы его будем продолжать и доведем до конца. Миллионы русских и западно-европейских рабочих пойдут с нами рука об руку, ибо идея единства, это — насущнейшая идея рабочего класса, интересы которого требуют воплощения ее в жизнь. Давайте ее проводить вместе, терпеливо раз'ясняя её массам пролетариата, об'единяя и сплачивая всех честных и искренних борцов за его интересы, за единство.

Если вы, уезжая от нас, раскритикуете наши ошибки, укажете наши недостатки, мы на это сердиться не будем. Но если вы вместе с нами вынесете убеждение, что братский союз западно-европейских рабочих с русскими рабочими необходим, что необходим единый боевой классовый Интернационал профсоюзов для борьбы с капиталом, — это будет величайшее завоевание, и я уверен, что вы сможете многое сделать для общего дела международного единства рабочего профессионального движения.

Позвольте приветствовать вас, пожелать вам успеха в предстоящей вам трудной работе и счастливого пути. Надеемся, что ваша работа приведет к тому, что международное рабочее движение не будет знать никаких перегородок.

Неопубликованная речь на совместном заседании Президиумов ВЦСПС и МГСПС и германской делегации 11 августа 1926 г.

Ответ на выступление тов. Лэнсбери.

Я позволю себе от имени Президиума ВЦСПС поблагодарить тов. Лэнсбери [304]) за его приветствие. Если нашим профсоюзам и русским рабочим удалось хотя сколько-нибудь облегчить тов. Лэнсбери его отдых, если удалось в форме элементарного гостеприимства хоть чем-нибудь помочь одному из искреннейших борцов и представителю английских рабочих и старейшему деятелю английского рабочего движения, — мы этим самым уже счастливы. Я думаю, что наша просьба к тов. Лэнсбери будет заключаться в том, чтобы он со свойственной ему искренностью рассказал английским рабочим то, что он видел в Советской России, и передал им, что наши рабочие массы рассматривают лозунг единства международного рабочего движения не как какой-то отвлеченный, призрачный лозунг. Для нас это коренная, очередная, важная задача. Братский союз между русскими и английскими рабочими жизненен. Стремления рабочих обеих стран, их усилия к созданию общего, действительного братского союза, мы надеемся, увенчаются успехом, несмотря на то, что в те или иные моменты между нами и лидерами английских профсоюзов могут быть те или иные важные разногласия. Не лидерами определяется этот союз, а искренним стремлением рабочих всех стран. Я думаю, что тов. Лэнсбери передаст английским рабочим от нашего имени, что для нас и дело единого Интернационала и дело всякого братского рабочего союза заключается не в платоническом единении, не в декларациях, а в пролетарской, братской, реальной активной помощи друг другу. Если во время величайшей забастовки [180]) английских рабочих русским рабочим выпала честь помочь своим английским братьям, то для нас наилучшим будет сознание, что мы в данном случае сделали все, что могли. Может быть, мы сделали мало, может быть, следовало бы сделать больше, но наше понимание братского союза рабочих заключается в том, что, если на одном фронте дерутся,—

другие должны помогать, чем могут, и сделать все, что они в состоянии предпринять.

Мы просим тов. Лэнсбери передать английским рабочим, с которыми он так тесно связан, наш братский привет, передать, что братский союз английского и русского пролетариата обеспечен горячим, искренним стремлением к нему со стороны многих миллионов русских рабочих; мы уверены, что и со стороны английских рабочих мысль о союзе встретит такой же отклик. Мы просим передать наш горячий братский привет английскому пролетариату и нашу уверенность, что союз английских и русских рабочих будет действительно братским, активным, незыблемым, что он поведет к созданию активного об'единения пролетарских организаций всех стран.

Неопубликованное выступление на заседании Президиума ВЦСПС 25 августа 1926 г.

Ответ на выступления тт. Гетчинсона и Арнота.

Я позволю себе от имени Президиума ВЦСПС и всех собравшихся поблагодарить товарищей [305]) за их привет от имени английских рабочих и, в частности, английских металлистов. Этот привет особенно дорог нам, так как мы считали и считаем, что основой будущего международного единства пролетариата всех стран, действительного интернационального об'единения рабочих, является тот братский союз между английскими и русскими рабочими, который существовал, существует и, мы уверены, будет существовать. Мы с большим вниманием наблюдаем за работой Рабочего Исследовательского Института Англии [306]). Нашим профессионалистам это учреждение известно. Мы с большим интересом всегда наблюдали его работу и со своей стороны рады оказать ей всякое содействие. Я думаю, что идея тов. Гетчинсона о возможности и необходимости в ближайшее время создания Международного Рабочего Исследовательского Института [280]) является чрезвычайно ценной идеей и, я думаю, что с нашей стороны будет также оказано всяческое содействие её осуществлению. Такое учреждение особенно необходимо теперь, когда ясно выразилась тенденция капиталистов производить равнение рабочих во всех странах по наиболее плохо оплачиваемым. Рабочие всех стран должны знать, что делается во всем мире и в области зарплаты и в области условий труда.

Такое учреждение привело бы к наибольшему ознакомлению рабочих каждой страны с жизнью и бытом своих товарищей в других странах, к взаимному пониманию, а тем самым к сплочению. Я меньше всего хотел бы касаться вопроса об английской забастовке, так как мнение наше о ней известно: оно громко сказано на весь мир. Мы думаем, что английские рабочие проявили чрезвычайную солидарность в этой борьбе, сплоченность, дисциплинированность, а в продолжающейся борьбе горняков они выявили

невиданный энтузиазм и умение драться. Мы с сожалением констатировали, что то желание, та воля к бою, к победе, которые во время всеобщей забастовки [180]) проявил британский пролетариат, были так плохо использованы. Тем не менее, интернационализм английских рабочих, их воля к борьбе, их воля к победе, их готовность отстаивать свои классовые интересы доказаны целиком и полностью. Наше мнение таково, что эта героическая забастовка и героическая борьба достойны были бы лучшего руководства. Я не стану повторять об этом, дабы не повторять всего того, что мы уже сказали.

Какие бы ни были в тот или иной момент взаимотношения у нас — Президиума ВЦСПС и ВЦСПС в целом — с Генсоветом, каковы бы ни были взаимоотношения вождей, несомненно, они испорчены этой забастовкой [228]). Испорчены они не потому, что заговорила в какой-нибудь степени наша гордость, когда отвергнута была наша братская помощь [180]), а потому, что этот акт ограничивал английскую забастовку национальными рамками, обрекал английских рабочих бороться против авангарда мировой буржуазии только собственными своими силами, лишал английских рабочих связи с рабочими других стран, закрывая каналы международной помощи, свидетельствовал о том, что руководители не поняли, что это задача не национальная, что это дерется один из отрядов на арене международной борьбы труда с капиталом, что сейчас все мелкие конфликты труда с капиталом приобретают международный характер. Этого не поняли. Вот, что заставило нас с полной ясностью, может быть, резкостью, высказать свое мнение [228]). Факт остается фактом. Разногласие между нами и Генсоветом в этом вопросе существует. Но ведь когда мы организовали Англо-Русский Комитет [228]),— мы сделали это потому, что считали его насущно необходимым, вытекающим из всей международной обстановки. Я целиком согласен с тов. Арнот, и думаю он прав в том отношении, что Англо-Русский Комитет не выдумка вождей, а идея масс, что английские рабочие не позволят разорвать эту братскую связь с русскими рабочими. Тт. Арнот и Гетчинсон могут убедиться собственными глазами, что братский союз русских и английских рабочих не есть парадная фраза, не есть пролетарский сентиментализм, а что это — насущная задача. Мы не видим ничего дурного, если между той или иной

организацией имеются разногласия, если та или иная организация по отношению к другой, видя те или иные её ошибки, выскажет свое мнение. Долг и задача международного пролетариата — делиться опытом, помогать в этом отношении друг другу, говорить открыто, прямо и ясно, что̀ правильно и что̀ неправильно. Как бы то ни было, отношения могут испортиться между вождями, могут испортиться между руководящими организациями, охладиться, но я уверен вместе с тов. Арнот, что братские симпатии между Великобританией и СССР ни в малейшей степени не охладятся. Большая английская забастовка сблизила рабочих Англии и Советской России. В этом я целиком согласен с тов. Арнот. Та скромная помощь, которую русские рабочие уже оказали британским рабочим в борьбе и которую они будут продолжать оказывать, это — наш долг, который мы по мере сил выполним. Худо ли, хорошо ли — не нам ценить, но принимая во внимание то положение, в котором находится русский рабочий, мы полагаем, что мы выполнили его как могли.

Еще раз позволю себе поблагодарить вас за подаренные вами лампочки английских шахтеров [305]). Быть может, еще сейчас рабочий класс с такими лампочками нащупывает свои пути в борьбе труда с капиталом, за окончательное освобождение труда. Мы думаем, что английские горняки ведут свою линию правильно, они найдут верную дорогу, и нам кажется, что в данный момент они являются тем передовым отрядом британского рабочего движения, который показывает и учит весь рабочий класс, как, начав борьбу с капиталом, нужно уметь доводить её до конца, не боясь того, что порою эта борьба приводит к поражению.

Позвольте еще раз благодарить товарищей за их приветствие, позвольте пожелать успеха в их ознакомлении с нашей страной, позвольте заверить в том, что всякое содействие им нами будет оказано, что братский союз рабочих Великобритании и СССР будет расти и крепнуть. Англо-Русский Комитет, как первый камень будущего международного боевого союза рабочих всех стран, будет существовать и выполнять свои задачи. Осуществление международного единства рабочих не за горами.

Неопубликованное выступление на заседании
Президиума ВЦСПС 25 августа 1926 г.

Заседание Англо-Русского Комитета в Берлине

(23 — 25 августа 1926 г.).

По поручению Президиума ВЦСПС я выступаю в защиту того предложения, которое вносит Президиум. Мы предлагаем расширенному Пленуму принять три предложения [306]), тесно связанных между собою и одно из другого вытекающих. Я оглашаю эти предложения.

Первое предложение, об одобрении деятельности нашей делегации, не могло быть развито в речах докладчика, потому что его отчет является предметом суждения нашего компетентного собрания и недостаточно было освещено в речах ораторов. Поэтому я позволю себе в двух словах сказать, что, конечно, всякие разговоры о том, что внутри нашего профдвижения могут существовать правые и левые течения, разговоры о том, что тов. Андреев левее меня или непримиримее меня, — все такие разговоры вытекают из некоторых иллюзий представителей Генерального Совета.

Если до сих пор представители Генерального Совета имели со мною дело, тогда, когда мне не приходилось столь энергично выступать, как тов. Андрееву, то не нужно забывать, что тогда не было всеобщей стачки [180]).

У руководящего органа британского профдвижения были очень хорошие революционные речи, но мы по-простецки, по-рабочему, считаем, что хорошие речи чего-нибудь стоят лишь тогда, когда за ними идут хорошие дела. Если одно с другим не вяжется, то тогда мы называем вещи своими именами: называем болтунов — болтунами, трусов — трусами. Когда была мирная обстановка, когда не было такого сурового критерия, как английская забастовка, наши отношения были одного порядка, речи были одного характера, тон был соответствующий обстановке. В другой обстановке — другой тон. А если бы Генеральный Совет выполнил свой долг, который ему надлежало бы выполнить, т.-е. вызвал бы

на борьбу всех английских рабочих, довел бы ее до конца, не боясь фетишей и не прячась за рамки устава, если бы после этой героической борьбы мы встретились с ними, тогда наш тон был бы совершенно другой. И будь то я, или Лозовский, или Андреев, мы сказали бы: «вот молодцы, вот показали, как нужно бить буржуазию». А если они этого не сделали и если теперь их позиция по отношению к нам более чем двусмысленная, то и тов. Андреев принял только тот тон, который принял Пленум ВЦСПС, вынося постановление, для всех нас обязательное. И если у членов Генерального Совета есть на этот счет ошибочное представление будто у нас существуют правая, левая, ультра-левая и т. д., то я могу только заявить, что эти представления совершенно лишены всякого основания. Вот почему от имени Президиума ВЦСПС я предлагаю, чтобы Пленум одобрил целиком и полностью деятельность нашей делегации, одобрил все выступления, декларации и предложения. Это первое предложение, которое я считаю необходимым от имени Президиума защитить. Вот первое предложение.

Теперь я перехожу ко второму, тесно связанному с ним предложению.

Я думаю, что борьба английских горняков вступила в тяжелую полосу. Мы знаем, что началось колебание в некоторых горнопромышленных районах. Мы видим, какой наглый тон берут по отношению к горнякам предприниматели, и мы видим, что горняки не встречают должной поддержки, ни материальной, ни моральной, почти ниоткуда. Мы с вами прекрасно знаем, как тяжело еще, как еще далеко недостаточно обеспечено материальное положение русских рабочих. Мы знаем, что каждая копейка дорога нашим рабочим. Но мы с вами знаем, вместе с тем, что члены наших союзов достаточно понимают, что борьба английских горняков есть борьба всего рабочего класса, мы знаем, что наши профорганизации сумеют раз'яснить нашим рабочим необходимость жертвы.

Я думаю, что эта поддержка горняков должна быть систематической. Мы полагаем, что она должна быть твердой и должна находиться в полном соответствии с теми предложениями, которые от нашего имени наша делегация внесла на заседании Англо-Русского Комитета. Президиум не считал бы сейчас возможным своим постановлением обязать отсюда, оверху, всех членов наших союзов

делать регулярные отчисления 1%. Мы должны по этому серьезному вопросу запросить мнение всех профорганизаций. В соответствии с этим мы вносим предложение о том, чтобы обратиться от имени настоящего компетентного собрания ко всем нашим профорганизациям и предложить им организовать широкие профсоюзные собрания и поставить на них вопрос о регулярном однопроцентном отчислении до окончания забастовки в пользу английских горняков, сообщая нам решения этих собраний.

Мы не сомневаемся, что, отдавая этот вопрос на суд широкой демократии, мы получим благоприятный отзыв от наших рабочих, от низовых рабочих собраний. Поэтому мы вносим второе предложение — обратиться с соответствующим воззванием ко всем профорганизациям СССР.

Вот второе предложение. Я думаю, что от имени Президиума я достаточно доказал необходимость и целесообразность принятия его именно в такой форме.

Третье предложение вытекает из первых двух и относится уже к международной линии. На самом деле, мы видим, как позорно и пакостно держит себя Амстердам [13]) и примыкающие к нему организации. Об этом рассказывает и тов. Лозовский и другие, об этом пишется в газетах. Ясно для всех, что в международном рабочем движении идет борьба двух тенденций.

Первая тенденция в международном рабочем движении, это — линия русского революционного классового профдвижения. Затхлый воздух Европы уже освежен. Как бы нас ни изолировали, но из России дует свежая революционная струя на затхлое европейское профсоюзное движение. Многие это считают сквозняком, многих это беспокоит, и у многих есть желание захлопнуть окошко. Но этого окошка не захлопнешь. Больше того: «окошко» превращается в «дверь», через которую идут рабочие делегации к нам в Россию и устанавливают связь с Зап. Европой. Возвращаясь к себе, они рассказывают, что, оказывается, русские рабочие поступили хорошо. На помощь горнякам отозвались первым делом русские профорганизации. Мало болтать о классовой борьбе, выносить пышные резолюции о международной солидарности и т. п. Вот вам международная солидарность: если один борется, так другой помогает. Вот что значит солидарность. Мало стоять в стороне и говорить: «Браво, английские горняки, продолжайте

ваше дело!» А они скажут: «А кто нам деньги будет давать?» Солидарность только в резолюции — этого мало.

Вторая тенденция, это — ультрареформизм, американская тенденция. Это — отказ даже от тех жалких форм экономической борьбы, которые проводили до сих пор профсоюзы. Немцы потихонечку культивируют американские методы у себя, на германской территории. Они банк открыли [254]). А раз банк открыли, так чего же вы процентам удивляетесь! *(Смех).* Когда при профсоюзе организуется банк, то на практике выходит то, что получилось в Америке: не банк при профсоюзе, а профсоюз при банке. *(Смех).* А там, где тон движению задает банк, там обязательны проценты.

Вот борьба двух тенденций!

Обращаясь к рабочим СССР с призывом обсудить поставленный в порядок дня вопрос об однопроцентном отчислении, мы должны с этим же обратиться и к Профинтерну. Поэтому я вношу третье предложение — обратиться к Профинтерну.

Вот три постановления, тесно связанные и одно из другого вытекающие, которые от имени Президиума именно в целом, а не по частям, я имею предложить настоящему собранию. *(Аплодисменты).*

Выступление на Пленуме ВЦСПС 31 августа 1926 г. Опубликовано в «Труде» 2 сентября 1926 г.

Отказ в визе на в'езд в Англию.

Отказ нам в визе [307]), вовсе не являющийся чем-то неожиданным и целиком вытекающий из всей политики буржуазного правительства, ведущего классовую борьбу против английских рабочих, однако, вызвал глубокое и горячее негодование всех членов наших профсоюзов. Хотя, конечно, ничего иного от консервативного правительства капиталистов, которое целиком стоит на стороне шахтовладельцев, нельзя было ожидать. С первых же дней всем, кто не прячет от правды голову в песок, подобно страусу, было ясно, что забастовка горняков [180]) приняла характер напряженной классовой борьбы между английскими капиталистами и английским рабочим классом, а классовая борьба есть всегда борьба политическая, и только Генсовет, руководимый Томасом [257]) и Макдональдом [206]), не хотел и боится поныне это признать.

Правда, к этой борьбе была неодинаковая подготовка; на одной стороне, за предпринимателей, сплотились все силы класса капиталистов Англии в лице сильнейшей партии капитала, консерваторов, стоящих у власти и использовавших против английских рабочих все силы, весь аппарат классового буржуазного государства, все силы продажной капиталистической прессы с ее миллионным тиражом, фальсифицированное общественное мнение, суды, законы и проч. и проч. На другой — трусливо клявшийся в верности буржуазному государству, Генсовет. Для всех становилось все более ясным, что отмена «хабеас-корпус-акт» [308]) (хартии вольностей), назначение районных губернаторов с чрезвычайными полномочиями, вывод войск на улицу, покровительство штрейкбрехерам, арест вождей рабочих — вещи далеко не демократические и далеко не конституционные, даже с точки зрения буржуазной английской конституции. Все эти факты являются лишним доказательством истинного характера пресловутой «демократии», лишним доказательством того, что буржуазия, когда этого требуют

ее классовые интересы, не считается ни с какими фетишами — конституцией, демократией, законами и т. п., и менее всего намерена считаться с общественным мнением английских рабочих и их тред-юнионов. Отказ в визе служит лишь еще одним дополнительным доказательством всей ошибочности линии вождей генеральной стачки, вождей, которые пытались открытую, обостренную классовую борьбу, а следовательно, и политическую борьбу свести к чисто экономической забастовке. А, между прочим, именно эта ошибочная линия обусловила прямое предательство всеобщей стачки ее вождями. Чистой экономики вообще в природе не существует, и сама политика является лишь концентрированной формой экономики. Это еще лишний раз доказывает, мягко выражаясь, «ошибочность» политики Генсовета, заверявшего всех, и в первую голову правительство консерваторов, в своей «лойяльности к конституции», которую само консервативное правительство с первого момента забастовки так грубо и цинично отбросило ногой. Это еще лишний раз подчеркивает непростительную преступную ошибку Генсовета — отказ от помощи рабочих СССР, предрешившую прямое предательство стачки.

Те, кто понимают интересы своего класса и умеют их последовательно защищать (а консервативное правительство знает интересы своего класса и умеет их защищать), для тех дорого общественное мнение только своего класса. Считаться с общественным мнением другого враждебного класса и плестись за ним, как это делал Генсовет, отказываясь от нашей помощи, это значит предавать интересы своего класса. С точки зрения логики классовой борьбы консервативное правительство, по-своему, по-буржуазному, поступает логично и правильно. Оно знает, чего хочет, а хочет оно добиться понижения жизненного уровня сперва горняков, а потом рабочих Англии и в других отраслях промышленности, ибо горняки лишь первые принимают удар.

Для представителей рабочего класса дорого лишь пролетарское общественное мнение. Долг вождей британского конгресса тред-юнионов — смело и прямо сказать, что сделали они для того, чтобы добиться разрешения на в'езд для делегации профсоюзов СССР, что они об этом думают и как намерены реагировать на этот акт правительства консерваторов. Их долг — организовать и выявить мнение рабочих по этому вопросу, ибо этот акт консервативного

правительства является не только репрессией по отношению к профсоюзам СССР за их помощь горнякам, но и наглейшей демонстрацией капиталистов против дружбы рабочих Британии и СССР, наглейшим вызовом общественному пролетарскому мнению Англии. Этот акт свидетельствует о том, как капиталисты берут на себя контроль и фактически влияют на международную политику английских тред-юнионов.

Я не сомневаюсь, что представители Амстердамского Интернационала [13]) и Американской Федерации Труда [232]) беспрепятственно получат визу. Амстердамский Интернационал,— явно штрейкбрехерская роль которого очевидна для всех,— и американские профсоюзы, будучи «архилойяльными», не позволяли себе «вмешиваться во внутренние дела британского профдвижения», и поэтому они, скрестив руки, с любопытством смотрели на неравную борьбу предоставленных своей собственной участи горняков с об'единенными силами класса капиталистов. Рабочие СССР, наоборот, даже с точки зрения вождей Генсовета, были весьма «нелойяльны», они позволили себе проявить необычайно активное участие в деле английских рабочих, они проявили гигантское моральное сочувствие и оказали довольно солидную, принимая во внимание бедность нашей страны, материальную помощь, и, конечно, вожди класса капиталистов прекрасно понимают разницу между безвредным и даже полезным для буржуазии штрейкбрехерским поведением Амстердамского Интернационала и активной, горячей помощью русских рабочих.

В нас всякая буржуазия, всякое буржуазное правительство видят своих врагов. И прямой вывод, который должен сделать английский рабочий, может заключаться только в одном — враг моего классового врага является моим другом. Русские рабочие потому враги английских капиталистов, что они надежные друзья английских рабочих. Поэтому они особенно должны быть дороги английским рабочим, как наиболее надежные друзья и союзники по борьбе. Отказ в визе — эта мера, направленная к полной изоляции горняков от моральной и материальной поддержки рабочих СССР,— еще раз должна заставить задуматься всех английских профессионалистов над тем тяжелым положением, в котором, благодаря позорно-трусливому поведению Генсовета, находятся горняки Англии, стоящие совсем изолированно перед лицом бешеного

натиска капиталистов, считающих, что в борьбе с одинокими горняками одинаково хороши все средства. Санкционированное парламентом по всем правилам конституции нападение на рабочий день [80]) английских горняков есть прямое и грубое нападение на весь пролетариат Англии и лишь первая атака на рабочий день во всех отраслях британской промышленности. Несомненно,— после победы над горняками капиталисты вновь поставят английский пролетариат и тред-юнионы перед выбором — открытая борьба или капитуляция и полный разгром тред-юнионистского движения. Поддержка горняков Англии вплоть до об'явления эмбарго [309]), как бы она ни была трудна, развязывает конфликт и в настоящей его стадии наверняка сулит победу рабочим, ибо отбитая атака на горняков будет знаменовать остановку наступления капитала на всем фронте.

Вот первый вывод, который, как мне кажется, должен сделать конгресс.

Конгресс, мне кажется, должен, кроме того, сделать следующие выводы: экономическое наступление капитала неотделимо от его политического наступления, ибо классовая борьба есть борьба политическая, и класс, стоящий у власти, ведущий экономическую борьбу, не может не защищать своих интересов всей политической машиной, находящейся в его руках. «Парламентаризм» [2]), «демократия», «конституция», в верности которым клялся Генсовет в период обостренной классовой борьбы,— фактически являются и будут являться оружием в руках капиталистов против рабочих. Сейчас все это направлено против горняков, и вести победоносно борьбу против наступления капитала, оставляя в его руках все экономическое и политическое господство, невозможно. Рабочий класс Англии должен сказать,— это основной вопрос, стоящий перед ним,— может ли он мириться с таким правительством.

И следующий вывод, который должны сделать английский пролетариат и происходящий конгресс [307]), это — необходимость создания действительно единого, классового, действенного Интернационала профсоюзов, создания вместе с рабочими СССР, сохранение и укрепление тесного союза с ними, сохранение и активизация Англо-Русского Комитета, как органа совместной борьбы рабочих Англии и рабочих СССР против войны, против политического и экономического наступления капитала, за осуществление

действительного единства международного профессионального движения; необходимость взаимной активной поддержки, несмотря на разность взглядов, без боязни открытой, честной, взаимной критики.

Я думаю, что, в конце концов, правительство консерваторов немного выиграет от этой попытки изолировать нас от английских рабочих, если тред-юнионы поймут этот урок и сделают из него надлежащие выводы. Что же касается рабочих СССР, то их безграничное возмущение наглостью капиталистов и мягкотелостью «вождей» выльется в столь же безграничную готовность всемерно и до конца помочь горнякам в их тяжелой борьбе.

Беседа с представителями печати, опубликованная в «Труде» и «Правде» 5 сентября 1926 г.

Английская стачка и задачи международного рабочего движения.

Товарищи! Я, сегодня или завтра, должен был бы от вашего имени произносить речь на Конгрессе Британских тред-юнионов в Борнемуте [307]), и если этого я не сделаю, то, как вам известно, *по независящим от меня обстоятельствам. (Смех, аплодисменты).* В виду того, что я имею дело с не менее *почтенной* аудиторией *(смех, аплодисменты),* кое-что из того, что я собирался сказать на Конгрессе Британских трех-юнионов непосредственно британским рабочим, я позволю себе сказать им через настоящее собрание московских профработников. *(Аплодисменты).* Я думаю, что кое-что из мной здесь сказанного, быть может, долетит до британских рабочих и, может быть, послужит им на пользу.

Я думаю, что сейчас нельзя говорить ни по одному вопросу международного рабочего движения, не касаясь в то же время хотя бы в общих чертах истории английской стачки углекопов и всеобщей майской забастовки [180]). Хотя большинству из вас эта история прекрасно известна, тем не менее придется хотя бы бегло напомнить о ней.

В чем заключается суть майского конфликта, который привел ко всеобщей английской забастовке? В том, что фактически в мае месяце британские шахтовладельцы буквально приперли к стенке английских горняков, об'явив: либо идите на худшие условия труда, отказавшись от заключения генерального коллективного договора, либо мы закрываем шахты. Фактически дело началось с локаута, а не со стачки. Это особенно важно напомнить теперь, когда в речах вождей британских тред-юнионов мы находим такие об'яснения истории со всеобщей стачкой, которые совершенно иначе ставят вопрос.

В ответ на этот локаут английские тред-юнионы постановили поддержать горняков в их борьбе об'явлением всеобщей стачки.

Принимая такое решение, они исходили из того, что ухудшение условий труда горняков есть начало наступления на экономические завоевания всех британских рабочих. Так было дело или не так? — Как-будто бы так. Однако, вожди Генсовета теперь поворачивают вверх ногами эти бесспорные факты. Теперь мы из уст председателя конгресса [307]) слышим, что это была не «всеобщая», а «национальная» забастовка. К сожалению, телеграф не передал «мудрого» раз'яснения разницы между «национальной» и «всеобщей» забастовкой. Чем же отличается происходившая забастовка от всеобщей? Разве тем, что не абсолютно все было остановлено, а только транспорт и некоторые важнейшие отрасли промышленности? Но ведь это же было сделано только для того, чтобы оставить на работе тех рабочих, которые не могли помочь борьбе углекопов. Если они не ввели в эту забастовку швейников, кожевников и рабочих других отраслей легкой промышленности, то исключительно потому, что не хотели отягощать стачки присоединением к ней рабочих легкой индустрии, чье участие в ней имело бы ничтожное значение для исхода борьбы. Только поэтому были призваны к забастовке рабочие основных отраслей хозяйства: рабочие всех видов транспорта, портовые рабочие, рабочие, занятые в металлической и электрической промышленности, и некоторые другие, а это мы называем всеобщей забастовкой.

Стачка началась при неравных условиях, вот чего не следует забывать. В то время, когда английские тред-юнионы очень долго разговаривали о грядущем майском конфликте, но ничего не сделали в смысле подготовки к нему и для обеспечения победы горнякам, другая сторона — шахтовладельцы, а с ними и консервативное правительство,— вместо громких и пустых разговоров усиленно готовилась к предстоящей борьбе. С первых же дней забастовки оказалось, что это есть борьба не с шахтовладельцами, а с консервативным правительством, ибо против рабочих на улицу выводились в металлических касках войска не шахтовладельцев, а войска Британской империи, пущена была в ход полиция, находящаяся не на службе шахтовладельцев, а на службе у королевского консервативного правительства. Конституцию и, так называемую, «хартию вольностей» (хабеас-корпус-акт [308]), отменяла не английская компания шахтовладельцев, а консервативное английское правительство; суды, которые во время стачки действовали особым

порядком и беспощадно расправлялись со стачечниками, — были судами не шахтовладельцев, а консервативного королевского правительства. Курсировавшие во время стачки по улицам Лондона, опутанные колючей проволокой, грузовики с войсками, были мобилизованы не шахтовладельцами, а консервативным королевским правительством. Дубинки полицейских, которые колотили стачечников по головам, были дубинками, находящимися на службе у королевского консервативного правительства. Так это или не так? — Кажется, так.

Это факты, против которых никто не может возразить ни слова. А между тем не только тогда, но и теперь вожди британских тред-юнионов продолжают утверждать, что это была экономическая забастовка. «Не мы,— говорят они,— боролись против правительства, а правительство имело намерение превратить этот чисто «экономический» конфликт в конфликт политический».

На подмогу горнякам сплотились и выступили под руководством Генсовета рабочие основных отраслей английской промышленности, основные силы английского рабочего класса. На подмогу шахтовладельцам выступил организованный по всем правилам «демократии» и «конституции» класс капиталистов. Буржуазия обладала всей буржуазной прессой, которой рабочие могли противопоставить, кроме двух-трех еженедельных газет, только маленькую, идейно невыдержанную, слабую, порой ведущую во время стачки углекопов нечистоплотную игру, газету рабочей партии — «Дейли-Геральд», а между тем в период подготовки к борьбе пресса играет важнейшую роль. Вот равенство в классовой борьбе в «демократических», «конституционных» странах! Буржуазия показала, что в то время, когда государственный аппарат находится в её руках, она умеет использовать и подготовить его к грядущей борьбе. В то время, когда английские профсоюзы оказались совершенно, что называется, голенькими, совершенно неподготовленными к стачке, правительство имело хорошо организованный штрейкбрехерский аппарат и в помощь ему всю полицию, войска, законы и фактическую отмену конституции.

Какая же это, после всего изложенного, борьба,— экономическая или политическая? Если люди до об'явления стачки этого не понимали, — это можно было снисходительно об'яснить ошибкой, основанной на недостаточном политическом их воспитании,

отсутствии широкого кругозора и т. д. Но после того как против них выдвинуто было все: законы, конституция, полиция, войска,— как можно после этого думать и утверждать, что это была экономическая борьба? Как можно не понимать, что когда класс становится против класса, об'является всеобщая или «национальная» стачка,— то это уже выходит за пределы экономической борьбы, что это есть борьба политическая?! К кому могли организаторы всеобщей стачки пред'явить требования,— к шахтовладельцам? Экономическая стачка заключается в том, что рабочие, об'единенные тем или иным союзом, говорят хозяину или группе хозяев: «либо вы нам даете то-то и то-то и удовлетворяете такие-то требования, либо мы не будем работать». Вот это будет экономическая стачка. Сейчас у нас идет такая стачка рабочих, занятых в предприятиях концессионного Общества Индо-Телеграф [310]). Союз говорит: на таких-то условиях мы будем работать, а им предлагают другие условия, и из-за этого идет торговля. Но когда горняки ведут борьбу с шахтовладельцами, а на подмогу им выступают металлисты, железнодорожники, рабочие электрических станций, портовые рабочие и др. (парализуя жизнь всей страны, ибо ни одно правительство не может править в наше время, не имея в своих руках средств сообщения),— в это время говорить о том, что это стачка экономическая, значит ничего не понимать в рабочем движении и в классовой борьбе.

Во время стачки мы имели на одной стороне прекрасно подготовленный, отчетливо понимающий смысл происходящих событий, класс капиталистов, технически к борьбе подготовленный так, что организация борьбы со стачкой развернулась как по мановению волшебной палочки. Тут и пресса, и автомобили, и распределение продуктов, и т. д., и т. п., а на другой стороне — тред-юнионы, не подготовленные ни морально, ни технически, руководимые растерянными вождями, не желающими понять того, что происходит и что должно делать. Они говорят, что забастовка явилась вынужденной. Это в известной степени верно, верно в том отношении, что они стачки не хотели и начали ее без воли к борьбе, без желания победы, начали лишь тогда, когда были прижаты консерваторами к стенке. Эти вожди все время продолжали лепетать, что стачка «чисто экономическая», и что они не намерены нарушить основ конституции. Они «не замечали» того, что правительство

капиталистов, когда началась борьба, само эту конституцию свергнуло — на время бросило в корзину. Оно это сделало, не смущаясь ни капли, ибо в каждой буржуазной конституции, если сказано: «свобода», то уж наверное где-нибудь оговорено: «в пределах законности и порядка», и предусмотрено в каких случаях эта свобода отменяется. Она отменяется в то время, когда государству угрожает опасность,— а всякая стачка с точки зрения капиталистов угрожает государству опасностью. Вот смысл буржуазной конституции. Если сказано «свобода собраний», то обязательно добавлено, что нельзя собираться в казармах, на железнодорожных пунктах и т. д.,— а право толковать эту конституцию, право применять или отменять ее находится в руках класса капиталистов. Вот — что такое буржуазная демократия. Вот — что такое буржуазная конституция. Вот— в чем ее смысл.

Чем занимались вожди британских профсоюзов во время стачки?

Они занимались тем, что убеждали рабочих и буржуазию, что не посягают на конституцию, что они, боже упаси, не злоумышляют против парламента, что они ни в какой степени не хотят никакой политики. Они утверждали, что это исключительно «национальная» «индустриальная» забастовка и в своей «лойяльности» настолько перестарались, что, когда получилась помощь от русских рабочих, они отказались от нее. Почему? Да потому, что не хотели создать дурного впечатления в буржуазном общественном мнении. «Видите ли, буржуазные газеты всегда много писали о «русском золоте», и если бы вдруг принять эту помощь, то опять были бы разговоры о «проклятом русском золоте». Что знаменовал собою этот факт? Он показывал, что эту забастовку вожди заранее ограничили рамками национальных пролетарских ресурсов; что они этим отрезали себя от международной пролетарской помощи и не захотели связать свою борьбу с борьбой рабочих всех других стран. Они сказали: «это дело наше, частное, национальное, не мешайтесь сюда». Этим самым они сигнализировали своему противнику: вот то, что у нас есть, скоро это проедим, а когда проедим — мы сдадимся. Их очень беспокоило, как буржуазное общественное мнение истолкует принятие ими помощи извне — дурно или хорошо. Если дурно истолкует, решили они, то мы откажемся от поддержки деньгами на все время стачки.

Это равносильно тому, если бы во время боя отказаться от подвоза снарядов, провианта, патронов и свежего пополнения.

«Так как буржуазное общественное мнение будет против этого, то мы от этого откажемся». А разве буржуазное общественное мнение когда-нибудь могло бы быть за то, чтобы помогали стачечникам? Имея перед собою такую опытную, зрелую, классово-сознательную буржуазию, как английская, буржуазию с колоссальным аппаратом продажной желтой прессы,— как можно рассчитывать на то, чтобы здесь завоевать общественное мнение в пользу рабочих? С мнением другого, враждебного, класса, с его настроением нужно считаться постольку, поскольку это дает ориентировку в борьбе, но не больше. Учитывать же его таким образом, чтобы, в конце концов, плестись за ним, это — не что иное, как предавать интересы своего класса. Если я, руководя забастовкой, считаюсь с тем — дурно или хорошо скажет обо мне буржуазия, равняюсь по ее общественному мнению, то это значит, что я предаю интересы своего класса. Как только я во время своих поездок в Гулль [190]) и Скарборо [242]), куда я был послан вами, как только я вступал на территорию Англии, все буржуазные газеты начинали меня ругать, клеветать, изображать чорт знает кем [311]). Скажите, пожалуйста, что бы вы обо мне сказали, если бы я, глядя одним глазком на буржуазное общественное мнение Англии, стал бы приспособлять к нему свое поведение, заботясь о том, чтобы они обо мне хорошо написали. Вы сказали бы, что я предал интересы русских рабочих, что я не отразил их интересов. А во время боя отказываться от помощи братьев по классу, считаясь с тем, что это будет плохо истолковано буржуазным общественым мнением, это — архи-глупость, которая показывает, что люди все время вели стачку, думая не о том, как обеспечить победу своего класса, а о том, как к этому отнесутся — дурно или хорошо — буржуазия и ее газеты. *(Смех).* Мы видели, как около шахтовладельцев об'единилась буржуазия, весь класс, со всей его мощью, со всей его солидарностью и сплоченностью. Мы в то же время видели, что в первый момент борьбы горняков как-будто поддержали Генсовет и другие союзы. Мы видели, как, правда, робко, нерешительно, развертывались силы рабочего класса, как останавливались жизненно необходимые предприятия — электростанции, железные дороги и пр. Мы видели, как без любви вели эту стачку и как

позорно ее закончили в тот момент, когда никаких данных не было к тому, чтобы предполагать, что британский рабочий класс идет к поражению. Теперь целый ряд ответственнейших товарищей утверждает, что заявления, будто на восьмой день забастовки среди бастующих появились перебежчики и штрейкбрехеры, есть злостная клевета на британских рабочих, которые проявляли небывалое мужество, солидарность и энтузиазм в этой борьбе.

Почему была окончена всеобщая забастовка? Вот первый вопрос, на который должны ответить вожди забастовки на происходящем конгрессе британских тред-юнионов. После об'явленного шахтовладельцами локаута началась всеобщая стачка, которая была позорно прекращена на девятый день. Разве на девятый день разрешение этого конфликта продвинулось хотя бы на воробьиный нос вперед? — Нет, не продвинулось. Что-то, кто-то, кому-то и где-то говорил, и на этом основании ликвидируется развертывающаяся борьба и бросаются на произвол судьбы горняков. Видите ли, сэр Самуэль [180]) что-то очень важно обещал мистеру Пью [278]) и т. д., потом он заявил, что он не говорил, а если и говорил, то не имел на то полномочий,— и на основании этих разговоров бесславно кончили величайшую в мире забастовку [180]). Где тот об'ективный фактор, который давал основание полагать, что всеобщая стачка или «национальная», как они ее называют, обречена на поражение? Почему они ее кончили? Улучшилось ли через 9 дней положение горняков? — Нет, не улучшилось, не улучшилось оно и до настоящего момента, после четырех с лишним месяцев героической борьбы горняков. Почему же она окончилась, почему не была разрешена задача помощи горнякам? Почему горняки одиноки в борьбе в настоящий момент и как помочь горнякам? Вот второй важнейший, роковой вопрос, который должен встать перед всем британским рабочим классом и его конгрессом, в первую голову.

На самом деле. Горняки, всеми позорно покинутые, четыре месяца ведут героическую борьбу, испытывая отчаянную нужду. Попробуйте существовать на то пособие, которое получает бастующий в течение четырех с лишним месяцев горняк, принимая во внимание привычный, экономический и культурный уровень жизни английского рабочего [180]). Нельзя считать, что английский рабочий на деле одно и то же, что и наш русский рабочий. Его привычный,

экономический и культурный уровень гораздо выше, чем у нашего рабочего. Английский рабочий до сих пор был наилучше оплачиваемым рабочим. Принимая во внимание этот уровень, бастовать четыре месяца на те 18 пенсов *) в неделю, которые они в среднем получают, это означает — массу страданий и мучений. Как же помочь горнякам? Вот вопрос, который должен встать перед конгрессом тред-юнионов.

Вожди британского тред-юнионизма перед началом конфликта в горной промышленности заявляли, что они понимают, что нападение на горняков есть начало нападения на весь рабочий класс Англии, на его экономические завоевания, говорили, что понижение жизненного уровня горняков есть начало борьбы за понижение жизненного уровня всех английских рабочих.

Мы это предсказывали и, выступая по вашему поручению на конгрессе в Гулле, я указал английским рабочим, что план Дауэса [193]), в первую очередь ударит по голове немецкого рабочего, а потом через некоторое время и английского, что это есть палка о двух концах, которая, понизив жизненный уровень одного, потом отраженно ударит и по другому. Это мое заявление, которое тогда считали политической агитацией, как вы теперь видите, сбылось целиком и полностью. Нападение на горняков есть нападение на весь английский рабочий класс; горняки лишь первые принимают удар, фактически ведя борьбу против снижения жизненного уровня всех английских рабочих.

Понимают ли это сейчас вожди британского тред-юнионизма или не понимают? Если они это понимают, то можно ли с точки зрения интересов рабочего класса, с точки зрения очередных задач классовой борьбы оставить горняков одиноко бороться, при наличии ввоза штрейкбрехерского угля, перевозки его по британским железным дорогам, разгрузки его в английских портах и т. д., можно ли с этим мириться?

Тут идет ссылка со стороны Генсовета (это было на Англо-Русском Комитете [228]) в Берлине) на то, что они не могли сейчас позвать рабочих на более активную помощь, на борьбу, потому что в силу этой стачки, в силу недостатка угля, в силу

*) 1 фунт стерлингов равняется 20 шиллингам (1 шиллинг = 12 пенсам, или около 48 коп.; пенс, следовательно, равняется почти 4 коп.).

развертывающегося кризиса, свыше 50% английских рабочих либо совсем не работают, либо работают неполное время, имеют сокращенный рабочий день.

Этот довод говорит против вождей британского тред-юнионизма. Конечно, они перед широкой массой рабочих говорят: «вот, смотрите, горняки, продолжая бастовать, не подчиняясь Генеральному Совету, лишая топлива английскую промышленность, вызывают остановку предприятий и тем самым ставят в тяжелое положение рабочих других отраслей промышленности. Таким образом, горняки, борясь за свои экономические интересы, ставят сотни тысяч английских рабочих в тягчайшее положение». Такие речи раздаются сейчас в Англии. Но это глубоко неверно, это наглое искажение действительности, ведь дело не так обстоит, а как раз наоборот. Перед британским тред-юнионизмом стала проблема — либо отразить первую атаку капитала в бою с горняками, отразить как следует, и если драться, то драться до конца, как говорили рабочие в Гулле. Драться,— не считаясь с тем, что придется задеть локтем конституцию, парламент и т. д., а, может быть, по ним-то как раз и нужно было бы в первую очередь ударить? *(Аплодисменты).*

Плоха та драка, плох тот бой, плохо то сражение, в которых дерущиеся первым делом боятся как бы не разбить стекла,— из такой драки ничего не выйдет, а вожди Генсовета именно так вели бой. Что это за драка?!

На самом деле, на конфликте горняков нужно было дать генеральное классовое сражение и, может быть, с большими страданиями, с большими лишениями, но привести британский рабочий класс к победе, отбить основную, первую лобовую генеральную атаку капитала. Этого требовали интересы всех рабочих Англии.

Со страданиями и лишениями? — Да: со страданиями и лишениями. А разве мы Октябрьскую революцию [94]) проводили без лишений, без страданий, без жертв? Разве где-либо главнейшие экономические завоевания рабочих давались без страданий, без борьбы, без лишений? Пусть бы эта стачка продолжалась месяцы, но вопрос о соотношении сил между трудом и капиталом был бы, несомненно, разрешен положительно для рабочих, и это предохранило бы английских пролетариев от будущих страданий и лишений. Один из мотивов, выдвигаемых вождями британского

тред-юнионизма в оправдание прекращения всеобщей стачки, таков,— что это было сделано для избавления сотен тысяч рабочих от страданий и лишений. А разве они этого добились? Нет, не добились потому, что страдания и лишения только начинаются и усиливаются, и впереди перед ослабленными британскими рабочими стоит ряд очередных наступлений капитала по всей линии. Вот что значит для рабочего класса Англии проиграть стачку шахтеров.

Консерваторы преподали английским рабочим прекрасный урок по вопросу, что такое «конституция», что такое «демократия». В разгаре битвы шахтовладельцев с горняками по вопросу о рабочем дне, о договоре, о сокращении зарплаты, правительство выступает в роли мудрого Соломона и так же, как Соломон предложил разрубить младенца,— так оно разрубает вопрос о рабочем дне — оно издает декрет об отмене 7-часового рабочего дня в шахтах.

Вот вам и «конституция»! И после этого люди говорят, что мы политической борьбы не хотим, что мы против политической борьбы и что это есть всего только экономический конфликт! Классовая борьба есть борьба политическая и в то же время это есть экономическая борьба. Мы говорили английским тред-юнионам в своем докладе на Англо-Русской конференции, и они не возражали тогда, что невиданно, немыслимо и глупо думать, что может быть экономическое наступление капитала, которое не сопровождалось бы и политическим выступлением и что будто бы стоящий у власти класс может наступать экономически, ничем не поддерживая свое наступление политически. Извините, этого не может быть. Мы по своему опыту знаем, что когда мы экономически наступали на буржуазию, отбирали у нее фабрики и заводы, отбирали у помещиков землю, то посылали красноармейцев и сопротивляющихся сажали [94]), издавали жесткие декреты, а если бы мы попробовали не выступать политически, то они расколотили бы нас и земли, фабрики и заводы не отдали бы. Это была экономическая борьба или политическая? Нельзя говорить, что это была только экономическая борьба, что мы отбирали только фабрики и заводы, а политики у нас не было никакой.

Стачка, которую мужественно ведут покинутые всеми одинокие горняки Англии, это есть бой, в котором решается вопрос, —

пригнет ли капитал рабочих, поставит ли он на колени сначала самых стойких и решительных бойцов, а затем и все британское рабочее движение и будет предписывать ему везде и всюду все, что ему нравится, или горняки, поддержанные всем рабочим классом, сумеют отбить это наступление. Окончательная победоносная борьба против капитала и его наступления в Англии, конечно, немыслима при консервативном правительстве. При господстве консерваторов, при диктатуре буржуазии, победоносно и окончательно вести борьбу против наступления капитала на завоевания рабочих абсолютно невозможно. Первая проблема, первый вопрос, который стоит теперь перед английскими рабочими, это — вопрос о власти в русской его постановке. Вопрос о замене буржуазного правительства таким рабочим правительством, которое бы действительно обеспечило национализацию шахт и не вело бы такой болтовни, какая сейчас ведется на конгрессе, какая велась в позапрошлом году Макдональдом, который тогда был главой правительства [67]). Тогда он говорил, что принципиально не возражает против национализации шахт, но не отложить ли решение этого вопроса годика на два, т.-е. до того времени, когда Макдональда не будет в правительстве! Вопрос о горняках в том виде, в каком он стоит перед британским рабочим классом,— основной вопрос который должен быть поставлен во главу угла всей работы конгресса, в развернутом виде он ставит перед рабочим классом Англии проблему власти.

«Каин, где брат твой Авель?» — «Генсовет, что сделал ты до сих пор для поддержки горняков, почему они одиноки, и что предлагаешь английским рабочим делать дальше?» — вот что должен спросить конгресс у вождей Генсовета. Однако, напрасно вы стали бы искать в порядке дня конгресса [807]) хотя бы один из этих вопросов. Таких вопросов в порядке дня конгресса вы не найдете. Там есть вопросы о производственных союзах, о расширении прав Генсовета, вопрос о помощи безработным, о борьбе с безработицей и пр. Там много есть таких вопросов, которые всегда были и будут очень важны — и три года тому назад и через несколько лет, которые одинаково важны в Англии, Германии и у нас. Если в Аргентине будет конгресс, то и там эти вопросы можно поставить. Но отчета о стачке горняков и вопроса о том, как помочь борющимся рабочим, которые одни на колоссальном

фронте борются за интересы всего рабочего класса, и не только английского, но и международного,— этого нет. Изображать английскую забастовку, как узко-национальный вопрос, не связанный со всей международной борьбой рабочих, со всей тенденцией современного капитала, — это значит ничего не понимать и дальше своей Англии или, вернее, дальше своего кабинета ничего не видеть. Все разговоры о международных задачах и о всей международной деятельности при таких условиях, при таком подходе, не стоят выеденного яйца. Разве мы не говорили с первого дня встречи с представителями британского тред-юнионизма и разве мы не убедили их в том, что наступление капитала есть явление международное, вытекающее из всего положения хозяйства послевоенного периода, всей новой фазы развития капитализма? Разве не ясно для каждого, что наступление капитала на рабочий класс, на его завоевания, есть попытка буржуазии ответить на вопрос о том, за чей счет восстанавливать разрушенные войной производительные силы — за счет ли буржуазии, или за счет рабочих. Буржуазия хочет эти расходы переложить исключительно на плечи рабочих. Отсюда буржуазная постановка вопроса о рационализации [312]), уплотнении рабочего дня, об удешевлении себестоимости в смысле удлинения рабочего дня, его интенсификации, более дешевой оплаты «равнением по национальному индексу», о чем я позволю себе еще потом сказать несколько слов. Куда бы вы ни посмотрели, это происходит везде — в Германии, во Франции, в Англии, в одних странах более ярко, в других более затушеванно. Как-будто в первое время это шло мимо Англии и мало ее касалось. Теперь наиболее ярко и классически последовательно наступление капитала проявилось и разразилось в стране классического капитализма — в Англии. Не понимать, — что это движение международное, не понимать того, что когда рабочий класс какой-нибудь страны становится лицом против враждебного класса, то он должен быть связан со всем международным рабочим движением, что такая борьба, что такой натиск капитала могут быть выдержаны только при поддержке миллионов и десятков миллионов рабочих других стран, не понимать этого, значит — либо быть абсолютно глупым и бояться взглянуть правде в глаза, либо сознательно, из трусости плестись в хвосте буржуазии. Что́ кому лучше нравится, пусть тот то и выбирает.

Вопрос о жизненном уровне рабочих Англии в значительной степени зависит от существующего жизненного уровня рабочих Германии. На мировом рынке английские капиталисты конкурируют с немецким и американским углем. Трудность в этой конкуренции заставляет английский капитал понижать жизненный уровень своих рабочих, так как немецкий уголь дешевле потому, что оплата немецких рабочих ниже, их рабочий день длиннее. Разве это вопрос не международный? Именно потому, что этот вопрос имеет глубоко международный характер, что он определяет направление всего международного рабочего движения, всю борьбу против наступления капитала, именно потому, что здесь, на этом участке пролетарского фронта, решается важный вопрос борьбы труда с капиталом, борьбы против наступления капитала на рабочий класс, именно поэтому мы, профсоюзы СССР, не могли пройти мимо английской забастовки, не могли не «вмешаться» в эту борьбу.

Здесь я подхожу к вопросу о том, как квалифицируют вожди британского тред-юнионизма наше «вмешательство в английские дела» [228]). Они очень возмущены. Это возмущение широко разливается по всей буржуазной британской прессе, которая гудит о том, что русские позволяют себе вмешиваться в английские дела. Это летучее словечко подхватывается всей западно-европейской реформистской печатью. Я позволю себе в нескольких словах затронуть вопрос об этом «вмешательстве» в английские дела. Мы не могли, конечно, смотреть на всеобщую забастовку в Англии как на чисто «национальное» явление, как на «национальную» стачку. Мы понимали и понимаем глубокое международное значение борьбы, развернувшейся и продолжающейся в Англии, и поэтому мы принуждены были, считали себя обязанными, как они это называют, «вмешаться» в их дела. Это «вмешательство» выразилось, во-первых, в том, что с первых же дней стачки мы призвали свыше восьми тысяч наших транспортников, занятых погрузкой нефти для Англии, к забастовке солидарности [276]), что было безоговорочно ими выполнено. Они бастовали в течение всего периода всеобщей стачки и продолжали бастовать еще тогда, когда всеобщая забастовка была уже ликвидирована и английские моряки и железнодорожники стали возить уголь. Это первый пример нашего «вмешательства» в борьбу

английских рабочих с английскими капиталистами. Второй факт «вмешательства» заключается в том, что мы призвали всех членов наших профсоюзов отчислить четверть дневной зарплаты для поддержки английской забастовки и перевели несколько миллионов рублей для той же цели. Рассматривая это, как «вмешательство» в их внутренние дела, вожди стачки, в лице Генсовета, отказались от этой помощи. Стачка была позорно провалена, иначе этого назвать нельзя, ибо разве так кончаются стачки? Как началась стачка? Она началась с призыва Генсовета к рабочим: «в такие-то часы бросайте работу». Люди бросают работу и начинают бастовать. Кончилась она также после призыва: «в такие-то часы вставайте на работу». Люди идут на работу и спрашивают — а на каких условиях? А им отвечают — «это уж ваше дело». Тут-то и начали промышленники прописывать рабочим условия [180]). Разве это называется правильным окончанием стачки? Это значит сбежать от руководства, струсить, бросить на произвол судьбы всех вызванных на борьбу рабочих, предательски покинуть горняков. Что же это значит? Разве когда горит корабль, капитан кричит: «спасайся, кто может»? Горняки были поставлены в положение такого пассажира, который спрашивает капитана: «а кто не может спастись, что тому делать?» *(Смех)*. Что же делать тем, которые не могли спастись? Разве это называется руководством, правильным окончанием стачки? Это значит провалить стачку.

Отбросим все политические соображения, отбросим все и подойдем к ней только как профессионалисты. Спросим себя — каков долг вождя стачки? — Если ты начал стачку, то должен как следует довести её до конца, должен организованно окончить. Если ты выводишь рабочих на стачку, то скажи, на каких условиях они могут обратно стать на работу. А вожди Генсовета вывели на бой британских рабочих и затем сказали: «а теперь идите на работу».— «А на каких условиях? Примут ли нас на работу?» — «А это дело не наше! Мы руководили, а теперь вы можете делать, что хотите». Элементарные правила профессионализма говорят другое.

Могли ли мы пройти мимо таких фактов? Могли ли мы воздержаться, чтобы не сказать русским и английским рабочим, не сказать всем рабочим вообще, что мы думаем об этом? Вот

следующий акт нашего «вмешательства». В декларации, принятой Пленумом ВЦСПС [228]), которая известна всем здесь присутствующим и которая, я уверен, будет известна и членам конгресса тред-юнионов и всем членам Генсовета, мы дали должную оценку всей стачке и поведения вождей. Могли ли мы тогда поступить иначе? Нет, не могли. Когда мы видели, что решается величайшей важности вопрос, вопрос, имеющий большое международное значение, когда мы ясно видели, что в происходящей схватке труда с капиталом интересы рабочих позорно предаются, что вожди не выполняют своей роли, не выполняют принятых на себя обязательств,— мы считали своим долгом сказать то, что мы об этом думаем. Со стороны Генсовета раздаются протесты: — «как же это так, находясь с нами в братском союзе, в одном Англо-Русском Комитете, вы вдруг взяли и изругали нас в таком тоне. Но, по-нашему мнению, тон — дело второстепенное. Мы народ такой, что вообще за тоном не гонимся. *(Смех)*. Когда и нас не «в тон» критикуют, мы не сердимся. Мы полагали, что в отношениях между рабочими организациями тон роли не играет, а играет роль сущность. В дипломатии тон играет роль, а между рабочими организациями — какой тут тон? Немножко крепче, немножко слабее, при чем тут тон?! *(Смех, аплодисменты)*. Мы, считаем, что наша связь с английскими рабочими должна заключаться не в том, что Персель [87]) протягивает руку Томскому, снимается с ним вместе на фотографии, что они вместе сидят за обеденным столом и друг другу речи говорят. Разве в этом заключается наша связь с английскими рабочими? Разве братский союз между рабочими СССР и Англии, олицетворяемый Англо-Русским Комитетом, есть союз вождей? Да гроша медного не стоят блюки Перселя с Томским! Разве в этом заключается дружба рабочих России и Англии? Да каждый из нас может себе набрать десяток друзей, которые будут не хуже Перселя и Томского. Вопрос заключается в братском, пролетарском союзе между английскими и русскими рабочими. Мы по простоте душевной, со свойственной нам экспансивностью, понимаем братский союз таким образом, что если тебя бьют, я тебе помогу, и наоборот. Если ты дерешься, я тебе обязан помогать, а если плохо дерешься, я тебе так и скажу, что плохо, брат, действуешь... *(Аплодисменты)*. А что это будет за братский союз, если в тот момент, когда тебя схватят за горло,

я буду «сочувствовать»: «бедный брат мой, как мне тебя жалко!» *(Смех, аплодисменты)*. Или возьмем и вынесем резолюцию: «преисполненные горячей симпатией к героической борьбе и т. д.», но этим ограничимся и... пойдем по домам. *(Смех, аплодисменты)*. Это будет не братский союз. Это будет союз дипломатического типа. С'езжаются дипломаты на конференцию, друг друга называют представителями великих держав, и т. д., а потихоньку пушки льют, совершенствуют динамит и т. п. Мы всегда понимаем братский союз, как братский союз, драться, так драться вместе. Тебя бьют, мы должны помочь. Ты страдаешь, мы принимаем часть страданий на себя. Плохо дерешься, мы говорим, что плохо, дерись крепче. Мы имеем право это сказать, ибо мы хотим разделить твою победу и твое поражение. Вот, что такое братский союз! А как же иначе это понимать? И вот, именно поэтому, в силу такого понимания «братского союза», мы считали и считаем своим правом и обязанностью помочь английским рабочим в их борьбе. Но в то же время считаем себя в праве критиковать ошибки их вождей, предоставляя и им полное право критиковать нас, не стесняясь в тоне. На полтона выше, на полтона ниже — это значения не имеет. *(Смех, аплодисменты)*.

Вот в конце этого года будет наш очередной VII С'езд Профсоюзов СССР [313]), на который мы приглашаем представителей британского профдвижения. Мы даем им полную возможность приехать и заранее предоставляем им полную свободу критики. Критикуйте себе сколько хотите и по одиночке и хором, как хотите и в каких хотите тонах! *(Аплодисменты)*. Мы не боимся критики. Потому, что мы за каждый свой шаг, за каждый свой поступок будем отчитываться на с'ездах, на широких рабочих собраниях, потому, что за каждый свой шаг мы отвечаем перед об'единенными нами рабочими массами. Мы согласны отчитаться и поставить в порядок дня нашего с'езда все, что бы они ни потребовали. Пускай они предложат нам иной порядок дня, нежели тот, который мы наметили, и мы его обсудим. У нас ничто не прячется «по карманам», а у них почему-то из порядка дня конгресса выпадают два таких «мелких вопроса», как вопрос о всеобщей стачке и о помощи горнякам. Наша, правда, резкая декларация [228]), направленная против деятельности вождей Генсовета во время стачки, рассматривается ими, как акт «вмешательства» в их внутренние

дела. Правильно это или нет? — Нет, неправильно, ибо по их мнению братский союз означает, что если один вождь делает ошибку, совершает прямое предательство рабочих интересов, то — во имя «братского союза» — другой не смеет пикнуть.

Вот, что по-ихнему значит братский союз! Такого союза мы не хотим и не примем. Мы не можем отказаться от права критики, отказаться от права сказать правду рабочим, и мы никогда от этого не откажемся. Я не стану вам рассказывать,— мне об этом приходилось неоднократно говорить,— о том положении, в котором находились и находятся горняки. Тяжесть их положения очевидна для всякого пролетария. Я перейду дальше к нашим взаимоотношениям с Генсоветом, как они сложились после всеобщей стачки.

Наши представители встретились с представителями Генсовета на парижском совещании Англо-Русского Комитета [228]). Там мы потребовали поставить в повестку дня заседания АРК первым и основным вопросом — вопрос о помощи горнякам. Англичане потребовали, чтобы наши представители отказались от той декларации, которую принял ВЦСПС, считая ее оскорбительной для Генерального Совета. Представители британского Генерального Совета отклонили предложения наших уполномоченных о том, чтобы поставить первым пунктом порядка дня вопрос о помощи горнякам. Наши представители отклонили,— и правильно сделали,— вопрос об обсуждении декларации ВЦСПС, т.-е. декларации, которую принял Пленум ВЦСПС.

Странная логика была проявлена здесь представителями Генерального Совета. Когда мы приняли декларацию, оценивающую их конкретные поступки, они рассматривают это как вмешательство в их внутренние дела, а когда они предлагают отменить вынесенное высшим органом нашего профдвижения решение, то это не вмешательство в наши дела! Мы вынесли решение, и они нам предлагают его отменить, говоря, что это не есть вмешательство, а когда мы вынесли наше решение, то это есть, по их мнению, вмешательство. А мы думаем, что это и есть вмешательство в наши дела, попытка диктовать нам свои условия. Мы правильно отвергли их предложение, ибо, повторяю, от права критики мы не отказываемся и не откажемся. Первая сессия Англо-Русского Комитета так и раз'ехалась, ничего не решив.

Через некоторое время в Берлине открылась вторая сессия [228]), на которой наши представители снова настаивали, чтобы в первую очередь был рассмотрен вопрос о помощи горнякам. Ставить или не ставить в порядок дня этот вопрос,— в связи с этим шли долгие прения. В течение полутора суток англичане оспаривали необходимость постановки этого вопроса, а наши представители убеждали их поставить его первым в порядок дня, и когда, наконец, этот вопрос был поставлен и наши представители внесли ряд предложений, по нашему мнению, предложений очень практических, то им ответили дипломатически, что эти решения неосуществимы, это, во-первых, и что, во-вторых, все они уже обсуждались и в значительной своей части уже приняты. Где же тут логика? Я ее не вижу. Это напоминает мне человека, который говорит: во-первых,— я не пью, во-вторых,— рано, а в-третьих — я уже выпил. Во-первых, эти решения как непрактичные не следует обсуждать, во-вторых, мы их обсуждали и, в-третьих, мы их частично приняли. И целиком, без обсуждения по пунктам, предложения нашей делегации были ими отвергнуты!

Так как комитет является не решающим, а совещательным органом, так как он является совещательным органом двух сторон, в котором вопросы решаются их соглашением, то наши предложения остались не проведенными в жизнь. Я спрашиваю: правильно ли сделал Генеральный Совет и его представители на заседании Англо-Русского Комитета, отвергнув без обсуждения предложения наших представителей о помощи горнякам? Как-будто бы по этому поводу конгресс должен сказать хотя бы одно слово, но вряд ли этот вопрос был даже поставлен на нем, а между тем эти «неделовые» предложения сводились к такому важнейшему вопросу, как призыв ко всем рабочим об однопроцентном отчислении с заработка на все время стачки горняков. Если бы это предложение было осуществлено, тогда мы посмотрели бы кто выдержит — горняки или шахтовладельцы, ибо если положение горняков сейчас признается тяжелым, если сейчас в рядах горняков наблюдаются колебания, а это об'ясняется тем, что они истощены борьбой и, быть может, доведены до последней крайности,— то и положение шахтовладельцев и правительства не блестяще. Сентябрь является главным месяцем заготовок угля на весь год. Вы понимаете, что это значит. Если это время будет прозевано, тогда

положение противной стороны тоже будет плохо. Там тоже есть слабая ниточка. Такая забастовочка каждый день стоит десяточки миллионов. И если бы при этом английские рабочие действительно имели солидную международную помощь, то разве их положение было бы таким, как теперь? Да, если бы, например, не было той поддержки, какую мы оказали английским горнякам, разве они находились бы даже в таком положении, как сейчас? Разве в таких условиях наше предложение об 1% отчислении со всех рабочих на все время стачки горняков является плохим, неосуществимым предложением? После того как они это предложение отвергли, мы обратились с ним к рабочим СССР и получили со всех сторон телеграммы о том, что рабочие согласны отчислять 1% в пользу бастующих горняков на все время стачки. Конечно, будут отдельные голоса со стороны, может быть, отдельных, отсталых членов наших профсоюзов, со стороны отдельных несознательных служащих или тех, кто уцелел от старого государственного аппарата со своей старенькой психологией. Сегодня я получил одно такое письмо от какого-то «московского горняка», служащего какого-то синдиката. *(Аплодисменты, смех).* Конечно, будут раздаваться у нас и такие голоса, но в целом наши профорганизации и члены наших союзов,— мы в этом не сомневаемся,— ответят на этот вопрос положительно и скажут, что это самая практическая, самая правильная постановка вопроса. *(Аплодисменты).* Конечно, могут раздаться голоса по старой формуле о том, что, дескать, что русскому здорово, то англичанину смерть. Извините, это не так!

Бывшая у нас в 1924 году английская делегация [218]) говорила: все у них очень хорошо, только методы, которые применяли русские рабочие для свержения капитализма, годны для России, а для Англии они не годятся. Как же это так? Почему эти методы братской помощи, которую оказывают рабочие СССР углекопам, для России годятся, а для Англии или Германии не годятся? Почему? Потому ли, что там рабочие лучше зарабатывают или потому, что они культурнее? Почему эти методы не годятся? Я думаю потому, что у них вожди дрянные *(аплодисменты),* которые ведут политику не на об'единение рабочих, не на развитие классовой солидарности, а на разделение их по нациям, по союзам, по цехам, по группам и слишком ласково глядят в глаза хозяевам. Вот почему там не подходят наши методы.

«Вмешательство», которое позволили себе русские рабочие и их союзы сводилось к еще одному, не маленькому предложению, от которого зависит в значительной степени судьба забастовки. Мы предложили поставить вопрос об эмбарго [809]),— о неразгрузке штрейкбрехерского угля, о неперевозке его. Горняки бастуют,— а Генеральный Совет британских тред-юнионов — за забастовку горняков или против этой забастовки? Ясного ответа на этот вопрос мы не имели. Я внимательно просмотрел речь председателя конгресса, в которой он говорит: «если правильно, что может понадобиться выступление всего движения на защиту одной из его частей, то следует признать в такой же мере бесспорным, что нельзя ставить интересы какой-либо одной части этого движения выше всего движения в целом». По-нашему, это положение абсолютно правильное. Но дело-то в том, что интересы целого защищают горняки, интересы целого решаются на фронте горняков и никуда от этого не убежишь. Здесь решается судьба всего движения, и все движение должно поэтому притти на помощь этой одной своей части. А его формула как-будто направлена к тому, что горняки должны принести себя в жертву всем остальным, что интересы рабочих Британии, мол, выиграют, если горняки будут разбиты. Если они сдадут позиции и по всем правилам демократии и конституции согласятся на 8-часовой рабочий день вместо 7-часового, если они откажутся от национального коллективного договора и перейдут к соглашениям по районам (т.-е. окончательно разложат свою федерацию), если они встанут на колени, пойдут на понижение заработной платы — это будет в интересах всего рабочего движения Англии. Этот софизм стоит вне всякой связи с основными задачами всего британского рабочего движения и поэтому получается дипломатия весьма сомнительного качества: «с одной стороны и с другой стороны». Скажите, какие все стали дипломаты! А нельзя ли попроще: вы за горняков или нет? Если да, то чем вы поддержали горняков? Там, на этом участке, решаются вопросы всего британского рабочего движения или не решаются? Я утверждаю, что решаются, и никто не посмеет этого оспаривать.

Говорят, что отказ в визе [807]) Томскому и Мельничанскому, это — пустяки, второстепенный вопрос. С одной стороны, это пустяки, ибо нас не пускали довольно часто, а, с другой,— когда

в то же время дается виза американцам и амстердамцам, то что это значит? Это значит, что контроль над международной политикой британских тред-юнионов принадлежит консервативному правительству и никому другому! Если Генсовету разрешено посылать своих представителей не в те страны, куда он находит нужным, приглашать к себе не тех людей, каких он хочет, а тех, кого хочет правительство, то в чьих руках находится контроль? — В руках консервативного правительства, которое им говорит: «послушайте благочестивого американца, а не Томского, с американцем дружите, ибо у них, с точки зрения буржуазии, самые умные вожди и самое зрелое движение в мире. А вот русских не нужно сюда пускать, без них лучше». От этой истины они хотят отделаться фразой, как отделывался Клайнс [260]) и другие, говоря: «это не либеральный поступок, это нечестная политика со стороны министра внутренних дел». Они захотели в классовой политике буржуазии честности.

Что на самом деле означает отказ нам в визе? Он означает новую пощечину конгрессу тред-юнионов со стороны правительства. «Кого хотим — пускаем, а кого не хотим — не пускаем». «Вам нужно общественное мнение пролетариев, а нам на него наплевать». «Если вам нужно с этим считаться — считайтесь, а мы не считаемся, на кой чорт оно нам нужно?» «Мы побеждаем, а ваше общественное мнение остается общественным мнением». Вот что значит этот акт консервативного правительства. А чем отвечает на это Генсовет? «Мы протестуем». Протестовать можно. Мы, например, протестуем против захвата Индии, но протестуем пассивно, задним числом. В чем выражается пассивный протест? В куске бумаги. Вы возмущены, а что вы потребовали от правительства, что вы сделали, чтобы избавиться от этого контроля, чтобы добиться отмены этого решения правительства. Мы посмотрим, как расценит это конгресс и как он будет на это реагировать. Вот как ставится вопрос, от этого вопроса никак не уйти.

Сейчас в международном рабочем движении ясно намечается борьба двух тенденций, двух направлений. Новые два направления выходят на арену международного рабочего движения — линия американского профдвижения и линия русского профдвижения. Линия американского профдвижения — это есть ультра-реформизм, это такой реформизм, такое соглашательство, которое до сих

пор в Европе не практиковалось и которое только теперь начинает пересаживаться из Америки в Европу. Вторая линия, это — наше революционное классовое движение. Эти две линии сейчас сталкиваются в Западной Европе, и западно-европейским рабочим придется выбирать: за американские ли они методы борьбы и работы, или за русские методы. В чем заключается американский метод? Американский метод заключается в теории освобождения всего рабочего класса и создания социализма при помощи рабочих банков, созданных на средства профсоюзов, на сбережения рабочих. Они говорят, что влияние операций этих рабочих банков на промышленность постепенно приведет рабочий класс к социализму. А покамест лидеры профсоюзов состоят директорами и членами правлений этих банков с соответствующими окладами, приобретают акции, участвуют в биржевой игре и т. д. Покамест, до осуществления социализма, повидимому, им самим живется весьма недурно. На практике получается: рабочий банк, да еще находящийся в зависимости от буржуазии банк, а при нем профсоюз. Устраиваются советы по рационализации производства в роде наших производственных совещаний [255]), представители рабочих и представители администрации в равном количестве собираются и обсуждают, как поднять производительность труда на их предприятии для успешной конкуренции с другими предприятиями. Какая идиллия! Не правда ли, совсем как у нас, только «немного» наоборот?! По-нашему, сначала необходимо взять это предприятие из рук капиталистов, а потом устраивать производственные совещания, а они вперед забежали — сперва производственные совещания, а потом посредством банков, лет через 300, рассчитывают выкупить у буржуазии фабрики и заводы. У них союз частенько выступает в роли приискателя заказов для своего хозяина. Мы это видели. По мнению английской буржуазии, это хорошее профдвижение. Скажите, разве плохо — денег нет — принесет из своего банка, как лучше устроить, как конкурировать — поможет, заказишки нужны — приищут — вот это зрелое профдвижение. Другое дело русские, которые говорят, что профдвижение есть движение классовое, что экономическая борьба не отделена китайской стеной от политической и что в известной стадии политика и экономика сливаются. Больше того, они говорят, что задача профдвижения и всего рабочего класса — вышибить орудия угнетения из рук

класса угнетателя, вышибить всю государственную машину из рук класса капиталистов, взять фабрики, земли, банки в руки рабочего класса.

Вот вам две «тенденции» в международном рабочем движении. Для капиталистов не безразлично, какая из этих тенденций победит. Отказ нам в визе, это есть фактическая помощь реформистскому движению со стороны буржуазного правительства Англии. Все это должен понять английский рабочий класс.

Теперь я коснусь еще одного вопроса, от которого я отошел и который, по моему мнению, должен был бы решить конгресс британских тред-юнионов. Так как борьба горняков есть война на общем фронте борьбы рабочего класса с капиталом, то главный вопрос — как помочь горнякам. Первый акт помощи, это — *застраховать углекопов от ввоза и перевозки штрейкбрехерского угля.* Нами было выдвинуто это в наших предложениях Англо-Русскому Комитету и нам ответили, что это невозможно, потому что 50% рабочих Англии находятся в связи со стачкой горняков в тяжелом положении. Но мы думаем, что они будут находиться в еще более тяжелом положении, если проиграют горняки. Неужели вы думаете, что после поражения горняков, после того как буржуазия дала пинок всему британскому рабочему движению, удлинив рабочий день, дала пинок, сказав: «этих пущу, а этих не пущу» и т. д., неужели вы полагаете, что после этого будут считаться с рабочим классом? После этого будет ли хоть одна группа капиталистов считаться с тред-юнионизмом и бояться его? — Конечно, нет? И кто говорит иначе — тот говорит вздор. С поражением горняков политический и экономический удельный вес тред-юнионизма колоссально падает.

Перед рабочим движением Британии стоит во весь рост вопрос о том — принять или не принять последний бой. Решительный момент борьбы наступил, и британские рабочие профсоюзы должны сказать — дадут ли они бой на последних позициях или нет. Если бы вожди хотели исправить свои ошибки, часть которых они, возможно, признают, то они должны были бы призвать британских рабочих дать этот последний бой. Как бы тяжело это ни было, но последний бой, дружный бой, путем об'явления эмбарго [309]) должен быть дан. Это могло бы быть реальной решающей поддержкой бастующих горняков. Способен ли на это конгресс? — Посмотрим.

Я не могу пройти мимо чрезвычайно «мудрой» речи председателя конгресса британских тред-юнионов, мистера Пью [278]). Речь председателя конгресса является программой, дающей тон всему конгрессу, ибо председателя конгресса избирают не на том конгрессе, на котором он председательствует, а на предыдущем. (Так, например, на этом конгрессе будет избран председатель будущего конгресса. В Скарборо был избран мистер Пью, который председательствует на этом конгрессе в Борнемуте). По традиции, конгресс начинается с программной речи председателя. Что же мы видим в речи председателя? Он сперва раз'яснил то, чего я уже касался, — что забастовка была не всеобщей, а «национальной». Дальше он заявил, что нужно к этому вопросу подходить спокойно, что рабочие должны запомнить урок, который дан им правительством консерваторов. Как-будто хорошие слова. Дальше он сказал, что этот урок нужно учесть при будущих выборах в парламент, это — уже совсем никудышные слова. Единственный вывод, который должны сделать английские рабочие, это — тот, что пока власть находится в руках класса капиталистов, пока существует буржуазная демократия с ее парламентаризмом, с ее конституцией, используемой для надувательства рабочих, с ее «свободной» продажной прессой, находящейся в руках капиталистов, до тех пор мало чего они добьются. Всякий парламентаризм [2]), всякая конституция есть орудие надувательства рабочих и орудие угнетения рабочих, обеспечивающее господство и диктатуру класса капиталистов. Вот какой вывод должны сделать, по моему мнению и по мнению, вероятно, большинства здесь присутствующих, английские рабочие из тех уроков, которые они получили. Правда, многие деятели английского профдвижения думают, — да, у русских свои методы, но ведь они и живут на границе между Европой и Азией, нечто в роде Евразии, у них свои методы, а мы должны привести рабочих к победе через парламентскую демократию. Есть такие люди, которые думают, что в один прекрасный день — при существующем буржуазном избирательном аппарате, при системе подкупа избирателей, при системе, когда голосовать развозят на автомобилях, при системе оплаты за голос, угощения пивом избирателей и прочее,— в один прекрасный день пролетариат победит на выборах и окажется в парламенте в большинстве. Тогда, по их мнению, путем голосования рабочие постановят, что все банки,

фабрики, заводы и дома должны перейти в общественную собственность и что собственность на орудия производства отменяется. Тогда, вероятно, капиталисты будут вносить «поправки», которые будут отвергнуты. После принятия решения капиталисты уйдут с фабрик, и социализм таким образом будет готов. На самом деле, мы видим, как буржуазия умеет драться во время забастовки. Мы видим, какую энергию проявили ее сынки и, наконец, по опыту русской революции мы знаем, что таким образом буржуазия не отдаст награбленного ею. Ведь у нас во время революции, кроме бюллетеней, действовали пулеметы. Пулеметами мы взяли фабрики и заводы, иначе их не отдавали. А когда уже взяли, то капиталисты несколько раз пытались вернуть их себе, подняв для этого против нас полмира [29]). Разве бюллетенями что сделаешь? Если кому-либо из представителей английских тред-юнионов когда-нибудь захочется спросить любого рабочего и любую работницу Москвы, Иваново-Вознесенска и т. д. о том, как можно взять фабрики и заводы из рук капиталистов, те им ответят, что парламентаризмом, опусканием бюллетеней в кружки, голосованием, этого сделать нельзя!

Дальше продолжаются все те же оправдания, все тот же жалкий лепет председателя конгресса по вопросу — были ли во время стачки попытки парализовать жизнь страны. — «Не было,— говорит Пью,— это была только «национальная» стачка». Люди остановили железнодорожный и автомобильный транспорт, остановили электрические станции и в это время говорят консерваторам: «только не думайте, пожалуйста, что у нас попытки парализовать жизнь страны, все это делается просто так. А то, что вы — консерваторы — делаете, это тоже просто так, это ни в коем случае не политическая, это — экономическая борьба». Разве это не похоже на такую постановку вопроса: «ты не обращай внимание на то, что я делаю, а мы не будем замечать твоих прегрешений». Разве этот тон достоин руководителей, вождей рабочего движения? Пусть кто-нибудь из вас скажет — могут ли такие вожди вести рабочий класс к победе? — Нет, не могут; вот вывод, который должен сделать английский рабочий. «Иди по следам наших традиций,— сказал председатель Генсовета конгрессу,— ибо 58 лет тому назад первый конгресс, тоже находясь в трудном положении, проявил максимум уравновешенности и рассудительности, так и ты,—

сказал он,— тоже действуй так, чтобы было по традиции, как было 58 лет тому назад, будь спокоен и благоразумен». А это значит: забудь империалистическую войну [24]), забудь, что капитал ведет на тебя наступление [123]), перелагая на рабочих издержки этой преступной, разбойнической войны, забудь, что была всеобщая забастовка [228]), во время которой рабочих били палками по голове, забудь, что голодают горняки, забудь о том, что дети горняков, в связи с 4½-месячной забастовкой, уходят в могилу в силу недоеданий, забудь все это — и как было 58 лет тому назад «спокойно и разумно» занимайся очередными мелкими вопросами. Могут ли такие вожди привести рабочих к победе? — Не могут! Они говорят, что в борьбе между углекопами и шахтовладельцами только церковники [314]), попы, по-русскому сказать, и Генсовет выступали в роли посредников,— недурная кампания!.. *(Смех)*. Они боятся, что британский рабочий начинает понимать свои классовые интересы, начинает интересоваться наступлением буржуазии. Это не шутка. Британский рабочий начинает понимать, быть может, еще недостаточно отчетливо, что пока власть находится в руках буржуазии, что пока существует правительство господ, правительство шахтовладельцев, судовладельцев, помещиков, банкиров,— до тех пор будут существовать войны, до тех пор рабочий класс будет угнетен, до тех пор будет продолжаться борьба за понижение его жизненного уровня, до тех пор будет продолжаться нынешняя политика капиталистов, политика равнения рабочих, похуже оплачиваемых. Сегодня мы видим, как британские капиталисты хотят приравнять жизненный уровень английских рабочих к уровню немецких рабочих, и если вожди западно-европейского рабочего движения будут себя вести так, как они ведут сейчас, то мы в ближайшее время увидим, как жизненный уровень немецких и французских рабочих начнут равнять по жизненному уровню китайских и индусских, — таков идеал капитализма.

Не так давно была забастовка на одной из текстильных фабрик Китая, рабочим которой мы с вами помогали, ибо мы будем помогать всем тем, кому помогали и раньше, кого капитал схватит за горло. *(Аплодисменты)*. Эта забастовка велась за отмену существующих на текстильной фабрике Китая, построенной по последнему слову техники, телесных наказаний [101]). Машины и все оборудование по последнему слову техники, и рядом с этим

телесные наказания и нищенская зарплата. Вот идеал капиталистов, вот их система! Рабочие начинают это понимать, начинают понимать, что система, которая сейчас предлагается их вождями, система расшаркивания перед господами, сидящими сейчас в парламенте, перед буржуазной прессой — есть никудышная система, никудышная политика. Рабочий класс выбирает своих лидеров не для того, чтобы они посредничали,— посредники найдутся, либеральные адвокаты посредничеством занимаются,— лидеры, вожди выбираются для того, чтобы они боролись за интересы своего класса.

Английская буржуазия, когда в свое время рассматривался вопрос о столкновениях в американских водах с английским флотом, когда стали обсуждать — правы англичане или нет, сказала,— если мне память не изменяет, это сказал знаменитый Питт [315]) — «правы или виноваты, но они наши». Вот как буржуазия понимает свои интересы. И вот, когда теперь идет вопрос о горняках — правы они или нет,— мы должны сказать — «они наши, вот и все». Всегда там, где борются рабочие, задачей лидеров является стать во главе этой борьбы, помочь ей, отстаивать целиком и полностью классовые интересы рабочего, и это должен был делать Генсовет. Но он выступает посредником вместе с попами,— в чем же? — в борьбе рабочих углекопов с шахтовладельцами. И это в тот момент, когда горняки кругом правы, когда они сейчас ведут борьбу за весь английский рабочий класс против общих тенденций понизить жизненный уровень рабочих. Они говорят, что они выступили посредниками, чтобы доставить рабочим почетные условия мира. Почетные условия для рабочих будут тогда, когда они возьмут капиталиста за горло, прижмут его коленкой в грудь — вот тогда будут почетные условия!

Предостерегая консерваторов от дальнейших нападений на тред-юнионы, председатель конгресса, Пью [278]), говорит, что тред-юнионы потому должны существовать, что они вошли «в систему современного строя наравне с судами и парламентом». Вот это именно и есть идеал буржуазии — чтобы тред-юнионы были такими же послушными её орудиями, как суды и парламент. Разве парламент будет выступать против интересов класса капиталистов? Никогда. Разве суды Англии будут выносить решения, направленные против интересов капиталистов? Никогда. Что же вы

хотите, чтобы ваши тред-юнионы были таким же инструментом в руках капиталистов, как в Америке? Такие вожди не могут вести рабочий класс к победам! И, наконец, весьма смутившее меня местечко в его речи, это — «о национальном индексе» и необходимости научнообоснованной политики в вопросах зарплаты. «Эта политика,— говорит Пью,— должна быть согласована с индексом национального производства и иметь целью равномерное распределение покупательной способности» и т. д. Что касается «покупательной способности», это просто так — мусор, а вот, что касается индекса и того, что заработная плата должна быть согласована с «индексом национального производства», то я утверждаю, что капиталисты в Германии ничего другого и не делают, как согласовывают индекс заработной платы с уровнем национального производства, что шахтовладельцы в Англии также ничего другого не делают, как соразмеряют индекс заработной платы с уровнем национального производства, довольно-таки отсталого. Они придут и скажут, что в Германии товар по столько-то, а у нас по столько-то и индекс национального производства такой-то, а поэтому потрудитесь соразмерить вашу заработную плату по этому индексу. Что же это значит? Неясно...

Я хочу еще в нескольких словах коснуться затронутого мистером Пью вопроса о единстве. Председатель конгресса рассказывает о том, что он противник механического единства, а сторонник такого, которое является единством сердца и единством мысли. Ну, насчет сердца мы не специалисты, а вот насчет мысли мы бы хотели, конечно, такого единства, которое было бы продиктовано единством мысли. И мысль, которая должна была бы лечь в основу такого единства, должна бы быть мыслью о необходимости революционной классовой борьбы за окончательное освобождение пролетариата. Ну, даже и не только эта мысль для нас важна. Для нас важно единство действия рабочих союзов, единство действия в борьбе с капиталом. Мы стоим за такой Интернационал, который в тот момент, когда борьба идет на любом участке фронта, сумел бы мобилизовать миллионы, десятки миллионов рабочих, сумел бы призвать их к жертвам, к самопожертвованию, к солидарности, к моральной и материальной поддержке борющихся товарищей. Вот мы за какой Интернационал. Но мы не за тот Интернационал, который в момент напряженнейшей

борьбы на весьма важном участке, во время всеобщей забастовки в Англии, собрался, сфотографировался и раз'ехался; который четыре месяца обсуждает как помочь горнякам и сколько процентов за это взять [286]). Мы против такого Интернационала, ибо с таким Интернационалом рабочие будут обречены на поражение по частям, на отдельных участках фронта. Мы за единство действия, мы за братский союз рабочих в едином ли Интернационале или через какую-нибудь другую организацию, но это должен быть действенный, активный союз помощи, действенный союз взаимной борьбы и солидарности. А ведь они понимают союз так: «вы там деретесь, это дело ваше, национальное, мы во внутренние дела не вмешиваемся, а посему мы подождем и посмотрим, кто кого». Мы против такого союза, такие союзы не нужны рабочим, они затемняют их классовое самосознание, они вместо хлеба дают рабочим камень. Они создают фикцию — будто бы у рабочего класса есть Интернационал, в то время когда его на самом деле нет. Существующий Амстердамский Интернационал [18]) есть обман, суррогат международной организации рабочих, а настоящей международной организации у рабочих нет. Амстердамский Интернационал, находящийся в сердце, в центре Европы, в который входят главнейшие европейские страны, представляет собою фикцию, заслонку, обман. Мы за Интернационал дела, Интернационал солидарных действий. Вот мы за что. И мы считаем, что происходящий сейчас конгресс скажет свое слово о единстве, руководствуясь не сердцем, а исходя из насущных интересов рабочего класса. Ибо, что показала английская забастовка? Она показала, что наступление капитала — это не есть отдаленный момент, не есть гром за горизонтом, а — уже в данное время начавшиеся активные действия, активное нападение класса капиталистов на рабочих. Это не старые стачки, когда бывало бастовали полторы-две тысячи, которые, проиграв стачку, мирно возвращались к станкам. Это является действительно классовым столкновением, втягивающим десятки, сотни тысяч и миллионы рабочих. И чем дальше, тем крупнее по масштабу будут такие выступления. Такая стачка может разорить миллионы рабочих. При таких выступлениях от рабочего класса требуется солидарность, сплоченность, стачка должна поддерживаться рабочими всех стран. Вот что значит организация борьбы с наступлением капитала, а это не дело, когда

один будет другому только «сочувствовать», это не борьба. Сочувствие — вещь не весомая, это — лишь моральная поддержка, но на одной моральной поддержке далеко не уйдешь, детей моральной поддержкой не прокормишь, они требуют хлеба во время забастовки.

Что доказала английская стачка? Она доказала необходимость более централизованного движения в национальном масштабе, она доказала необходимость централизованного движения в международном масштабе и необходимость более действенных организаций. Она была лучшей иллюстрацией недееспособности Амстердамского Интернационала. Судя по бюллетеням Амстердамского Интернационала, он, наконец, начинает как-будто развертывать кампанию помощи английским горнякам, неизвестно — помощи с процентами или без процентов. Когда борьба продолжается уже 5 месяцев, только тогда Амстердам начинает поворачивать колеса. Вероятно, он надеется, что забастовка скоро провалится, что она подошла к концу. Ведь эта забастовка длится уже пятый месяц, где же был раньше Амстердамский Интернационал? Я ни на одну йоту не верю тому, что он действительно думает помочь, ибо тот, кто не помогает в первый момент борьбы и кто в решительные минуты торгуется за какие-то проценты, тот больше думает о директорских местах в банках и о превращении боевого рабочего движения в банковское, тот больше заботится о том, чтобы не навлечь на себя ропота буржуазной прессы, боится огорчить хозяев этой прессы.

Наконец, конгресс должен сказать свое мнение о дальнейшем существовании союза рабочих СССР и рабочих Англии, союза, который осуществлялся в форме Англо-Русского Комитета [228]). Должен ли существовать такой союз или не должен? Мы думаем, что необходимость существования этого союза, его жизненность, доказаны. Быть может, мы оказались немного грубоватыми союзниками, недостаточно культурными и не обладающими достаточным лоском. Мы иногда называли вещи своими именами, вместо того, чтобы подсовывать какое-нибудь приятное выражение. Мы называли измену изменой, а они — «роковой ошибкой», трусов мы называли трусами, а не людьми «с недостаточно решительным характером». Может быть, этот недостаток у нас есть, но в то же время союз этот доказал, что в борьбе можно опираться на

русского рабочего, и если уж кто способен драться и драться до конца, так это русский рабочий. Русские рабочие сами дрались. Русские рабочие много пережили и много перестрадали. Они более отзывчивы на всякую борьбу и всякие страдания, ибо они понимают, что мы живем в такой обстановке, когда всякая буржуазная тварь готова в любой момент схватить нас за горло и вцепиться в икры Республике Советов. Мы знаем, что нам в будущем еще не раз может потребоваться помощь западно-европейских пролетариев, и мы на эту помощь твердо, очень твердо рассчитываем. *(Аплодисменты).* А сами мы,— в какой бы части света ни была драка труда с капиталом, на каждый крик о помощи всегда подоспеем, чтобы помочь своим братьям по классу. *(Аплодисменты).*

Мы доказали всей своей историей, что где бы ни давили рабочего,— пусть давят японские капиталисты желтого китайца на новых «культурных» фабриках с телесными наказаниями, пусть это «культурный» консерватор или либерал давят английских горняков, повторяю, где бы ни давили нашего брата по классу, везде на помощь первым придет русский рабочий. Мы доказали жизненность этого союза. Правда, быть может, мы были грубоваты. Но разве в этом дело? Плохо было бы, если бы союз рабочего движения СССР, представляющего 8½ миллионов пролетариев, с британским профдвижением, представляющим 5½ миллионов рабочих, зависел от того, поругался ли Томский с Перселем [37]) или еще с кем-нибудь, или не поругался. Да, пускай они передерутся и друг на друга рассердятся, но интересы рабочего класса требуют существования этого союза. Поругавшихся вождей можно выбросить в мусорную корзину, чтобы не мешали, а на их место поставить других, можно, наконец, заставить их ласковее говорить друг с другом. Что такое лидеры и вожди? Это приказчики рабочего класса, его доверенные или поверенные, люди, которым он доверяет, а если они плохи — рабочие возьмут других приказчиков. Слава богу, в рабочем классе достаточно сил для того, чтобы заменить негодных вождей.

Допустимо ли такое положение, чтобы из-за того, что вожди обидели друг друга, чтобы из-за этого расстроился братский союз рабочих двух стран? Нет, это вздор. И английские рабочие, я уверен, скажут, что они этого не допустят, и что если их вожди и этого не поймут, то они найдут других вождей.

Вот как надо ставить этот вопрос. Мы за братский союз с английскими рабочими. Мы за сохранение Англо-Русского Комитета, за активизацию его действий. Правда, мы не будем скрывать, что в наших рядах были отдельные лица, говорившие, что так как вожди Генсовета предали английскую стачку,— что совершенно правильно,— то мы должны разорвать Англо-Русский Комитет,— «как же мы, дескать, после этого будем вместе заседать в одной организации с вождями Генерального Совета?»

Но разве наш союз с английскими рабочими определяется личностями или поведением вождей Генерального Совета? Разве этот блок есть блок ВЦСПС с Генеральным Советом? Только дурачки могут так думать. Это только агитаторские, дешевенькие фразы, когда говорят, что «так как он оппортунист, то я не хочу с ним сидеть за одним столом». Нет, это блок рабочих СССР с рабочими Британии. *(Аплодисменты).* Это именно так. Рабочие СССР это доказали своей помощью английским рабочим, а английские рабочие, и особенно английские горняки, также доказали свою братскую солидарность с нами присылкой делегации. *(Бурные аплодисменты).*

Против хлесткой, дешевой революционной фразы больше всего боролся Владимир Ильич. Он протестовал, когда великие дела, дела, касающиеся миллионов, касающиеся массового движения класса, подменялись хлесткой, революционно-литературной, агитаторской фразой.

Такие фразы никакого успеха не имели в рабочей среде и у союзов СССР. Рабочие СССР и их союзы за тесное братское единение с британскими рабочими, за сохранение Англо-Русского Комитета, как олицетворения этого союза. Мы можем с вождями расходиться, критиковать друг друга; мы даем право критиковать себя и за собою оставляем это право; мы не скрываем наших разногласий, мы сейчас горячо приветствуем здесь делегатов английских горняков, мы не говорим, что между нами и представителями горняков не могут существовать политические разногласия; нам совершенно неизвестно их политическое мировоззрение, но самый факт посылки делегатов является залогом союза русских рабочих с английскими. Вопрос не в личностях. Мы за то, чтобы Англо-Русский Комитет усилился, чтобы ему было дано право более самостоятельных действий, мы за то, чтобы

представители Генсовета не заявляли: «мы не уполномочены обсуждать, мы должны посоветоваться с Генеральным Советом». Мы за то, чтобы конгресс в Борнемуте [309]) высказался за большую активность Англо-Русского Комитета не только в вопросе о переговорах амстердамцев с русскими профсоюзами и Профинтерном, но и по вопросам величайшей важности для мирового профдвижения, по вопросам войны и наступления капитала, по вопросам согласования всяких необходимых активных действий на всех фронтах борьбы рабочего класса. Я думаю, товарищи, что рабочие Великобритании достаточно поняли важность и необходимость союза с нашими рабочими. Я думаю, что рабочие СССР ни на минуту не сомневаются в правильности и целесообразности такого союза, как залога единства международного рабочего движения, настоящего единства, боевого единства, братского единства, единства, основанного на взаимной помощи, на взаимной борьбе, на взаимной солидарности!

Я думаю, товарищи, присутствующие в этом зале, английские горняки и немецкие работницы [316]), независимо от возможных политических разногласий между нами, убедятся в том, что для наших рабочих, для рабочих СССР, независимо от многочисленности их национальностей,— дело такого братского союза — не игрушечное дело, не праздная фраза. Братский союз есть боевой рабочий союз, братский союз, это — готовность на жертвы, готовность к борьбе, к взаимной поддержке. Несмотря на разницу наших убеждений, они вынесут одно впечатление, одну уверенность,— что такой союз, распространенный на рабочих всех стран, союз, в котором были бы об'единены рабочие всего мира, даст гарантию победоносного отражения наступления капитала. Независимо от наших возможных разногласий, они вынесут уверенность в том, что наши рабочие за такое единство, что наши рабочие делали не национальную революцию, что они понимали и понимают свое дело, как дело начала освобождения всего международного пролетариата.

Они вынесут убеждение в том, что русские рабочие готовы на всякие жертвы для осуществления действительного и полного освобождения своих братьев не через 300 лет и не путем избирательных бюллетеней, а путем активной революционной классовой борьбы в наши дни. В этом мы уверены, в этом мы

согласны помочь, за это мы обремся, во имя этого мы идем на жертвы, и во всякой борьбе труда с капиталом мы всегда готовы притти на помощь нашим братьям по классу. *(Бурные аплодисменты).*

Доклад на расширенном пленуме МГСПС 8 сентября 1926 г. Издан Госиздатом отдельной брошюрой того же названия. Гиз. М.—Л. 1926 г.

Новый британский закон о профсоюзах [217]).

(Интервью).

Вопрос. Какое практическое значение может иметь для профсоюзов Англии обсуждаемый парламентом законопроект о профсоюзах? [225]).

Ответ. Я считаю, что особое значение этого законопроекта заключается в том, что консервативное правительство английских империалистов хочет раздавить рабочий класс Англии, чтобы иметь развязанными руки в своей *внешней* политике (удушение китайской революции [101]), подготовка войны против СССР [166]) и т. д.), это, — во-первых, и обеспечить дальнейшее *наступление на рабочий класс со стороны капиталистов* — во-вторых. Чудовищный билль против профсоюзов, имеющий открыто фашистский характер, приобретает огромное *интернациональное* значение. Проектируемый закон ставит правительство тори в первые ряды самых злейших врагов рабочего класса и самых непримиримых сторонников наступления на завоеванные рабочим классом позиции. Играя роль международного жандарма, подавляя вооруженной силой движение китайских рабочих и крестьян, подготовляя окружение рабочих СССР, которые на деле доказали свою готовность поддержать британских своих братьев, правительство Болдуина превзошло германскую буржуазию, отнявшую у рабочих 8-часовой рабочий день, превзошло французскую буржуазию, которая провела реакционные военные законы, но не решилась еще напасть на право рабочих коалиций. Правительство Болдуина [224]) — Чемберлена [210]) пошло в ногу с правительством Муссолини [150]). Билль есть выражение наступающей на рабочий класс контрреволюции.

Рабочие всех стран, несомненно, чувствуют всю неслыханную реакционность этого билля. Он есть хорошо рассчитанный, глубоко продуманный удар по тред-юнионам со стороны классовых врагов пролетариата. Законопроект отбрасывает рабочее движение

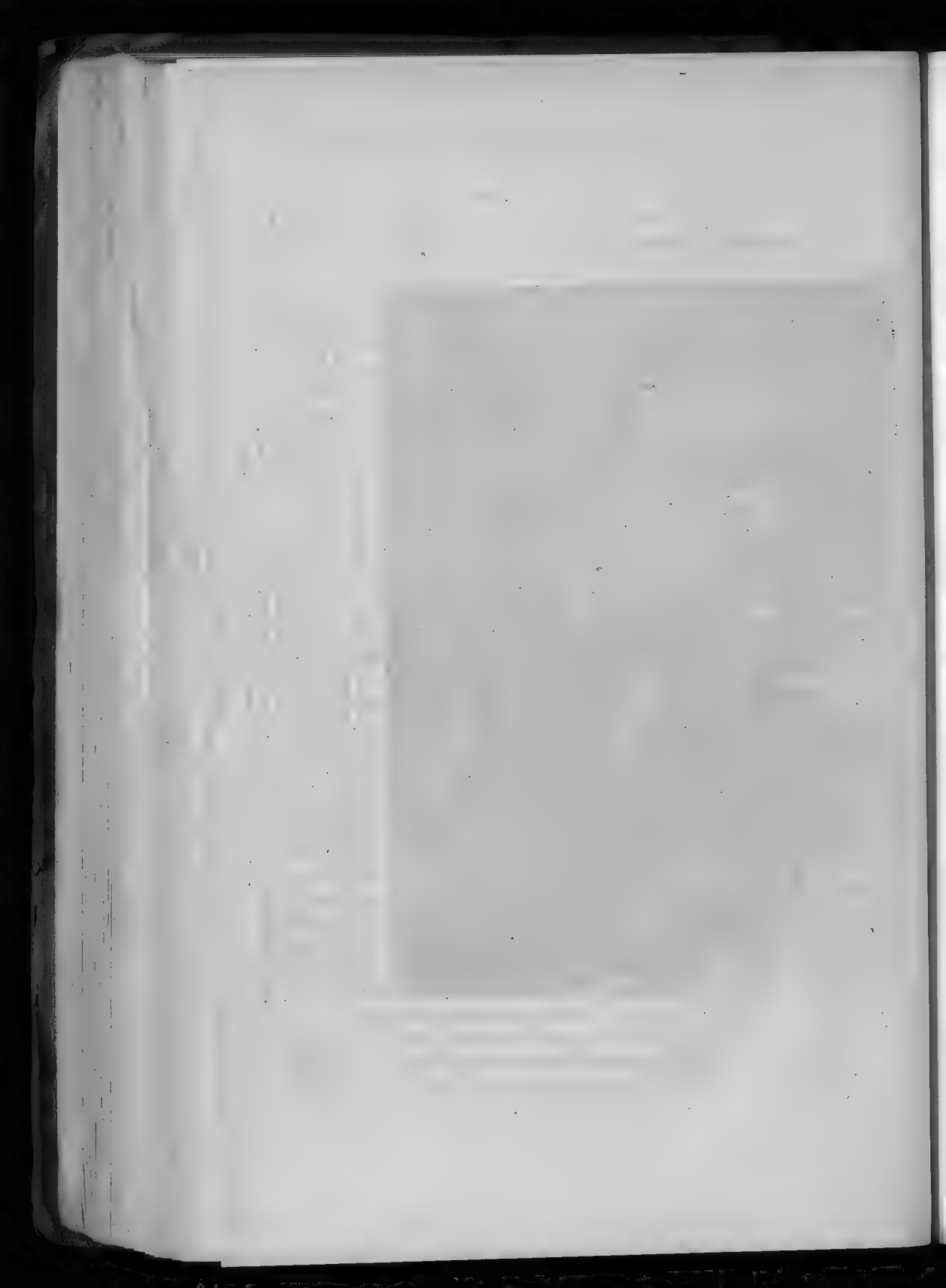
Англии назад на несколько десятков лет — к периоду цехового, аполитичного, раздробленного тред-юнионизма, лишает рабочий класс возможности защищаться против дальнейших покушений на его жизненный уровень со стороны капиталистов.

Более того. По сути дела, законопроект вырывает юридическую почву из-под ног тред-юнионов, он самым коварным образом попирает права рабочего класса, завоеванные в течение столетней борьбы. Законопроект на деле означает уничтожение *свободы стачек и свободы коалиций,* т.-е. он лишает рабочий класс могущественнейшего средства обороны. Законопроект порывает самым резким образом с основными традициями английской конституции. Он означает, как я уже сказал, переход к фашизму.

Законопроект запрещает забастовки шире, чем в одной отрасли промышленности, а в силу неясности понятия, что понимается под отраслью промышленности, фактически дает судам право произвольного толкования характера стачек и ограничения их одним предприятием или цехом. Законопроект запрещает проявление пролетарской солидарности: стачки сочувствия, денежные сборы для стачечников. Он имеет целью не только раздробить профдвижение на цеховые группки, но и разбить всякую организованность, запрещая проявление пролетарской дисциплины, лишая профорганизации права исключать своих членов, изменяющих в момент классового боя. Более того. На основе этого законопроекта можно запретить *любую,* даже самую маленькую, стачку: стоит только об'явить ее упрожающей обществу, или связанной с политическими целями, или поддерживающей ненависть и презрение к штрейкбрехерам и т. д. и т. п. Закон фактически запрещает пикеты, «снятие» рабочих с работы. Закон дает возможность конфисковать *фонды* профсоюзов. Наконец, закон запрещает давление на правительство. Другими словами, любая стачка против подготовки войны, против колониальных расправ, против действий полиции и т. д. становится уголовно-наказуемой. Законопроект есть таким образом наглейшая экспроприация элементарных прав рабочего класса.

Чудовищное требование реабилитировать всех штрейкбрехеров минувшей стачки продиктовано добавочным желанием нанести моральную пощечину всем тред-юнионам и внести моральное разложение в ряды организованных рабочих. Запрещение отчислений

Группа членов Президиума VII Всесоюзного С'езда Профсоюзов (6 — 18 декабря 1926 г.) с иностранными делегатами. *(Слева направо:* в первом ряду — тт. Эвенс (секретарь тов. Кука), А. И. Догадов, Петерсон (представитель Комитета Единства Швеции); во втором ряду — тт. Питцль (председатель Комитета Единства Австрии), Г. Мельничанский, М. П. Томский, А. Кук (секретарь Федерации Горнорабочих Англии); в третьем ряду — тт. Шугар (секретарь Комиссии внешних сношений ВЦСПС), Веркрез (председатель бельгийской группы Единства), Бек (представитель Комитета Единства Германии), Жиродо (член французской делегации).



и сборов на политические цели, не только непосредственно из членских взносов или путем взносов дополнительных, но и из средств союзов, государственный контроль над расходованием профсоюзами своих финансов,— все это, вместе взятое, полностью обезоруживает тред-юнионы и делает их беззащитными перед лицом предпринимателя. Этим законом буржуазия намерена осуществить фактический разгром тред-юнионов, как организаций защиты экономических интересов рабочих, превратив их в абсолютно безвредные, аполитичные организации взаимопомощи, работающие под контролем буржуазного правительства, т.-е. тех же врагов рабочего класса.

Вопрос. Понимают ли Генсовет и вожди Рабочей партии всю опасность этого законопроекта, его классовый смысл, и правильны ли меры борьбы, принимаемые ими против этого законопроекта?

Ответ. Мне кажется, что некоторые вожди будут чрезвычайно мало огорчены прохождением этого законопроекта. В прошлом они не были огорчены поражением всеобщей стачки, а потом стачки горняков [180]). Наоборот. Они по мере сил содействовали этому поражению, а после него решительно выступали против всеобщей стачки, как метода борьбы. То же самое мы видим и здесь. В самом деле, разве этот закон не есть юридическое оформление повседневной практической деятельности таких «вождей», как Хавелок Вильсон [318]), Сименс [319]), Франк Ходжес [320])? Разве этот законопроект не есть безнадежная попытка законодательным путем покончить с «проклятой классовой борьбой», столь огорчающей королевского советника Томаса [257])? Разве этот законопроект не направлен в сторону установления «промышленного мира», которого так жаждет «кроткая» душа Макдональда [206])? При этом невольно бросается в глаза, что, как и во время удушения стачки горняков, Макдональд опять оказался в отсутствии. Правда, мистер Макдональд недавно осчастливил английское общественное мнение статьей на страницах «Дейли-Ньюс» [321]), но не о законе против тред-юнионов, а об отношении к СССР, статьей, в которой он усиленно рекомендовал всем капиталистическим государствам рецепт «ассимиляции» СССР посредством «*непрерывного давления*». Еще «ярче» держал себя «вождь» рабочих Спенсер [322]), *защищавший* законопроект.

Я боюсь, что и многие другие в рядах тред-юнионов и в верхах Рабочей партии в глубине души стоят за этот закон, который есть могила современному английскому профдвижению. Я, конечно, не хочу этим сказать, что рабочее движение в Англии может быть убито каким-либо идиотским законом, изданным туполобыми консерваторами, но, несомненно, проведение в жизнь этого закона усложнит развитие английского рабочего движения, потребует от рабочих масс напряженной борьбы и величайших жертв.

Я это вижу из следующих фактов. Экстренная конференция исполкомов тред-юнионов [323]), состоявшаяся 29 апреля 1927 г., не решилась подкрепить свое требование серьезной угрозой и не призвала к серьезной мобилизации рабочих масс. Больше того,— отвергнув предложение представителя революционных меньшинств тов. Госсипа [324]) о забастовке, конференция исключила это сильнейшее оружие из арсенала тред-юнионов. Сама идея бороться против насилия только и, главным образом, парламентскими методами — равносильна *отказу* от борьбы. Разве данный момент еще раз не вскрыл с полной очевидностью всю фальшь и лживость пресловутой английской демократии, всю гнусность и циничность парламентской машины? Самоограничение в борьбе с циничным противником — предпосылка поражения. А в речах представителей Рабочей партии и тред-юнионов в парламенте уже звучат ноты примирения с фактом проведения закона в жизнь. Лейт-мотив этих речей: «все равно, когда мы, Рабочая партия, снова придем к власти, мы этот закон отменим».

Но в законе как-раз имеется все для того, чтобы не допустить Рабочую партию к власти, не дать ей средств на предвыборную кампанию, деморализовать рабочий класс, обессилить его, провалить Рабочую партию на предстоящих выборах. Таким образом, самый момент отмены закона откладывается в очень дальний ящик, а арена борьбы ограничивается стенами парламента да парой митинговых зал. Генсовет и Рабочая партия не хотят, не решаются принять бой сейчас, считая себя недостаточно сильными, не желая видеть того, что после проведения закона они станут не сильнее, а слабее. Отсюда ряд ошибок. Важнейшей ошибкой вождей тред-юнионов я считаю нежелание мобилизовать все силы рабочего класса для борьбы против консервативного правительства в защиту элементарных прав рабочих и их союзов. Сейчас этот

законопроект является классовым критерием: все, кто за буржуазию — те *за* этот закон; кто против капитала — тот *против* этого закона. Так должна итти сейчас группировка сил. Что же мы видим на самом деле? Генсовет не сумел сплотить вокруг себя всех сил рабочего класса. Попрежнему идет травля коммунистов и революционных меньшинств и исключение их из тред-юнионистских организаций. Их предложений не желают обсуждать, их третируют. *Ведут борьбу налево тогда, когда нужно мобилизовать все силы для борьбы против буржуазии.* А между тем самыми искренними, честными и бесстрашными бойцами против законопроекта и против его авторов являются именно коммунисты и революционное меньшинство тред-юнионов. Рабочий класс Англии несомненно поймет на опыте борьбы за сохранение своих союзов, кто его истинный друг и наиболее стойкий борец за его интересы. Разве не возмутительно видеть, что в то время как капиталисты громят рабочие тред-юнионы, вожди этих организаций травят самых стойких и непримиримых врагов капитала — коммунистов и революционные меньшинства? Это величайшая, грубейшая и преступнейшая ошибка Генсовета. Пройдет ли законопроект?

Повидимому, да. Перед английским рабочим движением встает задача борьбы на второй линии окопов — задача более трудная и сложная. Должна быть начата борьба за фактический срыв закона, за непроведение его в жизнь. Эта борьба труднее потому, что она ложится, главным образом, на низовые профорганизации и даже непосредственно на массы рядовых рабочих, требует упорства, настойчивости, готовности к жертвам, а порой и героизма. Рабочие массы Англии уже показали всему миру, на что они способны. Несомненно, что при надлежащем руководстве они еще и еще раз сумеют показать, как они умеют драться против своих классовых врагов за свои профорганизации, за свободу стачек, за завоеванные позиции — *против* об'единенных сил английского империализма и перебежчиков из своего собственного лагеря.

Беседа с представителями печати 7 мая 1927 г. Опубликована в «Правде», «Известиях» и «Труде» 8 мая 1927 г. и в «Уоркерс Лайф» 13 мая 1927 г. Помещена также в брошюре «Международное положение и Англо-Русский Комитет». Издательство ВЦСПС. Москва. 1927 г.

Угроза войны и задачи рабочего класса.

Товарищи! Владимир Ильич по окончании гражданской войны учил нас не увлекаться наступившим миром. Период, наступивший вслед за гражданской войной [29]), он характеризовал не как период мира, а как передышку. Он не определял, насколько будет длительна эта передышка, но самое это слово — передышка — означает некоторый перерыв в той смертельной борьбе между страной пролетарской диктатуры и капиталистическим миром, которая в различных формах, но все же шла и идет непрерывно.

Борьба между пролетариатом СССР, поднявшим знамя мировой революции, и старым, дряхлеющим, капиталистическим миром была и будет смертельной борьбой. Нет и не может быть никакого примирения у государства восставших и победивших своих капиталистов пролетариев и крестьян с владыками, угнетающими десятки миллионов пролетариев и сотни миллионов отсталых народов колониальных и полуколониальных стран. Между миром строящегося социализма и миром разлагающегося капитализма нет, не было и не будет ничего общего. Мы никогда ни от кого не скрывали, что СССР есть совершенная противоположность всему миру капитализма.

Передышка, по существу, значит, что мы еще недостаточно сильны для того, чтобы сбросить наземь своих противников — империализм и капитализм — и задавить их; еще недостаточно силен для этого международный пролетариат; еще крепко опутаны значительные слои рабочих цепями лжи, реформизма, обмана. Но, с другой стороны, это также свидетельствует о том, что и противник наш, который без всякого стеснения совершенно открыто своими танками, самолетами, армиями пытался в самом начале задушить Республику Советов [8]), тоже не обладает необходимой для этого силой. Волей-неволей империалистам пришлось и приходится мириться с тем, что на одной шестой части земного шара

существует совсем особый, резко противоположный капиталистическому строю, строй диктатуры пролетариата, где, если рассуждать с точки зрения буржуа и капиталиста, все делается наоборот: *где сажают в тюрьму помещиков, капиталистов и дворян, когда они пытаются восстановить капиталистический строй,* и где считается величайшим позором принадлежность к классу эксплоататоров, где нет выше звания, как звание рабочего, в то время как в остальном капиталистическом мире *сажают в тюрьмы рабочих и крестьян за то, что они хотят сбросить гнет капитала.* Между этими двумя мирами не может быть ничего общего, ничего, что могло бы на долгое время, на значительный промежуток времени, создать их мирное сожительство. Мы недостаточно сильны для того, чтобы сбросить гнет и владычество капиталистов, а они недостаточно сильны для того, чтобы задушить нас. Они пытались это сделать. Они попытались сперва в прямой схватке задушить нас, но не смогли этого сделать. Они после этого попытались сделать вид, что нас не замечают,— есть, мол, шестая часть света, на которой люди живут по-своему, мы их не замечаем, не хотим признавать, а без нас они погибнут. Но это возможно лишь на словах, а не на деле, ибо, с точки зрения мировой экономики, шестую часть земного шара не замечать, не признавать нельзя, а погибать мы не собирались. Земной шар не арбуз, куска из него не вырежешь и не выбросишь. Можно сделать это на географической карте. Можно дипломатически заявлять: «мы вас не признаем»,— но в мировой экономике такой кусок, как одна шестая часть земного шара, кое-что значит.

Капитал не может существовать без прибыли, без того, чтобы не торговать. А нас Карл Маркс учил, что, когда дело касается прибыли, капиталисты становятся над моралью, над «принципами»,— готовы на всякие преступления, готовы продать чорту свою душу, ибо главный принцип капитала — прибыль. Это и заставило их, несмотря на всю ненависть к нам, признать Республики Советов [166]). Торговать надо, избыток товара есть, а рынки узки; СССР не плохой заказчик и платит хорошо,— ни один его вексель нигде не опротестован, всегда все свои платежи он производит в срок; и хотя большевики и препротивный народ, но торговля вещь хорошая, а доходы еще того лучше — все это и послужило к тому, что те, кто хотели торговать, признали нас. Конечно,

эти признания были сделаны исключительно с целью эгоистической. Тот период, который наступил после интервенции, после окончания гражданской войны, был и пока еще остается периодом передышки, периодом временного прекращения открытой вооруженной борьбы между Республиками Советов и остальным капиталистическим миром.

В настоящий момент наша страна вступает в новый период, который самым скромным образом можно охарактеризовать *началом конца передышки*. Мы видим совершенно не случайную волну отдельных крупнейших политических эпизодов, которые вместе образуют одну определенную цепь. В чем заключаются эти эпизоды? Кратко напомню. Они заключаются: в захвате китайскими милитаристами нашего парохода «Память Ленина»; аресте команды и дипкурьеров и захвате дипломатической почты; в налете Чжан Цзо-лина на пекинское посольство; в налете английской полиции на Аркос и наше торговое представительство в Лондоне; в разрыве Англией дипломатических сношений с СССР, а этому сопутствует пуля Войкову [825]), отвратительный безумный акт в Ленинграде и убийство зам. председателя ГПУ Белоруссии — все это звенья различной величины, разного политического удельного веса, но звенья одной и той же цепи [166]). Все эти факты являются проявлением одной и той же политики. Из-за всех этих фактов, несмотря на кажущуюся их беспорядочность, разнообразие и пестроту, выглядывают хорошо всем знакомые лица английских империалистов.

Почему же непременно Англия в лице английской буржуазии, английского капитализма, в лице партии консерваторов является наиболее активным, неизменно непримиримым и злобно настроенным врагом Союза Советских Социалистических Республик?

Английские капиталисты в лице консервативного правительства являются лишь наиболее последовательными, наиболее жестокими и нетерпимыми нашими врагами; и если мы говорим о британском империализме, о его враждебном отношении к нам,— это не значит, что капиталисты других стран настроены к нам доброжелательно и добродушно. Английские капиталисты, английские империалисты и партия консерваторов имеют особые основания ненавидеть СССР бешеной злобой. Суть этой ненависти заключается в ряде непримиримых, особо острых противоречий,

которые существуют между великобританскими империалистами, политикой, проводимой партией консерваторов, и политикой, проводимой стоящим у власти рабочим классом СССР.

На одной стороне — ясно выраженное, классическое империалистическое государство — Англия, политика которой насквозь, с начала до конца, цинично колониальная. В ней мы видим страну, богатство которой создано путем беспощадной и дикой эксплоатации отсталых народов. Благосостояние английских капиталистов покоится на колониальной политике, на политике угнетения желтых и черных народностей,— торговле рабами в старое время и торговле опиумом и беспощадной эксплоатации китайских женщин и детей на современных фабриках.

На другой стороне — Республики Советов, политика которых направлена против всякого империализма, которым чуждо всякое угнетение какой бы то ни было национальности, политика которых в корне отрицает всякую возможность поживиться за счет какой-нибудь национальности, страны или народа.

С царским правительством Англии было легко договориться и по персидскому [326]) и по китайскому вопросу. Как достигалось это согласование политики? Вопрос решался очень просто: Персия, напр., делилась на сферы влияния. Южную Персию отдавали под английское «влияние» — «вы, англичане, торгуйте, стройте железные дороги и делайте, что хотите, а сюда не лезьте». Северная Персия находилась в сфере влияния русского империализма, и здесь царь делал что угодно: вводил казаков для подавления восстаний персидского народа; строил свои железные дороги; вел бешеную эксплоататорскую политику; захватывал земли и т. д. Это политика простая, тут все ясно.

Спор шел здесь только о том: «тебе ли больше или мне больше»; «все ли мне или дать кусок и тебе», методы же, принципы политики были одинаковы.

Труднее, даже совершенно невозможно, для Англии решить с СССР вопрос, например, о взаимоотношениях с Персией или о взаимоотношениях с другими народами. Вопрос о взаимоотношениях с экономически отсталыми народами империалисты понимают только таким манером: «оттуда и дотуда и таким-то способом я буду тебя драть». В вопросе о Персии английская дипломатия в настоящее время наталкивается на то, что СССР

говорит: «я от так называемой «сферы влияния», которая была при царе, отказываюсь, не хочу иметь ее, ибо чужих земель мне не нужно, чужого я не возьму, железных дорог стратегического характера строить не буду; живи, персидский народ, развивайся как хочешь; мы, советы, тебя всегда поддержим, всегда рады помочь тебе чем угодно; мы против всяких попыток нарушить твою свободу, против попыток задавить твою независимость». Такова политика СССР по персидскому вопросу, и, конечно, при такой нашей политике персидский вопрос для Англии неразрешим, ибо слишком велика разница во взглядах, в принципах этих двух миров, ибо наше нежелание принимать хоть какое-либо косвенное участие в грабеже Персии есть уже препятствие для грабительской политики английского империализма.

Как решался при царе китайский вопрос и как решается он теперь? В чем заключается суть китайского вопроса? — Китай, как экономически отсталая страна, привлекал и привлекает к себе внимание империалистов всего мира. Воспользовавшись его слабостью, каждое империалистическое государство нагло оторвало себе по куску китайской территории. Одни взяли Вей-Ха-Вей, Циндао; другие отрезали себе другие куски, спор и противоречия заключались лишь в том, что каждый из них старался захватить себе побольше, взять то, что хотел взять себе другой [101]).

И по китайскому вопросу взаимоотношения у царской России с другими державами тоже были просты. Противоречия были, были споры, но спорили так, попросту, свой со своим говорил: «вот мне — северная Манчжурия, а тебе, японец,— южная Манчжурия». Царское правительство делало что угодно в северной Манчжурии, а японцы — в южной. Вей-Ха-Вей принадлежал англичанам, а Порт-Артур, который был отнят впоследствии японцами, принадлежал царской России [122]). Циндао принадлежал немцам, а после войны он был передан японцам. Так делили Китай на «сферы влияния» и «протектораты»; как видите, здесь все ясно, тут все свои люди, делящие промеж себя добычу. Если у них имеется ряд непримиримых противоречий, то это похоже только на то, как два мазурика не могут между собою поделить награбленное. Все равно, как бы ни казался крепок союз этих мазуриков, каждый из них думает про себя, нельзя ли что-нибудь украсть у другого.

Наша же политика в китайском вопросе носит совершенно иной характер. Мы на дележку Манчжурии и Китая не идем. Пролетарская политика, политика рабочего класса, стоящего у власти, может быть только одна: братская помощь, братская поддержка всякому угнетенному, обездоленному, всякому восстающему за свои попранные права. Ни тени насилия над национальными и экономическими интересами отсталых народностей. Политика грабежей, аннексий, контрибуций, это — не политика пролетариата, больше того, мы враги этой политики, мы всегда за угнетенного. Вот первое крупнейшее противоречие, которое делает невозможным какое-либо с нами соглашение по интересующим Англию вопросам и, в частности, по китайскому вопросу.

Китай раздроблен, разорван на куски собственными милитаристами, с одной стороны, подавлен иностранными империалистами — с другой [101]). В городах господствует иностранный капитал со своими обычаями и своими нравами. Эти европейцы, которые кичатся своей культурой, там, в Китае, на китайских фабриках, где рабочий класс еще не организован, куда приходит отсталое, измученное, забитое нуждой сельское население, в поисках на фабриках лучшей участи, — вводят 12-часовой рабочий день, телесные наказания за проступки и платят 30 копеек в день. Вот условия, в которых живут рабочие Китая.

Китайцы в своей стране находятся на положении бесправных существ, принижаемых и оскорбляемых белыми совершенно безнаказанно. Китайца, совершившего какой-нибудь проступок на территории английской концессии, судят по законам не его страны, не Китая, а по законам Англии; англичанина, совершившего преступление в любом месте Китая, судят тоже по законам Англии. Для империалиста китаец не человек: его можно убить, насиловать, сделать с ним все, что угодно; но если хоть один волос упадет с головы европейца, то на сцену сейчас же являются броненосцы и канонерки и начинается беспощадное избиение сотен и тысяч китайцев, их жен и детей.

И нет ничего удивительного, что доведенный до отчаяния китайский народ, не будучи в состоянии больше терпеть, восстал против своих угнетателей. Восстание китайского народа идет одновременно по двум направлениям. Во-первых, это борьба против гнета иностранных империалистов за национальное освобождение

и об'единение Китая. В этой борьбе до известного момента было частичное совпадение интересов китайской буржуазии и пролетариата, так как почти весь китайский народ страдает от национального гнета. Эта борьба против иностранных империалистов сливается с борьбой против гнета своих милитаристов-генералов, поддерживающих феодальные отношения и интересы, поделивших Китай на сферы влияния, выделивших себе по куску территории внутри Китая, где каждый из них, считая себя царьком в захваченном им округе, ввел свои налоги, свои деньги и имеет свою наемную армию, при помощи которой он эксплоатирует трудящиеся массы Китая. Эти генералы ведут между собою войны за право эксплоатации захваченных округов. Тот, кто выиграет сражение, кто является победителем, первым делом собирает с населения налоги. Другой в это время окреп силами — прогоняет первого и опять взимает налоги. Есть провинции, где, как это ни чудовищно (мне неоднократно рабочие подавали записки, выражающие сомнение), крестьянами уплачены налоги за 72 года вперед. Это факт, ибо каждый генерал, при завоевании подвластной другому генералу территории, первым делом взыскивает налоги, и не только за этот год, но и за будущий; а следующий, приходя и видя, что налоги уже за два года собраны, собирает еще за два года вперед. Через месяц приходит третий; видя, что налоги собраны за четыре года вперед, собирает тоже вперед, и т. д. Представителем этой группы, стоящей за сохранение феодальных пережитков в Китае и существующей еще лишь при прямой поддержке империалистов, является Чжан Цзо-лин [101]). Однако, общность интересов борьбы против иностранных империалистов и своих милитаристов могла лишь до известной черты об'единить пролетариат и крестьянство, с одной стороны, и буржуазию — с другой. По мере развертывания и углубления революции, по мере формулирования и выставления пролетариатом и крестьянством своих экономических требований, неизбежен раскол и прямая борьба пролетариата и крестьянства против национальной буржуазии, испугавшейся размаха революции, которая грозит ее непосредственным экономическим интересам.

Внутри национального движения в Китае начало развиваться широчайшее аграрное движение за отнятие земли у помещиков и крупных арендаторов, которые низвели крестьян до беспросветной

нищеты, и т. д. Одновременно с этим идет движение пролетариата, как всегда, движение социально-экономическое, движение за лучшие условия жизни и труда, за освобождение от капитала.

Крестьянское движение, идущее по пути отобрания земель у помещиков и изгнания их, явно начало выливаться и, несомненно, выльется в аграрную революцию, а движение пролетариата стало посягать на контроль над производством. «Святая святых» буржуазии, частная собственность, оказалась в опасности, и буржуазия в лице Чан Кай-ши *) повернула оружие против рабочих и крестьян [101]).

Политика Англии сводится к тому, чтобы оставить Китай в раздробленном состоянии, чтобы власть империализма была непоколебима, чтобы китайский крестьянин оставался в кабале у помещика, чтобы китайские рабочие продолжали быть бессловесным об'ектом чудовищной эксплоатации.

СССР — за национальное освобождение китайского государства, за свержение всех милитаристов, за раскрепощение китайских крестьян и рабочих от гнета феодалов, помещиков и фабрикантов, за победу крестьян и рабочих.

Два совершенно разных мира с разными принципами. Можно ли найти какой-нибудь стык между политикой этих двух стран? Есть ли здесь что-нибудь такое, что можно было бы каким-нибудь образом согласовать? — Нет. Здесь противопоставление, ясное даже отсталому китайскому крестьянину: с одной стороны, политика СССР, который говорит: «были у царя с китайским народом несправедливые, неравные договоры, навязанные Китаю силой оружия; мы бросаем в печь эти договоры, нам они не нужны; мы хотим других договоров, основанных на равенстве и взаимном уважении народов»; с другой — политика Англии, которая посылает мощный флот и армии и громит китайский народ во имя сохранения неравных, навязанных силою оружия, договоров.

Провал империалистов в Китае принимает трагический характер для империалистов вообще и особенно для Англии. Ибо, если китайская революция, китайский мужик и рабочий сумеют дать

*) А теперь и Фын Юй-сяна, об'единившегося с Чан Кай-ши против рабочих и крестьян, а за ним и Тан Шен-чжи.

линка английскому империализму в Китае, то этим будет разбито представление о непобедимости английского империализма, и завтра последуют по стопам Китая: индусский мужик, индусский рабочий, а за ними народы Южной Африки, Египта и т. д. Все это вместе взятое означает окончательную и бесповоротную гибель английского империализма.

Несмотря на все предстоящие трудности, предательства и измены, китайская революция все же идет вперед, она поднимает все новые и новые слои крестьянства, она ширится, перерастая в аграрную революцию. Непримиримость этих линий ясна и ощутительна. Английский империализм в проведении своей политики в Китае споткнулся о моральный вес и гигантское организующее значение идеи русской революции, идеи советской власти и ее политики.

Наше второе противоречие с Англией относится к вопросам нашей внутренней политики. Оно заключается в том, что рост мощи СССР затрагивает важнейшие жизненные интересы Англии. Английские капиталисты продолжают рассматривать и расценивать СССР (даже те, которые за хорошее отношение с нами), как страну, которая обречена быть страной аграрной, отсталой, страной, которая может и будет кое-что производить, но которая будет ввозить к себе из Англии дорогие машины и прочие орудия производства, а вывозить в Англию необходимое той сырье. Мы, как известно, хотим другого: хотим экономически ни от кого не зависеть, сами производить все орудия производства, развивать до конца свое социалистическое хозяйство. Путем величайших лишений, которые затрагивают жизненные интересы миллионов рабочих и крестьян, мы ставим свое промышленное хозяйство — индустриализируем страну. Это противоречит интересам английских капиталистов, которым хотелось бы видеть нас страной исключительно земледельческой.

Чего ожидали капиталисты всего мира? — Они ожидали, что, победив с винтовкой в руках, мы провалимся на хозяйственном фронте. Они говорили: «Ну, попробуйте восстановить хозяйство без заграничных займов,— а займов мы вам не дадим, пока вы не признаете старых, царских долгов, военных долгов и т. д.» Нечего греха таить — мы и сами думали, что без заграничных займов нам не восстановить транспорта и промышленности, металлической и

угольной. Нигде в мире,— писал Владимир Ильич V С'езду Профсоюзов [212]),— не пришлось восстанавливать тяжелую промышленность, после таких больших катастроф, на свои средства, без заграничных займов,— а так как займов нам никто давать не будет, поэтому придется сделать это своими силами. Мы понатужились и сделали то, чего до нас никто в мире не делал: мы своими силами восстановили тяжелую промышленность и гигантскими шагами пошли вперед; а, между прочим, ставка капиталистов была на то, что мы не справимся, что нам придется пойти к ним на поклон, что нам придется согнуть шею и сказать: «Ну, мы не могли сами справиться, помогите нам, мы согласны заплатить вам за право делать революцию, ибо у нас ничего не вышло». А они сказали бы рабочим: «Ну, вот видите, без нас ничего не вышло». Однако, их ожидания не оправдались. Теперь все видят воочию, что у нас выходит не хуже, а получше, чем у них. В то время как английский капитализм идет под гору, аграрная страна, СССР, очень, правда, медленно,— а нам хотелось бы, чтобы это было скорее,— идет вперед. В то время как экономическое положение английских рабочих, в силу неблагоприятной кон'юнктуры английской промышленности, в силу потери ряда рынков, ухудшается,— экономическое положение рабочих СССР, хотя и медленнее, чем нам хотелось бы, идет вверх [169]). Две взаимно противоположные тенденции. Тот факт, что у нас и без капиталистов выходит не хуже, а лучше, подтверждается гигантским ростом симпатий трудящихся масс всего мира к Союзу Советских Социалистических Республик. Теперь даже самые беззастенчивые, наглые лжецы из социал-демократического лагеря не могут писать про СССР то, что они писали раньше, так как теперь ни один, даже самый отсталый рабочий этому не поверит. Прочитав ложь и небылицы о СССР в буржуазных газетах, английский рабочий и рабочий всякой другой страны скажет, что это — самая наглая ложь; информации буржуазных газет больше никто не верит, ибо тысячи рабочих видели своими глазами, что́ такое Советская Россия, видели как живут, борются и куют свое счастье миллионы русских рабочих, видели небывалый культурный рост рабочего класса СССР.

Сейчас мы наблюдаем в мировой истории два явления: падение капитализма и рост социалистического хозяйства СССР. Целью английского капитализма является возврат потерянных и

завоевание новых рынков,— эта задача может быть разрешена удешевлением товаров. Вы видите, что кое-какие вопросы одинаковы и у нас и в мире капитализма: например, вопрос об удешевлении товаров, об удешевлении себестоимости. Вопрос о ценах для нас актуальнейший вопрос, потому что высокие цены ухудшают экономическое положение рабочих, высокие цены могут разорвать смычку между пролетариатом и крестьянством. Борьба *за низкие цены на промышленные изделия у нас,* это значит — борьба за повышение реальной заработной платы рабочих, за укрепление смычки между пролетариатом и крестьянством, за улучшение положения сельского хозяйства.

В Англии также идет борьба за снижение цен, но там она идет другим порядком, в совершенно других интересах. Борьба за снижение цен там — конкуренция на рынках английского капитализма с капитализмом возрождающейся Германии и Северо-Американских Соединенных Штатов. Снижение цен там может итти либо путем вложения в производство новых больших капиталов, либо путем ухудшения экономического положения рабочих, путем снижения зарплаты. По первому пути они не идут отчасти потому, что у них нет свободных капиталов,— они есть только в Америке,— а отчасти из-за боязни делать большие вложения в основной капитал промышленности, боязни, вытекающей из неуверенности в завтрашнем дне. При моих поездках за границу я видел довольно умных капиталистов, которые прямо говорили, что красный призрак бродит по Европе, что тень СССР мелькает по Европе и что при таких условиях можно вкладывать капитал только туда, где он быстро обернется. Поэтому там завоевание мирового рынка может итти только по линии ухудшения экономического положения рабочих.

Мы видели недавно величайшую классовую битву в Англии — стачку горняков [180]). В чем был смысл этой великой стачки? — Он заключался в том, что английский уголь не может по цене соперничать с углем германским, потому что разница в заработной плате английского, немецкого и французского рабочего колоссальна. Английский уголь слишком дорог, и для Англии выход — либо механизировать, рационализировать угольную промышленность, вбив в нее сотни миллионов, либо понизить зарплату английским горнякам. Капиталисты предпочли последнее. Мы видели

величайший бой, который имел принципиальное классовое значение. Здесь стоял вопрос о том, позволит ли рабочий класс Англии производить снижение цен на промышленные товары за счет ухудшения своего экономического положения, позволит ли он капиталистам отнять у него те кое-какие уступки, которые он получил от них после войны? На горняках была сделана величайшая проба, и раздавить горняков значило раздавить всех остальных рабочих. Для консервативного правительства, для всех английских капиталистов это был принципиальнейший вопрос, имевший политическое и классовое значение. Здесь была первая атака капитала: кто победит, кто выиграет первый бой — тому обеспечена победа и в будущих сражениях. На одной стороне были английские империалисты, английская буржуазия, а на другой — английские горняки, поддержанные рабочими СССР. Таким образом, фактически разгорелся бой между английским капиталом, с одной стороны, и английскими горняками в союзе с русскими рабочими — с другой. Это не был бой между правительством советов и консервативным правительством Англии, но это был бой более глубокого содержания — между победившими свою буржуазию рабочими СССР и английской буржуазией.

Даже в своей стране английская буржуазия наталкивается на колоссальнейшие противоречия, существующие между нами и ими. Ведь для всех ясно, что если все трудящиеся СССР были на стороне английских горняков, то тем самым и симпатии советского правительства и компартии были на стороне выступивших горняков, ибо симпатии правительства в стране диктатуры пролетариата неотделимы от воли народа, и в первую очередь пролетариата. Морально это одно и то же. И это понял английское правительство.

Этот ряд указанных мною противоречий предопределяет неизбежное столкновение двух миров. Почему торопятся с ним английские консерваторы? Потому, что две различные тенденции наблюдаются в развитии экономики и политики в СССР и в Англии. Потому, что они видят, что мы с каждым годом становимся сильнее, тогда как у них нет уверенности, что через год они будут сильнее, чем сейчас. Они видят, что передышка обращается не в их, а в нашу пользу, поэтому против нашей политики мира они ведут политику развязывания войны. Вот почему английские

капиталисты, английские империалисты являются главнейшими и важнейшими нашими врагами; они являются лидерами наших врагов, олицетворяя всю враждебность буржуазного, дряхлого мира, который еще существует и живет рядом с нами.

Несмотря на все это, мы ведем политику за мир. Мы знаем, что собою представляет консервативное правительство в Англии, пришедшее к власти путем подложного письма Зиновьева [227]). Мы знаем всю историю «родовитой» английской аристократии. Мы знаем, что крупнейшие капиталы тех фамилий, которые сидят в палате лордов и делают погоду в политике, созданы торговлей невольниками, продажей рома индейцам, торговлей опиумом в Китае. Мы знаем, что нет таких преступлений, которые не скрывались бы за гербами этих «великих» фамилий английской аристократии. Мы знаем, что партия консерваторов есть партия рабовладельцев, партия людей, к которым прилипла кровь китайских детей, замученных на английских фабриках, кровь расстрелянных и замученных индусов. Мы знаем с кем имеем дело, и, тем не менее, исходя из интересов трудящихся СССР, из интересов развивающейся рабочей революции, мы против войны, мы были за то, чтобы поддерживать с ними необходимые, выгодные для обеих стран отношения. Поскольку нам приходится жить бок о бок с капиталистами, поскольку мы считаем, что передышка в наших интересах, мы за сохранение мира, за деловые сношения, потому что каждый год делает нас все сильнее и сильнее. Это совершенно ясно для всех трудящихся нашего Союза. Год тому назад мы были гораздо слабее, чем сейчас, а через два года мы будем много сильнее.

У английских же капиталистов картина совершенно иная. Год тому назад дело у них еще было кое-как, а в этом году они имели колоссальнейшую стачку горняков, которая сильно подорвала английский рынок и принесла сотни миллионов рублей убытку. Мы видим крушение их политики в Китае, и в то же время, когда у них там такое плохое политическое положение, заставляющее их держать там значительный флот и значительную армию, они принуждены обострять внутреннюю борьбу в своей стране. Тот же разгром горняков, который дал им только видимую победу, в то же время заставил их перейти в наступление против профсоюзов. Он заставил их проводить

дикий, варварский закон о профсоюзах [225]), который должен отбросить английское рабочее движение на сотню лет назад. Однако, еще неизвестно, что из этого выйдет, примирятся ли с этим английские рабочие. Я лично уверен, что внутри английского рабочего класса найдется еще достаточно сил, чтобы противодействовать введению закона. Я уверен, что наши товарищи-коммунисты сумеют выполнить свой долг в борьбе против этого законопроекта. Мы видели, как хорошо умеет драться английский рабочий.

Для английских империалистов выгоднее развязать силы сейчас, приблизить решительную схватку, а для нас выгоднее оттянуть это время. Они видят, что чем дальше, тем хуже для них складывается соотношение сил: мы становимся чем дальше, тем сильнее и сильнее.

Вот почему у них пущены в оборот все средства, нажаты все пружины; все, что можно пустить в ход против нас,— пущено. Не сомневаюсь, что хитроумные лорды еще что-нибудь изобретут. Война, это их последнее средство, их последняя козырная карта.

Могут ли английские капиталисты, может ли партия консерваторов об'явить в данный момент, вот сейчас, войну СССР? — Нет, не могут. Не могут потому, что английский рабочий против нас воевать не хочет и не будет, а вести против нас войну, рассчитывая исключительно на силы наемной армии, дело затруднительное, если не сказать — опасное.

Война встретит сопротивление не только рабочих,— воевать не хочет сейчас и мелкая буржуазия всех стран. Не только у рабочего класса и у мелкой буржуазии, но даже у части средней буржуазии жива в памяти империалистическая война [24]). Что получила мелкая буржуазия и часть средней буржуазии Германии и Франции в результате войны? Крушение валюты, которое разорило немецкую, французскую и часть английской мелкой буржуазии так, как не обобрала своей буржуазии русская революция. Если подсчитать, что́ западно-европейская буржуазия потеряла на аннулировании наших долгов и что́ — на падении марки и франка, то окажется, что на последнем она понесла потерь в десять раз больше. Все тяготы войны были переложены, конечно, на рабочих и на мелкую буржуазию. Только крупные магнаты вышли из

войны с деньгами, все остальные потеряли, и не могли не потерять. Война непопулярна, и рабочие не будут драться.

Не может Англия вызвать нас сейчас на войну прямым наскоком, прямым насилием, пустив в ход союзные и сочувствующие ей крупные и мелкие буржуазные государства, находящиеся от нее в прямой зависимости. А она этого, несомненно, хочет. Больше того, мы имеем основания полагать, что Англия хочет войны, мы имеем факты, говорящие за то, что она пыталась и продолжает пытаться спровоцировать войну. Но пока не выходит. Не вышло потому, что массы не хотят войны, потому, что все знают, что такое война. Все понимают, что теперь из-за войны с СССР могут разгореться две войны: во-первых — мировая война, во-вторых — мировая классовая война. Противоречия, которые мы наблюдаем в Англии, в большей или меньшей степени имеются и в других государствах; быть может, там они развиваются менее быстрым темпом, менее ярко выражены. Вот почему в данный момент, немедленно, втянуть нас в войну не так легко, как хотелось бы нашим врагам. Если бы это было иначе, *война была бы уже об'явлена.*

Наконец, есть еще одно препятствие, которое мешает английским капиталистам *немедленно* броситься в войну, а равно создать единый фронт буржуазной Европы против СССР. Писали в газетах, что идут политические толки о «священном союзе против коммунизма», о «священном союзе против большевиков, против советов», но не так-то легко этот «священный союз» осуществить. Ибо священный-то союз сам по себе, «единство принципов», «культуры» против варваров большевиков и прочие трескучие фразы наемных буржуазных писак, это — одно, ну, а свои интересы, свой-то карман, это совершенно другое и для каждого буржуа самое драгоценное. Равным образом и вся политика капиталистических государств руководствуется не какими-либо отвлеченными принципами, а только соображением: «А что я от этого получу и что могу потерять». Многие экономические и политические противоречия между различными буржуазными государствами в основном остаются теми же, какими они были и 10 лет тому назад. Если бы капиталистические государства могли об'единиться на каком-либо принципе, если бы они могли об'единить свои силы в сплошной классовый фронт, то, поверьте, мы сейчас не заседали

бы в Мариинском театре. Почему они тогда, раньше не об'единились? Никогда, уверяю вас, тожества интересов у них быть не может. Целый ряд антагонизмов остается между ними. Внешне они дружны, солидарны, из'ясняются другу другу в любви и т. д.

А вот в газетах промелькнуло такое «интересное» сообщение о содержании того документа, который Хикс искал в нашем торгпредстве [160]). — Оказывается, по словам буржуазных газет, пропавшей грамотой был план воздушной бомбардировки Парижа. Это характерно для отношений между капиталистическими государствами. А между тем, они жмут друг другу руки, из'ясняются в любви, а в то же самое время в Париже вырабатывается план бомбардировки Лондона, а в Лондоне — план бомбардировки Парижа.

Происходит глухая борьба за гегемонию в международной политике между Англией и Францией. Полное недоверие одной к другой. Очень косо смотрит Англия и на воздушное вооружение Франции. Остаются не изжитыми противоречия между Францией и ограбленной Германией, которая начинает теперь оправляться. У немецкой буржуазии появляются тоже кое-какие аппетиты. Не изжиты противоречия между Германией и Польшей [327]). Не изжитыми остаются противоречия между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Японией [328]). Продолжается конкуренция за экономическую гегемонию между Англией и Северо-Американскими Соединенными Штатами и т. д. и т. д. [329]). Вся эта сумма противоречий остается целиком, происходят отдельные изменения, перегруппировки, но в целом, повторяю, вся эта сумма противоречий остается попрежнему. Каждый хочет торговать, развивать свою промышленность, завоевывать рынки. Борьба за рынки, борьба за право эксплоатировать отсталые народности была, есть и будет, пока существует империализм.

Борьба за рынки на очереди дня. Конкуренция обостряется, и тщетны все попытки путем сговора найти выход из надвигающегося кризиса. В чем, например, смысл недавно состоявшейся в Женеве международной экономической конференции? [330]). Как вы увяжете такой факт, что накануне разрыва Англии с нами на женевской экономической конференции самыми, говоря на политическом языке, интересными людьми были представители Союза Советских Социалистических Республик?

Морально мы одержали победу на этой конференции, ибо все буржуазные государства под нашим нажимом должны были признать право на существование двух систем. Они должны были признать право на существование социалистического государства, как особой экономической системы. Почему? Откуда такой успех? Почему буржуазия вдруг так любезно к нам отнеслась? Да потому, товарищи, что там все были продавцами и только мы одни — покупателями. И такими покупателями, которые кладут деньги на стол во-время — по каждому векселю получишь в срок, такими покупателями, у которых покупательная способность растет из года в год, которых каждый хотел бы прикрепить к себе. Правда, это — «отвратительные большевики», которых на картинах рисуют с лохматыми бородами и с ножом в зубах, которые едят суп из маленьких детей, но ведь золото не пахнет, а платят большевики хорошо.

Война не такая легкая вещь, война — вещь не простая. Об'явить ее сейчас — это для консервативного правительства означает окончательно скомпрометировать себя в глазах всего населения; но предварительная подготовка к ней уже ведется. И тем не менее, *идет бешеная подготовка к войне со стороны наших врагов,* идет наступление по разным линиям: они смотрят, нельзя ли то здесь, то там ослабить будущего противника, устроив несколько диверсий. Диверсией называется, когда, находясь формально в мирных отношениях с другим государством, какое-либо государство подбрасывает другому маленькие банды, отдельные отряды по 3 — 5, 100 — 200 человек, с целью нанесения материального вреда: подорвать мост, бросить бомбу в клуб, где занимаются диалектическим материализмом, взорвать пороховой погреб или крупное механическое сооружение, фабрику, завод, — словом, под диверсией разумеется всякий вред, причиняемый противнику. Что фактов такой диверсии в СССР достаточно — говорить не приходится. У нас в Ленинграде был опыт такой диверсии. Убит тов. Войков, но это политический акт без желательных для убийц результатов, ибо убийством отдельных лиц ничего нельзя сделать, ничего перевернуть, но, тем не менее, это все-таки политический жест. Бросать бомбы в ленинградские клубы, в кружки по изучению экономической географии, диалектического материализма, политической экономии — это могут

делать только диверсионные отряды. Что значит убить студентов,— какой это террор? Какой это имеет политический смысл? Какое влияние на жизнь государства оказывали пострадавшие молодые студенты? Если на том или другом политическом деятеле сосредоточено внимание, потому что он проводил такую политику, за которую его убивают, то хотя это и глупо, но это может быть понято человеком с политическими способностями ниже средних. Но как понять это? — Это — диверсия, только диверсия. Мы знаем, что на некоторых заводах были попытки поджогов, мы знаем, что в машинах, которые хотели пустить, находили гайки, мы видели засунутые в конвейеры болты. Кто это делает? Не наши рабочие, ибо наши рабочие понимают, что это их машина, их шестерня, за которые им приходится платить трудом и потом. Русский рабочий этого не сделает. Это — попытки диверсией дезорганизовать наш тыл, террором запугать нас, попытки втянуть нас в войну, подорвать наш престиж, поставить нас в роль державы второй степени. Либо терпи,— тогда упадет твой политический престиж, и ты сойдешь на роль второстепенной державы; либо, если хочешь сохранить свой престиж, начинай войну. А мы говорим: престиж престижем; иногда у нас сердце поворачивается от негодования, иногда у нас от гнева сжимаются кулаки, как, например, когда в застенках Чжан Цзо-лина пытают наших сотрудников, но для нас понятие престижа нечто совсем другое, чем для буржуазных политиков. Для нас престиж состоит в том, что никогда красноармеец СССР, никогда правительство СССР, никогда дипломаты СССР не выступают в роли насильников и угнетателей. Наш престиж заключается в том, чтобы обеспечить мирное, спокойное социалистическое строительство в стране. Вот наш престиж. Понятие о престиже заключается для нас в том, что мы без крайней необходимости, если только откуда-нибудь революции не угрожает смертельная опасность, не допустим пролиться ни одной капле крови рабочих и крестьян!

Были и будут попытки финансовой блокады, были попытки экономической блокады. Все это вместе взятое создает атмосферу подготовляющейся войны. В самом деле, когда начинают стрелять в наших послов, когда начинают бросать бомбы в марксистские кружки, отсюда недалеко и до того, чтобы вывести из себя человека со средними нервами, да, пожалуй, можно вывести

из себя и целый народ. *Это есть подготовка к войне, это есть начало конца передышки.* В какой момент, с какой стороны, будет нанесен нам главный удар со стороны врагов, когда и как будет навязана нам война — мы не знаем, но мы к этому должны быть готовы — и готовы.

Я говорил, что рабочий класс всех стран смотрит теперь на Союз Советских Республик иначе, чем он смотрел несколько лет тому назад. Рабочие других стран воочию видели положение в Ленинграде, Москве, Донбассе, на Кавказе, и многие из них видели больше, чем видели наши московские и ленинградские рабочие, ибо им дана была возможность разъезжать по всей нашей стране. И вот они вернулись, рассказали своим братьям-рабочим о том, что делается в нашей стране. Характерным является то, что наша деятельность одобрена германской рабочей делегацией [245]), состоявшей на 75% из социал-демократов и только из нескольких коммунистов. При отчете этой делегации присутствовали представители христианских союзов, представители католических рабочих организаций, и они одобрили доклад делегации о советской республике, одобрили его единогласно. Несмотря на то, что западно-европейского рабочего так морочат, что он состоит в христианских и католических союзах,— истинное пролетарское нутро иногда прорывается, оно открывает обман и ложь и вылезает наружу в форме голосования за русских рабочих. При таких условиях об'явить нам войну — дело рискованное. Несмотря на всю свою тупость и всю слепоту, буржуазия это понимает. Консерваторы, глупо и бессмысленно разорвав торговый и дипломатический договоры, наивно думают, что торговля с нами после этого не сократится. Поставив английские торговые круги перед фактом, они утверждают, что мы заинтересованы в торговле с Англией и будем торговать и без дипломатических сношений. Если так будет, они скажут: «видите, мы правы: и с дипломатическими сношениями и без них — все равно, они торгуют». Нет, извините! Все-таки для того, чтобы торговать, — необходимы элементарные гарантии. Таким образом, торговать при создавшихся условиях нельзя, а кто от этого пострадает — мы посмотрим.

С финансовой блокадой пока-что дело тоже не выходит. Об этом говорят новые кредиты, которые мы кое-где получаем. Об'явить финансовую блокаду значит отказаться от торговли

с нами, что будет стоить очень дорого тем, кто это будет проводить. Таким образом, и экономическая и финансовая блокада пока-что не выходят. Остаются попытки диверсии, попытки деморализовать наш тыл,— но это не легкая штука. Я думаю, что деморализовать вас, которые видели осаду Ленинграда, терпели холод и видели армию Юденича чуть ли не у Нарвских ворот — мудреная штука [8]). Напугать нас террором, это — совершенно детская штука и ерунда. Видели мы и револьверных выстрелов сколько-угодно. В нашего вождя — вождя рабочего класса, Ленина — было пущено несколько отравленных пуль — и что же? Ни на иоту у него не дрогнуло сердце.

Все это, вместе взятое, есть до известной степени проявление нервности. Нас хотят вызвать на войну, думают, что наши нервы не выдержат. Нет, когда дело идет о крови рабочих и крестьян, о срыве социалистического строительства, когда дело идет о том, что нас хотят вызвать на преждевременную схватку, на преждевременный бой — тогда у нас крепкие нервы. Если во время империалистической войны немцы говорили: «победит тот, у кого крепче нервы», то теперь мы можем сказать: мы сохраним мир, потому что у нас самые крепкие нервы. У большевиков нервы крепкие; это мы можем сказать всему буржуазному миру. Кроме того, у русских рабочих и крестьян есть доверие к советской власти, являющейся представительницей широчайших масс народа, власти, которая вывела из экономического тупика всю страну, вывела ее из голода, холода и эпидемий, которая десять лет вела ее по пути улучшения экономического положения широких масс трудящихся. У крестьян и рабочих к этой власти есть доверие.

Если речь идет о том, что нас хотят вызвать на войну путем диверсий и террористических актов,— то это у них нервы шалят, а не у нас. Но мы из этого сделаем целый ряд выводов. Первый вывод, который напрашивается, следующий: эти диверсии показывают, что кое-где мы чересчур благодушно настроились, поставили винтовки в угол, распоясались — ворота нараспашку: приходи, кто хочет, и делай, что хочешь; все — друзья, все — братья. Нет, мы живем во враждебном окружении, а поэтому благодушие по-боку, оно никуда не годится. Все это заставляет еще крепче, еще усиленнее строить нашу социалистическую жизнь. *Время передышки, повидимому, остается очень коротким, быть может,*

несколько месяцев, а, быть может, несколько недель, и все, что можно за это время сделать, чтобы враги не застали нас врасплох, нужно сделать. Нужно быстрее строить наши фабрики и заводы, нужно давать лучшего качества товары. Нужно сплотить свои ряды, подтянуть дисциплину и т. д. и т. д. Мы — большевики — победили, рабочий класс нашей страны одержал победу благодаря тому, что, как про нас говорили, у нас не только железная, а дьявольская дисциплина.

Правда, товарищи, немножко у нас в большевистских рядах как-будто распоясались. Нам теперь приходится порой слышать со стороны беспартийных рабочих, на беспартийных митингах, разговоры о том, что, мол, теперь уж что-то не так, как было раньше, что у нас появились баловство, расхлябанность. Сплотить наши ряды необходимо, усилить общую волю нужно, подтянуться нам следует, работа должна быть удесятерена, она не должна ни на минуту прекращаться. Нам следует сильно всем подтянуться, а коммунистам — в первую очередь, а все, что этому мешает, должно быть отброшено. Только под этим углом мы и будем рассматривать всякие предложения, в том числе и о дискуссиях. Если это содействует нашей работе по сплочению пролетарских рядов, если это способствует нашей подготовке к обороне страны, давайте дискуссировать; если же это не содействует этому, а только мешает — пошлем к чорту. Все, что идет на пользу, на сплочение наших трудящихся, мы будем поддерживать, и плевать мы хотим на всякие диверсии. Нас такими мелочами не запугаешь и меньше всего запугаешь вас, меньше всего запугаешь тот город, где родилась советская власть. *Мы не должны терять теперь ни минуты времени, используя все для подготовки обороны страны. Враги не должны застать нас врасплох.* И я уверен, что первый Совет в мире (а первым Советом в мире был Ленинградский Совет) будет не в последних, а в первых рядах,— в мирном ли строительстве, в грозе ли, или в буре войны. Позвольте мне выразить уверенность, что ленинградские рабочие и их Совет были и будут первыми. *(Бурные аплодисменты).*

Заключительное слово.

Товарищи! Я не имею никакой возможности ответить на все записки. Большинство записок относится к тем вопросам, которые

в достаточной степени освещены докладом, и я думаю, что они написаны до конца моего доклада. На часть из них я ответить не могу, считая, что вопросы, затронутые в них, не относятся к теме данного собрания.

На остальные записки, относящиеся к затронутой мною теме, я считаю необходимым ответить.

Среди поданных мне записок есть и тревожные вопросы, например: зачем в Балтийском море английский флот? [166]). Не сможет ли он перейти к активной блокаде? Не будет ли он останавливать наши суда? и т. д. Ну, конечно, когда имеешь дело с такими твердолобыми людьми, как английские консерваторы, то трудно сказать, что будет завтрашний день. Все же мне думается, что эти тревожные вопросы вызваны недоразумением.

Какое значение имеет посещение английским флотом Балтийского моря? Это есть военная демонстрация, это есть политический жест, угроза, для того, чтобы произвести впечатление на прибалтийские государства. Недавно на Балтийском море происходили маневры нашего флота, и вот, чтобы ободрить мелкие балтийские государства, ослабить впечатление, произведенное этими маневрами, производится эта демонстрация, чтобы показать им: «смотрите — это что, что вам показал Ленинград! а вот мы вам покажем!» И вот для этого приходит английская эскадра.

Мы никогда не отрицали, что у них кораблей больше, что корабли у них лучше. Пусть они продемонстрируют и кое на кого произведут впечатление. Этому удивляться нечего; но мне думается, что это простая, обычная военно-морская демонстрация, с целью произвести впечатление на мелкие балтийские страны: «вот, дескать, смотрите, какие мы сильные».

Вопрос, на который невозможно ответить, это — вопрос такого порядка: «когда будет война? укажите точный срок; будет ли война в течение ближайших двух месяцев?» и дальше: «с какой стороны будет нападение?» Ну, товарищи, когда речь идет о сроке, я не пророк. Владимир Ильич нас учил: «смотрите, сроков не назначайте». В сроках ошибиться можно легко. Так что, будет ли война в течение ближайших двух месяцев, не могу сказать, и не могу гарантировать, что не будет. Это будет зависеть от многих причин. Все зависит от того, как будет реагировать международный пролетариат на все происходящее. Кстати,

этим я отвечаю и на вопрос о позиции западно-европейских рабочих. Она будет зависеть от того, удастся ли правительству консерваторов создать какой-нибудь блок против нас. Своими же собственными руками консерваторы воевать не будут.

Вопрос: «Не изменится ли по отношению к нам позиция Германии? не удастся ли им втянуть Германию в активный блок против нас?» Я лично думаю, что в данный момент это им не удастся при всем желании, потому что существует целый ряд противоречий, которых никак нельзя примирить. Так, например, нельзя иметь одновременно своими союзниками и Польшу и Германию, так как для того, чтобы удовлетворить Германию, нужно ей вернуть земли, которые захвачены поляками; а удовлетворив Германию, обидишь Польшу. Усилив же Германию, кроме того, обидишь Францию, которая боится всякого усиления Германии, ибо последняя и так слишком быстро поправляется после войны.

Я думаю, что на ближайшее время этого не удастся сделать, и нейтралитет Германии, как и Турции, в данный момент нам обеспечен, ручаться же за будущую политику всякого буржуазного государства нельзя.

Еще тревожный, вполне понятный вопрос: «Почему не раскрыты виновники покушений на взрывы и виновники последнего взрыва? делается ли что-нибудь, чтобы их разыскать?»

Товарищи! Для того, чтобы задавать вопрос о том, разыскиваются ли виновники покушений, и в том числе подготовки взрыва на само ОГПУ,— нужно не знать ОГПУ. Что же касается того, что виновники не разысканы, то приходится сказать, что даже ОГПУ не всегда всесильно. Бывают ошибки, и если был какой недосмотр со стороны работников ГПУ, то поверьте, что вина их в этом небольшая, они делали и делают все, что могут. Нам всем нужно поддерживать авторитет ГПУ и усиливать его работу, ибо оно является карающим мечом революции. Мы до сих пор могли уверенно строить свое хозяйство и спокойно вести работу под защитой ГПУ, потому что тысячи ответственнейших работников и преданнейших людей, день и ночь не спали для того, чтобы мы могли спокойно работать и спать. Но иногда недосмотр бывает. Война есть война. Всегда побеждать нельзя; иногда бывают промахи и ошибки, и враг оказывается сильнее нас. Но ленинградский пролетариат и пролетариат всего СССР может быть уверен,

что ГПУ не спит, а делает то, что требует от него революция, и свой долг будет исполнять и впредь до конца.

Следующий вопрос: «Будет ли наверняка победа революции в Китае [101]) и как скоро это будет?» Маркс нас учил тому, что легко было бы делать революцию, если бы, сидя в удобном кабинете, можно было высчитать все шансы за и против. Если сто процентов за,— я начинаю революцию, если нет, не выходит, так я революцию не делаю. В том-то и заключается гнилость реформизма, что реформисты думают, что революцию можно начинать только тогда, когда за нее все сто процентов, когда все шансы за победу, что можно дождаться того момента, когда буржуазия отдаст все фабрики и заводы рабочим. Конечно, так революция не делается, точно рассчитать ее нельзя.

Мы уверены, что китайская революция непобедима. Что это значит? — Это значит, что она может терпеть временные поражения. Ведь уже были предательства и, вероятно, еще будут предательства не одного генерала [101]). Когда происходит широкое национальное движение, этого не избежать. Когда китайские рабочие и крестьяне начнут еще более энергично землишку отбирать, тогда многие, теперь революционные элементы испугаются и перейдут на сторону империалистов, на сторону насильников. Но, я думаю, что ни один из коммунистов не сомневается, что движение, особенно движение в Китае, где насчитывается свыше 400 миллионов населения, движение, захватившее сотни миллионов крестьян и рабочих,— что такое движение не может быть раздавлено, что его нельзя расстрелять из пушек, ибо на это, товарищи, и пушек не хватит, и бессильны те, кто хочет задавить такое движение. Пусть будут временные неудачи, заминки, остановки, но движение крестьянских и рабочих масс Китая непобедимо.

Некоторые товарищи спрашивают о судьбе арестованных в Китае сотрудников полпредства и, в частности, о судьбе арестованных на корабле «Память Ленина». Судя по сегодняшним газетным сведениям, матросы освобождены, а остальные арестованные будут подвергнуты китайскому суду. Что вынесет суд? — Это зависит от многого и, между прочим, от международной ситуации. Конечно, в Китае будут добиваться убийства наших товарищей, их казни. Сейчас идет попросту вопрос о головах людей. Будут

ли наши товарищи расстреляны, будут ли им отрублены головы, по китайскому обычаю, либо они останутся в тюрьме, — это покажет нам время, предсказать решение Чжан Цзо-линовского суда трудно.

Совершенно естественно спрашивает один товарищ в записке: «Докуда же мы будем терпеть, что наших бьют?» Да, наших бьют, а мы терпим; ничего не поделаешь: приходится терпеть по тем же причинам, о которых я вам говорил. Этим нас хотят спровоцировать на войну, хотят, чтобы мы поддались сто раз законному чувству негодования, но, тем не менее, в таком вопросе политически вредному чувству. В том-то и заключается твердая политика: чувству не поддаваться. Чтобы быть хорошим революционером, нужно иметь очень горячее сердце и очень холодную голову. Каждого из нас возмущает, что наших бьют, подло из-за угла убивают; что бросают бомбы, что, может быть, будут делать это и впредь. Конечно, невольно поднимается законное чувство негодования, возмущения; но это возмущение принадлежит к области чувств, а тут нужен холодный расчет и спокойствие.

Сейчас в Москве опускают в могилу тело павшего от пули врага красного дипломата — тов. Войкова [325]). С великой скорбью опускает пролетариат СССР это тело в могилу. Опускает он его с великой скорбью потому, что мы потеряли одного из лучших и беззаветных работников советской власти. Тем не менее, на могиле тов. Войкова мы скажем: «нас не запугаешь этими выстрелами». Один ответ должен быть нами дан врагам пролетариата: «Один из лучших бойцов наших пал. Сомкнитесь. Горд будет тот, кто вступит на его место». Наши дипломаты тем и отличаются от буржуазных дипломатов, что они — дипломаты, находящиеся во вражеском лагере, под огнем, под дулом револьвера врагов; но мы не должны и не дадим прорываться чувству, не допустим того, чтобы чувство руководило нашей политикой. Мы должны подтянуться, десять раз сказать себе: «подтянемся! немножко мы распустились»,— но мы попрежнему будем говорить: «нервы у нас крепки; спокойный и холодный расчет при горячем сердце; спокойный расчет соотношения сил классов». Интересы рабочего класса требуют, чтобы мы временно подавили чувство, чтобы у нас господствовал рассудок. Но мы не пацифисты. Смешно было бы, если бы нашим аргументом было, что мы за мир вообще; нет, мы

не за мир вообще, мы за классовую борьбу, мы за классовую войну до победного конца, мы за то, чтобы драться, так драться до конца, кто кого; но мы принимаем бой тогда, когда он выгоден для рабочего класса. Мы сделаем все, чтобы война не началась, но мы должны сказать и скажем нашим врагам за рубежом и внутри страны: сеющий ветер пожнет бурю. Тому, кто внутри будет баловать, пытаться дезорганизовать тыл, мы покажем, что у революции есть суровая, железная рука, расправляющаяся со всяким контрреволюционером, который думает под влиянием теперешних событий поднять голову. Пусть знают за рубежом, куда донесутся голоса ленинградских рабочих, которые выступали на этой трибуне, членов Совета,— начиная от домашней хозяйки и кончая командиром вооруженных сил Ленинграда и представителями ученых,— что в нашем лагере трещин нет. Мы за мир, но мы ясно видим надвигающуюся войну — мы все силы положим на то, чтобы в любой момент встретить врагов грудью. Мы за мир, но если для нас останется один выход, если нам навяжут войну,— то сеющий ветер пожнет бурю.

Речь на заседании пленума Ленинградского Совета РК и КД 11 июня 1927 г. Издана отдельной брошюрой. Книгоиздательство ВЦСПС. Москва. 1927 г.

Международное положение и Англо-Русский Комитет [330]).

Товарищи! Я думаю, что все читали опубликованную нами переписку ВЦСПС с Генсоветом о созыве АРК [228]). Она для того и была опубликована, чтобы не только все члены и кандидаты Пленума, но чтобы и все рабочие СССР и Англии внимательно с ней ознакомились. Из этой переписки явствует, что Президиум ВЦСПС вел длительную борьбу за созыв АРК и что борьба эта закончилась свиданием в Берлине представителей ВЦСПС Томского и Мельничанского с представителями Генсовета — Ситрином [263]) и Хиксом [259]). Прежде чем перейти к изложению того, что было на этом совещании, и последующих событий, я хотел бы в нескольких словах об'яснить, почему мы вели такую длительную переписку о созыве АРК, ибо каждый из вас и каждый рабочий СССР и Англии в праве задать следующие вопросы.

Стоило ли разводить такую длинную переписку? Не лучше ли было бы сразу, после первого письма, обратиться к Пленуму ВЦСПС и доложить ему, что АРК не хочет собираться? Имеет ли какое-нибудь значение вопрос, соберется АРК или нет, и какой смысл, в конце концов, имеет то обстоятельство, что он не собирается в данное время?

Вот комплекс вопросов, которые стоят перед каждым из нас.

Почему мы придавали исключительное значение созыву АРК? Во-первых, потому, что мы все время считали своим долгом руководствоваться постановлениями с'ездов профсоюзов. VII С'езд Профсоюзов СССР дал достаточную оценку нашей деятельности в АРК, дал свою оценку и самого АРК. VII С'езд Профсоюзов осудил теорию взрыва АРК, одобрил нашу прямую и честную критику политики Генсовета во время всеобщей стачки, указал,— что опасность срыва АРК Генсоветом стоит во весь рост.

Чтобы напомнить эти факты, я позволю себе огласить кое-какие места из постановлений VII С'езда Профсоюзов. Это — часть резолюции VII С'езда по отчету ВЦСПС — параграф 17. Первый абзац его одобряет линию ВЦСПС, второй — одобряет создание АРК и честную критику ошибок Генсовета с нашей стороны. В этом параграфе говорится:

«Равным образом с'езд считает правильным отклонение со стороны ВЦСПС линии на срыв АРК. В то же время с'езд не может не отметить намечающейся опасности срыва Англо-Русского Комитета со стороны вождей Генсовета, на что указывает...»

Дальше следует перечисление трех фактов. Первый — отказ Генсовета созвать конференцию из представителей ВЦСПС и Амстердамского Интернационала. Второй — предложение Генсовета от 30 ноября, направленное к суживанию функций АРК. Третий — отказ Генсовета послать братскую делегацию на наш с'езд. Затем та же резолюция говорит:

«Отмечая опасность этой глубоко неправильной линии Генсовета для дела борьбы за единство международного профдвижения против капиталистов, с'езд, со своей стороны, считает, что ВЦСПС должен приложить все усилия для осуществления и дальнейшего развития принятой Англо-Русской конференцией декларации, обязывающей обе стороны к борьбе против опасностей новых империалистических войн, против экономического и политического наступления капитала на рабочий класс, за единство международного профдвижения и об'единение всех профсоюзов в единый дееспособный классовый Интернационал профсоюзов».

С'езд выразил уверенность, что никакие ошибки вождей не смогут разорвать братского союза между рабочими обеих стран. Таким образом, VII С'езд не шел втемную, как это некоторым кажется. С'езд уже тогда видел опасность срыва АРК со стороны Генсовета и, в свою очередь, предлагал противопоставить этой линии — линию на активизацию АРК,— на развертывание его, превращение его в дееспособный орган борьбы против наступления капитала и опасностей империалистических войн, в орган борьбы за единство международного профдвижения.

Отсюда неизбежно вытекали две линии в Англо-Русском Комитете, являющемся, как вам известно, паритетным органом. Не надо забывать, что АРК состоит фактически из двух групп, как

всякая примирительная камера. Две тенденции в АРК, о которых я говорил выше, могли уживаться только путем компромисса. Кто думает, что компромисс может быть без взаимных уступок, тот ошибается. Когда создавался АРК, мы рассматривали его именно так, знали, что некоторые компромиссы неизбежны, конечно, только такие компромиссы, которые не требовали бы от нас потери лица, не требовали бы от нас отказа от наших убеждений. Правда, АРК самостоятельных решений никогда не выносил, он лишь намечал или подготовлял эти решения, и каждое его постановление и резолюция приобретали силу лишь после их утверждения ВЦСПС и Генсоветом. Однако, в том, что решения Англо-Русского Комитета неизбежно будут результатом борьбы и известного компромисса между двумя его половинами — коммунистической и реформистской [11],— в этом не могло быть никакого сомнения. Я напоминаю об этом потому, что теперь некоторые говорят с таким видом как-будто открывают какую-то Америку: смотрите, какое открытие, смотрите, в Генсовете — не коммунисты! А когда представители Генсовета были в СССР, эти «некоторые» вместе с нами их встречали, оказывали им почести, устроили прием, достойный профдвижения страны со старейшим рабочим классом, хотя они и знали, что это реформисты, как равно знали и то, что собою вообще представляют реформизм и его последователи. Кто этого не знал, того можно пожалеть. Англичане написали книгу, отчет о поездке в СССР, и мы приложили все усилия, чтобы ее распространить. А что говорилось в этой книге? Разве вы могли бы подписаться под каждой ее страницей? Там писалось, что на деле мы перерождаемся, что мы только говорим о коммунистических принципах, а на деле мы куда-то с'езжаем, что наш строй есть госкапитализм и тому подобные милые сменовеховские пошлости [133]). Разве мы не видели, что эта книга ни капельки не похожа на книгу, написанную коммунистами, что ее писали реформисты?! Но тем не менее то другое, о чем они говорили в этой книге, а именно их сообщение о том, что они видели в СССР, было громадным прогрессивным фактором, революционизировавшим умы и настроения западно-европейских рабочих, изменившим их отношение к СССР. Это перевесило ее отрицательные стороны.

Что они — реформисты, это нам было известно на протяжении всего существования Англо-Русского Комитета, известно и сейчас.

Известно, что реформист, это — такой человек, который неправильно ведет рабочий класс, затушевывает классовые противоречия между трудом и капиталом, колеблется в решительные моменты, смягчает напор рабочего класса на капиталистов, а порою и прямо становится на сторону капитала. А так руководить рабочим классом, значит — предавать его интересы. Вот каков реформист. Мы знали, с кем мы создавали Англо-Русский Комитет. И тем не менее никто не смеет отрицать, ни у кого не поворачивается язык отрицать величайшую роль, которую сыграл АРК в истории рабочего движения. Что в Англо-Русском Комитете сталкивались две тенденции — коммунистическая и реформистская,— это несомненно. Реформистское крыло боялось развития Англо-Русского Комитета, боялось разрастания его в Интернационал, боялось резких формулировок, боялось, с одной стороны, столкновения с Амстердамским Интернационалом, а, с другой стороны, опасалось, как бы не обидеть своих правых и буржуазной прессы, как бы не бросилась в глаза их слишком левая позиция, как бы не восстановить против себя общественное мнение, т.-е. по существу дела буржуазное мнение, мнение продажной желтой прессы. Другая сторона — наша — была всегда против половинчатости, против всякой непоследовательности, мы тянули Англо-Русский Комитет на решительные шаги, стремились превратить АРК в активный фактор международной классовой борьбы пролетариата, толкали своих партнеров влево, что заставляло Генсовет принимать резолюции, в общем не отражавшие его политической физиономии. Эти тенденции ясно сказываются во всех документах Англо-Русского Комитета.

Мне очень печально, что на пленумах ВЦСПС приходится повторять несколько раз одни и те же положения, которых я уже касался в предшествующих докладах по этому вопросу. Но, как никак, есть вещи, которые в настоящих условиях приходится довольно часто повторять. На последнем совещании Англо-Русского Комитета, происходившем в Берлине с 29 марта по 1 апреля 1927 г. [228]), о котором кое-кто шопотком распускает небылицы в роде того, что мы там потерпели поражение, и т. д., особенно остро сказались компромиссный характер Англо-Русского Комитета и борьба двух тенденций. Наша линия на расширение функций АРК, за его активизацию. Их тенденция была направлена

к тому, чтобы получить от нас, как уступку, хотя косвенную гарантию, что с нашей стороны не повторится критика, подобная той, которая была во время всеобщей стачки и стачки горняков. В то же время они стремились избежать постановки активных политических вопросов, как, например, вопроса о Китае и насилии английских империалистов над китайским народом [101]). С нашей же стороны явилось, пожалуй, крупнейшей уступкой то, что мы политически не схватили их тогда за горло и не потребовали: «ставьте вопрос о Китае, дайте ясную оценку событий в Китае», а ограничились лишь общей ссылкой на революцию в Китае. Мы никогда не скрывали, что на берлинской конференции нам пришлось сделать значительные уступки англичанам, но в то же время не следует забывать, что не с веселым сердцем они голосовали за такие, например, положения:

> «Англо-русское проф'единство особенно необходимо, как показано с наибольшей ясностью недавними событиями, для предотвращения угрозы нападения на Советский Союз — очаг первых рабочих республик, которое привело бы к новой великой войне, обрекая рабочих обеих стран на страдания и лишения».

Не с легким сердцем принято ими, что:

> «Равным образом АРОСК *) заявляет, что важнейшим условием успеха борьбы за международное единство труда против капиталистической эксплоатации является крепкий братский союз между профдвижением Британии и СССР и одновременно заявляет о своей готовности последовательно развивать и укреплять существующие дружеские отношения между указанными профдвижениями обеих стран.
>
> Эти дружеские отношения должны развиваться в сторону большей активизации взаимной помощи и поддержки».

Нам известно, что через Генсовет это прошло с величайшим затруднением.

Берлинское совещание Англо-Русского Комитета обязывало нас, если рассуждать формально, к некоторому более осторожному подходу по отношению к Генсовету, в то же время налагая на англичан обязательство развивать и расширять деятельность Комитета, в частности обязательство активно бороться против войны.

---

*) АРОСК — Англо-Русский Об'единенный Совещательный Комитет.

Но нигде, никогда, ни в одном документе мы не отказывались от своего права критики, от права на свободу слова. Никому в голову не приходила такая чудовищная мысль. В частных разговорах отдельные члены Генсовета нам говорили: «вы бы полегче ругались; на наше «общественное мнение» очень плохое впечатление производит, когда ругают и называют имена». Однако, никто из нас не думал отказываться от права критики. Разница в понимании и толковании берлинских резолюций скоро обнаружилась. Вскоре после того как началась наша переписка, 14 мая было послано наше первое обращение к ним о созыве АРК; 19 мая, после формальной отписки о том, что заседание будет созвано, Ситрин [263]) обратился ко мне лично с письмом относительно появившегося в газетах моего интервью [317]) по поводу законопроекта о профсоюзах. Я думаю, что это все помнят.

Что такое, в сущности, это интервью? Вмешательство во внутренние дела Генсовета или невмешательство? Но если я имею право иметь собственное мнение о том, что делается в Германии, Франции и т. д., то почему и кем я лишен права иметь и высказывать свое мнение о рабочем движении Англии? Ведь никому, нигде и никогда я своей души не продавал. Это я могу с открытыми глазами сказать ВЦСПС.

Я сказал свое мнение представителям прессы по вопросу о варварском нападении консервативного правительства на английские профсоюзы, ибо это было важнейшим фактом, иллюстрирующим неразрывность экономической и политической борьбы, подтверждающим правильность нашей линии во всех отношениях. Ограничение форм и методов классовой борьбы, сведение всей борьбы лишь к парламентским методам неизбежно ведет рабочий класс от поражения к поражению, что мы и видим сейчас в Англии. А ведь в свое время, когда на Англо-Русской конференции мы говорили, что экономическому наступлению капитала неизбежно сопутствует политическое наступление, из представителей Генсовета кое-кто возражал: «Ну, экономическое наступление может быть, а политического наступления не будет». Отсюда то́ значение, которое, по этому важнейшему вопросу современной классовой борьбы, приобретало и для русских рабочих и для рабочих других стран мое мнение, как мнение председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов.

На-днях мы получили по поводу этого интервью следующее письмо.

Лондон, 19 мая 1927 г.
М-ру ТОМСКОМУ.
ВЦСПС, Москва.

По вопросу об интервью с «Уоркерс Лайф».

Дорогой Томский!

Мое внимание было обращено на статью, появившуюся в «Уоркерс Лайф» от 13-го мая с. г., представляющую собою сообщение об интервью с вами, в котором вы резко критикуете действия, предпринятые Генеральным Советом и профсоюзами в связи с правительственным законопроектом против профсоюзов.

Нет необходимости напоминать вам о том, что политика, проводимая Генеральным Советом, следует продуманным инструкциям, полученным от конференции исполкомов профсоюзов, и никто не в состоянии лучше их судить о тех важных вопросах, которые затронуты этим несправедливым законопроектом, и решить вопрос о методах, которыми следует бороться против него.

В виду этого факта и принимая во внимание также содержание резолюций, принятых на недавнем берлинском заседании, нам не хочется верить, что вы, как ответственный лидер русского профдвижения, могли сделать такие заявления, какие приписываются вам в упомянутой статье, и мы только можем заключить, что они являются извращением того, что вы действительно сказали.

Могу сказать, что «Таймс»[298]) и др. газеты с большой охотой поспешили сослаться на эту статью с очевидной целью воспользоваться ею как новым случаем, чтобы ввести общество в заблуждение относительно отношений, существующих между рабочими движениями обеих стран. Более того, такая статья, несомненно, увеличит те затруднения, которые профсоюзные деятели здесь, благоприятно расположенные к России, встречают в борьбе с предубеждениями, которые так старательно насаждаются в известных кругах среди самого рабочего класса.

В виду этих соображений, я желал бы услышать от вас о том, точно ли представляют заявления, появившиеся в «Уоркерс Лайф», ваши взгляды. Будьте любезны ответить мне при первой возможности, так как статья эта представлена на обсуждение Генеральному Совету.

При сем прилагаю копию статьи.

Преданный вам Вальтер Ситрин,
Генеральный секретарь.

Английский текст статьи я передал экспертам на заключение. Они указали на некоторые неправильности в переводе: например, вместо слов «перебежчики из своего лагеря», сказано «предатели из своего лагеря» и т. д. Но ведь это всегда неизбежно при переводах, а затем: на копейку больше или меньше в таком большом деле,— ведь это не играет роли.

И вот, исходя из неоспоримости права на критику и свободу мнений, я ответил на письмо м-ра Ситрина следующим образом:

Москва, 6 июня 1927 г.

Уважаемый мистер Ситрин!

Ваше письмо от 19 мая с. г. мною получено. Это письмо полуофициального характера целиком посвящено моему интервью от 8 мая, напечатанному в советских газетах и переданному ТАСС [317]) за границу.

В этом письме вы даете вашу личную оценку этому интервью, спрашиваете у меня о подлинности интервью, напечатанного в «Уоркерс Лайф», и уведомляете меня о том, что это интервью будет поставлено на обсуждение Генсовета.

Я ни в какой степени не хочу оспаривать вашего права, как и всякого гражданина любой страны, иметь свое суждение о моих политических выступлениях, но поскольку вы сочли нужным довести ваше мнение до моего сведения, я не могу не выразить своего опасения в том, что значительное влияние на ваше мнение о моем интервью оказал «Таймс».

Английский текст присланного вами интервью, как выяснилось при проверке переводчиками, в отдельных местах несколько расходится с русским текстом, но в общем и целом правильно передает текст и основные мысли русского подлинника, расходясь только в оттенках.

Не могу скрыть своего изумления, вызванного вашим сообщением, что Генсовет намерен обсуждать мое интервью. Мне лично кажется, что настоящий момент изобилует более важными и более животрепещущими для всех рабочих организаций темами, например: Китай, разрыв дипломатических сношений Англии с СССР, подготовка войны и т. д. Однако, я просил бы вас это мое замечание не рассматривать как попытку «вмешательства во внутренние дела» Генсовета. Хотя это обсуждение в некотором роде и будет касаться моей скромной особы, я, тем не менее, не оспариваю права Генсовета обсуждать все, что ему будет угодно, хотя бы мои брошюры.

Однако, я должен решительно возразить против претензии со стороны кого бы то ни было ограничить мою личную свободу

слова или установить над ним какой-либо контроль. Такие попытки неизбежно потерпят фиаско. За каждое свое политическое выступление я согласен отвечать только перед ВЦСПС, моей партией и рабочими массами, которым я считаю своим долгом всегда говорить только правду, хотя это и не для всех удобно.

В своих личных выступлениях я не считаю себя связанным никакими резолюциями АРК, ибо наивно было бы думать, чтобы я мог признать какую-либо резолюцию, требующую отказа от моих убеждений. Было бы чудовищно придавать берлинским резолюциям такой смысл — это было бы воистину «вмешательством» в мои личные дела. Вы пишете, что никто лучше Генсовета и конференции не может судить относительно билля о стачке. Не оспаривая компетенции этих учреждений, я разрешаю себе в отдельных случаях сомневаться в политической целесообразности того или иного решения этих уважаемых учреждений, ибо не верю в безгрешность вообще, даже римского папы. Равным образом, в своих выступлениях перед рабочими СССР я считаю своим неотъемлемым правом критиковать всякий неправильный или вредный для рабочего движения поступок, независимо от того, какого учреждения это касается, и невзирая на то, что может сказать по этому поводу «Таймс».

Не вдаваясь в существо вопросов, затрагиваемых моим интервью, я думаю, что развертывающиеся события подтверждают правильность моих взглядов, изложенных в этом интервью. Полагаю, что настоящее письмо внесет необходимую ясность в поставленный вами вопрос.

С совершенным почтением
М. Томский.

Вот переписка о моем интервью, предшествовавшая переписке о созыве АРК, которая, правда, носила частный характер, но в которой, несомненно, шел вопрос о праве на критику. Свое письмо я показал членам Президиума ВЦСПС и получил их одобрение. Я не счел бы нужным при других обстоятельствах оглашать эту полуофициальную переписку, если бы последующие события не придали исключительного значения этому интервью, сделав тем самым и всю переписку вопросом политическим.

Вот как было дело перед берлинским совещанием, вот какие были отношения, вот как мы подходили к пониманию различных вопросов, в том числе вопроса о праве критики и праве на свободу слова. Если вы посмотрите нашу переписку с Генсоветом, то увидите, что тон этой переписки, с нашей стороны весьма скромный

вначале, все усиливался пропорционально сопротивлению другой стороны,— английской половины АРК. Первое наше обращение дает принципиальную оценку создавшегося положения, но оно довольно мягко, в нем нет ни резкости, ни упрека, ни требовательности. Но Генсовет, в ответ на англо-русский разрыв, ограничился только тем, что устроил завтрак тов. Розенгольцу [331]) в здании палаты общин. Конечно, при известных условиях для людей определенной психологии даже завтрак является очень определенным революционным действием. Может быть, для некоторых людей и завтрак с тов. Розенгольцем является очень революционным действием, но, во всяком случае, не требующим очень большой жертвы со стороны его участников.

То постановление, которое было вынесено против налета на Аркос [332]), было беззубым, слюнявым, двуличным документом, который оканчивался выражением уверенности в том, что СССР окажется выше мстительных желаний и что он постарается в своих международных отношениях заслужить доверие народов всего мира. Вот почему наша тревога усилилась, и мы увеличили свой нажим на Генсовет. Однако, в то же время мы не дали и не считали возможным дать какой бы то ни было повод, который создал бы для них возможность по формальным соображениям отказаться от созыва АРК, который мог бы быть ими истолкован как желание с нашей стороны сорвать или вызвать их на взрыв Англо-Русского Комитета.

Не стану скрывать, что среди нас, членов Президиума ВЦСПС, были некоторые колебания относительно того, стоит ли ехать на предварительное совещание председателей и секретарей, когда Генсовет так упорно отказывается созвать АРК. Самое совещание председателей и секретарей могло быть истолковано и представлено так: хотя Англо-Русский Комитет не созвали, но председатели и секретари что-то такое сделали, какую-то беду руками развели, и нет необходимости созывать самый АРК. У нас были такие колебания, но мы согласились на это частное совещание с заявлением и оговоркой — это ясно из нашей переписки,— что мы остаемся при старом мнении о необходимости созыва Англо-Русского Комитета, но поехать, тем не менее, не отказываемся. Самое это совещание, носившее неофициальный характер и притом чрезвычайно краткосрочное (у нас была большая задержка

с визами), началось с попытки со стороны представителей Генсовета свести все дело к вопросу о моем интервью. Мы, со своей стороны, перевели дело на другие рельсы — о необходимости борьбы против войны и о значении оттяжек в созыве АРК.

В самом деле, когда весь мир стоит перед опасностью войны, когда война не на словах, а на деле надвигается на рабочий класс и, в первую очередь, на пролетариат СССР и Англии, в это время орган, основным пунктом платформы которого является борьба против опасности войны, не собирается, а представители профдвижения обеих стран, съехавшиеся обсудить именно вопрос о созыве АРК в ответственнейший момент, будут обсуждать вопрос об интервью Томского, вопрос о том, правильно или неправильно такое-то выражение этого интервью, хорошо это интервью или нет. Как бы ни было это для меня лестно, но чтобы поставить мое интервью наравне с мировыми событиями, либо нужно быть абсолютно тупоголовыми людьми, либо это — попытка уйти от неприятных вопросов. Что может значить чье бы то ни было интервью в сравнении с теми гигантскими событиями, которые надвигаются на рабочий класс?

Итак, мы поставили вопрос иначе: мы заявили протест против оттяжки АРК и потребовали об'яснений, почему АРК не созывается. Представители Генсовета, со своей стороны, указывали на трудности, на то, что большинство Генсовета не хочет созыва АРК, так как сейчас якобы нет темы для обсуждения, но что они ни от чего ранее сказанного о войне не отказываются, не отказываются и от того, что война — зло и что против нее нужно бороться.

Тогда мы поставили вопрос практически. Пора перестать говорить о том, что войны — зло, что против войны нужно бороться, и вынести еще одну резолюцию, что война, мол, плохая вещь. Пора сказать и о том, как АРК, который об'единяет два величайших профдвижения в мире, намерен сам и предлагает рабочим других стран бороться против войны. Нам отвечали: «пока-что, войны нет, зачем же кричать — волк! волк!», пока волка не видно?

Мы на это ответили, что поздно кричать, когда волк за глотку схватит. Нельзя сидеть сложа руки и называть это борьбой против опасности войны. Пора сказать рабочим, *какими практическими*

мерами нужно бороться против опасности войны, пора мобилизовать, поставить на ноги пролетарское общественное мнение для борьбы с этой опасностью. Мы решительно отвели вопрос и о тоне наших телеграмм, и о тоне интервью, и все попытки опять свести совещание к этому.

Я повторил лишь то, что сказано по этому поводу в письме: никто не имеет права ограничивать свободы моего слова, и я не считаю себя связанным никакими резолюциями Англо-Русского Комитета в своих личных выступлениях. Глупо и смешно после 20 лет политической деятельности во имя прекрасных глаз английской части АРК отказаться или пойти на ограничение своего права свободных выступлений, регулируемых учреждениями, которым я подчинен, и, в первую очередь, моей партией и ВЦСПС. В результате нами было выдвинуто следующее положение: сейчас, в настоящий момент оттяжка созыва АРК вреднее, нежели прямой отказ его созвать. Мы заявили: либо вы нам скажите, что АРК нужно созвать тогда-то и тогда-то,— оставаться ли нам здесь в Берлине и дожидаться созыва АРК,— либо скажите, что не хотите сейчас созывать АРК или что АРК вообще не созовете. Но попытка увиливать, тянуть, указывает на неискренность, на недобросовестность. Мы заявили, что будем расценивать это и не можем расценивать иначе, как линию, правда, очень замаскированную, но по существу направленную на срыв АРК, ибо для рабочих нужна ясность: есть АРК или нет, почему он бездействует, кто этому виной и кто за это ответственен.

В результате этой беседы мы не получили ясного ответа: ни да, ни нет. Если говорить о впечатлении, то у нас с Мельничанским создалось впечатление, что поскольку мы ни в чем не хотим отказаться от сказанного, то вероятнее всего АРК не будет созван, хотя бы они лично этого и хотели.

Мы заявили, что это будет величайшей ошибкой; что это будет расцениваться как их желание покинуть нас, рабочих СССР, в самый трудный, грозный момент, несмотря на то, что они брали на себя десятки раз обязательства перед русскими рабочими в форме ряда постановлений, деклараций АРК, конференций; мы заявили, что мы принуждены будем рассматривать дальнейшие увиливания и оттяжки в созыве АРК как прямое намерение покинуть русских рабочих в беде, разорвать АРК, проявить свою

лойяльность к правительству консерваторов, выслужиться перед буржуазным «общественным» мнением.

После этого представители Генсовета обратились с запиской, адресованной на имя тов. Мельничанского, следующего содержания:

Берлин, 19 июня 1927 г.

Дорогой м-р Мельничанский!

По поводу беседы, которую м-р Хикс и я имели с м-ром Томским и с вами 18 и 19 июня, я подтверждаю наше заявление о том, что ваша телеграмма от 11 июня написана таким языком, который может быть рассматриваем нашим Генеральным Советом, как вызывающий и диктаторский, и что всякое такое впечатление может вызвать ненужные трения и недоразумения. Мы считаем важным, чтобы этот пункт был выяснен.

Братски ваш Вальтер М. Ситрин.

На это мы ответили запиской за подписью тов. Мельничанского:

Берлин, 19 июня 1927 г.

Дорогой мистер Ситрин!

Меня крайне удивило ваше и Хикса заявление, что наша телеграмма от 11 с. м. может быть истолкована как вызов и стремление со стороны ВЦСПС диктовать свою волю Генсовету. По моему глубокому убеждению ничего оскорбительного для Генсовета эта телеграмма не содержит и никоим образом ее нельзя истолковать в том смысле, как это изложено в вашем письме на мое имя 19 с. м. Телеграмма от 11 июня лишь отражает нашу законную тревогу, вызываемую оттяжками в созыве АРК в столь важный и ответственный момент, и наше стремление сделать все, чтобы мобилизовать общественное мнение и все силы рабочего класса для борьбы против явно надвигающейся войны. Мы полагаем, что АРК может в этом деле кое-что сделать, и вот почему мы так настойчиво добиваемся созыва АРК и протестуем против оттяжек его созыва. Мы за сохранение АРК, за его активизацию в деле борьбы против войны, и было бы ошибкой в дурную сторону толковать нашу переписку, в частности, вышеозначенную телеграмму. Я считаю все это настолько само собой разумеющимся, что в обычных условиях с моей стороны не требовалось бы никаких письменных раз'яснений; однако, в данный момент я считаю своим долгом сделать все от меня зависящее, дабы устранить все побочное и второстепенное, всякое недоразумение, могущее осложнить отношения профдвижений обеих стран и затормозить созыв АРК.

С братским приветом

Мельничанский.

Вот два документа, которыми мы обменялись.

Дальнейший ход событий был таков. Мы получили следующую телеграмму 22 июня с. г.:

> Вопрос об отношениях Генерального Совета к Англо-Русскому Комитету передан нашему международному комитету для обсуждения. Письмо следует.
>
> Ситрин.

Потом получили телеграмму ТАСС о том, что вопрос о созыве АРК передан Генсоветом на рассмотрение международной комиссии с тем, что таковая свое заключение доложит Генсовету, который соберется в июле,— т.-е. как раз те самые издевательские оттяжки, против которых мы так решительно протестовали на совещании в Берлине. И дальше ТАСС сообщает следующее:

> Лондон, 28 июня. Агентство Рейтер [325]) сообщает: «На об'единенном заседании Генерального Совета профсоюзов и исполкома Рабочей партии, которое состоялось вчера в палате общин, принята следующая резолюция: «Признавая исключительные затруднения и опасность политического положения Советской России и всецело понимая справедливое негодование русского советского правительства по поводу убийства его посланника в Варшаве Войкова [326]), Генеральный Совет и исполком Рабочей партии считают своим долгом все же протестовать против открыто усвоенной советским правительством политики казни [327]) лиц, невиновных в убийстве Войкова, в качестве репрессалий за это убийство. Генеральный Совет и исполком Рабочей партии считают, что ответ убийством на убийство является политическим методом, понижающим уровень цивилизованной жизни и не могущим принести Советам ничего, кроме вреда. Поэтому они выражают горячую надежду на то, что практика расстрела лиц за политические преступления в Советской России по суду или без суда будет прекращена».

Вот те два документа, которые мы имеем в ответ на все предшествующее. Можем ли мы пройти мимо этих двух документов? Что значит первый документ и что значит второй документ? Рассматривать отдельно эти документы было бы политической ошибкой. Мы должны констатировать перед лицом всего рабочего класса, и в первую очередь нашего и британского, что мы сделали все для того, чтобы сохранить АРК и не дать даже повода обвинять нас в желании взорвать АРК, и мы считаем, что мы делали это правильно.

Мы считали и считаем, что на протяжении всей истории АРК наша линия за активизацию АРК, за развертывание его в дееспособный орган классовой борьбы, за превращение его в орган мобилизации всех рабочих организаций, недовольных политикой Амстердамского Интернационала [13]),— независимо от принадлежности к тому или иному Интернационалу,— для об'единения этих сил на платформе трех элементарных предпосылок правильной классовой политики: борьбы против империалистических войн, борьбы против наступления капитала на рабочий класс и борьбы за профсоюзное единство рабочих,— что эта наша линия правильна. Мы считаем, что правилен был наш курс на то, чтобы, несмотря не только на грубые ошибки, но и на преступление вождей Генсовета, сохранить АРК. Было бы глупо говорить о едином фронте, об осуществлении единого профсоюзного фронта и при первой же попытке реформистов изменить этот фронт, разорвать. Такой путь не может быть путем к завоеванию масс. Мы не отказывались никогда от того, чтобы критиковать наших партнеров. Мы дали резкую, жесткую критику их ошибок, мы не замалчивали ни одного из их крупных политических проступков и, тем не менее, мы считали долгом сохранить АРК. Пусть говорят, что эта нить — плоха, но ведь это есть нить связи нашего движения с профдвижением Англии, и мы считали своим долгом не рвать её, а всемерно укреплять. Мы не скрывали ни от кого того положения, что Генсовет не выдержал первого экзамена: борьбы против экономического наступления капитала, его политического наступления и всеобщей забастовки; мы не замалчивали, когда они предали забастовку горняков, мы не отзывались от своей критики, мы говорили правду перед лицом всех рабочих, и напрасно некоторые предполагали, что первая встреча наша с англичанами будет состоять в том, что англичане на нас нажмут, а мы откажемся от того, что мы сказали.

Мы ни от одного слова, сказанного нами, не отказались. Но мы считали и считаем себя в праве, пока АРК существует, требовать его созыва в решительные политические моменты, а когда рабочему классу грозит опасность от неправильной, ошибочной, трусливой или прямо предательской линии вождей, возвысить свой голос и предупредить об этом международный рабочий класс. И теперь наступил именно такой момент, когда мы с полной

откровенностью должны сказать всему международному пролетариату и, в первую очередь, пролетариату СССР и Англии полную правду о двойственной политике Генсовета, направленной к взрыву АРК, к разрыву союза с рабочими СССР.

Секретарь Генсовета, вероятно, будет искать какого-нибудь параграфа, будет искать, не нарушает ли это наше обращение какой-либо резолюции АРК и т. д. Но было бы глупо так толковать и оценивать те или иные политически необходимые шаги в этот величайший исторический момент, подчиняя их формалистике и забывая про существо. АРК был создан для борьбы против опасности войны, АРК в этот момент должен был выявить свое лицо, а не прятаться трусливо. И если наши партнеры забыли цели АРК и помнят только о формальностях или просто боятся перед лицом своей буржуазии выполнить принятые на себя обязательства борьбы против войны, боятся мобилизовать в противовес буржуазному пролетарское общественное мнение, боятся указать рабочему классу, что он должен делать перед лицом надвигающейся войны, какими практическими мерами он может с ней бороться, то мы должны об этом ясно и отчетливо сказать всему рабочему классу.

Что значит струсить в этот момент? Это значит, что все пышные слова деятелей британского профдвижения о том, что они всегда поддержат рабочих СССР, что они друзья новой Советской России, друзья советских рабочих, были только звонкой фразой. На деле это значит, что в тот момент, когда против рабочих СССР выступает консервативное правительство, разгромившее голодных горняков, растреливающее китайскую революцию, давшее закон об удушении тред-юнионов, организовывает все силы буржуазного мира, все силы хищников и эксплоататоров для вооруженного нападения,— в этот момент все пышные слова разлетелись как дым, вожди Генсовета трусливо отступают, боясь скомпрометировать себя в глазах «общественного мнения», т.-е. буржуазии, желтой продажной печати, блоком с русскими рабочими, боясь упреков в нелойяльности к консервативному королевскому правительству. Это равносильно самой черной измене по отношению к рабочим СССР. А что делает консервативное правительство в настоящий момент?

В ответ на нашу кампанию, кампанию против подготовляемой ими новой империалистической войны, нового разбойного нападения

на Республику Советов, в ответ на нашу кампанию за мобилизацию общественного мнения миллионов пролетариев для отпора намерению навязать миру новую бойню народов,— они, консерваторы, развертывают контркампанию, вопя: «В Москве большевики расстреляли 20 белогвардейцев» [334]). Конечно, буржуазная пресса хватается за это, сентиментально восклицая: «Ах, невинно расстрелянные заложники! Это репрессия за убийство Войкова» и т. д. И против нашего блока, блока труда, блока пролетариев на основе борьбы против войны, создается вокруг консерваторов блок всех, кто на деле за войну, всех, кто с насильниками, включая сюда и слюнявых социалистических мещан, неспособных активно бороться против войны (ибо это значит бороться против всей системы капитализма), а способных только плыть по течению пресловутого «общественного мнения», создаваемого желтой прессой. Этот блок создается формально под лозунгом борьбы против расстрелов в СССР, а на деле — борьбы против рабочих и крестьян СССР, для подготовки новой империалистической бойни. Величайший вопрос, вопрос войны, фальшиво подменяется консерваторами вопросом о расстреле 20 белогвардейцев, уличенных в шпионаже, измене, в участии в террористических актах, в попытке вооруженного ниспровержения республик рабочих и крестьян, в попытке совместно с иностранными хищниками восстановить старый, постылый, презираемый всеми строй монархии, который после кровавой борьбы свергли наши рабочие и крестьяне. И вокруг этого блока об'единяются все испытанные слуги буржуазии, все представители слюнявого пацифизма и социалистического мещанства [11]), все те, кто на словах за СССР, а на деле идут на поводу за буржуазной прессой и консерваторами,— все они, выступая с протестом против расстрела белогвардейцев, фактически присоединяются к черному, организованному консерваторами, фронту. Немудрено, что II Интернационал [11]) по докладу русских меньшевиков первым делом выносит резолюцию «о заключенных» в России, возмущаясь расстрелом белогвардейцев и в тысячный раз, становясь *не* на сторону рабочих, борющихся против грядущей империалистической войны, а на сторону капиталистов, эту войну подготовляющих.

А под этот шумовой оркестр вздохов, испускаемых сентиментальными торговцами опиумом, биржевыми маклерами и героями

II и Амстердамского Интернационалов [18]) и прочей теплой компанией о «невинно» расстрелянных в Москве контрреволюционерах, идет лихорадочная подготовка войны против СССР, подготовка новых террористических актов, взрывов и поджогов...

И вот к этой кампании, путем вынесения резолюции о расстрелах, присоединяются все вожди Генсовета, от правых и до самых левых, кончая внешне весьма левыми представителями Независимой Рабочей партии [207]). А по вопросу величайшей, в настоящий момент, важности — о созыве Англо-Русского Комитета для мобилизации сил рабочего класса — отговариваются тем, что времени нет, отмахиваются от этого, чтобы оттянуть прямой ответ на вопрос о войне, затушевать его. Молчат тогда, когда в Китае сотнями и тысячами казнят крестьян и рабочих в угоду буржуазии. Когда же в СССР князья, генералы, помещики за явное преступление против рабочего класса, за попытку вооруженной рукой восстановить разрушенный рабочим классом строй в тягчайший момент, расстреливаются, как явные враги рабочего класса, распускать по этому поводу сентиментальные слюни — есть прямая измена рабочим, есть моральный блок с буржуазией...

Мимо этой гнусности мы не можем пройти, мы должны это показать и об'яснить рабочим СССР и рабочим Британии. Мы должны сказать, что в этот момент попытка оттянуть созыв АРК, увернуться за формальность есть линия на взрыв Англо-Русского Комитета.

Сегодня мы получили письмо от 22 июня.

М-ру МЕЛЬНИЧАНСКОМУ,
и. д. секретаря ВЦСПС.

По вопросу об Англо-Русском Комитете.

Дорогой м-р Мельничанский!

Доклад о встрече, которая произошла между м-ром Томским и вами с м-ром Хиксом [259]) и мною в Берлине 18—19 с. м., вместе с корреспонденцией, которой мы обменялись, включая ваше письмо от 20 июня, написанное в Берлине, был представлен нашему Генеральному Совету на его заседании сегодня.

После заседания совета я телеграфировал вам следующее:

«Вопрос об отношениях Генерального Совета к Англо-Русскому Комитету передан нашему международному комитету для обсуждения. Письмо следует. Ситрин» [263]).

Генеральный Совет, передавая вопрос международному комитету, решил, что до получения доклада от международного комитета по вопросу об отношениях Генерального Совета к Англо-Русскому Комитету и обсуждения этого доклада Генеральным Советом представители Генерального Совета не могут участвовать ни в каком заседании Англо-Русского Комитета.

Я опять напишу вам в связи с этим вопросом, когда он будет далее обсуждаться Генеральным Советом.

Искренне ваш Вальтер М. Ситрин.

Генеральный секретарь.

Все это звучит так, как-будто не было никаких обязательств, как-будто на берлинском совещании выносилась только односторонняя резолюция о каком-то невмешательстве. А на АРК было сказано вот что:

«П. 4. АРОСК от имени профсоюзов обеих стран, представляющих почти 15 миллионов организованных рабочих Англии и СССР, снова призывает организованных рабочих всех стран об'единить свои усилия с усилиями британских и советских профорганизаций в стремлении предупредить новые братоубийственные войны, отстоять жизненный и правовой уровень рабочих и, преодолев все препятствия и затруднения, помог в деле создания единой, всеоб'емлющей Мировой Федерации Профессиональных Союзов».

Как-будто этого не было сказано! Как-будто не было общей декларации на Англо-Русской конференции, как-будто не борьба против империалистических войн была одной из целей, для которой был создан АРК! Но вот опасность войны налицо. Нужно пункт 4 этой берлинской резолюции, не говоря о предыдущих, развить, дополнить практическими мерами борьбы рабочих против войны. А они все еще прячутся за формальности и, вероятно, еще будут жаловаться на резкость выражений, что мы-де их обидели, оскорбили, оторчили. После ряда принятых Генсоветом на себя обязательств и не выполняемых им, мы в праве обратиться открыто и прямо к русским и английским рабочим. Пусть рабочие СССР и рабочие Британии скажут, что политика верна. Конечно, если поддаваться «чувству» и вообще решать вопросы величайшей политической важности, касающиеся десятков миллионов рабочих, с точки зрения чувства возмущения и негодования, то только тогда можно было бы рекомендовать взрыв АРК.

А мы скажем: несмотря на то, что вожди Генсовета очень плохие вожди, несмотря на то, что последний экзамен по вопросу о войне они не выдержали, и есть опасность новой, более крупной измены с их стороны, несмотря на все это, мы сейчас не берем на себя инициативу взрыва АРК, ибо он создан для осуществления братской связи между рабочими СССР и Англии, а мы за всемерное развитие дружбы, солидарности, связи и взаимопомощи с английскими рабочими. Мы заявляем английским рабочим: «Смотрите, ваши вожди ведут преступную политику на взрыв Англо-Русского Комитета, они хотят снова изменить, они по существу ведут политику против рабочих СССР. Политика взрыва АРК в настоящий момент есть политика не только вредная для дела единства, это есть политика прямого предательства по отношению к рабочим СССР. Может ли одобрить английский рабочий политику, направленную к предательству русских рабочих, когда действительно наступила перед лицом всего мира опасность войны, когда хищники ожидают только момента, чтобы вцепиться в наше горло? Одобрят ли английские рабочие линию Генсовета на взрыв АРК, линию прямой измены, линию предательства рабочих СССР? Рабочие СССР такую политику Генсовета иначе, чем предательство, расценивать не могут.

Пусть Генсовет сейчас, перед лицом масс, ответит нам на наше открытое обращение. Пусть они не прячутся за то, что это формально может быть истолковано как нарушение берлинской резолюции. А мы утверждаем, что политика затяжки, политика маринования Англо-Русского Комитета в настоящий решительный момент есть срыв и презрение ко всем вынесенным резолюциям, есть политика взрыва, а взрыв АРК в настоящий момент есть предательство в отношении русских рабочих. Английские рабочие должны вспомнить о той братской помощи, которую, вопреки Генсовету, русские рабочие с небывалой и с невиданной в мире самоотверженностью оказали английским горнякам, и окажут впредь всем рабочим, когда и где это потребуется. Пусть массы Британии и массы СССР оценят это по-своему. Мы в праве требовать, чтобы Генсовет сказал нам, что значит подмена величайшего вопроса о том, как миллионы рабочих должны бороться против попытки капиталистов навязать миру войну, подмена вопроса о том, как рабочие двух величайших стран совместными усилиями должны

сплотить вокруг себя новые и новые миллионы рабочих для того, чтобы противостоять попытке хищников втянуть мир в войну, что значит подмена этих вопросов — вопросом о расстрелянных по заслугам белогвардейцах?! Они, которые прикрывают, замалчивают репрессии, производимые империалистами в колониях, они осмеливаются подымать свой голос, присоединяя его к голосу наших классовых врагов, когда мы, рабочие, над нашими классовыми врагами производим совершенно справедливую революционную расправу! Пусть рабочие массы Англии и СССР дадут справедливую оценку нашей политике и политике Генсовета. Мы не боимся суда масс, ибо мы верим в здоровый пролетарский классовый инстинкт. Массы рабочих Англии и СССР за братский союз, за решительную борьбу против войны, за борьбу против наступления капитала, за активный дееспособный АРК, за единство рабочих против капиталистов! Мы не доверяем вождям, но мы верим массам и уверены, что английский пролетариат в решительный момент оправдает наше доверие! Поэтому я предлагаю на данном собрании принять соответствующее обращение к английским и русским рабочим [885]). *(Аплодисменты).*

Доклад на внеочередном Пленуме ВЦСПС 28 июня 1927 г. Опубликовано в брошюре «Международное положение и Англо-Русский Комитет». Издательство ВЦСПС. Москва. 1927 г.

Угроза войны и единство мирового проф-движения [336]).

Мне задан ряд вопросов со стороны немецкой делегации, и только три вопроса, довольно большие, со стороны английской делегации. Некоторые из этих вопросов сами по себе являются темами для самостоятельных рефератов, так, например, вопрос о том, «как оценивается ситуация в Западной Европе, можно ли считаться с возможностью войны или революции», это — тема о современном международном положении Европы и о дальнейших вытекающих отсюда проблемах. Конечно, я на такие вопросы буду отвечать самым кратким образом, иначе я буду вынужден часть вопросов оставить без ответа, и у товарищей может создаться впечатление, что на их вопросы почему-то не хотят ответить.

По первому вопросу, о том, «как оценивается ситуация в Зап. Европе, и можно ли считаться с возможностью войны или революции», я буду делать особый доклад на предстоящем конгрессе друзей СССР [337]), поэтому здесь я ограничусь лишь самым кратким ответом. Я думаю, что не только можно, но и должно считаться с возможностью войны; больше того, мы убеждены в том, что, вообще говоря, война неизбежна. Мы знаем, что прогноз, который мы давали, еще два года тому назад, на Англо-Русской конференции [234]), при организации Англо-Русского Комитета [228]), т.-е. наше утверждение о том, что капиталистами готовится новая бойня, более погибельная и более жестокая, чем предшествующая империалистическая война, целиком и полностью теперь подтверждается.

Подготовка к войне усиливается с каждым днем,— и только слепой не видит этого. Только люди, которые либо ничему не научились, либо не хотят научиться, либо люди, целиком и полностью перешедшие на службу к своей буржуазии, продолжают обманывать рабочих, убеждая их, что война сейчас невозможна.

Это называется обманывать рабочих. Война готовится, война надвигается. Война неизбежна. В этом мы твердо уверены и об этом открыто говорим рабочему классу всего мира.

Опасность войны идет по двум линиям. Линия первая — неизбежная война империалистов и хищников между собою за дележ мира. Всюду, куда вы ни посмотрите, осложняются и углубляются существующие между капиталистами разных стран противоречия, надвигается, назревает ряд новых противоречий [100]).

Вторая линия — попытка капиталистов создать блок против СССР [313]). Вот две линии, по которым надвигается неизбежная опасность грядущей войны. Мы, марксисты — ленинцы, никогда не брались, не беремся и теперь сказать точно, когда эта война начнется, начнется ли она через 3—6 месяцев, или через год — полтора. Нельзя на себя брать смелость предсказывать сроки таких исторических событий. Оттяжка или ускорение таких событий зависит от многих причин, *и одной из них является степень сплоченности или разобщенности рабочего класса, степень его готовности оказать действительное, не на словах, а на деле, сопротивление этой войне.* Поэтому, не предсказывая сроков, мы с полной уверенностью утверждаем, что война неизбежна, мы считаемся с ней, как с реальным фактом ближайшего будущего, от которого никуда не уйдешь и никакими софизмами не укроешься.

Теперь я отвечу на вопрос немецкой делегации. Он гласит: «Какое значение для классовой борьбы международного пролетариата имел бы единый Интернационал профессиональных союзов?»

Если каждый рабочий на минуточку задумается о том, что было бы, если бы всех рабочих мира,— а мы, представители СССР, когда говорим о едином в мире Интернационале, именно так его понимаем, *как единый в мире Интернационал профсоюзов,* об'единяющий рабочих всего мира,— об'единил бы единый Интернационал профсоюзов, стоящий на почве классовой борьбы пролетариата, то ответ напрашивался бы сам собою. Такой Интернационал бездейственным долго быть не мог бы. Перед ним в ближайшее время неизбежно встала бы задача борьбы с капиталом не на жизнь, а на смерть. Этот Интернационал явился бы мощным оплотом рабочего класса в борьбе с капиталом во всем мире. Это было бы началом конца капитализма.

Некоторые подменяют вопрос о едином Интернационале вопросом о создании континентальных интернационалов [285]). Они говорят об отдельном Интернационале, об'единяющем европейские союзы, считая, что Америка — для американцев, Австралия — для австралийцев, а об Азии вообще мало думают. Это — неправильный подход. Мы все время говорим *о едином Интернационале профсоюзов,* об Интернационале, об'единяющем всех рабочих всего мира.

Для всех теперь бесспорно, что капитал в Западной Европе несколько иными путями, другими методами, но не менее упорно, чем это было раньше, продолжает свое наступление на рабочий класс. В одних странах ведется кампания за удлинение рабочего дня, за ухудшение экономического положения рабочих [123]). В других — капиталом ведется кампания рационализации производства [312]). Путем капиталистической рационализации производства выжимают из рабочих больше, чем выжимали до сих пор, а зарплату оставляют ту, которая существовала до этого, или совершенно незначительно ее повышают. Бои труда с капиталом на экономической почве идут непрерывно, и только слепые этого не видят. После стачки горняков в Англии [180]) назревают другие стачки,— недавно был конфликт у горняков в Германии [338]). Каждый день, разворачивая газету, вы видите, что в той или иной точке земного шара происходят колоссальные конфликты между трудом и капиталом. Правильно построенный единый Интернационал профсоюзов, *поставивший себе подлинно классовые задачи,* явился бы могущественным фактором в борьбе рабочих масс с капиталом, сплачивая рабочий класс на почве его насущных, повседневных, экономических интересов, развивая солидарность и воспитывая пролетариат для решительной борьбы с капиталом.

Конечно, те, которые говорят о социализме таким же тоном, каким просвещенный буржуа говорит о религии и загробной жизни, те, которые не хотят бороться с капиталом,— те не интересуются таким Интернационалом. Я утверждаю, и каждый, кто задумается над этим, согласится, что современные вожди социалистических партий и большинства европейских профсоюзов очень мало интересуются *окончательным освобождением пролетариата.* Их головами овладела другая идея — идея конструктивного социализма [288]), идея путем реформочек улучшить экономическое положение

рабочего класса, боязнь всяких конфликтов, идея о компанейских союзах между предпринимателями и рабочими, которые так же разумны, как и союз волка с овцой. Волк должен жрать, капитал должен эксплоатировать рабочих. Овца в союзе с волком обречена быть с'еденной; рабочий класс в союзе с капиталистом — обречен на эксплоатацию, на угнетение. И те, кто предлагают этот союз, хорошо знают, что волк живьем с'ест овцу, и тем не менее они все-таки ведут рабочих по этому пути.

Единый Интернационал профсоюзов всего мира, это — идея, за которую стоит бороться, но которую не так легко осуществить, ибо для этого нужен величайший напор многомиллионной рабочей массы, которая должна понять и будет день ото дня все лучше и лучше понимать весь вред для рабочего класса его разобщенности и национальной обособленности. Рабочие день ото дня, на опыте повседневной борьбы, все лучше будут видеть и понимать, что борьба с капиталом в современных условиях непосильна рабочим одной страны.

Разве могли английские горняки выдержать нажим стоящего у власти капитала, который мобилизовал на подавление горняков [180]), их жен и детей весь государственный аппарат со всей его техникой, продажную прессу, многомиллионное чиновничество и буржуазное общественное мнение, в хвосте за которым плетутся чиновники профсоюзов. Я не хочу этим ни в какой степени напоминать о наших заслугах, но представьте себе на минутку, что стачка горняков протекала бы в обстановке, когда рабочие всего мира были бы сплочены в едином боевом Интернационале и поддержали бы горняков столь же энергично, как поддержали их русские рабочие? Я думаю, что тогда английская забастовка окончилась бы как-то иначе. Я думаю, что и весь мир после этого выглядел бы иначе.

Единый Интернационал профсоюзов, это — величайшая идея, величайшая задача, над которой всем честным рабочим во всех странах следует неустанно работать.

Я отвечаю на следующий вопрос немецкой делегации: «Почему советские профсоюзы не вступают в Амстердамский Интернационал?»

Разве вступление профсоюзов СССР в Амстердамский Интернационал разрешило бы вопрос о едином Интернационале

профсоюзов? Этим мы вопроса не разрешили бы. Что представляет собою Амстердамский Интернационал и нужно ли профсоюзам СССР вступить в него? Профсоюзы СССР — не единственные союзы, которые не входят в Амстердамский Интернационал; есть еще другие союзы, которые не входят в него: одни — потому, что сами не хотят вступить в этот Интернационал, другие — потому, что их туда не принимают. Вхождение профсоюзов СССР в Амстердамский Интернационал при существующих условиях было бы вопросом не только организационного об'единения. Вопрос заключался и заключается в том, что русские профсоюзы должны были бы согласиться с принципами, проводимыми и проповедываемыми этим Интернационалом.

Является ли Амстердамский Интернационал чисто профессиональной организацией? Я утверждаю, и никто этого не опровергнет, что Амстердамский Интернационал больше интересуется Бюро Труда при Лиге Наций [34]), чем задачами и проблемами, стоящими перед международным профессиональным движением.

В действительности имеется такое положение. В Женеве существует организация воинствующего империализма, называемая Лигой Наций. При ней имеется пристройка, называемая Бюро Труда при Лиге Наций, в которой треть членов состоит из предпринимателей, треть из представителей империалистических государств, которые делили и делят мир, которые занимаются и живут грабежом культурно и экономически отсталых народов, а треть состоит из так называемых представителей рабочих,— представителей Амстердамского Интернационала [13]), при чем ни для кого не секрет, что фактором политики является не Амстердамский Интернационал, а Бюро Труда. Таким образом, при Бюро Труда фактически существует пристройка, называемая Амстердамским Интернационалом.

Вы сами согласитесь, что входить в такую организацию недостойно нас. Недостойно, чтобы мы, представители пролетариата СССР, находились в одной организации с капиталистами, с империалистами, в организации, которая создана в результате гнусной империалистической войны, несправедливого Версальского мира [24]),— которая существует, чтобы туманить головы, обманывать мелкую буржуазию и часть отсталых слоев неразобравшегося в политике пролетариата. Амстердамский Интернационал

помогает буржуазии обманывать рабочих, поддерживая среди них иллюзию о том, что в лице Бюро Труда при Лиге Наций существует организация, справедливо разрешающая в международном масштабе рабочий вопрос.

Я спрашиваю каждого из вас, что дало рабочему классу это Бюро? Ничего не дало. Для того, чтобы успокоить рабочих после войны, когда их разоружили и демобилизовали, реформистами было создано это Бюро, которое должно было разработать законодательные меры для улучшения положения рабочих.

И вот фактически при этом Бюро существует Амстердамский Интернационал. Вожди этого Интернационала говорят, что Амстердамский Интернационал влияет на Бюро Труда, а последнее в свою очередь влияет на Лигу Наций. А не получается ли наоборот, что Лига Наций влияет на Бюро Труда, а последнее на Амстердамский Интернационал, и все они вместе помогают друг другу обманывать рабочих? Ну, мы в такую организацию не пойдем.

Кроме того, нам еще ставятся унизительные условия, такие же условия, какие английские и французские империалисты после войны ставили разбитой ими империалистической Германии. Нам говорят, что если мы признаем статут, конституцию, устав и все резолюции Амстердамского Интернационала, тогда нас, видите ли, примут в этот Интернационал. *Разве так,* как это делают они, *могут ставить рабочие вопрос об об'единении?*

Что на самом деле представляет собою Амстердамский Интернационал, по своей мощи, по количеству членов? Мы видели это на конгрессе, который недавно состоялся в Париже [339]). Они хотят разговаривать с нами таким тоном, каким разговаривают империалисты-победители с побежденными буржуазными государствами. Но ведь нас-то никто не победил.

Амстердамский Интернационал есть учреждение, на фронтоне которого написано: «Примирение труда с капиталом». Учреждение, посредством которого буржуазия обманывает рабочий класс. Пока это так — в такое здание мы не войдем, и каждый человек с головой, который серьезно подумает над этим, должен сказать, что мы правы. ВЦСПС об'единяет 10 миллионов членов профсоюзов,— что по существу равняется Амстердамскому Интернационалу. Надменность, которую допускают вожди Амстердама по отношению к нам, не только недостойна деятелей рабочего

движения, не только выдает буржуазное «нутро» героев Амстердама, она прямо курьезна. ВЦСПС фактически является интернациональной организацией, ибо он об'единяет рабочих 26 национальностей, населяющих СССР — шестую часть земного шара.

Пусть рабочие послушают, что амстердамские вожди предлагают для об'единения рабочего класса и что предлагаем мы, и пусть тогда они судят, кто хочет и кто не хочет создания единого Интернационала. Мы согласны встретиться и говорить с представителями Амстердама о создании единого Интернационала перед лицом всего мира.

Теперь я отвечу на второй вопрос германской делегации: «Возможно ли об'единение между Профинтерном и Амстердамским Интернационалом?»

Вопрос заключается не в том, чтобы об'единить Профинтерн и Амстердамский Интернационал. Это тоже еще не был бы единый Интернационал, так как, кроме этого, остаются такие куски, как Американская Федерация Труда [68]), норвежские [251]), финские союзы [302]) и ряд союзов других стран. Если вы спрашиваете не формально, а по существу, я вам отвечу: такое об'единение фактически невозможно, ибо слишком много у обеих организаций накопилось раздражения друг против друга, слишком на разных принципах стоят эти организации. Профинтерн является классово-революционной организацией, а Амстердамский Интернационал является организацией соглашения с капиталом. За 9 лет своего существования Амстердамский Интернационал занимался тем, что пытался добиться гармонии между трудом и капиталом, уговорить капиталистов на некоторые уступки рабочим, а рабочих уговаривал не быть «чрезмерно требовательными». А Профинтерн организовывал рабочих *для революционной борьбы не только за интересы сегодняшнего дня, но и за окончательное свержение гнета капитала.* Такие разные по своему существу организации об'единить нельзя, ничего из этого не выйдет.

Таким образом, вы видите, что вопрос об об'единении двух Интернационалов поставлен неправильно. Это не разрешает вопроса. Нужно уничтожить Профинтерн и Амстердамский Интернационал и создать *новый Интернационал профсоюзов, платформой которого была бы непримиримая борьба труда против капитала.* Вот основа всех основ для будущего Интернационала профсоюзов.

Седьмой вопрос немецкой делегации гласит: «Почему произошел разрыв Англо-Русского Комитета?» [228]). Первый вопрос английской делегации отчасти на этот вопрос отвечает. А именно: «Может ли тов. Томский сообщить нам, почему телеграмма ВЦСПС Эдинбургскому конгрессу [340]) была составлена в той особенной форме, которая была использована как повод для разрыва АРК?» В данном случае слова «в особенной форме» в английском вопросе следует понимать, как слова «в грубой форме». В том-то и дело, что первым поводом к разрыву выставили мотивы формальные: «вы говорите с нами в недопустимо грубом тоне». Вторым поводом было: «вы вмешиваетесь в наши внутренние дела, что мы считаем недопустимым». По существу же дело было совершенно в другом.

Грубая форма. Да, в этом отношении мы трешны, каемся, на язык мы иногда бываем резки, может быть, даже и грубы. Вопрос о том, что грубо и что деликатно, зависит во многих отношениях от национальных традиций. То, что с точки зрения английской буржуазии в отношении Китая [101]) будет очень вежливо, с точки зрения китайской буржуазии будет грубым. Но с каких это пор мы, рабочие, должны считаться с тем, что вежливо и что грубо? Мы, русские, привыкли называть труса — трусом, предателя — предателем, изменника — изменником, дурака — дураком. Правда, можно найти другую форму и дурака называть — простаком, труса — недостаточно решительным человеком и т. д., но мы считаем, что когда говоришь с рабочими, то нужно называть вещи своими именами. Нужно ли нам придерживаться церемоний? У китайской буржуазии два по социальному положению равных китайца не могут один раньше другого войти в дверь. Нужно ли китайскому пролетариату соблюдать все деликатности китайской буржуазии? Нет, не нужно, ибо иначе, если два председателя двух союзов встретятся у дверей рабочего собрания, то никто из них на собрание не попадет. Мы грубы, но разве из-за этого нужно и можно рвать союз между рабочими двух стран, об'единяющих 15 миллионов рабочих? Кстати, я отвечу на вопрос о количестве об'единяемых профсоюзами СССР членов. По предварительным данным на 1927 г., у нас 10 миллионов двести тысяч членов профсоюзов, у англичан — около 5 миллионов. Можно ли союз рабочих, об'единяющий 15 миллионов, рвать только из-за того, что мы грубы?

Дальше нам говорят: «вы вмешиваетесь в чужие дела», а это вмешательство в чужие дела вообще противоречит английскому национальному характеру. Так и говорят *«вообще»*. Я считаю, что все это глупости.

Что такое «чужие дела»? Если я буду говорить: «ешьте по утрам овсяную кашу, а не копченую селедку», или «говорите своей жене вместо вы — ты», или «шейте своему сыну не короткие, а длинные штанишки»,— это будет вмешательство в чужие дела, вредное и досужее вмешательство. А если я говорю, что забастовали горняки и ты им должен помочь, это — не чужое дело. Зачем представлять этот вопрос, как вмешательство в личные дела? В личные дела мы не вмешиваемся.

Одни любят играть в футбол, другие — ходить на охоту, стрелять волков. Это дело вкуса. Если кто-нибудь скажет мне: «Знаешь, не иди на охоту...», я ему отвечу: «А ну тебя к чорту, не вмешивайся в мои личные дела». А если ему зададут вопрос, сколько у тебя членов союзов или сколько у тебя безработных,— эти вопросы уже не являются вмешательством в чужие дела, это уже не личные дела. Я обязан на эти вопросы ответить, и отвечу.

Если мы согласимся с точкой зрения Генсовета, то это будет путь не организации пролетарских сил, а путь национальной обособленности, национальной ограниченности, путь разобщения рабочих. Ведь чего хотят, на самом деле, когда говорят: «не вмешивайтесь в чужие дела?» «Давайте устроим интернациональный союз, но только в чужие дела друг друга не вмешивайтесь». Может ли существовать такой интернациональный союз? Нет, не может, потому что этот принцип означает ограничение работы национальными рамками. «Вот вам Германия. Все, что там происходит, это — их национальное дело, то, что происходит в России — дело русских, во Франции — дело французов и т. д. Устроим бюро, которое будет регулярно, раз в год, собираться, фотографироваться, там будут говорить хорошие речи и т. п. А какое дело этому бюро до того, что бастуют английские горняки? Это — внутреннее дело англичан». Может ли быть таким интернациональное содружество? Не может быть.

Если предают интересы рабочего класса, то каждый рабочий имеет право и должен, независимо от своей национальности,

сказать: «вы неправильно делаете, вы не по тому пути ведете рабочих».

А по-ихнему получается так. Если вы видите, как обманывают сотни тысяч рабочих, вы ничего не должны говорить, так как это неприлично, это «вмешательство в чужие дела». Но ведь те вопросы, о которых мы говорим, это общеполитическое международное рабочее дело. Здесь, может быть, нужно действительно говорить немножко помягче, но это вопрос вкуса, а мы привыкли говорить таким языком. Я поэтому допускаю, что могут сказать: «ну, знаете, русские — очень грубые люди». Говорить это мы никому не запрещаем. Но мы привыкли и готовы дать ответ на любой вопрос, который нам задают.

В чем же суть разрыва? Забастовка горняков [180]) явилась экзаменом для английского рабочего движения и Генерального Совета. Забастовка выдвинула перед руководителями английского профессионального движения необходимость во всеуслышание заявить и доказать, что они будут бороться с буржуазией не на словах, а на деле. В этом состоял экзамен.

Горняки показали невиданный в мире героизм, английские рабочие показали сплоченность, единодушие, дисциплинированность. С такими рабочими нельзя не победить. Трудно не победить. Сотни тысяч рабочих вышли на призыв Генерального Совета, держали себя молодцами, а через несколько дней Генеральный Совет начал путать их буржуазией. Вожди Генерального Совета спрятались за буржуазное общественное мнение (а трусы ведь всегда прячутся за общественным мнением — «общественное мнение против нас...»). Нужно ли рабочим считаться с буржуазным общественным мнением? Рабочий должен плевать на буржуазное общественное мнение. Ему важно мнение рабочих, а не мнение буржуазных консервативных газет.

Спрятавшись, струсивши, боясь решительной борьбы, боясь ее развертывания, ибо тогда борьба из экономической превратилась бы в политическую, вожди Генерального Совета постыдно предали забастовку. Это факт. Могли ли бы мы в одно и то же время заявить: «у нас братский союз с английскими рабочими», а потом, во время забастовки, стыдливо закрываясь, говорить: «нам неудобно в чужие дела вмешиваться, пожалуйста, предавайте,— это ваше «внутреннее» дело, обманывайте рабочих, это

нас не касается». Как это так? Ведь это *наше общее дело*. Ибо нам вовсе не важен мой «братский союз» с Перселем [87]), грош ломаный — цена этому союзу Томского с Перселем. Для нас важен союз миллионов рабочих масс. А эти миллионы обманывали, их предавали, их постыдно бросили под ноги буржуазии. Отсюда и пошло. Английские вожди предали забастовку горняков. А мы, по их мнению, должны были в это время молчать, сделать вид, что мы не видим этого. Пока забастовка шла, они в это время побывали в Скандинавии, в Германии, торговались о займах [286]), а деньги, собранные по копейкам на фабриках СССР, они отказались взять. Горняки принимали, а Генеральный Совет не взял. Это, заявили они,— «проклятое русское золото». Так могут говорить только лакеи, все дело которых в том, чтобы слушать, что говорит буржуазия и потом ей рабски подражать. А что может в таких случаях говорить буржуазия? Если вы будете помогать стачечникам, буржуазия будет кричать: «*это безнравственно*». Если вы будете бить штрейкбрехеров, прохвостов, подлецов, изменников, она будет говорить: «ах, это насилие!» На то она и буржуазия, наш классовый враг. Она знает, как обманывать рабочих. Мы помогали горнякам, и наша помощь явилась тем фактом, который подчеркнул никудышность, половинчатость, предательство вождей Генсовета. Они не решились призвать английских рабочих к помощи горнякам, а русские рабочие помогли. Это и явилось истинной причиной для обвинений против нас. Это, по их мнению, оказалось вмешательством в чужие дела, и мы оказались негодным для них союзником.

Здесь получилось какое-то подозрительное сходство и общность тактики. Капиталистическое правительство Англии сказало: «мы больше не хотим иметь дела с Советской Россией, представители советского государства, это — грубые рабочие, они вмешиваются в чужие дела, они занимаются пропагандой». Точь-в-точь такие же обвинения пред'явил нам Генсовет: «вы вмешиваетесь в наши дела, занимаетесь пропагандой, и если хотите вести дружбу с английскими рабочими, дружите с нами, а к английским рабочим не смейте непосредственно обращаться». Спасибо за такую дружбу. Все они, может быть, очень хорошие ребята, но я знаю, что если от нас 10 человек и от них 10 человек установят дружбу, будут встречаться, говорить хорошие речи, фотографироваться,

от этого рабочее движение не двинется вперед. Союз между рабочими разных стран, это, по-нашему, союз, который подготовляет миллионы рабочих к борьбе, который учится на опыте побед и поражений об'единяемых им организаций, при чем каждый ложный шаг в борьбе рабочих должен быть вскрыт, каждая ошибка показана, каждое предательство обнаружено и разоблачено. Только так можно учить рабочий класс, как итти к победе, как понять историю рабочего движения, как видеть перспективы борьбы.

А если мы будем замазывать ошибки, замазывать предательство и вместо этого говорить друг другу ласковые слова, грош цена такому союзу. Это будет союз типа Лиги Наций. Там сходятся представители Англии и Франции, очень вежливо жмут друг другу руки, раскланиваются, осведомляются о здоровье, обедают, уверяют друг друга в дружбе, а дома увеличивают воздушный флот, увеличивают армию, изобретают газы, французы — для того, чтобы травить англичан, а англичане — французов. Это буржуазный союз, нам такой союз не нужен. Не стесняйся ругать меня, как тебе хочется, но всемерно поддержи в борьбе. Союз так союз: когда ты дерешься — я тебе помогаю, я дерусь — ты помогаешь мне. Вот это союз, а что это за союз, когда тебя будут давить, а я буду в вежливых фразах изливаться в сочувствии и говорить: «ах, какие хорошие вожди Генсовета, ах, бедные рабочие». Пока Генсовет поддерживал стачку, мы, несмотря на его явно ошибочные шаги, ни слова критики не сказали. В течение 9 дней мы не говорили, плохо или хорошо они ведут борьбу. Мы говорили: вот вам деньги, боритесь. А они думают, что и после их измены не нужно их критиковать. И *под тем же предлогом, под которым консерваторы разорвали дипломатические сношения с СССР, вожди английских профсоюзов разорвали союз с рабочими СССР.* «Грубый тон...» Скажите, пожалуйста, два года мы поругивались друг с другом и наш «грубый» тон был терпим, но стоило только консерваторам разорвать дипломатические сношения с СССР, как вслед за ними разрывает с нами и Генсовет. Точная копия в тоне, методах и манерах. Что делает консервативное правительство, то делают и их ливрейные социалисты. Каким тоном говорит с побежденной страной буржуазия, таким тоном поют и лидеры профсоюзов. Разве вы этого не видели на практике Амстердамского Интернационала, не видели, как после войны французы и англичане

по отношению к немцам несколько лет, глядя сверху вниз, говорили: «Наша буржуазия разбила вашу буржуазию, нельзя же нам после этого говорить с вами, как с равными». И здесь то же самое: раз буржуазия говорит «вмешательство во внутренние дела», то и вожди Генсовета за нею, точно попугаи, повторяют: «вы вмешиваетесь в чужие дела». Что английская буржуазия считает своими внутренними делами? Когда она давит Китай или когда она душит английских горняков, это, по ее мнению, «внутренние английские дела», и русские союзы не смеют помогать тем, кого она берет за горло. Суть и основа разрыва Англо-Русского Комитета заключались в том, что вожди, которые на словах говорят о единстве, о революционном движении, о борьбе против войны, на деле неспособны к этому, и когда этот вопрос по-настоящему, по-деловому ставится, они трусят и от борьбы убегают, тащась в хвосте буржуазного «общественного» мнения и политики консерваторов.

Вожди Генерального Совета способны рассуждать так: «Русские — страшно нервный, экспансивный народ. О чем говорить?— О войне? — Мы ведь уже много раз о ней говорили. Зачем кричать «волк», когда волка нет? Когда война будет — тогда мы о ней поговорим».

Разве это не софизм, разве это не образец тупоумия? Ленин нас учил, что, когда война наступает, тогда некогда говорить, ибо перед каждым мобилизуемым встает в этот момент тысяча своих личных, а не общественных вопросов. Война бьет всех, как камнем, по голове. Когда об'явлена мобилизация, когда пушки стреляют,— в это время некогда выносить резолюции. В это время вы меньше всего окажетесь в состоянии говорить и выносить резолюции. В это время вы спрячетесь за какой-нибудь другой софизм и будете отыскивать того, кто виноват в об'явлении войны. Здесь перед вами налицо полная непригодность, неспособность вождей Генсовета и Независимой Рабочей партии [207]) и лидеров Рабочей партии [192]), находящихся под влиянием Макдональда [206]), который, в свою очередь, находится под непосредственным влиянием английской буржуазии. Пусть английские мещане считают: Макдональд настолько хороший человек, что даже является личным другом короля. Может быть, и король и Макдональд — очень хорошие люди, никто не спорит. Друг друга они наверное стоят:

король Макдональда, а Макдональд короля, но как король, несмотря на свои добродетели, не годится в вожди рабочего класса, так и Макдональд не может им быть. Кто не понимает этого, тот ничего не понимает. Кто думает, что Макдональд и его последователи и друзья могут руководить рабочим движением, тот ничего в истории мировой войны не понимал и не понял, и, если не будет учиться, то ничего не поймет и в грядущей войне.

Английская делегация спрашивает: «Вопрос о срыве Англо-Русского Комитета никогда не был поставлен на обсуждение рядовых членов профессиональных союзов. Какие пожелания мог бы тов. Томский предложить делегатам для восстановления единства между русскими и английскими рабочими на более широкой и крепкой базе, чем до сих пор?» И чехо-словацкая делегация задает сходный вопрос: «Каково ваше мнение по вопросу о срыве Англо-Русского Комитета, и как вы предполагаете в дальнейшем бороться за единство профдвижения?»

Я думаю, что наша задача, задача тех людей, которые действительно не на словах, а на деле хотят единства рабочего движения, которые понимают это единство не как «единство для единства» (как у буржуазии бывает искусство для искусства), а как единство для успешной борьбы рабочего класса за свое окончательное освобождение, задача всех действительных сторонников единства труда для борьбы с капиталом заключается в том, чтобы независимо от тех или иных препятствий временного характера, неустанно и терпеливо раз'яснять рабочим массам, сотням, тысячам, миллионам рабочих необходимость единой международной организации, как важнейшей предпосылки успешной борьбы с капиталом за свое окончательное освобождение.

Я думаю, что сейчас задачи английских товарищей и всех тех, кто действительно считает срыв Англо-Русского Комитета глубочайшей не только ошибкой, но и преступлением перед рабочим классом — заключаются в том, чтобы всеми методами открыто раз'яснить рабочим Англии гибельность этого шага. Они должны ставить этот вопрос на каждом рабочем собрании и настаивать, чтобы рабочие высказывали свое мнение и требовали бы от Генерального Совета исправления своей ошибки.

Кроме того, необходимо выдвижение новых революционных вождей из среды рабочего класса, ибо глубоко ошибаются те, кто

думает, что можно перевоспитать Томаса [257]), королевского советника, человека очень состоятельного, который всеми своими корнями связан с буржуазией. Разве не известна всем английским рабочим скандальная история, которой Томас гордится? Томас выдавал свою дочь замуж, об этом писали все буржуазные газеты во всем мире.

И в тот момент, когда консервативное правительство Англии готовило и проводило штрейкбрехерский закон против английских рабочих, удушающий профсоюзы, вождь английских железнодорожников, Томас, публично якшался с Болдуином и всеми другими консервативными министрами, которые приехали к нему в гости на свадьбу его дочери. Скажите, какая семейная радость! Можно ли перевоспитать таких вождей? Можно ли рассчитывать на то, что Томас поймет, что он ошибается, и станет революционером? Глупости, Томаса не исправишь. Неужели вы думаете, что этот человек когда-нибудь будет сочувствовать социалистической революции, которая передаст рабочему классу банки и все то, что в банках имеется? А у него в банке кое-что есть. Человек, устраивающий свадьбу, о которой пишут во всей консервативной прессе, человек, у которого весь консервативный мир в гостях, очевидно, имеет кое-что и в банках. Только пресловутые английские «традиции» позволяют так легко проходить мимо этого. А английских рабочих убеждают в том, что *это дело частное*. Я утверждаю, что в Германии, несмотря на всю развращенность вождей германских реформистов, германские рабочие не позволили бы, чтобы вожди их профсоюзов публично общались с представителями аристократии, с партиями капиталистов, фабрикантов. Вы думаете, что можно перевоспитать таких вождей, которые до 50—60 лет ничему другому не выучились, как предавать интересы рабочего класса, вождей, которые всеми своими корнями срослись с буржуазией? Их нужно сменить, а для того, чтобы их сменить, нужно завоевать большинство в рабочем классе. Нужно говорить рабочим правду в глаза, не боясь никаких гонений, изо дня в день повторять им о необходимости классовой борьбы, о необходимости энергичной борьбы за освобождение труда о необходимости единства.

Как мы будем бороться за единство? Мы будем бороться так, как мы боролись до сих пор, мы будем поддерживать всякого

честного рабочего, который борется за единство профдвижения. Мы будем пытаться раз'яснить западно-европейским рабочим, азиатским рабочим, рабочим всего мира необходимость единства международного профдвижения, будем неустанно раз'яснять всю пагубность реформизма, который старается разделить рабочий класс национальными перегородками. Я не сомневаюсь в том, что если завтра возникнет война между Францией и Германией, то так же, как это было в 1914 году, вожди французских и немецких профсоюзов, Жуо [17]), Лейпарт [189]), Зассенбах [19]) и др. и все герои II Интернационала [11]), которые сейчас об'единены общей ненавистью против коммунистов и Советской России, окрысились бы друг против друга, одни стали бы защищать свою буржуазию, другие — свою. Вот куда ведет национальное обособление. Несомненно, что всю пагубность и предательство такой политики нужно разоблачать. Пусть говорят, что хотят, а мы будем бороться за единство не на словах, а на деле. Рабочие не виноваты в политике вождей, и если рука английских капиталистов схватила за горло английских горняков, мы пришли на помощь, несмотря на то, что английские горняки организованы в реформистские союзы. Когда рука норвежской буржуазии схватила норвежских рабочих за горло [341]), мы по мере сил пришли на помощь норвежским рабочим, хотя мы и не связаны с ними никаким Интернационалом. И когда рука международной буржуазии хватает за горло китайский пролетариат, мы также приходим на помощь китайским рабочим. Так должны поступать сторонники единства, на деле, изо дня в день, они должны показывать, как обязаны себя держать действительные сторонники международной солидарности, взаимной помощи рабочих. Вот как мы должны бороться за единство международного профдвижения.

Одни товарищи спрашивают: «В условиях, когда политика большинства Генсовета резко осуждается прогрессивной частью рабочего движения, как это имело место во время всеобщей забастовки и разрыва АРК, в интересах ли рабочего движения боевому революционному меньшинству оставаться внутри Генсовета?» А другие товарищи спрашивают: «Должны ли коммунисты входить в реформистские союзы, и что они должны там делать?» Я утверждаю, что никакого революционного меньшинства в Генсовете нет, и никто из вас его там не увидит. Где было это

«боевое меньшинство» во время забастовки горняков? Боевое меньшинство, если оно имеется в каком-нибудь органе, который ведет заведомо неправильную, кривую, линию, направленную против рабочего класса, должно апеллировать к рабочему классу и раз'яснять ему, что его обманывают. Почему оно этого не сделало? Почему «боевое меньшинство», если оно есть в Генсовете, не обратилось непосредственно к рабочим по поводу пагубной линии Генсовета в отношении китайской революции, русского вопроса, в отношении войны? Потому, что никакого боевого меньшинства в Генсовете нет.

Что касается второго вопроса, то я считаю, что коммунисты и все революционные рабочие должны оставаться в тех союзах, в которых они находятся.

Если речь идет о том, чтобы работать внутри существующих союзов, во главе которых стоят реформисты, то я думаю, что коммунистам, настоящим революционерам, надо оставаться в этих союзах и изо дня в день вести в них работу, связанную с текущими интересами профессионального движения, и в то же время раз'яснять рабочим необходимость поддержки друг друга и создания для этой цели единого Интернационала, ибо капиталисты организуются в гигантские тресты, захватывающие в свои лапы промышленность целого ряда стран, капиталисты поддерживают друг друга, и потому рабочие могут выступать против современного капитала только сплоченно, только поддерживая друг друга. Ведь за исключением СССР, капиталисты во всем мире имеют к своим услугам весь государственный аппарат, всю продажную прессу; у рабочих же — маленькие, жалкие газеты. Как они могут бороться, если не сплотятся, если не помогут друг другу?

Теперь я отвечу на несколько мелких вопросов. Вопрос австрийской делегации: «Вожди австрийских профсоюзов заявляют, что русские профсоюзы не являются боевыми организациями, т.-е. организациями, годными для борьбы». Это повторение того, что говорил бывший секретарь Амстердамского Интернационала, Удегест. Он также заявлял, что русские профсоюзы не ведут классовой борьбы [229]) и не являются классовыми организациями. Отто Бауэр [342]) и его друзья тоже говорят, что наши профсоюзы не боевые организации. Спросите-ка наших концессионеров, они в этом вопросе более сведущи, чем вожди II и Амстердамского

Интернационалов, они имеют дело с нашими профсоюзами и хорошо знают, боевые они или нет. Пусть мне ответят, кто является более боевой организацией, амстердамские ли реформистские союзы, вожди которых предали июльское восстание австрийских рабочих [343]), или русские профсоюзы, которые еще 10 лет тому назад дали по шапке помещикам, фабрикантам и капиталистам? Разве это не классовая борьба? Пусть вожди австрийских профсоюзов попробуют у себя применить те меры, которые мы 10 лет тому назад применили в России. Пусть Отто Бауэр скажет, классовая ли та борьба, которую мы изо дня в день ведем против капиталистов? Способны ли наши профсоюзы к борьбе? Они не только способны сами бороться, но способны и другим помочь в их борьбе. Может ли какой-нибудь из наших концессионеров,— а у нас есть крупные концессии,— об'явить нам локаут при нашей 10-миллионной организации, при нашей централизации, солидарности и сплоченности? Мы бы посмотрели, что из этого вышло бы.

Вожди австрийских, реформистских профсоюзов вообще обманывают рабочих; немудрено, что они говорят о том, будто русские профсоюзы — не боевые организации. Пусть они у себя создадут такие организации, пусть они создадут производственные централизованные союзы, стоящие на почве классовой борьбы, пусть австрийские рабочие сперва выгонят своих вождей, которые говорят глупости, а потом выгонят и буржуазию, и только тогда там будут созданы действительно боевые организации.

Для того, чтобы противостоять капиталу, рабочие должны как можно теснее сплачивать свои ряды, как можно меньше слушать тех, которые пытаются убаюкать рабочих сказочками о том, что можно улучшить свое положение в союзе между рабочими и хозяевами. Мы не сомневаемся, что час гибели капитализма близок, он скоро пробьет, и он наступит тем скорее, чем больше пролетариат будет верить в свои собственные силы, чем скорее поймет западно-европейский рабочий класс, что капитализм обрекает весь мир на новые войны, на нищету, на невежество, на одичание; что реформизм есть ближайший друг капитализма, помогающий одурачивать, усыплять рабочих, раз'единять их национальными и узкоцеховыми перегородками. А для того, чтобы максимально приблизить час освобождения рабочего класса,

нужна величайшая интернациональная солидарность рабочих, их тесный боевой пролетарский союз. Единый Профсоюзный Интернационал, это — цитадель труда против капитала. Рабочие СССР зовут рабочих всего мира к борьбе за это!

Речь на заседании Президиума ВЦСПС совместно с иностранными делегациями 6 ноября 1927 г. Опубликована в «Вестнике Труда» за декабрь 1927 г. в сокращенном виде. Печатается по тексту «Вестника Труда».

Борьба с опасностью войны и международное рабочее движение.

Товарищи! После прекрасных докладов товарища Джегера [344]) и товарища Барбюса [345]), моя задача как-будто сведена к минимуму. Они чрезвычайно облегчили мою задачу, всесторонне осветив вопросы, стоящие на обсуждении конгресса [337]), и, тем не менее, я считаю своим долгом еще и еще раз остановиться на некоторых вопросах, отчасти затронутых предшествующими докладчиками, и напомнить то, что писал Владимир Ильич Ленин в наказе нашей делегации на Гаагскую конференцию:

> «По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге, я думаю, что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что это — вопрос простой, ясный и сравнительно легкий» *).

То обстоятельство, что многим вопрос о войне рисуется, как правильно заметил Владимир Ильич, простым, легким и ясным,— а он на самом деле не простой, и не легкий, и не ясный,— заставляет нас непрестанно и настойчиво, снова и снова, ставить на обсуждение широких рабочих масс, на обсуждение всего международного пролетариата вопрос об опасности войны.

Действительно ли все понимают, что человечеству угрожают новые войны? Действительно ли все отчетливо сознают, что эти войны неизбежны? Если мы так поставим вопрос, то увидим, что многие и многие еще недостаточно усваивают то обстоятельство, что после последней империалистической войны опасность новых империалистических войн, опасность новых войн между капиталистами за рынки, за передел мира,— ни капельки не исключена. Только наивные дети могут думать, что грабительский мир

*) Н. Ленин. Собрание сочинений. Т. XX, дополнительный, ч. II, 1917—1922 гг. «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге», стр. 529. Гиз. М.—Л. 1926 г.

в Версале [24]), грабительский мир в Трианоне, Сен-Жермене [346]) и т. д. могли сколько-нибудь разрешить основной вопрос борьбы империалистов за рынки, борьбы за дальнейшее завоевание мира, борьбы за право эксплоатации отсталых народностей.

В настоящий момент мы видим, что все противоречия [100]), которые существовали до последней империалистической войны, целиком и полностью, правда, в несколько иной форме, остаются, и хотя создаются новые, несколько иные, чем раньше, коалиции, но хищники попрежнему мобилизуют свои силы и готовятся к новым войнам.

Противоречия империализма не уменьшились. Могут изменяться пункты спора, но основные противоречия, вытекающие из основ империалистического строя, из необходимости передела мира, остаются неразрешимыми, пока существует империализм.

Мы видим сейчас два экономических процесса, происходящих в Европе и отчасти в Америке.

Первый процесс — процесс капиталистической рационализации [307]), процесс максимальной экономии, процесс переоборудования фабрик и заводов по последнему слову техники, процесс максимального развития производительных сил. Эта капиталистическая рационализация, конечно, и проводится по-капиталистически. Она выбрасывает тысячи, десятки и сотни тысяч рабочих на улицу, изыскивает утонченные способы эксплоатации труда, которые содействовали бы возможности выпуска на рынок наиболее дешевого товара, в наибольшем количестве.

Второй процесс — рост индустриализации колоний [100]). Эмиграция американского капитала из европейских стран в колониальные страны, создавая конкуренцию европейскому капитализму, в то же время обостряет и приближает конфликты из-за рынков. На примере Англии мы видим, что в то время как ее промышленность за последние годы выросла на 10%, промышленность колоний и доминионов — на десятки и сотни процентов.

И снова перед всем человечеством вырисовывается опасность борьбы за передел мира. Мы видели и видим отдельные события, на которые смотрят довольно хладнокровно. Как-будто то была не война, когда в Марокко [249]) стреляли пушки, работали пулеметы, расстреливая слабовооруженных риффов! Как-будто теперь, когда

грабят Китай [101]), это не война! Как-будто все это не грозные предвестники грядущей мировой войны!

Нарастают и назревают конфликты между Англией и Америкой [329]) и между Францией и Италией [347]). Создаются новые коалиции: Италия ищет себе союзника в Испании, Франция — на Балканах.

Все то, что было до мировой войны, теперь повторяется в более откровенном, в более неприкрашенном виде. Нечего говорить о том, что грядущая война, затеваемая империалистами, будет войной в десятки раз более опасной, в десятки раз более гибельной и ужасной для человечества в сравнении с войной 1914—1918 гг. Грядущая война будет войной не только на фронте, это — война, в которой разница между фронтом и тылом будет стерта, война, в которой победители с одинаковым успехом будут грабить как фронт, так и тыл.

Неизбежность новой империалистической войны между отдельными группами государств вытекает изо всей системы капитализма.

Тот, кто думает, что можно бороться против войны, не борясь против империализма, тот ничего не понимает в вопросе о войне. Тот, кто говорит о войне, повторяя старые слова, тот не представляет, не может себе представить современной войны. И мы должны со всей отчетливостью сказать: нельзя бороться против войны, не ведя войны против империализма.

Если есть хотя какие-нибудь сдерживающие факторы для грядущих войн, это,— конечно, с одной стороны, сопротивляемость рабочего класса, с другой — тот факт, что на одной шестой части земного шара власть находится в руках рабочих. Это власть, которой чужда политика империалистических захватов, власть, которая является решительным борцом против всей системы империализма, это — государство, которое не заинтересовано в грабительских дележах мира, а, наоборот, симпатии которого целиком и полностью на стороне всех угнетенных классов и всех эксплоатируемых народностей. Само по себе существование СССР в этой обстановке является тормозящим фактором для развития войн между отдельными группами империалистов. Но если угрожает опасность войны по линии столкновения империалистов друг с другом за дележ рынков, то не менее реальна, а даже более

возможна и почти неизбежна война империалистов против их классового врага — против Советских республик [166]). И здесь главным инициатором, главным вождем, главной силой, мобилизующей врагов против СССР, является Англия.

Я лишь в самых кратких словах остановлюсь на вопросе — почему именно Англия является наиболее непримиримым, наиболее последовательным, наиболее жестоким и реальным врагом Республики Советов. Самый факт существования рабочего государства, государства восставших и победивших капитал рабов, факт захвата власти рабочими, факт успешного строительства социализма является для широких пролетарских масс лучшим агитатором, лучшим пропагандистом в пользу необходимости, возможности и неизбежности победоносной борьбы рабочих против всей системы империализма, против капиталистической системы производства. Факт существования рабочего государства, ведущего международную политику, чуждую буржуазной идее захвата и эксплоатации отсталых и слабых народностей, политику, противоположную политике империалистических государств; факт существования государства, руководящегося в политике принципами поддержки и помощи всем политически и экономически эксплоатируемым, всем угнетенным, всем подавляемым народам; самый факт существования нового государства с новыми принципами, демонстрирующего воочию, перед всем миром колониальных и полуколониальных рабов, преимущества бескорыстной политики стоящего у власти пролетариата,— является смертным, решительным приговором для всей системы империализма.

Чем больше укрепляется Республика Советов, тем более она делается популярной во всем мире, тем яснее и яснее становится сотням миллионов колониальных и полуколониальных народов, что есть одно в мире государство, не заинтересованное в подавлении экономически и культурно-отсталых народностей, а, наоборот, идущее им навстречу, оказывающее им помощь и поддержку в их борьбе за освобождение. Сам по себе этот факт, с одной стороны, ведет к ослаблению могущественных буржуазных государств, таких, как Англия, могущество которой построено на грабеже отсталых народностей, с другой — усиливает симпатии миллионов угнетенных и эксплоатируемых народов к пролетариату, к его победам в решительной борьбе с империалистами.

Столкновение интересов советских республик и империалистов наиболее характерно, наиболее резко обрисовывается в китайском вопросе [101]).

В то время, когда английские и другие империалисты целиком и полностью поддерживают существование национально-раз'единенного, раздробленного, порабощенного Китая,— единственное государство, Республика Советов, считает необходимым всемерно поддерживать борьбу китайского народа за его национальное освобождение, борьбу за об'единенный, за могущественный, за освобожденный от гнета империализма Китай. В то время, когда империалисты и, в частности, английские империалисты поддерживают и сочувствуют феодалам, разделившим на вотчины великий Китай и угнетающим 400 миллионов китайского народа, все симпатии Советских Республик на стороне восставшего пролетарского и крестьянского Китая, все симпатии рабочих СССР, все усилия их направлены на поддержку китайских крестьян, восставших за освобождение земли из рук помещиков, за уничтожение невиданной, дикой эксплоатации рабочих на фабриках. Тут противоречия наших интересов и интересов империалистов сталкиваются и выявляются воочию.

Для того, чтобы вести войны, для того, чтобы приобретать новые колонии, чтобы развязать руки для новых захватов, империалистским правительствам нужно иметь развязанными руки в своей стране. Это может быть обеспечено лишь тогда, когда рабочий класс будет молчать, как мертвец. Поэтому-то политика английского правительства была направлена к тому, чтобы укротить своих рабочих, чтобы издержки войны возложить на плечи горняков [180]), чтобы накопить необходимые ресурсы для новых войн за счет ухудшения экономического положения горнорабочих Англии, чтобы в открытой борьбе согнуть, сломать шею своему врагу — пролетариату.

Политика рабочих СССР активно проводилась в одном направлении — помочь английским рабочим в борьбе со своей буржуазией, не дать капиталистам согнуть шею английским горнякам, не дать им возможности осилить, разбить, уничтожить, деморализовать передовой отряд английского пролетариата. И внутри Англии, во внутренней политике ее, как-будто сталкиваются интересы буржуазии с интересами рабочих, стоящих у власти в шестой части

земного шара. Для того, чтобы смирить своих рабочих, развязать себе руки для грядущих войн, для грядущих авантюр, разбив горняков, английская буржуазия проводит закон против профсоюзов [225]), при молчаливой поддержке или робкой оппозиции со стороны официальных вождей современного тред-юнионизма Англии. А голос из Москвы, голос русских рабочих, обращенный к рабочим Англии, разоблачая всю пагубность соглашения между трудом и капиталом, советует и будет советовать английским рабочим итти на борьбу.

В то время как весь капиталистический мир является убежищем, является покровителем всей буржуазии, разбитой русской революцией, является покровителем всех врагов рабочих СССР и Республик Советов,— только одно место на земном шаре — СССР — является убежищем и покровителем всех, кого гонит и преследует капитал, всех тех, кто является истинным, последовательным, решительным борцом против капитала.

Интересы буржуазии заставляют её снова и снова ставить вопрос о преодолении, о разгроме Советских Республик [166]). Ее политика выражалась в попытках навязать нам войну, попытках играть на чувствах государственной горячности, на престиже: аресты дипкурьеров в Китае, разгром пекинского посольства, налет на Аркос [166]). Они делают один за другим шаги, которые направлены на принижение государственного достоинства СССР. Они думали, что из-за престижа им удастся спровоцировать нас на войну с Китаем, с Чжан Цзо-лином [101]) и т. д., и тогда развернуть, как по нотам, попытку новой интервенции против СССР. Наше государство считало и считает, что наша политика определяется не только вопросами престижа, наша политика не определяется вопросами, которые важны для буржуазных государств. Мы, конечно, очень болезненно чувствуем, когда громят наши представительства в той или другой стране, мы очень болезненно реагируем, когда из-за угла убивают наших лучших товарищей. Но есть более высокие принципы, которые определяют политику нашего Союза в этом вопросе. Республика Советов, родившаяся 25 октября (7 ноября) 1917 года [94]), 27 октября (9 ноября) издала первым акт, акт о мире, акт против войны. Республика Советов родилась под знаком борьбы с войной, она десять лет существует, как самое миролюбивое и во всем мире единственно мирное

государство. Для нас высший принцип — как бы избежать пролития крови крестьян и рабочих. Ради этого мы готовы итти даже на ряд уступок. Это самый важный вопрос нашего престижа.

Подготовка всякой войны предполагает репрессии, гонения против рабочих, разгром рабочих организаций, низведение рабочих до полного бесправия, развязывание себе рук внутри страны.

Война с неизбежностью надвигается на рабочий класс. И две опасности вырастают перед нами.

Первая — возможность недооценить, не понять неизбежности грядущих войн, уйти, укрыться от этого за те или иные софизмы, отговорки. Нужно сказать, что очень и очень много товарищей являются противниками войны на словах, на деле же они не являются решительными борцами против войны. Они не понимают, что мало сказать: «я против войны», а нужно изо дня в день, на деле решительно бороться против военной опасности. Мне приходилось слышать людей, которые на словах говорили: «мы против войны, ну, конечно, мы войны не допустим. О чем тут говорить? Но вы, русские, народ очень беспокойный. Вы все время кричите: вот война идет, война наступает, а никакой войны нет». Это было, когда мы с тов. Мельничанским беседовали с председателем и секретарем английского Генерального Совета тред-юнионов — Хиксом [209]) и Ситрином [263]). Они говорили: «Вот вы все кричите о войне, как в басне: волк идет, волк идет, а никакого волка нет. Вы все время кричите о волке, а когда волк на самом деле придет, то никто его не заметит, не обратит внимания».

Вот вам один из софизмов. Я не стану вдаваться в сущность аналогии между войной и волком. Война похожа на волка так же, как землетрясение на зубочистку. Никакого сходства нет. Вся аналогия никуда не годится. Войны нельзя не заметить. Война придет и сразу схватит человечество за горло, поставит перед ним тысячу новых вопросов. Но почему нужно кричать изо дня в день об этой войне? Именно потому, что война внезапно нападает на человечество. Помните, как было в империалистическую войну 1914 года? В течение нескольких дней, в течение 4—5 дней, разыгралась война, и весь мир был поставлен перед фактом. Тогда выносить резолюции о войне — уже смешно. Нужно быть дурачком, чтобы в то время, когда война уже началась, говорить о резолюциях.

Во-первых, буржуазия не так глупа, все границы она закроет; во-вторых, никто этих резолюций печатать не будет, так как будет установлена военная цензура, и, в-третьих, никто нигде собраться не сможет, ибо везде будет об'явлено военное положение. Только дурачки, забыв опыт прошлой империалистической войны, могут думать, будто бы во время военных действий можно ездить из Берлина в Лондон, из Лондона в Берлин, спокойно сидеть в гостинице, разговаривать о войне, предлагать вынести резолюцию против войны. Когда война наступит, поздно будет о ней говорить.

Ленин очень картинно в наказе нашей делегации на Гаагскую конференцию рассказал о том, как переоценивают готовность рабочего класса к борьбе против войны. Самый факт об'явления войны поставит тысячу новых, чрезвычайно важных и сложных бытовых, личных, семейных вопросов перед каждым рабочим. Вот, что такое война.

А как бороться против войны? Конечно, я вовсе не склонен думать, что если бы мы четверо встретились в Берлине, вынесли бы резолюцию, то уже полдела против войны было бы сделано. Грош этой резолюции цена, если за ней не последует целый ряд других мер.

И вот, от вопроса о необходимости готовиться к войне, о необходимости изо дня в день вести работу против войны, отделываются смешными софизмами, смешными анекдотами: война, как волк, и не кричи, что волк идет. Нет, война не волк. Она отличается тем, что сразу оттяпывает головы миллионам. Она сразу ставит миллионы людей перед очевидностью факта. Вот, что такое война.

Вторая опасность в том, что многие из товарищей, которые считают себя искренними противниками войны, на самом деле успокаиваются, забывают о необходимости повседневной борьбы против войны и поддаются чарам фразы: «Мы войны не допустим». — Кто это «мы»? — «Наш рабочий класс». — А как не допустим? Какими методами, какими мерами, какими средствами не допустите вы войны? Многие за такие хорошие фразы прячутся. «Ах, война почти невозможна, народ не хочет войны». Ну, если народ не захочет, так капиталист захочет. Пока во всех государствах, кроме СССР, — правят не рабочие, а капиталисты. Они

определяют политику государства и одурачивают народ. Для обмана этого народа, для обмана широких слоев рабочих и мелкой буржуазии они создали разбойничью организацию, прикрытую красивыми словами, иллюзиями, предохраняющую якобы от войны, организацию разбойного империализма — Лигу Наций [24]). А реформисты и оппортунисты, вожди социал-демократии при этой Лиге Наций устроили свою организацию — Бюро Труда [34]) при Лиге Наций, где на двух капиталистов приходится один представитель профсоюзных организаций, в бытовом отношении тесно с ними связанный. А миллионы рабочих они обманывают, что якобы есть какая-то организация, могущая предохранить их от войны, могущая предотвратить войну, организация, которая на самом деле создана для обмана миллионов. Вот, что заставляет нас говорить об опасности войны, о том, что нельзя утешаться словами: народ не захочет войны. Как это так: «народ не захочет»? Разве народ правит в Англии? В Англии правит не народ, а консервативная партия помещиков и капиталистов. Правят банкиры и капиталисты, они определяют политику, а не английские рабочие, не английская мелкая буржуазия.

Равным образом нужно понять то, что борьба против войны является борьбой против капитализма, является борьбой ни на минуту не прекращающейся, борьбой повседневной, борьбой до полной победы. Без этого все фразы о том, что мы не хотим войны, что мы не позволим воевать, что мы не остановимся ни перед чем, являются пустыми бессодержательными фразами.

Переоценивают свои силы те, кто говорят: «мы не хотим, мы не позволим войны, эта война невозможна».

Когда мы говорим о борьбе против войны, мы должны посмотреть, из чего складываются силы и средства противников и псевдопротивников войны. Первая сила, которая выдает себя за противника войны, это — социал-демократия. Социал-демократия говорит: «мы против войны, мы не допустим войны». Спросите-ка любого из социал-демократов и примыкающих к ним, начиная с Отто Бауэра [342]) и кончая Макдональдом [206]), — они против войны. А когда Макдональд был премьер-министром Англии, он посылал в Китай крейсера. А они против войны! Надеяться в предстоящей войне на социал-демократов, надеяться на оппортунистов — это значит ничего не понять из истории прошлой войны,

это значит не понять роль оппортунизма, не понять того простого обстоятельства, что как только грянут первые выстрелы, все социал-демократы неизбежно отступят на свои старые позиции, опять выдвинут старые, затхлые, но действующие на отсталые слои народа софизмы, софизмы о защите отечества, словно речь идет о борьбе за отечество, а не о защите буржуазии. Как-будто вопрос о защите отечества в буржуазном государстве не превращается в вопрос о защите своей буржуазии. Раздастся первый выстрел, и социал-демократия снова спрячется за свои старые истрепанные софизмы: «массы будут протестовать, массы не допустят выступить против войны, выступить против войны — значит оторваться от масс, оторваться от общественного мнения». А кто создал это общественное мнение? Это — мнение капиталистической, наемной, подкупленной прессы. Эта пресса будет говорить о виновниках войны, искать их, как-будто этих виновников не видно. Стоит начаться войне, и сразу социал-демократия поставит вопрос: кто виноват? Как-будто виновники не на ладошке, как-будто мы не видим виновников войны! Буржуазия Англии, Франции, империалисты всего мира — вот виновники войны. Вся система империализма — вот виновник войны. Кто не борется против империализма, тот не может понять, в чем опасность войны. От социал-демократов слышишь такие вещи: несомненно, Октябрьская революция [94]) была крупным завоеванием русских рабочих, но, в конце концов, страна Советов представляет собою такой же империализм, только красный. Неправы те, кто ставит знак равенства между республиками рабочих, не заинтересованными в рынках, ни разу за десять лет нигде не выступавшими за требования территориального присоединения, ни разу за десять лет не выступавшими против какой-либо отсталой народности, те, кто ставит знак равенства между раз'яренным империализмом и республиками Советов, которые являются опорной базой против империализма, опорной базой будущих побед пролетариата над капитализмом, республиками, являющимися могильщиками империализма. Разве можно ставить знак равенства между СССР и империализмом, как-будто дерется один империализм с другим? Нужно сосредоточить все усилия на мобилизации масс против войны. Только с этой целью мы будем в скором времени говорить с капиталистами, об'единенными в Лиге

Наций. Мы будет разоблачать перед рабочими абсолютную неспособность Лиги Наций бороться против войны.

Тот, кто усыпляет рабочих, тот, кто создает иллюзии у рабочих,— тот обманывает рабочих, фактически облегчает капиталистам вести войну. Тот, кто не понимает, что вести борьбу против войны, не ведя одновременно (так говорил Ленин) войны против оппортунизма [11]), тот ничего не понимает в вопросе о войне, тот неспособен на деле вести войну против войны. Не ведя повседневной борьбы против оппортунизма, нельзя вести войну против империализма, нельзя вести борьбу против войны, ибо оппортунизм деморализует рабочих, он подготовляет позиции для отступления, он подготовляет предпосылки, чтобы заставить рабочих разных наций снова и снова стрелять друг в друга во имя интересов капитала.

Я остановился на этих софизмах потому, что Владимир Ильич придавал им особенное значение. Вот, что Ленин говорил о них:

> «Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, об'ясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбиваем заранее, либо, еще больше, отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года [248])» *).

Вот, что говорил Владимир Ильич и что осталось совершенно правильным и поныне. Прошло много лет, но попрежнему прибегают к софизму, попрежнему люди утешают себя иллюзиями — «мы войны не допустим». Кто это «мы»? В то же самое время социал-демократия делает вид, что она имеет меры, истинно предохраняющие от войны. Кто верит социал-демократии, кто не понимает необходимости борьбы с оппортунизмом, как предпосылки борьбы с войной, тот ничего не понимает в вопросе о войне. Люди спрашивают порой: а что считать оппортунизмом? Я не могу дать другого определения оппортунизма, как ленинское определение. Я думаю, что это наиболее сжатое, наиболее яркое,

*) Н. Ленин, та же статья, стр. 530.

наиболее сочное определение того, что такое оппортунизм и почему с ним нужно бороться:

> «Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя «широкие массы населения» (читай: мелкую буржуазию) — таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патриотическое настроение большинства вождей II Интернационала [11])» *).

Вот почему борьба с оппортунизмом неразрывно связана со всей борьбой против войн.

Какие силы будут бороться против войны? Не те ли пацифисты, которые говорят: «мы вообще против всякой войны, мы вообще против всякого насилия»? Те, которые говорят так, на деле изо дня в день помогают буржуазии. Те, кто говорят: «мы против всякой войны, мы против всякого насилия», живут в обществе, где видят всюду и всечасно происходящие насилия класса капиталистов над рабочим классом, насилия, осуществляемые посредством государственного аппарата, находящегося в руках капиталистов, посредством наемной армии, употребляемой для разгона стачечников, для расстрела рабочих, посредством тюрем, в которых сидят борцы рабочего класса. Этих насилий пацифисты не хотят видеть. Но они вообще против насилия, в том числе и против насильственных мер пролетариата, борющегося за свое освобождение. Когда пролетарий берется за винтовку, пацифист говорит: «ах, я против насилия». А когда пролетариев заставляют работать на варварских условиях, наставив им винтовку в грудь, этого пацифист не видит. Когда застрелили Войкова [325]), одного из лучших представителей рабочего класса, против этого пацифисты не протестовали. Они сказали только: «ах, как это нехорошо». А вот, когда рабочие вооруженной рукой подавляют тех, кто пытается сковать народ, кто намеревается разрушить, взорвать наши социалистические достижения, когда русские рабочие

*) Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIII, «Положение и задачи Социалистического Интернационала», стр. 12 и 13. Гиз. М., 1924 г.

расправляются с этими врагами пролетариата, — пацифисты выступают на сцену, буржуазия дергает ниточку, и пацифист делает жест: «ах, я одинаково против насилия и над контрреволюцией» [334]). Между тем это совсем неодинаково. Пацифист, говорящий: для меня одинаково неприемлемо как насилие рабочих над контрреволюцией, так и насилие над этими рабочими,— на деле является лакеем буржуазии: он не видит, что во всем мире совершаются насилия над рабочим классом, а когда рабочий вооруженной рукой защищает свои завоевания, этот пацифист распускает слюни. Пацифист неспособен бороться против войны. Он не понимает сущности современных войн. Он думает, что войны возникают от злой воли, что в преимуществах мира в конце концов можно убедить капиталистов. Он не понимает, что легче волка отучить есть мясо и приучить его кушать травку, чем отучить империалистов от войны. Империализм будет воевать, он не может не воевать. А что борьба против войны является борьбой против империализма, этого пацифист неспособен понять.

Есть еще одна сила, это — революционные беспартийные рабочие и левые социал-демократы. Они очень искренние люди, но они или будут итти на поводу у вождей социал-демократии или же они не смогут об'единиться с рабочими других стран для совместных решительных действий.

Я сказал, что было бы большой переоценкой, если бы мы рассчитывали, что коммунисты смогут противиться войне в самый момент её об'явления, ибо нужно считать, что буржуазия в первый же момент об'явления войны или за несколько часов до этого лучших коммунистов посадит в тюрьму, конфискует кассы партийных организаций, закроет коммунистические газеты, займет помещения. Вот почему, повторяю, подготовка широких масс против войны должна вестись изо дня в день, ибо в момент войны бороться будет уже поздно.

Борьба против войны должна и может вестись по двум линиям. Линия первая — повседневное, изо дня в день, раз'яснение рабочим необходимости борьбы против империализма, истинное раз'яснение значения империалистической войны. Надо раз'яснять рабочим неустанно, изо дня в день, неизбежность войны. Кто не понимает того, что борьба с империализмом может происходить не только резолюциями на конгрессах и в парламентах, не только путем

голосований, но что она неизбежно перерастет в классовую гражданскую, единственно законную войну труда против капитала, тот не может быть уверен в победе над империализмом. Советское правительство, советское государство изо дня в день вело и ведет борьбу против самой возможности войны. Несмотря на все провокационные шаги врагов, оно принимало и принимает все зависящие от него меры, чтобы избежать войны. Мы и впредь будем принимать все зависящие от нас меры, чтобы на провокацию империалистов [166]) не попасться. Если вы, иностранные рабочие, посмотрите на всю политику СССР, вы убедитесь, как мы реагируем на оскорбления наших послов. Не раз у рабочих сжимался кулак, когда они слышали об арестах наших дипкурьеров, об убийствах послов, о ряде налетов на наши дипломатические представительства, но мы молчали. Только сознание того, что нас провоцируют на войну, которая будет использована в интересах господствующих классов, которая поможет им задержать наше развитие, только это соображение удерживает нас от решительного шага. Вот сейчас созывается конференция по разоружению. Мы, марксисты-ленинцы, не можем смотреть на нее иначе, как на надувательство со стороны буржуазии по отношению к рабочим и к мелкой буржуазии всех стран. Ничего нельзя ожидать от этой конференции, кроме надувательства, как от предшествующей конференции Англии, Японии и Сев. Америки, посвященной морскому разоружению. Так и здесь, на этой конференции, по вопросу о разоружении невозможно будет договориться. Не может какая-нибудь бумажка, какой-нибудь акт устранить вопроса о противоречиях империализма, могут ли какие-нибудь резолюции, бумажные постановления изменить создавшуюся ситуацию, политику? Не могут. И тем не менее, мы, пользуясь случаем, пойдем на эту конференцию и не позволим представителям буржуазных государств уклониться от нашей постановки вопроса. Мы покажем угнетенным народам и пролетариям всего мира нашу полную готовность не на словах, а на деле действительно разоружиться. Мы предложим самую широкую платформу, выставим ее и пусть еще раз рабочие всех стран увидят, что действительно искреннего, истинного желания разоружиться ни у кого, кроме нас, на этой конференции нет, что эта конференция есть очередной обман рабочих всех стран. Рабочие СССР боролись и борются против

войны, они видят единственную возможность борьбы против войны в единении, в организации, в создании братского союза между рабочими всех стран. Я позволю себе еще раз процитировать самого красноречивого автора по вопросам войны. Вот два совета Ленина насчет того, как бороться с войной:

> «На попытки современной буржуазии разделить и раз'единить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций. Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж идеологией «национальной войны» *).

Рабочий класс СССР именно так понимает задачу, и не раз, а десятки раз мы обращались к рабочим организациям других стран с предложением установить единство международного профдвижения, единство профсоюзных организаций, против капитала. Вы знаете, какая участь постигла наши попытки. Вы знаете, что со стороны вождей II Интернационала [11]) и вождей Амстердамского Интернационала [18]), наоборот, делается все, чтобы изолировать нас, чтобы отделить нас от западно-европейских рабочих, чтобы не позволить, как они говорят, «русской заразе» проникнуть в среду рабочих других стран. Борьба за единство международного профдвижения является одним из методов борьбы против войны, против империализма, ибо мы себе не представляем и не можем представить единого всеоб'емлющего Интернационала рабочих, который бы не стоял на позиции действительной, истинно классовой борьбы труда с капиталом. Я хочу привести еще один пример. Некоторые товарищи, увлекаясь самыми лучшими побуждениями, порою говорят: «мы не допустим войны, мы исполним свой долг». Это хорошее желание, это благородное желание. Но насколько трудна эта задача? — Вспомните забастовку английских горняков [180]). Поддержать её и организовать мировую забастовку углекопов было легче, чем в момент об'явления войны помешать военным действиям. И, однако, когда забастовка английских углекопов была об'явлена, немецкие углекопы продолжали

*) Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIII, «Положение и задачи Социалистического Интернационала», стр. 16. Гиз. Москва, 1924 г.

работать. Это не потому, что германские рабочие плохи, но вследствие того, что рабочие организации находятся в руках героев Амстердамского Интернационала и II Интернационала. Германские рабочие — прекрасные пролетарии, но у них плохие вожди, поэтому-то из Германии, вместо помощи английским горнякам, шел немецкий уголь. Вот как трудно об'единить рабочих, вот как ловко пользуется буржуазия всеми средствами и способами, чтобы раз'единить их. Если мы не могли в должной мере организовать бойкот Англии, запретить ввоз угля, если мы не могли в свое время этим поддержать английских горняков, то как трудно будет без подготовки, без длительной, организационной, изо дня в день ведущейся подготовки, бороться с войной!

Дальше, Владимир Ильич Ленин говорит,— я это все цитирую из его статьи «Положение и задачи Социалистического Интернационала»:

> «Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму, «своей» страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом «своей» буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность,— вот та л и н и я работы, которая в е д е т к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара» *).

Это особенно надо помнить коммунистам, ибо в момент войны буржуазия сделает попытку окончательно разгромить революционные рабочие организации, не ограничиваясь, конечно, конституционными формами борьбы.

Вот как ставил вопрос Ленин. Также должны поставить его и все те, кто преклоняется перед гением Ленина, они должны признать важнейшей задачей борьбу с империализмом, готовность к гражданской войне против буржуазии, против господства империализма. Тот, кто не готов превратить империалистическую войну в войну гражданскую, в единственно справедливую войну угнетенных против угнетателей, эксплоатируемых против эксплоататоров, тот впустую, зря болтает о готовности к борьбе против войны. Тот, кто неспособен в момент войны поставить своей задачей поражение своей буржуазии, невзирая на все социал-

*) Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIII, «Положение и задачи Социалистического Интернационала», стр. 16. Гиз. Москва, 1924 г.

демократические увертки и софизмы, тот, кто не понимает при этом необходимости в первую голову борьбы со своей буржуазией, тот, кто не считает необходимым превратить войну империалистов между собою в войну всех пролетариев против системы империализма,— тот напрасно говорит о готовности выполнить свой долг перед пролетариатом.

Сейчас более остро стоит вопрос о возможности войны империалистских держав против СССР. Во время войны империалистов друг с другом каждый честный рабочий должен, не прячась за софизмы и не слушая социал-демократических софистов, поставить перед собою вопрос: «а какая выгода нам от того, что победит Англия Францию или Франция Англию»? — Для пролетариев безразлично, одинаково вредно, какой бы разбойник ни победил, ибо побеждать будет он пролетарскими и крестьянскими руками.

Перед пролетариями всех стран стоит одна задача — схватить за горло свою буржуазию, обеспечить себе победу над своей буржуазией, не стесняясь тем, что это ведет к поражению её в войне, и даже способствовать этому поражению. Если каждый будет заботиться только о своей буржуазии, не глядя на других, не дожидаясь, где вперед начнут, этим будет в значительной степени обеспечен, и единственно этим будет обеспечен успех борьбы против империалистов.

Сейчас ставится вопрос о войне против СССР [168]). Здесь задача каждого рабочего понять, что это класс капиталистов воюет против рабочего класса, и долг всех рабочих, без различия национальностей, защищать свой авангард, т.-е. СССР против класса капиталистов. Я думаю, никто не заподозрит нас в национализме, ибо в нашем многонациональном государстве все национальности равны. Если завтра в какой-нибудь стране будет советская власть и какое-нибудь империалистическое государство станет наступать на Советскую Республику, первая и важнейшая задача каждого пролетария — защищать новое пролетарское отечество — новую социалистическую республику. Так, и только так можно понимать эту задачу. В империалистической войне вопрос ставится таким образом: поражение собственной буржуазии, превращение империалистической войны в гражданскую войну против своей буржуазии, в войну эксплоатируемых против

эксплоатирующих. Здесь задачей становится всемерная поддержка, всемерная защита пролетариата и переход на сторону борющихся рабочих против наступления капиталистов.

Вот сумма мер борьбы против опасности войны. Вот почему, несмотря на то, что война предстоит как-будто не скоро, что этот как-будто вопрос можно отложить, что время еще есть, время терпит, что когда наступит война, тогда-де и будем рассуждать, вот почему мы должны этот вопрос поставить сейчас. Тот, кто хочет бороться против войны, не борясь против империализма, кто не знает, что эта борьба связана с борьбой против оппортунизма, кто не понимает, что эта борьба может окончиться победой, лишь перерастая в борьбу против буржуазии, в гражданскую войну класса против класса, кто этого не понимает, тот ничего не понимает.

Я думаю, что после того как мы раз'едемся с этого конгресса, каждый из нас, какой бы пост он ни занимал, должен и теперь неустанно бороться против всякого проявления национальной ограниченности, шовинизма, империализма. Мы должны изо дня в день работать над сплочением пролетарских рядов, против попыток буржуазии разделить рабочих по национальным признакам. Мы должны изо дня в день проповедывать пролетариату необходимость смелее сплотить ряды и готовиться к возможности войны. Мы должны изо дня в день говорить, что только путем последовательной классовой борьбы с империализмом можно избежать империалистической войны! *(Аплодисменты).*

Неопубликованный доклад на Конгрессе Друзей СССР 12 ноября 1927 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вопросы, охватываемые примечаниями.

История русской революции — №№ 1, 3, 7, 8, 29, 32, 38, 42, 43, 48, 52, 53, 54, 58, 73, 79, 81, 94, 95, 98, 102, 104, 111, 117, 122, 125, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 140, 141, 154, 156, 159, 160, 162, 163, 165, 166, 169, 171, 172, 173, 179, 200, 227, 228, 230, 245, 246, 264, 271, 280, 289, 290, 291, 293, 311, 325, 331, 332, 334, 337.

История ВКП(б) — №№ 48, 70, 79, 80, 115, 216, 266, 268, 270.

История профессионального движения — №№ 4, 5, 9, 10, 12, 13, 22, 25, 27, 30, 33, 35, 38, 41, 45, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 80, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 99, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 118, 124, 126, 128, 129, 130, 138, 139, 140, 146, 153, 163, 164, 165, 167, 175, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 190, 191, 199, 201, 212, 214, 215, 217, 218, 219, 220, 222, 225, 228, 229, 231, 234, 236, 238, 241, 242, 245, 246, 250, 251, 253, 254, 255, 269, 272, 273, 274, 276, 279, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 295, 297, 302, 306, 307, 310, 311, 313, 314, 316, 317, 323, 330, 331, 335, 336, 338, 339, 340, 341.

Биографические сведения — №№ 6, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 23, 26, 28, 36, 37, 39, 40, 44, 46, 47, 59, 60, 61, 62, 63, 75, 76, 77, 78, 83, 103, 134, 150, 158, 168, 176, 177, 178, 187, 189, 196, 197, 198, 205, 206, 209, 210, 211, 221, 224, 232, 239, 240, 243, 244, 247, 252, 257, 258, 259, 261, 263, 278, 282, 299, 300, 301, 303, 304, 305, 315, 318, 319, 320, 322, 324, 342, 344, 345.

Разные — №№ 2, 11, 14, 20, 24, 34, 55, 56, 64, 66, 72, 86, 88, 89, 96, 97, 100, 101, 113, 116, 119, 120, 121, 122, 123, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 155, 157, 161, 170, 174, 192, 193, 194, 195, 202, 203, 204, 207, 208, 213, 223, 226, 233, 235, 237, 248, 249, 265, 267, 275, 277, 294, 296, 298, 308, 309, 321, 326, 327, 328, 329, 333, 338, 343, 346, 347, 348.

Примечания *).

[1]) *Февральская революция.* За период 1905—1914 гг. в экономике России произошли следующие изменения. Под влиянием столыпинской политики (выделение крестьян на отруба) увеличился слой «крепких хозяйственных мужиков». Оживление на европейском хлебном рынке и выгодность вывоза хлеба побудили часть помещиков взяться за рационализацию своего хозяйства. В результате этого в сельском хозяйстве усилились капиталистические элементы за счет полукрепостнических, выражавшихся в сдаче помещичьей земли на кабальных условиях в аренду крестьянам. В промышленности создались синдикаты и тресты, связанные с банками, усилился приток иностранных капиталов в промышленность и банки, увеличилась организующая роль банков. Эти изменения усилили экономическое значение буржуазии, ее тягу к власти и ее захватнические стремления во внешней политике. Империалистическая буржуазия выступила с лозунгом создания «Великой России» за счет окружающих стран.

Война 1914 г. выявила всю непрочность самодержавного строя. 23 февраля 1917 г. начались забастовки и демонстрации в Петрограде. 27 февраля (ст. ст.) войска перешли на сторону восставших, и 27 февраля Николай II был вынужден подписать отречение от престола. Самодержавие смел короткий стихийный взрыв. Не будучи двигателем революции, империалистическая буржуазия была тем не менее единственной организованной силой. Поэтому в первое время она и овладела властью. Между тем, началась «самоорганизация революционных масс: пролетариата, солдат, крестьян» (формулировка Бухарина). 28 февраля в Петрограде организовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. 2 марта государственная дума сформировала временное правительство с участием «десяти министров»-капиталистов и «социалиста» Керенского, вошедшего в него вопреки постановлению Исполнительного Комитета Совета. Во главе временного правительства оказался помещик — князь Львов, министром иностранных дел — Милюков — лидер кадетов и сторонник империалистической политики и войны «до победного конца», военным — Гучков, который в 1905 году, будучи московским городским головой, организовал милицию в помощь адмиралу Дубасову,

*) В конце каждого примечания в скобках поставлены номера страниц текста, к которым оно относится.

подавлявшему декабрьское восстание. На ряду с правительством существовал Совет депутатов (фактически вторая власть), бывший под влиянием меньшевиков и эсеров, поддерживавший правительство «постольку — поскольку» оно будет действовать в согласии с Советом. 14 марта Совет опубликовал манифест к народам всего мира о необходимости заключения мира без аннексий и контрибуций, не указав, однако, практических путей к прекращению войны. В действительности же меньшевики и эсеры продолжали оставаться оборонцами.

4 апреля приехавший из Швейцарии Ленин выступил с тезисами «О задачах пролетариата в данной революции». В части, касающейся войны, Ленин высказался против господствовавшего тогда «революционного оборончества», доказывая, что в условиях грабительской империалистической войны оно является изменой интернационализму. Он говорил, что революционное оборончество приемлемо только тогда, когда власть перейдет в руки пролетариата.

Политический момент Ленин оценивал следующим образом. В виду недостаточной сознательности и организованности пролетариата, властью завладела буржуазия. Второй этап революции «должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Временному правительству же нельзя оказывать никакой поддержки, наоборот, нужно всячески раз'яснять лживость его обещаний.

Как на одну из основных задач тезисы указывали на «раз'яснение массам, что Советы Рабочих Депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства», «не парламентарная республика, а Республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов».

Аграрный вопрос Ленин предлагал разрешить конфискацией всех помещичьих земель и национализацией всей земли, передав ее в распоряжение местных Советов.

Тезисы говорили о немедленном созыве с'езда партии, изменении программы, путем пересмотра, главным образом, вопроса об империализме и войне, указывали на необходимость «создания революционного интернационала против социал-шовинистов».

«Апрельские тезисы» сыграли огромную роль в последующей борьбе за власть Советов, послужив основой тактики большевиков.

18 апреля временное правительство послало «союзникам» ноту с подтверждением всех царских договоров о войне. Возмущение масс заставило Милюкова и Гучкова выйти в отставку. 5 мая создалось под председательством князя Львова — главы первого временного правительства — новое коалиционное (т.-е. смешанное, составленное из разных политических партий) правительство. В состав его, кроме буржуазных министров, вошли: меньшевики — Церетелли (министр почт и телеграфа) и Скобелев (министр труда); эсеры — Чернов (министр земледелия) и Керенский (военный министр); народные социалисты — Пешехонов (министр продовольствия) и Переверзев (министр юстиции). Коалиция была создана на основе выполнения такой программы: 1) активная работа в пользу мира на основе манифеста Петроградского

Совета от 14 марта 1917 года; 2) регулирование промышленности и финансовая реформа; 3) подготовительные меры к решению земельного и рабочего вопросов; 4) ускорение созыва учредительного собрания. Ни одно из этих требований не было выполнено. Буржуазия начала дезорганизовывать производство, сваливая вину на рабочих и стремясь натравить на них крестьянство и армию; между тем, рабочие стали устанавливать фактический контроль над производством и повели борьбу за улучшение условий труда и заработной платы. Во имя сохранения коалиции с буржуазией социалистическая часть правительства и в частности министерство труда отказывались поддерживать, как им казалось, чрезмерные требования рабочих и сопротивлялись введению рабочего контроля. Все это скоро убедило передовые слои пролетариата в правильности позиций большевиков.

3 июня открылся I С'езд Советов, на котором в большинстве оказались меньшевики и эсеры. Поэтому с'езд не изменил линии, взятой Петроградским Советом. Но назначенная с'ездом на 18 июня «процессия на могилу жертв революции» превратилась в демонстрацию с большевистским лозунгом против политики наступления, которое усиленно подготовлялось временным правительством; в тот же день Керенский бросил войска в наступление против немцев, закончившееся поражением.

В связи с неудачей этого наступления и под предлогом несогласия с заключенным министром иностранных дел Терещенко и Церетелли соглашением с «украинской радой» (с образовавшимся после февральской революции правительством Украины, во главе которого стояли украинские меньшевики и украинские эсеры, которое опиралось на кулацкое крестьянство и националистически настроенную украинскую интеллигенцию и которые стремились к политической самостоятельности), кадеты ушли из правительства. Несмотря на требования рабочих и солдат взять власть в свои руки, ЦИК, избранный на I С'езде Советов, передал неограниченные полномочия Керенскому. Создалось первое правительство Керенского, «независимое от Советов», с участием кадетов (Кокошкин, Юренев, Карташев и др.).

Воспользовавшись наступлением, буржуазия стала организовывать «союзы георгиевских кавалеров», «ударников», «батальоны смерти» и проч. Среди рабочих все более нарастало недовольство. Уход из министерства кадетов, заявивших себя противниками соглашения, заключенного с «украинской радой», дал толчок выступлению масс 3 июля, проходившему под большевистскими лозунгами «Долой 10 министров капиталистов», «Контроль над производством», «Вся власть Советам». К этому времени основная масса крестьянства, и крестьянская в большинстве своем армия шла за эсерами. Выступление 3 июля было подавлено войсками, вызванными с фронта; Ленин и Зиновьев вынуждены были скрываться. Буржуазия начала травлю большевиков, об'явив Ленина немецким шпионом и обвиняя большевиков в неудаче июньского наступления. С согласия меньшевиков и эсеров правительством были разоружены революционные войска и пролетариат.

Под влиянием этих событий глава временного правительства князь Львов вышел в отставку, и коалиция распалась. Исполнительный Комитет Советов рабочих депутатов передал все полномочия Керенскому, который составил новое правительство с участием кадетов и промышленников (Терещенко, Коновалов, Кишкин и др.) на платформе *независимости его от Советов*. На фронте была введена смертная казнь. Буржуазия использовала положение для все более явного нажима на пролетариат. Разрешение земельного вопроса откладывали до созыва учредительного собрания. 27 августа верховный главнокомандующий Корнилов, по соглашению с Керенским, двинул войска на Петроград под предлогом якобы готовившегося большевистского выступления, но в последнюю минуту Керенский заколебался. Обманутые корниловские войска отказались повиноваться. Меньшевики и эсеры в советах, поняв, что опасность грозит и им, обратились за содействием к большевикам. На борьбу с корниловщиной поднялись широкие массы, всюду создавались революционные органы власти. Мятеж был ликвидирован. Корниловское выступление разоблачило в глазах крестьянства и отсталых слоев рабочего класса истинные намерения буржуазии и ошибочность политической линии меньшевиков и эсеров. Поэтому во всей стране начались перевыборы советов, которые дали большинство большевикам. Этот перелом в настроениях рабочих масс, крестьянства и армии и сделал возможным Октябрьский переворот. (Стр. 7, 86, 165, 171, 350).

[2]) *Парламентаризм* — буржуазная система управления государством, основанная на ответственности правительства перед парламентом (законодательным собранием народных представителей). При этой системе правительство обыкновенно выходит в отставку, если парламент выражает ему недоверие. Выход в отставку правительства может последовать и после того как внесенный им на утверждение парламента законопроект не соберет при голосовании большинства голосов. Как общее правило, при парламентаризме правительство составляется из членов партии, имеющей большинство в парламенте. (В Англии, напр., долгое время существовала так называемая «система двух партий» — консерваторов и либералов. При ней правительство обычно формировалось то из одной, то из другой партии — в зависимости от того, какая из этих партий получала большинство на выборах в парламент. Так продолжалось до тех пор, пока рост Рабочей партии не дал ей в парламенте значительного количества мест — теперь уже можно говорить о «системе трех партий» — консерваторы, либералы и Рабочая партия). В тех случаях, когда ни одна из представленных в парламенте партий не располагает большинством, правительство создается блоком, т.-е. об'единением политических партий, более или менее близких между собой по своей программе. Бывают случаи, когда политические партии, даже при наличии большинства в парламенте, не соглашаются брать на себя полную ответственность за управление. Тогда партии самых различных направлений

вступают в соглашение для совместного образования так называемого коалиционного правительства. Так, напр., во время империалистической войны в ряде европейских государств были образованы коалиционные правительства из представителей буржуазных и социалистических партий.

Во французское правительство вступили социалисты: Гэд, Самба и Альбер Тома. В бельгийское — Вандервельде. В английское — Гендерсон, Брейс и Роберто. В датское — Стаунинг. В шведское — Брантинг. (Стр. 7, 28, 29, 119, 179, 236, 356, 358, 359, 379, 404).

[8]) В ноябре 1917 г. Совет Народных Комиссаров обратился ко всем правительствам с призывом окончить империалистическую войну заключением мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Антанта, стремясь к полному разгрому Германии, не приняла предложения Советской России. Тогда советское правительство вступило в самостоятельные переговоры о заключении мира с Германией и Австрией. 15 декабря 1917 г. было заключено перемирие с этими странами и 22 декабря в Брест-Литовске открылась конференция, имевшая в виду выработать условия мира. Во время переговоров в Брест-Литовск прибыла делегация «Центральной Рады» (мелкобуржуазного украинского правительства, составленного из представителей различных общественных организаций и руководимого социалистами-революционерами и меньшевиками), провозгласившей независимость Украины и желавшей вступить в мирные переговоры с Германией и ее союзниками независимо от Советской России. Германо-Украинский договор был подписан 9 февраля 1918 г. Советская делегация, возглавляемая Троцким, отказалась принять условия, предложенные Германией, прервала переговоры и заявила о прекращении войны без заключения мира. Тогда германское правительство заявило о прекращении перемирия и возобновило наступление в глубь России. В это время в коммунистической партии не было единогласия в вопросе о заключении мира. Тов. Ленин в своих тезисах от 20 января 1918 г. высказался за мир, хотя бы ценой самых тяжелых условий, мотивируя свою точку зрения отсутствием непосредственной революционной ситуации в Германии, деморализацией фронтовых частей, отсутствием у молодой, еще неокрепшей, Советской Республики достаточных сил для ведения революционной войны, нежеланием крестьянства воевать и, наконец, необходимостью получить во что бы то ни стало «передышку» для укрепления страны. Против этой точки зрения выступили так называемые «левые» группы. Одна, возглавляемая тов. Бухариным, настаивала на ведении революционной войны; другая, с Троцким во главе, защищала позицию — «мира не подписывать, войны не вести». Левое крыло, исходя из той мысли, что революция на Западе близка, утверждало, что успешный исход революционной войны обеспечен, или, как говорили троцкисты, «немец наступать не будет». На заседании ЦК партии 22 января 1918 г. «левые» собрали большинство голосов, приняв формулу Троцкого. Возобновившееся продвижение германской

армии на Псков и на Петроград вновь остро поставило вопрос о войне и мире. На заседании ЦК 23 февраля Ленин заявил, что политика революционной фразы должна быть кончена и что он выходит из состава ЦК и из правительства, если такая политика будет продолжаться. При окончательном голосовании вопроса за точку зрения Ленина было подано 7 голосов, против — 4, воздержалось — 4. На основе этого решения 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор представителями Германии, Австрии, Болгарии и Турции — с одной стороны и Советской России — с другой. Этим договором Россия отказывалась от своих прав на территорию Польши, Литвы, Курляндии и части Лифляндии. Она обязывалась вывести свои войска из Лифляндии и Эстляндии, где Германия получала право держать свои военные части до окончательного установления государственного строя этих стран. Финляндия и Украина были признаны независимыми, при чем Россия обязалась заключить соглашение с Украиной и признать Германо-Украинский договор от 9 февраля 1918 г. Россия отказалась в пользу Турции от территорий Карса, Ардагана и Батума. 27 августа 1918 г. был подписан дополнительный договор между РСФСР и Германией. Этим договором РСФСР окончательно отказалась от своих прав на Эстляндию и Лифляндию и признала независимость Грузии. Тогда же было подписано обязательство уплатить Германии в качестве возмещения военных убытков сумму в 6 миллиардов марок. Независимо от обусловленного Брестским договором права Германии держать свои гарнизоны в Эстляндии и Лифляндии, германские оккупационные армии вступили в Украину и Финляндию для поддержки контрреволюционных правительств в этих странах и даже стали переходить через границу на территорию РСФСР (наступление на Ростов). На Украине в апреле 1918 г. при поддержке немецкого оккупационного отряда был произведен переворот: Центральная Рада была разогнана и власть была вручена одному из царских генералов, представлявшему интересы дворянства и кулацкого крестьянства, Павлу Скоропадскому, получившему титул гетмана Украины. С момента революции в Германии в ноябре 1918 г. ее армия стала эвакуироваться из оккупированных местностей. 13 ноября 1918 г. ВЦИК аннулировал Брестский договор. (Стр. 8, 10, 77, 99, 109, 134, 223).

[4]) *I Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов* открылся в Петрограде 7 января 1918 г., на следующий день после роспуска учредительного собрания (см. примечание № 94) и закончился 14 января. На с'езде было 416 делегатов с решающим и 75 с совещательным голосом, присланных от 19 всероссийских союзов, 20 областных об'единений, 48 советов профессиональных союзов, 162 местных союзных организаций. Партийный состав: большевиков — 273, меньшевиков — 66, бесспартийных — 34, левых эсеров — 21, с.-р. максималистов — 6, анархо-синдикалистов — 6. Кроме главного вопроса о задачах профдвижения; в повестке дня с'езда стояли вопросы: об организационном строительстве союзов, об отношении к фабрично-заводским комитетам,

устав ВЦСПС, борьба с безработицей, рабочий контроль над производством, регулирование и демобилизация промышленности.

С'езд признал, что «политическая победа рабочих и беднейших крестьян... в России подводит... одновременно к началу социалистической революции и к победе над капиталистическим способом производства», что Октябрьская революция создала «совершенно новые условия для деятельности профессиональных организаций, на долю которых выпадает большая роль в борьбе за проведение в жизнь социализма».

Исходя из этих положений, с'езд отверг меньшевистскую идею «нейтральности» союзов в политической борьбе и «независимости» их от советской власти. Он заявил, что идея «нейтральности» профессиональных союзов была и остается буржуазной идеей, что за словесной нейтральностью почти всегда скрывалась фактическая поддержка буржуазной политики и измена интересам рабочего класса. С'езд, наоборот, подчеркнул, что в процессе развития социалистической революции союзы постепенно превратятся в органы социалистической власти и призвал союзы «поддержать политику социалистической советской власти, проводимую Советом Народных Комиссаров».

Этот с'езд признал, что «центр тяжести работы профсоюзов в настоящее время должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную», что «профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную заботу по организации производства и воссоздания подорванных производительных сил страны» и высказался за создание при союзах так называемых контрольно-распределительных комиссий.

Подтвердив принятый III Конференцией производственный принцип организационного строительства, с'езд решил для проведения его в жизнь создать при межсоюзных об'единениях комиссии по размежеванию. На этом с'езде было принято решение о том, что бывшие до того времени самостоятельными фабзавкомы «должны быть органами соответствующих союзов на местах».

На I С'езде был принят устав постоянного ВЦСПС.

Этот С'езд поручил ВЦСПС созвать на 15 февраля 1918 г. международную конференцию профессиональных союзов в целях установления связи с международным профдвижением.

Историческое значение I С'езда в том, что он дал формулировку задач профессионального движения в обстановке диктатуры пролетариата. (Стр. 9, 11, 32, 39, 53, 80, 118, 121, 219, 234).

[5]) В начале января 1918 г. в Германии и Австрии произошли забастовки с требованием мира; забастовки, особенно сильные в Берлине, кончились арестами и отправкой стачечников на фронт. В январе, феврале и марте 1918 г. произошла рабочая революция в Финляндии, вскоре подавленная немецкими войсками (см. примеч. № 3). В мае 1918 г. конгресс французских революционных меньшинств в Сент-Этьене постановил об'явить всеобщую забастовку с требованиями прекращения

войны. Движение было разбито. Около ста человек было заключено в тюрьмы, а несколько тысяч рабочих были взяты с заводов и отправлены на передовые позиции. В Англии левые деятели Независимой Рабочей Партии и Британской социалистической партии начали в 1918 г. пропаганду и агитацию против коалиционного правительства и замены его таким, которое через голову германского правительства обратилось бы к немецкому народу с предложением мира. В это время рабочие массы Англии рядом с соглашательскими тред-юнионами стали создавать фабзавкомы, начавшие борьбу за прекращение войны. (Стр. 10, 25, 43, 78).

6) *Георг Ледебур* — старейший деятель германской социал-демократии, работавший вместе с Бебелем над ее основанием и развитием. Родился в 1855 г. В течение всей своей политической деятельности Ледебур боролся с оппортунизмом и реформизмом. Во время войны он вместе с рядом других противников войны основал Независимую социал-демократическую партию, голосовавшую против военных кредитов. В 1915 г. участвовал в международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария) и подписал выработанный конференцией манифест с признанием несостоятельности II Интернационала и с призывом к рабочим всех стран начать борьбу против войны. В январе 1919 г., во время восстания спартаковцев против социал-демократического правительства, возглавлявшегося Шейдеманом, вступил вместе с Карлом Либкнехтом во Временный Революционный Комитет, руководивший восстанием. На Галльском с'езде Независимой партии, когда большинством было вынесено решение слиться с коммунистической партией, не подчинился этому решению. Но точно также он не подчинился решению меньшинства независимцев в 1922 г. слиться с «шейдемановцами» и образовал собственную группу «независимых социал-демократов». В июле 1923 г. вместе с вышедшим из французской коммунистической партии Фроссаром и членом русской партии левых социалистов-революционеров основал «Международное бюро социалистов-революционеров». (Стр. 10).

7) *Саботаж интеллигенции* начался с первых же дней Октябрьского переворота. Он проявился в виде забастовки почтово-телеграфных и банковских служащих, а также чиновников некоторых государственных учреждений. Кроме того, эту тактику применяли инженеры, учителя и юристы. Саботажников материально поддерживал образованный членами бывшего временного правительства «Комитет спасения родины и революции». Политически руководить ими пытались меньшевики и с.-р. Саботаж длился около 2 месяцев, после чего саботажники, убедившись в своем бессилии остановить Октябрьскую революцию, приступили к работе. Однако, и работая, многие из них в течение всего 1918 г. продолжали саботаж в пассивных формах. (Стр. 11, 128, 172, 349).

8) Державы как австро-германского лагеря, так и англо-французского, воюя между собой, в то же время одинаково враждебно относились к советской власти. Все они вмешивались в гражданскую войну и

поддерживали белогвардейские восстания, имея в виду восстановление буржуазного правопорядка. Несмотря на заключение 3 марта 1918 г. мира с Советской Россией, Германия, 12 марта 1918 г., высадила десант в Финляндии. При помощи германской армии финские белогвардейцы разбили Красную гвардию финских рабочих и разгромили советы. В том же месяце Германия предприняла наступление на Украину и далее, заняв в апреле Крым и в мае Ростов-на-Дону. Занимая советские территории, германские войска постоянно содействовали захвату власти белогвардейцами. 6 апреля японцы высадили десант во Владивостоке. 2 июля англичане и французы стали занимать побережье Белого моря. 14 августа 1918 г. англичане вступили в Баку. В ноябре 1918 г. в Одессе начали высаживаться войска держав Антанты (Франции, Англии и Италии).

27 октября 1918 г. тогдашний председатель французского совета министров писал генералу Франше д'Эспере: «при сем препровождаю вам письмо, которое в общих чертах излагает *план экономического изолирования большевизма России с целью вызвать его падение*. Дело идет сейчас только о проекте, отвечающем видам французского правительства и требующем для его осуществления соглашения заинтересованных в этом вопросе держав Антанты. Если будет заключено соглашение по этому вопросу, союзная интервенция в южной России, несомненно, будет находиться в связи с действиями союзных армий на Востоке». «В целях проведения интервенции, все окраины России были разбиты между Францией и Англией на сферы влияния и зоны действий, о чем состоялось 23 декабря 1918 г. между этими государствами особое соглашение. Во французскую сферу влияния вошли: Юго-Запад (Украина), Крым, Польша и западная часть Дона; в английскую: север России (лесная полоса), Прибалтика, Кавказ и Кубань и восточная часть Дона». Наряду с этим государства Антанты 16 января 1919 г. подписали конвенцию о междусоюзническом контроле над Китайско-Восточной и Сибирскими железными дорогами.

Но план этот потерпел крушение вследствие побед Красной армии. Белогвардейские армии были разбиты (см. примечание № 29). Затеять же формальную войну с Советской Россией капиталистические государства не решались, так как рабочие массы этих государств были на стороне РСФСР и угрожали в случае продолжения открытых военных действий всеобщей забастовкой. Войска, высаженные на территории России, придя в соприкосновение с революционными рабочими, боровшимися за освобождение от капиталистической эксплоатации, быстро разлагались и нередко отказывались от выступлений против Красной армии. Во французском десанте, высаженном на Черноморском побережье, вспыхнуло восстание, руководимое Андре Марти и Бадина. Империалисты по всем этим причинам вынуждены были по мере поражения белогвардейских правительств уводить свои армии. Убедившись в прочности советского строя в России и нуждаясь в русском рынке, они стали на путь возобновления как экономических, так и

дипломатических отношений (см. прим. 106). (Стр. 11, 79, 116, 117, 121 141, 165, 174, 186, 209, 235, 248, 357, 420, 439).

[9]) *Четвертая Всероссийская Конференция Профессиональных Союзов* состоялась 12—17 марта 1918 г. в Москве. На ней присутствовало 94 делегата с решающим голосом: 78 большевиков, 12 меньшевиков и 4 интернационалиста. Конференция была созвана для того, чтобы выявить отношение широких слоев пролетариата к Брестскому мирному договору, подписанному Советом Народных Комиссаров 3 марта 1918 г.

«Сознавая всю тяжесть заключенного мира и угрозу завоеваниям пролетариата, вытекающую из условий этого позорного мира, признавая всю непрочность настоящего положения», Конференция высказалась за то, чтобы «использовать настоящее перемирие в целях укрепления позиций пролетариата» и призвала все профессиональные союзы «к самой энергичной работе по воссозданию боевых сил страны и их снабжения». Конференция заявила, что «несмотря на аннексии германским империализмом областей, населенных пролетариатом, входящим во Всероссийское профессиональное об'единение, российское профессиональное движение было и останется единым и нераздельным», а потому ВЦСПС и ЦК союзов, «не считаясь с затруднениями, должны приложить все усилия к восстановлению организационных связей с пролетариатом оккупированных и аннексированных областей».

Кроме вопроса об отношении к Брестскому миру, Конференция обсудила вопрос о взаимоотношениях профессиональных союзов с Комиссариатом Труда. Она признала, что Комиссариат Труда является «государственным органом экономически организованного в классовом масштабе пролетариата, ответственным перед его организациями», и высказалась за то, чтобы «все законодательные предложения и особые обязательные постановления, касающиеся условий труда и производства, должны быть предварительно одобрены соответствующими органами профессиональных союзов». На этой конференции был переизбран Исполнительный Комитет, так как выделенный I С'ездом оказался неработоспособным. В него вошли от фракции большевиков: тт. Томский, Шмидт, Рудзутак, Озол, Мельничанский, Матрозов и Козелев. 9 октября 1918 г. председателем ВЦСПС был избран М. П. Томский. (Стр. 11).

[10]) Это воззвание идет первой статьей VI книги «Статей и речей» М. П. Томского под заголовком «Профессиональным союзам всего мира!». (Стр. 12).

[11]) Основание II Интернационалу (I Интернационал, созданный в 1864 году, в 1876 году прекратил свое существование) было положено на международном конгрессе социалистических партий в июле 1889 г. В новом Интернационале с самого его основания шла борьба за влияние между левым, революционным и правым реформистским крылом. Реформизм, как теория, оформился в 90-х годах минувшего столетия. Ряд технических улучшений, повысивших производительность труда,

захват колоний с неистощенными запасами естественных богатств, и получение, таким образом, новых источников дешевого сырья, новых рынков сбыта и миллионных человеческих масс, неспособных бороться с хищнической эксплоатацией — сильно повысили прибыль. В целях обеспечить себя от резких социальных конфликтов и революционных потрясений, буржуазия стала на путь некоторых уступок тем частям пролетариата, которые оказывались более организованными и стойкими в борьбе. Все это создало в отдельных слоях рабочего класса (главным образом, в среде так называемой рабочей аристократии, т.-е. более квалифицированных и лучше оплачиваемых работников) иллюзии, что капитализм способен развиваться не в сторону обострения, а, наоборот, — смягчения и постепенного изживания классовых противоречий. Отсюда некоторыми деятелями социалистических партий был сделан вывод, что политические возможности, какими рабочий класс располагает в передовых капиталистических странах, вполне достаточны для последовательного улучшения всех условий труда путем частичных реформ. Практически реформизм выразился в министериализме — участии социалистов в буржуазном правительстве, в «парламентском кретинизме» (увлечение парламентскими выступлениями и невнимание к массовому внепарламентскому движению, которое и делает внушительными выступления в парламенте), в нейтрализме (см. примеч. № 12) и в «кооператизме» (вера в возможность мирного прихода к социализму через развитие кооперации). В теоретической области она приобрела известность под названием ревизионизма. Самым ярким выразителем ревизионизма явился германский социал-демократ Эдуард Бернштейн, подвергший ревизии (пересмотру) все основные положения учения К. Маркса и утверждавший, что мы мирно врастаем в социалистическое общество и что в борьбе за социализм «цель — ничто, движение — все». Пользуясь большим влиянием в профессиональном движении, реформисты стали влиять на политику II Интернационала.

Отрицая тезис, что у пролетария нет отечества, реформисты во время войны встали на защиту своего отечества, голосуя за военные кредиты и заключив гражданский мир с буржуазией («бургфриден») во имя национальных интересов, поставленных выше интересов классовых. II Интернационал распался. С прекращением войны и восстановлением международных связей явилась возможность поставить вопрос о восстановлении II Интернационала. На первую международную конференцию социалистических партий в г. Берне (февраль 1919 г.) явились представители 36 стран. На конференции значительное место в спорах занял вопрос о виновниках войны. Однако, под влиянием Октябрьской революции и вызванной ею в мировом пролетариате тягой к международному об'единению, конференция, несмотря на эти споры, вынуждена была восстановить Интернационал. За основу программы было взято положение, что «подлинное развитие социализма возможно лишь в условиях демократического строя» и что «опаснее всего были бы попытки диктатуры, опирающейся на часть пролетариата». Таким

образом, II Интернационал возобновил деятельность, как орган борьбы против пролетарской революции и коммунистических партий. На конгрессе в августе 1919 г. в г. Люцерне большинство высказалось за одобрение Версальского договора, навязанного державами-победительницами Германии и ее союзникам, приняв лишь пожелание об «исправлении некоторых статей». В своей дальнейшей деятельности II Интернационал держал курс на мирное сотрудничество пролетариата с буржуазией и на поддержку Лиги Наций, созданной буржуазией победивших стран для закрепления Версальского договора. На Марсельском конгрессе, в августе 1925 г., по настоянию бельгийской делегации было снято весьма умеренное предложение английских делегатов о кампании с целью пересмотра мирных договоров, отмене выплаты контрибуции побежденными государствами и взаимного отказа от военных долгов. В некоторых случаях деятели II Интернационала, считаясь с ростом революционных настроений в рабочих массах и боясь потерять на них влияние, выступали в тон с этими настроениями. Так, например, на Римском международном конгрессе профессиональных союзов, в апреле 1922 года, они даже внесли предложение об об'явлении всеобщей забастовки в случае возникновения войны. Но на практике во время войн Греции с Турцией, Англии с Афганистаном, Франции с Марокко и при вторжении английских войск в Китай, к этому средству они не прибегали. С 1923 года пост генерального секретаря II Интернационала занимает лидер австрийской социал-демократической партии Фридрих Адлер. Теоретиком II Интернационала является Карл Каутский. (Стр. 12, 14, 22, 23, 28, 30, 35, 36, 39, 40, 41, 47, 48, 50, 52, 64, 96, 99, 100, 107, 130, 148, 163, 202, 263, 302, 448, 462, 482, 496, 497, 500).

[12]) Теория нейтрализма профессионального движения сложилась в рядах германской социал-демократии.

Состоявшийся в 1872 году партийный Конгресс в Эрфурте, по предложению председателя союза столяров Иорка, признал, что «святой обязанностью рабочих» является «забыть партийную рознь». Свое решение Конгресс мотивировал тем, что власть капитала давит и эксплоатирует рабочих независимо от того, примыкают ли они к консерваторам, радикалам, либералам или социал-демократам. Исходя из этого, он признал необходимым об'единить рабочих для успешного и мощного сопротивления капиталу «на нейтральной почве единой профессиональной организации».

Такая точка зрения была подтверждена собравшейся в 1875 году партийной Конференцией в Готе. Готская Конференция пошла даже дальше. Она «вменила членам союза в обязанность» не допускать «внедрение политики» в професиональные организации, в союзной работе «держаться от политики в стороне». На ряду с этим Конференция признала, что отдельные члены союза должны «примкнуть» к социал-демократической партии и вступить в ее ряды. Это решение она мотивировала тем соображением, что только социал-демократия может поднять экономическое и политическое состояние пролетариата до

уровня человеческого существования. 70 годы были той эпохой «сравнительной неразвитости» политического и профессионального движения, когда, по словам Ленина, «можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы». Так смотрели на вещи до середины 90 годов. Выступивший с докладом о взаимоотношениях между партией и союзами на собравшемся в 1893 году Кельнском Партийном С'езде председатель Генеральной Комиссии Германских профсоюзов К. Легин говорил: для того, чтобы проникнуть в круги рабочих, которые до сих пор стояли в стороне и от политической и экономической борьбы, нельзя подходить к ним с отвлеченными политическими идеями. Профессиональная организация привлекает даже и этих рабочих тем, что сулит им материальные выгоды и поэтому они являются лучшим агитационным орудием партии.

В связи с этим Конгрессом была принята резолюция о необходимости внимательного отношения партии к профессиональному движению и укреплении профессиональных союзов.

К середине 90 годов в быстро развивавшихся профессиональных организациях сложился кадр союзного чиновничества, которое стало считать профессиональное движение самоцелью и тяготиться политическим руководством партии. А поскольку в рядах социал-демократии к этому времени было уже большое количество работников профессионального движения, они стали делать попытки использовать партию как исполнительный орган союзов.

На этой почве возник конфликт между руководителями партии и профессиональных союзов.

Вскоре после Франкфуртского Конгресса в печати появилось письмо лидера партии Ауера к Генеральной Комиссии. Он упрекал Комиссию в том, что она стремилась отделить профессиональные союзы от партии и рассматривать обе организации, как конкурирующие силы.

Членов профессиональных союзов, — писал Ауер, — надо удерживать от прямого вмешательства в политику, препятствовать непосредственному присоединению союза к чисто политической партийной организации, а тем более препятствовать подчинению ей.

Союзы должны просвещать рабочих путем внесения на их обсуждение различных политических проектов. Они должны добиваться для рабочего класса материальных выгод, которых можно добиться в условиях капиталистического строя.

Упрекая генеральную комиссию, Ауер одновременно обращался и к сторонникам подчинения профессиональных союзов партии. Он доказывал, что пора перестать обращаться с союзами, как с несовершеннолетним ребенком, пора перестать опасаться, что они могут в любой момент «кувыркнуться в бездну реакции».

Точка зрения союзного чиновничества, которое с каждым годом усиливало свое влияние в партии, наконец, была принята состоявшимся в 1906 году Мангеймским Конгрессом партии, который по предложению

Бебеля признал, что профессиональные союзы по своему значению не ниже социал-демократической партии. И в связи с этим постановил, что для проведения совместных выступлений, одинаково затрагивающих интересы и профессиональных союзов и партии, центральное правление обеих организаций должно вступать в соглашения.

На этом с'езде идеолог германской социал-демократии Каутский безуспешно пытался провести к резолюции Бебеля поправку о том, что каждый член партии должен считать себя связанным в своей профессиональной и всякой иной деятельности постановлениями партийных с'ездов. Эту поправку Каутский мотивировал тем, что таковы интересы самих профессиональных союзов, потому что социал-демократия представляет собой высшую и всеоб'емлющую форму классовой борьбы. Ни одна пролетарская организация, — говорил Каутский, — не может выполнить своей задачи, если она не пропитана социал-демократическим духом.

Эти разногласия явились одной из причин того, что вопрос о взаимоотношениях партии и союзов был поставлен на обсуждение собравшегося в 1907 году Международного Конгресса социалистических партий в Штутгарте. Конгресс принял следующую резолюцию:

Для полного освобождения пролетариата от духовного, политического и экономического рабства необходима в одинаковой мере как политическая, так и экономическая борьба рабочего класса. Задача социалистических партийных организаций лежит преимущественно в области политической борьбы пролетариата, задача же профессиональных организаций лежит, главным образом, в области экономической борьбы рабочего класса. Таким образом, задачи партии и профсоюзов *одинаково* важны для освободительной борьбы пролетариата.

У каждой из этих двух организаций есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но на ряду с этим существует все расширяющаяся область пролетарской классовой борьбы, где успех может быть достигнут лишь при помощи единодушного, согласованного действия партийной и профессиональной организации.

Борьба пролетариата будет поэтому тем плодотворнее и успешнее, чем теснее будет связь между профессиональными союзами и партийными организациями, при чем не следует упускать из виду единства профессиональной организации.

Конгресс заявляет, что рабочий класс должен стремиться к тому, чтобы во всех странах создалась и упрочилась тесная связь между партией и профессиональными союзами.

Партия и профессиональные союзы должны помогать друг другу в своих действиях и поддерживать друг друга нравственно и в своей борьбе употреблять лишь такие средства, которые полезны для освободительной борьбы пролетариата. Они должны столковываться между собою в тех случаях, когда между ними существует различие во взглядах на целесообразность того или иного средства.

Профессиональные союзы тогда только в состоянии будут выполнить свой долг в деле освободительной борьбы рабочих, когда их действия будут проникнуты социалистическим духом. На партии лежит обязанность помогать профессиональным союзам в их усилиях поднять и улучшить социальное положение рабочих.

Конгресс заявляет, что прогресс капиталистического способа производства, растущая концентрация производительных сил, растущее об'единение предпринимателей, возрастающая зависимость отдельных отраслей производства от всего буржуазного общества должны обречь деятельность профессиональных союзов на бессилие, если они будут заботиться исключительно о своих профессиональных интересах, руководясь цеховым эгоизмом и теорией гармонии интересов между трудом и капиталом.

Конгресс держится того мнения, что профессиональные союзы смогут тем успешнее вести борьбу против порабощения и эксплоатации, чем более единства будет в их организации, чем значительнее будет их фонд, необходимый для профессиональной борьбы, чем глубже будут понимать и их члены общее соотношение условий экономической жизни и чем сильнее будет их готовность к жертвам и их энтузиазм, породить которые больше всего способен социалистический идеал.

Поскольку в этой резолюции, явившейся результатом компромисса, были такие формулировки, как: «задачи партии и профессиональных союзов одинаковы важны»... «у каждой из этих двух организаций есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно», «партия и профессиональные союзы должны столковываться между собой... когда между ними существует различие во взглядах на целесообразность того или иного средства».., нейтралисты всего мира толковали решения Конгресса в свою пользу. В настоящее время нейтрализм является идеологией реформистского профессионального движения. На деле нейтрализм вовсе не означает безразличного отношения к политическим партиям, а является выражением социал-демократической, меньшевистски-оппортунистической «партийности» профессиональных союзов. (О нейтрализме в России см. примечание № 53). (Стр. 12, 23, 37, 41, 310, 350).

[18]) *Амстердамский Интернационал* ведет свою историю со времени состоявшейся в 1906 году в Копенгагене конференции секретарей общегосударственных центров профессионального движения Германии, Англии, Бельгии, Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции. Там был образован международный секретариат, который в 1913 году на конференции в Цюрихе был переименован в международную федерацию профессиональных союзов с международным бюро в Берлине. Генеральным секретарем бюро был избран Карл Легин, председатель Всегерманской генеральной комиссии профессиональных союзов. Во время войны международное бюро формально продолжало существовать, но фактически оно никого не об'единяло. Состоявшаяся в феврале 1915 года в Лондоне конференция английских и французских профессиональных

союзов решила перенести международное бюро в какую-нибудь нейтральную страну, но Легин отказался подчиниться этому решению, заявив, что такое решение может вынести только международная конференция. 7 июля в Лидсе была созвана конференция союзов лишь одной воюющей стороны: Франции, Англии, Бельгии и Италии. Другая сторона также два раза созывала конференции: в июне 1917 года в Стокгольме и в октябре 1917 года в Берне, на которых не было представителей Франции, Англии, Италии, Бельгии и Америки. Лишь с прекращением войны, в феврале 1919 года, в Берне состоялась конференция союзов и стран победительниц и стран побежденных. На ней было решено созвать международный конгресс профсоюзов, который и состоялся 28 июля — 22 августа в Амстердаме. Здесь дело началось со споров о том, кто является виновником войны. Лишь после того как немецкая делегация согласилась признать виновность Германии в нападении на Бельгию, конгресс перешел к деловой работе, закончившейся основанием Международной Федерации профессиональных союзов с Исполнительным Бюро, находящимся в Амстердаме. С тех пор эта Федерация получила известность под названием Амстердамского Интернационала.

Федерация считает необходимой поддержку так называемых либеральных и коалиционных правительств, участие в экономических органах буржуазии, пропаганду хозяйственной демократии (участия рабочих в управлении предприятиями при сохранении частной собственности на орудия производства) и «борьбу с анархией», т.-е. борьбу против всех революционных массовых выступлений рабочего класса. Амстердамский Интернационал деятельно сотрудничает с Лигой Наций. Помимо участия в основанном этой Лигой Международном Бюро Труда, в котором лишь одна четверть голосов, да и то лишь формально, принадлежит представителям рабочих, Амстердамский Интернационал на своих конгрессах принимает резолюции, направленные на поднятие авторитета Лиги Наций в рабочих массах (на своем конгрессе в августе 1927 года он подтвердил «принцип, в силу которого международные конфликты должны передаваться на мирное разрешение Лиги Наций... конгресс требует, чтобы этим путем конфликты на Дальнем Востоке нашли себе мирное и справедливое разрешение»). Таким образом, руководящим принципом деятельности Амстердамского Интернационала является принцип классового сотрудничества пролетариата с буржуазией во имя социальных реформ. Все предложения Профинтерна и Коминтерна относительно образования единого пролетарского фронта для отражения наступления капитала Амстердамом систематически отклонялись. Амстердам ведет борьбу против проникновения революционного влияния в об'единяемые им организации. На совещаниях Бюро Амстердамского Интернационала с представителями международных производственных секретариатов в ноябре 1923 года и в мае 1924 года были разработаны положения, воспрещающие секретариатам принимать в свой состав организации, примыкающие к своему

национальному центру, состоящему в Интернационале, враждебном Амстердаму (здесь разумеется Красный Интернационал Профсоюзов). Виднейшие деятели Амстердама — Жуо (Франция), Мертенс (Бельгия), Лейпарт и Зассенбах (Германия), Удегест и Стенхойс (Голландия) — известны как последовательные противники революционного движения пролетариата. Под их давлением Фиммен, представитель международного секретариата транспортников и защитник идеи единого пролетарского фронта, вынужден был в 1923 году сложить с себя обязанности секретаря Амстердамского Интернационала. В июне 1924 года на Венском конгрессе вожди Амстердама оказались вынужденными считаться с огромной популярностью в рабочих массах лозунга единства профессионального движения. Уступая требованиям английских тред-юнионов, Венский конгресс поставил на обсуждение проблему единства, сведя ее к одному лишь частному вопросу о взаимоотношениях между ВЦСПС и Амстердамом. В результате была принята резолюция, совершенно исключающая возможность практического разрешения проблемы единства. В этой резолюции в качестве предварительного условия для каких бы то ни было переговоров с союзами СССР было выдвинуто неприемлемое для них требование, чтобы ВЦСПС заявил о своем желании вступить в Амстердамский Интернационал на основе признания устава и постановлений этого Интернационала. Так как английские тред-юнионы и после Венского конгресса не отказались от защиты идеи профсоюзного единства, то вожди Амстердамского Интернационала в целях ослабления английского влияния на текущую работу добились на Парижском конгрессе (1927 г.) того, что английский представитель Браун сложил полномочия генерального секретаря Интернационала. Обязанности генерального секретаря были поручены наиболее правому деятелю, представителю германских профсоюзов, Зассенбаху. (Стр. 14, 22, 24, 31, 35, 40, 48, 53, 83, 101, 121, 148, 168, 169, 172, 193, 197, 204, 207, 210, 212, 217, 220, 241, 242, 274, 275, 280, 298, 340, 344, 374, 378, 409, 460, 463, 471, 500).

[14]) Слово *Антанта* по-французски значит согласие. В период, предшествовавший мировой империалистической войне, и во время войны тройственным согласием назывался военный союз Англии, Франции и России против стран, возглавляемых Германией, которая, стремясь к мировому господству, в 1882 г. создала так называемый тройственный Альянс — союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. В противовес этому Англия вступила в соглашение с Францией и Россией, образовав в 1904 — 1907 гг. тройственную Антанту. Вспыхнувшая в 1914 году война была войной «Антанты» против «Альянса» (см. прим. 24). Во время войны комбинация изменилась: Италия выступила из Альянса и вступила в Антанту. Россия же, прекратившая после Октябрьской революции войну, вышла из Антанты. Новообразовавшаяся комбинация государств (Англия, Франция, Италия и Бельгия), победив Германию, в то же время вмешалась в гражданскую войну в России, поддерживая все выступления русских контрреволюционеров

(см. прим. 8). С этого момента в Советской России Антантой стали называть группу государств, заключивших союз с белогвардейскими правительствами и генералами для активной борьбы против советской власти. С образованием Лиги Наций (см. прим. 24) Антанта формально прекратила свое существование. Французский империализм, стремящийся создать международные политические комбинации, которые явились бы опорой французского влияния, содействовал ряду новых соглашений второстепенных государств Европы. «Оборонительные» договоры между Югославией и Чехо-Словакией от 14 августа 1920 г., между Чехо-Словакией и Румынией от 23 апреля 1921 г. и между Румынией и Югославией от 8 июня 1921 г. положили начало так называемой Малой Антанте — военно-политическому союзу этих государств под покровительством Франции. (Стр. 14, 37, 43, 78, 123, 141, 165).

[15]) *Корнелий Мертенс* — правый деятель бельгийского профдвижения, родился в 1880 г. в семье каменщика. С 1891 по 1910 г. работал в качестве переплетчика, а с 1910 по 1911 г. в качестве служащего. Деятельность в профессиональном движении начал в союзе переплетчиков, где работает и в настоящее время. С 1911 г. — Генеральный секретарь Синдикальной Комиссии (центр профессионального движения) Бельгии. С 1919 г. — член бюро Амстердамского Интернационала. Мертенс — сторонник сотрудничества рабочего класса с буржуазией. Враг коммунистов. Им в 1924 г. на с'езде бельгийских профессиональных союзов была проведена резолюция, воспрещающая коммунистам занимать в союзах ответственные посты. (Стр. 14).

[16]) *Вилльям Арчибальд Эпплътон* — крайний правый деятель английского профессионального движения. Родился в 1859 г. в г. Ноттингеме. С ранних лет стал работать в кружевном и чулочно-вязальном производстве. С 1896 по 1907 г. был секретарем профессионального союза рабочих кружевного производства. В 1907 г. был избран секретарем Всеобщей Федерации английских профессиональных союзов. Во время войны защищал лозунг — «война до победного конца». На конгрессе профессиональных союзов в Амстердаме, в июле 1919 г., где было положено начало Амстердамскому Интернационалу, Эпплътон принадлежал к числу тех делегатов, которые настойчиво требовали от немецкой делегации признания Германии виновницей войны. Избранный на том же конгрессе председателем Интернационала, Эпплътон, в конце концов, своей политикой соглашения с буржуазией во что бы то ни стало вызвал недовольство всего английского профессионального движения. Портсмутский конгресс английских тред-юнионов (в сентябре 1920 г.) в особом постановлении отметил, что Эпплътон не может считаться выразителем мнений английского профессионального движения. На Лондонском конгрессе Амстердамского Интернационала (в ноябре 1920 г.) Эпплътон заявил о своем выходе в отставку, мотивируя это тем, что сотрудничество Интернационала с социалистическими партиями угрожает устойчивости общества и интересам всех классов. (Стр. 14, 22, 99).

[17]) *Леон Жуо* — генеральный секретарь французской Всеобщей Конфедерации Труда (реформистской), вице-председатель Амстердамского Интернационала, член Международного Бюро Труда при Лиге Наций. Родился в 1878 году в рабочей семье г. Парижа. В молодости работал на спичечной фабрике. Начав в девятисотых годах работать в профессиональном движении, вскоре стал секретарем Федерации спичечников. В 1909 г. Жуо был избран генеральным секретарем Всеобщей Конфедерации Труда. Занимает этот пост до настоящего времени. До войны был анархо-синдикалистом. С первых же дней войны занял патриотическую позицию, обеспечив французскому правительству поддержку Всеобщей Конфедерации Труда. С той поры Жуо стал активнейшим сторонником идеи классового сотрудничества и ведет беспощадную борьбу с революционным движением, прибегая к массовым исключениям из союзов всех революционеров. Эта политика привела Всеобщую Конфедерацию Труда в 1922 г. к расколу и образованию параллельной ей революционной Унитарной Конфедерации Труда. Сотрудничая с буржуазией, Жуо сопротивляется всем попыткам образовать единый фронт рабочего класса для борьбы хотя бы за самые скромные требования. Являясь с момента возникновения Амстердамского Интернационала одним из его вождей, Жуо возглавляет крайнее правое крыло Амстердама, борющееся против какой бы то ни было связи с союзами СССР. (Стр. 14, 22, 31, 80, 99, 226, 248, 292, 482).

[18]) *Карл Легин* — один из крупнейших деятелей реформистского крыла в мировом профессиональном движении. Родился в 1861 году. По профессии Легин был рабочим-токарем. Активную работу в профессиональном движении он начал в союзе токарей, будучи избран в 1886 году на пост председателя больничной кассы союза. Будучи избран в состав Генеральной Комиссии профессиональных союзов Германии, Легин, бессменно занимая пост председателя Генеральной Комиссии и редактора ее центрального органа, стал общепризнанным вождем германского профессионального движения с 1891 г., т.-е. с момента основания Генеральной Комиссии. Будучи с восьмидесятых годов членом социал-демократической партии, Легин все время поддерживал ее правое крыло, отрицавшее необходимость революционной борьбы пролетариата за социализм, державшееся позиции приспособления рабочего движения к капитализму. Легин использовал свое влияние в профсоюзах, чтобы превратить их в опору этого крыла. На Кельнском с'езде с.-д. партии в 1905 г. Легин выступил ярым противником всеобщей стачки, заявив, что «всеобщая стачка есть всеобщая бессмыслица». Избранный в 1906 г. секретарем Международной Федерации Профессиональных Союзов (предшественницы теперешнего Амстердамского Интернационала) он проводил ту же политику и в международном масштабе. После об'явления в 1914 г. империалистической войны, Легин решительно настаивал на одобрении социал-демократами военных кредитов и повел все профессиональное движение Германии по пути

сотрудничества с буржуазией и военным штабом. Во время версальских мирных переговоров Легин был советником при германской правительственной делегации. В 1918 г. во время революции Легин провел договор профсоюзных центров с предпринимательскими об'единениями о деловом сотрудничестве (договор обязывал предпринимателей устанавливать условия труда на основе коллективных договоров, но в то же время союзы отказывались от «методов стачечной борьбы», чем приобрел большую популярность в капиталистическом мире: крупнейший из капиталистов Германии, Гуго Стиннес, его именем назвал один из своих пароходов. Умер Легин в 1920 году. (Стр. 15, 22, 31, 42, 67, 80, 99).

[19]) *Иоганн Зассенбах* — один из наиболее правых вождей германского профессионального движения. Родился в 1886 г. С 13 лет работал седельщиком. С 1891 по 1901 г. был генеральным секретарем германского профессионального союза седельщиков и обойщиков. С 1898 г. по 1923 г. руководил берлинским домом профессиональных союзов (в роде Московского Дома Союзов). С 1902 г. — член Генерального Совета Всегерманского Об'единения профессиональных союзов (АДГБ). С 1906 по 1923 г. был руководителем профшкол АДГБ. С 1901 по 1926 г. — секретарь Интернационала седельщиков и обойщиков. С 1903 г. по настоящее время участвует на всех международных с'ездах профессионального движения, как делегат германских профессиональных союзов. На ряду с работой в профессиональных союзах принимает активное участие в деятельности германской социал-демократической партии. С 1906 по 1919 г. был представителем социал-демократов в берлинской городской думе. В 1920 — 1922 гг. был «социальным атташе» (представитель по социальным вопросам) при Германском посольстве в Риме. С момента образования Амстердамского Интернационала в 1919 г. был одним из его секретарей. С 1927 г. исполняет обязанности генерального секретаря этого Интернационала. Зассенбах является решительным противником единства мирового профессионального движения. (Стр. 15, 160, 205, 226, 482).

[20]) *Независимая социал-демократическая партия Германии* образовалась в 1916 г. после ухода из официальной социал-демократической партии левой революционной группы «Спартак», руководимой Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и Францом Мерингом и решительно боровшейся против войны и гражданского мира с буржуазией, т.-е. против основных принципов социал-демократической тактики во время войны. Рост влияния группы «Спартак» на рабочие массы вызвал дальнейшее разложение в рядах официальной социал-демократии. Часть ее, во главе с Каутским, Гильфердингом, Гаазе, Дитманом, Криспиным и Ледебуром, отказалась подчиняться партийному решению голосовать в парламенте за военные кредиты, вышла из партии и образовала Независимую социал-демократическую партию. В эту партию в апреле 1917 г. вступила из тактических соображений (во имя концентрации сил в борьбе за мир и в то же время увеличения своего политического

влияния) и группа «Спартак», но с сохранением своей автономии и собственного организационного аппарата. В декабре 1918 г. группа «Спартак, однако, вышла из Независимой партии, поскольку та пыталась примирить коммунистов с правыми социал-демократами и выдвинула проект двухпалатной системы, при которой советы играли бы роль второй палаты буржуазного парламента. В то же время при формировании новой власти вместо свергнутого революцией правительства Вильгельма II независимцы блокировались с правыми социал-демократами и этим содействовали поражению восстания рабочих масс, руководимого спартаковцами. После основания III Интернационала Независимая партия вышла из II Интернационала и повела переговоры о вступлении в Коминтерн. На с'езде в 1920 г. в г. Галле большинство приняло 21 условие вступления в Коминтерн и присоединилось к коммунистической партии Германии. Меньшинство же примкнуло к 2½ Интернационалу. В 1922 г. эта правая часть независимых об'единилась с официальной с.-д. партией, кроме небольшой группы Ледебура, отказавшегося слиться с шейдемановцами. (Стр. 15).

[21]) *Густав Бауер* — германский социал-демократ. Адвокат по профессии. В 1903 году стал членом Генеральной Комиссии профессиональных союзов. В 1912 году избран в депутаты парламента. Во время войны поддерживал правительство Вильгельма II, голосуя за военные кредиты и проповедуя «защиту отечества». С февраля по июль 1919 года был министром труда в социал-демократическом правительстве Шейдемана. После отставки Шейдемана сформировал коалиционное правительство, существовавшие до марта 1920 г. После этого занимал пост министра финансов в коалиционных правительствах Мюллера и Вирта. В 1922 г. вышел в отставку. В 1924 году был уличен во взяточничестве, за что и был исключен из социал-демократической партии. Умер в 1925 г. (Стр. 15, 31).

[22]) «*Корреспонденц Блатт*» («Корреспондентский Листок») — орган Генеральной Комиссии Германских Профессиональных Союзов. С момента об'явления войны 1914 г. защищал позицию гражданского мира во имя единого национального фронта «для победы над внешним врагом». Задачу профессионального движения видел «в политическом и организационном укреплении силы сопротивления нашего народа в его борьбе против стремлений сокрушить Германию». (Стр. 16).

[23]) *Артур Гендерсон* — один из правых лидеров английского рабочего движения. Родился в 1863 году. В молодости был сначала модельщиком, затем муниципальным служащим. Политическую деятельность начал в качестве члена либеральной партии, откуда перешел в Рабочую партию, как только эта партия сформировалась, т.-е. в 1900 году. В 1903 г. был избран в парламент и стал председателем парламентской фракции Рабочей партии. Во время войны вступил в коалиционное правительство и по поручению его прибыл в Россию, чтобы поддержать патриотическое настроение русских рабочих. С момента появления коммунистической партии стал вести борьбу против коммунистов.

В 1924 г. вошел в правительство Макдональда в качестве министра внутренних дел. При его управлении манистерством внутренних дел на с'езде английской коммунистической партии были обнаружены шпионы, подосланные полицией. (Стр. 16, 31, 80).

[24]) К началу XX века противоречия интересов стран капиталистического мира обострились в высшей степени. Борьба за рынки и источники сырья для промышленности приобрела ожесточенную форму. Наибольшие трения вызывали Ближний и Дальний Восток (Китай и Балканы). Балканы, являвшиеся по своему географическому положению ключом к господству над средиземноморским побережьем и над путями из Европы на Дальний Восток, сделались центром всех дипломатических интриг, которые обычно сопровождались деятельной военной подготовкой. Кто получал господствующее влияние на Балканах, тот, помимо естественных богатств, там находящихся (в особенности, нефти), захватывал и господство над морскими путями в Россию — (Дарданеллами), а также в Персию, Китай и Индию — (Суэцким каналом) и над богатейшими территориями северо-востока Африки — (Египтом, Суданом, Абиссинией). На Балканах с давних времен шла яростная борьба многочисленных национальностей, исторически наслаивавшихся на этом полуострове. Крупные капиталистические государства, искавшие повода к вмешательству в балканские дела и закреплению там своего влияния, всячески обостряли эту борьбу. Быстро развивавшаяся в промышленном отношении Германия на всех важнейших участках мирового рынка и на всех важнейших мировых путях наталкивалась на влияние и конкуренцию Англии. Между этими странами началась борьба за мировое господство. Остальные государства в зависимости от интересов примкнули одни к Германии, другие к Англии. Так создались две комбинации капиталистических государств: Альянс (союз), руководимый Германией, и Антанта (согласие), возглавляемая Англией. Убийство австрийского принца Франца-Фердинанда сербскими националистами в Сараеве (городе, населенном сербами и принадлежавшем Австро-Венгрии), повлекло за собой ультиматум Австро-Венгрии, требовавшей от Сербии отказа от независимости, а вслед за тем об'явление войны. Россия и Франция тотчас же приступили к мобилизации своих войск. Германия, не добившись прекращения мобилизации, об'явила войну этим странам, при чем для вторжения во Францию нарушила нейтралитет Бельгии, об'явив войну также и ей. Англия, в свою очередь, об'явила войну Австрии и Германии. Эти последние втянули в войну Турцию и Болгарию. «Согласие» же Англии, Франции и России вовлекло в войну Японию, Португалию, Бразилию, Румынию, Италию и Северо-Американские Соединенные Штаты. Война стала мировой. В течение более четырех лет (с 1 августа 1914 г. по 11 ноября 1918 г.) было убито 8 милл. человек и искалечено более 20 миллионов, на полях сражения израсходовано 2 мил. 870 тыс. тонн стали. Целый ряд городов был снесен с лица земли. По исчислениям американского профессора Богарда общие расходы (прямые и косвенные) всех стран на войну

составили 675 миллиардов руб. На четвертом году, одно государство за другим последовательно стали выходить из войны. Сейчас же после Октябрьской революции вышла Советская Россия. Рассчитывая на ослабление Антанты, Германия начала стремительное наступление, кончившееся ее полным поражением. 28 июня 1919 г. Германия вынуждена была подписать в г. Версале мирный договор, лишивший ее ⅛ территории, обязавший выдать государствам Антанты огромное количество золота, паровозов, вагонов, аэропланов, пароходов, скота, каменного угля и т. п., выплатить огромные суммы денег в возмещение всех понесенных этими государствами военных потерь и подчинить государственную жизнь Германии контролю Антанты. Вслед за Версальским договором последовал ряд таких же договоров держав-победительниц с прочими побежденными странами: Австрией, Венгрией, Турцией и Болгарией. Австро-Венгерская империя распалась, на ее территории образовались государства Чехо-Словакия и Венгрия, за счет ее увеличились Румыния, Италия и Сербия, превратившаяся в большое государство Юго-Славию. На востоке из земель, принадлежавших России, Германии и Австро-Венгрии, сформировались новые государства: Финляндия, Латвия, Литва, Эстония и Польша. Огромные территории Турции (Аравия, Сирия, Палестина, Месопотамия) превратились в колонии государств Антанты. Победившие государства, фактически ограбив побежденных, изобразили себя перед народными массами защитниками «мира и справедливости». На Версальской мирной конференции они образовали так называемую Лигу Наций, задачи которой были формулированы как: «развитие сотрудничества между народами», «принятие обязательств не прибегать к войне», «полная гласность международных отношений, основанных на справедливости и чести», и т. д. В действительности же Лига Наций стала организацией государств для защиты интересов стран, воевавших против Германии и ее союзников, главным образом, Англии и Франции, до сих пор борющихся между собой за влияние в Лиге Наций. Туда были приглашены сначала только страны, стоявшие на стороне Антанты. Лига Наций раздавала победившим государствам (опять-таки, главным образом, Англии и Франции) мандаты на управление территориями, отнятыми у Турции, и колониями, отнятыми у Германии, осуществляла контроль над вооружениями побежденных государств, но ни разу не вступилась за страны, подвергавшиеся нападению со стороны государств Антанты. Лишь в последнее время в Лигу Наций были допущены Австрия, Венгрия, Турция и Германия. Версальский договор не только не разрешил ни одного из международных противоречий, вызвавших империалистическую войну 1914 г., но и создал новые. Распределение принадлежавших Германии до войны тихоокеанских островов между английскими колониями (группы островов южнее экватора отошли к Австралии и Новой Зеландии) и Японией (севернее экватора), усилив влияние Англии и Японии на Тихом океане, создало, с одной стороны, почву для конфликтов этих стран с Северо-Американскими Штатами, стремившимися

к господству над тихоокеанским побережьем и рынками, и, с другой стороны, усилило конкуренцию между Англией и Японией. Франция, получив богатые железом и углем германские провинции — Эльзас, Лотарингию и Саарскую область, превратилась из земледельческо-растовщической страны в страну тяжелой индустрии и вступила в конкуренцию не только с Германией, но и с Англией, что создало напряженное положение в англо-французских взаимоотношениях. Всеобщая борьба капиталистических стран за рынки сбыта обострилась еще тем обстоятельством, что для производства платежей, обусловленных Версальским договором, Германия обладает единственным средством усилить продажу своих товаров на международном рынке. Поскольку конкурировать приходилось в обстановке всеобщего обнищания, вызванного мировой войной, Германия вынуждена была снижать цены на промышленные товары, что заставило пойти по тому же пути и ее конкурентов. Сокращение занятых в производстве рабочих, повышение напряженности труда, увеличение рабочего времени и снижение заработной платы явились естественным следствием такого курса. Так как Германия часть своих платежей обязалась производить натурой, поставками товаров (главным образом, угля, кокса и металлических изделий), то другие страны (главным образом, Англия), вынуждены были сократить соответствующим образом свой вывоз этих товаров, а следовательно, и их производство. Поскольку Соединенные Штаты за время войны превратились в страну, вывозящую свои товары за границу, сбыт товаров, производимых капиталистическими странами Европы, стал гораздо более затруднительным. Мировое хозяйство вследствие этих причин вступило по окончании войны в состояние тяжелого затяжного кризиса сбыта. Безработица приняла огромные размеры, невиданные до войны. Рабочий класс, обессиленный безработицей, не смог оказать достаточно энергичного сопротивления стремлению капитала снизить заработную плату и ухудшить прочие условия труда. Таким образом, все тяготы войны буржуазия переложила на плечи рабочего класса. СССР, считая Версальский договор грабительским, а Лигу Наций замаскированным орудием осуществления замыслов нескольких крупных европейских государств, не признает ни договора, ни Лиги. Сев.-Американские Соед. Штаты, соперничающие с Англией, также не вошли в это об'единение, хотя и участвовали в переговорах о ее образовании. (Стр. 16, 22, 29, 31, 41, 53, 54, 99, 100, 111, 124, 125, 143, 145, 164, 165, 175, 176, 203, 216, 231, 237, 250, 252, 259, 275, 406, 433, 471, 487, 494).

[25]) Первая после войны Международная Конференция профсоюзов была созвана 1 октября 1917 г. по инициативе германских союзных организаций в Берне (Швейцария). На нее явились только представители стран, примыкавших в войне к Германии и нейтральных. Руководители английского, французского, бельгийского и американского профессионального движения отказались участвовать в ней. Они заявили, что считают всякие переговоры с немцами недопустимыми до тех пор, пока те официально не заклеймят политику своего правительства и не

признают Германии ответственной за войну. В виду этого конференция ограничилась лишь вынесением решений о желательности приглашения представителей профсоюзов на мирный конгресс для выработки тех пунктов мирного договора, которые могут иметь «социальное» значение. Вторая была созвана в феврале 1919 г. опять-таки в Берне в связи с происходившей в этом же городе международной конференцией социалистических партий (II Интернационала). На ней опять был поставлен вопрос о виновниках войны. Национальное озлобление тогда было еще так велико, что англичане, американцы и бельгийцы заявили было отказ заседать вместе с немцами. Поэтому и на данной конференции Интернационал профсоюзов не был восстановлен. Конференция все-таки выработала декларацию с требованием международных гарантий в области профсоюзных прав, охраны труда и социального страхования и включения основных положений декларации в мирный договор. Но этот последний вопрос отпал, так как державы-победительницы категорически отказались как принять декларацию, так и допустить созыв международной рабочей конференции в одно время и в одном месте с мирным конгрессом государств. (Стр. 16, 31, 40, 52, 53, 81, 219, 233, 234).

[26]) *Самуэль Гомперс* — основатель Американской Федерации Труда и ее председатель до самой своей смерти. Родился в 1856 г. в Англии, в еврейской семье выходцев из Голландии. 13 лет эмигрировал в Америку. Уже 15 лет принял участие в рабочем движении, а в 20 лет был избран вице-председателем союза табачников. Вслед затем Гомперс принял активное участие в создании «Федерации организованных тред-юнионов и рабочих союзов Соединенных Штатов и Канады» (преобразованной в 1886 г. в Американскую Федерацию Труда), с 1882 года был избран ее вице-председателем и в 1883 г. — председателем. С тех пор он постоянно переизбирался председателем, кроме одного случая в 1894 г., когда на этот пост был избран Мак Брайду. В первые годы своей деятельности Гомперс занимал революционную позицию и примыкал к марксизму. С 90-х годов он начал сильно праветь и вскоре стал вести борьбу против социалистов и выявил себя, как открытый союзник правительства и капиталистов. В 1894 г. убедил Федерацию Труда отклонить внесенную некоторыми союзами резолюцию о создании самостоятельной Рабочей партии. Во время войны Гомперс был ярым сторонником участия Соединенных Штатов в войне и вел милитаристическую пропаганду. После войны, оставаясь председателем Федерации Труда, Гомперс вступил в организованную предпринимателями Национальную Гражданскую Федерацию, ведущую борьбу с социалистическим движением. Гомперс был врагом СССР. Умер он в 1924 г. Буржуазия устроила ему пышные похороны, превосходившие своей торжественностью похороны президентов Соединенных Штатов. (Стр. 16, 23, 29, 31, 42, 56, 99).

[27]) *Амстердамский конгресс профессиональных союзов* был созван в июле 1919 г. как раз в то время, когда Советская Россия переживала

гражданскую войну. Государства Антанты вмешались в войну, поддерживая белогвардейцев денежными средствами, оружием и войсками и блокируя Советскую Россию. Рабочие же массы Европы выразили свое сочувствие борющемуся российскому пролетариату, организуя сопротивление транспорту войск и боевого снаряжения, посылавшимся капиталистическими странами в помощь белогвардейцам. Амстердамский конгресс, руководимый реформистами, не решился дать ясные практические директивы. Он ограничился принятием бессодержательной резолюции о том, что профсоюзы должны стремиться к снятию блокады с России и Венгрии, не указывая никаких организационных мероприятий к осуществлению этой задачи. (Стр. 17, 219, 234).

[28]) *Жорж Клемансо* — родился в 1841 г. В молодости был крайним левым республиканцем. Будучи в 1871 г. мэром Монмартра (часть Парижа), высказывался за примирение Национального Собрания с коммуной. С 1876 г. член французского парламента. Приобрел огромную популярность, как публицист и выдающийся оратор радикальной демократии. За свои резкие выступления, которыми умел сваливать министерства, получил кличку «тигр». Был председателем Совета министров с октября 1906 г. по июль 1909 г. Во время войны был одним из наиболее свирепых сторонников войны до победного конца. Став в ноябре 1917 г. председателем Совета министров, закончил войну подписанием Версальского договора. Непримиримый враг Советской России, Клемансо во время гражданской войны организовал вооруженную поддержку Францией контрреволюции. Сейчас Клемансо не играет никакой политической роли. (Стр. 17, 31).

[29]) *Гражданская война.* В мае 1918 года VIII Совет партии социалистов-революционеров постановил начать с помощью Антанты, т.-е. «согласия» Англии и Франции, борьбу за учредительное собрание, распущенное ВЦИК 6 января 1918 года. Чехо-словацкий корпус, сформированный при Керенском из австрийских военнопленных, по соглашению Совнаркома с чешским командованием, должен был эвакуироваться через Сибирь во Францию, на западный фронт. Захватив Самару, чехо-словаки послужили опорой для сорганизовавшегося в Самаре «комитета членов учредительного собрания», состоявшего из эсеров и меньшевиков. Чехо-словацкие войска захватили среднее поволжье, от Сызрани до Казани, но в конце лета Красная армия, вернув Казань, вытеснила их с Поволжья. В момент переворота сторонники учредительного собрания были поддержаны зажиточной частью крестьянства, недовольной продовольственной политикой советской власти; из рабочих за ними шло незначительное меньшинство рабочих-меньшевиков. Последовавшая за переворотом мобилизация для борьбы с советской властью встретила сопротивление крестьянства, а репрессии окончательно оттолкнули последнее от самарского правительства. Разогнанный после пореворота совет, под давлением рабочих, был вскоре вновь созван и занял большевистскую позицию. Таким образом, «комитет членов учредительного собрания» оказался без опоры в главной массе

населения; поддерживавшие его чехо-словаки, видя это, стали колебаться, и он вынужден был искать соглашения с образовавшимся при перевороте в Омске «сибирским правительством», в котором преобладающее влияние имела буржуазия, а также с заведомыми черносотенцами, как атаман Дутов, восставший в Оренбурге. Соглашение было достигнуто на «уфимском совещании», по постановлению которого власть должна была перейти к «директории» из пяти лиц, формирующей министерство, ответственное перед ней. Персонально в состав «директории» вошли эсеры Авксентьев и Зензинов, кадет Виноградов, монархист генерал Болдырев и глава «сибирского правительства» — Вологодский, которого временно замещал профессор Сапожников. В вопросе о формировании кабинета верх взяло опять-таки «сибирское правительство», которое провело большинство своих кандидатов и выдвинуло на пост военного министра адмирала Колчака, командовавшего при временном правительстве Черноморским флотом. 18 ноября «директория», находившаяся в Омске, была свергнута черносотенным офицерством при сочувствии буржуазии; Авксентьев и Зензинов были арестованы и высланы через Харбин во Францию; Колчак был об'явлен «верховным правителем России». После разгрома его войск Красной армией, Колчак 27 декабря 1919 г. был захвачен повстанцами в г. Нижне-Удинске и 7 февраля 1920 года расстрелян по постановлению Сибирского Ревкома.

На юге гражданская война была начата непосредственно после Октябрьской революции бежавшими на Дон генералами Корниловым и Калединым. На их сторону стала Украинская Центральная Рада, пропускавшая в помощь генералам казачьи части с фронта.

Таким образом, уже к концу 1917 года советское правительство вынуждено было вести военные действия против контрреволюционного казачества и Украинской Центральной Рады. В феврале 1918 года калединцы были разбиты Красной гвардией, а из Киева восставшими рабочими была изгнана Центральная Рада. Под прикрытием германской армии, занявшей Украину, Центральная Рада в марте 1918 года вернулась к власти, но 20 апреля была разогнана немецкими войсками. Власть была захвачена Скоропадским, избранным на с'езде «хлеборобов» (представителей крупного землевладения и зажиточного крестьянства) гетманом Украины. Восставший затем генерал Краснов при поддержке оккупационных немецких войск захватил Дон и южную часть Воронежской губернии. После ноябрьской революции в Германии в 1918 году и ухода немецких войск, Краснов был разбит, а на Украине низложен гетман Скоропадский.

Весной 1919 года начал наступление генерал Деникин, бывший командующий юго-западным фронтом царской армии, сорганизовавший белогвардейскую армию на Северном Кавказе. Недовольство продразверсткой обеспечило ему на первых порах сочувствие и поддержку крестьянства и позволило быстро захватить целый ряд губерний. Вынужденный считаться с настроением крестьян, Деникин 23 марта

(5 апреля) 1918 г. выпустил декларацию по земельному вопросу, в которой говорилось, что полностью этот вопрос подлежит разрешению будущих законодательных учреждений, впредь до этого создаются прочные мелкие и средние хозяйства при сохранении прав собственности на землю и при переходе избытков частновладельческой земли к крестьянству путем добровольных соглашений или принудительно, но за плату. Наряду с этим было отменено постановление временного правительства о запрещении сделок по продаже земли, что вызвало сильную земельную спекуляцию и мешало крестьянам получать землю в аренду; 22 — 26 июня был проведен закон о сборе урожая 1919 года, по которому ⅓ всего урожая хлебов и ½ урожая трав передавались владельцам земли, не принимавшим никакого участия в ее обработке, и должны были свозиться крестьянами в указанные места. Такая земельная политика вызвала повстанческое движение крестьян, особенно на Украине. В отношении рабочих как колчаковцы, так и деникинцы широко применяли расстрелы, «показательное» повешение на перекрестках улиц, пытки и проч.; так, при занятии Одессы, в первые же дни было расстреляно около 3.000 человек.

24 марта 1919 г. Деникин опубликовал письмо с изложением своих взглядов на «разрешение рабочего вопроса». Письмо говорило о необходимости «восстановить законные права владельцев фабрично-заводских предприятий», «примирить интересы работодателя и рабочего» и т. п., обещало введение 8-часового рабочего дня. 22 октября 1919 г. Деникин утвердил «положение о профессиональных союзах», по которому рабочим и служащим «предоставлялось право образовывать союзы (общества) для защиты профессиональных интересов своих членов», но «союзы не должны преследовать целей, противных действующим законам». Союзы регистрировались окружными судами и могли быть закрыты по их постановлениям, при чем дела о закрытии союзов могли возбуждаться и «по заявлениям заинтересованных лиц», т.-е. фабрикантов. Железнодорожники лишены были права образовывать союзы. Фабзавкомы допускались только на заводах с числом рабочих больше 50, месткомы служащих вовсе не разрешалось организовывать. Задачи союза сводились к обследованию быта, условий труда и нужд членов, представительству их перед учреждениями и лицами, изысканию способов устранения недоразумений с предпринимателями, приисканию работ, оказанию юридической и медицинской помощи, помощи при безработице и устройству благотворительных учреждений. В страховых комитетах на трех представителей рабочих вводилось по 6 — 7 представителей помещичье-генеральского правительства. Опубликованные Деникиным правила о проведении 8-часового рабочего дня предусматривали сверхурочные работы как необязательные, так и обязательные, при чем последние не должны были превышать 400 часов в год (т.-е. фактически вводился 9½-часовой день).

К весне 1920 г. армия Деникина была разбита за исключением Крымской группы, получившей в апреле 1920 г. крупную поддержку

с Кавказа, командование крымскими войсками принял генерал Врангель. Последний, учитывая, что силы Красной армии были отвлечены на запад для борьбы с польским наступлением, начал при поддержке Англии и Франции наступление на РСФСР, начав с высадки отрядов на берегу Азовского моря. Им удалось оттеснить красноармейские части к северу на линию Александровск—Бердянск. До осени 1920 г. это положение оставалось почти неизменным. 26 октября Красная армия, получив сильные подкрепления, повела наступление на армию Врангеля, в ноябре прорвала укрепления Перекопского перешейка и к 16 ноября овладела всем Крымом. Остатки врангелевских войск бежали в балканские страны.

Летом 1918 г. под прикрытием англо-французских войск белогвардейский генерал Миллер сформировал армию, захватившую северный участок Мурманской железной дороги и район г. Архангельска. Здесь сформировалось правительство с.-р. под руководством бывшего народника, одного из пионеров русской кооперации Чайковского. Это правительство было орудием английского военного командования, руководившего армией Миллера. Эта армия в январе 1919 г. предприняла наступление на юг по Северной Двине и ее притокам. Наступление было приостановлено Красной армией, которая в феврале 1920 г. перешла в контрнаступление. В течение полутора месяцев армия Миллера была разгромлена, а правительство Чайковского было ликвидировано.

В мае 1919 г. генерал Юденич, командовавший белогвардейской армией, сформированной в Эстонии, предпринял наступление на Петроград. Дважды (в мае и в октябре 1919 г.) Юденич подходил к Петрограду, овладев последний раз даже Гатчиной, Детским Селом и Павловском. Для борьбы с Юденичем в Петрограде были мобилизованы все рабочие и коммунисты, которым удалось оттеснить Юденича, и к декабрю 1919 г. Красная армия загнала его в Эстонию, где на основании подписанного в феврале 1920 г. мирного договора между РСФСР и Эстонией армия Юденича была ликвидирована.

На Дальнем Востоке Красная армия, преследовавшая остатки разбитой армии Колчака, была остановлена японскими войсками, оккупировавшими Приморскую область и Восточно-Китайскую железную дорогу. Не желая вступать в вооруженный конфликт с Японией, советское правительство согласилось на образование независимой Дальне-Восточной Республики, существовавшей до эвакуации ее японской оккупационной армией (см. прим. 122).

К 1921 году все белогвардейские армии были ликвидированы, был уничтожен ряд мелких контрреволюционных бандитских движений (атамана Махно на Украине, генерала Балаховича в Белоруссии, партизанских выступлений белогвардейцев в Кронштадте, в Карелии, на Украине, в Сибири, в Поволжье и басмачей в Туркестане и др.). Гражданская война закончилась. (Стр. 17, 33, 34, 45, 47, 78, 186, 235, 276, 357, 405, 420).

[30]) В зависимости от особенностей экономического развития и состояния отдельных стран к началу XX века в разных странах сложились своеобразные типы профессионального движения (английский тред-юнионизм, французский синдикализм, немецкие геверкшафты и американские «индустриальные работники мира».

Англия первой вступила на путь промышленного капитализма. Превратившиеся в наемных рабочих, ремесленники в деле построения своих организаций — тред-юнионов — держались привычного цехового принципа, об'единяясь по профессиям. А когда применение машин привело к наплыву в производство низко оплачиваемых и необученных рабочих, женщин и детей, тред-юнионы начали чисто по-ремесленному борьбу за ограничение доступа в производство. Каждая профессиональная группа стремилась обеспечить за собой монопольное право на труд в своей специальности. Это привело к тому, что каждый английский тред-юнион обособлял себя от всей прочей массы рабочих. И когда развивавшееся производство вызывало появление новых специальностей, каждая вновь возникающая профессия, следуя примеру ранее сформировавшихся, создавала новый тред-юнион. Естественным результатом этого явилась раздробленность профессионального движения на множество союзов, получение сверх-прибыли (т.-е. прибыли сверх обычной для данного времени нормы от эксплоатации богатых, разбросанных во всех частях света колоний, сделало английских капиталистов в моменты острых конфликтов уступчивыми в отношении наиболее необходимых им высококвалифицированных и лучше организованных рабочих. Квалифицированные рабочие вследствие этого с особенным упорством отстаивали цеховую организацию, как наиболее для них выгодную. Поскольку периодически повторявшиеся промышленные кризисы влекли за собой безработицу, тред-юнионы на одно из первых мест в своей деятельности поставили помощь безработным и в связи с этим стали уделять большое внимание накоплению денежных фондов. Стремление поручить ведение союзных дел людям, которые стали бы надежно хранить и бережно расходовать деньги, привело к образованию касты союзной бюрократии. К стачкам, истощающим денежные фонды, тред-юнионы стали относиться с величайшей осторожностью. В качестве средства борьбы за лучшие условия труда первое место заняли умелые переговоры с предпринимателями и заключение удачных коллективных договоров. Вожди — руководители массовыми выступлениями рабочих — уступили место практическим дельцам, хорошо знакомым со всей деловой обстановкой капитала и искусно заключавшим договоры с предпринимателями. Мощное развитие английской промышленности, политическое и экономическое господство Англии на мировом рынке внушали высококвалифицированным верхушкам рабочего класса уважение к сложившимся формам общественной и политической жизни. Тред-юнионы стали рассматривать себя не как органы массовой борьбы против капиталистической системы, а как организации, исправляющие отдельные недочеты этой системы. Поэтому

они не принимали социалистической программы, отрицали классовую борьбу и отказывались от создания самостоятельной рабочей партии.

У тред-юнионов не было даже стремлений создать орган, об'единяющий все профессиональное движение Англии. Только в XX веке с настоятельной необходимостью концентрировать силы рабочего класса против об'единенной силы капитала была основана Рабочая Партия (1900 г.) и организован Генеральный Совет Конгрессов тред-юнионов (1921 г.).

Во Франции, которая была в XIX веке страной с преобладанием мелкого производства и развитым ростовщическим капиталом, рабочий класс не был резко выделен из ремесленной мелкой буржуазии, эксплоатируемой банками путем дорого стоившего кредита. Борьба рабочих с капиталистической эксплоатацией во Франции приняла поэтому характер борьбы за освобождение производства от подчинения денежному капиталу. Одним из лозунгов ее был лозунг производственной кооперации. Освобождение труда представлялось в форме уничтожения капиталистической денежной системы и установления прямого обмена продуктов производства между трудящимися, об'единенными для этого в производственные ассоциации коллективного владения средствами производства. Государство, находившееся в подчинении ростовщическому капиталу, в глазах рабочих являлось только придатком банков. Поэтому профессиональные союзы, получившие название рабочих синдикатов, отказались от участия в политической жизни страны и от сотрудничества с какой бы то ни было политической партией. Они ставили себе целью уничтожение капиталистической эксплоатации труда путем прямого выступления масс: стачки, бойкота и саботажа и, наконец, путем всеобщей стачки, которая, по их мнению, должна была разрушить весь государственный аппарат, уничтожив государство, как таковое. Основными стремлениями синдикатов, которые смотрели на себя как на организации активного меньшинства, направляющего выступления масс, и как на основные ячейки будущего строя, основанного на свободном товарообмене между производственными об'единениями рабочих, были не завоевания диктатуры пролетариата для строительства социализма, а захват предприятий занятыми в них рабочими для организации товарообмена.

Французское профдвижение вылилось в форму создания мелких автономных синдикатов, об'единявших наиболее активных рабочих, занятых в однородных мастерских или в однородной профессии. Эти синдикаты установили между собой местные межсоюзные связи в форме об'единений, носивших название бирж труда (впоследствии они были переименованы в департаментские унионы синдикатов). В то же время они образовали национальные производственные федерации, об'единяющие синдикаты рабочих, обслуживающих определенную отрасль промышленности. Наконец, все синдикаты вместе с их об'единениями как местными межсоюзными, так и национальными производственными федерациями об'единялись во Всеобщую Конфедерацию Труда с

сохранением, однако, автономии для каждой организации, входящей в Конфедерацию. Во Всеобщей Конфедерации Труда постепенно сформировалось правое реформистское крыло, утверждавшее, что отрицание синдикализмом связи с политической партией не означает отрицания необходимости рабочей партии и ее деятельности в парламенте. Роль синдикатов с точки зрения реформистов должна заключаться в давлении на парламент путем «прямого действия» в форме массовых выступлений рабочих. В конце-концов это давление превратилось в декларативную фразу, а свою деятельность представители этого крыла свели к обычным парламентским разговорам. В Германии капиталистическая промышленность миновала длительный процесс преобразования ручного труда в механизированный и сразу сделала скачок от мелких предприятий к огромным фабрикам и заводам. Рабочие массы, эксплоатируемые быстро концентрирующимся капиталом, оказались вынужденными создать централизованные об'единения, выполняющие определенные производственные функции (геверкшафты). Так, например, все рабочие по металлу: слесаря, токари, кузнецы, литейщики и т. п. не об'единялись в мелкие цеховые организации, а составляли мощный союз металлистов. Но геверкшафты не являлись и производственными союзами в полном смысле этого слова, так как в основу об'единения было положено не само предприятие, как производственное целое, а выполняемая рабочим в данном предприятии функция. Так, напр., в союз текстильщиков входили только ткачи, прядильщики и пр. работники, занятые непосредственной обработкой волокна, слесаря же и кузнецы входили в союз металлистов, конторский персонал в союз служащих и т. д. Огромное значение в качестве органов, систематически и планомерно руководящих массовой борьбой, приобрели центральные правления союзов. Геверкшафты не предоставили местным организациям автономии, а, наоборот, подчинили все части своей организации направляющему центру.

В процессе развития германского профдвижения создались три Всегерманских центра, вступившие между собой в договорную связь: Генеральная Комиссия (впоследствии Всегерманское об'единение) профессиональных союзов, Всеобщий союз частных служащих и Всеобщее об'единение союзов чиновников. В интересах сохранения политического «спокойствия» в стране германское правительство рано стало на путь законодательства о труде. В связи с этим профессиональное движение большое внимание уделяло борьбе за дальнейшее развитие законодательства и поэтому с первых же своих шагов стало поддерживать боровшуюся за влияние на законодательство социал-демократию. Но стремясь сохранить в своих рядах политически отсталые массы, геверкшафты сохраняли формальную независимость от партии и вступали в связь с ней лишь в форме тактических соглашений. Это привело и деятелей профдвижения и рабочих к убеждению, что союзы и партия являются равноценными формами рабочего движения с различными сферами действия: достижение политической власти —

дело партии, а непосредственная борьба с предпринимателями за насущные потребности текущего дня — дело профессионального союза.

В Северо-Американских Соединенных Штатах, где капиталистическая промышленность в начале XX века своей техникой обогнала уровень европейской и где предприниматели сравнительно высоко оплачивали квалифицированных рабочих, чтобы с тем большей силой эксплоатировать необученную рабочую силу, профессиональное движение развивалось по двум линиям. Квалифицированная верхушка организовалась в цеховые союзы, похожие на английские тред-юнионы, которые об'единились в Американскую Федерацию Труда. Эта Федерация, отказавшаяся от какого бы то ни было противопоставления интересов труда интересам капитала, поставила своей задачей охрану привилегий высокооплачиваемых профессий за счет всей остальной массы наемного труда. Необученные рабочие в защиту своих интересов выдвинули принцип индустриальной (производственной) организации. Их производственные союзы в 1905 г. на с'езде в Чикаго положили начало об'единению так называемых «Индустриальных рабочих Мира». (Ай-Доблью Доблью). Отрицая классовое сотрудничество с буржуазией, они повели борьбу путем стачек, вступая в столкновения, а порой в кровавые сражения с полицией. Организации Индустриальных Рабочих Мира, принявшие синдикалистскую платформу, своей пропагандой прямого действия масс приобрели в первые два года после войны значительную популярность и распространили свое влияние даже на Южную Америку и Австралию. Но вскоре борьба различных течений по вопросам тактики внутри этой организации приняла весьма резкие формы. Это обстоятельство в связи с полицейскими преследованиями совершенно ослабило революционное профессиональное движение Америки. К 1926 г. из 100.000 членов организации Индустриальных Рабочих Мира насчитывали только 6.000. С конца XIX века национальные различия в организации промышленных предприятий стали сглаживаться. Под влиянием этого традиционные типы профессионального движения стали терять свое прежнее значение. Старые формы держались лишь вследствие сложившихся привычек и упорства вождей, защищавших свои руководящие места в аппарате устаревших форм профессионального об'единения. В рабочих же массах всех стран возникло стремление к превращению профессиональных союзов в крупные производственные об'единения, работающие под идейным руководством коммунистической партии. Это привело к борьбе революционных групп с реформизмом за влияние в профессиональном движении. (Стр. 17, 23, 28, 29, 34, 46, 49, 60, 66, 71, 86, 138).

[21]) В 1920 г. во время войны с Польшей Челябинский Совет профессиональных союзов постановил сформировать добровольческий отряд из активных членов профсоюзов. Формирование пошло успешно. 10 июня 1920 г. первая рота челябинских добровольцев явилась в полном составе на заседание Пленума ВЦСПС, на котором присутствовала английская делегация, посетившая Советскую Россию в 1920 г. Здесь рота

была встречена бурными аплодисментами присутствующих. Томский поднес отряду знамя с надписью — «ВЦСПС добровольцам-челябинцам. Вперед, профессионалисты, за мировую революцию» — и произнес печатаемое приветствие. (Стр. 19).

[32]) Польша с момента провозглашения ее независимой республикой (сначала, в декабре 1917 г. с согласия Германии, в пределах русских губерний, составлявших так называемое Царство Польское, а затем, после поражения Германии, в границах, установленных Версальским договором за счет бывших австрийских и германских областей) заняла враждебную позицию по отношению к Советской России. Буржуазное правительство, руководимое бывшим социалистом Пилсудским, захватившим власть при поддержке империалистических держав Антанты (англо-французского «согласия»), опасалось у себя революционного движения рабочих масс, исторически связанных с революционной борьбой российского пролетариата. Чтобы обезопасить себя от возможности восстания рабочих, воодушевляемых примером Российской Октябрьской революции, буржуазия вела в массах деятельную националистическую пропаганду, обвиняя Советскую Россию в стремлениях лишить Польшу независимости.

Несмотря на то, что наше советское правительство еще в эпоху брестских переговоров о мире с Германией заявило о признании независимости Польши, польское правительство уклонялось от мирных переговоров. Не об'являя официальной войны, Польша фактически вела ее при помощи собственных небольших отрядов и снабжаемых ею белогвардейских банд. Обеспечив себя поддержкой Антанты, гарантировавшей польские границы со стороны Германии и Чехо-Словакии, Польша стала усиливать свои вооружения на советской границе. Когда положение белогвардейского генерала Врангеля, теснимого Красной армией, летом 1920 г. стало критическим, Польша под влиянием Антанты об'явила войну Советской России. Она рассчитывала на быстрое свержение советской системы. Но расчеты эти не оправдались.

Симпатии рабочих масс Европы были на стороне Советской России. Во Франции, Бельгии и Англии началось движение рабочих под лозунгом «Руки прочь от Советской России». Транспортники отказались грузить военное снаряжение для Польши. Повсюду стали организовываться комитеты действия, подготовлявшие всеобщую стачку. Правительства Антанты под напором рабочих масс были вынуждены прекратить открытую помощь Польше. Польская армия, вначале одержавшая ряд побед (овладела Белоруссией и правобережной Украиной с г. Киевом), теперь стала терпеть поражения. Красная армия перешла в наступление и продвинулась до Варшавы. Наступление на Варшаву оказалось неудачным. В августе 1920 г. начались переговоры о мире, закончившиеся подписанием в г. Риге 12 октября мирного договора. Польша согласилась на признание независимости Украины и Белоруссии, но выговорила себе границы, отрезавшие от Украины часть Волыни и от Белоруссии часть Минской губернии. Однако, подписав мирный

договор, Польша не отказалась от своих империалистических планов в отношении к СССР. (Стр. 19, 26, 33, 47, 136).

[33]) *II Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов* состоялся в Москве с 16 по 25 января 1919 г. На с'езде были представлены 30 всероссийских об'единений, 82 местных совета профессиональных союзов, имевшие всего 3.422.000 членов. Состав с'езда — 748 делегатов с решающим и 131 с совещательным голосом; из них коммунистов — 374, сочувствующих коммунистам — 75, меньшевиков — 29, с.-д. интернационалистов — 18, левых с.-р. — 15, анархистов — 5, бундовцев — 4, беспартийных — 23; остальные — 228 не указали в анкетах своей партийности.

С'езд протекал в обстановке гражданской войны и состоялся через полгода после всеобщей национализации промышленности.

Главными вопросами, стоявшими перед с'ездом, были участие в работе хозяйственных органов (организация управления национализированной промышленности), продовольственный вопрос, поддержка Красной армии, сплочение неорганизованных еще рабочих и последовательное проведение организации централизованных производственных союзов.

С докладом о задачах профессиональных союзов на этом с'езде выступал тов. Ленин.

Подводя итоги годовой работы ВЦСПС, с'езд подчеркнул, что попытки под флагом «единства» и «независимости» профессионального движения противопоставить экономически организованный пролетариат органам его классовой, политической диктатуры — привели группы, поддерживавшие этот лозунг, к открытой борьбе против советской власти и поставили их вне рядов рабочего класса.

По вопросу об огосударствлении профсоюзов, курс на которое был взят на I С'езде, II С'езд решил, что «было бы ошибкой на данной стадии развития профдвижения, при недостаточно оформившихся организациях, как немедленное превращение профсоюзов в органы государственной власти и слияние их с таковыми, так равно и самовольное присвоение профсоюзами функций государственных органов». Он установил, что «процесс полного слияния профессиональных союзов с органами государственной власти» должен явиться «совершенно неизбежным результатом их совместной теснейшей и согласованной работы».

Особенное историческое значение имеет решение II С'езда по организационному вопросу. Он дал точное и конкретное определение понятия производственный союз, установив, что это — союз, об'единяющий всех рабочих данного предприятия, независимо от их профессии. Кроме того, с'езд наметил до сих пор действующую схему организационного аппарата профсоюзов. «Всероссийские центры, их отделы или подотделы на местах, об'единяемые советами профсоюзов, фабрично-заводские комитеты или коллективы служащих, как первичные ячейки профсоюзов, — вот наиболее целесообразная схема организационного построения, соответствующая основным задачам профессионального движения в данный момент», — заявил II С'езд.

По вопросам нормирования труда и заработной платы с'езд постановил, что «основным принципом регулирования заработной платы в связи с борьбой за восстановление хозяйственных сил страны должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда перед своим союзом, а последнего — перед общеклассовыми об'единениями пролетариата».

В области организации народного хозяйства с'езд признал, что коллегии руководящих хозяйственных органов «должны составляться преимущественно из представителей профессиональных союзов по соглашению между соответственными всероссийскими производственными об'единениями или ВЦСПС и президиумом ВСНХ».

По вопросам культработы с'езд высказался за «использование в наиболее полном об'еме» созданных Наркомпросом возможностей «в деле обязательного бесплатного обучения, внешкольного образования и технического обучения» и за создание самими союзами «образовательных учреждений и организаций, отвечающих непосредственным задачам профессионального движения». (Стр. 22).

[84]) *Международное Бюро Труда при Лиге Наций* было организовано по постановлению Версальской мирной конференции. Конференция выделила особую комиссию, которой было поручено обсудить вопрос об условиях труда и выработать положение о постоянном учреждении, рассматривающем вопросы международного законодательства о труде. В эту комиссию вошли правые деятели профессионального и социалистического движения тех стран, которые оказались победителями в войне и образовали Лигу Наций (Вандервельде — Бельгия, Жуо — Франция и т. д.). Комиссия, заседавшая с 1 февраля по 21 марта 1919 г., разработала XIII раздел Версальского договора, где, между прочим, говорится о необходимости провести улучшение условий труда законодательным путем и об образовании для осуществления этого постоянного органа — Международной Организации Труда.

Было принято решение, что члены Лиги Наций должны обязательно состоять и членами Международной Организации Труда (называемой часто «Международной Федерацией Труда»), в которую могут входить и прочие страны по собственному желанию. В 1926 г. к ней примкнуло 56 стран. Верховным органом ее являются Генеральные Конференции, куда входят по два представителя от правительства, по одному — от предпринимательских и по одному — от рабочих организаций примыкающих стран. Так как представители от правительств и от предпринимателей голосуют обычно заодно, то на каждый голос от рабочих приходится три голоса, принадлежащих буржуазии. Дело еще ухудшается тем, что от стран, где нет признанных законом профессиональных союзов, представители рабочих назначаются правительством. Задача Конференций — принимать по вопросам охраны труда конвенции, т.-е. такие постановления, которые по их принятии рассылаются по отдельным странам для утверждения (ратификации) и внесения после этого в законодательство этих стран. Конвенция считается принятой,

если за нее было подано не менее $^2/_3$ голосов общего числа присутствовавших на конференции делегатов. Для передачи конвенции на рассмотрение законодательных учреждений стран, входящих в Международную Организацию Труда, установлен полуторагодичный срок после принятия конвенции. Но государства не связаны обязательствами утверждать конвенцию, и таковое (утверждение) не всегда имеет место. Ни одна конвенция (из выработанных до сих пор 24, в том числе и конвенция о 8-часовом рабочем дне) не утверждена еще всеми странами, входящими в Международную Организацию Труда. Точно также нет ни одной страны, которая бы утвердила все выработанные конвенции. Кроме того, Конференции принимают так называемые рекомендации, т.-е. постановления, которые посылаются государством не для утверждения, а только «для сведения и рассмотрения по мере возможности».

Руководящим органом Международной Организации Труда является избираемый на Конференции Административный Совет. В него входят: 12 представителей от правительств; 6 представителей от предпринимателей и 6 — от рабочих. Из 12 мест, предоставленных правительствам,— восемь закреплено постоянно за Великобританией, Германией, Францией, Италией, Японией, Канадой, Индией, Бельгией. Остальные четыре места передаются другим странам, на основании соглашений на Конференции. Административный Совет избирается на три года. В его задачи входит: наблюдение за деятельностью Международного Бюро Труда, выбор директора этого Бюро, подготовка созыва Международных Конференций и т. д. Заседания Совета происходят три раз в год.

Исполнительным Органом Международной Организации Труда является Международное Бюро Труда во главе с директором, избранным на заседании Административного Совета. Бюро прорабатывает порядок дня конференций, собирает и распространяет материалы по вопросам труда, научно разрабатывает эти вопросы и выполняет все задания, порученные ему конференцией. При Международном Бюро Труда образованы отделы: 1) безработицы и эмиграции; 2) сельского хозяйства; 3) по изучению России; 4) промышленной гигиены; 5) кооперации; 6) морского дела; 7) социального страхования; 8) производственный.

Пост директора Международного Бюро Труда с момента его создания занимает Альбер Тома — правый французский социалист, входивший во время войны во французское правительство в качестве министра снабжения. (Стр. 22, 32, 42, 80, 90, 156, 219, 233, 471, 494).

[85]) *Английский союз трех союзов* или, как его иначе называют, «тройственное согласие профессиональных союзов» представляет собой об'единение союзов горнорабочих, железнодорожников и транспортников для взаимной поддержки в случае возникновения крупных конфликтов в одной из этих отраслей труда. Это об'единение сформировалось на состоявшейся по инициативе горняков в апреле 1919 г. конференции исполкомов Федерации горняков, Национального Союза железнодорожников (в тексте опечатка: вместо «железнодорожников»

напечатано «металлистов») и Федерации транспортных рабочих. Три раза — в 1920, 1921 и 1925 годах — английские горняки обращались за поддержкой к союзам, вошедшим в тройственное согласие. В 1920 г. железнодорожники и транспортники отказались поддержать горняков. В 1921 г. забастовавшие горняки получили обещание такой поддержки в виде забастовки на транспорте. Но 15 апреля 1921 г. секретарь союза железнодорожников Томас и секретарь союза транспортников Роберт Вильямс внезапно отменили назначенную забастовку, вследствие чего горняки потерпели поражение. День этот вошел в историю профессионального движения под названием «черной пятницы». В 1925 г., когда английским углекопам грозил всеобщий локаут, тройственное согласие вмешалось в конфликт. Союзы железнодорожников и транспортников разослали своим членам распоряжение о приостановке погрузки и перевозки угля в том случае, если углепромышленники осуществят свою угрозу локаута. На этот раз выступление тройственного согласия оказалось действительным. 31 июля 1925 г. правительство обещанием субсидии угольной промышленности предотвратило локаут. Со времени стачки горняков в 1926 г., когда английские профсоюзы, подчиняясь распоряжениям своих чиновников, прекратили забастовку солидарности и, таким образом, оставили горняков одинокими в борьбе, при чем железнодорожники даже договором, подписанным от их имени Томасом, осудили стачку,— тройственное об'единение больше не подавало признаков жизни. (Стр. 23, 35, 122).

[36]) *Роберт Вильямс* родился 20 мая 1881 г. в г. Сванси, в рабочей семье. Получив низшее образование, 14-летним мальчиком пошел на работу по найму. Вначале он работал чернорабочим в доках, затем уборщиком угля. Принимая деятельное участие в профессиональном движении, Вильямс стал быстро выдвигаться и в 1909 г. был избран председателем Национального Об'единения Союза чернорабочих. С 1910 по 1925 гг. был секретарем Национальной Федерации транспортников. Во время войны и до 1921 г. Вильямс занимал в рабочем движении левую позицию. В 1920 г. он участвовал в первой английской рабочей делегации, посетившей Советскую Россию. Здесь Вильямс принял участие в первом совещании революционных союзов в Москве, где было положено основание Международному Временному Совету Красных Профессиональных Союзов.

В Англии Вильямс был активным участником Советов действия, организованных для борьбы против интервенции в Советскую Россию. В 1921 г. вместе с Томасом и Ходжесом Вильямс сорвал поддержку забастовки горняков тройственным согласием (железнодорожников, транспортников и горняков), что означало фактическое предательство забастовки горняков. С той поры Вильямс перешел на правое крыло английского рабочего движения. В 1925—1926 гг. Вильямс был председателем Исполкома Рабочей партии. В настоящее время состоит членом Исполкома партии и занимает должность «главного управляющего» ее печатного органа — «Дэйли-Геральд» (Стр. 23, 35, 45, 62, 122, 136, 159).

[87]) *Альберт-Артур Персель* — по профессии рабочий-мебельщик. Родился в 1872 г. Начал профсоюзную работу в качестве секретаря тред-юниона мебельщиков. Участник первой английской делегации тред-юнионов, посетившей РСФСР в 1920 году; вместе с Робертом Вильямсом участвовал в основании Временного Международного Совета Красных Профессиональных Союзов — Межсовпрофа (см. примечание № 38); некоторое время был членом компартии. Председатель Гулльского конгресса английских тред-юнионов в 1924 году, восторженно встретившего делегацию ВЦСПС, член Англо-Русского Комитета единства профессионального движения, содействовал заключению правительством Макдональда англо-советского договора, сорванного затем правительством консерваторов. На Венском конгрессе амстердамцев в 1924 году возглавлял английскую делегацию, требовавшую приема русских профессиональных союзов в международные об'единения и допущения их на конгресс. Председатель второй английской делегации в СССР в 1924 году. Председатель Амстердамского Интернационала Профессиональных Союзов и бывший председатель, а теперь член Генерального Совета английских тред-юнионов; один из тех «левых», которые пошли на поводу у правых, возглавляемых Томасом, в вопросе о всеобщей забастовке 1926 года, об'явленной для поддержки английских горняков, и допустили срыв ее. В 1925 г. избран в члены английского парламента. В последнее время совершенно солидаризируется с правым крылом английского рабочего движения. (Стр. 23, 35, 45, 138, 157, 166, 228, 246, 268, 281, 287, 291, 336, 341, 395, 411, 477).

[88]) 16 июня 1920 г. в Доме Союзов в Москве состоялось созванное по инициативе Исполнительного Комитета Коминтерна совещание представителей революционных профессиональных союзов Великобритании, Италии и России по вопросу об организации Красного Интернационала Профессиональных Союзов.

На совещании присутствовали: Г. Зиновьев (председатель Исполкома Коминтерна), Роберт Вильямс (от тред-юнионов транспортников и Британской Независимой Рабочей партии), А. Персель (от Конгресса Британских тред-юнионов и Парламентского Комитета). От Италии — Д'Аррагона и Джузеппе Бьянки (от Итальянской Всеобщей Конфедерации Труда), Энрико Дугони (от Национальной Федерации работников земли), Эмилио Коломбино (Федерация металлистов). От России — М. Томский, В. Шмидт, А. Лозовский, Г. Мельничанский и Г. Цыперович.

Заслушав доклад т. Зиновьева, совещание приняло следующую, предложенную Вильямсом, декларацию: «Настоящее неофициальное совещание революционных руководителей боевого профессионального движения Великобритании, России и Италии, признавая неспособность существующего международного об'единения профессиональных союзов руководить классовой борьбой и низвергнуть международную буржуазию путем диктатуры пролетариата, настоящим постановляет созвать более полное и представительное совещание революционных работников союзов для учреждения истинного профессионального

Интернационала, свободного от какой бы то ни было связи с капиталистической Лигой Наций и от так называемых лидеров рабочего движения, действовавших в роли социал-патриотов и шовинистов в мировой войне и продолжающих вести ту же политику в настоящее время. Совещание вместе с тем осуждает всякие попытки ухода из существующих союзов, ведущих классовую борьбу, и предлагает всем стоящим на революционно-классовой точке зрения упорно и систематически работать в существующих организациях на пользу Коммунистического Интернационала, пользуясь всеми средствами, какими только располагает рабочий класс».

В июле 1920 г. состоялся ряд совещаний представителей ВЦСПС (среди них были и делегаты профдвижения Грузии, тогда еще находившейся под властью меньшевиков), Всеобщей Конфедерации Труда Италии, Национальной Федерации Труда Испании, Всеобщего профессионального об'единения Болгарии, революционных синдикалистов Франции и Всеобщей Конфедерации Труда Югославии. На этих совещаниях была выработана декларация о создании Временного Международного Совета Профессиональных Союзов (Межсовпроф). Декларация указывала на необходимость: «1) осудить тактику ухода передовых революционных элементов из существующих профессиональных союзов. Эти последние обязаны, наоборот, принимать все меры к изгнанию из союзов оппортунистов, сотрудничавших и сотрудничающих и теперь с буржуазией путем принятия империалистической войны и продолжающих служить интересам капиталистического хозяйства и империализма, участвуя в лицемерной деятельности Лиги Наций; 2) вести методически в рамках самих профессиональных союзов всего мира пропаганду коммунизма, создавая в каждой организации коммунистические и революционные ячейки для работы по пропаганде и утверждению нашей программы; 3) организовать боевой международный комитет для перестройки в этом смысле профессионального движения».

В ней говорилось, что этот орган «функционирует в качестве временного Международного Совета Профессиональных Союзов и действует в согласии с Исполнительным Комитетом III Интернационала на условиях, которые будут установлены конгрессом». «В Совете, — было сказано в декларации, — должны быть представлены все профессиональные и производственные рабочие организации, присоединившиеся к нему. Один представитель Международного Совета Профессиональных Союзов должен быть включен в Исполнительный Комитет III Интернационала и один представитель от последнего входит в Международный Совет Профессиональных Союзов».

Межсовпроф выделил из своей среды Исполнительное бюро из пяти человек, в том числе генерального секретаря (этот пост сначала занимал М. П. Томский, а потом С. Лозовский). При Межсовпрофе были организованы секции: 1) германских стран, 2) романская, 3) английская, 4) американская и 5) восточных стран. Органами Межсовпрофа за границей были Бюро в Англии, Америке, Германии и Дальне-Восточной

республике. Межсовпроф созвал 3 — 19 июля 1921 г. первый учредительный конгресс Красного Интернационала профессиональных союзов, куда явились 380 делегатов от 41 страны. Здесь было решено «принять все меры к самому тесному сплочению революционных профсоюзов в единую боевую организацию, с единым руководящим центром — Красным Интернационалом Профсоюзов». По вопросу об отношении к старым реформистским союзам конгресс дал лозунг: «Не разрушение, а завоевание союзов, т.-е. многомиллионной массы, находящейся в старых союзах». Попутно была выдвинута задача завоевания международных производственных об'единений. Для этой цели конгресс счел необходимым создать специальные международные комитеты пропаганды и действия по производствам. На этом же конгрессе был принят устав Профинтерна. Принимавшие участие в организации Межсовпрофа Вильямс, Персель, Д'Аррагона, Дугони, Коломбино в промежутке между I и II Конгрессами порвали с Межсовпрофом.

Второй конгресс состоялся 19 ноября — 2 декабря 1922 г. На нем присутствовало 213 делегатов от 41 страны. К этому моменту во всех странах Европы и Америки началось наступление капитала, поставившего своей целью уничтожить все завоевания пролетариата, добытые в первые годы послевоенного революционного под'ема. Признав, что наступлению капитала необходимо противопоставить сопротивление всего рабочего класса путем создания единого фронта, Конгресс заявил, что сторонники Профинтерна «в своих стараниях усилить и внутренне укрепить революционные организации... не должны упускать из виду, что главной их задачей является организация общих совместных выступлений всех рабочих об'единений». «Стоя на точке зрения безусловной необходимости руководящей роли компартии в каждой стране и Коминтерна в международном масштабе», большинство конгресса решило «пойти навстречу революционным рабочим Франции и принять предложение Унитарной Конфедерации Труда для того, чтобы закрепить на этом конгрессе блок между всеми искренними революционными элементами международного профдвижения и их выступлениями под флагом низвержения капитализма и установления диктатуры пролетариата».

Третий конгресс Профинтерна с участием 311 делегатов от 39 стран происходил 2—21 июля 1924 года. Основным вопросом работ конгресса был вопрос единства профессионального движения. «Одним из следующих шагов в этом направлении», — говорится в резолюции этого конгресса, — мог бы быть, «после соответствующей подготовки масс... созыв об'единительного интернационального конгресса профсоюзов, на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва и Амстердам) на основе пропорционального представительства для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового об'единительного Интернационала... только этим путем можно осуществить одновременное и полное слияние параллельных организаций».

По официальным данным Исполбюро Профинтерна к середине 1925 г. Профинтерн об'единял 8.792.000 членов профсоюзов, кроме того, в сочувствующих Профинтерну группах оппозиции имелось членов профсоюзов около 3 миллионов.

Четвертый конгресс состоялся 17 марта — 3 апреля 1928 г. На нем участвовали 421 делегат от 50 стран и 4 международных организаций: Коммунистического Интернационала Молодежи, Коминтерна, Крестинтерна и Спортинтерна. Особенное внимание этим конгрессом было уделено вопросу о профдвижении в колониальных странах, в первую очередь в Китае. Его резолюция по этому вопросу гласит следующее: «При всем разнообразии условий, при всей пестроте экономической и политической обстановки, две основные задачи стоят перед рабочим движением колониальных стран: а) борьба против империализма и б) борьба за свои классовые интересы. Не сломив господства империализма, стремящегося к извлечению сверхприбылей из колоний, рабочий класс в колониях и полуколониях не может добиться действительного улучшения условий труда. Но участвуя в национально-освободительной борьбе, рабочие должны занять на анти-империалистическом фронте самые передовые и самостоятельные позиции. Пролетариат колоний должен стремиться к тому, чтобы взять в свои руки руководство крестьянскими массами и аграрной революцией, без которой освобождение колоний и полуколоний немыслимо вообще. Особое внимание профдвижению колоний необходимо обратить на организацию многомиллионных масс сельскохозяйственных батраков и ремесленного пролетариата, все больше отходящего от разрушающегося патриархально-цехового уклада с тем, чтобы вовлечь их в борьбу пролетариата». «В противоположность Амстердамскому Интернационалу», — говорилось дальше в этой резолюции, — «Профинтерн с самого своего возникновения придавал величайшее значение рабочему движению колоний, оказывая ему всемерную материальную и моральную поддержку. Сторонники Профинтерна в метрополиях и в первую голову Национальное движение Меньшинства Англии, Унитарная Конфедерация Труда во Франции и Лига Профсоюзной Пропаганды в Соединенных Штатах обязаны всеми средствами оказывать помощь профдвижению в колониях, поддерживая с ним теснейшую связь, помогая ему литературой, агитаторскими и организаторскими силами, поддерживая при помощи прессы, собраний, парламента интерес к колониальному вопросу, борясь с империалистическими и расовыми предрассудками рабочего класса метрополий, организуя в соответственных случаях кампании, демонстрации и забастовки сочувствия. Та же тактика обязательна для революционного движения колоний по отношению к рабочему классу метрополий. Защита китайской революции и всемерная поддержка Тихоокеанского Секретариата Профсоюзов в этой связи приобретают особое значение». (Стр. 23, 24, 25, 44, 45, 56, 61, 72, 85, 102, 114, 121, 122, 152, 154, 155, 192, 193, 217, 219, 238, 274, 299, 303).

[39]) *Анхель Пестанья* — деятель профессионального движения в Испании. По профессии часовщик. В 1918—1922 гг. был одним из руководителей Национальной Конфедерации Труда, об'единяющей союзы анархо-синдикалистского направления. В 1919 г. был командирован Конфедерацией в Москву. Здесь он принял участие в образовании Красного Интернационала Профессиональных Союзов. Участвовал и на II Конгрессе Коминтерна. Впоследствии, однако, переменил свое отношение к Профинтерну и вступил в Берлинский Интернационал (анархистский).

В 1925 и в 1926 гг. он выпустил книги, направленные против Советской России. В настоящее время — сотрудничает в Берлинском Интернационале, ведущем борьбу против Коминтерна, Профинтерна и СССР. (Стр. 23, 95).

[40]) *Альфред Росмер* — деятель французского профессионального движения. Анархо-синдикалист. Во время войны отстаивал революционную интернационалистскую точку зрения и явился одним из основателей Комитета по восстановлению международных связей. Участвовал на I и II конгрессах Профинтерна. Некоторое время был членом коммунистической партии Франции. Оставшись по своим настроениям анархо-синдикалистом, Росмер вскоре вышел из коммунистической партии. В 1927 г. Росмер вместе с другим анархо-синдикалистом, оставившим коммунистическую партию, Монатом начал издавать журнал «Пролетарская Революция», где ведется борьба против Коминтерна и французской коммунистической партии. (Стр. 23).

[41]) Во всех странах Западной Европы во время войны большинство профессиональных союзов, руководимых реформистами, стало на позицию классового мира с буржуазией. Тем самым в глазах рабочих они начали терять свое значение органов классовой борьбы против капиталистической эксплоатации. Поэтому рабочие массы с 1917 года начали создавать новые организации производственного типа. В Англии создался институт фабричных старост. В Италии организовались «комиссии внутреннего распорядка». Во Франции — цеховые делегаты. В Германии — советы предприятий. Эти органы сплотили вокруг себя всю массу рабочих, занятых в данном предприятии и положили начало движению фабзавкомов, ставших под влиянием Октябрьской революции организациями революционной экономической борьбы пролетариата. Правительства были бессильны подавить это движение, широко развернувшееся в эпоху 1918—1920 годов. Они пытались легализовать его и изданием специальных законов, регулирующих деятельность фабзавкомов, сузить его рамки. Профессиональные союзы, в свою очередь, пытались подчинить движение своему влиянию. В тех странах, где профессиональное движение расколото по политическим линиям на союзы революционные, реформистские, христианские, националистические и т. п. (Австрия, Германия, Чехо-Словакия), в настоящее время из-за влияния на фабзавкомы идет ожесточенная борьба между параллельными союзами, вернее, между политическими течениями,

направляющими деятельность этих союзов, между коммунистами и реформистами. (Стр. 23, 45, 93, 113).

[42]) Английское правительство во время гражданской войны в СССР, не об'являя официально войны Советской России, поддерживало белогвардейские восстания. Но в 1920 году Ллойд-Джордж, глава правительства, начал подготовлять формальную войну с целью защиты Польши, воевавшей в то время с Советской Россией. Как только намерения Ллойд-Джорджа стали известны, рабочие массы решительно выступили на защиту России. Под их воздействием 9 августа на основе лозунга «Руки прочь от Советской России» левым крылом английской Рабочей партии и профсоюзных работников был создан «Комитет действия», поставивший своей задачей добиться признания советского правительства и потребовавший прекращения помощи белой Польше. По всей стране, по инициативе Комитета, стали создаваться местные «Советы действия», которые начали организационную подготовку всеобщей стачки на тот случай, если английское правительство об'явит войну Советской России. Движение приняло настолько грозный характер, что буржуазная пресса встревожилась и стала вести кампанию за прекращение неприязненных действий. Ллойд-Джордж оказался вынужденным прекратить помощь Польше и публично заявить об этом. (Стр. 24, 33, 47, 139, 165, 252).

[43]) *VII С'езд Советов* происходил 5—9 декабря 1919 года. На нем присутствовало 1.366 делегатов, из них 1.002 с решающим голосом. 979, или 97%, были коммунистами, 35, около 3%, беспартийных и лишь 6 человек — других партий (меньшевиков, Бунда и группы с.-р. «Народ»). Приветствуя VII С'езд, В. И. Ленин отметил, что в результате роста революции на Западе и побед Красной армии, главная полоса гражданской войны осталась уже позади и теперь впервые открывается возможность приступить к мирному строительству. Вопросы этого строительства и явились основными в работах с'езда, впервые в практике всероссийских с'ездов советов применившего выделение секций для специальных вопросов. Поскольку в тот момент резко обнаружились отрицательные стороны чрезмерной централизации управления, с'езд расширил права местных советов. VII С'езд установил двойную подчиненность местных учреждений: местным советам («горизонтальная» зависимость) и наркоматам («вертикальная» зависимость). (Стр. 26).

[44]) *Александр Мильеран* — французский политический деятель. Родился в 1859 г. в Париже. Получив юридическое образование, приобрел известность как защитник в политических процессах и в судебных делах о забастовках. В 1885 г. был избран в парламент, как представитель радикальной партии. Вскоре он разошелся с вождем этой партии, Клемансо, требуя законодательных мероприятий в защиту труда. В 1892 г. организовал парламентскую группу радикал-социалистов. В избирательном манифесте 1893 г. выступил с платформой национализации крупной промышленности. После выборов 1893 г. вступил в группу Жореса, которая преобразовалась впоследствии

во французскую социалистическую партию. В июне 1899 года вошел в качестве министра торговли в правительство Вальдек-Руссо, где пост военного министра занимал генерал Галиффе, разгромивший в 1871 г. Парижскую коммуну. Во время пребывания Мильерана в правительстве было несколько случаев кровавого усмирения стачечного движения и изгнания из Франции немецких социал-демократов. При Мильеране был воспрещен в'езд во Францию Плеханову. Эти факты были причиной того, что, несмотря на поддержку Жореса, Мильеран в 1904 г. был исключен из социалистической партии. С той поры он выступал как «независимый» социалист. Во время империалистической войны защищал идею общности интересов буржуазии и пролетариата и лозунг «войны до победного конца». В 1920 г. был избран президентом Французской Республики. На этом посту он примкнул к «Национальному Блоку», представлявшему собой интересы тяжелой индустрии. В 1924 г., когда на выборах победил левый блок, образованный мелкобуржуазными партиями (радикальной и социалистической), Мильеран был вынужден досрочно подать в отставку, так как парламентское большинство категорически отказывалось составить правительство, пока Мильеран является президентом республики. По выходе в отставку Мильеран выступил открытым защитником интересов тяжелой индустрии, организовав реакционную партию под названием «Национально-Республиканской Лиги». (Стр. 29).

[45]) Несмотря на наличность рабочего движения, до 1905 г. в стране не было профессиональных союзов. Из экономических организаций рабочего класса тогда существовали, с одной стороны, общества взаимопомощи, с другой — стачечные кассы.

Общества взаимопомощи, допускавшие в свой состав так называемых членов-соревнователей из лиц свободных профессий, чиновников и даже предпринимателей (у печатников они составляли 4% общего числа членов, у приказчиков 13% всех членов), были организациями не чисто классовыми, а смешанными. Имея высокие членские взносы (в Московском обществе приказчиков вступительный взнос равнялся 25 руб., а ежегодный взнос 12 руб.), они об'единяли лишь рабочую аристократию (Московское общество печатников об'единяло 600 чел., т.-е. всего 4% общего количества рабочих печатного дела). Свою практическую деятельность эти общества ограничивали благотворительностью (выдачей безвозвратных пособий и ссуд).

Наибольшее количество обществ взаимопомощи насчитывали приказчики (74), второе место занимали печатники (27), третье — металлисты (7) и четвертое — текстили (3).

Стачечные кассы были об'единениями лишь революционного авангарда (являвшийся по существу стачечной кассой Московский «союз» печатников об'единял около 300 чел. из 14.000, т.-е. 2%), чисто классовыми по составу и боевыми по задачам. Большинство их носило временный характер. Из постоянных касс в 1905 году существовали централизованные в областном масштабе организации кожевников

(«гарбер-бунд») и щетинщиков («берштер-бунд») Западного края, да московское об'единение печатников («Союз Московских типографских рабочих для борьбы за улучшение условий труда»).

Развернувшееся в 1905 г. стачечное движение (см. прим. № 98) вызвало появление профессиональных союзов.

Во время январьских забастовок на крупных предприятиях для переговоров с предпринимателями были избраны цеховые старосты или депутаты. Собрания этих старост и положили начало первым профессиональным организациям, об'единениям фабрично-заводского масштаба. Такие организации создались в Петербурге, Москве и Харькове у металлистов, текстильщиков, табачников и печатников.

Весной и летом, в связи с подготовкой к стачечным выступлениям, в Москве возникли союзы булочников, официантов, фармацевтов, кошелечников и электромонтеров. В Петербурге в связи с выработкой требований предпринимателям об'единились конторщики, часовщики, фармацевты и печатники.

Волна экономических забастовок, прокатившаяся в сентябре и захватившая начало октября 1905 г., сопровождалась возникновением новых союзов. В Москве организовались ленточники, столяры, печатники, табачники, золото-серебряники, часовщики, парикмахеры, техники, приказчики, конторщики и бухгалтеры, служащие городского самоуправления. В Петербурге сложились об'единения текстильщиков, приказчиков, золото-серебряников, деревообделочников, сапожников, портных и трактирных служащих.

Сентябрьская волна вызвала об'единение до того времени несвязанных между собой фабрично-заводских организаций. Из совещаний депутатов предприятий в Москве выросли советы депутатов ленточников, столяров, печатников и табачников.

После издания манифеста 17 октября (ст. ст.) 1905 г. стали об'единяться рабочие всех остальных отраслей производства.

В 1905 г. союзы были узко цеховыми организациями. Так, в металлообрабатывающей промышленности имелись самостоятельные об'единения техников, машинистов, электромонтеров, слесарей, кузнецов, модельщиков, бронзовщиков, чертежников, золото-серебряников. У текстилей были организации рабочих ткачей, прядильщиков, ленточников, красильно-аппретурщиков, ткацко-вязальщиков и рабочих бассонно-галунного дела. В полиграфическом производстве имелись об'единения наборщиков, книгопечатников, типолитографов. Торгово-промышленные и конторские служащие имели самостоятельные об'единения, кроме того, существовали обособленные организации служащих винных складов, колониальных лавок, мясных, зеленных, молочных и рыбных магазинов, аптекарских магазинов и магазинов обуви.

В 1906 г. под влиянием того, что предприниматели стали строить свои организации, не дробя их по узко цеховому принципу, начали создаваться производственные союзы рабочих. Это движение раньше всего началось в Москве, Петербурге, Варшаве, Лодзи, Вильне, Киеве,

Одессе, Баку и Нижнем-Новгороде. Первыми на такой путь вступили металлисты, текстильщики и печатники, т.-е. рабочие тех отраслей промышленности, где в то время существовали уже крупные комбинированные предприятия, об'единявшие несколько цехов. Однако, рядом с такими союзами продолжали существовать еще узко цеховые об'единения. В Москве, например, рядом с союзом текстилей имелись организации вязальщиков и красильщиков. Рядом с союзом металлистов имелись об'единения электромонтеров, чертежников, медников, жестянщиков, ювелиров, кузнецов и слесарей.

В 1906—1907 гг. стали складываться первые Всероссийские об'единения. Состоялись Всероссийские конференции печатников (апрель 1907 г.), металлистов (февраль 1907 г.), портных (август 1906 г.) и строителей (январь 1907 г.), выделившие центральные всероссийские органы и Всероссийский с'езд (III по счету), с'езд приказчиков (июнь 1906 г.). Начались об'единительные попытки у текстильщиков (первая московская областная конференция в феврале 1907 г., вторая — в июне 1907 г.).

Межсоюзные об'единения — Центральные Бюро, которые в 1905 г. существовали только в Москве, Петербурге и Харькове, возникли в 36 городах. Образовался всероссийский межсоюзный центр в лице избранной II Всероссийской Конференцией Профсоюзов (февраль 1906 г.) Организационной Комиссии по созыву всероссийского с'езда профессиональных союзов. Международные связи Организационной Комиссии не пошли дальше переписки с X Международным Секретариатом профсоюзов и посылки делегатов на Международный социалистический конгресс в Штутгарте (1907 г.). (Стр. 30, 138, 153, 233, 312, 348).

[46]) *Давид Ллойд-Джорж* — вождь английской либеральной партии — родился в 1863 г. в семье сельского учителя. В 1890 г. был избран депутатом в парламент. Проявив крупные ораторские способности, стал одним из вождей парламентской фракции либеральной партии. Был министром финансов в 1908—1915 гг., министром снабжения в 1915—1916 гг. и главой коалиционного кабинета министров с 1916 г. по 1922 г. Один из авторов Версальского договора. С момента Октябрьской революции был организатором вмешательства Англии в гражданскую войну в России и поддержки белогвардейских армий. Убедившись в бесплодности вмешательства, переменил тактику и 16 марта 1921 г. подписал торговое соглашение Англии с РСФСР. Поддерживал Грецию в ее войне с революционной Турцией. После поражения Греции в 1922 г. ушел в отставку. Благодаря проведенным им в бытность министром финансов закону о страховании на случай болезни и безработицы и закону о подоходном налоге, а также закону о минимуме заработной платы для горнорабочих Уэльса, приобрел некоторую популярность в кругах мелкой буржуазии и, отчасти, среди рабочих. С момента потери либеральной партией политического влияния в парламенте, Ллойд-Джорж защищает идею сближения либералов с английской Рабочей партией. (Стр. 31, 62, 79, 116).

[47]) *Альбер Тома* — крайний правый французский социалист. Родился в 1878 г. Окончил Высшую Нормальную Школу и в 1902 г. получил ученую степень за труд по истории. В 1905 г. основал журнал «Ревю-Сэндикалист». Примкнул к реформистскому крылу синдикализма (см. примечание № 30). В 1910 г. был избран депутатом в парламент и вступил в социалистическую партию. С первого же момента империалистической войны занял патриотическую позицию, защищая принцип «священного единения» всех классов для победы над внешним врагом. Был делегирован социалистической партией в коалиционное правительство, где занял пост министра военного снабжения. Во время основания Международного Бюро Труда при Лиге Наций в 1919 г. (см. прим. 34) был избран его председателем. На этом посту он остается и до настоящего времени. (Стр. 33).

[48]) Когда началась империалистическая война 1914—1918 гг., социалисты воевавших между собою государств голосовали за военные кредиты и приняли деятельное участие в организации военных сил. Во имя национальных интересов и победы «отечества» на фронте социалистические партии в каждой стране заключили в тылу «гражданский мир» с отечественной буржуазией. Таким образом II Интернационал распался. Тем не менее везде образовались революционные меньшинства, стремившиеся восстановить международные связи. В 1915 г. в Швейцарии, в местечке Циммервальд, по инициативе итальянских и швейцарских социалистов была созвана конференция противников войны, установившая связь социалистов разных стран, сторонников борьбы за скорейшее заключение мира. В целях такой борьбы в 1916 г. состоялась вторая конференция в Кинтале (Швейцария). Но эти конференции не создали международного центра, могущего об'единить революционные элементы пролетариата всех стран, так как в революционных кругах международного социалистического движения еще не сформировалось определенное отношение ко II Интернационалу, и многие утверждали, что Интернационал находится не в состоянии полного краха, а переживает только временный кризис. Такой центр создался позже в Москве по инициативе Российской Коммунистической партии уже после Октябрьской революции. 24 января 1919 г. Центральный Комитет РКП(б) выпустил воззвание с призывом собраться на конгресс для основания нового Интернационала вместо перешедшего на сторону буржуазии II Интернационала (партии II Интернационала в этот момент готовились к Бернской конференции, назначенной на февраль 1919 г. и имевшей в виду восстановление Интернационала). Конгресс состоялся в Москве 2—5 марта 1919 г. под руководством В. И. Ленина с участием 52 делегатов, представлявших 19 стран. Конгресс принял «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», который заканчивался словами: «под знаменем рабочих советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, пролетарии всех стран, соединяйтесь». На этом конгрессе был избран Исполнительный Комитет III Коммунистического Интернационала (Коминтерна).

составленный из представителей вошедших в Интернационал коммунистических партий. Следующий конгресс, заседавший с 21 июля по 6 августа 1920 г. с участием 214 делегатов, представлявших 64 партии и организации, выработал 21 условие вступления коммунистических партий в III Интернационал (см. примечание 79).

Третий конгресс, происходивший с 22 июня по 12 июля 1921 г. (присутствовало 600 делегатов от 98 партий и организаций) одновременно с первым учредительным конгрессом Профинтерна (с 3 по 19 июля 1921 г.), постановил: «задачей коммунистов является проникновение в профессиональные союзы, чтобы сделать их организациями классовой борьбы. Во всех профорганизациях коммунисты должны создавать ячейки для распространения своих воззрений». Четвертый конгресс состоялся 5 ноября — 12 декабря 1922 г. На нем присутствовало 401 делегат, представлявшие 62 партии. Центральным пунктом работ конгресса были вопросы единого фронта борьбы пролетариата и единства профессионального движения. Желая облегчить работу революционным элементам французского профессионального движения, воспитанного в недоверии к руководству профессиональным движением со стороны политических партий, конгресс отказался от организационной связи с Профинтерном и принял решение о том, что для совместных выступлений образуется Комитет Действия, составленный из равного числа представителей Коминтерна и Профинтерна. Этот конгресс признал необходимым превращение Коминтерна в мировую коммунистическую партию с единой волей и единым централизованным руководством и принял решение, по которому Исполком выбирается конгрессом и является ответственным перед этим последним, а не перед отдельными партиями. Пятый конгресс состоялся 17 июня — 8 июля 1924 г. В нем участвовало 504 делегата от 51 партии. Основным пунктом его работ был вопрос о большевизации коммунистических партий. Он решил, что партии должны отказаться от построения первичных организаций на господствующем в социалистических партиях территориальном принципе и перейти к построению их на основе производственных ячеек в предприятиях. Конгресс указал коммунистическим партиям, что они должны чутко прислушиваться к интересам трудового крестьянства и проявлять большое внимание к вопросам национальным. Этот конгресс принял устав Коминтерна и обсуждал предварительный проект программы. Конгресс осудил троцкистскую оппозицию внутри ВКП(б) и подтвердил партийные решения по этому вопросу. Учитывая фракционные выступления отдельных лиц и групп в других странах (Брандлер в Германии и Сувари во Франции), конгресс дополнил устав Коминтерна пунктами, подчеркивающими необходимость централизации руководства и строгой дисциплины внутри Коминтерна.

Из расширенных пленумов Исполкома Коминтерна особенно серьезное значение имеют седьмой и восьмой. Седьмой пленум состоялся 22 ноября — 16 декабря 1926 года. Этот пленум подтвердил

необходимость сохранения Англо-Русского Комитета, против которого велась кампания со стороны, так называемого, «левого оппозиционного блока», возглавляемого в СССР Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Пленум подтвердил позицию ВКП(б) по отношению к деятельности внутрипартийного оппозиционного блока и постановил освободить тов. Зиновьева от занимаемой им должности председателя Коминтерна. При этом был упразднен и самый пост председателя. Пленум констатировал, что все попытки оппозиции в ВКП (б) создать интернациональную фракцию потерпели крах и, признавая необходимость дальнейшей борьбы против оппозиции, подтвердил постановление ЦК германской компартии об исключении Маслова, Фишер, Урбанса и др. Восьмой пленум (18 — 30 мая 1927 г.) сосредоточил главное свое внимание на вопросах: 1) об опасности новой войны и 2) о китайской революции. По первому вопросу пленум, напоминая о ленинском различении трех типов войны (войны: империалистическая, национально-революционная и капиталистическая контрреволюция против пролетарской революции), подтвердил основной лозунг Ленина: превращение империалистической войны в гражданскую и поражение своего правительства в империалистической войне. По вопросу о китайской революции пленум в связи с изменой Чан Кай-ши и переходом крупной буржуазии в лагерь контрреволюции и империализма, поставил перед китайской компартией задачу поднять революцию на высшую ступень: развертывать аграрную революцию и держать курс на создание правительства, воплощающего диктатуру рабочих и крестьян. Оппозиция, выступившая в лице Троцкого и Вуйовича, была снова резко осуждена с предупреждением, что повторение фракционных действий повлечет за собой исключение ее членов из Исполкома Коминтерна.

Шестой конгресс Коминтерна состоялся 17 июля — 1 сентября 1928 г. с участием 515 делегатов от 66 секций (коммунистических партий по странам), насчитывающих 4.024.159 членов (1.798.859 в компартиях и 2.225.300 в организациях Коммунистического Интернационала Молодежи). Основным вопросом работ конгресса было обсуждение и принятие программы Коммунистического Интернационала. Рассмотрев ряд заявлений от исключенных оппозиционеров в разных странах (Троцкого, Радека, Сапронова и др. — в СССР, Маслова и Рут Фишер — в Германии, Сюзанны Жиро и др. — во Франции, группы Вайнкопа в Голландии) с просьбой восстановления их в правах членов Коминтерна, конгресс постановил отклонить эти просьбы. (Стр. 34, 43, 46, 63, 87, 92, 102, 114, 148, 159, 193, 203).

[49]) *Томас Шоу* родился в 1872 г. в семье шахтера. С молодости стал работать на текстильной фабрике. Принимал участие в организации союза текстильщиков и был избран секретарем этого союза. В 1911 году бтыл избран секретарем Интернационала текстильщиков. В 1918 г. избран в парламент от Рабочей партии. В 1920 г. находился в составе английской рабочей делегации, посетившей Советскую Россию. Остался сторонником Амстердамского Интернационала. В 1924 г., при

образовании Макдональдом рабочего правительства Англии, был назначен министром труда. Т. Шоу признает необходимость сотрудничества рабочего класса с буржуазией. (Стр. 34).

[50]) Чтобы сохранить свое влияние на рабочие массы, уходящие от религии к социализму, церковники делают попытку отвлечь рабочие массы от революционной борьбы. Выступая с критикой отдельных проявлений капиталистической эксплоатации, якобы противоречащих принципам христианства, духовенство, главным образом католическое и протестантское, выдвинуло идею социальной гармонии интересов труда и капитала на принципах христианской морали. В конце XIX века оно сумело привлечь на свою сторону некоторые идеологически отсталые группы рабочих и организовать особые «христианские» союзы, стоящие на платформе отрицания классовой борьбы и признания сотрудничества с буржуазией. Во время стачек христианские союзы склоняют рабочих к миру и очень часто составляют из своих членов группы продолжающих работать, т.-е. «ломающие» стачку. Обладающим большими связями в среде буржуазии, христианским социалистам в некоторых случаях удается устранять особенно вопиющие злоупотребления предпринимателей и фабричной администрации. Благодаря этому, они сумели не только сохранить свое влияние на рабочих, но и закрепить его в организационных формах. Во всех странах капиталистической Европы сформировались центры профессиональных союзов, находящиеся под влиянием христианского духовенства. В 1908 году состоялась первая международная конференция христианских профессиональных союзов, избравшая свой секретариат с местопребыванием в г. Кельне. Война прервала все эти связи. Летом 1920 г. в Гааге по инициативе голландских христианских профессиональных союзов был созван конгрессе, в котором приняли участие представители христианских союзов Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Голландии, Испании, Франции, Чехо-Словакии и Швейцарии. Здесь было создано Международное Об'единение Христианских Профессиональных Союзов (так называемый Христианский Интернационал) со своим Исполнительным бюро, находящимся в г. Утрехте (Голландия). Этот Интернационал насчитывает в своем составе около трех милионов рабочих. (Стр. 34, 129).

[51]) *Итальянская Конфедерация Труда* — межсоюзное об'единение профессиональных союзов, — возникла в 1906 г. на созванном по инициативе социалистической партии с'езде Палат труда (местных межсоюзных об'единений). К 1920 г. число членов ее достигло 2.150.000. В то время она делала попытки сблизиться с Красным Интернационалом Профессиональных Союзов. Делегаты ее — Д'Аррагона, Бианки, Дугони и Коломбино — 16 июня 1920 г. приняли даже участие в совещании, которое заложило основание Красного Профинтерна. В 1922 г. Конфедерация порвала связи с Профинтерном и вступила в Амстердамский Интернационал. С тех пор она стала терять симпатии рабочих масс, одновременно подвергаясь преследованиям фашистов. В 1925 г. число ее членов равнялось приблизительно 130.000 человек. В 1926 г.

часть руководителей Конфедерации во главе с ее генеральным секретарем Буоцци, спасаясь от преследований фашистского правительства, эмигрировала во Францию и с согласия Амстердамского Интернационала об'явила о перенесении центра Конфедерации за границу.

Оставшаяся часть с Д'Аррагоной во главе 4 января 1927 г. вынесла постановление о роспуске Конфедерации и о вступлении в фашистские профессиональные союзы. Тем не менее, ряд союзов, входящих в Конфедерацию, устроил 20 февраля 1927 г. тайную конференцию, признавшую незаконным как роспуск Конфедерации, так и перенесение ее за границу.

Там было избрано временное (до созыва следующего конгресса) правление, состоящее из революционных элементов, которое сейчас ведет подпольную работу. (Стр. 35, 46, 57, 122, 225).

[52]) Руководимый правыми социалистами и кадетами, учительский союз в 1917 г., занимая резко враждебную позицию по отношению к диктатуре пролетариата и большевистской партии, стал исключать большевиков из своего состава. В противовес ему левое учительство на с'езде, состоявшемся в июне 1918 г., создало «Союз учителей-интернационалистов», принявший активное участие в создании органов Народного Комиссариата Просвещения в центре и на местах. 23 декабря 1918 г. правый учительский союз был распущен. Вскоре после этого началась организационная работа по образованию об'единения всех работников просвещения. Совещание коммунистических фракций первого с'езда губернских отделов Народного Образования и второго с'езда учителей-интернационалистов создало временное центральное бюро, созвавшее в конце июля 1919 г. первый Всероссийский с'езд работников просвещения. На этом с'езде было положено начало существованию Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры, построенного на производственной основе и стоявшего на платформе признания советской власти. К моменту второго с'езда (сентябрь 1920 г.) союз насчитывал уже 300 тысяч членов. На третьем с'езде этот союз в связи с общим курсом (взятым IV Всероссийским С'ездом Профсоюзов) на «единый союз», охватывающий все производства и профессии, слился с союзом работников искусств. К четвертому с'езду (ноябрь 1922 г.) произошло снова разделение этих совершенно механически об'единенных между собою союзов и был образован Всероссийский союз работников просвещения. (Стр. 37).

[53]) Меньшевики были все время сторонниками нейтральности профессионального движения. Они признавали, что экономическая и политическая борьба равноценны, и поэтому считали равноправными или, вернее, имеющими одинаковое значение, как экономические организации пролетариата — профессиональные союзы, так и его политические организации — партии. Этот взгляд они позаимствовали у правого крыла германской социал-демократии.

На протяжении 20 лет их точка зрения пережила некоторую эволюцию.

Состоявшаяся весной 1905 года в Женеве всероссийская конференция меньшевистских организаций признала необходимым обеспечить представительство в партийной организации тем профессиональным союзам, которые признают партийную программу. Это постановление по существу дела обозначало намерение фактически перестроить партию на основе профессиональных об'единений, сделав ее, так сказать, исполнительным органом профессионального движения. Тогда меньшевики представляли себе союзы, как составную часть партии.

Свою точку зрения они пытались навязать всей партии.

Состоявшемуся весной 1906 года в Стокгольме об'единительному с'езду они предложили проект резолюции, проникнутой духом нейтрализма. В их проекте профессиональное движение определялось как необходимый составной элемент классовой борьбы. Эта неопределенная формулировка не указывала удельного веса экономической борьбы и ее значение по сравнению с политической борьбой рабочего класса. Точно также профессиональные союзы определялись как необходимый элемент классовой пролетарской организации. И тут не был выяснен вопрос о значении профессиональной организации по сравнению с организацией партийной.

Исходя из этого, меньшевики призывали партию всеми мерами содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов, а всех членов партии звали вступать в союзы, принимать активное участие во всей их деятельности и укреплять среди членов союзов классовую солидарность и классовое сознание.

На вопрос о взаимоотношениях союзов с партией они отвечали очень неопределенно, говоря, что члены партии в борьбе и агитации должны органически связать союзы с партией. Каков же должен быть характер этой связи и как должны быть распределены между союзами и партией функции — этого они не выясняли.

После Стокгольмского с'езда, где проект меньшевиков был изменен несколькими большевистскими поправками, меньшевики продолжали толковать резолюцию в духе нейтрализма. Они упирали на самостоятельное значение экономического движения рабочего класса и на организацию беспартийных союзов. При этом многие из меньшевиков доказывали необходимость соблюдения союзами нейтралитета в борьбе между социалистическими рабочими партиями и фракциями социал-демократии. Были даже и такие, которые возражали против включения в устав союза пункта о признании классовой борьбы, мотивируя это тем, что такое признание придает профессиональным организациям партийную окраску.

Когда заседавший весной 1907 года Лондонский с'езд партии принял резолюцию, осуждающую нейтрализм, т.-е. занял позицию, которая отрицала меньшевистский взгляд на экономическое и политическое движение, как на равноценные формы классовой борьбы пролетариата, а на партию и профессиональные союзы, как на равнозначные организации, меньшевики и примыкавшие к ним — и в профпечати

и на партийных собраниях — выступили с резкой критикой лондонской резолюции.

Меньшевики еще раз пытались предложить партии принять их точку зрения летом 1907 года на партийной конференции в Куоккале (Финляндия). Однако, конференция отвергла их позицию.

Взгляды меньшевиков не изменились и после состоявшегося в Штуттгарте, осенью того же года, международного социалистического конгресса, который, как и Лондонский с'езд, осудил нейтрализм. Этот конгресс признал, что экономическая и политическая борьба пролетариата одинаково важны и высказался за необходимость тесной связи профессиональных союзов с социал-демократической партией. Он подчеркнул, что такая связь должна состоять в руководстве со стороны партии профессиональным движением.

Несмотря на такое решение вопроса Штуттгартским конгрессом, меньшевики продолжали и после него отстаивать свою прежнюю позицию. При этом они исходили из одного только пункта штуттгартской резолюции, не связывая его, однако, с другими пунктами, беря его обособленно, изолированно и, кроме того, толкуя его в свою пользу. Ни слова не говоря о пункте относительно руководства профессиональным движением со стороны партии, они подчеркивали, что профессиональное и политическое движения были признаны конгрессом одинаково важными. Словам «одинаково важные» они придавали значение «равноценные».

Исходя из своих основных принципиальных позиций, меньшевики, на протяжении всего последнего периода, вплоть до февральской революции, вели жестокую борьбу против стремления и попыток большевиков создать в легальных профессиональных союзах нелегальные партийные ячейки — фракции и осуществлять через эти фракции партийное руководство профессиональным движением.

Опираясь на свое понимание резолюции Штуттгартского конгресса, меньшевики к 1917 году разработали целую теорию о полной самостоятельности отдельных форм рабочего движения: политической и экономической. Исходя из этой теории, они на III Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов предлагали поддерживать на выборах в учредительное собрание все социалистические партии и добиваться международного об'единения всех профессиональных союзов, независимо от их отношения к мировой войне.

После Октябрьского переворота они выступили под новым лозунгом, который вытекал из их старых принципиальных предпосылок. На I и II Всероссийских С'ездах Профессиональных Союзов они доказывали необходимость полной независимости профессиональных организаций от всякой политической партии и от всякой государственной власти, в том числе от советской власти и от коммунистической партии.

Кроме того, меньшевики афишировали себя, как поборников единства профессионального движения против попыток расколоть его, якобы идущих со стороны борющихся в профдвижении партий.

Нейтрализм, единство и независимость были для меньшевиков лишь агитационными лозунгами. По существу же дела они вели в профессиональных организациях обычного рода политическую борьбу, не останавливаясь при этом ни перед какими методами.

Так, в месяцы февральской революции меньшевики, бывшие сторонниками коалиции с буржуазией, призывали профессиональные союзы поддерживать временное правительство и вести свою работу строго сообразуясь с рамками существовавшего тогда государственного устройства, не независимо от государственной власти, а как раз в сотрудничестве с ней.

Точно так же держали себя руководимые меньшевиками союзы и в районах оккупации. Они, по крайней мере, на первых порах поддерживали контрреволюционные правительства в их борьбе с советской властью.

Находившиеся под влиянием меньшевиков профессиональные союзы вовсе не нейтрально отнеслись к борьбе за захват власти Советами и к образовавшемуся после Октябрьского переворота советскому правительству. Меньшевики организовывали и поддерживали саботаж служащих. Отказывались сотрудничать с новой властью. Всяким хозяйственным и политическим затруднением пользовались для демонстративных выступлений против советского строя.

Аналогичным было их стремление к единству профессионального движения. В 1905 году меньшевики пытались рядом с большевистским московским союзом столяров создать мелкие цеховые союзики паркетчиков, ящичников, зонточников. Там, где меньшевики были в большинстве, они не давали большевикам вести работу на равных правах с собою. Так, еще на III Конференции они, пользуясь своим незначительным количественным перевесом, не дали большевикам даже огласить своей резолюции по вопросу о взаимоотношениях между партией и союзами. Конечно, они мотивировали это формальными соображениями, тем, что конференция не заслушала доклада. Однако, по существу дела в основе их поступка лежали фракционные мотивы.

В правления тех союзов, где меньшевики играли руководящую роль, они не пропускали своих политических противников. Это обстоятельство исключало возможность завоевания союзов путем внутренней политической работы. Так, напр., лозунг «единства», толкуемый в смысле монополии меньшевистского влияния, в союзе печатников с неизбежностью привел к расколу.

Таким образом, нейтральность и независимость профсоюзов обозначала отказ от выдержанной классовой позиции и политики и в то же время подчинение их влиянию чуждых и даже враждебных пролетариату классов и партий. (Стр. 37, 47, 57, 66, 171, 192, 263, 350).

[54]) Выйдя из войны, Советская Россия оказалась блокированной со всех сторон белогвардейскими армиями, поддержанными империалистическими государствами. Не имея возможности непосредственно связаться с центрами профессионального движения капиталистических

стран, Президиум ВЦСПС и ЦК Всероссийских союзов могли использовать лишь единственный путь сношений: обращения по радио. Эти обращения, посылаемые по различным поводам (всероссийские с'езды, наступления империалистов и т. д.), всякий раз заканчивались приглашением в Москву представителей профессионального движения для переговоров об организации международной конференции профессиональных союзов. (Стр. 39, 53, 121, 193, 219, 234).

[55]) Конец империалистической войны сопровождался революционными выступлениями рабочего класса во всех странах. В Германии рабочие начали борьбу за советскую власть, в Венгрии была провозглашена советская республика, в прочих странах рабочие выступали с требованиями рабочего контроля. Опасаясь взрыва социальной революции, буржуазия пошла на уступки. Во всех европейских государствах был введен восьмичасовой рабочий день, за рабочими было признано право стачек и союзов, спешно стали вырабатываться законы об охране труда, социальном страховании и т. д. В связи с этим в Версальский мирный договор был введен XIII раздел, дающий рабочим множество обещаний. «Принимая во внимание, что Лига Наций имеет целью установление всеобщего мира и что такой мир может быть основан лишь на принципе социальной справедливости, — говорилось в этом разделе, — принимая во внимание, что существуют условия труда, сопряженные для большого числа лиц с несправедливостью, нищетой и лишениями, что порождает такое недовольство, которое создает опасность для всеобщего мира и гармонии, и принимая во внимание, что настоятельно необходимо улучшить эти условия: например, поскольку это касается регламентации часов труда, установления максимальной продолжительности рабочего дня и рабочей недели, найма рабочих рук, борьбы с безработицей, гарантии заработной платы, обеспечивающей подобающие условия существования, защиты трудящихся от обыкновенных или профессиональных заболеваний и от несчастных случаев при работе, защиты детей, подростков и женщин, пенсий на случай старости и инвалидности, охраны интересов трудящихся, занятых за границей, утверждения принципа свободы союзов, организации профессионального и технического обучения и иных аналогичных мер; принимая во внимание, что непринятие какой-либо нацией действительно гуманного режима труда препятствует усилиям других наций, желающих улучшить судьбу трудящихся в собственных странах, — высокие договаривающиеся страны, движимые чувствами справедливости и гуманности, так же как и желанием обеспечить длительный всеобщий мир, согласились создать Международную Организацию Труда».

Заканчивался этот раздел следующей декларацией:

1. Труд не должен рассматриваться просто как товар или предмет торговли.

2. Право организации союзов во всяких целях, не противоречащих законам, как для нанимающих, так и для нанимателей.

3. Платеж трудящимся заработной платы, обеспечивающей им подобающий уровень жизни, как он понимается в их время и в их стране.

4. Принятие 8-часового рабочего дня или 48-часовой недели, как цели, к которой надлежит стремиться всюду, где она еще не достигнута.

5. Принятие еженедельного отдыха, минимум в 24 часа, который должен включать воскресенье всякий раз, когда это будет возможно.

6. Отмена детского труда и обязательство применять к работе молодых людей обоего пола необходимые ограничения, чтобы позволить им продолжать их образование и обеспечить их физическое развитие.

7. Принцип равной заработной платы без различия пола за труд одинакового достоинства.

8. Правила, издаваемые в каждой стране по поводу условий труда, должны обеспечивать справедливый экономический режим всем трудящимся, законно проживающим в стране.

9. Каждое государство должно организовать службу инспекции, в которую будут включены женщины, для обеспечения применения законов и распоряжений по охране труда. (Стр. 40, 149, 178, 236, 357).

[56]) *Катэдер-социалисты* — «социалисты от кафедры», т.-е. — профессора-социалисты. Так назывались буржуазные ученые экономисты в Германии второй половины XIX в. — Шмоллер, Брентано, Вагнер, Зомбарт и др., — которые основали «общество социальных реформ» и имели в виду проведение ряда реформ, частично смягчающих классовую борьбу в капиталистическом обществе. (Стр. 40).

[57]) *III Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов* состоялся в Москве 6—13 апреля 1920 г. На с'езде присутствовало 1.226 делегатов с решающим и 362 с совещательным голосом. На нем впервые с начала гражданской войны были представлены: Украина, Сибирь, Кавказ и Север. С'езд об'единял 59 губернских советов и 30 всероссийских союзов с 4.227.000 членов. Среди делегатов с решающим голосом было 940 коммунистов и сочувствующих им, 45 меньшевиков и сочувствующих, 191 — беспартийный, остальные 50 человек принадлежали к другим партиям.

Решения с'езда по вопросам союзной политики были проникнуты общей идеей милитаризации труда, идеей, которая представляла собой законченное выражение эпохи военного коммунизма.

Подведя итоги политической деятельности союзов, этот с'езд признал, что «профессиональные союзы в целом, стоя на платформе осуществления коммунизма через диктатуру пролетариата, в своей политической деятельности на протяжении всей революции неуклонно следовали за верховным вождем пролетарской революции — коммунистической партией». В связи с этим здесь было принято решение о вступлении российских союзов в Коминтерн.

Большое внимание с'езд уделил вопросам восстановления хозяйства. «Вся союзная политика, начиная от тарифной работы и кончая

пропагандистскими задачами, — решил он, — должна быть направлена к одной цели — восстановлению производительных сил страны путем поднятия производительности труда».

По организационным вопросам с'езд, несколько детализировав решения II С'езда, высказался за «укрепление всего союзного аппарата». В тарифной области он выдвинул «введение поощрительной оплаты труда лишь в строгой зависимости от ее результатов» и «целевое снабжение продовольствием и предметами первой необходимости». Главной задачей культурно-просветительной работы с'езд признал «повышение квалификации труда всего промышленного пролетариата».

По вопросу об участии союзов в организации народного хозяйства с'езд решил, что «союзные организации непосредственно не вмешиваются в ход предприятия и в административно-хозяйственные распоряжения экономических органов», а лишь намечают «по соглашению с хозяйственными органами кандидатов».

Необходимо отметить еще постановление с'езда по докладу о международном профессиональном движении. «III С'езд Профессиональных Союзов, — говорится в его резолюции, — поручает ВЦСПС войти в организационную связь со всеми профессиональными союзами других стран, ведущими революционную борьбу за низвержение капитализма, и с революционными меньшинствами тех профессиональных союзов, которые еще стоят на старой точке зрения... С'езд поручает Президиуму ВЦСПС в надлежащий момент принять все меры к созыву Международного С'езда профессиональных союзов и совместно с Исполкомом III Интернационала издать обращение к рабочим всех стран, выясняющее задачи профсоюзов в эпоху мировой борьбы за диктатуру пролетариата». (Стр. 43, 55).

[58]) В состав итальянской делегации, приехавшей в Советскую Россию летом 1920 г. для изучения результатов Октябрьской революции, входили: от Центрального Комитета итальянской социалистической партии — Серрати и Вачерка; от парламентской социалистической фракции — Бомбаччи и Грациани; от итальянской Всеобщей Конфедерации Труда — Д'Аррагона, Бианки, Коломбино и Дугони; от социалистических кооперативов и продовольственных организаций — Ганлес, Пеццани и Ноффи; от социалистических муниципалитетов — Маркетти и Навирани. (Стр. 44).

[59]) *Д'Аррагона* — деятель итальянского профдвижения. Родился в 1876 году. С 1892 г. член социалистической партии, сторонник ее правого реформистского течения. С 1912 г. — секретарь Итальянской Всеобщей Конфедерации Труда. В 1920 г. под влиянием революционных настроений итальянских рабочих приехал в Советскую Россию, участвовал на совещании, положившем начало Международному Совету Профессиональных Союзов. По возвращении в Италию ушел вправо. 21 сентября 1920 г. заключил с правительством соглашение, сорвавшее борьбу итальянских рабочих, захватывавших фабрики и заводы. Был делегирован Конфедерацией Труда в Международное Бюро Труда при

Лиге Наций и оставался там даже после того, как «по личным мотивам» сложил с себя обязанности секретаря Конфедерации (на самом деле его уход был вызван разоблачением намерений подчинить Конфедерацию фашизму). В 1927 году подписал декларацию о ликвидации Итальянской Конфедерации Труда и о сотрудничестве с фашистами. (Стр. 45, 62, 94, 122, 159).

[60]) *Эмилио Коломбино* родился в 1880 г. Был секретарем Туринской секции Итальянской Федерации металлистов. Руководил несколькими стачками. С 1919 г. вошел в секретариат Федерации металлистов. В 1920 г. Коломбино входил в состав итальянской делегации и участвовал в совещании, положившем начало Красному Интернационалу Профессиональных Союзов. По возвращении в Италию был избран председателем в Союзе промысловых кооперативов металлической отрасли промышленности. С тех пор он перешел в лагерь контрреволюции. В данное время состоит «техническим» сотрудником фашизма. (Стр. 45, 159).

[61]) *Джузеппе Бианки* родился в 1889 г. в Милане в бедной семье. Тяжелые материальные условия лишили Бианки возможности закончить школьное образование. Работал в качестве типографского корректора. 17 лет вступил в Итальянскую социалистическую партию. Принимал деятельное участие в основании Итальянской Конфедерации Труда, от которой часто получал ответственные поручения за границу. В начале империалистической войны был выслан из Германии за оскорбление Вильгельма II. При вступлении Италии в войну был мобилизован и отправлен на фронт. Через несколько месяцев был отозван с фронта для работы в Международном Сельскохозяйственном Институте. В 1920 г. Итальянской Конфедерацией Труда был делегирован в Москву, где принял участие в создании Международного Совета Профессиональных Союзов. В 1921 г. участвовал с совещательным голосом на учредительном конгрессе Профинтерна. Умер в декабре 1921 г. в Милане. (Стр. 45).

[62]) *Дугони* — малоизвестный (даже не удалось найти нигде биографических данных) деятель итальянского профдвижения. В итальянской делегации (1920 г.) участвовал как представитель союза земледельческих рабочих. На совещании, положившем основание Международному Совету Профессиональных Союзов, долго колебался при подписании резолюции, возражая, главным образом, против осуждения реформистских лидеров профессионального движения. Теперь не играет никакой сколько-нибудь заметной роли. (Стр. 45, 61, 159).

[63]) *Джон Томас Мэрфи* — член ЦК и Политбюро коммунистической партии Англии. Родился в 1888 г. По профессии металлист. Окончил рабочий университет. Вступив в рабочее движение, занял в нем левую позицию. До войны был одним из лидеров «Социалистической Рабочей Партии Шотландии», державшейся принципов революционного марксизма. Во время войны деятельно вел антивоенную пропаганду. Один из руководителей движения фабричных старост. Со времени слияния левых социалистических организаций Англии в компартию

Джон Мэрфи стал одним из наиболее выдающихся организаторов партии. Один из организаторов и руководителей революционного крыла в английском профдвижении (движении меньшинства). Поддерживая тесную связь с Советской Россией, является постоянным лондонским корреспондентом «Правды». В 1925 г. по делу 12 коммунистов был осужден на 6 месяцев тюрьмы. (Стр. 45).

[64]) *Третья государственная дума,* избранная осенью 1907 года, прозвана третье-июньской думой, так как выборы в нее производились на основании царского указа, изданного в день разгона второй думы, т.-е. 3 июня 1907 г. Этот указ, автором которого был министр Столыпин, сохранил многостепенность выборов (сначала избирались уполномоченные, те избирали выборщиков и лишь выборщики, на губернских избирательных собраниях, избирали депутатов в думу) и систему курий, т.-е. избирательных групп (вплоть до избрания губернских выборщиков выборы производились отдельно по куриям: землевладельцев, крестьян, городского населения и рабочих), до крайности урезал избирательные права рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии. На основании закона от 11 декабря 1905 г. (по этому закону производились выборы в первую и вторую думу) общее число 5.999 выборщиков, могших участвовать в губернских избирательных собраниях 50 губерний Европейской России, располагалось таким образом: 1.959 выборщиков (32%) принадлежало к землевладельцам (дворянству), 2.502 (42%) — крестьянам, 1.330 (22%) — горожанам и 208 (3%) — рабочим. Закон 3 июня сократил число выборщиков до 5.116 и распределил их таким образом: 2.612 (51%) от землевладельцев, 1.132 (22%) — крестьян, 688 (13%) — горожан I разряда (обладавших крупной собственностью), 564 (11%) — горожан II разряда (мелких собственников, чиновников, квартиронанимателей и пенсионеров) и 120 (2%) — рабочих. В 32 губерниях из 50 губерний Европейской России дворяне по этому закону располагали самостоятельным большинством на губернских избирательных собраниях, а в остальных 18 они составляли большинство вместе с горожанами I разряда. Якутская и Средне-Азиатская области были совершенно лишены права посылать депутатов в думу, было уменьшено количество депутатов от Польши (14 вместо 37) и от Кавказа (10 вместо 32). В Виленской губернии два депутата (из семи) и в Ковенской один (из шести) должны были непременно принадлежать к «русской курии» (сюда относились православные, старообрядцы и лютеране). Благодаря этому третья дума по своему составу оказалась право-монархической. (Стр. 46).

[65]) Создание международных профессиональных об'единений началось с конца XIX века.

В 1871 г. были основаны международные об'единения (секретариаты): 1) перчаточников и 2) сигарочников, в 1873 г. — горшечников, в 1877 г.— служащих гостиниц и ресторанов, в 1886 г.— рабочих стекольных заводов, в 1889 г. — 1) шлифовальщиков алмазов и 2) шапочников, в 1890 г. — горнорабочих, в 1891 г. — 1) деревообделочников,

2) текстильщиков, 3) металлистов, в 1892 г. — маляров, в 1893 г. — транспортников, в 1894 г. — 1) скорняков, 2) гончаров, в 1896 г. — 1) пивоваров и 2) литографов; в 1901 г. на конференции в г. Копенгагене (Дания) межсоюзных об'единений разных стран был основан Международный Секретариат Профессионального Движения. Но этот секретариат, принявший в 1913 г. название Международной Федерации Профессиональных Союзов, в организационную связь с международными производственными об'единениями не вступил и ограничился лишь печатанием в своих ежегодных отчетах обзоров деятельности отдельных производственных об'единений. Война 1914 г. разорвала все международные связи рабочих. Международные производственные об'единения так же как и Международная Федерация Профессиональных Союзов, получившая название Амстердамского Интернационала, возобновили свою деятельность лишь с прекращением войны (см. примечание 13). За период с 1919—1920 гг. были не только восстановлены все существовавшие до войны об'единения, но образовался ряд новых, при этом произошла некоторая перегруппировка в составе об'единений (пивовары образовали интернационал пищевиков, включив сюда мясников и пекарей, маляры создали интернационал строителей, куда вошли остальные строительные профессии, и т. д.), образовались так же и новые об'единения, как, например, интернационал сельскохозяйственных рабочих. Первое время эти производственные интернационалы под влиянием под'ема революционных настроений в рабочих массах принимали революционные резолюции: о социализации промышленности, о рабочем контроле, о помощи Советской России и т. д. Но дальше резолюций дело не пошло, а руководящие органы, находившиеся в руках реформистов, проявили влечение к Амстердаму. С 1922 — 1923 гг. устанавливается правильная организационная связь производственных Интернационалов с Амстердамским, выражающаяся в полном подчинении производственных Интернационалов Амстердаму. Производственные Интернационалы посылают от всего числа своих членов только 3 представителей с решающим голосом в Совет Амстердамского Интернационала, но на конгрессах последнего все они, без исключения, участвуют только с совещательным голосом. Производственные Интернационалы не имеют права принимать никаких решений, выходящих за пределы интересов об'единяемых ими профессий, без предварительного совещания с Амстердамом, а также принимать в свой состав союзы, входящие в об'единения, которые ведут борьбу с Амстердамским Интернационалом. Поэтому ни один производственный Интернационал не мог самостоятельно разрешать вопрос о единстве профессионального движения и ни один из них не может принять в свои ряды соответствующую организацию СССР, как примыкающую к ВЦСПС, который связан с Коминтерном и Профинтерном. Исключение составляет Интернационал пищевиков, куда с 1923 г. вошел и союз пищевиков СССР, принявший условие не создавать в об'единяемых Интернационалом союзах революционных фракций. Численность производственных Интернационалов, примыкающих к Амстердаму, была

к 1 января 1926 г. такова: 1) горняки — 1.688.497, 2) служащие гостиниц и ресторанов — 65.843, 3) деревообделочники — 637.197, 4) каменщики — 107.240, 5) рабочие керамического производства — 80.196, 6) кожевники — 351.000, 7) коммунальники — 437.310, 8) литографы — 47.748, 9) металлисты — 1.718.425, 10) маляры — 181.413, 11) парикмахеры — 9.155, 12) переплетчики — 80.603, 13) печатники — 184.036, 14) пищевики — 692.661, 15) работники связи — 466.005, 16) частные служащие — 720.201, 17) стекольщики — 92.165, 18) сельскохозяйственные рабочие — 373.542, 19) строители — 775.108, 20) табачники — 105.054, 21) текстильщики — 956.999, 22) транспортники — 2.145.950, 23) химики — 694.272, 24) шапочники — 57.362, 25) швейники — 322.540, 26) шлифовальщики алмазов — 21.276. Всего 13.021.754 против 18.174.373 в 1922 г. и 14.785.921 в 1923 г. (Стр. 51, 57, 90, 151, 221).

[66]) *Фридрих Платтен* — интернационалист, состоявший секретарем Швейцарской Социалистической Партии, в 1915 г. принимал участие в Циммервальдской конференции (Швейцария), осудившей империалистическую войну. После Октябрьской революции неоднократно посещал Москву. На I Конгрессе Коммунистического Интернационала был докладчиком по вопросу о «Бернской Конференции и отношении к различным течениям в социализме». Является одним из основателей и активных деятелей Коммунистической партии Швейцарии. (Стр. 54).

[67]) В Германии существует правило созывать, на ряду с обычными с'ездами профессиональных союзов, особые с'езды функционеров, т.-е. оплачиваемых союзом ответственных работников. На этих с'ездах обсуждаются злободневные вопросы профессионального движения и ближайшие практические задачи союзной работы. (Стр. 56).

[68]) В Северо-Американских Соединенных Штатах необученные рабочие, подавляющая масса которых состоит из постоянно прибывающих в Америку иностранцев и из негров, почти не организованы. Квалифицированные же рабочие организованы в узко-цеховые профессиональные союзы. В 1881 г. эти союзы об'единились в Американскую Федерацию Труда, имевшую в первые годы в своем составе около 200.000 членов и доведшую их число до 4.078.740 в 1920 г. Но с этого года началось падение числа членов: в 1921 г. — 3.906.528 и в 1925 г. — 2.878.297. Американская Федерация Труда об'единяет свыше 100 союзов общегосударственных и так называемых международных (т.-е. таких, которые имеют свои отделы, кроме Соединенных Штатов, в смежной с ними английской колонии — Канаде), а также несколько тысяч мелких, чисто местных организаций. Во главе Американской Федерации Труда стоит Исполнительный Комитет из 9 членов (председатель, шесть вице-председателей, секретарь и казначей). При Исполнительном Комитете образовано 5 отделов или секций для согласования деятельности родственных союзов: строительного дела, металлообрабатывающей, горной промышленности, железнодорожного транспорта и отдел «союзных знаков» (некоторые профсоюзы употребляют особые знаки, которыми отмечают товары предприятий, вошедших с союзами в

соглашение об условиях труда). Эти отделы не только не помогают строить союзы по производственному принципу, что формально входит в их задачи, но, наоборот, на деле охраняют цеховщину в профессиональном движении. Они представляют собой для Федерации Труда лишь форму управления профессиональным движением, где массы не играют почти никакой роли, а все находится в руках должностных лиц, делающих в движении блестящую карьеру (председатели союзов получают до 25 тысяч долларов в год жалованья, не считая дополнительных сумм «на расходы», секретари союзов получают от 5 до 10 тысяч долларов в год), позволяющую им вести буржуазный образ жизни. Руководители Федерации совершенно отрицают классовую борьбу. Дело доходит даже до того, что вспыхивающие стачки открыто срываются руководителями Федерации вплоть до призыва полиции на помощь против стачечников. Федерация противится образованию рабочими собственной политической партии, открыто проповедует сотрудничество труда с капиталом и насаждает особый, так называемый, «профсоюзный капитализм». Насаждение этого «профсоюзного капитализма» заключается в создании, так называемых «рабочих банков», через которые отдельные союзы становятся пайщиками в капиталистических предприятиях и организуют собственные предприятия в целях «обратить рабочих во владельцев собственного капитала». Федерация выступает, как деятельный помощник американского империализма. Она одобряет американские порядки, поддерживает правительство, находится в связи с церковью. С'езды Федерации обычно открываются пением патриотических гимнов и благословением священника. Федерация во время империалистической войны деятельно агитировала за вступление Соединенных Штатов в войну. По прекращении войны она вступила в Амстердамский Интернационал, но в 1920 г. вышла, мотивируя свой выход тем, что Амстердам принимает социалистическую ориентацию. Она является организацией, наиболее энергично сопротивляющейся признанию СССР Соединенными Штатами. Основателем и почти бессменным председателем АФТ был Гомперс (см. прим. 26). Со смертью его в 1924 г. пост председателя занял Грин, ничем в идейном отношении не отличающийся от Гомперса. (Стр. 56, 473).

[69]) *Берлинский Совет (или картель) профессиональных союзов* представляет собой местное межсоюзное об'единение, построенное по общему типу местных или окружных картелей. Организуются эти картели на основе представительства от местных союзных отделов. Во главе Совета стоит избранное им правление. Важнейшие функции советов — культурно-просветительная и агитационная работа. В ведении их находятся рабочие секретариаты, выполняющие роль юридических бюро. Соприкасаясь с массами рабочих ближе, чем межсоюзный центр всего германского профессионального движения, местные советы очень часто проникаются революционными настроениями в моменты под'ема рабочей классовой борьбы. Таков был Берлинский Совет в 1918 — 1920 гг. В марте 1920 года, он, возглавляя всеобщую забастовку берлинских

рабочих, выдвинул требование передачи вооруженных сил страны в руки рабочих и национализации угольных копей. (Стр. 57, 66).

[70]) В брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин пишет: «Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками на счет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придирок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и полицией) и обязательно работать там, где есть масса. Надо приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса. А профсоюзы и рабочие кооперативы (эти последние иногда, по крайней мере) это именно такая организация, где есть масса».

На II конгрессе Коминтерна в тезисах «о профессиональном движении, фабрично-заводских комитетах и III Интернационале» эти идеи были формулированы так: «...Коммунисты должны во всех странах входить в профессиональные союзы для того, чтобы делать из них сознательные органы борьбы за низвержение капитализма и за коммунизм. Они должны брать на себя инициативу по созданию профессиональных союзов там, где их не существует». «...Поддержка революционных профсоюзов не должна означать ухода коммунистов из оппортунистических профсоюзов». «...Задача коммунистов состоит в том, чтобы и профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты наполнить одним и тем же духом, т.-е. духом коммунизма». (Стр. 57, 72, 91, 153, 309).

[71]) *Тов. Лозовский* в 1920 г. был членом Президиума ВЦСПС, заведывавшим одно время Культотделом и Редакционно-издательским отделом, редактировал обзоры международного рабочего движения, выходившие под названием «Международное Рабочее Движение», первое время в виде специальной страницы органа ВЦСПС «Профессиональное Движение», а затем самостоятельным журналом ВЦСПС. В 1920 г. тов. Лозовский был одним из уполномоченных ВЦСПС при переговорах с представителями западно-европейских профессиональных союзов и был делегирован за границу для установления связи с европейским профдвижением. В качестве одного из представителей ВЦСПС участвовал в совещаниях, положивших начало Межсовпрофу. (Стр. 57).

[72]) Позиция левых германских коммунистов в 1920 г. особенно отчетливо была выражена в резолюциях коммунистической организации Северного, Сев.-Западного и Ганноверского округов: «...Революционный

пролетариат должен находиться в такой же оппозиции к свободным профессиональным союзам, как и к государственной власти капиталистов. Он должен вести со свободными профессиональными союзами самую беспощадную борьбу вплоть до их разгрома. В виду прочности позиции бюрократии в союзах и в виду контрреволюционного существа их, обусловленного их организационной формой, борьба не должна вестись в направлении простого завоевания правлений свободных союзов. Лозунгом революционного пролетариата в его борьбе со свободными профессиональными союзами должен стать выход из профессиональных союзов и создание рабочего союза для массовой экономической борьбы в общегосударственном масштабе». (Стр. 58).

[73]) После событий 3—5 июля 1917 г. (см. прим. № 1) против большевиков выступила не только буржуазия, но и социалистическая пресса всех течений, поддерживавших временное правительство. До этого меньшевики с с.-р. только доказывали, что большевики являются утопистами, проповедующими несбыточные идеи, вносящие раздор в революционное движение и губящие дело об'единения всех освободительных сил страны. После событий 3—5 июля борьба против большевиков приняла характер беспощадных преследований и травли. Центральный орган партии — «Правда» — был разгромлен юнкерами и закрыт; большевиков арестовывали; юнкера хватали их на улицах и избивали. В то же время в массы пустили клевету, что большевики являются германскими агентами, сеющими смуту, чтобы обессилить Россию в продолжавшейся войне с Германией. Однако, корниловское выступление (см. прим. № 1) раскрыло рабочим, крестьянам и солдатским массам действительные мотивы похода против большевиков со стороны буржуазии, временного правительства и партий, поддерживавших его. Трудящиеся массы стали переходить на сторону большевиков, которые к октябрю 1917 г. завоевали руководство в советах, профсоюзах и фабзавкомах. (Стр. 58, 69, 77, 109, 195).

[74]) Здесь речь идет о заседании Пленума ВЦСПС, состоявшемся 15 июля 1920 г. На этом заседании тов. Лозовским был сделан информационный доклад об образовании Международного Совета Профессиональных Союзов. Между прочим в докладе было указано, что при подписании соглашения представителям ВЦСПС «пришлось разойтись с некоторыми синдикалистами, которые из условий соглашения хотели исключить пункты признания диктатуры пролетариата, связи с III Интернационалом и некоторые другие». Пленум, приняв доклад к сведению, одобрил позицию представителей ВЦСПС. (Стр. 60).

[75]) *Джиованни Джиолитти* один из политических деятелей буржуазной Италии и руководителей Итальянской либеральной партии. В 1920 г., когда итальянские рабочие стали на путь захвата фабрик и заводов, Джиолитти, будучи главой правительства, сумел при помощи правых социалистов обещанием рабочего контроля остановить рабочее движение. В 1922 г. при захвате фашистами власти Джиолитти не оказал им сопротивления. Но с 1924 г. открыто вступил в группировку

буржуазных партий (либеральной, конституционной оппозиции, социальной демократии, народной и республиканской) которые борются с фашизмом на основе так называемого Авентинского (название окрестностей Рима, где было совещание) соглашения о бойкоте фашистского парламента. Джиолитти умер в 1928 г. (Стр. 62).

[76]) *Марков II* — крупный курский помещик, получивший известность своими погромными речами в III (1907 — 1912 гг.) и IV (1912 — 1917 гг.) государственных думах против революционного движения, интеллигенции и евреев, а также той руководящей ролью, которую он играл в черносотенных монархических организациях. Эмигрировав во время революции за границу, участвует в качестве одного из руководителей в контрреволюционных монархических организациях и группировках. (Стр. 62).

[77]) *Джон Рид* — видный американский писатель, революционер. Родился 22 октября 1887 г. Окончил Гарвардский университет, пользующийся хорошей репутацией в буржуазной среде Северо-Американских Штатов. Будучи студентом, стал социалистом и основал в самом университете социалистический клуб. Работал в крупных газетах, для которых писал обзоры иностранной жизни и в связи с этим много путешествовал. Во время империалистической войны об'ездил всю Европу. Летом 1917 г. приехал в Россию. Присутствовал при всех крупнейших эпизодах Октябрьской революции в Петрограде и собрал великолепную коллекцию материалов. По возвращении в Америку дал художественное описание Октябрьской революции в книге «Десять дней, которые потрясли мир». В 1918 г. был редактором лево-социалистического журнала «Революционный век». В момент раскола социалистической партии образовал из части революционного крыла ее Американскую Рабочую Коммунистическую Партию и редактировал журнал «Коммунист». Неоднократно подвергался арестам. В 1919 г. был вызван Коминтерном в Москву для работы по слиянию двух коммунистических партий Америки. Возвращаясь нелегально в Нью-Йорк, был арестован в Финляндии, откуда снова вернулся в РСФСР. Здесь, заболев тифом, умер. Похоронен в Москве у кремлевской стены. (Стр. 62).

[78]) *Амедео Бордига* (род. в 1889 г.) Деятель крайнего левого крыла итальянского социалистического движения. Со времени образования Коммунистического Интернационала принял деятельное участие в его работе. Был делегатом II, IV и V Конгрессов Коминтерна. С февраля до октября 1923 г. сидел в тюрьме по обвинению в заговоре против «государственной безопасности». На суде выступал с речью в защиту коммунизма. Сейчас примыкает к троцкистской оппозиции и является ее идеологом в Италии. (Стр. 63).

[79]) 21 условие приема в Коммунистический Интернационал, установленное II Конгрессом, таковы (приводятся в сокращениях): 1. Коммунистический характер пропаганды и агитации, соответствующий программе и постановлениям III Интернационала, подчинение партийной прессы ЦК; агитация против реформистов. 2. Удаление реформистов

и колеблющихся со всех партийных и общественных постов и замена их коммунистами. 3. Создание параллельного нелегального партийного аппарата. 4. Пропаганда в войсках. 5. Агитация в деревне и пропаганда и организация батраков. 6. Борьба с социал-патриотами, разоблачение социал-пацифизма. 7. Разрыв с реформизмом. 8. Разоблачение колониальной политики. 9. Коммунистическая работа и партийные ячейки в профессиональных союзах. 10. Борьба с Амстердамским Интернационалом и поддержка Красного Профинтерна. 11. Пересмотр состава парламентских фракций, подчинение их центральным комитетам, революционная агитация с парламентской трибуны. 12. Демократический централизм и партийная дисциплина. 13. Периодическая перерегистрация членов партии. 14. Поддержка советских республик. 15. Пересмотр старых программ и принятие коммунистической программы, утвержденной Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. 16. Обязательное исполнение постановлений конгрессов Коммунистического Интернационала и его Исполнительного Комитета. 17. Принятие наименования «Коммунистическая Партия такой-то страны (секция Коммунистического Интернационала)». 18. Печатание в руководящих партийных органах всех важных документов Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. 19. Обязательный созыв не позже как через 4 месяца партиями, вступающими в Коммунистический Интернационал или принадлежащими к нему, экстренных с'ездов для обсуждения 21 условия. 20. Для вступления в III Интернационал необходимо, чтобы $^2/_3$ состава центральных партийных учреждений состояли из лиц, еще до II Конгресса Коммунистического Интернационала высказывавшихся за вступление в него; исключения допускаются только по решению Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. 21. Исключение из партий их членов, в том числе и членов экстренных партийных с'ездов, которые отвергают обязательства, выставленные Коммунистическим Интернационалом. (Стр. 63).

[80]) На Втором Конгрессе III Интернационала вопрос о его взаимоотношениях с Профинтерном не получил окончательного разрешения. Учитывая синдикалистские настроения среди рабочих в отдельных странах и стремясь привлечь в свои ряды слои, недоверчиво относящиеся к руководству профессиональным движением со стороны политической партии пролетариата, Конгресс ограничился решением, что коммунисты, работающие в профессиональных союзах и фабрично-заводских комитетах, должны пропитать их «одним и тем же духом решительной борьбы, т.-е. духом коммунизма». (Стр. 64).

[81]) 1919 год, год образования Амстердамского Интернационала, характерен большим под'емом пролетарского классового движения во всем мире. В Венгрии была провозглашена Венгерская Советская Республика, которая вскоре пала под натиском своей и иностранной буржуазии. Рабочий класс всего мира рядом манифестаций выразил свое сочувствие пролетариату Венгрии и Советской России. Только-что

сформировавшийся Амстердамский Интернационал не решился пойти открыто против настроений рабочего класса. Чтобы сохранить и расширить свое влияние на рабочие массы, организованные в профессиональные союзы, этот Интернационал решился даже публично отмежеваться от открытых врагов венгерского и российского пролетариата. Вскоре после своего с'езда (июль — август 1919 г.) он выпустил ко всем рабочим организациям обращение с призывом бойкотировать контрреволюционную Венгрию и препятствовать почтовому и железнодорожному сообщению с Венгрией. Что же касается Советской России, блокированной империалистическими странами Антанты, то Бюро Амстердамского Интернационала адресовало ВЦСПС письмо, в котором оно после ссылки на решение Амстердамского конгресса о протесте против блокады обещало «от имени восемнадцати миллионов рабочих, входящих в международную федерацию профессиональных союзов, моральную и материальную поддержку в самой серьезной форме, когда в ней будет надобность и когда это позволят обстоятельства». Но все это оказалось пустыми фразами. Бойкот Венгрии не был проведен в жизнь. Обещания поддержать Советскую Россию Амстердам не сдержал. Он не только ничего не сделал в этом отношении, но и препятствовал образованию единого фронта реформистских союзов с революционными, ставшими на защиту Советской России. (Стр. 64, 100).

[82]) *Генеральная Комиссия профессиональных союзов Германии* сформировалась на Берлинской конференции так называемых «свободных» (руководимых социал-демократами) профессиональных союзов в ноябре 1890 г. Тогда она являлась временным центром, имеющим своей задачей разработать организационные вопросы профдвижения и подготовить всеобщий конгресс профсоюзов. Гальберштадтский конгресс, состоявшийся в марте 1892 г., сохранил Генеральную Комиссию в качестве постоянного органа. Функции Генеральной Комиссии на Гальберштадтском с'езде профессиональных союзов в 1892 году были определены так: 1) агитация; 2) ведение единообразной рабочей статистики; 3) ведение стачечной статистики; 4) издание органа, поддерживающего связь между профессиональными союзами; 5) поддержание международных связей.

В 1919 г. Генеральная Комиссия была переименована в Совет Всеобщего Германского Об'единения Профессиональных Союзов (АДГБ). (Стр. 67, 228).

[83]) *Руш* (в тексте опечатка — Руге), бывший в 1920 г. членом Германской социал-демократической партии и членом Берлинской Комиссии Профессиональных Союзов, находился в оппозиции к Генеральной Комиссии и Центральному Комитету партии, противопоставляя тактике соглашательства с буржуазией тактику классовой борьбы пролетариата вплоть до организации советской власти. В 1920 г. он защищал лозунг рабочего контроля и захват пролетариатом промышленных предприятий. За это был исключен из социал-демократической партии и должен был оставить пост председателя Берлинской Комиссии

Профессиональных Союзов. Впоследствии Руш вступил в коммунистическую партию Германии. (Стр. 67).

[84]) Когда в марте 1920 г. монархист д-р Капп, опираясь на восстание в армии, попытался произвести контрреволюционный переворот, профессиональные союзы в Берлине об'явили всеобщую забастовку. Как только республиканское правительство, опиравшееся на промышленную и торговую буржуазию, ремесленников и рабочую аристократию, одержало верх над мятежниками, стремившимися восстановить власть дворянства, оно обратилось к рабочим массам с призывом прекратить забастовку. Рабочие массы, требуя вооружения, продолжали бастовать. Берлинская Комиссия Профессиональных Союзов, руководимая Рушем, не решилась пойти открыто против Генеральной Комиссии, поддерживавшей республиканское правительство, и также призвала рабочих к прекращению забастовки. (Стр. 67).

[85]) В ответ на посещение английской делегацией Советской России в 1920 г., российские союзы решили послать также делегацию в Англию. Делегация ВЦСПС была сформирована в следующем составе: Артем (Сергеев) (от транспортных рабочих), Лозовский (ВЦСПС), Киселев (союз горнорабочих), Лебедев (союз текстильщиков), Лаврентьев (союз металлистов), Анцелович (Петроградский Совет Профессиональных Союзов) и Антошкин (союз служащих). В виду того, что с пограничными странами (Польшей, в особенности) еще не были завязаны дипломатические отношения, делегация направилась кружным путем через Мурманск и Норвегию. Но английское правительство после долгого молчания внезапно воспретило ей в'езд в Англию. Франция также отказалась впустить делегацию на свою территорию. Делегация, имевшая целью завязать сношения с Европой, не смогла отправиться никуда, кроме Германии, да и туда разрешили в'ехать только трем представителям: Лозовскому, Артему (Сергееву) и Анцеловичу. (Стр. 67, 88, 98).

[86]) Америка состоит из двух материков — Северного и Южного, — соединенных недалеко от экватора узким Панамским перешейком. С 1914 года открыт канал, прорезающий перешеек и соединяющий Тихий океан с Атлантическим. Обычно, говоря об Америке, различают следующие части: Северную Америку, Центральную и Южную. Центральную и Южную Америку очень часто об'единяют под общим названием Латинской Америки, так как преобладающими языками многочисленных республик, ее образующих, являются испанский и португальский. В Северной Америке преобладающим языком является английский. В этой части Америки только одно самостоятельное государство — Северо-Американские Соединенные Штаты. В настоящее время Соединенные Штаты дают 43 процента мировой добычи угля, 54 процента железа, 64 процента стали, 73 процента нефти, 50 процентов меди и т. д. Сосредоточив у себя во время империалистической войны около половины всего мирового запаса золота, Соединенные Штаты стали главным кредитором всего мира. Они ссудили различным странам в виде правительственных и частных займов свыше 20 миллиардов

долларов. Население Соединенных Штатов, включая полуостров Аляску, определялось к середине 1924 г. в 112.826.000 человек, из которых около 30 миллионов составляют рабочие. Общее богатство Соединенных Штатов в 1922 г. оценивалось в 320 миллиардов долларов, а национальный доход, начиная с 1923 г., определяется в сумме около 60 миллиардов долларов в год. Другая часть Северной Америки — Канада — представляет собой самоуправляющуюся колонию Англии. Канада является страной лесного и земледельческого хозяйства. В последнее время в Канаде стала развиваться и обрабатывающая промышленность. В хозяйственном отношении Канада в последние годы с Соединенными Штатами связана больше, чем с Англией. Перед войной общий капитал, вложенный в хозяйство Канады, составлял 1.860 миллионов долларов, в то время как капитал, вложенный Соединенными Штатами, равнялся 417 миллионам долларов. Во время мировой войны Соединенные Штаты обогнали Англию. К 1923 г. вложения их достигли 2.425 миллионов долларов, а английские не поднялись выше 1.890 миллионов долларов. Латинская Америка представляет собой ряд государств (Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили и т. д.), обладающих огромными естественными богатствами как на поверхности, так и в недрах земли, но с совсем слабым развитием промышленности. До настоящего времени капиталистические страны Европы, — Англия и Германия, — ведут борьбу с Соединенными Штатами за влияние на Латинскую Америку, как на район добычи промышленного сырья и рынка сбыта промышленных товаров. (Стр. 68).

[87]) Тов. Шляпников, бывший тогда председателем ЦК Всероссийского Союза рабочих металлистов, в августе 1920 г. был делегирован на конгресс Интернационала металлистов в Копенгагене. Но так как датское и норвежское правительства задержали выдачу виз на паспорта, то он прибыл на место, когда конгресс уже кончил свою работу. (Стр. 69).

[88]) В 1919 г. в Соединенных Штатах из элементов, входивших в Американскую социалистическую партию, сформировались две коммунистические партии: Коммунистическая партия Америки и Американская Рабочая Коммунистическая партия. Первая, в составе которой преобладали члены иностраных секций социалистической партии с русскими во главе, стояла на точке зрения ортодоксального, последовательного марксизма. Вторая, образовавшаяся из членов секций, об'единявших английские и американские элементы, тяготела к синдикализму в лице организации Индустриальных Работников Мира. Обе партии вели между собою борьбу за влияние на рабочие массы. В 1921 г. по настоянию Коминтерна они слились, образовав Уоркерс Парти (Рабочую партию), входящую в Коминтерн. (Стр. 71).

[89]) В Италии, начиная с 1919 г., классовая борьба труда с капиталом приняла особенно ожесточенный характер. В 1920 г. в ответ на стачечное движение рабочих предприниматели приступили к закрытию фабрик и заводов. Тогда рабочие вопреки воле предпринимателей

пустили их в ход. При этом они отстранили предпринимателей от руководства предприятиями, об'явив захваченные фабрики и заводы экспроприированными. Руководство предприятиями было передано фабрично-заводским комитетам. Движение это в течение августа и сентября 1920 г. распространилось по всем промышленным центрам Италии. К осени рабочие овладели более чем 600 предприятий, в числе которых были: знаменитый автомобильный завод «Фиат-Турино», трамваи, металлургические заводы, верфи и т. д. Правительство не могло оказать никакого сопротивления быстро развивавшемуся революционному движению. Вожди профессиональных союзов и социалистической партии Италии не только не возглавили движения, но всеми силами пытались приостановить его. Заручившись от правительства обещанием создать комиссию по введению рабочего контроля и добившись некоторого улучшения условий труда, профсоюзные и социалистические деятели добились успокоения рабочих. Воспользовавшись этим, предприниматели не только взяли обратно фабрики и заводы, но, в свою очередь, перешли в наступление. Конечно, рабочий контроль не был введен. Вместо него предприниматели лихорадочно стали разворачивать свои боевые отряды, громившие рабочие союзы и кооперативы. Эти отряды сложились в фашистскую партию, захватившую власть в 1922 г. и положившую конец всем уступкам, сделанным до этого буржуазией. (Стр. 72).

[90]) Турция является страной с весьма слабо развитой капиталистической промышленностью. Поэтому ее профессиональное движение развито очень слабо. В 1919 г. в Константинополе сформировался ряд профессиональных союзов, часть которых в 1920 г. образовала «Международное Об'единение Рабочих», стоящее на платформе Профинтерна. На ряду с ним существовала созданная в 1919 г. под руководством турецких коммунистов организация, об'единявшая рабочих государственных предприятий — «Союз турецких рабочих». В обстановке тяжелых полицейских преследований обе эти организации революционно-классового характера не получили массового распространения. В таких городах, как Эрзерум, Трапезунд и т. д., немногочисленные профессиональные союзы возникли, главным образом, в среде транспортных рабочих (железнодорожников, моряков, грузчиков). (Стр. 72).

[91]) В ноябре 1919 г. в г. Самаре состоялся с'езд грузчиков Волжского бассейна. Присутствовавший на с'езде тов. Томский внес резолюцию, предлагавшую грузчикам об'единиться с союзом транспортников. Резолюция была отклонена, так как грузчики настаивали на самостоятельном существовании союза грузчиков. Они избрали свой Центральный Комитет и прислали делегацию в ВЦСПС с просьбой утвердить этот Комитет. На пленуме ВЦСПС 28 ноября было решено отклонить утверждение Комитета и обратиться к грузчикам Волжского бассейна с предложением слить новообразованный союз грузчиков с Всероссийским союзом рабочих местного транспорта.

После февральской революции, на ряду с производственными союзами (металлисты, текстильщики, печатники, кожевники, строители)

образовались союзы: цеховые (кочегары, литейщики, модельщики, сварщики и огнерезы, машинисты, электрики, водопроводчики и рабочие отопления), кастовые (служащие фабрично-заводских предприятий, техники и чертежники, строительные десятники, младшие служащие правительственных учреждений) и даже фирменные (трудящиеся компании «Зингер», служащие фирмы Нобель, Мальцевских заводов, Охтенских заводов, товарищества Брокар и т. п.). К октябрю 1918 г. многие цеховые союзы слились с производственными (кочегары, литейщики, сварщики и огнерезы, модельщики, золотосеребряники, часовщики, электрики, машинисты, браковщики влились в союз металлистов); союзы архитектурно-строительных рабочих, мраморщиков и цементщиков, водопроводчиков и отопленцев, зодчих об'единились в союз строителей и т. д. Цеховщина, однако, сохранилась в форме существования более или менее автономных секций (секции булочников, квасников, конфетчиков, мясников, мукомолов, макаронщиков и служащих в союзе пищевиков и т. п.). Стр. 74).

[92]) Единый союз транспортных рабочих — созданный в октябре 1920 года по постановлению III Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов (апрель 1920 года) путем слияния союзов железнодорожников и водников — существовал до октября 1922 года, когда на II С'езде об'единенного союза произошло его разделение на две самостоятельных организации — железнодорожников и водников. (Стр. 76).

[93]) По мере организационного оформления российского профессионального движения шел процесс об'единения всех союзов во всероссийские и слияния их на основе производственного принципа. К пятому с'езду союзов существовало 23 производственных всероссийских союза, а именно: 1) горнорабочих; 2) деревообделочников; 3) кожевников; 4) сахарников; 5) металлистов; 6) бумажников; 7) работников пищевой и вкусовой промышленности («Пищевкус»); 8) работников полиграфического производства (печатники и пр.); 9) строительных рабочих; 10) текстильщиков; 11) химиков; 12) швейников; 13) водников; 14) железнодорожников; 15) работников местного транспорта; 16) работников народной связи (почта, телеграф и телефон); 17) работников советских, общественных и торговых учреждений; 18) работников медико-санитарного дела; 19) работников искусств; 20) работников просвещения; 21) работников земли и леса; 22) коммунальных работников; 23) работников народного питания и общежитий. В тех случаях, когда тов. Томский говорит о 24 союзах, он имеет в виду период между III и V с'ездами, когда железнодорожники и водники составляли один союз (Цектран), также как работники искусств и просвещения (Рабиспрос), но существовали самостоятельно: 1) союз табачников (слившийся с пищевиками), 2) работников стекла и фарфора (слившийся с химиками) и 3) пожарников (об'единившийся с коммунальниками). На IV С'езде Профессиональных Союзов (май 1921 г.) в противовес курсу на создание единого союза с производственными секциями, взятому Президиумом ВЦСПС (курсу на усиление горизонтальной централизации),

группа работников Центральных Комитетов (Кроль — от пищевиков, Юзефович — от кожевников, Пруссак — совработников) выдвинула тезис, что «тенденция к централизации союзных функций в межсоюзных об'единениях» является «чрезвычайно вредной», так как «только производственные союзы, знающие каждый особенности своего производства, состав своих рабочих, их нужды, наклонности, привычки, смогут организовать разрушенное хозяйство страны».

Это течение, державшее курс на усиление вертикальной централизации, получило название вертикалистов. (Стр. 76, 151, 162, 173, 221).

[94]) После свержения самодержавия (12 марта 1917 г.) 15 марта государственной думой было образовано временное правительство под председательством князя Львова. Правительство было чисто буржуазным: из социалистов туда входил только Керенский, член партии социалистов-революционеров; министерство иностранных дел возглавлял вождь буржуазной партии (конституционно-демократической) Милюков. 1-го мая Милюков разослал ноту о верности России союзным договорам, т.-е. о согласии России продолжать войну в империалистических целях. Демонстрации рабочих и солдат в Петрограде и Москве 3, 4 и 5 мая против политики временного правительства вызвали замену буржуазного правительства коалиционным из представителей буржуазии и представителей социалистических партий под председательством опять-таки князя Львова. В новое правительство вошли социалисты-революционеры (Керенский и Чернов) и меньшевики (Церетелли, Скобелев). Однако, и оно продолжало политику предшествующего. 16 — 18 июля рабочие и солдаты вышли вооруженными на улицу с требованием передачи власти Советам. Демонстрации были подавлены, и Керенским было сформировано новое правительство опять-таки с участием представителей буржуазии. Начались преследования большевиков. Был отдан приказ об аресте В. И. Ленина, Зиновьева и Каменева. Продолжавшаяся война принесла новые поражения русской армии и усилила промышленную разруху. Рабочий класс, поддержанный крестьянством (армия по своему социальному составу состояла из крестьянской массы), стал настойчиво требовать передачи власти Советам. В ответ на это генерал Корнилов 8 сентября двинул войска с фронта на Петроград, требуя установления военно-буржуазной диктатуры. Представители буржуазии кадеты (члены конституционно-демократической партии) вышли из правительства. Усилиями рабочих корниловское выступление было ликвидировано. Снова встал вопрос об организации власти. Сторонники коалиции с буржуазией настояли на том, чтобы для разрешения этого вопроса было созвано особое («демократическое») совещание из представителей всех демократических организаций (городских дум, кооперативов, армейских комитетов, советов и т. д.). Совещание было созвано 27 сентября, при чем состав его искусственно был подобран так, что большинство получили сторонники коалиции. Совещание не дало ясного решения вопроса о власти; признав коалицию, оно отвергло участие в ней кадетов — единственной партии, вокруг которой

об'единилась вся буржуазия. Однако, Керенский сформировал новое коалиционное правительство с участием этой партии. В целях укрепления временного правительства, в противовес советам депутатов, 20 октября начал свои работы «Временный Совет Российской Республики» (предпарламент) из представителей общественных организаций. Большевики, сначала пославшие туда своих представителей, затем демонстративно ушли оттуда и приступили к подготовке восстания против временного правительства.

Находившийся тогда в подполье тов. Ленин в начале октября 1917 г. писал Центральному Комитету социал-демократов-большевиков: «События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением... Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас». На заседании Центрального Комитета было постановлено приступить к организации восстания. Временное правительство, в целях борьбы с нараставшей революцией, решило вывести из Петрограда наиболее революционные военные части и заменить их частями, на которые буржуазия рассчитывала опереться. В ответ на это находившийся тогда в руках большевиков Петроградский Совет раб. и солдат. депутатов 20 октября (ст. ст.) постановил создать Военно-Революционный Комитет. Вечером 25 октября (ст. ст.) Военно-Революционный Комитет при помощи революционных частей Петроградского гарнизона, Кронштадтского флота и боевых рабочих дружин Красной гвардии занял ряд правительственных учреждений и Зимний дворец, где находилось временное правительство, охранявшееся ротами юнкеров и женского батальона. Открывшийся в тот же день II С'езд Советов рабочих и солдатских депутатов постановил взять власть в свои руки, принял декрет о безвозмездной передаче земли крестьянам и декрет о немедленном принятии мер к заключению мира.

Тогда же было постановлено «образовать для управления страной, впредь до созыва учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров».

Бежавший из Зимнего дворца глава временного правительства — Керенский с фронтовыми частями двинулся на Петроград. Служащие правительственных учреждений забастовали. В Москве контрреволюционная буржуазия также организовала восстание против Совета. Но все эти восстания были разбиты рабочим классом, выдвинувшим свою собственную вооруженную силу — Красную гвардию. Саботаж чиновников был сломлен реорганизацией всех учреждений. Народные массы сплотились вокруг правительства, созданного Октябрьской революцией и давшего действительное удовлетворение всем требованиям народа: все царские долги были аннулированы (об'явлены уничтоженными), помещичья земля передана крестьянам, банки национализированы; над производством установлен рабочий контроль, ко всем народам и правительствам направлено обращение с приглашением заключить

перемирие и начать переговоры о мире, всем народностям страны предоставлено право свободного развития, церковь была отделена от государства.

Созванное 18 (5 по старому стилю) января 1918 г. учредительное собрание, состоявшее в своем большинстве из социалистов-революционеров и меньшевиков, отвергло предложенную фракцией большевиков «декларацию прав трудящихся и эксплоатируемого народа» с изложением основ советского строя и подтверждением мероприятий советского правительства, вследствие этого оно было в тот же день распущено.

Эта декларация была принята состоявшимся 10—18 января III С'ездом Советов. (Стр. 77, 93, 109, 129, 133, 165, 171, 184, 198, 228, 276, 285, 349, 389, 390, 491, 495).

[95]) *Мирбах* был германским послом в Москве после заключения советским правительством Брестского мира. 6 июля 1918 г. он был убит левыми социалистами-революционерами, поднявшими восстание против советской власти. Убийство имело своей целью провоцировать Советскую Россию на возобновление войны с Германией. Восстание левых с.-р. было быстро подавлено, но убийство Мирбаха сильно обострило взаимоотношения Советской России с Германией. Но в этот момент германский империализм был слишком ослаблен поражениями на французском фронте, и Германия ограничилась лишь требованием введения в Москву батальона немецких солдат для охраны посольства. Советское правительство отказало. Вопрос был исчерпан тем, что после дипломатических переговоров и обмена нотами германскому правительству было разрешено увеличить подсобный персонал посольства до 300 человек (при условии, что дополнительный персонал прибудет небольшими группами и без немецких мундиров), советское же правительство обязалось в свою очередь поставить около германского посольства усиленную и особенно надежную охрану. (Стр. 77).

[96]) Довоенная Германская империя (союз 26 немецких государств, об'единенных под главенством прусского короля, являвшегося в то же время германским императором) представляла собой страну высокоразвитого капитализма, но власть находилась в руках юнкерства, крупных землевладельцев-дворян. Правительство стремилось сохранить «твердый» порядок внутри страны и распространить германское влияние на мировую жизнь. Такая политика была выгодна буржуазии, так как обеспечивала охрану интересов капитала в борьбе с революционными стремлениями рабочего класса и в его борьбе за влияние на мировом рынке. В своей внешней политике Германия, опиравшаяся на поддержку Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, столкнулась с об'единенным англо-французским капиталом, привлекшим на свою сторону Россию и Сербию, а затем Италию, Румынию и Северо-Американские Соединенные Штаты. Вспыхнувшая в результате этого столкновения война не оправдала надежд германской буржуазии на быструю победу и, затянувшись на четыре года, истощила Германию. Англо-французский

флот подверг Германию блокаде и отрезал ее от мирового рынка, от ее продовольственных баз и источников сырья. Население было посажено на голодный паек, который сокращался с каждым месяцем. Германская промышленность и транспорт, несмотря на высоту своей техники, не смогли вынести огромного напряжения, требуемого войной, и стали разваливаться. Армия, одержавшая в первый год войны ряд блестящих военных успехов, со второго года стала терпеть поражения.

Неудачи на фронте ослабили германское правительство физически и морально. Революционное движение, направленное против войны, несмотря на репрессии правительства и агитацию социал-демократов за «оборону отечества», с 1916 года стало принимать все более массовый характер. Социал-демократическая партия раскололась. Революционная часть ее под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург организовала группу «Спартак» и начала подготовку масс к борьбе за социальную революцию. Вышедшая из с.-д. партии группа, не решавшаяся открыто стать на позицию революционного массового движения и сводившая свой протест против войны к отказу голосовать в парламенте за военные кредиты, образовала так называемую независимую с.-д. партию с Гаазе, Ледебуром и Каутским во главе. Осенью 1917 г. в германском флоте, сосредоточенном в портовом городе Киле, вспыхнуло матросское восстание, подавленное правительством. В январе 1918 г. в Германии вспыхнула огромная, близкая к всеобщей, забастовка с требованиями заключения мира. Правительство, опираясь на правых вождей социал-демократической партии, успело подавить и это движение.

В конце октября начались массовые демонстрации рабочих под лозунгами свержения монархии. 2 ноября 1918 г. в Киле вспыхнуло новое восстание моряков. К восстанию примкнул гарнизон. Сформировался совет матросских и солдатских депутатов. К движению примкнула вся страна. Повсюду старые власти упразднялись, а их место занимали советы рабочих и солдатских депутатов. 9 ноября Вильгельм отрекся от власти и бежал за границу. В Берлине сформировалось новое правительство, получившее название Совета Народных Уполномоченных, из трех представителей социал-демократической партии (Эберт, Шейдеман и Ландсберг) и трех — независимой с.-д. партии (Гаазе, Дитман и Барт). Совет Народных Уполномоченных считал себя временным высшим органом власти до созыва Всегерманского С'езда Советов. Группа спартаковцев, руководимая Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, вела борьбу за диктатуру пролетариата в форме советской власти. Независимые социал-демократы, признав принцип советской власти, отказались от диктатуры пролетариата, мотивируя это желанием избежать гражданской войны. Они были сторонниками двухпалатной системы (двоевластия) в форме Всеобщего Демократического Собрания, с функциями руководства общей политикой страны, и Всеобщего Совета рабочих депутатов, с функциями контроля над промышленностью. Официальная социал-демократическая партия заявила о необходимости удержать

революцию в рамках буржуазной демократии, мотивируя желанием спасти Германию от окончательного разгрома со стороны Антанты, вмешательство которой будет будто бы неизбежным, если революция примет социалистический характер. Вопрос был поставлен на разрешение открывшегося 16 декабря 1918 года с'езда советов солдатских и рабочих депутатов. Несмотря на агитацию спартаковцев и независимых, большинство с'езда оказалось на стороне «шейдемановцев» (официальной социал-демократии). С'езд постановил передать всю власть Всегерманскому Национальному Собранию, назначив выборы его на 19 января 1919 г.

Ссылаясь на это решение, правительство, в котором решающее значение имели Эберт и Шейдеман, при поддержке буржуазии начало борьбу против революционного рабочего движения. Опираясь на контрреволюционные организации кадрового офицерства, оно в декабре 1918 г. усмирило революционное движение матросов в Берлине. Это обстоятельство вызвало уход независимых из Совета Народных Уполномоченных.

Правые социал-демократы Эберт и Шейдеман, сосредоточив в своих руках всю полноту власти, отстранили независимого социалиста Эйхгорна с поста начальника берлинской полиции. Тогда рабочие в январе 1919 г. под руководством спартаковцев и независимых восстали и образовали Временный Революционный Комитет, куда вошли от спартаковцев — Карл Либкнехт и от независимых — Георг Ледебур. Правительство Эберта — Шейдемана вызвало из провинции регулярные войска и привлекло к своей обороне кадровое офицерство, поручив руководство военными действиями социал-демократу Носке. После недельного боя на улицах Берлина восстание было подавлено. 16 января были арестованы и зверски убиты вожди спартаковцев Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Германская социал-демократическая партия, подавив революционное движение рабочего класса, обеспечила переход политической власти в руки буржуазии. Это было осуществлено Национальным Собранием, созванным в конце января 1919 г. в г. Веймаре. Первое время положение было неустойчиво. В отдельных местах вспыхивали рабочие восстания. Бавария об'явила себя Советской республикой, которая просуществовала там с 7 апреля по 1 мая 1919 г. Монархисты, ободренные подавлением рабочих, в марте 1920 г. сделали попытку восстановить монархию. Они захватили Берлин и сформировали правительство из старых императорских чиновников с доктором Каппом во главе. Эта попытка была в несколько дней ликвидирована рабочим классом, который всеобщей забастовкой отрезал капповское правительство от всей Германии (подробнее об этом см. примечание № 97). С этого момента в Германии установилась буржуазно-парламентская политическая система. (См. прим. №№ 146 и 157, где говорится о новой вспышке революционного движения, вылившегося в Саксонии в форму рабочего правительства, а в Гамбурге в вооруженное восстание). (Стр. 78, 102, 109, 125, 155, 176, 177, 330).

[97]) Здесь говорится о Берлинской забастовке, сломившей так называемый «Капповский путч» — контрреволюционную попытку немецких белогвардейцев совершить в Германии монархический переворот, имевший целью восстановить господство крупно-землевладельческого класса в Германии.

12 марта 1920 года восставшими войсками под командой генерала Эргардта был захвачен Берлин, где ими республиканское правительство Германии было об'явлено низложенным и сформировано новое, монархическое, под председательством д-ра Каппа.

Республиканское правительство обратилось за поддержкой к рабочему классу. Была об'явлена всеобщая забастовка, к которой примкнули все трудовые слои населения, чиновники и мелкая буржуазия. Почта, телеграф и железнодорожное сообщение были совершенно остановлены. Остановились все предприятия и государственные учреждения. Пролетариат стал энергично запасаться оружием. Не поддержанное населением, отрезанное забастовкой от всей Германии и встретившее энергичное сопротивление рабочего класса, правительство Каппа не могло удержаться и оказалось вынужденным сдать власть прежнему «законному» правительству. Вернувшись обратно в Берлин, республиканская власть, представлявшая собой коалицию буржуазных партий с социал-демократической и защищавшая буржуазно-демократический режим, не только не предприняла значительных репрессий против участников заговора, но и использовала армию, бывшую на стороне Каппа, для разоружения рабочих. (Стр. 78).

[98]) Рабочий класс, в начале XX века, под давлением армии безработных, увеличившейся вследствие промышленного застоя 1900—1903 годов, не мог добиться повышения заработной платы, которому буржуазия, стремившаяся завершить процесс первоначального накопления, оказывала упорное сопротивление.

При столкновении рабочего класса с буржуазией помещичье правительство становилось на сторону последней, подавляя стачки, запрещая легальные рабочие организации, громя нелегальные организации. Это породило и у пролетариата большое недовольство буржуазией и правительством.

Неудачная, потребовавшая от рабочего класса и крестьянства больших и физических и экономических жертв, русско-японская война довела это недовольство до крайних пределов.

После 9 января 1905 года, т.-е. расправы правительства с шедшими мирной демонстрацией петербургскими рабочими, пролетариат всей страны поднялся на борьбу с самодержавием. Политическая борьба рабочего класса нашла отклик в крестьянстве и в крестьянской, по своему преобладающему составу, армии. С весны этого года крестьяне стали рубить помещичий лес, распахивать поля, выпускать свой скот на помещичьи луга, захватывать и делить семенной хлеб, громить имения. Летом вспыхнуло восстание в Черноморском флоте (броненосец «Потемкин»).

Стараясь укрепить свое расшатанное революционным движением положение, правительство в августе 1905 г. об'явило о созыве законосовещательной думы (по имени автора проекта, министра внутренних дел Булыгина, она получила название «булыгинской»), от участия в которой отстранялся весь пролетариат и $^{9}/_{10}$ крестьянства.

Однако, эти правительственные реформы не остановили борьбы рабочего класса. Пролетариат поддержал политическими стачками крестьянские и солдатские восстания и еще более усилил наступление на правительство. В августе 1905 года по стране прокатилась волна забастовок против законосовещательной думы, а в октябре вспыхнула всеобщая политическая стачка с требованием созыва учредительного собрания.

Растерявшееся под напором политических забастовок правительство сначала фактически допустило полную свободу слова и печати, союзов и собраний («дни свободы»), а затем, оправившись от растерянности, начало наступление на пролетариат и крестьянство: ввело в стране военное положение, стало широко применять посылку в охваченные движением районы карательных экспедиций, военно-полевые суды и смертную казнь. В декабре 1905 года был арестован Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

В ноябре 1905 года пролетариат протестовал против карательных мероприятий правительства политической стачкой; в декабре, на арест Петербургского Совета, пролетариат откликнулся также забастовкой, которая в Москве перешла в вооруженное восстание. При помощи гвардейских частей, занимавших в армии привилегированное положение, правительству удалось подавить эту попытку рабочего класса уже в 1905 году открытым вооруженным восстанием захватить власть.

Попытка успокоить рабочий класс и крестьянство созывом в 1906 году законодательной думы не привела ни к каким результатам. И после созыва думы продолжались политические стачки рабочих, восстания крестьян и солдат. Эти разрозненные потоки революционного движения большевики старались слить в одно победоносное общенародное восстание.

Однако, крестьянство оказалось недостаточно активным и организованным. Это дало правительству возможность надолго раздавить революционное движение и 3 июня 1907 года сильно урезать избирательные права пролетариата и крестьянства (выборы в государственную думу — см. примечание № 64). (Стр. 80, 130).

[99]) На III Всероссийском Съезде Профессиональных Союзов (6—13 апреля 1920 г.) было представлено 4.227.000 организованных рабочих. К Пятой Конференции Профессиональных Союзов (2—7 ноября 1920 г.) число членов союзов достигло 6.840.000 человек. (Стр. 81).

[100]) К началу XX века мир оказался поделенным между крупнейшими капиталистическими странами. Англия (с собственной территорией в 314 тыс. *км*) овладела колониями с территорией в 29.310 тыс. *км*; Франция (536 тыс. *км*) овладела 11.320 тыс. *км*; Германия

(540 тыс. *км*) — 2.650 тыс. *км*; Италия (286 тыс. *км*) — 1.435 тыс. *км*; Бельгия (29 тыс. *км*) — 2.383 тыс. *км*; Голландия (34 тыс. *км*) — 1.957 тыс. *км*; Португалия (92 тыс. *км*) — 2.422 тыс. *км*; Северо-Американские Соединенные Штаты (7.839 тыс. *км*) — 1.845 тыс. *км*; Япония (382 тыс. *км*) — 480 тыс. *км*. Ряд других стран, промышленно отсталых (Балканские страны в Европе, Персия, Афганистан и Китай в Азии, Абиссиния, Марокко и Либерия в Африке, латинские республики в Центральной и Южной Америке), формально сохраняя свою независимость, стали районами борьбы капиталистических стран за хозяйственное и политическое влияние, при чем часто оказывались вынужденными подчиняться международным соглашениям, устанавливавшим на их территории отдельные сферы преимущественного влияния того или другого капиталистического государства (так, напр., Китай вынужден был согласиться на предоставление отдельным государствам определенных пунктов, обеспечивающих им промышленное влияние в прилегающих зонах, Персия допустила осуществление заключенных между Россией и Англией договоров о разграничении между ними сфер влияния и т. д.). Весь мир, таким образом, оказался подчиненным небольшой группе государств, каждое из которых стремилось овладеть наиболее выгодными территориями и постоянно выдвигало проекты перераспределения районов торгово-промышленного влияния, руководясь исключительно интересами собственного капитала. Это обстоятельство привело в 1914 г. к мировой империалистической войне (см. примечание № 24), в результате которой победившие страны произвели за счет побежденных новые захваты и новый дележ колоний. Англия получила следующие новые колонии: 1) отнятые от Германии — в Африке Танганайку, часть Камеруна и часть Того и в Австралии — остров Наура, группу островов Самоа и германскую часть Новой Гвинеи; 2) отторгнутые от Турции азиатские области: Месопотамию, Моссул, Палестину и Трансиорданию. Франция овладела остальными частями германских Камеруна и Того в Африке и бывшей турецкой областью Сирии; Бельгии достались германские колонии в Африке: Орланда и Урунда; Италия получила ряд мелких турецких островов в Средиземном море; Япония присоединила Маршальские острова в Тихом океане, принадлежавшие ранее Германии. Этот дележ вызвал новое соперничество между капиталистическими странами. Италия, получившая меньше всех, считала себя обделенной. Франция точно также осталась недовольной, так как при вступлении в войну ожидала гораздо большего увеличения своих колоний. В свою очередь Англия, овладевшая наибольшей частью германских колоний и наиболее ценными областями Турции, с неохотой допустила вступление Франции в Сирию, так как Сирия занимает важную позицию на пути в Индию. Северо-Американские Соединенные Штаты, не игравшие значительной роли в международной торговле до войны, в последнее время выступили на мировой рынок с массовым вывозом промышленных товаров. Стремясь подчинить побережья Тихого океана и овладеть огромным

китайским рынком, они защищают принцип открытых дверей, т.-е. свободной торговой конкуренции, что угрожает интересам Японии и Англии, установивших в отдельных частях Китая свои сферы влияния и фактически превративших эти части в свои колонии. Наконец, Германия, крайне нуждавшаяся в продаже своих товаров на мировом рынке, чтобы получить средства для платежей державам-победительницам, восстанавливает свое влияние на мировом рынке и ищет путей к получению дешевого сырья и рынков сбыта промышленных товаров. Таким образом, колониальный вопрос продолжает являться одним из характерных выражений противоречия между интересами капиталистических стран. Эти противоречия, обостряясь, грозят новыми международными конфликтами. Они осложняются вдобавок растущим под'емом национально-освободительной борьбы в колониях.

Пока капитал, проникший в колонии, ограничивался выкачиванием оттуда природных богатств, туземное население, распыленное на множество не связанных друг с другом племен, родов и каст, стоявшее на низком культурном уровне и не обладавшее средствами самостоятельной промышленной обработки этих богатств, не могло начать организованной борьбы с иноземной капиталистической эксплоатацией. Техническое превосходство вооружения капиталистических армий давало им возможность без особого труда подавлять массы колониального населения и держать их в покорности. Возможность неограниченной эксплоатации труда при ничтожных расходах на рабочую силу стала привлекать в колонии промышленный капитал.

Но организация промышленных предприятий в колониях породила ряд опасностей для капиталистических стран. Индустриализация колоний лишает их значения в качестве рынков сбыта. Развивая свою промышленность, колонии выступают со своими товарами на мировой рынок и обостряют конкуренцию. Появляющаяся в колониальных странах и растущая с под'емом промышленности буржуазия стремится к хозяйственной и политической самостоятельности. Так, напр., английские колонии — Канада, Австралия, Южная Африка и Египет, добившиеся автономии, т.-е. ограничения прав Англии на вмешательство во внутреннюю жизнь, добиваются и прав на вступление в международные сношения независимо от воли английского правительства. Наконец, появление в колониях крупных промышленных городов превращает их в центры массовых организаций рабочих, борющихся с капиталистической эксплоатацией. Пролетариат становится силой, преодолевающей племенную и кастовую рознь, и авангардом, направляющим все действительно национально-освободительные силы в русло систематической революционной борьбы. Борьба Китая с иностранным угнетением приняла массовые и революционные формы, главным образом, после забастовки рабочих на английских и японских текстильных предприятиях в г. Шанхае.

Вследствие этих причин капитализм взял курс на отказ от организации предприятий в колониях. Вкладывая средства в добывающую

промышленность, банки и торговые предприятия, капиталистические государства стремятся к сохранению за колониями роли сырьевых и продовольственных баз и рынков сбыта промышленных товаров. (Стр. 83, 231, 240, 254, 468, 487).

[101]) Китай, занимающий территорию в 8½ милл. кв. километров с населением около 450 милл., представляет собой земледельческую страну со слабым развитием крупной промышленности и железнодорожного транспорта. Благодаря этому капиталистические страны широко использовали его, как рынок сбыта промышленных товаров и место вложения капиталов. Пользуясь военной слабостью Китая, они в течение второй половины XIX века силой принудили Китай к заключению ряда неравноправных договоров, дающих иностранцам огромные преимущества: неподсудность иностранцев китайским судам, право содержать на взятых в концессию территориях иностранную полицию и армию, лишение китайских властей права назначать таможенные пошлины на иностранные товары без согласия на то иностранцев, устранение китайских властей из кварталов, заселенных иностранцами (так наз. сэттльментов) и т. п. Из-за влияния на Китай, как обширнейший рынок тихоокеанского побережья, особенно острую форму приняла борьба между Соединенными Штатами и Японией. Соединенные Штаты, не боящиеся благодаря более высокой организации своей промышленности конкуренции других государств, настаивали и настаивают на проведении принципа открытых дверей, т.-е. свободного доступа в Китай промышленных товаров какой-угодно страны, Япония же поддерживала и поддерживает принцип раздела Китая на зоны влияния с монопольным положением отдельных капиталистических стран в районе влияния каждой из них. Все это вызвало рост враждебных настроений по отношению к иностранцам.

В 1900 г. вспыхнуло огромное восстание китайского крестьянства, к которому присоединились и различные группы городской буржуазии, преимущественно мелкой. Это восстание, руководимое тайными обществами «Большого Кулака», «Кулака во имя справедливости» и т. п. и потому прозванное восстанием боксеров, было подавлено соединенной армией японских, русских, английских, американских и немецких войск. Подавив восстание, империалистические государства наложили на Китай контрибуцию и еще больше расширили привилегии для иностранцев. После боксерского восстания Китай уступил Англии Вей-Хай-Вей и Германии Циндао. Вспыхнувшая в Китае в 1911 г. буржуазная революция превратила Китай в республику, но не принесла Китаю национального освобождения. Республиканское правительство Юан Ши-кая, нуждаясь в средствах, попало в финансовую зависимость от иностранных банков. Значение центральной власти совершенно сошло на-нет. Не получая средств на содержание войск, отдельные начальники армии, взяв на себя заботу «кормления солдат», захватывали в свои руки власть над теми провинциями, в которых были расположены подчиненные им войска. Расчлененность Китая,

состоящего из различных провинций, управляемых военными губернаторами, не подчиняющимися никакой власти, позволила отдельным империалистическим странам, борющимся за господство над Китаем, разделить его на отдельные сферы влияния: Япония укрепилась в Манчжурии, Англия — в центре и отчасти на юге, интересуясь, главным образом, приморской полосой, Франция выговорила себе признание «специальных» интересов на юге, соприкасающемся с французскими колониями в Индо-Китае. Стремясь к расширению своих сфер влияния, империалисты действовали через генералов, управляющих той или другой провинцией, и поддерживали постоянную войну между ними за власть. Так, напр., Япония опиралась на Чжан Цзо-лина, командовавшего в Манчжурии, Англия — на У Пей-фу, командовавшего в Центральном Китае. Иностранный капитал эксплоатирует китайских рабочих в самой сильной степени. В промышленных предприятиях рабочий день продолжается от 12 до 15 часов, заработная плата колеблется от 20 до 40 коп. в день, в то время как прожиточный минимум равняется примерно 53 коп. в день. Дети работают на фабриках, начиная с 6 лет. Охрана труда отсутствует. Администрация применяет к рабочим самые жестокие меры воздействия, вплоть до телесных наказаний. Крестьянство, разоряемое междоусобными войнами генералов, пополняет ряды безработных, наводняющих города и соглашающихся на самые тяжелые условия труда.

В 1922 г. в г. Гонконге (порт, принадлежащий Англии) разразилась всеобщая стачка, охватившая до 200 тыс. рабочих. В 1925 г. вспыхнула всеобщая стачка в Шанхае (порт и промышленный город с преобладанием японской и английской текстильной промышленности), где против рабочих были пущены английские войска, расстреливавшие стачечников. В дальнейших выступлениях рабочие стали связывать экономические требования с борьбой против закрепощения Китая иностранным капиталом. Борьба за национальное освобождение Китая в этот период шла под руководством Гоминдана (партии, основанной доктором Сун Ят-сеном еще в 1911 г.), требовавшего национальной независимости Китая и широких демократических реформ, и велась против генералов, связавших свою судьбу с иностранным капиталом. Сторонники Сун Ят-сена, оказавшись у власти в Кантоне (южный Китай), создали крепкую революционную армию, которая в конце 1926 г. под командой генерала Чан Кай-ши перешла в наступление против генералов Чжан Цзо-лина (Манчжурская группа, опирающаяся на Японию) и У Пей-фу (Чжилийская группа, поддерживаемая Англией). В течение короткого времени эта армия одержала ряд блестящих побед (взятие Ханькоу, Шанхая, Нанкина и т. д.), открывших дорогу к Пекину — столице Китая. Иностранные армии, сохранявшие видимость невмешательства во внутренние китайские дела, при взятии Нанкина армией Гоминдана, открыли артиллерийский огонь по городу, произведя огромные разрушения. По мере продвижения революционной армии столица гоминдановцев переносилась: из Кантона в Ухан, а оттуда в Нанкин. По мере развития

событий все больше и больше вскрывались внутренние противоречия в Гоминдане. Гоминдан представлял собой партию, не однородную по классовому составу. Это было об'единение прогрессивной части капиталистов, интеллигенции, городской мелкой буржуазии, крестьянства и рабочего класса. В Гоминдан до апреля 1927 г. входила на правах автономной организации и китайская коммунистическая партия. В армии командные посты принадлежали буржуазии, враждебно относившейся к революционному движению пролетариата и крестьянства. Утвердившись в Нанкине, генерал Чан Кай-ши в апреле отрыто стал на сторону буржуазии, разоружил рабочие дружины в Шанхае и Нанкине, разгромил профессиональные союзы, расстрелял вождей рабочего движения, об'явил коммунистическую партию вне закона и созвал специальную право-гоминдановскую конференцию, где было решено сформировать новое «национальное» правительство — чисто буржуазное. Гоминдан раскололся. В Ухане оставалось прежнее правительство, составленное из левого крыла Гоминдана. Но и это правительство, будучи мелкобуржуазным по своей сущности, хотя и включившее сейчас же после переворота Чан Кай-ши в свой состав коммунистов Тан Пин-сяна в качестве министра земледелия, Сю Цзао-цзена в качестве министра труда, вскоре обнаружило свое контрреволюционное существо. Вместо борьбы с контрреволюцией оно стало на путь переговоров с нанкинским правительством и репрессий по отношению к народным массам. Напуганное аграрным движением крестьян, захватывавших помещичьи земли, Уханское правительство в июле 1927 г. проводило в районе своего влияния контрреволюционную политику нанкинского правительства, после чего вступило в соглашение с Нанкином. В Кантоне в декабре 1927 г. вспыхнуло восстание, подавленное войсками нанкинского правительства, при чем были расстреляны не только массы китайского населения, но и советские граждане, пользовавшиеся правами дипломатической неприкосновенности (в Кантоне был убит вице-консул СССР). В результате советские учреждения эвакуировались из Китая. После занятия в июне 1928 г. бывшей столицы Китая, Пекина, войсками Нанкинского правительства, Гоминдан заявил, что его основной задачей является совершенное уничтожение коммунизма. В связи с этим иностранные империалисты переменили отношение к нанкинской власти. 25 июля 1928 г. Северо-Американские Штаты заключили с Нанкинским правительством договор, признающий принцип таможенной автономии Китая. После этого Англия также вступила на путь переговоров с Нанкином. Китай же, в свою очередь, начал переговоры с военным командованием Манчжурии (генерал Чжан Цзо-лин в июне 1928 г. был убит взрывом мины, подложенной под поезд, на котором он от'езжал при отступлении из Пекина). Таким образом, Гоминдан из партии, возглавлявшей национально-освободительную борьбу китайских масс против империализма капиталистических стран, стал превращаться в соглашение соперничавших до того между собой провинциальных армий для защиты интересов капитала от рабоче-крестьянского

революционного движения. Потерпев временное поражение, китайское революционное движение, выливающееся в форму крестьянских восстаний (организации «Красных Пик», «Больших Ножей» и т. п.) и рабочих стачек, развивается теперь на платформе борьбы за власть Советов под руководством коммунистической партии. (Стр. 83, 111, 202, 217, 240, 271, 272, 357, 406, 415, 424, 425, 426, 427, 443, 450, 474, 488, 490, 491).

[102]) Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия на своем II С'езде в 1903 г. приняла программу, выработанную редакцией газеты «Искра», в состав которой входили Ленин, Плеханов и Мартов.

Борьба на этом с'езде велась между большинством и меньшинством (положившим начало фракциям большевиков и меньшевиков), велась по вопросам не программным, а организационным (кто считается членом партии). По мере развития революционного движения, разногласия росли, переходя из области организационной в область — сначала тактическую (отношение к либералам, восстанию, государственной думе), а затем и программную. Развернувшееся в 1905 году крестьянское движение вышло далеко за рамки аграрной программы, которая требовала возвращения крестьянам отрезков (т.-е. земель, оставшихся в распоряжении помещиков в момент освобождения крестьян и вклинивавшихся в крестьянские владения и тем закабалявших крестьян) и конфискации для наделения крестьян монастырского и церковного имущества, земель удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии. Поэтому в 1906 г. аграрный вопрос стал в центре внимания.

На Стокгольмском с'езде в апреле 1906 г. шла борьба двух проектов: ленинского (большевистского) — о национализации (национализация в форме конфискации земель крестьянскими революционными комитетами и решительной победой революции) и масловского (меньшевистского)—о муниципализации земли (т.-е. передачи земли земствам, почему этот проект был прозван «земствизацией», вместо «конфискации». Маслов употреблял термин «отчуждение», что означало, в действительности, выкуп; вместо крестьянских революционных комитетов выдвигались бессословные «демократические», где в случае неполной победы или поражения революции решающая роль могла принадлежать частному землевладению). Меньшевики, бывшие на с'езде в большинстве, победили, и партия приняла проект Маслова. Однако, большевики в своей работе руководились не Стокгольмским решением, а проектом Ленина. Все-таки, за вычетом аграрной части, единство программы сохранялось до революции 1917 г. К этому моменту большевики и меньшевики, прежде бывшие двумя фракциями одной партии, превратились в две совершенно самостоятельные партии. Большевики приняли на VIII С'езде партии (1919 г.) новую программу. Меньшевики же, стоявшие на той точке зрения, что происходящая революция является буржуазной, остались на позициях 1903 года. (Стр. 84).

[103]) *Филипп Шейдеман* — один из виднейших деятелей правого крыла германской социал-демократической партии. Родился в 1865 г. в рабочей семье. В молодости был типографским рабочим. 18 лет

вступил в соц.-демократическую партию. С 1903 г. член германского рейхстага (парламента). В 1912 г., когда социал-демократы получили второе по количеству депутатов место в рейхстаге, стал вице-председателем рейхстага. Во время войны Шейдеман проповедывал отказ рабочих от классовой борьбы и союз с буржуазией во имя военных побед Германии. В первые дни восстания, в ноябре 1918 г., Шейдеман склонялся к мысли составить правительство, не уничтожая монархии, но оказался вынужденным подчиниться народным массам, требовавшим республики. Вступив в социал-демократическое правительство, он вскоре стал председателем совета министров (рейхсканцлером). Возглавляемое им правительство в 1919 г. подавило революционное выступление рабочих, требовавших установления диктатуры пролетариата, и укрепило буржуазную республику. В 1919 г., потеряв доверие немецкого пролетариата, как явный сторонник буржуазии, вышел в отставку. С той поры Шейдеман не играет роли ни в партии, ни в государственной жизни. (Стр. 84).

[104]) В России анархисты не играли крупной роли в профессиональном движении. На I Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов они были представлены только 6 делегатами. Некоторое влияние они первое время имели в движении фабрично-заводских комитетов. Часть их совершенно отрицала профессиональное движение, считая эту форму организации рабочего класса устарелой. Другая часть проповедывала захват предприятий фабрично-заводскими комитетами и превращение профессиональных союзов в органы управления производством. До Октябрьской революции анархисты шли вместе с большевиками, поддерживая их революционную борьбу против правительства Керенского. После Октябрьской революции отдельные анархистские группы стали обвинять коммунистов в якобы «восстановлении государственного угнетения» и организовывать заговоры, восстания и террористические акты против советской власти. На Украине анархисты пользовались некоторым влиянием в штабе бандитско-кулацкой армии Махно, разбитой Красной армией в начале 1921 г. В РСФСР они создали «организацию анархистов подполья». Деятелями этой организации 25 сентября 1919 г. была брошена бомба в помещение, где происходило расширенное заседание Московского Комитета Коммунистической партии (12 участников заседания было убито, а 55 изранено); ими подготовлялся взрыв Кремля. После принятия Московской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией решительных мер, вплоть до расстрела главарей, организация анархистов распалась. По отношению к тем группам, которые ограничивались «легальной» оппозицией советской власти, резких репрессий не предпринималось. Часть их осталась до настоящего времени в СССР, образуя небольшие кружки, ведущие пропаганду анархистского миросозерцания. Часть же, сочувствовавшая боевым выступлениям, эмигрировала за границу, примкнула к Берлинскому Интернационалу анархо-синдикалистов и ведет борьбу против Коминтерна и Профинтерна. (Стр. 86).

[105]) Реформистское профессиональное движение построено на принципе «независимости профсоюзов от политических партий». В силу этого при выборах правлений больше внимания обращают на личные качества кандидата, а не на его политические взгляды. В связи с этим, на первый план выдвинулись не сторонники последовательной классовой борьбы, а беспринципные хранители касс и способные к дипломатическим переговорам представители. По выражению Вебба, «деловой работник оттеснил демагога». Эти «деловые работники» часто начинают смотреть на профессиональное движение как на средство личной карьеры. Особенно уродливые формы это явление приняло в Америке. Там председатели профсоюзов получают жалованье до 25.000 долларов в год, не считая больших сумм, получаемых по счетам расходов на представительство. Многие из них стали капиталистами. Чтобы удержать руководство союзами, они не останавливаются даже перед убийством. В городе Чикаго за последние 12 лет было убито до 25 человек, осмелившихся начать открытую борьбу против неограниченного господства в союзах людей, беззастенчиво спекулировавших стачечной борьбой и за взятки срывающих стачки. Во время выборов на союзные должности кандидаты тратят большие средства на подкуп избирателей. (Стр. 87, 95).

[106]) В начале 1920 г. французское правительство приняло чрезвычайные меры против стачечного движения железнодорожников и произвело ряд арестов. В апреле 1920 г. состоялся с'езд Федерации железнодорожников, высказавшийся за об'явление всеобщей забастовки. Комитет Федерации, находившийся в руках реформистов, под давлением масс, вынужден был подчиниться постановлению и назначил на 30 апреля забастовку всех железных дорог. Всеобщая Конфедерация Труда, признавая, что железнодорожники выступают на защиту профсоюзных прав, обещала им поддержку. Однако, когда в мае забастовка железных дорог стала принимать широкие размеры и к ней присоединился ряд других производств, Всеобщая Конфедерация Труда предложила всем входящим в ее состав союзам воздержаться от немедленных выступлений и ждать указаний Конфедерального Комитета. Созванный 15 мая пленум Конфедерального Комитета, основываясь на заявлении правительства о предстоящей реорганизации железных дорог, уклонился от об'явления всеобщей забастовки солидарности. Вследствие этого Комитет Федерации железнодорожников вынес постановление о прекращении железнодорожной забастовки. Правительство и железнодорожные кампании, воспользовавшись прекращением борьбы, произвели «чистку» служащих на железных дорогах, при чем было уволено свыше 22.000 человек. Это вызвало возмущение железнодорожников. Революционная часть их начала кампанию за созыв нового с'езда и за смену реформистских руководителей. К концу лета того же года был созван новый с'езд Федерации железнодорожников. На с'езде прежде всего был поставлен вопрос об ответственности за поражение забастовки. Реформисты, однако, едва собрали большинство — 155.000

голосов против 116.000 (голосование шло по союзам, при чем подсчитывалось число организованных рабочих, представленных на с'езде). Ободренные победой, реформисты внесли резолюцию с осуждением сторонников Коминтерна. При голосовании они собрали 294 голоса против 118 (в этом случае подсчитывались только голоса делегатов, участвовавших на с'езде). (Стр. 88).

[107]) Т. Зиновьев приветствовал V Всероссийскую Конференцию Профессиональных Союзов от имени Коммунистического Интернационала. В своей приветственной речи он охарактеризовал громадное влияние реформистов в западно-европейском профессиональном движении, которым они управляют через всесильный аппарат профсоюзных чиновников. Зиновьев указал, что российские профессиональные союзы играют роль рычага в деле создания международного об'единения профессиональных союзов, такого об'единения, которое будет проникнуто желанием бороться против буржуазии. (Стр. 91).

[108]) *Всероссийский союз работников печатного дела,* основанный на I Всероссийской конференции, созванной 1 апреля 1907 г. в г. Гельсингфорсе (Финляндия), в годы реакции был разгромлен царским правительством. Восстановлен он был лишь в декабре 1917 г. на II Всероссийской конференции. Союз, руководимый меньшевиками, занял резко враждебную позицию по отношению к советской власти. Избранный на II Конференции Центральный Совет открыто призывал рабочих к противосоветским стачкам. Эта линия поведения в обстановке начавшейся гражданской войны, террористических актов против вождей пролетариата (убийство Володарского и Урицкого, покушение на Ленина) и иностранной интервенции восстановила против него значительную часть рабочих печатников. 5 ноября 1918 г. в Ленинграде несколько сот рабочих явились в правление местного союза и опечатали кассу, дела и само помещение. В Москве на целом ряде предприятий рабочие стали требовать созыва Всероссийского с'езда и перевыборов. Сообщения о том же начали поступать из многих других городов. Центральный Совет отказывался выполнить эти требования. Тогда революционные печатники массами стали покидать союз и формировать красные союзы печатников, которые решили, не считаясь с Центральным Советом, созвать с'езд на 1 мая 1919 г. На с'езд революционных печатников с'ехались представители 36 союзов, об'единивших 55 тысяч организованных рабочих. С'езд вынес решения о солидарности с советской властью и об образовании Всероссийского союза рабочих полиграфических производств и избрал Центральный Комитет. ВЦСПС, считая ненормальным существование двух боровшихся между собой союзов печатного дела, взял на себя инициативу созыва чрезвычайного с'езда печатников, создав для этого организационное бюро из представителей ВЦСПС, Центрального Комитета союза полиграфических производств и Центрального Совета союзов рабочих печатного дела. С'езд состоялся 15 июля 1919 г. С этого момента начинается существование единого Всероссийского союза рабочих полиграфического производства. (Стр. 93).

[109]) Речь идет, очевидно, о *Пестанья*, делегированном Испанской Конфедерацией Труда в Советскую Россию. Участвуя, как на совещании, положившем основание Международному Совету Профессиональных Союзов, так и на II Конгрессе Коминтерна, Пестанья упорно отстаивал принципы анархо-синдикализма и отрицал необходимость диктатуры пролетариата. (Стр. 94).

[110]) Были случаи, когда приезжавшие в составе делегаций реформисты здесь восхваляли достижения советской власти и нашего профдвижения, а по возвращении в свою страну принимали участие в борьбе с коммунистами. Выдвигая лозунг «независимость профсоюзов от партийной диктатуры», они добивались исключения коммунистов из профессиональных союзов. Характерны в этом отношении Д'Аррагона (представитель Итальянской Конфедерации Труда — реформист) и Пестанья (представитель Испанской Конфедерации — анархо-синдикалист).

Поставив свои подписи под декларацией основанного в 1920 году в Москве Международного Совета Профессиональных Союзов (в декларации, между прочим, содержится мысль об организации пролетарских масс для борьбы за всемирную республику Советов), они потом повели кампанию совершенно противоположную принципам декларации и присоединились к Интернационалам, ведущим борьбу против Профинтерна: Д'Аррагона — к Амстердамскому (реформистскому), Пестанья — к Берлинскому (анархо-синдикалистскому). (Стр. 94).

[111]) В жизни и деятельности профессиональных союзов коммунистическая партия играла и продолжает играть громадную роль. Большевики создавали первые профессиональные союзы во время революции 1905 — 1907 гг. После разгрома, которому союзы подвергались во время реакции 1908 — 1911 годов, партия восстанавливала их на протяжении 1912 — 1914 годов. Она организовывала новые союзы в дни февральской революции 1917 года и воссоздавала те, которые были закрыты правительством с начала войны, т.-е. в 1914 году. Наконец, силами партии уже после Октябрьского переворота было произведено об'единение и размежевание профессиональных организаций.

Коммунистическая партия неотделимо связала наше профессиональное движение с борьбой рабочего класса за социализм. Все время, начиная с первой революции, она упорно и последовательно расширяла задачи профессионального движения за узкие рамки борьбы вокруг вопросов рабочего дня и заработной платы. Все время она обращала внимание профессиональных союзов на общие классовые цели пролетариата. До февральской революции 1917 г. партия вовлекала союзы в борьбу за свержение самодержавия, после февральской революции втянула их в борьбу за власть Советов, после Октябрьской революции — в социалистическое строительство.

На протяжении двадцати с лишком лет существования профессиональных союзов партия непрерывно руководила их жизнью и деятельностью. За это время она завоевала себе безраздельное влияние в массе

рядовых членов, выделяла из своей среды вождей и активных работников профессионального движения.

Через профессиональные союзы партия не раз в течение Октябрьской революции проверяла сочувствие к себе со стороны широкой рабочей массы.

И организованная в профсоюзы масса рабочего класса одобряла все основные шаги партии: и захват власти в октябре 1917 года, и гражданскую войну 1918—1920 годов с сопровождавшим ее военным коммунизмом, и, наконец, новую экономическую политику со всеми мерами, направленными к восстановлению народного хозяйства.

В самые тяжелые и решительные моменты революции коммунистическая партия не раз призывала организованных в союзы рабочих на активную поддержку советской власти. В 1918—1920 годах профессиональные организации путем создания продотрядов поддержали продовольственную политику советского правительства. Мобилизациями в Красную армию они поддержали государство в его борьбе с иностранной буржуазией и русскими белогвардейцами. Во время голода 1921 года союзы оказали советской власти поддержку в форме организации помощи голодающим.

Партия осуществляет свое руководство профессиональными союзами через фракции. Наиболее отчетливое определение взаимоотношений между партией и союзами дал X С'езд РКП (созванный 8—16 марта 1921 г. и положивший конец вызванной Троцким внутрипартийной дискуссии о роли и задачах профессиональных союзов). В разделе 7 резолюции по этому вопросу указано: «РКП в лице ее центральных и местных организаций безусловно направляет попрежнему всю идейную сторону работы профсоюзов. Коммунистические фракции профсоюзов целиком подчиняются партийным организациям, согласно особому положению, формулирующему эти взаимоотношения, утвержденному X С'ездом РКП. Но вместе с тем X С'езд РКП настойчиво и категорически предостерегает все партийные организации против какой бы то ни было мелочной опеки и чрезмерного вмешательства в текущую работу профсоюзов. Подбор руководящего персонала профессионального движения, разумеется, должен протекать при направляющем контроле партии. Но партийные организации должны особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самими организованными массами». В 4-м разделе той же резолюции дано такое указание: «Признание и авторитет в профессиональном движении коммунист должен завоевывать только и исключительно длительной и неустанной повседневной работой внутри профессионального союза — так, чтобы сами массы выдвинули его на руководящий пост. Задача полумиллиона членов нашей партии, которые в данное время являются членами профессиональных союзов, заключается в том, чтобы долгой, терпеливой и настойчивой воспитательной

работой, личным примером, организаторскими способностями, хозяйственной умелостью, заботой о материальных и духовных интересах трудящихся масс полностью завоевать на сторону нашей партии те миллионы беспартийных рабочих, которые в данное время преобладают в профессиональном движении».

Это решение X С'езда РКП (б) о взаимоотношениях партии и союзов было подтверждено и уточнено XI и XIV С'ездами партии (1922 и 1925 гг.). Профессиональные союзы и сейчас поддерживают и проводят все основные мероприятия, проводимые партией через органы советской власти. (Союзы приняли активнейшее участие в деле проведения таких мероприятий, как поднятие производительности труда, снижение цен, режим экономии, рационализация промышленности и государственного аппарата, индустриализация страны, борьба с бюрократизмом, повышение обороноспособности СССР). (Стр. 95, 106).

[112]) В прямом смысле этого слова «желтыми союзами» называются организации профессионального характера, отрицающие классовую борьбу, подрывающие стачечное движение, заключающие соглашения с предпринимателями для борьбы с социалистическим движением и субсидируемые предпринимателями. Такого рода организация впервые была организована во Франции в 1899 году во время стачки на предприятиях Крезо (огромная фирма металлообрабатывающей промышленности). 250 рабочих, исключенных из профессиональных союзов за штрейкбрехерство, образовали свой собственный союз. Примеру их последовали штрейкбрехеры в других промышленных районах Франции. В отличие от союзов, стоявших на почве классовой борьбы, называвшихся «красными» (по цвету социалистических знамен), новообразовавшиеся союзы были названы «желтыми». Относительно этого названия есть два об'яснения. Одно выводит происхождение названия «желтый» от первого профсоюзного знамени, которое у новообразовавшегося на предприятиях Крезо союза было желтым в отличие от социалистического красного знамени. По другому об'яснению, рабочие, возмущенные деятельностью одной штрейкбрехерской организации на севере Франции, выбили стекла в доме, где происходило собрание этой организации. Находившиеся в помещении заклеили рамы случайно имевшейся желтой бумагой. В 1904 году состоялся их первый конгресс, образовавший «Национальную Федерацию Желтых». На этом конгрессе была принята резолюция против «всех принципов и всех форм социализма, потому что социализм ограничивает и даже уничтожает человеческую свободу, делая невозможным приобретение частной собственности». Федерация стала выпускать свой еженедельный орган «Желтый» («Ле Жон»), в одном из номеров которого было сделано программное заявление, что «безобразному союзу рабочих и политиканов желтые противопоставляют союз рабочих и предпринимателей». С той поры в рабочих массах всех стран кличка «желтый» прилагается ко всякому об'единению, стоящему на точке зрения мира и сотрудничества с буржуазией. (Стр. 101).

113) Крестовыми походами в средние века (XI — XIII в.) назывались походы европейских государств на Восток в целях завоевания Сирии и Палестины, находившихся в руках мусульман. Европейский торговый капитал стремился овладеть этими странами, как единственными в ту эпоху торговыми путями в Индию, Персию и Китай. Для того, чтобы создать сильное ополчение, опирающееся на сочувствие народных масс, этим походам придавалась религиозная окраска — освобождение Иерусалима и «гроба господня» от «неверных». В этих походах принимала участие и католическая церковь с римским папой во главе. Поэтому походы получили название крестовых.

«Крестовый» поход против коммунистов выразился в том, что в 1921 г. реформисты — работники профессиональных союзов, — выдвинув формулу, гласившую, что «коммунист — самый опасный противник», начали исключать из организаций сначала отдельных революционных работников, а затем и целые местные группы.

Такая тактика была в конце-концов узаконена резолюциями профсоюзных с'ездов. Состоявшийся в 1924 г. с'езд бельгийских профессиональных союзов принял резолюцию, известную под названием «формулы Мертенса» (по имени автора, внесшего ее), воспрещающую коммунистам занимать ответственные посты в профессиональных организациях. (Стр. 104).

114) Говоря о предстоящей конференции красных профсоюзов, М. П. Томский имел в виду подготовлявшийся тогда Учредительный Конгресс Профинтерна, состоявшийся в Москве 3 — 10 июля 1921 г. (Стр. 106).

115) Коминтерн и Профинтерн построены по разным организационным принципам. В Коминтерн входят все коммунистические партии, принимающие его программу и устав. По данным на 1 августа 1927 г. под руководством Профинтерна находились:

1) общепрофессиональные центры, охватывающие все профессиональное движение данной страны (СССР, Эстония, Литва, Китай, Индонезия, Корея, Монголия, Персия, Чили, Колумбия);

2) общепрофессиональные центры, существующие параллельно с реформистскими центрами (Франция, Чехо-Словакия, Югославия, Перу, Уругвай, Ява) и имеющие большое значение в рабочем движении этих стран;

3) общепрофессиональные центры, играющие по сравнению с реформистскими центрами данной страны небольшую роль (Голландия, Бельгия, Германия, Ирландия, Канада);

4) общепрофессиональные центры, стоящие на платформе Профинтерна, но организационно из-за белого террора в него не входящие (Болгария, Финляндия, Румыния, Италия, Латвия, Турция, Югославия, Египет, Япония);

5) неоформленные организационно революционные меньшинства внутри реформистских союзов, руководимые коммунистическими партиями (Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Испания,

Португалия, Франция, Чехо-Словакия, Польша, Швеция, Швейцария, Бразилия, Канада, Куба, Люксембург, Палестина, Перу, Уругвай, Южная Африка);

6) организованные меньшинства внутри реформистских и анархо-синдикалистских об'единений профессиональных союзов («Национальное движение меньшинства» в Англии, «Лига профсоюзной пропаганды» — в Америке, «Комитет революционных профессионалистов» — в Испании). (Стр. 106).

[116]) *Боши* — слово неизвестного происхождения и не имеющее определенного значения. Во время империалистической войны получило распространение во Франции, а отсюда и по другим странам в качестве бранного названия немцев (в роде слова «жид» по отношению к еврею). Несмотря на словесный интернационализм французской и английской социалистической и профессиональной прессы, это слово появлялось довольно часто и на ее страницах. (Стр. 107).

[117]) *Новая экономическая политика.* В борьбе с контрреволюционными армиями, тесным кольцом окружившими Советскую Россию в 1918 году, все силы были брошены на фронт. Для того, чтобы снабдить продовольствием Красную армию и города, правительство вынуждено было производить реквизицию хлебных излишков у крестьянства (продразверстка) и запретить свободную торговлю.

Промышленность, вследствие ухода рабочих с предприятий на фронт и в деревню за продовольствием, вступила в полосу развала.

Производительность труда на функционировавших предприятиях резко пала, прогулы доходили до 40% всего рабочего времени. Больших размеров достигло начавшееся еще в годы империалистической войны разрушение транспорта и сельского хозяйства.

Состояние промышленности и транспорта лишило советское государство возможности сколько-нибудь удовлетворительно снабжать крестьянство взамен получаемого от него хлеба продуктами промышленности. У крестьянства ослабел экономический интерес к расширению своего хозяйства. А это повлекло за собою сокращение посевной площади и уменьшение валового сбора хлебов.

Каких размеров достигла хозяйственная разруха, видно из следующей таблицы (см. табл., стр. 600) *).

Политика так называемого «военного коммунизма» обеспечила победу над врагом, но после окончания гражданской войны и ликвидации остатков белогвардейских армий, во весь рост встал вопрос о новых методах и путях хозяйственного строительства. Крестьянство мирилось с продразверсткой, поскольку оно видело, что иным путем нельзя было организовать продовольствие Красной армии, которая защищала от нападения бывших помещиков теперь перешедшую в пользование крестьян землю. С окончанием же гражданской войны

*) Цифры взяты из сборника «Десять лет борьбы и строительства», изд. «Московский Рабочий», 1927 г.

ГОДЫ	Посевная площадь в миллионах десятин	Валовой сбор хлебов в миллиардах пудов	Число рабочих крупной промышленности в тысячах	Валовая продукция промышл. в мил. руб. по довоен. ценам	% больных паровозов
1917	86	4	3.024	4.344	—
1918	84	3,5	2.486	1.941	48
1919	82	3,5	2.035	1.447	55
1920	81	3,5	1.585	1.000	60
1921	77	2,3	1.481	1.161	—

продразверстка потеряла для крестьян смысл, и они стали все чаще проявлять недовольство. Возникла необходимость пересмотреть экономическую политику. Переходу на новые рельсы в известной мере содействовало кронштадтское восстание, указывавшее на возможность политического разрыва между городом и деревней. Оно показало, что нужно как можно скорее воссоздать хозяйственную связь между промышленностью и сельским хозяйством и тем самым укрепить союз рабочего класса с крестьянством.

Первыми шагами новой экономической политики была замена хлебной разверстки продовольственным налогом (декрет 21 марта 1921 г.) и замена обязательной государственной хлебной монополии свободной продажей сельскохозяйственных продуктов, т.-е. допущение товарного оборота.

В результате восстановления «вольного» рынка и товарных отношений, появления частного капитала в торговле и перехода государственной промышленности на хозяйственный расчет стали быстро крепнуть и развиваться все отрасли хозяйства (см. табл., стр. 601).

В марте 1924 года была проведена финансовая реформа, которая установила твердую денежную систему, необходимую для нормального товарооборота.

В промышленности новая экономическая политика раньше всего сказалась на легкой индустрии, которая в начале нэпа в общей сумме промышленной продукции составляла 25,4%. В 1926—27 году она составляет уже только 15,5%, в то время как крупная промышленность растет быстрее.

Начиная с 1924—25 года отрасли промышленности, производящие средства производства, развиваются более быстрым темпом, чем отрасли, производящие средства потребления. За 1926—27 год тяжелая индустрия дает прирост в 23,2% в то время как легкая дает лишь 17,2%.

ГОДЫ	Посевная площадь в миллионах десятин	Число рабочих крупной промышленности в тысячах *)	Валовая продукция промышленности в миллионах рублей по довоенным ценам
1922	59	1.243	1.526
1923	70	1.446	2.055
1924	76	1.617	2.627
1925	97	1.894	4.058
1926	103	2.422	5.797
1927	106	2.579	6.640

Восстановительный период нэпа в 1926 году сменился реконструктивным.

Советское правительство проводит индустриализацию страны, т.-е. перестраивает промышленность на новой, более высокой, технической базе.

Для того, чтобы уберечь находящийся в капиталистическом окружении СССР от опасности превращения его в земледельческий придаток промышленного капиталистического хозяйства стран Запада, советское правительство проводит целый ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы из страны, ввозящей машины и оборудование, СССР превратился в страну, производящую все это у себя. Оно поднимает технический уровень нашей промышленности путем введения в производство различных технических усовершенствований и перестраивает сельское хозяйство путем широкого применения в нем машин (тракторов, молотилок, жнеек и т. п.) и электрической энергии.

Все эти мероприятия, носящие общее название индустриализации страны, являются важнейшим условием полной победы в нашей стране социализма.

Какие достижения имеются в этой области, видно из следующей таблицы (см. табл., стр. 602) **).

*) Цифры взяты из сборника «Десять лет борьбы и строительства» изд. «Московский Рабочий», 1927 г., и книги В. Сарабьянова «Экономика и экономическая политика СССР». Гиз. 1928 г.

**) Цифры взяты из сборника «Основные вопросы экономики СССР в таблицах и диаграммах», изд. Коммунистической Академии, 1928 г.

ГОДЫ	Валовая продукция промышленности (в процентах)	
	государственной и кооперативной	частной и концессионной
1924 — 1925	89,2	10,8
1925 — 1926	90,3	9,7
1926 — 1927	91,7	8,3

При новой экономической политике советское государство, сохранив в своих руках большую часть промышленности, транспорт, банки и монополию внешней торговли, постепенно овладевает всем рынком. Таким путем оно совершенно вытесняет частную промышленность и торговлю и осуществляет полный переход к социализму. (Подробнее см. Н. Ленин «Статьи и речи о продналоге», т. XVIII, ч. I, стр. 187—235).

Несмотря на применение принципа хозяйственного расчета, наши государственные предприятия продолжают оставаться предприятиями последовательно-социалистического типа в том смысле, что они имеют целый ряд все развивающихся элементов социализма.

Основным элементом социализма в нашем хозяйстве является уже самый факт государственной собственности на фабрики и заводы, так как советское государство выражает и представляет интересы пролетариата и вообще широких трудящихся масс, составляющих большинство современного общества. Но социалистические черты нашего хозяйства не ограничиваются только формой собственности на орудия и средства производства. Они проявляются еще и в следующем.

Руководители предприятий в форме борьбы за качество продукции и за снижение продажных цен стремятся полнее и лучше обслужить потребителя. В народном хозяйстве широко применяется плановое начало в виде систематического и сознательного согласования и разграничения через государственные органы деятельности трестов и синдикатов. Зарплата устанавливается на основе учета, с одной стороны, потребностей рабочего, а, с другой — материальных возможностей государства, а не под влиянием временного положения на рынке труда, избытка или недостатка рабочих тех или других специальностей.

Широко развита система мероприятий по охране труда и здоровья рабочих, при которой о сохранении способности рабочего к труду заботится государство. Наконец, государство вводит технические усовершенствования, считаясь при этом не столько с их коммерческой выгодностью или невыгодностью, сколько с их способностью облегчить труд рабочего, увеличить количество вырабатываемого продукта и повысить его качество. (Стр. 109, 172, 173, 188).

[118]) Новый курс в профессиональном движении впервые был сформулирован состоявшимся 28 декабря 1921 г. Пленумом ЦК РКП (б). Там были заслушаны доклады тт. *Рудзутака, Андреева, Шляпникова.* После обмена мнений было постановлено сдать первоначальный набросок тезисов тт. *Рудзутака* и *Андреева* в комиссию из этих двух товарищей с добавлением тов. *Ленина.* Выработанный этой комиссией проект постановления, автором которого был тов. Ленин, всецело поддержанный бюро фракции ВЦСПС, был утвержден единогласно Политбюро ЦК РКП (б).

Учитывая, что «новая экономическая политика вносит ряд существенных изменений в положение пролетарита, а следовательно, и профсоюзов», Политбюро признало, что «...одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом», что, в свою очередь, должно привести к соответственным перестройке, видоизменению и дополнению аппарата профессиональных союзов.

Констатируя, что новая экономическая политика, связанная «...с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами...», постановление возложило на профессиональные союзы «...обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата».

В постановлении говорилось, что «...при пролетарском государстве переходного типа, — каково наше, — конечной целью выступления рабочего класса может быть лишь укрепление пролетарского государства и пролетарской классовой госвласти путем борьбы с бюрократическими извращениями этого государства, его ошибками и слабостями, с вырывающимися из-под его контроля классовыми аппетитами капиталистов и т. п.» и отсюда был сделан вывод, что «...задачей профсоюзов является содействовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса». Основным средством улаживания этих конфликтов было признано «посредническое участие профсоюзов» путем переговоров с соответствующими хозяйственными органами или путем обращения союзов к «высшим государственным инстанциям», при чем союзы должны стремиться «к удовлетворению законных и осуществимых требований масс». Постановление ЦК особо подчеркивало, что одним из мерил правильной работы союзов является успешное предупреждение

массовых конфликтов на государственных предприятиях путем такой политики, которая ограждала бы интересы рабочей массы.

В этом постановлении ЦК была впервые высказана мысль о добровольном членстве в профессиональных союзах. Роль союзов в организации народного хозяйства постановлением была определена как участие в составлении всех хозяйственных и государственных органов, «связанных с экономикой», путем предложения своих кандидатов, при чем окончательное решение вопроса должно принадлежать исключительно хозорганам. Постановление указывало на важность подготовки и выдвижения администраторов из рабочих и трудящихся масс, участия во всех плановых органах пролетарского государства, в выработке хозяйственных планов, программ производства и расходования фондов материального снабжения рабочих, в отборе предприятий, оставляемых на государственном снабжении и сдаваемых в аренду или концессии. Было признано, что важнейшей составной частью работы союзов «в деле строительства социализма и участия их в управлении промышленностью» является выработка тарифов и норм снабжения. Все эти задачи, по мнению ЦК, могли быть успешно решены путем постоянной непосредственной и живой связи союзов с массами, правильных взаимоотношений со специалистами, и при наличии идейной борьбы с мелкобуржуазными влияниями, еще сохранившимися в среде профессиональных союзов.

Постановление ЦК РКП (б) от 28 декабря 1921 г. указало на наличность некоторых противоречий между различными задачами союзов при диктатуре пролетариата.

С одной стороны, — говорилось в постановлении, — их (союзов) главный метод действия — убеждение, воспитание, с другой — они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача — защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова; с другой — они не могут отказаться от нажима, как участники госвласти и строители всего нархозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов; с другой — именно к профсоюзам всего менее применимы специфически-военные методы работы. С одной стороны, они должны уметь приспособиться к массе, к ее данному уровню; с другой — они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д. и т. п.

Отсюда были сделаны два практических вывода. Первый: для успешной работы профсоюзов недостаточно «правильного понимания их задач, недостаточно правильного строения их; необходим еще особый такт, умение подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае, достигая с минимумом трений под'ема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом». Второй: «указанные противоречия неизбежно будут порождать

конфликты, несогласованность, трения и т. п. Необходима высшая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешить их немедленно. Такой инстанцией является компартия и международное об'единение компартий всех стран — Коминтерн».

Это постановление ЦК было напечатано 17 января 1922 года в «Правде», а затем почти без изменений принято состоявшимся весной 1922 года XI С'ездом партии.

Постановление ЦК РКП(б) было детализировано решениями состоявшегося 16—19 февраля 1922 года Пленума ВЦСПС. Пленум ВЦСПС признал «необходимость для профсоюзов изменить направление своей деятельности соответственно значительно изменившимся экономическим условиям». Он постановил, что «одной из главных задач союзов является отныне всесторонняя и всемерная защита экономических интересов пролетариата в его борьбе с капиталом»... «По отношению к государственным предприятиям на профсоюзы ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата».

В области тарифно-экономической Пленум высказался за отказ союзов «не только от непосредственного вмешательства в ход производства, но и от принципа равной стороны в деле назначения заводоуправлений и прочих органов управления промышленностью», и признал, что «самым правильным путем нашей тарифной политики является переход к системе коллективных договоров»... «Задачей союзов в области конфликтов является содействие наиболее быстрому и безболезненному улаживанию конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для рабочего государства и его хозяйства в целом»... «В настоящих условиях стачка является не только опасным, но и вредным оружием в экономической борьбе и поэтому непригодна для разрешения экономических конфликтов».

На этом Пленуме было установлено, что «соответственно с изменением задач меняется общая политика профессиональных союзов в области организационного вопроса в сторону предоставления большей самостоятельности, инициативы и самодеятельности отдельным профессиональным организациям сверху донизу», что линия «на постепенное превращение профессиональных союзов и их всероссийских об'единений в секции при межсоюзных об'единениях...» «...безусловно принципиально правильная в перспективе того развития и того пути, по которому до сих пор шли профессиональные союзы, является безусловно непригодной к тем конкретным задачам, которые в данный момент стоят перед союзами». Было решено, что «при существующем положении, когда от союзов отпадает целый ряд функций государственной власти, профсоюзы должны от политики существования,

главным образом, на счет государства перейти к новой союзной финансовой политике — к существованию исключительно на членские взносы», что «основным лозунгом... должен быть лозунг «ближе к массам», который надлежит практически осуществить путем целого ряда изменений как самого аппарата союзов, так и системы взаимоотношений и приемов работы» и что «следует неуклонно стремиться к восстановлению в полной чистоте порядка добровольного членства».

«В связи с стремлением со стороны предпринимательских элементов перенести в среду пролетариата самое низкосортное, бульварное искусство и мещанские развлечения»... «одной из важнейших задач союзов следует признать обслуживание духовных потребностей своих членов путем развития и оживления культурно-просветительной деятельности».

Решения этого Пленума имеют большое историческое значение потому, что он впервые, после перехода к нэпу, формулировал задачи нового курса в профдвижении. (Стр. 109).

[119]) Война Турции с Грецией явилась следствием национального движения Турции против положения, навязанного ей державами-победительницами в империалистической войне, когда войска Антанты заняли почти всю территорию, а воевавшая на стороне Антанты Греция захватила город Смирну с малоазиатским побережьем Средиземного моря и стала наступать вглубь Анатолии в целях полного уничтожения военных сил Турции. Неожиданно для всех Турция проявила огромное упорство в борьбе за сохранение своей национальной независимости. В начале 1919 года в Эрзеруме и др. областях начали вспыхивать крестьянские восстания. Восставшее крестьянство об'единилось с окрепшей во время войны за счет военных заказов и поставок национальной буржуазией и интеллигенцией, давшей офицерские кадры для армии. В результате создалось широкое национальное освободительное движение, поддержанное пролетариатом. Пример Советской России, одержавшей успехи в борьбе с международным вмешательством, оказал громадное влияние на развитие движения. Это движение нашло своего руководителя в лице талантливого генерала Кемаля-паши, с молодости принимавшего участие в так называемом младотурецком движении (младотурки ставили своей задачей обновление Турции путем упразднения неограниченной власти феодальной знати, группировавшейся вокруг султанского двора). Сосредоточив в своих руках командование всеми вооруженными силами повстанцев, Кемаль-паша в апреле 1920 г. в г. Ангоре (в Анатолии) созвал Великое Национальное Собрание Турции, которое заявило, что оно является единым правомочным вершителем судеб турецкой нации. 7 июня 1920 года оно опубликовало закон о недействительности всех договоров, заключенных султаном после оккупации Константинополя войсками Антанты. С этого момента революционное движение приняло форму войны. Соперничество между державами Антанты облегчало решение задачи, поставленной движением. Италия и Франция отказались вести войну

с Турцией. Англия же продолжала войну, использовав для этого Грецию. Державшаяся в начале оборонительной политики, турецкая армия, реформированная Кемалем-пашей, в 1922 г. перешла в наступление. В октябре 1922 года турки разбили под Смирной греческую армию, взяв в плен главнокомандующего со всем штабом. Разбитая Греция больше не смогла продолжать войну. 21 ноября 1922 г. на конференции в Мудании было подписано перемирие Грецией и державами Антанты, с одной стороны, и Турцией — с другой. На Лозаннской конференции (см. примечание 141) тех же держав 24 июля 1923 года был подписан мирный договор, на основании которого Турции были возвращены Восточная Фракия с Адрианополем и признаны турецкие права на всю Анатолию и на Турецкую Армению. (Стр. 110, 123).

[120]) *Сити* — центральная часть Лондона, в которой сосредоточены крупнейшие английские фирмы и банки. (Стр. 110).

[121]) В конце августа 1922 года в связи с очередным платежом «возмещений» (см. прим. № 24) германское правительство заявило о необходимости предоставления ему моратория, т.-е. отсрочки. Под влиянием отказа Германии платить французское правительство стало угрожать, как оно делало уже в 1921 году, занятием Рурского каменно-угольного бассейна. Особенной остроты положение достигло к началу сентября. Репарационная комиссия отказала Германии в моратории (отсрочке), но дала ей право платить не наличными, а шестимесячными обязательствами государственного казначейства, уплата по которым была бы гарантирована вкладом золотого залога в один из европейских банков.

В это время в Германии у власти было коалиционное (буржуазно-социалистическое) правительство Вирта. Оно сформировалось в мае 1922 г. после падения кабинета Ференбаха, который под давлением правых партий не мог принять никакого определенного решения в ответ на ультиматум относительно размеров и сроков репарационных платежей (возмещений военных расходов), пред'явленный Германии конференцией союзников, состоявшейся в апреле 1922 г. в Лондоне. Кабинет Вирта, хотя и составился на платформе принятия Лондонского ультиматума и получил название «кабинета выполнения», оказался не в силах удовлетворить требования репарационной комиссии. Вирт заявил бельгийским делегатам, что правительство ни в коем случае не согласится на выдачу значительных сумм из скудного золотого запаса государственного банка в виде залога, обеспечивающего выполнение поставок угля и леса.

Тогда французское правительство приступило к осуществлению своей угрозы, начав 10 января 1923 года оккупацию богатой каменным углем Рурской области. Оккупация Рура выдвинула угрозу новой мировой войны (недовольство Англии усилением Франции).

Амстердамский Интернационал Профессиональных Союзов ограничился призывом рабочих организаций к моральной поддержке рурских рабочих, выражением порицания французским империалистам и предложением передать этот вопрос на разрешение Лиги Наций.

ВЦСПС в согласии с Коминтерном и Профинтерном высказался за необходимость активной революционной борьбы пролетариата с этой авантюрой, выслав рурским рабочим 100.000 рублей золотом, и 26 января 1923 года обратился к рабочим всех стран с воззванием, основная мысль которого заключалась в следующем: «Спасение рурского и всего немецкого пролетариата только в активности международного пролетариата, в действительных революционных выступлениях, в отказе от коалиции с буржуазией, т.-е. в той программе, которую проводят российские профессиональные союзы..., Коминтерн и Профинтерн».

Оккупация Рурского бассейна французами нанесла тяжелый удар германской промышленности и привела к стремительному падению германской валюты в силу огромных расходов Германии на поддержку сопротивления предпринимателей. В то же время французское правительство не только ничего не выиграло, вследствие сопротивления со стороны предпринимателей и рабочих всем мероприятиям оккупационных властей, но и понесло огромные потери в виде расходов по оккупации и в связи с попытками пустить в ход промышленные предприятия Рура. Обе стороны решили принять компромисс в виде плана Дауэса, которым вся тяжесть платежей по Версальскому договору перекладывалась на рабочий класс (см. примечание № 193). (Стр. 111, 123, 125, 126, 134, 143, 151, 165, 194).

[122]) В своем стремлении (в конце XIX в. и в начале XX в.) захватить прилегающую к Тихому океану восточную часть Азии японский империализм столкнулся с империализмом царской России. Поддерживаемая Францией, Россия получила в результате усмирения боксерского восстания (см. примечание № 100) Ляодунский полуостров, построила города Порт-Артур и Дальний, провела в Манчжурии Восточно-Китайскую железную дорогу и проявила стремления к захвату Кореи. В результате этой политики в 1904 году возникла русско-японская война, закончившаяся Портсмутским договором, согласно которому к Японии отошли Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, южная половина Сахалина и признаны особые права Японии в Корее. В 1910 году Япония превратила Корею в свою колонию. В 1914 г., благодаря войне с Германией, Япония захватила находившуюся в немецком владении область Цзяо-Чжоу с портом Циндао. Воспользовавшись гражданской войной, вспыхнувшей на территории Сибири после Октябрьской революции в России, Япония ввела свою армию в Сибирь, имея в виду произвести захват Дальне-Восточной области. Но открытого присоединения этой области к своим владениям Япония произвести не смогла, так как Соединенные Штаты Северной Америки, борясь за преобладание на Тихом океане, категорически возражали против такого расширения японского влияния по азиатскому побережью. В свою очередь, Советская Россия, разбив Колчака и подойдя вплотную к территории, оккупированной японцами, не желала вступать в конфликт с Японией. Поэтому как РСФСР, так и Япония согласились на образование буферного государства — Дальне-Восточной Республики.

Япония рассчитывала, что ей удастся подчинить эту республику без средств и промышленности своему влиянию и превратить ее в ширму своего господства. В 1921 году между Японией и ДВР были начаты переговоры, при чем Япония пред'явила ряд требований, сводившихся к тому, чтобы ДВР предоставила ей ряд широких привилегий экономического и торгового характера. Вопрос о Дальне-Восточной Республике обсуждался на созванной Соединенными Штатами в ноябре 1921 г. в Вашингтоне конференции из представителей Англии, Японии и Соединенных Штатов для разрешения тихоокеанской и дальневосточной проблем и вопроса об ограничении вооружений. На этой конференции Япония, под давлением Соединенных Штатов, была вынуждена огласить декларацию о своем намерении эвакуировать как можно скорее территорию Дальне-Восточной Республики.

После эвакуации 25 октября 1922 года японских войск из Владивостока, трудовое население Дальне-Восточной Республики получило полную возможность свободно определить свою волю. На основании решения республиканского собрания народных представителей 19 ноября 1923 года состоялось присоединение Дальне-Восточной Республики к РСФСР. Япония, пережившая огромное землетрясение, подорвавшее экономическую мощь страны, и вступившая в полосу международных затруднений (противо-японская политика Северо-Американских Соединенных Штатов, противо-японское движение в Китае), не могла противодействовать этому шагу. Пекинским договором от 31 мая 1924 г. Япония обязалась восстановить территориальные границы между ней и СССР на основе мирного договора 1905 года между Японией и Россией, чем косвенно дала согласие на ликвидацию Дальне-Восточной Республики. (Стр. 111, 117, 424).

[128]) По окончании мировой империалистической войны капиталисты во всех странах, под давлением необычайного под'ема рабочего революционного движения, вынуждены были пойти на ряд уступок рабочему классу — 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, мероприятия по охране труда, признание за профессиональными союзами прав на свободную организацию и права представлять собой и защищать интересы труда и т. п. Некоторое оживление промышленности, вызванное в значительной степени потребностями восстановления хозяйства в 1920 г., сменилось огромным кризисом сбыта товаров на мировом рынке. Конкуренция промышленных стран приняла чрезвычайно острый характер. Стремясь к снижению рыночных цен, капитал в первую очередь поставил своей задачей сокращение расходов на рабочую силу. Последовательно ограничивая проведение данных в 1919 г. уступок, капитал перешел в наступление: повсюду в промышленных предприятиях капиталисты стали снижать заработную плату и увеличивать рабочий день. Рабочие вступили в борьбу за сохранение достигнутых завоеваний. Волна забастовок охватила весь мир. В 1920 г. в Германии насчитывалось 3.817 забастовок, в которых приняло участие 1.508.000 рабочих и потеряно 16.755.000 рабочих дней.

Во Франции — 1.832 забастовки с участием 1.317.000 рабочих и с потерей 23.112.000 рабочих дней. В Англии — 1.605 забастовок с участием 1.932.000 рабочих и потерей 26.567.000 рабочих дней. Наступающий капитал поставил своей задачей сломить организованную силу рабочего класса. Во всех странах капиталисты приступили к формированию штрейкбрехерских организаций и фашистских боевых дружин, применяющих систему террора по отношению к рабочим массам: избиения и убийства активных деятелей рабочего движения, погромы, разрушения политических, профессиональных, культурно-просветительных и кооперативных организаций рабочего класса. В парламентах они проводили законы, ограничивающие права профессиональных союзов. В ответ на это наступление массы выдвинули лозунг единого фронта (см. прим. № 130). (Стр. 112, 121, 122, 149, 178, 193, 202, 215, 236, 252, 357, 359, 466, 469).

124) В течение августа 1922 года в Соединенных Штатах Северной Америки происходили грандиозные забастовки шахтеров и железнодорожников. Стачка горняков возникла в ответ на попытку предпринимателей снизить на 40% заработную плату. Она продолжалась 4 месяца и охватила 665.000 рабочих. Бастующие обращались о просьбой о поддержке к английскому союзу горняков и даже к международному с'езду горнорабочих, состоявшемуся в августе 1922 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия), но эти находившиеся под влиянием Амстердамского Интернационала организации не согласились активно воспрепятствовать вывозу в Америку европейского угля. Из солидарности с шахтерами американский союз грузчиков запретил своим членам выгружать ввозимый из-за границы уголь. Стачка кончилась отказом предпринимателей от своего требования.

Забастовка железнодорожников началась в июле 1922 года, тоже в связи с понижением заработной платы, и охватила 400.000 рабочих. Стачка окончилась поражением. (Стр. 112).

125) Судебный процесс социалистов-революционеров (Гоца, Тимофеева и др. членов ЦК и активных работников партии с.-р.), начавшийся 8 июня и окончившийся 8 августа 1922 г., установил, что партия социалистов-революционеров занималась организацией заговоров и восстаний против советской власти, убийствами рабочих вождей, взрывами железнодорожных мостов, поддержкой военной интервенции. 15 наиболее видных деятелей партии с.-р. были приговорены к расстрелу. Президиум ВЦИК постановил приговор суда утвердить, но исполнением приостановить, поставив условием освобождения осужденных от применения высшей меры наказания прекращение партией социалистов-революционеров подпольно-заговорщической, террористической, военно-шпионской и повстанческой работы против власти рабочих и крестьян.

Социалистические партии, примыкавшие ко II и II½ Интернационалам, взяли на себя защиту обвиняемых. На судебный процесс приехали в качестве защитников представители II Интернационала Вандервельде и II½ — Т. Либкнехт, Курт и Розенфельд (все — адвокаты

по профессии). Вся западно-европейская пресса (как буржуазная, так и социалистическая) воспользовалась процессом, как поводом для нападения на советскую власть; в этих целях она об'явила советский суд пристрастным и не соблюдающим основ справедливости. (Стр. 112).

[126]) *54 конгресс тред-юнионов в Соутпорте* открылся 4 сентября 1922 года. Присутствовали 717 делегатов от 5.127.308 организованных рабочих. Председательствовал секретарь Национального союза сельскохозяйственных рабочих Уокер. Работа с'езда протекала в обстановке наступления капитала на рабочий класс (сокращение заработной платы, уничтожение рабочего контроля над порядком работ и т. п.). В рабочих массах к тому времени наметилось стремление к увеличению прав Генерального Совета в целях превращения его в действительный центр, могущий взять на себя руководство массовой борьбой, в центр, имеющий право организовывать материальную и моральную помощь союзам, вступившим в конфликт с предпринимателями, право разрешать конфликты между союзами и т. п. Но все попытки провести это стремление на конгрессе не дали каких-либо результатов. Лидеры самых больших союзов отвергли весьма умеренный проект централизации, предложенный Генеральным Советом, постановив вернуть его для переработки и отложить его обсуждение до следующего конгресса. В области социального законодательства с'езд, кроме решения о пенсиях, принял резолюцию с требованием ограничения рабочего дня для женщин в период беременности. (Стр. 113).

[127]) *Русско-германский вопрос* был поднят на конгрессе в Соутпорте в связи с воззванием, выпущенным от имени германских профессиональных союзов. В этом воззвании германские союзы, указывая на положение германских рабочих, доведенных до крайней степени истощения ухудшением всех условий труда, вызванным наложенными на германскую промышленность платежами по Версальскому мирному договору, просили о помощи германским рабочим. Конгресс занялся вопросом о репарациях (платежах, которые Германия должна была платить державам победительницам на основании Версальского мира) и принял половинчатую резолюцию, свидетельствующую о борьбе между левым и правым крылом конгресса. Победа правых выразилась в том, что была принята резолюция о присоединении к соответствующим постановлениям Амстердамского Интернационала (принявшего Версальский договор). Одновременно было включено заявление о передаче всего вопроса на рассмотрение Лиги Наций, в которую должны быть включены Германия и Россия. В момент, когда еще не улеглись страсти, вызванные шовинистической агитацией против Германии, об'явленной врагом английского народа, и продолжалась война мирового империализма против Советской России, которую буржуазная и реформистская печать выставляла врагом всего человечества, такое заявление свидетельствовало о росте влияния левого крыла. (Стр. 113).

[128]) Исполком Амстердамского Интернационала в 1921 году поручил национальным центрам и Международным Профессиональным

Секретариатам осуществить принцип, по которому «организации, присоединяющиеся к Москве, тем самым ставят себя вне Международной Федерации» (Амстердамского Интернационала). На этом основании профсоюзы, примыкавшие к Амстердаму, стали исключать из своих рядов все группы и организации, находящиеся в связи с Профинтерном.

Исключения эти во Франции и в Чехо-Словакии приняли массовый характер, и перед революционными организациями стал вопрос об образовании параллельных союзов, об'единенных параллельным же межсоюзным центром революционного профессионального движения. Конгресс революционных союзов Франции в декабре 1921 г. создал такой центр в лице Унитарной Конфедерации Труда. Конгресс таких же союзов Чехо-Словакии в октябре 1922 г. основал Межнациональный Общепрофессиональный Союз. (Стр. 113, 217, 242).

[129]) Речь идет о конференции фабзавкомов Берлина, состоявшейся 30 августа 1922 г. На собрании присутствовало более 6.000 человек. Конференцией, протекавшей под руководством коммунистов, были выдвинуты следующие требования: регулирование цен, контроль над производством и банками, классовое распределение под контролем пролетариата продовольствия, одежды и топлива, превращение барских особняков и отелей в общежития для детей и стариков. Кроме того, она высказалась в пользу централизованной и охватывающей все отрасли промышленности борьбы за заработную плату. Выразив недоверие находившимся в руках с.-д. центральным союзным органам, конференция избрала контрольную комиссию, поручив ей подготовку всегерманского с'езда фабзавкомов. (Стр. 114).

[130]) Когда капитал начал наступление, рабочий класс не смог сказать ему достаточного сопротивления, так как рабочее движение было раздроблено. В каждой отрасли промышленности имелось несколько конкурирующих между собой организаций. В связи с этим состоявшийся 17 июня — 8 июля 1924 г. II Конгресс Коминтерна выдвинул лозунг единого фронта (т.-е. согласованного выступления масс, входящих в различные по своей политической окраске организации) для совместной борьбы против опасности войны, против ограничения прав профессиональных союзов, против фашизма, за свободу стачек, против понижения заработной платы, за сохранение 8-часового рабочего дня и т. д. Состоявшийся в феврале — марте 1926 г. пленум Коминтерна формулировал тактику единого фронта так: «борьба за боевой братский союз рабочих коммунистов, социал-демократов и беспартийных против капитала». Несмотря на сопротивление реформистских вождей, рабочие массы охотно пошли на призыв к созданию единого фронта. Так, например, поднятая коммунистами кампания против казни американским правительством рабочих Сакко и Ванцетти захватила огромные массы рабочих всего мира, независимо от национальности и убеждений. (Стр. 114, 121, 123, 148).

[131]) *Генуэзская финансово-экономическая конференция* заседала с 10 апреля по 19 мая 1922 года. На ней присутствовали представители

всех европейских государств (33 делегации) и, кроме того, Япония. На этой конференции страны-победительницы потребовали от Советской России уплаты всех долгов как царского, так и временного правительств и возвращения бывшим собственникам конфискованных и национализированных во время революции фабрик и заводов (меморандум комиссии экспертов определил общую сумму долгов России в 18½ миллиардов золотых рублей). В виду безрезультатности конференции, решено было созвать новую, уже чисто деловую конференцию экспертов в Гааге. Она состоялась в июле месяце того же года. На ней России были пред'явлены те же требования, что и в Генуе, и эта конференция также окончилась безрезультатно. (Стр. 115, 142, 146, 167).

[132]) Вызванный засухой неурожай 1921 г. охватил губернии: Астраханскую, Царицынскую (Сталинградскую), Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Вятскую, Пензенскую; области: Марийскую, Вотскую и Немцев Поволжья (Нем. Республику); республики: Татарскую, Чувашскую и Киргизский край (Кирреспублику). В этом районе количество населения равнялось 22 миллионам. На борьбу с голодом правительство затратило в одном только 1921 бюджетном году свыше 100 миллионов рублей золотом. (Стр. 115).

[133]) Среди русских белогвардейцев, эмигрировавших за границу, в 1921 г. появилось особое течение, высказывавшееся за поддержку советской власти в деле восстановления народного хозяйства. Основные положения этого течения, во главе которого стали бывшие кадеты, члены колчаковского правительства, Ключников и Устрялов, были сформулированы в сборнике, выпущенном в г. Праге (Чехо-Словакия) под названием «Смена вех». Сменовеховцы новую экономическую политику советской власти оценили как первый шаг по пути восстановления буржуазной системы. Призыв к интеллигенции о сотрудничестве с советской властью сменовеховцы мотивировали необходимостью усиления национально-хозяйственного могущества России. Сменовеховские взгляды приобрели некоторое влияние среди интеллигенции и в самой России. Проводником этих взглядов, в частности, был журнал «Россия». (Стр. 115, 448).

[134]) *Раймонд Пуанкаре* родился в 1860 году. По профессии адвокат, юрисконсульт Комитета Тяжелой Индустрии. Накануне и во время империалистической войны — французский президент. Один из главных виновников войны, получивший прозвище «Пуанкаре-война». Вождь французского черносотенного «национального блока», правившего Францией в 1919 — 1924 гг., активный враг Советской республики. В 1922 — 1924 гг. премьер-министр, смененный кабинетом Эррио после победы «левого блока» на выборах в 1924 году. Вследствие хозяйственного кризиса Франции и падения франка, которому способствовали биржевые махинации крупной буржуазии и колебания «левого блока», не решавшегося ввести налоги на капитал, и вследствие вызванного этими обстоятельствами панического настроения мелкой бужруазии, Пуанкаре в июле

1926 года вновь получил поручение сформировать кабинет. Сохранил свое положение главы правительства и после выборов 1928 г., главным образом, благодаря политике стабилизации франка. (Стр. 116, 186).

[185]) 7 сентября 1922 г. за № 532 всем союзным и хозяйственным организациям было направлено циркулярное письмо ВЦСПС и ВСНХ о переименовании национализированных предприятий. В нем говорилось, в частности, следующее: «Для того, чтобы показать наглядно волю рабочих масс русской и иностранной буржуазии, что национализированные предприятия составляют собственность социалистического государства, необходимо уничтожить все прежние остатки и видимые приметы прежних владельцев. Все национализированные предприятия, имеющие наименования, связанные с фирмой или фамилией старого владельца, должны быть переименованы в память тех или иных революционных событий, в память международных, общероссийских или местных вождей пролетарской революции». (Стр. 116).

[186]) Политика советской власти в национальном вопросе определяется следующим положением из декларации прав народов России от 2 ноября 1917 г. (Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства от 4 декабря 1917 г.):

«С'езд Советов в июле этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение. Второй с'езд Советов в октябре этого года подтвердил это неот'емлемое право народов России более решительно и определенно. Исполняя волю этих с'ездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Принцип свободного самоопределения народов вплоть до отделения подтверждается следующим положением вошедшей в конституцию СССР декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик: «Воля народов советских республик, собравшихся недавно на с'езды своих советов и единодушно принявших решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным об'единением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в Октябре 1917 г. основ мирного строительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым

решительным шагом по пути об'единения трудящихся всех стран в мировую социалистическую советскую республику» (постановление второй сессии ЦИК СССР I созыва 6 июля 1923 г.). (Стр. 117, 174, 206).

[137]) Царское правительство старалось покрывать огромные военные расходы усиленным выпуском бумажных денег; ту же политику продолжало и правительство Керенского, выпустившее бумажные деньги достоинством в 20 и 40 рублей («керенки»). Усиленные выпуски бумажных денег, не обеспеченных золотом, очень понизили их покупательную силу. Советское правительство вынуждено было, в годы гражданской войны и в первые годы нэпа, продолжать эту финансовую политику. Переход к нэпу означал переход от натурального хозяйства эпохи военного коммунизма к хозяйству денежному, что требовало замены все более и более обесценивающихся совзнаков твердой валютой. Причиной падения ценности бумажных денег было то, что расходы государства превышали его доходы и недостаток (дефицит) бюджета покрывался новыми выпусками денежных знаков, не обеспеченных золотом. Задачи укрепления валюты сводились к составлению бездефицитного бюджета (где расходы не превышают доходов). Бюджет 1922/23 хозяйственного года, когда транспорт и тяжелая промышленность требовали больших средств для своего укрепления, был составлен с дефицитом в 500 миллионов золотых рублей. Первым шагом, подготовлявшим денежную реформу, явилось постановление ВЦИК об ограничении эмиссии 30 миллионами рублей в месяц. Бюджет следующего 1923/24 г. при общем росте доходов был сведен с меньшим дефицитом, и в феврале 1924 года явилась возможность приступить к проведению денежной роформы. 5 февраля был издан декрет о выпуске казначейских билетов, являвшихся разменными знаками по отношению к твердо стоявшему червонцу; 22 февраля — декрет о чеканке и выпуске серебряной и медной монеты советского образца и 7 марта — декрет о выкупе всех обращавшихся совзнаков по курсу один червонный рубль = 500.000 руб. знаками 1922 г., или 500 миллиардов советских рублей, и полной замене их твердой валютой. Бюджет 1924/25 г. уже сведен без новой эмиссии бумажных денег. Процесс замены эмиссии в государственном бюджете нормальными доходами иллюстрируется следующей таблицей:

Поступления в госбюджет в миллионах рублей:

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
От налогов и пошлин	450	407	666	1.069
Гос. имущества и предприятия.	199	450	838	1.666
Кредитные операции	1	82	217	141
Эмиссия (включая и выпуск серебряной и медной монеты с 1924 г.).	350	394	196	80

(Стр. 118, 172, 173, 354).

138) Тов. Ленин в своей брошюре «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого» формулировал эту новую теорию профдвижения так: «Профессиональные союзы, по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью. При переходе к социализму незбежна диктатура пролетариата, но поголовной организацией промышленных рабочих не осуществляется эта диктатура. Почему? Мы можем об этом прочесть в тезисах II С'езда Коминтерна о роли политической партии вообще. Здесь я не буду на этом останавливаться. Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. *Не имея такого фундамента, как профессиональные союзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнить государственные функции.* Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно, через советский аппарат. В чем своеобразность этого положения в отношении практических выводов? В том, что *профессиональные союзы создают связь авангарда с массами,* профессиональные союзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это — с одной стороны. С другой стороны — *профессиональные союзы — «резервуар» государственной власти.* Вот что такое профессиональные союзы в период, переходный от капитализма к коммунизму. Вообще нельзя осуществить этот переход, не имея главенства того класса, который один только воспитан капитализмом для крупного производства и один только оторван от интересов мелкого собственника. Но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя, ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах, пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно, империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса. Таким образом, получается как бы *ряд зубчатых колес.* Таков механизм самой основы диктатуры пролетариата, самой сущности перехода от капитализма к коммунизму».

«С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профессиональные союзы являются организацией правящего господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это *есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма.* Это совсем необычайного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым

чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и что не могло не остаться, и того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата». (Стр. 118).

[139]) Здесь имеется в виду наблюдавшееся в течение 1922 года слишком легкое отношение к стачечной тактике, которое особенно сильно проявилось в ряде провинциальных городов. На состоявшемся вскоре V Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов неправильное понимание новой экономической политики было формулировано представителем левых эсеров Рябининым, который утверждал, что новая экономическая политика есть восстановление капиталистического производства и что неизбежна классовая борьба между трудящимися массами и работодателями как в лице государства, так и в лице частных предпринимателей. То же самое извращенное понимание отразилось и в выступлении представителя Всеработземлеса коммуниста Графова, говорившего о невозможности товарищеских отношений между рабочими и хозяйственниками из бывших предпринимателей и о предоставлении союзам в вопросах увеличения зарплаты, найма и увольнения полных и неограниченных прав. (Стр. 119).

[140]) В конце 1922 г. весь мир снова очутился перед угрозой войны. Франция в то время готовила захват Рурской области. Амстердамский Интернационал решил поэтому созвать особый конгресс борьбы за мир, конгресс пацифизма (пацифизмом называется мелкобуржуазное политическое течение, которое, считая войны несправедливостью, протестует против них и рассчитывает на возможность предотвратить их в рамках капитализма путем пропаганды идей мира, организации международных третейских судов и т. д.). Туда были приглашены представители профессиональных союзов всех стран, в том числе и Советской России. На ряду с этим получили приглашение и отдельные лица, а также представители буржуазных организаций, ставящих своей целью предотвращение войн (так называемых пацифистских организаций). На конгресс, состоявшийся 10—15 декабря 1922 г. в г. Гааге (Голландия), явилась делегация ВЦСПС, в составе которой были тт.: Лозовский, Мельничанский, Радек, Роттштейн, Лепсе, Грунин, С. Смидович, Н. Мещеряков. Делегация выработала и представила конгрессу программу революционно-пролетарской борьбы против войны. Эта программа, состоявшая из 14 пунктов, требовала: 1) создания Международного Комитета Действия на основе единого рабочего фронта; 2) создания подобных комитетов во всех странах; 3) привлечения в Комитет Действия всех рабочих организаций, желающих бороться против войны; 4) поручения Комитетам вести борьбу против раскола рабочих союзов; 5) поручения им вести борьбу против учения о защите буржуазного отечества; 6) прекращения сотрудничества рабочего класса с буржуазией; 7) разоблачения сказок о возможности осуществления мира в условиях капиталистического строя; 8) создания среди солдат организаций, могущих стать во главе восстания армии

против буржуазии; 9) упразднения версальского и ему подобных договоров; 10) немедленного опубликования тайных договоров; 11) привлечения к борьбе против войны рабочих и крестьян колониальных и полуколониальных стран; 12) борьбы за немедленный увод войск, занявших чужие области и страны; 13) борьбы за разоружение белогвардейских организаций, за вооружение рабочих и за создание рабочих правительств; 14) организации 8—15 января недели борьбы против войны и об'явления в день 15 января однодневной забастовки — протеста против войны, версальского договора, империализма и диктатуры капитала. Вся эта программа была отвергнута реформистским большинством конгресса. Он ограничился лишь торжественным заявлением о готовности об'явить всеобщую забастовку в случае опасности новой войны. Но когда французская армия вступила в Рурский бассейн (в январе 1923 г.), то созванное Амстердамским Интернационалом совещание представителей горнорабочих, металлистов и транспортников уклонилось от об'явления забастовки, ограничившись резолюцией протеста против оккупации. (Стр. 123, 175, 202).

[141]) *Лозаннская конференция* представителей держав была созвана Антантой (соглашением Англии и Франции) для разрешения ряда вопросов в связи с изменившимся международным положением после побед Турции над Грецией. Первое обращение о созыве такой конференции было послано революционной Турции 23 сентября 1922 г. Вслед за этим правительство РСФСР в нотах от 24 сентября и 18 октября 1922 г. потребовало, чтобы на конференцию были приглашены представители всех стран, владеющих берегами Черного моря. Правительство РСФСР получило приглашение на конференцию, но лишь для участия в обсуждении вопроса о проливах (Босфор и Дарданеллы), соединяющих Черное море со Средиземным. Конференция открылась 20 ноября 1922 г. в г. Лозанне (Швейцария) в составе представителей Англии, Франции, Японии, Италии, Румынии, Югославии и Турции. Советская делегация, заявила о необходимости закрыть проливы для военных судов всех держав, кроме Турции, и допустить полную свободу торгового мореплавания. Государства Антанты этому требованию противопоставили свой проект, устанавливавший полную свободу прохода через проливы для военных судов всех наций. Окончательный текст конвенции о мореплавании был выработан совместно с Турцией, пошедшей на соглашение с державами Антанты, без участия РСФСР. Советская делегация заявила протест против такого нарушения интересов РСФСР. На дальнейшие заседания Лозаннской конференции советскую делегацию больше не приглашали, толкуя ее протест как нежелание подписать конвенцию. Переговоры об участии РСФСР в дальнейших работах конференции вел тов. Воровский, который 11 мая 1920 г. был убит белогвардейским эмигрантом в Лозанне при попустительстве швейцарских властей. Советское правительство, в виду этого, отказалось вести дальнейшие переговоры в Лозанне и, вообще, в Швейцарии, но, считая необходимым принять участие в международном

акте о проливах, поручило подписать в Риме конвенцию о проливах тов. Иорданскому, дипломатическому представителю Советской России в Италии. Лозаннская конференция решила вопрос о новых границах Турции, так как победившая Турция ни в коем случае не соглашалась признать границы, навязанные ей Антантой по окончании империалистической войны. Турция вернула себе права на часть европейской территории с Константинополем и Адрианополем и согласилась передать на рассмотрение Лиги Наций вопрос о Моссуле (области, богатой нефтью и находящейся по соседству с Ираком — государством под протекторатом Англии), т.-е. фактически развязала руки Англии в моссульском вопросе. (Стр. 124, 146, 258).

[142]) В 1923 году население СССР составляло 133.500.000. Численность пролетариата равнялась приблизительно 9.000.000 (3.000.000 в промышленности; 1.300.000 на транспорте; 2.200.000 служащих и 2.500.000 в сельском хозяйстве). Население Германии — 59.400.000, из них лиц, занятых наемным трудом, 22.000.000 (в промышленности — 11.000.000, транспорте — 1.500.000, служащих и чиновников — 4.500.000, сельскохозяйственных рабочих — 3.000.000, дом. прислуги — 2.000.000). (Стр. 126).

[143]) Падение курса германских бумажных денег в первые годы после войны шло сравнительно медленно. Так, в 1919 г. золотая марка стоила 5 бумажных, в 1920 г. — 14, в 1921 г. — 20. Затем темп падения усилился и с 1923 г. принял такую стремительность, что в течение нескольких месяцев превзошел темп падения курса советских денежных знаков (см. прим. 137). Ужасающая стремительность падения в 1923 г. видна из нескольких цифр: 31 августа 1 золотая марка стоила 2,4 миллиона бумажных, 28 сентября — 38,1 миллиона, 31 октября — 17,2 миллиардов и 21 сентября — 1 триллион бумажных марок. Общая сумма бумажных денег к началу 1924 года исчислялась в 483.700 квадрильонов марок. (Стр. 126).

[144]) Общий послевоенный кризис народного хозяйства в Германии был осложнен обязательствами, возложенными на Германию Версальским миром. Особенно резкие потрясения германское хозяйство стало испытывать со средины 1922 г., когда выяснилось, что Франция решительно отказалась предоставить Германии отсрочку для уплаты репараций (платежей державам-победительницам в возмещение понесенных ими потерь от войны). Обнаружившаяся в связи с этим неплатежеспособность Германии отразилась на падении курса марки. Цены на товары и, в особенности, на предметы широкого потребления стали стремительно расти, а реальная заработная плата также стремительно падать. Прожиточный минимум для семьи в 4 души на неделю от 7 до 13 ноября 1922 года составлял 21.445 марок, между тем как наиболее квалифицированные рабочие-металлисты получали в неделю только 8.500 марок. Положение рабочих сделалось настолько тяжелым, что собрание берлинских врачей и саксонской врачебной палаты вынуждено было обратиться «ко всему культурному миру» за помощью. «На ряду с самой горькой нуждой — заявляет резолюция саксонской врачебной палаты —

и угрозами голодной смерти, всюду видны тщеславная роскошь и мотовство. Акты отчаяния всякого рода, самоубийства семьями, эпидемические душевные заболевания от голода неизбежны». С наступлением 1923 года положение вещей стало ухудшаться. До оккупации французами Рурского бассейна профсоюзы пытались затормозить падение заработной платы частым перезаключением тарифных договоров. Но с момента оккупации эта мера потеряла значение. Марка стала падать с такой быстротой, что никакое повышение заработной платы, исчисляемой в бумажных марках, не могло поспеть за падением курса бумажных денег. Комиссия Амстердамского Интернационала, прибывшая в Германию для обследования положения германского пролетариата, рисует это положение в следующих словах: «Не только номинальная, но и реальная заработная плата становится сейчас трудно исчисляемой, так как цены меняются с часу на час и от одной покупки до другой. Жена рабочего, купившая кое-что утром, должна за те же товары через несколько часов заплатить много больше. При таком движении цен заработная плата отстает все больше и все безнадежнее». (Стр. 127, 176, 177, 354).

[115]) После падения Баварской Советской Республики 1 мая 1919 г., тотчас же было сформировано коалиционное правительство из социал-демократов и буржуазии. В марте 1920 г. в Германии имело место капповское выступление, рассчитанное на восстановление старого режима (см. примечания №№ 96 и 97). Это выступление успеха не имело. Только в Баварии вместо прежнего, коалиционного, правительства было создано новое из представителей буржуазии, помещиков и кулацкого крестьянства со старым бюрократом фон-Каром во главе. Это правительство начало открытую борьбу против берлинского правительства (Всегерманского) за восстановление монархии. Правительство Кара просуществовало почти до конца 1923 г. После провала фашистского выступления в ноябре 1923 г. и после того как обнаружились связи фон-Кара с французскими военными властями, занимавшими Рур, это правительство вышло в отставку. (Стр. 127).

[116]) Лозунг единого рабочего фронта борьбы с опасностью фашизма на короткое время был осуществлен осенью 1923 г. в Саксонии. Уступая настойчивым требованиям рабочих масс, саксонское социал-демократическое правительство 10 октября реорганизовалось, включив в свой состав двух коммунистов — Геккерта и Бетхера. Новое правительство, об'явившее себя рабоче-крестьянским правительством, вызвало против себя ненависть всей буржуазной Германии. Возглавляемое Штреземаном, коалиционное правительство Германии, составленное социал-демократической партией совместно с буржуазными партиями, открыло поход против Саксонии. Введя в Саксонию под различными предлогами прекрасно вооруженную армию, германское правительство потребовало от саксонского правительства выхода в отставку. Коммунистическая часть правительства внесла предложение об'явить всеобщую забастовку, призвать весь германский пролетариат

к поддержке забастовки и организовать боевой исполнительный комитет из представителей профессиональных союзов и обеих политических партий. Социал-демократы, стоя на конституционной точке зрения, отклонили предложение коммунистов. Коммунисты проявили нерешительность и во имя идеи единого фронта отказались от проведения своего предложения в жизнь. Тем временем германская армия успела сосредоточить значительные силы, подчинила себе полицию и взяла в свои руки контроль над всем общественным порядком Саксонии. Спровоцировав ряд кровавых столкновений, армия приступила к разоружению рабочих. В то же время был приостановлен подвоз продовольствия в Саксонию. 30 октября, уступая военной силе, саксонское правительство вышло в отставку. Было сформировано новое правительство из правых социал-демократов. (Стр. 127, 131).

147) *Рейхсвером* в Германии называется регулярная армия. По Версальскому мирному договору ее численность была ограничена 100.000 чел., в том числе 4.000 офицеров. Рейхсвер был составлен, главным образом, из фельдфебелей и вахмистров старой армии, настроенных черносотенно, и возглавлялся монархистом генералом Геслером. Рядом с этой официальной регулярной армией на государственные же деньги содержался, так называемый, черный рейхсвер, состоявший из монархических подпольных военных организаций. (Стр. 128).

148) *Фашизм* — контрреволюционное буржуазное движение, представляющее собою крайнюю — террористическую форму борьбы буржуазии за свою диктатуру против движения рабочего класса. Свое название фашизм получил от итальянского слова фашио (союз). Так, в Италии назвали себя первые боевые дружины, созданные в 1918 г. бывшим социалистом Бенито Муссолини для защиты «порядка и собственности». После неудачных попыток итальянских рабочих захватить в 1922 г. фабрики, фашистские дружины получили поддержку со стороны буржуазии. В 1922 г. фашисты предприняли поход на Рим, свергли там парламентское правительство и установили диктатуру своего вождя — Муссолини. Фашистские организации, сходные с итальянскими, формировались и в других странах, и фашизм стал международным явлением. Его вооруженную силу составляет деклассированная военщина. Путем демагогической агитации руководители фашизма вербуют себе сторонников в рядах средней и мелкой буржуазии, а также в наиболее отсталых слоях рабочего класса. Фашисты ведут пропаганду за «национальные интересы» против интернационализма, за «единство нации» против классовой борьбы, за «свободное соревнование дарований» против социализма и коммунизма. Фашисты борются за отмену буржуазной демократии и парламентаризма, не стесняясь при этом никакими средствами, пуская в ход поджоги, погромы, истязания и убийства. Они громят политические, профессиональные, кооперативные, культурно-просветительные организации рабочего класса. После фашистского переворота в Италии, последовали такие же перевороты

в Болгарии (июль 1923 г.), Испании (сентябрь 1923 г.), Польше (май 1926 г.), Литве (декабрь 1926 г.). Но даже и там, где дело не дошло до открытого переворота, правительства буржуазных стран официально или неофициально поддерживают фашистские организации и опираются на них в борьбе с рабочим классом. (Стр. 129, 239, 257).

[149]) *Красные сотни,* представлявшие собой вооруженные отряды рабочих, были организованы во всех рабочих центрах Германии в течение лета 1923 года. Инициатива исходила от общегерманского исполкома фабзавкомов. Красные сотни организовались фабзавкомами по предприятиям, включали в свой состав рабочих без различия их партийной принадлежности, вооружались за счет специального, образованного путем сбора пожертвований, фонда. Формально они ограничивали свои задачи самообороной рабочего класса от нападений со стороны фашистов. Фактически они являлись формой самовооружения рабочего класса. В октябре 1923 г. красные сотни организовали свой с'езд в Саксонии во время кратковременного существования рабоче-крестьянского правительства (блока левых социал-демократов с коммунистами). Это обстоятельство было причиной военного похода центрального правительства Германии в Саксонию, ликвидации рабоче-крестьянского правительства. После этого германские власти приступили к роспуску и разоружению красных сотен, и к концу 1923 г. они были ликвидированы. (Стр. 129).

[150]) *Бенито Муссолини* — вождь итальянских фашистов и с 1923 г. глава итальянского правительства. Родился в 1882 г. в семье ремесленника-кузнеца. Был сельским учителем. В 1911 г. вступил в социалистическую партию, где быстро выдвинулся, как очень способный организатор. На с'езде партии в 1912 г. выступал как представитель фракции так называемых непримиримых и добился исключения из партии правых реформистов (Биссолати, Бономи и др.). Был тогда же избран редактором партийного органа «Аванти». Когда началась мировая империалистическая война, Муссолини, стоявший вначале за невмешательство Италии в войну, затем перешел в лагерь сторонников вмешательства. За агитацию в этом духе в сентябре 1914 г. он был исключен из партии. Получив денежную субсидию от капиталистов, он начал издавать собственную газету социал-патриотического направления. Был призван на войну и ранен. После войны начал организацию «фашио» (союзов, дружин) с программой: земля трудящимся, конфискация военных прибылей и т. п. В действительности же эти дружины вели борьбу против коммунистов и революционных социалистов. Этим Муссолини добился симпатий со стороны крупного капитала, щедро субсидировавшего его организации. В октябре 1922 г. Муссолини предпринял «поход на Рим», сверг парламентское правительство и установил диктатуру фашистской партии. Под его управлением Италия стала государством воинствующего империализма, добивающегося господства на Средиземном море. Внутри Италии Муссолини беспощадно преследует классовые организации пролетариата. Разгромив профессиональное и кооперативное

движение, он ввел фашистский контроль над всеми общественными организациями, допуская существование только тех, которые находятся под руководством фашистов. (Стр. 129, 415).

[151]) *Клерикальными партиями* (от греческого слова — клерос, т.-е. духовенство) называются политические партии, стремящиеся к усилению влияния церкви на государственную жизнь. Такие партии особенным влиянием пользуются в католических странах (Франции, Италии). Клерикальные партии опираются на зажиточное крестьянство, а также на среднюю городскую буржуазию. (Стр. 129).

[152]) Разразившийся в 1847 г. промышленный кризис вызвал в широких народных массах сильное брожение. В феврале 1848 г. восстанием парижского населения была свергнута монархия. Революция перекинулась в Германию и Австро-Венгрию. В этих революциях рабочие массы выступили уже как сила, противопоставляющая себя буржуазии. В июне 1848 г. парижские рабочие восстали против учредительного собрания, постановившего закрыть «национальные мастерские», организованные под давлением пролетариата для помощи безработным. В Германии в августе 1848 г. была создана имевшая ряд отделений в разных городах организация под названием «Немецкого братства рабочих» — для борьбы за законодательную охрану труда. Движение рабочих масс настолько напугало буржуазию, что она отказалась от борьбы за республиканский строй. Во Франции после подавления июньского восстания буржуазия установила военную диктатуру (генерал Кавеньяк). В Германии буржуазия об'единилась с дворянством, чем содействовала сохранению монархической власти. Наступившая с 1848 г. во всех странах реакция раскрыла глаза рабочим массам на контрреволюционную роль буржуазии. Массовое рабочее движение с этих пор стало развиваться во всех странах в форме самостоятельной борьбы с буржуазией, выдвигая собственные классовые цели. (Стр. 130).

[153]) В связи с выборами в фабзавкомы, Коммунистическая партия Германии в своем циркулярном письме от 1 марта 1924 г. дала следующие директивы: «На собраниях фабрично-заводских предприятий, примыкающих к свободным профсоюзам, мы должны бороться за большинство наших кандидатов... Если на каком-либо предприятии революционные члены фабзавкомов исключены из союза, то они должны быть включены в наш список... В наших списках могут быть выставляемы и кандидатуры беспартийных и социал-демократических рабочих, если они надежны в революционном отношении и вместе с нами борются за интересы пролетариата и против реформистов...» Социал-демократы в ответ на это стали широко проводить постановление Лейпцигского конгресса профсоюзов (в июне 1922 г.), которое говорило о включении в «списки свободных профсоюзов только тех кандидатов, которые, являются сторонниками Амстердама и проводят постановления центральных органов», и грозило исключением всем тем, кто «на выборах выступит со вторым профсоюзным списком, как списком оппозиционным», а также тем, кто «выставит свою кандидатуру в одном списке

с неорганизованными». Поэтому-то во время избирательной кампании при выборах фабзавкомов в 1924 г. рядовые социал-демократы, поддерживавшие революционную тактику фабзавкомов, скрывали от своих партийных верхов митинги фабзавкомов, имея в виду обеспечить спокойный ход выборов и не допустить их срыва угрозами исключения из союзов всех активно поддерживающих революционные списки. (Стр. 130).

[154]) Левые с.-р. во главе со Спиридоновой, Камковым и Штейнбергом откололись от большинства п. с.-р. накануне Октябрьской революции. Активного участия в Октябрьской революции они не принимали, но относились к ней положительно. На II С'езде Советов (25 октября 1917 г. ст. ст.) и на I С'езде Профессиональных Союзов (январь 1918 г.) левые с.-р. поддерживали большевиков. В феврале их представители были введены в правительство, но после заключения Брестского мира (март 1918 г.), вследствие несогласия с его условиями, левые с.-р. вышли из правительства. В июле 1918 г. во время V С'езда Советов они подняли восстание против советской власти, которое, однако, кончилось полной неудачей. Партия стала распадаться. Из нее ушли — раньше группа «народников-коммунистов», потом «революционных коммунистов», которые влились в коммунистическую партию. В 1920 г. левые с.-р. раскололись на антисоветское меньшинство (Спиридонова и Камков) и советское большинство (Штейнберг). (Стр. 132).

[155]) С 1920 г. власть в Болгарии принадлежала, так называемому, земледельческому союзу (крестьянской мелкобуржуазной партии). Земледельческий союз ограничивался лишь требованием некоторых реформ в пользу крестьянства — ограничение крупного землевладения, снабжение безземельного и малоземельного крестьянства землей из государственного фонда, прогрессивный подоходный налог, льготы кооперации и т. п. Но и эта программа не удовлетворяла буржуазию, недовольную правительством вождя земледельческого союза — Стамболийского. Парламентские выборы в апреле 1923 года дали большинство земледельческому союзу (на выборах 1920 г. земледельческий союз получил 38,2% общего числа голосов и мог править лишь при условии поддержки его коммунистами, располагавшими 20,2% голосов). Вожди союза решили, что политическая сила буржуазии уже окончательно подорвана и направили свое оружие против пролетариата, на который они сначала опирались, начав преследования коммунистической партии. Борьба земледельческого союза с компартией облегчила партиям крупного капитала свержение правительства Стамболийского (несколько позже Стамболийский был убит). Лигой запасных офицеров (при поддержке македонских националистов и русских белогвардейцев) в ночь на 9 июня 1923 г. был совершен военный переворот, который привел к власти правительство Цанкова, начавшее эпоху массового террора против рабочих и крестьянских масс. Опираясь на так называемый «демократический сговор» (блок всех буржуазных партий), правительство Цанкова уничтожило все реформы, проведенные

предшествовавшим правительством, и стало подготовлять наступление на рабочий класс в целях отмены 8-часового рабочего дня, уменьшения заработной платы, уничтожения прав союзов и т. д.

В борьбе с рабочим классом правительство пустило в ход массовые аресты: в один только день 12 сентября полицией был арестован Центральный Комитет Коммунистической Партии и 2 тысячи партийных работников в Софии и др. городах. Аресты сопровождались избиениями, — истязания и убийства арестованных, поджоги, погромы превратились в повседневные явления. Рабочие и крестьяне ответили на террор восстанием. В некоторых пунктах повстанцам удалось захватить власть. Недостаток боевых средств и отсутствие единой организации, которая руководила бы боевыми действиями, привели к поражению. Правительство ликвидировало восстание, уничтожая целые селения. Социал-демократическая партия Болгарии после переворота 9 июня 1923 г. вступила в министерство Цанкова. На парламентских выборах 18 ноября 1923 г. социал-демократы вошли в правительственную коалицию и получили по общему с буржуазными партиями списку 30 мест. (Стр. 132).

[156]) Ученая и техническая интеллигенция сейчас же после перехода власти в руки советов стала предсказывать, что большевики долго не удержатся у власти, так как не справятся с организацией народного хозяйства. Так, профессор Московского Высшего Технического училища, специалист по теплотехнике, К. В. Кирш, к моменту Октябрьской революции бывший главноуполномоченным по топливу, позднее — председателем топливного комитета Московского политехнического общества, в 1919 году от имени общества издал в виде отдельной брошюры воззвание о надвигающемся топливном кризисе, который должен был якобы парализовать все народное хозяйство. (Стр. 133).

[157]) Разразившийся в Германии в результате оккупации Рурской области кризис повлек за собой взрыв возмущения рабочих масс. По всей стране прокатился ряд забастовок и голодных бунтов. К осени классовая борьба приняла форму борьбы за власть. В Саксонии и Тюрингии социал-демократы, подчиняясь требованиям рабочих масс, образовали в октябре 1923 г. совместно с коммунистами рабоче-крестьянские правительства. Коалиционное правительство Германии во главе со Штреземаном, куда входили и социал-демократы, направило против Саксонии части рейхсвера (армии, разрешенной Германии по Версальскому договору), в Саксонии в это время происходил с'езд красных сотен (боевых рабочих дружин). В Гамбурге в связи с этими событиями была созвана конференция докеров. На конференции было вынесено решение об'явить всеобщую забастовку, если германское правительство попытается вооруженной силой свергнуть саксонское правительство. На другой же день в Гамбурге стало известно, что рейхсвер уже вступил в Саксонию. Тотчас же по получении этого известия портовые рабочие забастовали. Забастовка перекинулась на все

крупнейшие заводы. Полиция попыталась остановить движение массовыми арестами. Рабочие на это ответили вооруженным восстанием. Добыв оружие, рабочие разбили полицию, захватили участки и ряд правительственных учреждений. Распоряжением правительства была прекращена доставка в Гамбург продовольствия и туда спешно были переброшены войска. Бои продолжались до 25 октября, в итоге боевые рабочие были разбиты. (Стр. 134).

158) *Густав Штреземан* — выдающийся политический деятель современной Германии. Родился в 1878 г. в семье мелкого берлинского торговца. По окончании университета начал свою политическую карьеру в организации пастора Наумана, пытавшейся побудить германский империализм вступить на путь внутренних реформ и тем самым сблизить его с рабочими массами. Став в девятисотых годах секретарем Общества саксонской промышленности, быстро выдвинулся как чрезвычайно способный работник, умевший удачно формулировать и защищать интересы тяжелой индустрии. При помощи этого общества прошел в парламент, как кандидат национал-либеральной партии (партии предвоенного германского империализма, выражавшей интересы тяжелой индустрии). Во время войны Штреземан, став признанным вождем партии, был самым решительным сторонником войны до победного конца, при чем особенно энергично отстаивал подводную войну против Англии. После войны Штреземан реорганизовал национал-либеральную партию в «народную», сосредоточившую свою деятельность, главным образом, на защите интересов капитала в обрабатывающей промышленности, интересы которой не совпадали с интересами промышленности добывающей. В 1923 г. был выдвинут партией на пост председателя совета министров, но пробыл на этом посту лишь с августа по ноябрь, так как его политика уступок англо-французскому капиталу оказалась неприемлемой для правого крыла партии, не желавшего примириться с Версальским договором и с республиканским режимом Германии. В своей политике Штреземан предпочел опереться на соперничавшие с концерном Стиннеса металлургические концерны Отто Вольфа и Литвина. После яростных нападок печати Стиннеса, обвинявшей его в «капитуляции» перед внешним врагом — Антантой и перед внутренним — социал-демократией (Штреземан охотно соглашался на коалицию с социалистами), Штреземан уступил пост главы правительства Вильгельму Марксу. Фактически же, занимая и до настоящего времени пост манистра иностранных дел, Штреземан ведет политику сглаживания противоречий между интересами германского капитала и капитала держав Антанты. В угоду французским капиталистам Штреземан пошел даже на риск разрыва советско-германского соглашения, допустив в июне 1924 г. полицейский налет на советское торгпредство. (Стр. 135).

159) Под названием *«ножниц»* известно расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты в 1923 г. Если принять за 100 уровень цен на промышленные и сельскохозяйственные товары

в сентябре 1922 года, то на 1 октября 1923 года цены промышленных товаров поднялись до 172, а сельскохозяйственных упали до 54. Продавая подешевевший хлеб, крестьянин мог купить значительно меньшее количество подорожавших продуктов промышленности (из всей проданной продукции $^{7}/_{10}$ продано в город и только $^{3}/_{10}$ в деревню), значительная часть товаров осталась на складах фабрик, получился кризис сбыта. Понижение хлебных цен было вызвано тем, что сельское хозяйство было дезорганизовано гражданской войной меньше, чем промышленность, и начало восстанавливаться быстрее ее, а также сравнительно хорошим урожаем 1922 г. и увеличением предложения хлеба крестьянством на рынке. Спрос же на хлеб повысился мало, так как не было вывоза хлеба за границу. С другой стороны, удорожание промышленных товаров вызывалось неорганизованностью заготовок, повлекшей за собою удорожание сырья, употреблением на топливо сырых дров (вследствие чего топливо обходилось дороже и т. д.). Производительность труда повышалась медленнее, чем заработная плата, поэтому на каждый рубль зарплаты вырабатывалось меньше товара; накладные расходы были выше довоенных, вследствие, главным образом, неполной нагрузки предприятий: тресты и синдикаты делали большие накидки на себестоимость товара (высокие отпускные оптовые цены), стремясь к получению большей прибыли для ускорения восстановления промышленности. «Ножницы» лишали крестьянство возможности покупать сельскохозяйственные машины и промышленные товары, останавливали развитие промышленности и тем самым грозили сорвать хозяйственное строительство и смычку крестьянства с рабочим классом. Для борьбы с «ножницами» государство организовало сбыт излишков хлеба за границу, предписало трестам снизить оптовые цены на промышленные товары, устранило лишние аппараты, провело ряд мер по налаживанию работы кооперации, заготовок, сокращению накладных расходов и тем снизило розничные цены. В декабре 1923 года промышленные цены понизились до 152, сельскохозяйственные повысились до 69, а к середине 1924 г. «ножницы» 1923 года были полностью ликвидированы. (Стр. 135).

[160]) Лорд *Керзон,* бывший с 1915 по 1924 г. министром иностранных дел в Англии и занявший снова этот пост в октябре 1924 г. после падения правительства Макдональда, вплоть до самой своей смерти в 1925 г. был активным врагом Советской России. С первого же дня Октябрьской революции он явился инициатором и организатором вооружения и снабжения средствами со стороны английского правительства всех контрреволюционных армий, выступавших против советской власти. Когда глава английского правительства, отражавший главным образом интересы торгового капитала и легкой индустрии, либерал Ллойд-Джордж, убедившись в бессмысленности и явной невыгодности этой политики для английской торговли, 18 марта 1921 г. заключил с Советской Россией торговое соглашение, Керзон оказался вынужденным прекратить свою яростную борьбу с Советами. Но

20 декабря 1922 г. министерство Ллойд-Джорджа пало, и сформирование нового правительства было поручено консерватору Бонар-Лоу; в этом правительстве фактическое руководство стало принадлежать Керзону. Воспользовавшись полной свободой действий, Керзон, представлявший крупное землевладение, банки и тяжелую индустрию, немедленно стал подготовлять новое нападение на Советскую Россию. С первых же шагов своего существования это английское правительство затеяло с правительством РСФСР переписку по поводу совершенных в 1920 г. казни инженера Дейвисона и ареста журналистки Гардинг, замешанных в шпионской работе во время гражданской войны. Спустя некоторое время, представитель Англии в Москве заявил протест против суда над представителями католического духовенства Цепляком и Буткевичем, польскими шпионами, и против арестов высшего духовенства Грузии, а также патриарха Тихона, открыто выступавших организаторами контрреволюционного движения. В то же время английское правительство послало военную миссию в Румынию, где эта миссия совершила об'езд пограничных местностей с осмотром военных укреплений и направило начальника английского военного штаба в Варшаву. Заручившись поддержкой Румынии и Польши на случай войны против Советской России, Керзон через английского представителя в Москве Ходжсона, 8 мая 1923 г., передал советскому правительству обширную ноту, так называемый «ультиматум Керзона». В этой ноте английское правительство требовало отзыва советских представителей в Персии и Афганистане, обвиняя их в пропаганде против Великобритании и поддержке III Интернационала; компенсации за расстрел английского подданного Дэйвисона и арест Гардинг; освобождения задержанных советскими властями траллеров, хищнически вылавливавших рыбу в прибрежных водах СССР, а также отмены 12-мильной полосы у берегов СССР, где иностранцам лов рыбы без разрешения советских властей воспрещался. Английское правительство заявило, что ответные советские ноты на протесты его по поводу преследований представителей духовенства, изобличенных в измене и контрреволюционных действиях, являются оскорбительными для достоинства Великобритании (в ответных нотах было указано, что защита Англией шпионов и изменников является недружелюбным актом по отношению к СССР и в то же время было указано на репрессивную политику английского правительства в Ирландии) и потребовало, чтобы советское правительство взяло обратно эти ноты. На другой же день после вручения ультиматума 9 мая в Лозанне (Швейцария) русским белогвардейцем был убит Воровский, полномочный представитель СССР в Италии. Одновременно с ультиматумом, дающим десятидневный срок для выполнения пред'явленных требований, были отправлены английские эскадры ко входам в Черное, Белое и Балтийское моря. Последовал обмен нотами. Первый ответ СССР на ультиматум Керзон признал неудовлетворительным, о чем заявил в личной беседе покойному тов. Красину, тогдашнему советскому

представителю в Лондоне, при чем выразил готовность продлить срок ультиматума, чтобы Красин мог снестись с Москвой.

Ультиматум Керзона вызвал оживление среди белогвардейцев, надеявшихся на войну. Однако, несмотря на военные приготовления, Англия оказалась не в силах перейти к военным действиям. Ни Польша, ни Румыния не выступили, а в самой Англии началось движение рабочих масс против керзоновской провокации войны. Настроение их может быть передано заявлением председателя союза железнодорожников, Марчденка, сказавшего: «если политическая мощь рабочей партии окажется недостаточной для предотвращения войны, то партия использует всю свою промышленную мощь для того, чтобы заставить правительство взять обратно свою ультимативную угрозу России». Даже широкие круги буржуазии встревожились. Их представитель Ллойд-Джордж, который в свое время был во главе правительства, поддерживавшего белогвардейцев и на практике убедился в бессмысленности такой политики, заявил: «правительство должно учесть состояние мира; момент — неподходящий для зажигания спичек и ультиматумов». В результате, когда советское правительство предложило обмен нотами относительно размеров морской полосы у берегов для рыбной ловли, выразило согласие уплатить 13 тысяч фунтов стерлингов компенсации по делу Дейвисона и Гардинг и заявило о желании созвать совещание на началах взаимности для выяснения деятельности представителей СССР в Персии и Афганистане, то английское правительство 13 июня дало ответ, что оно считает переписку законченной. (Стр. 135, 180).

[161]) Забастовка в Верхней Силезии (сентябрь 1923 г.) была вызвана ростом дороговизны в результате падения польской марки и спекуляции продуктами. Бастовали горняки, металлисты, железнодорожники, рабочие телефона и телеграфа. Стачечники требовали повышения на 200% заработной платы, ее еженедельной выплаты, запрещения вывозить с'естные припасы за границу и контроля над расценкой угля. Забастовка длилась 7 дней, протекала под руководством исполнительного комитета фабзавкомов и закончилась компромиссом. Добившись еженедельной получки и запрещения вывоза, стачечники принуждены были согласиться на прибавку всего в 130%. (Стр. 136).

[162]) Во время империалистической войны Румыния присоединилась к Антанте (см. примечание № 14). После Октябрьской революции, когда на окраинах стали формироваться контрреволюционные отряды и в Советской России вспыхнула гражданская война, румынское правительство ввело свои войска в Бессарабию. Первоначально Румыния оправдывала это действие тем, что она имеет в виду якобы обеспечить поставку продовольствия русским и румынским войскам, воевавшим на румынском фронте. В тот момент румынское помещичье и купеческое правительство само заявляло, что оно смотрит на занятие румынскими войсками Бессарабии как на временное, оправдываемое исключительными обстоятельствами.

На основании договора, заключенного Румынией и советской властью 5 марта 1918 г., Румыния обязалась произвести эвакуацию своих войск из Бессарабии не позднее чем через 2 месяца. Но тотчас же по подписании договора румынское правительство стало подготовлять присоединение Бессарабии к Румынии. Одной из таких подготовительных мер явилось голосование сфатул-церием (краевым советом, организованным на началах представительства от буржуазных общественных организаций по особой схеме, обеспечивающей 70% всех мест молдаванам) «акта» от 27 марта о полном присоединении Бессарабии к Румынии на началах автономии. В день голосования были приняты чрезвычайные военные меры: здание было окружено войсками всех родов оружия, зал заседания был переполнен вооруженными солдатами. Несмотря на заявление депутатов, избранных на крестьянском с'езде, что сфатул-церий не уполномочен разрешать столь важный вопрос, депутаты молдавского блока, поддерживаемые Румынией и в значительной части представлявшие собой фиктивные просветительные и благотворительные общества, приняли этот акт при воздержании от голосования крестьянских депутатов и всех представителей национальных меньшинств (кроме одного, голосовавшего за акт). Нужно заметить, что этому предшествовал расстрел президиума крестьянского с'езда, постановившего требовать вывода румынских войск из Бессарабии. 20 ноября 1918 г. румынская оккупационная армия повторила опыт 27 марта, созвав сфатул-церий для голосования присоединения к Румынии без всяких условий, т.-е. без автономии. Вслед за голосованием был оглашен декрет румынского короля о роспуске сфатул-церия. 19 декабря 1918 г. румынский парламент заявил о включении бессарабской провинции в состав румынского королевства. Советское правительство неоднократно протестовало против этого захвата. В интересах мирного урегулирования конфликтов, оно в заявлениях, адресованных как непосредственно Румынии, так и другим державам, предлагало разрешить вопрос путем свободного всенародного голосования бессарабского населения.

Румыния уклонилась от ответа Советской России и 28 октября 1919 г. заключила договор с Англией, Францией, Италией и Японией. Этим договором бывшие союзники России подтвердили, что они «признают суверенитет Румынии над Бессарабской территорией». По данному вопросу советской делегацией на Англо-Советской Конференции в 1924 г. в Лондоне была оглашена особая декларация с запросом по адресу британской делегации: что она намерена сделать с целью возместить несправедливость, совершенную по отношению к СССР и бессарабскому народу. В другой декларации на той же конференции было заявлено: «При помощи союзников и, в частности, британского правительства Румыния получила по Сен-Жерменскому договору еще другую территорию, населенную украинцами, а именно северную часть Буковины... От имени советского правительства советская делегация решительно протестует против этих актов насилия, совершенных

Румынией с помощью союзников, включая и Англию. Населению Буковины должно быть дано право самому определить свою судьбу». (Стр. 136).

[163]) Состав *советской делегации* на Англо-Советской конференции, последовавшей за официальным признанием СССР со стороны Англии, был таков: председатель — Раковский, полномочный представитель СССР в Лондоне; члены делегации: Литвинов, зам. Народного Комиссара по иностранным делам, Преображенский, член коллегии Народного Комиссариата Финансов, Томский, председатель Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Шейнман, председатель Госбанка, Стомоняков, торговый представитель СССР в Германии, Радченко, председатель донецкого губпрофсовета, Шверник, член ЦК союза металлистов, Хидыр-Алиев, председатель туркестанского Совнаркома, Кутузов, председатель ЦК союза текстильщиков, Житков, член ЦК союза железнодорожников и Ротштейн, член коллегии Народного Комиссариата по иностранным делам. (Стр. 138).

[164]) *«Дэйли-Геральд»* — орган Генерального Совета английских тред-юнионов и Исполкома английской Рабочей партии — основан в апреле 1912 г. в виде ежедневной газеты. В сентябре 1914 г., с началом империалистической войны, был приостановлен и затем выходит лишь в виде еженедельника. По окончании войны снова выходит ежедневно. (Стр. 139, 327).

[165]) *Британская делегация*, которая посетила Россию в 1920 г., состояла из членов Генерального Совета (Персель, Вильямс, Бен Тернер) и деятелей Английской Рабочей Партии (Том Шоу, Уолхед, Этель Сноуден). Первые тогда примыкали к левому крылу английского рабочего движения, вторые представляли собою право-реформистское крыло. Большинство членов делегации пробыло в России 1½ месяца, при чем ими были посещены Москва, Петроград, Поволжье, Украина. По возвращении в Англию делегация опубликовала официальный отчет о положении в России.

Особенное внимание в отчете было уделено положению рабочего класса, работе профессиональных союзов, трудовому законодательству, зарплате, кооперации.

Участники делегации дали подробное описание своих обследований отдельных предприятий Москвы, Донбасса, Петрограда, Баку.

Значительная часть отчета уделена обследованию Закавказья, где делегация имела возможность проверить утверждения заграничной печати о «красном терроре» в Закавказье и убедиться в их лживости.

Публикуя отчет, делегация имела в виду «помочь английским избирателям понять, что русская революция не имеет ничего общего с английской эволюцией и что, во-вторых, нынешние достижения революций вылились в форму нового государства, которое уже сейчас весьма могущественно и которому, повидимому, предстоит расцвет в будущем». (Стр. 139, 237).

[166]) Не добившись военного поражения Советской России во время гражданской войны 1918—1920 гг., капиталистические правительства оказались вынужденными примириться с мыслью о мирном сожительстве (по крайней мере на время) с советским правительством и вступить с ним в дипломатическую связь.

Германией и Австрией советское правительство было признано еще в 1918 году во время брестских переговоров. 2 февраля 1920 г. был заключен мирный договор с Эстонией, 12 июня того же года — с Латвией, 12 июля — с Литвой, 14 октября — с Финляндией, 3 марта 1921 г. — с Польшей. 1 февраля 1924 года состоялось признание со стороны Англии. 7 февраля последовало признание со стороны Италии. 24 февраля возобновила дипломатические отношения Австрия. 13 марта — Норвегия, 15 марта — Швеция, 31 мая — Китай, 18 июня — Дания, 15 июля — Албания, 12 сентября — Венгрия, 4 августа начались дипломатические сношения с Мексикой, 6 августа — с Геджасом (государство в Аравии), 28 октября состоялось признание СССР Францией.

После вступления Советской России в дипломатические сношения с капиталистическими странами, европейская буржуазия поставила вопрос о долгах по займам, заключенным за границей царским правительством, и о потерях иностранных капиталистов в результате национализации советской властью торговых, промышленных и банковских предприятий. Особенно остро этот вопрос был поставлен во время переговоров советского правительства с английским правительством в 1924 г.

Делегация советского правительства на конференции в принципе отказалась от признания царских долгов и заявила, что согласна на их уплату при условии, если английское правительство согласится уплатить убытки, причиненные Советской России интервенцией. В виде особого из'ятия из советского законодательства согласилась на частичное удовлетворение претензий отдельных английских граждан, если они докажут, что соответствующие ценные бумаги находились в их руках до заключения торгового соглашения с Англией в 1921 году, при чем речь может итти только о бумагах, исчисленных в иностранной валюте, не в русских рублях, но английское правительство не должно настаивать на том, чтобы платили полностью и должно согласиться на предоставлении кредитов Советской России, в зависимости от чего и будет разрешаться вопрос об удовлетворении кредиторов. Делегация согласилась на предоставление концессий бывшим владельцам крупных национализированных имуществ при условии, что эти концессии принесут пользу народному хозяйству СССР, и на удовлетворение претензий лиц, не являющихся по своему положению капиталистическими эксплоататорами. Под давлением рабочих масс правительство Макдональда приняло условия советской делегации, и 8 августа 1924 г. был подписан генеральный договор между СССР и Великобританией; вопрос о военных долгах в связи с отсрочкой вопроса о контрпретензиях советского правительства отсрочивался на неопределенное время.

Однако, и после установления дипломатических отношений капиталистические правительства не отказались от попыток навязать СССР войну. Застрельщиком этих попыток явилось английское консервативное правительство, ставшее у власти осенью 1924 года после падения правительства Рабочей партии. Первым шагом консервативного правительства был отказ от утверждения договора, заключенного СССР с правительством Макдональда.

В момент обострения отношений с СССР английское правительство неоднократно посылало свои военные суда в воды морей, омывающих берега Советской России.

В апреле 1927 г. пекинское правительство Китая, являвшееся агентом английского империализма, совершило неслыханный в истории дипломатических сношений полицейский налет на советское посольство, подвергнув разгрому и обыску ряд советских учреждений и арестовав ряд лиц, пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью. В результате дипломатические сношения СССР с официальным правительством Китая были прерваны. 12 мая такой же налет был совершен в Лондоне на пользующееся дипломатическими правами торговое представительство СССР. 27 мая английское правительство разорвало дипломатические сношения с СССР и стало добиваться, чтобы другие страны сделали то же самое. Вслед за английским разрывом в Варшаве белогвардейцем Кавердой был убит полномочный представитель СССР тов. Войков. В декабре 1927 г. в ряде городов Китая были произведены военно-полицейские налеты на советские консульства с разгромом консульских помещений и убийством сотрудников. В Кантоне был убит вице-консул СССР тов. Хасис.

Принцип внешней политики СССР был сформулирован тов. Лениным так: когда дело идет о крови рабочих и крестьян, о срыве социалистического строительства, надо сохранять самообладание и не поддаваться провокации на преждевременный бой. Развивая работу по организации военной обороны страны, СССР ведет политику мирного разрешения международных конфликтов. Поэтому СССР принял, в марте 1928 г., участие в созданной при Лиге Наций подготовительной комиссии по разоружению. Туда делегаты СССР представили проект полного разоружения всех стран. Там же от имени советской делегации тов. Литвинов заявил, что советская делегация, предусматривая отклонение советского проекта и даже самой идеи полного разоружения, готова продолжать сотрудничество на основе частичного разоружения, хотя и неспособного устранить вооруженные конфликты, но все же уменьшающего бремя милитаризма. Поэтому она вносит свой проект частичного разоружения и настаивает на его обсуждении. Но комиссия не рассматривала ни одного проекта СССР. Тем же принципом СССР руководился, заявив в сентябре 1928 г. о своем присоединении к так называемому пакту Келлога, т.-е. предложенному министром иностранных дел Северо-Американских Соединенных Штатов Келлогом проекту соглашения государств об осуждении методов обращения к войне для

урегулирования международных конфликтов и отказе от войны, как орудия национальной политики. В ноте, сообщенной французскому послу, Наркоминдел СССР, указывая на неопределенность и неясность положений пакта и на оговорки британского правительства (о сохранении свободы действий в отношении некоторых не названных областей в случае недружелюбных актов, направленных против них, или же вмешательства в их жизнь), внес предложение воспретить не только войну, как орудие национальной политики, но и всякие другие войны для каких бы то ни было целей (напр., подавление национально-освободительных движений). При этом нота говорила, что под войной следует разуметь не только войну в формально юридическом значении этого слова (т.-е. с предшествующим об'явлением войны), но и такие военные действия, как интервенция, блокада, оккупация чужой территории, чужих портов и т. п. По поводу налагаемого пактом обязательства разрешать конфликты исключительно мирными средствами, советское правительство заявило, что к числу немирных средств должны быть отнесены и такие, как отказ от восстановления мирных нормальных отношений между народами или разрыв этих отношений. (Стр. 139, 141, 142, 162, 174, 181, 183, 185, 186, 196, 198, 243, 261, 415, 421, 422, 435, 441, 489, 491, 499).

[167]) Характерной чертой английского профессионального движения в первую половину XIX века был отказ союзов от политической деятельности. Профсоюзы ограничивали свою деятельность борьбой за улучшение положения труда в отдельных профессиях путем организованного воздействия на предпринимателей. Лишь во второй половине XIX века в рабочие массы стала проникать мысль, что правящие классы будут игнорировать самые справедливые требования рабочих до тех пор, пока рабочие «не станут реальной политической силой». Вмешательство союзов в политику первоначально выражалось в том, что правления союзов рекомендовали организованным рабочим голосовать лишь за тех кандидатов, которые обяжутся поддерживать требования рабочих. В 70-х годах рабочие пришли к сознанию, что разница между буржузными партиями, борющимися за господство (консерваторами и либералами), такая же «как между верхним и нижним жерновом». На выборах 1874 г. английские горняки провели в парламент двух представителей своего союза: рабочих Александра Макдональда (не Рамзея Макдональда) и Томаса Берта. В 1885 г. рабочие насчитывали в парламенте уже 11 депутатов. Партия либералов попыталась использовать в своих интересах стремление английских союзов иметь собственных представителей в парламенте. В том же 1885 г. вождь либералов Гладстон включил самого влиятельного рабочего представителя, активного деятеля «Лиги Рабочего Представительства», Бродхерста, в свое правительство в качестве товарища министра внутренних дел. Представители союзов на последующих выборах выдвигали свои кандидатуры по соглашению с либеральной партией, и рабочие депутаты входили во фракцию либералов. Но на выборах в 1892 г. оказались

избранными в парламент три депутата Джон Бернс, Кейр Гарди и Джозеф Хавелок Вильсон), независимо от либералов. С этого момента английские профсоюзы перешли на позицию самостоятельного рабочего представительства. На конгрессе тред-юнионов в 1899 г. было решено создать «Комитет рабочего представительства», реорганизованный в 1903 г. в Рабочую партию. После выборов в 1922 г. число представителей Рабочей партии в парламенте равнялось 117, а на следующих выборах в 1923 г. Рабочая партия получила 191 место (при 258 консерваторах и 157 либералах). По английским парламентским традициям (обычаям) Рабочая партия, как самая сильная из оппозиционных (у власти к тому моменту были консерваторы), при отсутствии большинства у правившей до того партии, должна была сформировать правительство. Правда, это правительство, возглавляемое Рамзеем Макдональдом, также не располагало большинством и опиралось на поддержку либеральной партии. Потеряв 8 октября эту поддержку, правительство Макдональда оказалось вынужденным распустить парламент и назначить новые выборы. Результаты выборов оказались таковы: консерваторы получили 400 мандатов, Рабочая партия — 151, либеральная партия — 40. Консерваторы оказались таким образом в большинстве, и рабочее правительство пало. У английского пролетариата после этого опыта появилось стремление бороться не только за классовое влияние на законодательство, но и за самую власть — у него появился «аппетит к власти». (Стр. 140, 164, 176, 178, 199, 239, 323).

[168]) *Бен Тернер* — родился в 1863 году в Иоркшире (Англия). Член парламента и Независимой партии. 37 лет работал на разных должностях в профессиональных союзах. Основатель и в течение 21 года секретарь Иоркширского совета профессиональных союзов. Член муниципалитета в течение 28 лет, из которых три года был мэром (городским головой). Председатель Национального Союза Рабочих Текстильщиков и Ассоциации Союзов Текстильной Индустрии. Член Генерального Совета конгресса тред-юнионов. Участник 1 английской рабочей делегации в Советскую Россию в 1920 году и 2-й — в 1924 г. (Стр. 140, 291).

[169]) Капиталистическое хозяйство Запада в течение всего послевоенного периода не может выйти из затруднений, созданных, с одной стороны, падением покупательной способности населения во всех странах мира, и, с другой — усилением конкуренции, обостренной выступлением новых стран с предложением товаров на мировом рынке (Соединенные Штаты, Япония и др.). В связи с этим положение рабочего класса в капиталистических странах стало последовательно ухудшаться. Так, напр., в Англии цифра безработных в послевоенные годы никогда не опускалась ниже миллиона. Реальная заработная плата, неуклонно падая, уменьшилась на 10 — 30% по сравнению с довоенной. Рабочий день увеличился. Так, напр., в Италии законодательным путем введен 9-часовой рабочий день, в Англии законом 1926 г. рабочий день подземных рабочих в шахтах увеличен на 1 час (вместо семичасового 8-часовой); во всех странах предприниматели добились возможности

распространительно толковать право на введение дополнительных часов труда в предприятиях и превратили удлиненный рабочий день (девяти- и десятичасовой) из случайного явления в постоянную норму. В противоположность этому в СССР, где заработная плата во время гражданской войны пала весьма низко (до 37,8% довоенной), положение рабочего класса непрерывно улучшается. В первом квартале 1924 — 1925 г. заработная плата стала составлять 78,7% довоенной, в последнем квартале 1925 — 1926 г. равнялась 98,7% и в 1928 г. достигла 127% для всей промышленности в целом. Так как рост заработной платы шел не равномерно (быстрее в легкой индустрии по сравнению с тяжелой), то правительством СССР в конце 1928 г. вынесено постановление ассигновать 35 миллионов рублей со специальным назначением — механического поднятия заработной платы в тех производствах, где она по сравнению с прочими несколько отстала. В предприятиях не только строго охраняется 8-часовой рабочий день, но на основании манифеста ЦИК СССР к десятилетней годовщине Октябрьской революции (ноябрь 1927 г.) промышленность планомерно переводится на 7-часовой день с сохранением достигнутого уровня заработной платы. Рост материального положения рабочих СССР тесно связан с укреплением всего народного хозяйства (см. примечание 117), руководимого рабочим классом. В то же время политическая роль пролетариата выросла не только внутри страны, но и во всем мире. Ярким примером этого может служить огромное количество рабочих делегаций, прибывающих ежегодно в СССР для изучения советского строительства и положивших в ноябре 1927 г. основание международной организации обществ друзей СССР. (Стр. 141, 187, 358, 429).

170) Буквальное значение слова *«лимитроф»* — пограничный. В нашей литературе лимитрофами называют небольшие государства, образовавшиеся из губерний и областей бывшей Российской империи: Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву.

Будучи сами по себе слабыми государствами, лимитрофы были местами, где в годы гражданской войны формировались белогвардейские банды, налетавшие — при поддержке со стороны соответствующих стран оружием и средствами — на советскую территорию. (Стр. 141).

171) После Октябрьской революции английское правительство наложило запрещение на находившееся в Англии имущество царского правительства. Между прочим, под запретом оказались денежные суммы, вложенные царским правительством в Английский и другие банки, равняющиеся в общем итоге около 10 милл. фунтов стерлингов. (Стр. 142).

172) Во время переговоров делегации советского правительства с представителями английского правительства в 1924 г., Англией было пред'явлено требование, чтобы СССР возместил потери, понесенные английскими подданными вследствие аннулирования советской властью всех долгов, заключенных предшествующими правительствами, и национализации фабрик и заводов. Национализированное имущество,

принадлежавшее английским подданным, в большей части заключалось в нефтяных, горнозаводских и металлургических предприятиях. Наиболее крупную роль в нефтяной промышленности играл Генри Детердинг, глава величайшего в мире нефтяного треста «Ройяль-Детч-Шелл». В горном же деле и в металлургии большая часть претензий принадлежала Лесли Уркарту, владевшему рядом предприятий на Урале и в Сибири. (Стр. 145).

[173]) При открытии Англо-Советской конференции, созванной в апреле 1924 г. после признания СССР Англией для заключения ряда договоров, регулирующих взаимоотношения обеих стран, полномочный представитель СССР в Англии и председатель советской делегации Раковский от имени возглавлявшейся им делегации заявил: «Мы считаем, что принцип международного сотрудничества не только не должен быть устранен, но даже должен быть расширен; в частности, он должен быть распространен на законодательство, имеющее целью охрану труда». Вопрос о международных соглашениях в области рабочего законодательства был по требованию советской делегации включен в программу работ конференции, но совершенно не обсуждался. (Стр. 145).

[174]) На майских выборах 1924 г. в германский рейхстаг коммунисты одержали блестящую победу, получив 61 место в рейхстаге против 26, которыми коммунисты располагали ранее. На выборах во французский парламент в мае 1924 г. коммунисты получили 29 мест, при чем по сравнению с предшествующими выборами они выиграли 17 мест. (Стр. 146).

[175]) Все ораторы, выступавшие от лица Генерального Совета английских тред-юнионов, говорили о необходимости во что бы то ни стало добиться успеха переговоров между английским и советским правительствами и высказывали надежду, что это сближение откроет новые пути и новые возможности для английского рабочего движения. (Стр. 146).

[176]) *Фред Брамли* — выдающийся деятель английского рабочего движения. Родился в 1874 г. в рабочей семье. С ранних лет стал работать в деревообделочных предприятиях. Скоро выдвинулся в профессиональном движении и в 90-х годах был назначен организатором Национальной ассоциации об'единенных мебельных профессий. В 1917 г. был приглашен Парламентским комитетом тред-юнионов занять пост помощника секретаря названного комитета, а с момента создания Генерального Совета был избран генеральным секретарем Совета. На этом посту Брамли вел энергичную политику расширения прав Генерального Совета и превращения его в руководящий орган английского профессионального движения и самым решительным образом настаивал на сближении западно-европейского профдвижения с движением СССР. Он добился того, что Генеральный Совет пригласил делегацию советских союзов на Гулльский конгресс тред-юнионов. В ноябре 1924 г. Брамли прибыл в составе делегации Генерального

Совета на VI С'езд Профсоюзов СССР. После этого Брамли стал одним из деятельнейших работников Англо-Русского комитета единства. Внезапно умер от разрыва сердца в октябре 1925 г. (Стр. 146, 220, 227, 286).

177) *Бен-Тиллет* — секретарь политического и международного отдела британского союза транспортников и чернорабочих, член английского парламента,— родился в 1860 г. С ранних лет работал моряком, в 1887 г. основал союз моряков и чернорабочих. В 1889 г. руководил известной стачкой портовых рабочих, в которой участвовали десятки тысяч неквалифицированных рабочих, до того времени стоявших в стороне от профессионального движения. В этой стачке участвовали десятки тысяч неквалифицированных рабочих, которых английское тред-юнионистское движение чуждалось; она вызвала колоссальный под'ем боевых настроений в Англии и создала перелом в английском профессиональном движении. В 1911 г. снова руководил такой же стачкой, против которой в Лондоне было сосредоточено 25.000 солдат. Во время войны 1914 г. стоял на точке зрения защиты отечества. В 1922 г. содействовал слиянию ряда однородных союзов в союз транспортников и чернорабочих. В 1924 г. принял участие в английской делегации, которая прибыла на VI С'езд Профсоюзов СССР. В 1925 г. Генеральным Советом английских тред-юнионов Бен-Тиллет был выделен в Англо-Русский комитет единства. Считался представителем левого крыла в английском профессиональном движении. Тем не менее в 1926 г. голосовал за прекращение всеобщей забастовки, имевшей целью поддержать горняков. Впоследствии примкнул к сторонникам мира в промышленности. (Стр. 146, 338).

178) *Гастон Монмусс* — Генеральный Секретарь Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда, член Исполнительного бюро Профинтерна, член Политбюро Французской Коммунистической партии. Родился в 1882 г. По профессии железнодорожник. В 1911 г. был избран секретарем профессионального союза железнодорожников правобережного парижского района, а в 1920 г. — секретарем Федерации железнодорожников.

Во время войны вел энергичную борьбу против патриотически-реформистского руководства Всеобщей Конфедерацией Труда. В 1920 г. принял активное участие в создании комитетов революционных синдикалистов. После раскола в 1922 г. Всеобщей Конфедерации Труда и образования параллельно с ней Унитарной Конфедерации, Монмуссо возглавлял группу, боровшуюся с анархо-синдикалистами, высказывавшуюся за сотрудничество профсоюзов с коммунистической партией и настаивавшую на вхождении Унитарной Конфедерации Труда в Профинтерн. Войдя в 1925 г. в компартию, Момнуссо на Лилльском Конгрессе партии (в 1926 г.) был избран в члены Центрального Комитета. За свою революционную деятельность неоднократно подвергался преследованиям и арестам (в 1923 г. обвинялся в государственной измене, в 1925 г. — в организации противогосударственного заговора, в 1927 г.— в подстрекательстве войск к неповиновению). (Стр. 148, 292).

[179]) Пятый конгресс Коминтерна, происходивший в Москве с 17 июня по 8 июля 1924 г., и третий конгресс Профинтерна, состоявшийся в Москве 8—22 июля 1924 г., выдвинули лозунг слияния обоих Интернационалов (Амстердамского и Красного) профессионального движения путем созыва конгресса единства на основе пропорционального представительства. Этот лозунг встретил ожесточенное сопротивление со стороны международной социал-демократии и руководящей верхушки Амстердамского Интернационала. Но, считаясь с симпатиями рабочих масс к лозунгу единства, руководители Амстердамского Интернационала не осмелились открыто выступить против него. Они свели вопрос единства к вопросу о взаимоотношениях между советскими союзами и Амстердамом. На предложение ВЦСПС созвать совещание из представителей Амстердама и ВЦСПС для обсуждения вопроса о методах и способах восстановления единства международного профессионального движения Амстердам поставил предварительным условием переговоров вхождение советских союзов в Амстердамский Интернационал на основе принятия его программ и устава. Для того же, чтобы совершенно запутать дело, амстердамская пресса, уклоняясь от постановки вопроса о единстве, стала утверждать, что: 1) советские союзы хотят выйти из Профинтерна; 2) советские союзы хотят разорвать узы, связывающие их с революционным профессиональным движением других стран; 3) советские союзы желают освободиться от влияния коммунистической партии; 4) у советских союзов появилась новая ориентация — они начинают «европеизироваться». В связи с вопросом о вхождении между ВЦСПС и Амстердамом завязалась переписка (см. примечание № 220). (Стр. 148, 220).

[180]) Опираясь на заключенное еще в 1913 г. соглашение с железнодорожниками и транспортниками (так называемый тройственный союз), английские горняки, под влиянием роста дороговизны жизни, в 1919 г. выдвинули ряд требований, сводившихся к повышению заработной платы и улучшению условий труда. Требования эти были пред'явлены правительству, установившему во время войны государственный контроль над угольной промышленностью. Одновременно было выдвинуто и требование полной национализации шахт. Правительство пошло на уступки. Была создана специальная угольная комиссия, которая высказалась за: 1) повышение заработной платы на два шиллинга (около 1 рубля) в неделю; 2) сокращение рабочего дня на подземных работах с 8 до 7 часов; 3) трестирование всей угольной промышленности под контролем государства. Правительство приняло два первых предложения и тем самым избежало забастовки горняков, угрожавшей повлечь за собой всеобщую забастовку. В связи с ростом дороговизны горняки в июле 1920 г. выдвинули требование дальнейшего увеличения заработной платы и снижения цен на уголь; этим они надеялись повысить потребление угля и смягчить растущую безработицу. Правительство не приняло этого требования. В октябре 1920 г. горняки забастовали. Но так как другие члены тройственного союза в тот момент отказались их

поддержать, то, получив небольшое повышение заработной платы, они через две недели прекратили забастовку. В марте 1921 г. правительство сообщило, что оно прекращает контроль над угольной промышленностью. Предприниматели, получив право бесконтрольно распоряжаться шахтами, заявили о снижении заработной платы с 1 апреля. Так как рабочие не согласились, то с этого числа был об'явлен локаут. Горняки снова обратились за поддержкой к железнодорожникам и транспортникам. Те обещали поддержать, и горняки забастовали, выдвинув в противовес требованиям предпринимателей свои требования, в числе которых были пункты об установлении в государственном порядке единообразного для всей страны тарифа заработной платы и о реорганизации угольной промышленности. Но когда транспортники и железнодорожники уже готовились к забастовке, неожиданно для всех, в пятницу 15-го апреля («Черная пятница»), руководители их Вилльямс и Томас отменили забастовку солидарности. Горняки, предоставленные самим себе, после 16-недельной стачки сдались. С этого момента началось дальнейшее наступление предпринимателей. 30 июня 1925 г. шахтовладельцы предупредили рабочих о разрыве через месяц заключенного с рабочими договора и выдвинули предложение об общем сокращении заработной платы, упразднении законом установленного национального минимума заработной платы и о заключении вместо общеанглийского договора договоров по районам. На этот раз прочие союзы, входящие в тройственное согласие, поддержали горняков. Правления союзов железнодорожников и транспортников разослали циркуляры по всем отделениям с предложением в случае забастовки горняков отказаться от погрузки, перевозки, разгрузки и доставки угля кому бы то ни было. В пятницу 31 июля («Красная пятница») правительство заявило о своей готовности обеспечить предпринимателям определенный уровень прибыли и выплачивать им до 30 апреля 1926 г. субсидию при условии сохранения наличного уровня заработной платы. Предприниматели отменили намеченный локаут. 3 сентября 1925 года была образована королевская угольная комиссия из банкиров и промышленников под председательством члена парламента Самюэля. Эта комиссия 10 марта 1926 года выпустила отчет, в котором, с одной стороны, заявила о бесхозяйственной эксплоатации шахт предпринимателями, но в то же время выдвинула требование «жертвы» со стороны горняков в виде снижения заработной платы на 10%. Одновременно с учреждением комиссии Самюэля правительство приступило к созданию особой штрейкбрехерской организации, навербованной из буржуазии и буржуазной интеллигенции под официальным названием «организация для поддержания снабжения населения (ОМС)». 31 марта 1926 г. на совместном заседании шахтовладельцев и исполкома горняков предприниматели заявили, что в дальнейшем возможно заключение договоров лишь по округам на основе увеличения рабочего дня на 1 час и общего сокращения зарплаты. Генеральный Совет тред-юнионов 14 апреля представил правительству резолюцию протеста против требований

шахтовладельцев; в резолюции содержалось обещание оказать горнорабочим «полнейшую поддержку в их борьбе против понижения жизненного уровня». 16 апреля интернационал горняков заявил, что берет на себя обязательство помешать ввозу в Англию угля. В пятницу 30 апреля предприниматели об'явили о локауте и с 1 мая горняки прекратили работу. В тот же день правительство выпустило декрет об исключительном положении и назначило комиссаров с широкими полномочиями во все районы. 1 мая открылась конференция исполкомов союзов и постановила начать всеобщую забастовку в ночь с 3-го на 4 мая. 2 мая наборщики черносотенной газеты «Дэйли Мэйль» не дали выйти газете из-за передовой статьи, содержавшей самые злостные нападки на стачечное движение. Это дало повод правительству утверждать, что происходит «нападение на основы английской конституции», и потребовать немедленной отмены инструкции о всеобщей стачке. В ночь на 4 мая по призыву Конференции Исполкомов началась всеобщая забастовка. Все железные дороги остановились. Газеты перестали выходить. На улицах прекратилось движение трамваев и автомобилей. 8 мая начался подвоз правительством продовольствия на грузовиках под охраной броневых автомобилей в Гайд-парк, где был устроен главный центр его распределения. Тогда же были мобилизованы полицейские отряды из добровольцев в качестве резерва гражданской полиции. 11 мая судья Астбери вынес постановление, гласившее, что стачка незаконна. Стачка продолжала расширяться и приковала к себе внимание всего пролетарского мира. ВЦСПС обратился с призывом к международному пролетариату о поддержке стачки и о производстве сборов пожертвований. В первые же дни стачки им был сделан денежный перевод на имя Генерального Совета. Но Генеральный Совет отказался принять перевод, мотивируя тем, что общественным мнением это будет понято и использовано как финансирование стачки извне. Генеральный Совет все время пытался доказать, что всеобщая стачка является исключительно экономической и не преследует никаких политических целей. Внезапно 12 мая в момент полного разгара стачки Генеральный Совет об'явил стачку законченной, не выговорив у предпринимателей обязательства обратного приема всех участников забастовки. Предприниматели поставили союзам, прекратившим забастовку, самые унизительные условия; между прочим они требовали признания союзами вины за забастовку и обещания в дальнейшем не предпринимать забастовок без предварительных переговоров с предпринимателями. Активные участники забастовки не были допущены к работе. Углекопы, несмотря на предательство Генерального Совета, продолжали борьбу. Интернационал горняков и Интернационал транспортников, ранее обещавшие не допускать угля в Англию, после прекращения Генеральным Советом всеобщей стачки ничего не сделали для поддержки горняков. Денежные сборы, произведенные в пользу горняков среди организаций, примыкавших к Амстердамскому Интернационалу, оказались ничтожными по своим размерам. Единственная серьезная

помощь исходила только от рабочих СССР, но этого было недостаточно для поддержания миллионной армии бастовавших горняков с их семьями. Продержавшись 7 месяцев в условиях невероятных лишений и голода, горняки сдались, приняв условия предпринимателей. (Стр. 150, 285, 298, 305, 319, 320, 321, 323, 324, 325, 328, 329, 331, 333, 356, 359, 360, 367, 372, 376, 379, 381, 387, 394, 417, 430, 469, 476, 490, 500).

181) Забастовавшие в июне 1924 г. рабочие лондонских подземных железных дорог требовали установления минимума заработной платы в 3 фунта стерлингов в неделю. Забастовка окончилась поражением рабочих. Компания «Ундергрунд» (подземных дорог), чтобы сломить забастовку, организовала движение автобусов. По заявлению секретаря стачечного комитета, рабочие были разбиты не столько железнодорожными кампаниями, сколько Национальным союзом железнодорожников, выступившими против забастовки и об'явившим ее незаконной. (Стр. 150).

182) В начале 1924 г. в Англии вспыхнула стачка машинистов и кочегаров на железных дорогах. В феврале того же года забастовали докеры. Через два месяца после этого забастовали рабочие городских железных дорог. Все стачки были оборонительными, так как капиталисты начали проводить снижение заработной платы, имея в виду довести ее до уровня 1920 г. Железнодорожные компании мотивировали свои требования необходимостью для них «довести заработную плату до среднего — коммерческого уровня ее в стране». При переговорах они открыто заявили, что действуют под давлением всех английских промышленников, которым уже удалось снизить заработную плату в своих отраслях промышленности и которым в данное время мешает транспорт, где плата не снижена, что действует деморализующе на остальных рабочих. (Стр. 150).

183) На I Всероссийском с'езде союзов служащих в июле 1918 г. из 125 делегатов, представлявших собой 218 тысяч членов, 21 человек являлись коммунистами, представлявшими 60 тысяч членов (при 2 интернационалистах, 56 независимцах — главным образом, меньшевиках — и 46 беспартийных). С'езд принял антисоветскую резолюцию по вопросу о национализации торговли, признав, что эта последняя, «не являясь мерой социалистического характера..., приводит в настоящих условиях только к одному разорению государства, разрушению хозяйственного аппарата и полному расстройству товарообменаа». Группа коммунистов заявила, что, «подчиняясь сюзной дисциплине», она оставалась до конца с'езда и «спокойно переносила соглашательское, антипролетарское поведение с'езда», но теперь ставит перед собой «задачу отрезвления и классового оформления служащих-пролетариев» и, в качестве первого шага к этому считает «созыв чрезвычайного Всероссийского с'езда служащих». Ряд союзов отказался подчиняться руководству избранного на I С'езде Совета, так как тот занял антисоветскую позицию. В связи с этим Совет созвал в ноябре конференцию для пересмотра вопроса о национализации. Учтя настроения организо-

ванной массы служащих, признав, что национализация торговли приняла планомерный характер, конференция предложила всем союзам не только принимать в ней активное участие, но и проявлять необходимую инициативу. (Стр. 153).

[184]) Отказ Амстердамского Интернационала от установления единого фронта против наступления капитала привел к ряду поражений рабочих в стачечной борьбе. Это вызвало ослабление в рабочих массах влияния профсоюзов, руководимых Амстердамом. Упорное нежелание руководителей Амстердама изменить свою тактику вызвало к жизни в целом ряде стран левое течение. Это течение, опиравшееся, главным образом на рабочие низы, гораздо более потерпевшие при наступлении капитала, чем квалифицированная верхушка пролетариата, требовало: 1) включения союзов СССР в состав Интернационала; 2) восстановления единства профессионального движения. Рост левого крыла оказал влияние и на руководящие центры союзов, примыкающих к Амстердаму. Эддо Фиммен, член Генерального Совета Амстердамского Интернационала, видя, что Амстердам не предпринимает никаких практических мер к предотвращению угрозы новых войн, начал кампанию за единство мирового профдвижения (включая и союзы СССР). На Венском конгрессе в июне 1924 г. к нему примкнула английская делегация. С той поры левое крыло стало усиливаться. В большинстве европейских стран его сторонники образовали группы единства и издают периодические органы с программой единства профессионального движения. В связи с всеобщей стачкой 1926 г. (см. примечание № 180) Генеральный Совет британских тред-юнионов, бывший сторонником с 1924 г. единства, примкнул к правым. (Стр. 154, 241).

[185]) Во время III Конгресса Профинтерна работа Англо-Советской конференции по заключению договоров и соглашений, вытекавших из признания Англией советского правительства, еще не была закончена. Первое заседание конференции состоялось 14 апреля 1924 г., закончилась же она 12 августа того же года. М. П. Томский, принимавший в ней участие как официальный представитель правительства СССР, во время перерыва прибыл в Москву для участия на конгрессе Профинтерна. (Стр. 154).

[186]) По вопросу о соглашении с союзами СССР в Амстердаме выявились следующие течения: левое — представители производственных Интернационалов служащих (Смит) и транспортников (Фиммен), а также представители Англии (Персель и Браун) настаивали на необходимости переговоров с союзами СССР; правые — представители Франции (Жуо), Бельгии (Мертенс), Германии (Зассенбах) и Удегест (Голландия) заняли позицию открыто враждебную переговорам. Стенгюис (Голландия), в общем примыкая к правому крылу, в своих выступлениях, однако, пытался формулировать компромиссное предложение. (Стр. 156).

[187]) *Артур Джемс Кук* — секретарь федерации горняков Великобритании. Родился в 1889 году. Его отец, бывший профессиональным

солдатом (в Англии солдаты служат по найму), хотел отдать его двенадцати лет в армию в качестве барабанщика. Мальчик ушел из дому и поступил работником на ферму. 16-ти лет стал работать в копях Южного Уэльса.

В 1906 г. написал совместно с тремя своими товарищами брошюру «Следующий шаг углекопов», где горнякам рекомендовалась итальянская забастовка. Во время войны Кук вел деятельную агитацию против милитаризма. В 1918 г. отбыл 6 месяцев тюремного заключения за речи против войны. По освобождении был избран членом исполкома федерации горняков. В 1921 г. отбыл 4 месяца тюрьмы за революционную агитацию. В 1924 г. был избран генеральным секретарем федерации. В 1926 г. был самым стойким и решительным вождем горняков во время их забастовки. Присутствовал на VII С'езде Профсоюзов СССР в 1926 году в качестве делегата от английских горняков. Одно время состоял в английской коммунистической партии, но, недолго пробыв, вышел из нее. В последнее время Кук выдвинул проект реорганизации профессионального об'единения горняков на основе демократически централизованного единого союза вместо существующей федерации. Ведет энергичную агитацию за тесную связь с союзами СССР, за единство профессионального движения и единый фронт с коммунистами. Несмотря на резкий поворот вправо председателя федерации горняков Смита, ведет борьбу с проводимой Генеральным Советом тактикой мира в промышленности. (Стр. 157).

188) Предложенная русской делегацией на III Конгрессе Профинтерна резолюция по вопросу о борьбе за единство международного профдвижения содержит в себе следующее:

«1. III Конгресс Профинтерна, попрежнему в интересах развития классовой борьбы в международном масштабе и успешного отражения натиска капитала, подтверждая свои прежние решения о необходимости борьбы за создание единого рабочего фронта, считает своим долгом еще раз подтвердить свое твердое решение вести свою работу в этом направлении.

2. Ни на минуту не прекращая своей решительной борьбы со всякими проявлениями реформизма в международном рабочем движении, беспощадно вскрывая всю предательскую его сущность, неутомимо раз'ясняя это всем рабочим, не понявшим еще сущности реформизма, как тормоза в освободительной борьбе пролетариата, III Конгресс считает, в интересах концентрации пролетарских сил и единого руководства борьбой рабочих против экономического наступления капитала и фашистской реакции, наиболее актуальной задачей своей деятельности развитие широкой кампании в рабочих массах за единство международного профессионального движения.

3. Эта кампания за единство, в первую голову и главным образом снизу развиваемая в широких массах, должна поставить перед ними во весь рост и с полной отчетливостью вопрос о создании единого Интернационала Профсоюзов.

4. Одним из следующих шагов в этом направлении после соответствующей подготовки масс мог бы быть созыв об'единительного интернационального конгресса профсоюзов, на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва и Амстердам) на основе пропорционального представительства, для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового об'единенного Интернационала. Конгресс считает, что только этим путем можно осуществить одновременное и полное слияние параллельных организаций.

5. Во исполнение этого конгресс считает полезным войти через своих представителей в сношения с Амстердамским Интернационалом и британскими тред-юнионами, представители которых выступают внутри Амстердама, как сторонники единого Интернационала.

6. Однако, ставя интересы международного рабочего движения и осуществление его единства выше вопросов формального характера, конгресс считает, что отдельные профессиональные организации, входящие в Профинтерн, не должны упускать ни одного благоприятного случая для переговоров с Амстердамским Интернационалом или с отдельными его частями по вопросу об осуществлении единства и единого фронта, при непременном согласии в каждом отдельном случае со стороны Профинтерна и под его руководством.

7. Конгресс единодушно считает, что попрежнему каждый имеющий международное значение решительный шаг со стороны всякой организации, входящей в Профинтерн, может быть совершен лишь с санкции и под руководством Профинтерна.

8. Конгресс выражает уверенность, что неутомимая пропагандистская раз'яснительная работа в массах и организациях их под лозунгом единства международного движения создадут необходимые предпосылки для осуществления в ближайшем будущем организационного оформления единого рабочего фронта против международного капитала.

9. III Конгресс Профинтерна, не считая возможным ограничиться только декларацией единства, постановляет создать комиссию единства мирового профдвижения из 17 человек, которая должна повести, под руководством Исполбюро Профинтерна, решительную борьбу в указанном выше направлении. Настоящая комиссия, вся целиком или отдельные члены ее по поручению, должна вступить в контакт с английскими тред-юнионами, поднявшими на с'езде Амстердамского Интернационала вопрос о единстве, изучить состояние профдвижения в тех странах, где движение за единство наиболее сильно, и вступить в случае необходимости в переговоры с Амстердамским Интернационалом в указанных в настоящей резолюции целях и пределах.

Да здравствует единство международного профессионального движения!» (Стр. 160).

[189]) *Теодор Лейпарт* — родился 17 мая 1867 года в Нейбранденбурге (Германия). Сын портного. Окончив начальную школу, с 14 лет работал

токарем по дереву. В 1890—1893 гг. редактор союзного официального органа токарей. В 1893—1919 гг. председатель германского союза деревообделочников. В 1919—1920 гг.—министр труда в Вюртемберге. В 1921 году—председатель Всегерманского Об'единения Профессиональных Союзов (А. Д. Г. Б.) и член Бюро Труда при Лиге Наций. С 1922 года—член Исполкома Международного Об'единения (федерации) Профессиональных Союзов (Амстердамский Интернационал). В Интернационале занимает правую позицию, борется против единого фронта с революционными профсоюзами и против вхождения союзов СССР в международные об'единения, руководимые Амстердамом.

Сторонник «делового» сотрудничества профсоюзов с предпринимателями. Настаивает на исключении коммунистов из профсоюзов В Амстердамском Интернационале ведет борьбу против допущения союзов СССР в международные об'единения профсоюзов. (Стр. 160, 482).

[190]) *54-й конгресс английских тред-юнионов* — состоялся 1—10 сентября 1924 г. в г. Гулле.

Гулльский конгресс:

1) расширил полномочия Генерального Совета тред-юнионов, предоставив ему право участия в промышленных конфликтах отдельных союзов и призыва на помощь борющимся всех остальных рабочих;

2) высказался за организацию союзов по производственному принципу, со сведением числа союзов до минимума и обеспечением возможности единства при выступлениях;

3) уполномочил Генеральный Совет воздействовать на Амстердамский Интернационал для создания об'единенного Интернационала Профессиональных Союзов.

Эти решения были приняты после выступления М. П. Томского.

На ряду с этим конгресс вынес ряд ошибочных решений. Так, например, отказался принять в свой состав местные профессиональные советы и Национальный Комитет безработных (в Англии безработные не состоят в тред-юнионах, имеют собственную организацию). Конгресс не отмежевался от политики правительства Макдональда, поддерживавшего проведение плана Дауэса в Германии, уклонился от осуждения империалистической политики этого «рабочего» правительства, интервенции в Китае. Такой двойственный характер решений конгресса об'ясняется тем, что на нем происходила борьба между левым меньшинством и представителями союзной бюрократии. На этом конгрессе впервые присутствовала специально приглашенная Генсоветом, возглавляемая тов. Томским делегация профессиональных союзов СССР. На нем же была избрана делегация от английских союзов на VI С'езд союзов СССР из следующих лиц: Альберт Персель, Фред Брамли, Герберт Смит, Бен-Тиллет, Джон Тернер, Джон Бромлей, Энней Финдлей. (Стр. 162, 182, 192, 198, 227, 244, 268, 271, 282, 364, 386).

[191]) Представитель Американской Федерации Труда Брэди в своей приветственной речи Гулльскому Конгрессу английских профсоюзов

говорил только о рабочих банках, которые созданы американскими профсоюзами. В отношении общей оценки мирового хозяйства он ограничился только утверждением, что «война оставила после себя не победителей и побежденных, а только одних побежденных». (Стр. 164).

[192]) *Английская Рабочая Партия* сформировалась под влиянием энергичной агитации Кейр-Гарди, основателя английской Независимой Рабочей Партии. На конгрессе английских тред-юнионов в 1899 г. по его предложению была принята следующая резолюция: «Конгресс поручает Парламентскому Комитету (избиравшемуся до сформирования Рабочей Партии органу конгрессов тред-юнионов для руководства работой представителей рабочих в парламенте) пригласить к сотрудничеству все кооперативные, социалистические, профессиональные и другие рабочие организации в целях созыва специального Конгресса представителей названных организаций, для совместной выработки путей и средств к увеличению количества рабочих депутатов в ближайшем парламенте». 27 февраля 1900 года в Лондоне открылась конференция представителей английских тред-юнионов, Независимой Рабочей Партиии, Социал-демократической Федерации и Фабианского Общества (право-реформистской социалистической организации), названной так по имени Фабия, древнего римского полководца, прозванного «медлителем» за свою боязнь какой бы то ни было поспешности в руководимых им военных действиях. Эта конференция высказалась «в пользу образования в парламенте отдельной рабочей группы, которая должна иметь своих вождей и выработать свою политику». В то же время она образовала особый Комитет Рабочего Представительства, созывающий периодические конференции по вопросам рабочей политики и деятельности рабочей группы в парламенте. Одной из таких конференций и начинается история Английской Рабочей Партии, получившей это название на конференции, созванной Комитетом Рабочего Представительства в 1906 году. Характерной особенностью в построении Рабочей Партии было то, что вступление в нее могло быть только коллективным, через определенную организацию (профессиональный союз или социалистическую организацию), присоединяющуюся к партии. Все члены присоединившихся к Рабочей Партии организаций считались таким образом членами Рабочей Партии. Другой особенностью являлось отсутствие у нее определенной политической программы. Каждая организация, вступающая в Рабочую Партию, обладала полной свободой вырабатывать для себя свою собственную программу. От нее требовалось только, чтобы выставляемый ею кандидат в парламент обязался поддерживать в парламенте единство рабочего представительства при рассмотрении вопросов, непосредственно затрагивающих ближайшие требования английского профессионального движения. Такое положение вещей было до конференции 1918 года. Эта конференция сформулировала общую программную задачу партии. Она заявила, что партия стремится обеспечить «работникам умственного и физического труда полный продукт труда, а также соразмерное распределение этих

продуктов, поскольку это вообще возможно. Основой для этого должно послужить общее владение средствами производства и наилучше приспособленная система управления, исходящего от народа, в каждой отрасли промышленности. Тогда же партия видоизменила и свое организационное построение, допустив на ряду с коллективным членством в партии и персональное. Партия стала строиться на двойном базисе: с одной стороны, профессиональные союзы и социалистические организации и, с другой стороны, избирательные округа. В округах имеются отделы Рабочей Партии, куда открыт доступ каждому гражданину, принимающему программу и устав партии. Основную массу членов Рабочей Партии все-таки составляют английские тред-юнионы. Идейное же руководство принадлежит Независимой Рабочей Партии, лидером которой, Рамзей Макдональд, является и лидером Рабочей Партии. В 1924 году Рабочая Партия некоторое время находилась на положении правящей (примечание 167). После выборов осенью 1924 г., когда консерваторы получили абсолютное большинство в парламенте, она стала оппозиционной, надеясь победить на следующих выборах. Характерной чертой деятельности Рабочей Партии является подчеркивание своей легальности и лойяльного отношения к парламентской системе.

На своей конференции в 1924 году партия приняла решение об исключении Английской Коммунистической Партии (возглавлявшей левое крыло, ядро которого составляла левая британского профессионального движения) из своего состава на том основании, что борьба за диктатуру пролетариата противоречит политике Рабочей Партии. Тем не менее на ее конференциях выступают коммунисты (как, например, Гарри Поллит), получающие туда доступ, как представители профессиональных организаций. (Стр. 164, 179, 182, 198, 479).

[103]) Побежденная в империалистической войне Германия была вынуждена подписать *Версальский мирный договор*. По этому договору от Германии отошел к союзникам ряд важнейших в хозяйственном отношении территорий: Эльзас-Лотарингия и часть Рейнской провинции (богатейшие залежи минеральных руд, угля, поташа, крупные текстильные предприятия), значительная часть восточной и западной Пруссии, Шлезвинг-Гольштейна, Бранденбург и Силезия (развитое сельское хозяйство), Восточная Верхняя Силезия (уголь, цинк и сильно развитая металлургическая промышленность); вследствие этого Германия потеряла по сравнению с 1913 годом 26% добычи угля, 75% — железа, 68% — цинка, 16% — пшеницы, 18% — картофеля; кроме того, у Германии были отняты 89% торгового флота, 5.000 паровозов, 150.000 вагонов, все принадлежавшие ей телеграфные кабели и все колонии, находившиеся в Африке и на островах Тихого океана, превышавшие в 5½ раз площадь самой Германии и снабжавшие ее сырьем и продовольствием (каучук, медь, какао и т. д.). Сверх этого, часть областей Германии была временно занята союзниками (например, Саарская область с богатейшими угольными копями была передана Франции на 15 лет).

Ослабленная в хозяйственном отношении Германия должна была, сверх того, содержать войска союзников в оккупированных областях и платить репарации (возмещения за произведенные во время войны разрушения) в форме денежных платежей и бесплатных поставок натурой (уголь, 50% всех производимых в Германии красок, скот и проч.). Сумму этих репараций и сроки взноса поручалось установить специальной международной Репарационной комиссии. Англия и Италия, не заинтересованные в одностороннем усилении Франции, предлагали установить общую сумму репараций в 90 миллиардов золотых марок, Франция же, стремившаяся к возможно большему экономическому ослаблению Германии и собственному усилению за ее счет, настаивала на установлении суммы в 266 миллиардов. Репарационная комиссия установила сумму платежей в 132 миллиарда золотых марок (около 62 миллиардов довоенных золотых рублей). Лондонским соглашением в мае 1921 года это заключение комиссии было утверждено. Из наложенных на Германию платежей Франции причиталось 52%, Англии — 22%, Италии — 10%, Бельгии — 8%, остальное приходилось на долю Японии, Португалии, Румынии, Греции и Югославии.

В 1922 году Германия представила подробный доклад, в котором указала, что внесенные ею платежи и стоимость взятого у нее имущества составляют 42,8 миллиарда марок, не считая 4½ миллиардов, расходуемых на оккупационные войска союзников. Ссылаясь на катастрофическое падение марки, Германия доказывала невозможность внести следуемые с нее платежи. По настоянию Франции Репарационная комиссия 26 декабря 1922 года признала Германию «неисправным должником», и Франция под предлогом необходимости «гарантировать уплату репараций» заняла своими войсками в январе 1923 года центр германской каменноугольной промышленности — Рурскую область, отделила ее от Германии таможенной и паспортной границей и попыталась эксплоатировать каменноугольные копи с помощью своего технического персонала. Стремление получить рурский уголь в добавление к захваченному в Эльзас-Лотарингии железу и было главной причиной выступления Франции. План этот не удался, остановка рурской каменноугольной промышленности вызвала падение французской металлургии, работавшей на рурском угле. В апреле 1923 года Франция вырабатала 350.000 тонн чугуна вместо 513.000 тонн в декабре 1922 года. Отделение Рура было само по себе большим ударом для германского хозяйства. Германская буржуазия использовала рурские события в целях обогащения. Выдвинувшая «патриотический» лозунг «пассивного» сопротивления, буржуазия получала субсидии правительства на заработную плату рабочих остановленных предприятий и за товары, задержанные французами на складах; заработная плата рабочим выдавалась в быстро понижавшейся германской валюте, а на получаемые от правительства суммы и широко раздававшиеся рейхсбанком ссуды предпринимателями покупались доллары; при дальнейшем обесценении марки для возврата ссуд достаточно было разменять часть

приобретенных долларов. На этой денежной спекуляции германские капиталисты заработали по официальным данным около 200 млн. зол. марок. Бумажная германская марка в течение одного года упала вдвое больше, чем совзнак за 6 лет (при переходе на твердую валюту, по плану Дауэса, старые деньги выкупались по курсу один триллион за одну золотую марку). Вся тяжесть этого кризиса легла на рабочих, получавших заработную плату в падающей валюте, и на мелкую буржуазию, потерявшую свои сбережения. В то же время германскими, французскими и английскими капиталистами велись закулисные переговоры об урегулировании конфликта путем об'единения французской и немецкой тяжелой индустрии для совместной эксплоатации Рура. Соглашение не состоялось, так как французы требовали передачи им большинства акций проектировавшегося об'единения, что сделало бы их хозяевами Рура. Хозяйственный кризис заставил Германию сдаться, и вопрос о репарациях в виду вмешательства Америки получил новое разрешение. Америка, развившая свою промышленность и накопившая запасы золота на военных поставках и ввозе товаров в колонии воевавших государств во время империалистической войны, по окончании ее не вмешивалась в европейские дела. Американский сенат отказался утвердить Версальский мир, и в выжимании из Германии репараций Америка, в первые годы, участия не принимала. Но в 1924 г. в Америке разразился сильнейший промышленный и сельскохозяйственный кризис. Для развившейся за время войны американской промышленности оказалось недостаточно внутреннего рынка; обеднение Европы уменьшило спрос на американские сельскохозяйственные продукты, что повело за собой разорение около 2.000.000 фермеров и дальнейшее сужение внутреннего рынка. При начавшемся сокращении промышленности не могли найти себе применения и накопленные Америкой за время войны запасы золота. Таким образом, перед Америкой встали задачи восстановления и использования европейского рынка и размещения своих капиталов за границей. Этим обусловлено вмешательство Америки с 1924 года в европейские дела и, в частности, в урегулирование репарационного вопроса. Будучи крупнейшим промышленным государством и кредитором европейских государств, Америка заставила принять свою схему решения этого вопроса. Под председательством бывшего адвоката, а в империалистическую войну интенданта и генерала, Дауэса, — ставленника американского миллионера Моргана, — была образована комиссия экспертов, выработавшая, так называемый, «план Дауэса», принятый с некоторыми изменениями на Лондонской конференции союзников 16 августа 1924 года. По этому плану все германские железные дороги, оцененные в 26 миллиардов марок, передаются германским правительством в управление специальному обществу, во главе которого стоит совет из девяти лиц, назначенных германским правительством, и девяти, назначенных Репарационной комиссией. Кроме того, Антанта назначает особого комиссара, который в случае невыполнения советом лежащих на нем

обязательств, принимает меры по своему усмотрению и может взять на себя управление дорогами. Общество выпускает на 11 миллиардов марок 6-процентных облигаций и передает Репарационной комиссии, выпускает на 13 миллиардов обыкновенных акций (передаются германскому правительству) и на 2 миллиарда привиллегированных акций (1½ миллиарда остаются в руках общества, а 500 миллионов передаются правительству с обязательством продать половину из них и деньги внести агенту по репарациям). Проценты по облигациям первые три года уплачиваются в уменьшенном размере, а с четвертого полностью (5% плюс 1% на погашение облигаций). Промышленные предприятия с капиталом выше 50.000 марок выдают 6% обязательства на общую сумму в пять миллиардов марок (полностью проценты вносятся также начиная с четвертого года).

Все поступления налогов на водку, пиво, сахар, табак, таможенные пошлины и транспортный налог передаются налоговому комиссару Антанты, который удерживает определенную по плану сумму, а остаток передает германскому правительству. В случае неуплаты промышленностью и транспортом причитающихся с них взносов недостающее пополняется из собранных налогов, которые по требованию комиссара могут быть повышены. С пятого года платежи из налоговых сумм равны сумме всех прочих платежей. Для установления твердой валюты организуется независимый от германского правительства банк, находящийся под наблюдением специального комиссара; этому банку предоставляется исключительное право выпуска бумажных денег; даже чеканку монет германское правительство обязано проводить через этот банк. Германии предоставляется международный заем в 800 миллионов марок золотом (большую часть вносит Америка). Под обеспечение этих денег германский банк выпускает на 2 миллиарда банкнот, передает их германскому правительству, а последнее оплачивает ими поставки натурой.

В течение первых пяти лет по плану Дауэса Германия должна произвести следующие платежи:

I год (с 1/IX 1924 г. по 31/VIII 1925 г.):

Выручка от международного займа . . .	800	миллионов	зол.	марок
%% по железнодорожным облигациям . .	200	»	»	»
Итого	1.000	»	»	»

II год (1925/26):

Выручка от продажи привилегированных железнодорожных акций	250	»	»	»
Транспортный налог	250	»	»	»
%% по железнодорожным облигациям . .	595	»	»	»
%% по промышленным облигациям . . .	125	»	»	»
Итого . . .	1.220	»	»	»

III год (1926/27):

Таможенные пошлины и налоги	110	миллионов зол. марок
Транспортный налог	290	» » »
%% по железнодорожным облигациям	550	» » »
%% и погашение по промышленным облигациям	250	» » »
Итого	1.200	» » »

IV год (1927/28):

Таможенные пошлины и налоги	500	» » »
Транспортный налог	290	» » »
%% и погашения по железнодорожным облигациям	660	» » »
%% и погашения по промышленнным облигациям	300	» » »
Итого	1.750	» » »

V год (1928/29):

Таможенные пошлины и налоги	1.250	» » »
Транспортный налог	290	» » »
%% и погашения по железнодорожным облигациям	660	» » »
%% и погашения по промышленнным облигациям	300	» » »
Итого	2.500	» » »

В дальнейшем в зависимости от установленного планом «индекса (показателя) благосостояния» эта основная сумма в 2.500 миллионов будет увеличиваться, так что всякое улучшение хозяйственного положения Германии повлечет за собой увеличение платежей, которое будет производиться за счет увеличения косвенных налогов.

Для того, чтобы перевод этих платежей не вызвал падения германской валюты, он будет производиться по мере возможности; непереведенная сумма до 2 миллиардов хранится в германском банке, а сверх 2 до 5 миллиардов должна использоваться для скупки германских промышленных предприятий или их облигаций. В случае скопления более 5 миллиардов непереведенных за границу сумм взимание платежей временно приостанавливается впредь до возможности перевода накопленного за границу. Все требуемые планом законодательные меры были проведены германским рейхстагом в ряде законов, принятых 30 августа 1924 года.

План Дауэса на первых же порах принес германскому пролетариату увольнение 143.000 железнодорожников, увеличение налогов на предметы потребления и усиление эксплоатации рабочих. (Стр. 165, 176, 203, 252, 259, 271, 285, 314, 322, 358, 388).

194) Дарданельский пролив является единственным морским проходом из Черного моря в Средиземное. Расположенные на востоке Средиземного моря Балканы представляют собой весьма удобные позиции для господства над всем средиземно-морским побережьем Африки и Азии и, следовательно, над сухими и морскими путями через Суецкий канал на юг и восток Азии. Поэтому европейские государства все время соперничали между собой из-за влияния на Балканах. Политически Балканы представляли собой ряд государств (Турция, Болгария, Румыния, Сербия, Черногория, Греция) с весьма пестрым национальным составом, непрерывно боровшихся между собой за расширение национальных границ. Эта борьба поддерживалась соперничавшими между собой из-за влияния группировками европейских держав: Германия и Австро-Венгрия — с одной стороны, Англия, Франция и Россия — с другой. Вспыхивавшие на Балканах войны делили Европу на два лагеря.

В эпоху, предшествовавшую балканским войнам 1912—1913 г., Германия старалась укрепить свое влияние на Балканах, опираясь на Турцию и Болгарию. Антанте, т.-е. англо-франко-русскому соглашению, удалось добиться заключения союза Сербии, Греции, Черногории с Болгарией для борьбы с Турцией под лозунгом «Балканы для балканских народов». После победы над Турцией Антанта раскололa этот союз: Сербия и Греция, к которым присоединилась Румыния, начали войну против Болгарии. В результате Болгария потерпела поражение. В лице Турции и Болгарии Антанта нанесла поражение австро-германскому блоку. Эти войны были преддверием к мировой войне 1914 г. По прекращении империалистической войны соперничество империалистических стран из-за господства над Балканами сохранило всю остроту, давая повод к конфликтам и даже военным столкновениям. Англия, под влиянием которой находилась Греция, толкнула ее в 1920 г. на войну с Турцией, надеясь в случае победы (и расширения греческой территории на малоазиатское побережье Средиземного моря) получить господство над Балканами в ущерб Франции и Италии. Поражение, нанесенное Греции Турцией, усилило влияние Франции. Убийство бандитами в августе 1923 года на греческой территории б. членов итальянской военной миссии послужило поводом к итальянской военной экспедиции против Греции, закончившейся бомбардировкой, а затем и оккупацией острова Корфу и прилегающих островов. Захватив господство над Адриатическим морем, Италия вызвала протесты со стороны Малой Антанты (соглашение Югославии, Румынии и Чехо-Словакии), заинтересованной в портах Адриатического моря, и стоявшей за ней Франции. Италия эвакуировала Корфу, но захватила Фиуме, самый значительный порт Югославии на Адриатическом море, чем влияние Франции на Адриатическом побережье было значительно ослаблено. Наконец, Италия фактически подчинила себе Албанию, сосредоточив в своих руках организацию путей сообщения и военных сил этого государства. Характерно, что Италия первой признала Ахмеда-Зогу, военного

диктатора Албании, об'явившего себя в сентябре 1928 г. королем албанцев (а не Албании), что вызвало протест Югославии, так как этот титул может обозначать претензии на власть над албанцами, живущими на территории Югославии. (Стр. 166).

[195]) Всеобщее обнищание, вызванное мировой империалистической войной, имело своим последствием сокращение сбыта товаров на мировом рынке. Начался хронический кризис перепроизводства. Промышленные страны поэтому начали борьбу за расширение вывоза своих товаров и за сокращение ввоза чужих товаров из-за границы. Чтобы обезопасить для собственной промышленности от иностранной конкуренции хотя бы внутренний рынок, все страны ввели высокие таможенные пошлины (так называемые запретительные) на ввозимые товары. Положение вещей осложнилось тем, что Германия для получения возможности производить платежи, навязанные ей Версальским договором, была вынуждена усиленно вывозить фабрикаты в размерах, далеко превышающих довоенные. Франция, наиболее заинтересованная в поступлении германских платежей, прилагает все усилия к тому, чтобы помешать Германии ввозить на французские рынки продукцию германской промышленности. По исчислению «Форвертс'а» французское правительство в течение одного только 1924 г. повысило пошлины на товары химической промышленности в 10—20 раз, для предметов электротехнической промышленности пошлины стали составлять около 150% стоимости, пошлины на германские машины и металлические изделия стали равняться 40—50% их стоимости. Германия отвечала тем же. Франция до начала 1925 г. могла обходить германский таможенный барьер, так как на основании Версальского договора Германия обязана была допускать в течение пяти лет беспошлинный ввоз товаров из отторгнутых в пользу Франции областей Эльзаса, Лотарингии и Саарской области. Франция под эльзасской маркой провозила и свои собственные товары (из общего ввоза за 1-ю половину 1924 г. в Германию французских товаров на 386,6 милл. золотом официально было ввезено из областей довоенной Франции лишь на 89,5 милл. марок, в то время как ввоз из Эльзас-Лотарингии и Саарской области равнялся 279,1 милл. марок). Но с января 1925 года шансы таможенной войны (борьба путем повышения таможенных пошлин) сравнялись, так как пятилетний срок беспошлинного ввоза товаров из названных областей истек.

Вводя запретительные пошлины на ввозимые товары, Франция столкнулась с интересами английской промышленности, работающей, главным образом, на вывоз. Перед войной Англия охраняла принцип свободной торговли, не стесняемой таможенными запрещениями. Единственными сторонниками ограждения внутреннего рынка были консерваторы. Во время войны им удалось добиться проведения так называемых пошлин Мак-Кенна (б. министр финансов) в размере 33⅓% рыночной цены: на музыкальные инструменты, велосипеды, автомобили и их части, часы и кинематографические фильмы. По окончании войны

политика заградительных пошлин значительно расширилась проведением в 1921 г. закона о защите основных отраслей промышленности. Пришедшее к власти в 1924 г. правительство Макдональда отменило пошлины Мак-Кенна. Эта отмена была выгодна Франции, повысившей свой вывоз в Англию с 53,014 миллионов фунтов стерлингов в 1921 г. до 65,061 миллионов в 1925 г. Поэтому английские консерваторы, одержав осенью 1924 г. победу на парламентских выборах, в 1925 г. восстановили пошлины Мак-Кенна и дополнили новыми — на ножевые изделия, перчатки, искусственный и натуральный шелк, упаковочную бумагу и некоторые другие товары.

В то же время консерваторы стремятся провести систему так называемого «имперского покровительства», т.-е. таможенного об'единения Англии с ее колониями на основе свободного обращения всех товаров, произведенных в какой бы то ни было части Британской империи, и высокого обложения товаров, ввозимых из других стран. Но проведение этой системы встречает сильное противодействие как внутри самой Англии, где население относится весьма враждебно к покровительственной политике, имеющей своим результатом всеобщее повышение цен, так и со стороны колоний, защищающих принципы «покровительства местной промышленности», т.-е. охраны местной промышленности от конкуренции со стороны, в том числе и со стороны метрополии (самой Англии). (Стр. 166, 179).

[196]) *Консмор Томас Крамп (Крэмп)* — один из крайних правых деятелей английского рабочего движения. Родился в 1876 г. Был железнодорожным носильщиком, затем кондуктором. С 1911 г. член исполкома союза железнодорожников. Приобрел известность во время железнодорожной забастовки в 1919 г., когда вместе с секретарем союза железнодорожников, Томасом, вел переговоры с правительством и добился от него ряда уступок. Противник революционных методов борьбы. Он использовал все свое влияние в союзе, чтобы не допустить транспортников и горняков об'явить забастовку солидарности. Крамп председательствовал на Лондонском с'езде Рабочей партии в 1924 г., где было принято решение об исключении из этой партии коммунистов. В 1926 г., после срыва всеобщей забастовки, Крамп вместе с Томасом подписал от имени союза железнодорожников с железнодорожными компаниями соглашение, по которому союз железнодорожников признал за собой вину в об'явлении забастовки, а за железнодорожными компаниями право требовать как с союза, так и с членов его возмещения за убытки от забастовки, и дал обязательство в будущем не об'являть стачек без предварительных переговоров с железнодорожными компаниями. Крамп является автором проекта разрешения всех споров между Амстердамом и Профинтерном путем распределения между ними сфер влияния таким образом, что Амстердаму отводится область европейского континента за вычетом России, а Профинтерну — область России и азиатского континента (теория континентальных интернационалов). (Стр. 167, 259, 287).

[197]) *Джон Удегест.* Социал-демократ. Один из крайне-правых реформистских вождей. Противник международного единства профдвижения. Родился 5 августа 1870 года в Утрехте (Голландия). Сын деревообделочника. С 11 лет работал на железной дороге. С 1898 по 1910 гг. занимал должность председателя и казначея голландского профессионального союза железнодорожников. В 1906—1919 гг. секретарь и председатель Голландской Федерации Профессиональных Союзов. В 1908—1922 гг. член парламента, а до 1918 года член Утрехтского окружного совета (муниципалитета). С 1919 г. секретарь Международной Федерации Профессиональных Союзов (Амстердамского Интернационала). Вице-председатель Международного Бюро Труда и Комитета по разоружению при Лиге Наций. В Амстердамском Интернационале ведет линию против каких бы то ни было переговоров с профсоюзами СССР. (Стр. 168, 183, 205, 210, 226, 244, 248, 284, 341, 363).

[198]) *Эддо Фиммен* — деятель голландского и международного профессионального движения. Родился в 1875 г. Работал в качестве конторского служащего и служащего в порту. В юности примкнул к рабочему движению, вступив сначала в анархистско-толстовскую группу, затем в юношескую организацию христианских социалистов, от которых затем ушел к социал-демократам. Не достигнув еще 20 лет, начал активно работать в профессиональном движении. Работая в союзе служащих на различных постах, он приобрел широкую популярность и в 1905 г. стал секретарем Нидерландского Об'единения Профессиональных Союзов. В момент основания Амстердамского Интернационала стал одним из его секретарей. В 1921 г. был избран секретарем Международной Федерации Транспортников. В первый период своей международной деятельности Фиммен примыкал к крайнему правому крылу реформистов, выступая против Профинтерна и ВЦСПС и решительно отклоняя все предложения единого фронта. Но после захвата в 1923 г. французскими войсками Рурского каменноугольного бассейна, когда весь мир очутился перед угрозой новой войны, Фиммен стал сторонником единого фронта и сближения с революционными элементами рабочего движения. Фиммен добился, что Международная Федерация Транспортников согласилась на совместную конференцию с транспортными союзами СССР. Новая позиция Фиммена возбудила крайнее недовольство в верхах Амстердамского Интернационала, в результате чего он вынужден был сложить с себя полномочия секретаря этого Интернационала. В августе 1924 г. Фиммен посетил СССР. Несмотря на жестокую травлю со стороны правых реформистов, Фиммен остается на посту секретаря Международной Федерации Транспортников и прошел от этой Федерации в Генеральный Совет Амстердамского Интернационала. Одновременно он работает в голландском профессиональном движении и редактирует орган левого течения — «Единство». (Стр. 169, 172, 220, 242, 339, 362).

[199]) *Первая Всероссийская Тарифная Конференция союза металлистов* состоялась 28—31 (15—18 по старому стилю) октября 1917 г. в Петрограде. На конференции были представители 19 профсоюзов

металлистов и Донецкого облбюро, члены Временного Центрального Комитета и представители Центральной Расценочной Комиссии. Конференция вынесла решение, что тариф Всероссийского Союза металлистов должен охватывать, как основное ядро, все профессии, входящие в состав металлургического и механического производства. Конференция установила пять тарифных групп, из которых каждая разбивалась на три категории. Было решено, что при разбивке на группы и категории нужно иметь в виду: тяжесть, опасность и напряженность работы, ответственность, требуемую подготовку. Конференция дала указания, что тарифные договоры должны заключаться союзами не индивидуально с отдельными предприятиями, а коллективно с их об'единениями, и не сепаратно отдельными организациями, а организованно под руководством областных об'единений. На ряду с этим было вынесено решение об образовании на паритетных началах заводских совещаний на всех предприятиях для осуществления производственного контроля.

[200]) *Рябушинский* — крупный капиталист царской России, владелец ряда текстильных фабрик, игравший большую роль в финансовых кругах. До войны он был умеренным либералом, проповедывал «связь науки с капиталом», издавал газету «Утро России». В 1917 г. приобрел известность своим выступлением на втором всероссийском торгово-промышленном с'езде, открывшемся в Москве 16 (3 по старому стилю) августа 1917 г. Открывая с'езд, Рябушинский произнес речь, призывавшую к борьбе с революцией. Основные положения этой речи заключаются в следующем: «У временного правительства была лишь видимость власти, посторонние ей люди давили на него, и фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лже-вожди народа направили его на путь гибели...» «Вместо подлинного правительства видим мы какой-то политический ералаш»... «Правительство налегает на налоги, в первую очередь облагая жестоко торгово-промышленный класс»... «Но уже слышны голоса: целесообразно ли давать расточителю! Ведь сколько ни давай, расточитель бесполезно истратит. Не лучше ли во имя спасения родины наложить опеку на расточителей»... «Лишь тогда, когда катастрофа станет всем очевидной, поймут, каким неверным шли путем. Костлявая рука голода и народной нищеты схватит за горло лже-друзей народа — членов разных комитетов и Советов. Тогда они опомнятся»... «Пусть развернется во всю ширь стойкая натура купеческая. Люди торговые, надо спасать землю русскую!»

После Октябрьской революции бежал за границу. Один из руководителей Парижского Союза бывших банкиров и промышленников. (Стр. 172).

[201]) *Генеральный Совет английских тред-юнионов* — межсоюзный всеанглийский центр профессионального движения, основан в 1921 г.

До 1921 г. конгресс английских тред-юнионов ежегодно избирал Парламентский Комитет, который наблюдал за деятельностью рабочих представителей в парламенте и воздействовал как на общественное

мнение, так и на парламент в целях издания законов, намеченных конгрессом.

Поскольку за последний период Английская Рабочая партия, опираясь на тред-юнионы, превратилась в сильную политическую партию со своим собственным аппаратом (конгрессами, Исполкомом и парламентской фракцией), существование Парламентского Комитета тред-юнионов параллельно с исполкомом Рабочей партии стало излишним, и конгресс 1921 г. решил упразднить его. Одновременно этот конгресс решил в 1921 г. создать орган, устанавливающий связь и общность действий в профессиональном движении Англии. Таким органом и должен был стать Генеральный Совет, составленный на началах представительства основных отраслей труда, охваченных профдвижением.

Это не руководящий орган. Он не имеет права об'являть забастовки; он не может вмешиваться во внутреннюю жизнь примыкающих к нему организаций и т. д. Ему принадлежит роль посредника в спорах между союзами, инициатора в деле проведения законов по указанию конгресса союзов, технического аппарата для подготовки выступлений профессиональных союзов по общим вопросам движения и представителя английского профессионального движения в движении международном. В чрезвычайных случаях для разрешения вопросов об экономическом выступлении Генеральный Совет должен созывать экстренный с'езд союзов. Обо всех своих действиях Генеральный Совет докладывает конгрессу.

Все попытки левого крыла превратить его в орган действительного руководства борьбой (предоставлением права выносить постановления, обязательные для союзов) были сорваны правым крылом, руководимым Крампом и Ходжесом (Ходжес на конгрессе в 1927 г. открыто заявил, что союзы не могут отдавать власти над собой «постороннёй» организации и сообщать ей о планах своей борьбы). Генеральный Совет, состоящий в настоящее время из 32 членов, избирается конгрессом по такому принципу.

При выборах конгресс разбивается на 17 производственных групп, которые выделяют своих представителей: 1) горнорабочие избирают 3 членов; 2) железнодорожники — 3; 3) транспортники — 2; 4) судостроители — 1; 5) машиностроители — 3; 6) металлисты — 2; 7) строители — 2; 8) печатники с бумажниками — 1; 9) текстильщики (хлопчатобумаж.) — 2; 10) текстильщики (шерсть и пр.) — 1; 11) швейники — 1; 12) химики, пищевики и приказчики — 1; 13) сельскохозяйственные рабочие — 1; 14) кожевники — 1; 15) коммунальники — 1; 16) работники умственного труда — 1; 17) чернорабочие — 4; наконец, женщины-работницы избирают остальных 2. Руководящую роль в Генеральном Совете играют реформисты, деятели Рабочей партии: Томас, Ситрин, Персель, Хикс, Бен Тиллет, Клайнс, Бромлей, Финдлей и др. (Стр. 172, 210, 244, 247, 305).

[202]) Франко-прусская война 1870—1871 гг. закончилась разгромом французской армии под городом Седаном. Прусская армия подходила

к Парижу. Париж восстал и 4 сентября 1870 г. сверг правительство Наполеона III. Буржуазия создала под председательством адвоката, историка и политического выразителя стремлений крупной буржуазии Тьера «Временное Правительство Национальной Обороны». А тем временем трудовое население Парижа перед лицом приближающейся прусской армии стало деятельно вооружаться и создало 200-тысячную армию, пролетарскую по своему составу. Чувствуя страх перед такой силой и опасаясь падения своей власти, правительство Тьера поспешило заключить мир с Пруссией на самых тяжелых для Франции условиях: Пруссии были переданы богатые железом провинции Эльзас и Лотарингия, кроме того, Франция обещалась выплатить Пруссии пять миллиардов франков. Вслед за этим правительство приступило к разоружению Парижа. Парижское население 18 марта 1871 г. отбило нападение правительственных войск и провозгласило Коммуну. Будучи первым опытом диктатуры пролетариата, Коммуна не смогла развернуть своей творческой деятельности, так как ей пришлось в течение всего своего семидесятидневного существования отбиваться от всей французской регулярной армии, находившейся в распоряжении правительства Тьера, бежавшего из Парижа в Версаль. К ее несчастью в ней не было внутреннего единства. Единой классовой рабочей партии с отчетливой социалистической программой и революционной тактикой парижский пролетариат к тому времени еще не имел. В Коммуне оспаривали друг у друга влияние бланкисты (сторонники захвата власти путем заговора, установления революционной диктатуры, уничтожения частной собственности на средства и орудия производства), якобинцы (сторонники возрождения революционной системы эпохи Великой Французской Революции, т.-е. сильной централизованной революционно-демократической власти с сохранением частной собственности на орудия производства), прудонисты (последователи Прудона, отрицавшего социалистическую организацию производства и защищавшего теорию освобождения труда путем дарового кредита и обмена продуктов труда через особый банк), анархисты и, наконец, чистые республиканцы, не шедшие в своих стремлениях дальше демократической республики. Правительство Коммуны не проявило ни достаточной предусмотрительности, чтобы обезвредить находящуюся в Париже буржуазию и предупредить ее перебежки в лагерь Тьера, ни достаточной организованности в деле обороны. Париж оказался изолированным от всей Франции. Правда, в промышленных городах: Лионе, Крезо, Сент-Этьене, Тулузе, Марселе, Нарбонне вспыхнули восстания в целях организации коммуны, но они были быстро подавлены. Крестьянство не оказало Коммуне никакой поддержки. После упорных боев контрреволюционная армия 21 мая ворвалась в Париж. Еще неделю шли бои на баррикадах, пока не было подавлено последнее сопротивление коммунаров. Буржуазия жестоко расправилась с парижским пролетариатом. Общее количество жертв этой расправы до сих пор в точности неизвестно. Около 30.000 рабочих было убито. Около 45.000 — арестовано. До 15.000 — ушло в каторгу

и ссылку. Из 24.000 сапожников, работавших до Коммуны в производстве, осталось едва 12.000. В малярном производстве пришлось ставить учеников вместо мастеров.

Несмотря на то, что Коммуна ничего не сделала для распространения своих идей за пределами Франции и что рабочие Европы и Америки знали о Коммуне лишь по отрывочным слухам, проскальзывавшим через буржуазную прессу, передовые рабочие проявляли живой интерес к ней. На трехтысячном митинге рабочих в Ганновере был принят большой адрес французским рабочим, в котором имеется такое выражение: «Вы являетесь авангардом армии, которая поднимается на освобождение всего мира; все ее симпатии за вас, она на вас надеется». В Женеве, на собрании местной секции Интернационала, был принят «адрес парижским рабочим», заканчивающийся словами: «Да здравствует Коммуна. Да здравствует пролетарская революция». Брюссельский еженедельник «Свобода» писал: «Мы не знаем, каков будет результат завязавшейся под Парижем ужасной борьбы, но вот что является уже несомненным приобретением, это, с одной стороны, окончательный разрыв между буржуазной и рабочей демократией; с другой — бессилие буржуа спасти свое состояние, не отрицая в то же время своей собственной революции и не бросаясь в об'ятия своих врагов». Даже в отсталой, едва вступавшей на путь капиталистического развития, царской России той эпохи были отклики на Парижскую Коммуну. В одной из прокламаций революционеров 70-х годов выражалась уверенность, что «начавшаяся в Париже революция распространится повсюду и таким образом проникнет и в Россию». Другая прокламация, предвидя уже близкое падение Коммуны, содержала в себе призыв «ко всем честным людям, кои должны откликнуться погибающему Парижу и возобновить начатое им дело революции». Коммуна имела гораздо большее значение, чем даже представляли себе это сами коммунары: это была первая попытка пролетариата вырвать у буржуазии политическое господство. Традиции Парижской Коммуны сыграли огромную роль в развитии международного социалистического движения. (Стр. 176).

[208]) Первое правительство в Германии, свергнувшей в ноябре 1918 г. монархию, было сформировано социалистами на основе равного представительства старой социал-демократической партии и отколовшегося от нее левого крыла, образовавшего Независимую социал-демократическую партию. В декабре месяце того же года правые социал-демократы, стремившиеся к установлению системы буржуазно-демократического парламентаризма, добились выхода независимых из правительства и сформировали однородное правое социал-демократическое правительство. Это правительство, следуя традициям парламентаризма, стояло у власти только до созыва учредительного собрания. С этого момента наступила эпоха так называемых парламентских правительств, т.-е. правительств, опирающихся на доверие большинства парламента. За все время парламентского режима в Германии ни одна партия не могла получить большинства мест в парламенте. Поэтому ни

разу с момента созыва учредительного собрания не было возможности составить однородное правительство, т.-е. правительство какой-либо одной партии. Оказалось возможным создать правительства только коалиционные, образованные из представителей нескольких влиятельных партий. Основными партиями, располагающими значительным количеством депутатских мест в парламенте, являются: 1) Германская Национальная Народная Партия (Националисты), опирающаяся на помещиков, кулацкое крестьянство, тяжелую индустрию (главным образом — добывающую) и высшее чиновничество; партия ставит своей целью возвращение к дореволюционной германской политике и восстановление монархии; под влиянием националистов находятся также Сельский Союз (Ландбунд) — партия кулацкого крестьянства Южной Германии, и Хозяйственная Партия — политическая организация лавочников, ремесленников и домовладельцев. 2) Германская Народная Партия, опирающаяся на крупную и среднюю промышленность (обрабатывающую), среднее чиновничество и верхушку интеллигенции; по своему направлению она является монархической, но готова примириться и с республикой, дающей господство крупной буржуазии. 3) Центр — католическая партия; правое крыло центра опирается на тяжелую индустрию и тяготеет к националистам, левое же крыло, опирающееся на отсталые слои крестьянства и рабочего класса, проповедует соглашение между капиталом и трудом на почве взаимных уступок и умеренных реформ. 4) Германская демократическая партия, опирающаяся на банковский и торговый капитал и среднюю буржуазию. 5) Германская социал-демократическая партия — секция II Интернационала. 6) Коммунистическая партия Германии — секция Коминтерна. (На выборах в мае 1924 г., несмотря на правительственный террор, коммунистическая партия собрала 3.712.000 голосов и получила 62 депутатских места из 465). Каждая из названных партий, за исключением коммунистической, отвергающей какое бы то ни было сотрудничество с буржуазией, принимала участие в составлении правительств. Перед формированием правительства обычно ведутся длинные переговоры между партиями, — так, например, после выборов 1928 г. правительство сформировалось лишь 28 июня, в то время как выборы состоялись 20 мая. Соглашения партий относительно состава правительства весьма непрочны, так как каждый общественный слой, представляемый соответствующей политической партией, ищет такой политической комбинации, которая дала бы этой партии наибольшую возможность отстоять свои интересы, и, если разрушается одна комбинация, он выдвигает новую. Та или другая комбинация, в конечном счете, зависит от центра, который идет то вправо — по линии, диктуемой интересами предпринимательского крыла, то влево, — когда требуется сохранить свои связи с малообеспеченной частью населения. В течение короткой эпохи парламентарного режима в Германии правительство сменялось множество раз, как только расстраивалось определенное соглашение партий. В этой смене можно указать следующие типы коалиционных

правительств: 1) «Веймарская коалиция» (Веймар — город, где было созвано учредительное собрание) — социал-демократическая партия, демократическая и центр; 2) широкая коалиция — социал-демократическая, демократическая, центр и народная партия; 3) право-буржуазная коалиция — центр, народная партия и националисты; 4) деловой кабинет — правительство срединных партий, не имеющих большинства в парламенте — демократическая партия, центр и народная партия. (Стр. 177, 178, 239).

[204]) *Полоса пацифизма* (эпоха мира) охватила конец 1923 и большую часть 1924 года, когда в Англии пришла к власти Рабочая партия, а во Франции — левый блок (союз буржуазно-демократических партий с социалистическими). Социал-демократам казалось, что начавшаяся с 1920 г. реакция приходит к концу, что неограниченное господство капитала без потрясений уступает место демократии и что трудящиеся массы начинают влиять в разрешении всех вопросов внутреннего государственного строительства и международных отношений («Европа левеет»). В мелко-буржуазных слоях населения и в находящейся под влиянием реформистов части рабочего класса возникла надежда на широкие социальные реформы и на торжество мира и гармонии между всеми народами. Надежды эти к концу 1924 года оказались разбитыми. В Англии вернулись к власти консерваторы, а во Франции министерство Эррио пало, уступив место правым радикалам. (Стр. 178, 202, 237, 239).

[205]) *Эдуард Эррио* — французский общественный деятель. Родился в 1872 г. Готовился к педагогической деятельности. Занимал должность учителя в Лионской гимназии. Был избран мэром (городским головой) г. Лиона. В 1912 г. был избран в сенат, где примкнул к партии радикалов-социалистов (мелко-буржуазная партия, пытающаяся несколько ограничить власть крупного промышленного и банковского капитала). Во время войны занимал посты министра труда, путей сообщения, продовольствия, снабжения армии. В 1920 г. был избран председателем радикально-социалистической партии.

В 1923 г., будучи мэром гор. Лиона, посетил Советскую республику, был на Нижегородской ярмарке. Тогда же высказался за признание и установление торговых связей с СССР.

После победы «левого блока», основанного радикалами для защиты интересов мелкой буржуазии, на выборах в 1924 году, сформировал правительство «левого блока». В качестве премьера и министра иностранных дел в октябре 1924 г. об'явил о признании СССР Францией де-юре (т.-е. формально, юридически). Был главным инициатором Лондонской конференции, утвердившей план Дауэса для Германии (см. прим. 193). После смены его правительством того же левого блока под председательством Пенлеве был председателем палаты депутатов. Связанная с экономическим кризисом и падением франка частая смена правительств привела после падения правительства Бриана к появлению в июле 1926 г. второго правительства Эррио, просуществовавшего

несколько часов и павшего в виду выраженного ему палатой недоверия при оглашении правительственной декларации. Министр просвещения в правительстве Пуанкаре, образованном в июле 1926 г. (Стр. 178, 239).

[206]) *Джемс Рамзей Макдональд* — один из вождей II Интернационала и лидер Английской Рабочей Партии. Родился в 1866 г. в крестьянской семье в Шотландии. Был сначала учителем, а затем приказчиком. В молодости примкнул к социалистическому движению фабианцев (сторонников медленного преобразования капиталистического общества путем последовательно осуществляемых социальных реформ). В 1906 г. был избран в парламент и принял энергичное участие в организации Рабочей партии. В январе 1924 г. после выборов, не давших в парламенте большинства ни одной партии, принял поручение сформировать правительство. В первой же правительственной декларации Макдональд заявил, что он не сделает никаких «опасных отступлений от исторических путей английской внешней политики». Наиболее решительным шагом в сторону удовлетворения требований рабочего класса было признание СССР и заключение с ним договора. Но и здесь Макдональд настойчиво защищал интересы капитала. В общем политика Макдональда ничем не отличалась от политики всех предшествовавших буржуазных правительств (борьба против стачечного движения, закрепление путем плана Дауэса разорительных для Германии условий мира и т. д.). Осенью 1924 г. после выборов, давших большинство в парламенте консерваторам, вышел в отставку. (Стр. 178, 202, 203, 258, 290, 326, 376, 417, 479, 494).

[207]) *Английская Независимая Рабочая Партия* возникла после парламентских выборов в 1892 г. Тогда впервые были избраны в парламент социалисты Кейр-Гарди, Джон Бернс и Хавелок Вильсон, выступавшие не как кандидаты консервативной или либеральной партии, а независимо от них и против их кандидатов. После этого Кейр-Гарди повел агитацию за организацию независимого рабочего представительства в парламенте. На конгрессе тред-юнионов соответствующая резолюция была отклонена. Тогда ее сторонниками в январе 1893 г. была созвана под председательством Кейр-Гарди конференция, положившая основание Независимой Рабочей Партии. Не называя себя социалистической, эта партия заявила, что ее конечной целью является «обеспечение коллективного владения всеми средствами производства и распределения». Отвергая революционную политику, она все-таки высказывалась против политического сотрудничества рабочих представителей с либералами и указывала на необходимость самостоятельной политической линии. Она подготовила почву для создания широкой рабочей партии, сформировавшейся в 1900 г. на платформе самостоятельного представительства рабочих в парламенте и об'единяющей в себе как английские социалистические группировки, так и профессиональные союзы. Во время войны Независимая Рабочая Партия была одной из весьма немногих организаций, не принявших лозунга войны до победного конца, благодаря чему она потеряла значительное число сторонников, охваченных

патриотическим угаром. Но с 1919 г., когда в рабочих массах наступило разочарование в патриотических лозунгах, она возросла численно в значительной степени. Партия констатировала упадок парламентаризма, но советской системы она все-таки не приняла, ставши на ту точку зрения, что прямое действие масс можно считать целесообразным только тогда, когда оно является средством восстановления демократического строя. При возобновлении деятельности II Интернационала она отказалась вступить в него, поскольку он об'единял партии, принявшие лозунги войны до победного конца. Вступила в II½ Интернационал. Когда произошло слияние этого Интернационала со вторым, оказалась — через Рабочую партию — в рядах второго Интернационала. Независимая Рабочая Партия имеет большое влияние в Рабочей партии и фактически руководит ею. (Стр. 179, 463, 479).

208) Дело *Кемпбеля* явилось для английской буржуазии предлогом свалить рабочее правительство Макдональда, не обладавшее большинством голосов в парламенте и вынужденное опираться, кроме Рабочей партии, на либералов. В августе 1924 г. в коммунистической газете «Уоркерс Уикли» появилось резкое воззвание, направленное против войны. Консерваторами был сделан запрос в парламенте. Кемпбель, редактор «Уоркерс Уикли», был арестован. Тогда рабочие массы через профессиональные союзы потребовали освобождения, и прокурор через неделю после ареста заявил об отказе от обвинения. 8 сентября 1924 г. в парламенте снова был сделан запрос. Консерваторы, предложившие выразить недоверие правительству, и либералы, потребовавшие расследования дела Кемпбеля, голосовали против правительства. Предложение консерваторов прошло относительным большинством. Правительство, оказавшееся в меньшинстве (на основании парламентских традиций, если правительство вступает в конфликт с большинством парламента, оно имеет право обратиться к стране путем роспуска парламента и назначения новых выборов; если выборы не дадут большинства правительству, то правительство обязано выйти в отставку), распустило парламент, назначив новые выборы. На новых выборах консерваторы получили большинство и в ноябре 1924 г. составили свое правительство. (Стр. 180).

209) *Лорд Салисбюри* — один из крупных деятелей английской консервативной партии. Родился в 1861 г. Впервые избран в парламент в 1885 г. После падения правительства Макдональда вошел в качестве министра без портфеля в состав консервативного правительства Болдуина. Считается официальным лидером правительственной партии в палате лордов. (Стр. 180).

210) *Остин Чемберлен* — видный деятель английской консервативной партии. Сын крупнейшего промышленного деятеля конца XIX века, основателя Бирмингамского металлургического общества, Джозефа Чемберлена. Родился в 1869 г. В 1892 г. был впервые избран в парламент. Будучи участником трех промышленных фирм (оружейной компании, машиностроительной и металлургической) — Чемберлен в своей

политической деятельности представляет интересы тяжелой индустрии. В 1902 г. Чемберлен был назначен финансовым секретарем казначейства. В 1903 г. — министром финансов. В 1915—1917 гг. был президентом королевской комиссии по делам Индии. Член военного совета Англии в 1918 г. С ноября 1924 г. — министр иностранных дел в консервативном правительстве Болдуина. (Стр. 180, 250, 415).

211) *Роберт Хорн* — английский консерватор. Родился в 1872 году. Министр торговли в кабинетах Ллойд-Джорджа и Бонар-Лоу, заменявший министров финансов и труда. После назначения премьером и министром финансов Болдуина, по соглашению с последним, заменил его в качестве директора торговой компании «Болдуин и К-о» (в Англии не допускается совмещение министерского поста с постом директора торгово-промышленной компании).

Один из видных ораторов и публицистов. Автор книги «Причины мировой войны», являющейся очень умелой попыткой оправдать Антанту и свалить всю вину за возникновение войны на Германию. (Стр. 182).

212) *V Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов* состоялся в Москве 17—22 сентября 1922 г. На нем присутствовало 775 делегатов с решающим и 195 с совещательным голосом, представлявших 5.100.000 организованных рабочих и служащих. По партийной принадлежности они распределялись так: коммунистов — 721, кандидатов в РКП — 6, меньшевиков — 2, беспартийных — 46. Среди делегатов с совещательным голосом был 1 с.-р.

Повестка дня состояла из следующих вопросов: 1) итоги и перспективы профдвижения, 2) организационный вопрос, 3) тарифно-экономическая работа, 4) культурно-просветительная работа, 5) социальное страхование, 6) организация производства, 7) международные задачи союзов.

Это был первый с'езд, отразивший в своих работах новый курс профдвижения. (См. примечание № 118).

В. И. Ленин, не имевший возможности вследствие болезни лично присутствовать на с'езде, обратился через М. П. Томского к V С'езду с письмом, в котором следующим образом определял положение и задачи нашей республики:

«Наше положение особенно трудно потому, — писал тов. Ленин, — что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем.

Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстановить разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее.

Во всем мире мы пока остаемся одни, как государство, в котором трудящиеся крестьяне, под руководством рабочих, строят социализм, решительно отказываясь от руководства капиталистов, которые, прикрываясь всякими пышными словами о демократии, свободе и т. п., на деле укрепляют частную собственность капиталистов и помещиков, создают господство немногих богачей, делящих весь земной шар и воюющих между собою за его пределы, за порабощение сотен миллионов народов более слабых и отсталых.

Пока мы остаемся одни, задачи восстановления нашего народного хозяйства ложатся на наши плечи необыкновенно тяжело. Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих, необходимо усовершенствовать и удешевить наш государственный аппарат, который у нас еще очень плох, чтобы улучшать положение трудящихся и восстанавливать, хотя бы понемногу, наше, разрушенное войной империалистической и войной гражданской, хозяйство». (Стр. 187).

[213]) Говоря о заводах, оборудованных чуть ли не при Екатерине II, М. П. Томский имел в виду напомнить о крайней изношенности и технической устарелости оборудования наших заводских предприятий к 1925 г. Знаток металлургии юга СССР инженер Свицын дал весьма невысокую характеристику оборудования заводов. Применяя для оценки пятибальную систему и считая, что все заводы, имеющие оценку ниже 4, требуют немедленного переоборудования и обновления, он установил, что с показателем 4 оказались только 2 завода — Брянский и Днепровский, при чем у последнего состояние кровельного цеха расценено двойкой. Все остальные заводы расценены баллами 2 и 3. Что же касается Урала, то там положение вещей обстояло гораздо хуже еще в довоенное время. В 1909 г. из-за устарелого оборудования Урал производил металлопродуктов менее Юга России в четыре раза, несмотря на то, что располагал рабочей силой в три раза большей. В хлопчатобумажной промышленности к 1925 г. оказалось 30,9% машин возрастом от 25 до 35 лет и 18% от 35 до 70 лет, в то время как предельный возраст машины определяется в 25 лет. В спичечном производстве фабрики оказались механизированными лишь на 40%, а 60% производится в ручную. В общем, ряд обследований всех отраслей промышленности установил, что промышленные предприятия в большинстве случаев работали при устарелом оборудовании, в значительной части изношенном. Это обстоятельство явилось одной из основных причин большой дороговизны цен на промышленные изделия СССР по сравнению с заграничной продукцией. (Стр. 188).

[214]) *VI С'езд Профессиональных Союзов СССР* состоялся 11—18 ноября 1924 г. На с'езде присутствовало 858 делегатов с решающими и 197 с совещательными голосами, всего 1.055 человек, представлявших 6.367.000 членов профессиональных союзов. По партийной принадлежности: членов РКП — 1.008, кандидатов — 28, РЛКСМ — 6 и беспартийных — 13.

Порядок дня с'езда: 1) отчет ВЦСПС (Томский и Догадов); 2) отчет ревизионной комиссии (Львов); 3) отчет Наркомтруда (Шмидт); 4) экономическое положение СССР (Рыков); 5) тарифно-экономическая работа союзов (Владимиров); 6) организационная работа союзов (Яглом); 7) культработа (Сенюшкин); 8) III Конгресс Профинтерна и задачи международного профессионального движения (Лозовский); 9) очередные задачи рабочей кооперации (Сахаров); 10) выборы.

В это время перед страной стояли задачи накопления средств для дальнейшего развития промышленности и дальнейшего удешевления промышленной продукции в целях укрепления союза с крестьянством, что, в свою очередь, требовало повышения производительности труда. Для разрешения этой задачи с'езд указал два ряда мероприятий в направлении, с одной стороны, «организационно-хозяйственных улучшений в промышленности» (полная загрузка предприятий, улучшение управления, технического оборудования, упрощение ассортимента изделий, сокращение накладных расходов, экономия материалов и топлива и т. п.), с другой — в направлении увеличения интенсивности труда (полное использование рабочего дня, неограниченная сдельщина, твердые нормы выработки, борьба с прогулами, контроль за качеством изделий).

С'езд признал необходимым в целях усиления «влияния союзов на крестьянство» усилить работу союзов в деревне. Он решил, что «одной из основных задач этой работы является организация батрачества в профессиональный союз», и предложил всем местным союзным органам «оказывать поддержку всеработземлесу средствами и работниками», «обслуживать сезонных рабочих не только во время их работы на предприятии, но и, по возможности, по возвращении их в деревню», а также «уделять серьезное внимание работе в деревне и другим союзам, имеющим в ней значительные кадры работников (рабпрос, всемедикосантруд, совработники, пищевики и другие)». Для направления этой работы было решено образовать при ВЦСПС комиссию из представителей союзов, наиболее соприкасающихся с деревней.

В целях установления единства мирового профессионального движения для борьбы с начавшимся наступлением капитала, с'езд единогласно одобрил заявление президиума, сделанное после совещания с присутствовавшей на с'езде делегацией английского Генерального Совета тред-юнионов и совпадавшее с из'явленной Профинтерном готовностью «прекратить обособленное профессиональное существование, если будет собран на справедливых началах всемирный конгресс профсоюзов, на котором будут представлены профессиональные организации, примыкающие теперь к Профинтерну и к Амстердамскому об'единению».

В качестве первых практических шагов на пути к этой цели с'езд единогласно принятой резолюцией уполномочил ВЦСПС на образование, совместно с Генеральным Советом британских тред-юнионов, Англо-Русского Комитета для борьбы за единство и на принятие «всяких иных

мероприятий, которые ВЦСПС найдет необходимыми в интересах единства международного профдвижения».

Этот с'езд подчеркнул исключительно важную роль низовых союзных органов — губотделов и фабзавкомов, постановил допустить организацию последних при наличии в коллективе предприятия 25 человек (вместо 50), упразднить в них президиумы и перенести центр тяжести работы в пленумы, оживить работу комиссий, разгрузить месткомы от несоюзных обязанностей, закрепить за ними средства, отчисляемые хозорганами на содержание месткомов, и указал на различие роли культкомиссий и правлений клубов; высказался за добровольность и самостоятельность касс взаимопомощи, оставляя за союзами лишь общее наблюдение за работой касс. (Стр. 188, 201, 249).

215) *VI Всесоюзный С'езд Профессиональных Союзов*, подводя итоги тарифной практике союзов СССР за время с V С'езда, установил, что в металлообрабатывающей промышленности заработная плата достигла довоенного заработка — 56,6%, в текстильной — 91,7%, в горной — 52,2%, в химической — 89,2%, в кожевенной — 97,7%, в полиграфической — 92,1%, в пищевой — 125,4%, в писчебумажной — 105,7% и на транспорте от 50% до 60%.

Исходя из того факта, что заработная плата в тяжелой индустрии отстала по сравнению с платой в легкой индустрии и признавая необходимость дальнейшего повышения ее в отставших отраслях промышленности, V С'езд постановил предложить союзам, выдвинувшимся вперед в отношении оплаты труда, на ближайшее время воздержаться от дальнейшего повышения заработной платы и ограничиться закреплением достигнутого ее уровня. (Стр. 189).

216) Пленум Центрального Комитета РКП (б) в своем постановлении от 19 августа 1924 г. констатировал, что средняя валовая суточная выработка одного рабочего в 14 важнейших отраслях промышленности с октября 1922 г. по январь 1924 г. поднялась только на 23,3%, средний же поденный заработок рабочего за этот период вырос на 90%. Исходя из этого, ЦК предложил всем организациям партии провести ряд длительных кампаний, которые должны закрепить в сознании всего рабочего класса необходимость постоянной неослабевающей работы по поднятию производительности труда, расширению и удешевлению производства. Это постановление было исходным пунктом той кампании, которую все профорганизации СССР развернули в целях поднятия производительности труда. 2 мая 1925 г. вторая сессия ВЦСПС шестого созыва, подведя итоги кампании, констатировала рост производительности труда на 31%. (Стр. 190).

217) М. П. Томский имеет в виду свои тезисы, принятые 3 апреля 1918 г. ВЦСПС. Исходя из положения, что «одной из главных причин падения производительности труда, помимо причин технического и экономического характера, является полная дезорганизация предприятий и отсутствие какой бы то ни было производственной дисциплины», М. П. Томский выдвигал в этих тезисах перед союзами задачу

«напрячь все усилия к поднятию производительности труда и последовательному проведению на фабриках и заводах основ трудовой дисциплины». «Когда меры товарищеского воздействия исчерпаны, — говорилось далее в тезисах, — и отдельные группы рабочих отказываются подчиниться союзной дисциплине, союзы должны исключать таковых из союза со всеми вытекающими из того последствиями...» (Стр. 190).

[218]) В состав делегации Генерального Совета конгресса английских тред-юнионов на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР входили:

Председатель делегации — Альберт Артур Персель, вице-председатель Генерального Совета, председатель Амстердамского Интернационала.

Секретарь — Фред Брамли, секретарь Генерального Совета.

Члены делегации: Бен-Тиллет, — секретарь союза транспортников и чернорабочих, Джон Бромлей, — генеральный секретарь союза машинистов и кочегаров, Герберт Смит, — председатель федерации горнорабочих, Аллан Финдлей, — председатель союза литейщиков, Джон Тернер, — член Исполкома союза торговых служащих. (Стр. 192, 197, 246, 268, 399).

[219]) Тов. Зиновьев на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР выступил с приветственной речью от имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). Указывая, что в области международной жизни идет наступление черной реакции (победа реакционной республиканской партии на последних выборах в Америке, приход консерваторов к власти в Англии) и что, несмотря на обострение классовой борьбы, реформисты продолжают раскалывать рабочее движение, Зиновьев сделал отсюда вывод, что борьба за международное единство профессионального движения должна стать первоочередной. Отмечая, что в СССР идет несомненный рост всего хозяйства при повышении уровня жизни рабочих, Зиновьев подчеркнул, что рабочий класс должен сохранять смычку с крестьянством. Лозунг смычки — не просто агитационный плакат. Он ставит задачи культурного и хозяйственного сближения рабочего класса с крестьянством и в первую очередь ставит вопрос о ценах на промышленные товары. Разрешение этого вопроса тесно связано с работой по поднятию производительности труда и улучшению производства. (Стр. 197).

[220]) Более или менее постоянная переписка между ВЦСПС и Амстердамским Интернационалом Профсоюзов начинается в 1923 году. В мае 1923 года делегат ВЦСПС тов. Лозовский принял участие в совместной конференции представителей союзов транспортных рабочих СССР с представителями международной федерации транспортников. На этой конференции, происходившей в Берлине, была выработана конкретная программа борьбы с опасностью войны, с фашизмом и с наступлением капитала. Амстердамский Интернационал не признал соглашений, достигнутых в Берлине. По этому поводу ВЦСПС отправил Амстердамскому Интернационалу обращение, в котором он

«с сожалением констатирует, что, когда первый шаг к единству был сделан со стороны транспортников, само Бюро Амстердамского Интернационала отгораживается от взятой на себя транспортниками инициативы». В конце обращения ВЦСПС «предлагает Амстердамскому Интернационалу устроить совещание из представителей примыкающих к нему обще-профессиональных центров и из представителей обще-профессиональных самостоятельных центров, примыкающих к Профинтерну, — для выработки программы действия против опасности войны и фашистской реакции».

В ответ на это обращение ВЦСПС получил от Амстердамского Интернационала за подписью секретаря Удегеста письмо, в котором сообщалось, что «Бюро МФПС слагает с себя всякую ответственность за резолюции, принятые на Берлинской конференции транспортных рабочих». В конце Удегест писал, что ему «поручено просить ВЦСПС сообщить», «послана ли ваша телеграмма исключительно от имени русских союзов, а не от имени так называемого «Красного Интернационала Профсоюзов».

«Мы прежде всего, должны открыто заявить», — говорилось в ответе ВЦСПС Удегесту, — «что ваше отношение к конференции транспортников внушает нам опасение, что вы не сочувствуете осуществлению единого фронта; более того, вы не только сами против единого фронта, но делаете все от вас зависящее для того, чтобы сорвать то, что уже с большим трудом сделано в этой области в международном рабочем движении... видно дальше, что вы стараетесь затянуть переговоры или сделать их совершенно невозможными, ибо как иначе понять ваше бесконечное откладывание этого вопроса, формальные отписки и, наконец, вопрос, от чьего имени говорит ВЦСПС — от своего собственного или от имени Профинтерна. Что это — неведение или сознательное желание во что бы то ни стало запутать и смазать ясный вопрос? Инициатива создания Красного Интернационала Профсоюзов принадлежит нам, мы являемся значительной его частью, но та и другая организация всегда говорят от своего имени». «Мы — за единый фронт рабочих всего мира. Вы — за это или против этого? Мы предлагаем вам: если вы за — вступить в деловые переговоры о том, как это осуществить, несмотря на наши разногласия, ясно зная, что они есть и весьма значительны, иначе мы были бы частью вашего Интернационала, а не Профинтерна. Мы не ставим вам никаких предварительных условий и полагаем, что было бы неразумно, если бы вы их ставили нам». В конце 1923 года Бюро Амстердамского Интернационала информировало ВЦСПС о решении своего Исполкома, в котором он «уполномочивает Бюро вести переговоры с Российским Центральным Советом Профсоюзов при условии исключения из участия в этих переговорах Красного Интернационала Профсоюзов».

«Мы готовы встретиться с вашими представителями, когда и где предложите, для того, чтобы серьезно обсудить вопрос о совместных действиях против наступающего капитала» — снова подтвердил ВЦСПС.

После Венского конгресса Амстердамского Интернационала Бюро, сообщая ВЦСПС о принятых Конгрессом решениях по русскому вопросу, писало: «... нам было бы приятно узнать от вас, согласны ли вы войти в переговоры с международным об'единением профессиональных союзов на основе изложенных в этой резолюции принципов. В случае благоприятного решения, мы предлагаем организовать встречу с делегацией об'единения русских профсоюзов в составе максимум 6 делегатов».

ВЦСПС ответил на этот запрос следующим образом: «мы полагаем, — писал он, — что темой наших переговоров должны являться как-раз условия об'единения, вследствие чего выставление с вашей стороны в качестве предварительного условия признания нами устава и правил вашего Интернационала представляется нам противоречащим смыслу предстоящих переговоров и целям об'единения». И дальше: «считая, что успех дела единства международного профессионального движения выше соображений формального характера, что оно несомненно выиграло бы от нашей встречи и деловых переговоров, мы полагаем, что было бы правильнее и справедливее назначить встречу без всяких условий для той или другой стороны».

В своем письме Удегест ответил:

«Между политикой, которую вы признаете основой своей деятельности и той, которой мы придерживаемся, есть различие, гораздо более значительное, чем различие между более или менее радикальной тактикой». «Однако, прежде чем мы в состоянии будем обсудить вопрос о вступлении в переговоры, как это предложено вами, желательно с нашей точки зрения иметь в письменном виде нечто, что могло бы служить основой для обсуждения — так, чтобы мы вгляделись, в чем именно возможно соглашение по вопросам тактики и вопросам принципиальным».

«Ведь существующее между нами различие не является чем-то новым, — ответил ВЦСПС, — оно существует ряд лет и, вероятно, было известно и учитывалось Венским конгрессом вашей федерации... Во всяком случае, мы с удовлетворением констатируем, что с вашей стороны имеется желание... найти общую линию. Так как с нашей стороны имеется то же стремление, мы заявляем, что главнейшим и важнейшим руководящим принципом профессиональных рабочих организаций мы считаем, исходя из непримиримых противоречий интересов между трудом и капиталом, последовательно классовую борьбу между классом наемных рабочих и классом капиталистов за окончательное упразднение системы капитализма и освобождение пролетариата от гнета капиталистической эксплоатации и от сопутствующих ей нищеты, невежества и рабства».

В феврале 1925 года Генеральный Совет МФПС, отвергнув предложение Брамли о созыве конференции «без предварительных условий, для неофициальной дискуссии, в которой обе стороны могут свободно выразить свое мнение», принял резолюцию Стенгюиса о том, чтобы

«уведомить ВЦСПС, что Об'единение Профессиональных Союзов согласно принять ВЦСПС, когда последний выразит определенное желание в этом смысле. Международное Об'единение также заявляет о своей готовности созвать конференцию в Амстердаме с ВЦСПС в целях обмена мнениями в возможно скорейшем времени после того, как ВЦСПС выразит желание быть принятым в Международное Об'единение». (Стр. 197, 204, 206, 241, 273, 298, 301).

[221]) *Артур Понсонби* — родился в 1871 г. В молодости был пажем английской королевы Виктории. Начал свою политическую деятельность в качестве члена либеральной партии. В конце войны перешел в Рабочую партию и вошел в пацифистскую организацию «демократического контроля». Активный сторонник признания Советской республики и член общества «Руки прочь от Советской России». В кабинете Макдональда в 1924 году товарищ министра иностранных дел и один из главных участников переговоров о заключении англо-советского соглашения в августе 1924 года. (Стр. 199).

[222]) Выступление в СССР английской делегации, соглашение на VI С'езде Профессиональных Союзов о создании Англо-Русского Комитета и опубликование отчета английской делегации, — все это было встречено очень враждебно в заграничной реформистской, не только европейской, но и американской печати, которая писала:

1. Все предложения единого фронта, исходящие из Москвы, есть замаскированная политика раскола.

2. Лозунг единства мирового профдвижения служит той же цели и имеет своей задачей дезорганизовать и ослабить европейское рабочее движение.

3. Лозунг этот продиктован нуждами советской дипломатии, желающей в своих национально-русских целях опереться на рабочее движение других стран.

4. Международный конгресс единства ни в коем случае неприемлем, ибо он означает абстрактную (т.-е. чисто отвлеченную) дискуссию по программным вопросам и дальнейший раскол профессионального движения.

5. Английские делегаты, высказавшиеся за единство мирового профдвижения, были просто одурачены «московскими политиканами». Тяга английских рабочих к единству с рабочими СССР об'ясняется стремлением обеспечить обширный рынок для английской промышленности.

6. Важнейшим препятствием к единству является существование Красного Интернационала Профсоюзов.

7. Единство профдвижения фактически уже существует внутри Амстердамского Интернационала; русские союзы могут войти и на равных правах с остальными стать членами этого международного об'единения. Такое выступление, само собой, подразумевает признание статутов (устава) и принципов Амстердамского Интернационала на равных с другими национальными организациями основаниях.

8. Для закрепления единства необходимо, чтобы профдвижение СССР европеизировалось, т.-е. отказалось от сотрудничества с советской властью и «освободилось от руководства РКП».

С приездом в Англию в апреле 1925 года делегации советских профсоюзов для совещания с английскими тред-юнионами по поводу образования Англо-Русского Комитета единства, близкие к консервативному правительству газеты «Таймс» и «Морнинг Пост» стали утверждать, что в СССР нет союзов, что ВЦСПС никого не об'единяет, представляя собой лишь «удобное средство» для «заграничного употребления». В либеральной газете «Дэйли Ньюс» русская эмигрантка Эмма Гольдман «добросовестным образом» подсчитала все доходы и расходы союзов и пыталась доказать, что едва одна пятая часть издержек по содержанию аппарата русских союзов в 1924 году покрыта была членскими взносами, вся же остальная сумма поступила из государственной казны. В парламенте на основании всего этого материала консерваторами был сделан ряд запросов о том, почему министр внутренних дел Джойнстон Хикс допустил в Англию людей, представляющих собой по всем сведениям лишь банду самозванцев. «Известно ли,— гласили эти запросы, — министру внутренних дел, что именующие себя делегатами профессиональных союзов лица приехали в Англию с целями, ничего общего с профессиональным движением не имеющими?». И министр неизменно отвечал: «Сведения, о которых говорит достопочтенный джентльмен, министру известны и им принимаются меры к тому, чтобы лица, именующие себя представителями ВЦСПС, занимались делом, ради которого они приехали».

Консерватор Пейдж Крофт задал министру вопрос, не запрещены ли советским правительством свободные выборы в русских профессиональных союзах и не является ли прибывшая делегация попросту назначенной, т.-е. не представляющей рабочих России? На это Джойнстон Хикс ответил, что по слухам, дело обстоит именно так, но правительство не имеет определенных сведений по этому вопросу.

Одновременно с кампанией в палате общин газеты как консервативные, так и либеральные писали, что приезд делегатов ВЦСПС является «коммунистической интригой», которая рассчитана на использование английских профессиональных союзов для революционных целей, чтобы тем самым расколоть рабочее движение Англии. (Стр. 201).

223) Масло, вылитое на поверхность волнующейся воды, уменьшает в некоторой степени величину волн и смягчает силу их ударов. (Стр. 202).

224) *Стэнли Болдуин,* глава английского консервативного правительства, представитель тяжелой индустрии и финансового капитала. Родившись в 1867 г. в семье основателя фирмы гальванизированного железа «Эндрью Болдуин», он в период с 1902 по 1921 г. руководил этой фирмой, сконцентрировав в ее руках ряд предприятий самого разнообразного типа и преобразовав ее в комбинат «Болдуин Лимитед». Владея восемью железнодорожными и сталелитейными

заводами, 10 заводами листового железа, 10 алюминиевыми заводами, 8 каменноугольными шахтами и контролируя целый ряд других аналогичных предприятий, этот комбинат представляет собой одно из крупнейших английских предприятий тяжелой индустрии. В качестве одного из крупнейших заводчиков и шахтовладельцев Англии, Болдуин играет крупную роль в Федерации британской промышленности, направляющей в данное время всю политику английского правительства. В 1908 г. Болдуин был впервые избран в парламент. В 1917 г. был выдвинут консервативной партией на пост финансового секретаря казначейства в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа. В 1921 г. получил портфель министра торговли, в связи с чем официально оставил директорство в «Болдуин Лимитед» (в Англии министр не может занимать директорских постов в предприятиях). В 1922—1923 гг. в новом консервативном правительстве был министром финансов, а затем премьером. Выйдя в отставку после выборов 1923 г., не давших консерваторам абсолютного большинства в парламенте, Болдуин снова вернулся к власти после выборов 1924 г. Первым актом правительства Болдуина был отказ утвердить англо-советский договор. Вслед за тем оно организовало широкое наступление капитала, спровоцировав колоссальную стачку углекопов в 1926 г., окончившуюся поражением рабочих, и проведя в 1927 г. закон, крайне ограничивающий права профессиональных союзов. Внешняя политика Болдуина сводилась к военному вмешательству в китайские события, военному давлению на Египет, разрыву дипломатических сношений с СССР, созданию враждебного окружения советской страны, провокации военных столкновений путем организации террористических актов, в роде убийства советского представителя в Польше, тов. Войкова. (Стр. 202, 239, 331, 333, 336, 415).

[225]) Летом 1927 года парламентом был принят закон о профессиональных организациях.

По этому закону допускаются только те стачки, которые «происходят внутри определенной специальности, профессии или отрасли промышленности», которые не рассчитаны на то, чтобы «оказать давление на правительство» или «запугать общество или значительную часть его». Агитация за «незаконную» стачку карается тюремным заключением. Всем, отказывающимся принимать участие в стачке, не признанной «законной», гарантируется покровительство властей. Выставление пикетов обставлено ограничениями, сводящими на нет значение пикетов.

Вводятся новые правила, сводящиеся к уничтожению коллективных вступлений в Рабочую партию через профессиональные союзы (союз может делать отчисления на политические цели только в том случае, когда члены союза подадут письменные заявления о своем согласии на это).

Государственным служащим воспрещается вступать в союзы, не состоящие исключительно из лиц, находящихся на государственной службе. Их союзы не имеют права входить ни в какие об'единения,

имеющие другой членский состав, «не должны ставить себе никаких политических задач и не должны прямо или косвенно входить в какую-либо политическую партию или организацию».

Местным властям воспрещается при приеме на службу делать различия между организованными и неорганизованными. (Стр. 202, 415, 433, 491).

[226]) До 1914 года Египет находился под протекторатом (покровительством) Турции, но Англия держала там свою оккупационную армию. 18 декабря 1914 г., в связи с военными действиями против Турции, Англия захватила страну под свой протекторат. Наследственный египетский правитель — хедив формально сохранил свою власть, получив титул султана, но фактически управление сосредоточилось в руках назначенного английским правительством верховного комиссара. 22 февраля 1922 г. английское правительство признало Египет независимым, но сохранило там оккупационную армию и контроль над египетским правительством в вопросах обороны страны, охраны путей сообщения, защиты интересов иностранцев, а также в вопросах управления Суданом, страной, расположенной в верховьях Нила и находящейся в совместном владении Англии и Египта (так наз. Кондоминион). Генерал-губернатор Судана назначается египетским правительством с согласия Англии. Высшая администрация состоит из англичан.

Англия вывозит из Египта марганцевую руду, хлопок, яйца и тростниковый сахар, из Судана — слоновую кость, скот, шкуры, хлопок, гумми-арабик, финики. Ввозит хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, цемент, каменный уголь, предметы вооружения и аммуницию.

Для Англии Египет нужен, как база господства над Суэцким каналом, обеспечивающим короткое и быстрое сообщение с Индией, и как хлопковая плантация. Английские промышленники разработали проект орошения Судана путем постройки плотин в верховьях Нила. Выполнение проекта давало возможность задерживать воду в верховьях Нила и создавать угрозу засух в Египте, орошаемом ежегодными разливами Нила. Оглашение проекта вызвало возмущение в массах египетского населения против англичан и породило террористические настроения, что привело к убийству националистами-революционерами командующего оккупационной армией ген. Ли Стека.

После этого, 22 ноября 1924 г., английское правительство пред'явило египетскому правительству ультиматум. Англия требовала в 24-часовой срок уплаты 5 миллионов рублей золотом и отозвания египетских войск из Судана. Египетское правительство (умеренной националистической партии «вафд», опирающейся на среднюю и мелкую буржуазию, крестьянство и интеллигенцию) Заглул-паши удовлетворило первое требование, отказавшись выполнить второе. Тогда англичане отправили против Египта вооруженные силы и вынудили правительство Заглул-паши выйти в отставку, вопреки желанию египетского парламента. Египетский король распустил парламент, и новое

правительство было сформировано представителем умеренного крыла националистов Зивар-пашей, который отдал распоряжение об отозвании египетских войск из Судана. Этому распоряжению часть египетских войск не подчинилась, не желая сдавать Судан англичанам. Тогда английская армия начала военные действия и принудила египетские войска подчиниться распоряжению Зивар-паши, вернее английского правительства.

В феврале — марте 1928 г. английское правительство возбудило вопрос о заключении с Египтом договора об англо-египетском союзе и взаимной военной поддержке. По выработанному Англией проекту договора Египет обязывается обучать свои войска по английским методам и согласиться на пребывание английских войск на египетской территории. Египетский парламент отверг проект, как несовместимый с независимостью Египта и узаконяющий оккупацию Египта английской армией. В ответ на это решение парламента английский комиссар в Египте лорд Ллойд 7 марта 1928 г. вручил египетскому правительству ноту о наложении запрещения на принятый парламентом закон, допускающий устройство собраний без разрешения полиции (полиция в Египте находится под контролем Англии), мотивируя запрещение тем, что на английском правительстве лежит ответственность за охрану жизни и собственности иностранных подданных в Египте. Египетское правительство, возглавляемое в это время вождем националистов, Сарват-пашей, подало в отставку. Новое правительство, сформированное Нахас-пашей, членом националистической партии, располагавшей парламентским большинством, подтвердило отказ Египта от английского проекта англо-египетского договора и заявило протест против английского вмешательства в дела Египта. (Стр. 202, 258).

[227]) Под названием *«письма Зиновьева»* английская консервативная партия во время осенних парламентских выборов в 1924 году использовала фальшивый документ.

Письмо, помеченное 15 сентября 1924 года, имевшее подписи тогдашнего председателя Исполкома Коминтерна т. Зиновьева, члена президиума т. Мак-Мануса и секретаря т. Куусинена, содержало описание мер, которые английские коммунисты якобы должны предпринять для организации успешного вооруженного восстания (агитация в рабочих массах и особенно среди армии безработных, развитие пропагандистской работы в армии, образование войсковых ячеек, организация группы военных специалистов при военном отделе Британской Компартии в целях подготовки формирования Британской Красной армии, организация Оперативного Штаба военной секции). 16 октября 1924 года Макдональду, главе правительства, составленного рабочей партией, было сообщено о том, что министерство иностранных дел имеет это письмо в своем распоряжении. Макдональд поручил проверить его подлинность и попутно подготовить текст ноты Раковскому (бывшему тогда дипломатическим представителем СССР в Лондоне) — с протестом против действий советского правительства, будто

бы нарушившего данное им обязательство не вмешиваться во внутреннюю жизнь Британской империи. Утром 25 октября оба документа («письмо Зиновьева» и нота Раковскому) без официальной санкции министерства иностранных дел были опубликованы во всех газетах. Опираясь на это письмо, консерваторы начали агитацию против Рабочей Партии, ответственной за заключение торгового договора со страной, которая якобы организует огромный военный заговор внутри самой Англии с целью уничтожения всей Британской империи. Раковский в своей ответной ноте от 25 октября заявил, что документ, приложенный к английской ноте, является грубой подделкой и попыткой помешать развитию дружественных отношений между двумя государствами и предложил произвести расследование для выяснения авторов подлога. В тот же день Мак-Манус опубликовал в газетах сообщение, что приписываемые ему инструкции являются подлогом. Зиновьев 26 октября послал телеграмму с подтверждением того, что так называемое письмо Исполкома Коминтерна от 15 сентября является грубой подделкой, и предложил Генеральному Совету через особую комиссию или через делегацию английских тред-юнионов, которая отправляется в СССР, расследовать вопрос о подлинности документа. Несмотря на все эти категорические заявления, ряд ответственных деятелей Рабочей Партии, с Макдональдом во главе, держался довольно двусмысленно. Лишь 31 октября рабочим правительством была назначена комиссия для расследования вопроса о подлинности «письма Зиновьева». Поднятая консерваторами кампания борьбы с призраком «красной опасности» напугала обывателей, а двусмысленное поведение лидеров Рабочей Партии подорвало доверие к ней в глазах значительной политически отсталой части избирателей. Делегация английских тред-юнионов, посетившая СССР в ноябре 1924 года, произвела тщательное расследование этого вопроса, при чем Коминтерн представил ей для обозрения все делопроизводство и архив Коминтерна, не исключая и секретной части. На основании этого расследования она составила подробный доклад с целым рядом неопровержимых доказательств подлога пресловутого письма от 15 сентября. В декабре месяце вопрос о «письме Зиновьева» несколько дней обсуждался в парламенте. На все запросы депутатов правительство неизменно отвечало, что оно уверено в подлинности письма, хотя никто не видел его оригинала. Доказательства подлинности этого «документа» английское правительство отказывается представить, мотивируя свой отказ секретностью источника информации. (Стр. 203, 432).

[228]) *Англо-Русский Комитет единства* (официальное его название — «Об'единенный Совещательный Комитет профессионального движения Великобритании и СССР») был образован, как следствие переговоров представителей ВЦСПС с делегацией Генерального Совета английских тред-юнионов на VI Всесоюзном с'езде профсоюзов СССР в ноябре 1924 года. В апреле 1925 года в Лондоне состоялась конференция представителей профдвижения Англии и СССР, которая

признала необходимым заключить союз между профессиональными движениями обеих стран для взаимной помощи и для достижения международного единства, а также предпринять совместные шаги к побуждению Амстердамского Интернационала согласиться на конференцию с союзами СССР без всяких предварительных условий. Для осуществления этих целей она постановила образовать Комитет в составе двух председателей, двух секретарей (по одному от каждой страны) и шести членов Комитета (по три от страны). В сентябре 1925 года этот Комитет был утвержден конгрессом английских тред-юнионов в Скарборо. Образование Англо-Русского Комитета вызвало взрыв недовольства со стороны руководящего крыла Амстердамского Интернационала. Но в то же время Комитет привлек к себе симпатии широких пролетарских масс во всем мире. Это вызвало оживление деятельности находившихся под влиянием коммунистов революционных меньшинств профессионального движения (в Англии руководителями их являются тт. Том Манн, Гарри Поллит, Дж. Мерфи). В целом ряде стран возникли группы и организации единства и поддержки Англо-Русского Комитета. В связи с отказом Амстердамского Интернационала созвать конференцию с союзами СССР без всяких предварительных условий, в декабре 1925 года состоялось совещание Англо-Русского Комитета в Берлине. Там была принята декларация, что Генеральный Совет возьмет на себя инициативу созыва совещания из представителей Амстердама и ВЦСПС. Дальнейшие события показали, что реформистские представители Генерального Совета вошли в Комитет лишь под напором рабочих масс Англии и тяготились связью с ВЦСПС. Когда в мае 1926 года вспыхнула забастовка английских горняков и вслед за ней всеобщая стачка, охватившая все основные ветви английской промышленности, Генеральный Совет, возглавлявший стачку помимо своего желания (конференция исполкомов английских профсоюзов постановила возложить руководство стачкой на Генеральный Совет), сорвал стачку, об'явив о ее прекращении в тот момент, когда стачка приобрела огромный размах и готова была превратиться в революционную борьбу против консервативного правительства. Помощь ВЦСПС, переславшего в первые же дни стачки деньги для поддержки бастующих, была отклонена Генеральным Советом под тем предлогом, что такая помощь может быть истолкована, как политическое вмешательство во внутреннюю жизнь Англии. ВЦСПС в выпущенной по этому поводу декларации об'явил тактику Генерального Совета предательской, при чем заявил, что больше всего ответственности падает на левое крыло, так как оно, имея громадное влияние в Генеральном Совете, капитулировало перед правым и сдало позиции классовому врагу. Настойчиво требуя созыва Англо-Русского Комитета, ВЦСПС добился, чтобы в июле 1926 года в Париже состоялось заседание Комитета. Советская часть Комитета настаивала на обсуждении в первую очередь вопроса об оказании помощи продолжающим бастовать горнякам, а английская в нервных тонах потребовала, чтобы ВЦСПС отказался от сделанной им в своей

декларации оценки деятелей Генерального Совета. Договориться не удалось и поэтому было решено перенести заседание на другой срок. Оно снова состоялось в августе в Берлине. Здесь все предложения советской делегации об организации помощи бастующим горнякам были отвергнуты английской частью, которая усмотрела в поведении ВЦСПС (см. примеч. 306) якобы «вмешательство в английские дела». По второму вопросу — о единстве профдвижения — Комитет признал необходимым принять более решительные шаги к осуществлению единства и, подчеркнув необходимость дальнейшего существования Англо-Русского Комитета, предложил Генеральному Совету созвать не позже октября 1926 года конференцию представителей Амстердама и ВЦСПС без всяких предварительных условий. Но это решение не было осуществлено. Англичане стали пользоваться всяким предлогом, чтобы ослабить в глазах рабочих значение Комитета, пытаясь представить его, как орудие, при помощи которого русские желают командовать над английским профессиональным движением. Таким предлогом оказалось приветственное письмо ВЦСПС (представителям которого правительство не дало разрешения на в'езд в Англию) Борнемутскому конгрессу английских тред-юнионов. Так как в письме было указание на предательскую капитуляцию Генерального Совета во время стачки и на отказ английских членов Комитета обсуждать вопрос о помощи горнякам, то Генеральный Совет заявил протест против «недопустимого вмешательства в дела британских профсоюзов».

Тем не менее, в марте 1927 года состоялось еще одно заседание Комитета в Берлине. Там было принято решение о взаимном согласовании действий в области международной политики между Генеральным Советом и ВЦСПС и была внесена оговорка, что заключенный профдвижением обеих стран союз не должен нарушать автономию органов, руководящих движением той и другой страны. По вопросу о единстве сотрудничество союзов Великобритании и СССР было признано необходимым условием построения Единого Интернационала профсоюзов, важнейшим средством борьбы против нападения на Советский Союз, очаг первых рабочих республик, и, следовательно, против возникновения новой мировой войны. Это заседание было последним в истории Англо-Русского Комитета. После разрыва дипломатических связей между Англией и СССР Генеральный Совет, несмотря на явную опасность войны, уклонился от созыва Комитета, согласившись только на совещание председателей и секретарей Комитета. Во то же время он заявил протест против данного тов. Томским интервью с оценкой событий в Англии, признав это интервью вмешательством в английские дела, протестовал против выражений в телеграммах, требовавших созыва Комитета, выражений, являющихся будто бы вызывающими и диктаторскими, наконец, против опубликования в английской прессе переписки по этому поводу. Стало очевидным, что Генеральный Совет идет на разрыв Комитета. Разрыв этот состоялся по предложению Международного Комитета (отдела по

международным сношениям) Генерального Совета на Эдинбургском конгрессе тред-юнионов в сентябре 1927 г. (Стр. 203, 208, 261, 268, 275, 278, 286, 290, 295, 298, 299, 300, 341, 344, 361, 363, 365, 370, 388, 393, 395, 396, 397, 398, 406, 410, 446, 449, 467, 474).

229) В числе обвинений, выставляемых Амстердамским Интернационалом против союзов СССР в целях срыва переговоров о единстве профессионального движения было обвинение в том, что профессиональные союзы Советской России являются-де просто государственными органами воздействия на рабочие массы и подчинения их требованиям правительственной политики. Исходя из этого, вице-председатель Амстердамского Интернационала Удегест в своих статьях и публичных выступлениях высказывал мысль, что профессиональные союзы СССР являются органами государственного воздействия на рабочие массы и не стоят на позиции классовой рабочей борьбы. (Стр. 206, 483).

230) По сравнению с законами буржуазных государств и царского правительства, наш Кодекс Законов о Труде имеет следующие особенности:

1) Он распространяется поголовно на всех работающих по найму и даже на квартирников (в большинстве буржуазных государств трудовое законодательство не распространяется на целый ряд отраслей промышленности, под надзором же царской фабричной инспекции находилось лишь 18,7% работавших по найму).

2) Посредничество при найме составляет монополию государства, осуществляемую через местные органы Наркомтруда; увольнение рабочего, нанятого на неопределенный срок, допускается лишь в случаях, указанных Кодексом (ликвидация предприятия, остановка более чем на месяц по производственным причинам, непригодность рабочего, неисполнение им договора, подтвержденное РКК, неявка на работу без уважительных причин более трех дней к ряду или 6 дней в месяц, установленные судом уголовные преступления, связанные с работой, прекращение работы на срок более двух месяцев по временной нетрудоспособности или вследствие ареста); сам же рабочий может оставить службу, предупредив нанимателя за неделю.

3) Устанавливается обязательное заключение трудового договора, в котором не допускаются статьи, ухудшающие условия труда, указанные в законе. Выполнение этого договора контролируется РКК.

4) Рабочий день ограничивается 8 часами с понижением его до 6 часов в особо вредных производствах, а также для подростков; сверхурочные допускаются лишь с согласия РКК и с разрешения инспектора труда и оплачиваются в полуторном и двойном размере. Устанавливается обязательный выходной день в неделю, кроме того, революционные праздники и 8 местных дней отдыха в году и обязательный ежегодный двухнедельный отпуск.

5) Запрещается женский труд в особо вредных производствах; беременные освобождаются от работы (на 16 недель лица физического

и 12 недель — лица умственного и конторского труда); обязателен перерыв в работе для кормящих матерей через каждые 3½ часа.

6) Запрещается труд малолетних до 16 лет; в случаях острой нужды малолетние от 14 до 16 лет могут приниматься на четырехчасовой рабочий день; такой же день установлен для школ фабзавуча.

7) Кодекс обязывает предприятия принимать меры к устранению вредностей и опасностей на производстве согласно инструкциям Наркомтруда и предписаниям инспекции труда и устанавливает особые условия во вредных производствах (выдача молока и жиров, спецодежды, сокращенный рабочий день).

8) Надзор за условиями труда ведут инспектора труда, выбираемые профессиональными организациями.

9) В отличие от законов всех других стран Кодекс устанавливает за профессиональными союзами право быть единственным представителем интересов рабочих, обязывает госорганы оказывать им всяческое содействие; на предприятии определенное число членов месткома освобождается для союзной работы с сохранением среднего заработка рабочих их квалификации; члены месткома не могут увольняться без согласия своего профессионального союза.

10) Социальное страхование осуществляется страховыми кассами, избираемыми самими рабочими, страховые же взносы вносятся только работодателями. За счет страховых средств: а) оказывается лечебная помощь; б) выдаются пособия при временной нетрудоспособности в размере фактического заработка рабочего и за все время временной нетрудоспособности, начиная с первого дня ее (в буржуазных государствах с третьего); в) дополнительные пособия на кормление ребенка, предметы ухода, погребение; г) пособия по безработице; д) пособия при инвалидности; е) пособия семье рабочего или служащего в случае смерти или безвестного его отсутствия. (Стр. 206, 250, 355).

[231]) На сессии Исполкома Амстердамского Интернационала, состоявшейся 6—9 февраля 1925 года, Персель и Брамли от имени Генерального Совета английских тред-юнионов предложили созвать в Москве международную конференцию с участием русских союзов, без каких бы то ни было предварительных условий и одновременно обследовать положение СССР. В ответ на это секретарем Амстердамского Интернационала Удегестом была предложена резолюция, где от русских союзов требовалось признание статута Амстердама. После продолжительных прений Удегест снял свою резолюцию, и Стенгюисом, членом Исполкома (голландцем), была внесена компромиссная резолюция следующего содержания:

«Генеральный Совет Международного Об'единения Профессиональных Союзов... предлагает уведомить ВЦСПС, что... согласен принять ВЦСПС, когда последний выразит определенное желание в этом смысле... заявляет о своей готовности созвать конференцию с ВЦСПС в Амстердаме в целях обмена мнений... после того как ВЦСПС выразит желание быть принятым в Международное Об'единение».

За английскую резолюцию было подано 6 голосов (Персель, Брамли, Кук, Браун, Фиммен и Мадсен. Против — 13. Резолюция (Стенгюиса) прошла 14 голосами против 5 (Мадсен изменил свою прежнюю позицию).

В состав делегации Амстердамского Интернационала на конференцию были избраны — Персель, Зассенбах, Браун, Удегест, Лейпарт, Мертенс, Жуо, Фиммен, Брамли, Грассман и Жулавский.

Левое крыло считало, что правое включило пункт о конференции в надежде на отказ советских союзов принять предложенные условия и на временное воздержание английских союзов от создания Англо-Русского Комитета. Тем не менее, левые рассматривали резолюцию Стенгюиса, как частичное поражение правых. Доказательство этому они видели в согласии на созыв конференции с русскими союзами, чему до того времени правые противились.

Наоборот, правые рассматривали резолюцию Стенгюиса как свою победу. Согласие ВЦСПС на условия Амстердама, по их мнению, должно было существенно урезать программу конференции, на определенное время отсрочить создание Англо-Русского Комитета и вызвать оппозицию в рядах Профинтерна. (Стр. 210, 218, 247, 274, 297, 362).

[232]) *Стенгюис (Стенхойс).* Родился в 1885 г. Работал чернорабочим на фабрике картофельной муки. В период 1907—1919 гг. был организатором, а затем председателем Нидерландского союза фабричных рабочих. С 1919 г. — председатель Нидерландского Об'единения профессиональных союзов. С 1923 г. состоит членом голландского парламента. С 1920 по 1927 г. был секретарем Интернационала фабричных рабочих (химиков), откуда в 1927 г. ушел вследствие разногласий с правлением Голландского союза, считающим Стенгюиса слишком левым. В Амстердамском Интернационале Стенгюис является членом Генерального Совета и поддерживает его правое крыло, отказывающееся от единого фронта с революционными профсоюзами. (Стр. 210, 218, 247).

[233]) *«Форвертс» («Вперед»)* — ежедневный орган германской социал-демократической партии. До войны защищал идеи революционного марксизма. Во время войны перешел на точку зрения гражданского мира во имя победы («бургфриден»). Сейчас ведет кампанию против пролетарской революции в России и коммунистического движения, поддерживая Амстердамский Интернационал против Профинтерна. (Стр. 210).

[234]) *Англо-Русская конференция профессиональных союзов* состоялась в Лондоне 6—8 апреля 1925 г. после заключенного между ВЦСПС и Генеральным Советом английских тред-юнионов, на VI Всесоюзном с'езде профессиональных союзов, соглашения о борьбе за единство профессионального движения. На конференцию от ВЦСПС были делегированы тт. М. П. Томский, Г. Н. Мельничанский, О. Ф. Чернышева, И. И. Лепсе, В. В. Михайлов. От Генерального Совета тред-юнионов: М. Б. Свейлс, Фред Брамли, А. А. Персель, Г. Бутман,

Дж. В. Бауен, Дм. Хикс, Э. Пультон, В. Торн, Бен-Тиллет, Джулия Варли, Р. Б. Уокер. Конференция постановила предпринять «совместные шаги к тому, чтобы побудить Амстердамский Интернационал искренно согласиться на немедленный созыв свободных, без всяких предварительных условий, конференций с представителями профессионального движения СССР», а также поддерживать и укреплять дружеские отношения между профорганизациями Великобритании и СССР... «в интересах создания и укрепления международного единства». С этой целью конференция образовала Англо-Русский Комитет единства и опубликовала за совместными подписями обеих делегаций декларацию, вызвавшую яростные нападки реформистов во всех странах. (Стр. 215, 232, 233, 247, 266, 270, 271, 275, 278, 299, 358, 467).

[235]) Кроме реформистского Интернационала, имеющего свой центр в Амстердаме (см. прим. 13) и революционного Красного Профинтерна (см. прим. 38), имеются еще Интернационалы: Христианский и Анархистский. Основными принципами христианского Интернационала является: христианская мораль, незыблемость частной собственности и гармония в отношениях труда с капиталом. Образован он на конгрессе христианских профессиональных союзов в Гааге в 1920 г. По его собственным подсчетам он об'единяет не менее 3 миллионов организованных рабочих. Центр его находится в г. Утрехте (Голландия).

В основе программы анархистского Интернационала лежат следующие принципы: 1) отрицание всякой власти, в том числе и диктатуры пролетариата; 2) борьба за создание такого строя, при котором управление предприятиями находилось бы в руках рабочих, работающих в этих предприятиях и вступающих в договорные отношения с группами рабочих, управляющих другими предприятиями; 3) отрицание централизации и дисциплины в движении и федеративный принцип организации. Основан он на конгрессе анархо-синдикалистских групп в Берлине в 1922 году и называется «Международное Товарищество Рабочих» (название I Интернационала).

Американская Федерация Труда, вышедшая из Амстердамского Интернационала вследствие того, что он считает себя социалистическим, в свою очередь основала об'единение профсоюзов американского континента. На созванной в 1918 г. в г. Ларедо (штат Техас) конференции представителей Американской Федерации Труда, союзов Мексики и нескольких мелких государств Центральной Америки была учреждена Панамериканская (Всеамериканская) Федерация Труда. Федерация ставит себе задачей: 1) добиваться лучших условий труда для рабочих, переселяющихся из одной страны в другую; 2) содействовать лучшему взаимопониманию и лучшим взаимоотношениям народов американских республик; 3) использовать всякие законные и справедливые средства для создания дружеских отношений между народами американских стран. Фактически Панамериканская Федерация Труда является орудием Американской Федерации Труда и поддерживает империалистическую политику Соединенных

Штатов в Латинской (Южной) Америке. Так, например, руководители Панамериканской Федерации категорически отказались поставить на обсуждение ее V Конгресса, назначенного на июль 1927 г., вопрос о захватнических действиях Соединенных Штатов в Мексике, Никарагуа и Гаити.

Когда выдвинутая Красным Профинтерном и союзами СССР идея об'единения существующих Интернационалов в один, охватывающий профсоюзы всех рас и всех континентов, с полной свободой идейной борьбы внутри об'единения и с сохранением дисциплины в борьбе против буржуазии, стала приобретать огромную популярность в рабочих массах всех стран, сторонники Амстердама встревожились. Осуществление единства означало бы победу революционных элементов и, следовательно, потерю руководящего положения реформистов в профессиональном движении. Реформисты пустили в ход все средства, чтобы помешать осуществлению единства. К числу таких средств относится выдвинутая генеральным секретарем союза английских железнодорожников Крампом идея мирного сожительства Интернационалов путем разграничения между ними сфер влияния по континентам (идея так называемых Континентальных Интернационалов). Свою мысль Крамп формулировал таким образом: «Я предлагаю английскому профессиональному движению рассмотреть возможность международной организации по континентам. Если бы Европа, Америка, Азия, Австралия и Африка создали каждая свой профсоюзный центр, имея связи с движением на других континентах, я думаю, что весьма скоро было бы достигнуто взаимное согласие... Такая система разрешила бы также вопрос Москва — Амстердам. Громадное большинство европейских профсоюзов входит в Амстердам, но вне Европы влияние последнего ничтожно... С другой стороны, Москва об'единяет профсоюзы Советской Республики, небольшое меньшинство других европейских союзов и некоторые азиатские союзы. Не могла ли бы Москва стать центром этой громадной территории, занимаемой Советской Россией и Азией? Это означает ограничение как для Амстердама, так и для Москвы. В то же время этот способ должен повести к уничтожению трений между этими двумя центрами и создать, таким образом, действительное согласие, так необходимое в настоящий момент... Американская Федерация Труда проделала блестящую работу, помогая мексиканскому профдвижению стать на ноги. В странах, расположенных дальше к югу, положение более трудное... Работа по организации рабочего класса этих стран является естественным поприщем для деятельности американского профдвижения». (Стр. 217, 238, 253, 359, 362, 378, 469).

[236]) В 1921 году Центральный Комитет пищевиков поставил вопрос о вступлении русского союза в Интернационал пищевиков. В ответ на это секретарь Интернационала Шифферштейн в письме от 6 сентября 1921 года сообщил, что условия вступления установлены уставом, точно формулированы в протоколе заседания правления союза, который помещен в 10 номере «Международного Вестника». «Принадлежность

к III Интернационалу не может служить причиной для непринятия организации, но требуется принадлежность к Центральному Об'единению профсоюзов соответствующей страны. Следующим условием является признание устава об'единения».

В декабре 1921 года Интернационал пищевиков снова заверил Центральный Комитет в том, что нет препятствий к вступлению русского союза в Интернационал.

В феврале 1922 года, в ответ на предложение участвовать в работах сессии Исполкома Интернационала, Центральный Комитет профессионального союза пищевиков СССР заявил: «устав международного об'единения нами принимается... просим нас включить, как полноправную организацию, в международное об'единение».

На основе этого заявления 27 марта Исполком Интернационала вынес постановление о включении русских пищевиков в состав международного об'единения.

И, наконец, на конгрессе в Брюсселе (1—2 октября 1923 года) в порядок дня был поставлен пункт: «Разрешение вопроса об окончательном принятии союзов, вступивших в межконгрессное время». После страстных прений по этому пункту порядка дня, конгресс большинством 22 голосов против 20 постановил принять профсоюз пищевиков СССР в состав Международного Об'единения. Прием был обставлен следующими условиями: 1) Советский Союз должен отказаться от создания революционных фракций; 2) распустить Международный Комитет Пропаганды; 3) ликвидировать журнал Международного Комитета Пропаганды. Советский союз заявил о своем выходе из Международного Комитета Пропаганды, и после этого был принят в Интернационал. (Стр. 221).

[237]) *Франкфурт-на-Одере* — административный центр прусской провинции Бранденбург. Являясь одним из стариннейших германских городов и крупнейших культурных и промышленных центров средневековой Германии, он в XIX веке превратился в захудалый провинциальный город, насчитывающий всего 65.000 человек населения. (Стр. 229, 251).

[238]) *III Всероссийская Конференция Профессиональных Союзов* состоялась в Петрограде 20 — 28 июня (ст. ст.) 1917 года. На ней присутствовали 211 делегатов с решающим голосом, являвшихся представителями 967 союзов (преимущественно местных) и 51 Центральное Бюро, об'единявшее 1.475.729 организованных рабочих. В партийном отношении делегаты (по сообщению «Правды») распределялись таким образом: большевиков — 73, меньшевиков — 36, социалистов-революционеров — 25, внефракционных социал-демократов — 31, бундовцев — 11, меньшевиков-интернационалистов — 6, беспартийных — 17 (партийность остальных 12 неизвестна). По основным вопросам профессионального движения того времени шла борьба между двумя блоками: «группой интернационалистов», руководимой большевиками и об'единявшей большевиков, с.-д. интернационалистов (группа «Новая Жизнь»), межрайонцев (группа Троцкого, влившаяся позже в большевистскую

партию) и социалистов-революционеров-интернационалистов, с одной стороны, и руководимой меньшевиками «группы сторонников единства профессионального движения», куда входили меньшевики, социалисты-революционеры и бундовцы. Большинство принадлежало крылу, руководимому меньшевиками. Поэтому конференция отвергла вносимые со стороны большевистского крыла предложения, носившие характер ярко-выраженной революционной классовой борьбы пролетариата (поддержка союзами только тех социалистических партий, которые будут выступать за ликвидацию империалистической войны путем массовой революционной борьбы против правящих классов всех стран, борьба за рабочий контроль над производством и т. д.). Историческое значение III Конференции заключается в том, что она приняла производственный принцип организации профессиональных союзов, установила схему межсоюзной организации профессионального движения (Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов и аналогичные советы на местах). На этой конференции был избран временный ВЦСПС. Вопрос об участии российских профессиональных союзов в международном движении был разрешен в резолюции по организационному вопросу таким образом: «Общерусские профессиональные союзы должны участвовать в международном профессиональном об'единении, стремясь к дальнейшему развитию и укреплению существующих об'единений и к созданию их в таковых производствах, где они еще не существуют», и в резолюции об учреждении ВЦСПС, где при перечислении обязанностей создаваемого органа, указано, что ВЦСПС «устанавливает связи с центральными органами профессиональных союзов всех стран». (Стр. 234).

239) *Пауль фон-Гинденбург* — президент германской республики. Родился в 1847 году в Познани, получил военное образование в кадетском корпусе и военной академии. Военную карьеру начал в 1866 году в чине лейтенанта германской императорской гвардии. В 1871 году принимал участие в франко-прусской войне. Занимал ряд командных должностей в германской армии. В 1914 году получил чин генерал-фельдмаршала и был назначен главнокомандующим восточной армией (начальником его штаба был генерал Людендорф). Приобрел большую популярность удачным ведением войны на русском фронте. В 1916 году был назначен верховным главнокомандующим всей германской армии и начальником главного штаба. После неудач на западном фронте в 1918 году руководил отступлением и позже демобилизацией германской армии. После ноябрьской 1918 г. революции в Германии ушел в отставку. Будучи личным другом Вильгельма II, сгруппировал вокруг себя все реакционные силы Германии, стремившиеся к восстановлению монархии Гогенцоллернов. В 1925 году после смерти президента Германской республики соц.-дем. Эберта был избран президентом. (Стр. 236, 272).

240) *Алонзо Свейлс* — один из основателей английского «Соединенного тред-юниона машиностроительных рабочих». Родился в 1870 году.

Получив низшее образование, поступил рабочим на завод. В 1890 году вступил в союз механиков. В 1917 году был избран членом исполкома этого союза. В 1920 году возглавлял движение за слияние многочисленных союзов механиков в один мощный союз машиностроительных рабочих. В 1921 году был избран членом Генерального Совета. В 1925 году председательствовал на конгрессе тред-юнионов в Скарборо, где была принята резолюция, высказывавшаяся за единство мирового профессионального движения и за одобрение деятельности Англо-Русского Комитета. В 1926 году посетил СССР. В 1927 году голосовал за разрыв Англо-Русского Комитета. (Стр. 251, 287, 291, 338).

241) *«Тред-Юнион-Юнити»* («Профсоюзное Единство») — журнал с подзаголовком «Ежемесячный журнал Международного Профессионального Движения» — издавался левым крылом английского профессионального движения (Персель, Хикс и др.) при сотрудничестве генерального секретаря Интернационала транспортников, Эддо Фиммена. Задачей его была пропаганда профсоюзного единства. Журнал стал выходить вскоре после Англо-Советской конференции, учредившей Англо-Русский Комитет единства. Первый номер его вышел в апреле 1925 г. После того как вскрылось резкое разногласие между советской и английской частями Комитета в связи с поведением Генерального Совета во время забастовки горняков в 1926 г., — и той оценкой, которую дал ВЦСПС левому крылу Совета, квалифицируя поведение левого крыла, как предательство горняков (см. прим. 180 и 228), издание «Тред-Юнион-Юнити» прекратилось. Его последний номер датирован августом 1926 г. (Стр. 266).

242) *57 конгресс английских тред-юнионов* открылся 7 сентября 1925 года в г. Скарборо. На нем присутствовало 724 делегата, представлявших 4.343.000 организованных членов профессиональных союзов. Кроме представителя Амстердамского Интернационала в конгрессе приняли участие: 2 делегата Амстердамской Федерации Труда, 1 делегат от канадских профсоюзов и делегации союзов СССР (председатель ВЦСПС тов. Томский и секретарь ВЦСПС тов. Догадов). Конгресс проходил под сильным влиянием левого революционного крыла. Он принял резолюцию, внесенную союзом швейников и поддержанную видным коммунистом Гарри Поллитом, с заявлением, что профессиональное движение должно вести совместно с партией рабочих организационную подготовку планомерной борьбы с капитализмом в целях его низвержения, и как одним из орудий этой борьбы надо воспользоваться фабзавкомами. С огромным вниманием была заслушана приветственная речь тов. Томского (см. в этой книге речь на конгрессе тред-юнионов в Скарборо, под названием — «Год борьбы за единство международного профдвижения»). По докладу Брамли о международном единстве профессионального движения была принята резолюция: «Конгресс одобряет усилия, приложенные Генеральным Советом для достижения международного единства и предлагает новому Генеральному Совету сделать все от него зависящее для достижения единства всего

международного профессионального движения путем создания всеобъемлющей международной федерации профессиональных союзов».

Огромным большинством голосов (3.082.000 против 79.000) конгресс принял резолюцию, осуждавшую британский империализм и выдвинувшую перед рабочим классом Англии следующие задачи: 1) поддерживать рабочее движение во всех частях Британской империи, организуя профсоюзы и политические партии рабочих, 2) поддерживать право всех народов Британской империи на самоопределение, вплоть до полного отделения от империи. (Стр. 268, 278, 281, 299, 386).

243) *Джон Бромлей* (род. в 1876 г.) — секретарь Об'единенного Союза паровозных машинистов и кочегаров, член Рабочей Партии, член Генерального Совета английских тред-юнионов, член Генерального Совета Амстердамского Интернационала. До всеобщей забастовки в Англии был одним из активных деятелей левого крыла реформистского рабочего движения. Защищал принцип единства профессионального движения. В 1924 г. на конгрессе Амстердамского Интернационала требовал приема союзов СССР в Интернационал. Принял участие в английской делегации, посетившей СССР в 1924 г. После решения Генерального Совета прекратить всеобщую стачку сочувствия горнякам подписал вместе с Томасом позорное соглашение с предпринимателями, где осуждалась стачка, и предпринимателям предоставлялось право требовать от бастующих и лиц, ответственных за забастовку, возмещения убытков, причиненных стачкой. (Стр. 268, 287).

244) *Мери Квейл* — член Генерального Совета английских тред-юнионов и член женской комиссии при Амстердамском Интернационале. Родилась в 1886 г. в семье ирландского каменщика. С 9 лет начала вести трудовую жизнь (работала в качестве разносчицы газет, чистильщицы ботинок, домашней прислуги и т. п.). В 1906 г. вступила в профессиональный союз официантов и в Независимую Рабочую Партию. С той поры руководя забастовками женщин-работниц, выдвинулась в первые ряды английского рабочего движения. Избранная в 1924 году в члены Генерального Совета, примкнула к левому крылу, защищавшему идею единства профессионального движения. В апреле 1925 г. посетила СССР в составе английской женской делегации. На конгрессе в 1927 г. не была переизбрана в Генеральный Совет вследствие ее симпатий к СССР. (Стр. 269).

245) *Первая германская рабочая делегация* прибыла в СССР по приглашению рабочих «Красного Путиловца» в составе 58 членов (30 социал-демократов, 16 коммунистов и 12 беспартийных), под председательством с.-д. К. Фрейбергера. С 24 июля по 26 августа 1925 г. она побывала на севере СССР, в центре, на Кавказе, Урале и в Крыму. По возвращении в Германию, делегация развернула широкую агитацию за единый фронт немецких рабочих с рабочими СССР. С этой целью делегаты образовали специальный комитет из 9 человек, издавших отчет о поездке под названием «Что видели 58 германских рабочих в России?» Комитет этот принял впоследствии постоянный характер,

назвавшись «Комитетом Единства», и стал выпускать свой двухнедельный печатный орган «Единство». К комитету правые социал-демократы отнеслись с крайней враждебностью, при чем Фрейбергер за свое активное участие в делегации и в комитете был исключен из с.-д. партии. (Стр. 269, 295, 305).

246) *Шведская рабочая делегация,* пробывшая в СССР с 17 по 24 июля 1925 года, состояла из 294 человек (100 коммунистов, 30 социал-демократов, остальные — беспартийные). Председательствовал тов. Чильбум, передавший ВЦСПС красное знамя от имени коммунистических организаций Стокгольма. По возвращении, делегация сделала ряд докладов, рисующих СССР, как действительно пролетарскую республику. (Стр. 270, 296).

247) *Джон Браун* — один из видных деятелей английского профессионального движения и руководителей международных конференций по рабочему просвещению. Родился в 1896 г. 9 лет поступил на работу на машиностроительный завод. Вступив в Об'единенный союз машиностроительных рабочих, Браун в 1911 г. поступил в Рескинский Колледж (рабочий университет), куда был послан своим союзом. По окончании Колледжа в 1913 г. был послан вместе с другими студентами Колледжа в Германию и Австрию. Будучи интернированным (задержанным, как военнопленный) австрийскими властями в момент об'явления войны, вел культурную и пропагандистскую работу среди пленных. Возвратившись в Англию по окончании войны, стал работать в Федерации административных и технических служащих. С 1922 г. по 1927 г. занимал пост секретаря Амстердамского Интернационала. Здесь он защищал об'единение с союзами СССР. На Эдинбургском конгрессе тред-юнионов в 1927 г. выступал против предложения Генерального Совета ликвидировать Англо-Русский Комитет единства. (Стр. 271, 281).

248) Восстановление экономической силы Германии стало внушать Франции серьезные опасения насчет возобновления германским капиталом борьбы за возвращение Германии отнятых у нее по Версальскому договору территорий. Франция стала настойчиво добиваться обеспечения всех результатов победы. Переговоры с Америкой и Англией о таком обеспечении не дали серьезных практических результатов. Заключенные же Францией военные союзы с Бельгией, Польшей и Чехо-Словакией, не увеличив серьезно ее боевой силы в случае войны, оказались слишком дорого стоящими, так как союзники непрерывно требовали финансовой поддержки в виде субсидий, займов и кредитов. Поэтому французский империализм пошел по другому пути, подсказанному английской дипломатией. На конференции представителей Англии, Италии, Франции, Бельгии, Германии, Польши и Чехо-Словакии, созванной в октябре 1925 г. в Локарно, был подписан ряд договоров, обеспечивающих неприкосновенность границ между Францией, Бельгией и Германией. Эти государства обязались не об'являть друг другу войны за исключением случаев нарушения договоров. Спорные вопросы они договорились передать на рассмотрение арбитражного суда или Совета Лиги

Наций. Так как Германия отказалась подписать обязательство не добиваться пересмотра границ на востоке (главным образом, с Польшей), то Франция подписала договоры с Чехо-Словакией и Польшей о взаимной военной помощи, если Германия не будет соблюдать неприкосновенности границ, установленных Версальским договором. Совокупность этих договоров составляет так называемый гарантийный пакт (договор обеспечения), вступающий в силу после того как Германия войдет в Лигу Наций. При подписании договоров державы пред'явили Германии декларацию с заявлением, что § 16 устава Лиги Наций обязывает каждого члена Лиги Наций содействовать «выступлению против всякого акта нападения в той мере, в какой это совместимо с военным и географическим положением». В этом заявлении ясно проявилось намерение Англии создать с участием Германии единый фронт против СССР. Таким образом гарантийный пакт нисколько не ослабил нависшей угрозы военных столкновений. Помимо стремлений, направленных против СССР, он договором между Францией, Польшей и Чехо-Словакией создал два враждебных лагеря: союза названных государств, с одной стороны, и Германии, с другой, так как этот договор представляет собой военное соглашение, направленное против Германии. (Стр. 271, 292).

[249]) *Марокко* — страна на севере Африки на побережье Средиземного моря; на ее территории находится южный берег Гибралтарского пролива. Территория ее 445.000 кв. километров, население около 6 миллионов человек. Формально Марокко считается независимой империей, подчиняющейся Мароккскому султану. Фактически же Марокко подчинен европейцам, разделившим его на так называемые зоны покровительства: южная — французская с площадью в 415.000 кв. километров и северная — испанская — в 30.000 кв. километров. Кроме того, существует интернациональная зона, управляемая законодательным собранием из 4 французов, 4 испанцев, 3 англичан, 2 итальянцев, 1 бельгийца, 1 голландца, 1 португальца, назначаемых соответствующими консульствами, 6 мусульман и 3 евреев, назначаемых султаном, и 9 представителей еврейской общины. Это — зона Танжера с небольшой площадью (400 кв. километров), имеющая огромное стратегическое значение, так как то обстоятельство, что она примыкает непосредственно к Гибралтарскому проливу, дает возможность тем, кто управляет ею, держать в руках вход в Средиземное море. Марокко всегда был предметом споров между Англией, Францией, Италией, Испанией и Германией. Франция и Испания содержат в Марокко большие армии, в задачу которых входит, главным образом, подавление довольно частых восстаний арабских племен. Восстание арабского племени риффов в испанской зоне приняло характер длительной гражданской войны. Разбив в 1921 и 1924 гг. испанскую армию, вождь этого племени Абд-Эль-Керим провозгласил независимую Риффскую республику. Абд-Эль-Керим, получивший довольно широкое европейское образование, бывший судьей в г. Мелилье (испанские владения) и осужденный в 1916 г. на 2 г. в тюрьму как агитатор за независимость Марокко, обладал большими способностями,

Об'единив вокруг себя 12 арабских племен, он из Риффской республики создал довольно крепкое государство. Франция, сначала втайне поддерживавшая восстание, чтобы ослабить влияние испанцев в Марокко, затем стала опасаться, что существование независимой и достаточно сильной арабской республики бок-о-бок с ее африканскими владениями может вызвать восстание и в ее зоне. Французское военное командование в 1925 г. спровоцировало риффов на стычки со своими военными постами, после чего против риффов была двинута французская 200-тысячная армия, вооруженная аэропланами, танками и газами, и французская армия потерпела ряд поражений. Тогда Франция вступила в переговоры с Испанией. Лишь после их об'единенного военного наступления, удалось в 1926 г. сломить риффов и принудить Абд-Эль-Керима к сдаче. Сослав его на Мадагаскар, Франция и Испания заставили риффов покориться. После этого борьба риффов за свободу стала партизанской. (Стр. 272, 284, 314, 487).

250) Профессиональные союзы Дании, Швеции и Норвегии находятся между собой в договорных отношениях, предусматривающих взаимное обязательство посылать из одной страны в другую определенные денежные субсидии в случае крупных конфликтов с предпринимателями. Большинство союзов об'единено в производственные скандинавские унионы (об'единения) со своими членскими отчислениями, правлениями, с'ездами и т. д. В некоторые из таких унионов, кроме профессиональных союзов Дании, Швеции и Норвегии, входят и союзы Финляндии. В то время как шведские и датские профессиональные организации входят в Амстердамский Интернационал, скандинавские унионы в целом остаются вне Амстердама, так как норвежские и финские профорганизации стоят на платформе единства и требуют слияния Амстердамского Интернационала с Профинтерном. Стремясь вовлечь все скандинавское движение в Амстердам, Удегест (секретарь Амстердамского Интернационала) в сентябре 1926 г. побудил секретариат Шведского Об'единения профсоюзов взять на себя инициативу созыва конференции профсоюзов скандинавских и балтийских стран. Но попытка не дала результатов. На конференции 6—7 декабря 1926 г. в Стокгольме из 15 делегатов от Норвегии, 10 — от Дании, 8 — от Швеции, 4 — от Финляндии, 2 — от Эстонии, 2 — от Латвии и 2 — от Литвы было создано 2 отдельных комитета (один для Скандинавии и один для Прибалтики). Тут же было оговорено, что Скандинавский комитет начнет функционировать лишь с того момента, когда Норвежское Об'единение профессиональных союзов войдет в Амстердам. Этим путем сторонники Амстердама (шведы и датчане) рассчитывали произвести давление на норвежцев. Но их расчет не оправдался: Скандинавский Комитет бездействует, а скандинавские унионы, как таковые, живут самостоятельной от Амстердама жизнью. Финские и норвежские профсоюзы в феврале 1928 г. участвовали на Финско-Норвежско-Советской конференции, выработавшей договор о взаимном сотрудничестве и поддержке. (Стр. 274).

251) *Конгресс норвежских профессиональных союзов, состоявшийся 4 сентября 1925 г. в г. Осло* (бывш. Христиания — столица Норвегии) в вопросах международного профессионального движения высказался против всяких сношений с Международным Бюро Труда при Лиге Наций. Он единственно принял резолюцию о необходимости создания единого Интернационала профессиональных союзов, признающих принцип классовой борьбы. В этой же резолюции было заявлено, что «Норвежское Об'единение профессиональных союзов вступает в организационную связь» с Англо-Русским Комитетом. Кроме того, было решено, что Норвежское Об'единение пошлет своих представителей на мировой конгресс профессиональных союзов, если таковой состоится и «будет работать в пользу об'единения профорганизаций всех стран в один общий Интернационал профессиональных союзов».

Следуя этому решению, норвежские союзы отказались от вступления в Амстердамский Интернационал и повели агитацию в профдвижении Скандинавских стран за установление тесной связи с профдвижением СССР. Норвежские союзы были инициаторами Норвежско-Финско-Советской конференции в феврале 1928 г., где был заключен договор профсоюзных центров Норвегии, Финляндии и СССР о взаимной поддержке и сотрудничестве. (Стр. 276, 291, 473).

252) *Мартин Транмель* — один из крупнейших деятелей норвежского рабочего движения. Родился в 1879 г. Рабочий, маляр по профессии, Транмель провел 4 года в Америке, где состоял членом организации Индустриальных Рабочих Мира. Возвратившись в 1906 г. в Норвегию, он стал организатором профсоюзных картелей (об'единений), имевших в виду об'единение профорганизаций для социалистической классовой борьбы. Через несколько лет Транмель вступил в Норвежскую Рабочую Партию, где, став ее лидером, энергично работал в духе антимилитаризма и интернационализма. В результате, в частности и его энергичной деятельности, партия вступила в Коминтерн. Участвуя в конгрессах Коминтерна, Транмель вскоре разошелся с ним, примкнув к ультралевой оппозиции. В 1923 г. он вместе с возглавляемой им Рабочей Партией вышел из Коминтерна и присоединился к «Международному Бюро» в Берлине, об'единяющему группы исключенных и ушедших из Коминтерна. В 1927 г. Транмель добился выхода Рабочей Партии из «Международного Бюро» и об'единения ее с социал-демократической партией, которая, в свою очередь, вышла из II Интернационала. На профсоюзных с'ездах Норвегии Транмель занимает промежуточное положение между право-реформистским крылом и революционно-коммунистическим. (Стр. 276).

253) *Пленум Московского Губернского Совета Профессиональных Союзов 14 октября 1925 г.* с участием всего профсоюзного актива — членов правлений союзных губотделов и членов фабрично-заводских комитетов — был посвящен докладу тов. Томского о конгрессе английских тред-юнионов в Скарборо (см. прим. 242). Помимо тов. Томского, на пленуме выступили члены Генерального Совета — Хикс и Ситрин,

прибывшие в СССР после конгресса в Скарборо. Пленум принял следующую резолюцию: «Расширенный пленум МГСПС с участием правлений губотделов, фабзавместкомов, заслушав доклад тов. Томского о конгрессе английских тред-юнионов в Скарборо, с особым удовлетворением отмечает преданность, верность и твердую волю английских профсоюзов в деле единства профдвижения. Пленум МГСПС выражает твердую уверенность, что совместными усилиями британских тред-юнионов и профсоюзов СССР будет установлено фактическое единство мирового профдвижения. Расширенный пленум МГСПС горячо приветствует образование Англо-Русского Комитета единства и заявляет, что программа Комитета единства профдвижения будет принята миллионами рабочих масс всего мира». (Стр. 278).

[254]) Первый *рабочий банк* был основан в 1920 году в Вашингтоне (Соединенные Штаты Северной Америки) Интернациональным Союзом машинистов.

В настоящее время в Америке существует уже несколько десятков рабочих банков.

Инициаторами рабочих банков явились деятели союза паровозных машинистов — Джонстон, Стон, Гильман и др. В резолюции с'езда Американской Федерации Труда в Эль-Пазо (1924 г.) организаторы рабочих банков так формулировали свой взгляд на задачи этих учреждений: «Американские наемные рабочие и их профессиональные союзы не склонны к марксовой теории государства. Наоборот, они проявляют постоянно растущий интерес и все большее участие в учреждениях, опирающихся на частную и кооперативную инициативу, на личный или групповой риск. Подтверждение этого можно иллюстрировать успехами рабочих банковских учреждений и растущим доверием к ним со стороны рабочих, их друзей и сочувствующих». А орган «Братство паровозных машинистов» писал (август 1925 г.): «Пусть только большинство рабочих и фермеров научится концентрировать свои сбережения и свою кредитоспособность в собственных кооперативных банках, и они на протяжении одного поколения овладеют банковскими ресурсами богатейшей в мире нации». Рабочие банки не оправдали этих надежд. Они стали заниматься теми же операциями, что и банки обычного типа (так, напр., банк Общества паровозных машинистов в принадлежащих ему угольных копях проводит систему «открытых мастерских» т.-е. права найма неорганизованных рабочих. Большинство акций банков находится в руках профсоюзных лидеров. В их руках находится также распоряжение прибылями банков. Многие из «рабочих» директоров банков, быстро обогатившись, совершенно забывают об интересах рабочих. В большинстве банков до 49% акций принадлежит либо другим капиталистическим банкам, либо частным акционерам. Одним из главных занятий банков является распространение акций капиталистических промышленных предприятий.

В 1924 году идея рабочих банков проникла в Европу. А.Д.Г.Б. (Об'единение германских профессиональных союзов) образовало

акционерное общество под названием «Банк рабочих, служащих и чиновников». Первоначальный основной капитал банка равнялся 750.000 золотых марок. Уже к концу первого операционного года вклады в банк составляли 9½ миллионов золотых марок, из них 5 миллионов были банком вложены в крупные капиталистические банки. (Стр. 282, 375).

255) Здесь М. П. Томский имеет в виду так называемый план Балтимора-Огайо. По плану Балтимора-Огайо профессиональные союзы признаются предпринимателями единственными представителями труда и поставщиками рабочей силы. За это признание предприниматели требуют от профессионального союза принятия мер к повышению производительности труда. Название свое план получил от международной ж.-д. линии Балтмора-Огайо, где союз железнодорожных машинистов впервые заключил соглашение с предпринимателями в указанном духе. В своем отчете правление названной линии указало, что проведенное соглашение дает компании чистой экономии два миллиона долларов в год. Одной из мер к поднятию производительности труда являются периодически созываемые совещания представителей профессионального союза с представителями администрации, при чем профсоюз берет на себя обязательство провести в жизнь все мероприятия, вырабатываемые совещаниями. В этих целях профсоюз содержит своих собственных особых инспекторов, наблюдающих за производительностью труда. (Стр. 283, 402).

256) Удегест был встречен молчанием, прерванным лишь несколькими отдельными аплодисментами. (Стр. 284).

257) *Джемс Генри Томас,* генеральный секретарь английского союза железнодорожников. Родился в 1878 г. в рабочей семье. С ранних лет начал добывать средства к жизни работой по найму. Поступив на службу железнодорожником, начал принимать деятельное участие в профессиональном движении. В 1911 г. работал над слиянием мелких железнодорожных союзов в один национальный союз. Будучи членом Независимой Рабочей Партии, во время войны стал самым ярым защитником войны «до победного конца». Вместе с Бальфуром, тогдашним министром иностранных дел, был командирован правительством в Соединенные Штаты для переговоров о совместном ведении войны. За это по возвращении в Англию был назначен тайным королевским советником. На II Конгрессе Амстердамского Интернационала в 1920 г. был избран председателем Бюро. В 1921 г., руководя железнодорожниками, сорвал тройственное соглашение (железнодорожников, транспортников и горняков), чем содействовал поражению горняков. Этот срыв соглашения вошел в историю английского рабочего движения под названием «черной пятницы». В 1924 г. Томас вступил в рабочее правительство Макдональда, где получил пост министра колоний. В 1926 г. во время всеобщей забастовки и забастовки горняков сыграл предательскую роль, как и в 1921 г. Добившись прекращения всеобщей стачки, подписал соглашение с предпринимателями,

являющееся самым позорным из всех соглашений, какие только подписывались профессиональными союзами. Враг стачечного движения. (Стр. 286, 287, 326, 331, 336, 376, 417, 481).

[258]) *Гарри Поллит* — один из активнейших деятелей коммунистической партии Англии. Родился в 1890 г. По профессии котельщик. С раннего возраста принимал активное участие в рабочем движении. 18 лет стал членом Независимой Рабочей Партии. Впоследствии вышел из нее и вступил в Британскую Социалистическую Партию. За свою деятельность с 1911 г., главным образом, за вовлечение неорганизованных рабочих в революционную борьбу, неоднократно подвергался преследованиям. Во время империалистической войны был одним из активнейших организаторов начавшегося в 1916 г. движения фабзавкомов (в машиностроительной промышленности). В 1919 г. был одним из организаторов комитета «Руки прочь от России» и затем активно работал над преобразованием Британской социалистической партии в Коммунистическую. Несмотря на предложение Исполкома Рабочей Партии профессиональным союзам Англии не избирать коммунистов на конгрессы Рабочей Партии, неизменно участвует в них в качестве представителя союза котельщиков. Поллит участвовал во всех конгрессах Профинтерна. В 1923 г. в качестве представителя Коминтерна присутствовал на Гамбургской конференции трех Интернационалов. В 1925 г. был избран в Исполком Коминтерна. В 1925 г. был привлечен к суду по делу 12 коммунистов и осужден на год тюрьмы. По выходе из тюрьмы, продолжает активнейшую работу, пользуясь огромной популярностью в рабочих массах Англии. (Стр. 288).

[259]) *Джордж Хикс*. Родился в 1879 г. С 11 лет работал по найму в качестве строительного рабочего. Организатор союза строительных рабочих. Секретарем этого союза он состоит и по настоящее время (1928 г.). В Генеральном Совете занимал левую позицию. В 1925 г. вел энергичную агитацию, направленную на сближение английского профессионального движения с движением СССР. Генеральным Советом был делегирован на Англо-Советскую конференцию, положившую основание Англо-Русскому Комитету единства. Принимал прямое участие в работе Комитета. В 1926 г. во время всеобщей забастовки перешел на сторону правых и голосовал за прекращение забастовки. С той поры стал одним из горячих защитников сотрудничества труда с капиталом, пропагандируя идею «промышленного мира». В 1926 — 1927 гг. некоторое время был председателем Генсовета. (Стр. 289, 291, 334, 446, 463).

[260]) *Джек Клайнс* — председатель английского союза коммунальников и чернорабочих. Родился в 1869 г. в рабочей семье. С детских лет стал работать на фабриках в качестве чернорабочего. Организовал союз газовых рабочих и чернорабочих. В своей союзной работе защищал необходимость классового соглашения, сотрудничества. Во время империалистической войны был назначен министром продовольствия в коалиционном правительстве Ллойд-Джорджа. Получил за свою деятельность титул тайного советника короля. В 1926 г., после срыва

всеобщей забастовки Генеральным Советом, провел в своем союзе резолюцию, согласно которой пост председателя союза является пожизненным. (Стр. 290, 401).

261) *Аллан Финдлей* — член Генерального Совета английских тред-юнионов. Родился в 1873 г. Работал по найму в качестве рабочего на кружевных фабриках, в шахтах, на железной дороге, в металлургических предприятиях. В 1913 г. стал помощником секретаря, а в 1917 г. — секретарем Об'единенного союза модельщиков. С 1921 г. состоит членом Генерального Совета. Участвовал в английской делегации, посетившей СССР в 1924 г. Был членом Англо-Русского Комитета единства. В 1926 г. голосовал за прекращение всеобщей стачки сочувствия горнякам. С этого момента стал противником идеи сближения с союзами СССР и настаивал на разрыве Англо-Русского Комитета. (Стр. 291).

262) *Джордж Бантон* (Бонтон), член городского совета в Лейстере в продолжение 31 года. Был в течение 15 лет председателем лейстерского комитета Независимой Рабочей Партии. В 1926 г. был избран городским головой г. Лейстера. В 1927 г. стал помощником городского головы. Председатель Лейстерского Совета профессиональных союзов. (Стр. 291).

263) *Вальтер Ситрин* — секретарь Генерального Совета английских тред-юнионов. Родился в 1887 г. С 1909 г. — член Независимой Рабочей Партии. С 1914 г. по 1920 г. был секретарем союза электротехников. При жизни Фреда Брамли, секретаря Генерального Совета, был его ближайшим сотрудником. После смерти Брамли в октябре 1925 г. занял его пост и выборами на конгрессе 1926 г. был утвержден на этом посту. Был членом Англо-Русского Комитета единства. На Эдинбургском конгрессе тред-юнионов в сентябре 1927 г. выступил с докладом, отстаивающим предложение Генерального Совета о срыве Англо-Русского Комитета. (Стр. 291, 446, 451, 463, 492).

264) *Австрийская рабочая делегация* организовалась путем непосредственных выборов на предприятиях. Сами же рабочие организовали сбор денежных средств на поездку делегатов. Целью ее было изучение условий жизни и труда рабочего класса в СССР. Профессиональные союзы и социал-демократическая партия Австрии отнеслись к поездке отрицательно. Делегация в составе 9 социал-демократов и 4 коммунистов приехала в СССР 30 января 1926 г. В Москву делегация прибыла 3 февраля 1926 г. В день открытия III очередного Пленума ВЦСПС 6 февраля 1926 г. она присутствовала в полном составе на заседании Пленума. По возвращении в Австрию члены делегации выступали на собраниях и митингах с докладами, в которых они отстаивали необходимость борьбы за об'единение австрийского пролетариата с рабочим классом СССР. (Стр. 295).

265) *Эльдорадо* — («Золотая страна»). Фантастическая страна, являвшаяся предметом мечтаний испанских золотоискателей, хлынувших в Америку после открытия ее Колумбом. Впоследствии этим словом стали называть вообще всякую сказочную страну. (Стр. 296).

[266]) В своём докладе «О работе профессиональных союзов» на XIV С'езде ВКП(б), состоявшемся 18—31 декабря 1925 г., тов. Томский говорил:

«...Мы выдвинули в полном согласии не только с Центральным Комитетом партии, но и с согласия Профинтерна и Коминтерна лозунг единства международного профессионального движения. Мы считаем, что этот лозунг, как, вероятно, многие товарищи знают, имеет известный успех. На основе этого лозунга выдвинулся и создался наш союз с английскими тред-юнионами...

...Правильна или неправильна наша политическая линия в этом вопросе? Несомненно, правильна. Она целиком вытекала из предшествующей кампании, которую вел Коминтерн, — кампании единого фронта, она придала практическое оформление этому агитационному лозунгу. Мы видим, что на почве создания нашего союза борьбы за единство международного профдвижения с английскими профсоюзами, впервые вскрылись противоречия в самом Амстердамском Интернационале, впервые вскрылось недовольство внутри Амстердамского Интернационала, недовольство тем уродливым блоком, который существует между профессиональным Интернационалом рабочих и организацией воинствующего капитала — Лигой Наций, в форме Бюро Труда при Лиге Наций. Все громче и громче раздаются голоса внутри самых умеренных кругов английского профдвижения против этого уродливого блока...

...Был создан Англо-Русский Комитет, платформа которого включает три пункта: борьба против войны, борьба против экономического наступления капитала и единство международного рабочего движения...

...Блок на основании этих трех пунктов оправдал себя тем, что к нему примкнули целиком норвежские и финляндские профсоюзы. Правда, организационно этот четверной союз пока еще не закреплен, и на предложение норвежских и финских профсоюзов вступить в Англо-Русский Комитет и превратить его в Англо-Русско-Норвежско-Финский, Англо-Русский Комитет ответил отказом, считая это несвоевременным». (Стр. 302).

[267]) Мысль о необходимости уделять внимание мелочам рабочей жизни тов. Ленин наиболее четко формулировал в написанной им в конце 1897 г. брошюре «Задачи русских социал-демократов».

«...Социал-демократы, — писал он, — принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы и пр. и пр. Наша задача — слить свою деятельность с практическими бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочему разбираться в этих вопросах...» О необходимости же уделять внимание мельчайшим вопросам рабочей жизни и рабочего быта тов. Ленин говорит в прокламациях Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (прокламации «К рабочим фабрики Семенникова», «К рабочим и работницам фабрики Торнтона», «Рабочий праздник 1 мая»). (Стр. 308).

[268]) *Пятый Лондонский с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии* состоялся в мае 1907 г. К моменту с'езда разногласия между партийными фракциями большевиков и меньшевиков, несмотря на формальное их об'единение предшествующим Стокгольмским с'ездом, усилились. Меньшевики в 1906 г. еще во время существования I думы выставили лозунг поддержки кадетской думы в ее требовании ответственного думского министерства, подменив, таким образом, революционный лозунг свержения царизма лозунгом кадетского министерства. На требование большевиков созвать партийный с'езд меньшевики (в особенности П. Аксельрод и Ю. Ларин) ответили агитацией за созыв так называемого рабочего с'езда и за ликвидацию подпольной революционной социал-демократической партии. Меньшевики доказывали, что социал-демократическая партия, опирающаяся на нелегальный аппарат, не сможет удовлетворить потребности рабочего движения, принявшего массовый характер, поэтому она должна раствориться в широкой рабочей партии, куда могли бы войти все социалистические партии, включая социалистов-революционеров, и все профессиональные союзы. Таким образом, перед V С'ездом стояла задача не только наметить тактику революционной борьбы, но и решить вопрос о самом существовании революционной пролетарской партии. На с'езде присутствовали 105 большевиков и 97 меньшевиков. Кроме того, были: 44 представителя польской социал-демократии, шедшие вместе с большевиками, 57 бундовцев, поддерживавших меньшевиков, и 29 представителей латышской партии, колебавшихся между большевиками и меньшевиками. По важнейшим вопросам с'езд принял предложение большевиков. Партию кадетов он признал контрреволюционной и призвал социал-демократов беспощадно критиковать и разоблачать ее. С'езд указал на необходимость руководства со стороны рабочего класса партиями и группами, выражающими интересы крестьянства. Идея рабочего с'езда была осуждена Лондонским с'ездом, как антипартийная. По вопросу о профсоюзах с'езд принял решение о необходимости признания союзами идейного руководства партии и организационной связи с ней. Таким образом, в большинстве вопросов победили большевики. Меньшевикам удалось провести свою резолюцию только по вопросу о партизанских выступлениях с категорическим запрещением каких бы то ни было боевых выступлений и экспроприаций и об'явлением роспуска боевых дружин, существовавших при некоторых партийных организациях.

Едва Лондонский с'езд закончился, как 3 июня (см. прим. 64) была разогнана государственная дума и изменена избирательная система, урезавшая права окраин, заселенных нерусскими национальностями, и колоссальным образом увеличившая представительство от землевладельцев за счет представительства от рабочих и крестьян. (Стр. 308).

[269]) Тарифная работа является той отраслью союзной деятельности, которая больше других отраслей требует от работника специальных знаний (сведений о материальных возможностях всего народного

хозяйства, данной отрасли промышленности и отдельного предприятия, а также сведений об особенностях работы каждой специальности и ее отдельных квалификаций). (Стр. 309).

270) *XI С'езд РКП (б)* состоялся 27 марта — 2 апреля 1922 г. На с'езд явилось с решающим голосом 520 делегатов, с совещательным — 154. На с'езде было представлено 532.000 членов партии.

Порядок дня с'езда: 1) политический отчет ЦК (Ленин), 2) организационный отчет ЦК (Молотов), 3) отчет Ревизионной Комиссии (Ногин), 4) отчет Центральной Контрольной Комиссии (Сольц), 5) отчет Коминтерна (Зиновьев), 6) о профессиональных союзах (Томский и Андреев), 7) о Красной армии (Троцкий), 8) финансовая политика (Сокольников), 9) чистка и укрепление партии (Шкирятов и Зиновьев), 10) о работе Комсомола (Сафаров).

Этот с'езд подтвердил резолюцию пленума ЦК РКП (б) о профессиональных союзах (декабрь 1921 — январь 1922 г.). (См. примеч. № 118). (Стр. 317).

271) *Межрабпом* — организация международной рабочей помощи была основана в 1921 г., когда в Советской России, разоренной империалистической, а затем гражданской войной, разразился неурожай, обрекший миллионы трудящихся на голодную смерть. Во многих странах возникли тогда организации, поставившие своей целью оказание помощи голодающему населению. Для об'единения этих организаций в Берлине 12 августа 1921 г. под председательством Клары Цеткин был создан «Комитет международной рабочей помощи голодающим Советской России». По мере развития своей деятельности Межрабпом об'единил вокруг себя профсоюзы, культурные организации, кооперативы и отдельных лиц из среды интеллигенции. В течение короткого времени Межрабпому удалось наладить регулярное питание для 25 тысяч человек и выработать ряд мер по восстановлению хозяйства в голодающих губерниях. В июле 1922 г. в Берлине состоялась I всемирная конференция Межрабпома, после которой работа стала разворачиваться по линии оказания помощи трудящимся во всех странах. В сентябре 1923 г., когда в Японии разразилось землетрясение, Межрабпом организовал помощь японскому трудовому населению, за что XII конгресс японских профсоюзов постановил выразить ему свою благодарность. В октябре Межрабпом пришел на помощь германским рабочим, в частности пострадавшим в Рурском бассейне от французской оккупации. С той поры Межрабпом при всяком крупном событии, затрагивающем жизненные и основные интересы рабочих масс, как, например, стачка, локаут и т. п., организует непосредственную помощь нуждающимся рабочим и их семьям. (Стр. 319).

272) *Забастовочный (стачечный) фонд* существует при Центральных Комитетах союзов СССР на основании положения ВЦСПС, опубликованного 21 мая 1925 г. Этот фонд является единым, централизованным во всесоюзном масштабе. Средства из него могут расходоваться только по их прямому назначению, т.-е. на выдачи пособий во время

стачки. Расходование стачечного фонда на другие цели может быть произведено только по постановлению всесоюзного с'езда данного союза и лишь в исключительных случаях по постановлению президиума ЦК с утверждением Президиума ВЦСПС. Всеобщая забастовка английских рабочих и являлась таким исключительным случаем, потребовавшим усиления фонда солидарности (т.-е. средств, предназначенных на поддержку рабочего движения за границей) за счет стачечного фонда. (Стр. 319).

[273]) Центральные Комитеты союзов водников и местного транспорта СССР по призыву ВЦСПС 5 мая 1926 г., в целях поддержки английской стачки, об'явили частичную забастовку солидарности в портах, экспортирующих грузы для Англии. Решение Центральных Комитетов, переданное по телеграфу, распространялось также и на те грузы, которые предназначались для других стран, если только возникнут подозрения, что они в конечном итоге попадут в Англию. С прекращением английской забастовки, Центральные Комитеты отменили запрещение производить погрузку всех идущих в Англию грузов, кроме угля и нефти. В отношении этих грузов запрещение оставалось в силе вплоть до прекращения забастовки углекопов в Англии. (Стр. 320, 345).

[274]) Тотчас же после заседания Президиума ВЦСПС 5 мая 1926 г. от имени ВЦСПС и всех Центральных Комитетов профессиональных союзов было выпущено воззвание «Ко всем членам профсоюзов СССР» с призывом к единовременному отчислению одной четвертой части дневного заработка в пользу бастующих рабочих Англии. (Стр. 320).

[275]) Применение научной организации труда и новейших технических достижений, а также укрепление валюты отчасти при помощи кредитов и вложения капиталов из Америки, укрепили положение капитала. Добыча угля в 1925 г. стала давать 97,9% по сравнению с 1913 г. и в 1927 г. — 101,3%, выплавка чугуна за те же годы — 97,3% и 108%, производство стали — 119% и 131%, потребление хлопка — 101,3% и 111,7%. Восстановление в отдельных странах твердой денежной системы привело к восстановлению международного кредита и оживлению международной торговли. Поэтому расширенный пленум Коминтерна (25 марта — 6 апреля 1925 г.), а затем XIV С'езд ВКП (б), происходивший в декабре 1925 г., характеризовали наступающую эпоху, как период стабилизации, т.-е. укрепления позиций капитала. Но эта стабилизация была охарактеризована как относительная, т.-е. временная, частичная и неустойчивая. На XV С'езде ВКП (б), состоявшемся в декабре 1927 г., непрочность стабилизации капитала была определена таким образом: «Частичная стабилизация капитализма не только не устранила, но, напротив, форсировала развертывание противоречий между отдельными империалистическими странами и их группировками. Рост производства, восстановление торговых связей, упорядочение денежно-кредитного механизма ставят с величайшей остротой перед буржуазией проблему рынков сбыта, источников сырья и рынков капитала. Перемещение центра мирового капитализма в Соединенные

Штаты Америки и паразитическое загнивание Англии, противоречие между ростом производительных сил и тисками плана Дауэса в Германии, балканизация Европы, обнищание масс и сужение внутреннего рынка — все это делает все ближе и неотвратимее попытку нового передела земного шара между империалистическими хищниками, новые вооруженные схватки и военные катастрофы. На ряду с крайним обострением международной обстановки и международных отношений налицо значительный рост классовых противоречий и классовой борьбы. Капиталистическая стабилизация производится за счет систематического снижения жизненного уровня и усиления эксплоатации рабочего класса. Процесс стабилизации сопровождается безработицей, в несколько раз превышающей довоенный ее уровень. После непродолжительного периода относительного затишья мы имеем сейчас новый под'ем революционного рабочего движения и значительное полевение широких рабочих масс. Все это свидетельствует об усиливающемся процессе развала капиталистической эксплоатации». (Стр. 321).

[276]) На конгрессе английских тред-юнионов в Скарборо (сентябрь 1925 г.) представитель горняков тов. Кук указал, что с принятием плана Дауэса Германия за один только 1924 г. поставила бесплатно державам победительницам 19.700.000 тонн угля, что привело к безработице 80.000 углекопов в Англии. Поэтому, несмотря на сопротивление участвовавших в конгрессе членов бывшего рабочего правительства, которое содействовало проведению плана Дауэса, конгресс принял резолюцию с осуждением этого плана. (Стр. 322).

[277]) В расходную часть государственного бюджета СССР включаются суммы на финансирование народного хозяйства. По бюджету 1923/24 г. на эту цель было отпущено 266,2 милл. руб., на 1924/25 г. — 398,3 милл. руб., на 1925/26 г. 532,1 милл. руб. и на 1926/27 г. — 693 милл. руб. (Стр. 324).

[278]) *Артур Пью* — член Генерального Совета английских тред-юнионов, секретарь Федерации союза металлистов. Является представителем старого тред-юнионизма, рассматривающего профессиональные союзы не как боевые организации пролетариата против капиталистической эксплоатации, а как об'единения для улучшения положения рабочих путем коллективных соглашений с предпринимателями. Примыкает к правому крылу Рабочей Партии. В 1918 г., когда Британская Федерация предпринимателей образовала Национальный союз предпринимателей и рабочих, Пью вместе с другими реакционными деятелями английского рабочего движения вступил в Исполнительный Комитет этого союза. 12 мая 1926 г. во время всеобщей забастовки Пью, исполнявший обязанности председателя Генерального Совета, возглавлял делегацию Совета, отправившуюся к главе английского правительства Болдуину, чтобы заявить о прекращении забастовки без всяких условий. После этого он приступил совместно с некоторыми правыми вождями профессиональных союзов и представителями крупной буржуазии к созданию «Института промышленного равновесия»,—

организации, ведущей пропаганду классового мира между трудом и капиталом. 24 сентября 1927 г. на заседании Лиги Наций назначен советником ее Экономического Комитета. (Стр. 324, 387, 404).

279) На русском языке в 1926 г. в издании Профинтерна вышла книга — «Документы и речи английских вождей о всеобщей забастовке». (Стр. 327).

280) Русскими революционными организациями часто практиковался захват типографий для печатания своих изданий. В 1905 г. исполнительный комитет Петербургского Совета Рабочих Депутатов печатал свои «Известия Совета Рабочих Депутатов» путем вооруженного захвата типографий. (Стр. 328).

281) Как только была об'явлена всеобщая забастовка поддержки горняков, печатники прекратили выпуск газет. 5 мая стала выходить правительственная «Бритиш Газет» («Британская Газета») под редакцией министра финансов Черчилля.

Генеральный Совет, не желая использовать свои «преимущества» перед буржуазными издательствами, распространил забастовку и на свое собственное издание — «Дейли Геральд». И лишь после того как правительство стало выпускать «Бритиш Газет», Генеральный Совет решил также выпускать небольшой вечерний листок под названием — «Бритиш Уоркер» («Британский Рабочий»), печатавшийся в типографии газеты «Дэйли Геральд». (Стр. 328).

282) *Уинстон Черчилль* — раньше один из деятелей английской либеральной партии, затем перешел к консерваторам. Родился в 1875 г. Во время войны был министром снабжения, а затем военным министром в коалиционном правительстве Ллойд-Джорджа. Организатор вмешательства европейских империалистов в гражданскую войну в Советской России. Снабжал боевым снаряжением и средствами белогвардейские армии. В 1919 г. выступил с планом одновременного нападения на Советскую республику 14 государств. Выйдя в отставку одновременно с падением министерства Ллойд-Джорджа в 1922 г., вошел в 1924 г. в консервативное правительство Болдуина в качестве министра финансов. (Стр. 336).

283) Договор, подписанный после прекращения всеобщей забастовки Томасом и Крэмпом от имени Национального Союза железнодорожников, Бромлеем — от союза паровозных машинистов и кочегаров и Уокденом — от ассоциации железнодорожных конторщиков с железнодорожными компаниями, является одним из самых позорных документов в истории профдвижения. Вот его полный текст:

«1. Служащие и рабочие железнодорожных компаний, участвовавшие в стачке, принимаются обратно, как только для них будет найдена работа на железных дорогах и в железнодорожных учреждениях. Возвращение на работу проводится по принципу старшинства каждой категории, на каждой станции, в депо или управлении.

2. Профсоюзы признают, что, об'явив забастовку, они совершили неправомерный акт по отношению к железнодорожным компаниям,

а также признают, что железнодорожные компании при обратном приеме служащих на работу отнюдь не отказываются от своих законных прав требовать, как от бастующих, так и от других лиц, ответственных за забастовку, возмещения убытков, причиненных стачкой.

3. Профсоюзы обязуются: а) впредь не призывать своих членов к забастовке без предварительных переговоров с компаниями; б) не оказывать своим членам никакой поддержки в случае самочинных выступлений; в) не склонять наблюдающий персонал специальных разрядов к участию в какой-бы то ни было стачке.

4. Комитеты заявляют, что в результате стачки, может быть, явится необходимость перевода некоторых лиц на другие работы, при чем жалованье или заработная плата таких лиц не будут сокращены. Каждая компания за неделю представит союзам список лиц, которых предположено перевести на другую работу, а также даст каждому такому лицу возможность заручиться адвокатом для ведения своего дела в главном управлении компании.

5. Настоящее соглашение не распространяется на лиц, виновных в актах насилия или запугивания».

Тотчас же после подписания договора с железнодорожными компаниями Томас заявил: «необходимо проделать восстановительную работу по возможности спешно и по возможности полюбовно, а для этого прежде всего необходимо забыть прошлое и смотреть вперед. Сегодня профессиональные союзы железнодорожников встретились с управляющими железных дорог для того, чтобы выполнить эту задачу, поскольку дело идет об английских железных дорогах. Задача выполнена и подписано соглашение, которое, по моему мнению, не только является удовлетворительным, но может послужить примером для других». (Стр. 338).

[284]) После прекращения всеобщей забастовки Свейлс, Хикс и Бен-Тиллет опубликовали заявление ко «Всем товарищам в Англии и за границей».

«Из опыта конфликта, — говорилось в этом заявлении, — вытекают такие выводы:

1. Забастовка явилась величайшей демонстрацией мощи и солидарности, какую только проявило когда-либо английское профессиональное движение.

2. Она обнаружила экономическую зависимость всех отраслей промышленности от рабочих и, — что бы ни говорили и что бы ни делали добровольцы штрейкбрехеры из университетов и из подонков общества, — явилась доказательством контроля профессионального движения над промышленными ресурсами страны.

3. Мы прекратили выход капиталистических газет, брызгавших бешенством и ядом, и остановили распространение отравленной клеветы и извращений, на которые только и способна капиталистическая пресса.

И, наконец, забастовка связала все категории наемного труда узами общей солидарности и симпатии. Она об'единила в международном масштабе всех рабочих европейского континента, Америки и наших колоний. Русское профдвижение протянуло нам в стихийном порыве братскую руку помощи.

И если за последние дни в наших собственных рядах стали раздаваться голоса о том, что наше блестящее выступление является «ложным шагом», то пусть это не введет нас в заблуждение. Такие голоса признания слабости некоторых из наших товарищей, слабости, с которой мы все должны бороться, мы все должны изжить.

...Мы вполне уверены в том, что наш класс, однажды продемонстрировав свое единство, еще раз продемонстрирует в национальном и международном масштабе свое единство и мужество в борьбе за свои цели»... (Стр. 338).

285) *Международная Федерация Транспортников* (Интернационал транспортников), об'единяющая союзы водников, железнодорожников, портовых рабочих и грузчиков, ведет свою историю с 1893 г., со дня образования Международного союза железнодорожников. Эта Федерация, входящая в Амстердамский Интернационал под влиянием революционных групп (главным образом, портовых рабочих), более чутко в сравнении с прочими производственными Интернационалами, связанными с Амстердамом, откликается на запросы масс. Во время польско-советской войны 1920 г. она проводила бойкот перевозки военного снаряжения в Польшу. Во время забастовки горняков в Англии в 1926 г. Интернационал транспортников организовал поддержку забастовки путем приостановки движения пароходов, направляющихся в Англию. Эта забастовка солидарности, однако, прекратилась тотчас же, как только Генеральный Совет английских тред-юнионов прекратил всеобщую забастовку, хотя горняки и продолжали бастовать. Интернационал транспортников в 1923 г. первым отозвался на призыв советских профессиональных союзов к единому фронту и организовал вместе с ними конференцию, вынесшую постановления о едином фронте для борьбы против опасности войны и фашизма. Эти постановления, однако, не были проведены в жизнь, так как Амстердамский Интернационал отказался утвердить их. Генеральным секретарем Федерации является один из руководителей левого крыла Амстердама — Эддо Фиммен, сторонник единства профессионального движения. (Стр. 339).

286) На четвертый месяц забастовки горняков Генеральный Совет решил командировать своих представителей на европейский континент и в Америку с поручением добыть средства для поддержки голодающих горняков и их семей. Перселю удалось добиться от германского об'единения профессиональных союзов (АДГБ), примыкающих к Амстердаму, согласия предоставить заем, но при условии платежа 4½% годовых. (Стр. 341, 409, 477).

287) Английские водники имеют два союза. Один, руководимый Бен-Тиллетом (см. примеч. № 177), построен по производственному

принципу и носит название «союз транспортников и чернорабочих»; он об'единяет мало квалифицированные слои водников и портовых рабочих. Другой, возглавляемый реакционным сторонником классового сотрудничества Хавелоком Вильсоном (см. прим. 318), носит характер узко-профессиональный, об'единяя квалифицированных работников водного транспорта, он называется «союзом моряков и матросов». В 1925 г. Вильсон подписал договор с предпринимателями о понижении заработной платы. Моряки не приняли договора и забастовали. Союз, возглавляемый Вильсоном, отказался поддерживать забастовавших. Стачечники потерпели поражение. Союз транспортников и чернорабочих заявил протест против поведения Вильсона, оценивая его как сознательное штрейкбрехерство. (Стр. 343).

288) *«Национальное движение меньшинства»* в английских профессиональных союзах организационно оформилось в августе 1924 г. на конференции революционных профессиональных организаций в Лондоне.

Явившиеся на конференцию 270 делегатов от 200.000 рабочих сформулировали программу движения меньшинства. В основу этой программы была положена задача преобразовать английские тред-юнионы в организации борьбы рабочих масс за свержение капитализма. На конференции был избран исполнительный комитет, руководящий «промышленными комитетами» избираемыми на конференциях революционных профорганизаций по отдельным отраслям промышленности. К настоящему моменту движение меньшинства приобрело во всех крупных профессиональных союзах большое число сторонников. Несмотря на английскую традицию голосовать на конгрессах блоком (все делегаты определенной организации голосуют за ту резолюцию, за которую высказалось большинство этой организации), меньшинство стало выступать на всех конгрессах самостоятельно. Выдающаяся роль в организации движения меньшинства принадлежит деятелям коммунистической партии Тому Манну, Гарри Поллиту и др. (Стр. 344).

289) *Вторая германская рабочая делегация* прибыла в СССР 27 июля 1926 г. в составе 64 человек: 45 социал-демократов, 8 коммунистов, 1 — принадлежащего к партии центра, 4 — христианских социалистов, 1 — независимого социал-демократа, 1 — демократа, 6 — беспартийных. В президиум ее входили: Фриц Кербер (с.-д.), Роберт Зиверт (коммунист), Петр Амес (с.-д.), Иозеф Ленц (с.-д.), Франц Штерендах (христ. соц.), Вилли Бенер (с.-д.) и Карл Гиниель (с.-д.). В составе делегации были две женщины. После осмотра ленинградских предприятий и посещения профессиональных организаций, делегация прибыла 3 августа 1926 г. в Москву. 11 августа она присутствовала на об'единенном заседании Президиумов ВЦСПС и Московского Губернского Совета профессиональных союзов. Перед этим она в письменном виде задала следующие десять вопросов:

1. Что мешает проводить в жизнь единство профсоюзов?
2. Какие задачи ставит себе Англо-Русский Комитет?

3. При каких условиях возможно создание единого профсоюзного Интернационала?

4. Какое влияние оказала английская стачка на англо-русские отношения?

5. В каком положении переговоры ВЦСПС с Амстердамским Интернационалом?

6. Каковы наиболее важные препятствия к об'единению профсоюзов: об'ективные и суб'ективные?

7. Как расценивается русскими профсоюзами сближение АДГБ (Всегерманское Об'единение Профессиональных Союзов) с американскими профсоюзами?

8. Находятся ли русские профсоюзы в какой-либо материальной зависимости от государства?

9. Так как русские профсоюзы находятся под идеологическим руководством ВКП(б), так как эта партия одновременно является государственной партией, так как 90% предприятий находятся в руках государства, — как возможно, что интересы государства и рабочих не сталкиваются?

10. Есть ли среди вождей профессиональных союзов женщины? (Стр. 346).

290) Формально являясь фракциями одной партии, большевики и меньшевики фактически представляли две самостоятельных политических партии. (Стр. 348).

291) Боровшиеся с советской властью правые эсеры и меньшевики летом 1918 г. вели среди железнодорожников агитацию за об'явление забастовки. Продовольственные затруднения того времени они использовали для пред'явления требований об увеличении продовольственного пайка и заработной платы. Агитация велась от имени «бюро уполномоченных», организации, созданной меньшевиками и с.-р. из уполномоченных, избранных по предприятиям. Вопрос о подготовке меньшевиками и с.-р. железнодорожной забастовки был поставлен на IV Московской общегородской конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Признав, что «всякая остановка работы, всякая забастовка является предательством дела пролетарской революции», а «призывающие к ней делают дело врагов пролетарской революции, помогают капиталу в борьбе его за восстановление его власти, увеличивая неизбежно и голод и разруху»... конференция постановила, что «вместе с железнодорожными рабочими, рабочий класс должен положить конец всякой провокации, стремящейся вызвать забастовку на железных дорогах и в других отраслях производства». Призыв конференции нашел отклик у железнодорожников и всего пролетариата и всеобщая забастовка железных дорог не состоялась. (Стр. 352).

292) Отношение советского профессионального движения к стачкам было формулировано в следующем постановлении II Пленума ВЦСПС в феврале 1922 года:

В настоящих условиях следует признать, что стачка является не только опасным, но и вредным оружием в экономической борьбе, и поэтому непригодна для разрешения экономических конфликтов.

«Оценивая таким образом стачку, как метод борьбы за улучшение экономического положения рабочих, независимо от характера предприятия, на котором она применяется, союзы не должны забывать принципиального классового различия между стачкой на частновладельческом (или арендном) предприятии и стачкой на государственном предприятии.

В первом случае, борьба идет против классовых врагов пролетариата, вырывающихся из-под контроля его (пролетариата) государства, против попыток их путем экономического давления восстановить старые отношения между трудом и капиталом, попыток по существу явно контрреволюционных.

Во втором случае борьба может принять характер стачки лишь против администрации госпредприятия, т.-е. приказчиков пролетариата, не усвоивших его политику, извращающих ее и тем самым дискредитирующих диктатуру пролетариата, т.-е. вольно или невольно творящих контрреволюционную политику. Попытки же превратить конфликты и стачки на госпредприятиях в борьбу против самого пролетарского государства следует рассматривать, как выступление против своего класса в целом, т.-е. равным образом, как действие контрреволюционное». В силу этого, лишь при использовании всех возможностей мирного разрешения конфликта следует применять стачку, при непременном условии санкционирования ее необходимости со стороны вышестоящих союзных или межсоюзных об'единений.

Решающее слово в вопросах стачки должно быть оставлено за ЦК союзов и ВЦСПС и регламентировано особыми инструкциями, при ближайшем проведении в этом вопросе союзной дисциплины. (Стр. 353).

293) В президиум ЦИК, образованного III Всесоюзным С'ездом Советов в мае 1925 г. вошли члены ВЦСПС тт. Томский, Рудзутак, Догадов и Андреев. (Стр. 354).

294) Летом 1924 года Макдональд выпустил книжку под названием «Социализм критический и конструктивный». В этой книжке он доказывал, что экономические стачки ведут к сокращению производства и направляют социалистическое движение на ложный путь (социализм критический). Верный же путь (конструктивный социализм) заключается в мирной тактике использования тех средств, которые даются демократией (обращение к общественному мнению, парламенту и власти, пропаганда и участие в выборах). (Стр. 356).

295) С момента образования Англо-Русского Комитета и буржуазная и реформистская пресса непрерывно утверждали, что Москва пытается захватить руководство английским профессиональным движением. Со времени забастовки горняков в 1926 г. эту точку зрения стали разделять и представители Генерального Совета, недовольные критикой ВЦСПС их поведения во время стачки. На заседании Англо-

Русского Комитета в Берлине 23 августа 1926 г., когда сов. делегация заявила о полученной ею от ВЦСПС директиве в первую очередь обсуждать вопрос о помощи горнякам, член английской делегации Пью возразил, что «такая директива есть попытка диктовать порядок работы Комитету». На следующий день другой член английской делегации Финдлей заявил: «Если Генеральный Совет будет осведомлен о том, как происходила работа Англо-Русского Комитета, вы можете быть уверены, что его решение будет: поставить крест над Англо-Русским Комитетом. Вы сохраните свои коммунистические фракции, газеты. Вы будете иметь поддержку горнорабочих на конгрессе, потому что вы много сделали для них. Но не думайте, что этого будет достаточно, чтобы ваше дело победило. Вы возмущены нашим поведением, мы возмущены вашим не менее, ибо вы стараетесь вмешаться в наши внутренние дела, в наши взаимоотношения... Я должен сказать по совести, что вмешиваться в наши дела, пытаться встать между мной и моей совестью вы не имеете никакого права». Наконец, Пью снова сделал заявление: «Мы хотим сохранить наилучшие отношения с нашими русскими товарищами, но если русские союзы предполагают, что мы согласимся, чтобы кто-нибудь из них диктовал или контролировал нас, то мы категорически должны отвергнуть это». В своем заявлении делегация ВЦСПС ответила на это таким образом: «Мы решительно протестуем против заявлений, имевших место в речи тов. Пью, что будто бы союзы СССР хотят установить свое руководство над английским профессиональным движением». (Стр. 356).

[296]) Тов. Томский имеет в виду те органы местного самоуправления Англии, в которых большинство принадлежит рабочим и представителям рабочих партий. (Стр. 358).

[297]) Профессиональное движение Германии представляет весьма пеструю картину. Впереди всех по своему численному составу стоит картель (договорное соглашение) трех центров свободного (стоящего на платформе правого крыла германской социал-демократии) движения: Всеобщего об'единения профессиональных союзов (АДГБ) с числом организованных рабочих около 4 миллионов, Всеобщего союза служащих (АФА) с 400 тыс. членов и Всеобщего союза чиновников (АДБ) с 200 тыс. членов. Следующее место занимает картель центров христианского профессионального движения (отрицающего классовую борьбу и стоящего за проведение умеренных реформ на основе мира с предпринимателями): христианского об'единения рабочих, насчитывающего около 600 тыс. членов, христианского об'единения служащих — около 400 тыс. членов и христианского союза чиновников — около 300 тыс. членов. За ним идет Профсоюзное об'единение («кольцо») немецких рабочих, служащих и чиновников (так назыв. Гирш-Дункеровские союзы, находящиеся под влиянием либерально-буржуазных партий и отвергающие социализм), насчитывающие около 500 тыс. членов. Кроме этих главнейших группировок, имеется множество организаций второстепенного значения: Свободный Рабочий Унион, находящийся под

влиянием анархо-синдикалистов и имеющий немного более 20 тыс. членов; Всегерманский картель Самостоятельных Революционных Союзов, основанный отколовшимися от коммунистической партии профработниками, имеющий несколько более 10 тыс. членов; Всегерманское об'единение национальных профессиональных союзов (немецко-националистического направления) со 104 тыс. членов; Всегерманский союз сельскохоз. рабочих (националистический с 83 тыс. членов; Всегерманский союз отечественных рабочих организаций (националистический — число членов неизвестно); Союз католических торговых служащих (21 тыс. членов); Католический союз домашней прислуги (11,5 тыс. членов); Об'единение католических союзов самодеятельных (трудящихся) девушек и женщин (18 тыс. членов); Польское профессиональное об'единение (11 тыс. членов). Кроме того, имеется несколько мелких союзов — националистических, католических и евангелических. (Стр. 359, 361).

298) *«Таймс»* — большая ежедневная газета, отражающая интересы крупного промышленного и финансового капитала. Поддерживает консервативную партию — представляет собственность треста, основанного лордом Ротемиром. Обладая самой богатой информацией, сна пользуется огромным авторитетом в деловых сферах капиталистического мира. Тираж газеты — 200.000 экземпляров. (Стр. 361, 452).

299) *Франц Либарс* — секретарь Бельгийского союза швейников. Основатель левой оппозиции бельгийской социалистической партии и в бельгийском профессиональном движении. В начале 1925 г. посетил СССР. По возвращении в Бельгию издал отчет о поездке, в котором описал особенности советского строя. Вел энергичную пропаганду единства профессионального движения. Со времени образования группы «Единства» был руководителем этой группы до 1926 г., когда руководство ею перешло к более революционным элементам, близким к коммунизму. Тем не менее продолжает вести деятельную работу в пользу единства. (Стр. 362).

300) *Карл Мадсен* — председатель Датского Совета Профессиональных Союзов, член Генерального Совета Амстердамского Интернационала. Родился в 1862 г. Будучи по профессии обувщиком, сначала работал по найму в производстве. С 1895 г. по 1903 г. был председателем Копенгагенского союза обувщиков. С 1897 г. одновременно с этой работой исполнял обязанности управляющего делами общенационального датского союза обувщиков. В 1903 г. был избран секретарем копенгагенского об'единения профсоюзных организаций и в то же время секретарем Датского Совета Профессиональных Союзов. С 1913 г. — член Копенгагенского городского совета и с 1920 г. — депутат парламента. Мадсен является противником революционной классовой борьбы и ведет борьбу против коммунистов. Тем не менее в феврале 1925 г. в Генеральном Совете Амстердамского Интернационала Мадсен голосовал вместе с англичанами и Эддо Фимменом за переговоры с ВЦСПС без предварительных условий. (Стр. 362).

[301]) *Хальвард Ольсен* — председатель Норвежского союза металлистов. Родился в 1886 г. Со времени конгресса норвежских профессиональных союзов в 1925 г. — председатель Нервежского об'единения профессиональных союзов. Энергичный защитник идеи единого фронта. В 1923 г. вступил в коммунистическую партию, откуда был исключен после локаута 1924 г. за свою уступчивость предпринимателям. В 1926 г. от имени Норвежского об'единения профессиональных союзов выступил в качестве посредника между тремя партиями: социал-демократической, коммунистической и рабочей (Рабочая партия образована Транмелем, порвавшим с Коминтерном и коммунистической партией). На созывавшихся несколько раз совещаниях выступал с предложением создать комиссию из всех трех партий для обсуждения вопроса о совместных политических выступлениях и повседневной политической борьбе. Усилия Ольсена не дали результатов, так как транмельянцы настаивали не на блоке партий, а на их слиянии, при чем коммунисты должны были бы выйти из Коминтерна. В феврале 1928 г. участвовал в работах Финско-Норвежско-Советской конференции профессиональных союзов и подписал договор о взаимном сотрудничестве и поддержке. (Стр. 362).

[302]) До 1917 г. финские союзы находились под руководством революционного крыла социал-демократии, поддерживавшего большевиков. С 1919 г. в союзах обнаружилось стремление ко вступлению в Коминтерн. Когда сформировался Красный Профинтерн, в финских союзах был поставлен вопрос, к какому Интернационалу должно присоединиться об'единение союзов Финляндии. Голосование 1922 г. дало большинство за Профинтерн. Однако, в виду правительственного террора против коммунистов, правление финского об'единения профессиональных союзов решило воздержаться от открытого присоединения к Профинтерну. В 1925 г. социал-демократы, представлявшие собою меньшинство в руководящих органах, пред'явили большинству ультиматум, требуя под угрозой раскола присоединения к Амстердамскому Интернационалу. Тем не менее с'езд финских профессиональных союзов в мае 1926 г. значительным большинством голосов постановил оставаться попрежнему вне обоих Интернационалов. В то же время решено было принять энергичное участие в борьбе за единство профессионального движения и поддержать работу Англо-Русского Комитета единства. Несмотря на ликвидацию Комитета в 1927 г., финское об'единение осталось на точке зрения борьбы за единство. Представители об'единения участвовали на Финско-Норвежско-Советской конференции в феврале 1928 г., где был выработан договор о взаимном сотрудничестве и поддержке и принята резолюция конгресса друзей СССР (см. прим. 337) о борьбе с опасностью войны. (Стр. 362, 473).

[303]) *Юзеф Пилсудский* — диктатор Польши. Родился в 1867 г. В молодости был одним из виднейших деятелей П. П. С. (польской социалистической партии). С самого начала своей политической деятельности он свою ненависть к царизму перенес на Россию вообще и в рядах

польских социалистов возглавлял крайнее национальное течение, требовавшее возрождения «Великой Польши от моря до моря» (от Балтийского до Черного, со включением в нее Литвы, Белоруссии и Польши). В 1905 г. во время русско-японской войны ездил в Японию, где вел переговоры с японским правительством о субсидировании польского революционного движения, направленного против России. Во время империалистической войны организовал польские легионы, во главе которых вошел в состав австрийской армии. С начала российской революции 1917 г. перешел на сторону Антанты, оставил командование легионами и был арестован германскими властями. С провозглашением независимости Польши, в ноябре 1918 г., опираясь на дружины польских националистов, захватил власть и об'явил себя «Начальником Панства» (государства). Пользуясь неограниченной властью, поддерживал и вооружал русские контрреволюционные организации Савинкова, Петлюры, Балаховича. Провалившись на выборах в сейм в декабре 1922 г., Пилсудский сложил полномочия, но сохранил влияние на армию. При помощи армии он в мае 1925 г. совершил переворот, отстранив от власти парламентское правительство и президента Польской республики, провел в президенты своего ставленника и сформировал новое правительство исключительно из своих сторонников. Сделавшись полновластным диктатором Польши, Пилсудский ввел фашистский режим. Опираясь на военщину и националистически настроенную мелкую буржуазию, Пилсудский в своей политике проводит интересы крупного капитала. (Стр. 364).

[804]) *Эдуард Лэнсбери* — деятель Английской Рабочей Партии, член парламента. Родился в 1859 г. Возглавлял левое крыло Рабочей Партии, требуя включения в ее состав коммунистов и борясь за сохранение тесной связи английского рабочего класса с пролетариатом СССР. В 1924 г. был заключен в тюрьму за то, что будучи членом городского совета Лондонского предместья Поплар, оказывал непредусмотренную законом помощь безработным. Разойдясь с официальными руководителями английской Рабочей Партии, стал издавать в противовес ее официальному органу «Дейли Геральд» свой собственный еженедельник — «Лэнсбери Уикли». В 1926 г. приезжал в Советскую Россию для отдыха и лечения. Посетил ряд городов, где изучал структуру профессионального движения СССР. В 1927 г. прекратил издание своего еженедельника и вошел в состав редакции «Дэйли Геральд». (Стр. 367).

[805]) *Педж Арнот* — член ЦК английской коммунистической партии, заведующий информационным отделом союза английских горняков. *Вильямс Хетчинсон* — деятель левого крыла английской Рабочей Партии, член исполкома федерации английских металлистов. В августе 1926 г. посетили СССР с целью ознакомиться с состоянием советской промышленности и деятельностью профсоюзов. По собственному их заявлению они явились не в качестве официальных представителей союзов, а по поручению Английского института рабочих исследований.

Этот институт представляет собой организацию, созданную профессиональными союзами, но автономную от Генерального Совета и от Рабочей Партии. Целью института является изучение экономического положения рабочих разных стран. К моменту приезда институтом была уже составлена книга о положении рабочих в Восточной Африке, Нигерии, Малайских островах, Моссуле, Китае и, в частности, Гонконге. В 1926 г. институт поставил своей задачей основательное изучение положения рабочего класса в СССР. Для этого при институте организован особый кабинет.

Хетчинсон состоит председателем института, а Арнот — его директором.

Оба они 25 августа 1926 г. посетили Президиум ВЦСПС во время очередного заседания. Передав привет от имени английских рабочих, они поднесли подарки: Хетчинсон передал М. П. Томскому от углекопов Южного Уэльса старую шахтерскую лампу, а Арнот от горняков коммунистов — маленькую шахтерскую головную лампочку. (Стр. 369, 371).

[806]) Предложения, внесенные Томским и принятые расширенным заседанием Президиума ВЦСПС, состоявшимся 31 августа 1926 г., были таковы:

I. По отчету делегации ВЦСПС в Англо-Русском Комитете.

«Расширенное заседание Президиума ВЦСПС со всеми наличными членами Пленума ВЦСПС, представителями всех ЦК профсоюзов и президиума МГСПС, заслушав и обсудив доклад делегации ВЦСПС на IV сессии Англо-Русского Комитета, констатируя, что делегация правильно выявила общую линию ВЦСПС как в отношении оценки общего положения, так и в отношении забастовки горняков Англии, целиком и полностью одобряет деятельность делегации на заседании Англо-Русского Комитета.

Расширенное заседание Президиума ВЦСПС заявляет о своей полной солидарности с выступлениями и деятельностью делегации на заседании Англо-Русского Комитета и, в частности, с ее предложениями о мерах практической помощи бастующим горнякам Англии, а равно и ее декларацией, оглашенной на заседании Англо-Русского Комитета.

Расширенное заседание Президиума ВЦСПС еще раз самым решительным образом заявляет от имени более восьми миллионов профессионально-организованных рабочих и служащих Советского Союза об искреннем желании сохранить, укрепить и усилить Англо-Русский Комитет, как орган братского союза пролетариев Англии и СССР в их борьбе против наступления капитала на завоевания рабочих, за мировое единство профдвижения против подготовляемых империалистами войн.

Расширенное заседание Президиума ВЦСПС поручает своим делегатам на предстоящем конгрессе британских тред-юнионов с полной

решимостью заявить о готовности профсоюзов СССР и впредь материально и морально поддерживать героическую борьбу английских горняков против наглого нападения на них капиталистов».

II. Ко всем профорганизациям СССР.

«Великая борьба горнорабочих Англии против наглого нападения предпринимателей затянулась.

Весь класс капиталистов, в лице всех институтов и всего аппарата буржуазного государства, с полной решительностью поддерживает горнопромышленников. Вся пресловутая «демократия», фактически прикрывающая диктатуру класса капиталистов — правительство консерваторов, парламент, законы, пресса и т. д., — все направлено против продолжающих свою героическую борьбу горняков Англии. Так было и так будет всегда и впредь там, где власть находится в руках буржуазии, где пролетариат не взял власти в свои руки.

Пролетариям могут помочь только пролетарии. Нужна регулярная, систематическая, надежная и скорая помощь.

Расширенное заседание Президиума ВЦСПС и ЦК союзов, считая, что чрезвычайно важным и полезным мероприятием помощи горнякам явилось бы однопроцентное отчисление от заработка всех членов наших профсоюзов, считая в то же время этот шаг важным и желая знать мнение всех профорганизаций, предлагает немедленно обсудить это предложение на широких союзных собраниях, срочно сообщив Президиуму ВЦСПС мнения и решения организаций и широких собраний по этому предложению, дабы на основании этого Президиум ВЦСПС имел возможность принять окончательное решение по этому вопросу. Вся кампания должна быть проведена срочно, результаты сообщать кратко, телеграфом, Президиуму ВЦСПС, направляя полный текст резолюций почтой».

III. Обращение к Профинтерну.

«Перед лицом единого фронта капиталистов, почти в полном одиночестве и изоляции, стоят уже четыре месяца мужественные горняки Англии.

Амстердамский Интернационал и примыкающий к нему Интернационал горнорабочих проявляют преступную пассивность, которая в столь трагический момент борьбы передовых пролетариев, облегчая победу капиталистам, равносильна измене делу борьбы рабочих.

Профинтерн и все примыкающие к нему организации, в первую голову профсоюзы СССР не были и не будут пассивными зрителями в борьбе труда с капиталом, имеющей величайшее международное значение.

Поэтому расширенное заседание Президиума ВЦСПС с ЦК союзов и МГСПС постановляют: войти от имени ВЦСПС в Профинтерн с предложением организовать кампанию примыкающих к нему профорганизаций за усиление помощи английским горнякам в форме регулярного

однопроцентного отчисления от зарплаты членов профорганизаций, примыкающих к Профинтерну и сочувствующих ему». (Стр. 372).

[307]) *58 ежегодный конгресс тред-юнионов* открылся 6 сентября 1926 г. в г. Борнемуте во время забастовки английских горняков. Вожди английского профессионального движения, члены Генерального Совета, прекратившие в мае всеобщую стачку сочувствия горнякам, к этому времени отбросили левую фразеологию и открыто об'единились с правыми. Представители профессионального движения СССР не присутствовали на конгрессе, так как английское правительство отказало тов. Томскому и Мельничанскому в разрешении на в'езд в Англию. Конгресс открылся речью Пью, председателя Генерального Совета, защищавшего поведение Совета во время забастовки. Пью доказывал, что забастовка являлась чисто экономической и совершенно не являлась посягательством на конституцию, так как тактика тред-юнионов заключается в достижении целей рабочего класса исключительно методами демократии, т.-е. через парламент. Он говорил, что повышение заработной платы надо согласовать с индексом национального производства и в отдельных случаях итти даже на ее понижение. После прений, вызванных выступлениями левой части, конгресс утвердил отчет Генерального Совета.

Приветственная телеграмма ВЦСПС с критической оценкой поведения Генерального Совета, отказавшегося рассматривать в Англо-Русском Комитете вопрос о помощи бастующим горнякам, не обсуждалась, так как Пью не допустил дебатов. Простым поднятием рук был одобрен ответ Генерального Совета, заявившего самый энергичный протест против телеграммы ВЦСПС, которая была охарактеризована «как заслуживающее величайшего сожаления нарушение правил вежливости» и как попытка «невыносимого вмешательства во внутренние дела английских профсоюзов».

Из решений конгресса следует отметить внесенную деревообделочниками резолюцию о реорганизации английского профессионального движения по производственному принципу. Внесенная союзом приказчиков и союзом мебельщиков и поддержанная федерацией горняков резолюция о расширении полномочий Генерального Совета (предоставление права вводить обязательные отчисления с примыкающих организаций и права об'являть частичную или всеобщую забастовку) была отклонена конгрессом. По вопросу о единстве была принята резолюция (охарактеризованная союзом морского транспорта, как благочестивое пожелание): «конгресс выражает сожаление, что международное единство профдвижения не было осуществлено, и настаивает на том, чтобы Генеральный Совет прилагал впредь все усилия к его осуществлению». (Стр. 376, 379, 381, 382, 391, 400, 413).

[308]) *«Хабеас-корпус-актом»* в Англии называется одна из конституционных гарантий личной свободы (право каждого английского гражданина в случае ареста требовать судебного приказа о лишении свободы). В исключительных случаях (военные действия, народные

восстания и т. п.) правительство с согласия парламента может приостановить действие «Хабеас-корпус-акта». В момент об'явления всеобщей стачки 1926 г. правительство в первую очередь озаботилось о приостановке действия «Хабеас-корпус-акта», чтобы располагать полной свободой массовых арестов в рабочем классе. (Стр. 376, 382).

[309]) *Эмбарго* (по-испански) значит «запрет». В области международных отношений под этим словом разумеются запретительные меры, принимаемые одним государством против другого в случае войны, чтобы помешать пароходам выходить из портов по направлению к той стране, на которую наложено эмбарго. С тех пор, как рабочее движение приняло международный характер, эмбарго стало практиковаться профессиональными союзами, чтобы не допустить снабжения страны, где забастовка охватила определенную ветвь промышленности, продуктами данного производства. Так, например, моряки и матросы французских и бельгийских портов в мае 1926 г. во время всеобщей забастовки отказались обслуживать пароходы, отправлявшиеся в Англию. Эмбарго было снято вследствие прекращения английскими транспортниками забастовки солидарности с горняками. На заседаниях Англо-Русского Комитета в Берлине (23—25 августа 1925 г.) советская делегация выдвинула проект эмбарго, но английская делегация отклонила, возражая против вмешательства иностранцев во «внутренние дела Англии». (Стр. 379, 400, 403).

[310]) *Индо-Европейским телеграфом* называется телеграфная линия, идущая из Англии через Германию, Польшу, СССР и Персию в Индию. Линия эта в части, проходящей через СССР, включая сюда и черноморский кабель между Одессой и Константинополем, в 1922 г. была сдана советским правительством в концессию английской компании — «Индо-Европейскому Телеграфному Обществу» (ИНДО). На ней работают граждане СССР, административный же персонал почти целиком состоит из англичан. Условия труда работников регулировались их личными договорами с администрацией ИНДО. Впервые коллективный договор был заключен ЦК союза связи с администрацией ИНДО в апреле 1925 г. со сроком действия по 1 ноября того же года. В ноябре ЦК предложил снова перезаключить договор и выдвинул требования об улучшении условий труда (увеличение заработной платы на 20% и выплата суточных работникам, выезжающим в служебные командировки). В продолжение 9 месяцев администрация ИНДО оттягивала перезаключение договора, не соглашаясь на выдвинутые союзом требования. Исчерпав все средства мирного разрешения разногласий (от примирительного и третейского разбирательства ИНДО уклонилось), ЦК постановил прекратить работу во всех предприятиях ИНДО, начиная с 12 час. ночи с 22 на 23 августа 1926 г. В назначенный день и час началась забастовка, протекавшая без единого случая штрейкбрехерства и неорганизованных выступлений. Забастовка окончилась 9 октября полной победой работников связи. Были удовлетворены не только все требования союза, но, сверх того, ИНДО обязалось выплатить всем бастующим работникам

за время стачки и предоставить отпуска всем, не успевшим из-за забастовки воспользоваться ими. Союзом было взято с ИНДО обязательство не применять никаких репрессий к бастовавшим. (Стр. 384).

[311]) Каждый приезд М. П. Томского в Англию сопровождался яростными нападками на него буржуазной прессы, при чем пускались в ход самые невероятные измышления. Наиболее типичным было следующее: распространяли «утку», что Томский совсем не представитель профессиональных союзов, а назначен большевиками в Англию для политических интриг в английском профессиональном движении. Газеты, приписав ему фантастическое имя Мордухая Избицкого, утверждали, что он присвоил себе звание члена Президиума ВЦСПС и члена ВЦИК исключительно из любви к длинным и «мрачным титулам» и в целях одурачивания рабочих масс Англии. (Стр. 386).

[312]) Начиная с 1921 г., капиталисты в качестве средства наступления на рабочий класс (см. примечание № 123) стали широко применять введенную в 1911 г. Генри Фордом конвейерную систему. Конвейером называется лента или цепь, натянутая между двумя вращающимися барабанами, и находящаяся поэтому в непрерывном движении; конвейер применяется для перемещения материалов, частей и т. п. внутри предприятия от одного станка и рабочего к другому. Употребление конвейера послужило основой для применения так называемого «метода непрерывного потока», который состоит в том, что продукт от начала и до конца производят не в разных цехах, а в одном помещении; рабочий, выполнив свою операцию, передает при помощи конвейера или руками обрабатываемый предмет своему соседу, который выполняет следующую операцию и т. д. «Непрерывный поток» требует от всех рабочих одинакового темпа работы. Все это дало капиталистам возможность интенсифицировать труд, уплотнив рабочий день, и сократить число занятых в производстве рабочих. От рационализации, проводимой сейчас в СССР, капиталистическая рационализация отличается своими эксплоататорскими целями и приемами. (Стр. 392, 469).

[313]) *VII очередной С'езд Профессиональных Союзов* состоялся в г. Москве 6—18 декабря 1926 г. На нем присутствовало 1.072 делегата с решающим голосом, представлявших 8.852.000 членов союзов, и 132 делегата с совещательным голосом, представлявших 384.000 членов; 83,7% делегатов являлись членами коммунистической партии. С'езд признал, что основными задачами профессиональных союзов являются «коммунистическое (общеполитическое, культурное, производственное) воспитание новых слоев рабочего класса, повышение общей активности пролетариата как в политической жизни страны, так и в деле хозяйственно-социалистического строительства, поднятие материального уровня пролетариата в связи с ростом производительности труда, дальнейшее вовлечение широких пролетарских масс в борьбу с бюрократическими извращениями госаппарата».

На этом с'езде с приветственными речами выступил ряд представителей мирового профессионального движения: Гайс (чехо-словацкие

революционные союзы), Жиродо и Монмуссо (Унитарная Конфедерация Труда во Франции), Гарди (английское движение меньшинства в профсоюзах Англии), Петерсон (Комитет Единства в Швеции), Веркрез (группа единства в Бельгии), Бек (Комитет Единства в Германии), Питцль (Комитет Единства в Австрии), Тай Пин-сян (революционное движение Китая), Кук (Федерация горняков в Англии), Альберти (Норвежский Совет профессиональных союзов). С'езд одобрил международную деятельность ВЦСПС и подтвердил данную ВЦСПС критическую оценку поведения Генерального Совета во время всеобщей забастовки и локаута горняков. Указывая на стремление вождей Генерального Совета сорвать Англо-Русский Комитет, с'езд дал директиву ВЦСПС приложить все усилия для осуществления всех положений декларации Англо-Русской конференции, где был образован Англо-Русский Комитет (апрель 1925 г.).

По докладу об итогах и перспективах Профинтерна с'езд принял следующую резолюцию:

1) Создание единой классовой профсоюзной организации в каждой стране в целях более успешной борьбы против наступления капитала, против фашистской реакции, войны и интервенции, за развернутое социальное законодательство и пр.

2) Борьба за создание единого Интернационала в каждом производстве через международные конгрессы единства по производствам. Укрепление, расширение работы международных Комитетов пропаганды.

3) Борьба за слияние Амстердамского Интернационала с Профинтерном и создание всеоб'емлющего единого Интернационала путем созыва международного конгресса единства на основе пропорционального представительства.

4) Организация из представителей профсоюзов, примыкающих к разным интернациональным и разным национальным общепрофессиональным центрам, смешанных комитетов и комитетов единства в национальном и международном масштабе по производствам в целях совместной борьбы против наступления капитала и буржуазной реакции.

5) Раз'яснение широким рабочим массам задач действительного Интернационала и выявления разницы, особенно на примерах Англии и Китая, между реформистской и революционной тактикой во время серьезных социальных конфликтов.

6) Борьба против тяжких последствий капиталистической рационализации на основе конкретной программы действий: сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, страхование от безработицы и проч. Борьба против всяких попыток использовать женский и детский труд для снижения жизненного уровня рабочих масс.

7) Расширение и организационное укрепление самостоятельных революционных союзов и революционных меньшинств и организационное закрепление политического влияния Профинтерна в каждой стране.

8) Борьба против всех видов и форм американизации рабочего движения, против компанейских или смешанных союзов, против классового сотрудничества и проч.

9) Сближение между сторонниками Профинтерна и группами единства в каждой стране, совместные действия на основе конкретной программы, совместная борьба против реформистской теории и практики и за постройку всего профдвижения по производственному принципу.

10) Дальнейшее проведение тактики единого фронта и единства при полном сохранении свободы взаимной критики.

11) Борьба за тесное об'единение между профдвижением Востока и Запада и за установление единого фронта между профдвижением Востока и Запада и за установление единого фронта между профдвижением Китая, Японии и СССР.

12) Об'единение всех профсоюзов Тихоокеанского побережья, включая и профсоюзы СССР, в единую организацию для борьбы против надвигающегося конфликта на Тихом океане и создание предпосылок для дальнейшего об'единения мирового профдвижения в единый всеоб'емлющий, основанный на классовой борьбе, Интернационал.

13) Борьба за интернационализацию тактики профсоюзов, за организацию единовременных и параллельных выступлений в разных странах и учет положительного и отрицательного опыта, особенно английской стачки горняков.

14) Установление более тесной связи между профсоюзами СССР и союзами, входящими в Профинтерн. Усиление связи между советскими союзами и профсоюзами других направлений для совместных выступлений против наступления капитала, против войны и за единство национального и международного профдвижения. (Стр. 396).

[314]) Во время стачки углекопов ряд церковников неоднократно предлагал свое посредничество в целях прекращения стачки. Их предложения сводились к тому, чтобы на короткий срок восстановить положение, бывшее до стачки, т.-е. сохранить прежнюю заработную плату и продлить правительственную субсидию владельцам угольных копей. Действительная цель предложений заключалась в том, чтобы рабочие прекратили стачку и переговоры с предпринимателями шли в обстановке демобилизации стачечников. Федерация горняков отклонила предложения церковников. (Стр. 406).

[315]) *Вилльям Питт* — крупнейший политический деятель Англии в конце XVIII века. Родившись в 1759 г., он уже в 1781 г. был избран депутатом парламента, в 1782 г. вошел в состав правительства и в 1783 г. возглавлял его. Питт начал свою политическую карьеру либеральными реформами: уменьшением ввозных пошлин, введением свободы печати и т. д. С момента французской революции 1789 г. превратился в крайнего реакционера, об'явившего беспощадную борьбу всем освободительным движениям той эпохи. Организовав коалицию европейских держав против революционной Франции и об'явив ей войну, Питт

провел ряд законов, направленных против свободы слова, собраний, союзов и мнений (расширение статутов об измене, закон против мятежных сборищ и т. п.). В 1798 г. подавил восстание в Ирландии с необычайной даже для того времени жестокостью, не стесняясь никакими соображениями. Умер в 1806 г. (Стр. 407).

[316]) В конце августа 1926 г. в СССР прибыла *делегация английских горняков,* состоявшая из двух групп: 1) — шахтеров — в количестве 10 представителей и 2) жен горняков (в том числе жена секретаря федерации горняков — Кука) в количестве шести делегаток. Делегация пробыла в СССР две недели. 2 сентября 1926 г. прибыла под председательством тов. Гоман (берлинской металлистки, члена с.-д. партии) делегация германских работниц, посетившая ряд местностей и промышленных центров с целью изучения положения женского труда в советских республиках. Обе делегации присутствовали на расширенном заседании пленума Московского Губернского Совета профессиональных союзов, состоявшегося 8 сентября. (Стр. 413).

[317]) Беседа тов. Томского с представителями печати была опубликована в английской коммунистической газете «Уоркерс Лайв» от 13 мая и впоследствии была использована Генеральным Советом английских тред-юнионов, как один из поводов для срыва Англо-Русского Комитета единства. В своем заявлении о взаимоотношениях между Генеральным Советом и ВЦСПС Международный Комитет Генерального Совета утверждал, что тов. Томский в своей беседе оскорбительно критиковал Генеральный Совет, решения конференции исполкомов английских профессиональных союзов от 29 апреля 1927 г. и отдельных выдающихся деятелей английского профессионального движения. Генеральный Совет счел, что беседа являлась вмешательством во внутренние дела английского профессионального движения и представляет собой нарушение тех обязательств, которые взяли на себя обе стороны Англо-Русского Комитета в резолюции, принятой на совещании от 30 марта 1927 г., где говорилось, что «братский союз между профсоюзными движениями обеих стран, воплощенный в Англо-Русский Об'единенный Совещательный Комитет, не может и ни в какой мере не должен ослаблять авторитета Генерального Совета конгресса английских тред-юнионов в Англии, либо нарушить авторитет ВЦСПС в СССР, либо ограничить их права и самостоятельность в качестве руководящих организаций профсоюзного движения своих стран, либо допустить какое бы то ни было вмешательство во внутренние дела». Этот пункт члены Генерального Совета толковали так, что ВЦСПС должен отказаться от публичного выражения своих мнений, поскольку эти мнения могут в себе содержать критическую оценку поведения членов Генерального Совета. (Стр. 415, 451, 453).

[318]) *Хавелок Вильсон* — один из деятелей английского профессионального движения. Родился в 1859 г. В раннем возрасте стал моряком. Организатор профессионального союза моряков и с 1887 г. председатель. Заняв таким образом видное общественное положение,

Вильсон вскоре потом превратился в противника классовой борьбы и сторонника мира труда с капиталом. Во время всеобщей забастовки в Англии в 1926 г. разослал по всем отделам союза моряков циркуляр, воспрещающий морякам принимать участие в забастовке. Когда ряд отделов все-таки примкнул к выступлению, Вильсон привлек секретарей отделов к судебной ответственности за участие в забастовке и растрату союзных средств на помощь стачечникам и добился от суда признания забастовки незаконной. После всеобщей забастовки Вильсон вместе с деятелями английской консервативной партии и промышленниками организовал «Союз промышленного мира в британской промышленности» и на эту организацию отпускает из союзных средств по 1.000 фунтов стерлингов в год. (Стр. 417).

[319]) *Чарльз Джемс Симменс* — один из второстепенных деятелей английского рабочего движения. Родился в 1893 г. в Бирмингеме. Кончил начальную школу. В 1918—20 гг. был председателем Мидленской организации Независимой Рабочей Партии. В 1921 г. был членом Национального Административного Совета партии. В 1919—1921 гг. был вице-председателем Городского отдела Рабочей Партии в Бирмингеме. В 1919—1921 гг. член Исполкома Национального Союза отставных служащих. После этого занял должность «почетного организатора» этого союза. Активно участвуя в рабочем движении, Симменс не порывал и с церковью. До 1918 г. он занимал должность общественного проповедника в религиозной секте методистов. В 1918 г. церковным управлением был отстранен за проповеди против войны. За свои речи против войны сидел два раза в тюрьме: в 1917 и в 1918 гг. (Стр. 417).

[320]) *Франк Ходжес* — деятель английского рабочего движения. Родился в 1887 г. С 13 лет работал в шахтах. В 1909 г. профессиональной организацией горняков был послан в Рескинский Колледж (рабочий университет). В это время Ходжес примыкал к левому марксистскому крылу рабочего движения. Он организовал забастовку студентов, недовольных постановкой дела в колледже (отсутствием дисциплин по практике рабочего движения), что раскололо университет и привело к созданию левого рабочего колледжа, куда Ходжес и перешел. По окончании курса Ходжес вернулся к своей работе — забойщика в шахте. В 1918 г. был избран секретарем Федерации углекопов, а в 1919 г. — секретарем Интернационала горняков. С той поры Ходжес стал реформистом. В 1921 г. во время конфликта углекопов, без ведома и согласия Исполкома Федерации горняков, он своими действиями дал повод транспортникам отказаться от об'явленной забастовки солидарности с углекопами, вследствие чего забастовка углекопов была сорвана. В 1924 г. вступил в правительство Макдональда в качестве морского министра и ушел с поста секретаря Федерации горняков. В 1926 г. во время забастовки углекопов открыто перешел на сторону шахтовладельцев. Факт ничем не прикрытой измены заставил Федерацию горняков пред'явить требование об удалении Ходжеса из Интернационала горняков. Под давлением рабочих масс Исполком

Интернационала в мае 1927 г. принял отставку Ходжеса. В 1928 г. Ходжес порвал с Рабочей партией и вступил в либеральную. (Стр. 417).

[321]) «*Дэйли Ньюс*» — ежедневная газета, принадлежащая одному из богатейших газетных трестов Англии — тресту, руководимому фабрикантом какао и шоколада Кэдбури. Поддерживает партию либералов. Издается в количестве 635.000 экземпляров. (Стр. 417).

[322]) *Джордж Спенсер* был одним из активных деятелей Федерации горняков, работая в районной организации каменно-угольного округа Ноттингешира. В 1926 г. во время забастовки углекопов, когда стало ясно, что забастовка идет к поражению, подписал от имени горняков своего округа соглашение с предпринимателями. За это Федерация горняков исключила Спенсера из членов. Тогда Спенсер организовал в том же округе под покровительством предпринимателей горной промышленности так называемый «компанейский союз», — на принципе сотрудничества рабочих со своими хозяевами. Консервативная газета «Таймс» характеризовала этот союз, как имеющий хорошие шансы на дальнейшее развитие. Эта организация пользуется признанием и финансовой поддержкой со стороны шахтовладельцев. (Стр. 417).

[323]) В связи со внесением консерваторами в парламент законопроекта, направленного против профессиональных союзов (воспрещение всеобщих стачек, сведение на-нет стачечных пикетов, запрещение союзам принимать участие в политической деятельности и т. д.), Генеральный Совет созвал 29 апреля 1927 г. конференцию исполкомов об'единяемых им союзов. Хотя конференция в своей резолюции и характеризовала законопроект, как «бессовестную попытку разрушить рабочее движение и подорвать сопротивляемость рабочих наступлению организованных предпринимателей на и без того недостаточную заработную плату», тем не менее она совершенно не указала конкретных путей борьбы против принятия этого законопроекта парламентом. Она ограничилась лишь заявлением, что «рабочие окажут энергичное сопротивление всем попыткам лишить их установленных законом прав». (Стр. 418).

[324]) *Александр Госсип* — деятель левого крыла английского профессионального движения, член Независимой Рабочей Партии. Родился в 1862 г. в Краффорде. По профессии столяр. В 1902 г. был избран помощником секретаря национального союза мебельщиков и в 1905 г. генеральным секретарем союза. Был одним из представителей английских тред-юнионов на Амстердамском (в 1904 г.), Штутгартском (в 1907 г.) и Копенгагенском (1910 г.) конгрессах II Интернационала. С 1910 по 1922 гг. входил в Исполнительный Комитет Интернационала деревообделочников. Принимает активное участие в национальном движении меньшинства (руководимой коммунистами организации революционных элементов английского профессионального движения). Неодократно выступал на с'ездах деревообделочников других стран с приветствиями от английского союза мебельщиков и с призывами к единству профессионального движения на основе революционной

классовой борьбы. В марте—апреле 1928 г. участвовал на четвертом конгрессе Профинтерна. (Стр. 418).

325) *П. Л. Войков,* полномочный представитель СССР в Польше, был убит белогвардейцем Кавердой 7 июня 1927 года на Варшавском вокзале, когда он провожал тов. Розенгольца, бывшего полпреда СССР в Англии, возвращавшегося в связи с разрывом дипломатических отношений с Англией, в СССР. Советское правительство потребовало от польского правительства решительного осуждения убийства, наказания виновников и изгнания из Польши русских белогвардейцев, замешанных в террористических заговорах и иных авантюрах против СССР. Польша официально уступила требованиям СССР, но на деле от выполнения их уклонилась. Каверда был осужден на пожизненное заключение, но сидит в условиях исключительно мягкого тюремного режима. Вскоре он был подведен под опубликованный 16 июля 1928 г. закон об амнистии и получил сокращение заключения до 10 лет. Польское правительство выслало пять русских белогвардейцев, но те вернулись обратно. Белогвардейские круги, пользуясь покровительством властей, снова приступили к организации террористических актов против представителей СССР. 4 мая 1928 г. один из них, Войцеховский, покушаясь на полномочного представителя СССР в Польше тов. Богомолова, стреляя в торгового представителя СССР в Варшаве тов. Лизарева. (Стр. 422, 444, 497).

326) К началу XX века английский империализм пришел в Средней Азии в столкновение с российским империализмом, пробивавшим себе из Сибири и Кавказа, через Среднюю Азию, дорогу к портам Персидского залива. Между Индией и Россией находился ряд территорий, из-за которых загорелась борьба, неоднократно грозившая перейти в войну. Самой значительной территорией являлась Персия, которая представляла собой государство, крайне отсталое в экономическом отношении с мало иследованными богатствами в недрах земли (залежи нефти, каменного угля, железа, свинца, олова, серы, сурьмы, бирюзы) и занимающее выгодное положение в торговом и стратегическом отношении (подступы к Индии и через берега Персидского залива к морским путям южно-азиатского побережья). Стремясь к полному подчинению Персии, английский капитал начал с экономического проникновения в эту страну. В 1888 г. Англия добилась предоставления «Новому лондонскому восточному банку» права выпуска банковых билетов и производства финансовых операций в Персии путем открытия отделений в важнейших персидских городах: Исфагани, Ширазе, Тавризе, Мешхеде, Бушире. В следующем году барон Дж. Рейтер создал «Имперский персидский банк» (слившийся впоследствии с Лондонским восточным банком), получивший право на разработку ископаемых богатств. Английский флот, почти монополизировавший коммерческое движение в Персидском заливе, стал проникать вглубь Персии после того, как англичане в 1888 году открыли судоходство по реке Каруну, позволившее пароходам подыматься на 250 верст от

устья вверх по течению реки. Англия проложила подводный кабель, соединявший южное побережье Персии с Индией и превратила телеграфные станции в стратегические пункты со складами оружия и военной охраной. Внутри Персии ряд телеграфных линий также был выстроен англичанами, взявшими на это концессии. В 1902 году Англией было заключено соглашение, по которому Персия под руководством англичан взялась построить телеграфную сеть между Европой и Индией. Расходы по оборудованию, ремонту и содержанию штата брала на себя Англия, которая тем самым создавала в центре Персии сеть своих учреждений и агентов. Одновременно с этим Англия наметила план железнодорожного строительства в Персии. Проникнуть в Персию собиралась и царская Россия. Воспользовавшись тем, что Англия не хотела предоставить Персии заем иначе, как при условии предоставления Англии контроля над персидскими таможнями, Россия предоставила заем в 22 миллиона рублей без этого условия через основанный в 1897 г. Ссудный банк Персии. После этого Россия заключила с Персией договор, по которому та обязывалась ни у кого, кроме России, не искать денежной помощи. Кроме захвата финансов, русское правительство наложило руку и на персидскую армию. Оно предоставило персидскому шаху своих офицеров, создавших из недисциплинированных персидских солдат казачью бригаду. Командир бригады находился в непосредственных сношениях с русским военным министром подобно тому, как директор Ссудного банка непосредственно сносился с царским министром финансов. Россия продолжила свои железные дороги, Закавказскую и Закаспийскую, к пределам Персии. Железнодорожное строительство и в самой Персии стало переходить к России: Ссудный банк добился на это концессии от персидского правительства. Не ограничиваясь севером Персии, российское правительство составило проект трансперсидской железной дороги, направленной к Персидскому заливу. Оно пыталось повести борьбу с Англией даже и в Персидском заливе. Оно предложило Русскому Обществу пароходства и торговли установить пароходное сообщение между берегами Черного моря и Персидского залива. В персидских портах были учреждены российские консульства и в распоряжение генерального консула в персидском порту Бушире был предоставлен казачий отряд и военный крейсер. Все это привело к тому, что торговля Персии с Англией резко упала, в то время как торговля ее с Россией сильно выросла. За 1900—1906 гг. сумма персидского торгового оборота с Россией составляла 125 миллионов франков и с Англией всего лишь 50 миллионов (в 1889 г. лорд Керзон определял размер английской торговли с Персией в 75 миллионов франков). Все это вызвало трения в англо-российских отношениях, и вопрос о войне неоднократно поднимался в правящих сферах как Англии, так и России. Но Англия не была вполне готова к войне (она в начале XX века лишь приступила к разработке плана увеличения и реорганизации индийской армии, имея в виду концентрацию сил на северо-западной границе Индии). Россия же, проиграв в 1905 году

войну с Японией и пережив революцию, также не решалась на новые военные авантюры. Поэтому обе стороны охотно пошли на поощряемый Францией компромисс, выраженный в англо-русском договоре от 30 августа 1907 года. По этому договору, провозгласившему в виде никого ни к чему не обязывавшей декларации независимость Персии, было установлено, что обе державы могут «охранять мир и порядок» в персидских провинциях, прилегающих к их границам: на севере — Россия и на юге — Англия. Каждая из сторон обязалась, что не будет поддерживать ходатайств о политических и коммерческих концессиях на железные и др. дороги, банки, телеграфные линии и т. п. в районах чужого влияния и не будет препятствовать ходатайствам о концессиях в районе своего влияния. Между этими двумя районами влияния была создана нейтральная полоса, где Россия и Великобритания обязались не препятствовать выдаче концессий подданным договорившихся держав. Таким образом, Персия, несмотря на формальное признание ее независимости, оказалась фактически поделенной между двумя империалистическими державами, полновластно распоряжавшимися каждая в сфере своего влияния и совместно орудовавшими в нейтральной зоне. (Стр. 423).

[327]) На основании Версальского договора к Польше были присоединены территории, принадлежавшие ранее Германии: вся Познань, почти вся Западная Пруссия, часть Восточной Пруссии, части Силезии и Померании. Крупнейший германский балтийский порт Данциг был отнят у Германии и превращен в самостоятельную политическую единицу («вольный город») для того, чтобы дать Польше свободный выход к морю. Несколько округов в Восточной Пруссии и Верхней Силезии были выделены Версальским договором с тем, чтобы вопрос о принадлежности их Германии или Польше был решен голосованием самого населения. Для этого выделенные округа были разграничены так, чтобы при голосовании было обеспечено большинство голосов за Польшу, по крайней мере в богатейших и важнейших в промышленном отношении частях Верхней Силезии. Несмотря на то, что голосование происходило под наблюдением и давлением держав Антанты, результаты голосования оказались в пользу Германии. Тогда летом 1921 г. союзница Польши Франция организовала «польское восстание» в германских частях Верхней Силезии. Это восстание было предлогом, чтобы Совет Лиги Наций вынес постановление о передаче Польше этого района. Наконец, была выкроена узкая полоса, соединяющая Польшу с Данцигом (так назыв. «Коридор») и отделяющая Восточную Пруссию от остальной Германии. В общем, Германия потеряла в пользу Польши более 4½ миллионов гектаров земли с населением в 3.854.971 человек, из которых признает немецкий язык своим родным языком 1.364.322 человека. Захваченные территории имеют для Германии весьма важное экономическое и политическое значение, в особенности Верхняя Силезия, имеющая сильную металлургию и значительную добычу каменного угля. Германский капитал ни в коем случае не желает

мириться с этими потерями. При заключении с державами Антанты в октябре 1925 года в Локарно договора об обеспечении неприкосновенности границ, установленных Версальским договором, Германия категорически отказалась гарантировать такую неприкосновенность на Востоке, т.-е. по отношению к Польше. Чтобы обеспечить себя от возможных нападений Германии, Польша заключила с Чехо-Словакией и Францией направленный против Германии договор о взаимной военной помощи, если Германия не будет соблюдать неприкосновенности границ, установленных Версальским договором. (Стр. 435).

[328]) Площадь всех островов, составляющих Японию в собственном смысле этого слова (не считая Кореи и др. территорий, захваченных Японией лишь в XX веке, равняется 382.415 кв. километрам с населением по данным переписи 1925 г. в 59.736.822 человека. В хозяйственном отношении Япония представляет собой страну развитого промышленного капитализма. К началу 1924 г. она располагала 47.786 фабриками и заводами. На первом плане стоит текстильная промышленность, затем металлургическая, а за ней электрическая. Эта промышленность не может работать на собственном сырье, так как страна не располагает антрацитом, железом, нефтью и хлопком. Основного продукта питания — риса — Япония ввозит ежегодно около 59 миллионов коку (1 коку = $8^1/_5$ *кг*). Таким образом, Япония крайне нуждается в обеспечении свободной эмиграции для излишков своего населения (при густоте в 156 человек на 1 кв. километр ежегодный прирост японского населения определяется в 700—750 тысяч человек), завоевании широкого рынка для сбыта товаров своей промышленности и снабжении промышленности недостающим ей сырьем. Будучи тихоокеанской страной, Япония в силу своего географического положения стремится расширить свое влияние на Тихом океане. Но здесь она встречается с империализмом Соединенных Штатов. Соединенные Штаты по отношению к Японии ведут двойную политику. Опасаясь роста японской эмиграции, Соединенные Штаты ведут борьбу с «желтой опасностью», совершенно воспрещая доступ японским эмигрантам на свою территорию и ведя кампанию за такое же воспрещение Австралией и Новой Зеландией. В то же время, располагая более высокой промышленной техникой и огромным перевесом в области накопления капитала, Соединенные Штаты ведут на азиатской территории (главным образом, в Китае, представляющем огромный рынок для сбыта промышленных товаров), политику «открытых дверей», т.-е. свободной конкуренции. Чувствуя себя бессильной победить Соединенные Штаты в свободной конкуренции, Япония, борясь за эмиграцию своего населения во все тихоокеанские страны, настаивает на признании за ней особых интересов по крайней мере в северной части Китая (в особенности в Монголии и Маньчжурии). Борьба за влияние на Тихом океане вызывает рост вооруженных сил. Япония тратит на военные цели 25% своего бюджета. Это обстоятельство тревожит Соединенные Штаты, которые обладают на Тихом океане колониями (как, например, Сандвичевы

острова), слишком далеко отстоящими от метрополии и даже (как, например, Филиппинские острова) находящимися вблизи Японии. Поэтому Соединенные Штаты добиваются ограничения морских вооружений Японии. На Вашингтонской конференции в 1921—1922 году Соединенные Штаты добились установления такой пропорции в числе линейных военных кораблей: Англия — 5, Соединенные Штаты — 5, Япония — 3. Соединенные Штаты этим не ограничились и на той же конференции потребовали расторжения англо-японского договора о взаимной поддержке, заключенного еще в 1902 году (накануне русско-японской войны). (Стр. 435).

[329]) После мировой империалистической войны Северо-Американские Соединенные Штаты выступили на мировом рынке в качестве чрезвычайно опасного конкурента Англии. Поставки во время войны и активный баланс торговли в послевоенный период (вывоз товаров из Америки на большую сумму превышает ввоз их в Америку) накопили в Соединенных Штатах большое количество ищущих применения капиталов. Соединенные Штаты фактически подчинили себе всю Латинскую (южную) Америку, проникли в Китай и стали проникать даже в английские колонии (Канаду, Австралию и Новую Зеландию). Вся политика американского капитализма, какими бы лозунгами они ни прикрывались («Америка для американцев» в Латинской Америке, принцип «открытых дверей» для Китая, охрана от «желтой опасности» для Австралии и Новой Зеландии) на деле сводится к жестокой борьбе с Англией за обладание мировым рынком. На почве этой борьбы возник ряд конфликтов. Таков конфликт американского нефтяного треста «Стандарт Ойль» с английским нефтяным трестом «Ройял-Дейтч Шелл». Конфликты не ограничиваются исключительно торговыми столкновениями капиталистических трестов. Они происходят также в области политической. Соединенные Штаты развернули широкую судостроительную программу с намерением превзойти английский флот. Периодически устраиваемые тройственные конференции (С. Штаты, Англия и Япония) по ограничению морских вооружений дают лишь ряд поводов к новым конфликтам. Дело дошло до того, что с 1927 г. пресса, как английская, так и американская, начала тревожно ставить вопрос о возможности войны Англии с Америкой. (Стр. 435, 488).

[330]) Доклад тов. Томского *«Международное положение и Англо-Русский Комитет»* был единственным вопросом, обсуждавшимся на Пленуме ВЦСПС от 28 июня 1927 г. Этот Пленум был экстренно созван для определения линии поведения профессиональных союзов СССР в связи с создавшейся угрозой войны и нежеланием Генерального Совета английских тред-юнионов созвать Англо-Русский Комитет единства. (Стр. 446).

[331]) На другой день после сообщения английским правительством советскому поверенному в делах в Англии тов. Розенгольцу ноты от 27 мая 1927 года о разрыве дипломатических отношений англо-русский парламентский комитет (организация английских парламентских

деятелей, сторонников сближения с СССР) устроил в палате общин завтрак в честь отъезжающего тов. Розенгольца. На завтраке присутствовали депутаты Рабочей Партии и лидеры профессионального движения. Председатель Генерального Совета тред-юнионов, заканчивая свою речь, заявил: «Мы не будем говорить «прощайте», а скажем лишь «до свидания». Этот завтрак возмутил консерваторов, главным образом, тем, что он был устроен не в частном помещении, а в здании парламента, лишь два дня тому назад голосовавшего за разрыв с СССР. (Стр. 455).

[332]) Через три дня после произведенного английской полицией налета на «Аркос» (акционерное общество, основанное СССР для торговых операций с Англией) и на торговое представительство СССР, налета, сопровождавшегося обыском и взломами шкафов, секретарь Генерального Совета Ситрин отправил письмо главе английского правительства Болдуину. Это письмо, подчеркивая величайшую важность дружественных отношений между СССР и Англией, указывало на недопустимость обысков лиц, пользующихся правом дипломатической неприкосновенности. В заключение Ситрин заявляет: «мне поручено заявить протест против меры, которая не может не иметь вредных последствий для отношений между Англией и СССР». (Стр. 455).

[333]) *Агентство Рейтера* представляет собой одно из самых влиятельных в мире телеграфных агентств, снабжающих прессу сведениями о текущих событиях. Обладает широко разветвленной сетью собственных корреспондентов во всех частях мира. Тесно связано с английским правительством, в особенности с министерством иностранных дел. (Стр. 459).

[334]) Вслед за разрывом дипломатических отношений с СССР, английское правительство через своих агентов стало организовывать террористические акты против учреждений и деятелей советской власти (убийство полпреда в Варшаве тов. Войкова, убийство заместителя председателя ОГПУ Белоруссии тов. Опанского, покушение на взрыв общежития ГПУ в Москве, взрыв бомбы в Ленинградском партийном клубе и т. п.). Одновременно с этим была намечена целая программа взрывов и поджогов на фабриках и заводах. В ответ на это ГПУ, на основании предоставленных ему полномочий (Коллегии ГПУ в тех случаях, когда необходимо бороться с активными выступлениями контрреволюции предоставлено право революционного суда), расстреляло 20 белогвардейцев-монархистов, уличенных в связи с английским шпионажем и в подготовке террористических актов. Опубликование сообщения об этом дало повод к бешеной кампании буржуазии и II Интернационала против СССР с обвинениями советской власти в диком «кровожадном произволе» и «мстительных расправах с инакомыслящей интеллигенцией». (Стр. 462, 498).

[335]) Текст воззвания, принятого Пленумом ВЦСПС от 28 июня 1927 года после доклада тов. Томского, напечатан в «Приложениях» (в отделе «Документы»). (Стр. 466).

[336]) Заседание Президиума ВЦСПС, на котором была произнесена печатаемая здесь речь тов. Томского, было созвано по просьбе иностранных делегаций, прибывших на празднование десятилетнего юбилея Октябрьской революции и обратившихся к Президиуму ВЦСПС с просьбой дать ответы на ряд вопросов, касающихся как общей политики, так и текущей практики профессионального движения. Протокола заседания не велось. Эта речь является единственным документальным отражением заседания Президиума ВЦСПС от 6 декабря 1927 г. (Стр. 467).

[337]) К торжественному празднованию десятилетнего юбилея Октябрьской революции в СССР прибыли делегации со всех концов мира. По инициативе английской рабочей делегации, поддержанной рядом других делегаций, Комитет по организации приема делегаций решил созвать из прибывших делегатов всемирный конгресс друзей СССР. Конгресс открылся 10 ноября 1927 г. и вылился в грандиозную демонстрацию солидарности трудящихся всего мира с СССР. На нем присутствовало 947 делегатов, представлявших собою 43 страны; были делегаты не только европейских стран, но и далеких стран Африки, Азии, Америки и Австралии. В повестку дня конгресса были поставлены два вопроса: 1) десять лет социалистического строительства жизни в СССР и 2) грядущая опасность войны. На конгрессе от Реввоенсовета СССР были вручены ордена Красного Знамени: ветерану революционного движения, соратнице Маркса, Энгельса, Ленина, Карла Либкнехта и Розы Люксембург — Кларе Цеткин; бывшему капитану французской армии, работавшему во время гражданской войны в Красной армии, — Жаку Садулю; деятелю Советской республики в Венгрии, участнику гражданской войны и организатору первого боевого отряда иностранных рабочих против германских оккупантов в СССР в 1918 г. — Бела Куну. Представителям Китая, Германии, Франции и Польши были вручены также ордена для передачи: организатору и руководителю боевых отрядов китайских рабочих и крестьян — Чжан Го-гао; деятелю германского революционного движения, тогда сидевшему в тюрьме, — Максу Гельцу; бывшему моряку французского флота, поднявшему в 1919 г. восстание французских моряков на Черном море против интервенции в СССР и осужденному французским судом на каторжные работы, — Андре Марти; рабочему железнодорожнику, коммунистическому делегату польского сейма, осужденному польским судом на каторгу за борьбу во имя братства рабочих и крестьян СССР и Польши, — Станиславу Ланцуцкому.

Конгресс принял ряд резолюций, которыми делегаты взяли на себя обязательство «защищать СССР от всех его врагов; бороться против войны, угрожающей СССР; добиваться дипломатического признания СССР во всем мире; выступать против всех попыток разрыва с СССР; поддерживать инициативу СССР, направленную к разоружению; бороться против всех вообще империалистических войн; защищать дело угнетенных народов и, прежде всего, революционное движение

китайских трудящихся масс; бороться за единство профессионального движения». Вернувшись в свои страны, участники конгресса стали организовывать группы друзей СССР на платформе указанных резолюций.

27 мая 1928 г. в Кельне (Германия), по инициативе английского союза друзей СССР и ВЦСПС, состоялась международная конференция друзей СССР. Конференция постановила организовать во всех странах комитеты друзей СССР для об'единения всех противников войны против СССР, при чем эти комитеты должны об'единиться в международный союз друзей СССР. Была принята также резолюция о необходимости созыва международного конгресса профессионального единства. Конференция избрала временное Бюро, которому было поручено немедленно приступить к подготовке второго конгресса друзей СССР. (Стр. 467, 486).

[338]) 17 октября 1927 г. в Германии забастовали шахтеры среднегерманского буро-угольного бассейна, требуя повышения заработной платы. Этот бассейн питает топливом гигантские промышленные предприятия Центральной Германии. Электрическая энергия Берлина и ряда других городов получается за счет угля, добываемого в средне-германском бассейне. Поэтому капиталисты не решились рискнуть затяжкой забастовки и пошли на уступки. Через шесть дней забастовки рабочие и предприниматели пришли к соглашению, подчинившись решению третейского суда о повышении заработной платы на 11½%. (Стр. 469).

[339]) *Четвертый конгресс Амстердамского Интернационала профессиональных союзов* состоялся в Париже 1—6 августа 1927 г. На конгрессе шла борьба континентальных союзов против английских, выступивших с защитой профсоюзного единства (об'единения амстердамских союзов с союзами СССР, Китая, Мексики и др. стран). Приветственная речь Перселя, председателя Интернационала, выступавшего за единство, вызвала возражение Жуо (Французская Всеобщая Конфедерация Труда), что Персель говорил исключительно от своего имени и что Бюро Интернационала не берет на себя ответственности за произнесенные им слова. На это Браун (английские тред-юнионы) во внеочередном заявлении подчеркнул, что Жуо, в свою очередь, говорил от имени отдельных членов Бюро, а не от всего бюро. На второй день конгресса Браун прочел письмо, написанное секретарем Интернационала, Удегестом, по адресу Жуо и Мертенса (Бельгия). В нем говорилось: «При сем прилагаю французскую копию письма, полученного нами от Томского... Насколько мне кажется, оно свидетельствует об искреннем желании работать совместно с нами, и поэтому я нахожу для нас своевременным перейти в атаку». Оглашение письма, свидетельствующего об умышленном саботаже амстердамскими вождями профсоюзного единства, вызвало возмущение англичан. Ситрин (секретарь Генерального Совета) поставил вопрос, может ли Удегест после этого разоблачения оставаться секретарем Интернационала. В результате Удегест подал в отставку. В свою очередь, при выборах бюро

континентальные союзы провалили кандидатуру Перселя в Исполнительное бюро Интернационала от Англии и, несмотря на протест английской делегации, даже демонстративно покинувшей заседание конгресса, провели в качестве представителя Англии Хикса. Борьба представителей континентальных союзов с англичанами была центром внимания конгресса. Поражение англичан показало, что первенствующая роль в Интернационале перешла от Англии к Германии. Конгресс избрал лишь одного генерального секретаря вместо бывших ранее трех (это место было занято впоследствии Зассенбахом, представителем Германии). На конгрессе было принято решение, что в состав Правления Интернационала представители производственных Интернационалов входить не будут (решением предшествующего, Венского, конгресса производственным интернационалам предоставлялось три решающих голоса в Правлении). Поскольку Эддо Фиммен (секретарь Интернационала транспортников, защищавший принцип единства) потерял в результате этого постановления право участвовать в Правлении, левое крыло реформистского движения лишилось влияния в Амстердамском Интернационале. Остальные работы конгресса не вышли за пределы словесных пожеланий мира, международного контроля над вооружениями, контроля над производством и т. п., при чем в этом отношении возлагались надежды на Лигу Наций. Буржуазная газета «Франкфуртер Цейтунг» характеризовала конгресс, как «победу реформизма, принимающего существующий строй», и как «окончательный отказ от методов революционной борьбы». (Стр. 472).

[340]) *59 ежегодный конгресс английских тред-юнионов* открылся 5 сентября 1927 г. в г. Эдинбурге. Генеральный Совет мобилизовал все свои силы и добился того, что конгресс прошел под влиянием правого крыла английского профессионального движения. Во всех принятых резолюциях не содержалось никакого упоминания о классовой борьбе. Даже по поводу принятого парламентом закона, урезывающего права английских профессиональных союзов, воспрещающего им политическую деятельность и об'являющего стачки солидарности незаконными, конгресс принял точку зрения Хикса, заявившего, что, если какая-нибудь организация вынуждена будет политически выступить, то профессиональные союзы должны будут «с формально законной точки зрения» отказаться от ее поддержки. Предложение левой части конгресса отказаться от пропаганды мира в промышленности было отклонено. Наконец, по докладу Генерального Совета было принято постановление о разрыве Англо-Русского Комитета. Правительственная и буржуазная печать одобрительно отозвалась о работах этого конгресса. (Стр. 474).

[341]) В конце 1926 года норвежские предприниматели, ссылаясь на достижение денежным курсом довоенного уровня, начали кампанию за снижение заработной платы. 31 января 1927 г. истекли сроки колдоговоров в горнопромышленных, металлургических, текстильных и обувных предприятиях. Предприниматели, воспользовавшись именно

этим обстоятельством, потребовали, чтобы рабочие при заключении новых коллективных договоров согласились на снижение заработной платы на 25—30%. Рабочие не соглашались, так как дороговизна жизни в 1927 г. уменьшилась по сравнению с 1925 г. лишь на 6,7%. Профсоюзные вожди, ссылаясь на трудности борьбы при наличии промышленного застоя и массовой безработицы, достигавшей 30% общего числа промышленных рабочих, заявили о готовности итти на уступки, соглашаясь на понижение заработной платы соответственно падению дороговизны жизни, т.-е. на 6,7%. Такой уступкой предприниматели не удовлетворились, заявив 9 февраля «государственному примирителю», что представители профессиональных союзов не обнаруживают понимания критического положения промышленности и что в силу этого дальнейшие переговоры теряют всякий смысл. Через четыре дня, т.-е. 13 февраля все рабочие в принадлежащих союзу работодателей предприятиях металлургической, горной, текстильной и обувной промышленности были подвергнуты локауту. Локаут затянулся. Средства норвежских союзов оказались недостаточными, и союзы обратились с просьбой о помощи к зарубежным организациям. Но только ВЦСПС оказал локаутированным рабочим серьезную помощь, переведя в распоряжение норвежских профессиональных союзов сумму в один миллион крон (из этой суммы 200 тысяч в виде безвозвратной помощи и 800 тысяч в виде беспроцентной ссуды). Сопротивление рабочих продолжалось до мая месяца. 9 мая в г. Осло (столице Норвегии) между представителями рабочих и предпринимателей состоялось совещание, постановившее прекратить борьбу и подчиниться государственному арбитражу. Арбитражная комиссия постановила снизить заработную плату на 15%. Таким образом борьба закончилась компромиссом. (Стр. 482).

[342]) *Отто Бауэр*, австрийский социалист и виднейший теоретик II Интернационала. Родился в 1882 г. Еще будучи студентом университета, вступил в немецкую социал-демократическую партию Австрии, где все время разделял взгляды Каутского и Бебеля. Мобилизованный в начале войны в качестве запасного офицера, попал в плен в Россию, где стал изучать русский язык. После февральской революции жил в Петрограде, поддерживая близкую связь с левым крылом меньшевиков (интернационалистами). Освобожденный из плена возвратился в середине 1917 г. в Австрию. Там Бауэр в своих выступлениях освещает русскую революцию с точки зрения меньшевиков-интернационалистов, утверждая, что она является крестьянской, пролетарской же явится после того, как в движение вступит западноевропейский пролетариат. После свержения в 1918—1919 гг. монархии был министром иностранных дел во временном правительстве Австрии. В 1920 г. принял участие в создании II½ Интернационала. Вместе с Фридрихом Адлером содействовал слиянию II½ Интернационала со вторым. Идеолог так называемой австро-марксистской школы. (Стр. 483, 494).

[848]) Рабочие массы Австрии и после свержения в 1918 г. монархии под влиянием социал-демократической партии не пошли далее демократической республики, сохранившей политическую власть в руках буржуазии. Но рабочие удержали в своих руках оружие, хранившееся в бывшем Венском арсенале, превращенном в завод сельскохозяйственных машин. Опасаясь роста революционного движения, австрийская буржуазия создала вооруженные фашистские боевые дружины. В то же время правительство выработало план разоружения рабочих. В марте 1927 г. правительственные войска заняли арсенал, откуда после обыска вывезли все спрятанное там оружие. Социал-демократическая партия не только не оказала никакого сопротивления разоружению рабочих, но и оправдала его, заявив, что хранить далее оружие не было возможности, так как Антанта, наблюдавшая через международную контрольную комиссию за состоянием вооружения Австрии, грозила вмешательством. Правительство же передало конфискованное оружие фашистским организациям. После этого буржуазия спровоцировала рабочих на выступление. Провокационным шагом явился судебный процесс фашистов, стрелявших 30 января 1927 г. в шествие «Шуцбунда» (организованного социал-демократами союза республиканской обороны). Во время процесса фашистские организации устроили в Вене демонстрации и вызвали ряд столкновений с рабочими. Суд 14 июля оправдал фашистов. Весть об этом оправдании, несмотря на поздний час (приговор был об'явлен в 9 часов вечера), быстро разнеслась по городу, и той же ночью на многих заводах были прекращены работы. На другой день с утра на всех заводах были устроены собрания, где рабочие постановили организовать шествия к парламенту и к Дворцу юстиции. У Дворца юстиции на безоружных рабочих напала полиция. Было дано два залпа, которыми было убито несколько человек и множество ранено. Тогда возмущенная масса ворвалась в здание Дворца юстиции и подожгла его извнутри. Прибывшей пожарной команде толпа не позволила тушить пожара. После этого рабочие разгромили редакции газет: правительственной — «Рейхспост» и фашистских — «Винер Нейсте Нахрихтен» и «Дейтш Эстерейхише Тагесцейтунг». Тогда полиция стала расстреливать толпу. К вечеру в Вене было об'явлено осадное положение. Коммунисты выдвинули требование отставки реакционного правительства и призвали рабочих ко всеобщей стачке и вооружению. Социал-демократы же ограничились об'явлением 24-часовой всеобщей забастовкой протеста и забастовки в службах связи и путей сообщения до специального указания. Социал-демократический магистрат (орган городского самоуправления) в противовес требованиям вооружения сообщил, что им организуется общинная полиция для защиты порядка и сохранения спокойствия на улицах Вены. 17 июля состоялось заседание Центрального Комитета социал-демократической партии. Здесь по докладу вождя австрийских с.-д. Отто Бауэра, заявившего, что вооружение рабочих означало бы гражданскую войну, а гражданская война —

экономическую катастрофу и вступление иностранных войск в Австрию, Центральный Комитет принял резолюцию о производстве расследования при участии рабочих и наказания полицейских, виновных в пролитии крови. Резолюция включала также предложение всем рабочим за исключением служащих железных дорог, судов, почты, телеграфа и телефона, приступить с утра 18 июля к работе. Коммунистическая партия не располагала достаточно-разветвленным аппаратом и техническими средствами для широкого воздействия на массы. К тому же массы привыкли итти за социал-демократами. Движение было остановлено. Ночью 18 июля социал-демократическая партия ликвидировала также забастовку связи и путей сообщения. Через несколько дней властями была ликвидирована и «общинная полиция». Правительство, убедившись в полном нежелании социал-демократов звать массы к сопротивлению и расправившись с восстанием, начала аресты, обыски, отказало в «праве убежища» для политических эмигрантов из Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии и Италии, воспретило пионерские организации и стало преследовать коммунистов. (Стр. 484).

[844]) *Джон Джегер,* активный деятель профессионального движения английских торговых служащих. Родился в 1872 г. в Иоркшире. Работал в качестве торгового служащего в Англии, Индии, Китае и Японии. Принимал участие в создании об'единенного союза работников торговых и складских работников, с 1905 года стал секретарем Иоркширской секции союза. В 1921 г. был избран генеральным секретарем национального союза. В профессиональном движении и Рабочей Партии Англии находится на левом крыле, защищая принцип единства профессионального движения и классовый союз английских рабочих с рабочими СССР. В ноябре 1927 г. принял участие в английской рабочей делегации, прибывшей в СССР на торжественное празднование десятилетнего юбилея Октябрьской революции. Здесь он явился одним из инициаторов созыва мирового конгресса друзей СССР в Москве 10 ноября 1927 г. На конгрессе выступил с докладом по вопросу о грядущей опасности войны. Обрисовав рядом цифр рост вооружений в последний период времени, Джегер пришел к выводу, что весь буржуазный мир готовится к новой войне, при чем эта война угрожает в первую очередь СССР. Призывая к защите СССР от империалистического нападения, Джегер настаивал на разработке детального плана борьбы с войной. Он заявил, что нет никакого оправдания для конгресса английских тред-юнионов, постановившего разорвать Англо-Русский Комитет, и что вся энергия должна быть направлена на исправление сделанной этим конгрессом ошибки. (Стр. 486).

[845]) *Анри Барбюсс,* один из известнейших современных французских писателей. Родился в 1873 г. До империалистической войны ничем не выделялся в ряду буржуазной интеллигенции. Став видным журналистом, Барбюсс считал своим идеалом «жизнь, построенную на вечных базах логики и справедливости». В 1914 г. был генеральным секретарем крупного издательства «Лафит» и редактором другого известного

издательства «Гашетт». Во время войны вступил добровольцем в действующую армию. Здесь Барбюсс превратился в решительного врага империализма и милитаризма. Написанный им во время войны роман «В огне» с подзаголовком «Дневник одного взвода», рисующий картины империалистической войны, выдержал в короткое время более 200 изданий и дал автору широкую известность. Будучи демобилизованным, Барбюсс стал одним из организаторов республиканской «Ассоциации бывших фронтовиков и жертв войны», принявшей лозунг «война войне». Вслед за этим он принял участие в организации Интернационала бывших фронтовиков, установившего тесную связь с Коминтерном. В то же время он основал литературную группу «Кларте» («Свет») с одноименным издательством и журналом. Эта группа, называвшая себя «Лигой интеллектуальной солидарности для торжества интернациональных задач», противопоставляла принципам буржуазного национализма идеи революционной интернациональной солидарности труда. Все дальнейшее творчество Барбюсса (большинство его прозаических произведений переведено на русский язык) проникнуто духом революционной борьбы пролетариата. В 1923 г. Барбюсс вступил в коммунистическую партию. В 1927 г. принял участие в организации всемирного конгресса «Лиги борьбы с империализмом и колониальным угнетением». Осенью 1927 г. прибыл в СССР и принял участие во всемирном конгрессе друзей СССР. (Стр. 486).

346) *Мирный договор* с Австрией был подписан 10 сентября 1919 г. в пригороде Парижа Сен-Жермене (Франция) Северо-Американскими Соединенными Штатами, Англией, Францией, Италией, Японией, Бельгией, Грецией, Китаем, Кубой, Никарагуа, Панамой, Польшей, Португалией, Румынией, Сиамом, Чехо-Словакией и Югославией. По этому договору, от бывшей Австро-Венгрии отделялись: провинции, образовавшие Чехо-Словакию; провинции, присоединенные к Сербии и образовавшие вместе с ней Югославию (Босния, Герцеговина, Хорватия, Славония, Крайна, большая часть Далмации и южные части Штирии и Каринтии); провинции, отошедшие к Италии (южный Тироль, Истрия с Триестом, Градлека и Горица), Румынии (Буковина) и Польше (Галиция). По этому же договору Австрия была признана ответственной за войну, обязалась выдать союзным державам, воевавшим против нее, весь свой флот (включая и все торговые и рыболовные суда), была поставлена под контроль союзных держав и подчинена правилу «ненарушимости» и «независимости Австрии» (т.-е. ей было запрещено соединиться с Германией).

Договор с Венгрией, подписанный 4 июня 1920 г. в Трианоне (Франция) теми же странами, которые подписали Сен-Жерменский договор, является продолжением и завершением последнего, подкрепляя по отношению к Венгрии положения Сен-Жерменского договора. (Стр. 487).

347) Совершив в 1922 г. фашистский переворот, итальянский капитал стал беспощадно расправляться с рабочим движением внутри

страны, а во внешней политике стал стремиться к завоеваниям. Рынок Балканского полуострова вскоре был завоеван продуктами итальянской промышленности. Албания с ее минеральными богатствами (в том числе нефтью) не только подчинилась финансовому и экономическому контролю Италии, но и попала также под политическое и военное руководство. В странах средиземноморского побережья Африки (Марокко, Тунисе и других) итальянское влияние растет с каждым годом. Италия направляет все свои усилия на захват азиатского побережья Средиземного моря, в частности Сирии и турецких провинций — Киликии и Адалии. Италия стремится к созданию итальянской Средиземноморской империи. Но на пути к осуществлению ее стремлений стоит Франция, владеющая Марокко, Тунисом, Алжиром, Сирией. Франция создала так называемую Малую Антанту (союз Чехо-Словакии, Румынии и Югославии), чтобы при ее помощи сохранять свое влияние на Балканах. Из-за обладания Средиземным морем между Италией и Францией («латинскими сестрами», как они себя называли во время империалистической войны) ведется борьба, сначала имевшая форму дипломатических интриг и затем перешедшая в прямые угрозы друг другу. С 1926 г. и та и другая сторона стали усиливать на общих границах военные гарнизоны. Таким образом, Италия и Франция находятся в состоянии нескрываемой вражды, грозящей возможностью военных столкновений. (Стр. 488).

[848]) *Девятый конгресс II Интернационала* был созван в экстренном порядке 24 ноября 1912 г. в Базеле (Швейцария) в связи с войной на Балканах и был посвящен одному только вопросу — вопросу об опасности возникновения мировой войны. Конгресс выпустил манифест, дающий анализ создавшегося в Европе политического положения и намечающий тактику рабочего класса перед надвигающейся угрозой войны. Манифест был редактирован в таких выражениях, которые об'единили всех участников конгресса. Этим имелось в виду продемонстрировать перед лицом мировой буржуазии единодушие всех социалистических партий. Основные положения манифеста заключаются в следующем:

«Балканский кризис, который уже принес столько бедствий, может, в случае его распространения, представить самую ужасную опасность для цивилизации и пролетариата. Социалистические партии Балканского полуострова должны выполнить тяжелую работу. Конгресс просит их продолжить ее со всей энергией. Социалисты Австрии, Венгрии, Кроации и Славонии, Боснии и Герцеговины должны всеми силами оказывать сопротивление всякому покушению австрийской монархии против Сербии. На их обязанности лежит противодействовать, как они это делали до сих пор, всякой политике, направленной к ограблению Сербии, к превращению ее в австрийскую колонию и к вовлечению, в интересах династии, народов Австрии, как и всей Европы, в события с самыми ужасными последствиями. С большим удовлетворением конгресс приветствует забастовку протеста русских рабочих. Он видит

в этом признак того, что русский и польский пролетариат начинают оправляться от ударов, нанесенных ему контрреволюционным царизмом... Теперь царизм пытается выступить в роли освободителя балканских народностей, но это лишь для того, чтобы под лицемерным предлогом и путем кровавой войны получить преобладание на Балканах. Конгресс надеется, что городской и сельский пролетариат России, Финляндии и Польши воспользуется своей возрастающей силой, чтобы сорвать лживую маску с царизма и воспротивиться всякой военной авантюре. Конгресс считает, что искусственно поддерживаемая вражда между Англией и Германией представляет собой самую большую опасность для европейского мира... Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов среди рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих... Конгресс обращается к вам, пролетарии и социалисты всех стран, чтобы в этот решительный час вы не остались безгласны... Выражайте всеми силами ваш протест в парламентах, об'единяйтесь в манифестациях и массовых выступлениях, используйте все средства, которые предоставляют вам организация и мощь пролетариата... Противопоставляйте капиталистическому миру эксплоатации и истребления масс пролетарский мир согласия и единения между народами»...

Эта резолюция совершенно не была проведена в жизнь. Наоборот, большинство партий II Интернационала с момента начала империалистической войны в 1914 г. приняло лозунг «обороны отечества и гражданского мира внутри страны для победы над внешним врагом». (Стр. 496).

Документы.

Протокол I совещания представителей революционных профессиональных союзов Великобритании, Италии и России, имевшего место в Москве, в Доме Союзов, в помещении Московского Совета Профессиональных Союзов 16 июня 1920 г. по вопросу об организации Красного Интернационала Профсоюзов.

Председатель — тов. *Г. Зиновьев.*

Секретарь — тов. *Г. Цыперович.*

Присутствовали: *Г. Зиновьев* (председатель Исполнительного Комитета III Коммунистического Интернационала), от Великобритании — *Роберт Вильямс* (от тред-юнионов транспортных рабочих и Британской Независимой Партии), *А. А. Персель* (от Конгресса британских тред-юнионов и парламентского комитета), от Италии — *Д'Аррагона* и *Джузеппе Бьянки* (от Итальянской Всеобщей Конфедерации Труда), *Энрико Дугони* (от Национальной Федерации работников земли), *Эмилио Коломбино* (Федерация металлистов), от России — *А. Лозовский, М. Томский, Г. Цыперович, В. Шмидт* (члены Президиума Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов), *Г. Мельничанский* (от Московского Совета профессиональных союзов).

Заседание начинается в 3 час., кончается в 5 час.

Тов. Зиновьев излагает точку зрения Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала на международное об'единение профессиональных союзов. Он указывает на серьезную опасность, угрожающую революционному движению пролетариата во всех странах, благодаря разрушительной работе Амстердамского Интернационала, все еще об'единяющего вокруг себя миллионы рабочих. Желтый Амстердамский Интернационал профессиональных союзов отнюдь не является только технической организацией международного профессионального движения. Тесно связанный через социал-соглашателей Жуо, Легина, Эпплътона и пр. с Лигой Наций, прежде всего через Вашингтонское Бюро Труда, Амстердамский Интернационал является политическим орудием в руках Антанты, сильнейшим орудием, которое вообще осталось в ее распоряжении. Задача революционного пролетариата — выбить это орудие из ее рук. Каким путем? Путем ли образования

коммунистического ядра в недрах Амстердамского Интернационала для того, чтобы взорвать его изнутри; путем ли образования самостоятельного Интернационала красных союзов для противопоставления его желтому Амстердамскому Интернационалу или путем образования при III Коммунистическом Интернационале Секции профессионального движения, которая повела бы под его руководством борьбу с Амстердамским Интернационалом под единым знаменем коммунизма.

Тов. Зиновьев заявляет, что Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, согласно решению II Конгресса, остановился на последней точке зрения, как единственно правильной для настоящего времени, и указывает на ряд стран, отчасти уже присоединившихся к ней, отчасти готовых в силу об'ективных условий к ней присоединиться. Так, например, в III Коммунистический Интернационал уже вошли все профессиональные союзы Советской России, согласно постановлению III Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов. К такой же точке зрения склоняются скандинавские страны, Болгария, некоторые наиболее мощные союзы Германии и их об'единения (напр., Союз металлистов, железнодорожники, Центральное Бюро берлинских профессиональных организаций), Британия в лице тройственного об'единения тред-юнионов железнодорожников, рудокопов и транспортных рабочих, отчасти М. Р. М. в Северо-Американских Соединенных Штатах и т. д. Вот почему, по мнению *тов. Зиновьева*, было бы крайне важно и в то же время реально выполнимо образование Секции профессионального движения при III Коммунистическом Интернационале теперь же для того, чтобы на втором конгрессе иметь дело уже с совершившимся фактом. Противопоставление этой Секции желтому Интернационалу профсоюзов не только внесло бы ясность в отношения профессиональных союзов, синдикатов и тред-юнионов к диктатуре пролетариата, но и дало бы мощный толчок уже начавшемуся отслоению рабочих масс всего мира от желтого Интернационала, питающего своими силами контрреволюционную Антанту.

Тов. Вильямс, соглашаясь с основными положениями *тов. Зиновьева* и подчеркивая рост симпатий в рядах британских тред-юнионов к III Интернационалу, указывает на то, что окончательно решить поставленные вопросы данное совещание не может. С одной стороны, не все присутствующие имеют полномочия, а с другой — необходимо произвести большую подготовительную работу на местах для того, чтобы первый же шаг по пути к об'единению революционных профсоюзов, синдикатов и тред-юнионов был наиболее уверенный и продуктивный. В виду этого *тов. Вильямс* предлагает, во-первых, подтвердить правильность оценки международного положения профессионального движения, сделанной *тов. Зиновьевым*, и присоединиться к его критике Амстердамского конгресса и желтого Интернационала, Легина, Жуо и других, и, во-вторых, образовать немедленно временный комитет из состава присутствующих на совещании для подготовки созыва в срочном порядке Международной конференции профессиональных союзов,

стоящих на платформе III Интернационала. На этой конференции и должен быть решен конкретный вопрос, в какую форму выльется новый Красный Интернационал профессиональных союзов.

Тов. Зиновьев оглашает первый пункт резолюции, который переводится на английский и итальянский языки и предлагается к обсуждению.

Тов. Дугони заявляет, что он вынужден отказаться дать свою подпись под этой резолюцией в виду того, что он, во-первых, не имеет полномочий от своей организации, а, во-вторых, не согласен с некоторыми выражениями в оглашенном пункте резолюции. Многие члены итальянских синдикатов не принадлежат к III Интернационалу, а состоят членами Амстердамского Интернационала, тем не менее ведут упорную классовую борьбу против буржуазии. Отожествление их с желтым Интернационалом может вызвать протест со стороны широких масс итальянских рабочих.

Тов. Лозовский раз'ясняет, что неимение полномочий не играет существенной роли при организации временной комиссии по подготовке Международной конференции, которая сама будет решать вопрос о своем отношении к III Интернационалу и Амстердамской конференции.

Тов. Зиновьев, не возражая против смягчения некоторых резких выражений, предлагает огласить всю резолюцию целиком.

Тов. Д'Аррагона присоединяется к предложению *Вильямса,* прося в то же время выяснить наиболее точно вопрос об отношениях красных профессиональных союзов, которые вступят в Секцию Коммунистического Интернационала, к своим национальным центрам. Если, например, определенный союз вступает в III Интернационал, следует ли из этого, что он автоматически должен выступить из своего национального об'единения потому, что последний продолжает оставаться в Амстердамском Интернационале.

Тов. Томский ставит вопрос, согласны ли английская и итальянская делегации теперь же образовать временный комитет из представителей русских, британских и итальянских делегаций для пропаганды, агитации и организации, а также для практической подготовки Международной конференции, предложенной *тов. Вильямсом* в теснейшей связи с Коммунистическим Интернационалом.

Все присутствующие отвечают утвердительно на вопрос *тов. Томского.* Таким образом предложение *Вильямса* принимается.

Тов. Лозовский дает раз'яснение по вопросу, предложенному тов. *Д'Аррагона.* Он указывает, что вхождение союза через Секцию в III Интернационал вовсе не обязывает его к выступлению из своего национального об'единения. Но он обязан внутри этого об'единения вести систематическую работу по подготовке его к переходу в Интернационал красных профсоюзов. Точно также он берет на себя и обязательство вести работу по откалыванию широких рабочих масс от Амстердамской Международной Федерации профсоюзов, используя

для этого все практические вопросы, ответ на которые определяет характер отношения к диктатуре пролетариата.

Тов. Зиновьев по вопросу, поставленному *Д'Аррагона*, указывает, что аналогичное положение в свое время наблюдалось и в Циммервальде. Участие на с'езде тогда не обусловливалось обязательностью для участников предварительного выхода из II Интернационала, хотя Россия уже тогда сделала этот решительный шаг, правильность которого впоследствии была вполне доказана жизнью.

Тов. Лозовский указывает на то, что, по его мнению, нужно приложить все усилия к сокращению стадии подготовительной организационной работы. Время не ждет. Профессиональное движение значительно отстало от политического. Чувствуется оторванность профессиональных организаций от решительных выступлений передовых политических авангардов революционного рабочего класса во многих странах. Необходимо поэтому, чтобы все союзы, определенно стоящие сейчас на точке зрения революционной классовой борьбы, своей принадлежностью к III Коммунистическому Интернационалу, ясно и отчетливо для широких рабочих масс противопоставили себя желтой Международной Федерации профессиональных союзов. Это, конечно, вовсе не означает, что такие союзы не будут принимать участия в своих международных конгрессах. Наоборот, это участие для них обязательно. Поэтому *Лозовский* предлагает поручить Временному Комитету, который необходимо теперь же составить, начать немедленно работы по подготовке Международной Конференции профессиональных союзов, синдикатов и тред-юнионов. Вместе с тем он указывает на то, что по имеющимся в Международном отделе Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов сведениям, кроме России, профессиональные союзы Испании, Аргентины, Бразилии, большинство Польши уже присоединились к III Интернационалу. О таком же желании заявил находящийся в Москве и представитель болгарских профессиональных союзов «тесняк» (коммунист), *тов. Недельков.*

Тов. Дугони сообщает, что после заслушанных раз'яснений, он отказывается от своего заявления.

Тов. Зиновьев указывает на то, что совещание не занимается разработкой детального плана новой организации международных революционных профсоюзов, а лишь установлением принципа, что необходимо сделать теперь же: следует ли или нет приступать немедленно к организации в той или иной форме красного Интернационала Профсоюзов на основе решений III Интернационала. Для русских профессиональных союзов и их об'единений это уже решенный вопрос. Теперь очередь за профессиональными союзами других стран и прежде всего, конечно, за профессиональными союзами Италии и Англии. Если по этому основному пункту присутствующие не чувствуют себя полномочными и способными притти к определенному решению, то этот вопрос придется передать на обсуждение и решение рабочих масс европейских стран.

Тов. Вильямс оглашает свою декларацию к 1 пункту резолюции *тов. Зиновьева*, которая гласит:

«Настоящее неофициальное совещание революционных руководителей боевого профессионального движения Великобритании, России, Италии, признавая неспособность существующего международного об'единения профсоюзов руководить классовой борьбой и низвергнуть международную буржуазию путем диктатуры пролетариата, настоящим постановляет созвать более полное и представительное совещание революционных работников союзов для учреждения истинного профессионального Интернационала, свободного от какой бы то ни было связи с капиталистической Лигой Наций и от так называемых лидеров рабочего движения, действовавших в роли социал-патриотов и шовинистов в мировой войне и продолжающих вести ту же политику в настоящее время.

Совещание вместе с тем осуждает всякие попытки ухода от существующих союзов, ведущих классовую борьбу, и предлагает всем, стоящим на революционно-классовой точке зрения, упорно и систематически работать в существующих организациях на пользу Коммунистического Интернационала, пользуясь всеми средствами, какими только располагает рабочий класс».

Всеми членами совещания декларация принимается вместо 1 пункта *тов. Зиновьева.*

Тов. Томский предлагает, в виду спешности от'езда английской делегации, окончательную редакцию поручить двум членам итальянской делегации и двум — русским из числа присутствующих, на что *тов. Вильямс,* со своей стороны, и *тов. Персель* дают полное согласие.

Предложение *тов. Томского* принимается. Совещание Согласительной Редакционной Комиссии назначается на следующий день. Этой же Комиссии поручается окончательная редакция и утверждение протокола совещания.

Составление воззваний к профессиональным союзам всех стран, согласно резолюции *тов. Зиновьева,* поручается той же Комиссии.

Заседание заканчивается в 5 часов.

(Из «Отчета Международного Совета Красных Профессиональных и Производственных Союзов». За период от 15 июля 1920 г. до 1 июля 1921 г. Москва, 1921 г.).

Временный Устав Международного Совета Профсоюзов.

I. Название.

Созданное по соглашению между представителями профессиональных союзов разных стран временное международное об'единение будет называться: Временный Международный Совет Профессиональных Рабочих Союзов.

II. Цели.

Временный Международный Совет Профессиональных Рабочих Союзов имеет целью:

1. Вести широкую пропаганду и агитацию идей революционно-классовой борьбы, социальной революции, диктатуры пролетариата и массовых революционных действий с целью низвержения капиталистической системы и буржуазного государства.

2. Бороться против раз'едающей мировое профессиональное движение язвы соглашательства с буржуазией и с надеждой на мирный переход от капитализма к социализму.

3. Сплотить революционно-классовые элементы мирового профессионального движения и повести решительную борьбу против Международного Бюро Труда при Лиге Наций и против программы и тактики Амстердамской Международной Федерации профессиональных союзов.

4. Брать инициативу международных кампаний по поводу выдающихся фактов классовой борьбы, открывать подписку для помощи стачечникам в крупных социальных конфликтах и т. д.

5. Собирать все материалы, цифры и документы, характеризующие международное профессиональное движение, и информировать все входящие в Международный Совет организации о положении дел в разных странах.

6. Издавать книги и брошюры, посвященные вопросам международного профессионального движения.

III. Состав.

В Совет входят по представителю от России, Италии, Испании, Югославии, Болгарии, Франции, Грузии и других организаций, которые примкнут к Международному об'единению профсоюзов. В Совет входит также один представитель Исполнительного Комитета III Коммунистического Интернационала. Совет выбирает Исполнительное Бюро из трех членов, в том числе Генерального Секретаря Совета и представителя в Исполнительный Комитет III Коммунистического Интернационала.

Примечание. Что касается революционных профессиональных организаций, еще не высказавшихся достаточно отчетливо по вопросу о диктатуре пролетариата (Международные «Работники Мира» и др.), то Совет поручает Исполнительному Бюро обратиться к ним с воззванием, с предложением поставить этот вопрос на обсуждение во всех их секциях и пригласить их принять участие в Международной Конференции.

IV. О Бюллетене.

Бюро издает Бюллетень на четырех языках под названием «Бюллетень Временного Международного Совета Профессиональных и Производственных Союзов».

V. О Конференции.

На Международную Конференцию приглашаются только те союзы и союзные меньшинства, которые ведут в своих странах революционно-классовую борьбу и стоят на точке зрения диктатуры пролетариата. На Конференции могут быть представлены национальные профессиональные центры, отдельные профессиональные союзы и Международные Федерации на вышеизложенных основах.

Система представительства на Международной Конференции следующая: национальные центры профсоюзов, отдельные союзы или союзные меньшинства, имеющие менее 500.000 членов, посылают двух делегатов, имеющие свыше 500.000 организованных членов еще по одному. Международное Бюро отдельных производственных или профессиональных союзов посылают по одному делегату с совещательным голосом. Отдельные производственные союзы допускаются на Конференцию только в том случае, если общепрофессиональный центр их страны не участвует на этой Международной Конференции.

VI. Местопребывание.

Впредь до созыва (1 мая 1921 г.) Международного Конгресса, местопребывание Международного Совета будет в г. Москве.

(Из «Отчета Международного Совета Красных Профессиональных и Производственных Союзов». За период от 15 июля 1920 г. до 1 июля 1921 г. Москва, 1921 г.).

Устав Красного Интернационала Профсоюзов.

Введение.

Классовая борьба уже давно достигла такой степени развития и остроты, а буржуазия, несмотря на жестокую конкуренцию на мировом рынке, настолько едина в своей ненависти к пролетарской революции и так сплочена в своей борьбе против малейших попыток пролетариата освободиться от эксплоатации, что для успешного ведения и завершения своей освободительной борьбы рабочий класс должен выступать как революционная классовая сила, не только в национальном, но и в международном масштабе. Эксплоатация международна, и поэтому борьба против нее должна носить международный характер. Все существовавшие до сих пор Интернационалы профсоюзов в лучшем случае представляли собою Международное Статистическое Бюро для взаимной информации. Международный Секретариат профсоюзов до войны был чисто информационной организацией: он себе не ставил никаких боевых классовых задач. Интернационал профсоюзов в Амстердаме еще менее соответствует требованиям эпохи, чем его предшественник. Первый занимался только информацией, а нынешний Интернационал занимается политикой, и скверной, антирабочей буржуазной политикой, — выдвигая идею классового сотрудничества, социального мира

и мирного перехода от капитализма к социализму. Это по существу Интернационал противодействия освободительной борьбе рабочего класса. Интернационалу бессилия, путаницы и прислужничества перед буржуазией, а таковым является желтый Амстердамский Интернационал, необходимо противопоставить Интернационал революционного действия и активности, Интернационал, который вместе с Коминтерном организует рабочий класс для низвержения буржуазии, разрушения буржуазного государства, установления диктатуры пролетариата, захвата орудий и средств производства и водворения коммунизма. Боевой профессиональный Интернационал может быть построен только революционными классовыми союзами, для которых ясна цель и методы оборонительной и наступательной войны против своих классовых врагов. Задача, поставленная историей перед революционными союзами, требует максимальной концентрации сил, неслыханного напряжения и величайшей самоотверженности передовых и сознательных элементов рабочего класса.

I. Название.

Международный Конгресс революционно-классовых профсоюзов, об'единяющий революционно-профессиональные организации всех стран, постановляет создать постоянное международное об'единение революционных профсоюзов, которое будет называться «Красный Интернационал Профсоюзов».

II. Цели.

Красный Интернационал Профсоюзов имеет целью:

1. Организовать широкие массы рабочих во всем мире для низвержения капитализма, освобождения трудящихся от гнета эксплоатации и установления социалистического строя.

2. Вести широкую пропаганду и агитацию идей революционно-классовой борьбы, социальной революции, диктатуры пролетариата и массовых революционных действий с целью низвержения капиталистической системы и буржуазного государства.

3. Бороться против раз'едающей мировое профессиональное движение язвы соглашательства с буржуазией, идеи сотрудничества классов и социального мира и бессмысленных надежд на мирный переход от капитализма к социализму.

4. Сплотить революционно-классовые элементы мирового профессионального движения и повести решительную борьбу против Международного Бюро Труда при Лиге Наций, против Международной Федерации профессиональных союзов в Амстердаме, являющихся благодаря своей программе и тактике опорой международной буржуазии.

5. Координировать и согласовывать борьбу рабочего класса во всех странах и организовывать международные выступления каждый раз, когда это вызывается обстоятельствами.

6. Брать инициативу международных кампаний по поводу выдающихся фактов классовой борьбы, открывать подписку для помощи стачечникам в крупных социальных конфликтах и т. д.

III. Состав.

Членом Красного Интернационала Профсоюзов может быть всякая революционно-классовая экономическая организация, которая принимает нижеследующие условия:

1. Признание принципов революционно-классовой борьбы.

2. Проведение в жизнь этих принципов своей повседневной борьбой с капиталом и буржуазным государством.

3. Признание необходимости низвержения капитализма путем социальной революции и установления для переходного времени диктатуры пролетариата.

4. Признание и подчинение международной пролетарской дисциплине.

5. Признание и проведение в жизнь решений Конгрессов Красного Интернационала Профсоюзов.

6. Разрыв с желтым Амстердамским Интернационалом.

7. Все организации, состоящие членами Красного Профинтерна, осуществляют единство действий согласно данным условиям, со всеми революционными организациями и коммунистической партией страны во всех оборонительных и наступательных действиях против буржуазии.

IV. Международные с'езды.

Верховным органом Красного Интернационала Профсоюзов является Международный с'езд революционно-классовых профсоюзов всех стран. С'езды происходят по возможности не реже одного раза в год. С'езды устанавливают общие принципы, программу, тактику и статуты, выбирают руководящий орган и решают все вопросы, связанные с ориентацией Красного Интернационала Профсоюзов. Экстренные с'езды созываются по постановлению Исполнительного Бюро или по требованию организаций, об'единяющих не менее одной трети членов Красного Интернационала Профсоюзов.

Право представительства на с'ездах имеют все профессиональные и производственные организации, принимающие программу Красного Интернационала Профсоюзов и выполняющие его директивы, при чем представительство организуется на следующих основаниях: национальные об'единения профсоюзов, которые имеют меньше 10 тысяч членов, получают на Конгрессе совещательный голос. Национальные об'единения, имеющие от 5 до 20 тысяч членов посылают 1 представителя с решающим голосом; от 20 до 50 тыс. — 2; от 50 до 150 тыс. — 4; от 150 до 300 тыс. — 6; от 300 до 500 тыс. — 8; от 500 до 700 тыс. — 10; от 700 до одного миллиона — 12. Свыше миллиона каждые следующие 500 тысяч членов имеют *один решающий* голос.

Международные революционно-классовые об'единения по профессиям или производствам имеют на с'езде каждое по два решающих голоса. Организованные меньшинства по странам имеют такое же представительство, при чем все организации страны, примыкающие к Красному Интернационалу Профсоюзов, составляют одну делегацию, внутри которой голоса делятся пропорционально количеству членов соответствующих организаций. Организованные меньшинства или фракции имеют представительство на с'ездах только в том случае, если общепрофессиональное об'единение данной страны не входит в Красный Интернационал Профессиональных Союзов.

V. Органы Красного Интернационала Профсоюзов.

Красный Интернационал Профсоюзов имеет два органа: Центральный Совет и Исполнительное Бюро.

Центральный Совет. Центральный Совет составляется следующим образом:

Национальные об'единения, имеющие от 5 до 50 тыс. членов посылают 1 представителя с решающим голосом; от 50 до 300 тыс. — 2; от 300 до 700 тыс. — 3; от 700 до 2 млн. — 4. Свыше 2 млн. — 6. Международные об'единения по профессиям и производствам посылают в Центральный Совет по 1 представителю с совещательным голосом.

Центральный Совет является руководителем всей работы от с'езда до с'езда; принимает все решения, которые вызываются обстоятельствами; представляет Красный Интернационал Профсоюзов перед всем миром, выступая от его имени; сосредоточивает в своих руках все материалы, документы, касающиеся международного рабочего движения; распоряжается денежными средствами и международным фондом боевой солидарности, издает газеты и журналы на всех языках, — одним словом, является полномочным органом, ведущим всю работу от одного мирового Конгресса до другого.

Центральный Совет собирается не менее двух раз в год, занимаясь, главным образом, установлением и разрешением принципиальных вопросов, возлагая всю текущую работу на Исполнительное Бюро.

Исполнительное Бюро. Исполнительное Бюро избирается на Конгрессе и состоит из 15 членов и составляется из представителей следующих стран: России — 3 члена, Германии — 1, Франции — 1, Англии — 1, Северо-Американских Соединенных Штатов — 1, Италии — 1, Скандинавских стран — 1, Балканских стран — 1, Чехо-Словакии — 1, Испанских стран — 1, Польши — 1, Австралии — 1, Востока — 1.

Избранные члены Исполнительного Бюро могут быть отозваны или заменены заместителями только с согласия Исполнительного Бюро.

Исполнительное Бюро ведет всю работу Красного Интернационала Профсоюзов, оно устанавливает работу отделов и секций, издает официальный орган Красного Интернационала Профсоюзов, представляет Красный Интернационал Профсоюзов и Центральный Совет, там и когда

это нужно, и подготовляет все вопросы для заседания Центрального Совета. Исполнительное Бюро собирается не реже 1 раза в неделю.

VI. Единство действий и единство организации.

Меньшинства общепрофессиональных и национальных центров, принадлежащие к Красному Интернационалу Профсоюзов, отдельные организации, примыкающие к нему, обязаны во всех своих выступлениях согласовать между собою свои действия. В случае, если в какой-нибудь стране Центральное об'единение всех союзов входит в Красный Интернационал, то никакие сепаратные организации в Интернационал войти не могут. Сочувствующие же Красному Интернационалу революционные организации обязаны войти в общепрофессиональное об'единение своей страны.

VII. Денежные средства.

1. Сторонники Профинтерна, которые составляют меньшинство в профсоюзах, не примыкающих к Профинтерну, платят ежемесячный взнос в форме пропаган-маркен.

2. Центр оппозиции, имеющийся в каждой стране, собирает эти членские взносы.

3. 5% общей суммы этих взносов посылаются в Исполнительное Бюро Профинтерна.

4. Национальные об'единения и организации, примыкающие к Профинтерну, платят 1% от всех поступлений членских взносов в местные (локальные) кассы.

VIII. Международный фонд боевой солидарности.

Международный фонд боевой солидарности составляется из особо отчисляемого 1% от общих поступлений в кассы примыкающих к Профинтерну организаций.

Фонд пополняется также и добровольными взносами.

IX. Связь с Международными об'единениями по профессиям и производствам.

Красный Интернационал Профсоюзов включает в свой состав не только общепрофессиональные об'единения по странам, но и Международные об'единения отдельных профессий и производств и Международные комитеты пропаганды. Международные профессиональные и производственные об'единения устанавливают свою связь с Красным Интернационалом Профсоюзов на Международных с'ездах и в Центральном Совете Профинтерна. Все Международные об'единения работают при близком участии и непосредственном контроле и руководстве Исполнительного Бюро Красного Интернационала Профессиональных Союзов. Конференции и с'езды, организуемые Международными комитетами пропаганды, происходят по предварительному соглашению с Исполнительным Бюро Профинтерна.

X. Связь с Коминтерном.

В целях координации борьбы всех революционных организаций Исполнительное Бюро может, если это требуется обстоятельствами:

1. Заключить соглашение с Исполнительным Комитетом III Коммунистического Интернационала.

2. Устраивать совместные заседания с Исполнительным Комитетом III Коммунистического Интернационала для обсуждения важнейших вопросов рабочего движения и для организации совместных выступлений.

3. Выпускать воззвание совместно с Коммунистическим Интернационалом.

XI. Исключение из состава членов.

Организации, примыкающие к Красному Интернационалу Профсоюзов, нарушившие в своей деятельности решения с'ездов и не подчиняющиеся постановлениям Исполнительного органа, могут быть постановлениями Центрального Совета исключены, при чем для исключения требуется не менее двух третей голосов. В случае, если нарушение произведено руководящими органами того или иного об'единения, Центральный Совет Красного Интернационала Профсоюзов должен обратиться к членам этой организации, предложив им на специальной конференции или конгрессе обсудить конфликт, возникший между их руководящим органом и Красным Интернационалом Профсоюзов. Вопрос об исключении ставится на повестку дня Центрального Совета, только после того как национальная конференция или конгресс данной организации выскажется по существу спорного вопроса. Исключенная организация имеет право апеллировать к ближайшему Международному с'езду, который подтверждает или отменяет решение Центрального Совета.

XII. Внутренняя структура.

Красный Интернационал Профсоюзов, имеющий своей целью руководить борьбой пролетариата и информировать своих членов о положении дел в других странах, должен приспособить свой аппарат к выполнению этих задач. В этих целях Центральный Совет развертывает свой аппарат, организуя секции и отделы по мере необходимости.

Для нормального хода работы и тесной связи Красного Интернационала Профсоюзов с профессиональными рабочими организациями других стран, необходимо установить регулярную отчетность принадлежащих к нему организаций и периодические об'езды членами Центрального Совета важнейших стран, особенно в связи с возникающими крупными экономическими конфликтами.

XIII. Журнал, бюллетень и информация.

Красный Интернационал Профсоюзов издает свой орган на четырех языках (французском, немецком, английском и русском) и бюллетень

на тех же языках. Помимо этих двух органов, имеющих задачей, как идейное руководство, так и систематическую информацию, Центральный Совет Красного Интернационала Профсоюзов должен обратить внимание на систему циркулярных писем и об'езды организаций. Все организации, примыкающие к Профинтерну, обязаны за свой счет получать и распространять среди своих членов соответствующее количество экземпляров центрального органа Профинтерна.

XIV. Контрольная Комиссия.

Конгресс Красного Интернационала Профсоюзов выбирает Контрольную Комиссию из 5 лиц, задача которых следить за правильностью прихода и расхода средств, давая систематические отчеты с'ездам.

XV. Местопребывание Красного Интернационала Профсоюзов.

Местопребывание Красного Интернационала Профсоюзов устанавливается Конгрессом. Время и место Конгресса определяется Центральным Советом.

(Взято из «Резолюций и постановлений П. Меж. Кон. Рев. Проф.» Изд. Крас. Профин. Москва. 1922 г.).

Устав Международной Федерации Профессиональных Союзов.

(Амстердамского Интернационала).

1. *Членство.* Международная Федерация Профессиональных Союзов составляется из национальных профсоюзных центров отдельных стран, признающих в своем уставе политику и цели Международной Федерации Профессиональных Союзов.

2. Из каждой страны в Федерацию допускается лишь один национальный центр.

3. Гарантируется автономия профессионального движения каждой отдельной страны.

4. *Местопребывание.* Местопребывание Международной Федерации Профессиональных Союзов — Амстердам.

5. *Цели.* Международная Федерация Профессиональных Союзов имеет своей целью: а) добиться единства международного рабочего класса путем развития международных связей между профессиональными союзами всех стран; б) содействовать развитию международных секретариатов по производствам, принимающих платформу Международной Федерации Профессиональных Союзов; в) содействовать интересам и работе профессионального движения в национальном и международном масштабе; г) вести работу, имеющую интерес, общий для всех профессиональных союзов; д) содействовать развитию международного социального законодательства; е) содействовать классовому образованию рабочих; ж) предупреждение войны и борьбу с реакцией.

6. *Средства для достижения этих целей:* а) Тесное сотрудничество с примыкающими национальными центрами, с международными

секретариатами по производству. б) Сотрудничество с другими организациями, поскольку это в интересах профессионального движения. в) Содействие профсоюзной агитации в примыкающих странах по предложению соответствующего национального центра. г) Содействие профсоюзной агитации в странах, еще не примкнувших к МФП. д) Разрешение конфликтов внутри профессионального движения. е) Составление статистики. ж) Собирание материалов по вопросам о профессиональном движении и о социальном законодательстве. з) Издание журнала и информационных материалов, имеющих значение для профессионального движения. и) Защита интересов рабочих при эмиграции и иммиграции. к) Содействие идее третейского разбирательства и разоружения.

7. *Руководящие органы.* Руководящие органы состоят из Правления и Исполнительного Комитета, обязанных руководствоваться в своей деятельности постановлениями конгрессов Международной Федерации Профессиональных Союзов.

8. *Правление.* Правление состоит из председателя, трех заместителей председателя и трех секретарей. На каждого члена Правления имеется кандидат с правом решающего голоса, а именно в лице члена Исполнительного Комитета, избранного от данной страны или от данной группы стран. Этот кандидат присутствует на заседаниях Правления в тех случаях, когда соответствующий член Правления отсутствует. В том же случае, если член Исполнительного Комитета также не может присутствовать на заседании, то его заместитель в Исполнительном Комитете присутствует на заседании взамен члена Правления.

9. *Исполнительный Комитет.* Исполнительный Комитет состоит из: а) членов Правления, б) одного представителя от нижепоименованных групп стран: 1) Великобритании, Ирландии; 2) Франции; 3) Бельгии, Голландии, Люксембурга; 4) Италии; 5) Испании, Португалии; 6) Австрии, Швейцарии; 7) Германии; 8) Чехо-Словакии и Югославии; 9) Скандинавских стран; 10) Венгрии, Болгарии, Румынии и др. Балканских стран; 11) Польши, Литвы, Латвии и Эстонии; 12) России; 13) Канады и Соединенных Штатов; 14) Латинской Америки; 15) Африки; 16) Азии; 17) Австралии. От групп стран 12—17 еще не избираются представители в Исполнительный Комитет до тех пор, пока не будет принято соответствующее решение. Состав отдельных групп стран регулируется на каждом очередном конгрессе; в) из трех представителей международных секретариатов по производствам.

10. Каждому члену Исполнительного Комитета выбирается кандидат. В случае прекращения отношений какой-либо организации к Международной Федерации Профессиональных Союзов член Правления или Исполнительного Комитета, представляющий эту организацию, автоматически выбывает.

11. *Ревизионная комиссия.* Конгресс избирает ревизионную комиссию для периодической проверки книг и документов Международной Федерации Профессиональных Союзов. Члены этой комиссии, не

входящие в состав Исполнительного Комитета, должны состоять из представителей таких организаций, которые примыкают к МФП в момент ревизии.

12. *Конгресс.* Конгресс составляется из Исполнительного Комитета и представителей примыкающих национальных центров.

13. Все представители национальных центров должны проживать в той стране, которую они представляют, и там быть профессионально организованы.

14. Каждый представленный на Конгрессе национальный центр имеет не менее одного голоса; если же число членов превышает 100.000 — 2 голоса, свыше 150.000 — 3 голоса, свыше 200.000 — 4 голоса, свыше этой цифры до 1.000.000 на каждые полных 200.000 членов по одному голосу, от 1.000.000 до 5.000.000 членов — на каждые полных 500.000 — по 1 голосу, а свыше 5.000.000 на каждый полный 1.000.000 по одному голосу. Дробные доли не принимаются в расчет. В основу исчисления числа членов кладутся очередные членские взносы, поступающие в кассу Международной Федерации Профессиональных Союзов.

15. Голосование на конгрессе производится посредством поднятия рук. По предложению ¼ представленных на Конгрессе голосов должно производиться поименное голосование.

16. *Заседания. Правление.* Правление собирается на заседания не менее 6 раз в год. Во время заседания ведется протокол. Выписки из протокола заседания рассылаются всем членам Исполнительного Комитета и национальным центрам.

17. *Исполнительный Комитет.* Заседания происходят 2 раза в год, но Правление имеет право созыва чрезвычайных заседаний. По предложению $^1/_3$ членов Исполнительного Комитета тоже должно быть созвано заседание. Приглашение и порядок дня очередных заседаний должны быть разосланы членам по крайней мере за месяц до этого. Во время заседания ведется протокол. Выписка из протокола заседания рассылается членам Исполнительного Комитета и национальным центрам.

18. Члены Правления и Исполнительного Комитета получают для участия в заседаниях путевые и суточные из кассы Международной Федерации Профессиональных Союзов.

19. *Конгресс.* Очередной Международный Конгресс профессиональных союзов происходит каждые три года. Но чрезвычайные конгрессы могут быть созваны во всякое время.

20. Исполнительный Комитет определяет время конгресса, а также его место, если это не было сделано на предыдущем конгрессе.

21. Предварительный порядок дня с обозначением времени и места очередного конгресса рассылается примыкающим национальным центрам и международным секретариатам по производству по крайней мере за шесть месяцев до начала конгресса. Правление устанавливает окончательный порядок дня. Окончательный порядок дня вместе с докладами должен быть разослан национальным центрам и международным

секретариатам по производствам по крайней мере за месяц до назначенного срока конгресса.

22. Предложения могут быть внесены лишь примыкающими национальными центрами и конференцией международных секретариатов по производствам.

23. Расходы на делегатов должны нести сами национальные центры.

24. *Задачи Правления.* Правление принимает постановления по всем вопросам, поскольку они не предоставлены исключительно ведению Исполнительного Комитета или конгресса. Но в особенно экстренных случаях оно может вынести постановление по какому угодно вопросу.

25. *Исполнительный Комитет.* В круг задач Исполнительного Комитета входят: а) рассмотрение деятельности Правления; б) рассмотрение программы действия на предстоящее полугодие; в) рассмотрение годового отчета и заслушание отчета избранной конгрессом ревизионной комиссии; г) одобрение финансового плана на предстоящий год; д) разрешение вопроса о приеме или исключении национальных центров; е) созыв конгресса; ж) установление порядка дня профсоюзного конгресса; з) определение окладов секретарей и вознаграждение остальным членам Правления; и) смещение членов Правления за грубое нарушение своих обязанностей, при чем вопрос передается конгрессу для окончательного рассмотрения; к) временное пополнение Правления и при выходе члена Правления из его состава; л) рассмотрение жалоб на поведение и деятельность Правления или его членов.

26. В особых случаях голос может быть подан письменно.

27. *Конгресс.* Конгресс принимает окончательное решение по всем вопросам. Специально в круг его задач входят: а) рассмотрение деятельности Правления и Исполнительного Комитета; б) установление программы действия; в) окончательный разбор жалоб из-за приема и исключения национальных центров; г) установление размера членского взноса; д) изменение устава; е) выборы членов Исполнительного Комитета, Правления и секретарей; ж) выборы трех членов ревизионной комиссии; з) назначение места будущего конгресса.

28. *Ревизионная комиссия.* Ревизионная комиссия производит периодическую проверку книг и документов Международной Федерации Профессиональных Союзов по окончании отчетного года. О результатах этой ревизии комиссия представляет отчет в Исполнительный Комитет. Последний пересылает эти отчеты национальным центрам.

29. *Членские взносы.* Годовой членский взнос равняется 12 голландским гульденам за каждую 1.000 членов. Исчисление взносов производится на основании наличного числа членов в начале года. Взносы уплачиваются отдельными долями по четвертям года.

30. *Выход и исключение.* Добровольный выход из Федерации может состояться лишь в конце календарного года, после предварительного заявления за шесть месяцев до этого. Национальные центры могут быть исключены: а) если они, несмотря на повторные напоминания,

не уплачивают своих членских взносов в представленный им срок; б) если они повинны в грубых нарушениях устава и директив Международной Федерации Профессиональных Союзов.

31. *Особые постановления.* Секретари точно так же, как остальные члены правления, выбираются на происходящем через каждые три года очередном конгрессе и остаются на своих должностях до следующего очередного конгресса. Каждому примыкающему национальному центру предоставляется право предложить своих кандидатов. Члены правления избираются конгрессом путем подачи записок. Тот кандидат, который собрал большинство поданных голосов, считается избранным. Если при первом голосовании ни один кандидат не получит абсолютного большинства, то производится второе голосование тех кандидатов, которые получили наибольшее число голосов. Если же и тогда ни один кандидат не получит абсолютного большинства, то в третий раз голосуются те два кандидата, которые при втором голосовании получили наибольшее количество голосов. Представители групп стран и их заместители в Исполнительном Комитете избираются конгрессом по предложению групп стран. Представители международных секретариатов по производствам и их заместители избираются конгрессом по предложению конференции Правления Международной Федерации Профессиональных Союзов совместно с международными секретариатами по производствам, предшествующей конгрессу.

Декларация Англо-Русской конференции профессиональных союзов.

(Состоялась в Лондоне 6—8 апреля 1925 г.).

«По приглашению Генерального Совета британского конгресса тред-юнионов в помещении Совета, в Лондоне, 6, 7 и 8 апреля 1925 г. состоялась совместная конференция.

Делегатами, представлявшими на конференции профессиональное движение Великобритании и СССР, были нижеследующие лица:

От ВЦСПС.

М. Томский.
Ольга Чернышева.
И. И. Лепсе.
Н. П. Глебов-Авилов.
В. М. Михайлов.
Г. Н. Мельничанский (секретарь).
В. Я. Яроцкий (переводчик-эксперт).

От Генерального Совета британского конгресса тред-юнионов

А. Б. Свейлс.
А. А. Персель.
Г. Бутман.

Дж. Бауэн.
Дж. Гикс.
Э. Паултон.
В. Торн, член парламента.
Б. Тиллет.
Джулия Варли.
Р. Б. Уокер.
Фред Брамли (секретарь).
Джордж Юнг (переводчик-эксперт).

Председательствовал *А. Свейлс,* председатель британского конгресса тред-юнионов.

Совместно принятые на данной конференции выводы и соглашения представляют собой по пути к международному единству самый важный этап из всех, до сих пор пройденных при переговорах между тремя организациями: Амстердамской Интернациональной Федерацией Профессиональных Союзов, Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов и Генеральным Советом британского конгресса тред-юнионов.

Первый важный шаг в этих переговорах был сделан во время международного конгресса профессиональных союзов в Вене в июне 1924 г. На этом конгрессе британские делегаты выступили против предложения Бюро Международной Федерации о прекращении переговоров с профессиональным движением СССР.

После дальнейшей переписки Генеральный Совет Международной Федерации Профессиональных Союзов обсуждал весь вопрос полностью на своем заседании в Астердаме 5—7 февраля 1925 года. Однако, заключительная резолюция данного заседания создала затруднения в деле присоединения профессионального движения СССР к Международной Федерации Профессиональных Союзов. Эти затруднения послужили предметом прямой переписки между М. Томским, председателем Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, и Фредом Брамли, секретарем Генерального Совета британского конгресса тред-юнионов.

Для рассмотрения этих затруднений была созвана данная Лондонская конференция. На этой совместной конференции было представлено свыше 6 миллионов членов профессиональных организаций в Союзе Советских Социалистических Республик и свыше 5 миллионов в Великобритании. Присутствовавшие делегаты взяли на себя, в качестве представителей соответствующих организаций, полную ответственность и попытались на данной конференции притти к таким заключениям, которые больше всего в состоянии привести к реализации принципов международного единства.

После длительных и серьезных дискуссий, переговоров и обмена документами принято было соглашение, которое и будет рекомендовано соответствующими советами профессиональных союзов в СССР и Великобритании.

В своих выводах делегаты вдохновлялись горячим желанием обеспечить национальное и международное единство рабочих всех стран и в нижеследующей декларации они констатируют общее свое мнение относительно нынешнего международного положения и шагов, которые необходимо предпринять для должной защиты интересов рабочего класса.

1. Совместная конференция подтверждает, что национальное и международное единство должно быть признано первым существенным условием, делающим профессиональное движение способным действительно защищать нынешнее положение рабочих от наступления капитала и добиваться осуществления социальных и политических задач организованного труда, изложенного в заявлениях рабочих разных стран.

2. Политическое положение почти во всех так называемых цивилизованных странах характеризуется торжеством реакции и явно возросшей во многих странах мощью об'единенных капиталистических сил.

Это видно по продолжающимся преследованиям руководителей профессионального движения, которые во имя классовых предрассудков предпринимателей ставятся под подозрение, подвергаются преследованиям, заключениям в тюрьмы и даже пыткам со стороны тех, кто стоит у власти.

3. В области хозяйственной и экономической — капиталисты во всех странах создают свой единый фронт, об'единенный фронт эксплоатации рабочих во всем мире. Рабочие же тем временем остаются раз'единенными, а в некоторых странах образовываются враждующие группы. Вместо того, чтобы заняться защитой от капиталистического наступления, они переживают ожесточенные споры и разногласия.

4. Почти в каждой стране вследствие растущей мощи класса капиталистов и отсутствия единства среди рабочих были утеряны преимущества, вырванные ранее в области сокращения продолжительности рабочего дня и повышения заработной платы. Там, где 8-часовой рабочий день не уничтожен, он находится в опасности. Во многих отраслях промышленности продолжительность рабочего дня опять стала равняться 9, 10 и даже большему числу часов. И только в странах, где мощно профессиональное движение, поддерживается уровень продолжительности рабочего дня.

5. Вследствие экономического паралича Европы, вызванного мировой войной, миллионы рабочих оказываются безработными и вместе со своими семьями ввергаются в бездну отчаяния, голода и вырождения. Заработная плата, никогда не являвшаяся достаточной для поддержания достойного уровня существования рабочих, сократилась на 20, 30, а в некоторых случаях даже свыше чем на 40%. Уровень существования рабочих во многих странах теперь ниже довоенного.

6. Надежда на лучшие времена, существовавшая первое время после войны у рабочих, которых бессовестные политиканы уверяли

в том, что в результате понесенных ими, рабочими, жертв наступят лучшие времена, — теперь исчезла и уступила место отчаянию. Обязательства политических деятелей и обещания капиталистов во время войны сразу после ее окончания цинически не выполнялись. Слепая вера, толкавшая рабочих на поддержку соответствующих правительств в мировой катастрофе, в которой рабочий класс насчитывал миллионы убитыми и искалеченными, — разбита. После понесенных ими величайших жертв и исключительных страданий рабочие теперь стоят лицом к лицу с перспективой дальнейшего ухудшения своего существования.

7. Стало ясным, что подготовляется новая война, более страшная, более чудовищная, чем когда-либо переживавшиеся. Изобретаются новые орудия разрушения; химики и выдающиеся ученые Европы посвящают свои знания и искусство делу изобретения новых орудий пыток и разрушения, направленных не только против армии, но и против мирного населения. Тем временем так называемые конференции по разоружению лишь порождают опасные иллюзии. Ими пользуются для того, чтобы обмануть рабочих и убаюкать их фальшивой уверенностью в прочности мира. Но капиталистические политиканы и предприниматели не в состоянии более скрывать тот факт, что усиливаются вооружения — еще более многочисленные, чем раньше, и более смертоубийственные.

8. Есть только одна сила, которая может спасти человечество от повторения еще одной мировой катастрофы. Есть только одна сила, которая в состоянии защитить рабочих всех стран от политического и экономического угнетения и произвола. Есть только одна сила, которая может принести рабочему классу и человечеству свободу, благополучие, счастье и мир. Эта сила — рабочий класс, раз он хорошо организован, надлежаще дисциплинирован, предан своим интересам и полон решимости бороться со всеми, кто противится его полному освобождению и служит помехой ему.

Рабочий класс, раз он будет об'единен в национальном и международном масштабе, явится непреодолимым препятствием капиталистическому угнетению и ненарушимым залогом мира и экономической обеспеченности. Рабочие в состоянии победить всех, кто своими реакционными тенденциями поддерживает разобщенность рабочих.

Покуда существует капиталистическая система, до тех пор остается опасность войны. Безжалостная борьба за верховенство между соперничающими капиталистическими группами в конце концов вызовет, как она вызывала и в прошлом, новый кризис, втягивающий рабочих всего мира в еще одну катастрофическую войну.

По вышеуказанным основаниям представители профессионального движения СССР и Великобритании подтверждают соглашение, заключенное в Москве между представителями организованного труда Великобритании и СССР, для укрепления международной солидарности среди рабочих, как средство более действенного отражения интересов международного мира.

В результате обсуждений на нынешней лондонской конференции и соглашения, достигнутые на ней, намечены совместные шаги, предусмотренные в предложении британской делегации и сводящиеся к тому, чтобы побудить Амстердамский Интернационал искреннее согласиться на немедленный созыв свободной, без всяких предварительных условий, конференции с представителями профессионального движения СССР.

Мы равным образом отмечаем общую нашу решимость поддерживать и сплачивать теснее дружеские отношения между профессиональным движением Великобритании и СССР путем таких совместных действий, какие предусмотрены в прилагаемом плане.

Представители профессионального движения Великобритании и СССР заявляют о своем намерении сделать все от них зависящее, чтобы создать совместными усилиями международное единство. Необходимость и важность международного единства признаются миллионами организованных рабочих во всем мире. Их содействие обеспечено в деле уничтожения расовых предрассудков, искусственных преград и экономических препятствий в интересах развития и укрепления всего рабочего класса. Зная, что единство обеспечивает мощь движения, мы убеждены, что рабочие всех стран, протянув через границу друг другу руки, будут об'единенно работать, чтобы добиться своего освобождения.

Лозунгами, которые должны быть написаны на нашем международном знамени, должны оставаться:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует мировая федерация профессиональных союзов!

Предложения о взаимной помощи Англо-Русской конференции.

Для проведения в жизнь предложений по совместным действиям, в целях обеспечения единства между Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов и Генеральным Советом британского конгресса тред-юнионов, делегаты нынешней конференции делают нижеследующие заявления:

1. Нашей целью является укрепление сотрудничества между Генеральным Советом британского конгресса тред-юнионов и Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов с помощью всяческих мер, которые время от времени необходимо будет принять в интересах укрепления международного единства.

2. В целях этого мы устанавливаем соглашение об обмене между профессиональным движением СССР и Великобритании документами, в том числе и копиями деловых документов профессиональных союзов, дающих представление об уставах и положениях британских союзов, системе государственного страхования, страхования от безработицы, взносах и пособиях, союзной отчетности, системах местной и окружной организации, методах назначения союзных работников

и иной общей информацией или специальными документами, относящимися к строению союзного аппарата и общей политике союзных организаций и контролю.

3. Организовать обмен докладными записками по специальным вопросам, имеющим общий интерес, для совместного обсуждения важных принципов, какие время от времени будут выдвигаться работой.

4. По мере необходимости, стремиться к дальнейшему расширению контакта между обеими странами для развития возможно более тесной взаимной помощи.

5. В целях рассмотрения вопросов, могущих возникнуть в связи с вышеизложенными задачами, и для совместных в особых случаях срочности действий, учреждается об'единенный совещательный комитет профессионального движения Великобритании и СССР в составе председателей и секретарей от каждой организации и по три члена от Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов и Генерального Совета британского конгресса тред-юнионов.

6. Для работы общего аппарата представители Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов выражают свое согласие создать при Центральном Всесоюзном Совете комиссию по внешним сношениям, соответствующую такой же комиссии при Генеральном Совете британского конгресса тред-юнионов.

От Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов:

М. Томский (председатель).
Г. Мельничанский (секретарь).

От Генерального Совета британского конгресса тред-юнионов:

Б. Свейлс (председатель).
Фред Брамли (секретарь).

Лондон, 6—8 апреля 1925 г.

Обращение ВЦСПС к рабочим СССР и Великобритании по поводу Англо-Русского Комитета Единства.

Тревожная международная обстановка, близящаяся опасность войны, бешеное наступление капитала в Англии до сих пор не вызвали никакого сколько бы то ни было решительного выступления со стороны Англо-Русского Комитета. Между тем, АРК был основан для борьбы против наступления капитала, борьбы за единство мирового профдвижения и борьбы против империалистической войны. На попытку ВЦСПС созвать АРК в Берлине (июнь 1927 г.) Генеральный Совет тред-юнионов ответил тактикой увиливания, оттяжек и саботажа. Поэтому ВЦСПС считает своим прямым пролетарским долгом обратиться к рабочим Великобритании и СССР с нижеследующей декларацией.

ВЦСПС считал и считает, что в настоящее время Англо-Русский Комитет, как орган, созданный рабочим движением обеих стран на платформе борьбы против экономического наступления капитала, борьбы против империалистической войны, борьбы за единство международного профдвижения, не только может, но обязан собраться, обсудить положение и выступить со всем своим авторитетом в защиту мира и против подготовки войны. Молчать, быть бездеятельным в такое время со стороны Англо-Русского Комитета было бы преступлением перед рабочим классом. Таково наше глубокое убеждение. В духе этого убеждения ВЦСПС делал недвусмысленные и неоднократные предложения Генеральному Совету тред-юнионов, как это явствует из опубликованной переписки с Генсоветом и из фактов предварительного совещания в Берлине представителей ВЦСПС тт. Томского и Мельничанского и представителей Генерального Совета Хикса и Ситрина.

Однако, Генеральный Совет тред-юнионов явно уклоняется от созыва АРК, под разными предлогами оттягивает его созыв, систематически избегает ставить на обсуждение АРК важнейшие вопросы, волнующие как советских, так и английских рабочих.

ВЦСПС в своей переписке с Генсоветом по вопросу о созыве АРК исчерпал весь арсенал методов нормального воздействия на вождей Генсовета с целью убедить их созвать АРК и тем самым выполнить прямые обязательства, взятые на себя АРК перед рабочими обеих стран. ВЦСПС не может скрыть перед рабочими обеих стран того обстоятельства, что упорное нежелание со стороны Генсовета созвать АРК может быть понято только, как выражение сознательно проводимой политики срыва АРК, что по существу является подтверждением опасения, высказанного VII С'ездом Профессиональных Союзов СССР. VII С'езд Профсоюзов СССР считал правильным отклонение со стороны ВЦСПС линии на срыв АРК. В то же время с'езд «не мог» не отметить намечающейся опасности срыва Англо-Русского Комитета со стороны вождей Генсовета.

Англо-Русский Комитет Единства есть организация, являющаяся представительством рабочего профдвижения обеих стран. Самый факт появления такой организации выражал укрепление связи и дружбы пролетариата Англии и пролетариата СССР. Образование Англо-Русского Комитета означало несомненный шаг вперед по пути международного пролетарского единства. АРК должен был явиться центром мобилизации пролетарских организаций, независимо от их принадлежности к тому или иному профсоюзному интернационалу, на базе указанных выше элементарных предпосылок классовой политики.

Об'единяя крупнейшие в мире профдвижения, а именно профдвижение Англии и СССР, АРК мог стать и должен был стать важным фактором международной пролетарской классовой борьбы, к чему и были направлены все усилия профсоюзов СССР и его руководящего органа — ВЦСПС. В своей работе представители ВЦСПС неизменно

проявляли широкую инициативу, стараясь всемерно, всеми доступными им средствами, активизировать деятельность АРК.

Но последовательно классовая пролетарская инициатива ВЦСПС систематически наталкивалась на попытки саботажа, сопротивления, оттяжек и проволочек с английской стороны, т.-е. со стороны Генсовета тред-юнионов.

Рабочие СССР с величайшими симпатиями следили за борьбой английских рабочих против капиталистов, против угольных баронов, против чугунных, стальных, железнодорожных магнатов. От имени рабочих СССР ВЦСПС предложил братскую помощь участникам английской всеобщей забастовки в мае прошлого года. Между тем Генеральный Совет отказался от помощи рабочих СССР и тем помог капиталистам быстро разгромить всеобщую стачку. Генсовет саботировал созыв АРК во время мужественной борьбы британских углекопов против шахтовладельцев, т.-е. тогда, когда созыв АРК мог сыграть в деле интернациональной помощи горнякам огромную роль. В то время как рабочие СССР, напрягая все усилия, делали все возможное для помощи бастующим братьям-горнякам, Генсовет изолировал горняков и тем самым на деле помог шахтовладельцам выиграть сражение.

Принял ли Генеральный Совет меры для того, чтобы собрать пролетарские силы воедино против наступающего по всему фронту капитала, чтобы усилить классовый отпор английских рабочих, чтобы использовать самых смелых и решительных бойцов на передовых позициях борьбы?.. Нет. Он поступал наоборот, исключая из профсоюзов сторонников «движения меньшинства» и коммунистов. Сделал ли что-либо Генсовет, чтобы использовать в целях помощи английскому пролетариату, атакуемому по всей линии капиталистами, международный авторитет АРК?.. Ничего этого Генсовет не сделал. При содействии и попустительстве правых и «левых» лидеров Генсовета английский рабочий класс был зажат в тиски жандармского «закона о тред-юнионах», фашистского билля, нагло обворовавшего минимальные права английских рабочих.

Решился ли Генеральный Совет на сколько-нибудь серьезные шаги для того, чтобы воспрепятствовать палаческому наступлению английского империализма на китайскую революцию, помешать отправке военных сил империализма в китайские порты, чтобы не допустить союза английской военщины и душегубов в роде Чжан Цзолина?.. Нет, Генеральный Совет этого не сделал.

Осудил ли Генеральный Совет вызывающую ноту Чемберлена правительству СССР, — теперь всему миру ясно, что эта нота была лишь трамплином для разрыва англо-советских отношений?.. Вмешался ли Генсовет при нападении на Аркос, сделал ли он что-нибудь в целях прекращения работы хиксовских громил?.. Созвал ли он АРК в дни англо-советского разрыва?.. Нет, ничего этого Генеральный Совет не сделал и не считал, видимо, нужным сделать.

Такая политика Генерального Совета была фактически направлена *на срыв* Англо-Русского Комитета, на ликвидацию его, как действующего органа английского и советского пролетариата. Напротив, вся политика ВЦСПС была направлена *на сохранение* АРК и на его *наибольшую активизацию*. Делегация ВЦСПС в целом ряде вопросов сознательно шла на уступки делегации Генсовета. Делегация ВЦСПС считала, что, не отказываясь от критики неправильных действий Генсовета, ей следует делать все возможное, чтобы сохранить АРК для совместных действий советского и британского пролетариата. Делегация ВЦСПС считала и считает, что ликвидация АРК принесла бы вред борьбе за единство мирового профдвижения, что она лишь лила бы воду на мельницу раскольнической политики лидеров Амстердамского Интернационала; что следует особенно теперь, когда английское консервативное правительство перешло в решительное наступление на пролетариат и разорвало англо-советские отношения, охранять каждую возможность связи между пролетариатом СССР и пролетариатом Англии. Вот почему ВЦСПС, открыто критикуя политику Генсовета, шел на уступки даже в ряде важнейших вопросов, обсуждавшихся в последнее время на заседаниях АРК.

Признавая вредным для дела борьбы за международное рабочее единство разрыв АРК, ВЦСПС считает в настоящий момент прямой или замаскированный взрыв АРК со стороны лидеров Генсовета равносильным прямой измене классовым интересам пролетариата и предательством в отношении рабочих СССР.

Между тем фактическим единственным политическим ответом со стороны Генсовета на предложение ВЦСПС созвать АРК и обсудить на нем важнейшие вопросы пролетарской борьбы была телеграмма протеста против репрессии пролетарского государства над шпионами-белогвардейцами, поднявшими меч террора против пролетарской диктатуры. Вынесение Генеральным Советом резолюции, осуждающей расстрел явных и закоренелых врагов рабочего класса, террористов и поджигателей, стрелявших из-за угла в представителей пролетарской власти, активно готовящих реставрацию ненавистного рабочим и крестьянам СССР старого строя, является по существу дела прямым издевательством над рабочими и трудящимися крестьянами СССР и позорным присоединением вождей Генсовета к кампании против СССР, поднятой буржуазной продажной прессой. Не сказать ни слова о военной опасности, не сказать рабочим правды о значении англо-советского разрыва, не пригвоздить к позорному столбу внешней политики Остина Чемберлена, готовящего истребление миллионов людей, уклониться от созыва АРК и в то же время солидаризироваться со всей черной сотней по вопросу о так называемом «красном терроре», — такова установка Генерального Совета *на деле*. Такую тактику иначе как предательской, направленной на срыв АРК, считать нельзя.

От имени 10 миллионов организованных пролетариев Советского Союза ВЦСПС считает своей прямой обязанностью во всеуслышание

заявить об опасностях, угрожающих миру. ВЦСПС считает, что все рабочие и все их честные представители со всей решительностью, суровостью и беспощадностью должны заклеймить преступную, погромную, нагло-вызывающую политику консервативного правительства Болдуина, Чемберлена, правительства налетчиков (Пекин, Лондон), узурпаторов профсоюзных прав (билль стачколомов), реставраторов средневековья (подготовляющаяся «реформа» палаты лордов), интриганов-провокаторов новой бойни. Только слепой может не видеть, что Англия готовит войну против СССР, договаривается с фашистом Муссолини, мобилизует темные силы, вербует союзников, жаждет повторения ужасов интервенции, хочет для СССР новой блокады, разрухи, новых тягостей для государства свободных рабочих и крестьян. Только предатель пролетарского дела может в какой бы то ни было степени оправдать такую политику перед лицом угрожающей военной опасности. Осуществлению чудовищного плана разгрома китайской революции и кровавого похода на СССР следует помешать во что бы то ни стало. Борьба с военной опасностью есть безусловная обязанность и английского и всего международного пролетариата. Войне надо помешать. Допустить, чтобы пролетариат был застигнут врасплох, нельзя. Все меры нужно принять в целях контр-мобилизации пролетариата в ответ на мобилизацию империалистической реакции.

ВЦСПС повторяет, что он считает абсолютно нетерпимым, если бы в такой острый момент не реагировал, молчал, был обречен на бездействие Англо-Русский Комитет. Возвысить свой голос против военной опасности и против реакции в Англии АРК не только может, но и должен. АРК должен быть одним из центров мобилизации пролетарского общественного мнения, он должен поставить в порядке дня вопросы *практических мер* борьбы с империалистической войной и наступлением капитала.

Возлагая всю ответственность за политику саботажа по отношению к АРК на Генсовет, ВЦСПС призывает всех английских и советских рабочих к самой энергичной борьбе за действительную пролетарскую солидарность, за действительную борьбу против капитала, за настоящий отпор поджигателям империалистской войны.

Единым пролетарским фронтом против капитала!

На борьбу с империалистической реакцией!

Пролетарии, на борьбу с опасностью войны!

ВЦСПС.

Указатели.

Предметный указатель.

Австрийская рабочая делегация в СССР (1927 г.) — 295, 296, 483.
Автрийские профсоюзы — 219, 295, 296, 483, 484.
Амальгамированное общество механиков — 138.
Американская Федерация Труда — 29, 42, 56, 283, 378, 473.
Американское профдвижение — 12, 18, 29, 42, 56, 183, 186, 187, 238, 244, 254, 280, 282, 283, 289, 378, 401, 473.
Амстердамская Конференция профессиональных союзов — 14, 16, 17, 18, 22, 23, 31, 32, 33, 35, 40, 41, 42, 43, 53, 54, 68, 70, 81.
Амстердамский Интернационал (Амстердам) — 22, 23, 24, 33, 35, 37, 38, 39, 48, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 59, 64, 65, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 83, 85, 87, 88, 90, 91, 96, 101, 102, 103, 108, 113, 122, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 168, 169, 172, 183, 193, 195, 197, 201, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 219, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 233, 238, 241, 242, 243, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 258, 259, 260, 264, 273, 274, 275, 276, 280, 281, 283, 284, 292, 293, 298, 299, 300, 301, 318, 333, 340, 341, 344, 345, 359, 361, 362, 363, 365, 374, 377, 378, 409, 410, 447, 449, 460, 463, 470, 471, 472, 473, 500, 501.
Английская делегация на Англо-Русской конференции — 251, 254, 266.
Английская делегация на II Конгрессе Коминтерна — 21, 34, 44, 62, 69, 70.
Английская делегация на VI С'езде Профсоюзов СССР — 192, 197, 228, 246, 247, 268, 269, 270, 467, 474, 480.
Английская компартия — 96.
Английская Независимая Рабочая партия — 179, 463, 479.
Английская Рабочая партия — 164, 179, 180, 181, 182, 183, 195, 198, 199, 203, 257, 265, 272, 327, 328, 383, 417, 418, 459, 479.
Английские горняки (углекопы) — 341, 369, 371, 373, 374, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 394, 397, 398, 399, 400, 403, 406, 407, 409, 412, 413, 417, 430, 431, 449, 460, 461, 465, 469, 470, 475, 476, 477, 479, 482, 483, 490, 491, 500, 501.
Английское правительство — 47, 88, 142, 145, 176, 178, 179, 183, 184, 229, 235, 243, 257, 272, 279, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 330, 331, 332, 334, 335, 336, 340, 376, 377, 378, 379, 380, 382, 383, 390, 391, 398, 401, 403, 404, 415, 418, 422, 431, 432, 436, 442, 451, 458, 461, 477, 478, 481, 482.

Английское профдвижение — 28, 33, 37, 45, 47, 88, 97, 98, 122, 138, 139, 142, 146, 150, 159, 162, 167, 168, 182, 183, 186, 192, 193, 198, 203, 207, 210, 211, 212, 214, 217, 218, 219, 220, 226, 227, 229, 230, 232, 241, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 250, 251, 255, 259, 260, 265, 266, 267, 268, 269, 271, 272, 280, 281, 282, 284, 285, 286, 288, 289, 290, 293, 295, 300, 305, 323, 324, 325, 338, 341, 344, 364, 367, 369, 371, 372, 373, 374, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 412, 415, 416, 417, 418, 419, 430, 431, 449, 450, 451, 452, 460, 461, 469, 470, 475, 476, 477, 478, 479, 482, 483, 490, 491, 500, 501.

Английское рабочее движение — 20, 21, 24, 28, 33, 37, 45, 47, 48, 70, 79, 88, 96, 97, 98, 122, 138, 139, 142, 146, 147, 150, 154, 157, 159, 162, 164, 166, 167, 169, 170, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 192, 195, 197, 198, 199, 203, 207, 210, 211, 212, 214, 217, 218, 219, 220, 226, 229, 230, 232, 238, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 257, 258, 259, 260, 265, 266, 267, 268, 269, 272, 280, 281, 285, 288, 289, 290, 293, 295, 300, 305, 323, 324, 325, 327, 328, 338, 341, 344, 345, 367, 369, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 412, 415, 416, 417, 418, 419, 430, 431, 433, 449, 450, 451, 452, 459, 460, 461, 469, 470, 475, 476, 477, 478, 479, 482, 483, 490, 491, 500, 501.

Англо-Русская конференция (в Лондоне, 1924 г.) — 140, 142, 143, 145, 146, 147, 181, 232, 233, 247, 248, 249, 250, 251, 253, 256, 258, 259, 260, 261, 264, 267, 270, 271, 272, 275, 277, 278, 286, 291, 293, 300, 358, 390, 447, 451, 464, 467.

Англо-Русский Комитет — 203, 204, 208, 213, 229, 251, 260, 262, 263, 265, 275, 276, 286, 290, 291, 292, 293, 298, 300, 341, 342, 343, 344, 345, 363, 364, 365, 370, 371, 372, 373, 379, 388, 395, 397, 398, 403, 410, 412, 413, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 463, 464, 465, 466, 467, 474, 479, 480, 481.

Англо-советский договор — 183, 184.

Аполитизм — 29, 30, 62.

Балканский вопрос — 203.

Безработица — 89, 216, 252, 292, 347, 391, 475.

Белогвардейцы — 34, 186, 224.

Берлинский Совет профсоюзов — 57, 66, 67.

Берлинское отделение союза металлистов — 57, 59, 67.

Берлинское совещание Англо-Русского Комитета (март 1927 г.) — 449, 450, 452, 454, 459, 464.

Бернская конференция профсоюзов (1917 г.) — 16, 17, 31, 40, 41, 52, 53, 81, 219.

Бернская конференция (1918 г.) — 53, 234.

Блокада — 41, 80, 94, 141, 234, 237, 269, 357, 437, 438, 439, 441.

Болгарская с.-д. партия — 132.
Большевики — 33, 57, 77, 84, 101, 109, 153, 244, 260, 262, 264, 308, 309, 310, 311, 315, 421, 434, 436, 439, 440, 462.
Борьба за власть — 40, 331.
Борьба классовая (см. Классовая борьба).
Борьба политическая (см. Политическая борьба).
Борьба экономическая (см. Экономическая борьба).
Брестский мир — 8, 77, 99, 134, 223, 224.
Буржуазия — 7, 8, 11, 14, 16, 17, 18, 29, 31, 34, 35, 41, 45, 47, 48, 57, 65, 77, 78, 83, 85, 90, 98, 99, 107, 122, 124, 128, 129, 130, 132, 133, 135, 136, 149, 165, 173, 174, 176, 178, 182, 184, 186, 198, 199, 203, 224, 228, 246, 250, 256, 259, 262, 263, 302, 328, 330, 334, 338, 344, 349, 355, 356, 360, 361, 370, 373, 376, 378, 383, 385, 386, 390, 391, 392, 401, 402, 403, 405, 406, 407, 417, 419, 421, 422, 426, 427, 431, 433, 436, 438, 443, 461, 462, 463, 467, 469, 471, 472, 474, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 484, 490, 491, 493, 494, 495, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503.
Буржуазная печать (пресса) — 100, 101, 140, 224, 226, 238, 246, 247, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 269, 280, 285, 290, 327, 338, 355, 361, 376, 383, 384, 385, 386, 393, 407, 410, 429, 435, 449, 461, 462, 470, 481, 483, 495, 496.
Буржуазное общество — 26, 28, 30, 59, 75, 85, 119, 124, 132, 177, 226, 258, 276, 282, 283, 307, 308, 421.
Буржуазные государства — 11, 15, 31, 40, 41, 47, 61, 80, 88, 94, 115, 118, 119, 132, 142, 145, 173, 176, 178, 179, 183, 184, 193, 202, 216, 219, 224, 225, 229, 233, 235, 243, 250, 257, 272, 279, 323, 324, 325, 326, 328, 307, 329, 330, 331, 332, 334, 335, 336, 340, 349, 354, 355, 356, 376, 377, 378, 379, 380, 382, 383, 390, 391, 398, 401, 403, 404, 415, 417, 418, 422, 431, 432, 434, 435, 436, 442, 451, 458, 461, 477, 478, 481, 482, 499, 502.
Бюро Труда при Лиге Наций — 32, 33, 42, 43, 54, 80, 82, 83, 90, 156, 219, 233, 471, 472, 494.
Бюро по созыву международной конференции профессиональных союзов — 35, 45.

Валюта падающая (см. Падающая валюта).
Венский конгресс Амстердамского Интернационала — 169, 172, 193, 204, 207, 210, 211, 220, 241, 242.
Версальский мир (мирный договор) — 16, 99, 111, 124, 125, 126, 165, 175, 237, 271, 364, 471, 486.
Взаимоотношения профсоюзов и государства — 346, 347, 349, 350.
Взимоотношения профсоюзов и партии — 306, 312, 346.
Виза на в'езд в Англию — 376, 377, 378, 400, 401, 456.
ВКП(б) — 63, 64, 65, 84, 92, 96, 196, 346, 347.
Внешний рынок — 136, 143.
Внутренний рынок — 322.

Война — 7, 12, 16, 31, 35, 36, 40, 41, 47, 52, 53, 64, 65, 70, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 85, 97, 99, 100, 101, 107, 109, 110, 111, 123, 124, 125, 127, 134, 135, 137, 141, 142, 143, 145, 149, 163, 164, 165, 166, 167, 171, 172, 175, 176, 178, 181, 186, 187, 189, 190, 193, 195, 201, 202, 203, 206, 216, 217, 218, 219, 227, 231, 233, 235, 236, 237, 240, 249, 250, 259, 266, 269, 272, 273, 284, 330, 342, 357, 358, 360, 364, 379, 403, 406, 413, 415, 416, 420, 422, 426, 431, 432, 433, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 444, 445, 447, 450, 456, 457, 458, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 471, 472, 479, 480, 482, 483, 484, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503.
Война гражданская (см. Гражданская война).
Война империалистическая (см. Империалистическая война 1914 — 1918 гг.).
Вооруженное восстание — 131, 133, 134, 141, 149, 186, 425.
Восстановление хозяйства — 26, 116.
Восточное Бюро (профсоюзов) — 72.
Восьмичасовой рабочий день — 40, 85, 86, 178, 231, 235, 357, 400.
Временный Международный Совет Профессиональных Союзов — 35, 36, 45, 46, 48, 50, 57, 63, 74, 87, 88, 102, 103, 106.
Всеобщая забастовка в Лондоне — 319, 320, 321, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 348, 356, 359, 360, 361, 365, 367, 369, 370, 371, 372, 377, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 389, 392, 393, 394, 395, 396, 404, 405, 406, 409, 412, 417, 446, 450, 460, 470, 471.
Всеобщая Конфедерация Труда — 22, 70, 229, 291, 292.
Всесоюзный союз горнорабочих — 345.
Всесоюзный союз деревообделочников — 74, 194.
Всесоюзный союз железнодорожников — 119, 352.
Всесоюзный союз металлистов — 90, 119, 172, 173, 194.
Всесоюзный союз пищевиков — 113, 119, 221.
Всесоюзный союз работников искусств — 26, 27.
Всесоюзный союз работников нарсвязи — 119.
Всесоюзный союз работников просвещения — 25, 26, 27, 37.
Всесоюзный союз совторгслужащих — 119, 153.
Всесоюзный союз текстильщиков — 173, 194, 244.
Всесоюзный союз транспортников — 75, 76, 345, 393.
Всесоюзный союз химиков — 22, 70.
Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) — 8, 11, 19, 22, 25, 32, 39, 43, 52, 54, 55, 59, 63, 65, 67, 68, 74, 76, 80, 90, 92, 95, 116, 123, 144, 169, 210, 211, 212, 213, 214, 220, 224, 255, 262, 266, 267, 268, 279, 284, 293, 295, 298, 315, 319, 320, 335, 345, 346, 347, 352, 364, 367, 369, 370, 371, 373, 395, 397, 412, 446, 447, 448, 449, 451, 454, 455, 457, 458, 472, 473, 474.
Второй Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов — 22.
Второй Всероссийский С'езд работников просвещения — 37.

Второй Всероссийский С'езд рабочих местного транспорта — 74, 76.
Второй Интернационал — 24, 30, 35, 36, 38, 45, 50, 65, 462, 463, 482, 497, 500, 501.
Второй Конгресс III Интернационала (Коминтерна) — 34, 46, 91, 92.

Гаагская конференция — 486, 493.
Гарантийный пакт — 271, 292.
Генеральная Комиссия профсоюзов Германии — 55, 67.
Генеральная Конфедерация Труда (см. Всеобщая Конфедерация Труда).
Генеральный Совет Международной Федерации Профсоюзов — 218, 223, 243, 247, 249, 250.
Генеральный Совет (Генсовет) тред-юнионов Англии — 139, 145, 172, 179, 244, 247, 251, 260, 265, 275, 278, 280, 284, 286, 287, 289, 291.
Германская Коммунистическая партия — 58, 176, 177.
Германская рабочая делегация в СССР, первая, в 1926 г. — 269, 270, 295, 305, 306, 346.
Германская рабочая делегация в СССР, вторая, в 1927 г. — 438, 467, 468, 470, 473, 474.
Германская революция — 125, 155, 176.
Германская социал-демократическая партия — 15, 130, 131, 132, 133, 135, 177, 210, 236, 239.
Германские независимые с.-д. — 15, 132.
Германский Генеральный Совет профсоюзов — 228.
Германский рабочий класс — 126, 127, 166, 167, 169, 176, 177, 178, 237, 251, 271, 322, 501.
Германское правительство — 229, 251.
Германское профессиональное движение — 15, 29, 30, 33, 40, 49, 55, 56, 57, 58, 67, 103, 114, 129, 130, 218, 228, 247, 258, 322, 347, 354, 481.
Германское рабочее движение — 15, 29, 30, 33, 40, 49, 50, 55, 56, 57, 58, 67, 103, 114, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 135, 166, 167, 169, 176, 177, 178, 218, 228, 237, 247, 251, 258, 271, 322, 347, 354, 481, 501.
Героизм рабочего класса — 174, 252, 419, 476.
Голландские профсоюзы — 250.
Голод — 7, 115, 126, 127, 172, 235, 352, 357, 358, 439.
Государственное нормирование зарплаты — 172.
Государство — 7, 8, 10, 11, 15, 19, 31, 40, 41, 45, 46, 47, 60, 61, 75, 76, 78, 80, 88, 94, 99, 109, 110, 115, 117, 118, 119, 125, 126, 127, 130, 132, 134, 135, 142, 144, 145, 146, 167, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 179, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 193, 194, 195, 198, 199, 202, 206, 216, 219, 223, 224, 225, 229, 233, 234, 235, 243, 248, 250, 251, 252, 253, 257, 268, 272, 276, 279, 295, 307, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 339, 340, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 363, 376, 377, 378, 379, 380, 382, 383, 385, 390, 391, 398, 399, 401, 403, 404, 415, 417, 418, 420, 422, 423, 427, 428, 431, 432, 434, 435, 436, 437, 439, 440, 441, 442, 444, 451, 458, 461, 470, 472, 477, 478, 481, 482, 483, 497, 499, 502.

Гражданская война — 7, 45, 78, 127, 141, 186, 235, 276, 357, 420, 499, 501, 502.
Групповые интересы — 75, 353.

Датские профсоюзы — 362.
Декрет об отмене 7-часового рабочего дня в английских шахтах — 390.
Делегаты (профсоюзные) — 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 244, 245, 287, 374, 377.
Демократизм и демократия — 47, 163, 164, 356, 357, 374, 376, 377, 379, 383, 385, 390, 400, 404, 418.
Демократия рабочая (см. Рабочая демократия).
Диктатура буржуазии — 135, 391, 404.
Диктатура пролетариата (рабочего класса) — 20, 21, 23, 41, 43, 44, 47, 49, 61, 70, 75, 92, 96, 99, 100, 101, 102, 108, 109, 113, 114, 115, 118, 120, 135, 194, 195, 343, 347, 350, 351, 420, 421, 431.
Дисциплина союзная (см. Союзная дисциплина).
Довоенные долги — 142, 143, 184, 185, 186, 187, 198.

Единство профессионального движения — 83, 114, 115, 148, 149, 151, 152, 157, 158, 159, 160, 169, 194, 201, 204, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 220, 222, 223, 229, 230, 241, 247, 249, 251, 253, 254, 257, 258, 262, 263, 265, 266, 267, 268, 271, 274, 275, 278, 279, 283, 286, 290, 292, 294, 296, 298, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 318, 342, 344, 345, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 380, 408, 409, 447, 450, 460, 465, 466, 479, 480, 481, 482, 500.
Единство рабочего движения — 17, 121, 123, 162, 168, 169, 170, 183, 193, 195, 197, 201, 203, 205, 208, 209, 210, 211, 214, 215, 217, 218, 220, 222, 223, 224, 232, 242, 243, 248, 256, 262, 263, 265, 266, 267, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 277, 279, 283, 286, 293, 295, 296, 304, 305, 345, 359, 366, 367, 369, 371, 408, 409, 413, 450, 465, 466, 480, 481.
Единый фронт профессионального движения (см. Единство профессионального движения).

Железнодорожники (см. Всесоюзный союз железнодорожников).
«Желтые» союзы — 45.
«Желтый» Интернационал (см. Второй Интернационал).

Забастовки — 33, 43, 47, 60, 61, 65, 67, 78, 79, 88, 89, 112, 123, 131, 133, 136, 150, 172, 182, 237, 240, 250, 264, 271, 305, 316, 319, 320, 321, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 348, 352, 353, 360, 370, 376, 377, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 390, 391, 393, 394, 395, 398, 399, 400, 403, 404, 405, 406, 409, 410, 412, 416, 417, 418, 419, 430, 449, 454, 460, 470, 476, 477, 500.
Заводские комитеты (см. Фабрично-заводские комитеты).
Задачи коммунистов в профдвижении — 298, 302, 303, 304.
Задачи международного рабочего движения — 381.
Задачи профессиональных союзов — 13, 25, 26, 27, 36, 39, 40, 45, 48, 51, 52, 53, 63, 87, 96, 102, 109, 118, 119, 120, 137, 187, 188, 191, 192, 219.

Задачи рабочего класса — 41, 43, 62, 89, 102, 104, 118, 135, 195, 196, 217, 294, 316, 420.
Займы — 183, 184, 185, 186, 187, 188, 428, 429, 477.
Заработная плата (зарплата) — 13, 85, 111, 112, 113, 114, 122, 127, 150, 151, 166, 172, 177, 178, 189, 216, 237, 245, 252, 271, 283, 308, 321, 322, 323, 324, 329, 337, 341, 343, 357, 369, 390, 394, 398, 400, 407, 408, 430, 469.
Захват власти — 62, 105, 107, 119, 124, 146, 176, 177, 349, 356, 489.
Защитительные пошлины — 180.

Иммиграция (рабочих) — 283.
Империализм — 7, 8, 9, 10, 11, 12, 19, 21, 42, 43, 77, 78, 83, 101, 110, 112, 117, 123, 124, 166, 196, 209, 231, 237, 254, 287, 388, 415, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 431, 432, 433, 443, 450, 466, 468, 471, 472, 486, 487, 488, 489, 490, 495, 496, 498, 499, 500, 501, 502, 503.
Империалистическая война (1914 — 1918 гг.) — 12, 16, 31, 40, 52, 77, 80, 99, 100, 107, 109, 111, 125, 127, 141, 142, 143, 163, 164, 165, 166, 171, 172, 175, 176, 178, 189, 190, 201, 202, 216, 231, 233, 236, 237, 357, 364, 406, 431, 433, 442, 447, 462, 471, 472, 480, 486, 487, 488, 492, 493, 498.
Индустриализация — 29, 487.
«Индустриальные Работники Мира» — 23, 29, 60, 61, 62, 66, 71, 93.
Индустриальные союзы (см. Производственные союзы).
Иностранный кредит — 141.
Интенсивность труда — 191.
Интервенция — 115, 116, 117, 134, 141, 142, 165, 186, 217, 235, 252, 269, 357, 358, 422, 491.
Интересы рабочего класса — 27, 32, 42, 43, 74, 75, 80, 91, 135, 157, 158, 163, 168, 169, 190, 197, 201, 203, 221, 231, 233, 240, 241, 267, 314, 336, 350, 351, 352, 366, 386, 389, 392, 400, 407, 409, 411, 444, 449, 469, 475.
Интересы экономические (см. Экономические интересы).
Интернационал Амстердамский (см. Амстердамский Интернационал).
Интернационал анархистов — 359.
Интернационал Коммунистический (см. Коммунистический Интернационал).
Интернациональное об'единение предпринимателей в угольной промышленности — 151.
Ирландские железнодорожники — 33.
Исполнительное Бюро (исполком) Амстердамского Интернационала — 90, 210, 211, 258.
Итальянская рабочая делегация в СССР — 34, 44, 122.
Итальянская Федерация Труда — 35, 46, 57, 63, 122.
Итальянское рабочее движение — 23, 35, 46, 57, 63, 72, 122.
Итальянские профсоюзы — 72, 122.
Итальянский пролетариат — 23.

Капитализм — 4, 11, 14, 15, 18, 21, 24, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 36, 37, 42, 44, 48, 49, 53, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 96, 97, 99, 100, 101, 104,

106, 107, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 120, 121, 122, 124, 125, 126, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 151, 163, 164, 166, 172, 173, 175, 176, 178, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 192, 193, 196, 199, 200, 201, 202, 203, 205, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 224, 227, 228, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 243, 245, 252, 253, 254, 263, 265, 271, 272, 273, 277, 282, 284, 285, 292, 302, 303, 318, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 337, 338, 339, 340, 341, 343, 345, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 369, 370, 371, 373, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 398, 399, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 419, 420, 421, 422, 423, 425, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 447, 449, 451, 460, 462, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 489, 490, 491, 493, 494, 495, 496, 497, 499, 500, 502, 503.

Капиталистические государства (см. Буржуазные государства).

Катэдер-социалисты — 40.

Китайская революция — 427, 428, 443, 449, 461, 483.

Китайский вопрос — 423, 424, 425, 449, 490.

Классовая борьба — 12, 14, 35, 38, 43, 49, 61, 75, 78, 80, 82, 84, 86, 89, 97, 100, 101, 104, 107, 152, 153, 154, 163, 168, 173, 179, 201, 205, 206, 207, 218, 221, 228, 235, 243, 250, 259, 264, 265, 267, 307, 312, 326, 334, 348, 349, 356, 357, 363, 365, 374, 376, 377, 379, 383, 388, 408, 413, 417, 445, 449, 451, 460, 468, 481, 483, 484, 497, 503.

Классовое перемирие (классовый мир, бургфриден) — 7, 12, 40, 47, 49, 107, 149, 152, 250.

Классовое самосознание — 27, 48, 328, 344.

Классовые интересы — 101, 163, 164, 203, 205, 207, 214, 218, 277, 353, 370, 377, 406.

Классовые организации — 307.

Классовые противоречия — 96, 351.

Клерикальные союзы — 129, 313, 359, 361, 438.

Коалиции (держав) — 487, 488.

Коалиционное правительство — 7, 86, 114, 119.

Коллективные договоры — 172, 309, 313, 315, 338, 381, 390, 400.

Колонии — 240, 254, 288.

Комитет Действия (в Англии) — 24, 33, 35, 47, 79, 88.

Комитет «Руки прочь от России!» — 139.

Комитеты заводские (см. Фабрично-заводские комитеты).

Коммунизм — 24, 33, 38, 43, 44, 46, 48, 49, 50, 52, 55, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 77, 84, 87, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 114, 122, 124, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 150, 152, 153, 159, 176, 177, 178, 180, 182, 189, 193, 194, 196, 203, 235, 239, 244, 253, 254, 259, 260, 262, 263, 264, 276, 296, 298, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 315, 316, 317, 343, 344, 346, 347, 348, 349, 350, 352, 356, 360, 362, 363, 419, 421, 431, 433, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 443, 448, 454, 457, 462, 482, 483, 498, 501.

Коммунистическая партия — 33, 44, 46, 49, 52, 58, 59, 62, 63, 64, 65, 67, 69, 70, 71, 77, 84, 93, 94, 95, 101, 104, 105, 106, 109, 122, 124, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 150, 152, 153, 177, 178, 180, 182, 189, 193, 195, 196, 235, 239, 244, 246, 259, 276, 296, 298, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 343, 344, 348, 349, 352, 360, 362, 363, 419, 421, 431, 433, 434, 436, 438, 439, 440, 443, 448, 454, 457, 462, 482, 483, 498, 501.
Коммунистический Интернационал (Коминтерн) — 24, 34, 38, 43, 46, 48, 50, 55, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 71, 87, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 114, 159, 193, 194, 203, 253, 254, 302.
Компанейские союзы — 470.
Конгресс английских тред-юнионов в Борнемуте — 379, 381, 382, 391, 400, 401, 404, 405, 407, 408, 409, 410, 413.
Конгресс английских тред-юнионов в Гулле — 162, 167, 168, 182, 183, 186, 192, 193, 198, 227, 244, 245, 247, 248, 260, 268, 271, 272, 281, 282, 284, 285, 286, 364, 386, 388, 389.
Конгресс английских тред-юнионов в Скарборо — 268, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 284, 285, 288, 290, 293, 299, 300, 322.
Конгресс английских тред-юнионов в Соутпорте — 113.
Конгресс английских тред-юнионов в Эдинбурге — 474.
Конгресс Друзей СССР — 503.
Конкуренция — 166, 177, 216, 271, 393, 402, 430, 435, 487, 494.
Консерватизм и консерваторы — 28, 29, 30, 179, 180, 182, 184, 202, 203, 229, 239, 326, 337, 376, 377, 380, 382, 383, 384, 390, 391, 404, 405, 407, 411, 418, 422, 423, 431, 432, 433, 436, 438, 441, 442, 458, 462, 478, 479.
Конструктивный социализм — 356, 469.
Контроль над банками и производством — 114.
Контрреволюция — 29, 79, 101, 141, 186, 415, 445, 463, 498.
Конференция исполкомов тред-юнионов (24 апреля 1927 г.) — 418, 452.
Конференция фабзавкомов (в Германии) — 113.
Конфликты — 124, 126, 150, 304, 305, 319, 321, 323, 329, 352, 353, 370, 381, 382, 383, 387, 469, 470, 487, 488.
Концентрация капитала — 151, 163.
Концентрация в профессиональном движении — 150, 151, 162.
Концессии — 145, 224, 425, 484.
Красная армия — 19, 21, 117, 165, 174, 250, 252, 437.
Красная гвардия — 8, 129, 349.
«Красные сотни» — 129.
Красный Интернационал Профсоюзов (Профинтерн) — 22, 23, 24, 25, 36, 37, 44, 45, 46, 48, 49, 52, 56, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 72, 74, 85, 87, 89, 90, 91, 93, 96, 97, 98, 101, 103, 104, 106, 114, 122, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 169, 192, 193, 220, 222, 223, 224, 227, 238, 241, 242, 249, 274, 299, 300, 303, 304, 359, 375, 413, 473.
Крестьянство — 7, 10, 11, 19, 110, 118, 126, 128, 129, 134, 136, 137, 143, 144, 164, 165, 171, 173, 174, 186, 187, 191, 192, 220, 234, 254, 268, 269, 415, 420, 421, 426, 427, 428, 430, 437, 439, 443, 462, 463, 490, 492

Кризис экономический (см. Экономический кризис).
Крушение валюты — 433.
Культурно-просветительная деятельность (культработа) профессиональных союзов — 192, 247, 283.

Либералы — 179, 180, 182, 311, 320, 411.
Лига Наций — 17, 22, 23, 32, 33, 41, 42, 43, 48, 54, 69, 80, 83, 90, 100, 101, 156, 165, 175, 219, 233, 237, 250, 471, 472, 478, 494, 496.
Лондонский с'езд — 308, 309, 314.
Локауты — 324, 325, 339, 381, 387.

Международная конференция профессиональных союзов — 9, 13, 22, 37, 39, 45, 48, 54, 66, 69, 72, 80, 94, 97, 106, 114, 193, 206.
Международная политика профессиональных союзов — 37, 43, 52, 54, 192.
Международная пролетарская солидарность (см. Пролетарская солидарность).
Международная (мировая) революция — 8, 9, 10, 11, 21, 33, 34, 37, 44, 46, 47, 57, 77, 81, 109, 110, 124, 137, 356, 420.
Международная Федерация Профессиональных Союзов (МФПС) (см. Амстердамский Интернационал).
Международная экономическая конференция в Женеве — 435, 436.
Международное об'единение пролетариата (рабочих) — 32, 34, 39, 44, 45, 49, 50, 55, 56, 57, 61, 75, 122, 369.
Международное положение — 109, 110, 217, 446, 466.
Международное профдвижение — 11, 13, 22, 23, 25, 37, 48, 49, 60, 61, 63, 76, 89, 90, 94, 113, 122, 148, 155, 169, 201, 211, 213, 225, 228, 230, 233, 234, 244, 261, 263, 265, 266, 267, 268, 277, 296, 305, 321, 380, 413, 447, 466, 471, 482.
Международное рабочее движение — 8, 9, 11, 12, 13, 16, 34, 40, 50, 77, 79, 89, 96, 100, 121, 124, 125, 154, 155, 156, 157, 158, 161, 163, 169, 175, 193, 196, 201, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 224, 225, 226, 232, 235, 237, 241, 242, 253, 254, 261, 264, 266, 267, 268, 270, 274, 277, 278, 292, 295, 296, 302, 303, 304, 305, 342, 346, 357, 362, 367, 374, 381, 392, 393, 401, 403, 413, 450, 486.
Международное рабочее законодательство — 145.
Международные задачи профдвижения — 346, 392.
Международные производственные союзы — 24, 35, 57, 72, 74, 90, 91, 241, 339.
Международные секретариаты — 151, 221.
Международный рабочий праздник 1 Мая — 12, 13.
Международный рынок — 125, 180, 188, 218, 322, 324, 429, 430, 435, 486, 487.
Международный Совет Профессиональных Союзов (Межсовпроф) (см. Красный Интернационал Профсоюзов).
Международный союз металлистов — 55, 90.

Международный союз транспортников — 241, 339.
Международный союз химиков — 57.
Международный с'езд металлистов — 72.
Межсоюзное об'единение — 55.
Меньшевизм и меньшевики — 12, 31, 35, 36, 38, 39, 45, 46, 47, 48, 50, 54, 57, 58, 61, 67, 72, 77, 78, 84, 86, 109, 110, 126, 148, 153, 171, 172, 173, 174, 192, 193, 263, 264, 313, 350, 352.
Металлисты (см. Всесоюзный союз металлистов).
Милитаризм — 231, 422, 425, 426, 427.
Мировое хозяйство — 112, 175.
Мировой рынок (см. Международный рынок).
Монополия внешней торговли — 184.
Московский Губернский Совет профессиональных союзов (МГСПС) — 20, 44, 238.

Налоги — 126, 164, 326, 426.
Народное хозяйство — 111, 123, 187, 198.
Национализация промышленности — 86, 114, 144, 323, 391.
Национализм — 12.
Национальный вопрос — 174.
Независимые профсоюзы Германии — 66.
Независимость профессиональных союзов — 37, 66, 310, 361.
Нейтрализм (нейтральность) — 11, 12, 13, 23, 24, 28, 41, 310, 317, 350.
Новый курс профессионального движения — 109, 119.
Норвежские профсоюзы — 276, 292, 362, 473.

Оборона страны — 440.
Одиннадцатый С'езд Коммунистической партии — 317.
Однопроцентное отчисление английским горнякам — 374, 375, 399.
Оккупация — 134.
Оппозиция — 156.
Оппортунизм — 12, 23, 64, 68, 91, 94, 122, 153, 158, 173, 192, 193, 194, 204, 412, 494, 495, 496, 497, 503.
Организационная работа профсоюзов — 13.
Организация производства и труда — 13, 191.
Организация «Руки прочь от Советской России!» — 166.
Органы государственные (см. Государство).
Охрана труда — 53.

Падающая валюта — 126, 172.
Палестинское профдвижение — 225.
Парижская Коммуна — 176.
Парламент, парламентаризм — 7, 29, 46, 81, 177, 178, 179, 180, 236, 356, 357, 358, 359, 379, 385, 389, 404, 405, 407, 415, 418, 498.
Партийная борьба — 153.
Партия коммунистическая (см. Коммунистическая партия).

Пацифизм, пацифисты — 36, 48, 82, 100, 122, 178, 202, 203, 239, 444, 462, 497, 498, 502.
Первомайские лозунги — 231.
Первый Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов — 9, 32, 39, 53, 79, 118, 121, 187, 219, 233, 429.
Персидский вопрос — 423, 424.
«Письмо Зиновьева» — 203, 432.
Пищевики (см. Всесоюзный союз пищевиков).
План Дауэса — 203, 252, 259, 271, 284.
План экспертов — 165.
Пленумы ВЦСПС — 262, 295, 372, 373, 395, 397, 446, 449.
Политическая борьба — 7, 22, 29, 35, 37, 38, 39, 48, 60, 61, 62, 74, 78, 81, 82, 84, 86, 91, 95, 96, 97, 100, 101, 103, 104, 106, 110, 113, 151, 163, 174, 199, 202, 218, 239, 240, 263, 287, 321, 322, 328, 329, 340, 344, 348, 349, 350, 354, 364, 376, 377, 379, 383, 384, 385, 390, 402, 415, 422, 425, 427, 432, 446, 451, 460, 465, 476, 489, 499.
Политическая власть — 7, 65, 78.
Политическая реакция — 17, 30, 129, 272, 310, 342.
Политические партии — 60, 61, 63, 65, 84, 86, 96, 101, 104, 105, 106, 148.
Пошлины защитительные (см. Защитительные пошлины).
Правительства буржуазные (см. Буржуазные государства).
Правительство советское (см. Советская власть).
Право наций на самоопределение — 206.
Предприниматели — 11, 21, 28, 32, 34, 35, 48, 49, 53, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 100, 107, 112, 116, 124, 125, 126, 135, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 163, 164, 166, 172, 173, 174, 176, 178, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 193, 199, 200, 205, 217, 218, 219, 224, 227, 231, 233, 234, 235, 236, 240, 245, 271, 272, 273, 282, 285, 302, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 331, 337, 338, 339, 340, 356, 358, 360, 362, 365, 369, 373, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 393, 394, 398, 399, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 411, 415, 416, 417, 419, 420, 421, 422, 423, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 447, 462, 465, 467, 468, 470, 471, 473, 481, 482, 483, 484, 486, 490, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 502, 503.
Президиум ВЦСПС — 22, 32, 39, 67, 214, 295, 315, 345, 346, 347, 367, 369, 370, 371, 373, 374, 375, 446, 454, 455.
Президиум МГСПС — 346.
Проблема «ножниц» — 135, 136.
Производительность труда — 190, 191, 216, 240, 402.
Производительные силы — 116, 164, 352, 358, 359, 392, 487.
Производственные союзы (об'единения) — 50, 55, 56, 57, 90, 150, 173, 391.
Производство — 13, 26, 73, 114, 150, 172, 189, 190, 216, 237, 240, 282, 283, 323, 324, 352, 402, 408, 427, 430, 469, 489.
Пролетарская дисциплина (см. Союзная дисциплина).
Пролетарская (рабочая) солидарность — 8, 9, 11, 12, 17, 21, 27, 33, 44, 47, 69, 99, 117, 124, 163, 167, 170, 204, 231, 232, 261, 333, 345, 369, 374, 393, 399, 409, 412, 413, 416, 482, 485.

Пролетарские организации (см. Рабочее движение).
Пролетарское государство (см. Советская республика).
Промышленники (см. Предприниматели).
Промышленный кризис — 125, 202, 321.
Профинтерн (см. Красный Интернационал Профсоюзов).
Профсоюзная демократия (см. Рабочая демократия).
Профчиновничество — 56, 59, 87, 88, 91, 96, 100, 209.
Пятая Всероссийская Конференция Профессиональных Союзов — 90, 93, 97, 98.
Пятый Конгресс Коминтерна — 148.

Рабочая демократия — 374.
Рабочее движение — 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 91, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 112, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 124, 125, 130, 133, 135, 138, 139, 146, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 229, 231, 232, 233, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 252, 253, 254, 255, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 271, 272, 273, 274, 278, 282, 283, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 300, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 315, 316, 318, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 329, 330, 331, 332, 333, 336, 338, 340, 341, 342, 343, 345, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 365, 366, 371, 373, 374, 377, 379, 383, 384, 386, 387, 390, 391, 392, 393, 400, 401, 402, 403, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 425, 427, 431, 433, 438, 439, 440, 445, 447, 448, 449, 451, 452, 454, 456, 458, 459, 460, 461, 463, 468, 469, 470, 472, 473, 476, 478, 480, 481, 482, 483, 484, 488, 490, 492, 493, 497, 498, 500.
Рабочее законодательство — 206, 216, 233, 314.
Рабочее правительство — 10, 127, 195, 203, 223.
Рабочие банки — 282, 402.
Рабочие клубы — 246.
Рабочие кружки — 246.
Рабочий вопрос — 16, 472.
Рабочий день — 122, 216, 252, 379, 390, 392, 425, 469.
Рабочий Исследовательский Институт (в Англии) — 369.
Рабочий контроль — 283.
Разоружение — 145.
Раскол в профдвижении (профсоюзов) — 45, 50, 54, 57, 66, 68, 72, 90, 92, 218, 222.
Расстройство транспорта — 8, 171.

Реакция политическая (см. Политическая реакция).
Революционное движение (см. Революция).
Революция — 7, 8, 12, 22, 23, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 41, 46, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 57, 60, 77, 78, 81, 82, 86, 88, 89, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102; 107, 108, 109, 113, 116, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 142, 155, 167, 171, 173, 176, 177, 185, 186, 187, 188, 194, 195, 200, 202, 217, 219, 235, 239, 252, 263, 307, 308, 312, 325, 326, 332, 334, 343, 344, 348, 349, 355, 356, 357, 364, 365, 405, 413, 415, 427, 428, 429, 432, 433, 442, 443, 445, 450, 467, 479, 481, 491, 495, 496.
Революция Октябрьская (см. Октябрьская революция).
Революция 1905 года — 30.
Революция февральская (см. Февральская революция).
Регламентация труда — 53.
Регулирование заработной платы — 151.
Резолюция Стенгюиса — 210, 211, 212, 213, 228, 249, 253.
Рейхсвер — 128.
Рейхстаг — 177.
Репарации — 125, 166, 177, 259, 322.
Реформизм и реформисты — 23, 24, 28, 29, 30, 40, 42, 46, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 56, 60, 62, 63, 64, 68, 69, 81, 83, 86, 88, 89, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 105, 107, 114, 122, 123, 148, 151, 152, 153, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 182, 194, 202, 263, 282, 284, 285, 293, 298, 302, 303, 304, 306, 307, 309, 311, 314, 315, 316, 317, 350, 363, 401, 420, 443, 448, 449, 460, 472, 481, 482, 483, 484, 494.
Рурские горняки — 194.
Русская делегация на Англо-Русской конференции — 255.
Русская делегация на III Конгрессе Коминтерна — 148, 160.
Рынок международный (см. Международный рынок).

Саксонское правительство — 130.
Самарское правительство — 45.
Самоопределение народов — 117.
Седьмой Всесоюзный С'езд Профессиональных Союзов — 396, 446, 447.
Сен-Жерменский мирный договор — 486.
Сибирское правительство — 45.
Синдикализм и синдикалисты — 17, 45, 46, 49, 62, 66, 71, 86, 92, 93, 95, 97, 101.
Синдикаты — 23, 29, 30, 31, 32, 60, 63, 86, 100, 101, 103, 104, 229, 399.
Смычка пролетариата и крестьянства — 430.
Совет Действия — 47.
Совет профессиональных союзов Норвегии — 291.
Советская делегация в Лондоне (в 1924 г.) — 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147.
Советская республика (СССР) — 7, 8, 9, 10, 11, 17, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 33, 35, 36, 41, 43, 44, 45, 47, 48, 50, 53, 60, 76, 78, 79, 85, 94, 109, 117, 118, 134, 135, 136, 138, 139, 140, 144, 162, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 182,

184, 188, 189, 194, 200, 204, 208, 215, 217, 221, 224, 225, 227, 228, 230, 232, 234, 244, 246, 247, 248, 250, 252, 255, 267, 268, 269, 270, 276, 278, 280, 281, 290, 293, 295, 296, 299, 300, 305, 306, 315, 317, 324, 345, 346, 347, 349, 350, 351, 356, 357, 361, 363, 364, 365, 367, 371, 374, 375, 377, 378, 379, 380, 393, 395, 396, 399, 410, 411, 412, 413, 415, 417, 420, 421, 422, 423, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 440, 442, 444, 446, 448, 450, 453, 454, 455, 456, 457, 459, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 470, 471, 473, 474, 477, 478, 483, 484, 488, 489, 490, 491, 493, 495, 499, 502.

Соглашательство — 31, 35, 36, 39, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 61, 63, 78, 80, 82, 83, 85, 86, 98, 100, 126, 135, 401.

Сокращенный рабочий день — 389.

Солидарность рабочих (см. Пролетарская, рабочая солидарность).

Социал-демократия — 84, 130, 132, 135, 177, 179, 210, 239, 263, 269, 276, 296, 304, 306, 311, 312, 348, 356, 360, 393, 438, 494, 495, 496, 498, 502.

Социализм — 9, 10, 15, 22, 23, 28, 31, 33, 34, 36, 39, 45, 46, 47, 71, 84, 85, 86, 88, 99, 129, 180, 191, 195, 202, 236, 239, 262, 283, 303, 307, 312, 323, 356, 357, 365, 402, 405, 420, 436, 438, 469, 478, 494, 495, 496, 498, 502.

Социалистическое государство — 436.

Социалистическое строительство — 76, 437, 439, 489.

Социалистическое хозяйство — 118, 428, 429.

Социальное законодательство — 227, 233, 249, 250, 252.

Социальное страхование — 53.

Союз ирландских механиков — 33.

Союзная демократия (см. Рабочая демократия).

Союзная дисциплина — 21, 190, 351, 416, 440.

Союзные средства — 207, 280, 319, 354, 416, 417.

Союзы производственные (см. Производственные союзы).

Союзы профессиональные (см. Профессиональные союзы).

Спорт — 246, 329, 334.

Срыв Англо-Русского Комитета — 447, 457, 461, 463, 464, 465, 480.

Стабилизация капитализма — 321, 330.

Стачки (см. Забастовки).

Строительство социалистическое (см. Социалистическое строительство).

Строй буржуазный (см. Буржуазный строй).

С'езд железнодорожников во Франции — 88.

Тактика профессиональных союзов — 34, 39, 43, 46, 47, 54, 55, 56, 59, 60, 61, 63, 66, 67, 68, 69, 72, 86, 90, 91, 93, 94, 101, 102, 115, 119, 122, 148, 149, 152, 153, 156, 157, 201, 204, 206, 221, 223, 235, 236, 238, 241, 242, 263, 293, 303, 306, 477.

Тарифная политика — 53, 126.

Твердая валюта — 144, 354.

Текстильщики (см. Всесоюзный союз текстильщиков).

Теория профессионального движения — 118.

Террор — 334, 437, 439.
Техника — 189, 227, 240, 250, 271, 357, 406, 470, 487.
Торговое представительство СССР в Лондоне — 422.
Торговые договоры — 115, 184.
Транспортный союз докеров в Ирландии — 47.
Требования экономические (см. Экономические требования).
«Тред-юнион Юнити» — 266, 267.
Тред-юнионизм — 29, 139.
Тред-юнионы — 28, 29, 31, 32, 49, 70, 86, 96, 100, 103, 104, 142, 146, 150, 162, 172, 179, 182, 183, 192, 198, 202, 203, 214, 218, 220, 241, 243, 244, 245, 247, 251, 255, 259, 260, 265, 275, 277, 278, 280, 281, 286, 288, 289, 290, 305, 324, 325, 335, 337, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 387, 388, 390, 400, 401, 403, 405, 407, 408, 415, 416, 417, 418, 419.
Третий Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов — 55, 56, 96.
Третий Интернационал (см. Коммунистический Интернационал).
Третий Конгресс III Интернационала — 148, 160.
Трианонский мирный договор — 486.
«Тройственное об'единение» английских профсоюзов (металлистов, горняков и транспортников) — 23, 35, 122.

Ультиматум Керзона — 135.
Устойчивая валюта (см. Твердая валюта).
Учреждения государственные (см. Государство).

Фашизм — 122, 127, 129, 131, 132, 133, 135, 177, 239, 252, 314, 416.
Фашистский переворот в Баварии — 127.
Февральская революция (1917 г.) — 30, 86, 219.
Финские профсоюзы — 473.
Французские профсоюзы — 219, 223, 229.
Французский рабочий класс — 177, 178, 219.
Французское правительство — 235.
Французское профессиональное движение — 220, 229.
Французское рабочее движение — 29, 177, 178, 219.

Химики (см. Всесоюзный союз химиков).
Хозяйственное строительство — 141, 352.

Централизация — 7, 162, 163.
Центральные комитеты (ЦК) профессиональных союзов — 19, 52, 55, 68, 69, 71, 87, 92, 97, 138, 151, 162, 221, 316, 319.
Центральный Комитет ВКП (б) — 194.
Центральный Комитет союза железнодорожников — 244.
Центральный Комитет союза металлистов — 72, 244.
Центральный Комитет союза транспортников — 76.
Цеховщина — 13, 59, 74, 75, 173, 352, 399.
Церковники — 406.

Частная собственность — 35, 142, 144, 323, 405, 427.
Челябинский добровольческий отряд — 19, 21.
Челябинский губернский совет профессиональных союзов — 19.
Четырнадцатый С'езд ВКП (б) — 302.
Чехо-словацкая делегация в СССР — 480.
Чехо-словацкое профдвижение — 220, 480.
Чиновники профессионального движения — 56, 57, 59, 87, 88, 91, 96, 100, 209, 470.

Шестой С'езд Профессиональных Союзов СССР — 188, 189, 191, 192, 194, 197, 199, 201, 249, 251.
Шведская делегация в СССР — 270.
Штрейкбрехерство и штрейкбрехеры — 101, 337, 387, 416, 417.

Экономическая борьба — 35, 62, 84, 106, 114, 149, 150, 155, 162, 163, 168, 172, 209, 218, 241, 263, 267, 321, 348, 349, 375, 379, 383, 384, 390, 402, 405, 435, 451, 476.
Экономические интересы — 84, 119, 217, 218, 240, 307, 417, 425.
Экономические требования — 29, 40, 105.
Экономический кризис — 8.
Экономическое положение — 11, 127, 144, 149, 176, 189, 215, 231, 235, 240, 251, 271, 322, 323, 359, 429, 430, 431, 439, 490.
Эксплоатация (труда) — 77, 83, 166, 176, 187, 216, 218, 231, 240, 254, 266, 271, 349, 423, 426, 450, 461, 470, 486, 489, 490, 501.
Экспорт — 322.
Эмбарго — 379, 400, 403.

Юнионизм, юнионисты и юнионы — 29, 34, 62.

Указатель имен.

Амосов А. — 183.
Андреев А. — 372, 373.
Анцелович Н. — 319.
Арнот П. — 369, 370, 371.

Барбюсс А. — 486.
Бауэр Г. — 15, 31.
Бауэр О. — 483, 484, 494.
Бианки Д. — 45.
Болдуин С. — 202, 329, 331, 332, 336, 339, 340, 415, 481.
Бонтон Д. — 291.
Бордига А. — 63.
Брамли Ф. — 146, 220, 223, 227, 228, 256, 286.
Браун Д. — 271, 274, 276, 281, 283, 284.
Бромлей Д. — 268, 287, 288.
Бухарин Н. — 62.

Вильсон Х. — 417.
Вильямс Р. — 35, 45, 62, 70, 122, 136, 159.
Вирт — 111.
Владимиров М. — 347.
Войков П. — 422, 436, 444, 459, 462, 497.

Гендерсон А. — 16, 17, 31, 47, 80, 88.
Гетчинсон В. — 369, 370.
Гинденбург П. — 236, 239, 272.
Гомперс С. — 16, 17, 23, 24, 29, 31, 42, 56, 87, 99, 107.
Госсип А. — 418.

Д'Аррагона Л. — 45, 62, 63, 67, 72, 94, 122, 159.
Дауэс Ч. — 165, 166, 176, 203, 252, 271, 285, 309, 314, 322, 358, 364, 388.
Джегер Д. — 486.
Джиолитти Д. — 62.
Догадов А. — 291, 293, 319, 320.
Дугони Э. — 45, 61, 159.

Жуо Л. — 14, 15, 16, 22, 31, 42, 80, 99, 101, 107, 226, 227, 228, 248, 292, 482.

Зассенбах И. — 15, 160, 205, 226, 227, 228, 482.
Зиновьев Г. — 45, 61, 64, 91, 92, 94, 95, 159, 197, 203, 260, 432.

Каутский К. — 66.
Квейл М. — 269.
Кемпбель — 180.
Керзон — 135, 180.
Клайнс Д. — 290, 401.
Клемансо Ж. — 17, 31, 87.
Коломбино Э. — 45, 159.
Крамп К. — 167, 168, 259, 287.
Кук А. — 157.
Кутузов И. — 243.

Легин К. — 15, 17, 22, 23, 31, 32, 42, 67, 80, 88, 99, 101, 107.
Ледебур Г. — 10.
Лейпарт Т. — 160, 482.
Ленин В. И. — 57, 72, 175, 187, 188, 195, 196, 198, 239, 264, 307, 308, 310, 312, 317, 350, 412, 420, 429, 439, 441, 479, 486, 493, 496, 497, 500, 501.
Лепсе И. — 244.
Либарс Ф. — 362.
Ллойд-Джордж Д. — 31, 33, 62, 79, 116.
Лозовский А. — 45, 57, 59, 61, 67, 69, 70, 92, 96, 159, 249, 319, 334, 373, 374.
Лэнсбери Э. — 367, 368.

Мадсен К. — 362.
Макдональд Р. — 176, 178, 179, 180, 181, 182, 202, 203, 239, 259, 264, 290, 323, 326, 331, 338, 376, 391, 417, 479, 480, 494.
Маркс К. — 75, 84, 133, 177, 239, 349, 350, 356, 421, 443.
Мертенс К. — 14.
Мельничанский Г. — 61, 256, 446, 457, 458, 469, 492.
Мерфи Д. — 45.
Мильеран А. — 29.
Монмуссо Г. — 148, 149, 156, 160, 229, 292.
Муссолини Б. — 129, 415.

Ноуринг — 34.

Ольсен Х. — 362.

Пестанья А. — 23, 95.

Персель А. — 35, 45, 138, 140, 157, 159, 166, 223, 228, 246, 256, 268, 281, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 331, 336, 341, 342, 395, 411, 477.
Платтен Ф. — 54.
Покровский М. — 25, 27.
Поллит Г. — 288.
Понсонби А. — 199.
Пуанкаре Р. — 116, 186.
Пью А. — 300, 324.

Рид Д. — 62, 71.
Розенгольц А. — 455.
Росмер А. — 23.
Руш — 67, 68.

Самуэль Г. — 324, 331, 339, 340, 387.
Свейлс А. — 251, 256, 287, 291, 338.
Сельсбери — 180, 181.
Сименс Ч. — 417.
Ситрин В. — 291, 446, 451, 452, 453, 458, 459, 463, 464, 492.
Смайли Р. — 70.
Спенсер Д. — 417.
Стенгюис — 210, 211, 213, 218, 222, 223, 224, 225, 228, 247, 248, 249, 253.

Тан Шен-чжи — 427.
Тернер Б. — 140, 291.
Тиллет Б. — 146, 147, 338.
Тома А. — 33.
Томас Д. — 286, 287, 288, 326, 331, 336, 338, 376, 418, 481.
Транмель М. — 276.

Удегест Д. — 168, 183, 205, 207, 208, 210, 212, 226, 227, 228, 244, 245, 250, 263, 264, 341, 363, 483.

Фиммен Э. — 169, 172, 220, 242, 339, 362.
Финдлей А. — 291.
Фын Юй-сян — 427.

Хикс Джордж — 289, 291, 293, 331, 334, 342, 435, 446, 458, 463, 492.
Ходжес Ф. — 417.
Хорн Р. — 182.

Цыперович Г. — 45.

Чан Кай-ши — 427.
Чемберлен О. — 180, 250, 415.

Черчилль В. — 331, 336.
Чжан Цзо-лин — 422, 426, 437, 491.

Шверник Н. — 244.
Шейдеман Ф. — 84.
Шоу Т. — 34.
Штреземан Г. — 135.

Эпплтон В. — 14, 15, 22, 23, 24, 31, 41, 99, 101, 107.
Эррио Э. — 178, 186, 239.

Юнг — 260.

Яглом Я. — 319.

Библиографический указатель.

1. Профессиональным союзам всего мира. Опубликовано в «Профессиональном Вестнике», № 5—6 (13—14) 1918 г. за подписью «Президиум Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов: М. Томский (М. Ефремов), И. Матрозов, Ф. Озол, В. Шмидт».

Краткое содержание. Обращение к профессиональным организациям всех стран во исполнение постановления I Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов, с кратким освещением значения Октябрьской революции и с приглашением представителей профессиональных союзов приехать в Москву 1 июня 1918 г. (н. ст.) на совещание по вопросу о времени, месте, представительстве и порядке дня международной конференции профессиональных союзов.

2. Первое мая 1918 года. Передовая статья без подписи под заголовком: «Москва, 20 апреля 1918 г.» Напечатана в «Профессиональном Вестнике», № 5—6 (13—14) 1918 г.

Краткое содержание. Временное затишье рабочего движения в Европе; выход Советской России из войны после жестокого поражения; раскол среди социалистов из-за оценки последствий Брестского мира; укрепление советской власти вместо ожидаемого врагами ее падения; крушение саботажа буржуазной интеллигенции; тяжелое экономическое положение Советской республики и попытки империалистов всех стран подорвать ее растущую силу; вера российского пролетариата в неизбежность мировой рабочей революции; призыв ВЦСПС к международному организованному пролетариату с приглашением его представителей на совещание по организации международной конференции профессиональных союзов; значение рабочего праздника 1 мая в деле международного об'единения пролетариата; успехи российского профессионального движения во всех областях общественной жизни, достигнутые благодаря тому, что русские профсоюзы раз навсегда отбросили идею нейтрализма и, как боевые рабочие организации, шли в ногу с общеклассовым освободительным движением пролетариата; значение 1 мая 1918 г. как первого действительно социалистического рабочего праздника,

устраиваемого российским пролетариатом, впервые в мировой истории организующим все общественное хозяйство.

3. **Амстердамская конференция профессиональных союзов.** Статья, напечатанная в журнале «Профессиональное Движение», № 24, от 15 августа 1919 г.

Краткое содержание. Лицемерный характер Международной конференции профессиональных союзов в Амстердаме и идеологическое убожество вождей западно-европейского профессионального движения, пытающихся создать видимость международной солидарности рабочих; вопрос об «ответственности за войну»; обвинение в измене Интернационалу, пред'явленное представителями стран-победительниц немецким социалистам; неубедительные оправдания Легина и Зассенбаха, сваливающих вину на германское правительство, которым германский рабочий класс будто бы был введен в заблуждение; половинчатость резолюций Амстердамской конференции: об отделе рабочего законодательства в Версальском мирном договоре, о поддержке требований Бернской конференции, о Лиге Наций и создании международной организации для надзора за ее деятельностью и др.; опасность сохранения руководства международным профессиональным движением в руках прислужников капитала.

4. **Приветствие Челябинскому добровольческому отряду.** Неопубликованная речь на заседании Пленума ВЦСПС совместно с английской делегацией 10 июня 1920 г.

Краткое содержание. Революционное значение почина Челябинского губернского совета профессиональных союзов, сформировавшего первый добровольческий отряд на польский фронт; откомандирование ста членов центральных комитетов профсоюзов и одной тысячи профработников; отношение русских профсоюзов к советской власти; миролюбие последней и вынужденная война с Польшей в целях самозащиты; готовность российского организованного пролетариата на всякие жертвы в борьбе за Республику Советов и диктатуру пролетариата; приезд английской делегации в Советскую Россию и правильная информация английских рабочих о тяжелой борьбе русского пролетариата с международными империалистами за интересы рабочего класса и за международную революцию.

5. **Интернационал Красных Профессиональных Союзов.** Неопубликованная речь, произнесенная 24 августа 1920 г. на II Всероссийской Конференции химиков.

Краткое содержание. Решение II Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов установить тесную связь с западно-европейским рабочим движением; безуспешные

попытки ВЦСПС до конца 1919 г. войти в сношения с Амстердамским Интернационалом; Амстердамский Конгресс, его состав и характер его резолюций: о Лиге Наций, о виновниках войны и др.; создание нового революционного международного органа — Интернационала Красных Профсоюзов — при участии представителей английского, итальянского, американского, испанского и французского пролетариата; борьба с желтым Интернационалом и об'единение революционных сил всего рабочего класса вокруг Красного Международного Совета Профсоюзов.

6. Задачи Международного Совета Профессиональных Союзов. Неопубликованный доклад на II Всероссийском С'езде работников просвещения в заседании 30 августа 1920 г.

Краткое содержание. Приветствие II Всероссийскому С'езду работников просвещения от имени ВЦСПС и Профинтерна; надежды, возлагаемые на этот с'езд; тяжесть перехода к мирному строительству в годы напряженной борьбы российского пролетариата за власть; конец изоляции Советской России в результате борьбы сознательных рабочих всего мира; восстановление народного хозяйства, как первая задача мирного строительства; поднятие общего культурного уровня и квалификации рабочих, обучение грамоте и профтехническое образование; политическая отсталость работников просвещения и искусств и необходимость изжить «болезнь беспартийности»; западно-европейское профдвижение и его отличие от русского; английские тред-юнионы, история их возникновения, их беспринципность и нейтральность; германские геверкшафты, их социалистическая платформа и реформистский характер; французский синдикализм, аполитизм, как увлечение парламентаризмом; американский индустриализм, как реакция против консерватизма американских тред-юнионов, построение союзов по производственному принципу; российское профессиональное движение, его происхождение и его революционный характер; империалистическая война и крах II Интернационала; международная конференция профсоюзов в Берне и ее отношение к русской революции; Амстердамский Конгресс и его отношение к Лиге Наций; безуспешные попытки ВЦСПС войти в сношения с западно-европейским рабочим движением для создания международного об'единения организованных рабочих; рост революционного движения на Западе; II Конгресс III Интернационала и прибытие рабочих делегаций из Англии, Италии, Австрии, Индии и других стран; создание в Москве Временного Международного Совета Профессиональных Союзов, стоящих на платформе революционной классовой

борьбы; отношение Профинтерна к правым вождям западно-европейского рабочего движения, борьба с капиталом и желтым Интернационалом. *Ответы на вопросы:* о международном характере борьбы английских и ирландских рабочих; о времени созыва международного с'езда профсоюзов и об отношении «независимых» к международному положению и международной политике Советской России.

7. Амстердамский Интернационал и наши задачи. Статья, напечатанная в № 1 «Вестника Труда», в октябре 1920 г., под заголовком: «Наши задачи в международном профессиональном движении».

Краткое содержание. I Всероссийский С'езд Профсоюзов и вопрос о создании международного об'единения профессиональных союзов; резолюция с'езда по этому вопросу и попытки Президиума ВЦСПС вступить в сношения со всеми профессионально организованными рабочими мира для созыва предварительной конференции профессиональных союзов; отношение к реформистам и необходимость об'единения на революционной платформе; Бернская конференция и Амстердамский конгресс профессиональных союзов; новая тактика ВЦСПС, направленная к об'единению лишь тех профессиональных союзов, которые борются с империализмом и стоят за диктатуру пролетариата; постановление III С'езда Профсоюзов о вхождении в Коммунистический Интернационал; эволюция западно-европейского рабочего движения с 1918 по 1920 г.; поддержка экономическими и политическими выступлениями рабочих разных стран Советской России, как аванпоста мировой революции; приезд английской, итальянской и других рабочих делегаций в Москву и создание Красного Интернационала Профессиональных Союзов; его программа и отношение к соглашательским элементам; расширение Временного Международного Совета Профессиональных Союзов путем вхождения в него представителей Грузии, Болгарии, Югославии, Франции, Испании и других стран; мировая революция и ее приближение; проявления солидарности с русской революцией среди рабочих Англии и Ирландии; создание английскими союзами Советов Действия; борьба с Амстердамским Интернационалом, как первейшая практическая задача Временного Международного Совета Профессиональных Союзов и сплочение всех левых элементов мирового профессионального движения; руководство международным рабочим движением и вхождение русских профсоюзов в мировые об'единения отдельных союзов.

8. Наша международная политика. Неопубликованный доклад на заседании фракции ВЦСПС 16 октября 1920 г.

Краткое содержание. Необходимость борьбы с реформизмом; первая и вторая Бернские конференции; их соглашательский характер и игнорирование ими социалистической революции в России; Амстердамский конгресс профсоюзов и отказ пригласить на него представителей российского профдвижения; вхождение Амстердамского конгресса через Бюро Труда в Лигу Наций; поворот в международной рабочей политике наших союзов; вступление российских профессиональных союзов в Коммунистический Интернационал и борьба с Амстердамским Интернационалом; отрыв от Амстердама отдельных производственных об'единений и местных союзов (Международный Союз Химиков, Федерация труда в Италии, Берлинский Совет Профсоюзов и т. п.); вопрос о расколе в профессиональном движении; точка зрения В. И. Ленина, Радека, Лозовского, русских меньшевиков и германских левых коммунистов; необходимость об'единения в один компактный союз для борьбы с реформизмом всех разнородных и разношерстных левых элементов (синдикалисты, анархисты, «Индустриальные Работники Мира» и т. п.); три течения внутри левого крыла международного профессионального движения: 1) коммунисты, 2) синдикалисты, «Индустриальные Работники Мира» и 3) левые юнионисты; правые коммунисты и левореформистские элементы; взаимоотношения Международного Совета Профессиональных Союзов с Коммунистическим Интернационалом; тактика руководителей русского профдвижения по отношению к синдикалистам, «Индустриальным Работникам Мира» и германским независимым профсоюзам; тактика ЦК русских профсоюзов в борьбе за влияние в отдельных международных производственных об'единениях; затруднения при посылке представителей на международные с'езды профессиональных союзов и недостаток руководящей и агитационной литературы; технические затруднения при организации Международного Совета Профессиональных Союзов. *Ответы на записки по вопросам:* о политической физиономии Джона Рида; о последствиях раскола в международном профессиональном движении, о поведении итальянских профессиональных союзов, а также о профессиональном движении на Востоке (Турция, Армения, Грузия, Персия, Китай).

9. Борьба с Амстердамским Интернационалом. Неопубликованная речь на II Всероссийском С'езде рабочих местного транспорта, произнесенная 18 октября 1920 г.

Краткое содержание. Приветствие II Всероссийскому С'езду рабочих местного транспорта; сущность российского профессионального движения и платформа революционного рабочего движения; связь русской революции с развитием международного рабочего движения; захват власти в Октябре и курс на мировую революцию; борьба с германским империализмом и революция в Германии; рост рабочего движения в Англии и во Франции; конец интервенции и прорыв блокады; попытки ВЦСПС установить связь с профессиональными союзами Европы и созвать международную конференцию профессиональных союзов; первая и вторая Бернские конференции, Амстердамский конгресс и их отношение к русской и международной рабочей революции; вхождение Амстердамского Интернационала в Бюро Труда при Лиге Наций, предательская роль вождей западно-европейского профессионального движения; необходимость создания единого фронта в борьбе с капиталом и об'явление Международным Советом Профессиональных Союзов решительной борьбы Амстердамскому Интернационалу; рост влияния Красного Интернационала Профессиональных Союзов в западно-европейском профессиональном движении.

10. **Тактика Международного Совета Профессиональных Союзов.** Доклад о международном профессиональном движении на V Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов в ноябре 1920 г. Опубликовано в «Стенографическом отчете V Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов». Изд. ВЦСПС. Москва. 1921 г.

Краткое содержание. Строение Амстердамского Интернационала, вхождение его в Бюро Труда при Лиги Наций; предательская тактика вождей реформистов западно-европейских и американских профсоюзов, использование ими союзного аппарата для торможения революционного движения масс; тактика нашей борьбы: разоблачение реформистов и международное об'единение всех левых элементов профессиональных союзов и других экономических организаций, ведущих классовую революционную борьбу с капиталом и его прислужниками — реформистами; отношение Международного Совета Профессиональных Союзов к синдикалистам, к реформистски настроенным массам и к вождям-реформистам, принимающим для сохранения своего влияния «защитную окраску» путем установления связи с Профинтерном и Коминтерном; текст резолюции, предложенной V Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов по вопросу о тактике Международного Совета Профессиональных Союзов.

11. Мы и они. Статья, напечатанная в журнале «Международное рабочее движение», № 1, январь 1921 г.

Краткое содержание. Империалистическая война и обострение классовых противоречий; дилемма, поставленная войной перед рабочим классом: оставаться в рабстве у капитала или свергнуть его экономическое и политическое господство путем социалистической пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата; Брестский и Версальский мир и предательское поведение вождей реформизма, пацифизма и соглашательства; Амстердамский Интернационал и его связь с Лигой Наций; защита классовых интересов пролетариата и необходимость концентрации всех активных революционных сил; создание нового, истинно классового Красного Интернационала Профессиональных Союзов в Москве и об'единение им всех левых элементов мирового профессионального движения; борьба с Амстердамским Интернационалом за влияние среди организованных масс и за руководство аппаратом профессиональных организаций; идейное сплочение и согласование революционных действий всех видов рабочих организаций; взаимоотношения профессиональных союзов и коммунистической партии; идейное руководство партии в профессиональном движении и организационная самостоятельность профессиональных союзов; их совместная борьба с партией за мировую рабочую революцию, за экономическую и политическую диктатуру пролетариата.

12. Международное положение и наши задачи. Неопубликованный доклад на IV Всероссийском С'езде союза пищевиков, сделанный 9 сентября 1922 г.

Краткое содержание. Пятилетняя годовщина Октябрьской революции и советской власти; новый курс экономической политики и профессионального движения; ставка на мировую революцию; международное положение: политические осложнения на Западе, в Германии, на Ближнем и Дальнем Востоке; наступление капитала на рабочий класс; рост забастовочного движения в Англии, Германии, Америке; конференция фабрично-заводских комитетов и борьба за диктатуру рабочего класса в Германии; платформа единого фронта, принятая Коммунистическим Интернационалом и Профинтерном; отношение капиталистических держав к советской власти; переход от тактики интервенции и бойкота к тактике подписания мирных договоров; конференция в Генуе и Гааге и вопрос о реституциях; тяжелое внутреннее положение Советской России: неурожай и затруднения в промышленности; новый курс профессионального движения.

13. Единый рабочий фронт. Неопубликованная речь на собрании, посвященном пятилетию Московского союза химиков 28 января 1923 г.

Краткое содержание. Первые попытки руководителей российского профессионального движения войти в связь с западно-европейским в 1918 и 1919 гг.; бесплодность обращений к оппортунистическим вождям Западной Европы и создание в 1920 г. в Москве нового международного революционного об'единения профессиональных союзов; основные пункты платформы этого об'единения; борьба против всякого реформизма, против соглашения рабочих с буржуазией; против Амстердамского Интернационала; измена представителей английского и итальянского профдвижения Р. Вильямса и Д'Аррагоны; дальнейшее развитие тактики международного об'единения революционных профсоюзов в связи с событиями в Руре и политическими осложнениями в западно-европейских странах: Польше, Болгарии, Румынии, Венгрии; посылка ВЦСПС 100.000 золотых рублей металлистам и горнякам Рурской области; рост и обострение конфликтов между трудом и капиталом; надвигающийся крах мирового империализма.

14. Перспективы германской революции. Неопубликованный доклад на собрании рабочих Рязанского трамвайного парка 31 октября 1923 г.

Краткое содержание. Причины германской революции: империалистическая война и ее последствия; Версальский мир, репарации и международные осложнения в связи с выполнением Версальского договора; переложение всей тяжести налогов на рабочий класс; падение марки; нищенская заработная плата; повышение детской смертности; затруднения, мешающие успеху германской революции: несочувствие крестьянства и рейсхвера; фашизм и предательская тактика германской социал-демократии; правое и левое крыло германской с.-д. партии; переворот в Саксонии; участие левых с.-д. в саксонском правительстве, их двуличная, предательская политика и разгон саксонского правительства; ближайшие перспективы германской революции; угроза со стороны Франции; симпатии и поддержка со стороны рабочего класса Советской России и Польши; значение германской революции для подготовки и победы мировой пролетарской революции.

15. Англо-советский договор. Речь на приеме русских делегатов в ресторане «Гатти» в Лондоне 14 мая 1924 г. Неопубликованный подробный протокол.

Краткое содержание. Приветствие русских рабочих организованным пролетариям Великобритании; значение

опыта и практики английского профессионального движения в истории российского профдвижения; различие форм и единства целей; отношение рабочих Советской республики к английскому пролетариату; практические задачи Англо-Русской конференции; вопрос о кредитах и гарантиях против интервенции и блокады; довоенные и военные долги и претензии частных лиц за национализированную собственность; отказ советской делегации от уплаты довоенных долгов и контрпретензии, пред'явленные ею английскому правительству; вопросы о соглашении в области международного рабочего законодательства и о разоружении. *Ответ на выступление англичан.* Благодарность советской делегации британским представителям за данные ими раз'яснения; решение советской делегации вести переговоры на конференции, согласуя каждый шаг с политикой Генерального Совета тред-юнионов.

16. **К единству международного профессионального движения.** Речь на III Всемирном Конгрессе Профинтерна 19 июля 1918 г. Опубликована отдельной брошюрой. Изд. ВЦСПС. Москва. 1924 г.

Краткое содержание. Вопрос о вхождении русских профессиональных союзов в Амстердамский Интернационал; важность и необходимость создания единого фронта в профдвижении; наступление капитала в ряде европейских стран в отдельных отраслях промышленности; экономическое положение рабочего класса и задача концентрации сил для борьбы с капиталом; организация международных секретариатов для борьбы с интернациональным об'единением предпринимателей; создание единого фронта с реформистами и беспощадная критика реформистской тактики; опасность недооценки своих сил и сил противника; значение Профинтерна в деле организации революционных сил внутри международного профессионального движения; борьба за руководство международным профдвижением под знаменем Профинтерна и Коминтерна.

17. **Единый рабочий Интернационал.** Неопубликованная речь на заседании Гулльского конгресса тред-юнионов 4 сентября 1924 г.

Краткое содержание. Приветствие Гулльскому конгрессу от организованного российского пролетариата; различие в строении русских и английских профсоюзов; усиление концентрации и централизации в профдвижении за последние годы в силу необходимости экономической борьбы с капиталом, все более принимающим международный характер; экономическое и политическое значение классовой борьбы; империалистическая война и отношение

к ней русских рабочих; неустойчивое равновесие в международном положении после подписания Версальского мира, создания Лиги Наций и принятия плана Дауэса; угроза новой империалистической войны; призыв к созданию единого фронта в профессиональном движении, несмотря на идейные разногласия, на платформе революционной классовой борьбы с капиталом.

18. Международное и внутреннее положение Советской Республики. Неопубликованный доклад на V Московском губернском с'езде металлистов 24 октября 1924 г.

Краткое содержание. Внутреннее и международное положение Советской России в 1917 г., перед Октябрьской революцией и спустя семь лет, и рост профессионального движения за это время; хозяйственные успехи: стабилизация рубля, промышленный под'ем, улучшение положения крестьянства; политическое признание СССР группой мелких европейских государств, а затем Германией, Италией, Норвегией и Англией; неустойчивость внутреннего положения в буржуазных странах; рост вооружений во Франции, Англии, Америке и Японии; экономическое положение Германии после войны; план Дауэса и «голодная» заработная плата; ближайшие задачи германской революции; полоса «пацифизма» в Германии, Англии и Франции и новое наступление капитала; положение английского рабочего правительства и Англо-Русская конференция; Гуллький конгресс тред-юнионов и вопрос о борьбе за единство рабочего и профессионального движения; готовящееся признание СССР со стороны Франции и некоторых других государств; вопросы о довоенных долгах; о займах и о дальнейшем восстановлении советского хозяйства и промышленности; важнейшие задачи предстоящего VI Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов: укрепление профсоюзов; улучшение экономического положения рабочих; развитие кооперации и культработы; ближайшие задачи профсоюзов в области международной политики и борьба за единство.

19. Ответ на выступления английских делегатов на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР. Опубликовано в стенографическом отчете VI С'езда Профсоюзов СССР. Изд. ВЦСПС. Москва. 1925 г.

Краткое содержание. Благодарность английским делегатам, выступавшим на VI С'езде, за приветствия, за радушный прием представителей русских профсоюзов на Англо-Русской конференции и на Гуллском конгрессе; необходимость создания нового, единого Интернационала профессиональных союзов без всяких условий и оговорок;

практический опыт, полученный представителями русских профсоюзов во время поездки в Англию, и выводы, которые должны сделать английские рабочие в результате знакомства с СССР.

20. Наша переписка с Амстердамом. Неопубликованная речь на заседании Ленинградского ГСПС 12 декабря 1924 г.

Краткое содержание. Вопрос о необходимости единства международного рабочего движения; принцип, определяющий тактику русских профсоюзов в международном профдвижении; экономические успехи рабочего движения в Западной Европе после войны; эпоха «пацифизма»; новое наступление капитала в Англии; «письмо Зиновьева» и падение правительства Макдональда; германский вопрос и план Дауэса; создание Англо-Русского Комитета, как акт солидарности рабочих Англии и СССР; история переписки с Амстердамским Интернационалом по вопросу о единстве рабочего движения и создании единого Интернационала профсоюзов.

21. Кто победил. Статья, напечатанная в газете «Труд» от 21 февраля 1925 г. № 43.

Краткое содержание. Два различных толкования постановления Амстердамского Интернационала по вопросу о взаимоотношениях с русскими профсоюзами и по вопросу о единстве: толкование лидеров английского профдвижения, полагающих, что это постановление не связывает русские профсоюзы никакими предварительными условиями, и толкование лидера правого крыла Амстердама Удегеста и автора резолюции Стенгюиса, признающих обязательным условием для вступления в Амстердамский Интернационал предварительное признание русскими профсоюзами устава и статутов Амстердама; обманутые представители левого крыла потерпели поражение и должны сделать вывод о необходимости создания Англо-Русского Комитета единства.

22. Положение международного рабочего движения. Доклад на Англо-Русской конференции в Лондоне 6 апреля 1925 г. Опубликовано отдельной брошюрой. Изд. ВЦСПС. Москва. 1925 г.

Краткое содержание. Наступление капитала на рабочих во всех странах и настоятельная необходимость установления единства международного рабочего движения; концентрация капитала в угольной и металлургической промышленности, экстенсивный метод эксплоатации рабочей силы, удлинение рабочего дня и понижение заработной платы; нарастающие противоречия классовых интересов и борьба капиталистов за мировые рынки; классовая борьба рабочих, ее экономический и политический характер;

ошибочность идеи континентальных интернационалов; необходимость единства в национальном масштабе, как предпосылка единства международного рабочего движения; история русских профсоюзов с 1917 г. по 1920 г. и вынужденное, после неудачных попыток установить связь с западно-европейским профдвижением, создание нового Интернационала профессиональных союзов; история переписки с Амстердамским Интернационалом по вопросу о создании единого Интернационала профсоюзов; резолюция Стенгюиса и вызванное ею недоверие к Амстердаму; идея создания Англо-Русского Комитета единства и горячий отклик, который она встретила среди рабочих масс во всем мире.

23. Первомайские лозунги 1925 года. Статья в первомайском номере газеты «Труд», № 98 за 1925 г., и в английской рабочей воскресной газете «Сендей Уоркер».

Краткое содержание. Лозунги о восьмичасовом рабочем дне, о борьбе с милитаризмом и о международной солидарности рабочих организаций всего мира; борьба с наступлением капитала и опасностью новых империалистических войн; раздробленность профессионального движения и призыв к единству; значение работ Англо-Советской рабочей конференции для осуществления единства профессионального движения во всех странах.

24. Итоги Англо-Русской конференции. Доклад на Московской конференции фабзавкомов и правлений союзов 3 мая 1925 г. Издано отдельной брошюрой. Изд. ВЦСПС. Москва. 1925 г.

Краткое содержание. История взаимоотношений российских профессиональных союзов с профессиональными союзами других стран и с Амстердамским Интернационалом; первые безуспешные попытки установить связь между русскими и западно-европейскими профсоюзами в 1918 и 1919 гг.; Бернские конференции 1917 и 1918 гг. и создание Амстердамского Интернационала в 1919 г.; враждебное отношение вождей реформистов к российской революции и игнорирование воззваний ВЦСПС; рост рабочего и забастовочного движения на Западе и достигнутые им успехи; первая рабочая делегация в Советскую Россию из Англии в 1920 г.; создание Красного Интернационала Профессиональных Союзов в Москве; раздробленность рабочего класса и экономическое наступление капитала; эпоха «пацифизма» и новое наступление капитала на рабочих во всех странах; вопрос о создании единого Интернационала и переписка ВЦСПС с Амстердамом в 1923 г.; Венский Конгресс и возобновление переписки в 1924 г.; заседание Генерального Совета Амстердамского Интернационала в

феврале 1925 г. по вопросу о взаимоотношениях с русскими профсоюзами и принятие резолюции Стенгюиса; Англо-Русская конференция в Лондоне, Гулльский конгресс тред-юнионов и приезд английской рабочей делегации в 1924 г. на VI С'езд Профессиональных Союзов СССР; декларация, принятая на Англо-Русской конференции по вопросу о единстве международного рабочего движения, и газетная травля, направленная против английских профессионалистов; идея создания Англо-Русского Комитета и ее значение.

25. **Приветствие «Тред-Юнион Юнити».** Статья, опубликованная в журнале «Тред-Юнион Юнити» в мае 1925 г.

Краткое содержание. Необходимость единства международного рабочего движения для борьбы с капиталом и для освобождения пролетариата от экономического рабства и опасности войн; решение представителей ВЦСПС и британских тред-юнионов осуществить это единство; приветствие русской делегации журналу «Тред-Юнион Юнити», как пионеру, организатору и вдохновителю единства международного рабочего движения.

26. **Год борьбы за единство международного профдвижения.** Речь на заседании конгресса тред-юнионов в Скарборо 9 сентября 1925 г. Опубликована в газете «Труд» от 26 сентября 1925 г.

Краткое содержание. Результаты, достигнутые после Гулльского конгресса тред-юнионов в деле осуществления единства международного профдвижения; поездка в СССР английской рабочей делегации с Перселем и Бромлеем во главе; значение этой поездки и отчета, изданного делегацией; Англо-Русская конференция в апреле 1925 г. в Лондоне, принявшая ряд важных решений по вопросу о единстве в связи с экономическим наступлением капитала и политической реакцией; трудность создания единого боеспособного Интернационала в виду раздробленности рабочих организаций и стремление Амстердамского Интернационала уклониться от деловой постановки вопроса о единстве; создание Англо-Русского Совещательного Комитета для координации действий британских и советских союзов; присоединение конгресса норвежских профсоюзов в Осло к позиции Англо-Русского Комитета; сохранение идейных разногласий при организационном единстве международного профдвижения.

27. **Конгресс английских тред-юнионов в Скарборо.** Доклад на пленуме МГСПС 14 октября 1925 г. Опубликован в газете «Труд» от 16 октября 1925 г.

Краткое содержание. Настроения друзей и врагов единства международного профдвижения перед конгрессом

в Скарборо; приглашение представителей ВЦСПС на конгресс и препятствия, встреченные ими в пути; порядок работ конгресса: доклад Генерального Совета, выступления американских делегатов, делегатов Канады, представителей Амстердамского Интернационала и СССР с приветствиями; отчет Генерального Совета о его международной работе, о единстве и об Англо-Русском Комитете; единогласное утверждение резолюций, а также декларации Англо-Русской конференции и положения о создании Англо-Русского Комитета; принятие резолюции об империализме и колониальной политике; выборы Генерального Совета; вопрос о созыве Англо-Русского Комитета и о его ближайших задачах; первое заседание 17 сентября 1925 г.; приветствия, полученные Англо-Русским Комитетом от рабочих организаций отдельных городов и целых стран, в том числе от Совета Профессиональных Союзов Норвегии, от 23 профсоюзов Франции и др.; выпады органа Амстердамского Интернационала против декларации Англо-Русского Комитета; значение Конгресса тред-юнионов в Скарборо, закрепившего первые шаги на пути к осуществлению единства международного профдвижения.

28. Приветствие австрийской рабочей делегации. Неопубликованная речь на заседании III Пленума ВЦСПС 6 февраля 1926 г.

Краткое содержание. Приезд австрийской, немецкой и шведской делегации как показатель растущего интереса западно-европейских рабочих к русскому профдвижению, к русским рабочим организациям и их взаимоотношениям с государством; ознакомление со всеми сторонами жизни советского государства содействует установлению братских связей между рабочими организациями Запада и СССР и укрепляет единство международного профдвижения.

29. Задачи коммунистов в профессиональном движении. Речь на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 г. Издана отдельной брошюрой. Изд. ВЦСПС. Москва. 1926 г.

Краткое содержание. Затяжной характер переговоров ВЦСПС с Амстердамским Интернационалом по вопросу о единстве международного профессионального движения; уступки, сделанные со стороны ВЦСПС Амстердамскому Интернационалу, и нежелание последнего итти навстречу профсоюзам СССР; связь вопроса о единстве с вопросом о методах руководства коммунистических партий беспартийными рабочими массами; коммунистические методы руководства и тактика реформистов; организационная мобилизация коммунистов в профдвижении, обеспечивающая им возможность работы при осуществлении единства; мобилизация, на ряду с коммунистами, сторонников единства

из левых, наиболее честных элементов социал-демократии, и непартийных рабочих; рост числа таких сторонников единства среди английских горняков, в виду надвигающегося конфликта в угольной промышленности, и среди рабочих делегаций, посетивших СССР; борьба с реформистами за руководство рабочими массами; вопрос о взаимоотношениях партии и профессиональных союзов, многообразие методов руководства массами, направленных к организации сознательной классовой борьбы за свержение капитализма; взгляд В. И. Ленина на подход к рабочей массе без тени фальшивой идеализации; резолюция Лондонского с'езда о профсоюзах и ошибки многих большевиков, работавших в профдвижении, но неправильно понявших эту резолюцию; «независимость» профсоюзов, проповедуемая реформистами, и задача коммунистов — вести профсоюзы под руководством коммунистической партии; методы убеждения, а не командования, общего руководства, а не мелкого вмешательства в повседневную союзную работу; партийная ответственность в профдвижении; опасные моменты в руководстве профсоюзами — нецелесообразность выпячивания и афиширования этого руководства; требования к работникам в профдвижении — обладать тактом, чуткостью и практической сметкой; применение этих качеств в международном профдвижении и в борьбе за единство.

30. Английская забастовка началась. Неопубликованное сообщение об английской забастовке на Президиуме ВЦСПС 5 мая 1926 г.

Краткое содержание. Характер всеобщей английской забастовки и число бастующих; необходимость оказания своевременной поддержки, моральной и материальной; меры оказания материальной помощи: отчисление из забастовочных фондов ЦК и ВЦСПС 250 тыс. рублей и призыв ко всем членам союзов отчислить четверть дневного заработка в пользу бастующих; приостановка в портах погрузки в Англию угля, керосина и т. п.

31. Значение и уроки английской всеобщей стачки. Неопубликованный доклад на IV Пленуме ВЦСПС 7 июня 1926 г.

Краткое содержание. Значение английской всеобщей стачки для международного профессионального движения; правильность принципа о неразрывности политической и экономической борьбы рабочего класса; подробное изложение причин английской всеобщей забастовки: кризис в английской угольной промышленности вследствие конкуренции на внешнем рынке с более дешевым бельгийским и французским углем и вследствие более высокой оплаты труда при меньшей продолжительности рабочего

дня, чем в других странах; три возможных выхода из этого положения: рационализация угольной промышленности, национализация ее и понижение жизненного уровня рабочих; отказ английских предпринимателей увеличить основной капитал, рационализировать производство и платить рабочим более высокую, чем в других странах, плату; компромиссное разрешение конфликта в правительственной комиссии путем продления субсидии горнопромышленникам до мая; обострение конфликта к началу мая; заблаговременная подготовка английским правительством мер для подавления всеобщей забастовки; безуспешная попытка вождей Генерального Совета уладить конфликт компромиссом; об'явление локаута и начало забастовки горнорабочих; об'явление всеобщей забастовки; позорное поведение Томаса и Макдональда, старавщихся сорвать забастовку и об'явивших с самого начала, что она носит экономический характер и направлена исключительно в защиту горняков; лойяльность по отношению к конституции вождей Генсовета: приостановка печатания стачечниками на ряду с буржуазными газетами профессиональной и левой печати; предписание Генсовета забастовщикам воздерживаться от насилий, заниматься спортом и т. п.; забастовка транспортников, металлистов и электриков; старание вождей Генсовета ограничить забастовку и ослабить ее политическое значение; отказ от помощи русских профсоюзов и от всякой иностранной помощи; неожиданная ликвидация всеобщей забастовки без предупреждения рабочих и без руководящих директив; капитуляция стачечного комитета; подписание Томасом унизительного договора для союза железнодорожников; декларации Свейльса, Тиллета; продолжение забастовки горняками, несмотря на предписание стачечного комитета о прекращении ее; роль Амстердамского Интернационала в ходе событий: его политика невмешательства в английские дела, отказ в организации международной поддержки английским горнякам и в финансовой помощи; Англо-Русский Комитет и отношение к нему руководителей русского профдвижения; необходимость сохранения Англо-Русского Комитета и продолжения борьбы за единство профдвижения.

32. **Наши взгляды на важнейшие вопросы международного рабочего движения.** Неопубликованная речь на совместном заседании Президиумов ВЦСПС и МГСПС и германской делегации 11 августа 1926 г.

Краткое содержание. Взаимоотношения советских профсоюзов с государством; рабочий класс, организованный в профсоюзы, и диктатура пролетариата; история

и характер русского профессионального движения и связь его с партией пролетариата; соотношение политических и экономических выступлений в классовой борьбе пролетариата; роль профессиональных союзов в русской революции; активное участие союзов в Октябрьском перевороте, в организации диктатуры пролетариата и органов советской власти; советское государство и его отличие от буржуазного; отсутствие классовых противоречий в советском государстве и возможность лишь отдельных конфликтов; порядок разрешения последних; борьба с бюрократизмом и недостатками управления; организационная и финансовая независимость русских профсоюзов от государства, их взаимное теснейшее сотрудничество; представительство профсоюзов в высших органах управления; международное значение русской революции и роль русских профессиональных союзов в подготовке мировой рабочей революции; уроки английской всеобщей забастовки; международное положение и угроза новых войн; стабилизация капитализма и раздробленность международного профдвижения; борьба русских профессиональных союзов за единство мирового профдвижения; Профинтерн и Амстердам; роль Англо-Русского Комитета.

33. **Ответ на выступление тов. Лэнсбери.** Неопубликованное выступление на заседании Президиума ВЦСПС 25 августа 1926 г.

Краткое содержание. Приветствие тов. Лэнсбери, как одного из старейших деятелей английского рабочего движения; братский союз, достигнутый между русским и английским пролетариатом, должен привести к созданию активного об'единения пролетарских организаций всех стран.

34. **Ответ на выступление тт. Гетчинсона и Арнота.** Неопубликованное выступление на заседании Президиума ВЦСПС 25 августа 1926 г.

Краткое содержание. Благодарность английским рабочим за привет и братские чувства; обещание содействия со стороны ВЦСПС созданию Международного Рабочего Исследовательского Института; героическая забастовка английских рабочих и недостаточность ее использования; разногласия между ВЦСПС и Генсоветом; помощь, оказанная русскими рабочими английским горнякам, и уверенность, что Англо-Русский Комитет, как основа международного боевого союза рабочих всех стран, будет существовать и выполнять свои задачи.

35. **Заседание Англо-Русского Комитета в Берлине.** Выступление на Пленуме ВЦСПС 31 августа 1926 г. Опубликовано в газете «Труд» от 2 сентября 1926 г.

Краткое содержание. Ошибочное представление членов Генсовета о существовании внутри русского профдвижения правых и левых течений и предложение Пленуму одобрить деятельность русской делегации; предложение об организации систематической помощи бастующим английским горнякам в виде ежемесячных отчислений членами союзов 1% с заработной платы до окончания забастовки; предложение обратиться от имени ВЦСПС с соответствующим воззванием ко всем профорганизациям СССР и к Профинтерну.

36. Отказ в визе на в'езд в Англию. Беседа с представителями печати, опубликованная в газетах «Труд» и «Правда» 5 сентября 1926 г.

Краткое содержание. Негодование всех членов профсоюзов, вызванное отказом в визе руководителям профдвижения СССР на в'езд в Англию; забастовка горняков и классовая политическая борьба между английскими капиталистами и английскими рабочими; «верность конституции» вождей Генсовета и отмена «хабеас-корпус-акта» английским правительством, принявшим меры к вооруженному подавлению забастовки; предательство Генсоветом интересов рабочего класса и преступный отказ от моральной и материальной поддержки рабочих СССР; необходимость дальнейшей борьбы и поддержки английских горняков вплоть до об'явления эмбарго; необходимость создания действительного единого, действенного Интернационала профсоюзов, а также сохранения и укрепления тесного союза рабочих Великобритании и СССР, в целях борьбы против политического и экономического наступления капитала, угрозы войны и для осуществления действительного единства международного профдвижения.

37. Английская стачка и задачи международного рабочего движения. Доклад на расширенном пленуме МГСПС 8 сентября 1926 г. Издан Госиздатом отдельной брошюрой под таким же заголовком. ГИЗ. М.—Л. 1926 г.

Краткое содержание. Кризис в английской угольной промышленности и локаут, об'явленный горнопромышленниками, как причины всеобщей забастовки; ее политический характер, несмотря на усилия вождей Генсовета сделать стачку исключительно экономической; отсутствие политического руководства и предательское поведение стачечного комитета, прекратившего забастовку на девятый день без предупреждения рабочих и оставившего горняков на произвол судьбы; оценка, данная Пленумом ВЦСПС английской стачке и поведению вождей; Парижское совещание Англо-Русского Комитета и отказ представителей

Генсовета обсуждать вопрос о помощи английским горнякам; Берлинское совещание и отклонение представителями Генсовета русских предложений о помощи английским горнякам; основные разногласия в вопросе о характере современного рабочего движения; линия американского и линия русского профдвижения; вопрос о единстве международного профдвижения и уроки английской забастовки; Англо-Русский Комитет, его жизненность, необходимость его сохранения и активизации.

38. Новый британский закон о профсоюзах. Беседа с представителями печати 7 мая 1927 г. Опубликована в газетах: «Правда», «Известия» и «Труд» 8 мая 1927 г. и в «Уоркерс-Лайф» — 13 мая 1927 г. Помещена также в брошюре «Международное положение и Англо-Русский Комитет». Книгоизд. ВЦСПС. Москва. 1927 г.

Краткое содержание. Фашистский характер нового британского закона о профсоюзах, порывающего с основными традициями английской конституции, запрещающего всякое проявление пролетарской солидарности, стачки сочувствия, денежные сборы для стачечников, и разрешающего конфисковать фонды профсоюзов; классовый смысл нового закона, как орудия для фактического разгрома тред-юнионов; пассивное отношение к новому закону вождей тред-юнионов; их нежелание и неумение мобилизовать все силы рабочего класса для политической борьбы с консервативным правительством; травля революционных меньшинств и коммунистов; необходимость начать борьбу за фактический срыв нового закона, за непроведение его в жизнь.

39. Угроза войны и задачи рабочего класса. Речь на заседании пленума Ленинградского Совета РК и КД 11 июня 1927 г. Издана отдельной брошюрой. Книгоиздательство ВЦСПС. Москва. 1927 г.

Краткое содержание. Начало мировой пролетарской революции в СССР и затяжной характер борьбы нового мира со старым, капиталистическим; «передышка», наступившая после окончания гражданской войны и подготовка новых, решительных боев; английская буржуазия и английский капитализм, в лице консервативного правительства, как главные враги, вдохновители и организаторы нападения на СССР; международное положение Англии; внешние и внутренние осложнения: события в Китае, забастовка горнорабочих, борьба за рынки, неизбежность новой войны и симптомы ее приближения; мирная политика советской власти и необходимость сплочения сил для подготовки обороны страны. *Заключительное слово.* Ответы

на вопросы: о посещении английским флотом Балтийского моря, о том, когда будет война, об отношении Германии к СССР, о китайской революции и т. п.

40. Международное положение и Англо-Русский Комитет. Доклад на внеочередном Пленуме ВЦСПС 28 июня 1927 г. Опубликован в брошюре «Международное положение и Англо-Русский Комитет». Книгоизд. ВЦСПС. Москва. 1927 г.

Краткое содержание. Длительная переписка ВЦСПС с Генсоветом по поводу созыва Англо-Русского Комитета и ее причины; оценка деятельности представителей профдвижения СССР в Англо-Русском Комитете, данная VII Всесоюзным С'ездом Профсоюзов, и резолюция с'езда об опасности срыва Англо-Русского Комитета и о необходимости его сохранения и активизации; компромиссный характер деятельности Англо-Русского Комитета и борьба в нем двух тенденций — коммунистической и реформистской; Берлинское совещание Англо-Русского Комитета; переписка по поводу напечатанного в газетах интервью о новом британском законе о профсоюзах и оттяжка со стороны Генсовета созыва совещания для организации кампании против новой империалистической войны и нападения на СССР; значение политики срыва Англо-Русского Комитета, как прямой измены Генсовета и предательства им рабочих СССР.

41. Угроза войны и единство мирового профдвижения. Речь на заседании Президиума ВЦСПС совместно с иностранными делегациями 6 ноября 1927 г. Опубликована в «Вестнике Труда» за декабрь 1927 г. в сокращенном виде. Печатается по тексту «Вестника Труда».

Краткое содержание. Ответы на вопросы членов немецкой делегации: о возможности войны и революции; о подготовке нападения на СССР; о значении единого Интернационала профсоюзов для классовой борьбы в международном масштабе; о причине невступления профсоюзов СССР в Амстердамский Интернационал; о возможности об'единения Профинтерна и Амстердама; ответы на вопросы английских делегатов: о срыве Англо-Русского Комитета и о мерах к восстановлению единства между русским и английским рабочим движением; ответы на мелкие вопросы: о характере деятельности профсоюзов СССР и т. п.

42. Борьба с опасностью войны и международное рабочее движение. Неопубликованный доклад на Конгрессе Друзей СССР 12 ноября 1927 г.

Краткое содержание. Противоречия империализма, сохранившиеся после империалистической войны; процесс

капиталистической рационализации и рост индустриализации колоний; борьба за рынки и за передел мира; назревающие конфликты между государствами и создание новых коалиций; столкновение интересов международного империализма и Республики Советов; события в Китае; неизбежность новой империалистической войны и меры борьбы с нею.

Хроника
международного профессионального движения (1918—1927).

1917 год.

Ноябрь 7. Октябрьская революция в России.

1918 год.

Январь 20—27. Первый Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов высказался за созыв международного с'езда профессиональных союзов.

Январь. В Германии бастовали рабочие Берлина, Гамбурга и других крупных промышленных центров. Основным требованием было прекращение войны и мир с Советской Россией на условиях, предложенных советской делегацией.

Январь. В Финляндии белогвардейцами при поддержке немецких войск была уничтожена советская власть. Все революционно настроенные профсоюзы были разгромлены.

Март 15. В Швейцарии под влиянием роста стачечного движения правительством был введен 8-часовой рабочий день.

Март. Падение советской власти в Эстонии. Все рабочие и профессиональные организации были разгромлены и загнаны в подполье.

Март. Обращение ВЦСПС к мировому пролетариату с просьбой о поддержке русской революции и с приглашением к об'единенным профсоюзам всех стран прислать своих представителей на совещание в Москву по вопросу о созыве международной конференции.

Апрель 23. Всеобщая забастовка в Ирландии в знак протеста против принудительного набора в армию. Забастовка была организована ирландским об'единением профсоюзов.

Апрель. В Мадрасе (Индия) среди туземных рабочих организовался первый в Индии профессиональный союз, в который вошли текстильщики крупных предприятий города. После этого начался быстрый рост профсоюзов. С 1918 по 1920 г. возникло 75 профессиональных союзов с количеством членов до 1 миллиона человек.

Июль. В Мексике состоялся III рабочий С'езд, на котором решено было организовать Конфедерацию труда. Был избран Исполнительный Комитет.

Июль. В Париже состоялся первый после войны Конгресс Всеобщей Конфедерации Труда, на который прибыли представители от 1.208 синдикатов. Было решено усилить централизацию французского профдвижения, а также требовать от правительства признания Советской России.

Ноябрь 3 — 9. Свержение монархии в Германии.

Ноябрь 18. В Греции состоялся учредительный конгресс Всеобщей Федерации Рабочих.

Ноябрь 23. В Польше введен 8-часовой рабочий день.

Ноябрь. Состоялась конференция профсоюзов в Америке, на которой участвовали представители Соединенных Штатов, Мексики, Гватемалы, Коста-рико, Сальвадора и Колумбии. Было решено организовать Пан-Американскую Федерацию Труда. Ее задачи были определены так: улучшение условий труда рабочих, переезжающих из одной страны в другую, и содействие улучшению взаимоотношений народов американских республик.

Ноябрь. В Румынии возобновили деятельность профсоюзы, разгромленные во время войны.

Октябрь — ноябрь. Революция в Австро-Венгрии. Образование самостоятельных государств Чехо-Словакии, Венгрии и Немецкой Австрии.

1919 год.

Январь 15. В Германии после неудачного восстания спартаковцев в Берлине убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Январь. В Иоркшире (Англия) бастовали 150 тыс. горнорабочих.

Февраль 19. В Берне (Швейцарии) состоялась конференция профессиональных союзов, на которой решено было восстановить международное об'единение профсоюзов.

Март 2 — 5. В Москве состоялась международная конференция коммунистических партий, на которой было решено организовать Коммунистический Интернационал.

Март 21. Образование советского правительства в Венгрии.

Март. В Польше состоялась об'единенная конференция профессиональных союзов, стоящих на почве классовой борьбы, на которой участвовали делегации бывшей русской Польши, Познани и Галиции. Решено было организовать об'единение всех профессиональных союзов, стоящих на этой платформе.

Апрель 7. Образование Советской республики в Баварии.

Апрель 23. Закон о 8-часовом рабочем дне во Франции.

Апрель 29 — 30. В Амстердаме состоялся первый после войны конгресс Международной федерации транспортников.

Апрель. Бастовали горнорабочие в Англии (1.200.000).

Апрель. Об'единенное совещание польских профессиональных союзов, признающих необходимость классовой борьбы, избрало временную Центральную комиссию профсоюзов.

Май 1. Падение советской власти в Баварии.

Май 22. Падение Советской республики в Латвии. Рабочие профессиональные организации разгромлены и загнаны в подполье.

Май. В Италии введен 8-часовой рабочий день на государственных и частных железных дорогах.

Май — июнь. В Виннипеге (Канада) происходила всеобщая забастовка с требованием повышения заработной платы. В стачке участвовали 35 тыс. человек. После забастовки был организован революционный союз под названием «Единый Большой Союз».

Июнь 1. В Гааге состоялся первый конгресс христианских союзов, на котором было решено создать Международную конфедерацию христианских профсоюзов.

Июнь 28. В Версале (Франция) заключен мирный договор между державами Антанты и Германии. В мирный договор включен также вопрос об установлении международной регламентации труда. Провозглашены следующие принципы: 1) труд не должен рассматриваться как товар или предмет торговли; 2) свобода союзов; 3) оплата труда не ниже прожиточного минимума; 4) 8-часовой рабочий день и 48-часовая рабочая неделя; 5) еженедельный отдых; 6) отмена детского труда; 7) равная заработная плата для мужчин и женщин.

Июнь. В Англии бастовали рабочие хлопчатобумажной промышленности в количестве 150 тыс. человек. Требования об увеличении заработной платы и уменьшении рабочего дня были удовлетворены.

Июнь. В Италии бастовали 1.500.000 рабочих в знак солидарности с Советской Россией. Забастовка началась по призыву Всеобщей конфедерации труда и социалистической партии.

Июль 28 — август 22. В Амстердаме происходил первый после войны Международный конгресс реформистских профессиональных союзов, решивший организовать Международную федерацию профсоюзов. Был принят устав, а также решено было принять участие в Международном бюро труда, организованном при Лиге Наций.

Июль — август. Стачка железнодорожников в Германии.

Август 2. Падение советской власти в Венгрии. Началось преследование революционных профессиональных союзов; все организации, возникшие после 31 октября 1918 г., были закрыты. Около 70% профработников были арестованы и заключены в тюрьму.

Август 15. В Англии введен 7-часовой рабочий день для подземных рабочих и $7^3/_4$ часа для работающих на поверхности.

Август 12 — 22. В Японии бастовали рабочие Токийского арсенала.

Август 30. В Эстонии состоялся первый с'езд профсоюзов, который потребовал немедленного заключения мира с Советской Россией и прекращения преследования коммунистов. С'езд был разогнан по распоряжению министра внутренних дел, социал-демократа. Большинство делегатов было арестовано и выслано в Советскую Россию.

Август. Воззвание ВЦСПС к рабочим Антанты о братской помощи русским рабочим в борьбе с международной буржуазией.

Сентябрь 18. В Германии забастовали металлисты Берлина и его пригородов, требуя повышения заработной платы. В стачке участвовало около 200 тыс. человек. Требования рабочих были удовлетворены частично.

Сентябрь 27. Забастовали железнодорожники в Англии. В стачке участвовало около 500 тыс. человек; на 8-й день после удовлетворения части требований стачка прекратилась.

Сентябрь. В Испании, в Каталонии, бастовали рабочие (500 тыс. чел.), требуя повышения зарплаты. Несмотря на аресты руководителей, стачка продолжалась 15 дней и закончилась после удовлетворения части требований.

Сентябрь. Забастовали рабочие по обработке стали в Северной Америке. Стачка продолжалась 4 месяца. Основные требования: отмена 10-часового рабочего дня и повышения заработной платы были удовлетворены.

Октябрь 19. Закон о 8-часовом рабочем дне в Швеции.

Октябрь. Стачка сельских рабочих в Польше.

Октябрь 27 — ноябрь 29. В Вашингтоне состоялась конференция по вопросам труда, созванная правительством Соединенных Штатов. Присутствовали представители 41 страны. На ней было выработано 6 проектов-соглашений: 1) об обязательном введении во всех примыкающих к Лиге Наций странах 8-часового рабочего дня; 2) о безработице; 3) об отпуске для женщин-работниц за шесть недель до и на шесть недель после родов; 4) о запрещении ночной работы для женщин; 5) о минимальном возрасте при допущении на работу; 6) о запрещении ночной работы детей и подростков.

Октябрь — декабрь. В Каталонии (Испания) предприниматели совместно с правительством начали наступление на рабочий класс. Был об'явлен локаут, которому подверглись 500 тыс. человек. Профессиональные союзы были об'явлены распущенными, но, несмотря на это, они работу свою не прекратили. Через две недели предприниматели об'явили о возобновлении работ, но рабочие на работу не вернулись, и локаут превратился во всеобщую забастовку, которая окончилась после удовлетворения предпринимателями ряда требований рабочих и об'явления о легализации профсоюзов.

Декабрь 18. В Польше отменен закон о 8-часовом рабочем дне.

Декабрь 18. Закон о 8-часовом рабочем дне в Австрии.

Декабрь. В Индии в Бомбее бастовали рабочие хлопчатобумажных предприятий. В стачке принимало участие около 200 тыс. человек. Часть требований рабочих была удовлетворена. Введен был 10-часовой рабочий день и повышена заработная плата на 20%.

Декабрь. Закон о 48-часовой неделе и 8-часовом рабочем дне в Чехо-Словакии.

Декабрь. В Палестине организовалась Конфедерация труда еврейских рабочих «Тистрадут-Кахлалит». В 1922 г. Конфедерация примкнула к Амстердамскому Интернационалу.

1920 год.

Февраль. Во Франции бастовали железнодорожники и металлисты, требуя повышения зарплаты и проведения в жизнь 8-часового рабочего дня.

Март 17. Всеобщая забастовка в Германии. Забастовка началась в связи с вступлением в Берлин войск генерала Каппа с целью восстановления монархии Гогенцоллернов. В стачке участвовало около 4 миллионов рабочих и служащих. Забастовка окончилась после капитуляции Каппа.

Март. В Лионе бастовали: печатники, текстильщики и ряд других профессий. Везде выставлялись требования проведения 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы.

По этим же причинам волна стачек прокатилась во всей Франции.

Апрель 15. Началась забастовка железнодорожников в Югославии. После удовлетворения части требований бастующие приступили к работе.

Апрель 16. Бастовали 94 тыс. железнодорожников в Австрии. Стачка была сорвана реформистскими вождями.

Апрель. Стачка железнодорожников в Северной Америке. Окончилась поражением вследствие предательства руководителей профсоюзов.

Апрель. В Японии бастовали рабочие чугунно-литейных заводов Иаваты. Требования повышения зарплаты не были удовлетворены.

Апрель. В Индии происходили забастовки на правительственных железных дорогах.

Апрель. В Ирландии состоялась однодневная всеобщая стачка, организованная профсоюзами. Основное требование: освобождение политических заключенных.

Апрель. В Турине (Италия) происходила всеобщая забастовка. Стачечники требовали признания предпринимателями и правительством фабзавкомов и повышения зарплаты. Руководители Всеобщей Конфедерации Труда не поддержали забастовки, несмотря на желание рабочих к ней присоединиться.

Май 1. Во Франции революционная федерация железнодорожников об'явила всеобщую забастовку с требованием повышения заработной платы, а также национализации железных дорог. Стачка продолжалась в продолжение месяца и окончилась поражением рабочих. 20 тыс. железнодорожников были уволены со службы. Многие руководители стачки были арестованы и высланы из пределов Франции.

Май. Происходил с'езд финляндских профсоюзов, на котором большинство имели левые, во главе которых стояли коммунисты. По предложению левых было принято решение реорганизовать профсоюзы по производственному принципу.

Май. Состоялся первый конгресс профсоюзов в Польше, который выпустил декларацию с призывом строить профсоюзы по отраслям производства.

Май — июнь. Посещение Советской России рабочими делегациями: Английской рабочей партии, Конгресса тред-юнионов и Итальянской всеобщей конфедерации труда.

Июнь 16. По инициативе ВЦСПС состоялось в Москве совещание представителей революционных профессиональных союзов Великобритании, Италии и России. Совещание пришло к решению о необходимости создания революционного центра международного профдвижения и одновременно указало на недопустимость ухода из существующих профессиональных союзов. Было отвергнуто предложение о создании секции профессионального движения при Коммунистическом Интернационале и было решено организовать самостоятельный Интернационал профессиональных союзов. Избрана инициативная комиссия, которой поручено созвать Международный с'езд профессиональных союзов.

Июль. Окончательно оформился революционный центр мирового профессионального движения, получивший название Международного совета профессиональных союзов. Совет составился из представителей отдельных стран по 1 от каждой. Для текущей работы было избрано бюро, состоящее из 5 членов, в том числе одного постоянного представителя Коминтерна.

Июнь — июль — август. В Италии происходили забастовки рабочих с требованием увеличения зарплаты и предоставления права участия в управлении производством. Не добившись удовлетворения требований, рабочие стали захватывать фабрики, заводы и имения в собственные руки, об'являя их владельцев экспроприированными. Всего было захвачено около 600 предприятий. Вследствие предательства реформистов движение было подавлено. Некоторые требования рабочих были удовлетворены, и к октябрю все предприниматели получили обратно свои предприятия.

Июль — август. В Германии происходили забастовки рабочих. Стачечники выставляли требования о недопущении через Германию военных транспортов в Польшу.

Август 17 — 19. Состоялся учредительный с'езд международного союза сельскохозяйственных рабочих, который выставил требование передачи всей земли народу и установления 8-часового рабочего дня. Союз примкнул к Амстердамскому Интернационалу.

Август. Состоялся международный конгресс булочников, пивоваров и мясников. Решено было организовать единый международный союз пищевиков.

Сентябрь 1. В Северной Америке началась стачка горнорабочих. Были выставлены требования о повышении заработной платы. Стачка продолжалась 3 недели и окончилась поражением рабочих.

Октябрь 13. В Лондоне (Англия) безработными, под влиянием компартии, был создан Совет безработных.

Октябрь 18 — ноябрь 3. С требованием повышения зарплаты в Великобритании бастовали 1.100.000 рабочих. Стачка окончилась не в пользу рабочих.

Октябрь 23. Началась всеобщая забастовка в Румынии. Рабочие требовали увеличения зарплаты и уменьшения рабочего дня. Стачка окончилась 28 октября поражением рабочих.

Ноябрь 2—7. V Всероссийская Конференция Профсоюзов предложила всем ЦК принять участие в международных с'ездах и конференциях профсоюзов.

Ноябрь 20—27. В Амстердаме состоялся II Конгресс Амстердамского Интернационала. На конгрессе участвовали представители 17 национальных об'единений и 18 международных об'единений.

Ноябрь. В Индии состоялся первый Всеиндийский конгресс профсоюзов.

Ноябрь. В Испании в Барселоне началась общая стачка рабочих металлургической промышленности. Забастовка продолжалась 6 недель и закончилась полным поражением рабочих.

Ноябрь. В Кайпинских угольных копях в провинции Чжи-Ли (Китай) произошла забастовка, которая вызвана взрывом в угольных шахтах, во время которого погибло 700 человек. Одним из основных требований забастовщиков было учреждение института фабричных инспекторов.

Данная забастовка является первым организованным выступлением китайского пролетариата.

Декабрь 25. В Югославии закрыты революционные профессиональные союзы.

Декабрь 30. В Югославии началась всеобщая забастовка. Основным требованием было прекращение преследования рабочих организаций.

Декабрь. В городе Осло (Норвегия) происходила забастовка рабочих металлургической промышленности.

1921 год.

Февраль 24. В Польше забастовали машинисты паровозов и рабочие мастерских с требованием повышения заработной платы. Под давлением рабочих профсоюзы об'явили 28 февраля всеобщую забастовку, которую прекратили 2 марта после обещания правительства удовлетворить часть требований.

Февраль. В Италии в знак протеста против фашистских убийств бастовали в течение 48 часов 2½ милл. рабочих.

Февраль. В Египте возникло об'единение профсоюзов под именем Всеобщей конфедерации труда, примкнувшее к Красному Интернационалу Профсоюзов.

Февраль. В Мексике происходила стачка железнодорожников.

Март. В Японии, в городе Токио, на верфях Квасаки Миу-Баки бастовали рабочие (40 тыс.), требуя повышения зарплаты, организации фабзавкомов и введения коллективных договоров. Забастовка кончилась поражением рабочих. Во время забастовки 300 человек было арестовано, из которых 180 человек были присуждены к тюремному заключению.

Март. В Люксембурге происходила стачка среди рабочих горных промыслов.

Апрель 15. В Англии вожди профсоюзов железнодорожников и транспортников отказались поддержать забастовку углекопов, несмотря на то, что по заключенному ранее соглашению этих трех союзов, в случае об'явления стачки одним из них, другие должны были его поддержать. После измены углекопы продолжали бастовать около 3 месяцев и принуждены были пойти на работу на условиях, выгодных предпринимателям.

Апрель. В Италии, в связи с расстрелом рабочих в Болонье, в течение 48 часов бастовали рабочие (1 милл. человек).

Июнь 3 — 19. В Москве состоялся первый учредительный конгресс Профинтерна. Присутствовало 380 делегатов из 41 страны. Кроме всех европейских стран, были представлены рабочие организации Америки, Азии, Африки и Австралии. Конгресс принял устав, важнейшие пункты которого были таковы: организация рабочих для уничтожения капиталистического общества и установления социалистического строя, борьба против идеи сотрудничества классов, борьба против международной федерации профсоюзов Амстердамского Интернационала как являющейся по своей программе и тактике опорой буржуазии.

На конференции обсуждался также вопрос о взаимоотношениях с Коминтерном. Было решено установить более тесные связи с Коммунистическим Интернационалом на основе взаимного представительства в исполнительных органах Профинтерна и Коминтерна.

Июнь 14. В Бельгии введен закон о 8-часовом рабочем дне и 48-часовой рабочей неделе.

Июль — август. Профинтерн приступил к организации во всех международных об'единениях профессиональных союзов Международных комитетов пропаганды в целях сплочения революционных элементов профдвижения и пропаганды революционных идей.

Август 12. Организация Комитета международной помощи голодающим Советской России.

Август 22. В Польше началась забастовка железнодорожников в бывших прусских провинциях. К 1 сентября стачка охватила всю Польшу; борьба, в виду предательства вождей профсоюзов, окончилась поражением рабочих.

Август. Во Франции бастовали 60 тыс. текстильщиков с требованием повышения заработной платы. 11-недельная стачка окончилась поражением рабочих.

Август. В Испании происходили забастовки против войны в Марокко.

Сентябрь 19. Бастовали железнодорожники в Вене (Австрия).

Октябрь. Всеобщий рабочий союз в Болгарии решил присоединиться к Профинтерну.

Октябрь. В Кронштадте (Румыния) состоялся первый конгресс румынских профсоюзов, на котором присутствовали 94 делегата от

81 организации. Коммунисты к участию в работах конгресса допущены не были. Во главе конгресса стояли реформисты.

Ноябрь 21—23. В Манчестере (Великобритания) состоялся общенациональный конгресс безработных, в котором участвовало 40 делегатов от 90 комитетов (возникших в разных городах вслед за организацией Лондонского комитета безработных); большинство делегатов состояло из коммунистов. Было решено добиваться присоединения комитета безработных к местным тред-юнионам, а также представительства безработных комитетов помощи безработным. Было выставлено требование немедленного признания и восстановления торговых сношений с Советской Россией.

Ноябрь. В Персии в Тегеране организовался центральный совет профсоюзов с целью руководства деятельностью возникших профорганизаций и организации новых союзов.

К 1924 году совет об'единял 11.564 рабочих и служащих (всего рабочих и служащих в Тегеране 50.000).

Декабрь 22—24. Во Франции состоялась конференция левых об'единений, на которой было решено организовать Всеобщую Унитарную Конфедерацию Труда.

Декабрь. В Нью-Йорке, в Филадельфии и Чикаго бастовали швейники (100.000 чел.), требуя повышения заработной платы.

Декабрь. В Константинополе возник международный союз рабочих, поставивший своей целью об'единение рабочих всех национальностей, революционизирование существующих профессиональных союзов и создание новых. Международный союз с первых же дней примкнул к Коминтерну. За короткое время союзу удалось об'единить до 8 тыс. рабочих.

Декабрь. В Шанхае организовался Всекитайский секретариат профсоюзов.

1922 год.

Январь. Бастовали текстильщики в г. Чан-Ша (Китай). Стачка сопровождалась кровавыми столкновениями с полицией. После продолжительной борьбы забастовка кончилась в пользу рабочих.

Январь. В южной Африке забастовали шахтеры, требуя повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня. В марте забастовка превратилась во всеобщую. Во время стачки были вооруженные столкновения с войсками. Стачка закончилась поражением рабочих.

Февраль 1. В Китае в Гон-конге забастовали рабочие (моряки) с требованием повышения зарплаты. После продолжительной борьбы стачка закончилась победой рабочих.

Февраль 1. В Германии, требуя повышения заработной платы, забастовали железнодорожники. В забастовке приняло участие около 800 тыс. человек.

Стачка окончилась поражением вследствие предательства руководителей профсоюзов.

Февраль 2. В Чехо-Словакии забастовали рудокопы (150 тыс. человек). Требования рабочих о повышении заработной платы в тот же день были частично удовлетворены и работы были возобновлены. Стачка продолжалась только один день.

Март 9. В Вюртемберге (Германия) забастовали металлисты, требуя повышения зарплаты. В стачке участвовало свыше 100 тыс. человек.

Март 11. В Англии союз владельцев металлических заводов об'явил локаут 250 тыс. рабочих.

Март 25. Желая добиться понижения зарплаты, союз судостроителей об'явил локаут 800 тыс. рабочих.

Апрель 2—5. В Берлине состоялась конференция представителей исполкомов трех Интернационалов (II, II½ и III) для установления единого фронта. Было достигнуто соглашение о созыве общей конференции, а также об устройстве 20 апреля и 1 мая демонстраций под лозунгами: 8-часовой рабочий день; борьба против безработицы; поддержка русской революции и Советской России. Однако, совместные выступления этих Интернационалов оказались невозможными, так как II и II½ Интернационалы сорвали единый фронт.

Апрель 20—26. В Риме (Италия) состоялся III Конгресс Амстердамского Интернационала, на котором было принято решение об'явить в случае новой войны всеобщую забастовку.

Апрель. В Северной Америке бастовало 600 тыс. рабочих, требуя повышения зарплаты.

Май. В Испании началась всеобщая стачка бискайских металлистов, не согласившихся на предложение предпринимателей о сокращении зарплаты. Стачка продолжалась около месяца и закончилась не в пользу рабочих, главным образом, вследствие предательства реформистских профсоюзов.

Май. В Кантоне состоялся 1 Всекитайский с'езд профессиональных союзов. На с'езде присутствовало 160 представителей от 200 профессиональных организаций. С'езд выдвинул требование введения 8-часового рабочего дня и признал необходимым организацию Всекитайской Конфедерации Труда.

Июнь 19. В Италии союз металлистов об'явил стачку вследствие снижения предпринимателями зарплаты рабочих. Бастовало 400.000 человек.

Июнь 21—23. В Иннсбруке (Австрия) состоялся II Конгресс Международной конфедерации христианских профсоюзов. Конгресс высказался против национализации тех или иных отраслей народного хозяйства.

Конгрессом была принята резолюция, требовавшая признания СССР при условии уплаты долгов и гарантии прав частной собственности и личной свободы для иностранцев.

Июнь 25—30. Во Франции, в Сент-Этьене, состоялся Конгресс Всеобщей Унитарной Конфедерации Труда. Присутствовало 333 делегата,

представлявших 360 тысяч организованных рабочих. Было принято решение присоединиться к Профинтерну.

Июнь 30. Стачка текстильщиков и горнорабочих в Северной Америке (200 тыс. человек). Окончилась не в пользу рабочих.

Июнь. В Италии состоялся I С'езд фашистских профессиональных корпораций, который постановил, что выборы и назначения руководителей корпораций должны происходить под руководством фашистской партии.

Июнь. В Германии состоялась Международная конференция анархо-синдикалистов, на которой было решено созвать международный с'езд синдикалистов. Избрано бюро, которому поручено произвести подготовку к с'езду.

Август. В Укле (Бельгия) состоялась I Международная конференция по рабочему просвещению. Участвовали представители рабочих культурно-просветительных организаций. Большинство участников конференции состояло из реформистов.

Август. Забастовка железнодорожников в Китае, охватившая все главные железнодорожные магистрали Китая.

Октябрь 3. Расширенный пленум Норвежского об'единения профсоюзов постановил выйти из Амстердамского Интернационала.

Октябрь 25 — 29. Фашистский переворот в Италии.

Ноябрь 19 — декабрь 2. В Москве состоялся II Конгресс Профинтерна, на котором присутствовало 213 делегатов от 41 страны. Конгресс принял следующие решения: 1) бороться против выхода из реформистских союзов, имевшего место во многих странах; 2) учитывая революционные и синдикалистские настроения во многих странах и во имя расширения революционного фронта, было признано необходимым изменить пункт устава о взаимоотношениях между Профинтерном и Коминтерном, принятый на предыдущем Конгрессе, изменить в том смысле, что вместо организационного единства оба Интернационала находятся лишь в идейной связи. Конгресс также выдвинул необходимость работы в колониальных и полуколониальных странах.

Ноябрь 23 — 25. В Берлине состоялся конгресс революционных фабзавкомов. Присутствовали 900 делегатов от 2 тысяч фабзавкомов. Была принята программа, сводившаяся к следующему: установление диктатуры пролетариата и принятие немедленных мер к улучшению положения рабочего класса. Был создан постоянный Всегерманский центр фабзавкомов («Исполнительная комиссия фабзавкомов»).

Ноябрь 5 — декабрь 12. IV Конгресс Коминтерна рассматривал вопрос о мировом профдвижении и признал недопустимым выход коммунистов из реформистских профсоюзов.

Декабрь 25. В Берлине состоялся анархо-синдикалистский конгресс, созванный Временным международным бюро синдикалистов. На конгрессе наметилось три направления: 1) за немедленное создание анархо-синдикалистского Интернационала, 2) за переговоры с Профинтерном и 3) за немедленное вступление в Профинтерн. Победило

первое течение: было решено организовать особый Интернационал под названием «Международное Товарищество Рабочих».

Декабрь. Турецкое правительство, стремясь создать противовес революционному профдвижению, создало желтый Национальный союз рабочих («бирцик»), первоначально об'единивший 10 союзов с 10 тыс. членов. Однако, преследования революционных профорганизаций побудили войти в данный союз и многие оппозиционные элементы, что привело к его закрытию турецкими властями (май 1924 г.).

1923 год.

Январь 12. Коминтерном и Профинтерном для подготовки совместных выступлений был образован Комитет Действия на паритетных началах. На таких же началах во всех странах были образованы местные комитеты действия.

Январь 13. Обращение Коминтерна и Профинтерна к II Интернационалу и к Амстердамскому об'единению профсоюзов с призывом к борьбе с угрозой войны.

Январь 14. Обращение Профинтерна, в связи с оккупацией Рура, к рабочим всех стран с призывом к борьбе против угроз войны.

Январь 27. Постановление ВЦСПС о переводе 100.000 золотых руб. в помощь рабочим Рура. Обращение ВЦСПС к рабочим всех стран с призывом о помощи германскому пролетариату в оккупированном Францией Руре.

Январь. В связи со стремлением французской буржуазии захватить Рурский бассейн (Германия), Профинтерном и Коминтерном была созвана в Эссене (Германия) конференция революционных организаций Франции, Германии, Голландии, Чехо-Словакии и Италии. Конференция, от имени коммунистических партий и революционных профсоюзов, выпустила манифест, предостерегающий рабочий класс о возможности новой мировой войны. Конференция разработала ряд практических мероприятий для борьбы с оккупацией Рура.

Февраль 4. Забастовали рабочие Пекин-Ханькоуской жел. дороги (Китай) в знак протеста против действий У Пей-фу, преследовавшего профессиональные союзы. Стачка была подавлена вооруженной силой, руководители движения казнены.

Март 2. Постановление ВЦСПС о посылке 500.000 пудов хлеба в помощь рабочим Рура.

Март 29. Итальянским фашистским правительством опубликован закон о 8-часовом рабочем дне.

Март. В г. Коломбо (Цейлон) забастовка 20 тыс. рабочих. Бастовали текстильщики, железнодорожники и часть кули. Стачка окончилась поражением рабочих.

Март. ВЦСПС принял участие в созванной по инициативе фабзавкомов Вестфалии международной конференции во Франкфурте-на-Майне, обсуждавшей вопросы о борьбе с опасностью войны, о том, как об'единить рабочих всего мира против капитала. Конференция

постановила послать делегацию к Амстердамскому Интернационалу для переговоров о создании единого фронта борьбы против Версальского мирного договора, оккупации Рура и начавшегося наступления капитала на рабочих. Амстердамским Интернационалом все эти предложения были отклонены.

Апрель. В Верхней Силезии (Германия) стачка горняков и металлистов. Стачкой руководила революционная оппозиция профсоюзов.

Май 15—30. В Руре происходят забастовки с требованиями повышения заработной платы.

Май. В Берлине состоялась Международная конференция федерации транспортников, на которой присутствовали представители союза транспортников СССР. Была вынесена резолюция о том, что единство профдвижения является насущной необходимостью, а также о том, что Советская Россия является оплотом пролетариата против мировой реакции.

Май. В Гонконге (Китай) бастовали 100 тыс. моряков, требовавших улучшения материального положения.

Май—июнь. В Испании происходила стачка рабочих барселонского метрополитена. Стачка продолжалась 3 недели, все требования рабочих были удовлетворены.

Июнь 6—12. Забастовка рабочих в Верхней Силезии с требованиями повышения зарплаты. В стачке участвовало 80% всех рабочих.

Июнь 9. В Болгарии произошел фашистский переворот («цанковщина»). Были разгромлены все рабочие и профессиональные организации.

Июнь. В г. Барселоне (Испания) бастовали транспортники. Стачка продолжалась несколько недель и закончилась не в пользу рабочих.

Август 10. По призыву Берлинской конференции фабзавкомов, с целью свержения реакционного правительства Куно, бастовали рабочие крупных промышленных центров (около 3 милл. человек). Стачка продолжалась 4 дня и окончилась после подачи правительством Куно в отставку.

Август 18. В Швейцарии правительством введен закон о продлении рабочего дня железнодорожников до 9½ часов, на время с 1 апреля по 1 ноября ежегодно.

Август. В Греции происходила всеобщая забастовка, охватившая около 140 тыс. человек. Со стороны правительства к бастующим были применены многочисленные репрессии. Все профессиональные союзы были закрыты, а их имущество было конфисковано. Стачка закончилась поражением рабочих.

Сентябрь 13. В Испании генерал Примо-де-Ривера совершил фашистский переворот.

Сентябрь 10—12. Состоялась общескандинавская конференция транспортников. Норвежской делегацией было внесено предложение о создании единого фронта транспортников. Большинством это предложение было отвергнуто.

Сентябрь 15. В Клаузенбурге (Румыния) состоялся румынский конгресс профсоюзов. Большинство прибывших делегатов были сторонниками Профинтерна, но по доносу реформистов они были арестованы и высланы из города. Оставшиеся 95 делегатов (из 270 прибывших) приняли решение, гласившее, что профессиональные союзы являются политически нейтральными. Одновременно они заявили, что будут бороться с теми партиями и профсоюзами, которые выступают против Амстердамского Интернационала. После с'езда началось преследование революционных профессиональных организаций.

Сентябрь. Состоялся II Конгресс Интернационала пищевиков, который решил принять в свое об'единение профессиональный союз пищевиков СССР.

Интернационал пищевиков является единственным Интернационалом, который, примыкая к Амстердамскому Интернационалу, принял в свой состав советский союз.

Сентябрь — октябрь — ноябрь. В Германии происходило революционное движение. В Гамбурге рабочими была захвачена власть, в Саксонии и Тюрингии образовались правительства из социал-демократов и коммунистов. По всей Германии происходили забастовки. Вследствие предательства социал-демократов революционное движение было подавлено. Все революционные правительства были разогнаны.

Октябрь 1—8. В Москве состоялась международная конференция работников земли и леса. Решено было организовать Международную Федерацию сельскохозяйственных рабочих и вести повсеместно борьбу за повышение заработной платы.

Октябрь 29. В связи с понижением зарплаты забастовали металлисты в Норвегии.

Ноябрь — декабрь. В Венецуэльской республике возник Рабочий союз, который примкнул к Пан-Американской Федерации Труда. Из-за правительственного террора союз не мог функционировать в самой Венецуэле и перенес свою деятельность на территорию Северо-Американских Соединенных Штатов.

Декабрь 4—6. I Международная конференция революционных рабочих швейной промышленности.

1924 год.

Январь 19. Стачка транспортных рабочих в Осло и других норвежских гаванях в связи с понижением зарплаты и удлинением рабочего дня.

Январь 21. Умер *В. И. Ленин.*

Февраль 21. Норвежские предприниматели об'явили локаут рабочим, охвативший около 50% всех рабочих Норвегии. После ожесточенной борьбы локаут закончился компромиссным соглашением.

Апрель 24. В Сеуле (Корея) состоялся с'езд рабочих и крестьянских союзов. Было решено организовать Всеобщую федерацию рабочих и крестьянских союзов и выставлены требования: 1) о введении

8-часового рабочего дня, 2) об установлении минимума зарплаты и 3) об ограничении арендной платы.

Профсоюзы в Корее возникли в 1922 году.

Май 1. В Кантоне (Китай) происходила конференция рабочих организаций, в которой участвовало 200 делегатов от 62 союзов. Были приняты резолюции: 1) об организации бирж труда, 2) об издании закона об охране труда, 3) об организации союза рабочей молодежи и 4) об организации примирительных камер.

Май 14. Встреча в Лондоне группы представителей советских профсоюзов с Генеральным советом тред-юнионов, положившая начало переговорам между профессиональными союзами СССР и Великобритании.

Май. В Турции организовалась «Ассоциация рабочих Турции», охватившая до 20 союзов. Во главе организации стали ее революционно настроенные члены.

Июнь 17—23. В Кантоне (Китай) происходила конференция транспортников тихоокеанских стран, созванная по инициативе Профинтерна. Присутствовало 25 делегатов от профсоюзов Китая, Филиппинских островов и Индонезии. Было решено организовать об'единение транспортников тихоокеанских стран. Было также решено организовать интернациональные клубы моряков в Гонконге, Манилле (Филиппины) и Батавии (Ява). Было выпущено воззвание о необходимости единения западно-европейского и колониального пролетариата.

Июнь 24. Забастовали женщины-работницы в 14 шелкопрядильных фабриках в Шанхае. В стачке приняло участие 14 тыс. человек. Основным требованием было повышение заработной платы, уменьшение рабочего дня. Стачка окончилась в пользу рабочих.

Июнь 17—июль 8. V Конгресс Коминтерна решил вновь сделать попытку установить единство мирового профессионального движения.

Июль 6. Состоялся IV Конгресс Амстердамского Интернационала, на котором обсуждался вопрос о единстве профдвижения. Была принята резолюция, рекомендующая русским профсоюзам вступить в Амстердамский Интернационал.

Июль 8—24. В Москве состоялся III Конгресс Профинтерна. В центре его работ был вопрос о единстве профессионального движения. Было решено выставить лозунг созыва международного конгресса всех профессиональных организаций для слияния обоих Интернационалов в единый Интернационал профессионального движения.

Август 15. Прусским правительством во главе с социал-демократом Эверингом распущена Всегерманская исполнительная комиссия фабзавкомов.

Август 15—17. В Оксфорде (Англия) состоялся II Международный Конгресс по рабочему просвещению. Участвовали представители рабочих культурно-просветительных организаций, руководимых реформистами. Было решено организовать Интернационал по рабочему просвещению.

Август. В Лондоне состоялась конференция представителей революционного меньшинства британского профессионального движения. На ней присутствовало 270 делегатов от 200 тыс. рабочих. Конференция приняла программу, основным пунктом которой является организация рабочих для свержения капитализма и тесная связь с Профинтерном.

Революционное меньшинство британских профсоюзов из года в год все более усиливало свое влияние. На Борнемутском конгрессе тред-юнионов (1925 год) меньшинство об'единяло около 800.000 рабочих.

Август. В Италии, в провинции Тоскано, забастовали шахтеры. Стачку поддерживали фашистские корпорации.

Ноябрь 2. Состоялся с'езд революционных фабзавкомов Рейнской Вестфалии (Германия). Была принята резолюция о борьбе против плана Дауэса, о борьбе за единство профдвижения и о повышении зарплаты.

Ноябрь 11. Прибытие в Москву делегации английских тред-юнионов для участия в VI С'езде Профсоюзов СССР.

Ноябрь. Прибывшая на VI С'езд Профсоюзов английская делегация во главе с Перселем заключила с ВЦСПС принципиальное соглашение об образовании (после соответствующих переговоров с английскими союзами) Англо-Русского Комитета для борьбы за единство международного профдвижения.

Декабрь 2. В Копенгагене состоялась конференция профессиональных союзов скандинавских стран. Обсуждался вопрос о единстве профдвижения.

1925 год.

Февраль 5—7. Заседание Генерального совета Амстердамского Интернационала. Постановлено отказать ВЦСПС в созыве без предварительных условий конференции с участием русских профессиональных союзов.

Февраль 16. Желая добиться понижения зарплаты, в Дании предприниматели об'явили локаут рабочим (100 тыс. человек). В знак сочувствия к уволенным забастовали рабочие других отраслей промышленности. Забастовка и локаут охватили до 250 тыс. рабочих. В конце марта забастовка прекратилась после прекращения предпринимателями локаута.

Февраль 21. В Турции начались работы Великого Рабочего Конгресса, созванного Ассоциацией рабочих Турции; присутствовали делегаты от 30 рабочих и профессиональных организаций.

Февраль 27. В Англии состоялась конференция профсоветов, собравшаяся совместно с представителями Генерального Совета тред-юнионов; конференция высказалась за необходимость организации Англо-Русского Комитета.

Февраль. В связи с увольнением 40 человек на фабрике Начай-Вата-Кейса в Шанхае (Китай) забастовали рабочие этой фабрики; к стачке присоединились рабочие других текстильных предприятий.

В первые же дни число бастующих достигло 40 тыс. человек. Позже к стачке присоединились рабочие и других производств. В первые дни забастовки требования стачечников были чисто экономические: 8-часовой рабочий день, минимум заработной платы, социальное страхование и упразднение системы избиений, практиковавшейся на многих заводах.

Стачка была подавлена вооруженной силой иностранцев.

Март 14. Началась всеобщая стачка металлистов в Ломбардии, Турине, Пьемонте, Венеции (Италия). Стачка началась стихийно и была возглавлена фашистскими профсоюзами. Стачка закончилась 24 марта соглашением с предпринимателями, увеличившими зарплату рабочим.

Март. В Амстердаме (Голландия) состоялся II Конгресс анархо-синдикалистского Интернационала.

К этому времени Интернационал об'единял около 200 тыс. человек.

Март 31 — апрель 29. В Польше бастовали батраки 40 уездов. Требования о повышении зарплаты удовлетворены не были.

Апрель 6 — 9. В Лондоне (Англия) состоялась конференция представителей русских профсоюзов и английских тред-юнионов. Конференция от имени 11 милл. рабочих Англии и СССР выпустила декларацию с призывом к международному об'единению профессиональных союзов и постановила создать Об'единенный Совещательный Комитет профдвижения Великобритании и СССР (Англо-Русский Комитет).

Апрель 9 — 10. В Софии (Болгария) состоялась конференция профсоюзов балканских государств. Присутствовали представители профорганизаций Болгарии, Греции, Румынии, Югославии. Конференция была созвана Амстердамским Интернационалом с целью укрепления его влияния на Балканах. Большинство участников конференции были реформистами. По вопросу о единстве мирового профессионального движения была принята резолюция, предлагающая всем желающим осуществления единства вступить в Амстердамский Интернационал.

Апрель 12. Прибытие в Москву шведской делегации союзов связи.

Апрель 28. В Индии забастовало 40 тыс. железнодорожников, требовавших признания профсоюза. Требование было удовлетворено.

Апрель 30. Пленум ВЦСПС шестого созыва. Избрание представителей в Англо-Русский Комитет.

Май 1. В Кантоне открылся II Всекитайский с'езд профсоюзов, единогласно решивший присоединиться к Красному Профинтерну. Был избран Общекитайский совет профессиональных союзов.

Май 29. В Японии состоялась конференция левых профессиональных союзов, исключенных из реформистской федерации труда. Было решено организовать левое об'единение профсоюзов.

Май 30. Демонстрация рабочих и студентов в Шанхае в знак протеста против расстрела в Цин-Дао. На демонстрацию напали вооруженные отряды иностранных войск. Несколько тысяч убитых и раненых.

Май. С требованием немедленного увода введенных в город военных отрядов забастовали рабочие Цин-Дао (Китай). Во время стачки японские отряды стреляли из пулеметов в мирные колонны демонстрантов.

Июнь 2. Шанхайский Совет профсоюзов об'явил политическую забастовку протеста в связи с расстрелом рабочих и студентов в Цин-Дао и Шанхае. Бастовали также в Ханькоу, Кантоне и других промышленных центрах Китая. В Шанхае стачка продолжалась около двух месяцев. В первые дни бастовало около 280 тыс. рабочих.

Июль 22. Прибытие в Москву германской и шведской рабочих делегаций.

Июль. В Париже состоялся беспартийный рабочий конгресс. Присутствовало 240 делегатов от 1.200.000 рабочих. Была вынесена резолюция протеста против ведения войны в Марокко.

Июль — октябрь. Посещение Китая и Японии делегацией ВЦСПС.

Август 30 — 31. Во Франции состоялась конференция единства, созванная Унитарной Всеобщей Конфедерацией Труда. Присутствовали 50 делегатов от У. В. К. Т., 16 делегатов от 21 реформистского союза и 45 от автономных союзов. Была принята резолюция о необходимости единства профдвижения на основе классовой борьбы и организационной самостоятельности.

Сентябрь 16 — 18. В Люцерне (Швейцария) состоялся III Конгресс Международной конфедерации христианских профсоюзов. На Конгрессе присутствовало 159 делегатов, представители стран: Австрии, Бельгии, Германии, Голландии, Италии, Люксембурга, Франции, Чехо-Словакии и Швейцарии.

К этому времени христианские союзы об'единяли около 2 милл. человек.

Сентябрь 17. Первое заседание Англо-Русского Комитета в Лондоне.

Сентябрь. Конгресс тред-юнионов в Скарборо (Англия) одобрил всю деятельность Генерального Совета, направленную на восстановление единства мирового профдвижения. Генеральный Совет получил директивы и впредь вести борьбу за единство профдвижения.

Сентябрь 1925 — февраль 1926 г. Забастовка шахтеров антрацитных копей Северо-Американских Соединенных Штатов. Стачка была сорвана руководителем союза Люисом, заключившим с предпринимателями соглашение на невыгодных для рабочих условиях.

1926 год.

Январь 23 — 24. В Готтенборге (Швеция) состоялась конференция единства, созванная союзом рабочих металлистов. Участвовало 163 делегата от 80 тыс. членов и 250 профессиональных союзов. Было вынесено решение о вовлечении всех рабочих в профессиональные союзы и установлении единства профдвижения в национальном и международном масштабе.

Апрель 1. В Париже забастовало 100 тыс. рабочих, требуя повышения заработной платы. Стачка протекала под руководством унитарного профсоюза.

Апрель 4. В Италии издан закон, по которому только юридически признанные союзы имеют право защищать интересы рабочих (заключать коллективные договоры, устраивать забастовки). Союзы, существующие де-факто, имеют право вести только культурно-просветительную работу, оказывать юридическую и материальную помощь рабочим.

Юридически признанными союзами в Италии считаются только фашистские корпорации.

Апрель 29. Обращение ВЦСПС к Амстердамскому Интернационалу, Международному Кооперативному Союзу и Генеральному совету английских тред-юнионов по вопросу об оказании помощи английским горнякам.

Май 1. Забастовали углекопы в Англии: (1.100.000 человек). В знак солидарности по призыву Генерального Совета 4 мая бросило работу до 2½ млн. рабочих (железнодорожников, водников, транспортников и печатников). 5 мая к забастовке присоединились машиностроители. Стихийно забастовали рабочие и ряда других профессий. Стачка стала всеобщей и из чисто экономической она перешла в политическую. Происходили столкновения с войсками. Генеральный Совет испугался размаха движения и пошел на уступки. Углекопы продолжали бастовать еще несколько месяцев, но лишенные всякой поддержки, кроме помощи профсоюзов СССР, они были вынуждены капитулировать.

Май 1. В Кантоне открылась III Общекитайская Конференция профсоюзов. Присутствовало 502 делегата от 1.241.245 человек рабочих.

Май 5. Постановление ВЦСПС об отчислении членами профсоюзов одной четверти дневного заработка в пользу бастующих рабочих Англии.

Май 7. Перевод ВЦСПС 200.000 рублей бастующим рабочим Англии.

Май 10. Постановление Президиума ВЦСПС, в связи с возвращением из Англии не принятых Генсоветом сумм, о продолжении сборов в пользу английских углекопов и о создании из созданных сумм фонда помощи английским углекопам.

Май 15. Призыв Коминтерна и Профинтерна к рабочим всех стран о помощи бастующим горнякам Англии.

Июнь 8. Президиум ВЦСПС опубликовал декларацию по поводу всеобщей забастовки в Англии, в которой указывается, что поражение стачки есть результат предательской политики правых вождей Генерального Совета и капитуляции перед ними левых (Персель, Хикс и др.).

Июнь 15—16. В г. Эссене (Германия) состоялась международная конференция горнорабочих. Прибыли представители 8 стран: СССР — союза горнорабочих; Франции — Унитарной федерации горнорабочих; Бельгии — Федерации рыцарей труда; Чехо-Словакии — секции горняков межнационального профсоюза; Голландии — революционного союза

горняков; Англии — движения меньшинства горняков; Германии и Польши — революционного меньшинства горняков. Основным вопросом конференции была английская стачка горнорабочих. Постановлено: 1) добиваться установления отчисления ¼ дневного заработка рабочих всех стран в пользу бастующих; 2) произвести международные митинги помощи горнякам; 3) призвать горняков и транспортников всех стран к поддержке бастующих путем прекращения добычи и перевозки угля.

Июнь 30. В Италии фашистским правительством отменен 8-часовой рабочий день и введен 9-часовой.

Июль 7. В Англии введен закон об удлинении рабочего дня в угольной промышленности до 8 часов.

Июль 7. Обращение конференции английских и русских горняков в Берлине к международному пролетариату с призывом о поддержке английской забастовки.

Июль 30—31. Заседание Англо-Русского Комитета в Париже. Отказ английских делегатов обсуждать вопрос о помощи английским горнякам.

Август 9. Во Франции под руководством Унитарной федерации была об'явлена стачка горняков в знак солидарности с бастующими английскими рабочими.

Август 31. Постановление ВЦСПС об 1% отчислении с зарплаты в помощь английским горнякам на все время забастовки.

Ноябрь 7. Состоялась конференция групп единства в Бельгии.

Ноябрь. В Японии состоялся конгресс реформистской федерации труда, на котором произошел новый раскол: отделились центристские профсоюзы. Они создали новое об'единение «Лигу японских профсоюзов».

Декабрь 2. Состоялся общегерманский конгресс безработных, который постановил требовать от А. Д. Г. Б. доступ неорганизованных в профсоюзы, а также признал необходимым ведение борьбы против капиталистической рационализации и за 8-часовой рабочий день.

Декабрь 10. В Текки (Япония) состоялся учредительный с'езд Лиги единства. Цель Лиги осуществить всеобщее об'единение профсоюзов и организовать их по производственному принципу. Лига создана по инициативе левого об'единения профсоюзов.

1927 год.

Январь. В Италии реформистскими лидерами была распущена Всеобщая Конфедерация Труда под предлогом невозможности ведения борьбы в существующих условиях.

16 февраля большинство лидеров подписало декларацию, признающую фашистские профсоюзы.

Февраль 19—27. Всеобщая забастовка в Шанхае. Главная цель стачки: поддержка кантонской армии в ее борьбе с империалистами. Одновременно был выставлен ряд экономических требований. В забастовке приняло участие 180 тыс. человек.

Февраль 20. В Италии происходила нелегальная профсоюзная конференция, признавшая незаконным роспуск конфедерации и решившая вновь ее создать, но уже на новых началах — путем перенесения деятельности низовых союзных организаций на предприятия. Была избрана временная директория.

Март 12. В Индии состоялся VII Всеиндийский конгресс профсоюзов. Была принята резолюция о необходимости единства профдвижения.

Март 19 — 24. Шанхайский Совет профессиональных союзов об'явил всеобщую забастовку с целью поддержки революционных войск в захвате Шанхая. Стачка перешла в вооруженное восстание, в результате которой власть была захвачена рабочими.

Март 31. Обращение ВЦСПС к Шанхайскому Совету профсоюзов по поводу Нанкинской бойни. Перевод ВЦСПС 100.000 руб. на нужды пострадавших рабочих.

Апрель 12. Генеральным Советом в Англии был создан Комитет защиты прав профсоюзов с целью ведения пропаганды против внесенного в парламент реакционного закона о профсоюзах.

Май 20 — 26. В Ханькоу (Китай) состоялась конференция профсоюзов тихоокеанских стран, на которую прибыли представители Китая (15), Японии (6), Кореи (1), Явы (2), Англии (1), Франции (1), Соединенных Штатов (2) и делегация ВЦСПС (5) во главе с генеральным секретарем Лозовским. Было принято решение о поддержке китайской революции и о борьбе с опасностью войны в бассейне Тихого океана. Выработана программа экономических требований рабочих (введение 8-часового рабочего дня, предоставление еженедельного отдыха, отмена наказаний и штрафов). Был избран секретариат из 10 человек для организации постоянной связи тихоокеанских профсоюзов.

Июнь 28. Пленум ВЦСПС обратился к рабочим СССР и Англии с критической оценкой поведения Генерального Совета, но вместе с тем подчеркнул, что профессиональные союзы России будут продолжать вести борьбу за единство профессионального движения.

Август 1. Открылся IV Конгресс Амстердамского Интернационала.

Сентябрь 2. Обращение ВЦСПС к Эдинбургскому Конгрессу тред-юнионов по поводу срыва вождями английских тред-юнионов работ Англо-Русского Комитета.

Сентябрь 8. В Эдинбурге (Англия) открылся 59 конгресс английских тред-юнионов. Этот конгресс, в частности, постановил утвердить решение Генерального Совета о прекращении деятельности Англо-Русского Комитета.

Сентябрь 12. Воззвание ВЦСПС ко всем рабочим Англии и СССР по поводу срыва Англо-Русского Комитета.

Ноябрь 10 — 12. Конгресс друзей СССР, собравшийся по инициативе рабочих делегаций, приехавших в СССР в связи с 10-летием Октябрьской революции. Конгресс принял резолюцию о поддержке Советской России и китайской революции.

Содержание VI книги.

Международное профессиональное движение.

(1918—1927).

Стр.

Профессиональным союзам всего мира! Обращение Президиума ВЦСПС, март 1918 г. 7

Первое мая 1918 г. Статья в «Проф. Вестнике», № 5—6 (13—14), 20 апреля 1918 г. 10

Амстердамская конференция профессиональных союзов. Статья в «Профессиональном Движении», № 24, 15 августа 1919 г. 14

Приветствие Челябинскому добровольческому отряду. Речь на заседании Пленума ВЦСПС совместно с английской делегацией 10 июня 1920 г. 19

Интернационал Красных Профессиональных Союзов. Речь на II Всероссийской конференции химиков 24 августа 1920 г. . 22

Задачи Международного Совета Профессиональных Союзов. Доклад на II Всероссийском с'езде работников просвещения 30 августа 1920 г. 25

Амстердамский Интернационал и наши задачи. Статья, напечатанная в «Вестнике Труда», № 1, 1920 г., под названием «Наши задачи в международном профессиональном движении». . 39

Наша международная политика. Доклад на заседании фракции ВЦСПС 16 октября 1920 г. 52

Борьба с Амстердамским Интернационалом. Речь на II С'езде рабочих местного транспорта 18 октября 1920 г. 74

Тактика Международного Совета Профессиональных Союзов. Доклад на V Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов, ноябрь 1920 г. 90

Мы и они. Статья в «Международном Рабочем Движении», № 1, январь 1921 г. 99

Международное положение и наши задачи. Доклад на IV Всероссийском с'езде союза пищевиков 9 сентября 1922 г. 109

Единый рабочий фронт. Речь на собрании, посвященном 5-летию Московского союза химиков 28 января 1923 г. 121

Перспективы германской революции. Доклад на собрании рабочих Рязанского трамвайного парка 31 октября 1923 г. 125

Англо-Советский договор. Речь на приеме русских делегатов в ресторане Гатти, в Лондоне 14 мая 1924 г. 138

Стр.

К единству международного профессионального движения. Речь на III Всемирном Конгрессе Профинтерна 19 июля 1924 г. . 148
Единый рабочий Интернационал. Речь на заседании Гулльского конгресса тред-юнионов 4 сентября 1924 г. 162
Международное и внутреннее положение Советской республики. Доклад на V Московском губернском с'езде металлистов 24 октября 1924 г. 171
Ответ на выступления английских делегатов на VI С'езде Профессиональных Союзов СССР. 197
Наша переписка с Амстердамом. Речь на заседании Ленинградского ГСПС 12 декабря 1924 г. 201
Кто победил? Статья в газете «Труд», № 43, 21 февраля 1925 г. . 210
Положение международного рабочего движения. Доклад на Англо-Русской конференции в Лондоне 6 апреля 1925 г. . 215
Первомайские лозунги 1925 года. Статья в первомайском номере газеты «Труд» (1925 г., № 98) и «Сендей Уоркер» (английская рабочая воскресная газета). 231
Итоги Англо-Русской конференции. Доклад на Московской конференции фабзавкомов и правлений союзов 3 мая 1925 г. . 233
Приветствие «Тред-Юнион Юнити». Статья в журнале «Тред-Юнион Юнити» в мае 1925 г. 266
Год борьбы за единство международного профдвижения. Речь на конгрессе тред-юнионов в Скарборо 9 сентября 1925 г. . . 268
Конгресс английских тред-юнионов в Скарборо. Доклад на пленуме МГСПС 14 октября 1925 г. 278
Приветствие австрийской рабочей делегации. Речь на заседании III Пленума ВЦСПС 6 февраля 1926 г. 295
Задачи коммунистов в профессиональном движении. Речь на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 г. . 298
Английская забастовка началась! Сообщение об английской забастовке на Президиуме ВЦСПС 5 мая 1926 г. 319
Значение и уроки английской всеобщей стачки. Доклад на IV Пленуме ВЦСПС 7 июня 1926 г. 321
Наши взгляды на важнейшие вопросы международного рабочего движения. Речь на совместном заседании Президиумов ВЦСПС и МГСПС и германской делегации 11 августа 1926 г. 346
Ответ на выступление тов. Лэнсбери. Речь на заседании Президиума ВЦСПС 25 августа 1926 г. 367
Ответ на выступления тт. Гетчинсона и Арнота. Речь на заседании Президиума ВЦСПС 25 августа 1926 г. 369
Заседание Англо-Русского Комитета в Берлине. Выступление на Пленуме ВЦСПС 31 августа 1926 г. 372
Отказ в визе на в'езд в Англию. Беседа с представителями печати, опубликованная в «Труде» и «Правде» 5 сентября 1926 г. . 376
Английская стачка и задачи международного рабочего движения. Доклад на расширенном пленуме МГСПС 8 сентября 1926 г. 381

Стр.

Новый британский закон о профсоюзах. (Интервью). Беседа с представителями печати 7 мая 1927 г. 415
Угроза войны и задачи рабочего класса. Речь на заседании пленума Ленинградского Совета РК и КД 11 июня 1927 г. . . . 420
Международное положение и Англо-Русский Комитет. Доклад на внеочередном Пленуме ВЦСПС 28 июня 1927 г. 446
Угроза войны и единство мирового профдвижения. Речь на заседании Президиума ВЦСПС совместно с иностранными делегациями 6 ноября 1927 г. 467
Борьба с опасностью войны и международное рабочее движение. Доклад на Конгрессе Друзей СССР 12 ноября 1927 г. . . 486

Приложения.

Примечания 507
Документы 738
Указатели 763

Иллюстрации.

Совещание представителей профсоюзов Великобритании, Италии и Советской России по вопросу об организации революционного Интернационала профсоюзов 16 июня 1920 г. в Москве, в Круглом зале Дома Союзов. 32 — 33
Делегация ВЦСПС в Англию на заседании пленума Петроградского Совета Профсоюзов (1920 г.). . . . . 64 — 65
I Конгресс Профинтерна в Москве, в Колонном зале Дома Союзов 3 — 19 июля 1921 г. . . . . 112 — 113
Международный антивоенный конгресс, созванный Бюро Амстердамского Интернационала 15 — 16 ноября 1921 г. . 128 — 129
Дипломатическая делегация Советского правительства, ездившая в апреле 1924 г. в Англию для переговоров с правительством Макдональда. . . . . 144 — 145
Делегация Конгресса Британских Тред-Юнионов, прибывшая в СССР 10 ноября 1924 г., у мавзолея В. И. Ленина. 208 — 209
Английская женская делегация во главе с тов. Мэри Квейл в столовой завода АМО (май 1925 г.). . . . . 256 — 257
Делегация профсоюзов СССР в Японии (Токио) в октябре 1925 г. . . . . 288 — 289
Первая чехо-словацкая делегация, пробывшая в СССР с 30 октября по 10 ноября 1925 г., на Златоустинском заводе (Урал). . . . . 304 — 305
Заседание Англо-Русского Комитета в Берлине в декабре 1925 г. . . . . 320 — 321
Группа членов Президиума VII Всесоюзного С'езда Профсоюзов (6 — 18 декабря 1926 г.) с иностранными делегатами. . . . . 416 — 417

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ.

В основном тексте настоящей книги в ссылках на примечания должны быть внесены некоторые поправки.

1) Должны быть изменены номера отдельных примечаний:

Стр.	Вместо ссылки на примечание №	Должна быть ссылка на примечание №
42	10	16
43	20	29
47	15	23
48	34	24
116	129	131
118	130	132
175	120	275
229	111	178
268	288	228
276	25	251
284	248	249
285	49	94
331	258	259
331	280	278
338	285	284
353	293	292
378	232	235
379	80	180
391	67	167
393	276	273
413	309	307
469	288	294
492	209	259
496	248	348

2) Не должно быть вообще ссылок на примечания:

8 на странице 15
117 „ „ 190
220 „ „ 262
284 „ „ 338
306 „ „ 369
280 „ „ 369
530 „ „ 435
313 „ „ 468

На странице 345, стр. 2 сверху, вместо слова «горняков» следует читать «водников».

5p.